

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

І Ю Л Ь.

1888 годъ.

## СОДЪРЖАНІЕ.

I. Откуда родомъ была святая великая княгиня русская Ольга? Сообщ. архимандр. Леонидъ. 215	VII. Михаилъ Ириилловичъ Бобровскій. Историко-биографическій очеркъ. 1784—1848 89
II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морскаго министра. Гл. XI. Сообщ. Л. М. Чичаговъ. 1	VIII. Василій Трофимовичъ Нартъинный. Историко-биографическое изслѣдованіе. Очеркъ второй. Состав. Н. Бѣлозерская. 117
III. Марія Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской. Сообщ. Н. А. Трахтмовскій. 25	IX. Бой подъ Зивинюмъ въ Азіатской Турціи, 13 іюня 1877 г. Сообщ. А. М. Войновъ. 149
IV. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 49	X. Владиміръ Александровичъ Черняскій, какъ устроитель Болгаріи. Сообщ. Д. Г. Анучинъ. 179
V. Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому, 1847 г. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 47	XI. Изъ воспоминаній полковника Мевіуса о горномъ корпусѣ 1812 г. Сообщ. П. Дева. 22
VI. Записки Д. М. Ростиславова, профессора спб. духовной академіи. Гл. XXIII 63	XII. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Рисоваль профессоръ Ѳ. Г. Солдцевъ, гравиров. художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.



VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1888 г.

Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Von Georg Fried. Knapp. Leipz. 1887.

Это двухтомное сочинение стразбургскаго профессора Кнаппа представляет исторію освобожденія крестьянъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи—Помераніи, Пруссіи, Бранденбургъ, Силезіи и отчасти въ Познаніи. Первый томъ заключаетъ въ себѣ ясное и сжатое изложеніе исторіи освобожденія крестьянъ, второй и конецъ перваго заняты доселѣ неизданными матеріалами, на основаніи которыхъ главнымъ образомъ и составилъ авторъ свой почтенный трудъ. Въ началѣ его онъ представляетъ сжатую, но ясную характеристику фактическаго положенія крестьянъ, преимущественно въ XVIII вѣкѣ, затѣмъ слѣдуетъ изложеніе мѣръ для устройства быта крестьянъ въ доменахъ и, наконецъ, большая часть труда посвящена исторіи постепеннаго освобожденія крестьянъ, живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Авторъ не ставитъ себѣ задачей исторію крестьянскаго вопроса во всемъ его объемѣ: онъ почти не касается отношенія къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права представителей тогдашней науки и литературы, лишь впродолженіи упоминаетъ о народныхъ волненіяхъ, — его трудъ преимущественно, почти исключительно, представляетъ исторію правительственныхъ мѣръ для освобожденія крестьянъ, но эта задача исполнена прекрасно. Русскіе современныя изслѣдователи приучили насъ къ болѣе широкой постановкѣ этого предмета, такъ, напр., мы имѣемъ весьма талантливыи трудъ прое. Карѣева о крестьянскомъ вопросѣ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.; трудъ прое. Кнаппа не можетъ выдержать сравненія съ этимъ послѣднимъ сочиненіемъ ни по широтѣ задачи, ни по живости изложенія, но онъ прекрасно знакомитъ насъ съ ходомъ законодательства относительно освобожденія крестьянъ, а также указываетъ и на дѣйствительныя послѣдствія правительственныхъ мѣръ и между прочимъ на постепенное развитіе класса безземельныхъ работниковъ. Эта послѣдняя сторона изслѣдованія представляетъ большую заслугу автора, который, во всякомъ случаѣ, подарилъ западно-европейскую литературу однимъ изъ лучшихъ

трудовъ по избранному имъ предмету. Для русскихъ изслѣдователей эта книга можетъ дать интересный матеріалъ для сравненія хода крестьянскаго вопроса въ Россіи и Германіи.

Въ русской литературѣ еще 30 лѣтъ тому назадъ появился весьма интересный трудъ Ю. Ф. Самарина объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи (напечатанъ въ 1858 г. въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», приложеніи къ «Русской Бесѣдѣ»; перепечатанъ во II томѣ сочиненій Самарина). Не смотря на то, что онъ составленъ исключительно по печатнымъ источникамъ и пособіямъ, онъ не утратилъ своего значенія для русскихъ читателей и послѣ труда прое. Кнаппа, такъ какъ хорошее знакомство автора съ крестьянскимъ дѣломъ въ Россіи даетъ ему возможность отчетливо указывать на характерныя особенности нѣмецкаго поземельнаго строя сравнительно съ русскимъ. Для лицъ, интересующихся исторіею крестьянскаго вопроса въ Германіи и незнакомыхъ съ трудомъ Самарина, мы посоветуемъ прочесть его ранѣе труда Кнаппа, такъ какъ это весьма облегчитъ правильное пониманіе послѣдняго сочиненія.

Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ. А. Уманскаго. Сиб., 1888 г., 167 стр. Ц. 1 р.

Эта интересная книга составилась изъ статей, печатавшихся въ сибирскихъ газетахъ; авторъ ея имѣлъ въ виду представить «описаніе енисейской золотопромышленности, бытовыхъ и техническихъ условій ея, а также и самой мѣстности, въ которой производится работы». Наименѣе интересную часть книги составляетъ описаніе «золотаго города», т. е. Енисейска; въ послѣднемъ отдѣлѣ книги «Наприскѣ» мы находимъ описаніе впечатлительнаго автора, имѣвшаго возможность путемъ личныхъ наблюденій познакомиться съ бытомъ присковскихъ рабочихъ. Статья «Енисейская тайга и ея россыпи» сообщаетъ свѣдѣнія о климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ мѣстной золотопромышленности, а также и нѣкоторыя, къ сожалѣнію весьма немногія, историческія данныя. Но всего интереснѣе центральная часть книги, гдѣ авторъ говоритъ о напистахъ и арендаторахъ, о сибирскихъ рабочихъ, социальныхъ отношеніяхъ въ

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

---

1888 г.

ИЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
1888.



Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга  
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

# АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

## „РУССКАЯ СТАРИНА“

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850  
лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—  
Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867—1888.

Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ».

Приводимъ перечень лицъ, собственноручныя автобіографическія и имѣя замѣтки которыхъ вошли въ Альбомъ М. И. Семевскаго, ред.-изд. журнала „Русская Старина“.

Агреньевъ-Славянскій, Д. А.—Агранниъ, А. И.—Адлербергъ, графъ А. В.—  
Айвазовскій, И. К.—Алабинъ, П. В.—Алексѣевъ, В. М.—Алексѣевъ, Г. П.—  
Альбертини, Н. В.—Андреевскій, И. Е.—Андреевъ, Е. Н.—Андреевъ,  
П. П.—Анисимова, Е. Ю.—Анисимовъ, П. Т.—Аничковъ, Н. М.—Аноповъ  
И. А.—Апраксинъ, графъ, С. А.—Арапетовъ, И. П.—Аргамасовъ, К. Ф.—  
Аристовъ, В. П.—Арцимовичъ, А. А.—Арцимовичъ, В. А.—Астафьевъ,  
Н. А.—Ахматова, Е. П.—Афанасьевъ-Чужбинскій, А. С.—Багговуть, К. Ф.—  
Баженовъ, Н. А.—Вазилевскій, М. Н.—Вазуновъ, А. Ф.—Балашевъ, В. С.—  
Балакиревъ М. А.—Банги, К.—Барановскій, Е. И.—Барсовъ, Е. В.—Бар-  
совъ, А. Ф.—Барсуковъ, А. П.—Барсуковъ, Н. П.—Бартевевъ, П. И.—  
Барць, И. М.—Барятинскій, князь В. И.—Батюшковъ, П. Н.—Бекетовъ,  
А. Н.—Беккеръ, В. И.—Бенуа, Л. Н.—Бенуа, Н. Л.—Бергъ, Н. В.—Бергъ,  
Ф. Н.—Березинъ-Ширяевъ, Я. Ф.—Берже, А. П.—Берманъ, М. А.—Бернгардъ,  
Р. Б.—Берге, А. А.—Бертенсонъ, I. В.—Бертухъ, Ф.—Бессель, В. В.—Весту-  
жевъ, М. А.—Вестужевъ-Рюминъ, К. Н.—Бильбасовъ, В. А.—Бильдерлингъ,  
А. А.—Благовѣщенскій, Н. М.—Воборыкинъ, П. Д.—Бобринской, гр. А. А.—

Бобринской, графъ А. А.—Вобровский, П. О.—Вобровъ, В. А.—Богдановичъ, М. И.—Богдановскій, Е. И.—Богдановъ.—Боголюбовъ, А. Н.—Богушевскій, Н. К.—Боденштедтъ, Ф. И.—Божеяновъ, И. Н.—Болдыревъ, И. В.—Болотова, С.—Болотовъ, В. А.—Болтовская, В. И.—Бородинъ, Д. Н.—Боткинъ, М. П.—Брадке, М. Е.—Бранденбургъ, Н. Е.—Бриннеръ, А. Г.—Брожь, К. О.—Брянскій М. В.—Будаговъ, Л. З.—Бунге, Н. X.—Буриискій, Е. Ф.—Буткевичъ, С. И.—Бутовскій, Л. И.—Бухъ, К. А.—Бычковъ, А. Ф.—Бычковъ, И. А.—Бѣлозерская, Н. А.—Бюлеръ, баронъ Ф. А.—Бургеръ, А. И.—Вагановъ, Н. А.—Вагнеръ, Н. П.—Вадбольскій, князь С. П.—Валуевъ, графъ, П. А.—Вальронъ, П. П.—Вараксинъ, М. И.—Варгуинъ, К. А.—Варгуинъ, Н. А.—Васильчиковъ, А. А.—Васютинскій, В. П.—Ватсонъ, Э. К.—Веберъ, Георгъ.—Вейнбергъ, П. И.—Венгеровъ, С. А.—Венюковъ, М. И.—Верещагинъ, А. В.—Веригинъ, А. И.—Верманъ, баронесса А. В.—Вернеръ, Р.—Веселаго, Ф. Ф.—Веселовскій, А. Н.—Вессель, Н. X.—Вешняковъ, В. И.—Викторовъ, А. Е.—Виноградовъ, А. Н.—Висковатовъ, П. А.—Вишняковъ, В. И.—Власова, А. Г.—Власова, Н. А.—Власова, Н. Г.—Власовъ, Г. П.—Водениковъ, А. Д.—Водозова, Е. Н.—Воховозовъ, В. И.—Воеводскій, П. В.—Воейковъ, А. Н.—Волконскій, Н. А.—Волоцкой, А. А.—Волоцкой, Н. В.—Воробьевъ, Н.—Вороновъ, П. А.—Вороновъ, П. Н.—Воропоновъ, Ф.—Вревская, баронесса Е. Б.—Вунчъ, И. В.—Вульфъ, Н. С.—Вульфъ, А. Н.—Вышнеградскій, И. А.—Вязмитиновъ. Л.—Гагарина, княгиня Е. К.—Гаевскій, В. П.—Гайдебуровъ, Л. А.—Галаганъ, Г. П.—Галаховъ, А. Д.—Галаховъ, С. Г.—Гартманъ, В. А.—Гартъе, Э. К.—Гатцукъ, А. А.—Гейнсъ, А. К.—Гейнсъ, В. К.—Гейфельдеръ, О. Ф.—Геннадъ, Г. Н.—Георгиевскій, А. И.—Георгиевскій, Д. И.—Гербель, Н. В.—Герценъ, А. А.—Гецъ, баронъ П. П.—Гиллинъ, А.—Л.—Гильдебрандъ, П. А.—Гильфердингъ, А. Ф.—Гиппиусъ, В. И.—Гиппиусъ, Д. И.—Гирсъ, А. К.—Глазуновъ, И. И.—Глинка, В. С.—Глинка, Д. Б.—Глинка, М. И.—Глинка, Ю. Г.—Гогенфельденъ, Г.—Голенищевъ-Кутузовъ, графъ.—Гойнигенъ-Гюне, баронъ, А. Ф.—Голицынъ, князь К. К.—Голицынъ, князь Н. С.—Голицынъ, князь С. П.—Головачевъ, А. А.—Головинъ, В. И.—Головинъ, А. В.—Голохвастовъ, А. Д.—Гольмдорфъ, М. Г.—Гончаровъ, И. А.—Горбуновъ, И. Ф.—Горелинъ, Я. П.—Городецкій, М. И.—Градовскій, А. Д.—Градовскій, Г. К.—Гребенщиковъ, Я. А.—Гревеницъ, баронъ А. А.—Гречъ, Е. И.—Григоровичъ, Н. И.—Гриммъ, И. В.—Гриневичъ, М. И.—Гришинъ, Р. Н.—Гродековъ, Н. И.—Громовъ, И. Ф.—Гротъ, К. К.—Гротъ, Я. К.—Гудимъ-Левковичъ, С. Н.—Гуляевъ, С. И.—Гуревичъ, Я. Г.—Гурчинъ, В. В.—Дабига, князь В. Д.—Давыдовъ, В. Н.—Давыдовъ, В. Д.—Даниловичъ, Г. Г.—Даугель, А. И.—Дашковъ, П. Я.—Дворжицкая, О. Г.—Демминъ, А.—Демчинскій, Н. А.—Дестунисъ, Г. С.—Джемаль-Эдинъ-Гусейни, шейхъ.—Дмитриевъ, Н. Д.—Дмитриевъ, Ф. М.—Доброленскій, Ф. Л.—Докучаевъ, Т. В.—Долгоруковъ, князь В. А.—Домонтовичъ, И. И.—Домонтовичъ, К. И.—Домонтовичъ, М. А.—Доссъ, Н. Ф.—Драговичъ, Ж. П.—Драговичъ, М. П.—Дрожжинъ, С. Д.—Дроздовъ, И. И.—Друцкой-Соколинской, князь Д. В.—Дубельтъ, А.—Дубровинъ, Н. Ф.—Дурново, П. П.—Дуровъ, Н. П.—Духовецкой, А. А.—Духовской, С. М.—Елисеевъ, А. В.—Ельцина, З. Я.—Ермаковъ, Н. А.—Ермолова, М. Г.—Ермоловъ, В. А.—Есиповичъ, Я. Г.—Ефремовъ, П. А.—Жакларъ-Корвинъ, А. В.—Желиховская, В. П.—Жемчужниковъ, Александръ М.—Жемчужниковъ, Александръ М.—Жигмонъ, С. О.—Жижигленко, А. И.—Жмакинъ, В. И.—Жуковский, М. М.—Жуковский, Н. Н.—Жуковский, Павелъ Вас.—Жуковский, Петръ Влад.—Жуковский, С. М.—Забѣлло, П. П.—Загоскинъ, С. М.—Загряжскій, А. М.—Зайцовъ, Н. Г.—Замысловскій, Е. Е.—Заматинна, Е.—Заринъ, Е. Ф.—Зарубинъ, П. А.—Зарудный, С. И.—Званцовъ, К. И.—Здекауеръ, Н. Ф.—Зейдлицъ, фонъ, Ф. А.—Зеленой, И. А.—

Земцовъ, А. Е.—Зичи, М. А.—Златковский, М. Л.—Змѣевъ, Л. Ф.—Зноско-Боровскій, Н. А.—Золотовъ, В. А.—Зосимовичъ, Я. Л.—Зубова, баронесса Е. Б.—Зубовъ, А. П.—Зубовъ, П. А.—Иванова, О. И.—Ивановъ, Н. П.—Ивановъ, Н. Ф.—Иверсенъ, Ю. В.—Игнатій, архимандритъ.—Игнатъевъ, графъ А. П.—Игнатъевъ, графъ Н. П.—Измайлова, Т. П.—Измайловъ, П. А.—Иконниковъ, В. С.—Илинскій, П. А.—Иловайскій, Д. И.—Ильинъ, Н. П.—Индутный, Н. Т.—Иисарскій, В. А.—Иоаннъ, А. С.—Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, — К. Р. — Кавелинъ, К. Д. — Казина, А. Н.—Казначеевъ, А. Г.—Кайгородовъ, Д. Н.—Кайгородовъ, М. Н.—Калачовъ, Н. В.—Калининъ, И. М.—Калиновскій, В. Ф.—Каразинъ, Ф. В.—Каратыгинъ, П. А.—Каратыгинъ, П. П.—Карашевичъ, П. И.—Карновичъ, А.—Карновичъ, Е. П.—Карповъ, Г. Ф.—Карцовъ, П. П.—Кахановъ, М. С.—Кашинъ, Н. С.—Кехринъ, Н. Д.—Келеръ, И. П.—Кельсиевъ, В. И.—Кемпе, А. А.—Кеппенъ, П. Е.—Кёне, баронъ Б. В.—Кирпичевъ, Л. Л.—Кирѣевскій, С. И.—Киселевскій, И. П.—Китицынъ, П. А.—Кишескій, Ф. Н.—Климантовичъ, Д. Д.—Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ М. П.—Клюшниковъ, И. П.—Князевъ, А. С.—Князевъ, А. Ф.—Кобоко, Д. Ф.—Кожанчиковъ, Д. Е.—Козловъ, Н. И.—Кокшаровъ, Н. И.—Кокшаровъ, Н. Н.—Колзаковъ, К. П.—Колокольцовъ, Д. Г.—Колошинъ, Н. Н.—Колчинъ, М. А.—Комаровъ, А. В.—Комаровъ, В. В.—Компачъ, В.—Кони, А. Ф.—Корнбутъ-Кубитовичъ, М. П.—Коряиловъ, И. П.—Корниловъ, Ф. П.—Корсаковъ, Д. А.—Корфъ, баронъ К. Н.—Корфъ, графъ М. М.—Корфъ, баронъ Н. А.—Корфтъ, баронъ П. Л.—Корчакъ-Гречина, Е. Я.—Коршъ, В. Ф.—Косинская, Н.—Косинскій, баронъ М. О.—Костомаровъ, Н. И.—Козловичъ, М. О.—Краевскій, А. А.—Красницкій, И. Я.—Крейтанъ, В. П.—Кренице, В. Д.—Крестовскій, В. В.—Кривоносовъ, А. А.—Кроссъ, Г. Г.—Кругликовъ, С. Н.—Крузе, Н. Ф.—Кублицкій-Шоттухъ, Л. Ф.—Кузьминъ-Короваевъ, Г. П.—Куно-Фишеръ.—Куряева, П. Д.—Курисъ, И. С.—Курсаковъ, В. А.—Кусковъ, П. А.—Кустодіевъ, К. Л.—Кюне, Г. А.—Кюннеръ, В.—Лаврентъевъ, Л. И.—Лагорио, Л. Ф.—Ламанскій, В. И.—Ламанскій, Е. И.—Лангенау, Г. К.—Латкинъ, Н. В.—Лаубе, Н. И.—Лауренти, Ю. К.—Лацинскій, А. С.—Лебедевъ, В. А.—Лебединскій, В. Ф.—Левисъ, Ф. Ф.—Левницкій, К. В.—Левницкій, С. Л.—Ле-Давтэ, Е. Е.—Лейкинъ, Н. А.—Ленскій, Д.—Леонидовъ, Л. Л.—Леонтьевъ, В. Н.—Лермантовъ, И. Н.—Линдлей, В.—Линиченко, И. А.—Линовскій, Н. О.—Литвиновъ, Н. Н.—Лифшицъ, Г. Г.—Лихачевъ, В. И.—Добановъ-Ростовскій, кн. А. Б.—Добановъ, кн.—Донгинъ, М. Н.—Донгиновъ, П. К.—Дорухинъ-Демидовъ, кн. П. П.—Доранскій, А. М.—Дорисъ-Меликовъ, гр. М. Т.—Думевъ, А. М.—Львовъ, Ф. Ф.—Любимовъ, Г. М.—Любовидкій, Ю. В.—Любошницскій, М. Н.—Ляпуновъ, А. Я.—Ляинъ, В. С.—Маазъ, Р. К.—Мазировъ, Л. Е.—Майбахъ, К. А.—Майковъ, А. Н.—Майковъ, Л. Н.—Майновъ, В. Н.—Макаровъ, Н. П.—Маковскій, К. Е.—Максимовъ, С. В.—Макашевъ, А. И.—Малевичъ, Г. И.—Малисъ, Ю. Г.—Манассенинъ, В. А.—Маньянъ, И. П.—Маркграфскій, А. Н.—Маркевичъ, А. И.—Марковъ, Е. Д.—Марковъ, М. А.—Марковъ, П. А.—Маркусъ, В. М.—Мартиновъ, А. А.—Мартьяновъ, П. К.—Масляниковъ, К.—Матѣевскій, Н. П.—Матисемъ, Е. А.—Матэ, В. В.—Матюшинъ, И. И.—Мевесъ, Л. Т.—Межовъ, В. И.—Мейеръ, Ф. Е.—Мейчикъ, Д. М.—Мельниковъ, И. А.—Мельниковъ, П. И.—Мерхеръ, И. К.—Меренбергъ, графиня А.—Меренбергъ, графиня С.—Меренбергъ, графиня Н. А.—Мещерскій, А. И.—Мещерскій, князь В. П.—Мигѣшинъ, М. О.—Миллеръ, О. Ф.—Милорадовичъ, графъ Г. А.—Милуковъ, А. П.—Милютинъ, графъ Д. А.—Милютинъ, Ю. Н.—Мирковичъ, М. Ф.—Митковъ, М. П.—Михайловскій, В. Я.—Михайловъ, В. В.—Михайловъ, В. М.—Михайловъ, Д. С.—Михаловскій, Д. Л.—Михневичъ, В. О.—Модестовъ, В. И.—Мозеръ, Генрихъ.—Моллеръ, Н. С.—Молочниковъ, Н. К.—Монтевердо, П. А.—Мордвиновъ, С. А.—

Мордовцевъ, Д. Д.—Морозовъ, П. О.—Морошкинъ, М. Я.—Мосоловъ, А. Н.—Мохначевъ, А. Д.—Мулловъ, П. А.—Муленъ.—Муратовъ, Ф. Н.—Мурзакевичъ, Н. Н.—Мухановъ, А. С.—Мѣдниковъ, Ф. Н.—Мѣркинъ, Ф. А.—Мюсардъ, Н. И.—Мясоедовъ, П. А.—Направникъ, Э. Ф.—Невѣровъ, Я. М.—Нейманъ, Ю. Ф.—Неклюдовъ, С. М.—Некрасовъ, Н. А.—Непорожневъ, Н. И.—Несвѣтевичъ, А. А.—Неустровъ, А. Н.—Никитинъ, А. Н.—Никитинъ, В. Н.—Никитскій, А. И.—Николай, принцъ Нассау.—Никольскій В. В.—Новиковъ, И.—Новодворскій, А. О.—Нордманъ, Ф. Д.—Носовичъ, П. И.—Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна.—Оболенскій, князь Д. А.—Огородниковъ, П. И.—Огородниковъ, С. Ф.—Олеушинъ, А. М.—Опочининъ, В. Н.—Опочининъ, Н. Н.—Опочининъ, Ф. К.—Ореусъ, И. И.—Орловъ, А. П.—Орловъ, Г. А.—Орловъ, И. Н.—Орловъ, князь Н. А.—Орловъ, Н. М.—Осининъ, И. Т.—Островскій, А. Н.—Павловскій, И. Д.—Павловъ, А. С.—Палицынъ, С. М.—Панзевъ, В. А.—Пановъ, И.—Парвовъ, А. И.—Парландъ, А. А.—Пассекъ, В. В.—Пассекъ, Т. П.—Паульсонъ, I. Я.—Пелиссскій, К. Д.—Пель, А. В.—Пензанъ; А. С.—Перетцъ, Е. А.—Пестичъ, Ф. В.—Петри, Э. Ю.—Петрова, В. А.—Петровъ, А. Н.—Петровъ, Н. П.—Петровъ, П. Н.—Пизани, А. П.—Пироговъ, В. Н.—Платонова, Ю. Ф.—Плещеевъ, А. Н.—Погодинъ, М. П.—Погодинъ, А. Д.—Подолнскій, А. И.—Пожалостинъ, И. П.—Покровскій, Н. В.—Подивановъ, Д. Т.—Половскій, Л. А.—Полонскій, Я. П.—Полторацкій, С. Д.—Полѣновъ, Д. В.—Помяловскій, И. В.—Попова, А. Н.—Поповъ, А. Е.—Поповъ, А. А.—Поповъ, В. А.—Поповъ, В. П.—Поповъ, М. В.—Пороховщиковъ, А. А.—Порто, А. П.—Потановъ, Н. Г.—Потѣхинъ, А. А.—Потѣхинъ, П. А.—Прангъ, Г. В.—Преображенскій, П. А.—Пржевальскій, Н. М.—Пржецлавскій, О. А.—Прозоркевичъ, С. А.—Прокофьевъ, А. Е.—Протопоповъ, В. Г.—Прохоровъ, В. А.—Пузыревскій, А. Б.—Пузыревскій, И. А.—Путятинъ, князь П. А.—Пыпинъ, А. Н.—Пѣтуховъ, М. О.—Его Императорское Высочество князь Евгений Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейттенбергскій.—Раевскій, Н. И.—Разинъ, А. Е.—Раипъ, Е. К.—Ратнскій, Н. А.—Ратьковъ-Рожновъ, В. А.—Ратьковъ-Рожновъ, М. А.—Ратьковъ-Рожновъ, Н. А.—Рафальская, Е. Ф.—Рахау, И. К.—Рашевскій, И. Ф.—Рейманъ, И. И.—Рейнботъ, Ф. А.—Ремезовъ, И. С.—Реннекамфъ, К. К.—Рихордъ, Л. И.—Риттихъ, А. Ф.—Рихтеръ, Е. X.—Робаровскій, В. И.—Ровинскій, Д. А.—Рождественскій, С. Е.—Ровановъ, А. И.—Розенгоймъ, М. П.—Розенъ, баронъ А. Е.—Розенъ, баронъ В. Р.—Розингъ, Л. Н.—Романовскій, Д. И.—Романовъ, В. В.—Ростиславовъ, Н. И.—Ростовцевъ, Я. А.—Рубинштейнъ, А. Г.—Руммель, баронъ В. В.—Рыжовъ, А. И.—Рыкачевъ, М. А.—Рѣпинскій, Г. К.—Рѣпинъ, И. Е.—Рюльманъ, А. А.—Саввантовъ, П. И.—Савельевъ, А. И.—Савельевъ, А. Г.—Савитскій, В. С.—Савурской, А. А.—Садовниковъ, Д. Н.—Садовская, Е. М.—Садовскій, Б. Т.—Садовскія, Л. и В. Т.—Салиасъ, графиня Е. В.—Салтыковъ, М. Е.—Самаринъ, П. Ф.—Самойлова, Н. В.—Самойлова, О. А.—Самойловъ, В. В.—Сапъ-Галли, Ф. К.—Саранчевъ, Д. А.—Сатинъ, А. Д.—Свизевъ, И. И.—Сгибневъ, А. С.—Селivanовъ, И. В.—Семевская, А. Е.—Семевская, В. А.—Семевская, Е. М.—Семевскій, А. В.—Семевскій, А. И.—Семевскій, А. В.—Семевскій, В. А.—Семевскій, В. И.—Семевскій, М. И.—Семевскій, Н. И.—Семевскій, П. И.—Семеновъ, Д. Д.—Семеновъ, Н. П.—Семеновъ, П. П.—Сербиновичъ, К. С.—Сергѣевичъ, В. П.—Серебряковъ, А. А.—Сиверсъ, графъ Е. Е.—Сиверсъ, графъ Н. Е.—Сидоровъ, М. К.—Симоновъ, Л. Н.—Сивельняковъ, Н. П.—Синоскій, В. Д.—Скальковскій, А. А.—Скачковъ, Н. Н.—Скачковъ.—Скребицкій, А. П.—Славянскій, Д. А., (см. Агреньевъ).—Слатвинскій, М. Я.—Случескій, К. К.—Смирновъ, Е. К.—Смирновъ, И. К.—Собко, Н. П.—Соболевскій, С. А.—Соболевъ, Л. Н.—Соймоновъ, М. В.—Совоининъ, Н. А.—Соколовъ, А. П.—Соколовъ, Д. П.—Соколовъ, Н. И.—



Соколовъ, К. Я.—Соколовъ, П. П.—Соколовъ, П. П.—Сокологубъ, графъ В. А.—Солнцева, О. Г.—Соловьевъ, М. В.—Спасовичъ, В. Д.—Спаская, А. Л.—Сперанскій, А. И.—Срезневскій, И. И.—Стариковъ, М. В.—Старикій, Е. П.—Старковъ, Е. М.—Старчевскій, А. В.—Стасова, Н. В.—Стасовъ, В. В.—Стасюлевичъ, М. М.—Степановъ, В. П.—Степановъ, П. И.—Столянский, П. П.—Столятовъ, Н. Г.—Стоянинъ, В. Я.—Стояновскій, Н. И.—Страховъ, Н. П.—Стромилловъ, Н. С.—Струве, В. В.—Струве, О. В.—Струговщикова, А. Н.—Струковъ, Д. М.—Студенкинъ, Г. И.—Суздальцевъ, И. И.—Сухомлиновъ, М. И.—Сушинскій, П. П.—Съраковъ, Л. А.—Съченковъ, И. М.—Таганцевъ, Н. С.—Тарасовъ, И. Т.—Татариновъ, П. Е.—Татищевъ, графъ Н. И.—Таубе, баронъ Ф. Ф.—Тачаловъ, А. В.—Тенншевъ, князь В. Н.—Тимофеевъ, А. А.—Тимошукъ, В. В.—Тихомировъ, Н. И.—Тихонравовъ, Н. С.—Толстая, графиня А. И.—Толстой, графъ И. И.—Толстой, графъ Д. А.—Толстой, графъ Л. Н.—Толстой, Ю. В.—Толстой, О. М.—Трачевскій, А. С.—Трескина, Е. П.—Трироговъ, В. Г.—Трофимовъ, В. Д.—Трубецкая, княгиня Е. Э.—Труворовъ, А. Н.—Трусовъ, А. Н.—Трутовскій, Е.—Тульничеевъ, Е. И.—Тумановъ, А. Д.—Турбинъ, С. И.—Тургеневъ, И. С.—Туркестановъ, князь Н. Н.—Тышцевскій.—Тютчевъ, И. А.—Урусовъ, князь П. А.—Успенскій, П. И.—Утинъ, Е. И.—Ушинскій, К. Д.—Фигнеръ, Н. Н.—Филипповъ, М. А.—Философовъ, А. П.—Философовъ, В. Д.—Философовъ, Н. Н.—Фоненбергъ, Ф.—Фонъ-деръ-Бринкель, баронъ Л. Ф.—Фонъ-деръ-Ховенъ, Р. И.—Фредериксъ, П. А.—Фрей, В. (см. Гейксъ, В. К.).—Фрейгангъ, А. В.—Фридебургъ, Г. К.—Фуксъ, Э. Я.—Харламовъ, О. С.—Хвостова, А. А.—Хвостовъ.—Хмировъ, М. Д.—Хоруженковъ, И. Г.—Хрущовъ, И. П.—Царевскій, А. А.—Цыговъ, Е. И.—Цебрикова, М. К.—Цертелевъ, князь Д. Н.—Цимсенъ, А. В.—Циргъ, А. П.—Цукки, В.—Чагинъ, Н. И.—Чапцевъ, И. А.—Чапскій, графъ Э. К.—Чепелевскій, Н. И.—Черепановъ, С. И.—Черласовъ, П. А.—Чернавскій, И. А.—Черняевъ, М. Г.—Черняевъ, С. И.—Черухинъ, Н. И.—Чеховъ, В. Н.—Чичаговъ, Л. М.—Чичеринъ, А. К.—Чистовичъ, Я. А.—Чумиковъ, А. А.—Шахъева, Е. М.—Шахъевъ, Е. А.—Шафеевъ, И.—Шарлеманъ, А. I.—Шарховскій, О. О.—Шатиловъ, I. Н.—Шауманъ, Г. Н.—Шаховъ, В. В.—Шейнъ, П. В.—Шестакова, Л. И.—Шестаковъ, П. Д.—Шильдеръ, Н. К.—Шинновъ, Н. Н.—Шинкинъ, I. И.—Шинкинъ, Т. И.—Шмидтъ, О. И.—Шрейберъ, Н. Н.—Штендманъ, Г. О.—Шторкъ, Н. А.—Штрандманъ, Н. К.—Штукенбергъ, А. И.—Шубинскій, С. Н.—Шульцъ, В. К.—Шульцъ, П. А.—Шумахеръ, А. Д.—Шумахеръ, П. В.—Шумигорскій, Е. С.—Щелкинъ, Н. П.—Щербакъ, А. В.—Щербина, Н. О.—Щербининъ, М. П.—Щиглевъ, В. Р.—Щукнинъ, Н. С.—Щуруповъ, М. А.—Эбенштцъ, И.—Эвальдъ, А. В.—Эвальдъ, В. О.—Эвальдъ, Э. О.—Эвальдъ, О. О.—Эзовъ, Г. А.—Энгельманъ, И. Е.—Юзефовичъ, В. М.—Юргенсонъ, А. Я.—Языковъ, А. И.—Языковъ, М. А.—Якоби, Н. Б.—Якобій, В. И.—Якобій, В. Н.—Якобій, П. И.—Яковлевъ, Л. Я.—Яновскій, К. П.—Янсонъ, Ю. Э.—Ярославцевъ, А. К.—Яхонтовъ, А. Н.—Яедоровъ, В. М.—Яедоровъ, П. О.

1867 <sup>мартъ</sup> 1888.  
ж.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ  
СОДЕРЖАНІЯ  
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“  
изд. 1870—1884 гг.

Записки и воспоминанія.—Исслѣдованія и очерки.—Акты и матеріалы.—Церковь.—Словесность.—Искусства и искусства.

Съ приложеніемъ портретовъ русскихъ дѣтелей.

Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой.

Эта книга составлена Вѣрой Васильевной Тимошукъ и издана ред. «Русской Старины» въ 1885-мъ году, Спб., 8 д., стр. X + 282.

*Осталось этой книги къ 25 марту 1888 г. всего—399 экз.,* а такъ какъ—въ виду значительности издержекъ на ея изданіе—новое тисненіе ея не предвидится и будутъ выходить каждыя три года лишь прибавленія къ Росписи, то мы и позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ или цѣликомъ все изданіе «Русской Старины» съ 1870 года или большую часть годовъ этого изданія—своевременно озаботиться приобретеніемъ помянутой «Росписи», безъ которой весьма затруднительны справки въ этомъ громаднѣйшемъ собраніи матеріаловъ къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ,—2610 + 697 изслѣдованій, записокъ, мемуаровъ, воспоминаній и прочихъ статей, словомъ всего того, что составляетъ содержаніе «Русской Старины» за девятнадцать лѣтъ ея изданія (1870—1888).

☞ Все изданіе „Росписи содержанія „Русской Старины“ изд. 1870—1884 гг., Спб., 8 д., принадлежитъ магазину г. Цинзерлинга (Спб., Невскій проспектъ, д. № 46).

Первое прибавленіе  
къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“  
изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣтелей, гравированныхъ на мѣди и на деревѣ, выбранные изъ тѣхъ портретовъ, которые были приложены въ разныхъ годахъ «Русской Старины» и исполнены лучшими художниками.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» ОДИНЪ рубль  
съ пересылкою.

*Эта Роспись (т.-е. прибавленіе 1885—1887 гг.) напечатана  
въ 500 экз.*





РИСОВАЛЪ ПРОФЕССОРЪ В. Г. СОЛНЦЕВЪ.  
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ,  
САМОДЕРЖАВСТВОВАЛЪ СЪ 980 ПО 1015 Г



# ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морского министра.

## XI <sup>1)</sup>.

Шведская кампанія 1788 г.—Голландское сраженіе 6-го іюля 1788 г.—Переписка адмирала Грейга съ герцогомъ Зюдерманландскимъ.—Дальнѣйшіе планы Грейга.—Эскадра фонъ-Дезина въ Копенгагенѣ.—Смерть адмирала Грейга и его похороны.

Императрица, получивъ 20-го іюня свѣдѣніе, что шведскій король приказалъ нашему послу графу Разумовскому выѣхать изъ Стокгольма, тотчасъ написала адмиралу Грейгу слѣдующее письмо:

„Сейчасъ получила я извѣстіе, что король шведскій высылаетъ моего министра графа Разумовскаго изъ Стокгольма и, по прибытіи въ Финляндію, намѣренъ прислать прямо ко мнѣ отвѣтъ на сдѣланное министерству его внушеніе; въ уваженіи, что разрывъ близокъ, нужно, чтобы вы поспѣшили отправленіемъ вашимъ къ Ревелю. Эскадра адмирала Чичагова должна туда же слѣдовать и съ вами соединиться, и за болѣзною адмирала будетъ при ней контръ-адмиралъ. Приложите стараніе къ поспѣшнѣйшему отплытію и флота, и помянутой эскадры, а я не уволю дать вамъ дальнѣйшія повелѣнія“.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, май, стр. 221—252; іюнь, стр. 463—486; т. LI, августъ, стр. 247—270; сентябрь, стр. 487—518; т. LII, октябрь, стр. 25—44; и ноябрь, стр. 239—258; изд. 1887 г., т. LV, іюль, стр. 35—54; сентябрь, стр. 523—544; изд. 1888 г., т. LVIII, іюнь, стр. 535—561.

Какъ только адмиралъ Грейгъ могъ собрать весь свой флотъ, онъ покинулъ Кронштадтскій рейдъ и пошелъ на встрѣчу непріятелю, который занялъ позицію на уровнѣ острова Гогланда, въ самомъ широкомъ мѣстѣ Финскаго залива <sup>1)</sup>.

Когда адмиралъ Грейгъ его увидѣлъ (6-го іюля 1788 г.), онъ подалъ сигналъ къ атакѣ на англійскій манеръ, показывая одновременно примѣръ стремительнаго движенія на всѣхъ парусахъ. Первые корабли авангарда, приблизившись, тотчасъ вступили въ бой. Англичанинъ, капитанъ Эльфинстонъ, командовавшій 64-хъ пушечнымъ кораблемъ, настолько пострадалъ отъ преобладающаго огня непріятеля, сражаясь противъ шведскаго вице-адмиральскаго корабля, что въ продолженіе часа былъ почти выведенъ изъ строя, хотя и не желалъ покинуть битву. Капитаны Макаровъ <sup>2)</sup>, Карцовъ <sup>3)</sup>, Борисовъ, Татъ храбро атаковали и прекрасно дрались. Когда пришлось убрать изъ боевой линіи разбитый корабль Эльфинстона, то Карцовъ занялъ его мѣсто, но вскорѣ и его постигла та-же участь. Наконецъ, явился (на мѣсто Карцова) на своемъ трехъ-палубномъ кораблѣ адмиралъ Грейгъ, пошелъ въ атаку на вице-адмирала и принудилъ его сдаться. Этотъ шведскій адмиралъ, сражавшійся такъ храбро, былъ Вахтмейстеръ; онъ имѣлъ свой флагъ на „Принцъ Густавъ“, 74-хъ пушечномъ кораблѣ.

---

<sup>1)</sup> Когда король уѣзжалъ изъ Стокгольма, онъ обѣщалъ дамамъ дать завтракъ въ Петербургѣ. (См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 101, 2-го іюля). Далѣе на стр. 108 говорится: „Король хотѣлъ сдѣлать десантъ на Красной Горѣ, выжечь Кронштадтъ, идти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I“.

<sup>2)</sup> Макаровъ, Михаилъ Кондратьевичъ († 19 сентября 1813 г.), участвовалъ въ пораженіи турецкаго флота у острова Хиоса и при Чесмѣ. Въ 1783 г. переведенъ въ Черноморскій флотъ. Въ шведскія войны 1788 и 1789 годовъ командовалъ кораблемъ „Всеславъ“, участвовалъ въ сраженіяхъ при Гогландѣ и Эландѣ, награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Командовалъ эскадрами, посланными въ Англію для совмѣстнаго дѣйствія противъ голландцевъ въ 1797 и 1799 годахъ. Въ 1801 году пожалованъ въ адмиралы, въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ адмиралтействъ-коллегии и комитета для образованія флота, а въ 1810 г. присутствующимъ въ военномъ департаментѣ государственнаго совѣта.

<sup>3)</sup> Карцовъ, Петръ Кондратьевичъ (род. 1750 г., ум. 1839 г.), русскаго флота адмиралъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта, съ 1802 г. былъ директоромъ морскаго кадетскаго корпуса въ теченіи 22 лѣтъ. Участвовалъ въ истребленіи турецкаго флота при Чесмѣ. Д. Ч.

Вскорѣ адмиралъ Грейгъ замѣтилъ, что данный имъ сигналъ къ атакѣ на англійскій манеръ былъ приведенъ въ исполненіе по русски, т. е. не одновременно. Большинство кораблей атаковали весьма слабо, а три или четыре держались такъ далеко отъ непріятеля, что совсѣмъ не принимали участія въ битвѣ. Къ довершенію огорченія, когда непріятель сталъ вечеромъ удаляться, Грейгъ замѣтилъ, что взамѣнъ „Принца Густава“ онъ уводилъ нашъ 74-хъ пушечный корабль, которымъ командовалъ капитанъ Бергъ; будучи разбитъ, онъ попалъ въ непріятельскую линію и его взяли въ плѣнъ. До этой минуты адмиралъ считалъ себя побѣдителемъ: непріятель уступилъ ему поле сраженія и, кромѣ того, вице-адмиральскій корабль; отъ этого несчастнаго случая онъ пришелъ въ отчаяніе. Но непріятель слишкомъ далеко ушелъ и время было чрезчуръ позднее, чтобы можно было попытаться отнять у него добычу. Въ своемъ донесеніи императрицѣ Грейгъ не скрылъ ничего; онъ сдѣлалъ вѣрное описаніе битвы, упомянулъ объ обмѣнѣ двухъ кораблей, жаловался на трусость трехъ капитановъ, о которыхъ мы говорили выше, и сейчасъ же приказалъ ихъ разжаловать и предать военному суду.

Мы считаемъ необходимымъ привести этотъ рапортъ въ подлинникѣ, такъ какъ онъ представляетъ собою интересный въ высшей степени историческій документъ и даетъ болѣе подробное понятіе о Голландскомъ сраженіи.

„При семъ всеподданнѣйше полагаю, писалъ адмиралъ Грейгъ, предъ стопами вашего императорскаго величества выписку изъ моего журнала отъ начала приближенія флота вашего императорскаго величества къ непріятельскому до окончанія сраженія и до времени, закрывшаго отъ насъ непріятельскаго флота при своихъ берегахъ. Хотя сіе сраженіе довольно было пылко и большая часть офицеровъ оказала всякое мужество и храбрость, но по сей выпискѣ ваше императорское величество усмотрѣть изволите, нѣкоторые командиры слабо исполняли свою должность и неоднократно сигналомъ подтверждено имъ было до начала сраженія. Командующему кораблемъ „Дерись“, капитану Ковцову, я уже отказалъ отъ должности и команду онаго корабля отдалъ капитанъ-лейтенанту Ломену, не только для того, что, не дошедъ на пушечный выстрѣлъ до непріятеля, самовольно



поворотилъ прочь отъ онаго и никогда не вступалъ въ бой, утрата порохъ и ядра напрасно, а паче при окончаніи сраженія подошедъ такъ близко корабль „Владиславъ“, который много уже поврежденъ былъ, и чрезъ рупоръ требовалъ отъ него помощи, но съ его стороны никакой помощи, ни защиты не сдѣлано, которую онъ совершенно въ состояніи былъ сдѣлать, не получивши еще ни малѣйшаго вреда отъ непріятеля. Командующіе же кораблями: „Викторъ“ Оболяниновъ и „Іоаннъ Богословъ“ Вальрондъ, равнымъ образомъ самовольно поворотили на другой галсъ <sup>1)</sup>, и оставя свои мѣста въ линіи де-баталин, пошли прочь отъ непріятеля; я намѣренъ ихъ смѣнить обонхъ.

„При семъ я долженъ отдать справедливость командующему аванъ-гардіею контръ-адмиралу Козлянинову <sup>2)</sup> за храбрый его поступокъ въ семъ сраженіи и всѣмъ командующимъ кораблями въ его эскадрѣ капитанамъ: Макарову, Эльфинстону, Денисову и Борису, кромѣ командующаго кораблемъ „Іоаннъ Богословъ“. Контръ-адмирала Спиридова де-баталинъ всѣ капитаны оказали всякую храбрость и именно: Одинцовъ, Бергъ, Муловскій, Денисовъ, Тревененъ, Карцовъ и Бреіеръ, сражались отъ начала до окончанія боя, но по причинѣ мало-вѣтрія не всякому удалось имѣть равное участіе въ сраженіи. Въ арьергардіи-же подъ командою контръ-адмирала фонъ-Дезина сраженіе начато прежде, нежели сія дивизія могла довольно близко подойти къ непріятелю; при томъ два задніе корабля въ скорости поворотили прочь отъ непріятеля.

„Я еще всенижайше вашему императорскому величеству долженъ объявить мое удовольствіе объ отмѣнной храбрости,

<sup>1)</sup> Галсъ—снасть, устанавливающая нижніе и косые паруса по вѣтру. Отъ него происходитъ направленіе пути судна, относительно вѣтра (правый и лѣвый галсъ).

<sup>2)</sup> Козляниновъ, Тимофей Гавриловичъ, въ 1756 году поступилъ кадетомъ въ Морской корпусъ; 22 мая 1760 года произведенъ въ мичмана, чрезъ два года посланъ въ Англію для изученія морской практики; въ 1763—64 г. плавалъ изъ Англіи въ Восточную Индію и въ Америку; въ 1765 г. возвратился въ Россію; на кораблѣ „Святославъ“ участвовалъ въ сраженіяхъ Наполи-ди-Романи и при Чесмѣ; въ 1784 г. произведенъ въ контръ-адмирала; въ 1788 г. въ Голландскомъ сраженіи командовалъ авангардомъ, награжденъ св. Георгіемъ 3-го класса; въ 1798 г. скончался главнымъ командиромъ Архангельскаго порта.  
Л. Ч.

проворствѣ и неустрашимости офицеровъ, а особливо нижнихъ чиновъ служителей, между которыми хотя большая половина рекрутъ, но отправляли свою должность у пушекъ сверхъ всѣхъ моихъ чаяній, и чѣмъ долѣе сраженіе продолжалось, тѣмъ проворнѣе заряжали и палили изъ пушекъ, такъ что при окончаніи сраженія пальба производилась скорѣе и лучше, нежели при самомъ началѣ. И я долженъ отдать справедливость цейхмейстеру Леману, который безпрестанно старался ихъ въ такое краткое время обучать и привести рекрутъ въ сей порядокъ. Онъ же на моемъ кораблѣ во все время дѣйствія находился по всѣмъ декамъ, а особливо въ нижнемъ, и оказалъ такую храбрость и порядокъ, какого только и желать надобно“.

Вмѣстка изъ журнала. 5-го іюля въ 8<sup>1/2</sup> ч. пополудни. Проходя по южную сторону Голланда со флотомъ, сигналъ сдѣланъ былъ фрегатамъ: „Надеждѣ Благополучія“, „Бречеславу“ и „Мстиславу“ идти къ весту впередъ флота. 6-го іюля 2. ч. пополудни. Сигналъ сдѣланъ съ фрегата „Бречеславъ“, что желаетъ говорить съ адмираломъ, и тогда же привелъ къ адмиральскому кораблю судно „Слонъ“, груженное пушками и идущее изъ Бронштадта въ Реваль. Командующій лейтенантъ Сологубъ объявилъ, что слышалъ чрезъ прусское купеческое судно, что шведскій флотъ находится въ близости къ весту, состоящій изъ 26 судовъ. Въ 6 часовъ—идущій предъ флотомъ фрегатъ „Надежда Благополучія“ сигналомъ далъ знать, что видать между N и W—13 иностранныхъ судовъ. Въ скорости оный оповѣстилъ, что видима суда—непріятельскія. Въ 7<sup>1/2</sup> часовъ сдѣланъ отъ адмирала сигналъ, чтобы весь флотъ готовился къ бою. Въ 8 часовъ сдѣланъ отъ адмирала сигналъ построиться всему флоту въ линію де-баталин и идти фронтомъ, аррьергардъ на лѣвую сторону, а авангардъ на правую. Въ 10 часовъ—по маловѣтрію линію де-баталин фронтомъ весьма медлительно было исполнять. Сдѣланъ сигналъ построить линію на правый галсъ. Вѣтеръ нѣсколько прибавился. Когда флотъ пошелъ въ левію отъ адмирала велѣно всѣмъ спуститься. Въ 11<sup>1/2</sup> часовъ данъ сигналъ служителямъ обѣдать, но съ поспѣшностью. Въ исходѣ 12 часа увидѣлъ адмиралъ шведскій флотъ, 24 судна, сдѣланъ сигналъ всему флоту прибавить парусовъ для догнанія непріятеля. Въ 1-мъ часу—вѣтеръ легкій, небо ясно, но по горизонту небольшая мрачность. Флотъ расположенъ въ линію де-баталин, фронтъ въ 17-ти линейныхъ корабляхъ, а фрегаты и мелкія суда за линію къ осту. Флотъ шведскій построенъ въ линію де баталин лѣвымъ галсомъ, идущимъ къ зюль-весту. Въ 1 часъ дня—данъ сигналъ всему флоту сомкнуть линію. Въ исходѣ 2-го часа—данъ сигналъ, что корабли „Викторъ“ и „Ярославъ“ слабо исполняютъ приказаніе. Въ началѣ 3-го часа—дважды даны сигналы прибавить парусовъ. Въ 2<sup>1/2</sup> часа—шведскій флотъ вдругъ весь повернулъ на правый галсъ къ нордъ-осту. Въ 3 часа данъ сигналъ фрегату „Надежда Благополучія“, который шелъ впереди флота, чтобы шелъ позади линіи. Въ началѣ 4-го часа—данъ сигналъ аррьергардіи прибавить

парусовъ, который вскорѣ и исполненъ. Въ 3<sup>1/2</sup> часа адмиралъ приказалъ всемъ спуститься на непріятельскую линію, каждому на противный себѣ корабль, а самъ спускался на шведскій корабль генераль-адмиральскій. Въ 4 часа—шведскій флотъ поворотилъ вдругъ на лѣвый галсъ и по сему случаю сдѣланъ сигналъ по первому пушечному выстрѣлу приготовиться всему флоту вдругъ поворотить оберъ-штагъ <sup>1)</sup>, а по второму поворотить на лѣвый галсъ. Въ 4<sup>1/2</sup> часа—одинъ сигналъ аванъ-гардіи, а потомъ всему флоту спуститься на непріятельскую линію. Въ 4<sup>3/4</sup> часа—сигналъ арьергардіи, что слабо исполняютъ нѣкоторые корабли и имъ подтверждается. Тогда же весь флотъ спустился на непріятельскую линію, но нѣсколько кораблей аванъ-гардіи оказались въ арьергардіи. Будучи въ такой близости отъ непріятеля не позволило время подтвердить имъ сигналомъ, потому что уже привязанъ былъ сигналъ—вступить въ бой. Въ 5 часовъ авангардъ подошелъ близко къ непріятелю и послѣдній началъ пальбу; съ нашей стороны начали также вдругъ стрѣлять, не ожидая отъ адмирала сигнала для началія боя, и сраженіе сдѣлалось генеральное. Наша кордебаталія <sup>2)</sup>, а особливо арьергардія не дошла на довольно близкое разстояніе, сколько адмиралъ намѣренъ былъ подойти и чрезъ то наша линія пришла бы въ разстройство. Корабль „Іоаннъ Богословъ“ чрезъ полчаса, поворачивая на правый галсъ, упалъ между обѣихъ линій и, пересѣкая линію нашу, шелъ на вѣтеръ къ осту. Въ 6<sup>1/2</sup> часовъ—шведскій генераль-адмиралъ и нѣхъ линія стали отъ насъ спускаться, а тогда и мы за ними спустились, но они, сомкнувши линію, закрывали генераль-адмиральскій корабль и исправили опять линію. Мы уже привели наши корабли къ вѣтру и продолжали сраженіе. Около 7<sup>1/2</sup> часовъ—шведскій флотъ опять спустился отъ насъ подъ вѣтеръ, а мы за нимъ слѣдовали. Въ началѣ 9-го часа—шведскій вице-адмиральскій корабль приблизился къ кораблю „Ростиславу“; началось между ними сраженіе. Продолжалось оно около часа; потомъ шведскій вице-адмиралъ спустилъ свой кормовой флагъ и съ корабля „Ростиславъ“ больше по немъ пальбы не производили, а обратили пальбу на другой корабль шведскій. Тогда посланъ съ корабля „Ростиславъ“ офицеръ завладѣть вице-адмиральскимъ кораблемъ, а послѣ сего сраженіе продолжалось еще до одиннадцатаго часа. Въ 10-мъ часу—сигналъ сдѣланъ прекратить пальбу по причинѣ ночной темноты, густоты дыма и отдаленности непріятельскихъ кораблей. Тогда пальба прекратилась съ обѣихъ сторонъ. Въ 9<sup>1/2</sup> часовъ привезенъ на адмиральскій корабль графъ Вахтмейстеръ и представилъ свой флагъ и шпагу. Шпага была ему возвращена адмираломъ, по причинѣ, что храбро защищался съ своимъ кораблемъ. Онъ о себѣ объявлялъ, что генераль эдъ-де-капъ шведскаго короля и командуетъ авангардіею въ шведскомъ

<sup>1)</sup> Штагъ—самыя толстыя веревки стоячаго такелажа, держація мачты спереди. Штаги получаютъ названіе отъ мачтъ и стеновъ, которыми они держатъ такъ, напр., гротъ-штагъ и т. д.

<sup>2)</sup> Кордебаталія—флотъ, построенный въ одну линію; раздѣляютъ на три части: авангардъ, арьергардъ и среднюю изъ нихъ называютъ кордебаталіею (имѣя центръ). Когда флотъ строится въ три колонны, то кордебаталія помѣщается въ серединѣ (средняя колонна).

флотъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ и что стеновый <sup>1)</sup> свой флагъ не спустилъ, пока наша шлюпка къ кораблю его не пришла, потому что гвоздями прибитъ былъ. Въ началѣ 12-го часа пришла шлюпка отъ корабля „Владиславъ“ и на оной утеръ-офицеръ объявилъ, что корабль въ великой опасности и что командующій корабля „Владиславъ“ приказалъ доложить адмиралу, что перебито много людей и весь такелажъ и паруса, такъ что не могъ держаться противъ жестокой пальбы непріятеля въ линіи и болѣе потому, что руля корабль не слушалъ и не можетъ отойти отъ непріятеля. Тогда адмиральскій корабль немедленно спустился для спасенія своего корабля и сдѣлалъ сигналъ, чтобы весь флотъ гнался за непріятельскими кораблями, но за ночью темнотою сигнала не было видно и для того послана шлюпка по разнымъ кораблямъ, въ близости находившимся. Съ нѣкоторыхъ кораблей отозвались, что мачты, рен <sup>2)</sup> и оснастка перебиты и не въ состояніи гнаться, пока такелажъ не поправленъ. Корабли арьергарда, которые меньше повреждены въ сраженіи, были въ такой отдаленности, что нельзя было шлюпку къ нимъ послать. Итакъ, адмиралъ намелъ невозможнымъ снасти сей корабль изъ непріятельскихъ рукъ, которыя уже оный имѣли въ своемъ завладѣніи. Во всю ночь служители заняты были исправленіемъ перебитаго такелажа и привязываніемъ новыхъ парусовъ. 7-го числа въ 6-мъ часу по утру: вѣтеръ свѣжѣе и непріятель, поставя всѣ паруса, сколько могъ, спустился между Финляндскимъ островомъ по сѣверную сторону мели, называемой Калбо-де-Грундъ, и держалъ свой курсъ къ Свеаборгу. Около полудня закрылся отъ нашего флота“.

Это донесеніе адмиралъ Грейгъ послалъ въ Петербургъ со своимъ адъютантомъ Кутузовымъ <sup>3)</sup>, котораго и пожаловали за хорошія извѣстія чиномъ полковника. 9-го числа вечеромъ онъ прибылъ по назначенію. Императрица была немного нездорова и въ высшей степени обрадовалась побѣдѣ. Она сама говорила, что теперь съ ея души свалился камень и можно свободно вздохнуть <sup>4)</sup>. 11-го іюля въ Зимнемъ дворцѣ служили благодарственный молебенъ. На вопросъ, не желаетъ ли она принять плѣннаго вице-адмирала Вахтмейстера, Екатерина приказала

<sup>1)</sup> Стенги—суть деревья, служащія продолженіемъ мачтъ къ верху. На корабляхъ бывають три стеньги: передняя—шоръ-стенга на шоръ-мачтѣ, средняя или гротъ-стенга на гротъ-мачтѣ и задняя или крѣйсъ-стенга на бизань-мачтѣ.

<sup>2)</sup> Рен—деревья, къ которымъ привязываютъ паруса.

<sup>3)</sup> Вѣроятно, Логинъ Ивановичъ, сынъ извѣстнаго Ивана Логиновича Геленищева-Кутузова, адмирала и президента адмиралтействъ-коллегии (р. 1729 г., † 1802). Логинъ Ивановичъ былъ впоследствии председателемъ Морскаго ученаго комитета.

<sup>4)</sup> Почти то-же самое упоминается у Храповицкаго (стр. 105, 11-го іюля): „Проснувшись, сказывали, qu'on n'a plus de bagge sur la poitrine“. Л. Ч.

совсѣмъ не ввозить его въ Петербургъ, а чрезъ Царское Село отправить въ Москву <sup>1)</sup>).

Императрица, довольная успокоительнымъ результатомъ этого сраженія, выразила адмиралу Грейгу свою благодарность посылкою ордена св. Андрея Первозваннаго, важнѣйшаго въ Россіи, но Грейгъ былъ настолько огорченъ неудачнымъ исходомъ битвы, что великодушіе императрицы показалось ему обиднымъ, хотя онъ чувствовалъ всю ея доброту, и потому не хотѣлъ надѣть орденъ, пока, по его мнѣнію, не заслужилъ его болѣе <sup>2)</sup>. Результаты боя въ то время могли быть оцѣнены имъ и всѣми не иначе, какъ по числу трофеевъ. Шведамъ удалось за это время словить нѣсколько русскихъ транспортныхъ и торговыхъ судовъ, такъ что число ихъ призовъ превышало наше, затѣмъ самый бой въ одинаковой степени разрушилъ флоты, наконецъ, обмѣнъ 74-хъ пушечными кораблями завершилъ сраженіе. Вліяніе голландскаго сраженія на кампанію 1788 года не могло проявиться тотчасъ и, слѣдовательно, не трудно понять, въ какомъ состояніи долженъ былъ находиться адмиралъ Грейгъ, ожидавшій лучшихъ результатовъ и возмущенный дѣйствіями плохихъ капитановъ <sup>3)</sup>. Когда первое впечатлѣніе побѣды прошло, въ Петербургѣ стали говорить, что въ сущности шведы правы, выдавая это сраженіе за свою побѣду, и что обѣ стороны имѣютъ одинаковое право на нее. Адмиралтействъ-коллегія вторила этому мнѣнію <sup>4)</sup>. Я не впаду въ ошибку, если скажу,

<sup>1)</sup> Графъ Вахтмейстеръ писалъ къ королю и приложилъ аттестатъ, данный ему Грейгомъ въ томъ, что не могъ его корабль долге защищаться (См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 109). Императрица писала Потемкину („Русск. Старина“ 1876 г., т. XVI, стр. 576): „Петербургъ въ эту минуту имѣетъ видъ укрѣпленнаго города и я сама какъ бы въ главной квартирѣ; въ день баталіи морской 6-го іюля духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ; такимъ образомъ, мой другъ, я нюхала порохъ“.

<sup>2)</sup> Гарновскій въ запискахъ говорить („Р. Стар.“, т. XVI, стр. 29): „Грейгъ не возложилъ на себя андреевской ленты и писалъ, что до тѣхъ поръ не возложитъ, пока не сдѣлается побѣдителемъ шведовъ“.

<sup>3)</sup> Храповицкій и говоритъ въ дневникѣ (стр. 109), что Грейгъ опасался, чтобъ шведы не сдѣлали десанта при Ревелѣ. Д. Ч.

<sup>4)</sup> Сама императрица писала кн. Потемкину (Р. Стар.“, 1876 г., т. XVI, стр. 574): „Сіе дѣло, хотя по себѣ нерѣшительное, послѣдствія для шведовъ можетъ имѣть худшія, буде Богъ намъ поможетъ“.

То-же мнѣніе встрѣчается въ запискахъ Гарновскаго („Р. Стар.“,

что только одинъ мой отецъ остался при своемъ непреклонномъ мнѣніи и отъ первой до послѣдней минуты восторгался дѣйствіями Грейга. Цѣлый мѣсяцъ онъ былъ боленъ сильною простудою, но когда получилъ извѣстіе объ одержанной Грейгомъ побѣдѣ, то забылъ о своемъ нездоровьи и сталъ проситься въ дѣйствующій флотъ, выражая готовность подчиниться, вопреки старшинству, столь достойно украшенному лаврами адмиралу. Онъ доказывалъ всѣмъ, что эта побѣда будетъ имѣть такія послѣдствія и выгоды, которыхъ теперь никто и не предвидитъ и не цѣнитъ потому, что ихъ не понимаетъ. Иногда только онъ сожалѣлъ, что Грейгъ не заставилъ шведовъ начать атаку; по его мнѣнію, результаты тогда были бы гораздо существеннѣе, такъ какъ наши капитаны не умѣютъ атаковать на англійской манерѣ, неопытны въ бою и недостаточно напрактиковались, а шведскіе командиры страдаютъ тѣми же недостатками. Такимъ образомъ, послѣдніе имѣли выгоду, находясь въ оборонительномъ положеніи, что слѣдовало бы скорѣе пріобрѣсти въ нашу пользу. Императрица донесли о восторгѣ моего отца и желаніи его быть въ рядахъ славнаго Грейга, но она, зная о неудовлетворительномъ состояніи здоровья адмирала Чичагова, требовала, чтобы онъ себя поберегъ. Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на просьбу его графъ Безбородко писалъ 20 іюля:

„На письмо ваше относительно поѣздки въ Ревель ея имп. вел.—во отозваться изволила, чтобъ ваше пр.—во до совершеннаго выздоровленія вашего и до будущаго соизволенія ея в—ва поддержали, и въ свое время получите высочайшія наставленія“.

Мы видѣли, что въ первомъ же донесеніи адмиралъ Грейгъ указывалъ на отличившихся офицеровъ. Согласно съ этимъ, императрица пожаловала: Козлянинову—Георгіевскій крестъ 3-й степени, пятерымъ командирамъ—Георгіевскіе кресты 4-й степени, цейхмейстеру Леману и командиру „Ростиславъ“—Одинцову—золотыя шпаги. Но при этомъ было обойдено нѣсколько

---

1876 г., т. XVI, стр. 25): „не входя въ разбирательство флаговъ, взявъ корабль и потерявъ таковой же, упомянутое сраженіе можно почитать за равное съ обѣихъ сторонъ, если бы предъ симъ шведы не отняли у насъ двухъ крейсировавшихъ фрегатозъ и нѣсколько галіотозъ, плывшихъ изъ Риги въ Выборгъ съ казеннымъ хлѣбомъ“.

еще достойныхъ подчиненныхъ Грейга, и потому онъ писалъ графу Безбородко:

„Я имѣлъ счастье получить указъ ея имп. вел—ва, гдѣ она всемилостивѣйше жалуетъ награды тѣмъ, которые отличились въ гогландскомъ сраженіи, и я съ восторгомъ объявилъ имъ удовольствіе монархини и ея благоволеніе къ нимъ. Если смѣю еще упомянуть о двухъ капитанахъ, которые, дѣйствительно, заслуживаютъ какого-нибудь особеннаго выраженія благосклонности ея имп. вел—ва, то это капитаны Муловскій и Денисовъ, которые положительно выказали храбрость во время всего дѣла, отъ начала до конца. Когда я далъ послѣ битвы послѣдній сигналъ гнать непріятели, Муловскій былъ единственный, который послѣдовалъ за мною со своимъ кораблемъ, не смотря на то, что былъ въ растерзанномъ видѣ. Было слишкомъ темно, чтобы видѣть сигналы, и когда прочіе капитаны отвѣтили по-сланному мною съ привязаніемъ офицеру, что ихъ корабли не въ состояніи продолжать погоню, Муловскій велѣлъ мнѣ сказать, что пока его корабль держится на водѣ, онъ не отстанетъ отъ своего адмирала“<sup>1)</sup>).

Отрѣшеніе отъ должности офицеровъ, выказавшихъ столько трусости, признанное военнымъ судомъ, было конфирмовано императрицею; они были приговорены къ лишенію чиновъ и разжалованы въ матросы на всю жизнь.

Интересна переписка адмирала Грейга съ герцогомъ зюдерманландскимъ, по поводу претензіи послѣдняго, что русскіе въ гогландскомъ сраженіи стрѣляли брандсугелями, которые считались снарядами безчеловѣчными и запрещенными международнымъ правомъ; 27 іюля адмиралъ Грейгъ писалъ герцогу на англійскомъ языкѣ:

„Ваше высочество! Полковникъ Христіернинъ увѣдомилъ меня, что ваше выс—во сдѣлали мнѣ честь написать ко мнѣ письмо (которое я еще не получилъ) о томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ кораблей употребляли въ послѣднее сраженіе брандсугели. Я пользуюсь симъ случаемъ, чтобы увѣрить ваше корол.

---

<sup>1)</sup> Вслѣдствіе этого письма капитанамъ Муловскому и Денисову пожалованы были ордена св. Георгія 4-го класса (см. Дневникъ Храповицкаго, стр. 116). Л. Ч.

выс—во, что я имѣю наистрожайшее повелѣніе, чтобы никакая зажигательная матерія не была употреблена ни на какомъ кораблѣ, находящемся подъ моимъ начальствомъ противъ шведскаго флота.

„Я не сомнѣваюсь, что такое же повелѣніе дано отъ вашего корол. выс—ва офицерамъ флота, подъ вашею командою, и для того принимаю смѣлость увѣдомить васъ, что верхній парусъ бизань-мачты <sup>1)</sup> на собственномъ моемъ кораблѣ загорался три раза во время сраженія и горячая матерія, по счастью, была затушена. Зажженный брандсугель былъ также брошенъ на корабль контръ-адмирала фонъ-Дезина, который прицѣпился къ снастямъ желѣзнымъ крючкомъ. Г. полковникъ Христіернинъ посылаетъ его для показанія вашему корол. выс—ву. Адмиралъ фонъ-Дезинъ признается, что по утушеніи сего брандсугеля онъ приказалъ нѣсколько брандсугелей-же пустить во флотъ, подъ командою вашего выс—ва находящійся, всего числомъ 15, которые я весьма радъ, узнавъ, что не имѣли своего дѣйствія и я имѣю справедливыя причины думать, что сіи только 15 брандсугелей были съ нашего флота брошены, потому что я не дозволилъ стрѣлять оными съ моего собственного корабля, не смотря на то, что наши паруса загорались три раза.

„Вашему корол. выс—ву извѣстно, что флотъ, подъ моимъ начальствомъ находящійся, былъ снабженъ и вооруженъ противъ турокъ и какъ противу оныхъ нужна отчаянная служба, то можно извинить, что отчаянныя орудія могли бы быть и употреблены, которыя употребляютъ противъ какой-либо просвѣщенной націи никогда намѣренія не было. И для того, если ваше корол. выс—во изволите дать мнѣ увѣреніе, что впередъ со шведскаго флота не будетъ употреблено никакихъ подобныхъ сему истребительныхъ орудій, то и я при семъ ручаюсь моимъ честнымъ словомъ, что ни одного такого не будетъ употреблено и съ російскаго флота подъ моимъ начальствомъ, ибо мое искреннее желаніе умягчить свирѣпость войны, насколько того родъ службы позволяетъ“.

---

<sup>1)</sup> На трехмачтовомъ кораблѣ третья задняя мачта называется бизань-мачтою. Л. Ч.



На другой день герцогъ зюдерманландскій отвѣтилъ адмиралу Грейгу также англійскимъ письмомъ:

„Я получилъ письмо ваше отъ 27 іюля и удивляюсь содержанию его; будто бы горючія матеріи были выданы съ какого-нибудь корабля, находящагося подъ моимъ начальствомъ. Увѣряю васъ этимъ и по чести моей, что такихъ брандскугелей, какой вы мнѣ прислали, не найдутся ни на одномъ изъ кораблей, имѣющихъ шведскій флагъ, какъ вы то и могли примѣтить на „Принцъ-Густавъ“, взятомъ вами въ послѣднемъ сраженіи. Напротивъ того, я нашелъ ихъ на русскомъ военномъ кораблѣ, взятомъ въ послѣднемъ сраженіи, равно какъ и на двухъ фрегатахъ, взятыхъ двѣ недѣли тому назадъ; почему я увѣренъ, вы усмотрите, что горючіе снаряды, найденные на кораблѣ вашемъ и на кораблѣ контръ-адмирала фонъ-Дезина, пущены вами же по ошибкѣ, пріключившейся по причинѣ дыма. Нѣкоторые изъ моихъ кораблей были зажжены горючими ядрами, которыя, по счастью, потушли; при семъ я посылаю вамъ одно. Принимаю ваше честное слово, что впредь такія средства употреблены не будутъ противъ націи, издревле извѣстной великодушною въ способахъ войны, и такое же увѣреніе мое принять можете, что никогда не вознамѣревался противъ васъ дѣйствовать средствами, запрещенными не только челоуѣколюбіемъ и присутствіемъ моимъ, но также еще не могущими находиться въ Швеціи и ея запахахъ за послѣднее время“ <sup>1)</sup>).

Разсерженный тономъ письма и его несправедливымъ содержаниемъ, адмиралъ Грейгъ отвѣтилъ герцогу 31 іюля, но уже на французскомъ языкѣ:

„Я позволилъ себѣ обратиться къ вашему кор. выс—ву на англійскомъ языкѣ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, вслѣдствіе увѣреній полковника Христіерна, что этотъ языкъ вамъ хорошо извѣстенъ; однако же, я желалъ бы нѣкоторыя выраженія въ отвѣтъ, который вы мнѣ соизволили прислать, приписать неприличію его употребленія. Позвольте, ваше выс—во, васъ увѣрить, что я никогда бы не посмѣлъ утверждать того, въ чемъ могло быть малѣйшее сомнѣніе въ правдѣ. На кораблѣ „Принцъ-Густавъ“ мы нашли патроны, наполненные горючими веществами

<sup>1)</sup> Переводъ этихъ двухъ писемъ съ англійскаго сдѣланъ въ 1788 году.

въ веленевыхъ гильзахъ, о чемъ графъ Вахтмейстеръ можетъ засвидѣтельствовать вашему кор. выс — ву. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что паруса моего корабля были зажжены этого рода веществомъ, выброшеннымъ однимъ изъ шведскихъ судовъ.

Въ моемъ письбѣ я обратилъ вниманіе вашего кор. выс—ва, что флотъ, которымъ я имѣю честь командовать, былъ назначенъ для дѣйствія противъ турокъ, гдѣ натура людей можетъ служить оправданіемъ употребленія подобнаго оружія и гдѣ рѣшительные люди, въ виду безчеловѣчнаго непріятели, предпочитаютъ лучше погибнуть, чѣмъ сдаться. Флотъ, состоящій подъ начальствомъ вашего к. в—ва, будучи вооруженъ исключительно для войны съ русскими, не имѣлъ подобныхъ причинъ, и я надѣюсь, что всѣ шведскіе офицеры, которые, благодаря превратности судьбы на войнѣ, попали ко мнѣ въ плѣнъ, никогда не будутъ имѣть малѣйшаго повода къ жалобѣ на мое обращеніе съ ними. Впрочемъ, согласно увѣреніямъ, которыя ваше кор. в—во пожелали мнѣ выразить, я надѣюсь, что ни съ той, ни съ другой стороны не будутъ употреблены подобнаго рода пагубныя средства, которыхъ можно было бы опасаться“.

Послѣ Гогландскаго сраженія адмиралъ Грейгъ былъ принужденъ отправить нѣсколько поврежденныхъ судовъ въ Кронштадтскій портъ, что не помѣшало ему пуститься въ погоню за непріятеlemъ съ тѣми, которыя у него оставались; но шведы успѣли уже войти въ Свеаборгскій портъ, неприступный по своему положенію и укрѣпленіямъ. Тогда адмиралъ долженъ былъ ограничиться крейсерствомъ передъ этимъ портомъ, съ цѣлью слѣдить за движеніемъ непріятели и чтобы атаковать, если бы онъ вздумалъ выйти <sup>1)</sup>. Съ остаткомъ флота онъ отправился въ Ревельскій портъ, ближайшій къ Свеаборгу, откуда онъ могъ сообщаться сигналами съ своими крейсерами и, въ случаѣ движенія шведовъ, броситься за ними. Но послѣдніе, чтобы выйти и достичь Карлскронскаго порта, рѣшили дождаться

---

<sup>1)</sup> Храповицкій пишетъ въ дневникѣ (стр. 123): „Грейгъ крейсируетъ въ виду Ревеля и ждетъ непріятели; ему при Свеаборгѣ герцогъ Сюдерманландскій предлагалъ свѣжую провизію, онъ отказалъ. Хорошо сдѣлать. Они въ состояніи окормить“.

поздняго времени года, когда русскіе крейсера не могли болѣе держаться въ этомъ сѣуженномъ и усыпанномъ камнями морѣ<sup>1)</sup>.

Вскорѣ по приходѣ въ Ревель, адмиралъ Грейгъ писалъ графу Безбородко:

„Я еще не знаю желаній ея имп. в—ва относительно нашей экспедиціи въ Архипелагъ; должна ли она еще состояться послѣ того, какъ время для благопріятныхъ дѣйствій прошло въ Балтійскомъ морѣ; или найдутъ неосторожнымъ отправить такую большую часть морскихъ силъ имперіи въ отдаленное море, пока шведскій флотъ нѣсколько не уменьшится. Двѣнадцать линейныхъ кораблей, въ томъ числѣ три стопушечныхъ, находящіеся уже въ Копенгагенѣ, пять кораблей, идущихъ изъ Архангельска, и еще четырехъ, обшитыхъ мѣдью, изъ тѣхъ, которые я имѣю здѣсь, будетъ достаточно для Архипелага. И ранѣе будущей весны можно имѣть флотъ въ Кроиштадтѣ, состоящій изъ четырехъ стопушечныхъ кораблей (одинъ я строю теперь и три, которые готовы къ спуску въ море) и 12-ти или 14-ти другихъ судовъ 74-хъ и 66-ти-пушечныхъ, которыхъ будетъ достаточно, чтобы держать въ страхѣ шведскій флотъ. Въ случаѣ экспедиціи въ Архипелагъ будетъ отмѣнена, необходимо позаботиться о транспортныхъ судахъ до конца осени; они должны быть препровождены сюда до начала зимы и не обременять насъ болѣе того срока, каковой мы обязаны будемъ ихъ держать, согласно контракту, т. е. вѣрныхъ шести мѣсяцевъ. Мы можемъ, между прочимъ, употребить ихъ въ дѣло, пока они находятся на нашемъ жалованьи. Восемь или десять изъ нихъ могли бы отправиться въ Копенгагенъ, чтобы перевезти провіантъ, сложенный тамъ для Архипелагской экспедиціи, если послѣдняя не состоится. Самыя большія суда можно употребить съ громадною пользою противъ шведовъ на это время навигаціи, сажая на нихъ солдатъ

---

<sup>1)</sup> Такъ какъ никакимъ способомъ нельзя было шведскій флотъ выманить изъ Свеаборгскаго порта, то С. Р. Воронцевъ предлагалъ брату своему слѣдующее. 5-го сентября 1788 г. онъ писалъ (Арх. кн. В., кн. 9, стр. 140): „Кажется, шведскій флотъ не выйдетъ болѣе. Слѣдовало бы адмиралу Грейгу распространить по всей Финляндіи публикаціи, въ которыхъ онъ предлагалъ бы 10,000 рублей вознагражденія тому, кто ему укажетъ дыру, гдѣ прячется бѣдный шведскій флотъ, который не смѣетъ болѣе появиться передъ русскимъ. Шведскій король, изъ стыда или на зло, можетъ быть приказать выйти своему флоту.“

съ плоскодонными лодками для производства десантовъ на финляндскихъ берегахъ, въ тылу шведской арміи, для захвата сѣладовъ и провіантскихъ обозовъ. Я упоминаю объ этомъ, какъ о своихъ идеяхъ, направленныхъ къ приобрѣтенію выгоды для насъ противъ новаго непріятеля, котораго надо стараться извести по возможности до конца навигаціи. Если Господь будетъ покровительствовать флоту ея в—ва, вѣренному моей командѣ, и намъ удастся уничтожить немного ихъ силы на морѣ, тогда ихъ предпріятія на сушѣ не будутъ важны“.

Вообще адмиралъ Грейгъ совѣтовалъ пользоваться моментомъ, пока шведскій флотъ бездѣйствуетъ и чинится въ Свеаборгѣ, а среди народа идетъ ропотъ на короля, и наступать рѣшительнѣе съ суши. Для облегченія этого онъ предлагалъ дать ему десантъ, съ которымъ бы онъ могъ овладѣть Свеаборгомъ и т. д. Всѣ эти энергичные планы, которые казались разумными, были въ то время неисполнимы и Грейгу не дали войскъ. Густавъ III отличался не меньшею энергіею и, потерявъ надежду развить русскій линейный флотъ, онъ быстро собралъ до 40 тысячъ войска на нашей сухопутной границѣ въ Финляндіи и двинулъ впередъ свою громадную шхерную флотилію. Въ арміи графа Мусина-Пушкина далеко не было того количества войска, а шхерной флотиліи у насъ не существовало, потому что нельзя было считать нѣсколькихъ лодокъ капитана Слизова, о которомъ мы еще скажемъ впоследствии, за флотилію. Ничтожность силъ Слизова была такова, что при видѣ многочисленнаго непріятеля ему пришлось быстро удалиться. Между тѣмъ, Густавъ III окружилъ наши пограничныя крѣпости, высадилъ десантъ въ тылу Фридрихсгама и готовился овладѣть крѣпостью. Въ это время Грейгъ просилъ себѣ тоже прислать войска для овладѣнія Свеаборгомъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что ему отказали, объявивъ, что этотъ планъ возможно будетъ выполнить не ранѣе зimy, когда сухопутныя силы наши увеличатся.

Дѣйствительно, положеніе короля въ то время было затруднительное; внутреннія неурядицы заставили его прекратить осаду нашихъ крѣпостей, но если бы мы двинулись впередъ, чего онъ отъ души желалъ, то картина измѣнилась бы совершенно. Императрица хорошо понимала, что дѣла Густава III примутъ благоприятный для него оборотъ съ той минуты, какъ только шведы

убѣдятся, что русскіе намѣрены завладѣть Финляндіей, а если она ограничится оборонительными дѣйствіями, то народъ весь свой гнѣвъ обратитъ на короля. Это ослабляло его предпріятія и могло даже кончиться революціей и смѣной короля. Вотъ почему императрица не настаивала на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Финляндіи и желала лишь одерживать побѣды на морѣ, которыя-бы привели къ уничтоженію шведскаго флота. Столь разумная политика не была понята въ то время и общій голосъ былъ за осужденіе дѣйствій начальниковъ, которымъ давали прозвища медлителей и неспособныхъ. Энергичный Грейгъ мечталъ даже о завладѣніи Карлскроной зимою, что было, конечно, столь же неисполнимо, какъ и лѣтомъ. Однажды онъ убѣждалъ своихъ командировъ въ возможности вести атаку у Поркалауда парусными кораблями, но это было принято за фантазію и желаніе одержать еще побѣду, чтобы нѣсколько загладить впечатлѣніе неудачныхъ дѣйствій въ послѣднемъ сраженіи, что, видимо, его мучило и повергало въ отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, какія были данныя для такого предпріятія? Эти узкіе проходы въ шхерахъ представляли для насъ прекрасныя ловушки, гдѣ навѣрное всѣ бы погибли. Ни картъ, ни промѣровъ, ни свѣдѣній о нихъ не имѣлось; на островахъ шведы построили укрѣпленія и поставили пушки. Командиры судовъ еле умѣли справляться въ открытомъ морѣ и внѣ выстрѣловъ непріятели <sup>1)</sup>.

Но вернемся къ дѣйствительности. Балтійское море было свободно отъ непріятели и адмиралъ Грейгъ поэтому послалъ четыре линейныхъ корабля для усиленія Копенгагенской эскадры;

---

<sup>1)</sup> Энергичныя дѣйствія и смѣлые планы Грейга приходились по вкусу петербургскимъ сановникамъ, которые не на шутку боялись появленія шведовъ на улицахъ столицы. Эти проекты придавали имъ смѣлости; но отдавая Грейгу полную справедливость и хвалу, нельзя не назвать нѣкоторые его планы фантастическими. Все, что онъ ни говорилъ, считалось почему-то не подлежащимъ апелляціямъ. Такое убѣжденіе видно и изъ письма гр. Безбородко къ С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. 13, стр. 154): „Адмиралъ Грейгъ думаетъ справедливо, что, во что ни станетъ, надобно стараться истребить мореходство и порты шведскіе, не считая безъ того надолго прочнымъ никакое иное распоряженіе. Онъ прямо большой военачальникъ и ежели бы мы здѣсь имѣли такого на сухомъ пути, и думать было бы не о чемъ. Тревенентъ, котораго вы намъ доставили, человекъ отличный и который изъ себя обѣщаетъ знаменитаго адмирала. Мы съ Грейгомъ условились при первомъ случаѣ стараться повестъ его чиномъ далѣе...“ Л. Ч.

три другіе корабли, построенные въ Архангельскѣ, также къ ней присоединились; такимъ образомъ она оказалась состоящею изъ десяти линейныхъ вораблей, четырехъ фрегатовъ и другихъ судовъ. Начальникъ ея: контръ-адмиралъ фонъ-Дезинъ, не только бездѣйствовалъ, но принесъ и много вреда самому себѣ. Такъ, ему было приказано стараться при помощи датчанъ разорить важный шведскій портъ — Готеборгъ <sup>1)</sup> и нанести вообще вредъ шведской торговлѣ. У шведовъ было для защиты Готеборга всего три фрегата. Но контръ-адмиралъ фонъ-Дезинъ медлилъ и только требовалъ помощи отъ Даніи; когда же онъ совсѣмъ разсорился съ нею, то рѣшилъ отправить 140 человекъ десанта для разоренія мѣстечка Ро, близъ Ланскроны, которое солдаты сожгли и разграбили. Жители, устрешенные такимъ набѣгомъ, стали защищаться и многіе пали жертвами глупости русскаго начальника. Это еще болѣе возбудило датчанъ противъ фонъ-Дезина и они потребовали его смѣны. Но до тѣхъ поръ, пока жалобы на него дошли въ Петербургъ, онъ успѣлъ еще прославить себя неудачными поступками. Въ концѣ іюля, двинувшись со всей эскадрой для поиска за шведскими фрегатами, защищавшими Готеборгъ, онъ вздумалъ за одно взять съ собой транспортныя суда „Кильдюинъ“ и „Соломбалу“, направлявшіяся въ Архангельскъ, и такимъ образомъ прикрыть ихъ. У Скагена фонъ-Дезинъ остановился и освѣдомившись, что, по слухамъ, непріятельскіе фрегаты находятся въ другой сторонѣ, отпустилъ ихъ далѣе однихъ. Черезъ нѣсколько дней транспорты эти наткнулись на шведскіе фрегаты. „Кильдюинъ“ попалъ въ плѣнъ, а „Соломбала“ успѣлъ уйти и присоединился къ своей эскадрѣ. Добыча для шведовъ была значительная: 100 пушекъ и множество снарядовъ. Затѣмъ фонъ-Дезинъ былъ вытребованъ въ Копенгагенъ, куда въ концѣ августа мѣсяца прибыла архангельская эскадра контръ-адмирала Повалишина<sup>2)</sup>). Сколько фонъ-Дезину ни предписывали употребить всѣ зависящія мѣры къ тому,

<sup>1)</sup> Готеборгъ находится на Каттегатѣ.

<sup>2)</sup> Повалишинъ, Иларіонъ Афанасьевичъ (р. 1739, † 1799), участвовалъ въ бояхъ подъ Кольбергомъ (1760 г.), близъ Красной горки (1790 г.), въ Выборгскомъ заливѣ (1790 г.), былъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени, шпагой съ алмазами, 600-ми душъ крестьянъ и Анной 1-й степени.

чтобы не пропустить шведскій флотъ въ Карлскрону, онъ предпочелъ вернуться изъ крейсерства въ Копенгагенъ и сидѣть тамъ, сложа руки. Пока шли переговоры съ датскими властями, гдѣ ему зимовать, погода ухудшилась, ледъ тронулся и затѣмъ фонъ-Дезинъ, вопреки инструкціи, остался въ Копенгагенѣ. При постановкѣ кораблей въ портъ, трое изъ нихъ сѣли на мель, а одинъ фрегатъ замерзъ во льду въ морѣ. Съ другими было также не мало привлеченій; разыгравшаяся буря таскала ихъ вмѣстѣ со льдомъ отъ датскаго къ шведскому берегу и обратно, причемъ нѣсколько изъ нихъ были посажены на камни. Разбросанная эта эскадра, наконецъ, вся очутилась внѣ порта и замерзшею гдѣ попала. Шведы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы попытаться сжечь корабли; къ счастью, имъ не удалось, такъ какъ проектъ былъ отереть и ударъ отстраненъ. Контръ-адмиралъ фонъ-Дезинъ былъ отозванъ и замѣненъ вице-адмираломъ Козляниновымъ.

Въ концѣ кампаніи адмиралъ Грейгъ заболѣлъ желчною горячкою и находился въ отчаянномъ положеніи<sup>1)</sup>). Его нельзя было свезти на землю и онъ умеръ на своемъ кораблѣ. Говорили, что во время болѣзни онъ часто жаловался на капитановъ, такъ плохо помогавшихъ ему въ сраженіи, и очень возможно, что это огорченіе настолько ухудшило его болѣзнь, что сдѣлало ее смертельной.

17-го октября 1788 г. графъ Чернышевъ получилъ о смерти Грейга увѣдомленіе отъ командира Ревельскаго порта, генерала Воронова. Послѣдній писалъ:

„Сего октября 15-го дня, пополудни въ 8 часовъ, его высокопревосходительство господинъ адмиралъ и всѣхъ російскихъ орденовъ кавалеръ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, къ великому нашему сожалѣнію, волею Божіею представился на кораблѣ „Ростиславъ“, стоящемъ въ Ревельской гавани. Прошу ваше

---

<sup>1)</sup> Выѣхавъ въ море, онъ занемогъ 23 сентября и съ 28 впалъ въ безпамятство. Императрица приказала доктору Рожерсону ѣхать лечить Грейга и корабль „Ростиславъ“ ввести въ Ревельскій портъ, для спокойствія больного (см. Дневникъ Храповицкаго, стр. 166—167). 15-го октября императрица получила извѣстіе, что положеніе Грейга безнадежно и Храповицкій говоритъ: „не могли удержать слезъ, прочитавъ, что Грейгъ опасенъ, назначала похоронить въ Ревелѣ съ подобающею честью“ (стр. 173). Д. Ч.

превосходительство прикажите прислать скорое ваше повелѣніе, что съ нимъ дѣлать; мы здѣсь всё не можемъ рѣшиться“.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило всѣхъ и императрица казалась очень огорченною <sup>1)</sup>. Приказано было хоронить его въ Ревелѣ и со всевозможною пышностью, не жалѣя расходовъ. Вслѣдствіе этого, отвели въ Ревелѣ казенный домъ, который и устроили для пріѣхавшей туда семьи адмирала Грейга и покойнаго. Десять дней тѣло находилось на кораблѣ, а затѣмъ 25-го октября положили его въ гробъ и перевезли въ домъ. 31-го числа происходили торжественные похороны. Мой отецъ ѣздилъ нарочно въ Ревель проститься съ нимъ и рассказывалъ, что зала, гдѣ лежалъ знаменитый адмиралъ, была вся обита чернымъ сукномъ, серебряными галунами и бѣлымъ флеромъ. Гробъ стоялъ на высовомъ катафалкѣ, подъ чернымъ балдахиномъ, и въ ногахъ помѣщалась серебряная большая чаша, въ родѣ куба, покрытая чернымъ, обитая лавровымъ вѣнкомъ и съ надписью серебряными буквами: „родился 30-го ноября 1735 году, преставился 15-го октября 1788 года“. Въ головахъ стоялъ гербъ. Одѣтый въ парадный адмиральскій мундиръ, онъ имѣлъ на головѣ лавровый вѣнокъ. Гробъ былъ черный бархатный съ серебряными галунами; въ крышкѣ прибили шпагу, шарфъ и шляпу. По обѣимъ сторонамъ балдахина стояли табуреты съ бѣлыми атласными подушками, обшитыми золотою бахромою и кистями. На нихъ лежали: адмиральская булава и пять орденовъ. Георгіевскій крестъ былъ значительно погнуть и тотъ самый, въ который попала пуля въ одной изъ битвъ въ Архипелагѣ. Три его флага стояли у стѣны, прислоненные въ головахъ. Въ траурномъ залѣ джурили штабъ-и оберъ-офицеры и часовые, которые также отъ воротъ до входа въ домъ располагались по парно. Въ день погребенія, когда въ залѣ собрались всѣ знатныя особы, баронъ фонъ-деръ-Паленъ вышелъ впередъ и сказалъ рѣчь, посвященную заслугамъ и добродѣтелямъ покойнаго адмирала. Во время шествія изъ дома въ церковь ежеминутно раздавались выстрѣлы изъ вѣрности и съ кораблей эскадры. По обѣимъ сторонамъ

<sup>1)</sup> „Это большая потеря; это государственная потеря!“ сказала императрица (см. Дневн. Храповицкаго, стр. 175). Далѣе говорится (стр. 186): „приказано, чтобы Гваренги сдѣлать рисунокъ для мавзолея адмиралу Грейгу“.



дороги стояли войска, которыми командовалъ генераль-лейтенантъ фонъ-Кохнусъ, ревельскій оберъ-комендантъ. Начинали шествіе рыцари „Черноголовые“ со штандартомъ и музыкою, подъ предводительствомъ ротмистра Иллиха, за ними слѣдовала рота со знаменемъ лейбъ-гренадерскаго полка, городская школа съ ихъ учителями, наконецъ, православное и лютеранское духовенство въ черныхъ плащахъ. Затѣмъ слѣдовалъ герольдъ, извѣстный сподвижникъ Грейга, цейхмейстеръ генераль-маіоръ Леманъ съ жезломъ, имѣя по бокамъ двухъ маршаловъ. Шесть подушекъ съ булавою и орденами несли 18 штабъ-офицеровъ и три флага—трое морскихъ офицеровъ. За флагами несли серебряную чашу и вслѣдъ за нею ѣхала печальная колесница, запряженная шестью лошадьми. Подлѣ лошадей, которыхъ вели бомбардиры, шель лакей повойнаго адмирала въ черномъ платьѣ и 12 флотскихъ капитановъ. За колесницею шель губернаторъ, генераль-маіоръ Врангель, мой отецъ и весь генералитетъ, городскія власти, дворянство, мѣщане, два маршала съ жезлами и рота павловскаго баталіона. Всѣ офицеры, участвовавшіе въ процессіи, получили на память золотыя кольца съ именемъ покойнаго и годомъ смерти. При колокольномъ звонѣ и пальбѣ погребли адмирала Грейга въ ревельской лютеранской церкви, послѣ трогательной проповѣди оберъ-пастора Люкера.

Смерть адмирала Грейга произвела тяжелое впечатлѣніе въ Петербургѣ и боялись, что шведы, узнавъ о кончинѣ главнокомандующаго, предпримуть снова наступленіе, потому малѣйшій звукъ, похожій на стрѣльбу, причинялъ безпокойства <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Въ подтвержденіе этого можемъ привести письмо генерала Воронова къ гр. Чернышеву отъ 8-го ноября (Морск. Арх.): „на повелѣніе вашего сіятельства отъ 3-го ноября, въ которомъ изволили предписать, чтобы выправиться какаѣ была стрѣльба 26-го октября слышна въ петербургской брантвахтѣ и на маякахъ, сколько я ни старался, однако, узнать обстоятельно не могъ, но только получилъ свѣдѣнія отъ прибывшаго изъ крейсерства на фрегатѣ „Слава“ командира онаго капитанъ-лейтенанта. Шешукова, что оный стоялъ между Наргина и Вольфа (островами), однако, оныя пальбы никакой не слышалъ, а послѣ того ходилъ осматривать стоящій шведскій флотъ въ Гельсингфорсѣ и видѣлъ оный въ такомъ же положеніи, какъ и прежде былъ“.

Графъ Безбородко былъ зараженъ также маліею на иностранцевъ и братья Воронцовы имѣли на него вліяніе. Достигнувъ самыя высшихъ должностей, они смотрѣли на своихъ соотечественниковъ взглядомъ, не принося-

5-го ноября 1788 г. ревальская гавань покрылась льдомъ и тогда шведскій флотъ перешель изъ Свеаборга въ Карлскрону (9-го ноября).

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

щимъ имъ чести, такъ, напр., это видно изъ письма гр. Безбородко къ С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. 13, стр. 156): „Безъ сомнѣнія къ вамъ скоро дошла вѣдомость о смерти адмирала Грейга. Сей почтенный мужъ сдѣлался жертвою своего усердія къ государинѣ и имперіи. Нельзя не чувствовать потери, толь важной для государства. Память свою онъ оставилъ для насъ въ планахъ, имъ дѣланыхъ на будущую кампанію; но надобно, чтобы онъ самъ былъ въ исполненіе ихъ, ибо, куда ни глянешь, кромѣ вертопрашества, невѣжества, глѣни и олошности, не увидишь, и Богъ знаетъ, чѣмъ наши огромныя вооруженія кончатся. Тревенень пожалованъ полковничья чина капитаномъ и вы о немъ справедливо предвѣщены, но надобно время“.

При изученіи писемъ гр. Безбородко и его придворной дѣятельности, приходимъ къ убѣжденію, что онъ по временамъ поддѣлывался подъ тонъ Воронцовыхъ, а во дни размолвокъ съ ними говорилъ обратно.

Л. Ч.

## Изъ воспоминаній полковника Мевіуса о горномъ корпусѣ

1812 г.

21-го октября 1873 года исполнилось сто лѣтъ со дня основанія горнаго института. Празднованіе этого юбилея заставило меня сосредоточить свои воспоминанія на времени давно прошедшемъ, на времени, когда я былъ въ числѣ молодыхъ людей, получавшихъ образованіе въ этомъ учебномъ заведеніи, и кончилъ въ немъ курсъ 62 года тому назадъ.

Между прочимъ живо вспомнилось мнѣ великое время великаго 1812-го года и я хочу рассказать теперь о небольшомъ эпизодѣ, показывающемъ насколько отражались на насъ, студентахъ, событія той грозной и славной эпохи.

Живо помню я лѣто и осень 1812-го года и то тревожное чувство, которое испытывали всѣ петербуржцы, опасаясь за судьбу столицы.

Маршалъ Удино угрожалъ ей, а побѣдоносное шествіе Наполеона вело его къ сердцу Россіи—Москвѣ.

Сидя въ горномъ корпусѣ, слышали мы о сборахъ и отъѣздахъ жителей, слышали о бѣдствіяхъ, которыя испытывало наше любезное отечество; слышали и частью видѣли, какъ всѣ казбы растерялись и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались ко всякимъ вѣстямъ изъ арміи Барлеа-де-Толли и Витгенштейна.

Въ корпусѣ нашемъ настала полная безурядица. Начальниковъ не стало видно между нами, лекціи прекратились, провизовали насъ дурно. Чувалось что-то такое, что отвлекало всѣхъ

отъ исполненія своихъ обязанностей, что-то нарушающее обычное теченіе дѣлъ и стоящее выше всего обыденнаго.

Всѣ почти первоклассныя учебныя заведенія, равно какъ и цѣльныя имуществва столицы частныя и казенныя, въ томъ числѣ и минералогическое собраніе горнаго корпуса, были увезены въ Або и другія мѣста. Чиновники разныхъ вѣдомствъ, учителя и, наконецъ, самые учащіеся, особенно имѣвшіе постоянное мѣсто-жительство въ Петербургѣ или около него, оставили столицу и удалились въ болѣе безопасныя убѣжища. Только начальствующія лица, вышеставленныя, оставались на своихъ мѣстахъ.

Въ корпусѣ нашемъ изъ студентовъ остались одни сибирскіе уроженцы, не имѣвшіе родства и близкаго знакомства въ Петербургѣ. Число этихъ сибиряковъ было настолькоъ значительно, что послѣдній или старшій классъ, называвшійся студентскій, въ которомъ былъ и я, оставался почти въ полномъ своемъ составѣ.

Не имѣя занятій, ходили мы, студенты, цѣлыми часами и днями по обширному парадному крыльцу корпуса и вели безконечные разговоры о предметѣ, всѣхъ занимавшемъ. Не зная на что рѣшиться и опасаясь, чтобы непріятель, занявъ Петербургъ, не заставилъ насъ волей-неволей поступить въ его войска, мы, наконецъ, порѣшили всѣмъ классомъ подать общее прошеніе о принятіи насъ въ военную службу и о зачисленіи насъ въ дѣйствующіе полки. Были между нами и такіе, которымъ это рѣшеніе было весьма тягостно или по личнымъ побужденіямъ, или по тѣмъ обязанностямъ, которыя на нихъ лежали въ отношеніи ихъ семей, но чувство патриотизма большинства товарищей оказало сильнѣе ихъ, слово „трусъ“ имѣло тогда болѣе позорное значеніе, чѣмъ когда-либо, и общая просьба была подана. Директоръ корпуса Андрей Ѳедоровичъ Дерябинъ передалъ ее безъ замедленія министру финансовъ графу Гурьеву; но послѣдній, жалѣя лишить государственную службу столькихъ горныхъ офицеровъ и будучи хорошаго мнѣнія о нашихъ познаніяхъ въ горныхъ наукахъ, задержалъ у себя нѣкоторое время наше прошеніе, не доводя его до высочайшаго усмотрѣнія, а вскорѣ потомъ, когда Москва была оставлена непріателемъ, возвратилъ его намъ обратно съ сообщеніемъ, что оно будто бы написано не по формѣ и чтобы каждый желающій перейти въ военную

службу подавалъ о томъ отъ своего лица отдѣльное прошеніе. Побѣда Витгенштейна и рядъ успѣховъ Кутузова дали возможность вздохнуть свободнѣе каждому русскому и стракнули то напряженіе, которое всѣ ощущали. Опасенія миновались. Снова явились подавленные житейскіе интересы и ужъ насъ только половина товарищей повторила свою просьбу. Изъ перешедшихъ въ военную службу трое или четверо поступили въ адъютанты, судьба же прочихъ была неудачна—ихъ распустили при раскассированіи полковъ безъ чиновъ и даже долгое время оставляли безъ заслуженнаго жалованья.

Отставной горный инженеръ полковникъ Мериусъ.

Сообщ. 15-го мая 1875 г. П. Девк.

# МАРІЯ ИВАНОВНА ГОГОЛЬ.

По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской.

## I.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., мартъ мѣсяць (томъ LIII, стр. 667 — 710), помѣщена составленная Н. А. Бѣлозерскою статья о матери знаменитаго писателя нашего Николая Васильевича Гоголя.

Статья Н. А. Бѣлозерской названа ею „Биографическимъ очеркомъ Маріи Ивановны Гоголь“, но вѣрнѣе было бы наименовать ее очеркомъ отношеній къ матери и характеристикю личности Николая Васильевича Гоголя, такъ какъ оцѣнка отношеній Гоголя къ матери и сестрамъ и изображеніе нравственныхъ его качествъ не только занимаютъ въ очеркѣ главное мѣсто, но составляютъ всю суть статьи; личность же Маріи Ивановны является лишь какъ бы предлогомъ, поводомъ къ выводамъ и заключенію относительно характера ея знаменитаго сына, выводамъ столь же смѣлымъ, какъ и не лестнымъ, заключеніямъ столь же печальнымъ для дорогой всѣмъ русскимъ памяти Николая Васильевича, сколько невѣрнымъ, одностороннимъ и основаннымъ на неточныхъ данныхъ.

Николай Васильевичъ Гоголь родился въ мартѣ 1809 года, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи, куда мать его, Марья Ивановна, пріѣхала изъ имѣнія Гоголей—Васильевки (Яновщина), расположенномъ въ 35 верстахъ отъ Сорочинцевъ, за нѣсколько недѣль до родовъ, желая воспользоваться совѣтами извѣстнаго въ то время въ Малороссіи доктора

Михаила Яковлевича Трахимовскаго, моего прадѣда, помѣщика нынѣшняго Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи, проживавшаго въ своей усадьбѣ въ мѣстечкѣ же Сорочинцахъ. Крестнымъ отцемъ родившагося ребенка былъ дѣдъ мой, Михаилъ Михайловичъ Трахимовскій.

Въ томъ же мѣстечкѣ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскихъ, почти пятьдесятъ лѣтъ спустя, родился родной племянникъ Гоголя, Быковъ, названный Николаемъ, въ честь знаменитаго своего дяди, и восприемникомъ его отъ купели былъ мой отецъ Алексѣй Михайловичъ Трахимовскій. И вотъ со времени рожденія Николая Васильевича Гоголя установились добрыя сосѣдскія, пріятельскія отношенія семьи моей къ семьѣ Гоголя, отношенія, продолжающіяся и до настоящаго времени.

Въ теченіи шести лѣтъ гимназистомъ, по шести разъ въ годъ (въ праздники Рождества, Свѣтлаго праздника и во время каникулъ) я ночевалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Маріи Ивановны, такъ какъ имѣніе ея лежало на полпути между Сорочинцами и Полтавою, гдѣ я проходилъ свой гимназическій курсъ; затѣмъ студентомъ и, наконецъ, по окончаніи курса университета, каждый разъ пріѣзжая въ Малороссію, до самой смерти Марьи Ивановны я навѣщалъ Васильевку, гдѣ и проводилъ цѣлыя дни, посвящая ихъ преимущественно разговорамъ съ Марьею Ивановною и ея дочерьми о Николаѣ Васильевичѣ.

Самого Николая Васильевича Гоголя я нѣсколько разъ видѣлъ и въ Васильевкѣ, и въ Сорочинцахъ, въ домѣ отца моего, въ 1848, 1850 и 1851 годахъ, и хотя въ 1848 году мнѣ было всего 10, а въ 1851 году—13 лѣтъ, личность Гоголя врѣзалась въ память мою глубоко. Какъ многія дѣти 12, 13 лѣтъ, я былъ и любопытенъ и не лишень извѣстной доли дѣтской наблюдательности, той наблюдательности, вслѣдствіе которой дѣти замѣчаютъ многое, на что, по мнѣнію старшихъ, они не обращаютъ даже вниманія.

Съ жадностью, при свиданіяхъ съ Гоголемъ, слѣдилъ я за каждымъ движеніемъ Николая Васильевича, прислушиваясь къ каждому слову его, съ жадностью слушалъ рассказы о немъ отца и матери моихъ, спрашивалъ Марію Ивановну и дочерей ея, даже прислугу стараго дома Васильевки; къ этимъ свѣдѣніямъ (такъ связать свѣдѣніямъ изъ первыхъ рукъ) прибавлялись

толки сосѣдей, то восторженные и сочувственные, то индифферентные и даже съ отѣвномъ злобы, какъ, на примѣръ, разсужденія бывшаго миргородскаго уѣзднаго судьи Я...ча, не прощавшаго Гоголю описанія суда въ повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

По всѣмъ этимъ личнымъ, хотя и дѣтскимъ, наблюденіямъ, разговорамъ, толкамъ и разсказамъ въ умѣ моемъ созданъ извѣстный образъ Гоголя, не какъ писателя только, а какъ чловека, образъ, къ которому съ дѣтскихъ лѣтъ я относился съ глубокимъ и истиннымъ почтеніемъ; Марью же Ивановну Гоголь я привыкъ любить, близко зналъ и ее и ее положеніе, обстановку, отношеніе и т. д. А потому статья Н. А. Бѣлозерской и удивила, и огорчила меня, не говоря уже о нѣкоторыхъ фактическихъ неточностяхъ, не говоря уже о не вполне вѣрной характеристикѣ самой Марьи Ивановны (а я полагаю, что только при вѣрной оцѣнкѣ характера Марьи Ивановны можно придти къ вѣрнымъ заключеніямъ о характерѣ отношеній къ ней сына), личность Николая Васильевича Гоголя на страницахъ очерка Н. А. Бѣлозерской является такою неприглядною (чтобы не употребить болѣе сильнаго выраженія), что становится тяжело и грустно за память знаменитаго писателя. Читая очеркъ Н. А. Бѣлозерской, я не зналъ чему вѣрить: моимъ собственнымъ воспоминаніямъ, тому, что я видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами отъ лицъ, къ Гоголю самыхъ близкихъ и хорошо его знавшихъ, или свѣдѣніямъ, передаваемымъ Н. А. Бѣлозерскою, выводамъ и заключеніямъ, помѣщеннымъ на страницахъ статьи ея. Смущало меня въ особенности то обстоятельство, что свѣдѣнія, выводы и заключенія Н. А. Бѣлозерской имѣли своимъ источникомъ, по увѣреніямъ ея,—увѣреніямъ, въ которыхъ я не имѣлъ и не имѣю никакого основанія сомнѣваться,—главнымъ образомъ собственные письма Гоголя и его матери, значить, такъ сказать, исходятъ изъ ихъ собственныхъ устъ. Я началъ сомнѣваться въ томъ, ужъ не измѣняетъ ли мнѣ память, и потому рѣшился провѣрить мои свѣдѣнія и воспоминанія бесѣдою съ родной сестрой покойнаго Гоголя — Анною Васильевною Гоголь.

Случай къ этому представился въ первыхъ числахъ сентября 1887 года, въ Полтавѣ, у Анны Васильевны, проживающей



въ этомъ городѣ въ собственномъ своемъ домѣ. Статья Н. А. Бѣлозерской глубоко огорчила почтенную Анну Васильевну и она была рада подѣлиться своимъ огорченіемъ съ человѣкомъ, встрѣчавшимся, хотя и ребенкомъ, съ ея братомъ, хорошо и близко знакомымъ съ матерью ея, знавшимъ условія ихъ жизни, обстановку и положеніе ихъ.

— „Я знаю, что племянникъ мой Быковъ, говорила мнѣ Анна Васильевна, помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ <sup>1)</sup> отвѣтъ на статью Н. А. Бѣлозерской; но отвѣтъ этотъ коротокъ, помѣщенъ въ газетѣ, гдѣ, быть можетъ, и не попадется на глаза всякому изъ читающихъ „Русскую Старину“, можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, какъ написанный роднымъ племянникомъ покойнаго брата. А статья Н. А. Бѣлозерской перейдетъ, конечно, къ потомству, какъ матеріалъ для его біографіи, и дастъ ему о братѣ такое невѣрное, такое грустное и обидное мнѣніе!“

Посему Анна Васильевна съ полнымъ одобреніемъ отнеслась къ желанію моему напечатать мои замѣчанія на статью „Марія Ивановна Гоголь“.

Вмѣстѣ съ Анною Васильевною перечитали мы статью Н. А. Бѣлозерской; по указанію Анны Васильевны сдѣлалъ я замѣтки, съ ея словъ провѣрилъ свои свѣдѣнія и воспоминанія, и съ ея разрѣшенія печатаю настоящую статью, на страницахъ уважаемой „Русской Старины“, счастливый тѣмъ, что и послѣ провѣрки воспоминаній и свѣдѣній моихъ свѣдѣніями изъ такого компетентнаго источника, какъ рассказы Анны Васильевны Гоголь, образъ Гоголя, какъ человѣка, остался столь же свѣтлымъ, какимъ онъ хранился въ душѣ моей чуть ли не полстолѣтія.

---

<sup>1)</sup> № 4037, отъ 28 мая (9 іюня) 1887 года.

## II.

Прежде всего остановимся на неточности и невѣрности свѣдѣній Н. А. Бѣлозерской о матеріальномъ положеніи М. И. Гоголь и матеріальной обстановки жизни ея.

Въ очеркѣ „Марія Ивановна Гоголь“ разбѣянъ цѣлый рядъ замѣтокъ, указывающихъ на „бѣдность и нужду“, съ которыми приходилось бороться Марьѣ Ивановнѣ, на „жертвы“, которыя она должна была приносить, „униженія“, которыя она переносила, вслѣдствіе стремленія придти на помощь сыну своему.

Вотъ, между прочимъ, нѣсколько выдержекъ изъ статьи г-жи Бѣлозерской по этому поводу: „значительною нравственною поддержкою служила также для Марьи Ивановны ея безпредѣльная любовь къ единственному сыну, для котораго она не останавливалась ни предъ какою жертвою, готова была лишиться себя необходимаго, даже терпѣть униженія“<sup>1)</sup>.

„Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: какъ относился Н. В. Гоголь ко всѣмъ тѣмъ хлопотамъ и лишеніямъ, на какія обрекала себя его мать, чтобы дать ему возможность отправиться въ Петербургъ“<sup>2)</sup>. „Но онъ былъ настолько избалованъ всѣмъ предъидущимъ воспитаніемъ, что принималъ ея (т. е. матери) жертвы какъ нѣчто должное и не считалъ возможнымъ въ чемъ либо себѣ отказать“ и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ цѣлыя страницы, посвященныя описанію многочисленныхъ невзгодъ Марьи Ивановны, ея вѣчныхъ денежныхъ затрудненій, хлопотъ достать денегъ, займовъ, различныхъ неудачъ и т. д. Пробѣгая страницы эти рядомъ съ приведенными выше указаніями и намеками, читатель невольно долженъ придти къ заключенію, что Марья Ивановна и, конечно, и вся семья ея, терпѣли всевозможныя лишенія и невзгоды болѣею частью изъ за Николая Васильевича Гоголя, вслѣдствіе его денежныхъ нуждъ и требованій, причемъ приносили тяжелыя жертвы для удовлетворенія требованій этихъ.

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, мартъ 1887 года, „Марія Ивановна Гоголь“, стр. 679.

<sup>2)</sup> „Русская Старина“, тамъ же, стр. 685. :

Между тѣмъ ничего подобнаго не было.

Я зналъ Васильевку—имѣніе Гоголей, Васильевскій домъ и жизнь въ немъ, не только много лѣтъ послѣ смерти Н. В. Гоголя, но и при жизни его, т. е. именно въ то время почти, къ которому относятся приведенныя въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской письма.

Въ Васильевкѣ было 1000 десятинъ земли, и хотя эта земля и была заложена въ опекуновомъ совѣтѣ, но составляла имѣніе, на доходы съ котораго не трудно было безбѣдно прожить М. И. Гоголь и семьѣ ея, даже при необходимости содержать сына въ Нѣжинѣ, а потомъ помогать ему во время петербургской жизни; я думаю, что родственники и многочисленныя сосѣди, посѣщавшіе Васильевку, проводившіе цѣлыя дни подъ кровомъ дома Марьи Ивановны, гулявшіе въ прелестномъ тѣнистомъ саду, катавшіеся по обширному живописному пруду, осѣненному старыми деревьями, пользовавшіеся широкимъ гостепріимствомъ всегда милой, любезной, веселой и гостепріимной хозяйки, были бы очень удивлены, если бы имъ сказали, что эта самая Васильевка—пріютъ вѣчной нужды, горя и заботы, вѣчныхъ хлопотъ изъ-за копѣйки, вѣчныхъ жертвъ ради отсутствующаго сына. Сколько я не только помню самъ, но сколько я слышалъ и прежде, да и теперь отъ оставшихся въ живыхъ тогдашнихъ сосѣдей Васильевки, домъ Гоголей былъ всегда—полная чаша; домъ не большой, но помѣстительный, обширный и живописный садъ и прудъ, многочисленная прислуга, сытный обѣдъ, конечно, деревенскій, приличные экипажи и лошади и т. д., гдѣ-же тутъ нужда и недостатокъ? Правда, и въ Васильевкѣ, при всемъ обиліи плодовъ земныхъ, наличныя деньги далеко были не въ изобиліи, торговля продуктами имѣнія была мало развита, частный кредитъ былъ и рѣдокъ и дорогъ, конторъ, банкирскихъ домовъ и банковъ въ провинціи вовсе не существовало, а потому, когда являлась нужда въ болѣе или менѣе значительной суммѣ денегъ для уплаты въ опекуновскій совѣтъ, или податей, для высылки въ Нѣжинъ или Петербургъ, то деньги эти доставались съ трудомъ и помощью не малыхъ хлопотъ. Но это была участь, которую Марья Ивановна раздѣляла со многими своими сосѣдами-помѣщиками средней руки. Конечно, при хорошемъ веденіи хозяйства съ 1000 десятинъ можно было имѣть значительныя доходы,

но Марья Ивановна не отличалась особенными хозяйственными способностями, кромѣ того была крайне непрактична, бралась легкомысленно за весьма рискованныя предпріятія, не умѣла соразмѣрять своихъ расходовъ съ доходомъ. Въ этомъ отношеніи сошлюсь на два факта: одинъ, упоминаемый Н. А. Бѣлозерскою въ статьѣ ея, другой переданный мнѣ Анною Васильевною Гоголь. Н. А. Бѣлозерская передаетъ, что въ 1833 году, не имѣя ни необходимыхъ для того средствъ, ни техническихъ познаній, Марья Ивановна вздумала, для поправленія матеріальнаго положенія своего, завести заводъ и кожевенную фабрику, предпріятіе, кончившееся весьма печально, именно, вмѣсто доходовъ, „М. И. приобрѣла долгъ въ 5,000 рублей“<sup>1)</sup>. Съ другой стороны, по словамъ Анны Васильевны Гоголь, ея мать весьма часто не оставливалась и передъ покупателями, отнюдь не представлявшимися необходимыми, не смотря на недостатокъ наличныхъ денегъ. Въ то время и позже еще въ теченіи многихъ лѣтъ, вплоть до развитія нашихъ путей сообщенія, и въ особенности желѣзнодорожныхъ путей, офени-ходебщики съ ихъ коробками и болѣе зажиточные товарищи ихъ, развозившіе свои товары уже на многихъ подводахъ, были частыми и всегда пріятными гостями въ усадьбахъ малороссійскихъ помѣщиковъ; одно изъ основаній ихъ торговли былъ широкій кредитъ, который они отрывали своимъ покупателямъ, въ особенности изъ помѣщиковъ, вознаграждая себя за терпѣливое ожиданіе уплаты высокою продажною цѣною. Вотъ этихъ-то торговцевъ радушно принимала Марья Ивановна, покупала у нихъ и нужныя и ненужныя вещи, покупала почти всегда въ долгъ, конечно, переплачивая за то страшно въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ. Такимъ образомъ не въ непосильныхъ жертвахъ въ пользу сына и неумѣренной требовательности этого послѣдняго, а въ собственной неумѣлости, непрактичности и нѣсколько легкомысленномъ отношеніи къ расходамъ и предпріятіямъ для поправленія своихъ средствъ, надо прежде всего искать причинъ денежныхъ невзгодъ и затрудненій Марьи Ивановны.

Какъ на доказательства сказаннаго относительно матеріальнаго положенія М. И. Гоголь, я могу указать на цѣлый рядъ

---

<sup>1)</sup> «Русская Старина», изд. 1887 г., мартъ, стр. 639.

фактовъ, приведенныхъ въ самой даже статьѣ Н. А. Бѣлозерской, но на которые авторъ статьи не обратилъ особеннаго вниманія; такъ я могу указать на значительные расходы, дѣлавшіеся для пріема родственника М. И., вельможи и богача Троцинскаго и многочисленнаго, всегда сопутствовавшего ему, штата<sup>1)</sup>, на благодѣянія доброй Маріи Ивановны, на ея денежные подарки роднымъ и близкимъ, на которые въ статьѣ о ней мы находимъ лишь намеки, но которые мнѣ, какъ и всѣмъ знавшимъ М. И., были хорошо извѣстны, хотя она и скрывала добрыя дѣла свои; М. И. любила помогать и я знаю не одинъ примѣръ, когда помощь эта выражалась въ десяткахъ и сотняхъ рублей; наконецъ, на постройку церкви съ прекрасною каменною оградой, сооруженной средствами Гоголей и стоившей не одну тысячу рублей<sup>2)</sup>.

### III.

Но откуда же является въ такомъ случаѣ, могутъ спросить меня, въ письмахъ М. И. Гоголь, послужившихъ матеріаломъ для статьи Н. А. Бѣлозерской, эти горькія жалобы на стѣснительное положеніе, недостатокъ средствъ, нужду и т. д. Вѣдь всѣ эти жалобы не измышлены авторомъ, они записаны рукою самой Маріи Ивановны, исходятъ, значить, изъ устъ ея, обращаются при томъ къ лицамъ, съ которыми она говоритъ по душѣ, откровенно, ничего не скрывая, слѣдовательно, носятъ вполне характеръ и подлинности, и правдивости? Совершенно вѣрно; жалобы на-лицо, но сдѣланные изъ нихъ выводы неправильны, и неправильны потому, что, дѣлая выводы эти, авторъ не обратилъ, по мнѣнію нашему, должнаго вниманія ни на характеръ документовъ—писемъ, изъ коихъ онъ черпалъ свѣдѣнія свои, ни на характеръ лица, рука котораго писала письма эти.

<sup>1)</sup> „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., мартъ, стр. 662.

<sup>2)</sup> Считаю необходимымъ упомянуть о маленькой неточности, вкравшейся въ статью Н. А. Бѣлозерской: въ статьѣ сказано (стр. 669), что церковь отдѣлена будто одною оградой отъ панскаго двора, тогда какъ между ними дѣлая огромная площадь или, вѣрнѣе, церковь стоитъ въ сторонѣ отъ усадьбы среди обширнаго поля.

Письма М. И. Гоголь, въ которыхъ она такъ горько жаловалась, писались, очевидно, въ минуты горя, раздраженія, огорченія, и это состояніе души ея отражалось и на ея перепискѣ, на тѣхъ преувеличеніяхъ, которыя въ нихъ попадаются. Напримѣръ М. И. Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Косыковскому, отъ 16-го декабря 1828 года, что они (т. е. она и дѣти) даже въ шубахъ не могутъ отогрѣться въ комнатахъ, что каждый день она дрожить какъ въ лихорадѣ и т. д. Фактъ такой зимы, такой нужды и муки едва-ли бы могъ исчезнуть даже изъ дѣтской памяти, между тѣмъ Анна Васильевна мнѣ передавала, что она положительно не припоминаетъ этого факта, что дѣйствительно, когда строили новый домъ, въ старомъ бывало и тѣсно, и холодно, но далеко не до такой степени. Хотя Анна Васильевна и была еще дѣвочкой въ то время, но едва-ли такая тяжелая зима, такое тяжелое испытаніе могли-бы исчезнуть безслѣдно даже изъ дѣтской памяти. Очевидно, М. И. Гоголь не думала, что письма ея могутъ попасть въ печать, что по письмамъ этимъ будутъ судить и о ней, и о сынѣ ея; она писала все, что было на душѣ, не заботясь о точности передаваемыхъ фактовъ, а старалась лишь облегчить душу свою, изливая горе свое въ жалобахъ, могущихъ дать лишь вѣрное понятіе о состояніи ея духа въ данную минуту, а отнюдь не о причинахъ, вызвавшихъ ея грустное настроеніе. А настроеніе М. И. Гоголь часто стояло въ зависимости не столько отъ внѣшнихъ причинъ, сколько отъ свойства ея характера: добрая, религиозная, сострадательная, готовая всегда помочь, М. И. Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ была крайне впечатлительна и подозрительна; бывали дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, когда впечатлительность М. И. Гоголь доходила до крайнихъ предѣловъ, достигала почти болѣзненнаго состоянія; что же касается до подозрительности ея характера, то для того, чтобы убѣдиться до какихъ предѣловъ подозрительность эта доходила, довольно прочесть слѣдующія строки изъ біографической замѣтки В. И. Шенрока о Гоголѣ, полная вѣрность которой была мнѣ подтверждена А. В. Гоголь <sup>1)</sup>).

„То представлялась Маріи Ив. вдругъ безъ всякаго основанія мысль, что пасквильная статья, прочитанная ею въ журналѣ,

<sup>1)</sup> Ученнческіе годы Гоголя. Біографическія замѣтки В. Шенрока, стр. 101.

написана ея любимымъ сыномъ, и она, не стѣсняясь, высказываетъ свое нелестное предположеніе, не обращая даже вниманія на то, что статья и подписана-то другимъ именемъ, и что при томъ сынъ уже предупреждалъ ее, что въ присылаемой книжкѣ его статей нѣтъ; то она готова вѣрить рассказамъ о невоздержанномъ образѣ его жизни, о несоблюденіи имъ самыхъ простыхъ правилъ вѣжливости и т. д. На такіе случаи проявленія ея подозрительности приходится наталкиваться довольно часто при чтеніи писемъ“.

Вѣдь и эти письма, обвинявшія, такъ сказать, Н. В. Гоголя въ сочиненіи пасквильныхъ статей, въ невоздержанной жизни, въ грубости... были такъже написаны собственноручно ею, его матерью, лицомъ, близко его знавшимъ, страстно его любившимъ, и между тѣмъ въ какую грубую ошибку впалъ бы читатель писемъ этихъ, судя Гоголя по ихъ содержанію, считая Гоголя на основаніи ихъ человѣкомъ развратнымъ, грубымъ или способнымъ писать пасквильныя статьи, забывши, что письма эти лишь плодъ крайней подозрительности характера М. И. Гоголь.

Прибавлю еще два слова въ доказательство того, насколько въ своихъ рассказахъ (а слѣдовательно въ письменныхъ бесѣдахъ) М. И. Гоголь могла увлекаться подъ влияніемъ впечатлительности своего характера. Въ 1862 или 1863 году, проживая въ то время въ Сорочинцахъ, я провожалъ близкаго родственника моего (уѣзжавшаго въ Полтаву и оттуда въ С.-Петербургъ), именно до Васильевки, гдѣ мы должны были остановиться на нѣсколько часовъ у М. И. Гоголь и затѣмъ разѣхаться, онъ въ Полтаву, а я обратно въ Сорочинцы. Подѣзжая къ Васильевкѣ, мой родственникъ сказалъ мнѣ, что боится, что у него слишкомъ мало денегъ, и что онъ намѣренъ попросить въ займы у М. И. Гоголь двѣсти рублей мѣсяца на два, до возвращенія изъ Петербурга. Послѣ обѣда я остался съ М. И. Гоголь одинъ въ гостинной; разговоръ зашелъ о хозяйствѣ и М. И. Гоголь въ теченіи часа, по крайней мѣрѣ, горько жаловалась мнѣ на неурожай и всякія хозяйственныя невзгоды, поставившія ее въ такое критическое положеніе, что она просто не знаетъ что дѣлать, что скоро не на что будетъ „буквально съѣздить въ Полтаву и купить чаю и сахару“. Въ эту минуту вошелъ мой родственникъ и передалъ М. И. Гоголь свою просьбу о

200 рублей серебромъ. Видя, что онъ не обращаетъ вниманія на знаки, которыми я хотѣлъ остановить его слова, я сказалъ, что М. И. Гоголь только что передавала мнѣ о затруднительномъ своемъ положеніи, но М. И. Гоголь перебила меня словами:

„Что вы, что вы, голубчикъ, я очень рада, что милый М. обратился ко мнѣ, какъ къ старому другу, и что я могу помочь ему“.

Она вышла изъ комнаты и черезъ пять минутъ заставила почти насильно сконфуженнаго М. принять отъ нея 200 рублей, которые впоследствии ни за что не соглашалась взять обратно. Вотъ именно крайняя подозрительность и впечатлительность М. И. Гоголь, ея способность увлекаться и преувеличивать — свойство характера М. И. Гоголь, которыя необходимо имѣть въ виду, чтобы сдѣлать правильную оцѣнку ея письмамъ; взявши же нѣсколько писемъ на удачу и при чтеніи ихъ не обращая вниманія на характеръ лица, ихъ писавшаго, легко придти къ самымъ невѣрнымъ выводамъ и заключеніямъ изъ документовъ, повидному, самыхъ правдивыхъ и достовѣрныхъ.

#### IV.

Переходя къ взглядамъ, высказываемымъ въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской, на взаимныя отношенія М. И. Гоголь и сына ея Н. В. Гоголя, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ тѣхъ строкъ статьи, въ которыхъ главнымъ образомъ взгляды эти выразились. Вотъ что читаемъ мы на страницахъ очерка Н. А. Бѣлозерской:

„Но если съ этой стороны дѣтство Н. В. Гоголя было поставлено судьбою въ наилучшія условія, то съ другой стороны—эти же условія оказались безсильными для его нравственнаго воспитанія, и многое даже прямо содѣйствовало развитію въ немъ дурныхъ инстинктовъ....<sup>1)</sup>“.

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 672.



„Ея безграничное баловство и снисходительность къ его дѣтскимъ слабостямъ должны были неизбежно привести къ развитію въ немъ эгоизма и другихъ недостатковъ, отъ которыхъ больше всего пришлось страдать самой Маріи Ивановнѣ...<sup>1)</sup>“.

„Но онъ (Н. В. Гоголь) былъ настолько избалованъ всѣмъ предыдущимъ воспитаніемъ, что принималъ ея жертвы, какъ нѣчто должное, и не считалъ возможнымъ въ чемъ либо отказать себѣ“....

„При этомъ онъ не хотѣлъ оставить ей и того утѣшенія, что сдѣланная ею непосильная затрата для его содержанія въ гимназіи принесла дѣйствительную пользу...<sup>2)</sup>“.

„Хотя онъ не повѣрилъ ея словамъ, но не нашелъ возможнымъ оказать ей денежную помощь и ограничился однимъ общаніемъ...<sup>3)</sup>“.

„Однако, на этотъ разъ общій тонъ его письма (къ матери) былъ дружескій“<sup>4)</sup>.

„Такое заявленіе сына должно было тронуть ее, такъ какъ она не была избалована его вниманіемъ“<sup>5)</sup>.

„Между тѣмъ Н. В. Гоголь, заботясь такимъ образомъ о душевномъ устроеніи и нравственномъ совершенствованіи близкихъ родныхъ, считалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ относительно ихъ матеріальнаго обезпеченія, какъ въ виду своего болѣзненнаго состоянія, такъ и стремленія обставить себя условіями, которыя казались ему наиболѣе благоприятными для его творчества“...

„Хотя приобрѣтенная имъ съ дѣтства привычка ни въ чемъ не отказывать себѣ и не сообразоваться съ наличными средствами нерѣдко ставила его въ затруднительное положеніе, близкое къ нищетѣ, но онъ имѣлъ болѣе или менѣе возможность жить безбѣдно, потому что съ приобрѣтеніемъ извѣстности получалъ значительныя суммы. Помимо дохода за свои сочиненія и неоднократныхъ денежныхъ пособій отъ высочайшихъ особъ, Н. В. Гоголь безцеремонно пользовался щедростью друзей, которые

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 673.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, стр. 680.

<sup>3)</sup> Тамъ-же, стр. 693.

<sup>4)</sup> Тамъ-же, стр. 694.

<sup>5)</sup> Тамъ-же, стр. 694.

считали своимъ нравственнымъ долгомъ поддерживать его и выручать изъ бѣды“<sup>1)</sup>).

„То-же своеобразное отношеніе Н. В. Гоголя къ тяжелому матеріальному положенію своей семьи сказалось и въ 1844 году, когда онъ рѣшилъ отдать въ пользу бѣдныхъ, но достойныхъ студентовъ всѣ деньги, собранныя за продажу его книгъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ, хотя зналъ изъ писемъ матери, что въ это самое время ей грозила опіесъ всего имуществва за долги“<sup>2)</sup>).

Итакъ, Н. В. Гоголь былъ человекъ съ дурными инстинктами, избалованный, эгоистъ, не умѣвшій и не желавшій себѣ въ чемъ либо отказывать, безцеремонно пользовавшійся щедротами друзей, для прихотей своихъ не щадившій болѣе чѣмъ скудныхъ средствъ своей матери, а между тѣмъ отказывавшій ей во всякой матеріальной помощи, когда имѣлъ полную возможность оказать таковую, сухой резонеръ, неделикатный, почти грубый въ своихъ непрощенныхъ поученіяхъ, которыми наполнены письма къ матери, горячо его любившей, и не останавливавшейся ни передъ чѣмъ, переносившей всяческія лишения, готовой на всякія жертвы для удовлетворенія эгоистическихъ требованій и настаиваній сына; таково мнѣніе, которое нельзя не вынести изъ приведенныхъ мѣстъ статьи, да и вообще изъ всей статьи Н. А. Бѣлозерской.

Между тѣмъ вотъ что записано мною буквально со словъ почтенной Анны Васильевны Гоголь, въ Полтавѣ, 4-го сентября 1887 года:

„Братъ всегда себѣ отказывалъ, насколько возможно было; для него попросить у матери что либо было крайне тяжело, и онъ избѣгалъ этихъ просьбъ и обращался къ нимъ лишь въ крайности и то лишь въ первое время; сыномъ братъ былъ очень нѣжнымъ и внимательнымъ; трудно судить объ ихъ отношеніяхъ по нѣсколькимъ отрывкамъ изъ писемъ, которыя можно толковать и такъ, и иначе, которыя написаны часто подъ минутнымъ впечатлѣніемъ“.

<sup>1)</sup> „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., мартъ, стр. 697, 698.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, стр. 699.

5-го сентября 1887 года Анна Васильевна, въ дополненіе къ бесѣдѣ нашей, имѣвшей мѣсто наканунѣ, писала мнѣ:

„Какъ будто нарочно выбраны такія письма, изъ которыхъ можно сдѣлать выводъ во вредъ Н. В. Гоголя, а не тѣ, въ которыхъ видны нѣжныя заботы о матери и родныхъ; 19-ти лѣтній юноша очутился въ чужомъ городѣ, безъ средствъ, мать высылала недостаточно изъ его же состоянія (дѣтскаго имѣнія). Онъ обращается къ единственному родственнику въ Петербургѣ, двоюродному дядѣ Трощинскому, это ему ставится чуть ли не въ преступленіе. Что-же ему было дѣлать?“

Наконецъ, отвѣчая на нѣкоторые вопросы мои, Анна Васильевна писала мнѣ въ октябрѣ 1887 года:

„Характеръ у матери былъ очень подозрительный и разстроенное воображеніе, но братъ очень терпѣливо это переносилъ и насъ (сестеръ) уговаривалъ, а его же обвинили. У брата, какъ у всякаго, были какіе нибудь недостатки, но ничуть не тѣ, которые ему приписываютъ въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской. Онъ былъ добръ до самоотверженія, любящій; мать очень нѣжно любила, а для большаго убѣжденія употребляла иногда рѣзкія выраженія, но терпѣливо сносилъ ея подозрительность. Вспомнила, что статья г-жи Бѣлозерской обвиняетъ брата даже въ томъ, что она (мать) терпѣла холодъ въ домѣ и прочія неудобства, но въ то время братъ изъ лица ѣхалъ въ Петербургъ 18-ти лѣтъ“.

Затѣмъ Анна Васильевна указываетъ вновь на то обстоятельство, что статья Н. А. Бѣлозерской видитъ въ посылаемыхъ Николаю Васильевичу деньгахъ „жертвы“ со стороны Маріи Ивановны, между тѣмъ какъ деньги эти были доходомъ съ имѣнія Николая Васильевича, надъ которымъ Марія Ивановна была лишь опекушкой.

Очевидно, мнѣнія Анны Васильевны о характерѣ брата и отношеніяхъ его къ матери ихъ, Маріи Ивановнѣ Гоголь, діаметрально противоположны выводамъ, дѣлаемымъ въ статьѣ г-жи Бѣлозерской. Кому же дать предпочтеніе? Я полагаю, Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Что я не ошибаюсь, утверждая, что правѣ Анна Васильевна, не требуетъ, надѣюсь, никакихъ доказательствъ для лицъ, знавшихъ Николая Васильевича и Марью Ивановну Гоголь, знакомыхъ съ Анною Васильевною; для лицъ же, лично не знакомыхъ ни съ нашимъ знаменитымъ писателемъ, ни

съ членами семейства его, считаю моимъ долгомъ привести нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе моего мнѣнія.

Прежде всего обращусь въ источникамъ двухъ различныхъ мнѣній о характерѣ Н. В. Гоголя и объ отношеніяхъ его къ матери.

Мнѣнія, высказанныя въ статьѣ Н. А. Бѣлозерской — выводъ изъ нѣсколькихъ писемъ Маріи Ивановны Гоголь къ сыну и этого послѣдняго къ ней и нѣсколькихъ же писемъ ея къ родственникамъ.

Эти письма не составляютъ не только всей корреспонденціи между матерью и сыномъ, или Марьей Ивановной и ея родственниками и знакомыми, а представляютъ только незначительную часть ея; это, такъ сказать, отрывки изъ переписки, изъ которой также трудно сдѣлать вѣрный выводъ о характерѣ и отношеніяхъ лицъ переписывавшихся, какъ трудно судить о цѣломъ сочиненіи по нѣсколькимъ выдернутымъ на удачу листочкамъ книги. Г-жа Бѣлозерская не знала лично ни Николая Васильевича, ни Маріи Ивановны, не знала ихъ характера, ихъ наклонностей; крайняя впечатлительность и подозрительность характера Маріи Ивановны, кажется, вовсе не были извѣстны г-жѣ Бѣлозерской, а только принимая въ соображеніе, какъ я уже сказалъ выше, эти черты характера Маріи Ивановны, можно было сдѣлать вѣрную оцѣнку не только ея писемъ, но даже ея разговоровъ, такъ что едва-ли можно вѣрно судить о характерѣ отношеній Н. В. Гоголя, именно, къ самымъ близкимъ ему людямъ, упуская изъ виду нервность его натуры, доходившей нерѣдко до болѣзненнаго состоянія. Наконецъ, какъ я уже тоже упомянулъ выше, въ письмахъ между близкими людьми, письмахъ, не предназначенныхъ для публички, писанныхъ часто въ минуту гнѣва, раздраженія, нетерпѣнія и т. д., наскоро, не подбирая словъ и фразъ, нельзя, такъ сказать, ставить „каждое лыко въ строку“, какъ нельзя считать дѣйствительными мнѣніями человѣка о другомъ лицѣ бранныя слова, вырвавшіяся у него въ минуту раздраженія противъ лица этого.

Мнѣнія же Анны Васильевны Гоголь, мнѣнія сестры Николая Васильевича, дочери Маріи Ивановны, прожившей съ матерью всю жизнь, кромѣ годовъ институтскаго воспитанія, знавшей близко вполнѣ характеръ брата и матери, знавшей ихъ взаимныя

отношенія не по разсказамъ, не по отрывочнымъ письменнымъ свѣдѣніямъ, а вслѣдствіе совмѣстной жизни, въ теченіи многихъ лѣтъ.

Затѣмъ мнѣнія статьи Н. А. Бѣлозерской заключаютъ въ себѣ противорѣчія съ фактами, отчасти ею самою приводимыми.

Какъ примирить, напримѣръ, крайній эгоизмъ Н. В. Гоголя, безцеремонное обирание имъ матери, безцеремонное пользованіе кошелекомъ друзей, обращеніе вниманія лишь на удовлетвореніе своихъ прихотей—съ тою широкою помощью, которую онъ оказываетъ „бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ“, назначая „въ ихъ пользу всѣ деньги, собранныя за продажу книгъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ“<sup>1)</sup>—т. е. все заработанное имъ? Скажутъ — хвастовство, чванство, тщеславіе; не видной помощи нуждающейся матери оказать не находятъ возможнымъ, а дѣлать пожертвованіе — молва о которомъ можетъ далеко разнестись!

На это я отвѣчу выпискою изъ статьи Г. П. Данилевскаго о Гоголѣ<sup>2)</sup>: „Я простился съ Гоголемъ и болѣе въ жизни уже не видалъ его. Возвратясь въ Петербургъ я въ тотъ же день, вечеромъ, отвезъ врученные мнѣ (Гоголемъ) свертокъ и пакетъ къ Плетневу. О сверткѣ онъ сказалъ: „Знаю“, и положилъ его на столъ. Распечатавъ пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку депозитовъ, Плетневъ спросилъ меня: „А письма нѣтъ?“; я отвѣчалъ, что Гоголь, передавая мнѣ пакетъ, сказалъ только: „должокъ Плетневу“. Плетневъ заперъ деньги въ столъ, помолчалъ и съ обычною своею добродушною важною сказалъ: „Какъ видите, онъ и здѣсь вѣренъ себѣ; это его обычное съ казіями пособіе черезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фигузмъ<sup>3)</sup> раздаетъ и не знаетъ откуда эти пособія“. Кажется, фактъ громко говоритъ самъ за себя и разрушаетъ всякое предположеніе о хвастовствѣ и тщеславіи. Постоянная тайная помощь бѣднымъ студентамъ изъ своихъ, часто крайне скудныхъ, средствъ, какъ хотите, вовсе не вяжется съ приведеннымъ мнѣніемъ о характерѣ Гоголя и его стремленіяхъ эксплуатировать мать,

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 699.

<sup>2)</sup> Знакомство съ Гоголемъ, изъ литературныхъ воспоминаній Григорія Данилевскаго.

<sup>3)</sup> Инспекторъ студентовъ с.-петербургскаго университета.

пользуясь ея средствами, эксплуатировать друзей, безцеремонно прибѣгая къ ихъ карману.

То-же слѣдуетъ сказать о характерѣ отношеній Николая Васильевича Гоголя къ матери и относительно сухаго поучительнаго неумѣстнаго тона его писемъ. Какъ, напримѣръ, примирить такія выраженія статьи Н. А. Бѣлозерской: „она (т. е. Марья Ивановна) не была избалована его вниманіемъ“, „однако-же на этотъ разъ общій тонъ писемъ его былъ дружескій“, „Николай Васильевичъ Гоголь не разъ позволялъ себѣ говорить этимъ тономъ съ матерью и читать ей наставленія. Но иногда, увлекаемый принятою на себя ролью проповѣдника, онъ писалъ такимъ высокоумѣреннымъ и не яснымъ слогомъ, что мать и сестры понимали его слова въ превратномъ смыслѣ“<sup>1)</sup>, и т. д. съ рядомъ указаній въ той-же статьѣ на нѣжныя сыновнія отношенія Николая Васильевича къ матери? Такъ, въ той-же статьѣ и почти рядомъ съ приведенными строками читаемъ мы, что Гоголь: „съ матерью дѣлился своими юношескими мечтами“ (стр. 689), читаемъ: какъ тяжело поразила его перемена, какая произошла въ Марьѣ Ивановнѣ со времени его отъѣзда изъ Васильевки и которую онъ живо описываетъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ ней: „я не могу вамъ рассказать, пишетъ онъ, той грусти, которую я чувствовалъ, глядя на васъ.... я съ содроганіемъ видѣлъ слѣды и читалъ ихъ на лицѣ вашемъ, слѣды, проведенные побѣдившими васъ заботами“ (стр. 692), читаемъ, что Гоголь: „не забывалъ извѣщать мать о своихъ маленькихъ сестрахъ, о которыхъ заботился, насколько могъ“ (стр. 692); уѣзжая въ Петербургъ, Гоголь „умоляетъ своего родственника быть ангеломъ хранителемъ его матери, добавляя, что съ своей стороны все сдѣлаетъ...“ (стр. 686); пріѣзжая въ Васильевку изъ Сорочинцевъ, посылаетъ записку сестрѣ, боясь потревожить мать неожиданнымъ пріѣздомъ.... (стр. 704); находясь въ Италіи Гоголь пишетъ матери: „каждый мѣсяцъ, со всякаго мѣста, гдѣ находится“ (стр. 696).

Наконецъ, третій рядъ фактовъ, подтверждающихъ предпочтеніе, которое я даю мнѣніямъ Анны Васильевны Гоголь, а

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 698.

слѣдовательно тѣмъ самымъ опровергающихъ выводы Н. А. Бѣлозерской, это факты, касающіеся имущественныхъ, такъ сказать, отношеній Гоголя къ семьѣ своей. Изъ статьи г-жи Бѣлозерской нельзя не придти къ заключенію, что Николай Васильевичъ Гоголь, черствый себялюбивый эгоистъ, стремился лишь къ тому, чтобы вытянуть, что возможно, отъ матери своей, относясь болѣе чѣмъ индифферентно къ ея нуждамъ, къ стѣсненному положенію семьи и ограничивался, вмѣсто оказанія матеріальной помощи, одними лишь непрошенными поученіями и нравоученіями. Между тѣмъ, изъ словъ Анны Васильевны, да и самой статьи Н. А. Бѣлозерской видно, напримѣръ, что въ 1831 году Гоголь посылаетъ матери 500 рублей на приданое старшей сестрѣ и на 90 рублей всякихъ петербургскихъ издѣлій матери и другимъ сестрамъ <sup>1)</sup>; что въ 1839 году онъ даетъ деньги на путешествіе матери изъ Москвы въ Малороссію <sup>2)</sup>; что онъ составляетъ дарственную запись, по которой его часть имѣнія переходитъ матери въ ея вѣчное владѣніе и только расходы, связанные съ формальнымъ совершеніемъ этой записи, заставляютъ Н. В. Гоголя ограничиться дачею матери довѣренности на управленіе имѣніемъ <sup>3)</sup>, но это не мѣшаетъ Гоголю считать имѣніе перешедшимъ въ полное владѣніе его матери, какъ это видно изъ его письма С. Т. Аксакову 18 марта 1843 года <sup>4)</sup>; что Гоголь занимается воспитаніемъ двухъ младшихъ сестеръ своихъ, везетъ ихъ въ Петербургъ, помѣщаетъ въ институтъ, заботится о нихъ <sup>5)</sup>; что при пріѣздахъ въ Малороссію Гоголь не только помогаетъ бѣднымъ крестьянамъ, пострадавшимъ отъ падежа скота и голода <sup>6)</sup>, но неоднократно платитъ десяти, а иногда и сотни рублей, задолженныхъ матерью прѣѣзжимъ торговцамъ <sup>7)</sup>, и т. д.

Конечно, этими фактами далеко не исчерпываются случаи, когда Гоголь матеріально приходилъ на помощь матери и своей

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 691.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 696.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 686.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 699.

<sup>5)</sup> Тамъ же, стр. 692, и свѣдѣнія А. В. Гоголь.

<sup>6)</sup> Тамъ же, стр. 604.

<sup>7)</sup> Свѣдѣнія А. В. Гоголь.

семьѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше изъ словъ Погодина, Николай Васильевичъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не любятъ, чтобы лѣвая рука вѣдала, что даетъ правая, но и этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы не только усомниться, но я полагаю, чтобы вполне отвергнуть выводы Н. А. Бѣлозерской о бездушномъ, болѣе чѣмъ индифферентномъ, отношеніи Гоголя къ нуждамъ и невгодамъ своей матери и сестеръ. Если же Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ иногда давать совѣты матери въ рѣзкомъ тонѣ, то лучшимъ объясненіемъ могутъ служить слова самого Гоголя къ С. П. Шевелеву 28-го февраля 1843 года <sup>1)</sup>: „что въ дѣлахъ его матери гораздо важнѣе и полезнѣе умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь“. Зная хорошо характеръ своей матери, ея впечатлительность, ея безконечную доброту и щедрость, довѣрчивость, нѣкоторую легкомысленность и непрактичность въ дѣлахъ, Гоголь легко могъ предполагать, что серьезное, даже, скажемъ, рѣзкое слово любимого сына принести своего рода пользу; предположеніе могло быть и ошибочно, но отъ него еще далеко до бездушія, эгоизма и индифферентнаго отношенія къ семьѣ.

## V.

На этомъ я могъ бы кончить мои замѣтки о статьѣ Н. А. Бѣлозерской, но считаю долгомъ моимъ остановиться еще на двухъ фактахъ, приведенныхъ въ статьѣ этой, фактахъ крайне печальныхъ, грустныхъ и тяжелыхъ для памяти нашего писателя, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ статьѣ „М. И. Гоголь“; но надѣюсь, что должнымъ образом освѣщенные факты эти приобрѣтаютъ иной дѣйствительный смыслъ свой и значеніе. Я говорю объ указаніяхъ статьи г-жи Бѣлозерской, такъ сказать, на растрату Н. В. Гоголемъ 1,450 рублей, присланныхъ ему матерью для взноса въ опекунскій совѣтъ <sup>2)</sup>, и на отношенія Гоголя къ Троцинскому <sup>3)</sup>. Я съ намѣреніемъ

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, изд. 1887 г., мартъ, стр. 698.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, стр. 687 и 688.

<sup>3)</sup> Тамъ-же, стр. 689.



употребилъ выраженіе „растрата“, такъ какъ именно характеръ таковой, характеръ почти преступленія получаетъ этотъ поступокъ Гоголя въ разсказѣ Н. А. Бѣлозерской. Приводится голый фактъ, что Гоголь взялъ на свою поѣздку за-границу 1,450 рублей, присланныхъ для взноса въ опекунскій совѣтъ, прося лишь мать не беспокоиться, такъ какъ ему удалось получить пересрочку на четыре мѣсяца; затѣмъ слѣдуетъ замѣтка, что письмо это осталось безъ отвѣта, и что Гоголь счелъ нужнымъ написать изъ-за границы еще два письма матери въ свое оправданіе, и что извѣстіе, помѣщенное въ одномъ изъ нихъ о его болѣзни, еще болѣе опечалило мать, чѣмъ самовольное распоряженіе ея деньгами. Дѣйствительно, нельзя найти прекраснымъ или основательнымъ поступокъ Гоголя, но онъ получаетъ совершенно иной характеръ, если вспомнить, что имѣніе Васильевка принадлежало не М. И. Гоголь, а дѣтямъ ея и, главнымъ образомъ, Н. В. Гоголю, что она высылала деньги, полученныя съ этого имѣнія, для уплаты процентовъ по этому имѣнію, что такимъ образомъ никакъ нельзя говорить „о самовольномъ распоряженіи Н. В. Гоголя чужими деньгами“, т. е. обвинять его въ растратѣ чужой собственности.

Что же касается отношеній Н. В. Гоголя къ Трощинскому, то для вѣрной оцѣнки ихъ нужно вспомнить о томъ, что Трощинскій для Н. В. Гоголя былъ прежде всего не знатный и богатый человѣкъ, а родственникъ — дядя, тотъ человѣкъ, котораго мать Гоголя и въ письмахъ называла „добрымъ и дорогимъ братомъ“. Въ то время, то есть 60 лѣтъ тому назадъ, взглядъ на родственныя связи и отношенія былъ иной, чѣмъ теперь, — связи родственныя были тѣснѣе, отношенія — теплѣе; степени родства, о которыхъ теперь и не говорятъ, въ прежнее время давали право на самыя близкія родственныя сношенія; двоюродный, троюродный дяди считались близкими родственниками и обращаться къ нимъ за помощью далеко не считалось зазорнымъ. Да и самый взглядъ на отношенія къ сильнымъ міра сего, къ лицамъ знатымъ, чиновнымъ, богатымъ былъ совершенно иной, чѣмъ нынѣшніе взгляды; хотя сущность, быть можетъ, и мало измѣнилась, но форма далеко не та; и теперь масса людей ищутъ „покровителей“, пользуются помощью „благодѣтелей“, но избѣгаютъ и

стыдятся этихъ названій. Н. В. Гоголь же выросъ въ то время, когда имѣть въ своемъ родствѣ знатнаго и богатаго человѣка не только считалось особенною честью, но когда считалось вполнѣ естественнымъ гордиться такимъ родствомъ; когда не видѣли ничего не только неприличнаго или безнравственнаго, но и ничего неудобнаго пользоваться вліяніемъ или средствами родственника-вельможи, обращаться къ нему съ просьбами, получать отъ него денежное вспомошествованіе; Н. В. Гоголь съ дѣтства слышалъ, какъ его родная мать, одна изъ лучшихъ женщинъ своего времени, не считала неудобнымъ и въ глаза, и за глаза, и словесно, и письменно называть своего брата Трощинскаго „ангеломъ-спасителемъ, благодѣтелемъ“, обращаться къ нему за покровительствомъ, за займомъ денегъ и т. д. При такихъ условіяхъ объ отношеніяхъ Н. В. Гоголя къ Трощинскому можно связать лишь одно, что въ этомъ отношеніи Н. В. Гоголь былъ, быть можетъ, не выше своего времени, не выше среды, его окружавшей.

Я не могу не привести словъ, сказанныхъ мнѣ Анною Васильевою Гоголь по поводу приведенныхъ выше 1,450 рублей и отношеній ея брата къ Трощинскому.

„Въ статьѣ забыли, что Трощинскій былъ родственникъ брату Николаю, а къ кому же брату было обращаться, какъ не къ родственнику, единственному близкому для брата человѣку въ цѣломъ Петербургѣ; что-же до денегъ, не отданныхъ въ опекунскій совѣтъ, то я этого совсѣмъ не помню, но не понимаю, какой же грѣхъ былъ со стороны брата такъ или иначе распорядиться своими же деньгами; конечно, это могло разсердить матушку, но вѣдь имѣніе-то было брата и деньги брата“.

Этими словами Анны Васильевны Гоголь я кончаю мои замѣтки по поводу статьи Н. А. Бѣлозерской „Марья Ивановна Гоголь“.

„Разработка біографическихъ данныхъ, говоритъ В. И. Шенрокъ <sup>1)</sup>, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, является съ одной стороны—нашимъ долгомъ, съ другой — естественною посильною данью глубокаго благоговѣнія и признательности

---

<sup>1)</sup> В. Шенрокъ: „Юношескіе годы Н. В. Гоголя“, біографическія замѣтки, стр. 2.

къ дѣятельности тѣхъ, чьей памятью справедливо дорожить и гордится образованная часть нашего общества“.

Такою болѣе чѣмъ скромною данью моего благоговѣнія къ памяти великаго писателя и высоко-нравственнаго человѣка пусть будутъ настоящія замѣтки, единственная цѣль которыхъ по возможности снять тѣнь, брошенную (конечно, безъ намѣренія) на свѣтлую личность Николая Васильевича Гоголя.

Н. А. Трахимовскій.

23-го марта 1888 г.  
С.-Петербургъ.

---

## Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому.

Остенде, 10-го августа 1847 г.

Я не могъ отвѣчать скоро на письмо ваше. Душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе еще прежде, нежели я получилъ письмо ваше. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать. Да и что мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды. Скажу вамъ только, что я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги, но ни одно изъ нихъ не похоже на другое. И хотя на всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди, но мнѣ показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ,—что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, проживши въ Россіи, не увижу многого собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшіе меня въ незнаніи многихъ вещей, несоображеніи многихъ сторонъ, обнаружили передо мной собственное незнаніе многого и собственное несоображеніе многихъ сторонъ. Не всѣ воли услышаны, не всѣ страданія взвѣшены. Мнѣ кажется, что не всякій изъ насъ понимаетъ нынѣшнее время, въ которомъ такъ явно проявляется духъ нестроенія полнѣйшій, нежели когда-либо прежде. Какъ бы то ни было, но все выходитъ теперь наружу: всякая вещь проситъ принять ее въ соображеніе, старое и новое выходитъ на борьбу и чуть только излишество, какъ въ отпоръ тому передливается и на другую сторону. Настоящій вѣкъ есть вѣкъ весьма разумнаго сознанія; не горячася; онъ взвѣшиваетъ все, принимаетъ всѣ стороны къ свѣдѣнію, безъ чего не узнать раз-

умной середины вещей. Онъ велитъ оглядываться многостороннимъ взглядомъ старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедшихъ временъ. Мы ребенки (sic) передъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что вы и я равно виноваты передъ нимъ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаюсь въ этомъ, но узнаете ли вы? Точно такъ же какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить, точно также упустили и вы; какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ и вы слишкомъ разбросались. Какъ мнѣ нужно многое узнать изъ того, что знаете вы и чего я не знаю, такъ и вамъ слѣдуетъ узнать хоть часть того, что знаю я и чѣмъ вы напрасно пренебрегаете. А покамѣстъ помните прежде всего ваше здоровье; оставьте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь къ нимъ съ болѣею свѣжестью, и стало бытъ, съ болѣею пользою какъ для себя, такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ.

Н. Гоголь.

Примѣчаніе. Это отвѣтъ Н. В. Гоголя на письмо В. Г. Вѣлинскаго, весьма извѣстное въ рукописныхъ спискахъ и бывшее въ печати (заграничной) вполнѣ, а въ нашихъ журналахъ напечатанное въ отрывкахъ („Вѣстникъ Европы“, 1872). В. И. Шенрокъ, сообщившій точную копію этого письма Н. В. Гоголя, полагаетъ, что оно не было еще напечатано.

Ред.

---

## А. О. СМІРНОВА и Н. В. ГОГОЛЬ.

Письма къ Гоголю Смирновой

1844—1851 гг. <sup>1)</sup>.

Петербургъ, 28 августа 1844 г.

Любезный Николай Васильевичъ, я здѣсь уже съ 10-го числа и была три раза у обѣдни, а вамъ не писала по условію; но по крайней мѣрѣ думала о васъ. Хозяйство, домъ, обойщики, садовники, кучера, управляющіе, визиты и посѣщенія,—все это забираетъ пропасть времени... Сегодня я получила ваше письмо. Благодарю васъ за него. Оно мнѣ было очень, очень нужно и пришло какъ нельзя болѣе кстати: въ душѣ моей загорался уже извѣстный вамъ гнѣвъ, и гнѣвъ несправедливый <sup>2)</sup>; да врядъ ли бываетъ когда-либо гнѣвъ справедливъ. Ваши слова меня успокоили и вразумили. Не скрою отъ васъ, что первое впечатлѣніе вашего письма было непріятное: упреки вообще не легко выносить, наипаче когда чувствуется сильно, что гласъ народа справедливъ. Но нѣсколько минутъ размышленія уже заставили меня васъ благодарить чистосердечно.

Дѣти, слава Богу, здоровы и начали учиться по русски, я ихъ готовлю къ Новому году, а тамъ передамъ ихъ умъ и сердце въ руки Ивана Михайловича Наумова <sup>3)</sup>, нашего институтскаго

---

<sup>1)</sup> См. „Русск. Стар.“ изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 31—72; июнь, стр. 597—610.

<sup>2)</sup> Александра Осиповна, очевидно, имѣла здѣсь въ виду слова предшествующаго письма Гоголя: „что касается до вашего страстнаго гнѣва, то оставьте о немъ попеченіе, старайтесь избѣгать даже и случаевъ имѣть какое-нибудь объясненіе“. (VI т., 93 стр., письмо отъ 26-го августа, т. е. 14-го по старому стилю).

В. III.

<sup>3)</sup> Отецъ Наумовъ—законоучитель и духовникъ матери въ Екатерининскомъ институтѣ, въ 1844 г. былъ назначенъ въ священники придворной церкви Зимняго дворца. Онъ умеръ, кажется, въ 1856 г. и былъ очень уменъ и друженъ съ Павскимъ.

Въ 1850-хъ годахъ такимъ же расположеніемъ А. О. пользовался отецъ Михайлъ Заблѣцкій,—священникъ Казанскаго собора.

Послѣ смерти Наумова, отецъ Михайлъ былъ духовникомъ матери.

священника, который, по дружбѣ ко мнѣ, согласится ихъ учить. Онъ у меня былъ одинъ разъ только и болѣе меня выспрашивалъ, но выспрашивалъ такъ умно и хорошо, что дай Богъ всѣмъ Равиньянамъ столько настоящей и просвѣщенной религіи! Онъ другъ Баженова, а отъ него узналъ много интересныхъ и трогательныхъ сценъ о великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ.

Смерть ея поучительна была всѣмъ ея близкимъ и самому Баженову. Еще въ невѣстахъ, наканунѣ Рождества, она говорила Баженову, что не считаетъ себя принадлежащею этому міру. За нѣсколько дней до смерти своей она говорила съ мужемъ своимъ и предупредила его, что не имѣетъ надежды жить болѣе, какъ до родовъ, благодарила его за счастье свое (она его любила и напоминала еще), и когда онъ началъ плакать и просить, чтобы она не думала о смерти, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на него, она сказала ему: «Неужели, мой другъ, ты боишься смерти и не хочешь о ней и подумать?» Баженова она принимала почти всякій день и бесѣдовала съ нимъ единственно о томъ, какъ бы лучше приготовиться къ великому дню. Еще за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, уже почти безъ голоса, благодарила всѣхъ, посылала имъ поцѣлунъ: «Merci merci, vous savez pourquoi», были ея послѣднія слова,—сказать болѣе не могла, что за дружбу, счастье и участіе, которыя ей оказывали.

Онъ былъ въ Ригѣ съ преосвященнымъ Иринархомъ въ то самое время, когда въ Ригѣ былъ Ю. О. Самаринъ. Впослѣдствіи Иринарха оставили; на него жаловались остзейскіе бароны за то, что онъ приводитъ въ православіе латышей и даже одного пастора. Отецъ Михаилъ также лишился мѣста. И Иринарха куда-то сослали, а за Заблоцкаго заступился Протасовъ и ему дали мѣсто въ Казанскомъ соборѣ. Вся эта исторія рассказана у Самарина въ письмахъ. У латышей не было своихъ церквей и своихъ пасторовъ и они сотнями приходили къ Заблоцкому. Онъ ихъ крестилъ, вѣнчалъ и даже обучалъ по латышски. Бароны спохватились, что ихъ вліяніе на народъ исчезаетъ, и выслали пасторовъ. Латыши ихъ выгнали и по своему бунтовали, т. е. не ходили въ кирву. Суперъ-интендантъ пріѣхалъ въ Питеръ; вся остзейская знать подвиглась, послали барона Ливена—и Иринарха ночью привезли въ Петербургъ съ Заблоцкимъ. Самарина также вернули тотчасъ. Весь Петербургъ заступился за бароновъ и ихъ права.

По этому случаю О. И. Тютчевъ (отецъ А. О. Аксаковой) съострилъ и сказалъ моей матерн: „Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а развѣ только Невско-проспектская и то отъ Полицейскаго до Аничковскаго моста“.

Ольга Смирнова.

Иванъ Михайловичъ Наумовъ обозначенъ буквой Н. въ письмахъ Гоголя на стр. 211, VI т. („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 56).

В. III.

Благодарила государя; она любила его страстно; безпрестанно спрашивала браслетъ съ его портретомъ, цѣловала его нѣжно. Онъ разъ, за ширмами стоя, услышалъ, какъ она его называла самыми нѣжными словами и просила свою, ни на минуту не покидавшую ея, англичанку положить портретъ отца съ нею въ гробъ. Жизнь и смерть ея такъ трогательны, (въ ней что-то было такое нѣжное, любящее),— что безъ слезъ никто не говорить о ней <sup>1)</sup>.

Горюющее ея семейство я видѣла разъ; меня приняли не только дружески, но какъ семейное дитя. Имъ сказать я ничего не могла; мнѣ хотѣлось плакать, а говорить я была не въ силахъ; тутъ были и постороннія лица. Императрица обѣщала меня вызвать къ себѣ; что Богъ дастъ тогда, не знаю. Не высказать вамъ, съ какою грустью я смотрѣла на эту чету, прошедшую сквозь жизнь такъ радостно, счастливо и встрѣтившую, уже когда молодость отцвѣла, горе, и какое горе, наконецъ!

Мнѣ утѣшительно было видѣть, что они единодушны въ этомъ несчастіи, необходимы другъ другу теперь и что государь себя забываетъ для императрицы. Дай Богъ, чтобы меня первый взглядъ не обманулъ. Дай Богъ имъ силу, помощь, любовь и разумъ; мы, то есть Россія, такъ тѣсно связаны съ ними. Его душа прекрасная. Баженовъ не можетъ нарадоваться разговорами своими съ государемъ. Онъ принялъ испытаніе, какъ истинный христіанинъ! Состояніе императрицы выше всякаго выраженія; о ней точно можно сказать: «сила моя является въ немощи». Тѣло ея такъ слабо, физически она разрушена, а нравственно она всёхъ удивила и душевная твердость подкрѣпила ее; особенно замѣтила, что послѣ принятія Св. Тайнъ въ день Успенія она укрѣпилась. О дворѣ и обществѣ не скажу вамъ ничего; я, впрочемъ, и не видала никого, кромѣ графини Несельродъ <sup>2)</sup>, гдѣ я какъ дома. Когда всё переѣдутъ въ городъ, поѣду по визитамъ. Мнѣ будетъ это скучно, но не трудно, даю вамъ обѣщаніе быть или стараться быть со всѣми ровно учтивою и добродушною; впрочемъ, смотря по тому, какъ будетъ со мною дворъ, будетъ и безцвѣтное наше общество <sup>3)</sup>. Я скажу вамъ, что у меня нѣтъ злопамятности,

<sup>1)</sup> Въ словахъ Гоголя А. О. Смирновой: „Васъ должно теперь привлечь семейство, погруженное въ трауръ: тамъ слишкомъ нужны ваши утѣшенія“, рѣчь идетъ, очевидно, также о семействѣ государя. (См. VI т., стр. 93).

<sup>2)</sup> О ней Гоголь упоминаетъ въ письмахъ Смирновой, стр. 233, 273, 282, 318, 324 и 329 („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 54).

<sup>3)</sup> Въ этихъ словахъ слѣдуетъ видѣть отвѣтъ на совѣты Гоголя въ предъидущемъ письмѣ (см. VI, 92—94).



а если я говорю зло о другихъ, то это по необузданности языка и часто по какому-то глупому первическому увлеченію <sup>1)</sup>). Посланіе ап. Іакова прямо ко мнѣ адресуется: онъ сильно нападаетъ на языкъ. Я часто чувствую послѣ пустой или вредной болтовни, что языкъ надо бы держать за зубами, да ужъ поздно; иное слово попадаетъ туда, куда и не мѣтить: оно шаловливѣе пули.

Слава Богу, до сихъ поръ еще не водились соблазнительные разговоры, хотя у меня былъ Владиміръ Сологубъ и другіе вѣтрогоны, фордыбаки и шелкоперы. Впрочемъ, въ пользу Сологуба скажу, что онъ очень скучаетъ безъ Софьи Михайловны, ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, со мною только что о ней говорить, согласился жить съ Вильгорскими, не играетъ, живетъ тихо въ Павловскѣ и бываетъ часто у Милюткина. Все это вы можете сообщить графинѣ.

Василию Алексѣевичу Перовскому я переслала ваше письмо черезъ Яшеньку <sup>2)</sup>); онъ почти совсѣмъ поселился у Шуваловыхъ. О немъ ничего не скажу болѣе; вы его, вѣроятно, скоро увидите; старайтесь съ нимъ встрѣтиться; вы ему очень, очень нужны будете; я благодарю Бога, что васъ заставила ему писать. Прекрасная одна минута въ его жизни не оставила впечатлѣнія, котораго можно было ожидать, но этому причиною постороннія сильныя и особенныя обстоятельства; жаль, что его втянуло въ такое пошлое общество, какъ \*\*\*\* и проч. Все это за моремъ приметъ лучшей благодѣтельный оборотъ; а вы свое дѣло сдѣлайте и съ помощію Божіею помогите страдалцу. Я жду Софью Михайловну <sup>3)</sup> съ нетерпѣніемъ. Вы прекрасно придумали, что она сидѣть должна со мною рядомъ <sup>4)</sup>); она точно для меня добрый ангелъ. Графиню Софью Ивановну <sup>5)</sup> отыскала разъ въ Павлов-

<sup>1)</sup> Отвѣтъ на слова: „Мнѣ въ васъ не нравилось не то, что не нравилось многимъ, даже васъ любящимъ, т. е. что вы слишкомъ строго судили другихъ“ и пр. (VI, 929—93). В. III.

<sup>2)</sup> Яшенька (Яковъ Ханьковъ), братъ знаменитаго путешественника, служилъ у Перовскаго въ Оренбургѣ, былъ самъ губернаторомъ въ Уфѣ, другъ моего дяди Аркадія Осип. Россетъ, честнѣйшій человекъ, отъ души преданный Перовскому. О. С.

<sup>3)</sup> Сологубъ.

<sup>4)</sup> Соч. Гоголя, т. VI, стр. 95. „Случится ли вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ, или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякій разъ, что съ вами тутъ же сидитъ Софья Михайловна, и все будетъ хорошо“ и пр. Объ отношеніяхъ Софьи Михайловны къ Гоголю смотри „Зап. о жизни Гоголя“, т. II, стр. 20—21. В. III.

<sup>5)</sup> Архарову, мать Влад. Александр. Сологуба. Архарова была очень умная старуха, но свѣтская и съ довольно злымъ языкомъ. Ей написала Плетневъ литературное письмо въ 1820 годахъ (издалъ академ. Гротъ въ

скомъ, мы съ нею еще ничего не успѣли говорить, — тутъ были... <sup>1)</sup>).

Книги для васъ взялся отыскать Наумовъ; онъ совѣтовалъ мнѣ послать еще послѣднее сочиненіе Павскаго о корняхъ русскаго языка. Брядъ ли, говорятъ, и нѣмцу такъ написать добросовѣстно и глубоко. Новый нашъ митрополитъ до сихъ поръ еще ничего не сдѣлалъ и не сказалъ. Книги вамъ пришлю черезъ курьера; мнѣ гр. Нессельродъ предложили все пересылать. Буде что случится сказать.... <sup>2)</sup> тоже напишу черезъ курьера.

Не знаю, скучаютъ ли въ Петербургѣ или нѣтъ; мнѣ пока не скучно, а современемъ надѣюсь, что будетъ веселѣе, если Богъ поможетъ. Аркадій и Александръ бываютъ всякій день у меня, я ихъ люблю и вижу ихъ такими, какъ желать нельзя лучше. Бѣдные мои всѣ явились; у Филонова <sup>3)</sup> я была сама; о нихъ много есть вамъ

1885 г.); она говорила по русски не дурно, но языкомъ 18 вѣка. Отецъ ея былъ извѣстнымъ генераль-губернаторомъ въ Москвѣ. Она была въ разводѣ съ мужемъ. О. С.

<sup>1)</sup> Здѣсь пропущено нѣсколько словъ въ копіи, хранящейся въ Пражскомъ національномъ музѣе.

<sup>2)</sup> Точки въ подлинникѣ.

В. III.

<sup>3)</sup> Этотъ Филоновъ былъ нищій, умный и начитанный старикъ; въ молодости—франъ-масонъ. Онъ былъ помѣщикъ, очень странный во всемъ; его отецъ былъ друженъ съ знаменитымъ Новиковымъ. Мать узнала о немъ отъ кн. П. А. Вяземскаго; его зналъ также Мих. Юр. Вѣльгорскій. У Филонова была болѣзнь нервная, параличъ, болѣе 30 лѣтъ; его жена была набожная женщина; она приходила къ матерн. Филоновъ былъ одно время совершенный атеистъ, *libre penseur*. Мать его навѣщала. Отецъ Наумовъ его совершенно переимѣнилъ; онъ у него исповѣдывался, причастился и сдѣлался набожный человѣкъ, мистикъ и даже очень ревностный къ религін, безъ суевѣрія. Онъ зналъ и испробовалъ всѣ системы философскія; вдавался въ септанство, въ католицизмъ и пр., и пр. съ молодыхъ лѣтъ; это было во вкусѣ конца XVIII и начала XIX ст. Умеръ Филоновъ въ 1840-хъ годахъ, почти 90 лѣтъ. Жена его, дочь бѣднаго помѣщика, ушла въ монастырь, когда овдовѣла; ей купили келію; она умерла, кажется, очень скоро послѣ смерти мужа. Говорили, что имя Филонова не его имя, что онъ скрывалъ настоящую фамилію и былъ изъ очень древняго рода, и отъ гордости, обидѣвши, придумалъ себѣ имя, въ родѣ тѣхъ литературныхъ именъ, которыя были въ модѣ въ XVIII вѣкѣ: Филоновы, Милоновы и пр., и пр. Разъ жена при немъ сказала матери моеи: „мой князь всю ночь кричалъ; были такіа боли въ ногахъ (невралгія)“. Онъ ужасно на жену закричалъ и сказалъ: „Про князя давно слѣдуетъ молчать; молчи, старуха“. Она очоно сконфузилась, и когда мать ее переспросила, отчего она сконфужена, а онъ рассердился, — она заплакала и сказала: „Не могу ничего сказать вамъ; забудьте про это“. Всѣ эти подробности изъ записной книги моей матери и она мнѣ многое говорила и я записывала съ ея словъ очень интересныя

рассказать, отложу до другого раза. Прощайте, любезный другъ. В. А. <sup>1)</sup> еще буду писать надняхъ.

Аркадїи вамъ будетъ писать надняхъ.

Петербургъ. Сентября 9-го (1844 г.).

Въ домѣ моемъ большой беспорядокъ: вставляютъ двойныя стекла, стучать, шумять, духомъ напоминаютъ Петрушку; въ головѣ моей только счеты, приказанія, а въ душѣ зародилось желаніе съ вами поговорить. Н. М. <sup>2)</sup> еще въ Нижнемъ; я еще совершенно одна и чувствую какую-то легкость, свѣжесть и силу, которая меня заставляетъ задумываться. Отчего я ее чувствую, когда во все время моего пребыванія здѣсь я ничего не читала и, признаюсь со стыдомъ, вовсе не молилась какъ бы надобно! Вчера нашла на меня бессонница и я всю ночь продумала о состояніи, въ которомъ нахожусь. Страшно, потому что это должно перемѣниться; по крайней мѣрѣ, мнѣ это кажется. Всѣ мнѣ напоминаютъ, что невольно впадаемъ мы въ тоску въ Петербургѣ. Мнѣ, впрочемъ, слышится родной голосъ... не вашъ ли, Николай Васильевичъ? Голосъ этотъ говоритъ, что среди всякой невзгоды, скуки остается утѣшеніе, потому что остается дѣло на землѣ. Но тревожить меня мысль, что найдетъ вдругъ хандра физическая или болѣзнь, и тогда я пропаду.

Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писала, не была болѣе въ Петергофѣ; стало быть, языкъ не передалъ имъ чувствъ моихъ; въ противномъ случаѣ они бы меня вызвали. Это все, вѣроятно, къ лучшему: можетъ быть, я и возгордилась бы. Вѣдь вы знаете, что я на это имѣю большія способности. Точно ли всѣ глупы у насъ, а признаюсь, я уже не разъ находила себя очень милою и любезною.

подробности. Съ 17-лѣтняго возраста уже я очень этимъ интересовалась. Я помню старуху Филонову въ дѣтствѣ; его я не видала никогда; онъ не вставалъ съ постели болѣе 30 лѣтъ.

Была также нищая Лукьянова, (она училась въ Смольномъ институтѣ въ царствованіе Екатерины, знала Бецкаго), очень оригинальная старуха. Князь Вяземскій ее очень любилъ, велъ съ ней шутовскую переписку, у меня стихи его о ней. Для Лукьяновой Вяземскій выдумалъ подпись: „Лукьянова дѣвица, златошвейнаго класса мастерица“. Она была крестница М. С. Перевусихиной.

Ольга Смирнова.

<sup>1)</sup> В. А. Жуковскому, съ которымъ Гоголь жилъ вмѣстѣ во Франкфуртѣ зимой 1844 г., съ начала сентября до половины января 1845 г.

<sup>2)</sup> Николай Михайловичъ Смирновъ, мужъ А. О. Смирновой. Онъ обозначенъ въ письмахъ Гоголя буквами ND („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 9).

В. III.

Книги для васъ отобраны, но окази до сихъ поръ не открылось. Курьеры теперь ѣздятъ черезъ Гамбургъ или прямо въ Лондонъ, а я вамъ ихъ пришлю въ Берлинъ къ Михаухаузу <sup>1)</sup>).

Аркадію теперь, слава Богу, лучше, съ тѣхъ поръ, что онъ принялся за Спа; не менѣе того его здоровье плохо и меня пугаетъ. На будущій годъ онъ ѣдетъ къ вамъ, а на зиму въ Римъ; дай Богъ ему только вынести зиму хорошо въ Петербургѣ.

Общество я еще не видала. Кутежь между молодежью, впрочемъ, все та же, пустая и вялая. Самаринъ <sup>2)</sup>, вашъ большой аматеръ, прѣхалъ изъ Москвы, т. е. изъ Славянщины, и, бѣдный, до сихъ поръ ничего не понимаетъ, да и его никто бы не понялъ, если бы онъ заговорилъ по-московски. Онъ очень уменъ и хорошо занимался, кажется; или его <sup>3)</sup>, или онъ перековеркается—тутъ одно изъ двухъ. Я не могу передать вамъ, какую странную превратность во всѣхъ понятіяхъ нашла я. Чувствуешь безпрестанно, что лучше всего молчать. Сказать вамъ надобно бы столько, что ни перьевъ, ни бумаги на это не стало бы, но писать невозможно. Не вы одни читать меня будете, а вы одни поняли бы, что я люблю нѣжно и сильно то, что меня заставляетъ подчасъ погрузить. Эта грусть относится къ тому предмету, о которомъ мы съ вами еще въ послѣднее время говорили и на котораго я должна, по вашему мнѣнію, дѣйствовать благодѣтельно. Ахъ, какъ все призрочно издалека и какія вблизи открываются затрудненія!

Самаринъ мнѣ помѣшалъ продолжать. Продолжаю 13-го сент. Сегодня Щепкинъ играетъ въ «Ревизорѣ». Братья, Самаринъ и я ѣдемъ туда виѣстѣ, т. е. туда—въ театръ. Вами, вамъ ѣдутъ радоваться. Растопчина прѣхала вчера вечеромъ изъ Ревеля; сегодня у меня обѣдаетъ; можетъ быть, и ее затащимъ съ собою.

Каково вамъ покажется, что генераль Плетневъ у меня былъ всего разъ и то оставилъ бѣленькую карточку, съ бѣленькимъ гербомъ. Каковъ жанръ?.. Нынче принесли мнѣ три толстые тома отъ князя Одоевскаго. Славянскимъ шрифтомъ выведено заглавіе. Самого же потомка Рюрика я еще не видала. Зовутъ меня... На-дняхъ буду писать и кончу письмо.

<sup>1)</sup> Мих. Мих. Вѣльгорскому. Книги эти долго странствовали и попали къ Гоголю спустя полгода.

<sup>2)</sup> Самаринъ, Юрій Федоровичъ. О немъ въ письмахъ Гоголя, VI т., стр. 118, 139, 140 и 107, гдѣ онъ обозначенъ буквами N. M.

<sup>3)</sup> Неравобранное слово.

Сентября 23-го (1814 г.).

Вчера получила я ваше письмо въ 12 часовъ, а въ два часа явилась ко мнѣ прелестная Софья Михайловна съ Аполлиной Михайловной <sup>1)</sup>. Я ваше письмо вручила Аполлинѣ тутъ же. На пароходѣ страдали онѣ много; капитанъ даже хотѣлъ вернуться; и пришли <sup>2)</sup> онѣ въ Кронштадтъ вмѣстѣ съ любскимъ пароходомъ, который совершилъ въ то-же время, скоро и безъ качки, свое путешествіе. Что такое наши глупыя формы! ихъ продержали день въ Кронштадтѣ, больныхъ, изнуренныхъ и въ проливной дождь. Даже и Софья Михайловна роптала. Мы встрѣтились какъ нельзя нѣжнѣе. Я точно въ ней вижу добраго ангела, или, лучше сказать, безпрестанный, мнѣ нужный болѣе, чѣмъ кому-либо, живой упрекъ. Глядя на ея прекрасное, кроткое лицо, вспоминаются мнѣ ваши братскіе совѣты <sup>3)</sup>, за которые благодарю и которыхъ убѣдительно прошу почаще. Никто такъ не способенъ увлекаться и хорошимъ, и прекраснымъ, и самымъ гадкимъ, и подлымъ, какъ я. Я немного похожа также на вашего осла, который морду всюду засовываетъ, хотя, кажется, и въ колеѣ. Я готова сдѣлать все возможное для Софьи Михайловны <sup>4)</sup>, но вы на меня много налагаете. Мнѣ самой надобно стать выше Сологуба <sup>5)</sup>, выше многихъ, чтобы подать хорошій совѣтъ и ясными глазами сперва осмотрѣть все. Глаза ясны отъ ясной души, или, лучше сказать, чистой и уже совершенно проникнутой религіознымъ чувствомъ и любовью христіанской. Дай Богъ, чтобы я только такъ жила, какъ въ Ниццѣ; тогда я могла бы имъ и многимъ быть полезною. Но въ Ниццѣ были вы, были чтенія, была жизнь спокойная, регулярная, а здѣсь... о, Боже! что за разница! Какая превратность и даже развращенность въ мысляхъ и понятіяхъ! <sup>6)</sup>. Утро все проходитъ въ хозяйственныхъ заботахъ; все у насъ такъ странно, хлопотливо

<sup>1)</sup> Старшею дочерью Вильгорскихъ, по мужу Веневитиновой.

<sup>2)</sup> Германизмъ.

<sup>3)</sup> См. примѣчанія къ одному изъ предыдущихъ писемъ (отъ 28-го августа 1814 года).

<sup>4)</sup> Ср. Кулиша, VI т., стр. 96—97.

<sup>5)</sup> Передъ этимъ Гоголь писалъ А. О. Смирновой, чтобы она постаралась оказать нравственное вліяніе на Сологуба: „Вы должны о многомъ перетолковать какъ съ Клементіемъ Осиповичемъ (братомъ Смирновой), такъ и съ Соболевскимъ, который, кажется, имѣетъ на него нѣкоторое вліяніе“ (VI т., стр. 97, гдѣ К. А. Россетъ обозначенъ буквой NN, а Соболевскій—JJ).

<sup>6)</sup> Ср. „Зап. о жизни Гоголя“, 2 т., стр. 19—20.

В. III.

устроено, все такъ не подѣ рукой, все такъ дорого и гадко, что я сама присутствовала при развѣшиваніи сторѣ и гардинъ, чтобы увѣриться, что не какъ-нибудь работаютъ, и теперь обхожу весь домъ по утрамъ и во всякомъ углѣ нахожу пыль, соръ и всякую дрянъ, по русской православной привычкѣ. Потомъ ѣзжу съ визитами; въ шесть часовъ обѣдаю; но уже такъ чувствую себя не готовою на порядочное занятіе, что обыкновенно болтаю только вздоръ или одна играю на клавикордахъ и потомъ, весьма усталая, ложусь спать.

---

26-го сентября (1844 г.).

Мнѣ опять помѣшали и я не выговорила даже своей мысли, т. е. какъ и почему я не чувствую себя въ возможности быть истинно полезною другимъ. Для этого надобно стать выше тѣхъ, которымъ хочешь принести пользу, любить и чувствовать искренно и глубоко, что сердце расширяется для вмѣщенія другихъ. Это только чистая, усердная, теплая молитва дѣлаетъ, а я даже не каждый день молюсь и чувствую, какъ мало по малу отъ отступленія ежедневныхъ низкихъ привычекъ сердце мое стѣсняется и умъ мелѣетъ: «благій человекъ отъ благаго сокровища сердца износитъ благое»—Ев. отъ Луки читали въ воскресенье, а я какъ далека отъ благодати! Я чувствую, какъ увлекаюсь въ Петербургѣ—не чѣмъ дурнымъ, но пустотою... Странный городъ, имѣющій особенную способность наводить глупое уныніе на душу!...

Перовскаго я не вижу по разнымъ причинамъ, о которыхъ вы узнаете современемъ; но Ханниковъ мнѣ рассказывалъ весьма огорчительныя вещи о немъ. Вообразите, что прекрасное религиозное чувство, которое родилось въ немъ, заглохло въ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ. Межъ тѣмъ онъ опять въ хандрѣ. Ханниковъ, кажется, убѣдился въ невозможности переменъ нравственной, если онъ не выйдетъ отсюда хоть въ уѣздный городъ для переменъ жизни. Межъ тѣмъ гувернеръ Алеши, другъ и пріятель моей неопѣвненной Овербекъ, говорилъ ей: «le général a vécu cette année d'une manière qui est au dessous de lui». Онъ унывалъ и отчаявался. Вообразите, до чего доходитъ его слабость: Грена ему сказалъ, что общество дѣтей \*\*\* опасно для Алеши, и рѣшительно отказался водить туда ребенка, его туда водять по, воскреснымъ днямъ, когда гувернеръ Грена ходитъ со двора. Послѣ этого уже мнѣ остается молчать, — тѣмъ болѣе, что я писала къ Василю Алексѣевичу и онъ мнѣ не отвѣчалъ, а прислалъ съ отвѣтомъ, весьма нелѣпымъ, Яшкю. Вамъ все-таки

надобно писать Перовскому иногда, как будто не зная всего этого, и нападать особенно на воспитаніе Алеши.

Нашу милую Софью Михайловну я видѣла всего одинъ разъ; третьяго дня была у нея, и не застала ее дома. Знаю, что на другой день ея приѣзда Сологубъ проводилъ весь вечеръ у Одоевскаго <sup>1)</sup>. Оно хоть и невинно, но подло и пошло и удвигло хозяевъ и гостей. Онъ жилъ два дня у Самарина, и тотъ цѣлуется къ нему немалое презрѣніе.

Графиню Растопчину вижу часто,—почти ежедневно. Ея сердце—какъ мягкій хлѣбъ. Меня ужасаетъ то, что, тому назадъ два года, я точно также чувствовала и говорила <sup>2)</sup>; я стараюсь только переимѣнить образъ воспитанія ея дѣтей. Ихъ лучше уже держать въ дѣтской съ доброй няней. Ихъ Богъ, впрочемъ, сохранилъ еще прекрасными, но Овербекъ не желаетъ частаго сношенія съ ними для моихъ. Я ихъ лучше буду сводить съ Дашковыми <sup>3)</sup>, отъ которыхъ пахнетъ ангельскою чистотою.

Вообразите, что на меня со всѣхъ сторонъ нападаютъ даже и за \*\*, подсылаютъ съ упреками и увѣряютъ меня, что я должна ее взять. Растопчина мнѣ говоритъ, что даже Карамзины ей сознались, что она меня тамъ бранила, но это бы меня не остановило ее взять; Овербекъ теперь меня убѣдительно проситъ ее не брать. Я плюну на всѣхъ и не возьму ее къ себѣ. Хотя мнѣ ее и жаль и ей точно тамъ тяжело, но сама виновата—пусть и терпитъ.

На счетъ того, что говорить о моемъ поведеніи, я вовсе не забочусь, потому что чувствую себя въ этомъ отношеніи безгрѣшною—теперь, разумѣется, въ свѣтскомъ отношеніи, потому что душа имъ закрыта, а передъ Богомъ долго душа еще не выбѣлится.

\*\*\* въ Москвѣ съ супругою. Она выкинула. Впрочемъ, я его не боюсь, не желаю видѣть и не буду искать видѣть. Я чувствую себя

<sup>1)</sup> По этому поводу Гоголь писалъ: „Напрасно вы сердитесь на Сологуба за то, что онъ на другой день по приѣздѣ жены былъ на вечерѣ у Одоевскаго (VI т., стр. 99).

<sup>2)</sup> Ср. „Зап. о жизни Гоголя“, II, 20.

В. III.

<sup>3)</sup> Дѣти вдовы статсъ-секретаря Дашкова. Дашкова (рожденная Пашкова), очень добрая женщина, была въ Римѣ въ 1843 г. У ней два сына и дочь, красавица, вышла замужъ за гр. А. Ржевускаго, умерла рано послѣ родовъ, оставила одну дочь, княгиню Радзивилъ. Когда я тѣло моей матери привезла въ 1882 г. въ Петербургъ, Дашкова (она постарше матери) была на отпѣваніи, что меня крайне тронуло. Она очень любила и уважала мою мать, хотя была на видъ очень холодна, но душа у ней была горячая.

Ольга Смирнова.

совершенно равнодушно къ нему и безъ сердца вспоминаю всѣ его радости... Впрочемъ, говорятъ, что онъ очень улучшилъ свой характеръ и жену очень любить. Этому надобно порадоваться похристіански.

Теперь прощайте. На будущій разъ буду уже вамъ писать о васъ. Мы не разъ за васъ и о васъ спорили. Я таки васъ и побраню, и огорчу, но это нужно. Спуститесь-ка вы въ глубину вашей души и спросите ее: точно-ли вы въ душѣ русскій, или вы хохликъ? Вотъ о чемъ у насъ шла рѣчь съ очень умнымъ человѣкомъ <sup>1)</sup>.

Плетневъ вамъ кланяется и онъ на васъ досадуетъ <sup>2)</sup>. Но это все впередъ будетъ, а теперь да хранить васъ Богъ и убережетъ отъ всякаго грѣха, а болѣе всѣхъ отъ гордости. Матвѣй Юрьевичъ уже пріѣхалъ вчера. Они васъ очень, очень любятъ, любятъ какъ умѣютъ любить Віельгорскіе. Читали-ли вы Самарина «Феофана»? Онъ васъ обожаетъ, хотя вы съ нимъ были неучтивы. Василю Андреевичу нѣжный поклонъ, также и милой женѣ его. Какъ вы тамъ? Пусть онъ мнѣ пишетъ. Во Франкфуртѣ безъ Марченки <sup>3)</sup> должно быть пусто и скучно. Ему Петербургъ показался противнымъ; но вечеромъ онъ забрался въ театръ, Воронцова <sup>4)</sup> ему протянула руку, и онъ примирился съ Россією. Сологубъ мнѣ выплатилъ долгъ—вѣрно, изъ кармана Віельгорскихъ.

<sup>1)</sup> Къ этому относятся слѣдующія слова письма Гоголя на стр. 101, VI тома: «Вы говорите: Спуститесь въ глубину души вашей и спросите, точно ли вы русскій или хохликъ? Но скажите мнѣ: развѣ я святой?» Впоследствии, однако, гораздо позднѣе, Гоголь отвѣтилъ на этотъ вопросъ такъ (VI т., стр. 147): «Скажу вамъ одно слово на счетъ того, кака у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, кака у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіянномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой: явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую».

<sup>2)</sup> Слѣдуетъ сослоставить: „Основываясь на словахъ вашихъ, что Плетневъ (PQ см. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 14, и „Русская Старина“ 1875 г., т. XIV, стр. 312, примѣч. О. Ф. Миллера) на меня досадуетъ, я думаю, что часть утѣхъ относится по дѣлу изданія моихъ сочиненій“ В. III.

<sup>3)</sup> Марченко—изъ хохловъ, любилъ the fashion и былъ женатъ на Убри, дочери нашего посла во Франкфуртѣ. Онъ былъ очень простъ, а съ семействомъ Oubrie моя мать была очень дружна; они были милѣйшіе люди. Мать Марченки была послѣдняя изъ рода Шуйскихъ.

<sup>4)</sup> Графиня Воронцова-Дашкова.



Прощайте, душа моя. Аркадій вамъ будетъ писать. А. С. Василій Алексѣевичъ <sup>1)</sup> былъ въ Гатчинѣ и его упросили остаться на службѣ. Адресъ дайте свой.

Если нужны вамъ деньги, напишите намъ.

11-го октября 1844 г.

Воскресенье, послѣ обѣдни. Вотъ и вашъ часъ насталъ, любезный Николай Васильевичъ. Мало по малу все пришло въ матеріальный свой порядокъ и я устроила свои дѣла. Чтобы себя оградить, по крайней мѣрѣ, въ воскресный день отъ всякихъ лишнихъ разговоровъ, взглядовъ, пустыхъ и иногда соблазнительныхъ толковъ, я рѣшаюсь прямо отъ обѣдни возвратиться домой, по утрамъ никуда не ѣздить и рѣшительно никого не принимать, даже не заниматься счетами и прочими дѣлами, а посвятить это утро на чтеніе сперва Евангелія и Апостоловъ, потомъ на размышленіе и, наконецъ, на чтеніе книги полезной, выключая, разумѣется, совсѣмъ романы въ этотъ день. Въ этому порядку меня принудили разныя маленькія замѣчанія, которыя я сдѣлала надъ собою и которыя стыдно даже вамъ повѣрить. Удивительно, какъ я увлеклась скоро, быстро и какъ способна сбиться съ толку и развратиться. Спасибо вамъ, у меня есть лекарство, но не всегда я въ силахъ его употреблять,—такъ далеко заноситъ меня нашъ пріятель. Теперь ничего еще подробнаго не хочу сказать, а на-дняхъ распутается одно дѣло и я вамъ перескажу все. Для этого надобно мнѣ почаще повторять: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей». Сегодня шла обѣдня просто, безъ всякой торжественности, не смотря на праздникъ Покрова Богородицы. Мнѣ это не понравилось. Во дворцѣ всѣ способны есть на торжественность, пѣвчіе удивительны,—зачѣмъ было имъ не пропѣть концертъ? Прошлое воскресенье пѣли отъ Херувимской до причастія все концертное, по старой недавно найденной рукописи Березовскаго, который прежде Боршнянскаго учился въ Италіи и былъ членъ Болонской академіи. Эта музыка чуть ли не выше сикстинской, а выполнена такъ, что Италія и во снѣ этого не слыхала.

Дворъ все еще въ Гатчинѣ. Всѣхъ туда зовутъ, а меня нѣтъ. Я и не сержусь, и не беспокоюсь; васъ только извѣщаю, что я ничего не могла ни сказать, ни сдѣлать <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Перовскій.

В. III.

<sup>2)</sup> О деньгахъ для Н. В. Гоголя. В. А. Жуковскій просилъ А. О. ходатайствовать о Гоголѣ у государя.  
Ольга Смирнова.

До свиданія, другъ мой, до будущаго воскресенья. Да услышитъ меня ваша душа и помолится о моей, ей братской и всегда открытой <sup>1)</sup>.

7-го октября (1844 г.).

Что значить иногда слово! На-дняхъ сказалъ мнѣ Самаринъ, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мнѣ нѣтъ того элемента душевнаго, который могъ бы насъ сблизить, а что вы меня изучаете только, что я для васъ предметъ наблюдений, потому что вы артистъ <sup>2)</sup>. И я огорчилась, и я повѣрила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы. А вы мнѣ такъ нужны и такъ благодѣтельно на меня дѣйствовали и будете еще дѣйствовать! На-дняхъ прочла я слѣдующія слова и тотчасъ вспомнила о васъ: «Ayez beaucoup d'amis, qui vivent en paix avec vous; mais choisissez vous pour conseil un homme entre mille.—L'ami fidèle est un remède, qui procure la vie et l'immortalité; et ceux qui craignent le Seigneur honorent cet ami» <sup>3)</sup>. Ecclesiaste, ch. VI, v. 16. Мнѣ стало грустно. Свѣтъ и люди гадки. Сегодня исполнилось сердце мое презрѣнія къ самой себѣ. О, Боже! и какъ могла не видѣть то, что всѣмъ въ глаза бросается!..

На счетъ того дѣла скажу, что все кончилось благополучно. Н. М. жду со дня на день. Начала читать по старому *Année Spirituelle* <sup>4)</sup>, Посланія, Евангел., иногда и псалмы твержу. На дняхъ

<sup>1)</sup> „Записки о жизни Гоголя“, II, 20.

<sup>2)</sup> Въ письмѣ Гоголя отъ 3-го ноября (VI, 106—107): „Меня нѣсколько смутило замѣчаніе Самарина (N M—Самаринъ), съ которымъ вы имѣли обо мнѣ разговоръ, именно: что у васъ нѣтъ того элемента, который бы насъ сблизилъ, и что я любить васъ не могу, по причинѣ вашего достоинства. Во первыхъ, вы должны бы вспомнить то, что вы все-таки меня лучше знаете, нежели онъ, который можетъ судить обо мнѣ только предположительно или же по моимъ сочиненіямъ. Какъ умный человѣкъ, онъ правъ тѣмъ, что взглянулъ на меня со стороны артиста, но онъ пропустилъ не бездѣлицу: онъ пропустилъ ту высшую любовь, которая гораздо выше всякихъ артистовъ и талантовъ и можетъ быть равно доступна какъ умнѣйшему, такъ и простѣйшему человѣку. Онъ не можетъ также знать того, что я уже давно гляжу на человѣка не какъ на артиста“ и проч.

<sup>3)</sup> См. „Записки о жизни Гоголя“, II, 20.

В. III.

<sup>4)</sup> „*Année Spirituelle*“—очень старинная французская книга. Она теперь у меня, также какъ и Евангеліе (въ 2 столбца, изданія Библейскаго общества 1824 года), подаренное матери при выпускѣ изъ института императрицей Маріей Федоровной, а „*Année Spirituelle*“—императрицей Александрой

возвратилось это скверное состояніе ума, противъ котораго вы мнѣ предписали псалмы. И въ правду сказать, вы меня видѣли съ такой точки, что любить меня невозможно. Но не оставляйте меня своими совѣтами. Прощайте. А. Смирнова.

Собщ. В. И. Шенроуъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

Федоровной въ 1829 году, послѣ кончины Маріи Федоровны. Въ „Année Spirituelle“ на каждый день нѣсколько текстовъ Ветхаго и Новаго Заваѣта и псалмовъ и цитаты изъ „Подражанія Христу“, St.-François de Sales, Fénelon, Bossuét и другихъ святыхъ или проповѣдниковъ до XVIII ст. Эту книгу сочинили для St. Сур'а, по приказанію m-me de Maintenon; такой-же экземпляръ былъ у самой императрицы; онъ былъ ей подаренъ въ Парижѣ, когда она путешествовала съ Павломъ Петровичемъ (voyage du comte et de la comtesse du Nord).

Эта книга уже не находится въ продажѣ: составлена она отлично.

Ольга Смирнова.

## ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

† 18-го февраля 1877 г.

Главы XXIII—XXIV <sup>1)</sup>.

О касимовскихъ жителяхъ.

Касимовское училище я оставилъ въ концѣ 13-го года моего возраста, когда я еще не могъ быть хорошимъ наблюдателемъ надъ городскими жителями. Но между тѣмъ помню факты, которые совершались, такъ сказать, предъ моими глазами, не забывъ тѣхъ впечатлѣній, которыя они производили на меня. Этими-то фактами и впечатлѣніями я и хочу здѣсь позаняться.

Касимовъ въ то время никакъ нельзя было назвать барскимъ городомъ; неслужащихъ дворянъ въ немъ жило весьма немного, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Засѣцкому, перьинскому помѣщику, принадлежали большіе дома. Уѣздное дворянство проживало въ своихъ деревняхъ и пріѣзжало въ городъ, чтобы покутить или по какимъ либо дѣламъ; даже дворянскіе предводители любили жить болѣе въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Изъ чиновниковъ отъ правительства и по выборамъ, постоянно жившихъ въ городѣ, самые важные были, разумѣется, городничій, уѣздный судья, стряпчій, исправникъ, казначей. Но такъ какъ на безлюдьи и Фома дворянинъ, по русской пословицѣ, то играли замѣтную роль частный приставъ, секретари уѣзднаго и земскаго судовъ и проч. Ученое сословіе сосредоточивалось въ нашемъ и свѣтскомъ уѣздномъ училищахъ, въ послѣднемъ начальствовали и учили смотритель и, кажется, три учителя, но едва-ли они были много лучше нашихъ, развѣ только тѣмъ, что не могли такъ жестоко наказывать своихъ учениковъ, какъ насъ сѣкали наши

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., тт. XLII и XLIII; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 445—470; изд. 1888 г., январь, стр. 87—107.

педагоги, хотя едва-ли кто нибудь изъ обучавшихся въ гражданскомъ уѣздномъ училищѣ не ознакамливался съ розгами. Отчасти къ ученому, отчасти къ служащему сословію въ Касимовѣ слѣдуетъ причислить православное духовенство. Оно состояло изъ 12 священниковъ, 10 дьяконовъ и съ чѣмъ-то изъ 20 причетниковъ. Священники едва-ли не всѣ принадлежали къ кончившимъ курсъ въ семинаріи; изъ дьяконовъ нѣкоторые доходили до реторики и даже до философіи, причетники же, конечно, умѣли читать и писать, иные даже учились въ прежнихъ низшихъ классахъ семинаріи, но вообще немногіе изъ нихъ могли назваться даже полуучеными. Священники раза по два или по три каждый говорили проповѣди въ соборѣ; въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоялъ или самъ ставилъ себя протопопъ. Онъ проповѣдывалъ слово Божіе въ торжественныхъ какихъ либо случаяхъ, напримѣръ, въ храмовой праздникъ собора или въ высокаторжественный какой либо день. Уже заранѣе тамъ было извѣстно о томъ, что его высокоблагословеніе сочиняетъ проповѣдь; тутъ онъ иногда цѣлую недѣлю уже не хаживалъ въ гости, охалъ и вздыхалъ, а иногда и декламировалъ въ своемъ кабинетѣ и отличался даже нѣкоторою снисходительностью и ласкою къ намъ. Потомъ начиналась переписка проповѣди; для этого употреблялись хорошіе писцы изъ насъ или изъ дьячковъ; переписывали очень крупнымъ почеркомъ по вниманію къ слѣпотѣ и близорукости проповѣдника; поѣтому неудивительно, что по числу листовъ эти поученія были громадны. „Вѣдь къ Вознесенію приготовлена протопопомъ проповѣдь въ 10—12 листовъ“, говаривали мы съ какимъ-то благоговѣніемъ. Самыя проповѣди въ церкви онъ произносилъ слишкомъ громко; тутъ онъ кричалъ почти также, какъ въ то время, когда обращался къ намъ съ привѣтствіями: „Эй вы, кобылятники, меринятники“ и пр.

Духовенство жило какою-то своеобразною жизнью. Оно, въ своемъ приходѣ, разумѣется, волею или неволею приглашалось или само приходило въ дома для исполненія различныхъ требъ, но за предѣлами прихода мало имѣло знакомыхъ, исключая протопопа и Краснова, предъ которыми двери всюду растворялись. Съ другой стороны, духовныя лица и между собою жили не очень близко и ладно, по крайней мѣрѣ, въ гости другъ къ другу вовсе почти не ходили. Можетъ быть, причиною этого

была и бѣдность, потому что одна только Успенская церковь считалась, по доходамъ, богатою; въ прочихъ церквахъ духовныя лица съ голоду не умирали, но не могли и роскошествовать; намъ, напр., вполне уже было извѣстно, что у Горохова и Михаила Яковлевича чаепитіе не совершалось каждый день утромъ и вечеромъ. Но, кромѣ бѣдности, причиною разъединенія между священниками были то зависть, то мелочное самолюбіе, какое между ними, какъ я послѣ скажу, замѣчается. И дьяконы городскіе тоже находили поводы быть недовольными другъ другомъ; тутъ все дѣло состояло въ голосѣ. Самый лучший басъ былъ у дьяконовъ благовѣщенскаго и егорьевскаго, но у соборныхъ дьяконовъ Дмитрія, особенно же Матвѣя, была какая-то козлиная фистула; между тѣмъ, по іерархическому порядку, при общихъ молебствіяхъ въ соборѣ, въ царскіе дни, первое мѣсто принадлежало соборнымъ дьяконамъ и притомъ Матвѣю. Жителямъ очень бы желалось, чтобы многолѣтіе прокричалъ или благовѣщенскій, или егорьевскій дьяконъ, да и эти отцы понимали свои права на воскликновеніе. Какъ же имъ не смотрѣть съ презрѣніемъ на какого-то пискуна, соборнаго дьякона Матвѣя, и, съ другой стороны, какъ же и послѣднему не отстаивать своихъ іерархическихъ правъ? Кажется, что это соперничество между крикунами и пискунами было не безвыгодно для отца протопопа. По крайней мѣрѣ, всему городу было извѣстно, что почтенный Поликарповичъ очень верѣдко ошастливливалъ отца дьякона своимъ высокимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ, когда я уже былъ въ семинаріи, Матвѣй счелъ за лучшее снизойти съ іерархической высоты, на которой стоялъ въ Касимовѣ; онъ изъ собора перешелъ, въ томъ же чинѣ, въ Успенскую церковь и благовѣщенскій дьяконъ, наконецъ, достигъ своей цѣли и занялъ мѣсто старшаго дьякона въ соборѣ и перваго въ городѣ. О причетникахъ ничего особеннаго нельзя сказать: звонили, цѣли, пили, ходили по приходу, чего же больше отъ нихъ требовать? Впрочемъ, было между ними довольно и степенныхъ людей. Но надъ всѣмъ духовенствомъ высилась власть отца-протопопа; онъ держалъ всѣхъ въ дисциплинѣ и порядочно обиралъ, встрѣчая, впрочемъ, все въ комъ и оппозицію. Къ оппонентамъ принадлежали: 1) ямской священникъ Петръ, своего рода юристъ, если не влязнуть; протопопъ, за которымъ водилось много грѣшковъ,

его побоявался; 2) благовѣщенскій іерей Голеница; онъ и самъ ходилъ къ протопопу въ гости, и у себя угощалъ его, но былъ опасенъ, какъ взбалмошный человѣкъ, который, всплывъ, могъ посрединѣ базара раскричаться и высказать все относительно того, кто его обидѣлъ; Поликарпъ Поликарповичъ его не затрогивалъ, какъ злую собаку; 3) успенскій дьяконъ, старикъ, слышій богачемъ; онъ жилъ очень уединенно и знать никого не хотѣлъ; протопопъ уважалъ его, потому что, въ нуждѣ, биралъ у него взаймы деньжонки; 4) успенскій же дьячокъ, Исаакъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, къ которымъ идетъ пословица: „въ одно ухо влѣзеть, въ другое вылѣзетъ“. Не смотря на свое дьячовство, онъ умѣлъ втираться въ дома всѣхъ богатыхъ купцовъ въ городѣ; его затрогивать опасно было, потому что въ одинъ день сзумѣлъ бы распустить такую сплетню, отъ которой не поздоровилось бы отцу протоіерею, такъ уже лучше было не ссориться.

Настоящее ядро, даже, можно сказать, аристократію города составляли купцы, между которыми было много богатыхъ людей и первое мѣсто занималъ Иванъ Осиповичъ Алянчиковъ; онъ былъ мужчина очень толстый, разбогатѣвшій отъ откуповъ и почти вовсе не занимавшійся торговлею, такъ сказать, отдохавшій на лаврахъ. Домъ у него былъ великолѣпный, устроенный на барскую ногу, гостиная его, чуть не каждый день; наполнялась гостями, которые, можетъ быть и не всѣ, приходили алчущими и жаждущими, но уходили непременно насыщенными. Поэтому въ городѣ онъ былъ самою уважаемою особою. При встрѣчѣ на улицѣ всѣ, не исключая городничаго, кланялись ему прежде. Когда, бывало, въ высокаторжественные дни онъ приходилъ въ соборъ, то частный приставъ раздвигалъ предъ нимъ народъ еще съ большою хлопотливостью, нежели предъ городничимъ. Иванъ Осиповичъ величаво шелъ между двумя рядами и учтиво отвѣчала на низкіе поклоны, которые ему дѣлались съ обѣихъ сторонъ. Предъ иконостасомъ онъ становился впереди всѣхъ, рядомъ съ городничимъ. Смотря на все это, можно было подумать, что онъ-то и есть первая особа, начальникъ города; я такъ и думалъ. Слыша, что Иванъ Осиповичъ купецъ, я составилъ превысокое понятіе о купцахъ; они, въ моихъ глазахъ, были выше дворянъ и чиновниковъ. Второю знаменитостью города былъ нашъ

смотритель, Поликарпъ Поликарповичъ. Своимъ умомъ, своимъ общительнымъ и веселымъ характеромъ, своимъ живымъ и увлекательнымъ разговоромъ, а, въ случаю, своимъ колкимъ, неумолимымъ сарказмомъ онъ, можно сказать, командовалъ касимовскимъ обществомъ; его и любили, и уважали, и боялись. Обучаясь уже въ богословіи и бывши, въ новый годъ, въ Касимовѣ, я, какъ прежній ученикъ, счелъ обязанностью явиться на поклонъ къ его высокоблагословенію и прямо послѣ обѣдни сидѣлъ у него часа два. Въ это время къ нему успѣли пріѣхать, поздравить съ новымъ годомъ, всѣ касимовскія чиновныя знаменитости; отецъ-протопопъ принималъ ихъ съ привычною, но величавою важностью и вѣжливостью. Изъ другихъ городскихъ купеческихъ знаменитостей можно указать на татарина Салеха Бурханча (фамилія, кажется, Гамза), Дмитрія Сергѣевича Барнова, Михаила Абрамовича Якунчиковъ, Колчиныхъ, Шишвинныхъ и пр. Салехъ имѣлъ большіе кожевенные заводы и велъ обширную торговлю азіатскими товарами. Хотя онъ ходилъ, какъ татаринъ, и жилъ въ татарскихъ слободахъ, но имѣлъ знакомство съ русскими; нашъ протопопъ былъ его задушевымъ пріателемъ. Барновъ, о медицинскихъ занятіяхъ котораго я уже говорилъ, тогда еще не очень былъ богатъ, но жилъ уже на барскую ногу. Садъ у него былъ великолѣпный, не только съ отличными деревьями, но и съ прудами, гдѣ плавали рыбки; лечась у него, я любилъ, бывало, смотрѣть, какъ онъ, въ прозрачной и неглубокой водѣ, плавали и играли между собою. Послѣ Барновъ сдѣлался миллионеромъ, торгуя желѣзомъ, но въ богатствѣ его есть что-то темное; Якунчиковъ, бывший долго прикащикомъ Алянчикова, въ то время шелъ уже въ гору, богатѣлъ, богатѣлъ и, умирая, въ царствованіе Николая I, оставилъ состояніе въ семь миллионъ серебромъ. Было еще нѣсколько очень богатыхъ купеческихъ фамилій.

Но большая часть касимовскихъ жителей, какъ людей православныхъ, жили по преданіямъ старины глубокой, не увлекаясь новѣйшими идеями, принципами 1789 года; сытно ѣли, много спали, ходили по праздникамъ въ церковь и пр., и пр., словомъ сказать, благоденствовали во славу имени Христова. Я послѣ, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ такого множества толстяковъ, какое пришлось мнѣ видѣть въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ



Касимова. Что за тузы были! Алянчиковъ, Иванъ Осиповичъ, Яковъ Петровичъ Курбатовъ, Колчины, Шишкины и пр. Особенно меня поражали мужъ-купецъ и его жена; фамилію ихъ забывъ. Они ѣзжали въ стариннаго фасона дрожкахъ, съ зонтиками съ обѣихъ сторонъ. Лошадь была здоровенная, ѣзжали всегда шагомъ, да и нельзя было торопиться, ну, право, кажется, въ каждомъ изъ сѣдочковъ было не менѣе 10-ти пудовъ. Изъ купчихъ еще немногія тогда стали одѣваться по модному, въ чепцы и шляпки, платья, салоны и пр., большинство ходило въ кокошникахъ, сарафанахъ, епанечкахъ или повязывало голову платками. Всѣ эти вещи стоили очень дорого. Кокошники унижены были жемчугомъ, на епанечки употреблялась богатая парча, головные платки вышивались серебромъ и золотомъ. Особенно, почему-то, купчихи любили блистать своими нарядами въ великій постъ, во время приобщенія; тутъ, бывало, у нашего брата-мальчишекъ глаза разбѣгались, смотря на золото и серебро. Но, увы, и тогда уже нечистая сила появлялась въ Касимовѣ въ видѣ не однихъ оборотней-свиней и тогда даже въ купечествѣ были либералы, пропитанные идеями Вольтера и Жанъ-Жака Руссо. Къ главнымъ либераламъ принадлежали дѣти Алянчикова, Яковъ и особенно Николай. Они, дѣйствительно, были люди начитанные, но, не получивши систематическаго образованія, не умѣли справиться съ мыслями, запавшими въ ихъ голову изъ книгъ французскихъ энциклопедистовъ, любили хвастаться своимъ вольнодумствомъ и атеизмомъ. Старикъ Алянчиковъ сильно озабоченъ былъ спасеніемъ душъ своихъ дѣтей и для смягченія ихъ сердецъ просилъ нашего протопопа обращать ихъ на путь истинный, поручилъ тоже дѣлать и моему батюшкѣ. „Подите, пожалуйста,—говаривалъ озабоченный старикъ,—поговорите съ моимъ Николаемъ и Яковомъ, бѣда моя съ ними: не вѣруютъ въ Бога, не уважаютъ святыхъ, не ходятъ въ церковь, не хотятъ приобщаться святыхъ Тайнъ“. Объ этихъ апостольскихъ занятіяхъ я неоднократно слышалъ отъ своего батюшки. Но усилія духовныхъ особъ не могли поколебать убѣжденій дѣтей Алянчикова; тутъ сатана-искуситель и развратитель оказывался гораздо могущественнѣе ангела-хранителя и духовныхъ лицъ, вооруженныхъ словомъ Божиимъ.

Во все время моего касимовскаго житья-бытья были въ го-

родѣ временныя жильцы, которые составляли особый кружокъ, почти постоянно враждовавшій съ туземцами. Вскорѣ по окончаніи отечественной войны въ Касимовскій уѣздъ былъ поставленъ на квартиры Изюмскій гусарскій полкъ. Отличившись, какъ слышно было, во время войны своею храбростью, чины его перенесли лагерныя и походныя свои привычки въ мирный уголокъ Рязанской губерніи; они и здѣсь любили распорядиться такъ же, какъ поступали въ землѣ непріятельской. Офицеры рѣшительно почти знать не хотѣли даже почетныхъ гражданъ и чиновниковъ; къ величайшей досадѣ жителей, въ соборѣ, во время царскихъ молебновъ, оттѣсняли всѣ касимовскія знаменитости, даже городничаго и Алянчивова, на задній планъ, мало знакомилась съ жителями и составляли особый кружокъ, кутили, какъ прилично было гусарамъ, современникамъ Давыдова и Бурцева. Деньги, назначенныя на содержаніе солдатъ и лошадей, полеовникъ и ротмистры находили лучшимъ удерживать, по возможности, у себя, а гусарамъ предоставляли кормиться на квартирахъ на счетъ хозяевъ, даже и для лошадей часто не хотѣли покупать, по крайней мѣрѣ, сѣно, которое солдаты добывали иногда фуражировкою. Сначала жители, незнакомые съ военнымъ постоемъ, считали обязанностью удовлетворить требованіямъ своихъ постояльцевъ. Но потомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что и на пищу, и на фуражъ солдатамъ отпускаются деньги и жители обязываются доставлять только квартиру, то начались непріятности между властями военными и гражданскими, между гусарами и ихъ хозяевами. Гусары не стали задумываться; еще прежде поступленія моего въ училище, съ ужасомъ разсказывали, какія безчинства производилъ эскадронъ гусаръ, квартировавшій въ Парихинскомъ приходѣ. Особенно оригиналенъ былъ ихъ способъ фуражировать сѣно. Ночью, изъ разныхъ конюшенъ, гусары выѣзжали на своихъ лошадяхъ къ назначенному напередъ стогу и, закручивая веревками сѣно, свивая ихъ въ цилиндры, увозили на каждой лошади по нѣсколько пудовъ и иногда отъ цѣлаго стога не оставляли ничего, кромѣ поддонковъ и овершья (т. е. верхней части стога). Мужики начали слѣдить за такими поѣздками, отчего при стогахъ или на дорогѣ встрѣчавшіяся двѣ враждебныя партіи, одна съ кольями, а другая съ нагайками и саблями, вступали если не въ битву, то въ драку.

Разумѣется, храбрые защитники отечества, какъ люди испытанные въ бояхъ и дисциплинированные, выходили побѣдителями. Въ Парихинѣ, по крайней мѣрѣ, не было убійства, но въ селѣ Шостѣ раздраженіе, существовавшее между крестьянами и гусарами, вспыхнуло въ одинъ изъ праздниковъ; по слухамъ, нѣсколько человѣкъ крестьянъ было убито въ схваткѣ. О воровствахъ въ домахъ, грабежахъ по дорогамъ и улицамъ гусары тоже не забывали; въ Касимовѣ иногда опасно было ходить ночью. Особенно надѣлалъ много шума и послужилъ къ усмирению полка случай съ исправникомъ. Это былъ человѣкъ честный и энергическій; онъ внушилъ крестьянамъ и помѣщикамъ, что гусарамъ выдается и паекъ, и деньги на овесъ и сѣно, и если они пользуются чѣмъ-либо отъ хозяевъ, то должны платить за это. Доходы полковника и ротмистровъ уменьшились; надобно было поучить исправника. Однажды онъ, возвращаясь изъ Гусевскаго погоста въ городъ, былъ окруженъ коннымъ отрядомъ гусаръ, человѣкъ въ 25. Спутниковъ его не тронули, а только связали, но его избили нагайками до безпамятства, до полусмерти; рассказывали, что командиромъ отряда былъ офицеръ, но виновныхъ нивого не отыскалось, такъ ловко былъ обдуманъ наѣзд!

Всѣ эти беспорядки вызвали, наконецъ, строгія мѣры противъ полевого начальства, смѣнялись полковники и ротмистры; застрѣлившійся полковникъ, о которомъ я говорилъ, повончилъ свою жизнь, по слухамъ, боясь быть разжалованнымъ. Наконецъ, былъ присланъ какой-то полковой командиръ, который, арапчеевскою методою, мало-по-малу, поукротилъ буяновъ при помощи палокъ, розогъ и фухтелей, т. е. ударовъ саблею плашмя; мы, проходя мимо гауптвахты, видали верѣдко эти расправы. Но вражда между жителями и полкомъ, кажется, не прекратилась. Впрочемъ, гусары доставляли не мало и удовольствія жителямъ парадными ученьями, разводами, военными пѣснями, которыми пѣли гусары на своихъ конюшняхъ.

Но жители Касимова и сами, безъ вліянія гусаръ, склонны были къ воинственнымъ упражненіямъ. Склонность эта выражалась, главнымъ образомъ, въ кулачныхъ бояхъ. Участниками въ нихъ были мѣщане, ямщики, татары и вообще, такъ сказать, низшій классъ; не прочь были повололать другихъ и подставить

свои бока подъ кулаки и молодые, небогатые купчики. Но солидное народонаселеніе, пожилые и старые люди, именитые купцы и чиновники, конечно, лично не становились въ ряды кулачныхъ бойцовъ, но любили ободрять ихъ и словомъ, и водкою, и подарками, и деньгами; этотъ кулачный патріотизмъ доходилъ иногда, какъ я скажу сейчасъ, до смѣшнаго экстаза. Противныя партіи составлялись разнообразно. Если дрались только русскіе съ русскими, то съ одной стороны стояли ямщики, кузнецы, прихожане егорьевскаго прихода, а съ другой—прочіе горожане; иногда, впрочемъ, распределеніе сражающихся партій измѣнялось и зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ. Бои происходили на Соборной улицѣ. Ямщики употребляли усилія, чтобы горожанъ прогнать до собора; это было верхомъ безчестья для послѣднихъ; „соборъ потеряли“, кричали имъ ямщики, одержавъ побѣду. У Бѣляевыхъ я жилъ недалеко отъ Соборной улицы и потому видалъ эти бои. И на нихъ, отъ разыгравшагося воинственнаго азарта, многіе бойцы выходили: тотъ—съ подбитымъ глазомъ, другой—съ разбитымъ носомъ, иной—съ подбородкомъ, повернутымъ въ сторону; бывали примѣры, что, отъ сильныхъ ударовъ, глаза выскакивали вонъ изъ своихъ мѣстъ; объ ударахъ въ грудь, въ бока нечего и говорить; наживали даже чахотку. Но все тутъ не было того полного воодушевленія, настоящаго воинственнаго азарта, которые обнаруживались, когда одна часть сражающихся состояла изъ татаръ, а другая—изъ всего русскаго народонаселенія. Въ этомъ случаѣ битвы всегда происходили, какъ выражались, на татарской сторонѣ, на большой площади близъ мечети. Русское воинство должно было переходить глубокой оврагъ, отдѣлявшій татарскій кварталъ отъ русскаго народонаселенія. Въ мое время были двѣ замѣчательныхъ битвы, о которыхъ долго весь Касимовъ говорилъ. Однажды русскіе, послѣ долгихъ усилій, одержали побѣду надъ татарами и прижали побѣжденныхъ къ дому и саду богача Салеха, отрѣзавъ отступленіе въ сторону. Отъ продолжительной битвы раздраженіе дошло до высочайшей степени и побѣдители поступили съ побѣжденными немилосердно. Татары, желая воспользоваться пословицею „лежачаго не бьютъ“, падали на землю. Нашъ православный народъ, свято чтя преданія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая отколотить татаръ за ихъ сопротивленіе, поднималъ ихъ на ноги, двое или болѣе человекъ прижимали руки татарина

къ стѣнѣ дома или къ забору, а еще одинъ или двое немилосердно били кулаками по лицу, груди, ну, столько, сколько душѣ угодно. Избитыхъ татаръ было множество. Естественно, имъ захотѣлось отомстить невѣрнымъ. У Салеха на кожевенныхъ заводахъ и въ другихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ было, по слухамъ, до 150-ти работниковъ изъ татаръ. Онъ имъ рѣдко, особенно всею массою, позволялъ участвовать въ кулачныхъ бояхъ, но тутъ татарскій патріотизмъ заговорилъ. Недѣли двѣ или три было въ родѣ вынужденнаго перемирія. Наконецъ, въ одно воскресенье, завязалась битва, къ которой и русскіе сдѣлали всѣ возможныя приготовленія. Она продолжалась долго съ перемежнымъ счастьемъ, наконецъ, татары стали отступать за мечеть, въ дому Салеха. Русскіе разгорячились и стали преслѣдовать отступающихъ. Но когда приблизились къ дому Салеха, изъ растворившихся воротъ его вдругъ высочили Салеховы рабочіе, которые до того времени еще не были въ дѣлѣ. Свѣжихъ 100—150 молодцовъ, воодушевленныхъ племеннымъ патріотизмомъ, бросились на противниковъ и воодушевили своихъ единовѣрцевъ. У русскихъ резерва не было, кромѣ зѣвакъ и любителей, въ числѣ которыхъ находились почетные купцы и чиновники. Поэтому они не могли долго сопротивляться, быстро начали отступать по одной изъ улицъ и, наконецъ, опрометью побѣжали къ оврагу, куда валились, какъ попало. Татары не долго оставались въ нерѣшимости, спустились сами въ оврагъ, съ тѣмъ, чтобы поразить русскихъ на ихъ родной почвѣ, чего онѣ прежде не дѣлали. Подъемъ на нашу сторону былъ очень крутъ и потому русскіе, укрѣпившись на немъ, долго отражали своихъ непріятелей. По городу распространилась тревога; кричали: „татары идутъ, соборъ хотятъ взять; православные, хоть соборъ защитите!“ Но ничто не помогло. Татары, по другой улицѣ, зашли въ тылъ русскимъ. Эти, разумѣется, захваченные съ двухъ сторонъ, побѣжали; недалеко отъ нашего училища вновь было выстроились, воодушевленные богатыми купцами, чтобы защитить соборъ; но въ этотъ день счастье или сила были на сторонѣ поклонниковъ Магомета, и защитники креста, т. е. собора, совершенно разбитые, разбѣжались во всѣ стороны. Татары обошли кругомъ собора и, не видя больше никакого сопротивленія, пошли густою волонною въ свои слободы и пѣли татар-

скія пѣсни. Русскій патриотизмъ сильно былъ возмущенъ этою насмѣшкою, но ничего нельзя было сдѣлать противъ кулачнаго права.

Колота другъ друга на кулачныхъ бояхъ, касимовскіе жители не могли же не любить тѣхъ зрѣлищъ, гдѣ они имѣли удовольствіе видѣть, какъ другихъ бьютъ и притомъ самымъ безпощаднымъ, но законнымъ образомъ. Сцены наказанія преступниковъ кнутомъ и плетью были любимыми у жителей города, но уже не у однихъ кулачныхъ бойцовъ, а и у людей солидныхъ. Довольно сазать, что нашъ протопопъ являлся очень часто на мѣсто казни въ своей камилавкѣ и стоялъ въ первыхъ рядахъ. Когда, бывало, забьетъ барабанъ, который предшествовалъ печальной церемоніи отъ полиціи до мѣстной казни, какъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ всѣхъ возрастовъ, широкимъ кругомъ становился около лобнаго мѣста, влѣзалъ на соборную колокольню, на стоявшія вблизи лавки и пр. У насъ изъ училища уйти во время класса считалось преступленіемъ, а тутъ, если еще учителей не было, мы всѣ убѣгали на площадь, а случалось, что и педагоги оставляли классы. Мы, конечно, смотря на то, какъ кнутомъ или плетью полосовали спины преступниковъ, могли еще утѣшить себя тѣмъ, что наказываютъ несравненно больнѣе, нежели какъ насъ сбьютъ. Но отецъ-протопопъ и учителя для чего ходили?

Самыя наказанія совершались неодинаково, употреблялся-ли для нихъ кнутъ или плеть. Тогда еще не было эшафотовъ, появившихся съ 1840-хъ годовъ; тѣхъ, которые осуждены были подъ плети, обыкновенно клали на голую землю, предварительно снявши съ него все платье и рубаху и, оставивъ въ однихъ подштанникахъ, сбъли по спинѣ. Исполнителемъ экзекуціи бывалъ или палачъ, или полицейскій солдатъ, смотря по тому, ссылался-ли наказываемый въ Сибирь на поселеніе или возвращался въ прежнее мѣсто своего жительства. Но если нужно было наказывать кнутомъ, то ставили въ наклонномъ положеніи такъ называемыя сани-дровни, оборачивая ихъ вверхъ полозьями; разумѣется, дровни такъ устанавливались, чтобы они не могли упасть во время экзекуціи. Палачъ раздѣвалъ осужденнаго, рубаху не снималъ, а раздиралъ и потомъ клалъ его между полозьями дровней и крѣпко ремнями привязывалъ. Передъ каждымъ

ударомъ отходилъ отъ дровней на нѣсколько шаговъ и, поднявши кнутъ вверхъ, какъ говорили, съ разбѣга ударялъ имъ по спинѣ несчастнаго. Въ царствованіе Александра I и въ первую половину царствованія Николая I, по крайней мѣрѣ, немного назначалось ударовъ кнутомъ; слыхалъ я, что были примѣры, когда ограничивались однимъ или двумя ударами и выше 50-ти, а послѣ и 25-ти, не поднимались. Но при Еватеринѣ, Павлѣ и, сначала, при Александрѣ I отсчитывали иному по сотнямъ; дѣдушка мой самъ видалъ, какъ наказывали 300-ми ударовъ кнутомъ. Въ 1840-хъ годахъ, съ введеніемъ эшафотовъ, съ отмѣненіемъ кнута и съ замѣною его плетью, не съ двумя, какъ было прежде, а съ тремя хвостами, максимумъ ударовъ возвышенъ до 100, но наказывали уже не по спинѣ, а, какъ выражались изъ деликатности, по мягкимъ частямъ тѣла. На счетъ трехъ-хвостной плети была придумана острота въ Петербургѣ. Введеніе ея совпадало съ введеніемъ счета монеты на серебро. А извѣстно, что серебряный рубль болѣе ассигнаціоннаго въ  $3\frac{1}{2}$  раза. Дробью остряки пренебрегали и, говоря о замѣнѣ единохвостнаго кнута трехъ-хвостною плетью, прибавляли, что Перовскій перевелъ кнутъ съ ассигнаціи на серебро. Перовскій тутъ попался на языкъ остряковъ, потому что, будто бы онъ, бывши тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, болѣе другихъ настаивалъ на введеніи трехъ-хвостной плети.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ]

# МИХАИЛЬ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784 — 1848.

Общая характеристика матеріаловъ.—Воспитаніе.—Путешествіе по Европѣ.—Труды по славистицѣ.—Борьба съ Базиліанскимъ греко-униатскимъ орденомъ за права блага духовенства и за чистоту греческаго обряда въ греко-униатской церкви.—Профессорская дѣятельность въ виленскомъ университетѣ и главной духовной семинаріи.—Участіе въ реформѣ греко-униатской церкви.—Значеніе дѣятельности Бобровскаго при воссоединеніи униатовъ съ православіемъ.—Послѣдніе годы его жизни.—Судьба его бібліотеки, ученыхъ работъ, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, профессоръ священнаго писанія и библейской археологіи въ виленскомъ университетѣ и состоявшей при немъ главной духовной семинаріи, извѣстенъ въ исторіи славистики открытіемъ знаменитой супрасльскаго рукописи, составляющей, подобно Остромирову Евангелію и другимъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскаго кирилловскаго письма, необходимый источникъ для изученія первоначальной письменности древняго церковно-славянскаго языка, который служитъ основаніемъ для изслѣдованія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Какъ знатокъ восточныхъ языковъ, библейской археологіи, славянскаго бібліографіи, славянскихъ нарѣчій и новѣйшихъ языковъ, Михаилъ Кирилловичъ, въ 1820-хъ годахъ, становится членомъ римской академіи древностей, парижскаго и лондонскаго азіатскихъ обществъ и московскаго общества древностей и входитъ въ сношеніе съ знаменитыми учеными того времени.



Архипастыри, совершившіе воссоединеніе—митрополитъ Иосифъ Сѣмашко, архіепископы Василій Лужинскій и Антоній Зубко признають за нимъ авторитетъ наставника своего и большей части духовныхъ лицъ греко-униатскаго обряда, занимавшихъ, въ эпоху воссоединенія, важнѣйшіе посты по управленію епархіями, семинаріями и училищами.

Хотя, отказываясь отъ епископскаго сана, профессоръ М. Бобровскій не стремился къ высшему положенію, но всегда принималъ близко къ сердцу судьбу греко-униатской церкви и быть бѣлаго духовенства, и нѣкто не былъ способнѣе его служить соединительнымъ центромъ для примиренія противоположныхъ возрѣній при реформѣ церкви и въ дѣлѣ воссоединенія. Его громадная ученость въ области богословія и славяновѣдѣнія, его нравственная безукоризненность и олицетворенная правдивость, его сильная энергія, при отсутствіи тщеславія, гордости, низкопоклонства, его неизмѣнная привязанность къ старинѣ, къ древней Руси, къ чистотѣ обрядовъ греко-славянской церкви, его горячее заступничество за права бѣлаго духовенства и его публичныя разоблаченія непристойныхъ дѣйствій Базилианскаго ордена въ церкви, все это возвышало ученаго Бобровскаго надъ окружающими его людьми всѣхъ отгѣнковъ. „Отрадно было видѣть, говоритъ протоіерей Янковскій, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженнаго мужа воссоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника“.

Высокое почитаніе заслугъ профессора выразилось также и поднесеніемъ ему портрета въ 1830-хъ годахъ. Портретъ, гравированный на камнѣ, во множествѣ экземпляровъ былъ разосланъ въ епархіи бѣлорусскую и литовскую, обнимавшія въ то время всю греко-униатскую митрополию. Жировицкій соборный протоіерей Бобровскій изображенъ, на портретѣ, въ одеждѣ униатскаго каноника, съ наперстнымъ крестомъ на груди, присвоеннымъ православному духовенству <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Копія портрета, которая будетъ приложена къ сему биографическому очерку, сдѣлана иждивеніемъ редактора „Русской Старины“, которому считаемъ долгомъ выразить по этому поводу глубокую признательность. На портретѣ, внизу, слѣдующая надпись:

Michael Bobrowski.

Protopresbyter Catedrae Zyrovicensis, S. T. D. Archaeolog. Acad. quae Romae

Въ 1840-хъ годахъ, въ качествѣ настоятеля шерешевской церкви и пружанскаго благочиннаго, знаменитый „философъ-ориенталистъ“, посвятивъ себя всецѣло служенію обновленной и очищенной отъ латинства греко-славянской восточной церкви, заканчиваетъ свою многознаменательную жизнь среди скромной сельской паствы.

Протоіерей Бобровскій скончался 21-го сентября 1848 года, на 64 году жизни, въ Шерешевѣ (Пружанскаго уѣзда), и похороненъ у алтаря кладбищенской шерешевской церкви.

Въ св. Пречистенскую шерешевскую церковь (въ которой священнодѣйствовалъ шестнадцать лѣтъ) онъ передалъ на вѣчное храненіе большой напрестольный серебряный крестъ, сдѣланный имъ по формѣ Белеградскаго креста въ Моравіи еще въ 1819 г., какъ бы въ воспоминаніе о высокочтимыхъ всѣми славянами первоучителяхъ Кириллѣ и Меодіи <sup>1)</sup>). Надъ его могилой, изживеніемъ духовенства пружанскаго благочинія, воздвигнуть памятникъ изъ дуба, въ видѣ высокой пирамиды.

Къ сожалѣнію, по недостатку предусмотрительности дворянской опеки и депутата со стороны духовенства, погибли многія его ученныя рукописныя работы, его переписка и нѣсколько

---

floret atq. Mosquensi Histor. et Antiquit. Rossic. societati adscriptus, Exegeos et Archaeolog. in Coesarea Literarum Universitate Vilnensi Professor Publicus ordinarius.

Hanc Viri Doctissimi, Proceptoris sui carissimi, nunc fati sic jubentibus, e provincia, quam intra Octodecim annorum spatium summa cum laude oblerat, decentis Imaginem, suis sumptibus in lapide delineatum Alumni Seminarii olim Genereralis Vilnensis, graviter moerentes, publicum pietatis reverentiae tenerrimq amoris documentum existere, voluerunt.

Въ переводѣ:

Михангъ Бобровскій.

Жировицкій кафедральный протоіерей, членъ римской археологической академіи и Россійскаго общества исторіи и древностей, ординарный профессоръ священнаго писанія (Exegeos) и библейской археологіи. Ученѣйшему мужу, драгоценному наставнику, имѣвъ по волѣ судьбы оставляющему мѣсто, которое занималъ съ великою славой въ теченіи 18-ти лѣтъ, бывшіе воспитанники главной вилненской семинаріи, глубоко огорченные разлукою, постановили: въ знакъ всеобщаго къ нему почтенія, уваженія и нѣжнѣйшей любви изобразить на камнѣ этотъ портретъ на свои собственныя средства.

<sup>1)</sup> Письмо протоіерея Токмаревскаго, шерешевскаго благочиннаго.

П. В.

древнихъ славянскихъ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи для изслѣдованія.

Михаилъ Кирилловичъ, въ послѣдніе годы своей трудовой жизни, кромѣ весьма цѣнной библіотеки въ тысячу томовъ <sup>1)</sup>, заключавшей много весьма рѣдкихъ изданій, преимущественно на старо-славянскомъ языкѣ кирилловской и глаголической азбуки, располагалъ также собраніемъ разнообразныхъ снимковъ того же древнеславянскаго письма, сдѣланныхъ имъ самимъ во время посѣщенія наиболѣе извѣстныхъ библіотекъ и музеевъ Европы, особенно въ Италіи и въ Парижѣ, а также при неоднократныхъ посѣщеніяхъ богатѣйшей въ то время по содержанию и составу древнихъ славянскихъ рукописей библіотеки супрасльскаго, нѣкогда православнаго, а потомъ греко-уніатскаго Благовѣщенскаго монастыря <sup>2)</sup>.

Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что у покойнаго протоіерея, въ числѣ рукописныхъ его работъ, находился курсъ „Славянской библіографіи“, читанный имъ въ Вильнѣ съ 1826 года и значительно дополненный послѣдующими его работами, множество археологическихъ и библіографическихъ замѣтокъ и, наконецъ, письма къ нему извѣстнѣйшихъ ученыхъ славистовъ того времени: І. Добровскаго, В. Ганки, В. Копитара, Юнгмана,

<sup>1)</sup> Его ученикъ, Платидъ Янковскій, въ жизнеописаніи главнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности западной Россіи, помѣщенномъ въ „Холм. мѣс.“ на 1867 г., пишетъ, что протоіерей Вобровскій, по особенной любви къ рѣдкимъ славянскимъ изданіямъ, составилъ свою весьма цѣнную библіотеку во время путешествія по славянскимъ землямъ и другимъ странамъ Европы; для приобрѣтенія книгъ онъ часто отказывалъ себѣ въ необходимомъ.

<sup>2)</sup> Рукописи Супрасльскаго монастыря нынѣ хранятся въ виленской публичной библіотекѣ, въ числѣ 129, не достаетъ только древнѣйшей изъ нихъ, открытой М. Б. Вобровскимъ. Добрянскаго „Описаніе виленск. публ. библ. церковно-славянскихъ и русскихъ“. Вильна, 1882 г., стр. 461. Здѣсь, подъ № 271, отмѣчено: „Копія знаменитой супрасльской рукописи“, сдѣланная, вѣроятно, самимъ Вобровскимъ. См. нашу статью: „Судьба супрасльской рукописи“, „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, октябрь, ноябрь и декабрь 1887 г. Также наше Статистическое описаніе Гродненской губерніи. Колонія Супрасль, 1863 г. Архимандрита Модеста „Супрасльскій Благовѣщенный монастырь“, въ „Вѣстн. Зап. Рос.“ 1867 г. „Краткое описаніе Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря“, въ Вилен. календарѣ за 1886 г.

А. Х. Востокова и П. И. Кеплена, потомъ Погодина и Шевырева, письма къ нему государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, наконецъ, письма главнѣйшихъ дѣятелей по воссоединенію уніатовъ съ православіемъ, его учениковъ и друзей.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ „О судьбѣ супрасльскаго рукописи“ (Журн. Мин. Нар. Пров. за 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь) мы воспользовались также и судьбы библіотеки М. К. Бобровскаго, бывшихъ у него монастырскихъ рукописей, собственныхъ его ученыхъ работъ, а также и писемъ<sup>1)</sup>. Въ настоящемъ же трудѣ своемъ мы сочли своею обязанностию представить возможно подробную характеристику его дѣятельности и заслугъ въ виленскомъ университетѣ и главной духовной семинаріи, а также въ греко-уніатской церкви въ 1820-хъ годахъ, во время борьбы бѣлаго духовенства съ базилианскимъ орденомъ—вообще и съ латинско-богословскою школою въ греко-славянской церкви въ частности. вмѣстѣ съ тѣмъ мы намѣрены привести въ извѣстность его ученые работы по славистикѣ и, по возможности, его богословскіе труды.

„Каждый изъ его учениковъ“, говорилъ намъ въ одну изъ многихъ бесѣдъ Филаретъ, архіепископъ нижегородскій, „съ любовью, уваженіемъ и благодарностію вспоминаетъ профессора и наставника Михаила Бобровскаго, вашего дядю“. „Между прочимъ, онъ тщательнѣе наставлялъ насъ въ церкви св. Николая (въ Вильнѣ), при отправленіи имъ церковной службы и совершеніи разныхъ обрядовъ и требъ по обряду греческой церкви, и умѣлъ развить въ своихъ ученикахъ благочиніе съ чисто евангельскою простотою“. Филаретъ Малишевскій воспитывался въ главной семинаріи одновременно съ Плакидомъ Янковскимъ (1826—29 гг.).

Гораздо ранѣе, въ 1858 г., въ Вильнѣ, упомянутый Филаретъ (въ то время ковенскій епископъ) на вопросъ, почему до сихъ поръ не появилась біографія ученаго слависта-богослова, который пользуется такимъ уваженіемъ духовенства сѣверо-западнаго края, замѣтилъ слѣдующее: „Вашъ дядя не могъ быть понятъ и достаточно оцѣненъ при своей жизни. Это такъ. Да

<sup>1)</sup> Имѣются особые оттиски съ приложеніемъ: автографа Михаила Кирилловича, образца собственноручнаго его списка съ супрасльскаго рукописи и образца (facsimile) подлинника этой рукописи. П. В.

и теперь (въ 1858 г.) еще не наступило время для правдивой оцѣнки его значенія въ вопросѣ о воссоединеніи униатовъ; но исторія его не забудеть“. Скоро, однако, наше недоумѣніе было разрѣшено епископомъ гродненскимъ Игнатіемъ (Желязовскимъ), когда по обязанности собирателя матеріаловъ для статистики Гродненской губерніи я находился въ Гроднѣ (1860—1862 гг.). Преосвященный однажды разсказалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: „я былъ еще студентомъ виленскаго университета и хорошо помню, когда каноникъ Бобровскій произносилъ проповѣди; онѣ всегда производили на присутствующихъ въ храмѣ потрясающее впечатлѣніе и не только въ высшемъ обществѣ, но и среди поселянъ. Чтобы произносить рѣчи таковыя, какъ произносили ихъ вашъ дядя, нужно обладать исключительнымъ дарованіемъ. Рѣчь его отличалась изяществомъ языка, пронизана была глубокимъ чувствомъ, произносилась съ необычайною простотою; впечатлѣніе его слова было сильно и вразумительно. Духовенство греко-униатское уже давно вело борьбу съ базилианскими монахами. Дядя вашъ, всегда правдивый и прямодушный, будучи всею душою преданъ церкви и скорбя о ней, объ униженіи духовенства, не могъ избѣжать въ своихъ рѣчахъ не только на кафедрѣ св. писанія — въ аудиторіи, всегда переполненной слушателями, даже изъ виленскаго общества, но и въ церкви (а въ то время униаты могли говорить рѣчи и въ костелахъ римско-католическихъ), замѣчаній въ намекахъ весьма деликатныхъ, но и мѣткихъ, всегда попадавшихъ въ цѣль. Профессоръ, безъ сомнѣнія, яснѣе насъ всѣхъ понималъ въ какую пропасть базилианскій орденъ завелъ церковь и духовенство. Хорошо не помню, кажется въ началѣ или концѣ 1823 г., или же въ началѣ 1824 г., каноникъ Бобровскій сказалъ въ церкви монастыря, кажется Босоногихъ (босачекъ), сильную проповѣдь, въ которой обличалъ монаховъ въ упадкѣ нравственности и другихъ монастырскихъ неблаговидныхъ злоупотребленіяхъ. Проповѣдь эта съ одной стороны была неожиданнымъ ударомъ для учрежденія базилианскаго ордена, который при князѣ Голицынѣ пользовался еще большимъ довѣріемъ въ Петербургѣ, съ другой стороны — создала непримиримыхъ враговъ канонику Бобровскому. Вы должны знать, что базилианскіе монахи не стѣснялись средствами для достиженія своихъ цѣлей. Если бы не сильные лица въ Петербургѣ, съ которыми дядя вашъ сошелся во время своего путешествія по

Европѣ, то для него могли произойти дурныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ не способенъ былъ на уступки. Все дѣло на этотъ разъ ограничилось потерею катедры... Но и послѣ возвращенія его на катедру въ Вильну въ 1826 году злоба базилианъ не давала ему покоя. На него клеветали, доносили, постоянно мутя его душу. Въ одно время онъ даже думалъ оставить Вильну и переѣхать въ Петербургъ или удалиться даже за границу; любовь къ родинѣ, къ своему брату, вашему отцу и его семейству измѣнили, къ счастью, его намѣреніе“.

Послѣ такого откровеннаго разговора, дополненаго впоследствии замѣтками учениковъ М. К. Бобровскаго по главн. дух. сем., намъ стало яснымъ все то, о чемъ приходилось слышать ранѣе. Мы теперь могли найти руководящую нить для задуманнаго предпріятія, легко могли оцѣнить и смыслъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ митрополитомъ Іосифомъ при первомъ ему представленіи въ 1858 г. въ Вильнѣ: „я весьма благодаренъ вашему дядѣ и всегда сохраняю къ его памяти глубокое уваженіе“. Это не было простою вѣжливостію. Митрополитъ Іосифъ всегда питалъ расположеніе къ протоіерею и профессору. Еще въ дѣтствѣ мы встрѣчали у дяди епископа Іосифа Сѣмашку и видѣли съ какою любовію и деликатнымъ чувствомъ онъ относился къ дядѣ и къ намъ, малолѣтнимъ дѣтямъ умершаго его брата.

Собираніемъ матеріаловъ для біографіи М. К. Бобровскаго я занялся съ 1860 года, когда получилъ командировку для статистическаго описанія Гродненской губерніи. Тутъ я имѣлъ случай войти въ непосредственныя сношенія съ лицами, хорошо знавшими ученую дѣятельность профессора. Воспоминанія дѣтства, поясненныя и дополненныя разсказами учениковъ и друзей бывшаго профессора и наставника: Филарета (Малишевскаго), епископа воненскаго (впослѣдствіи нижегородскаго архіепископа), Василія (Лужинскаго), архіепископа полоцкаго и витебскаго (впослѣдствіи члена св. синода), Игнатія (Желязовскаго), епископа брестскаго, и другихъ, я дополнялъ и провѣрялъ свѣдѣніями, почерпнутыми въ трудахъ писателей, у которыхъ встрѣчаются какіе либо отзвымы или замѣтки о М. К. Бобровскомъ<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Ярошевичъ, „Образъ Литвы“, т. е. Изображеніе Литвы, говоритъ, что онъ пользовался бібліогр. замѣтками проф. Бобровскаго, охотно ему удѣляемыми; Ярошевичъ былъ товарищемъ моего дяди по профессурѣ бывшаго

Послѣ появленія въ печати въ 1864 году (Лит. Епарх. Вѣд.) очерка жизни протоіерея М. Бобровскаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ хранителей русской народности между униатами, составленнаго талантливымъ перомъ его ученика и друга протоіерея Плакида Янковскаго (также Холм. мѣсяц. на 1867 г.) и статьи Антонія Зубки, архіепископа мѣнскаго („Русскій Вѣстн.“ за 1864 г.) матеріаль для біографіи М. К. Бобровскаго значительно пополненъ напечатанными въ 1880-хъ годахъ: „Записками митрополита литовскаго Юсіфа (Сѣмашки)“, изд. въ 1883 г., „Записками архіепископа полоцкаго и витебскаго Василія Лужинскаго“, напечатанными въ нѣсколькихъ номерахъ „Православнаго Собесѣдника“ за 1884 и 1885 гг., „Трудомъ“ орд. акад. И. В. Ягича подъ заглавіемъ „Письма Добровскаго и Копитара“, изданнымъ въ 1885 г., статьями въ „Христіанскомъ Читеніи“ Плат. Жуковича о главной семинаріи и о профессорахъ ея.

Наконецъ, въ послѣдніе годы, съ разрѣшенія оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, намъ открытъ доступъ въ архивъ св. синода; мы познакомились и съ архивомъ министерства народнаго просвѣщенія, вошли въ письменныя сношенія съ лицами, такъ или иначе заинтересованными въ нашемъ предпріятіи, и получили нѣсколько весьма цѣнныхъ документовъ, между прочимъ собственноручный рукописный сборникъ черновыхъ

---

впл. унив. и моимъ крестнымъ отцемъ. И. Даниловичъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ Литовскому лѣтописцу (въ 1827 г.) былъ не только товарищемъ, но и другомъ М. К. Бобровскаго; они сообща открыли нѣкоторыя историческія рукописи. Впослѣдствіи собранные Даниловичемъ документы изданы Спидоровичемъ, подъ заглавіемъ „Skarbiec Litwy etc.“. Вильно, 1861 г. Кеплена „Вибліограф. листы“, изд. 1825 г. И. Срезневскаго „Переписка Востокова“. Изд. II отд. имп. акад. наукъ, т. 5, изд. 1873 г. І. Добровскаго „Грамматика языка славянскаго“, перев. съ латинскаго М. Погодина и С. Шевырева, 2 тома, изд. 1833 и 1834 гг. Виленскія періодическія изданія на 1822—1828 гг. *Dzienn. Wilen.* и *Dzieje Dobroszyn.*, въ которыхъ помѣщены статьи Бобровскаго по славистикѣ и его публичныя рѣчи. Статьи эти и нѣкоторыя рѣчи перепечатаны въ „Русск. Вѣстн.“, изд. Калайдовичемъ, 1824—27 гг. Изъ иностранныхъ же писателей назовемъ Ангело Майя въ изданіи его: „*Scriptorum veterum Nova Collectio*“, Римъ, 1831 г. Здѣсь напечатана статья профессора Бобровскаго, составленная въ 1820 г. «*Codicis Slavici*». О нѣкоторыхъ напечатанныхъ трудахъ М. К. Бобровскаго упоминаетъ Эстрейхеръ въ Польской бібліографіи. П. В.

писемъ профессора, съ 1830 по 1847 г., къ извѣстнымъ лицамъ того времени.

По этому поводу мы считаемъ своимъ долгомъ выразить признательность: кафедральному протоіерею В. И. Гомолицкому, зятю митрополита Іосифа, академикамъ А. А. Куніеву, А. Ѳ. Бычкову, И. Я. Ягичу, хранителю архива св. синода Н. И. Григоровичу, протоіереямъ М. Токаревскому и Николаю Жуковичу, священ. Владиміру Кургановичу, преподавателю литовской семинаріи П. Жуковичу.

Не смотря на изобиліе собранныхъ фактическихъ данныхъ, намъ не удалось, однако, разыскать еще слѣдующихъ первостепенныхъ документовъ: „записной книжки“, въ которую Михаилъ Кирилловичъ, во время своего пятилѣтняго путешествія по Европѣ и славянскимъ землямъ, ежедневно вносилъ все заслуживавшее его вниманія, „отчетовъ“, представленныхъ имъ въ виленскій университетъ о своемъ ученомъ путешествіи, „писемъ“ къ нему извѣстныхъ ученыхъ славистовъ и униатовъ, не изданныхъ его ученыхъ работъ, между прочимъ, и его „Славянской бібліографіи“.

Эти существенные недочеты лишаютъ насъ возможности дать всестороннюю оцѣнку фактамъ въ интересной и поучительной жизни ученѣйшаго слависта и богослова. Однако, собранные нами матеріалы достаточно солидны для того, чтобы можно было рѣшиться представить вниманію читателей настоящей трудъ въ той надеждѣ, что работа эта можетъ повести къ раскрытію мѣста храненія искомымъ документовъ и недостающихъ матеріаловъ и такимъ образомъ послужить основаніемъ для болѣе полного, критически обработаннаго изслѣдованія о дѣятельности славнаго мужа, которымъ „гордилось греко-униатское духовенство“, называя его своимъ „свѣтиломъ и украшеніемъ“ <sup>1)</sup>. П. В.

<sup>1)</sup> См. объ этомъ «Русск. Вѣстн.» на 1864 г., статья Антонія Зубки, архіепископа мивскаго, и «Холмск. мѣсц.» на 1867 годъ, статья Плавиды Янковскаго, доктора богословія, вице-предсѣдателя литовской епархіи.



## I.

Священникъ Кирилль. — Состояніе русско-уніатской или греко-славянской церкви въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. — Базилиане и бѣлое духовенство или борьба двухъ началъ польско-латинскаго и русско-славянскаго въ Польшѣ и Западной Россіи. — Брестскій капищь.

Михаилъ Кирилловичъ принадлежитъ къ древнему роду черно-русскихъ славянъ, занимающихъ юго-западную часть Гродненской; на востокѣ черноруссы врѣзываются полосой черезъ Бѣловѣжскую пуцу мимо Полѣсья, между бѣлоруссами и малороссами, достигая до Новогородка (нынѣшняго Новогрудка). Предки Бобровскихъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтія владѣли нѣсколькими имѣніями въ Дрогичинской или Дрогичицкой землѣ, т. е. въ странѣ между Дрогичиномъ, Мельникомъ и Бѣльскомъ <sup>1)</sup>.

Отецъ Михаила Кирилловича, священникъ Кирилль, продавъ въ 1762 году свое послѣднее имѣніе Угли, отправился сначала искать лучшей участи въ Малороссіи, прожилъ нѣкоторое время въ Киевѣ и, вернувшись на родину въ 1777 году, поступилъ въ духовное званіе, получилъ актъ представленія (презенту) отъ помещика Бобровническаго на приходъ въ Волькахъ, а въ 1779 г. рукоположенъ въ священники брестскимъ греко-уніатскимъ епископомъ Симеономъ Млодчимъ.

Священникъ Кирилль, можно сказать, олицетворялъ собою типъ пастыря грекоуніатскаго бѣлаго духовенства той эпохи. Съ начала XVIII вѣка оно поставлено было въ тяжелыя условія, вслѣдствіе политики Рѣчи Посполитой и преобладанія латинскаго культа въ Базилианскомъ орднѣ, относившемся высокоумно къ простому и скромному служителю алтаря. Защищая права своей церкви и ограждая своихъ прихожанъ отъ самоуправства господской (пан-

<sup>1)</sup> Въ актахъ бывшаго Дрогичнаго городского суда 1632 — 1634 годовъ находится грамота дворянину Михаилу Бобровскому на званіе летическаго подчашія, подписанная королемъ Владиславомъ IV 20-го января 1633 года. Его потомки по прямой линіи — сынъ Емельянъ, внукъ Матвѣй и правнукъ Иванъ имѣли въ своемъ владѣніи имѣнія — Островице-Липки, Залѣсье, Глуховка. См. акты того же суда 1645, 1647, 1679 и 1714 годовъ. Сынъ Ивана, Кирилль, владѣлъ до 1762 года только д. Углами, доставшимися ему по наследству, въ 1757 году.

ской) власти, сельскому священнику нужно было обладать сильным характером и чистою душою, чтобы не пасть под бременем своих пастырскихъ обязанностей. Малѣйшій капризъ помѣщика грозилъ утратою мѣста и нищенствомъ семьи. Священникъ Кириллъ пребылъ настоятелемъ 44 года и умеръ на 84 году жизни, оставаясь вѣрнымъ своему пастырскому призванію и приобрѣтя своею добродѣтельною жизнію уваженіе—какъ христіанинъ, какъ священникъ и настоятель, какъ домовитый хозяинъ и заботливый отецъ семейства.

Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ трудолюбивомъ, тихомъ, кроткомъ сельскомъ пастырѣ, какимъ онъ представленъ въ надгробной рѣчи, сказанной 7-го іюля 1824 году магистромъ богословія, бѣльскимъ благочиннымъ Адамомъ Костычевичемъ <sup>1)</sup>. Обстоятельства приучили отца Кирила съ раннихъ лѣтъ упорнымъ трудомъ зарабатывать средства къ жизни. Въ то время содержаніе приходскаго священника ограничивалось доходомъ съ небольшого участка земли. Но онъ и при скудныхъ средствахъ не только не нуждался въ необходимомъ, но находилъ возможность оказывать помощь нуждающимся прихожанамъ, и ничего не жалѣлъ, нерѣдко самъ питаясь кускомъ хлѣба съ водою, для образованія своихъ оставшихся въ живыхъ двухъ сыновей, съ дѣтства лишившихся матери. Въ совершеніи богослуженія священникъ Кирилъ строго держался обряда по уставу греческой церкви. Добавимъ къ сказанному Костычевичемъ, что въ его послужномъ спискѣ значится слѣдующее: „въ знаніи уставовъ греко-восточной церкви онъ превосходилъ всѣхъ священниковъ цѣлой епархіи“ (Архивъ латовск. епарх.). Эта черта обращаетъ на себя вниманіе потому особенно, что со времени Замостьскаго собора въ 1721 году базилианская латинско-богословская школа настоятельно стремилась къ послѣдовательной замѣнѣ греческихъ богослужбныхъ обрядовъ латинскими. По ученію же базилианскихъ схоластовъ того времени въ смѣшеніи латинскихъ обрядовъ съ греческими собственно и заключалось существо уніи! Священникъ Кирилъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ могъ видѣть къ чему стремились намѣренія Базилианскаго ордена съ начала XVIII вѣка,

<sup>1)</sup> Проповѣдь въ день похоронъ священника Кирилла Бобровскаго настоятеля Вольчанской церкви, 7-го іюля 1824 года. *Dzieje Dobroczytności*, 1824, VI, str. 329. Переводъ въ лат. Епарх. Вѣд. на 1887 г.

которыя, по счастью, не раздѣлялись нѣкоторыми сильными лицами изъ состава бѣлаго (т. е. свѣтскаго) духовенства, образовавшаго съ семидесятихъ годовъ XVIII вѣка знаменитый въ исторіи уніи XIX в. Брестскій капиталъ.

„Онъ (говорить магистръ Костыцевичъ), не имѣлъ высшаго научнаго образованія, но его здравый, свѣтлый умъ, не будучи отуманенъ лжеученіемъ, обогащенъ былъ постояннымъ чтеніемъ священнаго писанія и изученіемъ уставовъ греческой церкви. Проникнутый духомъ евангельскаго ученія, онъ научалъ народъ въ простотѣ апостольской, примѣняясь къ понятіямъ своихъ скромныхъ слушателей. Училъ слушать начальниковъ, въ точности отбывать повинности—пошлину, никого ничѣмъ не обижать, остерегаться клеветы, или же посягательства на чужое. И самъ жилъ такъ, какъ научалъ, собственнымъ примѣромъ располагая въ добродѣтели. Домъ его былъ расадникомъ людей, привычныхъ къ честному труду. Утверждаемая имъ словомъ и дѣломъ вѣра тѣмъ паче была плодотворною, что богослуженіе онъ совершалъ съ самымъ строгимъ соблюденіемъ обрядовъ греко-славянской церкви, а поученія говорилъ на языкѣ, доступномъ простолюдину. Стараніемъ и попеченіемъ священника Кирилла и содѣйствіемъ епитима, помѣщика Игнатія Бобровническаго, церковь совершенно обновлена и обезпечена необходимою утварью. Въ минуту-же вступленія въ жизнь вѣчную онъ оставилъ на свое погребеніе 20 рублей, а 200 рублей, имъ накопленныхъ, завѣщалъ церкви на приобрѣтеніе серебряной чаши и ризы“.

Священникъ Кириллъ, будучи многіе годы духовникомъ бѣлскаго благочинія, наставлялъ молодыхъ священниковъ въ церковномъ уставѣ, благотворно вліялъ на ихъ умъ и сердце и пользовался уваженіемъ окрестнаго бѣлаго духовенства. Примѣрное единодушіе связывало бѣлое духовенство этой страны (бывшей Бѣлостокской области) какъ бы въ одну общую семью, крѣпко стоявшую другъ за друга и оказывавшую взаимную самопомощь. При отсутствіи правильнаго организованнаго управленія епархіями, при извѣстной зависимости священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, большею частью назначаемыхъ изъ базилианскаго ордена, при стремленіи греко-униатскихъ монаховъ-базилианъ къ насажденію въ средѣ славянъ Западной Россіи латинскаго ученія, при презрѣніи къ униатскому священ-

нику не только латинских патеровъ и польскихъ помѣщиковъ, большею частью русскаго же происхожденія, но нерѣдко бездомной, всегда вычливой шляхты—экономовъ, арендаторовъ и всякаго рода польской голытьбы, сельское духовенство неизбѣжно должно было сплотиться неразрывными узами и образовать одно цѣлое съ гонимыми и презираемыми своими прихожанами. Что, если не единодушiе бѣлаго духовенства, его смиренное терпѣнiе, его добрыя отношенiя къ прихожанамъ, бывшихъ въ тягостной крѣпостной зависимости отъ господъ, могло ограждать греко-унiатскую церковь на Руси отъ окончательной гибели въ ту смутную эпоху!

Въ большинствѣ случаевъ польская шляхта, не исключая знатныхъ вельможъ, какъ свидѣтельствуя многіе документы, писанные на русскомъ языкѣ, оффиціальномъ въ Литовской Руси, до XVI столѣтія, происходила отъ людей, воспитанныхъ въ православнои или греко-унiатской вѣрѣ, благочестивые предки которой жертвовали земли и капиталы на устройство и украшеніе храмовъ.

Изъ числа документовъ, добытыхъ въ мѣстныхъ архивахъ знатоками и любителями славянскои старины, приведемъ на выдержку нѣсколько фактовъ. Изъ акта о пожалованіи Ярославомъ Солтаномъ старостой Остринскимъ и женою его Маріей на церковь, „иже во свѣтлыхъ отца нашего Николая Мирликійскаго и свѣтаго великаго мученика Христова Георгіа“ въ с. Вольчинѣ (въ 30 верст. къ сѣв.-западу отъ г. Бреста), видимъ съ какою заботливостію православные устраивали Русь западную.

Солтанъ надѣлили основанную ими церковь угодыми: „созвавши къ себѣ сусѣды нашихъ, съ которыми утворилесьмо наипервей волокъ три (нынѣ 60 десят.) во всѣхъ трехъ полеткахъ, съ сѣножатіями, павозами з'огородами и т. д. Еще 10 бочекъ жита мѣры Берестейскои и грошей золотыхъ четвередесать що рокъ (ежегодно) давати. Также домъ священнически близу церкви своимъ коштомъ побудовалесьмо (построили на свой счетъ) и аппаратъ (утварь) увесь къ той церкви, з' книгами, з' дзвонами справивши отдалесьмо, а въ бору нашомъ на онахъ дрова священниковъ Волчынскому ничымъ невозбранно позволилесьмо... зачимъ наставшій священникъ по священнику однако словенскимъ языкомъ бы и въ позвѣншій вѣкъ, а по нихъ и наступцы ихъ мають и повинни будутъ водлугъ (согласно) обрядку вѣры христіанское греческое одправовати... што вѣчно утвердивши никому моты и влады (власти) незостовуемо; только до той церкви фундацыи нашея (основанной нами) вечностю Владыды Володмирскому и Берестейскому и его канитуле (соборному кляру). Они яко власные (дѣйствительные) опекунове моцею и повагою (своимъ авторитетомъ) сеіе фундацыи и мають, и повинни будутъ всего того постерегати“. Въ случаѣ же нарушенiя кѣмъ либо церковныхъ правъ по данной записи: „тогда его милость отецъ

Владыка съ капитулою своею маюць того доходы тм. Писавъ во дворѣ нашомъ Волчинскомъ подъ лѣто Божюю нароженіа тысяча пятсотъ осмдесятъ шостого (1586), м-ца маія девятаго дня. Индикта шостого“ <sup>1)</sup>.

Владимірскіе и брестскіе владыки не исполнили, однако, обязанности попечителей; соборъ или капитулъ утратилъ свою силу и значеніе, какъ свидѣтельствуютъ акты, извлеченные изъ того же архива; волчинская церковь обращена въ монастырь базилианскій; въ XVIII столѣтіи м. Волчинъ стало собственностью олатинившихся вельможъ; здѣсь, 17-го января 1732 г., родился Станиславъ Понятовскій, будущій король польскій Станиславъ-Августъ. Затѣмъ, въ 1749 г., оно стало гвѣздомъ конфедератовъ, монастырь ревностно развивалъ латинскій культъ, во дворцѣ у своей тетки, графини Замойской, проводилъ свое дѣтство князь Адамъ Чарторыйскій, научаясь любить Польшу и презирать кормившій его русскій народъ.

Подобную же запись, отъ 23-го октября 1486 г., мы нашли наклеенною на верхней доскѣ служебника 1620 года, принадлежавшаго М. К. Бобровскому, изъ которой видно, что нѣкая княгиня Мариміана Семеновна Смѣновичъ завѣщала „попомъ Гольшанскимъ“ въ добавокъ къ тому, что далъ имъ свекоръ ея, князь Семень, и его предки съ каждаго дыма по грошу и обязала таковую плату производить своимъ управителямъ.

Или, на примѣръ, запись епископа смоленскаго Іосифа Солтана, совершенная въ Вильнѣ 11-го мая 1508 г. По этой записи имѣнія подъ названіемъ Топилецъ, Батюты, Пыщево и Владычицы отдаются на вѣчныя времена церкви Божіей, Пречистыя Благовѣщенія, еже есть у скрай рѣки Супраслы (Бѣльскаго повѣта, нынѣ Бѣлостокскаго уѣзда) въ вотчинномъ владѣніи Александра Ивановича Ходкевича, положившаго основаніе Благовѣщенскому супрасльскому монастырю. Солтанъ поручаетъ Ходкевичу и его потомкамъ охранять эти имѣнія, переданныя въ вѣчное пользованіе монастырю, отъ обидъ и притѣсеній. „А хто бы имѣлъ оное имѣнье кривдити..., або бы што хто хотѣлъ того имѣнья отлучити, або отнять отъ церкви Божіей, на томъ не будетъ милости Божіей и будетъ на таковыхъ клятва святыхъ

<sup>1)</sup> „Dzieje Dobroszyn“. III, 1826 г., т. III, стр. 283—286. Выпись дана съ документа честному отцу Петру Банковскому, пресвитеру, въ 1675 г., ноября 3-го, и записана въ городскихъ брестскихъ книгахъ. П. В.

отець трехъ сотъ и осьминадесятъ, и разсудится тотъ съ мною на страшномъ судѣ Христовѣ... А при этой записи были люди добрые: панъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, маршалокъ Господарскій, намѣстникъ Пунскій, князь Иванъ Ивановичъ, окольникій Смоленскій, а панъ Богданъ Сапѣга, окольникій Смоленскій, Степанъ Чапла, бояринъ пана Александра Ивановича Ходкевича. Писанъ у Вильны, въ лѣто 7014, мѣсяца майа 11 день, индикта 9<sup>а</sup> <sup>1)</sup>).

Можно привести много записей русскихъ бояръ и вельможъ, въ которыхъ они взываютъ къ совѣсти своихъ потомковъ, завѣщая имъ свято хранить обязательства, данныя на устроенные ими православные храмы, съ угрозою за нарушение обѣта страшнымъ судомъ Божиимъ и проклятиемъ седьмага вселенскаго собора. Достаточно знать, что древнѣйшіе православные храмы въ Берестыи, Мельникѣ, Дорочинѣ, Бѣльскѣ, Брянскѣ, Суражѣ, существовавшіе уже въ XII и XIII вв. Но спустя 300, 400 лѣтъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, они обращены были или въ греко-уніатскія церкви, или же насильственно преобразованы въ римско-католическія. Известно, что первоначальные законы въ западно-русскихъ княжествахъ были писаны на русскомъ языкѣ, такъ литовскій статутъ въ XVI ст. писанъ на русскомъ языкѣ. Но уже въ началѣ XVII ст. литовскій статутъ цитируется на польскомъ языкѣ.

Еще одинъ фактъ. Предки наши, съ самаго начала появленія уніи, много заботились о томъ, чтобы священнослужители, обучаясь церковно-славянскому языку, на которомъ совершается богослуженіе, тщательно изучали свой природный русскій языкъ.

Собравшійся въ 1626 году въ городѣ Кобринѣ синодъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа галицкаго и кievскаго митрополита всея Руси Іосифа (Вельямина Рутскаго), изъ епископовъ владимірскаго и брестскаго — Іоахима, острожскаго и лудскаго — Іереміи, архіепископа полоцкаго, витебскаго и мстиславскаго — Антонія, епископовъ — пинскаго и туровскаго — Григорія, смоленскаго и черниговскаго — Льва,

<sup>1)</sup> Археолог. сборн. документовъ къ исторіи сѣверо-западной Россіи. Т. IX. Вильна, 1870 г., № 2.

архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ со всей Руси, согласился и постановилъ учредить главное училище для всѣхъ русскихъ дворянъ греческаго обряда съ цѣлью обученія ихъ наукамъ и святой вѣрѣ, въ которой родились, съ тѣмъ, чтобы богатые содержались на свой счетъ, а бѣдные, годные для распространенія славы Божіей въ нашемъ греческомъ обрядѣ, рекомендуемые начальствомъ фронтистуріона (отъ греческаго, по латыни же—семинаріи), получали бы пищу и одежду. Для содержанія русской школы или семинаріи митрополитъ и епископы сложили опредѣленную сумму денегъ, а игумены всѣхъ монастырей троицкаго соединенія положили жертвовать въ теченіе 4 лѣтъ по  $\frac{1}{2}$  части доходовъ. Семинарія должна была имѣть преподавателей русскаго языка. И всѣ эти добрыя намѣренія рушились въ самомъ началѣ; школа, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ въ Минскѣ, была закрыта и брестскій капиталъ долго не могъ доискаться, куда дѣлись 27,000 злотыхъ, собранныхъ на устройство русской школы, ввѣренной попеченію базилианскихъ начальниковъ<sup>1)</sup>.

Масса документовъ свидѣтельствуетъ объ отступничествѣ западно-русскихъ вельможъ и духовенства отъ религіи своихъ предковъ и объ измѣнѣ своей національности. Совершенно справедливо замѣтилъ по этому поводу извѣстный французскій публицистъ Прудонъ: „Никогда еще своему народу не измѣняли тѣ самые элементы, которые, повидимому, должны были бы составлять его величіе, именно—его дворянство и духовенство. И это оттого, что аристократія, имѣющая повсюду значеніе переходнаго органа, болѣе всего бываетъ гибельна у народовъ простаго и мягкаго характера, въ которыхъ тщеславіе, особенно у женщинъ, сильнѣе честолюбія, и въ которыхъ робкое и буйное я столь же не способно къ повиновенію, какъ и къ власти“.

И то, что сказано знаменитымъ французомъ о полякахъ, усвоившихъ себѣ внѣшность европейской цивилизаціи, примѣняется вполне къ русскимъ въ Западной Руси.

---

<sup>1)</sup> Этотъ любопытный актъ, утвержденный папою Урбаномъ VIII, въ 1628 году найдеть въ латвиской книгѣ Кульчинскаго въ Римѣ, переведенъ Иваномъ Бобровскимъ и помѣщенъ въ Dziej. Dobroszyn. за 1823 г., т. I, стр. 97. Куда же дѣлся подлинный актъ, писанный на русскомъ языкѣ, неизвѣстно.

Какъ случилось отступничество вельможъ и высшей духовной іерархіи, увлекшихся приманкою польской цивилизаціи, достаточно извѣстно каждому. Припомнимъ только, что поляки, утративъ свои области въ борьбѣ съ германцами, въ XIV столѣтіи сплотились въ самостоятельное государство, усвоили себѣ западную цивилизацію: католицизмъ, рыцарство-шляхетство и наводнили города евреями. Съ того времени и начинается цивилизаторская дѣятельность поляковъ подъ знаменемъ латинскимъ.

Успѣху польской пропаганды у русскихъ славянъ благоприятствовали условія географическія и политическія. Уніи—политическая 1569 и религиозная 1596 г. опутали западно-русскія области сѣтью іезуитовъ; но эти сторонники римскаго культа у славянъ въ Европѣ нигдѣ не имѣли такого успѣха, какъ у поляковъ и въ западной Россіи. Въ Польшѣ они управляли политикою буйныхъ сеймовъ и совѣтью короля. Услуги римско-католическихъ монаховъ, взявшихъ въ свои руки образованіе высшихъ классовъ, щедро вознаграждались польскимъ и ополяченнымъ рыцарствомъ. На обширномъ пространствѣ, среди лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ отъ Балтійскаго моря до Двины и Днѣпра, явились монастыри. Въ нихъ просвѣщалось юношество русскихъ вельможъ и дворянъ, преобразившихся въ рыцарство-шляхту со всѣми внѣшними атрибутами нѣмецкихъ феодаловъ. А между тѣмъ нигдѣ народъ не оставался въ такомъ порабоженіи и презрѣніи, какъ вокругъ этихъ великолѣпныхъ палацовъ и каменныхъ влѣпшторовъ. Нигдѣ крѣпостная зависимость отъ помѣщика и всендза не доходила до такого рабскаго униженія.

Высшіе идеалы человѣчества, съ которыми носилась польская шляхта съ полною вѣрою въ превосходствѣ романо-германскаго міра надъ славянскимъ, положили на всей исторіи XVII и XVIII ст. мрачный отпечатокъ фанатизма, который освѣщаль духъ пропаганды и господства въ католическомъ духовенствѣ и шляхтѣ: бракъ Ядвиги съ Ягеллою, люблинскій сеймъ, брестскій религиозный соборъ, вездѣ насилія, вездѣ господство буйнаго рыцарства и презрѣніе ко всякому, кто незнакомъ съ латынью.

Насиліемъ оторвана отъ вел. кн. Литовскаго и присоединена къ польской коронѣ полоса русскихъ славянъ по сю сторону западнаго Буга, такъ называемое Подлясье, извѣстное впоследствии подъ названіемъ Бѣлостоцкой области. Такое присоединеніе Под-



лясья въ Польшѣ, яко-бы: „какъ члена къ своей головѣ и собственному тѣлу“, сдѣлано вопреки всѣмъ фактамъ минувшей исторіи. И не смотря на трехъ-вѣковое господство польской пропаганды надъ Русью, народъ въ этой крайней полосѣ, пограничной съ польскими племенами, сохраняетъ и понынѣ всѣ черты своего первобытнаго происхожденія отъ русскихъ славянъ. И складъ народной рѣчи, и памятники народной поэзіи — пѣсни, пословицы, поговорки, въ которыхъ выражается затаенная грусть и глухой ропотъ, и меланхолическій строй, и пляски — трепакъ и хоро-воды, во всемъ отражаются, какъ въ зеркалѣ, вся грустная прошедшая исторія страны, выносившей первый напоръ латино-польской цивилизаціи; скользя по поверхности народа, эта цивилизація не тронула существа: не могла осилить ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ черноруссовъ. Все это достаточно выяснено нами въ этнографіи жителей Гродненской губерніи, въ сборникахъ Безсонова, Шейна и у другихъ собирателей живыхъ народныхъ памятниковъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Рѣчи Посполитой произошли такія событія, которыя, какъ оазывается теперь, имѣли большія послѣдствія на судьбу блага духовенства въ греко-уніатской церкви Западной Россіи. Казалось, эти бѣдныя, гонимыя, презираемыя священники должны были пасть подъ тяжестью такихъ исключительныхъ условій, въ которыхъ они очутились вслѣдствіе постановленій Замостьскаго собора въ 1721 г., подъ вліяніемъ греко-уніатскихъ монаховъ-базиліанъ, усвоившихъ принципы знаменитаго римскаго ордена. Но провидѣнію угодно было, чтобъ изъ среды этого убогаго и гонимаго духовенства, съ конца XVIII столѣтія, явились сильные и могучіе мужи, низвергнувшіе кичливые замыслы латинствующихъ монаховъ, не смотря на сильную поддержку всѣхъ латинскихъ силъ Западной Руси.

Дѣло колонизаціи въ Западной Руси, какъ справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ, несомнѣнно устранялось реформою Петра Великаго. Петръ I, первый изъ русскихъ царей, не воевалъ съ Польшею, а между тѣмъ онъ первый изъ нихъ хозяйничалъ въ ней, какъ у себя дома: такъ уже слабо было государство польское, когда Россія овладѣла оружіемъ прежняго обаянія поляковъ—западною образованностію. Но усвоеніе началъ этой цивилизаціи, привитой къ русскому народу, не только не препятство-

вало самобытному развитію въ немъ славянскихъ началъ, но, напротивъ, оно укрѣпило въ немъ способы и средства къ самобытному развитію этихъ началъ: русскій человѣкъ созналъ великое значеніе науки и въ XVIII столѣтіи на востокъ Европы выросла могучая славянская сила способная подать руку помощи русскимъ народамъ, сохранявшимъ преданія своихъ предковъ.

Государственное зданіе Польши въ XVIII столѣтіи стало уже разлагаться и всѣ русскія области, кромѣ части Галича, почти безъ всякаго насилія, какъ бы подчиняясь естественной силѣ притяженія, возвратились въ составъ русскаго государства. Уже при раздѣлахъ Польши полтора милліона греко-уніатовъ, бѣлорусскаго и малорусскаго племень, возвратились на лоно матери своей, православной греко-восточной церкви; возвратились бы и остальные полтора милліона русскихъ послѣ третьяго раздѣла Польши и присоединенія Бѣлостоцкой области къ Россіи по Тильзитскому миру, если-бы государственная политика, въ силу понятій о крѣпостной зависимости русскихъ крестьянъ отъ польскихъ помѣщиковъ, не вступила съ польскою шляхтою и латинскимъ духовенствомъ на путь компромисовъ, посредствомъ которыхъ греко-уніатское исповѣданіе признано частицею римско-католическаго, подчинено римско-католической коллегіи, а надъ милліонами русскаго народа признано владычество польскаго или ополяченнаго шляхетства.

Императоръ Александръ I-й, какъ свидѣтельствуютъ недавно появившіеся за границею мемуары князя Адама Чарторыйскаго и его переписка, чистосердечно думалъ сначала о возстановленіи Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ, т. е. до Двины и Днѣпра. Но событія отечественной войны и другія явленія обнаружили всю неправду латинствующей партіи въ Россіи, представителемъ которой при особѣ императора былъ князь А. Чарторыйскій, а орудіемъ польской политики, по отношенію къ русскимъ, іезуитъ графъ де-Местръ, запутавшій въ свои сѣти даже многихъ русскихъ вельможъ и нѣкоторыхъ сановниковъ.

Въ Петербургѣ долгое время, болѣе двадцати лѣтъ послѣ паденія Польши, смотрѣли на западныя губерніи, населенныя русскими племенами, какъ на области польскія, т. е. глазами польской аристократіи и латинскаго духовенства; даже участіе польской шляхты въ полчищахъ Наполеона въ отечественную

войну извинялось снисходительнымъ великодушіемъ столичной администраціи.

Иначе смотрѣло на себя и на народъ, населяющій Бѣлорусію, Литовскія губерніи, Подоль и Волинь, бѣлое духовенство. Оно и послѣ присоединенія въ Россіи продолжало страдать, считая себя русскимъ духовенствомъ, исповѣдуюмую вѣру—русскою вѣрою и прихожанъ, слушавшихъ греко-славянскую литургію—русскими людьми. Такія историческія названія усвоила себѣ польская политика и польская литература. Не знала этого только наша русская наука той эпохи.

Въ средѣ греко-уніатовъ давно существовала могущественная партія, считавшая себя призванною служить интересамъ латинизаціи русскихъ славянъ. Эту партію усердно подготавливали іезуиты въ теченіи всего XVIII столѣтія; это и былъ Базиліанскій орденъ, принявшій атрибуты, внутренней строй и вѣшнюю оболочку римско-католическихъ орденовъ, преимущественно іезуитскаго. Со времени Замостьскаго собора, утвердившаго авторитетъ и преобладаніе базиліанъ въ греко-уніатской церкви Рѣчи Посполитой, быстро и рѣшительно стало исчезать то очевидное сходство, которое, въ первое столѣтіе послѣ Брестскаго собора, существовало между греко-уніатскою и православною церковью, въ настоящемъ ея смыслѣ: устройство храма, обряды, молитвословіе, церковное и домашнее одѣяніе были одинаковы какъ у православныхъ, такъ у уніатовъ. Отличіе состояло въ томъ, что уніаты подчинялись римскому папѣ и съ 1642 года ввели въ символъ вѣры добавку „и отъ Сына“, такъ называемое *filioque*. Со времени же Замостьскаго собора базиліане стали быстро измѣнять въ монастыряхъ устройство церкви, строить боковые алтари, вводить органы; стали принуждать священниковъ вмѣсто рясъ носить всендзовскіе сутаны и брить бороды; стали обращать въ монастыри лучшія и болѣе богатые приходскія церкви, захватывать подъ свою опеку фундуши и капиталы, завѣщанные по записямъ на церкви и семинаріи. По распоряженію того-же Замостьскаго собора въ типографіяхъ Почаевской, Виленской и даже Супрасльской, печатавшихъ церковно-славянскія книги, хотя и не измѣнялось молитвословіе, но начали видоизмѣнять нѣкоторыя обрядовыя дѣйствія на римскій ладъ, такъ что нарушалось согласіе обряда со смысломъ молитвы.

По мѣрѣ разложенія польскаго государства въ XVIII вѣкѣ усиливалось могущество и богатство Базилианскаго ордена, усвоившаго себѣ въ сущности республиканскій образъ управленія: всѣ должности были избирательными, выборнымъ былъ и начальникъ ордена — генераль или протоархимандритъ всея Руси. Богатство ордена увеличивалось на счетъ фундушей приходскихъ церквей и соборовъ (или каедръ), или же посредствомъ передачи въ его владѣніе нѣкоторыхъ капиталовъ бывшаго іезуитскаго ордена въ Польшѣ. Въ базилианскіе монахи стали поступать дворяне латинской вѣры, незнакомые даже съ церковно-славянской грамотой. Всѣ важнѣйшія должности въ епархіяхъ стали занимать базилиане монахи. Въ концѣ XVIII вѣка, послѣ раздѣла Польши, въ западныхъ губерніяхъ насчитывалось въ сложности до 90 монастырей, распредѣленныхъ на три провинціи, Бѣлорусскую, Литовскую и Русскую, каждая провинція имѣла особое самоуправленіе изъ провинціала, трехъ консульторовъ и секретаря, а надъ всѣми провинціями господствовалъ генераль.

Слѣдовательно, Базилианскій орденъ въ греко-уніатской церкви Западной Руси образовалъ среди милліоновъ славянъ какъ бы особое политическо-религіозное тѣло — польско-латинскую республику; утверждая въ массахъ убѣжденіе въ неправотѣ греко-славянской церкви, въ схизмѣ православной греко-восточной церкви, базилиане обратили важнѣйшіе изъ монастырей, св. Троицкій Виленскій и Успенскій Жировицкій, въ средоточіе латино-польской пропаганды и, пользуясь безконтрольностью печатанія книгъ, стали распространять между уніатами изъ своихъ типографій (Виленской и Почаевской) книги на польскомъ языкѣ: молитвенники, катихизисы, переводы св. книгъ, проповѣди, наставленія и т. п.

Имѣнія и капиталы, нѣкогда завѣщанные православными людьми на образованіе священниковъ бѣлаго духовенства, были или обращены въ фонды базилианскаго ордена, или же вмѣстѣ съ монастырскими фундушами и капиталами отдавались въ залогъ польскимъ вельможамъ и помѣщикамъ. И этимъ же издревле русскимъ достояніемъ базилиане оказывали помощь польской шляхтѣ въ борьбѣ ея съ Россією не только во второй половинѣ XVIII вѣка, но и въ первые годы настоящаго вѣка, особенно въ отечественную войну. Такъ на дѣло „народной (польской)

справы“ тратилось достояніе русскихъ завѣщателей, опредѣленное на православные храмы, на обученіе православныхъ дворянъ русскому языку!

Съ увеличеніемъ могущества монаховъ упала монашеская дисциплина, богатѣли монастыри, бѣднѣли сельскія и городскія церкви и возростала бѣдность приходскихъ священниковъ.

Самоуправство и гордость базилианскихъ монаховъ не могли не возмущать бѣлаго духовенства, которое должно было терпѣть насильственные поступки монашеской республики, доколѣ оставалось въ совершенномъ невѣжествѣ. Но не смотря на отсутствіе богословскаго образованія, на крайнюю свою бѣдность и полную зависимость отъ ктиторовъ-помѣщиковъ, бѣлое духовенство представляло еще громадную силу, на которую собственно и сталъ опираться русскій народъ, неспособный въ измѣнѣ своей народности, своей греко-славянской церкви. А такихъ униатовъ бѣлоруссовъ, малоруссовъ и червоноруссовъ въ XVIII вѣкѣ было нѣсколько милліоновъ.

Недаромъ, при всѣхъ народныхъ движеніяхъ, послѣ перваго раздѣла Польши, польскіе помѣщики въ каждомъ униатскомъ священникѣ готовы были видѣть измѣнника „народной справы“. Эта подозрительность къ священнослужителямъ греко-униатской церкви въ Польшѣ доказывала только, какъ далеко разошлись завѣтныя желанія этого духовенства съ намѣреніями польской шляхты, считавшей себя призванною къ цивилизаціи западно-русскихъ славянъ, равно какъ съ намѣреніями Базилианскаго ордена, бывшаго ея орудіемъ; событія показали, что униженное бѣлое духовенство, не взирая на свое невѣжество, въ сущности и было просвѣтителемъ своихъ поработенныхъ помѣщиками прихожанъ. Но никогда нищенствующее сельское духовенство не обращало св. церквей въ орудіе пропаганды, къ возбужденію народныхъ массъ противъ власти своихъ господъ: оно смиренно несло тяжкій крестъ, учило народъ повиноваться своимъ помѣщикамъ, платитъ исправно подати, молилось и надѣялось на милость Божию.

Послѣ паденія Польши, что могло соединить въ одно цѣлое эти двѣ разошедшіяся въ своихъ цѣляхъ могучія силы—монаховъ, считавшихъ латинскій культъ необходимымъ условіемъ благополучія греко-униатовъ въ Россіи, и священниковъ, считавшихъ

всѣ нововведенія Замостьскаго собора насильственнымъ вторженіемъ въ греко-славянское святилище. На этотъ вопросъ дала отвѣтъ исторія XIX столѣтія. Событія обнаружили, что стремленіе латинствующей партіи въ Западной Россіи къ подчиненію бѣлаго духовенства, а за нимъ и всѣхъ прихожанъ, крѣпостныхъ подданныхъ, подѣ господство польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ, союзниковъ римской курии, вело лишь къ искорененію греко-славянскаго богослуженія, къ измѣненію существа церковно-славянской церкви. Слѣдовательно, рано или поздно должно было произойти или поголовное отпаденіе греко-уніатовъ въ латинство, т. е. измѣна народа вѣрѣ своихъ предковъ и своей національности, или же коренная реформа греко-уніатской церкви подѣ знаменемъ благочестивой церкви. Греко-уніатское бѣлое духовенство при всемъ своемъ невѣжествѣ обладало еще достаточно нравственную силу, чтобы не допустить совершиться самоубійству.

Этому духовенству не доставало необходимаго условія—просвѣщенія; при своей территоріальной разрозненности, за малыми исключеніями, оно не могло выступить въ открытую борьбу съ своими сплотившимися въ монастыряхъ противниками, которымъ справедливо приписывало и свое униженіе, и свое невѣжество.

И просвѣщеніе явилось.

Въ 1753 г. папа Бенедиктъ XIV послалъ окружную грамоту или буллу (*Bullae et Breviae Summ. Pontificum* 14-го авг. 1753 г.) къ греко-уніатскому митрополиту и епископамъ, упрекая ихъ въ явномъ покровительствѣ базилианскимъ монахамъ, которые не только занимаютъ несвойственные монашескому сану должности настоятелей церкви, но и высшія должности въ епархіяхъ. „Просимъ васъ, возлюбленные братія, во имя Господа умоляемъ, чтобы вы больше всего заботились о свѣтскомъ клирѣ. Вамъ, безъ сомнѣнія, больше чѣмъ намъ, извѣстны причины невѣжества бѣлаго духовенства. По нашему мнѣнію, это невѣжество происходитъ отъ недостатка учителей, которые бы просвѣщали ихъ, отчасти и отъ того, что имъ не даете никакихъ должностей... каждый изъ васъ для управленія епархіей долженъ имѣть многихъ чиновниковъ и оффиціаловъ консисторовъ; вы, между тѣмъ, возлюбленные братія, почему-то особенно желаете, чтобъ эти должности занимали монашествующіе, а не лица изъ свѣтскаго клира, и дѣйствительно отдаете эти должности

только монахамъ: хотимъ васъ увѣрить по этому случаю, что отъ такого пренебреженія къ свѣтскому клиру происходитъ и недостатокъ опытныхъ людей между ними<sup>4</sup>. И тогда же папа повелѣлъ Виленскій алузнатъ, находившійся во власти іезуитовъ, передать въ распоряженіе греко-уніатскаго духовенства для богословскаго образованія должностныхъ лицъ изъ бѣлаго духовенства, назначая ежегодно для приѣма по нѣскольку человѣкъ изъ каждой епархіи. Воспитанники алузната, по уставу Бенедикта XIV, не имѣли права вступать въ монашество и предназначались для занятія высшихъ должностей въ уніатской церкви до епископовъ включительно (*usque ad episcopatum*). Это распоряженіе папы было жестокимъ ударомъ для Базилианскаго ордена Рѣчи Посполитой. Благодаря реакціи, наступившей въ Австріи, вслѣдствіе изгнанія іезуитовъ, богословское образованіе и въ Виленскомъ алузнатѣ получило направленіе, соотвѣтственное съ реакціональнымъ духомъ, послѣдовавшимъ и въ Польшѣ, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1772 году. Завѣдываніе образованіемъ и капиталами іезуитовъ передано эдукаціонной комиссіи. Эту комиссію составляли высшіе польскіе сановники. Въ свѣтскихъ школахъ, равно какъ въ школахъ, бывшихъ во власти римско-католическихъ орденовъ, и въ школахъ базилианъ, введены науки, полезныя въ практической жизни— физика, математика, новые иностранные языки. Въ пренебреженіи у базилианъ продолжалъ оставаться только церковно-славянской языкъ! Въ послѣдній годъ XVIII ст. Виленскій алузнатъ былъ закрытъ, объ этомъ позаботились базилиане: ректоръ (базилианинъ) Лешинскій и брестскій епископъ Булгакъ (также базилианинъ) растратили, какъ оказалось впослѣдствіи, фундуши на его содержаніе<sup>1</sup>). Алузнатъ, однако, успѣлъ дать для каждой уніатской епархіи по нѣсколько основательно образованныхъ священниковъ, занявшихъ высшія должности при епископ-

<sup>1</sup>) Арх. Свят. Сми. Дѣла р.-к. духовной колл. по уніат. депар. 1803—1812 г., № 26. При разрѣшеніи вопроса о выборѣ помѣщенія для главной семинаріи при виленскомъ университетѣ оказалось, что епископъ Булгакъ продалъ домъ бывшаго папскаго алузната незаконно, не получивъ разрѣшенія коллегіи и вопреки регламенту 3-го ноября 1798 г., подтвержденному въ указахъ 11-го декабря 1800 г. и 13-го ноября 1801 г. Дѣло ограничилось высочайшимъ выговоромъ епископу Булгаку, а бывший ректоръ, базилианинъ Лешинскій, вскорѣ избранъ монахами на постъ провинціала литовскихъ монастырей.

ских каедръ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Волини. Теперь при епископскихъ каедрахъ стали группироваться лучшія силы бѣлаго духовенства, въ Полоцкой епархіи: Іоаннъ Крассовскій, впоследствии знаменитый архіепископъ, Григорій Кохановичъ, будущій луцкій епископъ, а затѣмъ и митрополитъ, Стефанъ Лопушинскій, Родзевичъ, Савиничъ и другіе содѣйствовали архіепископу Лисовскому въ борьбѣ съ бѣлорусскими базилианами, стремились очистить церковь отъ латинскихъ нововведеній, приводили въ извѣстность расхищенные базилианами фондуши, специально назначенные на семинарію, и способствовали учрежденію ея въ Полоцкѣ.

Въ Брестской епархіи: Ѳома Восцеловичъ, Антоній Шиманскій, Василій Гречко, Антоній Тупальскій и другіе, войдя въ составъ брестской каедры или капитула, вступились за права бѣлаго духовенства, стали отыскивать въ архивахъ документы, изъ которыхъ мало-по-малу обнаружилось насильственное присвоеніе базилианскимъ орденомъ и митрополитами имѣній и капиталовъ, принадлежавшихъ Виленскому, Новогрудскому, Минскому, Брестскому соборамъ и нѣкоторымъ церквамъ, съ обращеніемъ многихъ цервей въ монастыри, или же совершенно уничтоженныхъ.

Объ этихъ захватахъ бѣлое духовенство бывшей Виленской епархіи заявило протестацію еще на польскомъ сеймѣ, въ 1776 г., но тогда торжественныя разоблаченія о разрушеніи базилианами собора и цервей въ Вильнѣ и другихъ городахъ оставлены были безъ вниманія. Брестскій капитулъ напоминалъ теперь своему епископу объ этомъ фактѣ, дополняя извѣстные факты новыми данными, добытыми въ архивахъ, писалъ жалобы во 2-й департаментъ коллегіи въ 1810 году и, наконецъ, разоблачилъ передъ правительствомъ базилианскую неправду въ протестѣ 1819 г., указавъ способы для производства реформы въ церкви.

Такимъ образомъ, еще съ конца XVIII столѣтія началась борьба представителей бѣлаго духовенства съ базилианами-монахами въ Бѣлоруссіи подъ знаменемъ полоцкаго архіепископа Лисовскаго, а въ Литовской Руси—въ лицѣ брестскаго капитула, обновленнаго, въ 1769 г., епископомъ Антоніемъ Млодовскимъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Замѣчательно, что дѣйствія брестскаго капитула до такой степени беспокоили и смущали Вазиліанскій орденъ и епископа Булгака, что они



Въ началѣ XIX ст. брестскій капитулъ обратился въ изученію старины; онъ прилежно добывалъ изъ архивовъ городскихъ, церковныхъ и монастырскихъ документы и, основываясь на нихъ, сталъ доказывать, что базилиане присвоили себѣ, въ разное время, фундуши и капиталы, принадлежавшіе нѣкогда или греко-униатскимъ церквамъ, или свѣтскому клиру, или соборамъ (капитуламъ).

Между тѣмъ, сельскіе священники, отстаивавшіе, подобно Кириллу Бобровскому, чистоту греко-славянскаго обряда въ церкви и права блага духовенства, нашли себѣ въ капитулѣ поддержку и ободреніе. Родственныя или дружескія отношенія, съ давнихъ поръ, связывали священника Кирилла съ членами брестскаго капитула. Изъ состава его членовъ, съ конца XVIII в., явились дѣятели, имѣвшіе вліяніе на управленіе дѣлами Брестской епархіи: архипресвитеръ Левинскій, получавшій содержаніе изъ супрасльскаго монастыря, состоялъ при дворѣ Станислава-Августа, жилъ въ Варшавѣ и крѣпко стоялъ за блага духовенства, за независимость Супрасльскаго монастыря отъ базилианскаго ордена; епископъ Николай Духновскій, бывшій хартофилаксъ (хранитель архива) капитула, управлялъ Супрасльскою епархіей, послѣ присоединенія Бѣлостоцкой области въ Пруссію, и, пребывая въ этомъ знаменитомъ монастырѣ, устроилъ въ немъ семинарію для клириковъ свѣтскаго духовенства своей

---

старались увѣрить русское правительство въ незаконности его существованія; объ этой любопытной исторіи мы скажемъ ниже. А здѣсь замѣтимъ только, что право на существованіе епархіальной катедрѣ въ Брестѣ, названной по обычаю того времени капитуломъ, объяснено въ прекрасной статьѣ профессора Платона Сосновскаго, напечатанной въ 1824 и 1825 гг. въ опроверженіе базилианскаго богослова Маіевскаго. Dzieje Dobroszupnosci, T. I. О брестскомъ капитулѣ упоминается еще въ актахъ, отысканныхъ отцемъ Платона Сосновскаго, Антоніемъ, не только въ XVII, но даже и въ XVI столѣтіи, т. е. до введенія униі; напримѣръ, въ завѣщаніи православнаго вельможи Ярослава Солтана и жены его Маріи въ церковь въ Волчинѣ во имя св. Николая Мирликійскаго въ 1686 году. Тамъ же, 1823 г., т. III, стр. 283—287. Брестскій капитулъ при его возобновленіи, составляли: архипресвитеръ Антоній Корончевскій, архидіаконъ Прибышевичъ, схоластъ Загоровскій, еклезиархъ (кустошъ) Хоцевичъ, хартофилаксъ (канцлеръ) Духновскій, канторъ Артецкій. Каждый изъ членовъ капитула завѣщалъ на его содержаніе съ процентовъ по 5000 злот. Плат. Сосновскій. Тамъ же 1824 г., т. I, стр. 332.

П. В.

епархіи; архиіакопъ (потомъ архипресвитеръ) Гавріилъ Янковскій, много лѣтъ предсѣдательствовавшій въ капитулѣ; схоласть Антоній Тупальскій, который, съ 1807 года, будучи несмѣняемымъ предсѣдателемъ брестской консисторіи, фактически управлялъ дѣлами Брестской епархіи, до преобразованія ея въ Литовскую епархію въ 1828 г., а затѣмъ, въ качествѣ предсѣдателя консисторіи, литовскою же епархіею до воссоединенія униатовъ съ православіемъ (1839 г.) и послѣ воссоединенія; онъ усердно, хотя и не гласно, поддерживалъ въ бѣломъ духовенствѣ пробудившееся, въ 1820-хъ годахъ, сознаніе въ своихъ правахъ на участіе въ управленіи дѣлами церкви; брестскій (бывшій супрасльскій) каноникъ Антоній Сосновскій, отличный знатокъ законовъ греко-униатской церкви, опытный изыскатель славянскихъ древностей, приобрѣлъ извѣстность своими представленіями въ коллегію о противозаконномъ присвоеніи Базилианскимъ орденомъ имущества и капиталовъ, издревле принадлежавшихъ церквамъ, бѣлому духовенству и епархіальной семинаріи, а равно просьбами своими на высочайшее имя объ обращеніи части монастырскихъ фундушей, незаконно отнятыхъ у бѣлаго духовенства, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ священниковъ. Не упоминаемъ о другихъ, съ именемъ и заслугами которыхъ познаваемымъ читателя впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, брестскій капитулъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, до самаго преобразованія въ жирилицкую кафедру въ 1828 г., употреблялъ всѣ свои усилія и дѣйствія въ обнаруженію передъ правительствомъ незаконнаго преобладанія въ греко-униатской церкви Базилианскаго ордена, къ раскрытію фундушей бѣлаго духовенства, неправильно захваченныхъ базилианами, и къ обнаруженію источниковъ на содержаніе кафедръ и семинаріи и всѣми такими дѣйствіями онъ подготовилъ наступившую съ 1827 года реформу греко-униатской церкви, предшествовавшую воссоединенію <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Матеріалами къ вышеназложенному служатъ, кромѣ показанныхъ въ предыдущихъ смыслахъ: Дѣла св. синода по 2-му департаменту (греко-униатскому) римско-католической коллегіи (1805—1828 г.) и по греко-униатской коллегіи съ 1828 года. Намъ рассмотрѣно до 200 дѣлъ. Нашъ собственный трудъ: „Статистическое описаніе Гродненской губерніи“, въ 2-хъ томахъ, изд. 1863 года. Гильфердинга статья въ газетѣ „День“, 1863 г., № 15: „За что борются русскіе съ поляками?“ Мемуары

Въ составъ членовъ брестскаго капитула, съ 1817 года, вошелъ и сынъ священника Кирилла, Михайль Бобровскій, который, совершивъ пятилѣтнее путешествіе по западной Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822), приобрѣтя высокое богословское образованіе, основательно изучивъ древніе, восточные и новые европейскіе языки, а равно славянскія нарѣчія, въ 1820-хъ годахъ, сталъ извѣстенъ открытіями древнѣйшихъ славянскихъ рукописей въ Европѣ и Литовской Руси, обнаруженіемъ мѣста храненія уцѣлѣвшихъ русскихъ хроникъ и лѣтописей въ западной Россіи и публичными обличеніями злоупотребленій Базиліанскаго ордена въ церковной униі, какъ въ проповѣдяхъ, такъ и на профессорской кафедрѣ св. писанія.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

князя Адама Чарторыйскаго: „Mémoires du Prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I. Préface de M. Ch. de Mazade“. Paris, 1887, 2 vol. Прудона „О польскомъ вопросѣ“. „Вѣстн. Запада. Россіи“, 1863 г., октябрь и ноябрь. Кояловича: „Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи“ „Виленскій Вѣстникъ“, 1866 г. Плахида Янковскаго: „Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между униатами“: I. Протоіерей Михайль Бобровскій. II. Протопресвитеръ Антоній Тупальскій. III. Виленскій кафедральный протоіерей Ипполитъ Гомолицкій. „Холмскій мѣсяцесловъ на 1867 годъ“. „Записки Іосифа (Сѣмашки), митрополита литовскаго“. Изд. императорской академіи наукъ. Три тома. Спб. 1883 годъ. „Записки Василя Лужинскаго, архіепископа полоцкаго“. „Православный Собесѣдникъ“ 1884 года, равно какъ и рукопись его, нами рассмотрѣнная, съ разрѣшенія оберъ-прок. св. синода, К. П. Побѣдоносцева. Антонія Зубки: „О греко-униатской церкви въ западн. краѣ“. „Русск. Вѣстн.“ 1863 г., т. 53, стр. 380 и слѣд. Осипа Щербинскаго. „Исторія Базиліанскаго ордена“. Его же. „О бѣломъ униатск. духовенствѣ“. „Литов. Епарх. Вѣд.“ 1866 г. Е. В. Дылевскаго „Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій“. Спб. 1869 г. М. Кояловича. „О почившемъ митрополитѣ Іосифѣ“. Спб. 1869 г. Плахида Янковскаго „На рубежѣ“. „Литов. Епарх. Вѣд.“ 1864 г. № 5 и 6. Н. Петрова: „Очеркъ исторіи Базиліанск. ордена въ бывшей Польшѣ“. „Труды Кіевской Духовн. Акад.“ 1870—1872 г.

П. В.

# ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ,

род. въ 1780 г., † въ іюнѣ 1825 г.

Историко-біографическое изслѣдованіе.

## ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

### I.

Мы указали въ первомъ очеркѣ вслѣдствіе какихъ видимыхъ причинъ Нарѣжный не былъ признанъ своими современниками, которые стали живо забывать его, а за ними забыла его послѣдующая литература и потомство. Теперь намъ предстоитъ уясненіе не менѣ сложнаго вопроса: насколько Нарѣжный заслуживаетъ названіе «родоначальника нашихъ романистовъ» и что новаго представляютъ его произведенія, въ сравненіи съ предъидущей романической литературой.

Но выводы наши получаютъ нѣкоторую доказательность только въ томъ случаѣ, если мы бросимъ общій взглядъ на романическую литературу, непосредственно предшествовавшую Нарѣжному, не исключая и переводной, послужившей началомъ и поводомъ для подражательныхъ романовъ и повѣстей, изъ которыхъ постепенно началъ возникать самобытный русскій романъ, все болѣе и болѣе свободный отъ подражанія. Равнымъ образомъ, только при такомъ обзорѣ разнохарактерныя произведенія Нарѣжнаго будутъ вполне понятны для насъ, и явится возможность отличить подражательные, такъ сказать, наносные элементы отъ того, что эти произведенія представляютъ новаго и самобытнаго.

При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что мы не имѣемъ ни малѣйшей претензіи представить полной характеристики нашей старой романической литературы. Мы также не беремъ на себя даже приблизительнаго рѣшенія такого важнаго вопроса, какъ переходъ первоулаго романа въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или

менѣе самобытный, и затронемъ этотъ вопросъ насколько считаемъ безусловно необходимымъ для нашей задачи.

Такъ, напримѣръ, мы не коснемся болѣе ранней рукописной романтической литературы, весьма распространенной въ XVIII вѣкѣ, и будемъ говорить только о печатныхъ переводахъ романовъ и повѣстей, вышедшихъ отдѣльными изданіями, начиная съ прошлаго вѣка до 1814 г. (времени появленія «Россійскаго Жильблаза»). То же и за весьма немногими исключеніями будетъ, по возможности, соблюдено нами при общемъ обзорѣ произведеній нашей «подражательной» романтической литературы, который мы начнемъ съ 1764 года, такъ какъ считаемъ необходимымъ ограничиться опредѣленнымъ періодомъ времени, въ виду обширнаго и мало изслѣдованнаго вопроса.

Наша печатная переводная литература начинается собственно при Петрѣ Великомъ и сразу получаетъ значительное развитіе. Но среди множества ученыхъ, учебныхъ классическихкихъ книгъ и даже народныхъ лубочныхъ изданій, мы встрѣчаемъ только два перевода беллетристико-романческаго содержанія, а именно «Объ изгнанномъ Эвксимусѣ, статскій романъ по образцу Телемака», изд. въ 1723 г., и «Похожденія Телемака» въ 1724 году (Ист. Р. Слов. А. Галахова, т. I, стр. 309—310. «Вступ. лекція Тихонравова, изслѣд. Пекарскаго»).

Въ послѣдующія царствованія, до 1756 г., какъ видно изъ рукописнаго «Хронологическаго списка русскихъ книгъ гражданской печати съ 1725 по 1800 г. включительно», В. И. Саитова, при общемъ поразительномъ оскудѣніи литературы и сравнительномъ процвѣтаніи разнаго рода драматическихкихъ произведеній, въ печати появилось очень мало переводныхъ романовъ. Такимъ образомъ, по названному «Хронологическому списку» съ 1725—1756 гг., въ теченіи тридцати одного года послѣ Петра, издано всего пять романовъ <sup>1)</sup>.

Съ 1756 г. по 1814 годъ мы пользовались исключительно «Росписью Россійскихъ книгъ» А. Смирдина, изд. въ 1828 г., и двумя «Прибавленіями» (1829 и 1833), тѣмъ болѣе, что сюда внесена,

<sup>1)</sup> 1730. Ъзда въ островъ любви. Пер. съ фр. В. К. Тредяковскій. Спб. (Переводъ книги: „Le voyage de l'isle d'amour à Lycidas“, par Paul Tallement).  
1747. Похожденіе Телемака, сына Улиссова, соч. Фенелона. Переводъ съ франц. Спб.

1751. Аргенда, повѣсть героическая, сочиненная Іоанномъ Барклаемъ. Пер. съ лат. В. К. Тредяковскаго. Спб.

1752. Исторія о княжѣ Іеронимѣ. Пер. съ фр. Ів. Шишкинымъ. Спб.

1754. Похожденія Жильблаза де-Сантисланы, соч. Лесажа. Пер. съ фр. Василій Тенловъ, 4 части. Спб.

какъ извѣстно, болѣе ранняя «Роспись» Плавильщикова 1820 года. Весьма возможно, что Смирдинская «Роспись» далеко не полная и многія книги пропущены; но цифры, взятые изъ года въ годъ почти за шестьдесятъ лѣтъ, должны были неизбежно дать хотя приближительные, но болѣе или менѣе вѣрные общіе выводы.

Судя по «Росписи» Смирдина, съ 1756 года до вступленія на престолъ Екатерины II въ 1762 г., напечатано только восемь переводныхъ романовъ съ французскаго языка, и если мы допустимъ, что такое же количество не занесено въ «Роспись», то все-таки ихъ окажется не много. За бѣдность печатной переводной романической литературы, въ это время, говорить, между прочимъ, то обстоятельство, что переводы до напечатанія могли представляться для просмотра въ Академію Наукъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ «Аргениды» <sup>1)</sup> В. К. Тредіаковскаго въ 1750 г., который при этомъ нашелъ приличнымъ посвятить свой переводъ императрицѣ (Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго, т. II, стр. 147—149). Но вообще, какія бы ни были причины малочисленности печатныхъ переводныхъ романовъ, онѣ не могли заключаться въ недостаткѣ поощренія со стороны правительства, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Такъ, въ 1747 году, 24-го іюля, повидимому съ цѣлю облегченія печатанія книгъ при Академіи Наукъ, кромѣ прежней, учреждена новая типографія, по именному указу императрицы слѣдующаго содержанія:

«Типографіямъ быть двумъ, одной для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ и другой—для російскаго языка. Въ обѣихъ типографіяхъ быть одному фактору, которому имѣть смотрѣніе надъ всѣми типографскими служителями, дабы всякъ должность свою отправлялъ прилежно и радѣтельно, а притомъ же литеры, формы и станы содержать подъ добрымъ охраненіемъ, дабы отъ кого въ томъ фальши произойти не могло, какъ о томъ въ особливыхъ инструкціяхъ про-страннѣе изъяснено быть имѣеть, а сколько какихъ людей при обѣихъ типографіяхъ имѣть—о томъ въ штатѣ ниже изображено <sup>2)</sup>.

Въ слѣдующемъ 1748 году, 27-го января, графъ Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, объявилъ именнымъ

<sup>1)</sup> Подъ этимъ именемъ извѣстный сатирикъ шотландецъ, Джонъ Барклай, издавъ на латинскомъ языкѣ въ 1621 году романъ, въ которомъ аллегорически изобразилъ французскій дворъ того времени.

<sup>2)</sup> См. П. С. Зак., т. VII, № 5175, а также «Регламентъ», данный имп. Елизаветой Академіи Наукъ, помѣщенный въ первомъ томѣ «Наукъ комментаріевъ» и впервые напечатанный 26-го сентября 1747 г. при И. Ак. Наукъ.

ея императорскаго величества изустный указъ, приведенный Пекарскимъ въ его «Исторіи Академіи», коимъ всемилостивѣйше повелѣно стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію правоученіемъ».

Для выполненія этого порученія, въ академической канцеляріи былъ составленъ, а потомъ напечатанъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1748 г., № 10, такой вызовъ: «Понеже многіе изъ россійскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ: того ради, по указу ея импер. вел.—ства, канцелярія Академіи Наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевести съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ, то-бъ явились въ канцелярію Академіи Наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ, буде найдется ихъ искусство довольно по переводу книгъ, то дана будетъ книга для перевода, а какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ начисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному, по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той-же книги».

«Переводчики, по свидѣтельству П. Пекарскаго, сначала уступали рукописи за небольшое количество печатныхъ экземпляровъ своихъ трудовъ; потомъ они стали требовать денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались уже примѣры платы переводчикамъ по уговору съ печатнаго листа» и пр. <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> См. «Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ» П. Пекарскаго, т. II, стр. LI и LI. Спб. 1873 г. Въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ, Пекарскій дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: «Число романовъ, повѣстей, сказокъ такъ умножилось влослѣдствіи, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называемая „новой“, въ отличіе отъ первоначальной, въ которой выходили преимущественно изданія ученаго содержанія. При основаніи новой типографіи именно имѣлось въ виду „умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной“ и проч.

Между тѣмъ, ни въ Исторіи Академіи, ни въ П. С. Законовъ, не смотря на самыя тщательныя поиски, мы не нашли указа объ учрежденіи еще какой-либо другой типографіи при Академіи Наукъ, кромѣ вышеупомянутой.

Въ другомъ сочиненіи П. Пекарскаго: «Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни Имп. Академіи Наукъ, Спб., 1870 г., на стр. XIV мы читаемъ:

Однако, не смотря на такую заботливость со стороны правительства, число переводчиковъ, повидимому, не было особенно велико, судя по тому, что въ 1761 г., № 70, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано вторичное обращеніе къ переводчикамъ слѣдующаго содержанія: «Симъ объявляется, чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на російскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оныя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ свободное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ».

Не касаясь причинъ общаго упадка печатной переводной литературы, мы позволяемъ себѣ высказать догадку, что медленному развитію нашей переводной романтической литературы могло отчасти способствовать то обстоятельство, что въ это время на нее еще не могло быть особеннаго спроса. Извѣстная часть общества, охваченная французоманіей, при знаніи языка, могла читать въ подлинникахъ французскіе оригинальные и переводные романы или же, по старой привычкѣ, довольствовалась русскими переводами и передѣлками, ходившими въ рукописяхъ. Остальная, едва ли не большая часть публики, возставала противъ чтенія романовъ вообще и даже приписывала имъ порчу нравовъ, какъ видно изъ многихъ намековъ «русскихъ сочинителей» подражательныхъ романовъ даже второй половины XVIII вѣка. Такой взглядъ находилъ отчасти поддержку въ литературѣ, судя по

---

„Въ 1758 году, кромѣ старой типографіи, учреждена была при Академіи другая, называвшаяся для отличія отъ прежней „новозаведенной“ типографіей. Она имѣла отдѣльное управленіе“ и пр... „Любопытно въ дѣятельности этой типографіи, добавляетъ онъ, что такъ какъ для нея нужны были произведенія, которыхъ нельзя было ожидать отъ пера академиковъ, то пришлось обращаться къ постороннимъ переводчикамъ“. Затѣмъ слѣдуетъ вышеприведенный вызовъ: „Понеже многіе изъ російскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ, того ради“ и пр. (хотя этотъ вызовъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1748 г., № 10, что подтверждаетъ и самъ Пекарскій въ своей „Исторіи Академіи“, т. II, стр. LI).

„Новозаведенная типографія, говоритъ въ заключеніе Пекарскій, прекратила свое отдѣльное существованіе и присоединена къ старой академической типографіи съ вступленіемъ директора Академіи Наукъ графа В. Орлова въ 1766 году“.

Н. В.



тому, что Сумароковъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ» 1759 г. (іюнь, стр. 374—375) открыто высказался противъ чтенія романовъ. «Пользы отъ нихъ мало, писалъ онъ, а вреда много. Говорять о нихъ, что они умѣряють скуку и сокращають время, то есть вѣкъ нашъ, который и безъ того коротокъ. Чтеніе романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени; оно погубленіе времени. Романы, писанные невѣждами, читателей научають притворному и безобразному складу и отводятъ отъ семейственнаго, который одинъ только важенъ и пріятенъ... Я исключаю Телемака, Довкишота и еще самое малое число достойныхъ романовъ. Телемака причисляли къ эпическимъ поэмамъ, но что всего смѣшнѣе, Телемакъ не поэма; нѣтъ ни эпической поэмы, ни оды въ прозѣ. А Донкишотъ сатира на романъ... Ежели кто скажетъ, что романы служатъ къ утѣшенію неученымъ людямъ для того, что другія книги имъ не понятны: это неправда, ибо и самой высочайшей математики основанія понятно написать удобно, хотя то и подлинно, что книгъ таковыхъ мало видно... Однако, много еще книгъ и безъ романовъ осталось, которыя вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того чѣмъ и просвѣщаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ жили...»

## II.

При Екатеринѣ II начинается процвѣтаніе переводной романтической литературы, которое идетъ прогрессивно до 1812 г., исключая промежутка времени, представляемаго царствованіемъ Павла I, когда сравнительно уменьшается количество переводныхъ романовъ. Такимъ образомъ, въ періодъ времени отъ 1762—1814 года общее число переводныхъ романовъ и повѣстей по «Росписи» Смирдина и двумъ «Прибавленіямъ» достигаетъ почтенной цифры 954 (при Екатеринѣ II—540; при Павлѣ I—62; при Александрѣ I до 1814 г.—346; безъ обозначенія годовъ изданія—6).

Подобное несоразмѣрное размноженіе переводовъ, сравнительно съ первой половиной XVIII вѣка, несомнѣнно въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ развитія на нихъ потребности со стороны читающей публики и отъ общаго хода типографскаго дѣла въ Россіи, а именно открытія частныхъ типографій («Русск. Вѣстн.», 1860 г., кн. I, «Совр. Лѣт.», стр. 112 и слѣд.).

Въ 1771 году заведена въ Петербургѣ первая частная или такъ

называемая «вольная» типографія по привилегіи, выданной иностранцу Гартунгу, и то для печатанія на однихъ иностранныхъ языкахъ. Печатать книги русскія въ вольной типографіи было запрещено, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было». Однако, черезъ пять лѣтъ (въ 1776 г.) выдана книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору привилегія на печатаніе въ своей «вольной типографіи книгъ не только на иностранныхъ языкахъ, но и на русскомъ. Наконецъ, въ 1783 г. именнымъ указомъ Екатерины II типографское дѣло объявлено свободнымъ и всякому повсюду дозволено по городамъ заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ книги по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ мѣстной управѣ благочинія.

Послѣ этого указа вольныя типографіи размножились не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и появились въ провинціальныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Калугѣ, Тамбовѣ и Смоленскѣ, (гдѣ переводные романы печатались въ большемъ количествѣ, нежели въ трехъ названныхъ городахъ).

Естественно, что съ большимъ развитіемъ типографскаго дѣла въ Россіи должно было умножиться число книгъ вообще, а равно и переводныхъ романовъ, какъ это мы видимъ на прилагаемой таблицѣ № 1 <sup>1)</sup>. Она также показываетъ въ какой степени отразились на

1) ТАБЛИЦА № 1

колебаній въ количествѣ переводовъ отъ разныхъ причинъ.

Въ царствованіе Екатерины II число переводовъ съ разныхъ языковъ:

	Перев.
За 21 годъ, начиная съ 1762 до 1783 г.	19
Въ 1783 года изд. указъ о разрѣшеніи заводить частныя типографіи по городамъ.	343
За 13 лѣтъ съ 1783 г. до 1796 г.	

(Въ 1796 г. уничтоженіе частныхъ типографій за немногими исключеніями и организація цензуры).

Въ царствованіе Павла I число переводовъ съ разныхъ языковъ:

За 4 года съ 1796 до 1800 г.	11
Въ 1800 году закрытіе всѣхъ частныхъ типографій и запрещеніе вывоза книгъ изъ-за границы.	Въ 1800 году переведено всего

количество издаваемых переводных романовъ такія причины, какъ уничтоженіе большинства частныхъ типографій въ 1796 году, закрытіе всѣхъ частныхъ типографій и запрещеніе вывоза книгъ изъ-за границы въ 1800 г., а съ другой стороны, отмѣна этихъ стѣснительныхъ мѣръ въ 1802 г. при императорѣ Александрѣ I. Не менѣе знаменателенъ и полный упадокъ переводной литературы въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ нашествія Наполеона.

При этомъ, въ виду значительнаго развитія переводной романтической литературы, во вторую половину прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь нѣкоторые полученные нами, хотя и приблизительные выводы. Такъ, напримѣръ, преобладаніе печатныхъ переводныхъ романовъ съ французскаго языка въ царствованіе Елизаветы Петровны, при незначительномъ количествѣ ихъ, получаетъ еще большее фактическое подтвержденіе въ слѣдующія царствованія, какъ показываетъ приложенная здѣсь таблица № 2 <sup>1)</sup>. Не менѣе характерно и то обстоятельство, что пере-

Въ царствованіе Александра I число переводовъ съ разныхъ языковъ:

	Въ 1801 году	22
Въ 1802 г. разрѣшеніе заводить частныя типографіи и отмѣна цензурныхъ установленій 1796 года.	Съ 1802—1812 гг.	319
Послѣ нашествія непріятеля.	Въ 1813 г.	1
	Въ 1814 г.	4

<sup>1)</sup> ТАБЛИЦА № 2.

(По росписи Смирдина и двумъ Прибавленіямъ).		(По росписи Смирдина и двумъ Прибавленіямъ).	
При Екатеринѣ II съ 1762 по 1796 г. переведены:	Число роман.	При Александрѣ I съ 1801—1804 гг. переведены:	Число роман.
Съ французскаго.	350	Съ французскаго.	220
нѣмецкаго.	107	нѣмецкаго.	95
англійскаго	6	англійскаго.	11
италійскаго	7	грузинскаго.	2
латинскаго	5	„ башкирскаго.	1
польскаго.	4	Сборниковъ	2
друг. яз. (въ томъ числѣ 1 сборникъ).	10	Съ неизвѣстныхъ языковъ	15
„ неизвѣстныхъ языковъ	51	Итого	346
Итого	540	Такіе же результаты относительно преобладанія французскаго языка	

воды съ подлинниковъ не считались обязательными, хотя вообще подобное требованіе едва ли было выполнимо въ тѣ времена, когда знаніе языковъ не могло быть особенно велико.

Съ другой стороны, поразительное разнообразіе переводныхъ романовъ служить нагляднымъ доказательствомъ весьма значительной степени распространенія у насъ романической иностранной литературы. Только богатствомъ выбора и безразличнымъ отношеніемъ переводчиковъ и издателей можно объяснить отсутствіе какой-либо системы въ нашей переводной литературѣ. При передѣлкѣ алфавитной Смирдинской «Росписи» въ погодную мы окончательно убѣдились, что нечего и доискиваться разрѣшенія вопроса, чѣмъ собственно руководились переводчики при выборѣ того или другаго романа. Такъ, наприимѣръ, сопоставляются писатели различныхъ школъ, направленій и даже эпохъ. На ряду съ романами XVIII вѣка почти одновременно встрѣчаются романы XVII и даже подчасъ XVI столѣтія; произведенія писателей, пользующихся громкою извѣстностью, переводятся рядомъ съ произведеніями такихъ мало извѣстныхъ романистовъ и романистокъ, что даже въ подробныхъ иностранныхъ словаряхъ биографическихъ и энциклопедическихъ, которыми мы пользовались, какъ для провѣрки именъ, такъ и сличенія русскихъ заглавій переведенныхъ романовъ съ иностранными, иногда упомянуто только имя писателя съ краткимъ обозначеніемъ года рожденія или смерти или же сказано: «жилъ въ такомъ-то вѣкѣ».

Что касается общаго числа иностранныхъ авторовъ, произведенія которыхъ переводились у насъ за указанный періодъ времени, съ обозначеніемъ ихъ именъ на переводахъ, то оно доходитъ до цифры 146, такъ что для поименнаго перечисленія ихъ пришлось составить особыя таблицы, распределенныя по царствованіямъ въ порядкѣ появленія русскихъ переводовъ, съ краткими указаніями годовъ или вѣка, когда жилъ тотъ или другой авторъ (См. прилож. въ концѣ статьи таблицы I—V). При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что состав-

При Павлѣ I съ 1796 г. по 1801 г. переведены:		получаются по Росписи Аделунга съ 1801—1806 гг.	
Съ французскаго .	32	Съ французскаго .	119
„ нѣмецкаго	19	„ нѣмецкаго	53
„ англійскаго .	2	„ англійскаго	4
„ италіанскаго .	1	„ грузинскаго.	1
Сборникъ .	1	(См. „Систем. обзор. литературы въ Россіи въ теченіи пятилѣтія съ 1801 г. по 1806 г. соч. А. Шторха и Ф. Аделунга, ч. I, Спб., 1811 г.)	
Съ невзвѣстн. языковъ .	7		
Итого	62		

ленные нами таблицы далеко не полны, потому что мы могли называть только тѣхъ иностранныхъ писателей, имена которыхъ обозначены на переводахъ, а въ дѣйствительности число переводимыхъ авторовъ было несравненно значительнѣе, не говоря уже о вѣроятныхъ пропускахъ Смирдинской «Росписи». Такъ, напримѣръ, въ каждое царствованіе мы встрѣчаемъ рядъ переводныхъ романовъ безъ обозначенія именъ иностранныхъ авторовъ (при Екатеринѣ II — 380; при Павлѣ I—35; при Александрѣ I до 1814 г.—125, (а затѣмъ встрѣчаются еще переводные романы, гдѣ не обозначены ни имена авторовъ, ни языкъ, съ котораго сдѣланъ переводъ (при Екатеринѣ II такихъ переводовъ—51, при Павлѣ I—7, при Александрѣ I—15).

Что касается причины такого умалчиванія, то она едва-ли могла заключаться въ чѣмъ-либо другомъ, кромѣ непониманія со стороны переводчиковъ, потому что въ то-же время, въ большинствѣ случаевъ, они считали долгомъ выставить свое имя и фамилію.

Весьма возможно, что, не смотря на тщательное составленіе таблицъ I—V, въ нихъ будутъ найдены неточности, въ виду безцеремоннаго переименованія именъ иностранныхъ писателей русскими переводчиками, смѣшенія писателей съ писательницами, издателей съ авторами, именъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тѣхъ или другихъ романовъ съ именами автора и пр. Въ этихъ случаяхъ только при сличеніи заглавій подлинныхъ и переведенныхъ романовъ можно было убѣдиться, что это одинъ и тотъ же авторъ, хотя такое сличеніе не всегда могло быть выполнено нами. Такимъ образомъ составленные нами таблицы I—V, которыя мы считали безусловно необходимыми для подтвержденія сдѣланныхъ нами общихъ выводовъ, требуютъ дальнѣйшей и болѣе подробной разработки.

Между прочимъ въ двухъ иностранныхъ романахъ, изданныхъ въ Москвѣ въ 1788 и 1810 гг., сказано въ одномъ, что это сочиненіе «Филадельфія», а въ другомъ, что это сочиненіе «Ферфассера» (сочинителя). Иногда заглавія передѣланы въ такой степени, что безъ обозначенія имени автора довольно трудно догадаться кѣмъ они написаны, какъ, напримѣръ: а) «Кто за двумя зайцами погонится, тотъ никого не поймаешь», нравоучительная испанская повѣсть перев. съ французскаго 1792 г.; б) «Вертопрашка или исторія дѣвицы Ветсы Татлесь», пер. съ франц. М. Копьевъ 1795 г.; в) «Аннушка», англійскій романъ, пер. съ франц. 1797 г. Въ нѣкоторыхъ переводныхъ романахъ, даже при обозначеніи имени автора, все-таки остается прибѣгать къ догадкамъ, какъ, напримѣръ, при такомъ заглавіи: «Парижская дура или отъ любви и легковѣрности происходящія дура-

чества», соч. Нугарета (повидимому, не что иное, как известный романъ Нугарета «Lucette ou les progrès du libertinage») и т. д.

Тѣмъ не менѣе, среди массы самыхъ разнообразныхъ романовъ замѣтно известное предпочтеніе нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ. Иногда одни и тѣ-же романы переводятся разными лицами, равно и нѣкоторые иностранные писатели переводятся въ разные царствованія, какъ, напр., Фенелонъ, Лесаажъ, Вольтеръ, г'Арно Скарронъ, Флоріанъ, Стернъ, Дюкре-Дюмениль и пр. Затѣмъ въ каждое царствованіе встрѣчаются какъ бы излюбленные писатели: При Екатеринѣ II сравнительно всего больше переведено романовъ: г'Арно, Вольтера, Виланда, Мармонтеля, Флоріана, Лесажа и Фильдинга; при Павлѣ I—Дидерота, Дюкре-Дюмениля, Горжи; при Александрѣ I—г-жи Жанлисъ или Жанли, какъ ее тогда называли, Радклифъ, Августа Лафонтена и Коцебу, затѣмъ Шатобриана, Крамера и Маріи Рошъ.

Подобное предпочтеніе, оказанное однимъ писателемъ передъ другимъ, какъ намъ кажется, въ значительной мѣрѣ объясняется стремленіемъ угодить вкусу и требованіямъ читающей публики. Такъ, на примѣръ, почти всѣ романы Коцебу, Радклифъ и Жанлисъ были переведены на русскій языкъ и книгопродавцы въ своихъ объявленіяхъ, очевидно, для большаго сбыта, подчасъ безцеремонно приписывали Радклифъ и Жанлисъ произведенія другихъ иностранныхъ писателей.

### III.

Что касается общаго характера переводовъ и степени вѣрности ихъ съ подлинниками, а также времени возникновенія подражательнаго романа, то это вопросы, требующіе specialнаго изученія. Весьма возможно, что переводъ, передѣлка и подражаніе явились почти одновременно, судя по тому, что на ряду съ крайне наивными произведеніями этого рода встрѣчаются такіа, въ которыхъ виднѣтъ известный литературный навыкъ, который могъ быть только выработанъ постепенно предшествующей литературой. Но при тогдашней неразборчивости большинства русскихъ читателей переводные романы и повѣсти вообще мало отличались отъ подражательныхъ или такъ называемыхъ «оригинальныхъ російскихъ сочиненій». Такъ, на примѣръ, въ «Росписи» Смирдина, подъ рубрикой переводныхъ романовъ и повѣстей, начиная съ 1756 года, встрѣчаются весьма сомнительные,

въ которыхъ, противъ обыкновенія, не упомянуто, что это переводъ, а въ иныхъ прямо сказано, что сочиненіе такого-то: Михаила Проскудина, дѣвицы Н. Н. и пр. Въ другихъ самое заглавіе показалось намъ сомнительнымъ, какъ а) «Анекдоты древнихъ пашехонцевъ», соч. В. Березайскаго, Спб. 1798 г.; б) «Маль золотникъ да дорогъ или увеселительный и въ смѣхъ приводящій рассказчикъ», Москва, 1792 г.; в) «Прекрасная Россіянка», 2 ч., 1784—1790 г. и т. д.

Съ другой стороны, въ числѣ такъ называемыхъ «оригинальныхъ романовъ и повѣстей», означенныхъ въ «Росписи», мы встрѣчаемъ такіе, которые прямо показались намъ переводными. Такъ въ одномъ сборникѣ повѣстей 1791 года повѣсть «Награжденный Купидонъ» носить несомнѣнные признаки перевода съ иностраннаго подлинника; дѣйствіе въ Италіи, характеры выведенныхъ лицъ и нравы не русскіе; въ авторѣ видѣнъ литературный навыкъ, имѣющій мало общаго съ обычными пріемами неумѣлаго пера большинства русскихъ подражателей. Аналогичный съ этою повѣстью романъ 1794 года: «Кошкѣ и грушки, а мышкѣ слезки или смѣшныя и забавныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными супругами» опять таки безъ обозначенія имени автора. Между прочимъ, одна повѣсть, изданная въ 1809 г. «Чрезвычайное происшествіе, угнетенная добродѣтель или поросенокъ въ мѣшкѣ», хотя и названа «русскимъ сочиненіемъ», но представляетъ, повидимому, плохой переводъ англійскаго юмористическаго рассказа, судя по содержанию, вкравшимся англійскимъ словамъ и оборотамъ; при этомъ переводъ настолько плохъ, что встрѣчаются совсѣмъ непонятныя слова и даже дѣльныя фразы.

Вообще въ болѣе раннихъ подражательныхъ «россійскихъ сочиненіяхъ» довольно трудно прослѣдить въ точности, гдѣ кончается переводъ и начинается подражаніе, тѣмъ болѣе, что сами «сочинители» очень скромно относились къ своей задачѣ, какъ видно изъ словъ П. Львова въ предисловіи къ его сельской повѣсти «Роза и Любимъ» 1790 г., составляющей отчасти подражаніе идилліи Шмидта «Рахель и Богъ Мессопотаміи», гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Нѣкоторые читатели, судившіе «Россійскаго Памелу» <sup>1)</sup>, въ которой видны и робость моя, и несовершенство, и стремительное желаніе подражать достохвальнымъ писателямъ, находятъ, что я въ иныхъ мѣстахъ писалъ не свое, а принадлежащее симъ творческимъ умамъ, радуюсь,

<sup>1)</sup> Повѣсть П. Львова „Россійская Памела“ помѣчена въ „Росписи“ Смирдина 1794 годомъ, но, очевидно, было болѣе раннее изданіе, на которое ссылается авторъ. Н. В.

что послышныя мои способности могли быть подобны ихъ дарованіямъ. Счастливъ весьма буду, ежели удостоюсь называться ихъ не токмо подражателемъ, но хотя и переводчикомъ» и пр.

Иностранные образцы нѣкоторыхъ изъ нашихъ подражательныхъ романовъ указаны Галаховымъ и Порфирьевымъ. На происхожденіе многихъ другихъ указываютъ сами «сочинители», говоря прямо, что подражали такому-то «безсмертному» автору или такому-то иностранному произведенію или же давали опредѣленные названія своимъ повѣстямъ въ родѣ: «Россійскій Вертеръ», «Вертеровы чувствованія» и проч.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ упомянуто только имя автора, послужившаго образцомъ, восхваляется его талантъ и пр. При этомъ, насколько мы могли прослѣдить, указаніе образца не мѣшало иногда «сочинителямъ» въ одномъ и томъ же произведеніи дѣлать заимствованія изъ другихъ писателей, хотя и въ меньшей степени, что неизмѣнно отражается на содержаніи и тонѣ разсказа, написаннаго подъ влияніемъ авторовъ, болѣе или менѣе различныхъ по направленію, степени и роду таланта. Кромѣ того, во многихъ романахъ встрѣчаются стихи, цѣлыя страницы разговоровъ между дѣйствующими лицами или же въ текстъ вставлены такъ называемыя «восточныя» или другія повѣсти, и даже сказки, нерѣдко безъ малѣйшей связи съ предыдущимъ <sup>1)</sup>).

Между прочимъ, нѣкоторыя подражательныя произведенія этого времени представляютъ болѣе рѣдкія явленія, какъ, напримѣръ, индифферентныя повѣсти Хераскова: «Нума или Процвѣтающій Римъ» (1768), «Кадмъ и Гармонія» (1793), «Полидоръ» (1794) и др. Изъ аллегорическихъ повѣстей мы встрѣтили одну и довольно талантливо написанную, «Путешествіе дружбы», Отрывокъ, соч. Вельяминова-Зернова 1807 года. Къ такимъ же, сравнительно рѣдкимъ, произведеніямъ принадлежитъ повѣсть М. Чулкова, «Пригожая повариха или Похожденія развратной женщины», 1770 года, которая представляетъ не что иное, какъ слабое подражаніе французскимъ романамъ легкаго содержанія; другая повѣсть, сходная съ этой по содержанію, «О несчастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки», 1785 г., болѣе талантливо написана и удачнѣе передѣлана на русскіе нравы.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на кажущееся разнообразіе и довольно частый переходъ одного рода романа въ другой, послѣдовательное

<sup>1)</sup> «Пріемъ вставныхъ повѣстей, завѣщанный восточными сказочными сборниками, не разъ встрѣчается въ повѣствовательной литературѣ XVI вѣка...» См. изслѣдованіе акад. А. Н. Веселовскаго. «Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка». Спб., 1887 г. Н. В.



чтеніе нѣсколькихъ десятковъ романовъ, краткихъ и болѣе подробныхъ повѣстей второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія убѣдило насъ, что по содержанію и общему характеру они могутъ быть приблизительно раздѣлены на категоріи. Наиболѣе ранніе изъ нихъ, въ указанный періодъ времени съ 1764—1814 гг., какъ видно по годамъ изданій: а) романы съ приключеніями (*romans d'aventures*); б) романы правоучительные; в) такъ называемыя восточныя повѣсти;—болѣе позднія: д) пастушескія и сельскія повѣсти, е) сентиментальныя романы и повѣсти, а также попытки: ф) историческаго и г) реального романа.

Такое дѣленіе особенно важно для нашей цѣли въ томъ отношеніи, что дастъ намъ возможность прослѣдить болѣе или менѣе въ какой степени тотъ или другой родъ романовъ и повѣстей отразился на произведеніяхъ Нарѣжнаго.

#### IV.

Для болѣе наглядности мы послѣдовательно укажемъ въ общихъ чертахъ на болѣе типичныя романы каждой изъ упомянутыхъ категорій и сравнительно долѣе остановимся на содержаніи романовъ «съ приключеніями», такъ какъ позволяемъ себѣ употреблять терминъ, принятый пока только въ западно-европейской и нашей ученой литературѣ (*romans d'aventures*). Съ другой стороны этого рода романы и повѣсти представляютъ для насъ особенный интересъ, потому что ихъ вліяніе всего замѣтнѣе отразилось на произведеніяхъ Нарѣжнаго, и они должны были наиболѣе соответствовать широкому полету его богатой фантазіи. Этимъ только можно объяснить утомительное разнообразіе нерѣдко самыхъ причудливыхъ и даже неправдоподобныхъ приключеній, множество вводныхъ лицъ и крайне запутанную любовную завязку, которыя такъ неприятно поражаютъ нынѣшнихъ читателей произведеній Нарѣжнаго и которыя составляли неизбѣжную принадлежность вымершаго романа «съ приключеніями».

Вообще наши подражательныя романы «съ приключеніями», по своему содержанію, близко подходятъ къ этому рода произведеніямъ иностранной литературы въ извѣстную пору ея развитія, когда романъ и сказка шли нерѣдко рука объ руку. «Сочинитель» смѣло поддавался волѣ своей ничѣмъ необуздываемой фантазіи, не стѣснялся вѣрностью въ изображеніи мѣстности, нравовъ или обычаевъ той или другой страны. Онъ чуждъ какихъ-либо тендецій; если подчасъ онъ

фантазируетъ на тему разныхъ нравственныхъ вопросовъ и если встрѣчаются у него разсужденія и сентенціи въ правоучительномъ тонѣ, то это не болѣе какъ случайныя вставки, не имѣющія тѣсной связи съ общою нитью разсказа.

Къ наиболѣе типичнымъ произведеніямъ этого рода принадлежить романъ Федора Эмина, «Награжденная постоянность или Приключенія Лизарка и Сарманды», 4 части, Спб., 1764 г., написанный въ подражаніе греческимъ романамъ, переводимымъ на западѣ съ XVI в., а въ данномъ случаѣ Илюдора Эмескаго. Герой романа Лизаркъ, во время бури, попадаетъ въ руки морскихъ разбойниковъ, а затѣмъ ко двору египетскаго царя, становится пажемъ его дочери Изиды и влюбляется въ нее; она раздѣляетъ его чувство, что служитъ поводомъ къ самымъ разнообразнымъ приключеніямъ. Кромѣ того, въ Лизарка влюблена Сарманда, сестра другаго пажа, которая слѣдуетъ за нимъ въ Мемфисъ, переодѣтая въ мужское платье, и поступаетъ къ нему въ услуженіе. Отсюда Лизаркъ отправляется посломъ въ Эліополь, въ сопровожденіи мнимаго слуги; во время морской бури оба попадаютъ въ плѣнъ и ихъ продаютъ разнымъ господамъ, но Сарманда, послѣ разныхъ походовъ, отыскиваетъ Лизарка и, ради его спасенія, подвергается тюремному заключенію и приговорена къ смерти. Счастливая случайность избавляетъ ее отъ казни; она попадаетъ ко двору намѣстника, гдѣ встрѣчаетъ Лизарка, который настолько тронутъ ея самоотверженною привязанностью къ нему, что, не смотря на свою любовь къ Изидѣ, хочетъ жениться на ней. Между тѣмъ городъ осажденъ съ моря и взятъ приступомъ Изидой, которой отецъ далъ флотъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ выйти замужъ за Лизарка; но этотъ объявляетъ, что не можетъ жениться на ней. Изидя догадывается о причинѣ и изъ мести отправляетъ Лизарка на галеры; Сарманда спасается бѣгствомъ и подвергается новымъ приключеніямъ. Однако, все кончается къ общему благополучію. Лизаркъ оказывается законнымъ сыномъ египетскаго царя и роднымъ братомъ Изиды, а поэтому безпрепятственно женится на Сармандѣ.

Другой не менѣе типичный романъ «приключеній» — «Несчастный Никаноръ и приключенія жизни російскаго дворянина», соч. Н., три части, 1787 г. (второе изд. по «Росписи» Смирдина). Объединившій дворянинъ Никаноръ, живущій изъ милости въ домѣ «добродѣтельнаго человека», въ угоду знатной госпожѣ, разсказываетъ свою исторію, исполненную самыхъ хитросплетенныхъ приключеній. На сценѣ опять любовь и безконечныя препятствія къ браку, бѣгство Анеты черезъ окно отъ тиранившаго ее дяди, рядъ случайностей, всевозможныя опасности, которыя она избѣгаетъ съ помощью благо-

дѣтельнаго еврея, который отправляетъ ее въ Варшаву къ своему пріятелю. Никаноръ стремится къ свиданію съ нею, не смотря на сажаніе въ тюрьму, всевозможныя приключенія и предсказанія грозившихъ ему несчастій, въ случаѣ упорства. Предсказаніе сбывается роковымъ образомъ; онъ бросаетъ службу и, переодѣтый, дѣлаетъ попытку пробраться въ Варшаву; его арестуютъ, везутъ въ Москву; онъ оправдывается, но долженъ ждать рѣшенія дѣла. Между тѣмъ является пріятель Никанора изъ Варшавы и сообщаетъ о смерти Анеты, умершей отъ побоевъ отыскавшаго ея убѣжище жестокаго дяди, который на слѣдующій день найденъ на улицѣ изрубленнымъ въ куски. Никаноръ заболѣваетъ отъ горя; отецъ увозитъ его къ себѣ въ деревню; затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ его женитьбѣ, новыхъ любовныхъ приключеніяхъ и постепенномъ обѣдненіи. Въ заключеніе авторъ обрываетъ разсказъ и отъ своего имени, въ видѣ эпилога, описываетъ въ общихъ чертахъ смерть Никанора.

Однако, не смотря на то, что основой содержанія обонхъ романовъ служатъ самыя разнообразныя и запутанныя приключенія и судьба героевъ зависитъ отъ роковаго стеченія обстоятельствъ, «Несчастный Никаноръ» представляетъ значительныя преимущества, сравнительно съ вышеприведеннымъ романомъ Эмина. Здѣсь приключенія теряютъ свой сказочный характеръ и становятся менѣе беспочвенными, такъ какъ фантазія автора значительно обуздана уже тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи и слишкомъ большое отступленіе отъ русской жизни и быта оказалось бы неудобнымъ въ виду русскихъ читателей. Такимъ образомъ, въ «Несчастномъ Никанорѣ» самыя несбыточныя приключенія связаны съ правдоподобной обстановкой, вполне соответствующей дѣйствительности, что заслуживаетъ особеннаго вниманія въ тѣ времена, когда большинство сочинителей подражательныхъ романовъ и повѣстей прямо избѣгали какихъ бы то ни было описаній мѣстности и ограничивались названіемъ города и губерніи или же обозначали ихъ начальными буквами и звѣздочками. Къ тому же роду, какъ и Никаноръ, принадлежитъ не менѣе замѣчательная повѣсть «Похожденія Изана Гостиваго сына», въ сборникѣ повѣстей и сказокъ И. Новикова, изд. въ 1785 г. въ Петербургѣ и составляющемъ библиографическую рѣдкость, какъ помѣчено на экземплярѣ Русскаго отдѣленія Сиб. Публичной бібліотеки.

Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ западно-европейскаго романтизма, встрѣчаются единичныя попытки перенести романъ «съ приключеніями» на сенсационную почву въ видѣ привидѣній, воскресшихъ мертвецовъ, молніи, убивающей злодѣя, разбойниковъ, наемныхъ

убійць и пр. Въ такомъ же родѣ написана подражательная повѣсть Карамзина, «Валерія», 1792 года (изъ Nouvelles Floriana), а затѣмъ еще болѣе характерная въ этомъ отношеніи повѣсть «Александръ и Юлія, истинная русская повѣсть», соч. П. Львова, Спб., 1801 г., и романъ неизвѣстнаго автора «Обольщенная жена, российское сочиненіе», Москва, 1804 г., гдѣ несчастная заключенная женщина томится въ подземельи какого-то замка съ башнями. Изрѣдка ее водятъ кормить ребенка; появляются какія-то таинственныя личности; таинственностью проникнуть весь рассказъ, настолько туманный, что только по заглавію можно догадаться, что кара исходить отъ оскорбленнаго супруга. Тѣмъ не менѣе романъ кончается благополучно бѣгствомъ заключенной изъ тюрьмы.

Но въ то время, какъ сенсационно-романтический элементъ проходитъ какъ бы мелькомъ въ нашей подражательной романтической литературѣ, романъ «съ приключеніями» хотя и теряетъ свою самобытность, но продолжаетъ господствовать въ нашихъ позднѣйшихъ романахъ и повѣстяхъ, въ видѣ основной и существенной части. Онъ проникаетъ во многіе нравоучительные и даже отчасти сентиментальные романы и повѣсти, не исключая такъ называемыхъ «восточныхъ» повѣстей и произведеній, представляющихъ попытки историческаго и реального романа и повѣсти.

## V.

Нравоучительные подражательные романы и повѣсти, по содержанию, всего ближе подходятъ къ роману «съ приключеніями». Но здѣсь мы уже не встрѣчаемъ отличающей его непосредственной простоты рассказа: сочинители, задаваясь цѣлью поучать читателей, пускаются въ длинныя утомительныя разсужденія и сентенціи на тему нравственности и впадаютъ въ искусственность, вслѣдствіе стремленія выставить неизмѣнное торжество добродѣтели и наказаніе порока. Качества и пороки, въ большинствѣ случаевъ, олицетворены въ фамиліяхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ, напримѣръ, Сердоболны, Честовъ, Разсудинъ, Правдолюбовъ или же князь Промотайловъ, Залыгалкинъ, Петиметровъ, дюшеса Санпюдеръ, графиня Модякова и пр.

Вообще нравоучительные романы и повѣсти нашей подражательной литературы, по своему содержанию, могутъ быть подведены подъ три различныхъ вида:

а) Нравоучительные любовные романы и повѣсти, написанные въ

формѣ писемъ, имѣютъ совершенно своеобразный характеръ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ белѣе или менѣе очевидные признаки подражанія «Новой Элоизѣ» Руссо, какъ, напримѣръ, «Роза», полусправедливая повѣсть Николая Эмина, Спб., 1788 г., и «Всеволодъ и Всеслава, романъ, сохранившійся въ письмахъ, безъ подписи автора», Спб., 1807 года. Образцы многихъ другихъ неизвѣстны и, между прочимъ, повѣсти «Не всѣмъ на вкусъ, рѣдкая чета», соч. И. В., Спб., 1802 г., въ которой видно несомнѣнное стремленіе къ самобытности, хотя это стремленіе проявляется преимущественно въ самомъ способѣ изложенія и слогѣ нѣкоторыхъ писемъ. Умнозвора, героиня повѣсти, тоскуетъ въ разлукѣ съ мужемъ, уѣхавшимъ въ командировку за 8,000 верстъ, и довѣрчиво принимаетъ ухаживаніе богатаго помѣщика Вѣтромысла, который является въ роли утѣшителя. Но когда Вѣтромыслъ приглашаетъ Умнозору къ себѣ въ деревню, чтобы вручить ей 15 тысячъ для поправленія денежныхъ обстоятельствъ, у ней является сомнѣніе относительно его безкорыстія; она пишетъ ему письмо и задаетъ наивный вопросъ: «Не на счетъ ли дѣломудрія супружества? Если то такъ, добавляетъ она, то извините... Правда, письма ваши не романъ, но подходъ вашъ такая задача, отъ которой недолго и вовсе повредишься;—между всѣмъ тѣмъ, какъ бы вы ни изволили поддерживать и утѣшать. Это, по моему, не въ досаду вамъ, странная, очаровательная и тонкая замашка, впрочемъ, нѣсколько рѣшительная... это изъ всего видно...»

Затѣмъ Умнозора пишетъ нѣжное письмо мужу, жалуется, что долго не имѣла отъ него извѣстій, и сообщаетъ, что чувствуетъ себя нездоровой: «Ужасъ, какъ не по себѣ! Заставай, князь, пока жива, коли ты тотъ-же...» А затѣмъ, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ, спрашиваетъ его, не заложилъ ли онъ имѣнія, говоритъ, что мирится съ нищетой, ссылается на Локка и пр. Письмо кончается словами: «Много я уже намарала, но это мое разсѣяніе, равно и чтеніе книгъ...» Супругъ, съ своей стороны, отвѣчаетъ въ нѣжныхъ, высокопарныхъ выраженіяхъ, описываетъ бывшія съ нимъ приключенія и извѣщаетъ о скоромъ пріѣздѣ. Слѣдуетъ соединеніе любящихъ супруговъ; друзья и знакомые поздравляютъ Солида, отца Умнозоры, «съ такой рѣдкой четой и что онъ ничего не жалѣлъ на хорошее воспитаніе дочери».

b) Въ нѣкоторыхъ правоучительныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы сочинители настолько проникнуты стремленіемъ доказать превосходство добродѣтели надъ порокомъ, что наставительный элементъ является преобладающимъ при сравнительно малосодержательномъ или же крайне затянутомъ разсказѣ. Такъ въ

сочиненія Г. Громова «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными», Спб., 1799 года, въ видѣ отрывочныхъ сценъ, прерываемыхъ длиннѣйшими разсужденіями, изображены преимущества «законной супружеской любви» и добродѣтельной жизни надъ порочной и ея увлеченіями. Въ концѣ книги приложены изреченія премудрости Иисуса, сына Сирахова, и притчи Соломона. Въ повѣсти «Егорушка или человекъ самъ собою довольный», изд. въ Москвѣ 1797 года, Я. Благодарова, герой разсказа говоритъ притчами и поученіями и представляетъ собою ходячую добродѣтель. Онъ не хочетъ мѣнять бѣдность и независимость «на барское житье», восхваляетъ жизнь простую, близкую къ природѣ, «въ сообществѣ съ Богомъ», питается трудами рукъ своихъ, отвергаетъ собственность, не признаетъ учености и удаляется отъ общества, гдѣ царитъ зависть, осужденіе и клевета. Въ другой правоучительной повѣсти «Неонила или распутная дочь», соч. А. Л., двѣ части, 1794 года, героиня разсказа, Неонила, въ противоположность предыдущей повѣсти, представляетъ собою чудовищное олицетвореніе порока и, подъ конецъ, въ видѣ наказанія за свою развратную жизнь, умираетъ въ больницѣ отъ жестокой болѣзни.

с) Кромѣ двухъ упомянутыхъ видовъ правоучительныхъ романтическихъ произведеній, встрѣчаются подражательные правоучительно-сатирическіе романы и повѣсти, гдѣ сатира, въ большинствѣ случаевъ, направлена на старую тему, затронутую Кантеміромъ, Фовъ-Визиномъ и сатирическими журналами XVIII вѣка, а именно о вредѣ невѣжества, подражанія французскимъ нравамъ вообще и французскаго воспитанія въ особенности и пр. Сочинители этого рода романовъ и повѣстей нерѣдко задаются цѣлью поучать и исправлять читателя отрицательнымъ способомъ, посредствомъ изображенія дурныхъ сторонъ моднаго свѣта, людскихъ пороковъ и пагубныхъ, вытекающихъ отсюда, послѣдствій, а также противопоставленіемъ преимуществъ патріархальнаго воспитанія, дающаго противоположные результаты. Перваго метода держится, между прочимъ, А. Писаревъ, авторъ любопытнаго романа 1792 года, изд. въ Москвѣ въ трехъ частяхъ: «Переписка двухъ адскихъ вельможъ, Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ» и пр., 3 части. При этомъ, чтобы не стѣснять себя относительно высказыванія горькихъ истинъ, онъ выдаетъ свое сочиненіе за переводъ съ арапо-еврейскаго языка и называетъ себя «греко-японскимъ переводчикомъ». Романъ заключается въ письмахъ Алгабека къ Алгамеку, въ которыхъ онъ описываетъ свое путешествіе въ сѣверную страну и настолько яркими красками, что съ первыхъ

страницъ становится очевиднымъ, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи, а именно въ Петербургѣ. Въ разсказъ вставлены стихи и біографіи выведенныхъ лицъ, фамиліи которыхъ указываютъ на ихъ отличительныя свойства, какъ, напр.: Безчестновъ, Невѣждинъ, Обдираловъ; Вѣстовщиковъ, княгиня Чужевралова, г-жа Скудоумова, Безстыдова и т. под.

Къ тому-же роду правоучительно-сатирическихъ романовъ, гдѣ сочинители задавались цѣлью поучать читателей вышеупомянутымъ отрицательнымъ способомъ, принадлежитъ извѣстная повѣсть А. Измайлова: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества», 1799—1801 гг., Спб., 2 ч. (см. содержаніе этой повѣсти въ Ист. русск. слов., А. Галахова, ч. II, стр. 169—171).

Въ позднѣйшей повѣсти Н. Остолопова «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе», изд. въ Спб. 1803 г., сопоставлены результаты моднаго и патриархальнаго воспитанія рано погибшей Евгеніи, выросшей на рукахъ наемныхъ французенокъ и ея двоюродной сестры Софьи, воспитанной отцомъ въ строгихъ правилахъ добродѣтели, которая счастливо выходитъ замужъ и прекрасно воспитываетъ своихъ дѣтей. Въ другой повѣсти, «Кривонось, домосѣдъ, страдалецъ модный», Спб., 1789 г., неизвѣстный авторъ описываетъ отъ лица героя повѣсти его неудачную жизнь съ момента появленія на свѣтъ, представляющую непрерывную цѣпь пагубныхъ послѣдствій увлеченія модой со стороны родителей. Разсказъ не лишенъ юмора и дарованія, но въ то-же время и сильныхъ натяжекъ; слогъ легкій и удобочитаемый. Половина небольшой книги занята трактатомъ «О глупости».

Что касается Нарѣжнаго, то вліяніе правоучительныхъ романовъ, болѣе или менѣе замѣтное во всей нашей романтической литературѣ первой четверти нашего столѣтія, отразилось и на его произведеніяхъ, въ видѣ моральныхъ сентенцій и разсужденій, въ нѣсколько утрированномъ изображеніи пороковъ и неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели. Но сатира въ романахъ Нарѣжнаго принимаетъ болѣе самобытный и жваненный характеръ и не ограничивается узкой старой темой о вредѣ французскаго воспитанія и подражанія французскимъ правамъ и пр., которой почти исключительно придерживались его предшественники.

## VI.

Соответственно такъ называемымъ «восточнымъ повѣстямъ» западно-европейской литературы, мы встрѣчаемъ въ нашей подражательной романистикѣ особый разрядъ восточныхъ повѣстей, гдѣ также съ нравоучительною цѣлью изображены далекіе восточные народы, которые, не выходя изъ патріархальнаго быта, не знали печальныхъ явленій европейской жизни и европейской порчи нравовъ. Особенно типичны въ этомъ отношеніи двѣ извѣстныхъ повѣсти Беницкаго: «Ибрагимъ или Великодушный» и «Бедуинъ» (См. Таля или собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ 1807 г.).

Но этимъ далеко не исчерпывается содержаніе восточныхъ повѣстей нашей подражательной литературы, которая въ одинаковой мѣрѣ пользовалась для нихъ мотивами восточныхъ и другихъ сказокъ, какъ и западно-европейскими мотивами и даже подчасъ совмѣщала ихъ въ одномъ и томъ же разсказѣ. Такъ въ одномъ сборникѣ 1791 года, весьма распространенномъ въ свое время, «Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки или лабиринтъ женскихъ коварствъ», мы встрѣтили нѣсколько характерныхъ восточныхъ повѣстей этого рода. Въ одной изъ нихъ: «Простодушный суевѣръ или посланникъ боговъ», персидскій чиновникъ Абдаллахъ видитъ во снѣ, что его красавица дочь должна быть супругой жителя Олимпа, отказывается всѣмъ женихамъ и запираетъ Сюльмену въ загородномъ домѣ. Сюльмена въ отчаяніи, но крылатая слава объ ея красотѣ размножаетъ жениховъ; сынъ китайскаго чиновника, Мулей, пробрается къ ней по веревочной лѣстницѣ, съ помощью приставницы Замбаки, которая покровительствуетъ ихъ свиданіямъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ. Наконецъ, Мулей обратился къ чародѣю, чтобы онъ далъ ему крылья и родители Сюльмены могли бы принять его за посланника Олимпа. Чародѣй вручаетъ ему волшебное кольцо, является духъ и китаецъ «съ его помощью переряжается, получаетъ волосы золотые, нѣкоторыя части тѣла золотыя, другія серебряныя, увязываетъ ихъ лентами вышитыми, являются крылья и прирастаютъ къ тѣлу». Родители красавицы принимаютъ его за жителя Олимпа, изъявляютъ свое согласіе и сносятъ на площадь всѣ сокровища, въ сопровожденіи множества народа. Является колесница, запряженная васписками. Мулей складываетъ въ нее принесенныя сокровища и вмѣстѣ съ Сюльменой возвращается въ свое отечество и женится на ней. Въ другой повѣсти «Очарованная красавица», вмѣсто кольца, является волшебная коро-



бочка, съ помощью которой влюбленный Елимъ, превращенный въ попугая, влетаетъ въ комнату Мессалины, дочери персидскаго чиновника Ибрагима, для нѣжныхъ свиданій. Но такъ какъ вслѣдствіе ихъ неосторожности свиданія должны прекратиться, то Мессалина, по просьбѣ своего возлюбленнаго, пьетъ посланный имъ составъ и падаетъ какъ мертвая; ее хоронятъ въ лабиринтѣ. Елимъ воскрешаетъ ее и уговариваетъ остаться въ лабиринтѣ; черезъ три дня его также приносятъ въ лабиринтъ мнимо-умершимъ; она, въ свою очередь, оживляетъ его, затѣмъ оба уѣзжаютъ на почтовыхъ и соединяются узамъ брака. Въ третьей повѣсти, «Нечаянное превращеніе», вся завязка построена на общезвѣстномъ распространенномъ мотивѣ продажи души чорту, скрѣпленной формальнымъ актомъ, написаннымъ кровью. Плѣнный англичанинъ Лизавръ, съ помощью чорта Цьяшоса, принимаетъ образъ воображаемаго героя, созданнаго воображеніемъ дочери турецкаго паши Лилерозы, начитавшейся романовъ, и женится на ней. Молодые супруги нѣкоторое время живутъ благополучно, но подъ конецъ Лизавръ такъ надоѣдаетъ чорту безпрестанными вызваніями изъ ада и просьбами, что этотъ возвращаетъ ему обратно подписанный имъ актъ, Лизавръ опять становится англичаниномъ и въ этомъ видѣ сразу «омерзѣлъ» своей супругѣ, которая не замедлила сообщить отцу о такомъ неожиданномъ превращеніи. Паша узнаетъ своего бывшаго плѣнника и избавляется отъ него съ помощью яда, а Лилероза выходитъ вторично замужъ.

Помимо этихъ трехъ повѣстей, въ томъ же сборникѣ помѣщены два разсказа совсѣмъ инаго характера, а именно турецкая повѣсть «Торжествующая Селима», гдѣ сынъ богатаго купца, Аладинъ, влюбляется въ 14-ти-лѣтнюю дочь вдовы, Селиму, во время семидневнаго позорища (празднества), по случаю мира съ персами. Мать красавицы, узнавъ объ этомъ, запираетъ ее въ отдаленный покой, но Селима подкупаетъ приставленную къ ней дѣвицу Заиру и проситъ ее, «сдѣлавъ подобную себѣ маску и одѣвши Аладина въ свое платье, проводила-бъ въ ея покой, по наступленіи ночи». Заира исполняетъ ея желаніе; нѣжныя свиданія продолжаются полгода; но однажды мать застаетъ ихъ спящими и немедленно посылаетъ за отцомъ Аладина. Этотъ хочетъ убить сына, но вдова удерживаетъ его и дѣло кончается свадьбой влюбленныхъ. Въ другой повѣсти, «Домовой», подъ видомъ китайской деревни и китайскихъ крестьянъ списанъ русскій сельскій бытъ. Старый китаецъ крестьянннъ женится на молодой Мильсанѣ, которая вскорѣ измѣняетъ мужу и, для большаго удобства нѣжныхъ свиданій, наряжаетъ своего любовника Вьюама въ домового; этотъ по ночамъ накидывается на стараго мужа и мучитъ его, а подъ

конецъ душить до смерти, къ ужасу всей деревни. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дальнѣйшихъ романтическихъ отношеній Вюама къ Мильсанъ и ея взрослой падчерицѣ.

Въ другомъ болѣе раннемъ сборникѣ 1779 года, «Разныя повѣствованія, сочиненныя нѣкоторою россіянкою», мы встрѣтили два своеобразныхъ «восточныхъ» разсказа, не имѣющихъ ничего общаго съ вышеприведенными повѣстями. Одинъ изъ нихъ, «Гармора», по началу, напоминаетъ тенденціозныя восточныя повѣсти, гдѣ Азія представлена благословенной страной торжества добродѣтели, но по общему содержанию и тону принадлежитъ къ числу псевдоклассическихъ повѣстей, съ ходульными героическими характерами и рѣдкими примѣрами самоотверженной дружбы и дочеринской любви. Въ другомъ разсказѣ, «Звѣзда во лбу или знакъ добрыхъ дѣлъ», Меркантъ, сынъ перваго министра злаго европейскаго государя, отправляется въ Азію; буря заноситъ его на неизвѣстный островъ, гдѣ у государя на лбу звѣзда, какъ знакъ добрыхъ дѣлъ; въ случаѣ дурныхъ онъ обязанъ снимать звѣзду, что заставляло его избѣгать ихъ. Меркантъ возвращается въ отечество и рассказываетъ о видѣнномъ; злой государь хочетъ ввести то-же въ своей землѣ и рѣшаетъ, чтобы его статуя оставалась покрытою, когда народъ недоволенъ имъ, и чтобы въ обратномъ случаѣ снималось покрывало. Но статуя долго остается покрытою; наконецъ, онъ совершаетъ доброе дѣло, народъ бросается снимать покрывало, цѣлуетъ ноги статуи и это заставляетъ злаго государя исправиться.

Въ произведеніяхъ Нарѣжнаго отразился и этотъ родъ повѣстей нашей подражательной литературы. Восточныя повѣсти встрѣчаются въ видѣ вставокъ, въ двухъ извѣстныхъ романахъ Нарѣжнаго, а именно въ «Россійскомъ Жильблазѣ» и въ его посмертномъ романѣ, «Черный годъ или Горскіе князья», вышедшій въ 1829 году; кромѣ того, имъ написана отдѣльная восточная повѣсть «Турецкій судъ», вышедшая въ 1824 г. и перепечатанная въ собраніи его сочиненій въ 1835—1836 гг.

## VII.

Пастушескія и сельскія повѣсти хотя и написаны въ сентиментально-нравственномъ духѣ, но по своему идиллическому содержанию отличаются отъ того и другаго рода романическихъ произведеній. Здѣсь вся цѣль нравоученій направлена къ тому, чтобы показать наглядно преимущества патріархальнаго простаго образа жизни среди природы, передъ испорченностью нравовъ, господствовавшей въ городахъ.

Среди романическихъ произведеній этой категории мы встрѣтили только одну, собственно пастушескую, по преимуществу подражательную повѣсть: «Старецъ или превратность судьбы», Н. Брусилова, 1803 г., гдѣ изображены невинные пастухи и пастушки; они одарены всѣми патріархальными добродѣтелями и ведутъ праздную безмятежную жизнь; на сценѣ зефиры, соловьи, ручьи, протекающіе вдоль зеленыхъ береговъ, усѣянныхъ цвѣтами, и проч. Пастушекъ Милонъ разсуждаетъ съ женой о величій міра и ихъ счастья. Элеонора отвѣчаетъ ему въ томъ же тонѣ; является старецъ въ одеждѣ бѣднаго странника; они приглашаютъ его къ себѣ раздѣлить съ ними скудную трапезу. Старецъ разсказываетъ имъ исторію своей жизни; онъ былъ нѣкогда царемъ и отечески управлялъ своими подданными, а затѣмъ лишился престола и пятилѣтней дочери, пропавшей безъ вѣсти, которую онъ напрасно отыскивалъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Слѣдуетъ объясненіе: Элеонора оказывается его дочерью; пастухи и пастушки поздравляютъ ее. Старецъ поселяется въ ихъ хижинѣ. Въ другой пастушеской повѣсти «Несчастные любовники», соч. П. С., 1809 г., хотя и выведены пастухи и пастушки, но она не представляетъ цѣльности предыдущей повѣсти. Жестокій отецъ не хочетъ выдать своей дочери за бѣднаго пастуха Николая, любимаго ею, такъ какъ расчитываетъ на болѣе выгоднаго жениха. Николай идетъ въ рекруты и убитъ въ сраженіи; влюбленная пастушка умираетъ отъ тоски, а за нею отецъ; хижина пустѣетъ послѣ ихъ смерти.

Въ сельской повѣсти «Роза и Любимъ», соч. Павла Львова, Спб. 1790 г., отчасти написанной, (какъ упомянуто выше), въ подражаніе идилліи Шмидта «Рахель и Богъ Месопотаміи», пастушескій элементъ уже представляетъ нѣчто вводное. Аркадія съ серебрястыми ручьями, амурами, исполненная красоты, нѣжности и наслажденій, только «во снѣ» представляется героинѣ повѣсти, Розѣ; она видитъ также своего жениха Любима, влекомаго чудовищами, но Амуръ

убѣждаетъ ихъ. Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ русской деревнѣ, среди крестьянъ и пастуховъ, которые живутъ въ первобытной простотѣ и добродѣтели, довольствуются скуднымъ достаткомъ. Въ деревню прѣзжаетъ молодой баринъ, заходитъ въ избу вдовы, матери Розы, и застаётъ тамъ собравшихся крестьянъ и отставнаго солдата. Сначала разговоръ ведется «о плодородіи, милостяхъ Божіихъ и царскихъ добродѣтеляхъ», затѣмъ переходитъ къ другимъ вопросамъ. Авторъ, отъ лица отставнаго солдата, въ высокопарныхъ выраженіяхъ, высказываетъ свои взгляды на воспитаніе, бракъ, общественныя и государственныя дѣла, обязанности гражданина и пр. Молодой баринъ, слыша такіе разговоры, приходитъ къ выводу, что и «подчиненные умѣютъ судить объ общественныхъ дѣлахъ и о начальникахъ»; затѣмъ онъ окончательно умиляется душой, когда даетъ деньги матери Розы и отцу Любима, а они отсылаютъ деньги болѣе бѣднымъ семействамъ. Это убѣждаетъ его, что и въ низкомъ состояніи есть высокія души, есть бѣдные люди, пекущіеся о челоуѣчествѣ»; онъ, съ своей стороны, является въ роли благодѣтеля. Нѣсколько дней спустя, Роза приходитъ къ нему съ жалобой, что прикащикъ хочетъ незаконно отдать въ солдаты ея жениха Любима; баринъ возгорается благороднымъ негодованіемъ, отдаетъ въ солдаты «корыстолюбиваго прикащика и его соучастниковъ» и даетъ богатое приданое Розѣ. Всѣ проливаютъ слезы; баринъ исполненъ «душевнаго восторга, видитъ себя окруженнымъ семи благодарными сердцами». Въ томъ же родѣ, какъ «Роза и Любимъ» написана повѣсть неизвѣстнаго автора: «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ», 1804 г.

Извѣстная повѣсть Карамзина «Бѣдная Лиза», изданная два года спустя, а именно въ 1792 г., такая же сельская повѣсть, какъ «Роза и Любимъ», только болѣе талантливо и краснорѣчиво написанная и съ талантливымъ изображеніемъ окрестностей Москвы. Здѣсь также молодыя пастушки поютъ пѣсни, играютъ на свирѣляхъ, сплетаютъ вѣнки на свои шляпы; на сценѣ зефиры, кусточки, цвѣты, «пьющіе животворныя лучи свѣта» и пр. Лиза и ея старая мать, безпрестанно проливающая слезы о смерти мужа—«ибо и крестьянки любить умѣютъ!»—представляютъ олицетвореніе патріархальныхъ добродѣтелей, безкорыстія, счастливаго невѣдѣнія зла. Невинная, вѣжная Лиза выражается языкомъ барышни, начитавшейся романовъ, вмѣстѣ съ старой крестьянкой матерью любитъ красотами природы, дважды падаетъ въ обморокъ. Вся разница содержанія обѣихъ повѣстей въ романтической завязкѣ: вмѣсто благодѣтельнаго молодаго барина повѣсти «Роза и Любимъ», здѣсь является легко-

мысленный Эрастъ, съ замашками Ловеласа; онъ соблазняетъ Лизу, затѣмъ безжалостно бросаетъ ее и приказываетъ слугѣ выпроводить со двора, когда она приходитъ къ нему за объясненіями. Несчастливая съ отчаянія топится въ прудѣ.

«Марьяна роцца» Жуковскаго, напечатанная въ 1809 г., только по началу и нѣкоторымъ отдѣльнымъ выдержкамъ, взятымъ почти цѣликомъ изъ Карамзинской «Бѣдной Лизы», можетъ быть отнесена къ сельскимъ повѣстямъ. Что же касается общаго содержанія и всего тона разсказа, то и эта повѣсть, очевидно, написана Жуковскимъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго, собственно нѣмецкаго, романтизма. Наиболѣе рельефное дѣйствующее лицо—Рогдай, богатырь времени Владиміра, является здѣсь со всѣми атрибутами средневѣковаго романтическаго рыцаря, какъ съ внѣшней, такъ и нравственной стороны.

Между тѣмъ въ романическихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда подражанія этого рода повѣстямъ, что кажется намъ вполне объяснимымъ. Направленіе его таланта было слишкомъ реальное, чтобы у него могло явиться стремленіе сочинять наивныя пастушескія идилліи. Съ другой стороны, какъ сынъ бѣднаго польскаго шляхтича, рано знакомый съ нуждой и бытомъ простаго народа, среди котораго протекли первые годы его жизни, онъ не могъ изображать крестьянъ и пастуховъ въ духѣ П. Львова и Карамзина, ни приписывать имъ ходульные добродѣтели, несвойственный имъ языкъ и понятія.

### VIII.

Сентиментальныя или чувствительныя повѣсти представляютъ собою совершенно особый родъ произведеній нашей романической подражательной литературы и отличаются еще болѣе беспочвеннымъ и отвлеченнымъ содержаніемъ, нежели вышеприведенныя «пастушескія» и «сельскія» повѣсти. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько подробнѣе, въ виду того, что въ числѣ романическихъ произведеній Нарѣжнаго встрѣчается хотя единственная, но безусловно сентиментальная подражательная повѣсть «Марія», содержаніе которой будетъ изложено нами при общемъ обзорѣ литературной дѣятельности Нарѣжнаго. Повѣсть «Марія» рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ его романовъ и повѣстей; и съ этой, такъ сказать, отрицательной стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Все содержаніе сентиментальныхъ повѣстей, насколько мы могли прослѣдить, направлено къ тому, чтобы тронуть сердца читателей, заставить ихъ проливать слезы. Поэтому даже въ случай благополучнаго исхода романической завязки извѣстная степень трагизма, повидимому, считается неизбѣжной; отсюда различныя проявленія душевныхъ страданій, проливаніе слезъ, обмороки, иногда двухдневные и пр. Съ другой стороны, какъ бы для того, чтобы житейскія заботы не мѣшали героямъ и героинямъ предаваться въ волю своимъ чувствамъ и страданіямъ, они являются вполне обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи. Въ большинствѣ случаевъ выведены на сцену графы, князья, даже бароны и во всякомъ случаѣ богатые люди. Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, среди моднаго свѣта или, по крайней мѣрѣ, въ губернскомъ городѣ; если герои и героини удаляются въ свои усадьбы, то развѣ для того, чтобы насладиться счастьемъ любви, среди сельскаго уединенія, а также для воздыханія и пролитія слезъ въ случаѣ разочарованія или утраты предмета любви, хотя виды природы еще болѣе увеличиваютъ ихъ меланхолію.

Сентиментальный элементъ, какъ видно изъ просмотрѣнныхъ нами романическихъ произведеній второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, проявляется вначалѣ въ видѣ примѣси въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ романахъ и повѣстяхъ и составляетъ отчасти какъ бы неизбѣжную принадлежность пастушескихъ и сельскихъ повѣстей. Но собственно сентиментальныя повѣсти начинаются только въ концѣ прошлаго столѣтія и особенно размножаются съ 1800-хъ годовъ. Трудно сказать, за неизмѣнимъ точныхъ данныхъ, насколько Карамзинъ способствовалъ ихъ распространенію, но одно несомнѣнно, что онѣ были въ большой модѣ, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современники. Между прочимъ, Н. Брусиловъ неудачу своей повѣсти «Бѣдный Леандръ или авторъ безъ риторикки» 1803 года, прямо приписываетъ недостатку сентиментальности (въ предисловіи къ вышеупомянутой пастушеской повѣсти «Старецъ или превратность судьбы»), хотя «Бѣдный Леандръ» вообще такъ плохо написанъ, что ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть успѣха.

Что касается образцовъ, которымъ подражали сочинители сентиментальныхъ повѣстей, то они весьма разнообразны и, преимущественно, заимствованы изъ иностранной литературы. Во многихъ случаяхъ, какъ мы упоминали выше, сами сочинители указываютъ на нихъ, въ видѣ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ, или же прямо говорить, что подражали такому-то «безсмертному» автору или такому-то иностранному произведенію. Но среди множества просмотрѣнныхъ нами «сентиментальныхъ» повѣстей мы не встрѣтили такихъ, которыя

были бы непосредственно написаны подъ вліяніемъ Карамзина. Только въ одной повѣсти «Несчастный Д\*\*\*. Россійское сочиненіе Д. М.» 1803 года, авторъ говоритъ, что разговоръ объ участи «Бѣдной Лизы» послужилъ поводомъ для его разсказа, хотя и здѣсь подражаніе является весьма условнымъ. Герой довольно бездарно написанной повѣсти, нѣкто Д\*\*\*, также какъ и Карамзинская «Лиза», съ отчаянія бросается въ прудъ, но что собственно побудило его рѣшиться на самоубійство—остается неизвѣстнымъ для читателя, и только изъ неясныхъ намековъ онъ можетъ догадаться, что причина отчаянія несчастнаго Д\*\*\* заключалась въ непомярной строгости родителей и какихъ-то неудачахъ по службѣ.

Но, разумѣется, отсюда мы не думаемъ выводить какихъ-либо заключеній относительно вліянія Карамзина, которое могло отразиться цѣликомъ на нѣкоторыхъ нашихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ, которыя не были просмотрѣны нами. Мы только позволяемъ себѣ замѣтить, что въ данномъ случаѣ видимое сходство можетъ быть въ значительной степени объяснено общими типичными чертами этого рода произведеній, въ которыхъ подвизался Карамзинъ и другіе чувствительные сочинители.

Сентиментальныя произведенія нашей подражательной романтической литературы представляютъ нѣсколько разновидностей, и поэтому, для бѣльшей наглядности, мы укажемъ на замѣченныя нами особенности каждой изъ нихъ и въ видѣ примѣровъ изложимъ въ короткихъ словахъ содержаніе наиболѣе типичныхъ повѣстей.

а) Нѣкоторыя изъ нихъ даже едва заслуживаютъ названіе «повѣстей», присвоенное ихъ авторами, потому что этого рода произведенія почти исключительно состоятъ изъ трогательныхъ изліяній чувствъ. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Часы задумчивости» І. Галинковскаго, 1799 года, описано томленіе влюбленнаго юноши; всѣ окружающіе предметы «принимаютъ участіе въ его горести» и вызываютъ слезы, даже каминъ, барельефы на каминѣ, книга Вертера и пр., такъ какъ все напоминаетъ ему «несклонную, но давно милую сердцу Элизу». Виды природы, луна, музыка еще больше усиливаютъ его тоску; онъ приходитъ къ мрачнымъ берегамъ, «гдѣ благотворный сонъ рассыпалъ маки свои надъ очами жителей воздуха и земли», (стр. 47), но ничто не можетъ «ободрить унылый духъ задумчиваго любовника» и разсѣять его печаль. Въ томъ же духѣ написанъ «Ландшафтъ моихъ воображеній», А. Броптова, 1803 года, гдѣ также нѣтъ никакой романтической завязки, ни дѣйствія, а только одни разсужденія. Въ другой повѣсти того же года «Могила», соч. М. П. Г., супругъ оплакиваетъ утрату любимой жены и виѣсть съ

желаніем скорой смерти выражает надежду, что «дѣти, плодъ благословенной любви, придуть на гробницу, оросятъ ее слезами... и это будетъ пріятной данью ихъ благодарности...» Въ повѣсти «Щастливый воспитанникъ или Долгъ благодарности сердца, російское сочиненіе» неизвѣстнаго автора 1808 года, богатая женщина воспитываетъ вмѣстѣ со своими сыновьями бѣднаго мальчика, котораго держать у себя до 13-ти-лѣтняго возраста, а къ тому времени и родители въ «состояніи отдать его въ то мѣсто, гдѣ совершенствуется юношество». Затѣмъ слѣдуетъ рядъ сентиментальныхъ разсужденій на разныя темы: благодарность родителямъ, буря, мысли къ Богу, цѣль челоуѣка и гражданина, день, вечеръ, ночь, сравненіе весны съ юностью, надежда, скромность и пр.

б) Кромѣ того существуетъ цѣлый рядъ довольно однообразныхъ повѣстей, гдѣ къ разсужденіямъ примѣшивается нѣчто похожее на романтическую завязку. Такъ, въ повѣсти «Лилія», соч. А. Попова 1802 г., невинная Лилія, обманутая соблазвившимъ ее княземъ, умираетъ отъ отчаянія. Въ другой повѣсти «Бѣдная Лилла», неизвѣстнаго автора 1803 г.,—опять на сценѣ обманутая невинность, но, вмѣсто смерти, несчастная дѣвушка сходитъ съ ума, между тѣмъ какъ въ разсказѣ А. Кропотова 1809 г., «Духъ Россіянки», героиня, поставленная въ тѣ-же условія, оказывается болѣе рѣшительной и отравляетъ себя и соблазвившаго ее графа. Къ тому же разряду малосодержательныхъ повѣстей принадлежатъ: «Обольщенная Генриетта», И. Свѣчинскаго, 1801 г., «Исторія бѣдной Марьи», безъ подписи автора, 1805 г., и др.

Но въ числѣ этого вида повѣстей встрѣчаются и такія, гдѣ тригизмъ имѣетъ благополучный исходъ. Между прочимъ, въ повѣсти Карамзина «Евгеній и Юлій», 1789 г., опасная внезапная болѣзнь новобрачнаго Евгенія грозитъ разрушить счастье влюбленныхъ, но дѣло обходится одной тревогой. Равнымъ образомъ въ слѣдующей повѣсти 1800 г., «Милыя и нѣжныя сердца», рос. соч. А. Э., смерть Евгеніи оказывается летаргическимъ сномъ и она просыпается отъ воплей своего неутѣшнаго супруга Клавдія; затѣмъ оба доживаютъ до старости, воспитываютъ въ благочестіи сына Доремидонта, который «совратился было съ пути добродѣтели, но черезъ нѣкоторое время чудеснымъ образомъ паки возвратился къ своей должности».

с) Собственно сентиментальныя повѣсти, въ прямомъ значеніи слова, по своей болѣе или менѣе замысловатой романтической завязкѣ и преобладанію разсказа надъ разсужденіями, рельефно отличаются отъ двухъ приведенныхъ нами видовъ чувствительныхъ повѣстей. Такъ въ соч. И. Свѣчинскаго. «Украинская сирота, истинная



повѣсть», 1805 г., есть даже попытки описанія природы и характеровъ: Наташинъ отецъ, маіоръ, «для котораго деньги были началомъ и концомъ всёхъ его дѣйствій и желаній», женится на богатой и проигрываетъ все; жена, чтобы сохранить свое состояніе, разводится съ нимъ, а затѣмъ умираетъ отъ тоски. Маіоръ беретъ дочь къ себѣ и насильно выдаетъ замужъ за развратнаго щеголя Евгенія, не смотря на любовь Наташи къ молодому малороссіянину Петру, который гдѣ-то служитъ чиновникомъ. Наташа въ отчаяніи, мужъ проигрываетъ все, пускается во всё распутства; его сажаютъ въ тюрьму и отправляютъ на поселеніе. Петръ сходитъ съ ума отъ измѣны своей возлюбленной и умираетъ; она также умираетъ, узнавъ объ его смерти; маіоръ ежедневно льетъ слезы на могилѣ дочери. (Форма повѣсти полуразговорная, полуописательная).

Но вообще въ этого рода повѣстяхъ, насколько мы могли прослѣдить, всего чаще на сценѣ нарушеніе супружеской вѣрности, быть можетъ, потому, что эта романическая тема особенно богата поводами для душевныхъ терзаній. Въ «Розѣ», полусправедливой, полуоригинальной повѣсти Н. Эмина 1796 г., изображена несчастная любовь и бракъ по принужденію графской дочери Розы, которая выходитъ замужъ за князя Вѣтрогона. Милонъ въ отчаяніи два дня лежитъ въ обморокѣ, хочетъ убить себя, но его удерживаютъ; онъ ѣдетъ въ деревню, гдѣ предается печальнымъ размышленіямъ, затѣмъ онъ узнаетъ, что Роза также живетъ въ усадьбѣ и занимается въ садовники къ Вѣтрогону. Роза, не подозрѣвая этого, поетъ въ саду о своей неудавшейся любви, Милонъ поетъ въ отвѣтъ:

„Коль Ровою любимъ счастливейшій Милонъ,  
„Чегожь желать онъ можетъ болѣе“ и пр.

Слѣдуетъ нѣжное объясненіе; влюбленные заключаютъ другъ друга въ объятія; но во время одного такого свиданія является неожиданно супругъ, вымываетъ Милона на дуэль и ранитъ его. Роза умираетъ, а супругъ ея, князь Вѣтрогонъ, отравляетъ себя.

Въ Карамзинской повѣсти «Юлія», написанной въ 1794 г., вышедшей впервые отдѣльнымъ изданіемъ въ 1786 г. <sup>1)</sup>, супругъ поставленъ въ такое же неловкое положеніе, но дѣло обходится безъ дуэли. Онъ застаетъ Юлію въ саду, сидящую въ нѣжной позѣ подлѣ князя N, который цѣловалъ ея руку и уговаривалъ слѣдовать влеченію сердца.

<sup>1)</sup> Повѣсть „Юлія“ была переведена на французскій языкъ. См. журналъ „Патріотъ“ 1797 г., т. II, стр. 208. Н. В.

Въ первую минуту у Ариса является желаніе «заколоть ихъ однимъ кинжаломъ, утолить кровію жажду справедливаго мщенія, а потомъ умертвить и себя, но онъ усмирилъ кипящее сердце и скрылся», оставивъ Юліи объяснительное письмо, въ которомъ великодушно предоставлялъ ей свободу и все оставшееся послѣ него имущество. У Юліи является раскаяніе, она отсылаетъ отъ себя князя и удаляется въ деревню, гдѣ становится примѣрной женщиной и матерью, а супругъ, увѣрившись въ ея исправленіи, возвращается къ ней и оба вновь наслаждаются семейнымъ счастьемъ.

Въ повѣсти «Романъ моихъ ближнихъ» 1804 г. взята та-же тема, что у Карамзина, и даже, быть можетъ, заимствована отъ него; но краски усилены и неизвѣстный авторъ видимо рассчитываетъ на эффектъ. Особенно трагично начало повѣсти, гдѣ вѣжная Юлія въ деревенскомъ уединеніи льетъ слезы о супругѣ Людорѣ, которому она измѣнила и считаетъ умершимъ. «Она бродитъ кротчайшими шагами, блѣдная, сухая, съ поникшей головой, въ мрачной густотѣ березовой рощи, гдѣ осенній Борей осыпалъ землю пожелтѣвшими листьями; картина осени вливалъ въ составъ растерзаннаго ея существа нѣчто мрачнѣе, нежели глубокая меланхолія...» Къ ней приносятъ умирающую госпожу съ ребенкомъ, израненную разбойниками; оказывается, что это бывшая пріятельница Юліи, Милена; она умираетъ и оставляетъ своего маленькаго сына Любима на рукахъ Юліи, которая посвящаетъ себя его воспитанію. Черезъ три года является неожиданно Людоръ, прощаетъ Юлію и соединяется съ нею; вслѣдъ затѣмъ входитъ Валерій, отецъ Любима;—все проливаютъ радостныя слезы.

Въ заключеніе мы укажемъ на двѣ повѣсти, гдѣ сентиментальный элементъ является какъ бы еще болѣе утрированнымъ. Такъ въ повѣсти «Пламиръ и Раида», 1796 г., К. Д. Горчакова, жестоко-сердый отецъ разлучаетъ влюбленныхъ. Пламиръ ѣдетъ на войну и, смертельно раненый въ сраженіи, не позволяетъ врачу вынуть изъ своей груди осколки разбитаго пулей портрета Раиды, которая, въ свою очередь, умираетъ при вѣсти объ его смерти. Въ другой повѣсти «Несчастливая Лиза, истинное происшествіе», соч. князя Долгорукова, 1811 года, на сценѣ опять неудачная любовь: Лиза выходитъ замужъ по принужденію, но вѣрная своему Аристу бѣжитъ съ нимъ. Нѣкоторое время они живутъ счастливо: Аристь уѣзжаетъ въ командировку и оставляетъ Лизу больною въ домѣ кунца: полицейскій требуетъ отъ нея свидѣтельства и грозитъ строгостью законовъ, если она не жена Ариста. Съ нею дѣлается ударъ и она умираетъ. Аристь въ отчаяніи, бросаетъ службу, украшаетъ могилу своей возлюбленной кусточками и цвѣтами, обноситъ перлами, а «у поверхности ставить

на которой была изображена плачущая женщина передъ урной» (картина въ видѣ виньетки приложена къ началу повѣсти). Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ Аристъ ежедневно посѣщаетъ могилу своей возлюбленной и льетъ слезы; но пріѣзжаетъ мужъ Лизы, узнаетъ объ ея смерти и «уничтожаетъ памятникъ чувствительности, украшающій ея могилу».

Н. А. Вѣдверская.

1898 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

## БОЙ ПОДЪ ЗИВИНОМЪ ВЪ АЗИАТСКОЙ ТУРЦІИ

13 іюня 1877 г.

Печатая статью г. Войнова о неудачной атакѣ турецкой позиціи подъ Зивиномъ, 13-го іюня 1877 г., редакція «Русской Старины» считаетъ долгомъ предупредить своихъ читателей, что статья эта значительно расходится со всѣми опубликованными до сихъ поръ какъ оффиціальными, такъ и неоффиціальными свѣдѣніями о причинахъ безуспѣшности произведенной атаки, и лишь безпристрастіе, руководящее редакцію при изданіи историческихъ матеріаловъ, побуждаетъ ее дать мѣсто труду г. Войнова на стр. «Русской Старины».

Авторомъ, очевидно, прежде всего руководило желаніе снять съ себя тѣ обвиненія, которыми приписывался лично ему въ значительной долѣ безуспѣшный исходъ Зивинскаго боя. Такое желаніе вполне понятно и законно; но оправдывая себя отъ обвиненій, вошедшихъ въ трудъ генерала Кишмишева, и отъ нападокъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, авторъ тутъ-же переходитъ въ роль обвинителя, даетъ собственное толкованіе неуспѣха атаки и дѣлаетъ это въ такихъ полемическихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ военныхъ дѣятелей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ Россіи, что мы вынуждены были, не касаясь существа предмета, нѣкоторыя мѣста смягчить, а другія и совсѣмъ выпустить, иначе это вышель-бы просто памфлетъ, а не спокойное и безстрастное обсужденіе историческаго событія.

Предоставляя людямъ болѣе насъ компетентнымъ высказать свое мнѣніе, мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ освѣжить въ своей памяти по печатнымъ источникамъ исторію послѣдней войны, и на основаніи ихъ не можемъ не замѣтить, что выводы г. Войнова кажутся намъ и мало убѣдительными, и даже голословными. Неудачный исходъ атаки укрѣпленной Зивинской позиціи авторъ статьи относитъ, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ причинамъ:

1) Къ отсутствію въ отрядѣ генерала Геймана единства въ командованіи и къ двоевластію, происходившему вслѣдствіе нахождения корпуснаго командира при отрядѣ. Примѣры нахождения главнаго начальника при одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему отрядовъ или частей войскъ отнюдь не составляютъ какого-либо исключенія и мы встрѣчаемъ это почти во всѣхъ войнахъ. Въ такихъ случаяхъ приказанія исходятъ отъ главнаго начальника, а исполненіе лежитъ на обязанности начальника отряда. Такъ было и на малоазіатскомъ театрѣ: при взятіи Ардагана, въ Аладжинскомъ сраженіи и при штурмѣ Карса. Всѣ эти дѣйствія сопровождались блистательными побѣдами и корпусный командиръ, отзываясь съ величайшею похвалою о ближайшихъ своихъ сотрудникахъ, отдавалъ полную справедливость ихъ боевымъ заслугамъ. Имена генераловъ: Девеля, Геймана, Лазарева, Комарова, Чавчавадзе, Роопа, Алхазова, Граббе, фонъ-Шака и многихъ другихъ непрерывно повторяются почти во всѣхъ донесеніяхъ. Почему-жъ только подъ Зивиномъ присутствіе корпуснаго командира могло вредно отозваться на ходѣ дѣла?

2) Обходному движенію кавалерійской колонны авторъ удѣляетъ значительную часть своей статьи и въ ней поясняетъ, между прочимъ, что въ 1875 и 1876 гг. онъ былъ командированъ въ Эрзерумъ съ спеціальнымъ порученіемъ и что съ выступленіемъ нашего отряда на Соганлукъ начальствовавшія лица, за неимѣніемъ при отрядѣ слѣдующихъ лазутчиковъ, непрерывно обращались къ нему за справками о дорогахъ, ихъ разстояніи, характерѣ мѣстности и пр. Все это весьма понятно, ибо каждый отнесется съ большимъ довѣріемъ къ показаніямъ своего офицера и при томъ спеціалиста, чѣмъ къ самому толковому лазутчику, но всегда подкупленному за деньги.

По вычисленію г. Войнова, для появленія въ тылу непріятельской позиціи кавалерія должна была совершить отъ бивачнаго расположенія нашихъ войскъ переходъ отъ 27 до 30 верстъ, при этомъ авторъ поясняетъ, что «отъ переправы на Хань-чаѣ шла арбаная дорога или, правильнѣе, хорошая тропа, выходящая на Эрзерумскую дорогу»; что до выхода на этотъ путь «нужно было слѣдовать безъ дороги»; что «конную артиллерію пришлось бы кое-гдѣ, но на короткомъ разстояніи, поднимать на рукахъ» (стр. 33—38). Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльными всадниками и даже цѣлымъ эскадрономъ или сотнею означенный 27—30-ти-верстный переходъ по гористой мѣстности легко можетъ быть совершенъ въ 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> или 3 часа времени; но для кавалерійскаго отряда въ составѣ 42 эскадроновъ и сотенъ съ конною артиллерією и зарядными ящиками, слѣдующаго не на ночлегъ или на отдыхъ, а для нанесенія удара непріятелю, потребуется по малой

мѣрѣ 6 или 7 часовъ времени. Вотъ почему, знакомясь съ объясненіями г. Войнова, читатель невольно задается вопросомъ: если всѣ приводимыя въ статьѣ подробности были дѣйствительно доложены начальствующимъ лицамъ и они знали это еще до начала движенія войскъ, то спрашивается, какимъ образомъ такіе опытные генералы, какъ Лорисъ-Меликовъ, Гейманъ, Чавчавадзе, Духовской и др., рѣшаясь на предпріятіе, успѣшный исходъ котораго зависѣлъ главнѣе всего отъ одновременной атаки непріятельской позиціи съ фронта и тыла, могли двинуть кавалерію въ часъ пополудни, не рассчитавъ, что она можетъ прибыть къ назначенному мѣсту лишь къ сумеркамъ?

Между тѣмъ, по словамъ автора, въ 3 часа пополудни пѣхота вступила уже въ бой и, безуспѣшно истощивъ всѣ усилія для овладѣнія высотой, составлявшею ключъ позиціи, стала уже въ 5-мъ часу ожидать появленія нашей кавалеріи въ тылу непріятеля. Все это весьма неясно и приводитъ въ недоумѣніе...

3) Къ числу причинъ неудавшагося Зивинскаго боя г. Войновъ относитъ невозобновленіе атаки на слѣдующій день. Мнѣніе это принадлежитъ къ разряду такихъ гадательныхъ предположеній, что едва-ли даже заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. Если генералъ Гейманъ, какъ сообщаетъ авторъ, дѣйствительно, выражалъ вечеромъ 13-го юня намѣреніе возобновить атаку, то дѣлалъ онъ это, вѣроятно, съ цѣлью ободрить войска, зная заранѣе, что отъ корпуснаго командира не послѣдуетъ разрѣшенія на повтореніе атаки.

Исторія всѣхъ бывшихъ въ настоящемъ столѣтіи войнъ нашихъ съ Турціею указываетъ ясно, что насколько турецкія войска мало пригодны для полевого боя и маневрированія, настолько-же они умѣютъ отсиживаться и упорно защищаться въ земляныхъ окопахъ и вообще въ укрѣпленіяхъ. За примѣрами ходить недалеко: въ недавнемъ прошломъ трижды повторенныя нами отважныя атаки подъ Плевною служатъ тому краснорѣчивымъ доказательствомъ. Г. Войновъ удостовѣряетъ самъ, что Зивинская позиція весьма сильна и трудно доступна; при произведенной имъ-же 12-го юня рекогносцировкѣ онъ «могъ сосчитать четыре болѣе выдававшіяся батареи; траншеями-же позиція, повидимому, была изборождена во всѣхъ направленіяхъ». При такихъ условіяхъ новая атака легко могла привести насъ къ новой неудачѣ и шансы на успѣхъ, какъ намъ кажется, были бы крайне шатки.

Ред.

## I.

Послѣ восточной войны нашей 1877—1878 гг. не только въ средѣ лицъ военныхъ, но и въ обществѣ часто вспоминаются разные эпизоды войны, обсуждаются отдѣльные фазисы ея, а въ связи съ ними возникаютъ, конечно, какъ похвалы однихъ, такъ и нареканія на другихъ лицъ изъ числа дѣятелей и участниковъ. Къ числу эпизодовъ, вызывающихъ такія нареканія, принадлежитъ неудавшійся лѣтній походъ на Соганлугскій хребетъ и Зивинское сраженіе на Кавказскомъ театрѣ войны. Сужденія объ этомъ походѣ и сраженіи основывались почти исключительно на современныхъ событіяхъ корреспонденціяхъ, посылаемыхъ лицами, не могшими знать, въ минуту отправки своихъ писемъ, ни истиннаго положенія дѣлъ, ни дѣйствительнаго участія многихъ лицъ, дѣйствій которыхъ касались ихъ корреспонденціи. Сужденія, основанныя на неполномъ знаніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ какое-либо событіе, не заслуживаютъ особаго вниманія, хотя бы они и вызывали нареканія на отдѣльныхъ дѣятелей. Такія сужденія имѣютъ лишь интересъ минуты и какъ только истинное положеніе дѣлъ выясняется, значеніе ихъ уничтожается само собою. Другое дѣло официальное донесеніе лицъ, непосредственно руководившихъ извѣстнымъ событіемъ. Про донесенія эти нельзя сказать, чтобы они были написаны при той долѣ неувѣренности, какая присуща газетному корреспонденту; но за то они обладаютъ другимъ, не менѣе важнымъ, недостаткомъ, если дѣло касается какой-либо неудачи; тутъ является весьма естественное желаніе представить свои собственныя дѣйствія въ наиболѣе благоприятномъ видѣ. Вотъ почему и этотъ источникъ не можетъ служить для правильныхъ заключеній объ описываемомъ въ немъ событіи и правдивые выводы могутъ явиться только впоследствии, когда появляются разсказы и описанія участниковъ, пополняющіе пробѣлы, о которыхъ было умалчиваемо въ официальныхъ донесеніяхъ.

Литература прошлой нашей войны на азиатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій еще очень не богата. Но въ числѣ относящихся къ ней отдѣльныхъ сочиненій упомяну о трудѣ генерала Кишмишева «Война въ Турецкой Арменіи 1877—1878 годовъ», изд. 1884 года.

Этотъ трудъ, претендующій на безпристрастное историческое изслѣдованіе военныхъ дѣйствій, веденныхъ по операціоннымъ линіямъ Александрополь—Карсъ—Ардаганъ—Эрзерумъ и Эриванъ—Баязетъ—Эрзерумъ, не чуждъ тѣхъ недостатковъ, которые можно ожидать отъ

участника, желающаго, гдѣ можно, выставить собственное я и, гдѣ можно, прикрыть свои промахи, отнеся ихъ на долю другихъ. Но это еще не столь значительно повліяло бы на достоинство сочиненія, такъ какъ авторъ, исполняя при штабѣ дѣйствующаго корпуса обязанности штабъ-офицера надъ колонновожатыми, низвелъ эти обязанности до завѣдыванія только лазутчиками, которые вводили лишь въ заблужденіе. Правдивость изложенія и правильное освѣщеніе фактовъ, говорю, отъ такого желанія автора не много бы пострадали, ибо участіе его въ веденіи военныхъ дѣйствій не выходило изъ тѣснаго круга его лазутчиковъ. Но сочиненіе это обладаетъ гораздо большимъ недостаткомъ, именно — желаніемъ, во что бы то ни стало, представить дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ безукоризненными, отнеся многое на чужія головы. Ставъ на такую точку зрѣнія, авторъ прибѣгаетъ къ неправильному изложенію фактовъ и даже къ ихъ извращенію, что значительно ровняетъ достоинство его труда въ смыслѣ солиднаго военно-историческаго матеріала. Чтобы не быть голословнымъ въ своемъ отзывѣ о трудѣ генерала Кишмишева, въ настоящей статьѣ я коснусь нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненія, соответствующихъ указаннымъ недостаткамъ, при описаніи имъ лѣтней Соганлугской экспедиціи и боѣ при Зивинѣ, которымъ и посвящаю настоящей очеркъ.

Упомянулъ здѣсь о сочиненіи генерала Кишмишева единственно потому, что у каждаго читающаго невольно зарождается мысль, что въ такомъ серьезномъ трудѣ, какъ историческое описаніе одной изъ славныхъ страницъ въ исторіи Россіи вообще и кавказской арміи въ частности, у автора, бывшаго очевидцемъ всего описываемаго и при томъ имѣвшаго широкую возможность пользоваться всѣми официальными данными, не можетъ явиться какихъ либо предвзятыхъ идей и потому у читателя естественно является убѣжденіе въ вѣрности и точности всего изложеннаго; между тѣмъ генералъ Кишмишевъ, въ своемъ описаніи Соганлугской экспедиціи, возводитъ на меня обвиненія въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя чуть ли не были причинами неудачи и при томъ вкладываетъ въ мои уста такіе доклады, которые были замышлены имъ на досугъ, вѣроятно, когда онъ писалъ свое сочиненіе, и тѣмъ выставляя свои собственныя заслуги, какъ колонновожатаго, доставлявшаго, съ кликою своихъ лазутчиковъ, «неопровержимо вѣрныя данныя». Генералъ Кишмишевъ, вѣроятно, полагалъ, что такія обвиненія тѣмъ легче возвести на лицо, на которое уже возводились они съ легкой руки корреспондента газеты «Голось», нѣкоего г. Градовскаго, отличавшагося въ своихъ корреспонденціяхъ особенною легкостью отношеній ко всякому событію,



за описаніе котораго онъ принимался. Такому талантливому корреспонденту не стоило никакого труда объяснить съ неопровержимостью, свойственною отдаленному по времени историку-исследователю, причины и послѣдствія всякаго совершающагося на его глазахъ факта, благо корреспонденціи его отъ этого выходили многорѣчивы и хорошо оплачивались его патрономъ. Съ легкой руки этого корреспондента, подхватившаго на лету обвиненія, сыпавшіяся на меня отъ двухъ-трехъ лицъ за неудачный исходъ Зивинскаго сраженія, и включившаго эти обвиненія въ свои письма въ редакцію «Голоса», возникли уже дальнѣйшія нареканія на меня, какъ въ средѣ военнаго сословія, такъ и въ обществѣ. Такимъ голословнымъ нареканіямъ я не давалъ никакой цѣны, понимая, что они есть явленіе минуты и разрушатся сами собой съ появленіемъ въ печати серьезныхъ историческихъ изслѣдованій и мемуаровъ участниковъ. Съ изданіемъ же генераломъ Кишмишевымъ своего труда, я счелъ необходимымъ высказаться по поводу такихъ нареканій и изложить въ настоящей статьѣ свое участіе въ лѣтней Соганлугской экспедиціи, ограничивая при этомъ описаніе самой экспедиціи только тѣмъ, что можетъ относиться прямо или косвенно къ моему въ ней участію.

## II.

Для лучшаго уясненія цѣли экспедиціи на Соганлугскій хребетъ, предпринятой частью главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, именно отрядомъ генералъ-лейтенанта Геймана, необходимо коснуться расположенія нашихъ войскъ въ концѣ мая 1877 г. и свѣдѣній, которыя имѣлись у насъ о расположеніи непріятеля.

Въ концѣ мая 1877 г. главныя силы корпуса были сосредоточены вокругъ Карса, овладѣніе которымъ и составляло ближайшую цѣль ихъ дѣйствій. По имѣвшимся въ корпусномъ штабѣ свѣдѣніямъ Мухтаръ-паша сосредоточилъ часть своихъ войскъ на Соганлугскомъ хребтѣ, окаймляющемъ съ запада и юго-запада верхне-карскую равнину; другую часть своихъ войскъ турецкій главнокомандующій имѣлъ въ Алашкертской равнинѣ, въ востокъ отъ хребта Драмъ-дага, раздѣляющаго эту равнину отъ долины Аракса и отдѣляющагося отъ Соганлугскаго хребта рѣкою Араксомъ. Кромѣ того Мухтаръ-паша энергически занятъ былъ формированіемъ новыхъ батальоновъ у себя въ тылу, въ крѣпости Эрзерумъ, часть которыхъ, уже сформированныхъ, была расположена въ отдѣльныхъ пунктахъ на пути сообщеній съ

Эрзерумомъ обонихъ его отрядовъ: Соганлугскаго и Алашкертскаго. Такимъ образомъ Мухтаръ-паша съ каждымъ днемъ получалъ все большую и большую возможность усилить свой Соганлугскій отрядъ вновь формируемыми батальонами и частью войскъ, расположенныхъ въ Алашкертской долинь, противъ отряда генерала Тергукасова, и, спустившись съ Соганлугскихъ горъ въ Карсскую равнину, оказать поддержку карсскому гарнизону, помѣшавъ непрерывному ходу нашихъ осадныхъ работъ подъ Карсомъ. Такое движеніе тѣмъ легче было исполнить Мухтару-пашѣ, что, оставивъ противъ генерала Тергукасова даже незначительныя силы, онъ нисколько не рисковалъ за свой тылъ при движеніи въ Карсскую равнину, такъ какъ къ югу отъ Баазета, въ городѣ Ванѣ, формировался отдѣльный отрядъ, съ небольшимъ кадромъ изъ низама (регулярнаго войска), преимущественно изъ мѣстныхъ курдовъ, для дѣйствій въ тылъ генерала Тергукасова, на его базу—Эриванскую равнину и городъ Ваязетъ и, такимъ образомъ, генераль Тергукасовъ связанъ былъ въ своихъ наступательныхъ операціяхъ, давая тѣмъ свободу въ дѣйствіяхъ Соганлугскому обсервационному отряду Мухтара-паша къ сторонѣ Карса.

Карскій гарнизонъ, получая записки Мухтара-паша ободряющаго содержанія, съ общаніями въ непродолжительномъ времени появиться на помощь, поддерживалъ въ себѣ духъ сопротивленія въ ожиданіи такой помощи. Необходимо было лишить обсервационный отрядъ Мухтара-паша возможности оказать фактическую поддержку Карсу, хотя-бы на короткое время, за которое предполагалось заложить осадныя батареи, для бомбардированія крѣпости и овладѣнія ею, затѣмъ, штурмомъ, по примѣру того, какъ взята была крѣпость Ардаганъ. Парализовать дѣйствіе къ сторонѣ Карса Мухтара-паша не представлялось возможнымъ отдѣленіемъ противъ него части войскъ, осаждавшихъ Карсъ, такъ какъ въ осадномъ отрядѣ войскъ и безъ того было крайне ограниченное число. Оставалось прибѣгнуть къ воздѣйствію со стороны генерала Тергукасова, отъ котораго получилось въ корпусномъ штабѣ въ концѣ мая донесеніе (журналъ военныхъ дѣйствій за истекшую недѣлю), съ описаніемъ занятія 23 мая Кара-Килисы, оставленной турками, и предшествовавшей этому занятію рекогносцировки кавалерійскаго отряда отъ монастыря Сурпъ-Оганеза въ Мохаметову долину, лежащую къ югу отъ Баазета, за переваломъ горъ, окаймляющихъ этотъ городъ, для выясненія доходившихъ до генерала Тергукасова слуховъ о движеніи турецкаго Ванскаго отряда къ сторонѣ Баазета. Рекогносцировкой этою выяснено, что въ Мохаметовой долинь никакихъ турецкихъ войскъ нѣтъ. Итакъ, съ одной стороны—отступление отъ генерала Тергукасова турецкихъ войскъ изъ Кара-килисы,

ближе къ Драмъ-дагу, какъ бы показывало желаніе Мухтара-паши сосредоточить на Соганлугѣ наибольшее количество войскъ для созданія достаточно сильнаго observational отряда и тѣмъ подтвержда-лось предположеніе о намѣреніи его предпринять наступательныя дѣйствія, для поддержки Карскаго гарнизона; а съ другой стороны—отсутствіе войскъ въ Мохаметовой долині, позволившее генералу Тергукасову продвинуться отъ монастыря Сурпъ-Оганеза впередъ, для занятія Кара-килисы, показывало медленное формированіе турецкаго Ванскаго отряда и, слѣдовательно, безопасность, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, тыла генерала Тергукасова, дававшую возможность воспользоваться его отрядомъ, для удержанія на Соганлугѣ Мухтара-паши, пока не опредѣлятся предпринятія подь Карсомъ осадныя работы, долженствовавшія закончиться штурмомъ. Въ этихъ видахъ къ генералу Тергукасову былъ командированъ находившійся при корпусномъ штабѣ нашъ военный агентъ въ Константинополь полковникъ генеральнаго штаба Зеленый, съ категорическимъ приказаніемъ генералу Тергукасову продвинуться съ его отрядомъ какъ можно больше впередъ, занявъ хребетъ Драмъ-дагъ, съ цѣлью отвлечь на себя вниманіе Мухтара-паши и тѣмъ способствовать болѣе успѣшному ходу осадныхъ операций подь Карсомъ, которымъ Мухтаръ-паша уже не могъ бы угрожать своимъ наступленіемъ съ Соганлуга.

Не буду касаться рискованности для небольшого отряда генерала Тергукасова такого, выдвинутаго далеко отъ своей базы, положенія, рискованности, могшей до нѣкоторой степени уменьшиться въ случаѣ нашего успѣха подь Карсомъ и могшей перейти въ критическое положеніе въ случаѣ нашего неуспѣха. Скажу только, что генералъ Кишмишевъ въ своемъ историческомъ трудѣ вовсе умалчиваетъ о мотивахъ, побудившихъ генерала Тергукасова, бросивъ свой тылъ, подставить себя подь удары сосредоточенныхъ Мухтаромъ-пашей войскъ, предназначенныхъ имъ, повидимому, для другой цѣли. Умалчивая объ этомъ, авторъ, тѣмъ самымъ, выставляетъ фактъ не въ томъ видѣ, какъ онъ въ дѣйствительности былъ, а въ такомъ видѣ, какъ будто бы генералъ Тергукасовъ выдвинулся такъ рискованно впередъ по собственной инициативѣ, пренебрегая прикрытіемъ границъ Эриванской губерніи и удержаніемъ Ваязета, т. е. главными цѣлями, для коихъ предназначался его отрядъ. Авторъ не можетъ сказать, чтобы ему остались неизвѣстными изложенныя мною обстоятельства наступательнаго движенія генерала Тергукасова, такъ какъ онъ, т. е. авторъ, пользовался официальными источниками и, слѣдовательно, не могъ пропустить командировки полковника Зеленаго,

как равно не мог не прочесть предписанія генералу Тергукасову, которое привезъ ему полковникъ Зеленый; наконецъ, какъ мнѣ извѣстно, самъ авторъ неоднократно участвовалъ въ разговорахъ по поводу истиннаго значенія наступленія генерала Тергукасова, поставившаго какъ его отрядъ, такъ и Баязеть въ самое критическое положеніе, изъ котораго этотъ достойный генералъ вышелъ съ честью только благодаря необыкновенной стойкости и храбрости его войскъ, непреклонной волѣ, высокимъ своимъ военнымъ дарованіямъ и распорядительности его начальника штаба полковника Филипова, въ выборѣ оборонительныхъ позицій и самаго направленія при отступленіи, въ теченіи нѣсколькихъ дней, при непрерывномъ боѣ съ преслѣдовавшими отрядъ турецкими войсками. Выходитъ, что авторъ умышленно умолчалъ объ этомъ; а такое умышленное умолчаніе со стороны историка граничитъ съ извращеніемъ истины, т. е. составляетъ недостатокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящей статьи.

Перейду теперь къ тому, что дѣлалось подъ Карсомъ, въ связи съ наступательнымъ движеніемъ отряда генерала Тергукасова.

Почти вслѣдъ за отъѣздомъ изъ корпуснаго штаба полковника Зеленаго, послѣдовавшимъ 31-го мая или 1-го іюня, сношенія съ генераломъ Тергукасовымъ совершенно прекратились; сношенія эти производились съ большими затрудненіями и крайнимъ рискомъ даже при самомъ отъѣздѣ полковника Зеленаго, что можно видѣть изъ того, что обсуждалось какимъ путемъ можно бы направить этого штабъ-офицера, какъ для болѣе вѣрнаго достиженія имъ отряда, такъ и для скорѣйшаго доставленія инструкцій. Совершенное прекращеніе сообщеній съ генераломъ Тергукасовымъ указывало уже на критическое его положеніе; въ виду этого рѣшено было какъ можно болѣе ускорить ходъ дѣлъ подъ Карсомъ и потому заложене осадныхъ батарей и вооружене ихъ назначено въ день прибытія въ лагерь осадныхъ орудій изъ крѣпости Александрополя, именно въ ночь съ 2-го на 3-е іюня. Однако, по разнымъ недоразумѣніямъ, заложене это оказалось неудавшимся; оставалось или назначить для него другую ночь, или вовсе отказаться отъ овладѣнія Карсомъ, не покончивъ предварительно съ обсерваціоннымъ отрядомъ Мухтара-паши, который приобрѣталъ еще болѣе угрожающее значеніе въ случаѣ, если бы онъ одолѣлъ небольшія силы, бывшія у генерала Тергукасова; а что съ этими силами дѣлалось что-то недоброе, объ этомъ можно было догадываться изъ потери всякой возможности какъ получить отъ него извѣстіе, такъ и отправить къ нему кого-нибудь. Съ другой стороны, слишкомъ большая послѣдствіе въ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ не

дозволяла въ достаточной степени подготовить предполагавшійся штурмъ, который поэтому и не могъ внушать особой надежды на успѣхъ; а между тѣмъ каждый день отяжки могъ грозить катастрофою отряду генерала Тергукасова. Въ этихъ соображеніяхъ возникла рѣшимость немедленно-же оказать помощь Эриванскому отряду движеніемъ на Соганлугъ отряда генерала Геймана, расположеннаго къ югу отъ Карса, т. е. къ сторонѣ Соганлугскаго хребта, оставивъ наблюденіе за крѣпостью на другой отрядъ—генерала Девеля, расположенный къ сѣверу отъ Карса, при коемъ находился и штабъ его высочества главнокомандующаго. Слѣдовательно, цѣль движенія отряда генерала Геймана заключалась уже не въ томъ только, чтобы обезпечить операціи подъ Карсомъ, но ближайшимъ образомъ въ выручкѣ генерала Тергукасова, который, по расчету времени, долженъ былъ находиться въ горахъ Драмъ-дага, а по соединеніи съ нимъ, въ отгѣсненіи, совокупными силами, Мухтара-паши съ Соганлугскаго хребта, гдѣ онъ занималъ, какъ тогда было извѣстно, укрѣпленную позицію при Зивинѣ. Окончательная рѣшимость на это принята была 6-го іюня.

### III.

Подъ вечеръ 6-го іюня 1877 г., совершенно случайно зайдя въ палатку завѣдывавшаго топографическою частью капитана Нипоркина, я засталъ его въ суетѣ за розысканіемъ картъ кратчайшаго направленія между Карсомъ и хребтомъ Драмъ-дагъ, и отъ него узналъ о рѣшимости отправить значительный отрядъ, изъ всѣхъ родовъ оружія, отъ Карса на усиленіе генерала Тергукасова, по дорогѣ черезъ деревни Тихнисъ, Гечеванъ, на деревню Чюрукъ, съ переправой черезъ рѣку Араксъ передъ этой послѣдней деревней. Самъ я не изслѣдовалъ этой дороги, но, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, добытымъ мною еще въ 1875 году, зналъ, что она неудовлетворительна.

Узнавъ отъ капитана Нипоркина, что дорогу эту рекогносцировалъ въ 1873 году полковникъ Малама, бывшій начальникомъ штаба 1-й кавказской кавалерійской дивизіи и въ данную минуту находившійся въ лагерѣ этой дивизіи, не вдалекѣ отъ расположенія корпуснаго штаба, я тотчасъ-же отправилъ къ нему записку, въ которой просилъ его пріѣхать ко мнѣ немедля.

По пріѣздѣ полковника Маламы я узналъ отъ него, что избранная дорога, для движенія значительнаго отряда къ Тергукасову, между деревнями Тихнисъ и Гечеванъ, проходить по топкому болоту; спускъ-же

къ рѣкѣ Араксу въ такомъ плохомъ состояніи, что считается почти невозможнымъ даже для мѣстныхъ двухколесныхъ аробъ, а по переходѣ черезъ рѣку Араксъ бродомъ поднимается къ деревнѣ Чюрузъ на отроги Драмъ-дага уже не дорогой, а тропинкой и при томъ настолько крутой и каменистой, что полковникъ Малама, проѣзжая по немъ во время своей рекогносцировки, не рѣшился спуститься верхомъ, а долженъ былъ спѣшиться и вести лошадь въ поводу.

Очевидно, выборъ этой дороги былъ сдѣланъ безъ справокъ съ состояніемъ ея, а былъ основанъ только на проведенной на картѣ чертѣ, означающей дорогу, и на томъ, что дорога эта составляла наикратчайшее разстояніе между Карсомъ и предполагаемымъ расположеніемъ отряда генерала Тергуасова.

Зная, что посылаемый отрядъ предназначается для облегченія критическаго положенія генерала Тергуасова и понимая, что такое облегченіе не заключается только въ непремѣнномъ соединеніи его съ отрядомъ генерала Тергуасова, я предложилъ полковнику Маламѣ совершенно другое направленіе для движенія командимаго отряда, именно: черезъ Бегли-Ахметъ, на Сарыкамышъ, Верхній и Нижній Меджингертъ, съ переправой черезъ рѣку Араксъ въ бродъ у деревни Алиджекрекъ и далѣе на деревню Дели-баба, въ тылъ расположенныхъ на Драмъ-дагѣ турецкихъ войскъ. Убѣдясь, что полковникъ Малама совершенно раздѣляетъ мой взглядъ, я предложилъ ему вмѣстѣ со мной отправиться сейчасъ-же къ начальнику корпуснаго штаба, генералу Духовскому и, объяснивъ всю невозможность съ значительнымъ отрядомъ слѣдовать по избранной дорогѣ, предложить операционную линію на Сарыкамышъ, Меджингертъ и Дели-баба. Вмѣстѣ съ полковникомъ Маламой мы сдѣлали такое предложеніе генералу Духовскому, заставъ его за разсмотрѣніемъ картъ Соганлугскаго хребта и Драмъ-дага. Тутъ-же возникъ разговоръ и о значительномъ турецкомъ отрядѣ, расположенномъ на укрѣпленной Зивинской позиціи, могущемъ оперировать во флангъ нашему отряду при наступленіи его отъ Сарыкамыша до Дели-баба. Генераль Духовской выразилъ мнѣніе о возможности, не наступая до деревни Дели-баба, атаковать Зивинскую позицію и тѣмъ заставить дѣйствующихъ противъ генерала Тергуасова турецкія войска немедленно отступить, для прикрытія своего сообщенія съ Эрзерумомъ и для соединенія съ Зивинскимъ отрядомъ.

Зная труднодоступность Зивинской позиціи, даже безъ усиленія ея укрѣпленіями, я и полковникъ Малама указали на это генералу Духовскому и я предложилъ, вмѣсто атаки ея съ фронта, обойти съ юга, переправаясь черезъ рѣку Араксъ у деревни Алиджекрекъ

и направивъ движеніе по дорогѣ вдоль Аракса на деревню Хоросанъ, т. е. по прямому и кратчайшему пути на Эрзерумъ, представивъ при этомъ свои доводы къ тому, что турки не останутся на своей позиціи, видя наше направленіе на совершенно беззащитную крѣпость Эрзерумъ, для нихъ даже болѣе важную, чѣмъ Карсъ.

Во время этого разговора въ палатку генерала Духовскаго вошелъ корпусный командиръ, которому генераль объяснилъ наше присутствіе и добавилъ, что я нахожу атаку Зивинской позиціи невозможной, по ея труднодоступности. Корпусный командиръ, соглашаясь совершенно съ выборомъ направленія на Сарыкамышъ, выражалъ сомнѣніе по поводу моихъ доводовъ о невозможности атаки Зивинской позиціи. Полковникъ Малама былъ тутъ-же въ палаткѣ, но не принималъ уже никакого участія въ разговорѣ и мнѣ одному пришлось отстаивать передъ корпуснымъ командиромъ какъ выгоды обхода, такъ и невозможность атаки Зивина, мотивируя, между прочимъ, послѣднее тѣмъ, что хотя бы нашимъ войскамъ и удалось сбить турокъ съ этой позиціи, но что мы при этомъ можемъ понести такіа значительныя потери, которыя не вознаградятъ нашего успѣха; наконецъ, привелъ, какъ авторитетъ, отзывъ о силѣ и недоступности Зивинской позиціи бывшаго въ войну 1853—1855 годовъ главнокомандующимъ генерала Н. Н. Муравьева, прекрасныя мемуары котораго объ этой войнѣ вышли въ концѣ 1876 года. Послѣ этого корпусный командиръ вышелъ изъ палатки генерала Духовскаго, а вслѣдъ за нимъ удалились я и полковникъ Малама.

Окончательный выборъ операціоннаго направленія для движенія отряда генерала Геймана на Сарыкамышъ, оба Меджингерта и Алиджекрекъ, утвержденный главнокомандующимъ, съ тѣмъ, чтобы дальше дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами, или въ тылъ войскъ Мухтара-паши на Дели-баба, или въ обходъ Зивинской позиціи на Хоросанъ, повидимому, былъ результатомъ совмѣстнаго доклада объ этомъ моего и полковника Маламы.

## IV.

Выступленіе отряда генерала Геймана назначено было на 9-е іюня 1877 г. Часть корпуснаго штаба прибыла въ лагерь генерала Геймана 8-го іюня къ вечеру.

Предъ выступленіемъ корпуснаго штаба, около 2 часовъ дня 8-го іюня, корпуснымъ командиромъ была получена телеграмма эриванскаго военнаго губернатора, сообщавшая весьма тревожныя извѣстія относительно положенія Баязета; извѣстія эти тѣмъ болѣе встревожили корпуснаго командира, что въ корпусномъ штабѣ не знали въ точности числительности гарнизона Баязета, а для усиленія его рѣшительно не оставалось никакихъ войскъ; паденіе же его и наступленіе турокъ въ предѣлы Эриванской губерніи грозили волненіемъ въ средѣ мусульманскаго населенія какъ этой губерніи, такъ даже и сосѣдней съ нею — Елисаветпольской.

Переночевавъ близъ деревни Верхн. Котанлы, отрядъ генерала Геймана 10-го іюня вытанулся дальше двумя колоннами, при чемъ правая слѣдовала черезъ деревни Халавчиъ, Тозанлу, Карахамза, на Сарыкамышъ, а лѣвая — по другой, параллельной этой, дорогѣ, соединявшейся съ правою у деревни Ель-гечмешъ. Справа, со стороны Соганлугскаго хребта, двигалась кавалерія, наблюдавшая боковыя ущелья, съ выходившими по нимъ въ верхне-Карсскую равнину дорогами. При правой колоннѣ, какъ двигавшейся по лучшей дорогѣ, находился провіантскій обозъ и парки; при ней-же находился и корпусный штабъ. Но тутъ видимо случилось недоразумѣніе: штабъ-офицеръ надъ вожатыми, полковникъ Кишмишевъ, съ своими лазутчиками-проводниками, завелъ колонну на дорогу съ такими топкими болотистыми ручьями, что нужно было много времени и силъ солдата, чтобы вытаскивать изъ этихъ топей каждую телѣгу на рукахъ; мало помогали даже фашинны, въ изобиліи набрасываемыя въ болотныя мѣста дороги: телѣги все-таки грузли и даже опрокидывались, рассыпая весь свой грузъ. Между тѣмъ по рядомъ пролежавшей лѣвой дорогѣ войска двигались прекрасно и безостановочно. Корпусный командиръ, на глазахъ котораго загрузали и даже опрокидывались телѣги, остался крайне недоволенъ отборными проводниками полковника Кишмишева и сдѣлалъ ему рѣзкое замѣчаніе. Вообще полковникъ Кишмишевъ не былъ счастливъ въ выборѣ проводниковъ: ему не разъ приходилось испивать чашу неудовольствія корпуснаго командира.



## V.

По прибытіи корпуснаго штаба на мѣсто ночлега, у деревень Верхн. и Нижн. Сарыкамышъ, я получилъ приказаніе отъ начальника корпуснаго штаба, генерала Духовскаго, какъ только прибудетъ къ этимъ деревнямъ кавалерія, тотчасъ-же отправиться на рекогносцировку по дорогѣ отъ Сарыкамыша на деревню Сиръ-бассанъ, лежащую на большой дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ, черезъ укрѣпленную позицію Зивинъ, и находящуюся въ глубинѣ Согоанлугскаго хребта, близъ главныхъ его вершинъ. Цѣлью рекогносцировки было опредѣленіе турецкихъ войскъ, занимавшихъ эту дорогу и, главное, разузнаніе о силахъ турокъ, расположенныхъ у Зивина и у Дели-баба. Въ виду того, что при этой рекогносцировкѣ приходилось сдѣлать болѣе 40 верстъ, мнѣ приказано было возвратиться къ утру и постараться доложить о результатѣ ея до отъѣзда корпуснаго командира съ ночлега.

Приказаніе это было мною получено подъ вечеръ и такъ какъ кавалерія еще не приходила на ночлегъ, то приходилось ожидать. Въ сумерки, наконецъ, явилась и кавалерія; я обратился къ начальнику ея — генералу князю Чавчавадзе, прося его назначить для рекогносцировки какую-либо часть. Назначеніе это, однако, состоялось не скоро: въ виду утомленія кавалеріи, высланной въ этотъ день, во время своего движенія отъ Энгичло къ Сарыкамышу, боковые разъѣзды, для осмотра, какъ выше упомянуто, ущелій Согоанлугскаго хребта, князь Чавчавадзе желалъ дать хоть сколько-нибудь отдохнуть утомленнымъ конямъ. Назначенная часть — одинъ эскадронъ Сѣверскаго драгунскаго полка и полъ-сотни Александропольскаго конно-иррегулярнаго полка (состоящаго исключительно изъ мѣстныхъ жителей — карапаховъ Александропольскаго уѣзда и частью даже изъ занятыхъ нашими войсками мѣстностей Карсскаго санджака), была готова къ выступленію едва только къ 10 час. ночи.

Съ такими утомленными конями мнѣ предстояло сдѣлать 20 верстъ по горной дорогѣ, въ совершенно темную ночь и стараться до разсвѣта быть уже въ Сиръ-бассанъ съ тѣмъ, чтобы я не былъ заблаговременно открытъ турецкими аванпостами и чтобы часамъ къ 8 утра я могъ возвратиться къ Сарыкамышу, проѣхавъ обратно тѣ-же 20 верстъ. Встанувшись въ ущелье, по которому протекалъ обильный водою горный ручей, пришлось сдѣлать остановку, чтобы напоить лошадей. Затѣмъ движеніе происходило безостановочно, хотя и не съ желаемою скоростью.

На самомъ разсвѣтѣ 11-го іюня я достигъ Сиръ-бассана, лежащаго на склонѣ ущелья, недалеко отъ большой Эрзерумской дороги. Въ деревнѣ этой не оказалось турецкихъ войскъ, а ближайшіе кавалерійскіе аванпосты были расположены верстахъ въ двухъ, въ деревнѣ Ени-кѣй. Въ Сиръ-бассанѣ мною допрошенъ былъ отставной турецкій маіоръ, членъ меджлиса (совѣта), казы (уѣзда) Бардусъ, возвращавшійся домой изъ Зивина, куда ѣздилъ по требованію мюшира Измаила-паши, для полученія распоряженій по заготовкѣ въ Бардусѣ продовольствія для войскъ зивинскаго лагеря. Маіоръ этотъ показалъ, что, при отъѣздѣ его изъ Зивина, наканунѣ утроемъ, т. е. 10-го іюня, тамъ никто еще не зналъ о нашемъ движеніи къ Соганлугу, что, впрочемъ, подтверждалось и расположеніемъ турецкихъ аванпостовъ по большой эрзерумо-каресской дорогѣ, а не по той, гдѣ двигался отрядъ генерала Геймана; что на Зивинѣ командуетъ войсками эрзерумскій вали мюширъ Измаиль-паша, а противъ Тергукасова начальствуетъ самъ Мухтаръ-паша; что послѣдній нѣсколько дней назадъ взялъ отъ Измаила-паши къ себѣ часть войскъ; что у Измаила-паши теперь осталось 10 батальоновъ пѣхоты и 12 орудій, изъ числа которыхъ 4 горныхъ и 8 полевыхъ; что недалеко отъ Зивина есть еще войска, но сколько и какія—онъ не знаетъ, и что кавалеріи у Измаила-паши мало. Больше невозможно было ничего допытаться у испуганнаго неожиданностью нашего появленія маіора. Между тѣмъ бывшій въ деревнѣ Ени-кѣй турецкій постъ замѣтилъ наше появленіе у Сиръ-бассана и на ихъ аванпостахъ поднялась тревога. Пользуясь совершенно неожиданнымъ для турокъ нашимъ появленіемъ со стороны, отсюда они, судя по расположенію аванпостной цѣпи и заставъ, не ожидали нашихъ войскъ и видя незначительное число бывшей въ Ени-кѣй кавалеріи — около  $\frac{1}{2}$  эскадрона, я хотѣлъ было атаковать этотъ турецкій постъ, для того, чтобы, черезъ плѣнныхъ, добыть болѣе подробныя свѣдѣнія; но крайнее утомленіе лошадей и людей, возможность появленія раненыхъ, съ которыми пришлось-бы значительно задержаться при обратномъ движеніи и не успѣть къ сроку возвратиться для присоединенія къ своей части, удержали меня отъ этого намѣренія и потому пришлось удовольствоваться добытыми отъ турецкаго маіора свѣдѣніями, тѣмъ болѣе, что, по расчету времени, я могъ успѣть въ лагерь къ назначенному сроку только при обратномъ движеніи переменнымъ аллюромъ, что представлялось рѣшительно невозможнымъ все по тому-же утомленію коней. Возвращаться приходилось не только шагомъ, но даже частью слѣшивъ людей, а три лошади были настолько утомлены, что съ нихъ пришлось снять и сѣдла. Эскадронный командиръ вынужденъ былъ сдѣлать привалъ,

для отдыха лошадей и подкрѣпленія ихъ, хотя нѣсколько, пастью; я-же спѣшилъ присоединиться къ корпусному штабу и потому, оставивъ кавалерію въ горахъ, продолжалъ обратный путь дальше одинъ. Возвратившись къ Сарыкамышу, я не засталъ уже корпуснаго командира, только что, впрочемъ, выѣхавшаго.

Генераль Кишмишевъ въ своемъ трудѣ говорить, что мною доложено было корпусному командиру, что на Зивинской позиціи всего 8 батальоновъ, 12 орудій и нѣсколько сотенъ башибузуковъ. Полагаю, мнѣ не было никакой цѣли докладывать не то, что я узналъ въ Сиръ-бассанѣ отъ турецкаго маіора; допросъ-же этого маіора производился мною черезъ переводчика и въ присутствіи офицеровъ эскадрона Сѣверскаго драгунскаго полка, на которыхъ могу сослаться въ вѣрности заявляемаго здѣсь числа 10 батальоновъ, а не 8. То же самое можно сказать и о нѣсколькихъ сотняхъ башибузуковъ. Впрочемъ, это существеннаго значенія не имѣетъ. Вопросъ не въ томъ—было-ли на Зивинской позиціи 8 батальоновъ или 10; имѣлъ-ли Измаиль-паша немного кавалеріи или нѣсколько сотенъ башибузуковъ; значеніе привезенныхъ мною свѣдѣній заключалось въ томъ: 1) что главныя силы турокъ были сосредоточены не на Зивинѣ, а у Мухтара-паши на Драмъ-дагѣ; 2) что кромѣ войскъ на Зивинской позиціи были еще невдалекѣ войска, которыми Измаиль-паша могъ усилиться раньше соединенія съ нимъ Мухтара-паши; 3) что Измаиль-паша утромъ 10 іюня еще не зналъ вовсе о нашемъ движеніи, иначе ему не было цѣли дѣлать распоряженія о заготовкѣ для своихъ войскъ запасовъ продовольствія въ Бардусѣ, которыми онъ могъ-бы и не воспользоваться въ случаѣ движенія нашихъ войскъ; 4) что если Измаиль-паша предполагалъ возможность нашего движенія, то ожидалъ его не по дорогѣ на Сарыкамышъ и Меджингертъ, а по большой эрзерумо-карсской дорогѣ, со стороны главнаго перевала черезъ Соганлугскій хребетъ и деревень Ены-кѣй и Караурганъ, гдѣ и имѣлъ свои аванпосты, и 5) что вообще силы Измаила-паши, до соединенія его съ Мухтаромъ-пашей, значительно уступали численности отряда генерала Геймана—17 батальоновъ, 42 эскадрона и сотенъ, при 64 орудіяхъ.

Генераль Кишмишевъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ сдѣлать эти выводы изъ моей рекогносцировки; склоненъ, конечно, принять послѣднюю причину и думаю, что по ней онъ и не помѣстилъ ихъ на страницы своего историческаго матеріала; но корпусный командиръ и въ особенности начальникъ отряда генераль Гейманъ, какъ это впоследствии мнѣ сдѣлалось извѣстно отъ него лично, воспользовались результатомъ этой рекогносцировки въ полной мѣрѣ.

Въ подтвержденіе того, что сирь-бассанскій маіоръ опредѣлилъ довольно вѣрно числительность войскъ, бывшихъ въ распоряженіи Измаила-паша въ утру 10 іюня, можетъ служить добытое самимъ авторомъ, полковникомъ Кишмишевымъ, отъ перехваченнаго имъ у Верхн. Меджингерта горца, вечеромъ 11 іюня—свѣдѣніе о томъ, что 11-го на Зивинѣ было только 14 батальоновъ, 18 орудій и 5 или 6 сотенъ кавалеріи, т. е. значить, что за 10 и 11 іюня Измаиль-паша, узнавъ о нашемъ движеніи, поторопился присоединить къ себѣ ближайшія къ Зивину войска, усилившись примѣрно на 4 батальона и 6 орудій.

## VI.

11 іюня къ вечеру корпусный командиръ, опередивъ войска, прибылъ на плоскую возвышенность Мели-дюзъ и тутъ всё ясно увидѣли два лагера у Дели-бабы и нѣсколько лагерей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Зивинской позиціи. Отдавъ приказаніе о расположеніи войскъ на Мели-дюзъ и выславъ часть кавалеріи къ селенію Верхній Меджингертъ, корпусный командиръ, съ своимъ штабомъ, спустился съ Мелидюза и расположился на покатоности близь дороги къ Верхн. Меджингерту. Прибытія обоза и разбивки лагеря пришлось ожидать довольно долго. Во время этого ожиданія корпусный командиръ обратился ко мнѣ съ разспросами о бродѣ черезъ Араксъ у деревни Алиджекрекъ. Я доложилъ ему, что изслѣдовалъ этотъ бродъ въ началѣ сентября 1875 года и нанесъ на планъ дорогу отъ Дели-баба, черезъ Алиджекрекъ до Нижняго Меджингерта; при чемъ на этомъ планѣ, въ детали, былъ нанесенъ, въ масштабѣ 10 саж. въ дюймѣ, бродъ черезъ Араксъ, съ показаніемъ его глубины въ футахъ.

Корпусный командиръ пожелалъ имѣть планъ, съ приложеннымъ мною къ нему описаніемъ; но, по справкѣ у завѣдывавшаго топографическою частью капитана Пиноркина, оказалось, что этого плана съ описаніемъ не имѣется вовсе въ корпусномъ штабѣ, а что онъ остался въ окружномъ штабѣ въ Тифлисѣ. Я пополнилъ недостатокъ плана подробнымъ объясненіемъ свойствъ брода, при чемъ корпусный командиръ обратилъ вниманіе, что въ іюнѣ мѣсяцѣ бродъ несомнѣнно долженъ быть глубже, чѣмъ въ сентябрѣ, и выразилъ сожалѣніе, что подъ рукой нѣтъ матеріаловъ для устройства моста, такъ какъ растущихъ по берегу нѣсколькихъ группъ деревьевъ считалъ недостаточнымъ; на это я возразилъ, что если признается необходимымъ

устраивать мостъ, то прекраснымъ матеріаломъ могутъ послужить для моста деревянныя части построекъ деревни Нижній Меджингертъ, жителей которой можно вознаграждать за взятія подь постройку моста на возлахъ бревна и доски деньгами, а перевести этотъ матеріалъ можно на арбахъ той-же деревни. Устройство такого моста представлялось тѣмъ возможнѣе, что въ составъ отряда входилъ 1-й кавказскій саперный батальонъ.

Высказавъ затрудненія переправы черезъ Араксъ, особенно въ виду находенія у Дели-баба турецкаго лагеря, корпусный командиръ выразилъ предположеніе о томъ, не лучше ли, вмѣсто затруднительнаго обхода Зивинской позиціи, обратить наши силы на атаку ея. Здѣсь мнѣ еще разъ представился случай доложить о трудности взять эту позицію, по ея естественной недоступности, усиленной еще полевыми укрѣпленіями; при этомъ я выставилъ, что если видѣнный нами лагерь у Дели-баба принадлежитъ войскамъ Мухтара-паши, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что войска эти не останутся въ бездѣйствіи, а постараются спѣшить на соединеніе съ Измаиломъ-пашей на Зивинской позиціи, и что тогда позиція эта сдѣлается неодолимой; что, атакуя ея, мы можемъ только напрасно понести потери, а оперируя въ обходъ съ юга, мы становимся на кратчайшую дорогу къ Эрзеруму, которымъ турки не могутъ не дорожить.

Генераль Кишмишевъ говоритъ, что когда онъ явился за привазианіями, то корпусный командиръ выразилъ намѣреніе идти на другой день къ Хоросану и тамъ, ставъ между двумя непріятельскими корпусами, не допустить ихъ къ соединенію.

Если это намѣреніе, кромѣ желанія въ точности придерживаться утвержденнаго плана движенія на Соганлугъ, съ обходомъ Зивинской позиціи къ югу, составляло еще результатъ только что происшедшаго разговора со мною, то это можетъ служить еще разъ доказательствомъ моихъ настояній о томъ, чтобы не принимать атаки Зивинской позиціи.

## VII.

На другой день, 12-го юня, войскамъ назначена была дневка.

Генераль Кишмишевъ пишетъ, что

„въ этотъ день, въ 8 час. утра, я и бывший при мнѣ въ Эрзерумѣ въ 1876 году классный чиновникъ корпуса топографовъ Климентьевъ были потребованы въ палатку начальника корпуснаго штаба, гдѣ находился генераль Гейманъ, для ознакомленія начальника колонны съ зивинскою позиціею“.

Описавъ, затѣмъ, зивинскую позицію, генераль Кишмишевъ до-  
бавляетъ:

„Многихъ изъ этихъ фортификаціонныхъ работъ (т. е. бывшихъ на пози-  
ціи) подполковникъ Войновъ и чиновникъ Климентьевъ не могли назвать“,  
и далѣе продолжаетъ:

„Выслушавъ подполковника Войнова и чиновника Климентьева, генераль  
Гейманъ пришелъ въ заключенію, что неприятель врядъ-ли окажетъ сопро-  
тивленіе и что въ такомъ случаѣ взятіе зивинской позиціи не представитъ  
особыхъ препятствій. Съ этимъ соображеніемъ онъ явился съ докладомъ къ  
корпусному командиру“.

Если можно что-либо сочинять въ историческомъ трудѣ, то гене-  
раль Кишмишевъ показалъ себя мастеромъ этого дѣла. Въ только  
что приведенной выдержкѣ нѣтъ ни одного слова правды.

Въ палатку генерала Духовскаго, 12-го юня въ 8 часовъ утра,  
меня никто не звалъ и никакого доклада генералу Гейману, съ  
описаніемъ Зивинской позиціи, я не дѣлалъ, а потому и называть  
многихъ фортификаціонныхъ работъ не приходилось. Да едва-ли и  
самъ авторъ могъ-бы назвать не только многія, но хотя бы одну изъ  
такихъ работъ. Увлечшись своимъ описаніемъ позиціи, авторъ, вѣро-  
ятно, забылъ, что описаніе это онъ составлялъ въ 1884 году; а тогда,  
т. е. 12-го юня 1877 г., въ 8 часовъ утра, еще никто не видѣлъ  
Зивинской позиціи, а только лишь знали, что турки ее укрѣпили,  
но какъ именно укрѣпили, никто не зналъ; до объявленія же войны,  
смѣю завѣрить почтеннаго автора, никакихъ укрѣпленій на Зивин-  
ской позиціи не было и никто не помышлялъ о томъ, придется ли  
еще занимать ее турецкими или нашими войсками. Я спрашиваю  
автора: могло-ли бы явиться у генерала Геймана желаніе поставить  
въ обязанность мнѣ или чиновнику Климентьеву называть фортифи-  
каціонныя работы, которыхъ никто не видѣлъ и которыя возникли  
только во время самаго хода войны? Вѣроятно, это простое сообра-  
женіе не пришло въ голову автору, когда онъ измышлялъ какое бы  
еще возвести на меня гибельное вмѣшательство мое въ дѣло, при-  
надлежащее, по существу своему, къ обязанностямъ штабъ-офицера  
надъ вожаками, которымъ былъ самъ авторъ.

Въ дѣйствительности-же, 12-го іюня, около 10 часовъ утра, начальникъ корпуснаго штаба объяснилъ мнѣ, замѣчу кстати, не въ палаткѣ, что утромъ имъ получено было извѣстіе, показывавшее возможность наступательнаго движенія на нашъ лагерь со стороны войскъ Мухтара-паши, лагерь котораго, видѣнный нами наканунѣ

Дели-баба, съ разсвѣтомъ 12-го іюня сталъ быстро исчезать и вмѣсто него появились длинныя вереницы вѣлковъ по дорогѣ отъ Дели-баба на Хоросанъ. Виѣстѣ съ тѣмъ генераль Духовской далъ мнѣ порученіе немедленно осмотрѣть мѣстность впереди бивачнаго расположенія войскъ и выбрать оборонительную позицію для всего отряда, на случай если-бы дѣйствительно состоялось наступленіе со стороны Мухтара-паши. При этомъ генераль Духовской сказалъ: «осматривая мѣстность, проѣзжайте къ Зивину, насколько будетъ можно и осмотрите также и расположеніе турокъ».

За назначеніемъ конвоя мнѣ приказано было обратиться къ генералу Гейману, къ которому я и отправился немедленно-же въ палатку; генераль Гейманъ, услышавъ отъ меня полученное мною порученіе начальника корпуснаго штаба, объявилъ мнѣ, что со мною поѣдетъ состоявшій при немъ генеральнаго штаба подполковникъ князь Бегильдѣевъ и приказалъ, чтобы я обратился къ нему за конвоемъ, о назначеніи котораго онъ сейчасъ сдѣлаетъ распоряженіе. Авторъ, вѣроятно, не зналъ, что это былъ первый мой разговоръ съ генераломъ Гейманомъ со времени моего прибытія въ корпусный штабъ.

Вслѣдъ за тѣмъ и я, и генераль Гейманъ вышли изъ палатки, онъ—чтобы отдать приказаніе о назначеніи ко мнѣ въ конвой одного взвода казаковъ, а вовсе не одной сотни 2-го Кизлярско-гребенскаго полка, какъ заявляетъ авторъ, а я—чтобы отправиться къ подполковнику князю Бегильдѣеву.

Осмотрѣвъ, совмѣстно съ княземъ Бегильдѣевымъ, мѣстность, мы оба пришли къ заключенію, что другой болѣе удобной оборонительной позиціи, кромѣ той, на которой были расположены биваки нашихъ войскъ, нѣтъ. Затѣмъ намъ предстояло исполнить другое порученіе, именно, осмотрѣть Зивинскую позицію.

Нашъ незначительный конвой—одинъ взводъ казаковъ—не могъ, конечно, служить достаточнымъ прикрытіемъ для производства рекогносцировки и потому намъ предстояло ограничиться простымъ обозрѣніемъ общаго характера укрѣпленій позиціи, насколько позволяли видѣть ихъ наши бинокли.

Перейдя глубокой оврагъ, бывшій невдалекѣ отъ Верхняго Меджингерта, мы взошли на ближайшую высоту, оставивъ свой конвой у подошвы ея, и оттуда увидѣли три, расположенные позади передо-

выхъ укрѣпленій, лагеря; четвертый отдѣльный лагерь находился по скату оврага, обращенному къ сторонѣ Эрзерума, позади первыхъ трехъ, и, наконецъ, пятый лагерь былъ расположенъ значительно позади, на вершинѣ высоты, съ крутыми, частью скалистыми боками, покрытыми лѣсомъ. За дальностью разстоянія и мерцаніемъ палатокъ, освѣщенныхъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, было весьма затруднительно сосчитать число ихъ, тѣмъ болѣе, что турки ставятъ палатки въ своихъ лагеряхъ не въ видѣ квадратовъ или прямоугольниковъ, какъ у насъ, а группами, и кромѣ того, часть палатокъ скрывалась отъ нашихъ взоровъ за покатосями; насколько было возможно, я и князь Бегильдѣевъ сочли палатки, хотя оба не были увѣрены въ правильности счета. Если была еще возможность опредѣлять, хотя приблизительно, численность войскъ, въ зависимости отъ числа палатокъ, то видѣть укрѣпленія позицій, сложенныхъ изъ камня съ землею, и сливавшіяся съ общимъ колоритомъ мѣстности, было до крайности затруднительно и тутъ возможны были съ нашей стороны большія ошибки; можно было только замѣтить болѣе выдававшіяся батареи, которыхъ мы насчитали четыре; траншеями же позиція, повидимому, была изборождена во всѣхъ направленіяхъ.

Турецкіе аванпосты, замѣтивъ насъ, выслали впередъ свои резервы, и около 3 эскадроновъ кавалеріи съ разныхъ сторонъ показались изъ-за гребней высотъ, лежавшихъ по сю сторону ущелья рѣчки Ханы-чай; насъ отдѣляла отъ нихъ довольно широкая долина. Показавшіяся эскадроны турокъ медленно подвигались, имѣя впереди себя цѣпь наѣздниковъ. Мы должны были прекратить свой осмотръ, когда турки приблизились къ намъ на разстояніе, примѣрно, ружейнаго выстрѣла.

Изъ этого осмотра мы, однако, пришли къ разнымъ выводамъ: по моему счету численность выходила не менѣе 8,000, что соответствовало 12—14 батальонамъ пѣхоты, принявъ въ соображеніе, что въ этой численности заключается артиллерія, кавалерія и нестроевой элементъ, а князь Бегильдѣевъ опредѣлялъ численность около 6,000, что соответствовало 8 или 10 батальонамъ, при томъ-же соображеніи. Число орудій рассмотреть нельзя было, такъ какъ только нѣсколько изъ нихъ блестяли на солнцѣ.

Какъ теперь можно видѣть, приблизительная численность оказалась вѣрнѣе моя.

По опубликованнымъ турецкимъ источникамъ, въ день боя на Зивинской позиціи находилось 8,300 чел. пѣхоты съ артиллеріей и 400 человекъ кавалеріи.



## VIII.

По прибытіи въ лагерь я предложилъ князю Бегильдѣеву, вмѣстѣ со мною, отправиться къ начальнику корпуснаго штаба и доложить о результатѣ осмотра мѣстности и обзора Зивинской позиціи; но князь Бегильдѣевъ отказался сдѣлать совмѣстный докладъ, заявивъ, что онъ доложитъ свои наблюденія генералу Гейману, которымъ былъ посланъ.

Я одинъ отправился къ генералу Духовскому, но не засталъ его въ своей палаткѣ: онъ былъ у корпуснаго командира. Придя къ палаткѣ послѣдняго, я засталъ въ ней: начальника отряда генерала Геймана, начальника корпуснаго штаба генерала Духовскаго, начальника кавалеріи генерала князя Чавчавадзе, начальника кавказской гренадерской дивизіи генерала Комарова и начальника 2-й кавказской кавалерійской дивизіи генерала Лорисъ-Меликова, видимо обсуждавшихъ предстоявшій планъ дѣйствій, подъ руководствомъ корпуснаго командира; передъ ними на столѣ былъ развернутъ планъ Соганлугскаго хребта, съ Зивинскою позиціею, снятый и составленный чиновникомъ корпуса топографовъ г. Климентьевымъ, во время лѣтнихъ развѣздовъ вмѣстѣ со мною, въ 1876 году, для осмотра и обрекогносцированія этого хребта.

При моемъ появленіи разговоръ былъ прерванъ и я сдѣлалъ докладъ о результатѣ своей поѣздки, пояснивъ, какое число турецкихъ войскъ было по мнѣнію моему и какое по мнѣнію князя Бегильдѣева.

Затѣмъ между названными начальниками продолжался прерванный разговоръ, изъ котораго я увидѣлъ, что атака Зивинской позиціи рѣшена окончательно и обсуждался самый порядокъ веденія боя. Рѣчь зашла о назначеніи кавалеріи; почти вся она предназначалась для движенія въ обходъ позиціи, для чего предварительно должна была въ день боя, т. е. 13-го іюня, выступить съ мѣстъ своихъ биваковъ и въ 9 час. утра перейти къ позиціи турокъ, а въ 1 часъ дня, т. е. когда подойдетъ вся пѣхота, выступить въ обходъ. Кавалеріи при этомъ обходѣ указывалась двойная цѣль: она должна была, по возможности, задержать наступленіе Мухтара-паши, прибытіе котораго на поддержку Зивина, со стороны Хоросана, допускалось съ большою вѣроятностію, и если бы дѣйствія ея не были отвлечены въ эту сторону, то способствовать общему ходу боя атакой Зивинской позиціи во флангъ и тылъ. Для выполненія обѣихъ этихъ цѣлей, она должна была находиться на мѣстности праваго берега Хань-чая, между

Зивинномъ и Хоросаномъ, но въ такомъ мѣстѣ, откуда могла бы совершить атаку позиціи во флангъ и тылъ.

Мимо назначеннаго для кавалеріи сборнаго пункта шла колесная дорога вдоль лѣваго берега Хапы-чая, на Хоросанъ. Я указалъ всѣмъ присутствующимъ на эту дорогу и пояснилъ, что хотя она идетъ на Хоросанъ, но что, судя по характеру мѣстности, лежащей между этой дорогой, позиціей Зивинъ, большой Эрзерумской дорогой и рѣкою Араксомъ, по мѣстности этой возможно было бы движеніе кавалеріи, которая можетъ по ней перейти на большую Эрзерумскую дорогу, такъ какъ мѣстность составляетъ постепенно понижающіяся къ Араксу холмистыя высоты, раздѣляющіяся между собою оврагами, имѣющими только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистыя, обрывистыя бока, въ большинствѣ-же имѣющими, хотя и крутыя, но земляныя скаты. Затрудненіе при этомъ представляло движеніе конной артиллеріи; я указалъ на это затрудненіе, прибавивъ, что если необходимо кавалеріи совершить обходное движеніе для атаки Зивина, то конная артиллерія можетъ преодолѣть затрудненія съ помощью спѣшенныхъ людей, при соответственномъ, конечно, выборѣ мѣстности для движенія, избѣгая обрывистыхъ мѣстъ, кое-гдѣ окаймляющихъ бока овраговъ. Для атаки же въ тылъ позиціи наиболѣе удобнымъ мѣстомъ мною указана прямая Эрзерумская дорога и мѣстность вблизи ея, а для перехода на эту дорогу я доложилъ, что можно было-бы на нѣкоторомъ разстояніи пользоваться тропой, по которой обыкновенно жители Верхн. Меджингерта и горцы деревень Сарызамышъ и сосѣднихъ съ ними выѣзжаютъ на большую Эрзерумскую дорогу къ деревнѣ Завзакъ. При этомъ я доложилъ, что при изслѣдованіи Соганлугскаго хребта и нанесеніи его на планъ ни мнѣ, ни бывшему при мнѣ топографу не было возможности снять мѣстность къ югу отъ Верхн. Меджингерта, Зивинской позиціи и прямой Эрзерумской дороги до рѣки Аракса, и потому пояснилъ, что все доложенное мною основывается на общемъ характерѣ мѣстности, какой она представляется идущему по большой Эрзерумской дорогѣ, кромѣ, конечно, мѣстности близъ Зивинской позиціи, которая мною была изслѣдована и нанесена на планъ. Относительно же колесной дороги, идущей на Хоросанъ, о состояніи которой тутъ же задалъ мнѣ вопросъ генераль Гейманъ, я доложилъ, что дорога эта называется мною колесною потому, что когда она была наносима на планъ, то по ней двигался большой обозъ на буйволахъ съ бревнами, везомыми на арбахъ, но что по ней я самъ никогда не проѣзжалъ, а на планъ она нанесена только въ части своей, видимой мною съ точки визированія, далѣе-же на планѣ она мною не показана; развернутый здѣсь-же литографиро-

ванный планъ Соганлугскаго хребта служилъ подтвержденіемъ моихъ словъ; относительно же направленія ея на Хоросанъ я звалъ изъ разспросовъ.

Въ этомъ состоялъ весь мой докладъ, касавшійся до предполагаемаго обходнаго движенія кавалеріи.

Затѣмъ генералъ Гейманъ выразилъ желаніе поставить часть кавалеріи гдѣ-либо между Зивиномъ и деревней Караурганъ, т. е. къ сѣверу отъ Зивинской позиціи, съ тѣмъ, чтобы турки, атакующіе съ фронта и тыла, имѣя открытымъ только свой лѣвный флангъ, т. е. сѣверную часть Зивинской позиціи, не обратились безнаказанно въ бѣгство въ эту сторону.

Для прегражденія такого бѣгства генералъ Гейманъ предлагалъ вблизи деревни Караурганъ поставить бригаду изъ двухъ Дагестанскихъ конно-иррегулярныхъ полковъ и къ ней полагалъ командировать меня; но командующій корпусомъ возразилъ, что въ день боя желаетъ имѣть меня при себѣ, а начальникъ корпуснаго штаба генералъ Духовской выяснилъ, что не предвидится особой необходимости преграждать съ этой стороны путь туркамъ, оставляющимъ позицію, въ виду того, что въ эту сторону могутъ отступать только части турецкихъ войскъ совершенно деморализованныя, не могущія поэтому быть опасными для дальнѣйшихъ нашихъ операций по взятіи позиціи, а что гораздо необходимѣе воспользоваться дагестанской конно-иррегулярной бригадой для связи посылаемой въ обходъ кавалеріи съ войсками, ведущими атаку позиціи съ фронта.

Предложеніе это одобрено было всѣми и дагестанская бригада въ день боя предназначена находится на обходной для кавалеріи дорогѣ, по лѣвому берегу Ханы-чая и къ югу отъ нашей наступающей пѣхоты.

Послѣ этого, обращаясь къ командующему корпусомъ, я выразилъ свое мнѣніе о томъ, что, въ виду трудности атаки Зивинской позиціи и предстоящаго передъ этой атакой передвиженія войскъ, которыя несомнѣнно утомятся передвиженіемъ, было бы гораздо лучше всѣ войска передвинуть на сборный пунктъ передъ атакой позиціи не въ день боя, а наканунѣ, 12-го іюня, т. е. въ тотъ же день, когда происходило описываемое совѣщаніе, къ вечеру, съ тѣмъ, чтобы войска могли отдохнуть ночью передъ самой позиціей и бой начать съ утра, а не съ 2 час. дня, какъ желалъ генералъ Гейманъ; кавалерія-же въ этомъ случаѣ могла-бы выступить въ обходъ съ разсвѣтомъ и имѣла бы больше времени для его совершенія.

Только что я высказалъ свое мнѣніе, какъ корпусный командиръ,

почти перебивъ меня на послѣднихъ словахъ, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующимъ:

— «Господа, я все-таки того мнѣнія, что намъ нужно подойти къ позиціи сегодня-же, а завтра сдѣлать рекогносцировку и тогда уже начинать бой».

Генералъ Гейманъ съ нетерпѣливостью возразилъ на это: «Ну, такъ мы, по вашему, должны слушать г. Войнова; я уже сдѣлалъ распоряженіе объ отдыхѣ всѣмъ войскамъ на сегодняшній день и мѣнять этихъ распоряженій не буду; кавалеріи тѣмъ болѣе нуженъ отдыхъ сегодня, она очень утомлена, а завтра она, съ 9 час. утра, будетъ на сборномъ пунктѣ и до 1 часу дня достаточно успѣетъ отдохнуть; пѣхота же и завтра будетъ имѣть три часа отдыха (отъ 11 час. утра до 2 ч. дня) послѣ перехода до вступленія въ бой...»

Генералъ Гейманъ началъ говорить еще что-то, но корпусный командиръ перебилъ его и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «обѣдалъ ли я?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, предложилъ мнѣ идти обѣдать. Что затѣмъ происходило дальше въ палаткѣ корпуснаго командира—для меня въ то время осталось неизвѣстнымъ.

## IX.

Здѣсь считаю необходимымъ оговориться о причинѣ, почему я не сналъ на планъ южныхъ склоновъ Согандугскаго хребта, которые послужили для обходнаго движенія кавалеріи.

Мѣстности, подлежащія моимъ рекогносцировкамъ, не были представлены моему выбору; въ обѣ весны моего двухлѣтняго пребыванія въ Эрзерумѣ я получалъ подробныя инструкціи изъ окружнаго штаба кавказскаго военнаго округа, съ точнымъ указаніемъ тѣхъ мѣстностей и тѣхъ путей, которые долженъ былъ предстоящимъ лѣтомъ осмотрѣть и нанести на планъ.

Въ лѣто 1876 года мнѣ было предложено нанести на планъ пути сообщенія между Эрзерумомъ и Карсомъ; изслѣдовать и нанести на планъ истоки рѣки Куры; осмотрѣть и нанести на планъ теченіе рѣки Тортумъ-чай, съ ея ущельемъ и пролегающею по немъ дорогою, отъ верховьевъ рѣки до города Артвина, вблизи котораго она, слившись съ рѣкою Ольту-чай, впадаетъ въ Чорукъ-су и, наконецъ, изслѣдовать, со снятіемъ на планъ, пути вокругъ города Эрзерума, въ югу отъ него, между хребтомъ Палланъ-теккенъ-дагъ и вершиною Биньгаль-дагъ. По имѣвшейся для меня возможности совершать путе-

шествія, для выполненія поставленныхъ инструкціей задачъ, онѣ представлялись весьма широкими.

Я не считаю себя въ правѣ опубликовывать тѣ способы, которыми я пользовался для своихъ путешествій, и потому обязанъ умолчать о нихъ; скажу только, что по издавна заведенному порядку всѣ русскіе консулы въ Турціи, съ своими секретарями, обыкновенно сидятъ пригвожденными къ своимъ консульствамъ и выѣздъ консула по подвѣдомственному ему району является какъ нѣчто необыкновенное.

Эрзерумъ въ этомъ отношеніи, въ теченіи 1875 и 1876 годовъ, представлялъ нѣкоторое исключеніе, ибо въ теченіи двухъ-трехъ предшествовавшихъ лѣтъ частые разѣзды секретаря и консула нѣсколько приучили къ нимъ турокъ, но тѣмъ не менѣе они, все-таки, на каждую мою поѣздку смотрѣли косо и если я ѣхалъ, напримѣръ, изъ Эрзерума въ Карсъ, то о днѣ моего выѣзда обязательно сообщалось телеграммою карсскому губернатору, который, въ свою очередь, телеграфировалъ эрзерумскому генераль-губернатору о днѣ моего пріѣзда въ Карсъ и отъѣзда оттуда на возвратномъ пути. При этомъ условіи, при проѣздѣ отъ Эрзерума до Карса, совершаемомъ обыкновенно въ три и самое большее въ четыре дня, въ моемъ распоряженіи могло быть не больше четырехъ дней при каждомъ проѣздѣ. Я имѣлъ возможность воспользоваться въ лѣто 1876 года только двумя поѣздками въ Карсъ, изъ которыхъ при второй я долженъ былъ возвратиться изъ Карса въ Эрзерумъ не прямымъ путемъ, а весьма кружнымъ черезъ Ольту, Арданучъ, Артвинъ и ущельемъ Торгумъ-чая; слѣдовательно, для изслѣдованія путей между Эрзерумомъ и Карсомъ я могъ имѣть никакъ не больше 12 дней; въ дѣйствительности-же я имѣлъ только 10 дней.

Оцѣнивая сравнительную необходимость въ строго военномъ отношеніи поставленныхъ мнѣ на лѣто 1876 года задачъ, я взялъ на себя измѣнить нѣсколько эти задачи, отказавшись вовсе отъ изслѣдованія истоковъ рѣки Куры, представлявшихъ интересъ развѣ только въ географическомъ отношеніи и, взамѣнъ того, вмѣсто изслѣдованія путей между Эрзерумомъ и Карсомъ, я рѣшилъ нанести на планъ весь Соганлугскій хребетъ, имѣющій ширины до 15 верстъ, а длины до 25 верстъ, т. е. занимающій до 700 квадратныхъ верстъ, для чего, какъ уже сказалъ, имѣлъ 10 дней; всякій пойметъ, что въ такой срокъ снять 700 квадр. верстъ горнаго хребта на планъ, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, дѣло едва-ли возможное для одного съемщика даже и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ производства съемки у себя дома; въ странѣ-же, гдѣ работать приходилось такъ, чтобы не видѣлъ этой работы ни одинъ посторонній глазъ, съемка всего хребта представлялась вполне невозможной и потому я, по необхо-

дности, долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что въ эти 10 дней снялъ хребетъ за исключеніемъ южныхъ его склоновъ, часть которыхъ, именно дорогу отъ Нижн. Меджингерта, черезъ Араксъ у деревни Аладжекрекъ на деревню Дели-баба, я снялъ на планъ въ 1875 году.

Генералъ Климишевъ, въ своемъ сочиненіи, говоритъ, что кромя дороги изъ Нижн. Меджингерта на Чермыкъ, въ обходъ Зивина, мною указана была третья, еще болѣе короткая, колесная дорога, протяженіемъ въ 9 верстъ и потому для обхода кавалеріи было избрано указанное мною направленіе, а въ виду короткости этого направленія—выступленіе пѣхотныхъ частей и обходной колонны (т. е. кавалеріи) назначено въ одинъ и тотъ-же день.

Изложенное свидѣтельствуеетъ насколько правъ авторъ въ своемъ описаніи моего доклада объ избранномъ для движенія кавалеріи направленіи. Въ поясненіе-же мною сказаннаго прибавлю еще, что авторъ говоритъ почему-то о дорогѣ отъ Нижн. Меджингерта, тогда какъ о движеніи кавалеріи въ обходъ прямо съ мѣстъ биваковъ, т. е. отъ Нижн. Меджингерта, не было и рѣчи, а рѣчь шла о расположеніи ея передъ Зивинскою позиціею, гдѣ она должна быть съ 9 час. утра, для прикрытія такимъ расположеніемъ передвиженія пѣхоты, съ пѣшею артиллеріею, съ своихъ биваковъ къ позиціи турокъ; кавалерія поэтому могла двинуться въ обходъ не раньше того, какъ пѣхота займетъ свои мѣста, т. е. около 1 часу дня; слѣдовательно, не движеніе пѣхотныхъ частей было въ зависимости отъ короткости обходнаго пути кавалеріи, какъ объясняетъ это авторъ, а, наоборотъ, время выступленія въ обходъ кавалеріи было въ зависимости отъ прибытія пѣхоты на сборный пунктъ; въ выборѣ-же начальнаго пункта для обхода не могло быть и рѣчи, такъ какъ пунктъ этотъ указывался необходимою прикрывающаго движеніе пѣхоты расположенія кавалеріи, а съ нею въ обходъ Зивинской позиціи представлялась только единственная указанная мною дорога, такъ какъ другой съ этого пункта никакой не было. Съ другой стороны собранныя авторомъ, черезъ своихъ лазутчиковъ, свидѣнія были крайне сбивчивы и не только не давали никакого понятія о качествахъ дороги, но даже не могли дать точнаго указанія о томъ, гдѣ она переходитъ черезъ рѣчку Ханы-чай. Насколько были свѣдущи лазутчики автора показываетъ полное незнаніе ими указанной мною колесной дороги, вслѣдствіе чего они не могли дать никакихъ опредѣленныхъ свидѣній въ дополненіе къ тѣмъ, которыя я докладывалъ въ палаткѣ корпуснаго командира всѣмъ собраннымъ тамъ старшимъ начальникамъ. А между тѣмъ дорога эта въ дѣйствительности оказалась колесною и по ней наши войска прошли два раза безъ всякаго ея исправленія: первый

разъ — въ описываемомъ здѣсь обходномъ движеніи кавалеріи съ конною артиллеріею, а второй разъ — 14 октября два полка 2-й бригады кавказской гренадерской дивизіи съ артиллеріею и своимъ обозомъ. Кажется, оба эти движенія могутъ служить достаточно убѣдительнымъ аргументомъ въ томъ, что дорога эта была дѣйствительно колесною. Авторъ-же и по сіе время не знакомъ съ нею, какъ можно заключить изъ того, что въ приложенномъ къ его труду планѣ сраженія подъ Зивиномъ путь движенія кавалеріи, показанный пунктиромъ, изобрѣтенъ самимъ авторомъ и пролегаетъ по покатостямъ и возвышенностямъ, по которымъ не ступала нога нашей кавалеріи; къ такой остроумной выдумкѣ авторъ прибѣгнулъ, вѣроятно, для болѣе убѣдительности измышленнаго имъ описанія моихъ докладовъ.

Авторъ не особенно стѣсняется описывать совершенно ему неизвѣстное, вслѣдствіе чего такое описаніе является плодомъ личныхъ его впечатлѣній.

Затѣмъ не могу обойти молчаніемъ слѣдующихъ строкъ автора: «изъ Меджингерта на большую эрзерумскую дорогу, по которой производились всѣ сношенія зивинскихъ войскъ съ своею базой, вели два пути: на Хоросанъ и на Чермыкъ. Первый имѣлъ всѣ удобства хорошаго колеснаго сообщенія, но былъ длиненъ; второй-же хотя менѣе удобенъ, но былъ короче».

Строки эти какъ нельзя лучше показываютъ совершенное незнаніе автора съ обоими этими путями: изъ Меджингерта существуетъ только одна дорога на Хоросанъ, которая переходитъ черезъ рѣчку Хань-чай въ мѣстѣ, называемомъ Чермыкъ (слово это означаетъ бродъ), гдѣ она соединяется съ дорогою, мною указанною, т. е. идущею не отъ Меджингерта, а съ гѣсистыхъ частей Соганлугскаго хребта. Если авторъ не справился съ приложенной имъ къ своему труду собственной своей операціонной картой, когда писалъ цитированныя здѣсь строки, то я позволю себѣ обратить его вниманіе на эту карту хотя теперь; не сомнѣваюсь, что она составлена по инструментальнымъ съемкамъ, произведеннымъ нашими топографами въ 1878 году и потому даетъ точное понятіе о мѣстности и находящихся на ней путяхъ. На этой картѣ авторъ можетъ видѣть самъ, насколько правдивы цитированныя выше его строки: на ней указанная мною обходная дорога показана въ двѣ черты, а дорога изъ Нижняго Меджингерта показана одной чертой, что совершенно согласно и съ дѣйствительностью, такъ какъ по обходной дорогѣ, какъ уже было сказано, 14 октября прослѣдовала 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи, съ артиллеріею и обозомъ, безъ всякаго ея исправленія, тогда какъ дорогу изъ Нижн. Меджингерта на Чер-

мызъ и далѣе на Хоросанъ, для движенія по ней того-же 14 октября кавалерійской дивизіи генераль-маіора Лорисъ-Меликова съ двумя конными батареями, 1-й бригады кавказской гренадерской дивизіи съ артиллеріей и обозомъ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка и летучаго артиллерійскаго парка,—пришлось исправлять на спускѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ передъ Чермыномъ; безъ исправленія же по ней не рѣшились провезти даже легкихъ конныхъ орудій, изъ опасенія, чтобы они не опрокинулись въ кручи. И такой-то дорогѣ авторъ рѣшился присвоить «всѣ удобства хорошаго колеснаго сообщенія»; я уже не буду говорить о томъ, что при выясненномъ здѣсь отсутствіи у автора 12-го іюня, т. е. въ канунъ сраженія, сколько нибудь толковыхъ свѣдѣній объ этой дорогѣ, добытыхъ имъ отъ своихъ лазутчиковъ, онъ, въ качествѣ штабъ-офицера надъ вожатыми, все-таки рѣшился указать ее корпусному командиру и генералу Гейману, какъ обходный путь для кавалеріи.

А. М. Войновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

## Екатерина II о дамскихъ уборахъ.

Октября 24-го дня 1782 г.

Ея императорское величество указать соизволила объявить господамъ оберъ-гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ и прочимъ двора ея императорскаго величества, чтобы на платьяхъ ихъ никакихъ накладокъ, изъ разныхъ лоскутковъ сдѣланыхъ, или шире двухъ вершковъ не носили; ея величеству угодно, впрочемъ, будетъ, когда онѣ, такъ какъ и другія дамы, коимъ пріѣздъ ко двору ея величества дозволенъ, наблюдая болѣе простоту и умѣренность въ образѣ одежды ихъ, не стануть употреблять такихъ вещей, коимъ только одна новостъ даетъ всю цѣну, равнымъ образомъ и на головѣ уборы носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя ото дба.

Каммеръ-фурьеръ Герасимъ Журавлевъ.

Сообщ. М. А. Веневитиновъ.

28-го мая 1872 г.



### Апраксинъ городокъ.

Между многими мѣстностями С.-Петербургской губерніи, памятными въ исторіи царствованія Петра Великаго и описанными нашими историками и беллетристами, забыть ими одинъ изъ весьма интересныхъ уголковъ Петербургской губерніи, это, такъ называемый, Апраксинъ городокъ. Время и промышленность пощадили его настолько, что можно еще отличить на полянѣ, подлѣ деревушки Сенявино, слѣды когда-то бывшаго землянаго укрѣпленія. Пройдутъ нѣсколько лѣтъ, исчезнутъ и послѣдніе слѣды этого историческаго окопа. Недалеко отъ этого окопа идетъ частію болотомъ, частію поросшая ивнякомъ—такъ называемая боровая дорога, по которой еще видны слѣды бре венчататаго накатника. По уцѣлѣвшимъ насыпямъ землянаго окопа трудно сказать о профили бывшаго укрѣпленія; въ общемъ оно имѣетъ видъ кронверка; сохранились слѣды барбетовъ, пороховыхъ погребковъ и частію рва.

Апраксинъ городокъ памятенъ въ нашей исторіи тѣмъ, что отсюда начались военныя дѣйствія Петра I, при завоеваніи имъ страны, нѣкогда принадлежавшей Россіи и находившейся подъ владѣніемъ шведовъ 86 лѣтъ. Завоеваніе Ингерманландіи началось съ этого мѣста, сто восемьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ. Въ августѣ 1702 г. окольный Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, выйдя изъ Ладоги, дошелъ до р. Назы, сбилъ на ней бывшіе передовые посты шведовъ и пошелъ на встрѣчу ген. Кронгіорта, расположившагося съ кавалеріею въ Усть-Ижорѣ, пѣхота котораго была въ Ніеншанцѣ. Прогнавъ шведовъ отъ Тосны, Апраксинъ, 14-го августа, опрокинулъ Кронгіорта съ большою потерей за р. Ижору и, заставивъ его отступить отъ нея къ Дудорову, возвратился къ р. Назы и занялся постройкою укрѣпленія. Въ сентябрѣ въ Апраксинъ городокъ при были фельдмаршалъ Шереметевъ изъ Пскова и кн. Репнинъ изъ Ладоги. 22-го сентября 1702 г. Петръ I осматривалъ собранныя войска подъ Апраксинимъ городкомъ (ихъ было около 35,000 чел.). По повелѣнію государя, 25-го сентября того-же года, часть войскъ (Апраксина два драгунскихъ полка и одинъ стрѣлецкій) оставлена была въ Апраксиномъ городкѣ, въ видѣ резерва, большая же часть выступила къ крѣпости Нотебургу (древній Орѣшекъ) боровою дорогою, при чемъ артиллерія, за неимѣніемъ лошадей, была везена людьми; остальная часть войскъ отправлена была Ладожскимъ озеромъ на 50 судахъ. Изъ исторіи завоеванія Ингерманландіи извѣстно, что осада Нотебурга продолжалась, со времени открытія траншей, 15 дней. 11-го октября Петръ I писалъ Виніусу (надзирателю артиллеріи): «правда, что зѣло жестокъ сей оръхъ былъ, однако-жь, слава Богу, счастливо разгрызентъ».

Ал. Савельевъ.

# КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЧЕРКАСКІЙ

какъ устроитель Болгаріи.

## I.

Въ нѣсколькихъ книгахъ «Русской Старины» изд. 1888 года напечатаны интересныя очерки и замѣтки князя В. Д. Дабижа, подъ заглавіемъ «Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г.».

Если немислимо быть въ Римѣ и не видѣть папу, то точно также невозможно, говоря о Санъ-Стефано въ февралѣ 1878 г., не упомянуть о князѣ В. А. Черкасскомъ, объ этомъ государственномъ дѣятелѣ, столь преждевременно сраженномъ смертью и прахъ котораго не былъ тогда еще преданъ землѣ, а въ ожиданіи отправления въ Россію покаялся въ санъ-стефанской православной церкви, скромно пріютившейся, гдѣ-то въ переулкѣ, за величественнымъ зданіемъ римско-католическаго монастыря.

И дѣйствительно, въ VIII главѣ своихъ очерковъ <sup>1)</sup> кн. Дабижа посвящаетъ четыре страницы характеристикѣ князя В. А. Черкаскаго, какъ устроителя Болгаріи. Чтобы основательно выяснитъ образъ дѣйствій «устроителя Болгаріи», четырехъ страницъ, разумѣется, мало, но ихъ оказалось вполне достаточно для приведенія нѣсколькихъ неосновательныхъ и несправедливыхъ обвиненій противъ князя Черкаскаго. Правда, кн. В. Д. Дабижа всё приводимыя имъ обвиненія дѣлаетъ не отъ себя лично, а записываетъ ихъ со словъ другихъ лицъ, видѣвшихъ дѣятельность покойнаго въ Болгаріи, принимавшихъ участіе въ административныхъ работахъ и даже занимавшихъ важныя административныя посты. Записавъ то, что слышалъ отъ такихъ компетентныхъ лицъ, кн. Дабижа отъ себя уже прибавляетъ, что приведенныя имъ

---

<sup>1)</sup> «Русская Старина» изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 483—487.

отзывы не могут служить основаніемъ для сужденія о личности князя Черкаскаго; ихъ слѣдуетъ очистить отъ примѣси чувствъ личнаго свойства и, сверхъ того, сопроводить изложеніемъ тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, которыя окружали въ то время кн. Черкаскаго и устранить которыя не было въ его власти.

Сдѣлавъ такую оговорку, кн. Дабича вполнѣ удовлетворилъ бы требованіямъ справедливости, если бы замѣтки свои напечаталъ тогда же, тотчасъ послѣ возвращенія изъ Турціи; но печатая ихъ десять лѣтъ спустя, слѣдовало провѣрить факты, сообщенные со словъ другихъ лицъ, и тогда бы, вѣроятно, многія изъ обвиненій отпали бы сами собою, а дѣйствія введеннаго Россією первоначальнаго гражданскаго управленія въ Болгаріи не представились бы чѣмъ-то беснестемнымъ и дикимъ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени въ печати не явилось никакихъ основательныхъ и сколько нибудь подробныхъ данныхъ о гражданскомъ управленіи въ Болгаріи, до учрежденія въ маѣ 1878 г. управленія императорскаго комиссара; порицаній же ему и бездоказательныхъ на него обвиненій было не мало. Опровергать частныя обвиненія, исправлять нѣкоторыя невѣрности едва-ли стоило; написать же правдивый разсказъ о дѣятельности кн. Черкаскаго въ Болгаріи—еще несвоевременно. Онъ занималъ слишкомъ выдающееся положеніе и стоялъ какъ разъ у самой сути дѣла, а потому говорить только о немъ недостаточно, говорить же обо всемъ еще рано.

Не смотря, однако, на только что сказанное, я не считаю возможнымъ оставить безъ отвѣта сдѣланную кн. В. Д. Дабича характеристику. Она, охватывая и частныя дѣйствія кн. Черкаскаго, и общественную его дѣятельность въ Болгаріи, выставляетъ ее въ такомъ странномъ и даже комичномъ свѣтѣ, въ какомъ еще никѣмъ она не представлялась. Ну, возможно ли, напримѣръ, допустить, чтобы кн. Черкасскій не имѣлъ никакого плана дѣйствій? чтобы сегодня не зналъ за что примется завтра; чтобы отдаваемые приказанія черезъ какіе нибудь полчаса времени измѣняли кореннымъ образомъ и всю дневную работу заставляли передѣлывать ночью? Возможно ли допустить, чтобы князь Черкасскій, требуя отъ своихъ подчиненныхъ только слѣпаго себѣ повиновенія, самъ оказался игрушкой болгарскихъ чорбаджіевъ и предалъ имъ злосчастныхъ братушекъ! А между тѣмъ именно все это приводится въ замѣткахъ кн. Дабича.

Во время кампаніи 1877—1878 гг. я былъ помощникомъ князя В. А. Черкаскаго по гражданскому управленію въ Болгаріи и съ 9-го февраля 1878 г. завѣдывалъ имъ самостоятельно до его упраздненія и начала дѣйствій императорскаго комиссара кн. А. М. Дондукова-

Корсакова, которому 8-го мая 1878 г. передалъ всё дѣла по гражданской части. Поэтому вся дѣятельность князя Черкаскаго въ Болгаріи мнѣ хорошо извѣстна и у меня по этому предмету имѣются обширныя записки, которыя въ свое время, вѣроятно, и появятся въ свѣтъ. Теперь же, во имя справедливости и для опроверженія странныхъ обвиненій противъ кн. В. А. Черкаскаго, явившихся на страницахъ такого изданія, какъ распространенная въ обществѣ «Русская Старина», я берусь за перо....

Князь Дабича пріѣхалъ въ Санъ-Стефано уже послѣ смерти князя Черкаскаго и никогда прежде не зналъ его; очевидно, что сдѣланный имъ о покойномъ князѣ В. А. крайне неблагоприятный отзывъ не есть плодъ его убѣжденій, а составленъ по слухамъ и рассказамъ. Поэтому, отвѣчая на статью кн. Дабича, я буду имѣть въ виду не личность автора, а только приведенные имъ факты, которые и постараюсь опровергнуть, насколько возможно, или документально, или ссылками на разныхъ лицъ, могущихъ подтвердить мои слова.

Чтобы не повторять два раза одно и то-же, я не приведу, сдѣланную кн. Дабича, характеристику въ полной выпискѣ, а буду дѣлать изъ нея выдержки, и вслѣдъ за ними стану приводить мои разъясненія.

Твердо желая стать на почву фактовъ, предоставляя имъ говорить самимъ за себя и устраняя, по возможности, мои личные взгляды и убѣжденія, я позволю себѣ, прежде всего, сказать нѣсколько словъ по поводу нареканій на характеръ кн. Черкаскаго.

---

## II.

Вдаваться въ подробности о личныхъ свойствахъ кн. В. А. Черкаского, объ образѣ его обращенія съ людьми, съ которыми приходилось ему работать, служить или просто встрѣчаться—я не буду. Но не умолчу, что дѣйствительно личный его характеръ былъ не изъ симпатичныхъ, часто вредилъ ему и, во всякомъ случаѣ, не способствовалъ къ устройству хорошихъ отношеній. Если князь В. А. побѣждалъ многихъ изъ близко его знавшихъ, то достигалъ этого не пріятностью своего характера и способомъ обращенія, а своимъ глубокимъ умомъ, обширными знаніями, горячимъ патриотизмомъ и необыкновенными способностями къ дѣловымъ занятіямъ и организаторской дѣятельности. Онъ дѣйствовалъ на умъ и волю своихъ окружающихъ, но не привлекалъ къ себѣ ихъ сердце и не плѣнялъ чарующими качествами своего сердца, которое открывалось имъ лишь для немногихъ близкихъ и любимыхъ людей. Отрицательныя свойства его характера выразились во время войны 1877—1878 гг. съ особою рельефностью потому, что онъ былъ брошенъ судьбою въ совершенно чуждую ему среду военныхъ и еще болѣе потому, что, кромѣ должности завѣдующаго гражданскою частью, занималъ постъ главноуполномоченнаго отъ общества Краснаго Креста. По этимъ двумъ должностямъ ему приходилось сталкиваться съ сотнями людей, несомнѣнно искренно спѣшившихъ быть полезными и дѣлу, и страждущимъ, но желавшихъ дѣйствовать тамъ, гдѣ это было имъ удобно, и тѣмъ способомъ, какой находили для себя болѣе подходящимъ. Я не говорю уже о людяхъ злой воли и своекорыстныхъ. Лицъ, желавшихъ потрудиться въ Болгаріи, было множество. Заявляли они о себѣ и письменно, и лично, пріѣзжая для того не только въ Кишиневъ и Румынію, но даже въ Тырново. Большинству, и громадному большинству, приходилось отказывать какъ потому, что не было въ виду мѣстъ для нихъ, такъ и потому, что невозможно было выполнить поставленныя ими условія. Приведу два примѣра. Одинъ изъ высшихъ министерскихъ чиновниковъ въ Петербургѣ, незадолго передъ тѣмъ, съ особымъ шумомъ, провалившій свою карьеру, писалъ намъ, что желаетъ служить въ Болгаріи «для возстановленія своей чести», и требовалъ назначенія на должность по значенію и содержанію высшую противу той, которую занималъ въ имперіи. Другой лично явился посвятить дѣлу «шесть недѣль вакаціоннаго времени», но съ тѣмъ, чтобы ему дали

въ завѣдываніе отдѣльную часть, хотя бы, наприм., госпиталь. Первому отказали просто; второму пришлось лично объяснять, что нельзя окружать себя людьми свободными только на пять, шесть недѣль и немисленно отнимать для нихъ какое либо дѣло отъ лица уже служащаго, и служащаго хорошо. Оба обидѣлись. А второй былъ прекрасный человекъ и досадно было слышать, какъ жаловался онъ, что его отвергли, забраковали. И Боже мой, сколько выходило подобныхъ недоразумѣній, сколько самолюбій оскорблялось, сколько обвиненій составлялось, произносилось и разносилось подъ впечатлѣніемъ минуты и минуты досады! Всѣ эти обвиненія быстро распространялись и при невозможности ихъ провѣрки шли въ ущербъ не только характера, но и репутаціи князя В. А. Впрочемъ, довольно; вопросъ этотъ очень сложный и деликатный; о немъ можно и должно поговорить подробно, но при другихъ обстоятельствахъ.

Обращаюсь къ статьѣ князя Дабижа.

«Въ Кишиневѣ одинъ изъ членовъ одесскаго болгарскаго настоятельства предлагалъ князю Черкасскому распространить между болгарамъ, отъ имени настоятельства, что-то въ родѣ окружнаго посланія, въ которомъ населеніе приготавливалось къ братской встрѣчѣ нашихъ войскъ. Во главѣ настоятельства стоялъ мѣстный преосвященный, теплое слово котораго, безъ сомнѣнія, проникло бы въ сердца народа. Кромѣ того, имя болгарскаго настоятельства, изъ котораго вышло не мало борцовъ за свободу Болгаріи и которое дало лучшихъ учителей народныхъ школъ, достаточно извѣстно каждому болгарину. Можно было надѣяться, что предлагаемое воззваніе не было бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и, во всякомъ случаѣ, оно не испортило бы дѣла. Что же отвѣтилъ князь? Отступивъ нѣсколько шаговъ и принявъ угрожающій видъ, онъ спросилъ: «Неужели вы думаете, что ваше посланіе будетъ имѣть больше значенія, чѣмъ 250 тысячъ русскихъ штыковъ»?... Этотъ отвѣтъ, неделикатный по отношенію къ лицу, явившемуся съ самыми благими намѣреніями, и съ самаго начала неправильно опредѣлявшій наши отношенія къ болгарамъ, можетъ быть поставленъ девизомъ дѣятельности русскаго управленія». И далѣе: «Извѣстный болгарскій ученый, если не ошибаюсь, Беронъ, предложилъ значительныя денежныя средства на устройство школъ въ родной землѣ и встрѣтилъ со стороны кн. Черкаскаго такой приемъ, что ему, ветхому старцу, оставалось только заплакать!... Чѣмъ объяснить подобное безсердечіе?... Ни въ чемъ болгаре не должны были выказывать своего національнаго чувства, и все то, что имѣло видъ содѣйствія съ ихъ стороны дѣлу освобожденія родины, принималось чуть не какъ преступленіе. «Дѣло будетъ сдѣлано по»

мимо васъ», — круто отвѣтилъ князь болгарскимъ депутатамъ, предложившимъ просить оружія»...

Всѣ эти заявленія имѣютъ чисто анекдотическій характеръ, но тѣмъ не менѣе, при помощи моего дневника, я имѣю полную возможность безусловно опровергнуть ихъ (кромя сцены съ Верономъ), основываясь при этомъ на дѣйствительныхъ фактахъ.

О 250 тыс. русскихъ штыковъ князь Черкасскій сказалъ не въ Кишиневѣ, а въ Плоштити, безъ той трагикомической обстановки, о которой говоритъ кн. Дабича, и вовсе не въ отвѣтъ на предложеніе одесскаго болгарскаго настоятельства, дѣйствительно пользовавшагося доброю славою и оказавшаго гражданскому управленію не мало довольно цѣнныхъ услугъ, преимущественно рекомендованіемъ разныхъ лицъ за Дунаемъ.

Всѣмъ извѣстна и памятна выдающаяся роль (передъ войною) славянскихъ комитетовъ и особенно московскаго, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Ив. С. Аксакова. Само собою разумѣется, что, начиная войну съ освободительною цѣлью, слѣдовало заранѣе опредѣлить порядокъ дѣйствія какъ этихъ комитетовъ, такъ и всѣхъ вообще подобныхъ учреждений, установивъ между ними общую связь и указавъ для нихъ общую цѣль. Всѣ подробности объ этомъ заключаются въ извѣстной рѣчи Ив. С. Аксакова, произнесенной имъ въ засѣданіи московскаго комитета 17-го апрѣля 1877 г. Дѣлаю изъ нея нѣсколько выдержекъ:

«Государю императору благоугодно было допустить, даже во время самой войны, дѣятельность агентовъ славянскаго комитета въ задунайскомъ краѣ, съ тѣмъ, чтобы она состояла подъ наблюденіемъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ арміею, дѣятельность, конечно, благотворительную.

«Благотворительную дѣятельность въ задунайскомъ краѣ или, вѣрнѣе сказать, собственно въ Болгаріи, комитетъ въ официальной инструкціи, написанной имъ для своихъ агентовъ и сообщенной въ копіи г. завѣдывающему гражданскою частью, очертилъ слѣдующимъ образомъ:

«Дѣятельность ихъ, будучи благотворительною, направляется преимущественно на поддержаніе храмовъ и школъ и на облегченіе участи бѣдствующаго христіанскаго населенія, содѣйствуя такимъ образомъ правительству (обращаю вниманіе читателей на эти слова) къ обновленію въ славянскихъ земляхъ, занимаемыхъ нашими войсками, правильной національной жизни въ бытовомъ, церковномъ, вообще въ духовномъ, нравственномъ и также матеріальномъ отношеніи». (Разрядка подлинника).

Такимъ образомъ всякая политика изъ дѣйствій славянскихъ комитетовъ и учреждений, какъ русскихъ, такъ и въ задунайскомъ краѣ, была исключена и имъ предоставлена только подобающая роль благотворительная. Объ этомъ было сообщено всѣмъ таковымъ учреждениямъ въ имперіи, а въ томъ числѣ и одесскому настоятельству.

Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ, одесское настоятельство не могло задумать составленія особаго посланія къ задунайскихъ болгарамъ и предлагать о томъ кн. Черкасскому чрезъ одного изъ своихъ членовъ. Но если бы и не было дано особой инструкціи болгарскимъ благотворительнымъ учреждениямъ, то и тогда князь Черкасскій не могъ принять предложенія о посланіи потому, что въ самомъ началѣ мая 1877 г. имъ же самимъ составленъ былъ проектъ воззванія къ болгарамъ отъ имени главнокомандующаго, обнародованный потомъ, 11 июня, отъ лица самого Государя Императора. Весьма можетъ быть, что отдѣльные члены одесскаго настоятельства мечтали о политической дѣятельности и пытались въ этомъ смыслѣ поддѣйствовать на кн. Черкаскаго, который, безъ сомнѣнія, и остановилъ ихъ увлеченія. Вообще болгары и въ то уже время проявляли рѣшительное стремленіе къ политическимъ затѣямъ.

Какъ только Россія объявила войну Турціи и ополчилась на защиту угнетенныхъ христіанъ и преимущественно болгаръ—тотчасъ явились на сцену политическіе интриганы и спѣшили заручиться нашей поддержкой. Я укажу на двѣ подобныя попытки болгарскихъ политикановъ—на появленіе князя Богориди и депутацію «болгарской омладины».

Князь Богориди или Богоридесъ хотя и болгарскаго происхожденія, но предки его давно уже передались грекамъ и туркамъ и одинъ изъ нихъ былъ господаремъ Молдавіи. Нынѣшній представитель этого рода (говорю о 1877 годѣ) воспитывался въ Парижѣ, по болгарски не говоритъ и сдѣлался вполнѣ румыномъ. Женатый на княжнѣ Стурдза, родственницѣ невѣстки канцлера кн. А. М. Горчакова, Богориди рѣшился принять на себя роль претендента на болгарскій престолъ и въ качествѣ таковаго появился въ нашей главной квартирѣ. Разсчитывалъ ли онъ на содѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, на сочувствіе князя Горчакова—не знаю; онъ объ этомъ не говорилъ и не сдѣлалъ ничего такого, изъ чего можно бы было вывести заключеніе, что о помыслахъ своихъ онъ говорилъ съ канцлеромъ. Съ болгарами же онъ началъ сходитьсѣ и вошелъ въ близкія сношенія съ двумя изъ нихъ, состоявшими тогда при князѣ Черкасскомъ и, вѣроятно, казавшимися ему особенно вліятельными, если не на кого либо изъ русскихъ властей, то на населеніе. Это были: Геровъ, нашъ



вице-консулъ въ Филиппополѣ, и кѣкто Ивановъ, кишиневскій исправникъ и предсѣдатель тамошняго болгарскаго благотворительнаго комитета.

Геровъ заговаривалъ о Богориди съ княземъ Черкасскимъ, но, не получивъ ничего удовлетворительнаго, сталъ забѣгать къ окружающимъ князя Горчакова; обратился и къ нему самому. Объ этихъ проискахъ сказалъ мнѣ, 2-го іюня 1877 года, Н. П. Игнатьевъ и поручилъ предупредить князя Черкаскаго о необходимости строго держать Герова, который, какъ подчиненный тогда гражданскому управленію, не могъ дѣйствовать помимо его и противно его интересамъ. Я передалъ порученіе и узналъ отъ князя В. А., что Богориди пуссировали уже и съ другой стороны и тоже неумѣло.

Оказалось, что исправникъ Ивановъ, взявъ его подъ свое покровительство, придумалъ забавный фарсъ — представить претендента болгарскимъ войскамъ, т. е. болгарскимъ дружинамъ, стоявшимъ тогда около главной квартиры лагеремъ. Ивановъ и Богориди явились въ лагерь. Разумѣется, имъ позволили только походить по лагерю какъ частнымъ гостямъ, но они успѣли поговорить съ нѣсколькими дружинниками, уволенными, по разнымъ случаямъ, изъ ополченія и находившимися еще въ лагерьѣ. Богориди подарилъ имъ, на путевые расходы, 49 полумперіаловъ. О посѣщеніи лагеря «знаменитымъ болгарскимъ патриотомъ» и о щедромъ его подаркѣ братушкамъ появилась статья въ издававшемся въ Плоэшттахъ крохотномъ болгарскомъ журнальчикѣ «Ежедневный Новинарь». Въ штабѣ арміи обратили вниманіе на эти продѣлки, узнали объ участіи исправника Иванова, и начальникъ штаба генералъ Непокойчицкій сказалъ князю Черкасскому, что Иванова слѣдовало бы выслать изъ арміи. Князь, однако, взялъ его подъ свою защиту, обѣщавъ принять мѣры къ недопущенію впредь новыхъ, съ его стороны, промаховъ.

Геровъ и Ивановъ отдѣльно были призваны къ князю Черкасскому и вотъ чтó онъ сказалъ имъ. Выписываю это изъ моего дневника буквально. Герову онъ сказалъ:

— «Дошло до того, что мы должны болгаръ защищать отъ болгаръ же; не политкуйте, а дѣлайте чтó вамъ велятъ. Ваше дѣло въ рукахъ государя и въ лучшихъ не можетъ быть».

Иванову замѣчаніе было очень рѣзкое:

— «Вы это сдѣлали, сказалъ ему князь, по глупости или злоумышленно. И въ томъ, и другомъ случаѣ вы намъ не нужны. Смотрите, впередъ будьте осторожны; генералъ Непокойчицкій просилъ меня выслать васъ вонъ».

Инцидентъ съ Богориди кончился въ кабинетѣ князя Черкаскаго.

Румынскій нахаль, не зная, вѣроятно, объ участи, постигшей его наперсниковъ, отправился къ князю В. А. и развязно началъ бесѣду по французски. Князь его спросилъ:

— «Вы говорите по болгарски?»

— Нѣтъ.

— «Такъ вамъ прежде всего слѣдовало бы научиться этому языку, а не прибѣгать къ покровительству «Секидневнаго новинаря» и кишиневскаго исправника».

Послѣ этого я уже не слыхалъ о Богориди.

Теперь о 250 тысячахъ штыковъ. Передъ войною 1877 года представителями Болгаріи выставляли себя Драганъ Цанковъ и Балабановъ, оба испытанные патріоты, объѣхавшіе дворы великихъ европейскихкихъ державъ и всюду заявлявшіе о невыносимомъ положеніи Болгаріи. Ихъ вездѣ принимали и выслушивали. Никакихъ полномочій на такое представительство они, разумѣется, не имѣли, но ихъ прошлое давало имъ обонимъ нравственное право выступить подобными ходатаями. Кромѣ той партіи болгаръ, непосредственно къ которой принадлежали Д. Цанковъ и Балабановъ, была еще въ край или, лучше сказать, внѣ его, извѣстная «болгарская оmlадина», составленная преимущественно изъ патріотовъ, получившихъ воспитаніе на парижскихъ бульварахъ и въ вѣнскихъ кофейныхъ. Въ любви къ родинѣ имъ, разумѣется, отказать было нельзя, но о цѣляхъ ихъ и средствахъ достигнуть этихъ цѣлей сказать много хорошаго нельзя. Изъ нихъ даже весьма мало было добровольцевъ въ сербской войнѣ, а междъ утѣмъ въ Сербію стеклось много болгаръ, снѣвшихшихъ заявить о своемъ патріотизмѣ не одними словами, но и дѣломъ. Вотъ эта-то «оmlадина» и рѣшила обратиться къ болгарскому народу съ особымъ манифестомъ. Не знаю, былъ ли онъ опубликованъ, у меня нѣтъ на это, подъ рукою, достовѣрныхъ данныхъ, но привожу его такъ, какъ онъ записанъ у меня въ дневникѣ, въ переводѣ на русскій языкъ:

«Братья! Народъ, умѣющій бороться и проливать кровь за свою свободу и независимость, увѣренъ, что онъ, наконецъ, одержитъ верхъ надъ своимъ врагомъ. Свобода пріобрѣтается лишь большими жертвами. Мы часто во время нашего рабства возставали противъ нашего неумолимаго врага, протестуя огнемъ и кровью противу угнетеній и страданій, которыя онъ намъ причинялъ. Но до нынѣ турецкая орда всегда успѣвала заглушить нашъ голосъ. Мы подверглись, наконецъ, страданіямъ, возбудившимъ всеобщее къ намъ участіе. Недавно еще наши села были выжжены; наши матери, жены и дѣти обезчещены; нашихъ священниковъ распинали, наши церкви были ограблены.

Тысячи болгарскихъ труповъ были брошены собакамъ, тысячи другихъ сгнили безъ погребенія. Вездѣ взору нашему представляются равнины и долины, обогранныя болгарскою кровью. Мы терпѣливо сносили превышающія всякую мѣру страданія, ибо надѣялись, что къ намъ въ скоромъ времени поспѣшатъ съ защитой. Наша надежда осуществилась. Россія намѣрена насъ защитить. Она двинулась съ рѣшимостью наказать нашихъ мучителей за пролитую ими кровь. Въ непродолжительномъ времени побѣдоносныя русскія знамена, подъ сѣнью коихъ будетъ приготовлено лучшее для насъ будущее, будутъ развѣваться въ Болгаріи. Русскіе идутъ на помощь къ намъ какъ братья, желая лишь защитить насъ и не имѣя ничего въ виду для себя. Русскіе, обезпечивъ свободное существованіе румынамъ, сербамъ и грекамъ, желаютъ сдѣлать то-же и для насъ.

«Братья! пробилъ великій и святой часъ, въ который мы все должны, какъ одинъ человѣкъ, стать на ряду съ русскими войсками для борьбы съ врагомъ. Вооружитесь скорѣе и какъ можете, и постараемся показать себя достойными приготовляемой намъ участи. Наши интересы, наше будущее, наше освобожденіе налагаютъ на насъ обязанность принять участіе въ войнѣ въ ряду нашихъ освободителей. Твердо стоя противъ врага, мы всемъ покажемъ, что заслуживаемъ свободу.

«Народъ болгарскій! Ты самъ устроишь себѣ правительство. Но до того времени подчиняйся временному болгарскому правительству, избранному патриотами. Это правительство въ скоромъ времени появится среди тебя и будетъ дѣйствовать по твоей волѣ. Теперь оно обращается къ тебѣ изъ Румыніи съ возгласомъ: «Впередъ, Болгарія, съ нами Богъ, съ нами и русскіе наши братья!»

«Дано въ Румыніи, 7 мая (н. с.) 1877 г. К. Цанковъ. О. Пановъ. П. Енчевъ. П. Висковскій. С. Стамбуловъ. И. Вазовъ. Д. П. Ивановъ. И. Кавальджіевъ».

Итакъ, «болгарская оmlадина», приглашая народъ къ войнѣ противу турокъ «въ ряду освободителей», въ то же время требовала подчиненія временному болгарскому правительству, которое обѣщало скоро появиться и дѣйствовать по волѣ народа!

Послѣ составленія такой-то прокламаціи явилась въ Пloешти къ кн. Черкасскому болгарская депутація изъ членовъ оmlадины. Въ числѣ явившихся былъ К. Цанковъ, и кажется, нѣсколько другихъ изъ подписавшихъ прокламацію 7-го мая. Это было 3-го или 4-го іюня 1877 г.

Между тѣмъ, еще 28-го мая, государь императоръ утвердилъ написанное кн. Черкасскимъ воззваніе къ болгарамъ, обнародованное

потомъ 11-го іюня. Въ концѣ этого воззванія русскаго монарха говорилось:

«По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участию въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти; а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія докажете вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайте русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе».

«Слушайте русской власти, исполняйте въ точности ея указанія», говорило воззваніе царя-освободителя. «Покоряйтесь временному правительству, избранному патріотами», заявляли члены омадины. Очевидно, что кн. Черкасскій не могъ не поставить ихъ сразу на законную почву и не пригласить ихъ перестать играть въ политику. Ни къ какой мелодрамѣ прибѣгать не было нужды и не зачѣмъ было угрожать; князь коротко и ясно, словами утвержденного государемъ воззванія, объяснилъ имъ обязанности болгаръ въ настоящихъ обстоятельствахъ, прибавя, что надо спокойно ожидать развязки дѣла, которое находится въ мощныхъ рукахъ русскаго государя, не только приславшаго на Дунай 250,000 тысячъ своего войска, но и лично прибывшаго къ своей арміи. Отъ него зависитъ и война противъ турокъ и направленіе политики. Слова кн. Черкаскаго были настолько перефразомъ воззванія, что я не записалъ ихъ даже въ своемъ дневникѣ и очень хорошо помню, что дѣло было именно такъ, какъ я говорю.

Опровергнуть анекдотъ съ Берономъ не могу. Но такъ какъ князь Дабижа называетъ его «ветхимъ старцемъ», то можно предположить, что онъ не прѣбывалъ за Дунай, а представлялся кн. Черкасскому въ Плоешти или въ Бухарестѣ. Зная обычаи князя В. А. не имѣть при своей канцеляріи никакихъ лишнихъ денегъ, я допускаю, что онъ, въ отвѣтъ на предложеніе Берона о пожертвованіи, могъ отвѣтить, что это еще преждевременно, чѣмъ можетъ быть и огорчилъ жертвователя. Впрочемъ, за все время войны никакихъ пожертвованій отъ болгаръ на народное образованіе не поступало, и о предложеніи Берона я никогда ничего не слышалъ, а, между прочимъ, свѣдѣнія объ этомъ едва-ли могли миновать меня.

Наконецъ, остается опровергнуть обвиненія кн. Черкаскаго въ томъ, что онъ на просьбу болгаръ, пришедшихъ просить оружія, круто отвѣтилъ—«дѣло будетъ сдѣлано помимо васъ»... Въ то время, когда армія не переходила Дуная, болгары, разумѣется, не могли являться съ требованіемъ оружія, а если бы и явились, то имъ указали бы на формировавшіяся тогда болгарскія дружины съ предложеніемъ поступить въ ихъ составъ. Передъ самымъ переходомъ за Дунай наши власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, очень опасались, чтобы между двумя злобствующими другъ на друга частями населенія не произошло, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, кровопролитныхъ схватокъ. Рѣшено было приступить къ обезоруженію. Объясняясь, по этому предмету, кн. Черкасскій письменно выразилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Обезоруженію должно подвергнуться населеніе мусульманское, столько разъ злоупотреблявшее своимъ правомъ. Къ обезоруженію болгарскаго населенія нѣтъ нужды прибѣгать потому, что оно, бывши давно уже обезоружено самими турками, имѣетъ оружіе въ самомъ незначительномъ количествѣ и крайне нуждается въ немъ для отраженія, могущихъ быть со стороны мусульманъ, попытокъ къ новымъ нападеніямъ на христіанъ»<sup>1)</sup>. На дѣлѣ потомъ оказалось, что турецкое населеніе почти поголовно бѣжало передъ нашими войсками и не отъ него надо было защищать болгаръ, а наоборотъ — оставшихся турокъ слѣдовало охранить отъ нападенія болгаръ. Для этого, однако, достаточно было поставить въ турецкія деревни по одному солдатику, по два—и турокъ уже не трогали. Не то было въ горахъ. Тамъ и вражда была сильнѣе, и мѣстность удобнѣе для враждебныхъ дѣйствій, и для войскъ труднѣе было слѣдить за сохраненіемъ порядка. Тамъ, съ самаго начала, допущено было образованіе свободныхъ болгарскихъ «четъ», т. е. вооруженныхъ партій, которыя и блюли за порядкомъ. Однако, очень скоро мы убѣдились, что «четы» просто грабили и рѣзали турокъ, а потому сперва начали съ ними посылать нашихъ офицеровъ, а потомъ и вовсе ихъ распустили. Для охраненія же порядка приказано было (правила 8-го августа 1877 г.) учреждать—гдѣ признавалось то губернаторами необходимымъ—мѣстные вооруженные караулы, преимущественно изъ людей, обладавшихъ извѣстнымъ достаткомъ. Для вооруженія карауловъ кн. Черкасскій выпросилъ въ свое распоряженіе, во-первыхъ, оружіе, полученное отъ обезоруженія мусульманъ (его было мало), и, во-вторыхъ, ружья плѣннаго гарнизона Никопольской

<sup>1)</sup> Письмо кн. Черкаскаго къ ген.-адъют. Непокойчицкому, отъ 30-го мая 1877 г., № 226.

крѣпости. Эти ружья были перевезены въ Систовъ, тамъ исправлены въ артиллерійской мастерской и затѣмъ доставлены въ Тырново. Обучение карауловъ обращенію съ оружіемъ, правиламъ стрѣльбы и даже нѣкоторымъ началамъ военного строя должны были производить, въ мѣстахъ своего расположенія, войска и болгарскія дружины.

«Относясь съ крайнею суровостью къ людямъ хорошимъ и нерѣдко оскорбляя ихъ, князь Черкасскій охотно сближался съ чорбаджіями, этими півками болгарскаго народа, которые служили и туркамъ и грекамъ, лишь бы при ихъ содѣйствіи обдѣлывать свои дѣла на счетъ простаго народа. Эти люди все употребляли, чтобы возбудить въ русской администраціи недовѣріе къ живымъ силамъ народа, и имъ болгаре обязаны, что долгое время изъ нихъ не формировали дружинъ, которыя могли бы быть весьма полезнымъ резервомъ для нашей арміи. Болгаре не несли ни малѣйшихъ тягостей войны: ни провіантомъ, ни людьми, ни обозомъ.—Даже бѣглецы, едва ускользнувшіе отъ турецкаго ножа, не находили большаго сочувствія къ своей злосчастной судьбѣ. Обыкновенная политическая мудрость кн. В. А. Черкаскаго, въ этомъ случаѣ, была обойдена промисками своекорыстныхъ людей».

Допуская, что вслѣдствіе своего характера кн. В. А. могъ нажить себѣ много враговъ, я рѣшительно отказываюсь понять обвиненіе его въ сближеніи съ болгарскими чорбаджіями, подъ которыми, въ данномъ случаѣ, разумѣются тѣ, такъ сказать, мѣстные кулаки, которые, при помощи турокъ и грековъ, высасывали кровь изъ народа. Прежде всего слѣдуетъ спросить, гдѣ же эти чорбаджи, кто они, назовите ихъ? Безъ сомнѣнія, эти люди, столь искусно обработывавшіе свои дѣлашки, были и ума недюжиннаго, и ловкости изумительной, если могли обойти такого умнаго, пронипательнаго и гордаго человѣка, какъ князь Черкасскій. Съ 1-го мая 1877 г. по 19-е февраля 1878 года я былъ почти безотлучно въ главной квартирѣ главнокомандующаго и въ самыхъ близкихъ ежечасныхъ сношеніяхъ съ княземъ Черкасскимъ и по совѣсти не могу указать, кто именно изъ мѣстныхъ жителей былъ къ нему мало-мальски близокъ, а тѣмъ болѣе, кто изъ нихъ обошелъ его и орудовалъ имъ. Это обвиненіе такъ странно и неправдоподобно, что его слѣдуетъ отвергнуть безусловно, что я и дѣлаю самымъ рѣшительнымъ образомъ, не боясь, чтобы кто нибудь уличалъ меня въ неправдѣ.

А между тѣмъ молва, выдумавъ какое-то вліяніе темныхъ мѣстныхъ силъ на князя Черкаскаго, не задумалась обвинить его въ томъ, что подъ вліяніемъ этихъ интригановъ онъ не только не довѣрялъ живымъ силамъ народа, но и глубоко не взлюбилъ его, что и

выразилось: во-первыхъ, долгимъ неформированіемъ дружинъ, которыя могли бы быть весьма полезнымъ резервомъ для нашей арміи, и, во-вторыхъ, полнымъ несочувствіемъ къ несчастной судьбѣ болгарскихъ бѣглецовъ, едва ускользнувшихъ отъ турецкаго ножа. Посмотримъ, что было въ дѣйствительности.

Объ ополченіи. Еще 16-го ноября 1876 г., вслѣдъ за первой частной мобилизаціей нашей арміи, высочайше утверждена была инструкція завѣдывающему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміею. Инструкція эта составлена была княземъ Черкасскимъ и въ ней, въ числѣ статей, опредѣлявшихъ обязанности гражданского управленія, была, между прочимъ, слѣдующая, возлагавшая на князя Черкаскаго «дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края».

Къ исполненію своихъ обязанностей по этому предмету князь Черкасскій приступилъ немедленно при содѣйствіи — съ одной стороны военнаго вѣдомства, а съ другой — славянскихъ комитетовъ, ему подчиненныхъ. Военное вѣдомство постановило ограничиться сформированіемъ, на первый разъ, шести дружинъ тысячнаго состава и шести же конныхъ сотенъ, а московскій славянскій комитетъ подарилъ для будущаго ополченія батарею артиллеріи и 20 тыс. ружей Шаспо съ значительнымъ запасомъ снарядовъ и патроновъ и, сверхъ того, взялся заготовить обмундированіе на 6 тыс. человекъ за счетъ интендантства <sup>1)</sup>.

Матеріаломъ для сформированія болгарскихъ дружинъ послужили болгарскіе выходцы, бывшіе, по большей части, добровольцами въ сербской арміи; офицеры же и кадры нижнихъ чиновъ назначены изъ русскихъ войскъ.

5-го апрѣля были утверждены правила для формированія болгарскаго ополченія, а къ 16 мая, въ шести дружинахъ, расположенныхъ въ Кишиневѣ, уже состояло на лицо: 1 генераль (Столѣтовъ), 9 штабъ-офицеровъ, 72 оберъ-офицера, 7,206 строевыхъ и 238 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ составѣ болгарскія дружины перешли и за Дунай.

Отличный матеріалъ, изъ котораго составлены были первыя шесть дружинъ, далъ самые блестящіе результаты; почти немедленно за

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи имъ же заготовлено было обмундированіе и для шести дружинъ второй очереди, т. е. тоже 6 тыс. комплектовъ. Д. А.

своимъ сформированіемъ, дружины представлялись на смотръ такими, крѣпко сплоченными, строевыми единицами, что ихъ засыпали похвалами и тѣмъ зажгли въ сердцахъ всѣхъ дружинниковъ, отъ рядоваго до генерала, непреодолимое желаніе идти на бой. Дѣйствительно, нижніе чины, по большей части, участвовали въ сербской войнѣ добровольцами, дрались уже съ турками и вѣрили въ свои силы, а офицеры вовсе не желали оставаться съ братушками гдѣ-либо въ резервѣ въ то время, когда ихъ товарищи, съ своими частями, готовились къ трудностямъ перехода черезъ Дунай. Этотъ порывъ отваги молодой части подкупалъ симпатіи военныхъ властей, которыя весьма охотно склонялась къ мысли предоставить болгарскимъ дружинамъ самое широкое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Не такъ смотрѣло гражданское начальство въ лицѣ своего представителя кн. Черкасаго. Для того, чтобы приготовить «мѣстную военную силу», на которую указывала ему инструкция, онъ считалъ необходимымъ имѣть хорошіе кадры въ разныхъ частяхъ края, чтобы пропускать черезъ нихъ массу охотниковъ и обучать вообще всѣхъ желающихъ. Эти самыя дружины, обучая новобранцевъ, могли быть употреблены въ помощь гражданскимъ властямъ для мѣстной службы и для охраненія порядка въ тылу арміи тѣмъ сподручнѣе, что дружины были изъ болгаръ, а части занятаго края, по мѣрѣ ихъ занятія, предположено было немедленно устраивать на новыхъ основаніяхъ, выработанныхъ для гражданского строя будущей Болгаріи. Эта самая мысль выражена была и въ воззваніи къ болгарамъ (11-го іюня 1877 г.), гдѣ сказано: «а новыя болгарскія дружины послужать ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности». Не прочь былъ кн. Черкасскій и отъ того, чтобы дать болгарскимъ дружинамъ случай участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, и находилъ это даже безусловно необходимымъ, но предоставить случай быть въ бою вовсе не то, что прямое назначеніе дружинъ для службы въ полѣ, наравнѣ съ русскими войсками.

Оба мнѣнія о порядкѣ употребленія болгарскихъ дружинъ обсуждались горячо, но верхъ одержали военные и первыя шесть дружинъ болгарскаго ополченія не только предназначены были для полевой службы, но даже были включены въ отрядъ генерала Гурко, составленный изъ отборныхъ войскъ и посланный впередъ для занятія Тырнова и балканскихъ переваловъ. Въ видахъ уступки требованіямъ кн. Черкасаго, изъ состава шести дружинъ было выдѣлено: 1 штабъ-офицеръ (полковникъ Корсаковъ), 37 оберъ-офицеровъ, 991 строевыхъ и 68 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ и изъ



нихъ образована сводная бригада, которую слѣдовало пополнить новобранцами и развить при ихъ помощи въ шесть новыхъ дружинъ. Изъ этихъ-то будущихъ дружинъ общано дать нѣсколько и гражданскому управленію; онѣ же должны были пополнять некомплектъ въ дружинахъ первой очереди.

4-го августа 1877 г. состоялось распоряженіе объ образованіи 6-ти дружинъ второй очереди. Всего въ болгарскомъ ополченіи должно было считаться 12 дружинъ въ составѣ: 1 генерала, 16 штабъ и 197 оберъ-офицеровъ, 12,024 строевыхъ и 396 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

Такимъ соглашеніемъ по вопросу о дружинахъ возстановился миръ между гражданскими и военными властями. Казалось, что, выражаясь словами пословицы, и «волки были сыты, и овцы цѣлы», но на дѣлѣ вышло не то.

Болгарскія дружины (первой очереди) покрыли себя славою въ дѣлахъ за Балканами, а особенно на Шипкѣ, въ памятные дни ея защиты отъ арміи Сулеймана, но за то быстро таяли отъ убыли въ бою, болѣзней, дезертирства. Уже 16-го августа 1877 года, во всѣхъ 12 дружинахъ на лицо считалось всего лишь 4,840 нижнихъ чиновъ. Цифра эта затѣмъ падала все болѣе и болѣе и опустилась:

къ 1-му января 1878 г.	до 3,677 чел., а
1-му мая 1878 »	» 3,447. »

т. е. въ каждой дружинѣ было только по 287 человекъ.

Попеченіе о дружинахъ, пострадавшихъ на Шипкѣ, было всецѣло возложено на гражданское управленіе; оно ихъ успокоило, накормило и одѣло. Количество одежды, посланной на Шипку, было такъ велико, что агентъ славянскаго комитета, г. Афанасьевъ, раздавая его болгарамъ, могъ удѣлить излишекъ и войскамъ. Войскамъ было передано 2,500 штукъ шароваръ и сапогъ.

Уменьшеніе численнаго состава дружинъ вызвало самую горячія ходатайства князя Черкаскаго объ ихъ слѣшномъ укомплектованіи посредствомъ набора, однако, дѣло не имѣло успѣха. Неудачи подъ Плевной, крайняя недостаточность района Болгаріи, занятаго тогда нашими войсками, и многое множество другихъ причинъ привели къ тому, что всѣ усилія князя остались тщетными. Изготовленное еще во время сидѣнія подъ Плевной соображеніе о призывѣ новобранцевъ не получило утвержденія. О болгарскомъ ополченіи совсѣмъ, казалось, забыли. И само оно не давало о себѣ никакихъ извѣстій. Недавно умершій генералъ К., стоявшій близко у дѣла формировація болгарскаго ополченія, отзывался о немъ крайне недружелюбно и даже высказывалъ, что не понимаетъ, какъ можно думать о болгар-

скомъ войскъ, когда нѣтъ національныхъ армій у народовъ болѣе значительныхъ, чѣмъ болгаре!

Здѣсь, разумѣется, не мѣсто входить въ подробности, почему болгарское ополченіе было доведено до такого печальнаго положенія, но приведенныхъ фактовъ, думаю, достаточно, чтобы снять въ этомъ отношеніи всякую отвѣтственность съ князя Черкаскаго. Онъ сдѣлалъ все, что смогъ, вынеся на себѣ, на своихъ нервахъ, результаты неудачъ и разочарованій.

Однако, дѣло болгарскаго ополченія не погибло окончательно. Послѣ смерти князя Черкаскаго, гражданское управленіе шло по слѣдамъ своего учителя и, настойчиво дѣйствуя въ томъ же духѣ, успѣло придти къ осуществленію той статьи инструкціи 16-го ноября 1876 года, которая возлагала на гражданское начальство оказаніе полного содѣйствія военному вѣдомству къ увеличенію болгарскихъ дружинъ.

Въ мартѣ 1878 года послѣдовало повелѣніе главнокомандующаго о призывѣ подъ знамена, по особо утвержденнымъ правиламъ, до 9-ти тысячъ молодыхъ болгаръ, что и должно было довести всѣ 12 дружинъ до тысячнаго состава каждой.

Но и это распоряженіе едва было не осталось безъ послѣдствій. Сопrotивленіе ему встрѣтилось въ самомъ началѣ ополченія. Генераль-маіоръ Давыдовъ, замѣнившій въ командованіи болгарами генерала Столѣтова, вошелъ съ ходатайствомъ о пріостановленіи укомплектованія ополченія. Послѣ продолжительной кампаніи, говорилъ генераль, организація ополченія пришла въ большое разстройство; офицеровъ на лицо осталось весьма мало, кадровъ русскихъ нижнихъ чиновъ почти вовсе нѣтъ. Матеріальная часть и вооруженіе пришли тоже въ полное разрушеніе.

Подобное ходатайство было отвергнуто и наборъ состоялся, давъ блистательные результаты, какъ это показываютъ слѣдующія цифры. По спискамъ болгарскаго ополченія состояло:

къ 1-му мая 1878 г.	4,406	ниж. чин., а
16-му » 1878 г.	12,349	» »

т. е. прибыло 7,943 человекъ и превышеніе противу штата равнялось 325 человекъ.

Такъ какъ первый наборъ новобранцевъ изъ болгаръ произведенъ былъ подъ наблюденіемъ губернаторовъ и окружныхъ начальниковъ, то успѣхъ его показываетъ, что въ то время, т. е. въ началѣ мая 1878 года, гражданское управленіе въ краѣ было вполне организовано и стояло на высотѣ своей задачи.

## III.

Болгарскіе бѣглецы. Рѣшительно не понимаю, откуда взялось обвиненіе князя Черкаскаго въ равнодушіи къ дѣйствительно несчастной судьбѣ болгарскихъ бѣглецовъ, спѣшившихъ укрыться подъ защиту русскихъ властей изъ мѣстностей, временно оставленныхъ нашими войсками. Напротивъ, именно это дѣло можно выставить какъ прекрасный примѣръ особой попечительности князя о судьбѣ несчастныхъ и страждущихъ. Буду кратко, приведу лишь самые главные факты, укажу на лица.

Первые бѣженцы были изъ Ловчи въ половинѣ іюля 1877 года; затѣмъ потянулись они изъ Беброва, изъ-за Балканъ и, наконецъ, изъ долины Лома (въ Тульчинскомъ санджакѣ были свои бѣженцы). Первые свѣдѣнія о болгарскихъ бѣженцахъ изъ-за Балканъ получили мы отъ состоявшихъ при гражданской канцеляріи гвардейскихъ офицеровъ и адъютанта главнокомандующаго, капитана Бибикова, возвратившихся изъ поѣздки за Балканы. Картина страданій несчастныхъ болгаръ, бросившихъ въ «Долинѣ розъ» все свое имущество и едва ушедшихъ отъ конечной гибели и позора — была ужасна. Молодые люди, глубоко потрясенные видѣннымъ, не находили достаточно сильныхъ выраженій для своихъ описаній. Они были наэлектризованы и передали свое волненіе слушателямъ. Это было въ Тырновь, вслѣдъ за отъѣздомъ оттуда главнокомандующаго. Терять время было преступно и надо было, немедленно, принять рѣшительныя мѣры, предоставляя утвержденіе ихъ будущему. Вотъ что сдѣлалъ князь Черкасскій. Для ближайшаго изслѣдованія дѣла составлена была, подъ руководствомъ полковника лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Дюметти (нынѣ флигель - адъютантъ), особая коммиссія изъ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ, консульскаго агента Чалыки и извѣстнаго болгарскаго патріота священника Георгія Тилева. Снабженные 18 тысячами франковъ, эти лица посланы были изъ Тырнова, по разнымъ направленіямъ, въ горы для оказанія быстрой помощи наиболѣе нуждающимся. Изъ Бухареста былъ выписанъ агентъ славянскихъ комитетовъ г. Нарышкинъ съ имѣвшимися въ его распоряженіи денежными средствами. Губернаторамъ предложено было размѣстить бѣглецовъ въ свободныхъ сельскихъ и городскихъ домахъ, оставшихся послѣ ушедшихъ турокъ, и выдавать имъ пособіе преимущественно натурою, изъ турецкихъ хлѣбныхъ запасовъ. Бѣглецамъ же предназначены безвозмездно турецкія поля съ неубраннымъ хлѣбомъ и всѣ натуральныя

работы, какъ-то сѣнокосеніе, устройство шоссе и проч., на которыя до того времени наряджались или занимались мѣстные жители. Жители горныхъ селеній и городовъ, побуждаемые мѣстными властями, а также давнишними связями съ массою бѣглецовъ изъ Казанлыка, Эски-Загры, Карлова и Калофера, мѣстностей, состоявшихъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ жителями окрестностей Габрова, охотно давали у себя пріютъ своимъ роднымъ и знакомымъ; снабжали немущихъ бѣженцовъ посильными пособиями и вещами, захваченными изъ имущества бѣжавшихъ турокъ. Во всѣхъ городахъ открыты благотворительные комитеты изъ лучшихъ людей. Благодаря этимъ, благовременно принятымъ, мѣрамъ многія страданія бѣглецовъ облегчены и они, насколько было возможно, успокоены и размѣщены около Габрово и Тырнова, а частью продвинуты далѣе въ Систовскій санджакъ. Впрочемъ, многіе бѣженцы до самой поздней осени не покидали своихъ биваковъ около дорогъ. Это были тѣ, которые ожидали новаго съ нашей стороны наступленія и хотѣли, тогда, первыми пробраться на свои мѣста.

Принимая мѣры для устройства бѣженцовъ, кн. Черкасскій, со свойственною ему ясностью взгляда и провицательностью, въ самыя первыя минуты распоряженій, поставилъ себѣ за правило дѣйствовать съ достаточною осторожностью, соблюдая такую мѣру, чтобы съ одной стороны удовлетворить самымъ вопіющимъ потребностямъ несчастныхъ, а съ другой—не вовлечь казну въ непосильные расходы, не подать бѣженцамъ надеждъ неосуществимыхъ и не привлечь изъ-за Балканъ и отъ Разграда еще большаго ихъ наплыва.

Когда первыя заботы, вызванныя неожиданнымъ наплывомъ бѣженцовъ, были окончены, въ порядкѣ оказанія имъ помощи введена большая систематичность. Для поддержанія въ нихъ духа и энергій рѣшено было всему способному къ труду населенію указать на работу; стариковъ и дѣтей, требующихъ призрѣнія, собрать въ пріюты, а для болгарскихъ женщинъ, привыкшихъ къ ручнымъ работамъ, организовать мастерскія. Насколько тогдашнія военныя обстоятельства позволяли, все это было достигнуто и, между прочимъ, пріютъ для стариковъ и дѣтей устроенъ въ Габровѣ стараніями г. Нарышкина, а Краснымъ Крестомъ открыта въ Тырновѣ для приготовленія бѣлья и госпитальныхъ вещей мастерская, давшая многимъ болгаркамъ помѣщеніе и еще большому ихъ числу работу.

Наступившіе холода и вынужденное стояніе нашихъ войскъ на мѣстѣ заставили увеличить размѣръ помощи бѣженцамъ и тѣмъ болѣе, что по необходимости пришлось прекратить дорожныя работы. Тогда разрѣшено было обратиться въ пособіе бѣженцамъ всѣ переданные

еще интендантству правительственные и частные турецкіе хлѣбные запасы и оставшіяся отъ турокъ скоть. Кромѣ того, для оказанія имъ же помощи въ другихъ видахъ, смотря по надобности, разрѣшено было производить денежныя выдачи по усмотрѣнію губернаторовъ чрезъ особые комитеты изъ мѣстныхъ жителей. На производство денежныхъ выдачъ ассигновано было: въ тырновскомъ санджакѣ по двадцати тысячъ металлическихъ рублей въ мѣсяцъ; въ систовскомъ — по пяти тыс.; въ рущукскомъ — по три и въ тульчинскомъ по двѣ. Всѣ эти мѣры были впослѣдствіи утверждены главнокомандующимъ, которому о томъ представлено особыми докладами отъ 14-го сентября и 9-го октября 1877 года <sup>1)</sup>).

«Говорятъ, что князь признавалъ для Болгаріи больше пользы отъ обнаруженія нашей силы, чѣмъ отъ спокойнаго примѣненія соотвѣтствующихъ административныхъ мѣръ. Этимъ объясняютъ оказанное предпочтеніе военнымъ, вызваннымъ для устройства страны. Большинство изъ нихъ безспорно имѣло свои достоинства, но не знало ни исторіи народа, ни условій его жизни въ настоящее время. А безъ этого какой идеалъ могъ составиться у нихъ для предстоящей дѣятельности? Но князь желалъ одного точнаго, чисто формальнаго выполненія своихъ распоряженій и требовалъ одного слѣпнаго подчиненія себѣ». И далѣе: «князь Черкасскій имѣлъ вокругъ себя множество лишнихъ людей, пользовавшихся на счетъ страны большимъ содержаніемъ. По всей вѣроятности, эти люди составляли контингентъ будущихъ администраторовъ и подготавливались къ ожидающимъ ихъ обязанностямъ, что видно изъ того, что они носили названія губернаторовъ Варны, Шумлы и т. п., занятіе которыхъ даже не входило въ стратегическіе планы. Подобныя назначенія въ полномъ смыслѣ *in partibus infidelium* были настоящими сивекурами, въ особенности, если принять во вниманіе совершенную непригодность большинства этихъ лицъ».

Да, князь Черкасскій признавалъ безусловно необходимымъ, для блага будущей Болгаріи, возможно большее обнаруженіе силы Россіи. Онъ скорбѣлъ, что война начиналась съ несоотвѣтственными цѣлямъ силами и торжествовалъ, когда войска наши за Дунаемъ были усилены. Плохо бы пришлось болгарамъ, если бы мы, не выказавъ своей силы, ушли за Дунай. Вѣдь ихъ бы всѣхъ перерѣзали, какъ это сдѣлали почти поголовно со всѣми несчастными жителями «Долины розъ», не успѣвшими вслѣдъ за нашими войсками перейти

<sup>1)</sup> Доклады эти напечатаны въ „Сборникѣ офф. распоряженій и документовъ по Болгарскому краю“. Вып. IV, г. Адрианополь.

Балканы. А поводовъ къ отомщенію было гораздо больше въ сѣверной Болгаріи, чѣмъ въ южной. Тамъ жители, и то немногихъ мѣсть, только восторженно привѣтствовали побѣдоносныя войска передоваго отряда генерала Гурко, выказывали сочувствіе Россіи, но собственно вреда для турокъ сдѣлали мало. На сѣверѣ отъ Балканъ было не то. Здѣсь всѣ мечети были разрушены, всѣ дома турокъ, бѣжавшихъ изъ селеній и городовъ, разграблены и почти уничтожены. Подобное разграбленіе происходило всюду, въ порывѣ восторга, въ промежутокъ времени между бѣгствомъ турокъ и прибытіемъ нашихъ войскъ. Появленіе русскихъ сопровождалось возстановленіемъ порядка и прекращеніемъ разгула черни, но всюду, куда мы ни приходили, мы видѣли минареты поваленными и турецкіе кварталы въ состояніи полного разгрома. Да, скажу опять, пельзя было не желать проявленія силы Россіи и она ее проявила, хотя—какъ при помощи нашихъ ошибокъ доказали намъ наши друзья-недрузи—и не въ той степени, какъ бы слѣдовало, потому что изъ задуманной нами Болгаріи половину совсѣмъ оставили туркамъ, а изъ другой только въ половинѣ посадили князя, въ остальной же назначили турецкаго генераль-губернатора. Спокойное примѣненіе соотвѣтствующихъ административныхъ мѣръ, которому князь Черкасскій будто бы предпочиталъ развитіе нашихъ силъ, и могло начаться только тогда, когда сила уже проявлена. Кажется, это ясно и болѣе распространяться объ этомъ не стоитъ. Не этимъ предпочтеніемъ силы объясняется и призывъ военныхъ офицеровъ для занятія въ Болгаріи второстепенныхъ должностей окружныхъ начальниковъ, т. е. должностей, однородныхъ съ ландратскими въ Германіи и начальниками уѣздовъ въ Привислянскомъ краѣ. Къ этой мѣрѣ кн. Черкасскій обратился вслѣдствіе опыта прежней своей дѣятельности. Въ составѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва было множество офицеровъ и въ лицѣ ихъ князь въ первый разъ познакомился съ интеллигентными силами и средствами нашей арміи. Военные офицеры принесли съ собою умѣнье и любовь къ работѣ, дисциплину, необходимую для успѣха каждаго дѣла, и ясное понятіе о своихъ правахъ и отвѣтственности, весьма скоро привыкнувъ къ существу той спеціальной и до того незнакомой дѣятельности, для которой ихъ призвали изъ строя. Въ Привислянскомъ краѣ, стоя въ головѣ реформъ по крестьянскому дѣлу, и Черкасскій и Милютинъ уже сознательно обратились къ военному сословію и выбрали между офицерами массу людей, которымъ поручили не только множество комиссарскихъ (посредническихъ) должностей, но и не мало предсѣдательскихъ мѣсть въ крестьянскихъ комиссіяхъ. Результаты вышли прекрасныя и еще болѣе укрѣпили

князя Черкаского въ мысли, что корпусъ офицеровъ нашей арміи представляетъ неисчерпаемый источникъ для выбора лицъ на административныя должности. Припомнимъ, что много офицеровъ поступило и въ акцизное вѣдомство въ первоначальный его составъ, горѣвшій желаніемъ заставить наше общество скорѣе забыть о темныхъ сторонахъ уничтоженной откупной системы.

Обращаясь въ 1877 году къ арміи для полученія изъ рядовъ ея исполнительныхъ органовъ по гражданской администраціи, кн. Черкасскій сознательно обращался къ источнику вѣрному, испытанному и въ особенности подходившему къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, потому что во время войны, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ войсками, именно на должностяхъ окружныхъ начальниковъ въ Болгаріи, наибольшую пользу могли привести военные офицеры. Не большинство этихъ офицеровъ, а всё они, за единичными, быть можетъ, исключеніями, не знали ни исторіи народа, ни условій его жизни въ настоящее время и не могли составить себѣ никакого на этомъ основаніи идеала для предстоящей дѣятельности. Все это князь Черкасскій зналъ и не считалъ недостаткомъ, такъ какъ окружные начальники, дѣйствительно, прежде всего и не мудрствуя лукаво, должны были, какъ второстепенные исполнительные органы, исполнять въ точности полученныя приказанія. Эта точность исполненія, разумѣется, не исключала его разумности и всегда окружный начальникъ могъ, да и долженъ былъ, представить губернатору о тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя не позволяли исполнить полученное приказаніе. Кромѣ того, гдѣ бы на подобныя мѣста найти людей, знающихъ исторію края и его современную жизнь?

Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли князь Черкасскій окружилъ себя «множествомъ лишнихъ людей, въ большинствѣ совершенно непригодныхъ и только пользовавшихся на счетъ страны большимъ содержаніемъ». Отвѣчая на это обвиненіе, я укажу и на не военный элементъ въ составѣ гражданского управленія въ Болгаріи.

## IV.

Штатъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею утвержденъ 16-го ноября 1876 г. и тогда же объявленъ по военному вѣдомству въ приказѣ № 352. По штатамъ полагалось:

Завѣдывающій — 1; помощникъ его — 1; правитель канцеляріи — 1; бухгалтеръ — 1; чиновниковъ особыхъ порученій, начальниковъ отдѣленій и ихъ помощниковъ — по мѣрѣ надобности, съ утвержденія главнокомандующаго.

Начальниковъ отдѣленій, впоследствии, назначено 2, ихъ помощниковъ — 4; чиновниковъ особыхъ порученій сперва 6, а потомъ кажется 10, но не болѣе.

Итакъ, всего въ гражданской канцеляріи полагалось имѣть 20 чиновниковъ и ихъ никогда не было болѣе по спискамъ; черезъ Дунай гражданское управленіе перешло въ составѣ 11 человекъ и на лицо въ составѣ канцеляріи никогда не было болѣе этого числа, включая сюда и двухъ почтовыхъ чиновниковъ, устроенныхъ мѣстныхъ почты.

Довольно большое число чиновниковъ особыхъ порученій было назначено въ уваженіе совершенно особыхъ обстоятельствъ. Всѣ служащіе собственно въ канцеляріи гражданского управленія по штату 16 ноября 1876 года пользовались всѣми правами и преимуществами имперской службы; права же чиновъ мѣстнаго болгарскаго управленія, до начала войны, по преждевременности, не могли быть опредѣлены. Что же выходило? Губернаторъ или вице-губернаторъ никакихъ правъ не получалъ. Чтобы не ставить этихъ лицъ въ двусмысленное положеніе и не заводить о каждомъ изъ нихъ особаго дѣла, которое могло кончиться не иначе какъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ или законодательнымъ порядкомъ, признано было — губернаторовъ, вице-губернаторовъ и другихъ высшихъ русскихъ чиновниковъ, посылаемыхъ на службу въ санджаки (губерніи), зачислять чиновниками для особыхъ порученій. Сохраняя права службы, они получали содержаніе по должностямъ въ санджакахъ, а содержаніе чиновниковъ для особыхъ порученій оставалось въ сбереженіи.

Кромѣ этихъ штатныхъ чиновъ (не болѣе 19), состояло при князѣ Черкасскомъ еще нѣсколько лицъ, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ болгаръ, но ихъ было не много и о нихъ, поименно, скажу ниже.

Военныхъ офицеровъ, предназначенныхъ для занятія должностей окружныхъ начальниковъ, было выписано:



изъ войскъ гвардіи .	24
особо указанныхъ.	7
изъ числа уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ .	34
	65.
Всего	65.

Не всё они были назначены, а назначенные стали прибывать въ концѣ юня 1877 г. и собрались окончательно уже въ Тырновъ. Требованіе на нихъ, отъ губернаторовъ и разныхъ военныхъ властей, было такъ велико, что приходилось отказывать за неимѣніемъ свободныхъ <sup>1)</sup>. Впослѣдствіи, уже мною, послѣ санъ-стефанскаго договора, вновь было прикомандировано къ гражданскому управленію еще болѣе 30 офицеровъ, для занятія подобныхъ же должностей въ Македоніи, по... по измѣнившимся обстоятельствамъ они туда не были отправлены и остались на службѣ въ Болгаріи.

Что касается до служившихъ въ санджакахъ (кромѣ окружныхъ начальниковъ), то ихъ число опредѣлялось штатами и всё они, за исключеніемъ губернаторовъ и нѣкоторыхъ чиновъ ихъ канцелярій, состояли изъ мѣстныхъ жителей, не выключая и вице-губернаторовъ. Гражданскіе чины въ санджакахъ (кромѣ вице-губернаторовъ) назначались губернаторами, князю Черкасскому и его канцеляріи были неизвѣстны и уже никоимъ образомъ не могутъ быть причтены ко множеству лишнихъ людей, окружавшихъ князя.

Наконецъ, необходимо сказать о подчиненныхъ также вѣдѣнію князя Черкаскаго нашемъ консульскомъ корпусѣ въ Турціи и о нѣкоторыхъ чинахъ нашего посольства въ Константинополѣ. Всѣ они, въ числѣ 21 человекъ, или получили штатныя назначенія (губернаторовъ и вице-губернаторовъ), или распределены между корпусными командирами для веденія дѣлъ, при которыхъ могло быть особенно полезно и необходимо званіе мѣстныхъ условий. Свиты же князя Черкаскаго никто изъ нихъ собою не увеличивалъ.

Послѣ приведенныхъ цифръ можно-ли сомнѣваться, что обвиненіе князя Черкаскаго въ окруженіи себя множествомъ лишнихъ людей совершенно неосновательно и несправедливо.

Но если не было множества лишнихъ людей, а были, какъ я старался доказать, только необходимые, то неужели между ними большинство было непригодныхъ? Такъ какъ значительная часть всѣхъ служившихъ въ Болгаріи были на должностяхъ второстепенныхъ, не выше нашей исправничьей, то въ ихъ оцѣнку я вхо-

<sup>1)</sup> Въ февралѣ 1878 года наше управленіе было введено въ 56 округахъ 8 санджаковъ.  
Д. А.

дять не буду и полагаю, что лица эти, принадлежа отчасти къ русской гвардіи, а отчасти выбранные изъ состава заслуженныхъ и опытныхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ по этому самому не могли уже быть столь плохи, чтобы не удовлетворить своему подчиненному положенію. Совсѣмъ другое, если этихъ непригодныхъ было много между главнѣйшими дѣятелями по гражданскому управленію Болгаріи, работавшими съ княземъ Черкасскимъ непосредственно и занимавшими такія мѣста, на которыхъ, дѣйствительно, должны были проявить въ достаточной степени знанія, энергію, умѣнье пользоваться обстоятельствами и вообще быть на высотѣ призванія. Число этихъ лицъ столь не велико, что я позволю себѣ назвать ихъ поименно. Надѣюсь, что мои бывшіе сослуживцы за это не посѣтуютъ. Буду говорить исключительно о правителяхъ канцелярій, губернаторахъ и вице-губернаторахъ.

Правители канцелярій. Первымъ былъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ, нынѣ генераль-лейтенантъ и предсѣдатель особой комиссіи, на которую возложено составленіе историческаго описанія войны 1877—1878 гг. Вторымъ—генеральнаго штаба полковникъ (нынѣ генераль-маіоръ) Леонидъ Николаевичъ Соболевъ, бывший потомъ первымъ министромъ въ Болгаріи,—извѣстный нашъ военный писатель.

Губернаторы: Систовскій—Найденъ Геровичъ Геровъ, бывший нашъ вице-консулъ въ Филиппополѣ, извѣстный болгарскій патріотъ.

Рушукскій—генеральнаго штаба генераль-маіоръ Василій Григорьевичъ Золотаревъ, нынѣ генераль-лейтенантъ, начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ. Послѣ увольненія Герова, В. Г. Золотаревъ управлялъ и Систовскимъ санджакомъ.

Тырновскій—генераль-маіоръ М. А. Домонтовичъ, а послѣ него камеръ-юнкеръ (нынѣ камергеръ) Николай Степановичъ Щербинскій, бывший потомъ правителемъ канцелярія генерала Черняева въ Ташкентѣ.

Софійскій—дѣйств. ст. сов. Петръ Владиміровичъ Алабинъ, нынѣ самарскій городской голова, извѣстный общественный дѣятель и писатель.

Видинскій—ст. сов. Левъ Федоровичъ Тухолка, нынѣ тайный совѣтникъ, директоръ департамента таможенныхъ сборовъ.

Варненскій—генеральнаго штаба генераль-маіоръ П. С. Акимовъ, бывший сперва начальникомъ штаба 14-го армейскаго корпуса, занявшаго Добруджу, а потомъ начальникомъ перваго Павловскаго военнаго училища. Умеръ.

Филиппопольскій—генеральнаго штаба полковникъ Александръ

Александровичъ Шепелевъ, бывшій потомъ членомъ международной комиссіи въ Филипполѣ и директоромъ гражданской канцеляріи на Кавказѣ. Умеръ.

Сливенскій—генеральнаго штаба полковникъ (нынѣ генераль-маіоръ) Лука Ивановичъ Ильшешевичъ, бывшій потомъ забайкальскимъ губернаторомъ.

Тульчинскій — надворный совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Бѣлоцерковецъ, третій драгоманъ нашего посольства въ Константинополѣ.

Вице-губернаторы: Сястовскій — сперва Драганъ Цанковъ, а потомъ Балабановъ, извѣстные болгарскіе патріоты.

Рушукскій — Николай Григорьевичъ Даскаловъ, болгаринъ родомъ, бывшій нашъ консульскій агентъ въ Варнѣ.

Тырновскій—Балабановъ, а потомъ Д. Цанковъ.

Софійскій—профессоръ харьковскаго университета Дриновъ (болгаринъ), занимавшій этотъ постъ временно, впредь до поставленія его во главѣ управленія народнымъ просвѣщеніемъ.

Видинскій—надворный совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Станишевъ (нынѣ дѣйств. ст. сов.), родомъ болгаринъ, тогда профессоръ, а нынѣ директоръ лицея цесаревича Николая въ Москвѣ.

Сливенскій—болгаринъ Ивановъ, служившій въ Бессарабіи.

Кто были вице губернаторами въ Варнѣ, Тульчѣ и Филипполѣ—къ сожалѣнію не помню.

Кромѣ этихъ чиновъ, при гражданскомъ управленіи состояла юридическая комиссія для разработки проекта правилъ устройства судебной части въ Болгаріи. Предсѣдательствовала въ ней дѣйств. ст. сов. Сергѣй Ивановичъ Лукьяновъ, нынѣ сенаторъ и членъ комиссіи по пересмотру гражданскихъ законовъ въ имперіи. Членами были: ст. сов. Тухолка (см. выше Видд. губ.), профессоръ новороссійскаго университета Б. В. Богшичъ (недолго), составлявшій тогда гражданское уложеніе для Черногоріи; товарищъ прокурора черниговскаго (?) окружнаго суда Теохаровъ, послѣ бывшій министромъ юстиціи въ Болгаріи, и тит. сов. Василій Михайловичъ Каченовскій, состоявшій передъ тѣмъ юрисъ-консультомъ нашего посольства въ Константинополѣ, а нынѣ управляющій духовными дѣлами римско-кат. исповѣданія въ Привислянскомъ краѣ.

Наконецъ, при гражданской канцеляріи состоялъ профессоръ петровской земледѣльческой академіи Иванюковъ и числились два болгарскихъ патріота: поэтъ Славейковъ и священникъ Тилевъ изъ забалканскаго Базарджика.

Понименнованными лицами исчерпывался весь составъ чиновъ, дѣй-

ствительно состоявшихъ при князѣ Черкасскомъ. Больше не было никого и это мнѣ, какъ бывшему помощнику князя, очень хорошо извѣстно.

Достаточно прочесть вышеприведенный списокъ, чтобы съ полною достовѣрностью отмѣтить два факта: 1) на высшія должности гражданскаго управленія въ Болгаріи привлечены были лица съ хорошею подготовкою, достаточно зарекомендовавшія себя предъидущею службою и сдѣлавшія потомъ, болѣе или менѣе, блестящую карьеру, и 2) что мѣстному болгарскому элементу былъ открытъ самый широкій доступъ на высшія должности, не говоря о томъ, что всѣ окружныя управленія и совѣты какъ административныя, такъ и и судебныя сплошь были укомплектованы болгарами. Члены совѣтовъ были выборные.

Что касается до обремененія страны большими издержками, то и это несправедливо. Очевидно, что лицамъ вызваннымъ изъ Россіи надо было дать хорошее содержаніе и приблизительно одинаковое съ тѣмъ, которое получали равные имъ чины полевого штаба арміи. Для служащихъ въ санджакахъ приняты были штаты туркестанскаго генералъ-губернаторства, наиболѣе подходящія къ обстоятельствамъ военного времени. Порядокъ по денежной части былъ образцовый и не было ни малѣйшихъ недоразумѣній ни съ полевымъ казначействомъ, ни съ полевымъ контролемъ, въ чемъ ссылаюсь на почетныхъ опекуновъ Н. В. Кидошенкова и Б. И. Черкасова, бывшихъ во время войны полевыми—казначеемъ и контролеромъ. Остатки отъ штатныхъ суммъ по содержанію личнаго состава гражданской канцеляріи, достигавшіе весьма почтенныхъ размѣровъ какъ къ концу 1877 года, такъ и ко дню упраздненія гражданскаго управленія—полностью были оставлены въ ресурсахъ казны за выдачею, въ декабрѣ 1877 года, незначительнаго пособія одному изъ начальниковъ отдѣленія. Остатки эти въ маѣ 1878 г. простирались до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей (50 тыс.) и изъ нихъ ничего не пошло въ раздѣлъ между служащими, хотя на это было законное право.

Стоитъ ли говорить, что никакихъ губернаторовъ гг. Варны, Шумлы и проч. не было. Вообще, никакихъ губернаторовъ *in partibus infidelium*, какъ говоритъ кн. В. Д. Дабижа, назначаемо не было. Всѣ назначались въ санджаки вполнѣ или частью занятыя, за однимъ исключеніемъ. Руссукскій губернаторъ былъ назначенъ еще въ юлѣ 1877 г., но это было сдѣлано по особому указанію главнокомандующаго въ виду готовившихся около Русука рѣшительныхъ дѣйствій, приостановленныхъ неудачами подъ Плевной. По увольненіи въ ноябрѣ 1877 г. систовскаго губернатора Герова, руссукскій губернаторъ управлялъ

и систовскимъ санджакомъ. Съ самаго назначенія губернаторомъ, В. Г. Золотаревъ состоялъ при отрядѣ Наслѣдника Цесаревича. Назначенія *in partibus infidelium* не только не практиковались, но и избѣгались безусловно. Такъ, губернаторы виддинскій и софійскій назывались сперва раховскимъ и орханійскимъ потому, что, во время ихъ назначенія, заняты были только части ихъ санджаковъ, по именамъ которыхъ они и назывались.

Говоря, что князь Черкасскій не допускалъ никакого, со стороны болгаръ, содѣйствія дѣлу освобожденія ихъ родины, кн. Дабыжа продолжаетъ: «Болгаре не несли ни малѣйшихъ тягостей войны: ни провіантомъ, ни людьми, ни обозомъ», и далѣе: «но иногда вдругъ отдавалось приказаніе строго блюсти за интересами населенія и за охраненіемъ его имущества. Тогда болгаре, вообще чуждые славянскому радушію, наотрѣвъ отказывались исполнять самыя существенныя надобности войскъ. Отсюда непріятныя сцены, отсюда дѣйствія нагайки и столкновенія военныхъ властей съ органами гражданскаго управленія. Князь Черкасскій обнаружилъ замѣчательныя организаторскія способности, управляя гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ. Разъ задуманный планъ неукоснительно и съ желѣзною волею проводился тамъ во всё мельчайшія развѣтвленія жизни. Все заранѣе было предусмотрено и для всего указано было свое мѣсто. Къ удивленію, ничего подобнаго не было положено въ основаніе устройства Болгаріи. Напротивъ, все тамъ имѣло характеръ случайности и многія мѣры принимались точно по вдохновенію. Весьма часто то, что признавалось хорошимъ сегодня, измѣнялось завтра... Иногда достаточно было получаса, чтобы самымъ кореннымъ образомъ перемѣнить взглядъ на дѣло!... Ближайшіе сотрудники князя были утомлены до крайности не только непомерною дневною, но даже и ночью работою, безпрестанно перевершаемою... Уже послѣ кончины кн. Черкаскаго, какъ бы въ подтвержденіе того, что въ дѣлѣ устройства въ Болгаріи не было ни плана, ни строгой системы, мнѣ самому пришлось слышать слѣдующій отзывъ одного лица, занимавшаго важный административный постъ: «никакого плана у насъ нѣтъ, никогда не существовало, да въ немъ нѣтъ и надобности. Только издали дѣло представляется труднымъ, а вблизи оно каждому по плечу: вѣдь, не святые же лѣпятъ горшки»...

Странное обвиненіе кн. Черкаскаго въ такой ненависти его къ болгарамъ, что въ силу нея онъ не допускалъ ихъ ни до какого содѣйствія дѣлу освобожденія ихъ родины, отчасти уже опровергнуто мною выше, по разъясненію вопросовъ о болгарскихъ дружинахъ и помощи бѣженцамъ. Такими же неточностями страдают и заявленія

о томъ, что болгарь не допустили нести тягостей войны ни провіантомъ, ни людьми, ни обозомъ. Людей, какъ уже сказано было, они дали до 8 тыс. человекъ на пополненіе 12 дружинъ при первомъ наборѣ, кромѣ добровольцевъ, постулавшихъ въ теченіе всей войны.

Продовольствіе арміи за Дунаемъ, какъ извѣстно, было обезпечено особымъ договоромъ съ пресловутымъ товариществомъ Горвица и Когана, которое обязалось доставлять все нужное войскамъ, получая за это опредѣленныя справочныя цѣны и десять процентовъ за комиссію. Такимъ образомъ, ничего въ край, средствами собственно военной администраціи не заготовлялось. Дѣлался товариществу нарядъ и оно уже обязано было поставлять все потребное прямо въ войска. Предложеніе князя Черкаскаго воспользоваться средствами края, сдѣланное въ Тырновѣ 9 или 10 іюля 1877 г., не было принято, такъ какъ начальники штаба и интендантъ арміи не признали это нужнымъ. Но когда послѣ плевненскихъ затрудненій выяснилось, что намъ предстоитъ перезимовать въ Болгаріи, тогда новое предложеніе князя Черкаскаго о реквизиціи было принято и рѣшено было (10 сентября) произвести образованіе хлѣбнаго и фуражнаго запаса для арміи, реквизиционнымъ порядкомъ за деньги. Такъ какъ въ то время мы занимали незначительную часть сѣверной Болгаріи, а именно санджаки систовскій и тырновскій, т. е. пространство между Дунаемъ и Балканами, съ сѣвера и юга, и рѣками Видомъ и Янтрою, на западъ и востокъ, и, сверхъ того, Тульчинскій санджакъ, то реквизиція могла быть собрана только въ этихъ мѣстахъ.

Въ санджакахъ систовскомъ и тырновскомъ опредѣлено было собрать отъ жителей:

а) 100,000 четвертей пшеницы или ржи съ платою по 5 р. золот. за четверть;

б) 40,000 четвертей ячменя или овса съ платою по 3 р. 75 к. золот. за четверть;

в) половину всего наличнаго у жителей сѣна, по 35 коп. золот. за пудъ, и

г) треть всего наличнаго у жителей количества соломы, съ платою по 10 к. золот. за пудъ.

Тульчинскій санджакъ долженъ былъ дать:

д) 68,000 четверт. ячменя, съ платою за четверть ноябрьскихъ справочныхъ цѣнъ, уменьшенныхъ на 50<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, и

е) треть всего имѣющагося у жителей количества соломы, по 10 к. золот. за пудъ.

Всѣ зерновые запасы должны были поступить въ вѣдѣніе интен-

дантства для довольствія войскъ, а сѣно и солома, взятыя у жителей, оставлялись въ деревняхъ для покупки войсками по опредѣленнымъ выше цѣнамъ.

При этомъ слѣдуетъ указать, что во время обложенія Плевны справочныя цѣны на ячмень доходили до тринадцати руб. кредитныхъ за четверть, а жители ставили его, въ счетъ реквизиціи, за 3 р. 75 к. золот. или по тогдашнему курсу (8 р. 20 к. за полуимперіалъ) за 6 руб. кредитныхъ. Цѣны въ тульчинскомъ санджакѣ не знаю, но такъ какъ тамъ жителямъ уплачивалось 50% справочныхъ цѣнъ, то относительно жители вездѣ получали одинаково.

Для перевозки тяжестей за Дунаемъ, кромѣ военныхъ обозовъ и военныхъ транспортовъ и парковъ, законтрактовано было огромное число подводъ, пригнанныхъ подрядчикомъ изъ Россіи. Князь Черкасскій еще въ Тырновѣ предлагалъ обратить на эту цѣль брошенный турками рабочій скотъ. Это предложеніе принято не было, а затѣмъ и самый турецкій скотъ былъ переданъ болгарскимъ бѣглецамъ. 2-го ноября 1877 г. полевой интендантъ, тайный совѣтникъ Росицкій, просилъ кн. Черкаскаго образовать транспортъ хотя бы изъ тысячи болгарскихъ подводъ; это требованіе приказано было исполнить. Кромѣ того, до 3,000 подводъ ежедневно мѣстное населеніе давало подъ свозъ раненныхъ, военныхъ реквизицій, на шоссеиныя работы и проч.

Такимъ образомъ, болгарское населеніе, вопреки заявленіямъ князя В. Д. Дабижа, несло тягости войны и провіантомъ, и людьми, и обозомъ, и все это дѣлалось по предложеніямъ кн. Черкаскаго, что и весьма естественно.

## V.

Всегда наставляя на необходимости обращенія мѣстныхъ средствъ края для потребностей войскъ, кн. Черкасскій точно также всегда неустанно заботился объ охраненіи имущества и вообще интересовъ мѣстнаго населенія. Начиная войну 1877 г., мы имѣли въ виду создать новое государство—Болгарію. «Задача Россіи создавать, а не разрушать», вотъ что говорилось именемъ государя мѣстнымъ жителямъ при переходѣ арміи за Дунай. Если нанесеніе возможно бѣльшаго вреда неприятелю—есть право войны, то этимъ правомъ мы отнюдь не должны были пользоваться въ Болгаріи, которую пришли освобождать. О «столкновеніи военныхъ властей съ органами гражданскаго управленія» и «о дѣйствіяхъ нагайки» изъ-за охраненія интересовъ населенія я не слыхалъ и знаю, что ничего серьезнаго въ этомъ отношеніи не было. Не могу, однако, пройти молчаніемъ, что на князя Черкаскаго было много нареканій за то, что онъ будто бы запретилъ мѣстному населенію продавать войскамъ предметы продовольствія и фуража. Это безусловно несправедливо; подобнаго запрещенія не было, а существовали только вышеуказанныя условія поставки мѣстнымъ населеніемъ реквизиціоннаго зерна и фуража. Жители не могли продавать только того количества своихъ запасовъ, которое приходилось имъ поставить по разверсткѣ, въ видѣ реквизиціи. Съ другой стороны, войска, принимая, напримѣръ, реквизиціонный ячмень, должны бы были показать его къ зачету, т. е. представить въ казну разницу между цѣнами справочными (13 р. кред.) и реквизиціонными (6 р. кр.). Вопіявшими противъ этой мѣры были не войска, а нѣкоторые лишь частные воинскіе начальники, которые въ своихъ личныхъ видахъ находили это невыгоднымъ. Для нихъ гораздо выгоднѣе было получать фуражъ не натурою отъ товарищества, а деньгами; самый же фуражъ пріобрѣтать покупкою по самими ими назначаемымъ цѣнамъ, никогда не превышавшимъ реквизиціонныхъ. Доказательствомъ моихъ словъ можетъ служить отзывъ князю Черкасскому интенданта отряда обложенія Плевны (полковникъ Свѣчинъ), доносившаго отъ 19-го ноября 1877 г. за № 392, что, при существованіи справочныхъ цѣвъ на ячмень въ 13 р. кредитныхъ за четверть, «расходъ войскамъ реквизиціоннаго зерна, вѣроятно, будетъ имѣть весьма малый успѣхъ». Вообще объ этомъ предметѣ распространяться не мѣсто, а можно бы было написать цѣлыя десятки страницъ, основанныхъ на несомнѣнныхъ фактахъ.



Въ заключеніе остается сказать еще о двухъ обвиненіяхъ, приведенныхъ княземъ Дабижа въ его замѣткахъ. Это, во-первыхъ, обвиненіе кн. Черкаскаго въ непрерывномъ перевершеніи своихъ распоряженій и, во-вторыхъ, свидѣтельство какого-то лица, занимавшаго важный административный постъ, о томъ, что у князя Черкаскаго не было никогда никакого плана дѣйствій въ Болгаріи.

Князь Черкасскій, не знавшій устали и готовый самъ работать день и ночь, былъ дѣйствительно крайне требователенъ въ отношеніи своихъ подчиненныхъ и заставлялъ ихъ работать много. И работали много, потому что работы было много; но это не была работа переливанія изъ пустаго въ порожнее, а дѣйствительная, создававшаяся тогдашними обстоятельствами. Бывали-ли въ подобной работѣ перевершенія? Разумѣется, бывали, потому что подобныя перевершенія были во всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности за Дунаемъ въ 1877 г. Думали мы быстро идти впередъ, ничѣмъ незадерживаемые, а вдругъ явилась плевненская неудача и сдѣланное пришлось перевершать; идти назадъ, возвратиться къ тому, что считали уже сдѣланнымъ. Такъ и въ гражданскомъ управленіи приходилось измѣнять предположенныя мѣры, но не по какому нибудь капризу или недомумію, а потому что обстоятельства измѣнялись, и иногда кореннымъ образомъ. Но можно ли это отнести къ винѣ князя Черкаскаго и выставять его какимъ-то неумѣлымъ и неопытнымъ администраторомъ, не знавшимъ чего онъ хочетъ! Большая часть главнѣйшихъ организационныхъ работъ въ Болгаріи была исполнена лично мною и я, по совѣсти, не могу сказать, чтобы князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій въ послѣдній годъ своей дѣятельности являлся менѣе способнымъ, менѣе дальновиднымъ и энергичнымъ. Замѣчалась въ немъ лишь большая, чѣмъ прежде, суетливость, что вполне оправдывалось чрезвычайностью обстоятельствъ, среди которыхъ приходилось ему дѣйствовать, и крайнимъ напряженіемъ нервовъ. Эти обстоятельства, нисколько не отражаясь на достоинствѣ его работъ, разрушительно вліяли на его организмъ. Онъ же не щадилъ себя, все принималъ—и слишкомъ близко—къ сердцу, и смѣло можно сказать, принесъ себя въ жертву самоотверженной преданности своему долгу. Если и были у него въ Болгаріи промахи и ошибки, то не тѣ несмысленные и часто комичные, о которыхъ говоритъ кн. Дабижа, а другіе, за которые онъ и заплатился рановременною смертью... Миръ его праху!

Курьезное свѣдѣніе о томъ, что гражданское управленіе дѣйствовало въ Болгаріи безъ всякаго плана, само собою разумѣется, несправедливо. Записалъ его кн. Дабижа, какъ заявляетъ, со словъ

лица, занимавшаго важный административный постъ. Если это лицо занимало серьезный постъ, то у него, безъ сомнѣнія, и занятій было много и занятій болѣе важныхъ, чѣмъ бесѣды съ туристами. И вотъ къ этому должностному лицу обращаются съ вопросомъ: былъ ли у васъ планъ дѣйствій? Что ему отвѣчать? Онъ и отвѣтилъ: «никакого плана у насъ нѣтъ, никогда не существовало, да въ немъ нѣтъ и надобности». Возможность такого отвѣта я понимаю, но... только напрасно кн. Дабижа простодушно ему повѣрилъ.

16-го ноября 1876 года была высочайше утверждена написанная княземъ Черкасскимъ инструкція для завѣдывающаго гражданскими дѣлами въ Болгаріи. Тотчасъ-же онъ началъ собирать въ Петербургѣ матеріалы, которыми могъ бы воспользоваться при будущей своей дѣятельности. Петербургъ не далъ ничего, или почти ничего. Пришлось работать на мѣстѣ. Изъ Кишинева былъ командированъ въ Бухарестъ генеральнаго штаба полковникъ Л. Н. Соболевъ, которому, по особо составленной программѣ, поручено было, при помощи посланных съ нимъ чиновъ гражданского управленія, собрать тѣ матеріалы и статистическія данныя, знакомство съ которыми необходимо при первыхъ дѣйствіяхъ русскаго управленія въ задунайскомъ краѣ. Результатомъ работъ этой комиссіи были четыре выпуска «Матеріаловъ для изученія Болгаріи», напечатанныхъ въ Бухарестѣ.

Засимъ другая комиссія, составленная княземъ Черкасскимъ изъ консуловъ, напечатала 5-й выпускъ матеріаловъ, помѣстивъ въ немъ статистическія свѣдѣнія о Дунайскомъ вилайетѣ по даннымъ, извлеченнымъ изъ привезеннаго въ Бухарестъ архива Рущукскаго консульства.

Содержаніе этихъ пяти книгъ давало полную возможность ознакомиться со статистикой сѣверной Болгаріи и существовавшими въ ней при туркахъ порядками.

Съ переходомъ нашимъ за Дунай начинается организаторская дѣятельность князя Черкаскаго по введенію въ Болгаріи новыхъ гражданскихъ порядковъ. Сперва утверждены были главныя основанія дѣйствій гражданского управленія, а потомъ даны подробныя инструкціи административнымъ и судебнымъ властямъ, которыя къ марту мѣсяцу 1878 года дѣйствовали вполнѣ единообразно во всѣхъ 56 округахъ санджаковъ: Виддинскаго, Систовскаго, Рущукскаго, Тульчинскаго, Варненскаго, Сливненскаго, Филиппопольскаго и Софійскаго. Всѣ главнѣйшія постановленія, коими учреждались въ Болгаріи административныя и судебныя власти, напечатаны въ семи выпускахъ «Сборника официальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому

краю». Всѣ эти выпуски вышли до упраздненія гражданского управления (8-го мая 1878 г.) и напечатаны: 1-й и 3-й въ Систовѣ, 2-й въ Тырновѣ, 4-й въ Адрианополѣ, 5-й и 6-й въ Константинополѣ и 7-й въ Одессѣ<sup>1)</sup>.

Параллельно съ этими трудами, систематически и стройно дававшими основанія для дѣйствій администраціи и суда, князь Черкасскій разработывалъ соображенія объ учрежденіяхъ на время оккупациі Болгаріи. Работы эти остались въ проектахъ, но были доведены до конца, т. е. въ нихъ говорилось и о переходѣ отъ временнаго русскаго правительства къ національному съ выборомъ князя Болгарскаго. Эти проекты не напечатаны, но за то въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отлитографированы двѣ составленныя мною записки:

первая отъ 23-го февраля 1878 года «о положеніи гражданского управления въ Болгаріи ко времени заключенія мира, т. е. къ 19-му февраля 1878 года», и

вторая, отъ 1-го марта 1878 года, «объ основныхъ правилахъ, которыя покойный князь В. А. Черкасскій имѣлъ въ виду при введеніи въ княжествѣ Болгарскомъ правильнаго государственнаго устройства».

Надѣюсь, что приведеніемъ этихъ фактовъ я положительно докажу, что князь Владимиръ Александровичъ Черкасскій дѣйствовалъ въ Болгаріи, какъ и вездѣ, по плану, притомъ заранѣе соображенному и постепенно развиваемому по мѣрѣ хода событій.

Д. Г. Анучинъ.

11-го мая 1888 года.

С.-Петербургъ.

---

<sup>1)</sup> Главнѣйшіе изъ документовъ, напечатанныхъ въ „Сборникѣ“, поименованы въ особомъ у сего приложеніи.

## П р и л о ж е н и е.

Перечень главѣйшихъ документовъ по Болгарскому краю, напечатаннымъ въ семи выпускахъ «Сборника официальныхъ распоряженій».

- 1) Прокламація императора Александра II, 10-го іюня 1877 года, къ жителямъ Болгарскаго края.
- 2) Прокламація главнокомандующаго отъ 1-го іюня 1877 года о подсудности преступленій военному суду.
- 3) Высочайше утвержденный 5-го іюня 1877 года проектъ главныхъ основаній объявленія по дѣламъ казеннаго управленія.
- 4) Высочайше утвержденный 20-го іюня 1877 года проектъ основаній для финансоваго управленія въ Болгарскомъ краѣ.
- 5) Инструкція чинамъ консульскаго корпуса.
- 6) Инструкція для учрежденія первоначальнаго военно - полицейскаго управленія (утв. 3-го іюня 1877 г.).
- 7) Проектъ главныхъ основаній гражданскаго управленія въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго края. Со штатами (утв. 8-го іюля 1877 г.).
- 8) Инструкція 11-го іюля 1877 года о взыманіи десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ въ 1877 году (съ особымъ разъяснительнымъ циркуляромъ).
- 9) Правила о подводной повинности съ населенія для удовлетворенія потребности войскъ и для проѣзда отдѣльныхъ лицъ, слѣдующихъ по дѣламъ службы. Утв. 20-го іюля 1877 года.
- 10) Рескриптъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею князю Черкасскому о предоставляемыхъ ему правахъ по дѣламъ управленія краемъ.
- 11) Временныя правила объ управительныхъ (административныхъ) совѣтахъ въ округахъ и городахъ Болгаріи съ росписаніемъ должностей. Утв. 8-го августа 1877 года.
- 12) Временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольно-наемной стражи и вооруженныхъ мѣстныхъ карауловъ.
- 13) Временныя правила (9 авг. 1877 г.) для отдѣльныхъ военныхъ судовъ въ Болгаріи.

14) Распоряженіе 10-го сентября 1877 г. о реквизиціи въ Систовскомъ и Тырновскомъ санджакахъ.

15) Распоряженіе 14-го сентября и 9-го октября 1877 года о прирѣніи болгарскихъ бѣженцевъ въ Тырновскомъ, Систовскомъ, Рушукскомъ и Тульчинскомъ санджакахъ.

16) Распоряженіе о реквизиціи въ Тульчинскомъ санджакѣ.

17) Инструкція для окружныхъ и городскихъ судебныхъ совѣтовъ.

18) Временные штаты для судебныхъ совѣтовъ. Утв. 4-го декабря 1877 года.

19) Временное положеніе (20-го февраля 1878 года) о санджаковыхъ казначействахъ.

20) Положеніе объ окружныхъ казначействахъ.

Д. А.

## Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга?

О родѣ супруги Игоровой великой княгини Ольги, безсмертной въ нашей исторіи по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было еще ничего рѣшительнаго.

М. П. Погодинъ.

Прочтя вопросъ, поставленный въ заглавіи нашей статьи, нѣкоторые скажутъ: да развѣ на этотъ вопросъ не дать утвердительнаго отвѣта наша первоначальная (Несторова) лѣтопись, гдѣ подъ 903 годомъ читаемъ слѣдующее: „Игорови же возрасташю и хождаше по Олзѣ, и слушааше его. И приведоша ему жену отъ Плескова“ (вариантъ отъ Пскова)<sup>1)</sup>. Вслѣдъ за лѣтописью то же повторяетъ проложное (краткое) житіе св. Ольги, говоря: „Ольга родомъ Плесковитянина“. Не оспаривая лѣтописнаго сказанія о рожденіи св. Ольги въ Плесковѣ, нельзя, однако, имъ удовлетвориться, зная, что въ началѣ X столѣтія былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Вариантъ этотъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ (1377 г.) едва ли можетъ быть приписанъ Нестору. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, которому названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, а это показываетъ, что уже въ XIV вѣкѣ послѣднее сдѣлалось вѣжливымъ, уступивъ мѣсто первому, народному—Псковъ. Переписчикъ Лаврентьевскаго списка не мудрено было и не разобрать неизвѣстнаго слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ „ветшанъ“.

<sup>2)</sup> Есть и болгарское свидѣтельство о Плесковѣ. Это замѣтка перевода XIV вѣка лѣтописи Манассія въ синодальномъ спискѣ (№ 38), гдѣ противъ описанія болгарскихъ событій въ царствованіе царей Василия и Константина (976—1028) на поляхъ написано по болгарски: „съи Василии црь разби Самонло Царь Влгаромъ во дващи (двукратно) и прѣвѣхъ Вдинъ (Видинъ), Писка (Плесковъ), велики Прѣславъ и малыи и прочѣи гради“.

построенный Константиномъ Великимъ близъ Преславы, нынѣ Эсви-стамбуль (Шафарикъ, т. II, кн. 1, стр. 361), тогда какъ о существованіи русскаго Плескова, отождествляемаго лѣтописью со Псковомъ, нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

Нынѣшній Псковъ (если онъ, дѣйствительно, имѣетъ какое-либо отношеніе къ древнему Плескову), по всѣмъ соображеніямъ, могъ быть построенъ развѣ при Ольгѣ, во время ея поѣздки по Новгородской области, въ память ея роднаго города Плескова. Предположеніе это имѣетъ опору въ свидѣтельствѣ первоначальной лѣтописи; легенда же „о Выбутской вѣси“, какъ извѣстно, принадлежитъ къ цѣлу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героиней народныхъ сказокъ. Въ XVI вѣѣ появилось въ русской письменности пространное житіе св. Ольги (Степенная книга, 1, 6), въ которомъ говорится утвердительно (какъ будто это было уже доказано), что св. Ольгу... „произведе Плесковская страна, иже отъ области Царствія Русскія земли (ясно, что здѣсь разумѣется Псковская страна) отъ вѣси, именуемая Выбутской, близъ предѣлъ Немѣческія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей“; но говорится все это голословно, безъ всякихъ ссылокъ на какое-либо письменное свидѣтельство, на основаніи мѣстныхъ преданій, ни кѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Житіе это приписывается (по надписанію на одномъ изъ списковъ) извѣстному Сильвестру іерею, сперва Новгородскому, а потомъ Московскому.

Такое бездоказательное мнѣніе о мѣстѣ родины св. Ольги, однако-же, было принято послѣдующими писателями русской исторіи, безъ всякихъ возраженій, единственно, какъ надо полагать, потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного письменнаго свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія упомянутаго выше пространнаго житія, т. е. до XVI столѣтія, существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о семь нашей первоначальной лѣтописи.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, въ прошломъ году я нашелъ, въ одномъ историческомъ сборникѣ второй половины XV вѣка, отрывокъ изъ древняго

лѣтописца (который по своему содержанию можетъ быть названъ Владимірскимъ), гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 годъ (до смерти в. кн. Андрея Боголюбскаго). Неизвѣстный составитель этого лѣтописца (начинающагося родословіемъ русскихъ князей до 1490 г.) въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма дѣльные и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего главнаго источника.

Таково именно и поясненіе его, относящееся къ тому мѣсту первоначальной лѣтописи, гдѣ говорится о мѣстѣ родины св. Ольги. вмѣсто дословнаго повторенія записи первоначальной лѣтописи подъ 903 г., что Олегъ взялъ своему воспитаннику и сроднику Игорю жену изъ Плескова, именемъ Ольгу, лѣтописецъ XV вѣка пишетъ: „Игоря же (Олегъ) жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Олгу. И бѣ мудра велика“. (Далѣе слѣдуетъ описаніе похода Олега на Царьградъ).

Итакъ, вотъ письменное свидѣтельство, идущее изъ XV вѣка, о томъ, что еще до написанія пространнаго житія св. Ольги (въ XVI вѣкѣ), и прибавимъ въ Новгородской области, русскій лѣтописецъ во Владимірской области зналъ, что св. Ольга была родомъ изъ Болгаріи и происходила не изъ поселянокъ, а была болгарская княжна. А изъ этого уже само собою истекаетъ заключеніе, что подъ Плесковымъ первоначальнаго лѣтописца онъ имѣлъ причины разумѣть не Псковъ, а тотъ древній болгарскій городъ Плесковъ, который былъ основанъ, какъ упоминается выше, Константиномъ Великимъ.

Если же нынѣшній Псковъ и назывался въ древности Плесковымъ, то не потому, чтобы онъ былъ родиною св. Ольги, а развѣ потому, что онъ былъ основанъ по волѣ св. Ольги и названъ Плесковымъ въ честь ея роднаго города въ Болгаріи, въ память родамъ родовъ о посѣщеніи великою княгинею правительницею Руси, Новгородской области.

При этомъ предположеніи, находящемъ себѣ опору и въ мѣстныхъ преданіяхъ, пожалуй, нѣтъ ничего недостовернаго въ



лѣтописномъ извѣстїи, что сани Ольги хранились въ Плесковѣ еще во время написанїя лѣтописи, т. е. въ XII вѣкѣ<sup>1)</sup>.

А народное чувство плесковитянъ въ ту эпоху, когда св. Ольга сдѣлалась героинею народныхъ легендъ, въ память благодѣяній княгини, пользуясь тождествомъ своего названїя съ дѣйствительною родиною Ольги, для возвеличенїя своего роднаго города, конечно, не затруднилось перенести на него прерогативу древняго Плескова, прославивъ свой родной Псковъ—въ легендахъ и пѣсняхъ, какъ настоящую родину св. княгини.

Замѣтимъ, однако, что того мѣста первоначальной лѣтописи, въ которомъ говорится о хожденїи Ольги въ Новгородскую область и оканчивается замѣчанїемъ, что „сани Ольги стоятъ въ Плесковѣ даже до сего дне“—нѣтъ въ Переяславскомъ лѣтописцѣ, составленномъ, какъ видно, по Кїевской лѣтописи въ началѣ XIII вѣка (дошедшей до насъ въ спискѣ XV вѣка). Изъ этого можно заключить, что вышеупомянутаго мѣста въ первоначальной лѣтописи (написанной въ XII вѣкѣ) тоже не было, а что оно (если не все, то конецъ онаго) есть вставка въ лѣтопись изъ мѣстныхъ преданїй Новгородско-псковской области, появившаяся не ранѣе XIV вѣка, когда Ольга (спустя болѣе 300 лѣтъ послѣ кончины) уже сдѣлалась героинею народныхъ легендъ. А межъ тѣмъ на этой-то именно вставкѣ только и основывается заключенїе о тождествѣ нынѣшняго Пскова съ лѣтописнымъ Плесковымъ. Этого мѣста не находится также и въ приведенномъ нами ниже отрывкѣ изъ Владимїрской лѣтописи, основанномъ на Кїевской лѣтописи, но, также какъ Переяславская, самостоятельной, ибо сочинитель оной тщательно уклоняется отъ повторенїя всего легендарнаго.

Но какъ бы то ни было (то есть вставлено ли мѣсто лѣтописи о саняхъ Ольги, указывающее на тождество нынѣшняго Пскова съ Плесковымъ, въ первоначальную нашу лѣтопись въ XII, или гораздо позже, т. е. въ концѣ XIV вѣка), для затронутаго нами вопроса о мѣстѣ рожденїя св. Ольги достаточно и того свидѣтельства, что еще въ XV вѣкѣ наши лѣтописцы не

<sup>1)</sup> „Иде Вольга Новогороду и оустави по Мѣстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты. И сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дни“ (Несторова лѣтопись, стр. 31).

изъ Новгородско-Псковской, а изъ срединной Руси, на основаніи, конечно, письменныхъ свидѣтельствъ, имъ извѣстныхъ, знали, что святая Ольга была родомъ изъ Болгаріи и изъ рода княжескаго, не отвергая, впрочемъ, того сказанія первоначальной лѣтописи, въ которомъ Ольга значится родомъ изъ Плескова. А что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющій, они могли знать это изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка).

Вообще ясно, что мнѣніе относительно родины св. Ольги до самаго XVI вѣка, въ которомъ явилось пространное житіе (написанное, какъ извѣстно, въ Новгородѣ іереемъ Сильверстомъ), куда бездоказательно вошли мѣстныя легендарныя преданія о св. Ольгѣ, не было общепринятымъ въ нашей древней письменности.

А для убѣжденія въ томъ, что лѣтописецъ XV вѣка сдѣлалъ, какъ вышеприведенное, такъ и прочія свои поясненія и дополненія къ первоначальной лѣтописи, не голословно, а на основаніи другихъ старыхъ лѣтописцевъ, до насъ не дошедшихъ, стоитъ лишь внимательно прочесть весь этотъ отрывокъ сокращенной его лѣтописи, для чего мы и помѣщаемъ оный въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Признавъ же, согласно со свидѣтельствомъ лѣтописца XV-го вѣка, болгарское происхожденіе Ольги, мы получаемъ черезъ то иное болѣе достовѣрное и цѣлесообразное освѣщеніе важнѣйшаго изъ событій нашей древней исторіи: принятія ею христіанской вѣры; при чемъ, хотя отрывочныя, но достаточно опредѣленныя извѣстія о ея духовномъ наставникѣ и спутникѣ въ Царьградѣ, болгарскомъ пресвитерѣ мнихѣ (іеромонахѣ) Григоріи, приобрѣтають полную достовѣрность и наводятъ на многія заключенія.

Болгарскій пресвитеръ-монахъ Григорій, бывшій сотрудникъ болгарскаго царя-книголюбца Симеона, мужъ просвѣщенный, переводчикъ двухъ греческихъ хроникъ: Георгія Амартола <sup>1)</sup> и

<sup>1)</sup> Въ древнѣйшемъ доселѣ извѣстномъ у насъ спискѣ хроникъ Георгія Амартола (бывшій Троицкой, нынѣ въ библиотекѣ московской духовной академіи) XIII вѣка съ лицевыми изображеніями есть изображеніе Спасителя, сѣдѣющаго на престолѣ, а на подножіи престола есть почти незамѣтная и

Юанна Малала, оставившій Болгарію, по смерти Симеона, и очутившійся при дворѣ русской княгини Ольги,—личность, доселѣ не вполне выясненная. Теперь-же, когда сдѣлалось известнымъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, появленіе при языческомъ дворѣ Ольги болгарскаго пресвитера-мниха, сдѣлавшагося главнымъ наставникомъ ея въ христіанствѣ, а вѣроятно и высшей политикѣ,—поясняетъ очень многое, казавшееся доселѣ неяснымъ въ ея дѣйствіяхъ.

Пресвитеръ-мнихъ Григорій сопровождалъ Ольгу въ ея поѣздѣ въ Царьградъ, и здѣсь, какъ мужъ просвѣщенный и знакомый съ языкомъ и обычаями грековъ и церемоніями византійскаго Двора, былъ ей не только полезенъ, но, можно сказать, и необходимъ<sup>1)</sup>. Императоръ Константинъ Багрянородный, описывая пріемъ Ольги при его дворѣ, вовсе умалчиваетъ о ея крещеніи; поэтому нѣкоторые и полагаютъ, что Ольга была тайной христіанкой еще до своей поѣздки въ Царьградъ, куда она, по нашему мнѣнію, и ѣздила не для крещенія, а чтобы утвердить свое великое дѣло принятія христіанства и получить отъ Византіи то, что сія послѣдняя давала правителямъ ея родины—Болгаріи, „Цесарское вѣнчаніе“.

Желаніе Ольги не исполнилось: она получила отъ цесаря лишь титулъ архонтиссы, а не царицы. Таковъ, по нашему мнѣнію, настоящій смыслъ лѣтописной легенды (см. лѣтопись

---

мельчайшая надпись: „многогрѣшный рабъ Божій пресвитеръ Григорій“. Въ Переславскомъ лѣтописцѣ, напечатанномъ княземъ М. Оболенскимъ (Москва, 1861 года) замѣчено, что въ Несторовой выпискѣ изъ хроникъ Георгія Амартола сказано: „яко-же Григорій рече въ лѣтописаньи“, кн. М. Оболенскій догадывается посему, что болгарскій переводъ хроникъ Георгія Амартола принадлежитъ тому же пресвитеру Григорію, который, какъ известно, перевелъ хронику Юанна Малала. Догадка его, на основаніи открытой нами надписи, оказывается справедливою.

<sup>1)</sup> Что наша великая княгиня, предупрежденная вѣмъ-то подробно о всемъ, что ее тамъ ожидаетъ, держала себя при пышномъ и гордомъ византійскомъ дворѣ вполне съ достоинствомъ, подобающимъ ея сану,—очевидно, это доказываетъ рассказъ самого императора Константина Багрянороднаго, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „Великая княгиня изволила стоять въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока прочія княжескія особы не введены были церемоніймейстеромъ, и не поклонилась (какъ онѣ) императрицѣ до земли. Послѣ того, наклонивъ немного голову, сѣла она на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла“. (Извѣстія византійскихъ историковъ, въ 4-хъ частяхъ, Стриттера. Спб., 1770—1774 г.).

Арх. Л.

по Лаврентьевскому списку, изд. 1872 г., стр. 59). Самая индиксательная форма понадобилась лѣтописцу, кажется, для того, чтобы скрыть неудачу Ольги <sup>1)</sup>, представивъ ее, въ угоду народному преданію, столь мудрою, что она съумѣла „переключать Цесаря“ Какъ извѣстно, Константинъ Багрянородный въ своемъ описаніи приѣма Ольги упоминаетъ и о ея духовникѣ, пресвитерѣ Григоріи, присутствіе котораго при великой княгинѣ, какъ легко догадаться, было не по вкусу грекамъ. А что „папась Григорій“, упоминаемый Константиномъ Багрянороднымъ, и болгарскій пресвитеръ Григорій-мнихъ, сотрудникъ болгарскаго царя Симеона-книголюбца, есть одно и то-же лицо, это доказано весьма обстоятельно въ сочиненіи князя М. Оболенскаго „Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи“ (Москва, 1870 г.).

Болгарское происхожденіе великой княгини Ольги бросаетъ совершенно иной свѣтъ на отношеніе воинственнаго сына ея Святослава къ соплеменной ему Болгаріи; не столь удивительными покажутся теперь и слова Святослава, обращенныя имъ къ своей дружинѣ относительно Переяславца: „не хочу жить въ Кіевѣ, а въ Переяславцѣ (Болгарскомъ), ту бо среда земли моя“... и проч. Очевидно, что Святославъ, какъ болгаринъ по матери, пламенно желалъ владѣть этою страню не по слѣпой охотѣ къ завоеваніямъ и добычѣ, а потому, что полагалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы <sup>2)</sup>. Планы Святослава не сбылись. Промыслъ Божій, готова тогдашнюю Русь къ инымъ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ необходимъ былъ надолго миръ съ греками (тогда какъ начатая Святославомъ тяжба съ ними за Болгарію, наоборотъ, повела бы къ долговременной враждѣ), не

---

<sup>1)</sup> А что Ольга вернулась изъ Царяграда не совсѣмъ довольная гордымъ приѣмомъ ея при цесарскомъ дворѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ та-же лѣтопись, приводя ея отвѣтъ цесарскимъ посламъ: „Скажите, что я пришлю ему дары и военную помощь, когда онъ постойтъ у меня въ Почайнѣ столько, сколько я стояла въ Судѣ (въ Золотомъ Рогѣ)“.

<sup>2)</sup> Кто въроятіе болгарскаго пресвитера Григорія могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя? Григорій оставилъ Болгарію, по смерти Симеона, когда Болгарія начала уже клониться къ упадку и многіе признаки указывали близкій конецъ ея. Чего не удалось Святославу, то сдѣлали греки. Покореніе Болгаріи, начатое ими Цимисхиемъ, довершено ими. Василиемъ Болгаробійцею въ 1018 году. Арх. Л.

допустилъ Святослава-язычника осуществить свои желанія. Дѣло, начатое мудрою Ольгою, суждено было довершить мудрому внуку ея Владиміру <sup>1)</sup>. Онъ, говоря словами лѣтописца XV вѣка (см. въ приложеніи),

„яко мудръ и смыслъ имѣя великъ, почя испытovati о вѣрѣхъ, и слыша греческую вѣру, яко свѣщу на свѣщницѣ, и вѣрова во Христа Бога истиннаго... крестися самъ въ Корсуни, и крести все множество люди въ Киевѣ“ (988 года).

Это приснопамятное событіе перенесло центръ тяжести всей нравственной и политической жизни русскаго государства на востокъ, въ область православной церкви.

Въ нынѣшнемъ 1888 году исполнится ровно 900 лѣтъ со времени крещенія Руси св. Владиміромъ. Еще не всѣ историческія веки, намѣченныя его державною рукою, пройдены святою Русью. Думы о семъ невольно приводятъ на память слова нашего вѣщаго поэта:

Еще лежитъ на небѣ мгла,  
Еще густа ночная тьма,  
Но живъ Господь—Онъ зваетъ срокъ,  
И выйдетъ утро на востокъ!

Архимандритъ Леонидъ.

Іюнь 1888 г.  
Тр.-Серг. лавра.

---

<sup>1)</sup> Замѣнимъ, что „ключница“ Ольги, Малуша, отъ которой Святославъ имѣлъ Владиміра, была также, по всѣмъ соображеніямъ, болгарка. Самое имя Малуша звучитъ чисто по славянски, даже Погодинъ не рѣшился искать происхожденіе его отъ какого либо норманскаго корня. Да и Ольга, вѣроятно, до замужества носила какое либо славянское имя, а Ольгою названа, какъ полагаютъ, въ честь Олега, сродича и опекуна ея мужа Игоря.

Арх. Д.

## Приложеніе.

Отрывокъ древняго русскаго лѣтописца (Владимірскаго) второй половины XV вѣка  
(862—1174 годъ).

### Лѣтописецъ Русская земля:

Въ лѣто 63 (862) придоша Русь, Словены, Чюдь, Лопь, Кривичи к Варягомъ, и спросиша себѣ у нихъ властелей, и збращася три брата с роды своими: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Рюрикъ же сѣде на княженіе в Новѣ-городѣ, въ великомѣ, а Синеусъ на Белѣозерѣ, Труворъ же въ Изборсцѣ. И по малѣ оумре Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ же роди Игоря, а самъ умре († 879), и приказа княженіе и сына своего Олгу сродичю своему. Игорь же бысть малъ еще. Сей же Олегъ (879—912) приде изъ Новагорода, дани и оброки оуставлявая и всякъ радъ, и прииде къ Смоленску и отъ Смоленска поиде съды водою, и прииде къ Киеви и оуби два князя Асколда и Дири, и начать княжити въ Киевѣ съ Игоремъ.

Игоря же жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Олгу. И бысть мудра велики. Сей же Олегъ ходилъ къ Цариграду в кораблехъ; они же оубояшеса, и даша ему дани и оброки уставы, и отъ тѣхъ мѣсть прозвася Киевское княженье. Той бѣ Олегъ великъ и страшень и грозень велики былъ, понеже многи земли приведе ко граду Киевоу, и умре отъ коневы главы: изъ соухи кости вынивь змѣа и оужали его въ ногу († 912).

По немъ нача княжити Игорь и воева Деревскую землю, рекше Литвоу. Иде пакы тамо въ малѣ дружинѣ и оубьенъ бысть отъ Дрєвланъ († 945), и остана у него сынъ Святославъ велики дѣтескъ. Княгини же его Олга съ сыномъ своимъ (945—955) мсти кровь мужа своего, и князя оуби Мала именемъ и всю Литвоу высѣче. Ся же великая княгиня Олга приять крещеніе отъ царя и Патріарха (955) и наречена бысть Елена.

И начать княжити Святославъ (955—972) нарицаемы легкый: возъ по себѣ не возяше, ни поваръ, ни постель, но ики пардусъ скакаше со многу легкостью и бится съ греки оу Царяграда въ единой десяти тысяцахъ со стоми тысяща, и побѣди ихъ и имаше на Царяградѣ дань и ходя на Казары, убенъ бысть отъ печенегъ в порозѣхъ († 972), печенежски же князь именемъ Редега окова лобъ Святослава и написа кругъ его такъ: «чюжитъ ница и своя погуби, и пляше нмъ».

Святославъ же роди три сыны: Олга, Ярополка, Владимѣра. Ярополкъ же

бится со Олгомъ близъ града, и побѣжъ Олегъ въ градъ и тѣснящимся на мосту и свалися въ ровъ и тамо оумре. Владимиръ же оубивъ Ярополка на ротѣ въ градъ Роднѣ. Се же бысть первое братоубиеніе в роусьскихъ князехъ. Нача княжити Владимиръ (980—1015) и бяше мудръ и смыслъ ниѣя великъ, поча испытovati о вѣрехъ, и слыша Греческоюу вѣроу, яко свѣщоу на свѣщницѣ, и вѣрови во Христа Бога истиннаго, и поя за себѣ Царевну Анну, сестроу Царя Василья и Константина. Отъ сея же роди Бориса и Глѣба, а отъ Рогнѣды княгини роди Ярослава, Изяслава, Мьстислава, Всеволода, а отъ Ярополчи жены роди: Святополка, Вышеслава, Изяслава, а отъ нныя княгини роди: Святослава, Судислава, Станислава, Позвизда. Яко же крестися самъ в Корсуни (988) и крести все множество люди в Киевѣ, приде изъ Царяграда Митрополитъ Леонъ, и дасть Владимиръ церкви, отъ всего своего живота десятое, и оуряди весь оуоставъ въ Киевѣ.

Примѣчаніе. Лѣтописецъ, какъ видно изъ «Родословца», который онъ начиняется въ рукописи, написанъ въ княженъе великаго князя Іоанна III Васильевича (1462—1505), при жизни сына его Ивана Іваловича Младого († 1490).

Нѣкоторыя изъ событій времени, объемлемаго этииъ лѣтописцемъ, описаны отлочно отъ повѣсти временныхъ лѣтъ, и представляютъ варианты, замѣчательныя для историка, какъ отголосокъ народныхъ преданій,—таковы, напримеръ: происхожденіе великой княгини Ольги изъ Болгаріи, названіе Деревской земли Литвою (двукратно повторенное) и прозваніе великаго князя Святослава «легкимъ», зане, яко пардусъ скакаше, и надпись, сдѣланная печенежскимиъ княземъ на чашѣ изъ черепа Святослава.

Въ лѣтописцѣ обращено особое вниманіе на городъ Владимиръ и его святыни, почему мы и полагаемъ, что это отрывокъ Владимірскаго лѣтописца, и прибавимъ—отрывокъ весьма любопытный.

Арх. Л.

тайтъ и о присковой организаціи. Здѣсь передъ читателемъ живо рисуется картина горемычной жизни присковаго рабочаго, слошь и радомъ, не смотря на свою свободу de jure, не выходящаго изъ вѣчной кабалы. Аналогія съ крѣпостнымъ правомъ усиливается нервѣющимъ приѣзженіемъ на присекахъ тѣлеснаго наказанія. Поселенцы, поставляющіе значительный контингентъ присковыхъ рабочихъ, могутъ быть наказываемы розгами безъ суда, по усмотрѣнію администраціи. Крестьяне по закону избавлены отъ этого, но могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію по приговору «спартіонной расправы», которая состоитъ изъ двухъ человекъ, выбранныхъ рабочими, и старосты, назначаемаго компаніею. Добиться приговора такой расправы, а не то обойтись и безъ него, для администраціи присека весьма не трудно...

Нельзя не поблагодарить г. Уманьскаго за его интересную книгу и пожелать побольше такихъ трудовъ о бытѣ сибирскихъ рабочихъ. В. С.

Записки отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. IV. Спб. 1887 г. Стр. 556. Ц. 6 р.

Съ 1882 г. изданіе Записокъ Русскаго отдѣленія Общества возобновилось и въ настоящемъ году вышелъ второй (по счету четвертый) томъ этого возобновленнаго изданія. Въ заглавіи первыхъ двухъ томовъ, содержащихъ въ себѣ одни матеріалы и описанія ихъ, въ послѣднихъ томахъ отведено значительное мѣсто изслѣдованіямъ. Недавно вышедшій томъ отличается значительнымъ разнообразіемъ по своему содержанію. Такъ, въ немъ помѣщены двѣ обширныя статьи Д. И. Прозоровскаго, представляющія сводъ данныхъ о Великомъ Новгородѣ по четыремъ новгородскимъ лѣтописямъ съ дополненіями по другимъ источникамъ до конца первой четверти XVIII вѣка (1—177 стр.) и о древнемъ Псковѣ по двумъ псковскимъ лѣтописямъ, съ дополненіями изъ другихъ старыхъ источниковъ до конца XVII вѣка (178—254, 544—556). Другія статьи посвящены: описанію миниатюръ Гелатскаго Евангелія (Н. В. Покровскаго, 255—311), раскопкамъ въ Староладожскомъ городищѣ (Н. Е. Вранденбурга, 312—329)

и изслѣдованію о скинскихъ древностяхъ (352—543). Авторъ послѣдняго (А. С. Лаппо-Данилевскій), на основаніи обширной литературы предмета и вещественныхъ памятниковъ, находящихся въ разныхъ собраніяхъ, въ цѣломъ рядѣ главъ рассматриваетъ географію, исторію, этнографію; торговлю и бытъ; обычаи, семейныя и общественныя отношенія; умственное и религіозно-нравственное развитіе скинскихъ племенъ. Наконецъ, упоминаемъ о весьма важномъ матеріалѣ, помѣщенномъ въ томъ же томѣ—это роспись расходовъ царства Московскаго 1697—1698 гг., извлеченная изъ дѣлъ кабинета Петра Великаго, хран. въ Госуд. архивѣ, П. Н. Петровымъ (стр. 330—351). В. И.

Vasili Vereschagin. — Souvenirs. — *Enfance.—Voyages.—Guerres.—Illustrés par l'auteur.* — Deuxième édition. — Paris. 1888 г., въ 8. д., стр. 437. Ц. 3 фр. 50 сант.

Книга знаменитаго нашего художника представляетъ весьма интересное явленіе. Воспоминанія его состоятъ изъ автобіографіи, доведенной до опредѣленія въ малолѣтній кадетскій корпусъ, бывшій въ Царскомъ Селѣ, въ которой части записокъ разсыяно множество чертъ, рисующихъ бытъ нашего дворянства конца 1840-хъ и начала 1850-хъ гг., наканунѣ, такъ сказать, освобожденія крестьянъ. Затѣмъ слѣдуютъ любопытныя выдержки изъ дневника супруги художника, веденнаго во время ихъ путешествія по Индіи; далѣе, разсказъ Василія Васильевича о русско-турецкой войнѣ 1877 г., и что въ особенности любопытно—это двѣ послѣднія статьи, именно о Скобелевѣ и И. С. Тургеневѣ. В. В. Верещагинъ, по своему могучему таланту живописца,—естъ гордость Россіи: выставки его картинъ, гдѣ бы онѣ не появлялись, привлекаютъ многочисленныя толпы, вызываютъ самыя оживленныя толки, газетную полемику, — словомъ, будятъ мысль и заставляютъ призадумываться... Приятно видѣть, что тому-же художнику дано и литературное, притомъ весьма не дюжинное дарованіе: его воспоминанія — просты, живы, необыкновенно искренни, а мѣстами въ нихъ сказывается высокій художникъ. Говорить о томъ, что картинныя къ книгѣ очень хороши, излишне: это рисунки Верещагина. М. С.



# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвны о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (48 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (20 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портрет., 9 руб.

*Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ платятъ по 4 р. 50 к. за годъ.*

Издатель-редакторъ Мих. Ив. Семевскій.

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый. АВГУСТЪ.

1888 годъ.

## СОДЕРЖАНИЕ.

- |   |     |   |     |
|---|-----|---|-----|
| I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. XII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ   | 225 | VI. Александръ Николаевичъ Стровъ въ 1857—1871 гг. Воспоминанія о немъ и его письма. Сообщ. К. П. Званцовъ  | 343 |
| II. Василий Трофимовичъ Нартиный. Историко-биографическое изслѣдованіе. Очеркъ второй. Состав. Н. А. Бѣлозерская.   | 249 | VII. Бой подъ Звинимовъ въ Азіатской Турціи, 13 іюня 1877 г. Сообщ. А. М. Войновъ                           | 385 |
| III. Архимандритъ Іакинѣвъ Бичуринъ: 1. Воспоминанія его внука. Гл. I—IV. Сообщ. Н. С. Моллеръ.— 2. Переписка о немъ кн. А. Н. Голицына и гр. К. В. Нессельроде 271 и | 301 | VIII. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка по Россіи въ 1888 г.: Тверь                               | 421 |
| IV. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академика и проф. Александра Васильевича Никитенко. Гл. I—VI.  | 305 | IX. Собраніе по вопросу объ учрежденіи въ Пермь губернской ученой архивной комиссіи. Сообщ. П. А. Вологдинъ | 449 |
| V. Императоръ Николай Павловичъ и рѣшенія имъ разныхъ дѣлъ въ 1827—1833 гг.   | 413 | X. Замѣтки: Майоръ Паткнвъ. — Камердинеръ кн. А. В. Суворова. Сообщ. Г. И. Студенкинъ 342 и 412             |     |
|   |     | XI. Библиографическій листокъ.  |     |

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Портретъ Василія Трофимоича Нартинова. Гравиров. художникъ Г. И. Грачевъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.



VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1888 г.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 63. Протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта. 1726—1730. Изданы подъ редакцію Н. Ѳ. Дубровина. Т. III. Январь—іюнь 1727 г. Спб. 1888. XXXVIII+875 стр., ц. 3 р.

Въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей при московскомъ университетѣ», 1858 г., кн. III (стр. 1—124), были напечатаны матеріалы подъ названіемъ: «Протоколы верховнаго тайнаго совѣта». Вслѣдъ за тѣмъ тогдашній начальникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, кн. М. А. Оболенскій, заявилъ въ «Библиографическихъ Запискахъ», что въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи» изданы не самыя протоколы верховнаго тайнаго совѣта, а хранящаяся въ архивѣ министерства рукопись А. Ѳ. Малиновскаго, подъ заглавіемъ: «Управленіе всероссійской имперіи во время бывшаго верховнаго тайнаго совѣта съ 1726 по 1730 г., изъ подлинныхъ дѣлъ, въ московскомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ архивѣ хранящихся, сокращенно изъясненное статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Малиновскимъ 1806 года». Такимъ образомъ, протоколы верховнаго тайнаго совѣта оставались неизданными до 1886 г., и пользованіе ими было довольно затруднительно, такъ какъ они хранятся въ архивахъ разныхъ министерствъ.

Въ 55 и 56 томахъ «Сборника Историческаго Общества» Н. Ѳ. Дубровинъ началъ, а нинѣ продолжаетъ печатать эти въ высшей степени важные документы, безъ изученія которыхъ невозможно составить себѣ полное понятіе о царствованіяхъ Екатерины I и Петра II. Академикъ Дубровинъ, авторъ извѣстнаго трехтомнаго труда о Пугачевѣ, составленнаго преимущественно по неизданнымъ источникамъ и внесшаго много новыхъ данныхъ въ исторію громаднаго народнаго движенія, охватившаго въ то время значительную часть государства, неутомимо, съ величайшею энергіею трудится надъ изданіемъ матеріаловъ для исторіи Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Имъ уже изданы два тома переписки лицъ, выдвинувшихся такъ или иначе въ царствованіе императора Александра I, нѣсколько томовъ мате-

риаловъ для исторіи присоединенія Крыма; онъ продолжаетъ начатое акад. Калачовымъ печатаніе докладовъ и протоколовъ сената въ царствованіе Петра В.; наконецъ, благодаря его энергіи и трудолюбію, дѣлаются доступными для общаго пользованія журналы, протоколы и указы верховнаго тайнаго совѣта.

Громадная разница между трудомъ Малиновскаго и подлинными журналами и протоколами этого учрежденія ясно видна уже изъ чисто количественнаго сравненія того и другаго матеріала: дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта съ феврала 1726 г. по іюнь 1727 г. включ. изложена Малиновскимъ на 56 стр.; между тѣмъ, въ изданіи г. Дубровина на это понадобилось три большихъ тома, въ суммѣ почти двѣ тысячи страницъ. Это объясняется тѣмъ, что г. Дубровинъ не ограничился одними журналами, протоколами и указами верховнаго тайнаго совѣта, но печатаетъ и всѣ приложенія къ нимъ, заключающія въ высшей степени важные свѣдѣнія для внутренней исторіи Россіи въ эпоху, непосредственно слѣдующую за смертію ея великаго преобразователя. Приложенія эти принимаютъ иногда весьма почтенный размѣръ, какъ, напр., свѣдѣнія о проведеніи Ладожскаго канала подъ руководствомъ Миниха (Сб. Ист. Общ., т. 63, стр. 260—283), о налогахъ въ Малороссіи (стр. 484—508) и мног. друг. Кромѣ того, изслѣдователь найдетъ здѣсь массу самыхъ цѣнныхъ данныхъ относительно всѣхъ сторонъ внутренней жизни Россіи въ указанную эпоху. Менѣе подробны свѣдѣнія относительно сношеній Россіи съ иностранными государствами, но они дополняютъ картину разносторонней дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта.

Нельзя не поблагодарить и историческое общество за опубликованіе этихъ драгоценныхъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что это изданіе, исполненное съ обычнымъ для «Сборника Историческаго Общества» извѣстствомъ, не смотря на то, въ высшей степени дешево: огромный томъ, почти въ 900 страницъ, стоитъ всего 3 р.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 64. Спб. 1888 г.  
Русское Историческое Общество уже раньше издадо четыре тома донесеній француз-





**ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ**

род. 1783 г. † 1825 г.

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».**



# ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

XII <sup>1)</sup>.

Приготовленія къ шведской кампаніи 1789 г.—Политика Англіи, Пруссіи и Швеціи.—Состояніе русскаго флота.—Современная стратегія.—Англійскіе адмиралы и принцъ Нассау-Зигенъ.—Вице-адмиралъ Крузъ—Выборъ главнокомандующаго.—Графъ И. Г. Чернышевъ.—Ревель и состояніе порта.—Контръ-адмиралъ Колявинновъ.—Свиданіе императрицы съ В. Я. Чичаговымъ.—Инструкціи и рескрипты.—Военный совѣтъ.—Дневныя записки адмирала Чичагова.

1788 годъ окончился для Россіи болѣе удачно, чѣмъ могли предполагать. Не смотря на старанія европейскіхъ державъ усложнить восточный вопросъ и парализовать дѣйствія русскаго флота, собиравшагося появиться снова въ Архипелагѣ, кн. Потемкинъ одержалъ блистательныя побѣды надъ турками, а адмиралъ Грейгъ разбилъ шведскій флотъ и тѣмъ разрушилъ всѣ планы короля Густава III. Событія, охватившія Францію, помѣшали ей участвовать въ дѣлахъ Востока; Австрія намѣревалась съ весны болѣе энергично помогать Россіи въ войнѣ съ Портою, слѣдовательно, оставались только двѣ державы — Пруссія и Англія, которыя могли приложить старанія, чтобы вредить интересамъ Россіи. Къ услугамъ этихъ двухъ государствъ были,

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, май, стр. 221—252; июнь, стр. 463—486; т. LI, августъ, стр. 247—270; сентябрь, стр. 487—518; т. LII, октябрь, стр. 25—44; ноябрь, стр. 239—258; изд. 1887 г., т. LV, июль, стр. 5—54; сентябрь, стр. 523—544; изд. 1888 г., т. LVIII, июнь, стр. 535—561; т. LIX, июль, стр. 1—21.

попрежнему, Польша и Швеція. Чтобы избѣжать войны съ Польшею или, лучше сказать, отсрочить ее, императрица согласилась временно уступить настояніямъ польскаго правительства по нѣкоторымъ придиричивымъ требованіямъ и обѣщала вознаградить ее насчетъ Турціи; этимъ она вполне привлекла поляковъ на свою сторону. Такъ какъ Пруссіи не удавалось поссорить Польшу съ Россіей, то она напрягла всѣ усилія, чтобы уговорить Турцію и Швецію продолжать борьбу до послѣдней крайности <sup>1)</sup>).

Въ теченіе зимы 1789 года наше политическое положеніе нѣсколько измѣнилось. Дерзкія заявленія прусскаго короля вселили увѣренность, что не обойдется безъ войны съ нимъ; Англія распустила слухъ, что намѣрена послать свой флотъ въ Балтійское море, а можетъ быть Голландія присоединится къ ней, вслѣдствіе чего Данія, которой угрожала также Пруссія отнятіемъ Голштиніи, склонялась отрѣшиться отъ союза съ Россіей. Шведскій король, ободряемый Пруссіей и Англіей, дѣйствовалъ рѣшительнѣе: ему удалось побороть революцію и привлечь на свою сторону всѣ сословія, за исключеніемъ дворянъ, главныхъ представителей которыхъ онъ арестовалъ, дабы, при закрытіи сейма, провозгласить себя самодержавнымъ <sup>2)</sup>). Эти обстоятельства сильно вліяли на общественное настроеніе въ Петербургѣ и большинство настаивало на заключеніи мира со шведами. Заимѣчалась какая-то боязнь къ продолженію войны <sup>3)</sup>). Но пере-

<sup>1)</sup> „Это былъ хорошо наполненный годъ, писала императрица Гриму (Сб. И. О. XXIII, 473): турецкая война, шведская война, сумасшествіе короля англійскаго, взятіе Очакова, смерть короля испанскаго, парламентскія иренія въ Англій, польскій сеймъ, шведскій сеймъ, событія въ Голландіи, поведеніе прусскаго короля въ Польшѣ и въ Даніи, морскія сраженія въ Лиманѣ и въ Балтійскомъ морѣ и т. д.“

<sup>2)</sup> По этому поводу императрица писала Гриму (Сб. И. Общ., XXIII, 68, 471): „въ эту минуту собирается въ Швеціи сеймъ и король велѣлъ арестовать въ Финляндіи 94 человѣка генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ многіе, узнавъ это, бѣжали къ намъ. Число ихъ ежедневно увеличивается и можетъ сдѣлаться весьма значительнымъ. Кажется, этотъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые злѣйшаго врага имѣютъ въ самомъ себѣ“.

<sup>3)</sup> Вотъ что писалъ объ этомъ гр. Безбородко гр. С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. 13, стр. 158): „Со шведами мы намѣрены непремѣнно поминаться, хотя *in statu quo*, съ соблюденіемъ тожко *desoign*, и для того мы съ гр. Александромъ Романовичемъ весьма не хотѣли вносить пункта о несвободѣ королю начинать войну безъ сейма. Сей пунктъ самый пустой и ненадежный...“



говоры ни къ чему не привели, такъ какъ Густавъ III боролся съ внутренней неурядицей не для того, чтобы затѣмъ спокойно жить въ Стокгольмѣ. Тогда императрица рѣшилась воспользо-ваться зимнимъ и весеннимъ временемъ для усиленной подготовки къ слѣдующей кампаніи. Масса народа была призвана къ работѣ въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, но ими руководили лица, не имѣвшія достаточно хорошихъ познаній въ технику кораблестроенія. Кромѣ кораблей, присланныхъ въ Кронштадтъ для исправленія послѣ гогландскаго сраженія и вновь построенныхъ, заготовлялось до 14-ти старыхъ линейныхъ, совершенно ветхихъ и негодныхъ. Все это количество приходилось чинить въ докахъ, которыхъ не доставало для нихъ, а потому исправленія дѣлались кое-какъ, съ помощью замазыванія щелей и заколачиванія дыръ досками. Вооружить совершенно за-ново, снабдить всѣмъ необходимымъ, набрать для нихъ матросовъ и офицеровъ, при полнѣйшемъ недостаткѣ въ пушкахъ, снарядахъ и людяхъ, нѣсколько приученныхъ къ морю, было мыслимо только въ воображеніи адмиралтействъ-коллегіи и на бумагѣ. До 27-ми судовъ почти того же достоинства находилось у насъ въ портахъ ревелскомъ и копенгагенскомъ; если бы позаботились о снабженіи ихъ всѣмъ недостающимъ, то и тогда хватило бы работы до вскрытія водъ. Не смотря на прошлогоднюю кампанію, которая, впрочемъ, ограничилась лишь однимъ сраженіемъ, выказавшемъ насколько неопытны были командиры кораблей и ихъ команды, пришлось имѣть на судахъ почти столь же несвѣдущій контингентъ, какъ и до начатія кампаніи. Если принять въ расчетъ число заболѣвшихъ, умершихъ, убитыхъ и раненыхъ, наконецъ, вновь поступившихъ рекрутовъ, то на этихъ 27-ми судахъ оставался такой составъ, съ которымъ еле-еле можно было дѣйствовать въ морѣ. Но столь посредственный контингентъ, въ виду желанія имѣть громадный флотъ, долженъ былъ еще ухудшиться. На строящіеся корабли и на готовящіеся къ предстоящей кампаніи необходимо было отдѣлать опытныхъ матросовъ и офицеровъ изъ ревелской эскадры; такимъ образомъ, уравновѣсивъ силы, привели весь русскій флотъ въ вполнѣ неудовлетворительное состояніе какъ въ отношеніи вооруженія и снаряженія, такъ и въ смыслѣ снабженія людьми.

Императрица также значительно увеличила свой гребной

флотъ, приказавъ построить большое число судовъ, подобныхъ тѣмъ, какія были у непріятеля. Но она не имѣла Чапмана въ своемъ распоряженіи. Поэтому все было исполнено съ поспѣшностью и, слѣдовательно, гораздо хуже, чѣмъ у противниковъ. Это были большія крестьянскія телѣги, въ сравненіи съ хорошими и красиво навѣшанными каретами, но на нихъ было возможно имѣть артиллерію, а также и драться. Впрочемъ, слѣпая храбрость русскихъ, столь же твердая, какъ и неистощимая, часто замѣняетъ всѣ недостатки въ искусствѣ.

Съ такими-то силами предположено было начать наступательную войну противъ шведовъ. Въ то время стратегія военачальника допускала лишь одинъ способъ полученія преимущества предъ непріятелемъ, а именно стремительную атаку. Такъ сложились понятія у современниковъ моего отца и за это дѣйствіе въ особенности восхваляли адмирала Грейга. Мы приводили выше мысли и доводы адмирала Чичагова, почему онъ считалъ для нашего флота болѣе выгоднымъ держаться противоположной стратегіи, которую нѣкоторые находили тогда преступною. Въ настоящее время, послѣ разительныхъ примѣровъ въ исторіи Европы, когда испробованы всѣ теоріи и примѣнены на практикѣ всѣ блестящія идеи великихъ полководцевъ, стратегія даетъ свободу дѣйствій главнокомандующимъ и оправдываетъ всѣ употребляемые ими средства къ достиженію превосходства надъ непріятелемъ. Было бы совершенно неподходящимъ утверждать теперь, что оборонительную войну имѣетъ право вести только тотъ, кто заботится о спасеніи и о возможности отступить за укрѣпленія. Весьма часто слабому приходилось бросаться въ удобный моментъ на сильнѣйшаго и тѣмъ выиграть битву, также какъ обороняющемуся—заставить малочисленнаго, но отважнаго противника разбиться о себя, какъ о стѣну. Несомнѣнно, плохо обученное войско еще болѣе теряетъ силу, когда атакуетъ непріятеля. Одинаково сильные удары можетъ наносить противнику и обороняющійся, и наступающій, лишь бы удалось во-время остановиться, собраться, построить прикрытія или зайти въ тылъ непріятелю и выбрать слабый пунктъ позиціи для атаки. Въ прежнее же время отважнымъ и способнымъ считали только атакующаго, хотя обороняющійся долженъ имѣть больше храбрости и выдержки. Не рѣшился адмиралъ

Грейгъ напасть 6-го іюля на шведскій флотъ и предупреди его герцогъ Зюдерманландскій, слава его была бы далеко не такъ велика. Но никто не могъ поручиться, что этой атакой, которая принесла выгоду больше съ нравственной стороны, онъ не затормозилъ кампанію. Шведскій флотъ заперся въ Свеаборгѣ, испуганный дѣйствіями Грейга, и вышелъ оттуда не ранѣе того, какъ русскій флотъ примерзъ къ ревелскому и кронштадтскому портамъ. Существованіе флота обезпечилось до слѣдующей кампаніи и такъ какъ не было никакихъ средствъ вызвать его въ море, Грейгъ провелъ все лѣто въ Ревелѣ, изобрѣтая всевозможные планы. Предположимъ теперь, что атака была ведена со стороны шведовъ и они потерпѣли вдвое, такъ какъ наши капитаны сѣумѣли бы драться лучше, нежели управлять судномъ, нравственная сторона побѣды 6-го іюля нисколько не уменьшилась бы, а извѣстно, что первая неудачная атака влечетъ всегда за собою вторую, въ надеждѣ, что она будетъ счастливѣе; при такомъ предположеніи, есть данныя, что шведы не стали бы скрываться, и Грейгъ могъ получить случай окончательно разбить непріятеля, хотя бы на этотъ разъ и атакой. Слѣдовательно, нельзя брать на себя рѣшеніе, что такъ-то было бы лучше, а такъ-то хуже; каждый дѣйствуетъ какъ находитъ нужнымъ, и всѣ правы, если результаты приобрѣтены въ ихъ пользу. Адмиралъ Грейгъ былъ замѣчательный флагманъ и начальникъ не потому, что онъ бросался въ атаку, а вслѣдствіе его познаній, энергіи, ума и душевныхъ качествъ. Россія многимъ ему обязана, что особенно выяснилось въ первомъ же бою у Гогланда и за что онъ приобрѣлъ сразу любовь русскаго флота. О тактикѣ и стратегіи адмирала Чичагова скажемъ въ свое время.

Итакъ, мы выяснили приблизительно, какъ подготовлялся флотъ къ предстоящей кампаніи. Число офицеровъ было крайне недостаточно и со смертью адмирала Грейга партія, приверженная къ иностранцамъ, требовала, чтобы скорѣе выписали флагмана изъ-за границы <sup>1)</sup>. Нашего посла въ Лондонѣ настоя-

---

<sup>1)</sup> Императрица писала князю Потемкину („Русск. Стар.“ 1876 г., т. XVI стр. 588): „Я смертью адмирала (Грейга) столь чувствительно тронута, что сказать не могу, и сія потеря для имперіи на сей случай есть несчастіе,

тельно просили о присылкѣ англійскихъ моряковъ, и ожидалось ихъ оттуда большое количество. Между прочими надѣялись имѣть англійскихъ контръ-адмираловъ Раулей, Росъ, братьевъ Хоодъ (Hood), изъ которыхъ одинъ былъ лордомъ, Эліотъ, Хотамъ Пентонъ, Алленъ, Саіеръ, Кингъ, Фаулкнеръ, Говеръ, Іервисъ, Дунканъ, Дугласъ; всѣ они, вѣроятно, согласились бы явиться въ Россію, при условіи быть повышенными въ чинъ генераль-адмирала <sup>1)</sup>). Хороши бы мы были, если бы вся эта компанія явилась управлять русскимъ флотомъ. Отдавая инаго рода предпочтеніе рыцарскимъ качествамъ принца Нассау-Зигена<sup>2)</sup>, который уже отличился въ прошлую турецкую

---

ибо не имѣемъ во флотѣ кто могъ бы съ таковымъ же искусствомъ и репутаціей его мѣсто замѣнить". Гарновскій въ своихъ запискахъ говорить („Русск. Стар.“, т. XVI, стр. 233): „хотать выпloatъ господина Сюфрена“.

Л. Ч.

<sup>1)</sup> Имена этихъ адмираловъ встрѣчаются въ письмѣ императрицы къ гр. С. Р. Воронцову отъ 3-го марта 1789 г. (Арх. кн. Вор., кн. 23, стр. 89): „Я васъ прошу постараться пригласить на мою службу нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые означены въ прилагаемой вѣдомости, и, если возможно, въ наискорѣйшемъ времени; потрудитесь ихъ отпривавить сюда съ тою же быстротою, потому что, дѣйствительно, мы очень нуждаемся въ нѣсколькихъ хорошихъ и свѣдущихъ морякахъ“. Въ вѣдомости помѣщена характеристика приглашаемыхъ императрицею лицъ и, кромѣ упоминаемыхъ въ запискахъ П. В. Чичагова, тамъ означены старшіе капитаны кораблей: Стюартъ, Пакеръ, Корваллисъ, Макбридъ, Фаншау, Амондъ и Юнгъ. О старшихъ гр. И. Г. Чернышева можно заключить изъ письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. Безбородко (Арх. кн. Вор., кн. 9, стр. 480): „Я получалъ письмо отъ гр. Чернышева, копмъ онъ просить меня, дабы я еще какъ можно болѣе вызывалъ англицкихъ офицеровъ въ нашу службу... Я долженъ еще вашему снѣт. сказать, что со времени, какъ Поль-Жонесъ взялъ на нашу службу, здѣшніе морскіе офицеры потеряли охоту входить въ оную, говоря, что онъ токмо что храбрый каперъ, но не служилъ нигдѣ, ибо Франція ему дала патентъ офицерскій для единаго виду и для его спасенія, когда кавалеръ Іоркъ требовалъ его выдачи отъ голландцевъ; что ни въ какой службѣ ему не дали ранга капитана, а еще менѣ контръ-адмиральскій, и что служить подъ командою человѣка, который показывалъ храбрость всегда токмо что для корысти пріевовъ и разъ токмо, чтобы не быть взятымъ и повѣданнымъ, они ницдѣтъ не могутъ“. Отчаянный Поль-Жонесъ, которому императрица почему-то протезировала, служилъ у Потемкина. О немъ упоминается въ письмахъ императрицы и Потемкина (см. „Русск. Стар.“ 1876 г., т. XVI).

<sup>2)</sup> Нассау-Зигенъ, Карлъ, Генрихъ, Николай, Оттонъ, принцъ, прославившійся жизнью, исполненною приключеній (р. 1743, † 1805), происходилъ отъ католической линіи Зигенскаго дома. Біографія его войдетъ въ послѣдующія записки адмирала Чичагова.

Л. Ч.

кампанію на Черномъ морѣ, гдѣ онъ командовалъ гребнымъ флотомъ, императрица, находя, что тамъ она можетъ обойтись безъ него, призвала служить въ Балтійское море и ввѣрила ему начальство надъ всей вновь построенной гребной флотиліей. Дѣятельность въ портахъ доходила тогда до крайности. Наконецъ, пришло время императрицѣ назначить главнаго начальника надъ флотомъ. Болѣе рѣшительнымъ, храбрымъ и способнымъ бросаться въ атаку многіе при дворѣ считали адмирала Круза, такъ какъ онъ служилъ въ англійскомъ флотѣ<sup>1)</sup>. Дабы склонить императрицу къ назначенію его, докладчики ее увѣряли, что весь флотъ этого желаетъ, но императрица никогда бы не могла согласиться въ столь важный моментъ на назначеніе Круза, человѣка нестерпимаго характера, горячаго, увлекающагося, легкомысленнаго, постоянно ссорющагося со всѣми; обстоятельства были слишкомъ серьезны и требовали распорядителя, по меньшей мѣрѣ, хладнокровнаго, опытнаго и любимаго всѣми моряками. Придворные вельможи знали Круза по наслышкѣ и говорили со словъ другихъ; вице-президентъ гр. Чернышевъ, который самъ не любилъ Круза и зналъ, что почти не было человѣка во флотѣ, который бы не поссорился съ нимъ, представлялъ кандидатомъ того же Круза, чтобы угодить сановникамъ и соблюсти политику. Болѣе прозорлива была въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, императрица: она наотрѣзъ отказала всѣмъ, просившимъ за Круза.

Такъ какъ вице-адмиралъ Крузъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ кампаніи 1789 г., то не мѣшаетъ съ нимъ поближе познакомиться. При всѣхъ упомянутыхъ мною выше недостаткахъ его, это былъ человѣкъ благороднѣйшей и добрѣйшей души, пріятнѣйшій собесѣдникъ, но, дѣйствительно, нестерпимый начальникъ и подчиненный. Онъ не признавалъ тѣхъ, кто не былъ съ нимъ одного мнѣнія, и потому ссорился изъ-за пустяковъ. Въ семилѣтнюю войну онъ ходилъ съ моимъ отцемъ

<sup>1)</sup> Крузъ, Александръ Ивановичъ (р. 1727, † 1799), происходилъ отъ древней датской фамиліи. Былъ принятъ на русскую службу въ 1753 г. въ унтеръ-лейтенанты изъ англійскаго флота. Похороненъ въ Кронштадтѣ. На памятникѣ надпись:

Громиаи отражая громъ,  
Онъ спасъ Петровъ градъ и домъ.

Л. Ч.

въ эскадрѣ подѣ Кольбергѣ. Тамъ онъ, будучи еще лейтенантомъ, выказалъ свою неустрашимость, и его ранили. Въ 1769 г. ему поручили корабль «Память Евстафія», съ которымъ онъ и отправился въ Архипелагъ. Въ Чесменскомъ бою онъ довелъ свою храбрость до невѣроятія. Находясь все время впереди и на картечный выстрѣлъ отъ непріятеля, онъ заставилъ играть музыкантовъ, пока всѣхъ ихъ не перебили, атаковалъ корабль турецкаго главнокомандующаго, который зажегъ, и чрезъ это же самъ взлетѣлъ на воздухъ со своимъ кораблемъ. Сброшенный въ воду, Крузь спасся, ухватившись за какой-то обломокъ. Такъ какъ его неустрашимость доходила до безразсудства и почти весь его экипажъ погибъ, то имъ остались недовольны. Вслѣдствіе этого онъ поссорился съ начальствомъ. Вслѣдъ за тѣмъ его постигло второе несчастье: когда ему дали въ команду корабль, взятый въ плѣнъ у турокъ, онъ его навелъ на подводный камень и затопилъ. Команду еле-еле успѣли спасти и по необходимости высадили на непріятельской землѣ. При жизни Грейга ему не давали никакого командованія и, въ 1788 году, онъ начальствовалъ надъ двумя старыми запасными кораблями, простоявшими всю кампанію у Красной Горки. Изъ этого маленькаго очерка уже видно, что желаніе моряковъ не могло быть — подчиниться Крузу, какъ это докладывали императрицѣ и что она хорошо поняла. Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, вѣроятно, всѣ въ жизни своей встрѣчали подобныхъ людей, какъ вице-адмиралъ Крузь: при всѣхъ задаткахъ къ тому, чтобы принести пользу службѣ, приходится отказываться отъ ихъ услугъ, благодаря неуживчивости, строптивости и горячности ихъ характера <sup>1)</sup>.

Затѣмъ, выслушавъ всѣ предложенія своихъ докладчиковъ, императрица назначила временно начальникомъ ревелской эскадры

---

<sup>1)</sup> Храповицкій говоритъ въ дневникѣ (стр. 223), что онъ, 30-го декабря 1788 г., сказалъ къ слову: „весь флотъ, жалѣя о Грейгѣ, ожидалъ въ началу Круза, выхваляя его храбрость“. Въ отвѣтъ императрица произнесла: „Онъ потерялъ „Евстафія“ и „Родось“. Надежда на Козлянинова и другихъ — что были на моей шляпкѣ“. Далѣе (стр. 282): „Вице-адмиралъ Крузь прислалъ письмо, что считаетъ себя обиженнымъ противъ Мордвинова, не бывъ наряженъ въ походъ“. Сказано въ отвѣтъ: „Онъ несчастливъ на морѣ“.

адмирала Чичагова, которому и послала, 27-го ноября 1788 г., слѣдующій рескриптъ:

«Главную команду надъ портомъ Ревельскимъ и надъ всѣми имѣющимися въ ономъ кораблями, фрегатами и другими судами, съ людьми, къ тому принадлежащими, указали мы поручить вамъ до будущаго нашего соизволенія. Подробныя наставленія получите вы отъ адмиралтейской коллегіи, мы же вкратцѣ вамъ волю нашу объявляемъ, чтобъ вся часть флота нашего, въ помянутомъ портѣ на зиму оставшаяся, какъ наискорѣй и конечно къ открытію водъ въ исправность и полную готовность къ плаванію и дѣйствіямъ приведена была непремѣнно: чего ради ежели вамъ потребно будетъ какое-либо въ томъ пособіе, вы сверхъ рапортовъ вашихъ по командѣ и прямо намъ представляйте, а, смотря по надобности, можете и для удобнѣйшаго на словахъ о всемъ изъясненія сами сюда пріѣхать; на проѣздъ вашъ пожалованныя отъ насъ три тысячи получите изъ суммы на чрезвычайныя по флоту расходы, въ вѣдомство покойнаго адмирала Грейга отпущенной».

Графъ Чернышевъ, который во время начальствованія адмирала Грейга сказывался болѣе больнымъ и бездѣйствовалъ, теперь пожелалъ снова стать во главѣ управленія и первымъ дѣломъ началъ торопить адмирала Чичагова. Въ отвѣтъ на его письмо отецъ мой написалъ 30-го ноября: «Недавно мнѣ имяншимъ ея и. в-ва указомъ содержаніе сего изображено, но приступить не прежде я могу, какъ по пріѣздѣ моемъ въ Ревель, куда и отправиться имѣю въ первыхъ числахъ наступающаго мѣсяца неумедля». Разумѣется, смѣшно было требовать отъ него распоряженій, когда онъ находился въ Петербургѣ.

Читатели помнятъ, что адмиралъ Чичаговъ, еще отправляясь съ экспедиціей къ сѣверному полюсу, близко познакомился съ дѣятельностью вице-президента адмиралтействъ-коллегіи, графа И. Г. Чернышева. Разочаровавшись въ немъ и въ пользѣ, которую приносила коллегія, онъ рѣшилъ теперь дѣйствовать самостоятельно, помимо графа и членовъ пресловутаго комитета, которые ровно ничего не смыслили. Дѣйствительно, графъ Чернышевъ былъ всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не морякомъ. Отецъ его при Петрѣ Великомъ состоялъ комиссаромъ во флотѣ и, вѣроятно, зналъ болѣе сына по части морскаго искусства,

такъ какъ иначе Великій Преобразователь его бы не держалъ, но Иванъ Григорьевичъ былъ на-просто камеръ-юнкеромъ при дворѣ императрицы Елисаветы, а затѣмъ дипломатъ средней руки, что вполнѣ соотвѣтствовало и натурѣ, и воспитанію его. Этотъ родъ занятій развилъ въ немъ большую ловкость и умѣнье говорить такъ, какъ говорятъ при дворѣ, и думать разсудкомъ сановниковъ. Такимъ образомъ, онъ угождалъ всѣмъ и выказывался гораздо умѣе и лучше, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Въ послѣдніе годы жизни Елисаветы онъ старался сблизиться съ наслѣдникомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, гдѣ его приняли радушно, и онъ понялъ, что выгоднѣе сдѣлаться сторонникомъ вел. княгини. Чернышевъ такъ хорошо замаскировалъ свой малыя познанія и даже необразованность, что, съ восшествіемъ на престолъ, Екатерина приблизила его къ себѣ, въ увѣренности, что онъ будетъ хорошимъ помощникомъ по организаціи флота. Такимъ образомъ, онъ попалъ въ морскую службу за два года (1763 г.) до снаряженія полярной экспедиціи, когда моему отцу пришлось съ нимъ сговариваться и переписываться. Императрица его назначила прямо членомъ адмиралтействъ-коллегіи, сдѣлала докладчикомъ по дѣламъ коллегіи, командиромъ галернаго флота и петербургскаго порта. Поэтому можно судить, сколько было хитрости въ Чернышевѣ, что онъ сумѣлъ сдѣлаться морякомъ въ глазахъ монархини. Въ 1769 году его пожаловали въ вице-президенты адмиралтействъ-коллегіи. Имѣя право, на основаніи высочайшаго указа, относиться прямо къ императрицѣ по всѣмъ дѣламъ, адмиралъ Чичаговъ рѣшилъ имъ безусловно пользоваться и, для интересовъ службы, обходить гр. Чернышева, отвѣчая ему лишь въ свободное время на запросы любезными письмами.

15-го декабря 1788 года отецъ мой прибылъ въ Ревель <sup>1)</sup>. Портъ могъ вмѣстить въ себѣ не болѣе десяти кораблей, нѣсколько фрегатовъ и легкихъ судовъ. Въ отношеніи содер-

<sup>1)</sup> Дабы успокоить графа Чернышева, комендантъ Ревеля Воронцовъ поспѣшилъ на другой же день донести: „Вчерашняго числа ввечеру господинъ адмиралъ и кавалеръ В. Я. Чичаговъ въ Ревель прибылъ, но командъ какъ флотской, такъ и портъ по сей день еще не принялъ. 16-е декабря“. (Морск. Арх.). Довольно трудно было принять все въ однѣ сутки.



жанія и защиты онъ былъ въ самомъ ужасномъ состояніи. Адмиралъ занялся приготовленіемъ всего, что только могла дать отдыхающая природа этой страны, дабы флотъ имѣлъ возможность выступить въ море, тотчасъ по открытіи навигаціи. На его представленія, императрица ему поручила исправить портовые стѣны, которыя были въ полномъ разрушеніи, и привести ихъ въ оборонительное состояніе. Она дала ему одновременно и средства къ этому. Адмиралъ также вошелъ въ переписку съ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи, графомъ Чернышевымъ, дабы позаботились о вооруженіи эскадры, зимовавшей въ Кронштадтѣ, и чтобы она могла быть готова одновременно съ эскадрой ревелской. Императрица, съ своей стороны, поощряла въ работахъ и придавала имъ возможную энергію. Между другими неудобствами Ревельскаго порта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился, главнѣйшее состояло въ затрудненіи добыть прѣсную воду для кораблей, но, благодаря розыскамъ, было открыто средство провести воду изъ озера, лежащаго на одной изъ окрестныхъ высотъ, и это облегчило дѣятельность флота.

Скажемъ нѣсколько словъ о состояніи самаго флота и о командирахъ судовъ. 74-хъ пушечнымъ кораблемъ «Всеславъ» командовалъ Михаилъ Макаровъ, который послѣ голландскаго сраженія былъ отправленъ въ Кронштадтъ для исправленія судна. «Мстиславомъ» командовалъ Григорій Муловскій, и отецъ мой не засталъ его въ Ревелѣ, по случаю отпуска. Командиръ «Св. Петра» Денисовъ былъ также въ отпуску. «Ярославъ» не имѣлъ командира, такъ какъ Джонъ-Биксъ умеръ отъ болѣзни, а капитанъ Эльфинстонъ, назначенный на его мѣсто, находился въ отпуску въ Петербургѣ. Георгій Татъ, командиръ «Киръ-Іоанна», былъ на лицо, такъ какъ и Карлъ фонъ-Брейеръ и Петръ Карцовъ, командовавшие «Св. Еленой» и «Изяславомъ». «Вышеславъ» чинился въ Кронштадтѣ, а «Болеславъ» не имѣлъ начальника. Тревенень, командиръ «Родислава», жилъ въ Петербургѣ. «Возмиславъ» былъ разбитъ. Николай Шенгуковъ со «Славой» зимовалъ въ Ревелѣ. «Бречеславъ» чинился въ Кронштадтѣ. Фонъ-Гревенсъ, командиръ «Подрожеслава», былъ въ отпуску. Фонъ-Сиверсъ зимовалъ въ Ревелѣ съ «Перемыславомъ». «Надеждой Благополучія» командовалъ сперва Игнатій Лотыревъ, а затѣмъ князь Дмитрій Трубецкой, но

послѣдній былъ смѣненъ за слабое исполненіе адмиральскихъ сигналовъ и опредѣленъ на корабль «Св. Петръ»; послѣ него назначались командиры: Сиверсъ, раненый и больной, а потомъ Николай Бодиско. Капитанъ-лейтенанты Сакенъ и Качаловъ, командиры бомбардирскихъ судовъ «Побѣдитель» и «Страшный», находились въ отпуску. «Іоаннъ Богословъ» чинился въ Кронштадтѣ, а «Ростиславъ» и «Память Евстафія» съ командирами Одинцовымъ и Хомутовымъ остались въ Ревелѣ <sup>1)</sup>.

Изъ этого перечня уже видно, что мой отецъ, явившись въ Ревель съ повелѣніями немедленно завѣяться заготовленіемъ всего необходимаго для флота, нашелъ мало помощниковъ <sup>2)</sup>. Для того, чтобы лучше судить, до какой степени велика была нужда во флотѣ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, приведемъ краткія выписки изъ писемъ адмирала Чичагова къ гр. Чернышеву: 5-го января 1789 г. «Теперь у насъ крупы на сухопутную дачу нѣтъ и купить менѣе 10 рублей и то небольшое количество не можно... На помѣщаемыхъ во флотѣ армейскихъ солдатахъ мундировъ нѣтъ и прочей аммуниціи... Одинъ русскій купецъ объявилъ желаніе принять на себя достройку ревельской гавани, и по сіе время никто другой не отыскался; къ закупкѣ же собою на то всѣхъ матеріаловъ надежды не предвидится <sup>3)</sup>». 22-го

<sup>1)</sup> Вотъ что писалъ В. Я. Чичаговъ въ апрѣлѣ гр. Чернышеву по этому поводу (Морск. Арх.): „Нѣтъ капитана на стопушечномъ кораблѣ на мѣсто Одинцова... За нужное почтито увѣдомить, что и капитанъ Карцовъ не надеженъ; онъ очень нездоровъ, хотя еще и не отказывается отъ кампаніи. Капитанъ, который пожалованъ изъ моихъ генераль-адъютантовъ, еще вѣдучи изъ Петербурга, на дорогѣ заболѣлъ и оставленъ былъ на почтовомъ дворѣ. Время же къ выходу нашему за гавань очень близко, ибо ледъ слабъ, хотя еще не тронулся.“

<sup>2)</sup> Кстати будетъ привести письмо В. Я. Чичагова къ гр. Чернышеву, касающееся Денисова и Одинцова (Мор. Арх. 22-го января 1789 г.): „Взятія по указу отъ командировъ „Ростислава“ и „Болеслава“, кои въ ночное время, будучи подъ парусами, сошлись и нѣсколько повредились, объясненія представлены отъ меня...; но я, читавъ ихъ, нахожу противорѣчущими. Но, принявъ въ уваженіе: ночную темноту, узкость мѣста и множество судовъ, трудно предостеречься отъ подобныхъ случаевъ. Извѣстно вашему сіят., что капитанъ Денисовъ во всю прошедшую кампанію поступалъ похвально, то прошу въ семъ случаѣ оказать ему милость и избавить его отъ нареканія.“  
Л. Ч.

<sup>3)</sup> Изъ дальнѣйшихъ писемъ (Морск. Арх.) видно, что купецъ этотъ былъ Елизаръ Поповъ; планъ постройки сдѣланъ инженеромъ барономъ Паленомъ. Изъ обязательства Попова явствуетъ, что строили восточную сторону гавани

января. «Масло здѣсь дорого и трудно отыскать большое количество... Клюквы для наливки очень мало, не знаю, однако, ея пользы. Въ капустѣ кислой также недостатокъ. Лучше бы заготовить сушеной. Я таковой нѣкогда имѣлъ боченокъ, присланный ко мнѣ отъ И. И. Черкасова; употреблялъ ее на морѣ со вкусомъ, остатокъ же привезъ на берегъ и забыта была больше года, а вспомня, варилъ и нашелъ тотъ же вкусъ. Желающихъ быть толмачами шведскаго и чухонскаго языка отыскивать было приказано, и приходили ко мнѣ три человѣка негодные и пьяницы. По дороговизнѣ хлѣба нельзя надѣяться, чтобы сварили хорошее пиво, а худое и скоро окисаемое вредно». 29-го января: «Интендантская экспедиція требуетъ отъ насъ чугунаго балласта  $\frac{1}{4}$  часть для отсылки въ Кронштадтъ. Недостатокъ же нашъ полагаетъ наполнить каменнымъ или песчанымъ балластомъ: но изъ рапортовъ капитанскихъ усматривается, что корабли, кои назначены были въ Средиземное море, за помѣщеніемъ на оныхъ разнаго груза, не имѣли полного балласта, а по снятіи тѣхъ вещей, теперь всѣ облегчены и нужно еще догружать, не убавляя настоящаго. Каменнаго балласта по близости нѣтъ, а песокъ очень мелокъ, да что будетъ стоить одна перевозка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и лошадей отыскать не можно, а болѣе всего самое нужное время къ вооруженію употребится на погрузку балласта». 7-го февраля: «Мы нуждаемся въ квартирахъ для рекрутъ и особливо для больныхъ... Прошу приказать, чтобы меньше присылали хворыхъ и изнуренныхъ рекрутъ, да чтобы обуты и одѣты были...» 21-го февраля: «Купленные покойнымъ адмираломъ Грейгомъ 19 лодокъ совсѣмъ къ десанту неудобны, потому что онѣ безпалубныя и развѣ употребятся для перевозки людей на самомъ ближнемъ разстояніи и гдѣ не можетъ быть волненія» и т. д.

Къ довершенію всего, цейхмейстера Лемана опредѣлили въ Кронштадтъ и мой отецъ остался безъ главнаго помощника и

---

на 63 сажени длиною въ море и за 18,500 рублей. В. Я. Чичаговъ требовалъ, чтобы постройка была окончена къ маю мѣсяцу и работа началась въ январѣ мѣсяцѣ. Въ апрѣлѣ (24-го) адмиралъ писалъ гр. Чернышеву: „при наступленіи теплаго времени, когда обмерзшій по наружности гавани ледъ отдѣлился, то и усмотрѣно, что гавань не только сгнила, но и отверстія имѣетъ такия, что при волненіи легко размытъ ее можетъ“.

Л. Ч.

руководителя артиллерійскимъ дѣломъ. На его мѣсто назначили Ламздорфа. Такимъ образомъ январь и февраль мѣсяцы прошли въ хлопотахъ по устройству и заготовленію всего необходимаго для флота.

Тѣмъ временемъ императрица рѣшилась дать Копенгагенской эскадрѣ другаго начальника и выбрала лично ей извѣстнаго контръ-адмирала Козлянинова. О немъ упоминалось уже въ предъидущей главѣ, но, не смотря на похвалы, которыхъ онъ удостоился отъ адмирала Грейга послѣ Гогландскаго сраженія, въ дальнѣйшей своей дѣятельности онъ выказалъ весьма малыя способности. Въ среднихъ числахъ февраля мѣсяца императрица вызвала его изъ Ревеля въ Петербургъ, чтобы объявить ему повелѣніе принять Копенгагенскую эскадру <sup>1)</sup>. Когда Козляниновъ вернулся въ Ревель, то вручилъ моему отцу слѣдующее письмо отъ императрицы:

«Василій Яковлевичъ! Отпуская съ симъ контръ-адмирала Козлянинова, желаю, чтобы вы на время поспѣшили сюда пріѣхать, препоруча до возвращенія вашего команду въ Ревель надъ флотомъ помянутому контръ-адмиралу. Вамъ благосклонная Екатерина. 6 марта 1789 года».

До сихъ поръ императрица не высказывала окончательно рѣшенія, кого она назначаетъ главнымъ начальникомъ флота; моему отцу было только приказано принять командованіе надъ Ревельской эскадрой и стараться съ возможною поспѣшностью приготовить ее къ выступленію. Этотъ призывъ адмирала въ столицу долженъ былъ имѣть какое либо особенное значеніе и дѣйствительно, при первомъ же свиданіи, императрица ему объявила, что на него возлагается обязанность начальствовать надъ всѣмъ флотомъ. 3-го апрѣля адмиралъ пошелъ прощаться съ государынею, такъ какъ всѣ дѣла и разговоры были окончены и болѣе важнѣйшія ожидали его въ Ревель. Когда онъ вошелъ и императрица допустила его къ цѣлованію руки, то замѣтилъ, что на столѣ лежалъ образъ св. Николая Чудотворца, въ золотомъ окладѣ и усыпанный брилліантами.

<sup>1)</sup> Вызовъ Козлянинова въ Петербургъ былъ сдѣланъ запискою императрицы къ В. Я. Чичагову (Семейный Архивъ): „Прикажите контръ-адмиралу Козлянинову сюда на короткое время пріѣхать. Вамъ доброжелательная Екатерина“.

— «Это вамъ мое благословеніе», сказала она, указывая на образъ.

— «Благослови, матушка!» воскликнулъ адмиралъ, падая на колѣни, растроганный сердечнымъ вниманіемъ императрицы.

Она взяла образъ въ руки и трижды перекрестила имъ сѣдую голову моего отца. Затѣмъ, крѣпко поцѣловавъ адмирала въ лобъ, она вручила ему икону.

— «Да хранить васъ Чудотворецъ, вашъ покровитель», (т. е. моряковъ), сказала императрица.

— «Это нашъ Нептунъ, матушка!» отвѣчалъ, улыбаясь, адмиралъ.

— «Почему-же», спросила императрица?

— «Онъ покровительствуетъ морякамъ, а безъ вѣтра, тѣмъ паче попутнаго, флоту счастья не добыть, матушка».

Императрица смѣялась отъ души, а адмиралъ остался доволенъ, что сумѣлъ шуточкой ободрить государыню, которая въ душѣ боялась за рѣшеніе продолжать кампанію и сомнѣвалась, существуетъ ли у моряковъ надежда побѣдить непріятеля <sup>1)</sup>.

31-го марта 1788 г. императрица подписала рескрипты на имя адмирала Чичагова и вице-адмирала Козлянинова, вмѣщающіе въ себѣ инструкціи для предстоящихъ дѣйствій <sup>2)</sup>.

„Вѣривъ вамъ предводительство морскихъ силъ нашихъ въ Балтійскомъ морѣ“, говорилось въ рескриптѣ моего отца: „противу непріятеля нашего короля шведскаго назначенныхъ, мы тѣмъ оказали вамъ знавъ особеннаго нашего благоволенія и надежды на ваше усердіе въ службѣ, радѣніе и искусство.“

Флотъ нашъ, на дѣйствія въ помянутомъ морѣ опредѣляемый, будетъ составленъ: во-первыхъ, изъ 10 кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бомбардирскихъ, нынѣ въ Ревелѣ имѣющихся, и изъ такового же числа кораблей и фрегатовъ, отъ Кронштадта отправляемыхъ; изъ эскадры, нынѣ въ Копенгагенѣ находя-

<sup>1)</sup> Храповицкій пишетъ въ дневникѣ (стр. 271): „изволила сказывать о дачѣ образа Чичагову и что онъ назвалъ Чудотворца нашимъ Нептуномъ. Причина сему Спиридовъ. Съ нимъ говорено было, что вѣтры е. в.—всегда попутны и что изволить ему отдать свое счастье. При прощаніи, вздумалъ онъ просить узелковъ; вдругъ непонятны были его рѣчи, но рѣшились въ тотъ-же день послать къ нему образъ Іоанна Войственника, съ коимъ онъ отправился, и во время сраженія при Чесмѣ надѣлъ на шею на голубой лентѣ“.

<sup>2)</sup> Храповицкій свидѣтельствуетъ, что императрица подписала указъ перекрестяся (стр. 270).

щейся, и изъ 3 кораблей съ нѣсколькими фрегатами или другаго рода судами, назначаемыхъ для охраненія Финскаго залива во время отдаленія вашего и въ запасъ для подрѣшенія флота, чего ради сіи три корабля въ вашемъ личномъ распоряженіи состоятъ будутъ. Гребной-же флотъ, независимо отъ сего вооружаемый, будетъ подъ начальствомъ предводителя сухопутной нашей арміи.

Вслѣдствіе сего, первое и главное попеченіе ваше и прочихъ вамъ подчиненныхъ долженствуетъ къ тому обращено быть, дабы всѣ назначенные въ слѣдующую кампанію для дѣйствій корабли и суда какъ наискорѣй въ полную готовность приведены были, такъ, чтобы, по открытіи воды, Ревельская часть на рейдѣ выведена была и, по открытіи удобности къ плаванію, и Кронштадтская въ соединеніи съ первою послѣпить могла, дабы тѣмъ упредить прибытіе непріятельскаго флота въ Финскій заливъ и отъ него могущее быть затрудненіе въ соединеніи двухъ нашихъ эскадръ, а напротивъ того скорѣе поставить васъ въ превосходство противъ онаго. Впрочемъ, мы не ожидаемъ, чтобы непріятель ускорилъ вашъ выходъ на рейдъ, полагая, что вы всѣ силы и способы вопреки тому употребить не упустите. По выходѣ вашемъ на рейдъ и по приготовленіи всего потребнаго, первое вниманіе и наблюденіе ваше должно быть на постъ при Гангутѣ. Занятіе сего важнаго поста для насъ тѣмъ выгоднѣе и нужнѣе, что оно послужитъ къ пресѣченію сообщенія между Финскими береговыми и прочими шведскими мѣстами, да и прибытіе Галерной флотиліи непріятельской отъ Стокгольма затруднено тѣмъ будетъ. Мы увѣрены, что вы заблаговременно о состояніи нынѣшнемъ того поста освѣдомитесь не оставите, ибо имѣемъ извѣстіе, что со стороны непріятеля нашего положено укрѣпить оный и потому лучшія мѣры ваши воспримите, съ тѣмъ, однако-же, дабы въ дальнѣйшемъ плаваніи, вамъ подлежащемъ, остановка произойти не могла. Если бы непріятельскій флотъ въ превосходныхъ силахъ приближался къ вамъ и вы предвидѣли бы, что онъ можетъ воспрепятствовать соединенію обѣихъ эскадръ нашихъ, наипаче же загородить путь къ выходу Кронштадтской—въ семъ случаѣ не оставьте взять такое положеніе, которое по благоусмотрѣнію вашему признано будетъ выгоднѣйшимъ и надежнѣйшимъ къ недопущенію непріятеля исполнить его намѣреніе и къ обезпеченію для эскадры Кронштадтской какъ выхода свободнаго изъ тѣсныхъ мѣстъ, такъ и соединенія съ Ревельскою, въ чемъ мы на ваше искусство и осторожность полагаемся.

Какъ скоро обѣ помянутыя эскадры наши соединятся, то, въривъ охраненіе поста Гангутскаго упомянутой выше небольшой эскадрѣ въ 3-хъ корабляхъ, которая, имѣя при себѣ и нѣсколько легкихъ судовъ, будетъ достаточна для удержанія онаго и потребныхъ наблюденій, вы должны будете отправиться съ помощію Божіею, имѣя въ виду выручить эскадру нашу, въ Копенгагенѣ находящуюся, дабы она къ флоту нашему присовоуждена быть могла, и искать непріятеля.

Желательно было бы, чтобы означенная наша эскадра могла съ вами соединиться прежде дѣла съ непріятелемъ или же, шествуя по слѣдамъ его, поставить его между двухъ огней. На сей конецъ какія даны отъ насъ наставленія вице-адмиралу Коваллинову, для командованія онаго посланному, усмотрите изъ приложенія. Вы оными соображаться не оставьте, наипаче же приложите старанія къ открытію и обезпеченію сношенія съ означеннымъ вице-адмираломъ, увѣдомляя его о времени выхода вашего на

рейды, соединенія съ кронштадскою эскадрою и отправленія въ дальнее плаваніе и въ битву. Если вы ускорите выходъ шведскаго флота изъ Карлскроны, то и должны употребить все способы для поспѣшнаго сближенія съ эскадрою коненгагенскою, направляя шестые ваши съ надлежащимъ наблюдениемъ на берега шведскіе и стараясь препятствовать выходу непріятеля до тѣхъ поръ, покуда упомянута наша эскадра съ вами сойтися можетъ. По соединеніи всѣхъ частей флота нашего, буде непріятель еще не успѣетъ выйти изъ порта, имѣть нужды его блокировать, но, давъ свободно выйти, принудить его къ бою и стараться учинить оный рѣшительнымъ въ пользу нашу со всемирнымъ истребленіемъ шведскаго флота.

Хотя увѣрены мы, что вы все знаніе флагмана, въ столь преимущественной степени и толикою довѣренностью снабденнаго, свойственную имѣете, а потому полагаемъ, что, въ случаѣ сближенія вашего съ непріятелемъ и боя съ нимъ, не упустите сдѣлать все распоряженія, которыя успѣхъ въ сторону нашу обнадежить могутъ, но дабы не оставить ни единыя мысли, которая къ руководству и наставленію вашему служить можетъ, мы признали за благо подтвердить тутъ. Во первыхъ: перемѣнять въ боевомъ порядкѣ линіи, дабы продолжать бой новыми судами, второе: стараться выигрывать вѣтеръ у непріятеля и, насколько возможно, съ помощью его устремляться на одинъ изъ флаговъ непріятельскихъ и поражая оный съ перемѣною кораблей, какъ выше сказано. Третье: спуститься на ближнюю дистанцію и всеми образами истреблять корабли непріятельскіе. Четвертое: 4 корабля и 2 фрегата изъ самыхъ лучшихъ въ ходу вооружить охотниками отъѣвной храбрости, при начальнигахъ надежныхъ и предприимчивыхъ, кои и должны употребить все способы къ нападенію на корабли главнаго адмирала непріятельскаго и взять оный на бордажъ. Пятое: имѣть сигналы ясные, дабы отвратить всякое недоразумѣніе и отъ того вредъ для службы и успѣха въ дѣлѣ. Шестое: самые легкіе изъ фрегатъ употребить для помощи поврежденнымъ кораблямъ.

Покуда Богъ благословитъ оружіе наше успѣхами на морѣ, не можемъ полагать, чтобы дѣйствія сухопутныхъ нашихъ войскъ могли быть далеко простираемы, ибо того и самая необходимая осторожность требуетъ; но, по одержаніи побѣды надъ непріятельскимъ флотомъ и при утвержденіи рѣшительнаго владычества нашего на Балтійскомъ морѣ, откроется уже полная удобность усилить дѣйствія наши какъ со стороны арміи нашей, такъ и гребной флотилии.

Сверхъ пораженія непріятельскихъ главныхъ морскихъ силъ, не меньше нужно, чтобы вы прилагали попеченіе пресѣкать по всей возможности его сообщеніе, транспорты и подвозъ всякихъ надобностей для войскъ и флотовъ шведскихъ, къ чему вы не токмо легкія суда, при флотѣ имѣющіяся, обращать можете, но дозволяемъ вамъ употреблять и арматеровъ, снабда желающихъ вооружиться патентами, флагами и прилагаемыми при семъ инструментами, и хотя надлежитъ держаться во всей точности правилъ нейтральныхъ, отъ насъ изданныхъ и отъ многихъ державъ принятыхъ, но гдѣ есть видная опасность и для нейтральныхъ судовъ войти въ порты непріятельскіи, тамъ сіи правила дѣйствія не имѣютъ.

Сіе наипаче предпринимайте наблюдать въ разсужденіи поста Гангутскаго и Свеаборга, ибо когда первый нами занятъ, а предъ послѣднимъ шебеки и другія легкія суда крейсировать стануть въ самой близости, такъ что входятъ

въ портъ тамошній затрудненъ будетъ, тогда уже не можетъ настоять ни малѣйшаго сомнѣнiя, что портъ Гельзинфорскiй или Свеаборгскiй неннако какъ запертымъ почестъся долженъ.

Что до внутренняго управленiя вѣренныхъ вамъ морскихъ силъ нашихъ касается, главное дѣло состоитъ въ томъ, дабы каждый служенiе на него возложенное проходилъ съ усердiемъ и радѣнiемъ, ожидая за ревностную службу, храбрость отличную и прилежанiе монаршаго нашего благоволенiя и награды, такъ какъ за лѣность, робость и тому подобное неизбѣжнаго по закону взысканiя, и чтобъ вообще воинская дисциплина во всей точности и строгости наблюдаема была, въ чемъ мы на ваше бдѣнiе и попеченiе полагаемся.

Потребными для флота нашего провизiями вы будете снабжены отъ адмиралтейскаго нашего департамента; но не меньше къ попеченiю вашему относиться будетъ, какимъ образомъ подвозъ удобнѣе оной въ продолженiе кампанiи, смотря по вашимъ движенiямъ, обезпечить; и хотя заготовленiе всего для васъ нужнаго происходитъ въ границахъ нашихъ, въ запасъ, однако-жь, на непредвидимые случаи, а при томъ и для издержекъ, въ штатъ не входящихъ, опредѣлена будетъ отъ васъ сумма въ распоряженiе ваше, о которой краткiя вѣдомости имѣете доставлять намъ ежемѣсячно. Изъ сей суммы опредѣляемъ вамъ на столъ, со дня назначенiя васъ къ предводительству флотомъ вашимъ и покуда оное продолжится, по 1,000 рублей на мѣсяцъ; пожалованные же вамъ на подъемъ 10,000 рублей получите изъ кабинета нашего.

Трофеи, амуниции и провiантъ, въ добычу у непрiятеля полученные, имѣютъ всегда казны нашей присвѣны быть, прочiя же вещи, въ добычу получаемыя, да будутъ раздѣлены служащимъ намъ, на основанiи законовъ.

Буде кто изъ флагмановъ и прочихъ чиновъ генеральскаго штабъ и оберъ-офицерскаго чина въ дѣлѣ противу непрiятеля окажется себя отличною храбростью и искусствомъ и, по установленiямъ нашимъ объ орденахъ военныхъ св. великомученика и побѣдоносца Георгiя и св. равноапостольнаго князя Владимiра, достойнымъ сея почести, о таковыхъ представлять намъ, описывая ихъ подвиги, на основанiи статутовъ.

На убыльи мѣста по флоту, вами предводимому, отъ послѣдняго оберъ-офицерскаго класса, включая по морской части и капитановъ-лейтенантовъ и того ранга, а по солдатской командѣ и премьеръ-майоровъ по старшинству и достоинству за отличные же противу непрiятеля подвиги и безъ старшинства производите вамъ позволяемъ, повелѣвая о таковыхъ рапорты ваши и списки съ показанiемъ о произведенныхъ за отличные подвиги, за какiе именно, присылать въ адмиралтейскую нашу коллегию, дабы отъ нея надлежащiе патенты изготовлены были.

Буде, паче всякаго чаянiя, изъ флагмановъ и иныхъ особъ генеральскаго и бригадирскаго чиновъ окажутся кто незначительнымъ въ своей должности или что повелѣнное упуститъ или иного неисправнымъ явится, таковыхъ вы, по усмотрѣнiю вашему, имѣете отправить сюда прямо, донеся намъ и адмиралтейской нашей коллегiи въ подробности о причинахъ, васъ къ тому побудившихъ. Штабъ-офицеровъ, когда оны равномерно въ какихъ-либо упущенiяхъ должностей или въ преступленiяхъ окажутся, приказывать судить военнымъ судомъ, и если по роду преступленiй подлежатъ будутъ смертной



казни или лишенію чиновъ или чести, о таковыхъ, заключа приговоръ въ судѣ, со мнѣніемъ вашимъ представлять въ нашу адмиралтейскую коллегію, самимъ же, ихъ отрѣши отъ начальства, арестовать, кон же подвергнуть себя аресту, или денежному вычету, или другому исправленію, вамъ самимъ подтвердить, а объ оберъ-офицерахъ заключенныя сентенціи, если-бы они ихъ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ рядовые осуждены были, самимъ-же подтвердить; но буде они, по важности преступленій, подлежатъ будутъ смертной казни или лишенію дворянской чести, и въ томъ никакого облегченія не заслуживаютъ, о такихъ представлять равнымъ же образомъ въ адмиралтейскую коллегію, какъ выше о штабъ-офицерахъ сказано.

Въ наказаніе низшихъ чиновъ, въ разныхъ преступленіяхъ оказывающихся, поступать по точности воинскихъ морскихъ и сухопутныхъ установленій, но что касается до смертной казни, симъ секретно и для единственнаго вашего свѣдѣнія предписываемъ: чтобы всѣ въ преступленіяхъ смертной казни подлежащіе, не натуральной смертію, но политическою казней наказываемы были. Подтверждаемъ притомъ точное исполненіе указа нашего, въ первый день января 1782 года даннаго, о неуотребленіи пытокъ и пристрастныхъ разспросовъ, повелѣвая наблюдать и за подчиненными вашими, дабы они сему же слѣдовали.

Реляція ваши имѣете присылать къ намъ столь часто, сколь удобность то дозволить, доставляя при оныхъ краткія дневныя записки вашихъ движеній и дѣйствій, да и съ командующимъ сухопутною арміею нашею въ Финляндіи генераломъ графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ имѣть переписку и сношеніе, для дѣлъ же, сохраненія тайны и особливо осторожности требующихъ, прилагаются при семъ цифирные на російскомъ и французскомъ языкахъ ключи съ наставленіемъ, какъ ихъ употреблять. Сіи ключи имѣтъ будутъ вице-адмиралъ Козляниновъ, до соединенія его эскадры со флотомъ, и полномочный нашъ министръ въ Копенгагенѣ баронъ Криднеръ“.

Мы привели здѣсь полностью рескриптъ нѣсколько длинный, имѣя къ тому основанія и цѣль. Хотя въ концѣ была подпись императрицы, но, конечно, она лично не принимала участія въ составленіи этого плана кампаніи, поручивъ его всецѣло военному совѣту. Сама императрица не приписывала значенія этому ареопагу въ подобныхъ случаяхъ; онъ былъ полезенъ для разсмотрѣнія дѣлъ текущихъ, обсужденія вопросовъ хозяйственныхъ, но, конечно, не могъ выработать плана кампаніи. Привычка комитетовъ касаться мелочей, упуская изъ виду главное, не разъ выводила изъ терпѣнія императрицу, которая геніальнымъ умомъ своимъ рѣшала вопросы вдвое скорѣе и лучше. Эти подробныя и длинныя инструкціи, полныя содержанія наружнаго, но не внутренняго, могли поставить человѣка, неопытнаго въ обращеніи съ ними, въ положеніе безвыходное. Вредъ ихъ былъ великъ уже потому, что, въ случаѣ неудачи, исполнителя

судили въ томъ же совѣтѣ и обвиненіе всегда строилось на соблюденіи или несоблюденіи пунктовъ инструкціи, безсмысленной въ основѣ и придиричивой въ мелочахъ. Къ числу подобныхъ плановъ и наставленій слѣдуетъ отнести вышеприведенный рескриптъ на имя адмирала Чичагова. Изъ него можно было заключить, что главная задача—соединиться ревельской эскадрѣ съ кронштадтской и затѣмъ съ копенгагенской. Совѣтъ разсуждалъ въ надеждѣ, что шведскій флотъ будетъ бездѣйствовать, пока мы не достигнемъ цѣли. Онъ мыслилъ, что непріятель не успѣетъ покинуть Карлскроны ранѣе того, какъ ревельская эскадра подойдетъ туда же и послѣдняя поставитъ его между двухъ огней, въ виду появленія одновременно вице-адмирала Козлянинова. Свѣдѣнія членовъ совѣта не простирались до того познанія, что Ревельскій портъ освобождается отъ льда позже Карлскронскаго, и, наконецъ, имъ не пришло въ голову, что долженъ дѣлать адмиралъ Чичаговъ со своими 8-ю кораблями, если весь шведскій флотъ кинется на него, чтобы воспрепятствовать соединенію эскадръ и съ намѣреніемъ каждую изъ нихъ разбить по одиночкѣ. Мой отецъ былъ приглашенъ въ совѣтъ и, какъ опытный человекъ въ сношеніяхъ съ подобными комитетами, предоставилъ имъ писать, что вздумается, лишь бы они его освободили отъ присутствованія въ засѣданія и отъ потери времени. Поэтому члены совѣта, а можетъ быть и самъ гр. Чернышевъ, заблагоразсудили дать адмиралу Чичагову даже тактическія наставленія, въ родѣ — стараться перемѣнять корабли во время боя, нападать на фланги непріятеля со всей эскадрой и т. п. Недавніе примѣры въ голландскомъ сраженіи были ими непоняты и за наилучшее было сочтено предложить повтореніе атакъ Баранова, Коковцева, Вальронда и другихъ.

Въ виду важнаго значенія, какое должна имѣть въ предстоящей кампаніи копенгагенская эскадра, мы принуждены привести здѣсь выписки изъ рескрипта, даннаго вице-адмиралу Козлянинову. Въ немъ значилось:

„Рескриптомъ, отъ насъ къ полномочному министру нашему въ копенгагенскомъ дворѣ барону Кріднеру отправленнымъ, предписали мы ему объясниться и постановить съ министерствомъ короля датскаго, нашего союзника, о дѣйствіяхъ, подлежащихъ со стороны его величества на морѣ

и сухою пути въ пособіе намъ противу непріятеля, вслѣдствіе союзныхъ обязательствъ между нами и Данією имѣющихся. Но какъ съ одной стороны нельзя полагать, чтобъ сей дворъ рѣшился соединить свои морскія силы съ нашими для общаго наступленія на вѣроломнаго врага, поправшаго мирные договоры, а потому дальнее пребываніе эскадры нашей въ тамошнихъ водахъ было бы совершенно безплодно, лишая насъ способоу дѣйствовать; съ другой же—соединеніе этой эскадры съ главной частію флота нашего не можетъ быть обезпечено и благонадежно до тѣхъ поръ, покуда послѣдняя не приблизится къ Карлскронѣ, ибо эскадра, вамъ ввѣренная, должна будетъ проходить мимо того порта и превосходнаго предъ вами въ числѣ шведскаго флота, то и положили мы, чтобъ эскадра сія осталась въ тамошнихъ водахъ, покуда флотъ нашъ, составленный изъ частей ревелъской и кронштадтской, успѣетъ слиться съ непріятельскимъ и тѣмъ самымъ подать вамъ удобность съ нимъ соединиться, поставляя такимъ образомъ флотъ непріятельскій между двухъ огней, или же, если послѣдній успѣетъ гораздо ранѣе выйти и къ Финскому заливу сблизиться, въ такомъ вы можете безпрепятственно и сами пуститься въ плаваніе и, продолжая оное по слѣдамъ непріятеля, идти къ большому нашему флоту (?); но какъ быть можетъ, что непріятель, считая на превосходныя въ количествѣ свои морскія силы, похочетъ открыть дѣйствія свои попыткою на эскадру вашу, въ такомъ случаѣ мы отъ доброй вѣры союзника нашего, короля датскаго, ожидаемъ, что со стороны его приняты будутъ всѣ мѣры къ отраженію врага. Когда же навѣрное обнадежится, что флотъ нашъ весь вышелъ на встрѣчу шведскому, дѣломъ попеченія вашего будетъ поспѣшать къ соединенію со флотомъ нашимъ и, сходно вышесказанному, тѣснить непріятеля, поставляя его между двухъ огней“.

Читая подобное наставленіе, можно предположить, что Козляниновъ будетъ обладать большими силами для достиженія предписаннаго, но вслѣдъ за этимъ въ инструкціи говорится:

„Видѣвъ изъ донесенія контръ-адмирала Поваалишна, что корабли: одинъ, оставшійся въ Норвеги, да два корабля и одинъ фрегатъ, льдами поврежденные, востребуютъ немалого истребленія, считаемъ (?), что до того времени, покуда настанетъ удобность къ отплытію вашему для соединенія съ флотомъ, починка ихъ кончена будетъ; но ежели бы нельзя было успѣть, а время и способы къ отплытію вашему наступятъ, въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды, чтобы вы ихъ ожидали, но можете оставить ихъ для составленія особой небольшой эскадры“.

Одновременно съ вышеприведеннымъ рескриптомъ адмиралъ Чичаговъ получилъ еще второй, болѣе важный и существенный въ данную минуту, а именно:

«Гошпиталь для пользованія больныхъ отъ флота нашего позволяемъ помѣстить въ Екатерининскомъ нашемъ дворцѣ, при Ревелѣ состоящемъ, который и для другихъ надобностей по обращенію тамъ флота служить можетъ».

По этому распоряженію императрицы вполнѣ можно судить

до какой степени нуждался флотъ даже въ помѣщеніяхъ и какихъ жертвъ потребовала шведская война. Не смотря на то, что дворецъ этотъ былъ недавно отстроены и роскошно отдѣланъ, государыня, вслѣдствіе разсказа моего отца о бѣдственномъ положеніи солдатъ, отдала его въ ихъ распоряженіе.

Адмиралъ В. Я. Чичаговъ велъ особую дневную записку для императрицы, которую, послѣ кампаніи, представилъ ей величеству. Въ нее вошли всѣ его распоряженія, съ описаніемъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ, и мы позволимъ себѣ, по временамъ, представлять читателямъ выписки изъ этой записки, которыя придадутъ разсказу нашему большую ясность и познакомить съ мыслями главнокомандующаго.

«Съ 1-го числа марта по 30-е апрѣля, писалъ мой отецъ въ началѣ своего дневника, съ помощью подчиненныхъ мнѣ отъ вашего и. в—ва, занимался я распредѣленіемъ по кораблямъ высшихъ и нижнихъ чиновъ, дополняя и уравнивая недостатокъ послѣднихъ рекрутами, получаемыми отъ адмиралтейской коллегіи и замѣняя одного корабля избыткомъ старослужащихъ недостатокъ оныхъ на другомъ, а прочее число поровну наполняя рекрутами, дабы всякій корабль могъ быть равно другому способенъ къ дѣйствию и готовъ на пораженіе непріятеля. Корабли и прочія суда освидѣтельствовалъ въ ихъ крѣпости, исправилъ, гдѣ надобно было, поврежденія оныхъ въ корпусѣ и оснасткѣ, перемѣнилъ поврежденные мачты, снабдилъ необходимымъ запасомъ снастей и такелажа, артиллеріею и снарядами, приготовилъ надобныя гребныя суда и брандеры, снабдилъ на пятимѣсячное время всѣми морскими провизіями по регламенту и налилъ все полное число положенныхъ на корабли бочекъ прѣсною водою <sup>1)</sup>. При семъ послѣднемъ запасѣ, увидя величайшее затрудненіе, сопряженное съ излишнимъ убыткомъ казнѣ вашего и. в—ва и потеряніемъ немалого времени, и зная притомъ съ какимъ затрудненіемъ, издержками денегъ на перевозку и потерю времени, такъ какъ и разбитіемъ немалого числа гребныхъ судовъ и бочекъ, особливо въ осеннее время, получалъ прошедшаго года флотъ прѣсную воду: старался я изыскать

<sup>1)</sup> 19-го апрѣля адмиралъ доносилъ императрицѣ (Морск. Арх.): „Къ исходу апрѣля флотъ въ Ревелѣ будетъ готовъ, но еще ревельскій рейдъ весь льдомъ покрытъ, также и Финскій заливъ. А къ сторонѣ Балтійскаго порта и далѣе, сколько видѣть можно, вездѣ море открыто. Л. Ч.“

способъ къ отвращенію таковыхъ затруднительныхъ и убыточныхъ неудобствъ въ полученіи оной, что и удалось мнѣ съ помощію находящагося при ревельскомъ портѣ архитектора подпоруческаго чина Керпа и одного морскихъ баталіоновъ сержанта Финка, обучавшагося гидравлическому искусству; ибо, рѣшившись провести текущую изъ Еркальскаго озера къ Катеринтальскому дворцу весьма здоровую воду, сдѣлалъ я водоводъ. А какъ помянутые Керпъ и Финкъ охотно взялись за сдѣланіе сего водовода и, бывъ опредѣлены отъ меня къ сему дѣлу, оказали столько усердія, неутомимости въ трудахъ и знанія, что въ одинъ мѣсяцъ и 21 день совершенно окончили сію немалую работу, и корабли уже могли получать изъ онаго воду, то, признавая сей ихъ ревностный трудъ за весьма полезный для службы вашего и. в—ва, въ воздаяніе за оный, по данной мнѣ отъ вашего и. в—ва власти, произвелъ я перваго въ поручики, а другаго въ подпоручики морскихъ баталіоновъ. Излишнимъ почитаю распространяться о пользѣ и выгодахъ сего водовода, но смѣю объ этомъ сказать только одно, что нельзя имѣть при Ревелѣ лучшей удобности къ скорому и притомъ столь здоровой воды налитію толь многочисленнаго флота, какой въ нынѣшнее лѣто находится въ Балтійскомъ морѣ, какъ о семъ въ своемъ мѣстѣ послѣ сказано будетъ.

«Принявъ въ свое вѣдѣніе отъ ревельскаго губернскаго правленія Екатеринбургскій вашего величества дворецъ, употреблено мною стараніе о приведеніи ностроенныхъ при ономъ разныхъ жилищъ, уже опустѣвшихъ и большею частью отъ ветхости развалившихся, въ выгодное и покойное для больныхъ флотскихъ служителей состояніе, отдѣлкою оныхъ приличнымъ образомъ; а покои самаго дворца назначилъ я для больныхъ офицеровъ и помѣщенія медицинскихъ чиновъ и аптеки, сдѣлавъ симъ предписаніе объ усердномъ попеченіи и смотрѣніи за болящими, пользуя ихъ и содержа по правиламъ, какія при все милостивѣйшемъ вашего величества указѣ, данномъ мнѣ въ 6-й день апрѣля, присланы <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ семейномъ архивѣ хранится письмо императрицы, сопровождавшее этотъ указъ: „Василій Яковлевичъ. Препровождаю вамъ пункты, служащіе въ наставленіе какимъ образомъ содержать больныхъ въ госпиталяхъ. Соизволяю, чтобъ оныя въ точности наблюдаемы были по командѣ вашей“.

«Также обращено вниманіе и на исправленіе упавшей отъ ветхости передней части ревелской гавани, дабы имѣть защиту отъ бурныхъ вѣтровъ стоящимъ кораблямъ и оборону въ случаѣ непріятельскаго покушенія къ нанесенію вреда судамъ вашего величества: въ чемъ и успѣли и часть сія пространствомъ на 63 сажени отстроена вновь и пушками во всей исправности снабжена. Но какъ и затѣмъ еще осталось исправить весьма обветшалую часть этой же гавани на 230 сажень, то дабы и оную въ лѣто сего года приняты были попеченія исправить, не оставилъ я 26-го апрѣля съ приложеніемъ плана и профили въ адмиралтейскую коллегію представить.

«Наблюдая всемѣрно, дабы непріятель нечаянно не приблизился въ Финскій заливъ, который даже до сего времени (т. е. до 20-го апрѣля) былъ весь покрытъ льдомъ, и не имѣя возможности потому выслать никакія суда для паблюденія, отправилъ я для того въ Балтійскій портъ надежнаго и знающаго штурмана съ предписаніемъ весьма рачительно обозрѣвать съ возвышенности маяка, когда, по вскрытіи тамонниихъ водъ, пойдуть суда, ихъ путь и движенія, и буде увидать какія, тотчасъ съ нарочнымъ давать о томъ мнѣ знать, описывая обстоятельно величину оныхъ, флаги и число».

Къ этому времени отпосится любезное письмо императрицы къ адмиралу В. Я. Чичагову. 25-го апрѣля она писала:

«Увѣдомленіе ваше объ успѣхахъ въ приуготовленіи части флота, предводительству вашему ввѣреннаго, въ Ревелѣ находящагося, служить къ особливому моему удовольствію. На попеченіе ваше возлагаю, чтобы какъ скоро откроется удобность къ выходу на рейду, корабли и прочія суда выведены были и, при наступленіи удобности къ плаванію, въ оное отправиться могли, а дабы и тѣ корабли и суда, кои изъ Кронштадта подъ командою контръ-адмирала Спиридова назначены къ составленію помпнутаго флота приуготовленіемъ, выведены на рейду и самымъ отпавленіемъ для соединенія съ ревелскими носпѣшали, сдѣлано отъ меня новос подтвержденіе адмиралтейской коллегіи».

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

# ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ,

род. въ 1780 г., † въ іюнѣ 1825 г.

Историко-біографическое изслѣдованіе.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

IX <sup>1)</sup>.

Наши историческіе романы и повѣсти конца XVIII и начала нынѣшняго вѣка особенно любопытны въ томъ отношеніи, что составляютъ какъ бы переходъ отъ подражательныхъ «русскихъ сочиненій» къ болѣе или менѣе самобытнымъ. Но пока это не болѣе какъ попытки поставить рассказъ на историческую почву; и попытки эти являются настолько неумѣлыми и подчасъ дѣтски паявыми, что трудно предположить, чтобы имъ могла предшествовать сколько нибудь значительная литература въ данномъ направленіи. Хотя историческій элементъ издавна проявляется въ нашей устной и письменной литературѣ, въ разныхъ видахъ народнаго эпоса, въ народныхъ сказаніяхъ и разсказахъ, а также въ основанныхъ на нихъ повѣстяхъ, въ родѣ Саввы Грудцына и др., но только въ подражательной литературѣ второй половины XVIII вѣка мы встрѣчаемъ попытки собственно историческаго романа. Попытки эти представляются довольно неудачными; въ авторахъ замѣтно полное, почти доходящее до комизма, незнаніе исторіи и условій описываемаго времени, особенно въ тѣхъ романическихъ произведеніяхъ, гдѣ дѣло касается давней старины.

Особенно любопытна въ этомъ отношеніи историческая повѣсть Лазаревича 1782 года, «Добродѣтельная Розана», изъ временъ Владиміра Святаго, гдѣ на сценѣ Любочестъ, богатый вотчинникъ,

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; т. LIX, іюль, стр. 117—148.

влюбленный въ дочь помѣщика Розану, которая мучится сомнѣніями, по поводу неравенства ихъ состоянія. Онъ отвѣчаетъ ей съ паесомъ: «Что мнѣ пользы въ томъ, что я первымъ по Владимірѣ, если сіе достоинство не можетъ раздѣлять та, которую сердце мое избрало повелительницею». Затѣмъ Любочестъ обращаетъ избранницу своего сердца въ христіанство выдержками изъ катихизиса; но вскорѣ свиданія ихъ прекращаются; Розана получаетъ письмо, въ которомъ Любочестъ въ высокопарныхъ чувствительныхъ выраженіяхъ распространяется о своей любви и объявляетъ, что долженъ идти въ походъ на печенѣговъ. Розана падаетъ въ обморокъ при этомъ извѣстии и заболѣваетъ горячкой, тѣмъ болѣе, что отецъ хочетъ выдать ее замужъ за стараго Грубея, извѣстнаго своей грубостью и низостью, но она захвачена въ плѣнъ печенѣгами, которые уводятъ ее въ степи и хотятъ выдать замужъ за своего князя, но Розана противится. Проходитъ шесть лѣтъ. Наконецъ, Любочестъ отыскиваетъ станъ печенѣговъ, побѣждаетъ ихъ, убиваетъ печенѣжскаго князя и женится на своей возлюбленной. Отсюда правоченіе, что «сколь участь Розаны ни была сурова, она, слѣдуя добродѣтели, всечастно достигла, наконецъ, и тѣхъ блаженныхъ дней».

Между тѣмъ наивность разсказа и историческія погрѣшности повѣсти Лазаревича еще долго встрѣчаются въ историческомъ романѣ этого времени и служатъ нагляднымъ доказательствомъ медленности его развитія. Въ этомъ отношеніи особенно характерна одна позднѣйшая повѣсть, написанная девятнадцать лѣтъ спустя, а именно «Ольга», историческій отрывокъ неизвѣстнаго автора, изданная въ Москвѣ въ 1803 году, въ которой разговорная форма преобладаетъ надъ повѣствовательной. Игорь царствуетъ въ Новгородѣ, «мя его гремитъ на сѣверѣ, раздается въ странахъ полуденныхъ, востокъ и западъ наполняются звуками его; подданные настолько любятъ Игоря, что готовы «жертвовать жизнью для сохраненія его». Онъ долго не возвращается съ охоты и Новгородъ въ безпокойствѣ приноситъ жертвы богамъ въ капищѣ Перуна. Куда удалился онъ? Въ это время Игорь сидитъ на берегу Волхова въ глубокой задумчивости и видитъ, что юная дѣвица, покоровшая его сердце, «какъ серна скрывается въ уединенную рощу»; съ груди ея падаетъ розовая повязка; «государь поднимаетъ повязку и съ пламеннымъ лобзаніемъ прижимаетъ ее къ груди своей...» Это юная дѣвица Прекраса, внука Гостомысла, которая живетъ за десять поприщъ отъ Новгорода, съ старой Иньгердой, «въ спокойномъ уединеніи, добродѣтели и счастья». Неожиданная встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ смутила ея сердце, она также влюбилась въ него и проводитъ ночь безъ сна; но скры-



вает свою тайну отъ Иньгерды. «На другой день она, съ притворной веселостію и невинной хитростію, почти всегдашній ея характеръ, подходитъ къ Иньгердѣ и говоритъ самымъ тонкимъ языкомъ влюбленной юности». Авторъ приводитъ «сей интересный разговоръ», который, по его мнѣнію, «покажетъ Прекрасу, что она будетъ нѣкогда великою Ольгою»:

Иньгерда. Что, милая Прекраса, какво проводила ночь сію?

Прекраса. (Притворно, какъ будто старается скрыть). Ахъ, маменька, я всегда спала спокойно.

Иньгерда. Спала, а не спишь...

Прекраса. Нѣтъ, я сплю, ты знаешь, маменька, я всегда была...

Иньгерда. Къ чему это? все была—спала, а для чего не иначе?... Нѣтъ, Прекраса, ты что нибудь скрываешь отъ меня...

Прекраса смѣется, снова хитритъ, но, уступая желанію Иньгерды, говоритъ, что видѣла во снѣ богатыря и пр.

Между тѣмъ, бѣжавшій изъ плѣна Альфредъ, съ 50,000 половцевъ, идетъ походомъ на Новгородъ. «Онъ поклялся адомя до основанія раззорить сей ненавистный для него городъ; половцы на каждое его мановеніе отвѣчаютъ скрежетомъ зубовъ». Происходитъ сраженіе, половцы начинаютъ одолевать, но является Прекраса въ видѣ дѣвы Орлеанской, «вонзаетъ булатный кинжалъ въ грудь Альфреда» въ тотъ моментъ, когда онъ хочетъ убить Игоря, и преслѣдуетъ бѣгущихъ половцевъ.

Является на полѣ битвы Олегъ, съ колесницей отъ благодарнаго Новгородца, и приглашаетъ юную героиню слѣдовать за нимъ. Въ Новгородѣ ихъ ожидала торжественная встрѣча. Олегъ подводитъ ее къ престолу, «сіавшему въ златѣ и драгоценныхъ камняхъ; Игорь сходитъ съ престола и съ колѣнопреклоненіемъ подноситъ ей священныя регалии. Жрецъ именемъ Вседержителя благословилъ ихъ бракосочетаніе, а Олегъ перемѣнилъ имя ея и наименовалъ своимъ именемъ, Ольгою» и пр. <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Эта-же повѣсть, съ нѣкоторыми измѣненіями и съ приложеніемъ портрета Игоря и Ольги, была перепечатана въ Москвѣ въ 1814 году, подъ названіемъ: „Игорь, великій князь Сѣвера. Героническое пропшество“, соч. А. К. Дѣйствительный или присвоившій себѣ чужое сочиненіе авторъ распространяется въ предисловіи о подвигахъ русскаго народа 1812 года и заявляетъ, что, „писавши сіе историческое пропшество объ Игорѣ, онъ имѣлъ цѣлю не иначе что, какъ изобразить примѣръ храбрости и приверженности нашихъ предковъ къ царю и отечеству.. Еще подъ знаменами Игоря умѣли они карать дерзнувшихъ нарушить благоденствіе Сѣвера“ и пр.

Къ повѣсти приложены любопытныя примѣчанія изъ славянской миеологии, гдѣ на ряду съ краткими объясненіями отдѣльныхъ словъ представлены характеристики славянскихъ боговъ, въ родѣ слѣдующихъ: а) Перунъ—славянскій Юпитеръ, но власть перваго сильнѣе и не столько ограничена, какъ послѣдняго. Это за то, что Богъ славянъ никогда не унижалъ себя превращеніями. б) Разсуда—Минерва славянъ, она родилась не такъ, какъ вторая, не изъ головы Юпитера, но она родилась, или лучше сказать, создалась изъ двухъ свойствъ Перуна: изъ Разсуда и Мудрости... Римская богиня мудрости была завистлива, даже ревнива, до которой страсти богиня славянъ не унижала себя и пр.

Приведенная нами повѣсть «Ольга» особенно поражаетъ насъ въ сравненіи съ «Маршей Посадницей» Карамзина, напечатанной въ томъ же 1803 году; но видная разница между обѣими повѣстями не покажется намъ такой неизмѣримой, если мы припомнимъ въ общихъ чертахъ содержаніе «Марши Посадницы». Не подлежитъ сомнѣнію, что грубыя историческія несообразности, встрѣчаемыя въ «Ольгѣ», были немислмы у талантливаго и образованнаго автора «Исторіи Гос. Россійскаго»; но и онъ позволялъ себѣ такія же несообразности въ своей повѣсти, хотя въ другомъ родѣ и въ менѣе первобытной формѣ. Не смотря на сдѣланное имъ въ предисловіи заявленіе, что «всѣ главныя происшествія согласны съ исторіей», мы не находимъ этого въ дѣйствительности <sup>1)</sup>; онъ также, какъ и его предшественники, совершенно игнорируетъ условія времени и не знаетъ мѣры своей фантази, вслѣдствіе чего весь рассказъ является ходульнымъ и мелодраматическимъ. Высокопарная рѣчь царскаго посла передъ народомъ, патріотическія рѣчи Марши, обращенныя къ народу, ея бесѣда съ дѣтьми своими и отшельникомъ Θεодосіемъ поражаютъ насъ своей искусственностью, равно и напускной героизмъ Ксеніи. Она поливаетъ цвѣты въ то время, когда происходитъ сраженіе и ея возлюбленный супругъ, Мпрославъ, въ качествѣ вождя подвергался наибольшей опасности. Но Марша видитъ издали разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами съ тѣломъ Мирослава; Ксенія «обливаетъ слезами хладныя уста своего друга»,

<sup>1)</sup> Такъ, напимѣръ, первый походъ Іоанна на Новгородъ 1471 г. и второй походъ 1478 г. описаны одновременно, а отсюда рядъ происшествій несогласныхъ съ исторіей; оба сына Марши Борецкой не были убиты въ сраженіи, равно и она сама не была казнена въ Новгородѣ; Іоаннъ послѣ покоренія Новгорода не особенно заботился о душевномъ успокоеніи новгородцевъ и принялъ, какъ извѣстно, довольно рѣшительныя мѣры и проч.

но говорить матери: «будь покойна, я дочь твоя!» Блѣдный окровавленный витязь Михаилъ Храбрый, прѣхавшій въ колесницѣ, изнемогающій отъ ранъ, пространно повѣствуетъ о битвѣ, но голосъ его слабѣетъ и онъ, какъ театральныи герой, умираетъ по окончаніи рѣчи. Оба сына Марыи убиты въ сраженіи, но она спокойно выслушиваетъ эту вѣсть и своими рѣчами воодушевляетъ новгородцевъ. Наступаетъ ночь. «Утомленные войны не хотятъ отдохновенія, они стояли на площади, облокотясь на свои щиты, и говорили: побѣжденные не отдыхаютъ». На другой день Марья на похоронахъ двухъ витязей «съ цвѣтами въ рукахъ» опять говоритъ рѣчь. Между тѣмъ, въ городѣ начинается голодъ, готовится мятежь... «Марья, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣни» передъ народомъ, умоляетъ выслушать ее и ободряетъ новгородцевъ; войны спѣшатъ въ поле, но послѣ трехчасовой битвы побѣда остается на сторонѣ царя. Іоаннъ торжественно въѣзжаетъ въ Новгородъ, «державной рукой своей сыплетъ золото на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славятъ его благотворительность. Не грозный чужеземецъ, но великій государь русскій побѣдилъ русскихъ; любовь отца монарха сіяла въ очахъ его!» Тѣмъ не менѣе передъ домомъ Ярослава воздвигается эшафотъ, голова Марыи падаетъ на плахѣ; бояринъ Холмскій для успокоенія новгородцевъ читаетъ имъ милостивую царскую хартію. Вѣчевой колоколъ снятъ съ древней башни, отвезенъ въ Москву и проч.

Въ другой, болѣе ранней и болѣе удачной, повѣсти Карамзина «Наталя, боярская дочь», написанной въ 1792 году, гдѣ романческій интерес преобладаетъ надъ историческимъ, цвѣтистая нѣжная рѣчь даровитаго автора опять-таки плохо вяжется съ изображаемымъ патриархальнымъ бытомъ старыхъ московскихъ бояръ и простымъ языкомъ стараго времени, и онъ даетъ слишкомъ большую волю своему воображенію. Похищеніе боярской дочери, описаніе таинственнаго лѣснаго жилища опальнаго боярина Алексѣя, его подвиги на полѣ битвы, Наталя, сопровождающая его въ одеждѣ война, бесѣда царя съ Алексѣемъ и проч. — все это своего рода несообразности, уменьшающія достоинство повѣсти.

Къ этому же виду романческо-историческихъ произведеній могутъ быть отнесены одна повѣсть 1807 г. и романъ 1809 г., хотя историческій элементъ является здѣсь чѣмъ-то побочнымъ, и сочинители безъ всякой удержки предаются волѣ своей фантазіи. а) Повѣсть «Б— въ и М— въ или слѣдствіе пылкихъ страстей и нарушеніе обѣта», Петра Казотти, 1807 года, взята изъ временъ царя Алексѣя Михайловича, когда Россія, по словамъ автора, «наслаждалась безмятежной

тишиной и спокойствіемъ, а истина и добродушіе блистали во всемъ величїи въ сердцахъ русскихъ». Послѣ такихъ восхваленій читатель въ правѣ ожидать, что они будутъ подкрѣплены какими нибудь фактами; но это ожиданіе оказывается напраснымъ: авторъ только многоходомъ блеснулъ своими историческими знаніями, а затѣмъ слѣдуетъ сенсационный рассказъ въ сентиментальномъ духѣ. в) Въ четырехъ-томномъ романѣ: «Наталья Т-тч-ва и на На-ы-нъ или любовники, сосланные въ Сибирь, историческое происшествіе, взятое изъ временъ Петра Великаго», соч. В. З., послѣ восхваленія подвиговъ Петра I слѣдуетъ подробное описаніе, какъ любимая фрейлина императрицы Т-тч-ва умертвила ребенка, прижитаго ею съ На-ы-нымъ, за что оба подвергаются ссылки въ Сибирь. Но тутъ уже начинается настоящій романъ «съ приключеніями», съ самой запутанной завязкой, всевозможными препятствіями, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ мѣшаютъ встрѣчѣ несчастныхъ любовниковъ и, наконецъ, На-ы-нъ попадаетъ въ тюрьму. Петръ Великій прїѣзжаетъ инкогнито въ Тобольскъ и за обѣдомъ у губернатора приказываетъ освободить заключеннаго, прощаетъ Т-тч-ву, послѣ чего «въ безмолвіи наслаждается кроткими плодами благости своей».

На ряду съ указанными видами историческаго романа и повѣсти, мы встрѣтили нѣсколько повѣстей, гдѣ историческій интересъ преобладаетъ надъ романтическимъ, и сочинители впадаютъ въ другую крайность. Они главнымъ образомъ гонятся за историческою вѣрностью фактовъ и представляютъ сухія историческія реляціи въ родѣ «князь Меншиковъ, любопытный историческій отрывокъ», соч. Гераркова, 1801 года, или же къ ущербу романческаго интереса переполняютъ рассказъ пространными выписками изъ историческихъ сочиненій и лѣтописей. Типичнымъ примѣромъ этого рода произведеній можетъ служить повѣсть: «Ксенія, княжна Галицкая», 1808 года, гдѣ неизвѣстный авторъ выписываетъ цѣлыя страницы изъ «Исторїи Государства Россійскаго» Карамзина. О степени его добросовѣстности въ этомъ отношеніи можно судить изъ того, что онъ, между прочимъ, дѣлаетъ такую оговорку: «исторія гласитъ, что Батый, послѣ побѣды надъ войскомъ Юрія, пошелъ не къ Галичу, а къ Новгороду, но я перемѣнилъ сіе обстоятельство для того, что Галичъ есть родина героини сея повѣсти»... Что касается романческаго части повѣсти, то при сухомъ и бездарномъ изложеніи авторъ не считаетъ нужнымъ сообразоваться съ условіями времени и описываемой страны, вслѣдствіе чего рисуетъ Золотую Орду довольно фантастическими красками. Повѣсть начинается съ описанія смерти галицкаго князя Мстислава и его супруги; та-же участь грозитъ ихъ единственной дочери Ксенїи,

но самъ Батый спасаетъ ее изъ рукъ татаръ и поручаетъ своему брату Темиру отвести ее въ Орду, вмѣстѣ съ галицкимъ священникомъ Михаиломъ и другими плѣнниками. Темиръ, одаренный всеми доблестями средневѣковаго рыцаря, при рѣдкой деликатности чувствъ, влюбляется въ Ксенію и ежедневно навѣщаетъ ее по прибытіи въ Орду, но священникъ Михаилъ неизмѣнно присутствуетъ при ихъ свиданіяхъ. Только два года спустя Темиръ случайно застаётъ Ксенію одну, объясняется въ любви и проситъ ея руки въ надеждѣ вымолить у брата согласія на бракъ. Ксенія уже готова дать слово, но входитъ Михаилъ и принуждаетъ ее въ ту-же ночь бѣжать съ нимъ. Она оставляетъ Темиру письмо, въ которомъ, въ высокопарныхъ выраженіяхъ, распространяется о томъ, что «предпочитаетъ всему любовь къ родиѣ», благополучно возвращается въ Галичь и поступаетъ въ монастырь. Влюбленный Темиръ, послѣ неуспѣшной погони за бѣглецами, изнываетъ отъ тоски и, наконецъ, «находитъ желанную смерть на полѣ битвы».

С. Глинка въ своихъ историческихъ повѣстяхъ, изданныхъ въ 1810 году, также считаетъ своей главной задачей вѣрность историческихъ фактовъ и придерживается сухаго способа изложенія Гераркова и неизвѣстнаго автора повѣсти «Ксенія, княжна галицкая». Онъ дѣлаетъ пространныя выписки изъ мемуаровъ и различныхъ историческихъ источниковъ и разнообразить ихъ вставными сценами и разговорами дѣйствующихъ лицъ въ патріотическомъ духѣ <sup>1)</sup>.

Въ заключеніе мы укажемъ на два романа съ историческими заглавіями, изданные въ 1809 году, которые не лишены извѣстнаго интереса, въ смыслѣ попытки романа, основаннаго на современныхъ событіяхъ. Одинъ изъ нихъ, «Князь В—скій и княжна Ц—ва или умереть за отечество славно, новѣйшее происшествіе во время кампаніи французовъ съ вѣнцами въ 1806 г.», изд. В. З., 2 части, повидимому, не что иное, какъ передѣлка какого-то сенсационнаго иностраннаго романа, написаннаго въ сентиментальномъ духѣ. Старый отставной воинъ, князь Финогенъ В—скій, живущій въ своей усадьбѣ К—ской губерніи, отправляетъ на войну двоихъ сыновей; одинъ изъ нихъ убитъ въ Германіи во время сраженія, къ великому огорченію его тайной любовницы княжны Ц—вой и стараго отца, который съ отчаянія сходитъ съ ума, послѣ чего

<sup>1)</sup> Двѣ позднѣйшія историческія повѣсти: „Рогѣда или разореніе Полоцка“, Н. Арцымашева, 1818 г., и „Зиновій Богданъ Хмѣльницкій или освобожденная Малороссія“ (неоконч.), соч. Ф. Глинки, 1819 года, представляютъ вѣчто среднее между способомъ изложенія С. Глинки и Карамзина.

авторъ исключительно распространяется о нихъ. Но во второй части оказывается, что молодой князь не убитъ, а только опасно раненъ; благодѣтельный пасторъ поднимаетъ его съ поля битвы и помѣщаетъ въ своемъ домѣ до окончательнаго выздоровленія. Молодой князь, въ качествѣ русскаго офицера, бесѣдуя съ пасторомъ, старается внушить ему уваженіе къ русскому воинству. «Народная сила и храбрость, говорить онъ (стр. 23), ставятъ насъ на ряду съ греками и римлянами... Давно-ли утомленная Польша учинилась жертвою вѣроломства своего? Давно-ли униженные французы со стыдомъ бѣжали изъ Италіи отъ перваго появленія російскихъ войскъ?..» Затѣмъ молодой князь превозноситъ успѣхи русскихъ «въ политическомъ и моральномъ отношеніи» и добавляетъ, что «лучше сотни разъ умереть на полѣ сраженія, нежели безпечно покоиться въ объятіяхъ своей любезной». Пасторъ пораженъ такими рѣчами и, въ свою очередь, читаетъ ему длинную проповѣдь о нравственности. Въ заключеніе храбрый русскій офицеръ возвращается въ Россію, слѣдуетъ трогательная сцена свиданія съ родными и пр. Въ другомъ романѣ или, точнѣе, повѣсти 1809 г.: «Русская амазонка или геройская любовь россиянки, отечественное прошествіе, случившееся въ продолженіе послѣдней противъ французовъ кампаніи въ 1806 и 1807 годахъ», 2 части,—молодая дѣвушка, переодѣтая въ офицерское платье, отправляется въ походъ за своимъ возлюбленнымъ и вслѣдствіе этого подвергается разнымъ случайностямъ. Авторъ, при передачѣ подробностей военныхъ событій, очевидно, находился подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ современныхъ разсказовъ и газетныхъ реляцій, и въ этомъ отношеніи не позволяетъ себѣ никакихъ отступленій въ пользу романическаго интереса.

Указанныя нами попытки историческаго романа и повѣсти, при всей неумѣлости авторовъ и слабыхъ сторонахъ, принесли свою долю пользы и были неизбежны при общемъ ходѣ развитія нашего историческаго романа. Изъ этихъ единичныхъ попытокъ, не представлявшихъ никакой внутренней связи, творческому таланту Нарѣжнаго суждено было впервые заложить прочное основаніе для будущаго историческаго романа въ настоящемъ значеніи слова. Хотя Нарѣжный не написалъ ни одного цѣльнаго, вполне историческаго романа, но въ его «Запорожцѣ» и «Бурсакѣ» мы встрѣчаемъ законченныя историческія картины и мастерское изображеніе извѣстныхъ моментовъ изъ прошлой исторіи Малороссіи, хорошо знакомой ему по живымъ, еще не забытымъ преданіямъ и разсказамъ о гетманскихъ временахъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ. Онъ впервые представляетъ дѣйствительныя, не фантастическія описанія стариннаго быта,

со всей тогдашней обстановкой и старинными одеждами; его описанія хотя и не так эффектны, какъ у Карамзина, но имѣютъ характеръ болѣе историческій. При воспроизведеніи историческихъ событій богатая фантазія Нарѣжнаго во всякомъ случаѣ является болѣе обузданной, нежели у котораго либо изъ его предшественниковъ, а съ другой стороны онъ не довольствуется однимъ сухимъ изложеньемъ фактовъ, какъ Гераковъ, С. Глинка и др.

## Х.

Попытки реального русскаго романа, въ періодъ времени отъ 1764 по 1814 годъ, встрѣчаются: а) въ видѣ существеннаго элемента или же случайной примѣси въ самыхъ разнородныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы; б) въ формѣ цѣльныхъ реальныхъ рассказовъ, и в) романическихъ произведеній, представляющихъ задатки самобытнаго реального романа съ нынѣшней точки зрѣнія.

Послѣднія показали намъ наиболѣе слабыми и неудовлетворительными. Что-же касается единичныхъ проявленій реализма въ нѣкоторыхъ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ этого времени, а также цѣльныхъ реальныхъ рассказовъ, то мы видимъ здѣсь приемы, указывающіе на значительную степень развитія, которая могла быть подготовлена только предшествующей литературой. Реализмъ нашей старой устной и письменной литературы могъ продолжаться и въ рассказахъ, навѣянныхъ чтеніемъ западно-европейскихъ романовъ и повѣстей, вошелъ и въ наши переводные романы и повѣсти, которые шли рука объ руку съ передѣлкой и подражаніемъ.

1) Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вышеприведенныхъ романовъ «съ приключеніями»: «Несчастный Никаноръ и приключеніе жизни Россійскаго Дворянина», соч. Н., изд. второе, 3 части, 1787 года, встрѣчаются хотя немногія, но безусловно реальные сцены и описанія, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наивными или неумѣльными. Между прочимъ, авторъ съ первыхъ же страницъ рисуетъ мѣткими и вполнѣ реальными чертами жизнь обѣдѣвшаго Никанора въ домѣ «добродѣтельнаго чловѣка» и оказываемыя имъ услуги, чтобы заслужить милость благодѣтелей. «Онъ игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени, между тѣмъ употреблялъ пристойныя шутки, пѣлъ и сочинялъ пѣсни; также сочинялъ оды и всякіе увеселительные стишки... сказывалъ имъ сказки и исторіи,

на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія, въ маскарадахъ одѣвался въ женское платье, словомъ сказать, все то дѣлалъ, что въ удобность имъ служило...» Затѣмъ въ той же первой части романа, на стр. 150—155, не менѣе рельефно описаны нравы въ домѣ «милостивца», гдѣ, кромѣ Никанора, жили по бѣдности и другіе дворяне, какъ, напримѣръ, титулярный совѣтникъ Никифоръ, который помѣщался въ одномъ покоѣ съ Никаноромъ. Между обоими жильцами была вражда и постоянныя ссоры, такъ что хозяинъ дома, для прекращенія споровъ, въ шутку посовѣтовалъ имъ размежеваться. Никаноръ устроилъ себѣ глухую перегородку у печки, такъ что титулярному совѣтнику, любящему прохладу, стало совсѣмъ холодно; этотъ, въ свою очередь, чтобы «познобить Никанора, проигрывавшаго всѣ ночи въ карты съ барынями», старался заранѣе запереть сѣни и ворота. Но люди любили Никанора и всегда отворяли ему, хотя разъ ему все-таки пришлось «перелѣзть черезъ заборъ и пола кафтана осталась на рѣшеткѣ, однако, онъ ничего не сказалъ врагу своему, который за всякую бездѣлицу серживался...» Равнымъ образомъ, въ самомъ разсказѣ Никанора, гдѣ онъ повѣствуетъ о своей жизни, исполненной самыхъ неправдоподобныхъ приключеній, встрѣчаются реальныя описанія мѣстностей и городовъ, очевидно, знакомыхъ автору, старой помѣщичьей усадьбы, съ неизмѣннымъ садомъ и прудомъ и пр. Не лишена также известной степени реальности исторія неудачной женитьбы и постепеннаго раззоренія несчастнаго Никанора.

Въ повѣсти «Похожденія Ивана Гостинаго сына», И. Новикова, 1785 года, принадлежащей къ тому же разряду романовъ съ «приключеніями», какъ и «Несчастный Никаноръ», вполнѣ реально описана (стр. 26—40) исторія его дѣтства и постепенное деморализированіе, вслѣдствіе отсутствія нравственнаго воспитанія и нелѣпаго потворства со стороны глупой матери, которое привело его къ распутной жизни, обкрадыванію отца и пр.

Изъ нравоучительныхъ романовъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія въ данномъ направленіи вышеприведенная повѣсть Н. Остолопова «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе», Спб., 1803 г. Не смотря на избыточную тему о вредѣ французскаго воспитанія, въ разсказѣ встрѣчаются живыя реальныя сцены, какъ, напримѣръ, наемъ француженки вдовой Вѣтраной, вся забота которой заключается въ томъ, чтобы француженка ни слова не говорила по русски, а также ея наивное хвастовство передъ пріятельницами, по поводу удачнаго выбора гувернантки. Не менѣе реально описаны блестящіе результаты воспитанія: Евгенія приводитъ въ восторгъ всѣхъ знакомыхъ своимъ прекраснымъ французскимъ выговоромъ, искусствомъ въ танцахъ и умѣніемъ одѣваться



со вкусом. Мать гордится своею благовоспитанною дочерью, и только бѣгство Евгении съ соблазвившимъ ее парикмахеромъ Полиссономъ разочаровываетъ Вѣтрану.

Реализмъ проявляется до извѣстной степени и въ наимѣнѣе само-бытныхъ сентиментальныхъ романахъ и повѣстяхъ, хотя въ видѣ случайной примѣси, не имѣющей ничего общаго съ остальнымъ разсказомъ. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Новый чувствительный путешественникъ или моя прогулка въ А\*\*\*», соч. К. Г., представляющей сколокъ съ «*Voyageur sentimental ou ma promenade à Yverdup*» (франц. подражаніе извѣстному сочиненію Стерна), «чувствительный путешественникъ» забѣзжаетъ по дорогѣ въ казенную русскую деревню и неожиданно обращается къ хозяевамъ постоялаго двора съ вопросомъ о положеніи крестьянъ: «Что каково жить? спрашиваетъ онъ, нѣтъ-ли притѣсненій со стороны гг. исправниковъ?» На это получается отвѣтъ: «и, батюшка, сунуль имъ въ руку, такъ все ладно будетъ; они люди не чяовные, все берутъ, а то какъ бы, батюшка, не притѣснять!»... Послѣ этой случайной вставки разсказъ продолжается въ прежнемъ сентиментальномъ топѣ.

2) Изъ цѣльныхъ реальныхъ разсказовъ заслуживаетъ вниманія «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ съигранной въ Москвѣ свадебнымъ», помѣщенный въ упомянутомъ сборникѣ 1785 года И. Новикова (Похожденія Ивана Гостинаго сына). Основное содержаніе Святочного разсказа то-же, что и Фрола Скабѣева (найденнаго въ одномъ изъ сборниковъ XVIII вѣка), но, видимо, взятое изъ какого-то другаго списка той же повѣсти, быть можетъ не менѣе стараго, чѣмъ списокъ Фрола Скабѣева, напечатанный въ книгѣ I «Москвитянина» 1853 года. Поэтому заявленіе библиографической замѣтки въ «Москвитянинѣ» того же года, кн. 3, что «основаніемъ Святочного разсказа послужилъ извѣстный списокъ повѣсти о Фролѣ Скабѣевѣ и что самое содержаніе новое и мѣстами встрѣчаются старыя слова», кажется намъ слишкомъ произвольнымъ и требующимъ провѣрки. Насколько мы могли замѣтить, новыя слова, понятія и выраженія, свидѣтельствующія о позднѣйшей передѣлкѣ, встрѣчаются въ видѣ вставокъ, а основное содержаніе старое, не имѣющее ничего общаго съ способомъ изложенія повѣствователей и романистовъ XVIII вѣка <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Считаю не лишнимъ выписать цѣликомъ начало повѣсти: Новгородскихъ дѣвушекъ святочный разсказъ съигранной въ Москвѣ свадебнымъ: «Около Новгорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, не имѣвшій никого и родственниковъ, окромѣ одной сестры одинакхъ съ нимъ лѣтъ около двад-

Что касается текста Фрола Скабѣева, напечатаннаго въ «Москвитиниѣ», то древность его достаточно доказана и признана нашей ученой литературой, но мы позволимъ себѣ только выразить нѣкоторыя сомнѣнія относительно историческаго элемента повѣсти. Судя по множеству прочтанныхъ нами повѣстей и романовъ, если только это не простая случайность, историческій элементъ въ романѣ едва-ли не является впервые въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Съ другой стороны, не смотря на богатую фантазію нѣкоторыхъ сочинителей историческихъ романовъ и повѣстей, мы нигдѣ не встрѣтили, кромѣ «Мары Посадницы» Карамзина, намѣреннаго извращенія историческихъ фактовъ. Если сочинители отступаютъ отъ истины, то безсознательно, вслѣдствіе незнанія исторіи; но вездѣ, гдѣ они только могли собрать точныя свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ или приводимыхъ фактахъ, ихъ скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что

---

цати пяди и хотя при крещеніи и названъ онъ былъ Седуяномъ и происходилъ отъ давней фамиліи Сальниговыхъ, однако не имѣлъ счастья содержать себя по чести дворянина; съ малыхъ лѣтъ воспитывался и съ сестрою педеротою людскою, а возмужавши за неимѣніемъ, какъ и у батюшки ево, крестьянъ принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами; ибо у него земли было довольно, равво сохи, бороны, серпы и косы находились въ добромъ здоровѣ, а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая, не оставляла также, чтобъ не прилагать прилежнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за скотиною.

„Сему дворянину въ оной жизни по много прилагасемымъ въ полѣ, въ воженіи домой и убораніи хлѣба и сѣва, трудамъ нѣсколько наскучно, и для того довольно разумѣвши русской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣвъ, понявшихъ у бывшаго своего учителя дьячка, человѣка поворотливаго и къ тому-жъ, какъ и онъ, лукавству обыклаго, посовѣтовавъ спросивши его и привявши паставленіе вздумалъ ходить за приказными ябедами, конхъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало стряпчымъ; и такъ, посвята себя онымъ чиномъ, ѣздя по околнымъ деревнямъ съ паставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ самое подтверждалъ и хваливалъ, почему во первыхъ поспорившіесе между собою крестьяне прихода къ нему, просили справедливаго и скорого на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ každого по достоинству дѣла, обирая приписанное и съ отвѣтника и челобитника поровну, а кто больше дастъ тотъ и правъ, хотя бы и подлинно былъ виноватъ, но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣривали, кто же его судомъ бывали недовольны, тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и паставлялъ добротныхъ дателей полутче, нежели скупыхъ и несмысленныхъ, потомъ османили его множествомъ мелко-травчатыхъ дворянъ и письменными просьбами съ довѣренностью, чтобъ ему за ихъ хожденія имѣть и по приказамъ“ и пр.

для исторической вѣрности они жертвуютъ романическимъ интересомъ. Даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя не имѣютъ ничего историческаго, какъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ романѣ «съ приключеніями», 1787 г., «Несчастный Никаноръ», авторъ хотя выводитъ мимоходомъ извѣстныхъ ему, отчасти историческихъ лицъ: В. А. Рѣпина († въ 1748 г.), И. А. Бибикова, смолевскаго губернатора Аршеневскаго и др., но не позволяетъ себѣ относительно ихъ никакихъ фантазій, хотя они не играютъ большой роли въ романѣ. Поэтому трудно допустить, чтобы современникъ могъ игнорировать такой фактъ, что, знаменитый въ свое время, ближній бояринъ и думный дворянинъ Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, (поступившій въ монастырь въ 1672 († 1680 г.), имѣлъ только единственнаго сына, стольника Вонна Аванасьевича Ординъ-Нащокина, который былъ впоследствии воеводой въ Галичѣ и умеръ бездѣтнымъ. Затѣмъ до самаго Афанасія Лаврентьевича фамилія псковскихъ помѣщиковъ Ординъ-Нащокиныхъ не встрѣчается въ спискахъ московскихъ думныхъ чиновъ <sup>1)</sup>).

При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что если мы выразили нѣкоторыя сомнѣнія относительно историческаго элемента напечатанной повѣсти Фрола Скабѣева, то не болѣе, какъ въ видѣ догадки, потому что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при всестороннемъ изученіи нашего первоначальнаго историческаго романа.

Не менѣе любопытенъ, какъ и «Новгородскихъ дѣвужекъ святочный разсказъ», хотя въ другомъ отношеніи, позднѣйшій, безусловно реальный, юмористическій разсказъ 1809 года А. Кропотова (автора сентиментальныхъ повѣстей). Этотъ единственный въ своемъ родѣ, вѣскольکو многословный, разсказъ, написанный стариннымъ слогомъ, носить названіе: «Исторія о смуромъ кафтанѣ, которымъ обладатель не только что желаетъ прикрыть свои плечи, но и выкроить женѣ своей юбку». Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является сторожъ Панфилъ, все желаніе котораго обращено на пріобрѣтеніе смураго кафтана, висѣвшаго вѣскольکو лѣтъ въ воеводской канцеляріи, «изъ коего намѣренъ онъ былъ выкроить теплую исподнюю юбку женѣ своей, а себѣ камаолъ съ рукавами для зимняго времени, и просилъ о семъ съ самымъ жалобнымъ тономъ его высокоблагородіе воеводу»... Но отнѣвное состраданіе, замѣчаетъ авторъ, нерѣдко

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“ изд. 1883 г., изслѣд. проф. В. С. Иконникова: „Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ“, октябрь, стр. 293 — 294, а также Родословную книгу, изд. ред. „Русской Старины“, I, 265. Н. В.

переносить благородный разсудокъ за границы справедливости... ибо лишь жалобныя слова: исподвня юбка, бѣдная жена, теплой смурой кафтанъ коснулись до ушей его, сердце воеводы закипѣло и прежде, чѣмъ Панфиль успѣлъ окончить свою челобитную... онъ сказалъ ему, что съ большою охотою и отъ всего сердца онъ уступаетъ ему на оный право; но Панфиль, прибавилъ онъ, ты знаешь, что я недавно поступилъ на мою новую должность, не знакомъ съ здѣшними обрядами. Подожди лучше съ недѣлю, пока я справлюся, и ежели увижу, что онъ въ моей власти, увѣрю тебя, другъ мой, снова, что съ большимъ удовольствіемъ отдамъ тебѣ его, если бы онъ былъ во сто разъ лучше, какъ ты мнѣ его описалъ»...

«Сихъ-то справокъ и страшился Панфиль сердечно; онъ зналъ очень хорошо, что ежели воевода молвить только одно слово о семъ канцелярскимъ приставамъ, то и все дѣло разстроится. Но смъ и еще нѣсколькимъ причинамъ, кои упоминать не нужно, Панфиль сдѣлался еще неотступнѣе. Докучливость его имѣла свое наступательное дѣйствіе на сторожѣ его высокоблагородія, начавшаго подозрѣвать, что дѣло не такъ-то справедливо».

«Въ одинъ вечеръ, сидя въ своемъ учебномъ кабинетѣ, размышляя онъ со всѣхъ сторонъ о семъ дѣлѣ, не выпуская изъ виду Панфиловъ характеръ.. и снявъ канцелярскій протоколъ, молвилъ самому себѣ: можетъ быть я найду чтонибудь и о кафтанѣ. Произнося слова сіи, едва успѣлъ онъ открыть книгу, какъ и попалъ на желанное мѣсто, ясно написанное на первой страницѣ крупными буквами въ слѣдующихъ словахъ: Мемогадумъ «теплой сѣрой кафтанъ былъ купленъ и отданъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ помѣщикомъ въ сію канцелярію для исключительнаго употребленія канцелярскимъ сторожамъ и ихъ наследникамъ во время студеныхъ, дождливыхъ, зимнихъ и холодныхъ дней; упомянутой уѣздный помѣщикъ сдѣлалъ это изъ состраданія къ симъ бѣднякамъ и спасенія своей собственной души, за которую и повелѣно имъ молиться» и пр.

Но едва успѣлъ воевода мысленно поздравить себя, что «не успѣлъ отдать кафтана и принять твердое рѣшеніе не касаться даже до пуговицы его, какъ бракъ Панфиль со всѣмъ предметомъ подъ обѣими пазухами, ибо кафтанъ дѣйствительно былъ весь у него раскроенъ,—камзолъ находился подъ правою пазухою, а исподница подъ лѣвою; онъ несъ все сіе къ портному и, веселясь душевно, зашелъ показать воеводѣ искусство свое въ кроеніи»...

Авторъ не находитъ словъ, чтобы дать понятіе «объ удивленіи и благородномъ негодованіи, которое сей неожиданный и нахальный Панфиловъ поступокъ напечатлѣлъ на взорахъ воеводы.. исключая,

что Панфи́лу повелѣно было суровымъ голосомъ положить связки на столъ, идти къ своей должности»...

«Около сего времени его высокоблагородіе, какъ человѣкъ разумной, послалъ за повытчикомъ Иваномъ... и во время присутствія «по собраніи всѣхъ членовъ разсказалъ имъ все дѣло отъ начала до конца. Панфиль не могъ сказать много въ свою защиту... и объяснилъ, что ежели онъ не имѣетъ на оный кафтанъ право по обѣщанію, то по крайней мѣрѣ за заслуги,—такъ какъ и всѣмъ извѣстно, что онъ ему много оныхъ оказывалъ: что онъ ваксилъ воеводскіе башмаки безъ счету, смазывалъ сапоги его болѣе пятидесяти разъ, бѣгивалъ въ городъ за яйцами, точилъ всегда ножи, чистилъ и сѣдлалъ лошадь,— а равно и жена его была всегда къ его услугамъ и что ни онъ, ни жена его по своей лутшей памяти не брали за сіе ни копѣйки, исключя кружку пива»... а съ полгода тому назадъ, когда его высокоблагородіе, разрѣзывая рѣпу, порѣзалъ свой палець, онъ ходилъ за полмили къ одной старушкѣ спросить ее чѣмъ лутшѣ и скорѣе можно унять кровь, и принесъ отъ нея паутину и никогда не думалъ, «что чрезъ мѣру много дѣлаеть» и пр.

«Сей плавъ Панфилова защищенія не могъ произвести ничего кромѣ смѣху. И по разсмотрѣнію сего съ обѣихъ сторонъ, вышло, что Панфиль поступилъ весьма худо. Сверхъ сего открылися еще Панфиловы слова... что повытчикъ Иванъ и всѣ прочіе служители скверные люди — за сей подлый поступокъ вытолкали его за двери и запретили казаться на глаза».

«Сначала Панфиль былъ жестоко взбѣшонъ, бранился, какъ сумасшедшій, клялся, что будетъ просить суда... но по успокоеніи перваго гнѣва вспомнилъ, что его высокоблагородіе можетъ его укротить, и ежели только захочетъ, то отошлетъ въ смирительный домъ. А посему оставя онаго въ покоѣ, напалъ со всею жестокостью на повытчика... и возобновилъ дѣло о старыхъ выношенныхъ черныхъ штанахъ... которые когда-то выманивалъ у повытчика» и пр.

Исторію этой ссоры Панфила съ повытчикомъ Иваномъ мы не будемъ приводить здѣсь, чтобы не удлинить уже достаточно длинныхъ выдержекъ изъ разсказа А. Кропотова.

Само собою разумѣется, что указанные нами примѣры проявленія реализма въ различныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы, а равно и разсказы, рисующіе отдѣльные эпизоды, ни въ какомъ случаѣ не соответствуютъ понятію о самобытномъ реальномъ романѣ съ нынѣшней точки зрѣнія. Задатки его встрѣчаются только въ тѣхъ романическихъ произведеніяхъ, гдѣ разсказъ

является хотя до известной степени законченнымъ и романическая завязка имѣетъ болѣе или менѣе реальное основаніе.

3) Къ этого рода произведеніямъ принадлежитъ сочиненіе 1790 г., подъ названіемъ: «Похожденіе нѣкотораго Россіянина, истинная повѣсть, имъ самимъ писанная, содержащая въ себѣ исторію его службы и походовъ съ приключеніями, гдѣ неизвѣстный авторъ дѣлаетъ попытку совмѣстить романъ съ дневникомъ, и попытку довольно неудачную, такъ какъ не достигаетъ ни той, ни другой цѣли. Рассказъ ведется отъ лица «нѣкотораго Россіянина», который шагъ за шагомъ описываетъ свою боевую жизнь, перемежанную съ различными любовными похожденіями. Но, къ сожалѣнію, обѣ части одинаково переполнены утомительнымъ, безцвѣтнымъ перечнемъ видѣнныхъ городовъ и мѣстечекъ, не исключая самыхъ ничтожныхъ. Сверхъ того, при полной бездарности изложенія, «нѣкоторый Россіянинъ» тѣмъ же дѣловымъ языкомъ военной реляціи повѣствуетъ о такихъ любопытныхъ событіяхъ своей жизни, какъ пребываніе въ Варшавѣ въ 1764—1771 гг., о походѣ къ турецкой границѣ, бомбардированіи Хотина и пр.; и даже во многихъ случаяхъ подробнѣе распространяется о своемъ безцѣльномъ проживаніи въ какомъ нибудь малоизвѣстномъ городкѣ. Такое же отсутствіе всякаго живаго интереса представляютъ и его любовныя похожденія. Во второй части помѣщены въ видѣ вставокъ шесть русскихъ народныхъ сказокъ, рассказанныхъ солдатами во время ночлега.

Другое позднѣйшее сочиненіе «Несчастливая Маргарита», истинная руссiйская повѣсть», 1803 года, безъ подписи автора, представляетъ несравненно болѣшій интересъ, въ смыслѣ попытки создать цѣльную самобытную повѣсть на реальной русской почвѣ. Рассказъ ведется отъ лица молодой монахини Маргариты, которая простымъ безыскусственнымъ языкомъ описываетъ исторію своей ранней молодости, проведенной въ домѣ отца, овдовѣвшаго богатаго купца, который держалъ ее во всей строгости и поручилъ надзору старой няни. Маргарита случайно знакомится съ бѣднякомъ Иваномъ и влюбляется въ него; корыстолюбивая няня, подкупленная влюбленными, устраиваетъ для нихъ свиданія въ комнатѣ молодой дѣвушки. Между тѣмъ отецъ задался мыслью выдать дочь за богатаго купеческаго сына, добродушнаго малаго, которому Маргарита откровенно заявляетъ, что не любитъ его, и онъ соглашается отложить свадьбу на неопредѣленное время. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе, какъ во время одного изъ нѣжныхъ свиданій Маргариты съ возлюбленнымъ неожиданно является въ ея комнату хозяинъ дома, такъ что няня едва успѣла спрятать Ивана въ постели и навалить на него перины. Про-

ходить часъ за часомъ, Маргарита мѣняется въ лицѣ, а отецъ продолжаетъ бесѣдовать съ нею. Послѣ его ухода обѣ женщины бросаются къ постели и находятъ трупъ задохнувшагося Ивана; няня приводитъ своего сына пьяницу, проживавшаго въ домѣ въ качествѣ прикащика, и за извѣстную плату уговариваетъ его вытащить ночью трупъ изъ дому и бросить въ Волгу. Съ этихъ поръ Маргарита въ его рукахъ; онъ безпрестанно требуетъ отъ нея денегъ и, наконецъ, однажды подъ пьяную руку, расхваставшись передъ пріятелями, требуетъ черезъ посланнаго, чтобы сама купеческая дочь принесла ему денегъ въ корчму. Маргарита исполняетъ его требованіе и подъ влияніемъ страха и жажды мести поджигаетъ корчму, и такимъ образомъ сгораютъ заживо нѣсколько человѣкъ. Начинается уголовное дѣло, которое прекращается съ помощью денегъ отца Маргариты; она поступаетъ въ монастырь.

Хотя и здѣсь тема заимствованная и не разъ встрѣчается въ болѣе древнихъ пересказахъ, но тѣмъ не менѣ эта повѣсть въ цѣломъ представляетъ задатки самобытнаго реального романа, какъ по способу разработки самой темы, такъ и удачному примѣненію къ русской жизни и нравамъ. Въ ней даже видны попытки описанія природы, ярмарки, купеческаго быта и какъ бы намеки на типы, хотя все еще въ неопредѣленныхъ, трудно уловимыхъ, чертахъ; равнымъ образомъ, и въ самомъ разсказѣ вѣтъ достаточной послѣдовательности, вслѣдствіе чего многое остается невыясненнымъ.

Только въ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы встрѣчаемъ вполне самостоятельныя ему принадлежащія сюжеты, послѣдовательный законченный разсказъ, цѣльныя реальныя описанія, рельефно обрисованные типы и характеры. Если его можно упрекнуть въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ избыткѣ дѣйствующихъ лицъ, запутанной завязкѣ, неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели надъ порокомъ и пр., то это была неизбѣжная дань времени и влиянію предшествовавшей подражательной литературы. Вездѣ, гдѣ Нарѣжный касается современной дѣйствительности въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, онъ является вполне самобытнымъ, изображаетъ реальный русскій бытъ, русскіе нравы и русскихъ людей съ ихъ характерными особенностями, привычками, типичными чертами.

Если съ одной стороны реализмъ въ его романахъ, какъ и въ вѣкоторыхъ произведеніяхъ предшествовавшей литературы, доходить до грубости, почти цинизма, то съ другой—вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности приводитъ его къ изображенію глубоко прочувствованныхъ положеній, гдѣ «слышится смѣхъ сквозь слезы». Здѣсь юморъ его по своей безпощадности доходитъ до высокаго драматизма, какъ

напримѣръ, въ описаніи крайней нищеты князя Чистякова въ первой части «Россійскаго Жильблаза», а также въ отдѣльныхъ сценахъ другихъ его произведеній.

Такимъ образомъ, въ виду невыгодныхъ условій литературной дѣятельности Нарѣжнаго, указанныхъ нами въ первомъ очеркѣ, и общей оцѣнки его произведеній, въ связи съ предшествующей романтической литературой, онъ можетъ быть по справедливости признанъ родоначальникомъ не только русскаго самобытнаго «историческаго», но и реального романа. Заслуга эта всецѣло принадлежитъ ему тѣмъ болѣе, что при жизни онъ не имѣлъ соперниковъ. Первые романы Булгарина, пользовавшіеся въ свое время значительной, хотя далеко не заслуженной извѣстностью, а также произведения выдающихся русскихъ романистовъ, Загоскина, Лажечникова, Вельтмана, стали появляться четыре года спустя послѣ его смерти, а именно съ 1829 года, не говоря о Пушкинѣ, Гоголѣ и др. Равнымъ образомъ, талантливыя повѣсти Квитки вышли отдѣльнымъ изданіемъ только въ 1834 году.

---

Въ третьемъ, послѣднемъ, очеркѣ, на ряду съ фактическими данными о жизни Нарѣжнаго, мы представимъ общій обзоръ его произведеній, которыя вообще могутъ быть поняты и оцѣнены только по сравненіи съ предшествовавшей литературой и въ связи съ нею. Въ изложеніи мы будемъ придерживаться хронологическаго порядка, какъ наиболѣе цѣлесообразнаго, исключая трехъ напечатанныхъ частей «Россійскаго Жильблаза», о которыхъ будемъ говорить въ концѣ очерка, такъ какъ на страницахъ «Русской Старины» появится цѣлкомъ вторая неизданная половина этого перваго романа Нарѣжнаго, запрещенная цензурою 1814 года.

Н. А. Вѣловерова.

1888 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---



Приложение I.

Въ царствованіе Екатерины II-ой, начиная съ 1762 года, переведены съ французскаго языка романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ, имена которыхъ мы приводимъ въ порядкѣ годовъ изданія русскихъ переводовъ, помѣченныхъ въ Смирдинской „Росписи“, и будемъ обозначать „точками“ не найденныя нами имена. Помимо иностранныхъ писателей, переведенныхъ въ прошлыя царствованія, напримѣръ: Фенелона = Fénelon 1651 † 1715; Иоанна Барклайя = J. Barclay 1582 † 1621; Лесажа = Alain Lesage 1668 † 1747; Г-жи Кошуа = .....? <sup>1)</sup>; Аббата Прево = L'Abbé Prevost d'Exiles 1697 † 1763; (въ „Росписи“ Смирдина одинъ романъ Прево ошибочно приписанъ д'Аржансу, смотри статью Я. Грота: „Жизнь Державина“, въ „Р. Вѣстн.“, томъ XXVI, стр. 366—377); переведены впервые произведенія слѣдующихъ авторовъ: г-жи Барбіера = Anne Barbier † 1745; Аббата Террасона = L'Abbé Terrasson 1670 † 1750; Мариво = P. Carlet de Chamblain de Marivaux 1688 † 1763; д'Арка = Ph. Aug. de S. Foix chevalier d'Arca † 1779; д'Аржанса = Boyer Marquis d'Argens 1704 † 1771; г-жи Гомецъ = Madelaine Angélique Poisson Gomez 1684 † 1770; Дезегре = Regnaud de Segrais 1624 † 1701; де ла Фонтена = J. de la Fontaine 1621 † 1695; Мамена = Mamin de Bordeaux—XVIII siècle; Мармонтеля = Marmontel 1728 † 1799; Фильдинга = Fielding 1707 † 1754 (англ. писат.); д'Арно, д'Арнау, Арнода, Арнауда, Дарнода, Арнольда = Arnaud de Basclard 1718 † 1806; „Жизнь и приключенія Лазаря Тормисаго“ = известное сочиненіе испанскаго писателя Diego Hurtado de Mendoza 1503 † 1575; Ламота = Ant. Houdard de La motte 1672 † 1731; Дората = Dorat 1734 † 1780; Кастилона = Castilhon 1718 † 1793; де Саси = Louis de Sacy 1654 † 1727; Дю Френи = Charles Rivière Dufresny 1648 † 1724; Дѣвнцы Луссаны = Marguérite de Lussan 1632 † 1758; Лоазель де Треогать = Loazel de Tréogate 1752 † 1812; д'Юсье, Юссие, д'Юссие = d'Ussieux 1747 † 1798; Юнга = Jung 1740 † 1817; Риккобони = Hélène Virg. Riccoboni 1686 † 1771; Гольдсмитъ = Oliver Goldsmith 1728 † 1774 (ирланд.); Сореля = Sorel Sieur de Souvigny 1597 † 1674; Маркиза де Варжемонда = Vicomte de Vargemont XVIII siècle; Ретифъ де ла Бретонь = Restif de la Bretonne 1731 † 1806; Мерсиера = Mercier 1763 † 1800; Ричардсона, Ричадсона = Richardson 1689 † 1761 (англ. писат.); Монтескье, Монтеスキюи = C. de Secondat baron de Montesquieu 1689 † 1755; Кубіера = Michel dit Palmczeaux de Cubières 1752 † 1820; барона Галлера = Albert de Haller 1708 † 1777 (швейц.); Кребиллона = Crébillon fils 1707 † 1777; г-жи Маламъ = M-me Charlotte Malarme née 1753; Скаррона = Scarron 1610 † 1660; Катто = J. P. Catteau Caleville XVIII siècle; Флоріана = Florian 1755 † 1794; Геснера = Salomon

<sup>1)</sup> Русское заглавіе переведеннаго романа слѣдующее: «Изабелла Мендоза, испанская повѣсть», соч. г-жи Кошуа, Спб., 1760 года. Въ объявленіяхъ Петербургскихъ Вѣдомостей 1761 года не разъ упоминается объ этомъ романѣ, но безъ имени автора.

Gesner 1730 † 1788 (швейц.); Стерна = Sterne 1713 † 1768 (англ. писатель); графа Кайлуса = Phil. comte de Caylus 1692 † 1765; Пигота = Pigault Lebrun 1753 † 1835; Леонарда = Léonard vice sénéchal de la Guadeloupe 1741 † 1793; Фридериха II = Frédéric II roi de Prusse 1713 † 1786; Меера = Meyer 1491 † 1552; г-жи Милли = M-elle de Milly XVIII siècle; „Записки Клевеландши, ею самою писанныя“ = Cleland 1707 † 1789 (англійск. писат. „Mémoires d'une courtisane“); Жанлисъ = Stephanie Felicite Ducrest de St. Aubin comtesse de Genlis 1746 † 1830; Гилльера д'Овертея = Guillard de Borieu 1728 † 1795? Графиньи = Graffigny Françoise d'Issemburg d'Arpencourt 1694 † 1758; Лувета де Кувре = Louvet de Couvray 1760 † 1797; Ксенофонта = Xénophon le Jeune écrivain d'Ephese III et IV siècles; Миссъ Софин Лее = Sophie Lee 1750 † 1824 (англійская писательница); Дофина = Augustin Anne Dauphin 1759 † 1822; Жерарда = Louis Philippe Abbé Gerard 1737 † 1813; де Сент. Пиерра = Bernardin de St. Pierre 1737 † 1814; Инхвальдъ = Elisabeth Simpson ou mistress Inhbald 1753 † 1821; Мере = Brossan chevalier de Méré † 1685; Дюкре Дюминпля = Ducas Duménil 1761 † 1819; Нугарета = Nougaret 1742 † 1823; г-жи де Бомонтъ = Jeanne le Prince de Beaumont 1711 † 1780; де ла Бретонъ = Max Breton de la Martinière XVIII siècle.

## Приложение II.

Въ царствованіе Екатерины II переведены съ разныхъ языковъ романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ нѣмецкаго языка, начиная съ 1763 года: Скаррона, Вольтера, Гомеца, Геснера, Фильдингга (см. приложение I), а съ 1770 года встрѣчаются впервые романы: Свифта = Jonathan Swift 1667 † 1745 (англ. пис.); Фергьера .....? <sup>1)</sup>; Виланда = Christ. Martin Wieland 1733 † 1813; Ивана Гавковорда = J. Hawkesworth (англ. писат.) 1713 † 1773; г-жи Ормой = Charlotte Chaumet d'Ormcy 1732 † 1791; Якоба Душъ = Jacob le Duchat (éditeur) 1658 † 1735; Августа Мейснера = A. T. Meissner 1753 † 1807; Бенделя .....? <sup>2)</sup>; Геллерта = Chr. F. Gellert 1715 † 1769.

Съ англійскаго языка: Свифтъ (см. выше); Томаса Мориса = Thomas Morys 1480 † 1535; Ричардсона (см. прил. I); Джонсона = Johnson 1709 † 1784.

Съ польскаго языка: Мармонтеля (см. прил. I); Шеридана = Françoise Sheridan 1724 † 1766, англійская писательница, мать извѣстнаго оратора и писателя Шеридана.

Съ грузинскаго языка: Диларгета .....? <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Русское заглавіе переведеннаго романа слѣдующее: «Донъ Жуанъ и Изабелла, португальская повѣсть», соч. Фергьера, пер. съ нѣмецкаго Ивана Кудрявцева. Спб., 1771 года.

<sup>2)</sup> «Достопамятныя приключенія Ильи Бенделя, сына стокгольмскаго рыбака, имъ самимъ сочиненныя»; пер. съ нѣм. 2 части. М. 1789 года.

<sup>3)</sup> «Похожденіе пономодной красавицы Гуландавы и храбраго принца Барамы»; соч. Диларгета; перевелъ съ грузинскаго Семень Иги атъевъ. Спб. 1773 года.

Съ испанскаго языка: Сервантеса = Cervantes Saavedra 1547 † 1616.

Съ латинскаго языка: Николая Климъ — сатирикъ - юмористическій романъ подъ заглавіемъ: „Nicolai Klimii iter subterraneum“ Leipzig 1741, написанный датчаниномъ Гольбергомъ = Holberg Ludwig Freiherr 1684 † 1754; Августа Фуана = Jacques Auguste Thou (по латыни J. A. Thuani) 1553 † 1617; Иліодора Емесейскаго = Héliodore Emése, греческій писатель IV вѣка; Іоанна Баркляя (см. прил. I).

Съ греческаго языка: Еліана „Греческія повѣсти“ = Claudius Aelianus, Elien le sorphiste (греческій писатель III вѣка).

### Приложеніе III.

Въ царствованіе Павла I, начиная съ 1796 года, переведены съ французскаго и нѣмецкаго романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ французскаго языка переведены романы: д'Арно, Леонарда, Дюкре - Дюмениля, Ричардсона, Фильдингъ, Мармонтеля, Аббата Превъ, Флоріана (см. прил. I). При этомъ встрѣчаются впервые произведенія слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ: Дъвицы Бюрней = Miss Francis Burney, Madame d'Argblay (англ. писательница) 1752 † 1840; Дидеротъ = Diderot 1713 † 1784; Горжи = Gorgy Jean Claude 1753 † 1795; Вильдерберкъ = Bilderbeck 1764 † 1833; Бомстонъ .....?'); Руссо = Rousseau 1712 † 1778.

Съ нѣмецкаго языка переведены романы слѣдующихъ авторовъ: Мейснера (см. прил. II); встрѣчаются впервые романы: Гётте = Wolfgang Goethe 1749 † 1832; Коцебу = Kotzebue 1761 † 1819; Рацеберга .....?').

### Приложеніе IV.

Въ царствованіе Александра I съ 1801 по 1814 годъ переведены съ французскаго языка романы и повѣсти слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ: Скаррона, Флсріана, Арно, Жерарда, Вольтера, Дюкре Дюмениля, Руссо, Мерсіе, Мармонтеля, Луазель де Треогата, Жанлисъ, Миссъ Бюрней, Виланда, Горжи, Стерна, Лесажа, Лафонтена, Лувель де Кувре, Сервантеса, Сентъ Пьерра, Фенелона, Пиго ле Брюна, Монтескье, Вильдерберка (см. прилож. I—III).

Съ французскаго языка переведены впервые произведенія слѣдующихъ авторовъ: Радклифъ = Anne Radcliffe 1764 † 1823 (англ. пис.); Верней = Verne 1728 † 1790 (швейцар. пис.); „Приданное Сюжеты или записки

1) Русское заглавіе переведеннаго романа слѣдующее: «Приключенія Эдуарда Бомстона, описанныя имъ самимъ черезъ переписку съ Пріо, Юліею, Клерю, Вольмаромъ и другими, служація дополненіемъ къ Новой Элоизѣ», пер. съ франц. Андрей Версиковъ. Спб. 1798 года.

2) Лиценціата Рацеберга: «Новый спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей или собраніе пріятныхъ и благопристойныхъ шутокъ, острогъ и замысловатыхъ рѣчей и забавныхъ повѣстей», перевелъ съ нѣмец. Яковъ Благодаровъ, М. 1796 года.

Н. В.

г-жи Сеннетеръ, ея самой писанная“ = „La dot de Zuzette“ par Fievée l'itter. 1770 † 1839; Сенъ Сиръ .....?'); Иосифа Росни = A. Jos de Rosny 1771 † 1814; Мпмольта = J. F. Mimaut 1774 † 1814; Левиса = Math. Gr. Lewis 1773 † 1818 (англ. пис.); Анны Макензи XVIII siècle (англійской писательницы); Маріи Рошъ = Miss Maria Regina Roche † 1820 (англ. пис.); Лантье = E. F. de Lantier 1736 † 1826; Ла Саль = Lasalle 1765 † 1833; Августа де ла Фонтена = Auguste Lafontaine 1756 † 1833 (нѣм. пис.); д'Антрагъ = m-me d'Antraignes XVIII siècle; Стаель, Сталь Голштейнъ = A. L. G. Necker, baronne de Stael-Holstein 1766 † 1817; Ривиса Фейта = Rhynvis Feith 1753 † 1824 (голланд. пис.); Списа, Шписса = Spies 1755 † 1799 (нѣм. пис.); Де Сильвена = Marechal Pierre Sylvain 1750 † 1803; Георга Ваклера = Wachler 1767 † 1838; г-жи Коммервилъ = Elisabeth Sommerville XVIII siècle; Котень = S. R. m-me Cottin 1723 † 1809; г-жи Опи = Mistress Opie, née 1771 (англ. писат.); Де Лаво = C. Thibault Lavaux 1749 † 1827; де Трессана = L. E. de la Vergne, comte de Tressan 1705 † 1743; Лежюна = Aug. Lejeune XVIII siècle; Дюпютеля = Duputel, né au XVIII siècle; Армандъ Роланъ = M-me Armand Roland, née à la fin du XVIII siècle; Лавернь = Comte de la Verne 1769 † 1815; г-жи Беннетъ = Elisa Benett (англ. роман.) † 1808; Демутьера = Demouthier 1760 † 1803; Севеллинга = Charles Louis Scwelinges 1767 † 1831.

#### Приложеніе V.

Въ царствованіе Александра I съ 1801 по 1814 годъ переведены съ разныхъ языковъ романы и повѣсти слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ нѣмецкаго языка переведены романы и повѣсти: Списа, Коцебу, Мейснера, Виланда, Августа Лафонтена, Вильдерберга (см. прилож. I—IV); затѣмъ впервые переведены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Крамера = Karl Gottlieb Cramer 1758 † 1817; Сборникъ Вейссе и др. = Weisse 1726 † 1804; Экартсгаузена = Ecartshausen 1752 † 1803; Младшаго Шлейснера = G. J. Schleusner † 1798; Богацкаго = Bogatzky 1690 † 1774; Лангбейна = A. F. Langbein 1737 † 1835; г-жи Кріднеръ = m-me Krüdener 1766 † 1824; Шиллера = Schiller 1759 † 1805; Энгеля = Engel 1741 † 1802; Вильпиуса = Vulpius 1762 † 1827; Пихлера = Caroline Pichler 1760 † 1843.

Съ англійскаго языка переведены съ 1802 года романы: Радклифъ (см. прилож. IV); Стерна (см. прилож. II); впервые переведены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Анны Маріи Портеръ = Miss Anna Maria Porter † 1832; Робинзонъ Крузе = Daniel Foé 1663 † 1731.

Съ грузинскаго языка переведены: 1) „Новый Шихъ или переписка на персидскій вкусъ любовника съ любовницей, жившихъ при подошвѣ кавказскихъ горъ“, соч. грузинскаго царевича Давыда, пер. съ грузинскаго „Сергій Митропольскій“. Спб. 1804, и 2) Аллегорическая повѣсть о розѣ и соловьѣ, соч. Геламскаго, пер. „Иосифъ Иоаннесовъ“, напеч. на руссійскомъ и грузинскомъ языкахъ. Спб., т. Иоаннесова, 1812 г.

Сообщ. Н. А. Вѣлюверская.

1) Русское заглавіе переведеннаго романа слѣдующее: Сабина Герсельдъ, или опасности воображенія, прусскія письма собралъ Сенъ Сиръ, пер. съ фр. М. 1802 года.

## ІАКИНОЪ ВИЧУРИНЪ

въ далекихъ воспоминаніяхъ его внучки <sup>1)</sup>).

Іакинѣъ Вичуринъ родился въ 1777 г. Онъ былъ уроженецъ Казанской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда, и воспитанникъ казанской семинаріи, которая, въ 1798 г., была преобразована въ академію. Изъ семинаріи о. Іакинѣъ вышелъ въ 1799 г., получивъ богословско-философское образованіе. Классическіе языки были имъ усвоены въ совершенствѣ; онъ свободно объяснялся по латыни. Изъ новыхъ же европейскихъ языковъ онъ не былъ знакомъ только съ англійскимъ. Способности къ рисованію много помогли ему въ ученыхъ его трудахъ, гдѣ всѣ почти планы, карты и рисунки были начертаны имъ самимъ, почему и отличаются такою жизненною правдою.

Какъ выдающійся ученикъ, о. Іакинѣъ былъ оставленъ въ семинаріи сперва учителемъ грамматики, потомъ — высшаго краснорѣчія. Въ 1800 г. онъ принялъ монашество. Въ 1802 г. произведенъ въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ иркутской и, вскорѣ послѣ того, тобольской семинаріи. Въ 1807 году получилъ назначеніе состоять начальникомъ ІХ православной миссіи въ Пекинъ, куда и отправился въ томъ же 1807 г.

Прибывъ въ Пекинъ <sup>2)</sup>, онъ, „на другой же день“, принялся за изученіе китайскаго языка и съ увлеченіемъ предался основательному изученію всей страны, ея населенія и литературы. Помимо блестящихъ способностей, изученію китайскаго языка много способствовало и то, что о. Іакинѣъ постоянно былъ въ сношеніяхъ съ китайцами, монголами, манджурами, тибетцами, корейцами и туркестанцами. Одѣтый въ китайское платье, онъ постоянно вращался между ними. Онъ изучилъ китайскій языкъ такъ, какъ никто изъ русскихъ его не изучалъ и говорилъ по китайски, какъ образованный китаецъ. Онъ прочиталъ: пространную исторію Китая въ 270 томовъ, статистику въ 18, энциклопедію въ 20, словарь въ 6 огромныхъ

---

<sup>1)</sup> Предлагаемый очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, по превосходной статьѣ О. Н. А., появившейся въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1886 годъ. Необходимыя дополненія указаны въ своемъ мѣстѣ. Ред.

<sup>2)</sup> Уч. зап. академіи наукъ, т. III, вып. 5. Автобіографія. Зап. Савельева.

томахъ и, сверхъ того, множество другихъ документовъ и сочиненій <sup>1)</sup>. На седьмомъ году пребыванія въ Пекинѣ о. Іакинѣъ, по совѣту своего учителя китайскаго языка, перевелъ: „Четверокнижіе“ Сы - ту, съ пространными объясненіями. Въ промежуткахъ занимался переводомъ разныхъ мелкихъ сочиненій, между которыми замѣчательны:

1) Травтатъ о прививаніи оспы.

2) Судебная медицина и др.

Въ Пекинѣ онъ занимался только переводами съ главныхъ китайскихъ источниковъ и изготовленіемъ вчернѣ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій. Труды его состоятъ изъ переводовъ и извлеченій изъ китайскихъ источниковъ по исторіи и географіи и произведеній оригинальныхъ. Изъ переведенны:

1) Словарь китайскаго языка по русскому алфавиту.

2) Небольшой китайскій словарь, съ неполнымъ переводомъ по русски.

3) Большая часть географическаго описанія Китайской имперіи, въ 18 томахъ.

4) Исторія Китая и полная географія земель, подвластныхъ китайской имперіи.

5) Сокращеніе монгольскихъ уложеній и нѣсколько китайскихъ сочиненій о Тибетѣ.

О. Іакинѣъ пробылъ въ Китаѣ до 1820 г., когда, въ декабрѣ того же года, прибыла новая X миссія, начальникомъ которой былъ архимандритъ Петръ Каменскій.

Большая бібліотека о. Іакинѣа, а также книги, купленныя имъ для бібліотекъ азіатскаго департамента, Императорской Публичной въ С.-Петербургѣ и для училища азіатскихъ языковъ въ Иркутскѣ, въсила 400 пуд. и помѣщалась на 15 верблюдахъ.

15-го мая 1821 г. IX миссія съ о. Іакинѣомъ двинулась въ обратный дальній путь и 31-го іюля прибыла въ Кяхту. Тамъ онъ продолжалъ свои научныя изысканія и нашелъ одну монгольскую надпись, надѣлавшую потомъ много шума въ Петербургѣ, куда въ январѣ 1822 года прибылъ и онъ самъ.

Между тѣмъ, на основаніи рѣзкихъ донесеній архимандрита Петра Каменскаго, вся IX миссія, съ начальникомъ во главѣ, была предана суду. Обвиненіе, главнымъ образомъ, заключалось въ слѣдующемъ: въ продажѣ части посольскаго двора, закладѣ нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, небрежномъ отношеніи къ церковной утвари, часть которой была также заложена, и, наконецъ, въ допущеніи открытія игорнаго дома въ зданіи, принадлежащемъ миссіи и отдававшемся въ наймы.

Въ свое оправданіе о. Іакинѣъ могъ бы заявить, что на продажу, закладъ и растрату нѣкоторой церковной утвари онъ былъ вынужденъ обстоятельствами. Около пяти лѣтъ, съ 1811 по 1816 г., миссія не получала отъ русскаго правительства никакихъ средствъ на свое содержаніе, члены же миссіи неотступно требовали отъ него денегъ на свое пропитаніе.

Нѣкоторые утверждаютъ, что высшее духовное начальство отнеслось строго къ о. Іакинѣу главнымъ образомъ за „противленіе власти“, такъ

<sup>1)</sup> Автобіографія І. Б. Учен. зап. Академіи Наукъ, т. III, вып. 5. Записка Савельева.

какъ онъ отказался дать какия-либо объясненія по обвиненію его въ разныхъ проступкахъ.

Св. Синодъ, не принявъ во вниманіе никакихъ его ученыхъ заслугъ лишилъ его священнаго сана и сослалъ въ заточеніе въ Валаамскій монастырь. Подъ строгою эпитимьей онъ прожилъ тамъ съ 1822 по 1826 годъ. О жизни и дѣятельности его въ этомъ заточеніи не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ баронъ Шиллингъ фонъ-Капштадтъ, большой любитель восточныхъ языковъ, принявъ участіе въ томившемся въ заточеніи о. Іакинѣѣ.

Въ 1826 г. баронъ предложилъ о. Іакинѣю азіатскому департаменту въ переводчики и о. Іакинѣѣ былъ вызванъ въ Петербургъ, причисленъ къ азіатскому департаменту и помѣщенъ на жительство въ Александро-Невскую лавру. Тогда же ему назначено приличное содержаніе.

Основавшись въ монастырь, о. Іакинѣѣ неутомимо принялся за работу. Онъ такъ быстро писалъ новыя сочиненія, по заготовленнымъ еще въ Пекинѣ матеріаламъ, что цензора не успѣвали еще справиться съ однимъ его трудомъ, какъ онъ уже представлялъ другой.

Первымъ его оригинальнымъ произведеніемъ была брошюра, появившаяся въ печати подъ заглавіемъ: „Отвѣты на вопросы о Китаѣ“. На нее было указано въ „Обзорѣ русской духовной литературы“. Спб., 1827 года. Вторымъ—„Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи“. Съ картою дороги отъ Чевъ-лу до Хлассы. Спб., 1828 г. Третьимъ—„Записки о Монголіи“. Съ приложеніемъ карты Монголіи и разныхъ костюмовъ. Спб., 1828 г. Четвертымъ—„Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана, въ древнемъ и нынѣшнемъ его состояніи“. Спб., 1829 г. Пятымъ—„Описаніе Пекина“. Съ приложеніемъ плана столицы. Спб., 1829 г. Этотъ планъ снятъ въ 1817 году самимъ о. Іакинѣемъ. Онъ составлялъ его въ теченіи дѣлаго года, причемъ онъ самъ исходилъ и измѣрилъ все улицы и переулки. Обружность его онъ опредѣлилъ въ 31 версту 222 сажени. Планъ чрезвычайно вѣренъ и полонъ. Шестымъ — „Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова“. Съ приложеніемъ карты ихъ походовъ въ юго-восточную Азію. Спб., 1829 г. Седьмымъ—„Троесловіе—Сань-дзы-дзинь“, съ литографированнымъ китайскимъ текстомъ. Спб., 1829 г. Троесловіе или священная книга есть краткая дѣтская энциклопедія, сочиненная въ концѣ XII вѣка. Восьмымъ—„Исторія Тибета и Хузнора“ съ 2282 г. до Р. Х. по 1227 г. по Р. Х. Спб., 1833 г. Съ приложеніемъ картъ на разные періоды этой исторіи и двухъ виньетокъ съ изображеніемъ дворца и храма въ Хлассѣ, столицѣ Тибета. Девятымъ — „Историческое обзорніе ойратовъ или калмыковъ“. Спб., 1834 г. Въ 1835 г. удостоено Имп. Акад. Наукъ полной демидовской преміи <sup>1)</sup>. Десятымъ—„Китайская грамматика—Хань-вынь-ци-мынь“. Спб., 1835 г. Удостоено Имп. Академіи Наукъ полной демидовской преміи <sup>2)</sup>. Одиннадцатымъ — „Китай, его жители, нравы и обычаи“. Спб., 1840 г. Двѣнадцатымъ — „Статистическое описаніе китайской имперіи“. Спб., 1842 г. Удостоено Академіей Наукъ полной демидовской преміи <sup>3)</sup>. Тринадцатымъ—

<sup>1)</sup> Авт. уч. зап. Акад. Наукъ, т. III, вып. 5.

<sup>2)</sup> Уч. зап. Акад. Наукъ, т. III, вып. 5.

<sup>3)</sup> Уч. зап. Акад. Наукъ, т. III, вып. 5.

„Земледѣіе въ Китаѣ“ съ 72 чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій. Спб., 1844 г. Четырнадцатымъ—„Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи“. Спб., 1848 г. Пятнадцатымъ и послѣднимъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древній времена“. Съ картою въ 3 большихъ листа. Спб., 1851 г. Удостоено Имп. Акад. Наукъ полной демидовой преміи.

Кромѣ вышеназванныхъ произведеній о. Іакинѣвъ составилъ 49 иллюминированныхъ рисунковъ китайскихъ, манжурскихъ, монгольскихъ, корейскихъ и туркестанскихъ костюмовъ мужчинъ и женщинъ. Это собраніе пожертвовано въ 1824 г., по высочайшему повелѣнію государя императора, въ Имп. Публичную бібліотеку въ Петербургѣ.

Сочиненія о. Іакинѣва возбуждали большой интересъ въ ученѣмъ мірѣ какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ. Ихъ не только читали и переводили, о появленіи ихъ въ иностранныхъ газетахъ печатали какъ о событіяхъ въ ученѣмъ мірѣ, о нихъ дѣлались рефераты въ ученыхъ обществахъ и помѣщались отчеты въ ученыхъ журналахъ. Парижское академическое общество первое почтило русскаго синолога званіемъ своего члена. 7-го марта 1831 г. онъ былъ представленъ въ азіатское общество въ качествѣ иностраннаго члена общества, о трудахъ котораго въ обществѣ была прочитана особая записка. Уже послѣ того онъ былъ избранъ въ члены россійской Академіи Наукъ. Въ 1837 году, 6-го октября, о. Іакинѣвъ представилъ на французскомъ языкѣ свой рефератъ по статистикѣ Китая. (*Renseignements statistiques sur la Chine*). „Статистическое описаніе Китайской имперіи“ окончательно упрочило, передъ ученымъ міромъ Европы, славу о. Іакинѣва, какъ знаменитаго синолога.

Годы 1830—31, также 1835—37 <sup>1)</sup>, онъ провелъ снова въ Китаѣ по возложеннымъ, отъ правительства, на него порученіямъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ онъ, при пособіи монгольскаго переводчика, перевелъ монголо-китайскій словарь на русскій. Въ теченіи же послѣднихъ 3-хъ лѣтъ составилъ полную систему китайскаго законодательства, извлеченную изъ китайскихъ уложений.

Въ продолженіе 1840—45 гг. <sup>2)</sup> онъ написалъ: „Описаніе религій ученыхъ“, по китайски называемой: Жу-цзяо, съ приложеніемъ 24-хъ раскрашенныхъ чертежей. Оно состоитъ изъ 12 главъ: 1) Источники религій ученыхъ. 2) Поклоняемыя лица. 3) Жертвенное одѣяніе. 4) Утварь и предметы жертвенные. 5) Жертвенникъ и храмы. 6) Чертежи жертвенниковъ и храмовъ. 7) Расположеніе поклоняемыхъ и жертвующихъ лицъ, также столовъ съ жертвенными принадлежностями, наблюдаемыя при жертвоприношеніяхъ перваго разряда. 8) То же расположеніе въ жертвенникахъ и храмахъ втораго разряда. 9) Приготовленіе къ жертвоприношенію. 10) Чинъ жертвоприношенія. 11) Дни жертвоприношенія въ столицѣ. 12) Жертвоприношенія въ губерніяхъ и частныхъ.

Періодъ ученой дѣятельности его продолжался 26 лѣтъ <sup>3)</sup>, до 1853 года 11 мая, дня его кончины. Его произведенія и до настоящаго времени со-

<sup>1)</sup> Уч. зап. Акад. Наукъ, т. III, вып. 5.

<sup>2)</sup> Уч. зап. Академіи Наукъ, т. III, вып. 5.

<sup>3)</sup> І. Б. Истор. этюдъ О. П. А. «Прав. Соб.» 1886 г.



храняют свой авторитетъ; они и теперь часто служатъ необходимыми пособиями нашимъ и европейскимъ ученымъ при изслѣдованіи вопросовъ по исторіи крайняго востока. Поэтому о Іакинѣ стоитъ на ряду съ знаменитыми синологами прошлаго и настоящаго времени. Кромѣ вышеупомянутыхъ произведеній, много небольшихъ статей его напечатано въ разныхъ періодическихъ журналахъ и газетахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были и полемическаго содержанія. Быстрота, съ которой онъ писалъ, его неутомимость и плодовитость были предметомъ удивленія современниковъ.

Въ 1886 году, разбирая маленькій сундукъ, въ которомъ хранились дѣловыя бумаги, мнѣ попалась небольшая шкатулка. Въ ней, во время молодости, я хранила вещи, дорогія мнѣ по воспоминаніямъ. Перебирая одну за другой разныя бездѣлушки, я, наконецъ, нашла маленькую коробочку, а въ ней монашескіе четки.

При взглядѣ на нихъ, сердце дрогнуло отъ дорогаго воспоминанія. Эти четки принадлежали нѣкогда моему дѣдушкѣ Іакинѣу Бичурину.

Нашлись еще въ сундукѣ двѣ пожелтѣвшія отъ времени тетради, составлявшія начало дневника, который я вела въ самой ранней молодости.

Писала я его нѣсколько лѣтъ сряду, пока, наконецъ, это занятіе мнѣ надоѣло и я его бросила. Всѣ эти тетради давно потерялись и найденныя я то-же хотѣла бросить въ топившуюся печь, но вдругъ остановилась и стала ихъ пересматривать.

Въ нихъ не было ничего интереснаго, все больше глупости. Описывались разныя дѣтскія шалости, которыя я съ меньшимъ братомъ продѣлывали, даже и съ любимымъ нами дѣдушкой. Однако, окончивъ чтеніе, я невольно задумалась о быломъ...

Мало по малу въ душѣ моей поднялся цѣлый рой воспоминаній. Другіе образы, давно сошедшіе въ могилу, возстали въ воображеніи. Среди нихъ яснѣе и живѣе всѣхъ выдѣлилась высокая, худощавая фигура отца Іакинѣа, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ, живыми, умными глазами, надъ которыми чернѣли густыя брови, черными съ значительной просѣдью волосами и длинной сѣдой бородой.

Такимъ я помню его съ самаго ранняго моего дѣтства.

И тогда же пришла мнѣ мысль—заняться трудомъ, быть можетъ не посильнымъ — написать всѣ мои еще сохранившіяся въ памяти воспоминанія объ Іакинѣѣ, конечно, не касаясь его ученой дѣятельности.

Можетъ быть еще найдутся въ живыхъ люди, знавшіе его лично, и въ моемъ слабомъ разсказѣ, быть можетъ, признаютъ его, по нѣкоторымъ чертамъ, свойственнымъ ему.

Многое забыто уже и мною; но все же я постараюсь передать хотя то, что помню, въ возможной послѣдовательности. При этомъ должно замѣтить, что свѣдѣній, касающихся до его біографіи, я не имѣю никакихъ.

Н. С. Моллеръ.

## I.

Іакиноъ Вичуринъ былъ мой родственникъ со стороны матери. Онъ былъ ея двоюродный дядя. У матери была странность — она не любила ни свою родню, ни даже говорить о ней, хотя уважительныхъ къ тому причинъ не было. Относительно же о. Іакиноа, я слышала отъ нея много разъ и всегда одинъ и тотъ же рассказъ. Родители ея были родомъ изъ Казани. Ея отецъ, Александръ Васильевичъ Карсунскій, и Іакиноъ были двоюродные братья и большіе друзья. Мать Іакиноа приходилась ему родною теткою. Оба они были вмѣстѣ въ семинаріи, которая во время ихъ тамъ пребыванія была преобразована въ Академію. По окончаніи курса оба они полюбили одну и ту-же дѣвушку, Татіану Лаврентьевну Саблукову, жившую съ своими родителями также въ Казани. Оба ухаживали за ней, но никому изъ нихъ она не оказывала предпочтенія. Тогда они порѣшили между собою, чтобы не ссориться и сохранить вѣчную дружбу — сдѣлать предложеніе вмѣстѣ. Тотъ, который будетъ выбранъ, женится, а другой пойдетъ въ монахи. Выборъ палъ на А. В. Карсунскаго, а Іакиноъ, исполняя уговоръ, принялъ монашество.

За достовѣрность этого рассказа я, конечно, поручиться не могу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вижу основанія сомнѣваться въ правдивости его. Свѣтское имя его было — Никита Яковлевичъ. Объ этомъ имени мнѣ говорилъ многократно самъ дѣдушка, когда я была ребенкомъ и впоследствии, когда я стала уже взрослой. Говорилъ онъ мнѣ также, что близкихъ родныхъ — братьевъ и сестеръ — у него не было, и что мать моя его племянница. Мы, дѣти, съ самаго равняго дѣтства знали одного только родственника матери — дѣдушку отца Іакиноа, который всѣхъ насъ очень любилъ и баловалъ. Онъ бывалъ у насъ очень часто, гостилъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ, а лѣтомъ жилъ всегда съ нами на дачѣ.

Первое о немъ мое воспоминаніе, смутное и неясное, относится къ 1840 г. Я была еще тогда ребенкомъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года умерла наша бабушка Татіана Лаврентьевна, та самая дѣвушка, которую нѣкогда любилъ о. Іакиноъ.

Во время похоронъ я была больна и лежала въ постели. Когда увезли покойницу на кладбище и домъ опустѣлъ, я испугалась, начала плакать, кричать и звать няньку. Ко мнѣ вдругъ подошелъ дѣдушка, далъ мнѣ большое красное яблоко, поцѣловалъ меня и сѣлъ около моей кровати. Что было дальше — не помню, а между тѣмъ я и теперь вижу это яблоко и мѣсто, гдѣ именно сидѣлъ дѣдушка.

Представленія же о его лицѣ въ то время не осталось въ памяти. Болѣе же ясныя о немъ воспоминанія начинаются года два, три спустя.

Зимою мы жили всегда въ собственномъ домѣ. Живо помню я, какъ бывало радовались мы, дѣти, когда пріѣзжалъ дѣдушка. При немъ мы могли баловать и шалить какъ вздумается и всё шалости сходили намъ съ рукъ безъ всякаго наказанія; въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ всегдашній нашъ защитникъ и покровитель. Каждый разъ онъ привозилъ намъ много всякихъ гостинцевъ и все это отдавалъ мнѣ какъ старшей и своей любимицѣ.

Называлъ онъ меня: «моя махонькая, козочка, золотая курочка», но чаще «махонькая». Онъ исполнялъ всё мои дѣтскія прихоти и никогда ни въ чемъ не отказывалъ.

Наша мать хотя и была характера веселаго, безпечнаго, но очень настойчива. Съ дѣтьми же она обращалась строго, почти деспотически. За каждую ничтожную шалость наказывала, а за болѣе крупную даже и сѣкла.

Дѣдушка не любилъ и сердился всегда, когда наказывали дѣтей, въ особенности терпѣть не могъ розогъ.

Помню, бывали крупные разговоры между нимъ и матерью по поводу наказанія дѣтей. Онъ горячился, бранился и доказывалъ, что наказывать дѣтей не слѣдуетъ и въ Китаѣ ихъ никогда не наказываютъ, а между тѣмъ всё китайцы умные и хорошіе люди.

Если, пріѣхавъ къ намъ, онъ заставлялъ кого-либо изъ дѣтей наказаннымъ, онъ тотчасъ же настаивалъ на прощеніи.

Если же это было предъ обѣдомъ, онъ не садился за столъ до тѣхъ поръ, пока провинившійся не былъ прощенъ, и сажалъ его обыкновенно около себя.

Тотчасъ послѣ обѣда мать посылала человѣка къ короткимъ знакомымъ нашимъ извѣстить, что пріѣхалъ отецъ Іакинѣвъ. Это означало приглашеніе играть въ карты. Затѣмъ она отправлялась къ себѣ въ спальню, ложилась на кровать читать романъ, кушать сладости и варенье. Дѣти съ нянькой отсылались въ дѣтскую, съ приказаніемъ не шумѣть и не кричать.

Отецъ же и дѣдушка шли въ кабинетъ пить пуншъ и дремать; съ ними обыкновенно отправлялась и я. Отецъ Степанъ Петровичъ Мициковъ садился къ письменному столу, теръ табакъ, насыпая его въ разныя табакерки, большія и маленькія. Онъ не курилъ, а нюхалъ табакъ.

Дѣдушка садился въ большое волтеровское кресло налѣво у окна, а я влѣзала къ нему на колѣни. Онъ курилъ сигару, нрѣдка прихлебывая пуншъ. Они сначала разговаривали, а я забавлялась, сбивая пальцемъ съ сигары дѣдушки нагорѣвшій пещель. Бесѣда между ними не долго продолжалась; отецъ ложился на диванъ и тотчасъ засыпалъ. Дѣдушка, откинувшись на спинку кресла, а я, прикурнувъ къ нему на плечо, тоже засыпала. Однако, этотъ послѣ-обѣденный сонъ не долго продолжался.

Въ половинѣ седьмага приглашенные гости уже сидѣли за ломбернымъ столомъ, играли въ какую-то игру съ марками. По всей вѣроятности они играли въ бостонъ или вистъ, но должно быть чаще въ бостонъ, потому что въ моей памяти живо сохранилось приглашеніе играть, съ которымъ обращались къ дѣдушкѣ:

— Отецъ Іакинеъ, а не сразится-ли намъ въ бостончикъ?

Кто именно, какіе знакомые составляли тогда его обычную партію—я не помню.

Когда дѣдушка обѣдалъ у насъ, то вечеромъ всегда играли въ карты. Онъ постоянно сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ съ сигарой во рту и стаканомъ чая на столѣ. Чай онъ пилъ всегда безъ сахара, но часто насыпалъ соли въ него, что очень меня удивляло. Играли всегда шумно, спорили, горячились, но больше всѣхъ, кажется, горячился дѣдушка. Часто онъ бросалъ карты, такъ что онѣ разлетались по полу, и не только сердился, но даже бранился. Въ минуты раздраженія онъ забывалъ, что курилъ сигару; она падала на столъ или его рясу. Затѣмъ, вспомнивъ о ней, онъ часто бралъ ее въ ротъ горящимъ концомъ, что раздражало его снова. Не смотря на его раздражительность и разсѣянность во время игры, съ нимъ играли всѣ охотно. Самъ онъ очень любилъ играть, но только зимой. Лѣтомъ же онъ предпочиталъ гулять и дѣлалъ далекія прогулки. Въ карты же играть садился тогда рѣдко, неохотно, развѣ только въ дождливые, темные вечера, или когда безъ него не составлялась партія.

Лѣто мы проводили обыкновенно на собственной дачѣ, на Выборгской сторонѣ, сзади клиническихъ зданій. Домикъ у насъ былъ небольшой, съ мезониномъ, но за то большой, прекрасный садъ, въ глубинѣ котораго стояла бесѣдка, вся утопавшая, можно сказать, въ

душистой зелени. Кругомъ нея росли густые кусты сирени, воздушнаго жасмина; между окнами вился каприфолій. Ступени, ведущія къ двери, уставлены были горкой всевозможными цвѣтами. Алея, ведущая отъ бесѣдки къ главной аллеѣ, была вся обсажена розами-сантифоліями, составлявшими гордость отца и садовника. Отецъ былъ большой любитель цвѣтовъ и не жалѣлъ на нихъ денегъ. У насъ ихъ было множество дорогихъ и рѣдкихъ.

Вотъ въ этой-то бесѣдкѣ и жилъ дѣдушка, когда прѣзжалъ къ намъ гостить на лѣто. Онъ помѣщался въ ней не потому, чтобъ въ домѣ не было для него комнаты, а ему нравилось быть подальше отъ всѣхъ и вполнѣ уже изолированно. Къ тому же онъ говорилъ, что жизнь въ этой бесѣдкѣ напоминала ему житье его въ Китаѣ.

Въ ней проводилъ онъ все лѣто, не смотря на дождь, холодъ и на то, что бесѣдка во время сильнаго дождя мѣстами протекала. Тамъ онъ занимался своими китайскими переводами, тамъ онъ писалъ.

Никому изъ взрослыхъ не позволялъ онъ входить къ себѣ, когда писалъ, а послѣ общаго завтрака въ 12 час. запирался на ключъ. Лакей, приходившій его звать обѣдать, долженъ былъ постучать въ дверь три раза.

Утромъ, пока еще дверь была не заперта на ключъ, онъ позволялъ только дѣтямъ приходите поздороваться съ нимъ. Дѣти цѣловали его руку, онъ цѣловалъ ихъ въ темя и, погладивъ по головкѣ, приказывалъ нянкѣ увести ихъ подальше отъ бесѣдки. Вообще дѣтямъ не позволялось играть вблизи нея, чтобы не мѣшать дѣдушкѣ.

Для меня одной только онъ дѣлалъ исключеніе. Стараясь встать раньше другихъ, я бѣжала въ бесѣдку, чтобы успѣть напиться чаю съ нимъ. Завидя меня, онъ ласково говорилъ:

— А—маховъкая! Подь, сюда, подь, моя козочка!

Иногда, при моемъ появленіи, онъ оставлялъ свою работу. Вставая изъ-за стола, онъ разгибалъ свою спину, подходилъ къ маленькому столику, на которомъ стоялъ чайный приборъ, и наливалъ мнѣ стаканъ чая. Самъ же, если не пилъ его вмѣстѣ со мной, то, закуривъ сигару, прохаживался по комнатѣ.

Послѣ чая я влѣзала на диванъ, куда и онъ садился. Маленькимъ гребешкомъ я расчесывала ему волосы, но заплетать ихъ еще не умѣла. Причесывать дѣдушку утромъ было моею обязанностью, которую я всегда исполняла съ великимъ удовольствіемъ, и гордилась ею. Никому другому не позволялось это.

Если же при моемъ приходѣ онъ продолжалъ писать, я влѣзала къ нему на колѣни и сначала сидѣла смирно. Соскучившись его мол-

чаніемъ, я начинала шалить—подталкивала перо, которымъ онъ писалъ, чтобы оно сдѣлало кляксу или брызги. Когда же онъ, не обращая вниманія на меня, продолжалъ писать, то я, въ свою очередь, продолжала шалости. Я начинала вертѣть головой во всѣ стороны, стараясь сбить съ его носа очки. И уже послѣ того, какъ мнѣ это удавалось продѣлать нѣсколько разъ, дѣдушка оставлялъ перо и, спуская меня съ колѣнъ, спокойно говорилъ:

— Подъ, маховьякая, на диванъ, сосни маленько. Ты, видно, худо спала, все балуешь.

Не могу не удивляться теперь, вспоминая вспыльчивость и раздражительность его, какъ могъ онъ тогда относиться, не сердясь, къ моимъ шалостямъ, во время его занятій.

Ясно сохранилась въ памяти моей внутренняя обстановка этой бесѣдки. Она состояла изъ одной большой комнаты, а наверху бесѣдки было что-то въ родѣ бельведера, куда вела наружная лѣстница. Ходить туда намъ было также запрещено, чтобы не мѣшать дѣдушкѣ.

Въ комнатѣ было 3 окна, высокіе, узкіе, съ разноцвѣтными мелкими стеклами. Такія окна назывались тогда китайскими. Два окна, у которыхъ стоялъ письменный столъ, выходили на югъ и одно на западъ. Въ открытыхъ окнахъ, для защиты отъ мухъ и комаровъ, стояли рамки, обтянутыя прозрачной, свѣтлой китайской тканью, съ нарисованными на ней яркими птицами и аляповатыми большими цвѣтами. Столъ и передніе углы комнаты были завалены книгами и бумагами и географическими картами. Прямо, противъ двери, на западной стѣнѣ, рядомъ съ окномъ, стоялъ высокій узкій шкафъ съ книгами. Направо отъ двери, вдоль всей стѣны, мягкій широкій турецкій диванъ, на которомъ онъ спалъ. Диванъ былъ обитъ значительно уже полинявшей пестрой бумажной матеріей. Говорили, что эту матерію привезъ изъ Китая самъ дѣдушка, возвратившись изъ своей послѣдней туда поѣздки.

---

## II.

Дѣдушка былъ ученый и пользовался въ ученѣмъ мѣрѣ большимъ уваженіемъ и извѣстностью. Онъ занимался переводами съ китайскаго языка и сочиненіями, которыми и составилъ себѣ имя знаменитаго синолога. Въ Китайъ былъ онъ два раза. Въ первый разъ онъ поѣхалъ туда въ 1807 г. начальникомъ православной миссіи и пробылъ тамъ около 14 лѣтъ. Во время своего тамъ пребыванія онъ съ увлеченіемъ предавался изученію не только китайскаго языка и его литературы, но и всей страны, ея нравовъ, обычаевъ, религіи, исторіи и географіи. Онъ такъ хорошо изучилъ этотъ языкъ, что могъ свободно говорить по китайски. Помню разговоры старшихъ между собою, которые, вѣроятно, въ шутку говорили, что отецъ Іакинфъ не только говорить, но думаетъ и даже бредитъ во снѣ по китайски. Говорили также, что лицомъ и манерами онъ сталъ походить совсѣмъ на китайца и что послѣ вторичнаго своего путешествія онъ уже окончательно окитаился. Слышала я, что второй разъ онъ ѣздилъ въ Китайъ въ началѣ 1830-хъ годовъ и пробылъ тамъ почти три года, и въ этотъ разъ онъ уже былъ посланъ собственно съ ученою цѣлью, но съ какой именно—не знаю.

Въ то время, о которомъ я веду рѣчь, я была еще слишкомъ мала, не имѣла никакого понятія, что такое Китай, и потому не могла судить насколько справедливо сложившееся у насъ о дѣдушкѣ мнѣніе. Тѣмъ не менѣе эти разговоры запечатлѣлись въ памяти.

Мать моя передавала мнѣ, что въ первый разъ она увидѣла отца Іакинфа въ началѣ 1820-хъ годовъ, когда онъ только что возвратился изъ своей первой поѣздки въ Китай. По словамъ ея, въ то время онъ былъ очень красивъ собой и совершенный брюнетъ; въ особенности же хороши были его глаза—большіе темно-каріе, почти черные, умные и живые. Вообще вся фізіономія его была чрезвычайно выразительная и оживленная.

Въ моемъ же воспоминаніи сохранился его образъ глубокимъ старикомъ и въ это мгновеніе, когда я пишу эти строки, онъ стоитъ предо мной, какъ живой. Былъ онъ высокаго роста, держался совершенно прямо. Лицо блѣдное, очень худое, съ провалившимися щеками и выдающимися скулами. Открытый большой лобъ, между бровей глубокая морщина. Около рта также глубокія морщины. Губы довольно толстыя. Глаза большіе, темные, блестящіе, живые. Побѣлѣвшіе жиденькіе волосы на головѣ и почти бѣлая, густая борода.

Движенія быстрыя, нетерпѣливыя. Характеръ вспыльчивый, раздражительный, иногда рѣзкій. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, онъ никогда не фальшивилъ и потому терпѣть не могъ людей лукавыхъ и заискивающихъ.

Не все лѣто, однако, проводилъ о. Іакинфъ за работой; было время, когда онъ давалъ себѣ и отдыхъ.

Жилъ у насъ почти каждое лѣто еще и другой дѣдушка, бывший морякъ, старичекъ генералъ въ отставкѣ—Иванъ Ивановичъ Черницкій. Мы звали его дѣдушкой потому, что онъ былъ отцемъ нашей крестной матери. Оба дѣдушки были дружны между собой и любили гулять вмѣстѣ.

Когда о. Іакинфъ давалъ себѣ отдыхъ, то они оба предпринимали далекія прогулки. Уйдя съ восходомъ солнца, они возвращались только поздно вечеромъ. Отецъ же мой въ прогулкахъ съ ними никогда не участвовалъ; онъ не любилъ гулять. Вставши, также какъ и они, съ восходомъ солнца, онъ цѣлый день проводилъ съ садовникомъ въ оранжереяхъ или въ саду.

Дѣдушка Иванъ Ивановичъ никогда не ходилъ гулять одинъ, а всегда съ о. Іакинфомъ. Когда же тотъ былъ занятъ, то Иванъ Ивановичъ цѣлый день строгалъ палочки для цвѣтовъ и молодыхъ деревьевъ.

Невдалекѣ отъ нашей дачи, въ мѣстности, называемой Безбородко, жилъ также на собственной дачѣ большой пріятель о. Іакинфа—о. Іоаннъ Михайловичъ Наумовъ, который впослѣдствіи, кажется, былъ придворнымъ протоіереемъ. Не разъ ходила я съ дѣдушкой къ нему въ гости. Иногда мы проводили у него почти цѣлый день. Дѣдушка бесѣдовалъ съ своимъ пріятелемъ, а я играла съ такой же дѣвочкой, какъ и я сама, племянницей о. Іоанна. Я видѣла тогда у него висѣвшій на стѣнѣ портретъ дѣдушки, снятый въ китайскомъ платьѣ. О. Іоаннъ умеръ недавно, я думаю не больше, какъ лѣтъ 6—7.

Прогулки составлялись у насъ иногда и большимъ обществомъ. Тогда въ нихъ участвовали мать, отецъ, брали также и меня съ собой, были и знакомыя дамы также съ дѣтьми. Дамы и дѣти ѣхали въ экипажахъ, а мужчины шли пѣшкомъ, но отецъ, не любившій ходить, предпочиталъ ѣхать съ дамами. Эти прогулки направлялись обыкновенно въ лѣсъ, находящійся между Лѣснымъ и деревней Гражданкой, гдѣ и проводили цѣлый день.

По возвращеніи домой садились играть въ карты, а оба дѣдушки отправлялись спать.

Къ этому времени относится одна моя непростительная шалость,



которую я продѣлала съ дѣдушкой, вмѣстѣ съ моимъ меньшимъ братомъ. Онъ былъ моложе меня на три года, большой шалуни, всеобщій любимецъ и баловень, такъ какъ былъ одинъ между четырьмя сестрами. Отецъ и мать, какъ говорится, просто души въ немъ не слышали и прощали ему все. Дѣдушка же, очень любившій всѣхъ своихъ внуковъ, какъ-то замѣтно былъ расположенъ къ нему меньше, чѣмъ къ другимъ, и часто сердился на него за его шалости.

Эту шалость, о которой я говорю, мнѣ такъ совѣстно вспоминать, что сначала я хотѣла ее пропустить. Но думаю, если писать воспоминанія, то нужно говорить уже все, что помнишь. Скажу, однако, въ нѣкоторое оправданіе себѣ, что тогда я была еще маленькой, глупой дѣвченкой.

Это было около половины сентября. Погода была дождливая, холодная; шли уже разговоры о переѣздѣ въ городъ, такъ какъ приближался день именинъ матери. Уже нѣсколько дней мы, дѣти, по случаю ненастной погоды, сидѣли дома, слѣдовательно, не гуляли, скучали и баловали.

Послѣ обѣда отецъ и мать уходили наверхъ спать или читать. Нянька съ меньшими дѣтьми сидѣла въ дѣтской тоже наверху. Дремала, сидя у себя въ покойномъ креслѣ, и дѣдушка Иванъ Ивановичъ.

Внизу было четыре комнаты: столовая, гостинная, бывшая бабушкина, стоявшая пустой, и четвертая, выходящая на дворъ, которую занималъ Иванъ Ивановичъ.

Странно, всѣ подробности этой шалости врѣзались въ памяти такъ живо, какъ будто это было вчера.

Я съ братомъ были одни въ гостинной. Были сумерки, почти темно; свистѣлъ вѣтеръ и шелъ дождь. Комната освѣщалась топившейся печкой.

Вдругъ входитъ дѣдушка о. Іакинфъ, уже давно не выходившій изъ своей бесѣдки, и прямо легъ на диванъ. По всей вѣроятности онъ прозябъ въ своей комнатѣ, которую насквозь продувалъ вѣтеръ, и пришелъ въ домъ погрѣться.

Начиная уже дремать, онъ открылъ глаза и, взглянувъ на меня, сквозь сонъ проговорилъ:

— Хочешь погрѣться, козочка?

— Хочу, дѣдушка.

— Ну, полѣзай за спину.

Въ одну минуту я вскочила на диванъ и уютно помѣстилась между его спиной и спинкой дивана, хотя мнѣ все не было холодно. Дѣдушка спалъ и слегка прихрапывалъ.

Не смотря на то, что за спиной у дѣдушки лежать было хорошо и тепло, но мнѣ не спалось и лежа придумывала какую-нибудь новую шалость. Наконецъ, я таки придумала ее.

Приподнявшись, шопотомъ, боясь разбудить его, я сказала брату:

— Петя, у дѣдушки борода совсѣмъ нехорошая, подрѣжемъ ее покрасивѣе.

Отъ этой выдумки братъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Мигомъ слеталъ онъ наверхъ и принесъ ножницы.

Тихо, едва дыша, взяла я ихъ и начала подстригать слишкомъ длинныя волосы въ бородѣ спавшаго дѣдушки.

Въ невыразимомъ восхищеніи смотрѣлъ Петя на меня нѣсколько минутъ, потомъ, выхватывая у меня изъ рукъ ножницы, шопотомъ проговорилъ:

— Ты совсѣмъ не умѣешь, Надя. Не такъ! Пустя! Лучше я самъ подрѣжу, и знаешь какъ?—вавилонами!

Видя, что я не уступаю ему своего мѣста, онъ съ нетерпѣніемъ схватилъ мою руку съ ножницами и еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ прибавилъ:

— Да ну же! Слѣзай скорѣе, Надька, а то, пожалуй, дѣдушка проснется и я не успѣю.

Осторожно, чуть дыша, сползла я съ дивана и уступила ему свое мѣсто.

Ножницы въ рукахъ Пети такъ и мелькали. Волосы изъ бороды дѣдушки такъ и сыпались на полъ. Я молча любовалась работою брата.

— Ну что—каково?—прошепталъ онъ съ гордостью. Видишь—какъ надо?! Теперь борода стала гораздо красивѣе.

Въ эту минуту дѣдушка пошевелинулся, а Петя, быстро соскользнувъ, спрятался подъ диванъ, а я за диванъ.

Сдѣлавъ еще движеніе, дѣдушка громко зѣвнулъ и всталъ. Осмотрѣвшись вокругъ и не видя никого, онъ поправилъ уголья въ печи и пошелъ къ себѣ.

Въ ту же минуту Петя выползъ изъ подъ дивана. Мы подобрали всѣ валяшіеся на полу волосы, бросили ихъ въ печку и, довольные собой, принялись хохотать.

На другой день, рано утромъ, дѣдушка уѣхалъ въ Невскій монастырь по важному дѣлу.

Будучи уже взрослой, я узнала отъ матери, что ему нужно было въ тотъ день явиться къ митрополиту, который присылалъ за нимъ наканунѣ.

Пріѣхавъ въ монастырь и на пути уже къ митрополиту, онъ встрѣтилъ въ корридорѣ монаха, который и обратилъ его вниманіе на странный видъ бороды.

Возвратясь домой, дѣдушка прямо прошелъ въ комнату матери. Съ нами въ этотъ день онъ не обѣдалъ, а у себя въ бесѣдкѣ.

Тотчасъ послѣ обѣда мать вышла изъ столовой, не сказавъ ни слова. Я съ братомъ переглянулись, предчувствуя бѣду. Черезъ минуту она возвратилась съ большимъ пучкомъ розогъ. Схвативъ меня за руку, она молча потащила меня на дворъ и, производя довольно энергическую экзекуцію, приговаривала:

— Вотъ тебѣ борода дѣдушки, мерзкая дѣвченка! Негодница! На хлѣбъ съ водой посажу тебя, пока не выростетъ борода дѣдушки.

Въ заключеніе меня отослали въ дѣтскую и вмѣсто вечерняго чая дали кусокъ чернаго черстваго хлѣба и стаканъ воды. Передъ уходомъ спать къ цѣлованію руки меня не допустили ни отецъ, ни мать и ни отъ кого изъ нихъ я не получила обычнаго на ночь благословенія.

На другой день, проснувшись ранехонько, я наскоро одѣлась и, не смотря на дождь и запрещеніе выходить въ дурную погоду, побѣжала къ дѣдушкѣ, чтобы выпросить себѣ прощеніе. Не сознавая важности моего проступка, меня мучило сознаніе, что дѣдушка на меня сердится. Напрасно я стучала въ дверь, просила прощенія, плакала; дверь не отворялась и дѣдушка не подавалъ голоса. Обѣдать къ намъ онъ не пришелъ ни въ тотъ день, ни въ слѣдующіе. Наконецъ, онъ уѣхалъ совсѣмъ въ монастырь, а мы переѣхали въ городъ.

Какъ помирились мы съ нимъ и когда простилъ онъ меня, я уже не помню. Впослѣдствіи же, когда я была уже взрослой, онъ не разъ, смѣясь, воспоминалъ объ этомъ случаѣ.

Въ зимнее время о. Іакинфъ почти всегда страдалъ отъ ревматизма и зубной боли, которая иногда бывала такъ сильна, что не давала ему заниматься. Пріѣзжалъ онъ тогда съ пластыремъ на правой сторонѣ лица, начиная съ виска, и носилъ его въ продолженіе многихъ недѣль, такъ какъ его снять было нельзя, а нужно было выждать время, пока онъ начнетъ отставать самъ. Въ такое время дѣдушка часто ночевалъ у насъ, боясь возвращаться домой, если былъ сильный морозъ. Спалъ онъ всегда въ гостинной на диванѣ, рядомъ со спальней отца и матери, гдѣ также спала и я. Часто случалось мнѣ просыпаться отъ болѣзненныхъ его стоновъ. Любя дѣдушку со всею горячностью, на которую было тогда способно мое

дѣтское сердце, я не могла слышать ихъ равнодушно. Вскочивъ съ постели, босая, едва ступая, я пробиралась къ дѣдушкѣ и цѣловала его въ голову и больную щеку. Случалось, что этихъ поцѣлуевъ онъ не замѣчалъ или не слышалъ, но иногда, почувствовавъ ихъ, онъ переставалъ стонать, протягивалъ мнѣ обѣ руки и бралъ меня къ себѣ на диванъ. Обвивъ его шею руками, я старалась не шевелиться, чтобы не обезпеконть его, и, прислушиваясь—не стонетъ ли онъ опять, вскорѣ безмятежно засыпала.

Во время періода зубной боли дѣдушка, прекративъ на время свои занятія, развлекалъ себя картами.

Однажды вечеромъ, играя у насъ, онъ проигралъ и, желая разсчитаться, замѣтилъ, что у него не было бумажника. Поднялась суматоха, но его не нашли. У дѣдушки была привычка носить всегда при себѣ порядочно денегъ и никогда не зналъ, сколько именно ихъ было. Въ этотъ же разъ онъ помнилъ, что было ихъ довольно много. Всѣ партнеры напали на него за всегдашнюю его разсѣянность и небрежное отношеніе къ деньгамъ. Онъ не возражалъ и молча собирался уѣзжать.

Когда всѣ разѣхались, мать дала людямъ строгій приказъ, чтобы къ завтраму бумажникъ былъ найденъ. Всѣ люди были у насъ крѣпостные, въ томъ числѣ и лакей Александръ, безвыходно находившійся въ комнатахъ какъ днемъ, такъ и ночью.

Бумажникъ искали нѣсколько дней и не нашли. Всѣ люди, какъ говорится, сблизь съ ногъ, искали его. Подозрѣніе въ кражѣ пало на лакея. Его отправили въ часть, съ просьбой высѣчь за воровство. Дѣдушка ужасно разсердился, когда узналъ объ этомъ, и тотчасъ же заявилъ, что никакихъ денегъ въ бумажникѣ не было.

Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всѣмъ крѣпостнымъ, о. Іакинфъ всегда былъ защитникомъ предъ отцемъ и матерью моею въ случаѣ провинности кого-либо изъ нашихъ людей. Когда же онъ узнавалъ, что ктонибудь изъ нихъ былъ отправленъ въ часть для наказанія или въ рабочій домъ для исправленія, то возмущался до глубины души и приходилъ въ большое негодованіе. Онъ почти тотчасъ уѣзжалъ отъ насъ и не пріѣзжалъ иногда довольно долго, пока, наконецъ, забывалъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ пропажи бумажника опять вечеромъ играли у насъ въ карты. Хотя было уже довольно поздно, но я еще не спала и поджидала, когда гостямъ подадутъ варенье и яблоки. Изъ фруктовъ дѣдушка любилъ только арбузы и опоротвыя яблоки. Отецъ мой также игралъ; вдругъ въ передней послышался громкій, оживленный говоръ и его зачѣмъ-то вызвали.

Предполагая, не случилось ли чего въ домѣ, отецъ поспѣшно вышелъ и чрезъ минуту возвратился, смѣясь и держа въ рукахъ пропавшій бумажникъ.

— Отецъ Іакинфъ, вашъ бумажникъ нашелся! — весело говорилъ онъ, издали показывая его и продолжая смѣяться.

Дѣдушка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, даже не повернулъ головы.

— А—чортъ!—съ досадою проговорилъ онъ. Не мѣшайте, Степанъ Петровичъ. Пустой вѣдь? чрезъ минуту прибавилъ онъ, все еще не глядя на бумажникъ.

— Нѣтъ, съ деньгами.

— Ну такъ малость самая. Денегъ-то тамъ не было, помню это я хорошо.

И чрезъ минуту, какъ бы говоря самъ съ собою и не обращаясь ни къ кому, прибавилъ:

— Зря только Александра-то выдрали.

Всѣ играющіе занялись нашедшимся бумажникомъ, не смотря на его весьма непривлекательный видъ. Смотрѣли его, открывали, присматривались къ деньгамъ и посмѣивались, поглядывая на дѣдушку, сидѣвшаго съ серьезнымъ лицомъ.

— Александръ, подь сюда!—крикнулъ онъ, наконецъ.

Лакей тотчасъ же явился, неподвижно остановился въ дверяхъ, ожидая приказанія.

Сыгравъ нѣсколько игръ, дѣдушка обернулся, замѣтилъ лакея, и взявъ бумажникъ, сказалъ:

— На, Александръ; возьми себѣ бумажникъ и деньги, которые тамъ.

Всѣ такъ и ахнули отъ изумленія.

Оторопѣвшій лакей продолжалъ стоять, не шевелясь и вопросительно смотрѣлъ на всѣхъ, видимо не понимая въ чемъ дѣло.

Дѣдушка молча и усиленно курилъ.

— Господь съ вами, отецъ Іакинфъ! да что вы это?! — заговорили всѣ.

Онъ продолжалъ молчать.

— Никакъ вы съума спятили!—воскликнула мать. Да, вѣдь, тамъ всѣ ваши деньги цѣлехоньки. Что же вы говорите пустой! Вы лучше прежде посмотрите, да сосчитайте.

Не возражая ни слова, но уже раздражаясь, онъ рѣзко спросилъ, кто нашелъ бумажникъ.

— Пріѣхали мусорщики; они и нашли,—отвѣчалъ отецъ.

— Такъ ты отдай имъ половину,—проговорилъ дѣдушка, обращаясь къ лакею

— Помилуйте, отецъ Іакинфъ, да что вы это вздумали? да на что деньги-то Александру. Не онъ же и нашель бумажникъ то вашъ,—заговорили партнеры.

Дѣдушка начиналъ выходить изъ терпѣнія.

— Да, вѣдь, его же выдрали зря за эти деньги,—проговорилъ онъ съ раздраженіемъ. Я думаю о сю пору спина-то не зажила еще, И взглянувъ на Александра, онъ съ сердцемъ прибавилъ: Ну чего стоишь истуканомъ-то? Вѣдь уже сказалъ—бери! Да, на-же, собачій сынъ, и пошелъ вонъ!

Оторопѣвшій еще болѣе лакей взялъ бумажникъ, поклонился ему въ ноги и вышелъ.

### III.

Мы жили хорошо и домъ нашъ, какъ говорится, былъ полная чаша. Мать моя, Софья Александровна Мицикова, была единственною дочерью состоятельныхъ родителей, вслѣдствіе чего была избалована и своенравна. Тѣмъ не менѣе сердце у нея было доброе и чувствительное. Она любила помогать бѣднымъ; бывали у насъ и приживалки, которыхъ она щедро снабжала старьемъ, подавала милостыню нищимъ, но съ крѣпостными своими людьми обращалась довольно круто. Отецъ, Стенанъ Петровичъ, былъ родомъ малороссъ, характеръ у него былъ мягкій, кроткій, уступчивый. Въ домашнее управленіе онъ не вмѣшивался и всей душой отдавался заботамъ о цвѣтахъ, заниматься которыми любилъ страстно. Мать любила выѣзды, театры, общество; напротивъ того, все это отецъ не любилъ и предпочиталъ сидѣть дома или въ оранжереяхъ.

Кругъ знакомыхъ у насъ былъ довольно большой и состоялъ преимущественно изъ малороссовъ. Близкихъ же знакомыхъ, съ которыми видались часто и запросто, было не много. Каждое воскресенье собиралось небольшое общество играть въ карты, но и въ теченіи недѣли бывали гости почти ежедневно. Быть одной мать не любила и потому пользовалась каждымъ пріѣздомъ дѣдушки, чтобы вечеромъ устроить карты, до которыхъ какъ она, такъ и отецъ были большіе охотники, въ особенности мать.

Всѣ знакомые наши относились къ дѣдушкѣ съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ. На странности его, иногда даже рѣзкость выра-

женія, раздражительность и разсѣянность во время игры никто не обращалъ вниманія, дѣлая видъ, что вовсе и не замѣчаютъ ихъ.

Знакомства съ нимъ всё искали, но новыя, особенно пустыя знакомства, онъ не любилъ и не дѣлалъ. Изрѣдка бывалъ онъ только тамъ, гдѣ могъ себя чувствовать безъ стѣсненія. Также часто, какъ у насъ, онъ нигдѣ не бывалъ, да и некогда ему было разсѣивать по гостямъ. Мнѣ кажется, что не только свободного времени, но свободной минуты у него никогда не было, онъ такъ былъ всегда занятъ. Если онъ не писалъ, то что нибудь серьезное обдумывалъ.

Дѣдушка жилъ всегда въ Невскомъ монастырѣ; онъ былъ монахъ, но въ монашескомъ одѣяніи я никогда не видала его, а ходилъ онъ въ духовномъ платьѣ. Монашеское же его одѣяніе я видѣла только висѣвшимъ въ шкафу. Родители мои были очень набожны и весь великій постъ у насъ такъ строго соблюдался, что на первой и страстной недѣлѣ не ѣли даже рыбнаго. Запомнилось мнѣ, что дѣдушка хотя и былъ духовное лицо, но никогда не постился. Онъ такъ не любилъ его, что даже запаха постнаго масла не могъ слышать. Если въ посту онъ прѣзжалъ къ намъ во время обѣда, то сидѣлъ за столомъ, не касаясь никакого блюда. Когда же ждали его обѣдать, то готовили для него одного скоромныя кушанья.

Каждый годъ зимой прѣзжалъ изъ Малороссіи большой пріятель отца, также какъ и онъ, родомъ изъ Полтавы, Василій Алексѣевичъ Соколовскій. Отецъ очень любилъ его и съ его прѣздомъ оживлялся и самъ. Онъ останавливался обыкновенно въ ближайшей къ намъ гостинницѣ. Являясь съ ранняго утра, онъ проводилъ у насъ цѣлый день и уходилъ домой только на ночь. Когда, наконецъ, надоѣдала игра въ карты, онъ начиналъ придумывать нныя развлечения, преимущественно катанье за городъ. Со всѣми нашими знакомыми онъ также былъ знакомъ, а съ дѣдушкой былъ въ отношеніяхъ пріятельскихъ. Онъ былъ ровестникъ моего отца, но характера былъ живаго и веселаго, любилъ дамское общество, хотя молодыхъ дамъ и хорошенькихъ дѣвицъ между нашими знакомыми не было. За то были дамы хотя и не молодыя, но веселыя и разбитныя. Насъ, дѣтей, онъ баловалъ, закармливалъ вареньемъ и пастилой, которыя во множествѣ привозилъ изъ Малороссіи, а старшихъ угощалъ также привезенной имъ превосходной наливкой, которую всё очень любили.

Часто послѣ обѣда собиралась веселая компанія и на парныхъ саняхъ всё отправлялись къ дѣдушкѣ пить чай и убить вечерокъ. Иногда же, тотчасъ послѣ завтрака, та-же компанія отправлялась на стеклянный заводъ, откуда на перепутьи всегда заѣзжали къ дѣдушкѣ, чтобы пообогрѣться. Гостей онъ встрѣчалъ весело и пріятливо;

являлась вкусная закуска, чай, вино, а иногда и шампанское. Случалось, что проводили у него цѣлый день; помнится мнѣ, не раз играли у него и въ карты, въ которыхъ участіе принималъ еще какой-то монахъ, за которымъ посылалъ дѣдушка. Подавали у него зеленый чай, если были до него любители. Чай у него былъ превосходный. Онъ получалъ его прямо изъ Кяхты и одаривалъ имъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ углу комнаты стояли большіе ящики съ чаемъ, обитые шелковой матеріей съ изображеніемъ китайцевъ. Опорожненные ящики отдавалъ онъ мнѣ на куклы и у меня ихъ было много. Въ этихъ поѣздкахъ почти всегда участвовали: мать, отецъ, Соколовскій, крестная мать—Олимпиада Ивановна Черницкая, ея братъ—Дмитрій Ивановичъ, веселый, остроумный гусарскій офицеръ лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Онъ прекрасно рисовалъ, въ особенности карикатуры на всѣхъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Рисовалъ онъ также и портреты, которые удивляли всѣхъ вѣрностью схваченнаго выраженія. Софья Сергѣевна Софонова съ мужемъ, жившіе въ нашемъ домѣ; она была очень веселаго характера, и гдѣ только была она, тамъ вѣчно раздавался хохотъ. Большая пріятельница крестной матери Тансія Григорьевна Ушакова съ мужемъ, жившіе поблизости отъ насъ. Крестная же мать съ отцемъ и братомъ жили то-же въ нашемъ домѣ и надъ нами; немного, слѣдовательно, было нужно времени, чтобы собралось это общество. Меня всегда брали съ собой, когда ѣхали къ дѣдушкѣ, потому что первое его слово при появленіи гостей было:

— А гдѣ же моя маховъкая?

Посѣщеніе къ дѣдушкѣ кончалось часто тѣмъ, что увозили съ собой не только его, но, случалось, и монаха.

Келья, гдѣ жилъ дѣдушка, была сейчасъ около собора и состояла изъ двухъ большихъ комнатъ съ окнами въ садъ. Первая комната—его пріемная, была перегорожена деревянной перегородкой, окрашенной бѣлой краской и не доходившей до потолка. За перегородкой была передняя, въ которой стояла лежанка или плита, на которой готовилъ для дѣдушки кушанья жившій тутъ прислужникъ, наемный человѣкъ. Въ пріемной по стѣнѣ стоялъ большой диванъ краснаго дерева, нѣсколько такихъ же стульевъ, обитыхъ черной волосяной матеріей. Передъ диваномъ овальный, краснаго дерева, столъ, а надъ диваномъ висѣлъ большой портретъ, рисованный масляными красками. На немъ изображенъ былъ о. Іакинѣвъ совершенно бронеютомъ, красивымъ и въ архимадритскомъ одѣяніи. Впослѣдствіи этотъ портретъ, еще при жизни дѣдушки, исчезъ. Говорили, что онъ послалъ его въ казанскую духовную академію, но не знаю, было-ли



это дѣйствительно. Направо у перегородки стоялъ небольшой, высокій столикъ съ стеклянной крышкой, подъ которой помѣщались разныя рѣдкости, вывезенныя дѣдушкой изъ Китая. Между ними стоялъ графинчикъ изъ желто-зеленаго стекла, съ нарисованными на немъ золотыми цвѣточками. Этотъ графинчикъ онъ подарилъ въ послѣдствіи мнѣ. Онъ сохранился до сихъ поръ, но я подарила его моему сыну, какъ дорогое воспоминаніе объ о. Іакинѣ. Другой подобный столикъ и тоже съ рѣдкостями стоялъ на противоположной стѣнѣ между окномъ и дверью, ведущей въ слѣдующую комнату. Надъ нимъ висѣлъ другой портретъ его, но въ монашескомъ уже одѣяніи. Его было дурно видно, потому что висѣлъ за свѣтомъ. Онъ также былъ большой и рисованъ масляными красками. Въ послѣдствіи онъ былъ повѣшенъ надъ диваномъ и висѣлъ тамъ до самой кончины о. Іакина.

Слѣдующая комната, часть которой была отдѣлена для спальни, была перегороджена занавѣсью изъ толстаго китайскаго атласа, голу-баго съ пунцовыми цвѣтами. Ею восхищались всѣ дамы. Передняя часть комнаты — его кабинетъ, заставленный шкапами съ книгами; стѣны были увѣшаны географическими картами. Передъ окнами большой длинный письменный столъ, покрытый черной клеенкой и заваленный бумагами и книгами. Кабинетъ былъ въ два окна, а приемная въ одно.

Въ поѣздкахъ вечеромъ я не любила участвовать, мнѣ было очень скучно. Почти всегда, тотчасъ послѣ чая, среди котораго разговоръ становился громче и оживленнѣе, я начинала дремать. Вещи, хранившіяся подъ стекломъ, меня не интересовали; я знала ихъ всѣ наизусть. Разговоры старшихъ я не понимала и потому они меня не занимали. Книгъ съ картинами, кромѣ «Душеньки» Богдановича въ эстампахъ, у него не было. Интересовали меня тогда только сказки и бывальщины, которыя мнѣ иногда рассказывалъ лакей дѣдушки, если мнѣ удавалось пробраться къ нему за перегородку. Но это случалось не всегда, такъ какъ во время пріѣзда гостей онъ былъ занятъ и суетился, подавая и убирая со стола.

Мое вечернее посѣщеніе дѣдушки кончалось обыкновенно тѣмъ, что я забиралась къ нему на постель. Тамъ, укутавшись его одѣяломъ изъ китайскаго атласа, я мгновенно засыпала, и съ трудомъ разбудивши, увозили меня домой полусонную.

Раннею весною 1843 года умеръ дѣдушка Иванъ Ивановичъ, а дочь его Олимпіада Ивановна, послѣ смерти отца, переѣхала къ намъ на житье. Она приняла на себя трудную обязанность воспитанія дѣтей, къ которой мать моя по своему характеру была совершенно

неспособна. Этой обязанности она предалась съ увлеченіемъ и почти самоотверженіемъ.

Въ самомъ началѣ слѣдующаго года отецъ мой уѣхалъ по домашнимъ дѣламъ въ Уфимскую губернію, гдѣ у матери было имѣніе. Возвратился онъ черезъ 4 года сильно состарѣвшимся, съ характеромъ совершенно измѣнившимся. Во время его пребыванія вдали отъ семьи знакомые ему часто писали, въ числѣ нихъ писали и Дмитрій Ивановичъ. Свои письма онъ часто разнообразилъ присылкой каррикатурныхъ приложений, рисованныхъ преимущественно на о. Іакинеа. Дѣдушка ихъ всегда видѣлъ, большею частію смѣялся надъ ними, но бывали случаи, когда и сердился.

Изъ всѣхъ этихъ приложений у меня долго сохранялось одно, но теперь и его уже нѣтъ. Умеръ давно и самъ авторъ ихъ.

Начиная съ 1844 по 1848 гг., мы проводили каждое лѣто въ Муринѣ, гдѣ всегда жилъ съ нами и дѣдушка. Домъ, въ которомъ мы жили, былъ взятъ матерью на нѣсколько лѣтъ въ арендное содержаніе.

Онъ стоялъ на главной улицѣ посредняѣ, и былъ относительно большой и помѣстительный. Внизу было четыре просторныхъ комнаты, съ большимъ балкономъ на улицу. Наверху большая свѣтлая комната съ такимъ же балкономъ; ее занималъ о. Іакинеъ. Обстановка его была та-же, какъ и у насъ въ бесѣдкѣ; тотъ же диванъ, книги, бумаги, географическія карты. Балконъ былъ обтянутъ тикомъ, снитымъ съ бѣлымъ, полосатымъ.

На немъ стояло два стола; на одномъ онъ работалъ, на другомъ пилъ чай и завтракалъ. У одной изъ колонъ стояло вольтеровское кресло, прислоненное спинкой къ колонѣ. На немъ дѣдушка любилъ отдыхать и думать.

Этотъ домъ, даже въ неизмѣненномъ видѣ, существуетъ и теперь; лѣтъ десять назадъ къ комнатѣ дѣдушки были еще тѣ-же обои, какъ и при немъ. Только лѣтъ 6—7, какъ умеръ его хозяинъ, а дочь его, иногда прислуживавшая ему, жива и теперь. Память объ о. Іакинеѣ и донинѣ еще сохраняется въ Муринѣ и я почти увѣрена, что еще живы нѣкоторые крестьяне, знавшіе его лично, бывшіе тогда еще небольшими. Даже изъ стариковъ, думается мнѣ, еще существуетъ кто нибудь.

Вставъ такъ же рано, какъ и всегда, дѣдушка шелъ купаться, а возвратясь немедленно садился за работу. Купался онъ три раза въ день, не взирая ни на какую погоду. Такъ однажды, среди лѣта, когда стояла жаркая погода, небо вдругъ заволокло тучами, подулъ вѣтеръ и все предвѣщало приближавшуюся грозу. Увидя дѣдушку, отправ-

лявшася въ опредѣленный часъ купаться, всё бросились уговаривать его переждать бурю, тѣмъ болѣе, что мѣсто, избранное имъ для купанья, было очень глубокое и пустынное, гдѣ кромѣ работающихъ на поляхъ крестьянъ никого не было. Оно отстояло отъ мѣста общаго купанья слишкомъ за полторы версты и до ближайшей деревни было не менѣе версты; слѣдовательно, онъ купался въ полномъ уединеніи. Не обративъ никакого вниманія на просьбы и безпокойство домашнихъ, онъ все же ушелъ. Небольше какъ чрезъ полчаса поднялась сильная буря и большая гроза, продолжавшаяся до самой ночи. О дѣдушкѣ безпокоились всё ужасно и послали на встрѣчу ему человѣка съ дождевымъ зонтикомъ и калошами, который вскорѣ возвратился, заявивъ, что о. Іакинѣа не нашель.

Часа черезъ два явился и дѣдушка, промокшій до костей и дрожащій отъ холода, какъ бы въ лихорадкѣ. Выпивъ нѣсколько стакановъ горячаго пунша и согрѣвшись, онъ разсказалъ, что уже къ мѣсту купанья онъ пришелъ весь промокшій отъ дождя. Едва онъ вошелъ въ воду, какъ поднялась гроза и вскорѣ молнія ударила въ дерево, подъ которымъ лежало его платье. Дерево загорѣлось, а порывами вѣтра разнесло платье, фуражку же снесло въ рѣку. Въ водѣ пришлось ему пробыть слишкомъ долго, пережидая грозу, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы на счастье не проѣзжалъ по близости крестьянинъ, который, оказавъ ему необходимую помощь, довезъ его до Мурина.

Это обстоятельство послужило Дмитрію Ивановичу сюжетомъ для карикатурныхъ картинокъ, смотря на которыя всё очень хототали. Самъ дѣдушка, глядя на нихъ, смѣялся, приговаривая:

— Экой проказникъ! Экой шутъ гороховый, чего напачкалъ! Быть бы тебѣ лучше рисовальщикомъ, а не гусаромъ.

Завтракалъ дѣдушка въ одиннадцать часовъ, всегда у себя на балконѣ и также не смотря ни на какую погоду. Завтракъ его былъ всегда одинъ и тотъ же—яйца или простокваша, которыя онъ ѣлъ всегда безъ хлѣба. Обѣдалъ съ нами въ 3½ часа. За обѣдомъ и завтракомъ выпивалъ по стакану краснаго вина. Водку, какъ мнѣ помнится, не пилъ, но шампанское очень любилъ и у насъ пили его при всякомъ удобномъ случаѣ. Вообще онъ ѣлъ такъ мало, что всё удивлялись, чѣмъ онъ только живетъ. Послѣ обѣда около часа проводилъ съ нами, курилъ сигару, пилъ пуншъ и велъ дружескую бесѣду.

## IV.

Семейство наше тогда состояло: мать, пятеро дѣтей, изъ которыхъ я была старшая, Олимпиада Ивановна и дѣдушка о. Іакинвъ. Крестная мать была дѣвица лѣтъ 30, некрасивая наружностью, но превосходно образованная, умная, серьезная и высокой души. Иностранные языки она знала очень хорошо и отлично играла на фортепіано. Легкой музыки она не любила и предпочитала классическую.

Дѣдушка очень любилъ музыку, въ особенности любилъ слушать ея игру.

Она любила играть одна; при постороннихъ же слушателяхъ почти никогда не играла, дѣлая исключеніе только для него одного. Когда, бывало, въ зимніе вечера Олимпиада Ивановна садилась за рояль, дѣдушка часами просиживалъ на диванѣ въ гостиной, закрывъ глаза и съ неизмѣнной сигарой во рту, заслушиваясь ея прелестною игрою. Чѣмъ больше играла она, тѣмъ все лучше и лучше, и звуки, выливавшіеся изъ-подъ ея пальцевъ, западали глубоко въ душу. Кончить она, наконецъ, а дѣдушка все еще сидитъ, все слушаетъ и слушаетъ...

Изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, близкихъ и далекихъ, онъ, кажется, любилъ и уважалъ ее одну. Съ нею только велъ онъ долгіе, серьезные разговоры. Занятіями его она очень интересовалась, иногда даже помогала ему въ нихъ; читала вмѣстѣ съ нимъ его рукописи, провѣряла, переписывала ихъ, если это было спѣшно.

Одна изъ всѣхъ, быть можетъ, она понимала его и цѣнила его заслуги. Неподдѣльно, глубоко уважая его, она не позволяла себѣ съ нимъ никакой шутки, никакой вольности, что дѣлали другія дамы. У нихъ только и было на умѣ, что карты да прогулки, которыя и были неизмѣннымъ предметомъ ихъ разговора. Надъ занятіями дѣдушки онъ часто даже трунилъ, на что онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Проводили также каждое лѣто въ Муринѣ и близкіе наши знакомые—Ушаковы, съ которыми мы видѣлись каждый день. Люди они были бездѣтныя, зажиточныя. Евгенийъ Ивановичъ Ушаковъ состоялъ на службѣ и каждый день ѣздилъ въ городъ. Жена его, Таисія Григорьевна, была большой пріятельницей Олимпиады Ивановны и моей матери. Проводивъ мужа, она почти цѣлый день сидѣла у насъ.

Эти ежедневныя поѣздки въ городъ не утомляли Ушакова; не смотря на нихъ, составлялись прогулки, иногда и далекія.

Подойдя къ дому и остановясь у калитки, онъ обыкновенно громко произносилъ:

— Отче Іакинее, брось свою китайщину! Идемъ гулять.

Если дѣдушка молчалъ и не отзывался, то гулять уходили безъ него.

Въ праздничные дни о. Іакинфъ, съ восходомъ солнца, уходилъ съ Ушаковымъ въ лѣсъ. Они забирали съѣстнаго на цѣлый день и возвращались къ нашему вечернему чаю съ полными корзинами грибовъ и ягодъ. Собрать грибы Евгений Ивановичъ былъ большой любитель. Часто случалось, что у насъ тотчасъ же разводили плиту и жарили грибы къ ужину, въ ожиданіи котораго сражались за ломбернымъ столомъ.

Самъ дѣдушка гулялъ много и ежедневно и часто бралъ съ собою меня и брата. Ходилъ дѣдушка всегда скоро и быстро, такъ что мы едва поспѣвали за нимъ. Углубленный въ свои мысли или какія либо ученія соображенія, онъ, едва выйдя изъ дому, совершенно забывалъ о нашемъ присутствіи.

Хорошо помню его лѣтній, своеобразный костюмъ. Это былъ не то длинный кафтанъ, не то балахонъ изъ синей бумажной матеріи, и другой шелковый, изъ свѣтлой китайской ткани, въ родѣ нынѣшней чи-чун-чи. вмѣсто шляпы носилъ онъ бѣлую волосяную плоскую фуражку, съ большимъ козырькомъ. Нижнее бѣлье было у него тоже изъ китайской матеріи. Потомъ, когда я стала старше, онъ, показывая мнѣ свое бѣлье, обращалъ мое вниманіе на ткань, изъ которой оно было сдѣлано. Онъ говорилъ, что она выдѣлана изъ волоконъ ананасовой коры.

Ходилъ онъ съ палкой, подобную которой мнѣ больше не случилось видѣть. Если ее поднять и махнуть ею сверху внизъ, то изъ конца ея выскакивалъ довольно большой кинжалъ. Эту палку онъ привезъ изъ Китая и пряталъ ее далеко отъ дѣтей, никогда не забывая ея у насъ.

Однажды, гуляя со мной и братомъ, дѣдушка завелъ насъ куда-то такъ далеко въ лѣсъ и болото, что уже и самъ не зналъ какъ выбраться на дорогу. Утомившись отъ продолжительной ходьбы, онъ сѣлъ на кочку, покрытую густымъ мохомъ, и, приказавъ намъ тоже отдохнуть, вскорѣ задремалъ.

Едва мы только замѣтили, что онъ спитъ, какъ тотчасъ же принялись за дурачества. Снявъ чулки и сапоги, мы прыгали съ кочки на кочку, пока, наконецъ, провалились чуть не по поясъ въ ржавое болото, уронивъ въ него чулки и сапоги. Зная хорошо, что за это насъ не только накажутъ, да еще, пожалуй, и высѣкутъ, мы отпра-

вились искать чистой воды, чтобы вымыть чулки. Чистой-же воды мы, однако, не нашли, но разошлись в разные стороны и заблудились. Чаще гуляя съ дѣдушкой, чѣмъ братъ, я лучше знала мѣстность и потому выбралась скоро на дорогу. Являсь домой, я заявила матери, что очень проголодалась и потому приближала впередъ; дѣдушка-же и Петя очень устали, сидятъ и еще отдыхаютъ.

Крайне встревоженный, дѣдушка явился только передъ вечернимъ чаемъ одинъ и безъ Пети. Онъ все искалъ насъ.

Мать пришла въ неописанный испугъ. Въ домѣ поднялся страшный переполохъ; съ матерью сдѣлалась истерика. Впрочемъ, все это недолго продолжалось.

Возвращавшійся съ сѣнокоса хозяинъ нашъ Петръ замѣтилъ близъ дороги спавшаго въ кустахъ ребенка. Онъ сошелъ съ телѣги и, узнавъ Петю, привезъ его цѣлымъ и невредимымъ. Съ тѣхъ поръ мать уже не пускала брата гулять съ дѣдушкой и всегдашней спутницей его осталась я. Не бралъ онъ меня съ собой только въ далекия и долгія прогулки съ Ушаковыми. Любимые его цвѣты были васильки, мои также. Почти всегда, проходя мимо полей съ хлѣбомъ, въ которыхъ мелькали васильки, мы остававливались. Дѣдушка закуривалъ сигару, а я рвала любимые цвѣты; при этомъ онъ строго приказывалъ мнѣ не мять хлѣба. Набирала я ихъ такое множество, вырывая также и съ кореньями для посадки въ садъ, что иногда не въ силахъ была донести ихъ до дому.

Дѣдушка бранилъ меня за жадность, но нести ихъ все же помогалъ. Случалось, что, усѣвшись около его ногъ, я сплетала вѣнокъ изъ васильковъ, который и надѣвала ему на фуражку. Никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь, онъ преспокойно продолжалъ въ немъ путь.

Лѣтнее время, которое всѣ такъ любили, проносилось всегда чрезвычайно быстро. Въ Мурино переѣзжали въ самомъ началѣ мая и переѣзда туда ждали всѣ съ нетерпѣніемъ и радостью; увѣжали съ грустію и чуть не со слезами. За эти немногіе мѣсяцы, какъ бы покинувъ въ городѣ хлопоты и заботы, вполне предаваясь спокойствію деревенской жизни, такъ сходились, такъ сживались другъ съ другомъ, что какъ бы составляли одно цѣлое. Гостила у насъ иногда лѣтомъ и другая большая пріятельница крестной матери, Софья Дмитриевна Кривцова, тоже дѣвица за тридцать лѣтъ, некрасивая собой, но имѣвшая очень хорошій голосъ.

Она была веселаго и живаго характера, составлявшаго полный контрастъ съ характеромъ Олимпіады Ивановны.

Съ ея пріѣздомъ карты на время замѣнялись музыкой и пѣніемъ, пока оно не надоѣдало. Возвратившись послѣ купанья, съ 10 часовъ

утра и до 12, до завтрака, я съ братомъ учились у крестной матери, а мать послѣ распоряженій хозяйствомъ садилась съ работой на балконъ. Тамъ, не переставая, она съ Софьей Дмитріевной разговаривали и заливались хохотомъ. Послѣ завтрака присоединялась къ нимъ и Тансія Григорьевна, явившись къ намъ также съ работой, потомъ, наконецъ, и Олимпиада Ивановна. Незадолго до обѣда, когда дѣдушка уходилъ купаться, Софья Дмитріевна принималась за пѣніе. Когда-же былъ Дмитрій Ивановичъ, который также иногда гостилъ по нѣсколько дней, то послѣ завтрака мѣть отправлялась гулять съ гостями, взявъ также и старшихъ дѣтей. Обыкновенно послѣ вечерняго чая начиналось пѣніе, и тогда Олимпиада Ивановна акомпанировала, но дѣдушка не любилъ этихъ музыкальныхъ вечеровъ. Они мѣшали ему то заниматься, то спать, и очень часто сильно раздражали его. Если-же вечеромъ всѣ уходили гулять, а крестная мать, оставшись одна, садилась за рояль, то онъ не слышно выходилъ на балконъ и садился въ свое кресло, гдѣ и оставался до возвращенія гуляющихъ. Софья Дмитріевна гостила обыкновенно недолго; она пріѣзжала изъ своего имѣнія въ Ямбургскомъ уѣздѣ, гдѣ всегда жила лѣтомъ съ старушкой матерью, оставлять которую на долгое время не могла. У насъ ей очень нравилось, уѣзжала она съ сожалѣніемъ и обѣщаніемъ пріѣхать вскорѣ, что не всегда ей удавалось.

Однажды все населеніе Мурина было возмолвлено быстро облѣтѣвшей его вѣстью. Часовъ въ 11 утра по главной улицѣ проѣхало нѣсколько придворныхъ экипажей съ поклажей и прислугой, направляясь къ графскому дому. Пронесся слухъ, что великая княгиня Марія Николаевна изъявила желаніе пріѣхать погулять и что повара пріѣхали уже готовить ей обѣдъ.

Въ графскомъ домѣ поднялась суетня; убрали комнаты, въ саду разставляли и приготавливали столы. Придворные лакеи бѣгали и суетились. Часу въ третьемъ пріѣхала и великая княгиня.

Все бросилось къ дому: крестьяне, дачники, няньки съ дѣтьми, деревенскіе ребятишки—всѣ стремились туда.

Въ тотъ день, послѣ обѣда, дѣдушка сидѣлъ у насъ на балконѣ и читалъ газету, если не ошибаюсь «Сѣверную Пчелу», и пилъ чай. Я сидѣла на ступенькахъ и смотрѣла на улицу. Вдругъ я замѣтила подходившаго къ нашему дому незнакомаго военнаго.

— «Мое почтенье, отецъ Іакинеъ», проговорилъ онъ, отворяя калитку и входя.

Дѣдушка поднялъ голову, бросилъ газету и быстро всталъ ему на встрѣчу.

— Ахъ, ваше высочество! Никакъ не ожидалъ, говорилъ дѣдушка, пожимая протанутую ему руку.

— «Я вотъ узналъ, что вы здѣсь проводите лѣто. Пришелъ васъ навѣстить и побесѣдовать съ вами», говорилъ гость, поднимаясь по ступенькамъ.

Оба сѣли къ столу. Я тоже подошла къ нимъ и уставилась глазами на незнакомаго гостя. Онъ замѣтилъ меня и, вѣроятно, спросилъ обо мнѣ.

— Внучка моя, Наденька, отвѣтилъ дѣдушка, глядя меня по головѣ, и черезъ минуту прибавилъ:

— Подъ, махонькая, да прикажи подать намъ чаю.

— «Въ институтъ, въ институтъ надо», слышались мнѣ слова гостя, когда я уходила исполнить приказаніе дѣдушки.

Выпивъ чай, онъ съ гостемъ ушли наверхъ, гдѣ и пробыли довольно долго.

Сойдя внизъ, они опять сѣли на балконъ, гдѣ и продолжали вести серьезный и долгій разговоръ.

Этотъ гость былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Нѣсколько дней сряду въ Мурино только и было разговору, что о посѣщеніи принцемъ Ольденбургскимъ отца Іакинеа, послѣ чего всеобщее уваженіе къ дѣдушкѣ еще болѣе увеличилось.

Въ іюнѣ 1846 года мать посѣтило великое горе — она лишилась своего единственнаго сына и любимца. Усовершенствуясь съ каждымъ годомъ въ шалостяхъ и дурачествахъ, Петя, дошелъ, наконецъ, до того, что въ домѣ никто не могъ съ нимъ справиться. Никого онъ не слушался, не боялся и не хотѣлъ учиться, хотя время ученія для него уже наступило. Своею лѣнностью, непослушаніемъ и дерзостью онъ доводилъ занимавшуюся съ нами Олимпиаду Ивановну буквально до слезъ. Въ началѣ того года мать, по совѣту дѣдушки, отдала его на полный пансіонъ. Въ Мурино мы переѣхали въ началѣ мая, а Петя остался въ пансіонѣ до каникулъ. Тамъ онъ схватилъ скарлатину и, прохворавъ нѣсколько дней, умеръ въ городскомъ нашемъ домѣ. Удрученная горемъ, мать осталась въ городѣ, опасаясь завести заразу и другимъ дѣтямъ. Олимпиада Ивановна, боясь оставить ее одну въ такомъ гнетущемъ состояніи, поѣхала тоже къ ней. Дѣти остались одни на попеченіи отца Іакинеа. Эту новую возложенную на него обязанность онъ исполнялъ исправно, заботливо. Ежедневно приходя къ намъ, къ завтраку и обѣду, онъ садился на хозяйское мѣсто, а за обѣдомъ даже самъ разливалъ горячее.

Мать возвратилась черезъ три недѣли въ слезахъ и душевной скорби. Съ нѣжною заботливостью и сердечной теплотой встрѣтилъ



ее дѣдушка и, слушая ея печальныйъ разсказъ, заплакалъ и самъ, хотя баловника брата любилъ меньше другихъ внуковъ. Всѣ окружающіе мать и знакомые употребляли всѣ старанія, чтобы развлечь, разсѣять хотя нѣсколько ея горе. Карты были на первомъ планѣ, играли чуть не съ утра до ночи. Пошли далекія, разнообразныя прогулки, по живописнымъ окрестностямъ Мурина. Катались въ телѣгахъ и уѣзжали не только на цѣлый день, но на два и на три. Ѣздили въ Парголово, Юкки, Осиновую рощу, Токсово, Рябово и др. Отъ этихъ прогулокъ отецъ Іакинеъ никогда не отказывался. Онъ ихъ очень любилъ и ради нихъ прерывалъ свои занятія.

Для него телѣга устраивалась особеннымъ способомъ. Ее всю наполняли сѣномъ, подушками, покрывали большимъ ковромъ. Въ ней онъ не сидѣлъ, а скорѣе лежалъ, подъ большимъ китайскимъ зонтикомъ, обмахиваясь отъ мухъ и комаровъ китайской мухоголкой, сдѣланной, по его объясненію, изъ хвоста бѣлаго буйвола. Обыкновенно, его телѣга ѣхала первая и съ нимъ всегда ѣхала я. Кортежъ этотъ иногда конвоировалъ Дмитрій Ивановичъ, верхомъ на деревенской лошади. Эти поѣздки служили ему обильнымъ источникомъ для его каррикатуръ. Я помню, у дѣдушки былъ цѣлый каррикатурный альбомъ его работы.

Брали съ собою почти всегда, если уѣзжали на долго, зеленое сукно и карты. Утомившись долгою ходьбой по горамъ, гуляюще усаживался въ тѣнистомъ, живописномъ мѣстѣ. Разстилалось сукно и они, кто сидя, кто полулежа, принимались за любимое занятіе, прохлаждаясь виномъ, а иногда и шампанскимъ.

Особенно было забавно, когда въ этихъ прогулкахъ участвовала Анна Ивановна Флавицкая, мать извѣстнаго художника. Она была короткая знакомая м-ше Ушаковой и въ то лѣто у нея гостила. Анна Ивановна не имѣла никакихъ средствъ, но за то много дѣтей; пріѣхала она въ Петербургъ изъ Москвы, чтобы пристраивать ихъ въ учебныя заведенія, а для себя искала мѣсто классной дамы, что потомъ ей и удалось. Страшная любительница картъ, она года два спустя умерла отъ холеры въ гостяхъ, почувствовавъ первыя боли за ломбернымъ столомъ. Безпечная, добродушная, болтавшая безъ умолку, она развлекала и забавляла всѣхъ.

Своей неповоротливостью и неулюжествомъ, происшедшими отъ излишней полноты, она смѣшила всѣхъ. Особенно смѣялись и остряли, когда ей приходилось спускаться въ Токсовѣ съ крутой горы.

Взывая о помощи къ отцу Іакинеу, она безпрестанно падала, кривчала, смѣялась и чуть не плакала, боясь скатиться въ озеро, что, впрочемъ, съ ней однажды и случилось.

Всѣ дамы вообще любили о. Іакинѣа, уваживали за нимъ, даже кокетничали съ нимъ и одна передъ другой обращались къ нему съ такою же просьбой. Но эту услугу дѣдушка, вѣроятно ради шутки, оказывалъ только Аннѣ Ивановнѣ. Контрастъ ихъ фигуръ возбуждалъ всеобщій смѣхъ и веселость. На другихъ же дамъ онъ почти не обращалъ вниманія. Быть можетъ, онъ такъ равнодушно относился къ нимъ потому, что между ними не было ни молодыхъ, ни красивыхъ, ни даже просто занимательныхъ. При сборахъ въ обратный путь онъ опять, наперерывъ, выражали желаніе съ нимъ ѣхать, но дѣдушка мнѣ былъ вѣрнѣ и домой возвращался все со мной же.

Н. С. Молдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

## АРХИМАНДРИТЬ ІАКИНФЪ ВИЧУРИНЪ.

### I.

Письмо министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Александра Николаевича Голицына къ графу Карлу Васильевичу Нессельроде.

27-го августа 1823 г.

Милостивый государь мой графъ Карлъ Васильевичъ! Получивъ при отношеніи вашего сіятельства отъ 10-го марта за № 139 объ ученыхъ заслугахъ и трудахъ архимандрита Іакинѳа <sup>1)</sup>, я представлялъ оное его величеству государю императору вмѣстѣ съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, послѣдовавшимъ по производству дѣла о противозаконныхъ поступкахъ архимандрита сего и другихъ лицъ бывшей пекинской миссіи <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Его сочиненія слѣдующія: 1) Исторія Тибета и Хухунора; на впечатаніе сего сочиненія, по высочайшему докладу о семъ государю императору, ассигновано было пять тысячъ руб. ассигнаціями; переведено Іакинѳомъ сіе сочиненіе съ китайскаго языка; 2) Санъ-дзы-цзинъ (или троесловіе), въ коемъ содержится все правоученіе китайцевъ; 3) Обзоръ исторіи калмыцкаго народа (или историческое обзоръ оборотовъ или калмыковъ съ XV-го столѣтія до нашихъ временъ); за сіе сочиненіе о. Іакинѳъ былъ удостоенъ Демидовской преміи въ пять тысячъ рублей; 4) Грамматика китайскаго языка въ трехъ частяхъ; 5) Изложеніе китайскаго законодательства; 6) Китайскій лексиконъ и описаніе китайскихъ монетъ, и 7) Статистическая записка о Китаѣ. За свои сочиненія по китайской литературѣ о. Іакинѳъ Вичуринъ удостоиваемъ былъ и высочайшаго благоволенія по докладу о семъ графа Нессельроде государю императору.

<sup>2)</sup> Рѣшеніе Святѣйшаго Синода по дѣлу пекинской миссіи состояло въ слѣдующемъ: „архимандр. Іакинѳа, какъ недостойнаго носить званіе священнослужителя, лишивъ сана архимандрита, оставитъ подъ строжайшимъ надзо-

Его величество соизволилъ на приведеніе въ исполненіе рѣшенія Святѣйшаго Синода, осуждающаго архимандрита Іакинѣа за разные поступки <sup>1)</sup>, которыми онъ омрачилъ санъ свой, на лишеніе сего сана, съ отсылкою навсегда въ монастырь, не признавая справедливымъ оказать снисхожденіе къ трудамъ его въ ослабленіе законовъ, когда и въ гражданской службѣ не должны быть терпимы порочныя лица. Долгомъ поставляя извѣстить о семъ васъ, милостивый государь мой, съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Князь А. Голицынъ.

27-го августа 1823 г.

---

ромъ навсегда въ Валаамскомъ монастырѣ; состоящихъ при немъ іеромонаховъ Серафима и Аркадія отослать перваго въ Валаамскій монастырь на четыре года, а послѣдняго въ Введенскій—на годъ; причетниковъ, Яфидкаго и Пальмовскаго, яко неизобличенныхъ въ преступленіяхъ, отъ суда освободить, а іеродиакона Израїля, который оказался виновнымъ въ нарушеніи даннаго имъ обѣта и другихъ вредныхъ поступкахъ, лишить сана и отослать изъ духовнаго вѣдомства въ Иркутскій гарнизонный полкъ, для поступленія въ рядовые“.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде, имѣя въ виду ученые заслуги и труды архимандрита Іакинѣа, ходатайствовалъ предъ государемъ императоромъ о снисхожденіи къ нему, но императоръ Александръ I-й ходатайства графа Нессельроде не уважилъ, а согласился съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода.

П. М.

<sup>1)</sup> Иркутскій генералъ-губернаторъ Пестель доносилъ на бывшаго архимандрита пекинскій миссіи (съ 1809—1818 гг.) о. Іакинѣа, что онъ ведетъ въ Пекинѣ развратную жизнь, выходитъ въ публичныя мѣста въ неприличномъ видѣ и одѣяніи, бываетъ въ театрахъ, въ трактирахъ и въ вольныхъ домахъ, пьянствуетъ, не совершаетъ службъ церковныхъ и вообще не исполняетъ своего долга и миссіонерскихъ обязанностей. Про него же тому же генералъ-губернатору доносили, что онъ избилъ одного кучера за то, что послѣдній осмѣлился въ присутствіи его учинить съ своимъ товарищемъ драку. Имъ же одна старуха была избита за то, что отказалась отъ принсканія ему дѣвокъ, которыхъ архимандритъ отъ нея требовалъ. Избитая имъ старуха на третій день умерла отъ его побоевъ.

П. М.

## II.

Вице-канцлеръ Нессельроде къ г. оберъ-прокурору Св. Синода 29-го мая 1831 г.

«Находящійся нынѣ въ Восточной Сибири по дѣламъ службы монахъ Іакинѣвъ, извѣстный по глубокимъ познаніямъ своимъ въ литературѣ Китая, и доселѣ не перестающій обогащать наше отечество и самую Европу полезными свѣдѣніями на счетъ государства сего, не во всѣхъ отношеніяхъ извѣстнаго,—обратился въ министерство съ просьбою о предстательствѣ, дабы съ него сложили монашеское званіе, по тому уваженію, что, при ученыхъ его занятіяхъ и по свойственнымъ человѣку слабостямъ, онъ не можетъ съ точностью и по совѣсти соблюдать всѣхъ обѣтовъ монашества и что санъ сей препятствуетъ ему въ свободномъ отправленіи возлагаемыхъ на него по службѣ обязанностей.

Въ полномъ вниманіи къ таковой просьбѣ о. Іакинѣва, я желалъ бы для самой пользы службы и наукъ содѣйствовать ему по возможности въ настоящемъ дѣлѣ. Не приступая, однако-же, ни къ какому формальному распоряженію по означенному предмету, я за долгъ себѣ поставлю предварительно снести о томъ съ вашимъ сіятельствомъ, покорнѣйше прося почтить меня увѣдомленіемъ вашимъ: не находите-ли вы какого-либо особеннаго препятствія къ удовлетворенію просьбы монаха Іакинѣва; буде же почитаете возможнымъ снятіе съ него монашескаго сана, то не благоугодно-ли будетъ вамъ, м. г., сообщить мнѣ ваше мнѣніе насчетъ формы, которую надлежитъ дать дальнѣйшему ходу сего дѣла».

Монахъ Іакинѣвъ прошеніе свое о сложеніи съ него монашества подалъ въ Святѣйшій Синодъ. Снять съ него монашескій санъ сначала положено было нижегородскому архіепископу, при возвращеніи Іакинѣва изъ Сибири въ С.-Петербургъ. Далѣе послѣдовалъ новый приказъ слѣдовать Іакинѣву въ С.-Петербургъ, не оставаиваясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, и сообщено было, что рѣшеніе снятія съ о. Іакинѣва монашескаго сана еще продлится нѣсколько времени. (Отношеніе къ барону Шиллингу фонъ-Кавштатъ отъ 2-го января 1832 г.). Оберъ-прокуроромъ Св. Синода въ то время былъ т. сов. князь Мещерскій. Князь Мещерскій сообщилъ вице-канцлеру, что, по состоянію

монаха Іакинѣа въ вѣдѣніи с.-петербургскаго епархіальнаго начальства, онъ спосился по сему предмету съ преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ, и отъ него получилъ увѣдомленіе, что не находится никакихъ особенныхъ причинъ, могущихъ служить преградю къ снатию монашескаго званія съ монаха Іакинѣа, но только для сего нужно, чтобы онъ прислалъ о томъ прошеніе въ Св. Синодъ (отношеніе къ барону Шиллингу-фонъ-Канштату, д. ст. сов., 19-го іюня 1831 г.). О. Іакинѣъ въ это время состоялъ переводчикомъ китайскаго языка при д. ст. сов. баронѣ Шиллингъ-фонъ-Канштатѣ, при экспедиціи послѣдняго въ Сибирь на китайскую границу въ 1830 году.

---

# ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ И ДНЕВНИКЪ

академика и профессора

Александра Васильевича Никитенко

род. 1804 г., † 1877 г.







# ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

## I.

Гдѣ и отъ него произошлъ я на свѣтъ.

Въ Воронежской губерніи, что прежде была Слободско-Украинская, у рѣки Тихой Сосны, между небольшими уѣздными городами, Острогожскомъ и Бирючемъ, есть большое село или слобода, Алексѣевка, населенная малороссіянами, которыхъ русская политика сдѣлала крѣпостными. Они вовсе не ожидали этого, когда тысячами шли, по вызову правительства, изъ Украйны и селились за Дономъ, по рѣкамъ Соснѣ, Калитвѣ и другимъ, для охраненія границъ отъ вторженія крымскихъ татаръ.

Алексѣевская слобода сперва была отдана, кажется, во владѣніе князей Черкасскихъ; а отъ нихъ, по брачной сдѣлкѣ, перешла въ родъ графовъ Шереметевыхъ, владѣвшихъ огромнымъ количествомъ людей, чуть не во всѣхъ губерніяхъ Россіи. У нихъ въ послѣднее время, говорятъ, считалось до ста пятидесяти тысячъ душъ.

Въ слободѣ Алексѣевкѣ жилъ сапожникъ Михайло Даниловичъ, съ тремя прозваніями: Никитенко, Черевика и Медяника. То былъ мой дѣдъ по отцу. Я помню добродушное лицо этого старика, окаймленное овладистою, съ просѣдью, бородою, съ большимъ носомъ, обремененнымъ неуклюжими очками, съ выраженіемъ доброты и задумчивости въ старыхъ глазахъ. Руки его были исчерчены яркими полосами отъ дратвъ. Онъ некрасиво, но добросовѣстно точалъ крестьянскіе чоботы и черевяки, былъ чрезвычайно нѣженъ ко мнѣ, ласковъ и добръ ко всѣмъ,

но любилъ заглядывать въ кабакъ, гдѣ нерѣдко оставлялъ не только большую часть того, что зарабатывалъ днями тяжелыхъ трудовъ, но и кушакъ свой, шапку и даже козуху. Молчаливый, кроткій, благоразумный въ трезвомъ видѣ, напившись, онъ имѣлъ обыкновеніе пускаться въ толки объ общественныхъ дѣлахъ, вспоминать о казачинѣ и гетманщинѣ, судилъ строго о безпорядкахъ сельскаго управленія и наводилъ страхъ на домашнихъ, осыпая ихъ укорами и увѣщаніями, которыя нерѣдко подкрѣплялъ орудіями своего ремесла, влѣсичкою (палка для выглаживанія кожи) и потягомъ (ремень для стягиванія ея). Сильно не долюблялъ онъ, чтобъ его отвлекали отъ чарки призывомъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, домой, къ чему нерѣдко должны были прибѣгать, когда онъ показывалъ явное расположеніе слишкомъ загулять. Онъ не смѣлъ ослушаться и возвращался, но не безъ протеста.— „Вотъ какая ты дурная, не чувствительная, выговаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ моей бабушкѣ,— только что началъ я разсуждать о важномъ дѣлѣ съ сябромъ (сосѣдомъ), какъ вдругъ: поди домой! Теперь, чортъ знаетъ, когда соберешься съ мыслями!“

Бабушка была замѣчательная женщина. Дочь священника, она считала себя принадлежащею къ сельской аристократіи и чувствовала свое достоинство. Связи ея и знакомства ограничивались кругомъ избранныхъ лицъ, такъ называемыхъ мѣщанъ, составлявшихъ касту высшаго сословія въ слободѣ. Никогда не видѣли, чтобы она угощалась серебряною чаркою съ кѣмъ либо, кромѣ дамъ, носившихъ, по праздникамъ, кораблики, вмѣсто серпанковъ на головѣ, кунтуши тонкаго сукна, съ позументомъ на талии, и черевки на коткахъ, или высокихъ каблукахъ. При всей бѣдности, она свято держалась обычая мало-россійскаго гостепримства и отличалась рѣдкою добротою, дѣлясь послѣдними крохами съ неимущимъ. Въ ней было врожденное благородство, которое замѣняло ей образованіе и сообщало поступкамъ и обращенію ея особенный тонъ приличія. Я помню, какъ ловко умѣла она вести и поддерживать разговоръ съ горожанами, помѣщиками и письменными, какими умными и тонкими замѣчаніями приправляла свои и чужіе разсказы, какъ живо и складно излагала народныя повѣрья и преданія временъ Еватеряны II, которую всегда съ благоговѣніемъ называла

матушкой-царицей, какъ бойко умѣла спорить и оспаривать, всегда стараясь поставить на своемъ. Она пользовалась отличною репутаціею. Ее не называли иначе, какъ умною Степановною, или разумною Параскою.

Дѣдъ мой не достигъ маститой старости: онъ, купаясь, утонулъ въ рѣкѣ, когда ему не было еще шестидесяти лѣтъ. Бабушка осталась съ четырьмя дѣтьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Изъ дочерей, младшая, Елизавета, доброе и милое существо, любила меня горячо и была участницею моихъ первыхъ игръ, хотя значительно превосходила меня годами. Старшая, Ирина, дурнаго поведенія, часто причиняла глубокую скорбь своей матери, но та, не смотря на это, любила ее чуть ли не больше всѣхъ остальныхъ дѣтей. Изъ двухъ сыновей старшій, Василій, былъ мой отецъ.

Бабушка Степановна отличалась крѣпкимъ сложеніемъ. Она умерла ста лѣтъ, сохранивъ всѣ свои способности. Только лѣтъ за пять до смерти у ней нѣсколько ослабѣло зрѣніе.

## II.

### Мой отецъ и моя мать.

Немного свѣдѣній дошло до меня о первыхъ годахъ дѣтства моего отца. Когда ему исполнилось одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, въ Алексѣевку прибылъ уполномоченный отъ графа Шереметева, для выбора мальчиковъ въ пѣвчіе. У отца оказался отличный дискантъ и его отправили въ Москву, для поступленія въ графскую пѣвческую капеллу, которая и тогда уже славилась своимъ искусствомъ.

Тогдашній графъ Шереметевъ, Николай Петровичъ, жилъ блистательно и пышно, какъ истый вельможа вѣка Екатерины II. Онъ къ этому только и былъ способенъ. Имя его не встрѣчается ни въ одномъ изъ важныхъ событій этой замѣчательной эпохи. Въ памяти современниковъ остался только великолѣпный праздникъ, данный имъ въ одной изъ подмосковной вотчинъ своихъ двору, когда тотъ посѣтилъ Москву. Онъ былъ оберъ-каммергеромъ, что, впрочемъ, не придавало ему ни нравственного, ни

умственного значенія: онъ всегда оставался только великолѣпнымъ и ничтожнымъ царедворцемъ. Между своими многочисленными вассалами онъ слылъ за избалованнаго и своенравнаго деспота, не злаго отъ природы, но глубоко испорченнаго счастьемъ. Утоная въ роскоши, онъ не зналъ другаго закона, кромѣ прихоти. Пресыщеніе, наконецъ, довело его до того, что онъ опротивѣлъ самому себѣ и сдѣлался такимъ же бременемъ для себя, какимъ былъ для другихъ. Въ его громадныхъ богатствахъ не было предмета, который доставлялъ бы ему удовольствіе. Все возбуждало въ немъ одно отвращеніе: драгоценныя яства, напитки, произведенія искусствъ, угодливость безчисленныхъ холоповъ, слѣдившихъ предупредить его желанія—если таковыя у него еще появлялись. Въ заключеніе природа отказала ему въ послѣднемъ благѣ, за которое онъ, какъ самъ говорилъ, не пожалѣлъ бы милліоновъ, ни даже половины всего своего состоянія: она лишила его сна.

За пять или за шесть лѣтъ до смерти онъ пристрастился къ одной дѣвушкѣ, актрисѣ своего собственнаго домашняго театра, которая, хотя не отличалась особенною красотою, однако, была такъ умна, что успѣла заставить его на себѣ жениться. Говорятъ, что она была также очень добра и одна могла успокоивать и укрощать жалкаго безумца, который считался властелиномъ многихъ тысячъ душъ, но не умѣлъ справляться съ самимъ собой. По смерти жены онъ, кажется, окончательно помѣшался, нигде больше не выѣзжалъ и не видался ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ, графъ Димитрій. Въ воспитаніи послѣдняго принимала живое участіе императрица Марія Федоровна. Но природа, щедрая къ нему въ другихъ отношеніяхъ, отказала ему въ способностяхъ и онъ, не смотря на всѣ заботы о немъ, не далеко ушелъ ни въ наукахъ, ни въ развитіи.

Итакъ, мой отецъ поступилъ въ пѣвчіе. При капеллѣ существовала школа, гдѣ, кромѣ музыки, малолѣтніе пѣвчіе обучались и грамотѣ. Отецъ обнаружилъ рѣдкія способности ко всему, чему его учили. Въ свободное отъ школьныхъ и пѣвческихъ занятій время онъ много читалъ и приобрѣлъ разнородныя познанія, далеко превышавшія его положеніе. Между прочимъ, онъ выучился французскому языку. Его всѣ любили, не только за

умъ и талантливость, но и за доброту, за живое и пріятное обращеніе. Скоро онъ сталъ первымъ между товарищами и даже сдѣлался извѣстенъ графу Шереметеву.

Съ умиленіемъ и благодарностью вспоминалъ онъ впоследствии о вниманіи и ласкахъ, которыя оказывалъ ему знаменитый и несчастный Дегтяревскій, немного поздиѣ угасшій среди глубокихъ, никѣмъ не понятыхъ и никѣмъ не раздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей на землѣ, когда высокіе дары и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ посмѣяніе и на позоръ ему. Дегтяревскаго погубили талантъ и рабство. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ искусству: онъ былъ музыкантъ отъ природы. Необыкновенный талантъ рано обратилъ на него вниманіе знатоконъ, и властелинъ его, графъ Шереметевъ, далъ ему средства образоваться. Дегтяревскаго учили музыкѣ лучшіе учителя. Онъ былъ посланъ для усовершенствованія въ Италію. Его музыкальныя сочиненія доставили ему тамъ почетную извѣстность. Но, возвратясь въ отечество, онъ нашелъ суроваго деспота, который, по ревизскому праву на душу геніальнаго человѣка, захотѣлъ присвоить себѣ безусловно и вдохновенія ея: онъ наложилъ на него желѣзную руку.

Дегтяревскій написалъ много прекрасныхъ пьесъ, преимущественно для духовнаго пѣнія. Онъ думалъ, что онѣ исходятъ тайствують ему свободу. Онъ жаждалъ, просилъ только свободы, но, не получая ее, сталъ въ винѣ искать забвенія страданій. Онъ пилъ много и часто, подвергался оскорбительнымъ наказаніямъ, снова пилъ и, наконецъ, умеръ, сочиняя трогательныя молитвы для хора. Нѣкоторыя изъ его сочиненій и до сихъ поръ извѣстны любителямъ церковной музыки.

Отецъ мой, между тѣмъ, спалъ съ голоса. Ему было уже семнадцать лѣтъ, когда, по заведенному въ графской администраціи обычаю, порѣшили отправить его въ одно изъ имѣній на канцелярскую службу. Выборъ палъ на его родину и, какъ онъ находился на счету отличныхъ людей и по способностямъ и по поведенію, ему, не смотря на его молодость, дали въ Алексѣевкѣ важное мѣсто старшаго писаря.

Алексѣевка была обширная и многолюдная слобода. Въ ней считалось до семи тысячъ душъ.

Сверхъ того, къ ней было приписано до девяносто разныхъ малыхъ и большихъ хуторовъ, такъ что все населеніе ея простиралось до двадцати тысячъ слишкомъ душъ. Управлялась слобода двоякаго рода властями. Однѣ назначались графомъ, а именно: управитель, старшій писарь и повѣренный. Другія избирались общиною и назывались атаманами. Все это вмѣстѣ составляло такъ называемое вотчинное правленіе, въ которомъ старшій писарь, иначе земскій, былъ правителемъ дѣлъ. Наконецъ, существовала еще одна власть: общинное собраніе, мѣръ, вѣче или, по малороссійски, громада. Разсужденію ея подлежали вопросы, касавшіеся благосостоянія и порядка цѣлой вотчины: вопросы финансовыя, рекрутская повинность и т. д.

Такъ было въ учрежденіи, на дѣлѣ выходило иначе. Вся правительственная власть сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занималась преимущественно торговлею и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертки, успѣвшіе усвоить себѣ отъ москалей одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покррой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, питыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ коралловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами.

Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялся почти исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепрѣимство,

которымъ по справедливости всегда славилась малороссiяне. Воровство, обманъ, московская удаля, надувательство были у нихъ вещами несслыханными. Москаль, по ихъ понятiю все это вмѣщавшій въ себѣ, былъ словомъ ругательнымъ.

Эти добрые хуторяне, въ своей патриархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованiяхъ, жили бы совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мiрѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастiю, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенiя другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣднiе располагали и выборами, и голосами въ громадѣ.

Былъ въ слободѣ еще особенный и многочисленный классъ людей—классъ ремесленниковъ: кравцовъ (портныхъ), шевцовъ (сапожниковъ), бочаровъ или бондарей, ковалей (кузнецовъ) и проч. Они уже не занимались земледѣлiемъ, но развозили по сельскимъ и городскимъ ярмаркамъ свои издѣлiя. Сталевиваясь въ этихъ промышленныхъ странствованiяхъ съ москалями, они заражались ихъ удаляю и были большею частью презрѣдыми плутами.

Вотъ среди какого общества былъ призванъ жить и дѣйствовать на первыхъ порахъ мой отецъ. Онъ прибылъ въ Алексѣевку, кажется, въ 1800 или 1801 году. Ему тогда только что минуло восемнадцать лѣтъ. Мѣщане встрѣтили его недоброжелательно. Они презирали его за молодость и считали недостойнымъ участвовать въ управленiи ихъ общиною. Однако, они скоро утѣшились, предполагая, что за то будутъ имѣть въ немъ покорное орудiе. Но у отца было другое на умѣ. Кромѣ способностей, природа надѣлила его еще пылкимъ, благороднымъ и воспримчивымъ сердцемъ. Онъ былъ одною изъ тѣхъ личностей, которымъ суждено всю жизнь бороться съ окружающею неурядицею

и въ заключеніе становиться ея жертвою. Онъ, какъ я уже говорилъ, значительно образовалъ себя и, на свою бѣду, умственно и нравственно совсѣмъ отдѣлился отъ людей, съ которыми ему надлежало жить и отъ которыхъ онъ зависѣлъ. Образованіе его было случайное, безъ всякой системы и ни мало не приспособленное къ его будущности. Лишенное практическаго смысла, оно только воспламенило его воображеніе, наполнило голову идеями, не согласными съ окружающею дѣйствительностію, и потому не могло руководить его среди пропастей и грязи, которыя ему суждено было проходить. Оно составляло блестящее, неожиднное, но и опасное преимущество его судьбы.

Отецъ мой совсѣмъ не понималъ своего положенія. Даже примѣръ Дегтяревскаго не научилъ его. Онъ былъ знакомъ только съ героями исторій и романовъ, а не съ жизнію и дѣятелями своего міра. Цѣня только то, что находилъ или въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, или въ фантастическихъ своихъ и чужихъ дополненіяхъ къ ней, онъ съ перваго же шага въ жизни бросился на встрѣчу призракамъ такихъ доблестей, самыя имена которыхъ не были извѣстны не только въ графскихъ вотчинахъ, но и въ другихъ, гораздо болѣе почетныхъ, мѣстахъ русской земли. Приступивъ къ отправленію своей должности, онъ скоро убѣдился, что грубая сила и богатство, а не человѣчность и справедливость располагають дѣлами и жребіемъ людей. Тогда онъ вообразилъ себѣ, что избранъ Провидѣніемъ дать другое устройство своей родинѣ, установить равновѣсіе между людьми привилегированными и бѣдными и учредить таковой порядокъ, чтобы послѣдніе всегда находили защиту противъ самоуправства и произвола первыхъ, то есть онъ предпринялъ дѣло, которое еще никому въ мірѣ не удавалось. Мысль эта до того овладѣла имъ, что онъ забылъ всякую осторожность и скудость средствъ, какими располагалъ для борьбы со зломъ.

Богатые мѣщане сначала приуныли, заподозривъ въ немъ тайнаго агента графа, но скоро успокоились, увидѣвъ, что во всякомъ случаѣ имѣютъ дѣло съ горячимъ, неопытнымъ юношей, съ которымъ не трудно будетъ справиться: стоитъ только дать побольше разыгаться его пылкости и терпѣливо выждать удобную минуту.



На первыхъ порахъ мѣстные аристократы, впрочемъ, еще надѣялись другимъ, мирнымъ, способомъ обуздать непрошеннаго реформатора. Они хотѣли женить его на комъ нибудь изъ своихъ и, запутавъ въ родственныя и семейныя связи, сдѣлать его сговорчивѣе. Но отецъ и тутъ пошелъ всѣмъ наперекоръ. Онъ, дѣйствительно, поспѣшилъ жениться, но въ угоду себѣ, а не другимъ.

Случилось это такъ. Однажды вечеромъ онъ шелъ по мосту черезъ рѣку Сосну. Съ паствы возвращались на ночлегъ стада коровъ и овецъ. Имъ на встрѣчу, по обыкновенію, высыпала изъ деревни толпа женщинъ и между ними одна молодая дѣвушка, привлекательная наружность и скромный видъ которой привлекали вниманіе отца. Онъ освѣдомился у подругъ объ ея имени и узналъ, что она дочь небогатаго кравца, шьющаго тулупы, по прозванью Ягнюка. Участь отца была рѣшена: плѣнительный образъ дѣвушки всецѣло овладѣлъ имъ.

Дня три спустя онъ объявилъ родителямъ, что хочетъ жениться. Моя бабушка пришла въ ужасъ, когда узнала, что избранная ея сына не зажиточная мѣщанка, а дочь бѣднаго, ничтожнаго кравца. Важное значеніе въ слободѣ моего отца, перваго послѣ управляющаго лица, его способности, московское образованіе дѣлали его настоящимъ панычемъ. Все это давало его матери поводъ рассчитывать на гораздо болѣе выгодный для него бракъ. Она надѣялась назвать невѣсткою дочь кого-нибудь изъ первоклассныхъ богачей слободы. Были призваны на помощь всевозможные доводы, просьбы, увѣщанія, чтобы отклонить молодого человѣка отъ неравнаго брака. Все напрасно. Романическая встрѣча, красота дѣвушки, самая бѣдность ея заставляли отца упорно стоять на своемъ.

Но онъ, и въ рѣшимости своей, не по обычаю поступилъ. вмѣсто того, чтобы заслатъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, онъ самъ явился къ нимъ. Это были малороссіяне стараго закала, въ которыхъ еще не угасъ духъ прежнихъ украинцевъ. Честные и добродушные, они не имѣли ничего общаго съ испорченной средой мѣщанскаго и ремесленнаго сословія. Главное занятіе ихъ составляло земледѣліе, но дѣдъ мой, въ молодости, научился шить кожухи и теперь еще кое-что зарабатывалъ, въ качествѣ кравца. Семья его, такимъ образомъ, не терпѣла особенной нужды.

Они жили на берегу Сосны, въ небольшой, крытой соломой, но бѣленькой хатѣ, за которою, къ самой рѣкѣ, спускался огородъ, съ грядками капусты, гороха, свеклы, кукурузы и разнаго рода цвѣтами. Тутъ красовались пышныя гвоздики и огромныя подсолнечники, пестрѣли разноцвѣтные маки, благоухалъ вануперъ, ковромъ разстилались ноготки, колокольчики, зинзиверъ, и — украшеніе могилъ — васильки. Огороду этому, въ послѣдствіи, суждено было терпѣть великое опустошеніе отъ моихъ набѣговъ, особенно въ той части, гдѣ вокругъ гибкихъ и длинныхъ тычинокъ вился сладкій горохъ. За рѣкой, противъ самаго огорода, разстился вишневый садъ — рай моей бабушки, когда она еще была въ дѣвцахъ, потомъ ея дочерей, а въ заключеніе и мой. Тамъ тѣснились яблони, вишневья и грушевыя деревья, лѣтомъ и осенью обремененныя плодами — отрадой моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Но объ этомъ послѣ.

Старики оторопѣли, когда узнали, зачѣмъ явился къ нимъ такой знаменитый гость, какъ старшій писарь, мой будущій отецъ. — „Такъ якъ же тому бути“, говорила старуха-мать — „чтобъ наша Катря була тоби жинкою? Чи вока жъ тоби пара? Мы людѣ убоги и прости, а ты бачъ письменный, паньчъ, да такой еще гарный. У Катри ничего нема, далибугъ, окромѣ звихсь плахтынокъ, сорочекъ, да хустокъ“.

Отецъ мой на это разразился чѣмъ-то въ родѣ пламеннаго дионирамба, изъ котораго старуха, разумѣется, ничего не поняла. Въ заключеніе, однако, порѣшили позвать Катрю и спросить у нея согласна ли она идти замужъ за старшаго писаря, Василья Михайловича. Озадаченная дѣвушка, дрожа и краснѣя, отвѣчала, что сдѣлаегъ, какъ прикажутъ родители.

Недѣли черезъ три сыиграли свадьбу — къ тайному неудовольствію матери жениха и къ изумленію алексѣевскихъ аристократовъ, которые съ этихъ поръ окончателно возненавидѣли отщепенца и увѣрили въ намѣреніи погубить его.

Мнѣ предстоитъ трудная задача начертить портретъ моей матери, соединивъ черты ея юности, дошедшія до меня по преданію, съ тѣмъ, что уцѣлѣло въ моей собственной памяти отъ ея болѣе зрѣлаго возраста. Она была замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе. Жизнь не дала ей ничего, кромѣ страданій, но она съ

рѣдкимъ достоинствомъ прошла свой скорбный путь и сошла въ могилу съ ореоломъ праведницы.

Въ молодости она слыла красавицею, да и въ моей памяти рисуется еще такою. Ея тонкія правильныя черты выражали безконечную кротость, а манеры и обращеніе съ лѣтами пріобрѣли особенную плавность и величавость. Росту она была выше средняго и стройно сложена. Черные волосы мягкими прядями лежали вокругъ высокаго лба. Но всего лучше были ея каріе глаза: въ нихъ свѣтилось столько нѣжности и доброты. Кто видѣлъ ее, тотъ непремѣнно чувствовалъ къ ней пріязнь и уваженіе. Безъ всякаго образованія, она обладала счастливыми способностями, при которыхъ женщина легко свыкается съ обычаями, правами и понятіями другаго болѣе утонченнаго круга. По развитію мой отецъ былъ выше ея. Она это признавала и почтительно передъ нимъ преклонялась, всегда охотно входила въ его виды и сочувствовала, если не романическимъ порывамъ и игрѣ его фантазіи, то благороднымъ стремленіямъ, лежавшимъ въ основѣ его характера. У нея у самой была бездна природнаго ума, который съ теченіемъ времени тоже не преминулъ развиться и окрѣпнуть. То былъ умъ удивительно вѣрный и здравый, безъ малѣйшей заносчивости и тонкій безъ жеманства. Въ немъ она всегда находила прочную точку опоры тамъ, гдѣ болѣе отважный, но менѣе гибкій умъ ея мужа легко терялъ почву подъ ногами.

Событія, наполнявшія жизнь моего отца, какъ настоящія волны, то и дѣло бросали утлый челнъ его изъ одной крайности въ другую. Онъ былъ игрушкою самой странной судьбы, полной противорѣчій и горькихъ разочарованій. Съ одной стороны онъ какъ бы пользовался выгодами и преимуществами независимаго, даже почетнаго положенія, съ другой — могъ быть попираемъ, какъ червь. Герой по широкому уму, по способностямъ и по гордости, съ какою отстаивалъ свое человѣческое достоинство, онъ, по роли, которая выпала ему въ жизни, былъ жалкимъ актеромъ. Не мало противорѣчій было и въ сношеніяхъ его съ людьми. Случай безпрестанно наталкивалъ его на такихъ, которые были гораздо выше его и по систематическому образованію, и по общественному положенію. Но они не только охотно водились съ нимъ, какъ съ равнымъ, но многіе изъ нихъ

даже состояли въ тѣсной дружбѣ съ нимъ. У меня сохранилась часть переписки моего отца, которая свидѣтельствуетъ объ уваженіи и сочувствіи къ нему этихъ лицъ.

Въ такой-то кругъ житейскихъ условій вошла моя мать, неся имъ на встрѣчу только свое прекрасное сердце, свой непросбѣщенный, но здравый умъ и свой женскій инстинктъ. Она сумѣла найтись въ этомъ чуждомъ ей кругу и соединить строгое исполненіе обязанностей своего пола и призванія съ требованіями относительно чрезвычайнаго положенія. На кухнѣ, за прялкой, за иглой, она была усердная работница, кухарка, швея, нянька своихъ дѣтей. И ее же потомъ видѣли степенно, скромно, но свободно ведущею бесѣду съ именитыми горожанами, точно она вѣкъ съ ними жила. Она вообще умѣла дѣлать все просто и кстати. Разговоръ ея не отличался бойкостью, но она говорила легко и занимательно, нерѣдко приправляя свою рѣчь оригинальнымъ малороссійскимъ юморомъ.

Но главная сила моей матери заключалась въ сердцѣ и характерѣ. Она была сама доброта и самопожертвованіе. Конечно, она знала, что въ мірѣ есть зло: она сама много отъ него терпѣла, но рѣшительно не понимала, какъ можно дѣлать зло и какъ можно дѣлать на свѣтѣ что другое, кромѣ добра. Ничто не сравнится съ терпѣніемъ и мужествомъ, съ какими она переносила удары судьбы. Она испытала все, что составляетъ отраву жизни: страданія сердца, нужду, всевозможныя лишенія, гоненія и потрясенія самыхъ бурныхъ и неожиданныхъ свойствъ. Бѣды и несчастія, казалось, спорили о томъ, которому изъ нихъ, наконецъ, удастся одолѣть эту прекрасную, благородную душу женщины, виноватой только тѣмъ, что она жила. Но кто видѣлъ, какъ глубоко и жгучи были ея скорби? Одинъ только Богъ развѣ, передъ которымъ она изливала свое сердце въ тихой, покорной молитвѣ, не спрашивая, зачѣмъ, въ силу какихъ законовъ возложено на нее такое тяжелое иго?

Враждебныя обстоятельства, съ теченіемъ времени, произвели нѣкоторыя перемѣны въ характерѣ отца. Въ сущности онъ оставался тѣмъ же, но сталъ недовѣрчивѣе къ людямъ. Взглядъ его на жизнь сдѣлался скептичнѣе, а на собственную судьбу мрачнѣе и тревожнѣе. Характеръ его подруги, напротивъ, все совер-

шенствовался и, подъ давленіемъ бѣдъ, только сосредоточивался и, такъ сказать, округлялся. Замѣчательно, что, выросшая среди людей простыхъ и невѣжественныхъ, она, въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, была чужда суевѣрія и предрасудковъ, которые такъ часто принимаются за одно съ религіей. Ея здравый умъ вѣрно отличалъ настоящія требованія всего честнаго и разумнаго отъ искусственнаго и только наружнаго. Она чтала не обычай, а добрые нравы и имъ однимъ придавала важность.

За то религіозныя вѣрованія моего отца, какъ и все въ немъ, отличались своеобразностью и были полны противорѣчій. Напримеръ, онъ высоко цѣнилъ Вольтера и ни мало не смущался его скептическими воззрѣніями. Самъ, между тѣмъ, былъ набоженъ, не иначе какъ съ уваженіемъ говорилъ о „вещахъ божественныхъ“ и ничуть не пренебрегалъ обрядами церкви. При всякомъ выдающемся событіи въ домашнемъ быту онъ непремѣнно приглашалъ священника служить молебенъ, хотя за это часто не легко бывало заплатить. На молебнахъ онъ всегда съ благоговѣніемъ молился, а вслѣдъ затѣмъ опять отъ души смѣялся антирелигіознымъ выходкамъ Вольтера, особенно его издѣвательствамъ надъ попами и монахами.

### III.

Первыя покушенія моего отца водворить правду тамъ, гдѣ ея не хотятъ, и что изъ этого вышло.

Послѣ женитьбы отецъ мой намѣревался жить, по прежнему, съ своими родителями, но это скоро оказалось невозможнымъ. Его мать никакъ не могла простить удара, нанесеннаго ея честолюбію, и, какъ женщина энергическая, рѣзко выражала свое неудовольствіе. За все платилась, конечно, моя будущая мать. Ни молодость, ни красота ея, ни безусловная покорность ничто не могло смягчить бабушку Степановну. Отцу приходилось или оставаться безмолвнымъ зрителемъ незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій, ежедневно наносимыхъ его юной подругѣ, или начать жить собственнымъ домомъ. Онъ избралъ послѣднее. Жалованье онъ получалъ небольшое; но въ Алексѣевѣ все было дешево, а нужды его семьи незатѣйливы: ему безъ особеннаго

труда удалось обзавестись маленькимъ хозяйствомъ. Молодость, относительное довольство, согрѣтый любовью домашній очагъ, а главное—удовлетвореніе малымъ и вѣра въ будущее дѣлали то, что отецъ мой на время счелъ себя счастливымъ. Этотъ моментъ его жизни можетъ быть названъ золотымъ, идиллическимъ періодомъ его существованія. Но идиллія недолго продолжалась: она быстро перешла въ драму, съ печальной развязкой на краю могилы.

Характеръ общественной дѣятельности моего отца не замедлилъ опредѣлиться. Онъ съ первыхъ же шаговъ въ качествѣ старшаго писаря выступилъ защитникомъ слабыхъ и врагомъ сильныхъ. Насталъ рядъ случаевъ, въ которыхъ ярко обнаружилась и его діалектическая ловкость въ оспариваніи несправедливыхъ притязаній и стойкость въ преслѣдованіи злоупотребленій. Это усилило бдительность враговъ и разожгло ихъ злобу. Завязалась ожесточенная борьба. Къ несчастью, отецъ мой стоялъ совсѣмъ одиноко. Ему и въ голову не приходило позаботиться о томъ, чтобы приобрѣсти себѣ союзниковъ, образовать нѣчто въ родѣ партіи. Онъ ровно ничего не понималъ въ практической мудрости, которая страстями же побѣждаетъ и подчиняетъ себѣ страсти, но въ своей юношеской неопытности думалъ, что достаточно возвысить голосъ въ пользу правды, и ея торжество несомнѣнно. Уроки опыта и впоследствии не научили его этому.

Былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Вотчинѣ надлежало поставить извѣстное число рекрутъ. Власти такъ повели дѣло, что богатые, имѣвшіе по три и по четыре взрослыхъ сына, были, подъ разными предлогами, освобождены отъ этой общественной тягости, которая, такимъ образомъ, падала исключительно на бѣдныхъ. Многія семьи лишались послѣдней опоры: дѣти забрали даже нѣсколькимъ женатымъ. Такая несправедливость возмутила отца. Онъ горячо вступился за одну вдову, у которой отнимали единственнаго сына и кормильца. Но протестъ его остался безъ послѣдствій. Тогда онъ рѣшился, прямо отъ себя, написать графу и раскрыть ему всѣ злоупотребленія.

Поднялась страшная суматоха. Отъ графа явились ревизоры, какъ водится, уполномоченные изслѣдовать беспорядки и принять мѣры къ ихъ устраненію на будущее время. Эти почтенные

блюстителѣ нравовъ, прежде всего, взяли съ виновныхъ огромныя взятки, а затѣмъ объявили ихъ не только правыми, чуть не святыми, а виновника переполоха, моего отца, признали клеветникомъ. Его отрѣшили отъ должности и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій графа, посадили въ тюрьму.

Отецъ, однако, не смирился. Онъ вздумалъ перехитрить враговъ и предупредить ихъ донесеніе графу своимъ собственнымъ. Но какъ это сдѣлать? Его, какъ важнаго общественнаго преступника, ворко стерегли и не давали ему ни бумаги, ни перьевъ, ни чернилъ. Моя мать нашла средство все это доставить ему. Ей позволили навѣщать заключеннаго и вотъ она, въ одно изъ своихъ посѣщеній, снабдила его бумагой, которую принесла мелко сложенною, подъ чепцомъ. Этотъ головной уборъ малороссіановъ, въ то время, былъ очень объемистый и съ упругимъ верхомъ. Туда-же спрятала она и перо, а чернилицу скрыла въ краюшкѣ хлѣба!

Два дня спустя письмо съ описаніемъ гоненій, претерпѣваемыхъ отцомъ, уже было на пути къ графу. Противники не успѣли опомниться, какъ явилось строгое предписаніе приостановить ходъ дѣла, освободить отца и отправить его, для личныхъ объясненій, въ Москву. Это произвело на всѣхъ дѣйствіе громаваго удара, а отцу моему внушило самыя отважныя надежды. Последнія, однако, быстро разсѣялись.

Графъ, правда, благосклонно выслушалъ его, но еще благосклоннѣе отнесся къ навѣтамъ противной стороны. Отца признали человѣкомъ безпокойнымъ, волнующимъ умы и радѣющимъ больше о выгодахъ человѣчества, чѣмъ о графскихъ. Въ заключеніе бѣднягу заковали въ цѣпи и привезли обратно въ слободу, гдѣ велѣли жить подъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Отсюда начался рядъ его несчастій—униженій, гоненій и лишеній всякаго рода.

Прежде всего надлежало подумать о насущномъ хлѣбѣ. Отецъ собралъ въ памяти все, чему учился въ Москвѣ, и что успѣлъ почерпнуть изъ чтенія книгъ, и рѣшился пустить въ оборотъ небольшой капиталъ своего знанія. Верстахъ въ пятнадцать отъ Алексѣевки жила, въ небольшой деревнѣ, помѣщица, Авдотья Борисовна Александрова. Эта замѣчательная личность, типъ русскихъ помѣщицъ начала нынѣшняго столѣтія, не можетъ быть

обойдена молчаніемъ. Къ тому же она была моею крестною матерью. Я помню ее уже лѣтъ сорока. Высокая, довольно полная, съ грубымъ лицомъ и мужскими ухватками, она непріятно поражала рѣзкими манерами и повелительнымъ обращеніемъ. Жила она на широкую барскую ногу, хотя средства ея были невелики. У ней часто собирались гости, особенно офицеры квартировавшаго въ окрестностяхъ полка. Ходила молва, что она охотно угощала ихъ не только сытными обѣдами и наливками, но и отцвѣтающими своими прелестями. Образование ея не шло дальше грамоты, да умѣнія одѣваться и держать себя по барски, сообразно тогдашнимъ обычаямъ и модѣ Претензій за то у нея было пропасть. Она была на барство и потому сама мало распорядилась хозяйствомъ, а дѣйствовала въ домашнемъ управленіи черезъ управляющаго, дворецкаго, ключвиць и т. д.

Эта феодальная дама отличалась всѣми свойствами деспота, обладателя нѣсколькихъ сотъ рабовъ, но сама состояла въ рабствѣ у своихъ дурныхъ наклонностей. Бичъ и страшилище подвластныхъ ей несчастливцевъ, она особенно тяготѣла надъ тѣми, которые составляли ея дворню и чаще другихъ попадались ей на глаза. Мои воспоминанія о ней ограничиваются годами моего дѣтства. Но я живо помню, какъ она собственноручно колотила скалкою свою любимую горничную, Пелагею, какъ раздавала пощечины прочимъ, какъ другая ея горничная, Дуняша, съ бритой головой, по нѣскольку дней, ходила съ рогатвой вокругъ шеи, какъ всѣхъ своихъ дѣвушекъ сѣкла она крапивою. Подобныя вещи, впрочемъ, никого не возмущали: онѣ были въ нравахъ общества и времени.

Мать четырехъ дѣтей, Авдотья Борисовна выхлопотала позволеніе моему отцу переселиться къ ней, чтобы занять въ ея домѣ должность учителя. И вотъ мы переѣхали въ Ударовку. Если не ошибаюсь, это было въ 1802 году.

Деревня славилась живописной мѣстностью. Барскій домъ стоялъ на высокой горѣ, у подошвы которой течетъ рѣка Тихая Сосна. Начиная съ вершины горы, по скату ея и до самой рѣки, простирался великолѣпный садъ, съ множествомъ плодовыхъ деревьевъ и съ огромными вѣковыми дубами. На противоположной сторонѣ рѣки зеленѣлъ и пестрѣлъ цвѣтами роскошный лугъ, съ живописно разбросанными по немъ кучами лозъ



и вербы. На одномъ изъ граціозныхъ изгибовъ рѣки стояла водяная мельница. Около пѣнилась и влокотала вода, отдаленный шумъ паденія которой долеталъ до горной вершины. Деревня тянулась по горѣ, противъ барскаго дома. Отцу моему отвели въ ней маленькій, но опрятный домикъ, который примыкалъ къ саду. Здѣсь-то и явился я на свѣтъ, на второй или на третій годъ послѣ водворенія въ Ударовѣ моихъ родителей, а именно въ 1804 или 1805 году.

## IV.

## Первые годы моего дѣтства.

Я рано помню себя, но память моя, конечно, удержала только самыя яркія черты лицъ и событій моего перваго дѣтства. Зато воспоминавія эти очень живы и пластичны: лица, событія, мѣстности и теперь еще представляются мнѣ такъ ясно и отчетливо, какъ будто они все еще были у меня передъ глазами. Между тѣмъ мое знакомство съ ними должно быть отнесено въ трехъ и даже двухлѣтнему моему возрасту. Первое воспоминаніе изъ самой отдаленной древности моей исторіи, или изъ самой юной эпохи моей жизни—это воспоминаніе о сильно мучившей меня оспѣ и объ одномъ горбатомъ мальчикѣ, по прозванью Третьякъ, которымъ меня почему-то пугали: вѣроятно, по причинѣ его жалкой наружности, хотя въ ней не было ничего страшнаго или отталкивающаго. Больнаго оспой, меня возили по саду въ телѣжкѣ.

Я былъ вторымъ ребенкомъ у родителей. Ихъ первая дочь умерла на второмъ году отъ рожденія. Родился я въ мартѣ мѣсяцѣ, кажется, двѣнадцатаго, въ чемъ отецъ мой видѣлъ счастливое предзнаменованіе: это моментъ возрожденія природы въ нашемъ краю. Около этого времени тамъ начинается весна: снѣгъ таетъ, рѣки освобождаются отъ ледяныхъ покрововъ, съ горъ текутъ потоки, въ рывинахъ и оврагахъ шумитъ вода, зелень едва примѣтнымъ пушкомъ пробивается на деревьяхъ, на поляхъ проглядываютъ первые голубые цвѣтки—красивые пролѣски, воздухъ оглашается пѣніемъ жаворонковъ и похожими

на звуки волторыи криками журавлей, которые угловатой линіей тянутся къ намъ съ дальняго юга на веселый востокъ.

Восприемниками моими при крещеніи были помѣщица Александрова и ротмистръ, или поручикъ, князь Жеваховъ, очень любившій моего отца. По словамъ матери, я росъ крѣпкимъ и здоровымъ на славу, такъ что мною нерѣдко любовались. Крестная мать ласкала меня и кормила сладостями. Я рано началъ ходить и произносить первыя слова. Мое физическое развитіе вообще шло правильно и успѣшно.

Не знаю, почему не привили мнѣ оспы: вѣроятно, потому, что оспопрививаніе въ то время не было еще такъ распространено въ провинціи, какъ теперь. Это обстоятельство чуть не стоило мнѣ жизни, такъ какъ меня постигла чрезвычайно сильная натуральная оспа. Но съ другой стороны, я, можетъ быть, ей-то и обязанъ своимъ теперешнимъ хорошимъ здоровьемъ. На лицѣ моемъ и теперь еще сохраняются едва замѣтные слѣды этой болѣзни, за то она въ самомъ началѣ жизни, разомъ, освободила мое тѣло отъ всѣхъ вредныхъ и острыхъ соковъ.

Не могу съ точностью опредѣлить, какъ долго мой отецъ оставался у помѣщицы Александровой: кажется, года три или четыре. Жизнь его у ней текла довольно спокойно. Всѣ любили его, начиная съ помѣщицы и ея дѣтей, до послѣдняго двороваго человѣка. Я былъ впоследствии знакомъ съ двумя молодыми Александровыми, сыномъ и дочерью Ударовской барыни. Они, съ благодарностью, вспоминали о моемъ отцѣ, какъ о человѣкѣ, которому были обязаны своимъ развитіемъ и тѣми небольшими свѣдѣніями, какія дало имъ ихъ не блестящее воспитаніе. Эти питомцы моего отца вовсе не походили характеромъ на свою бурную и жестокую мать. Они были люди простые и добрые, безъ всякихъ барскихъ или феодальныхъ замашекъ.

Обязательства моего отца съ помѣщицей Александровой пришли къ концу. Ему удалось сволотить изъ жалованья небольшую сумму, на которую онъ купилъ хату въ родной слободѣ. Живо помню я этотъ скромный пріютъ моего дѣтства—хорошенькій малороссійскій домикъ, съ двумя чистыми комнатами, кухней и владовой. Онъ былъ крытъ очеретомъ (вамышемъ) подъ гребенку, что служило знакомъ уже нѣкоторой роскоши, ибо у прочихъ хуторянъ жилища скромно прятались подъ со-

лому. На дворѣ стояли: большой сарай, конюшня, загородъ съ навѣсомъ для коровъ и овецъ, и курятникъ. Но мое вниманіе особенно привлекали ворота. Надъ ними, по малороссійскому обычаю, была устроена голубятня, гдѣ жило, вило гнѣздо и выводило потомство многое множество голубей. Эти милыя, граціозныя созданія сильно меня занимали, но и съ своей стороны не чуждались меня. Мое появленіе на голубятнѣ не только не пугало ихъ, а напротивъ, точно доставляло имъ удовольствіе—да я-же никогда и не приходилъ къ нимъ съ пустыми руками. Они порхали и довърчиво толпились вокругъ меня, какъ лакомыя дѣти около ключницы, когда та выходитъ изъ кладовой, обремененная пряниками, орѣхами и другими сладостями—и клевали зерна изъ моихъ рукъ.

Меня вообще очень занимали всѣ живыя Божія созданья. Такъ я, между прочимъ, былъ въ большой дружбѣ съ почтеннымъ старымъ псомъ, Гарсономъ, который честно сторожилъ нашъ дворъ, и съ большимъ бѣлымъ вомомъ, очень пріятной наружности, но великимъ плутомъ и воромъ. Кухарка и матушка бывали отъ него въ отчаяніи. Кухня и кладовая то и дѣло подвергались его набѣгамъ: онъ таскалъ оттуда провизію, а на мышей не обращалъ никакого вниманія.

Не только мы, но и сосѣди терпѣли отъ его воровскихъ походовъ. У одного изъ нихъ висѣлъ на чердакѣ кулекъ со свинымъ саломъ, заготовленнымъ къ празднику. Подлецъ-вотъ умудрился прогрызть кулекъ. Онъ сдѣлалъ въ немъ отверстіе, въ видѣ двери, и устроилъ себѣ тамъ родъ жилища, съ готовымъ столомъ. Сало постепенно исчезало, а воть непомерно жирѣлъ. Скоро отъ сала остались однѣ тоненькія стѣнки. Насталъ канунъ праздника. Хозяинъ отправился на чердакъ, рассчитывая на завтра полакомиться самъ и полакомить семью. Подходить къ кульку: оттуда выскакиваетъ воть, а сала какъ не бывало. Жалобы на вора сыпались со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, порѣшили его повѣсить—и повѣсили. Но видно петля была слабо затянута или kota слишкомъ скоро изъ нея вынули, только онъ ожилъ; крупнымъ и ловкимъ ворамъ, какъ извѣстно, вездѣ удача. Нашлись добрые люди и исходатайствовали воту прощенье, въ надеждѣ, что полученный урокъ не пропадетъ для него даромъ. Дѣйствительно, недѣли три-четыре послѣ того воть,

велъ себя примѣрно, но дольше не выдержалъ и сбился на прежнее. Его вторично повѣсили и на этотъ разъ уже оставили висѣть на веревкѣ цѣлыя сутки. Я не зналъ обо всѣхъ проказахъ моего пріятеля и горько оплакивалъ его потерю: онъ всегда такъ охотно со мною игралъ!

За дворомъ нашего дома простирался изрядный кусокъ земли, который мой отецъ поспѣшилъ превратить въ садъ. Онъ засадилъ его вишнями, яблонями, бергамотовыми и грушевыми деревьями, черешнями, а также дубомъ и кленомъ. Все это онъ распланировалъ съ искусствомъ, которому удивлялись и завидовали сосѣди. Въ саду, между прочимъ, на круглой площадкѣ былъ возведенъ небольшой дерновый курганъ: это считалось особенно замысловатою выдумкою. Впрочемъ, садъ былъ еще очень молодъ и бѣдный отецъ не успѣлъ насладиться плодами его.

Учительство и теперь давало ему главный заработокъ. Оно же и впослѣдствіи выводило его изъ бѣды всякій разъ, когда онъ попадалъ въ особенно трудныя обстоятельства. Малороссіяне, по крайней мѣрѣ тогда, выказывали гораздо больше склонности къ ученію, чѣмъ великороссы, и неудивительно, если Малороссія была, до соединенія съ Россіей, образованнѣе, чѣмъ теперь. Въ мое время, въ каждомъ порядочномъ селѣ были школы, содержимыя преимущественно духовенствомъ—всего чаще дячками.

Курсъ ученія въ этихъ школахъ раздѣлялся на четыре части. Онъ начинался съ азбуки, при чемъ буквы произносились по старинному: азъ, буки, вѣди и т. д. Отъ складовъ переходили къ часослову, затѣмъ къ псалтирю и въ заключеніе уже къ письму. Нѣкоторые ограничивались однимъ чтеніемъ. По окончаніи каждой части курса, ученикъ приносилъ учителю горшокъ молочной каши, а родители ученика, кромѣ платы по условію, вознаграждали его еще вязанкою бубликовъ или вшышемъ (сдобный, съ саломъ пшеничный хлѣбъ), а кто побогаче—ягненокъ, мѣшкомъ муки или пшена и т. д.

Всѣ педагогическіе пріемы въ этихъ школахъ сводились къ употребленію ременной плетки о трехъ или четырехъ концахъ и палей, т. е. ударовъ линейкой по голой ладони. День субботній былъ самый знаменательный въ школьной жизни. По субботамъ обыкновенно сѣкли шалуновъ за проказы, содѣянные

ими въ теченіи недѣли, а школьниковъ, ни въ чемъ не провинившихся, за проказы, которыя могутъ быть сдѣланы впереди.

Были, впрочемъ, и такія школы, гдѣ это повальное сѣченіе не составляло неизбѣжной необходимости. Школа моего отца была одною изъ такихъ и вообще отличалась и тономъ, и способомъ преподаванія. Тамъ дѣти учились чтенію не по часослову и псалтирю, а по книжкамъ гражданскаго шрифта. Кромѣ того, ихъ всѣхъ обязательно обучали письму и ариметикѣ. Тройчатка у насъ замѣнялась розгою, но и къ той рѣдко прибѣгали, только въ крайнихъ случаяхъ. За то нашу школу и посѣщали дѣти высшаго слободскаго сословія—мѣщанъ и вообще обывателей, особенно радѣвшихъ о воспитаніи своего потомства. Были у насъ и пансіонеры изъ дальнихъ хуторовъ и даже изъ города Бирюча.

Плата, взимавшаяся моимъ отцомъ за обученіе дѣтей, была не велика, но онъ пополнялъ ее доходомъ съ земли, которую самъ обрабатывалъ. Къ тому-же все необходимое для существованія было очень дешево въ нашемъ краю. Это сообщало нашему домашнему быту не только удобства, но и своего рода утонченность, мало извѣстную другимъ жителямъ слободы. Мы пили чай. Иныя блюда за нашимъ обѣдомъ готовились и подавались на столъ по городскому. Отецъ носилъ скуртуки и фраки. Мать, вмѣсто живописнаго малороссійскаго очипка, повязывала голову платкомъ, какъ горожанка, а вмѣсто плахты и корсета, носила довольно нелѣпаго покроя нѣмецкое или, такъ называемое, длинное платье. Меня тоже одѣвали въ скуртуки. Отецъ до педантизма любилъ опрятность въ одеждѣ и въ домѣ, съ чѣмъ охотно сообразовалась и моя мать. Мало того, онъ даже былъ склоненъ къ роскоши и вообще не имѣлъ понятія о томъ, какъ сберегать копѣйку на черный день. Лишь только улучшалось его положеніе, у насъ въ домѣ заводились вещи, безъ которыхъ въ крайности можно было бы обойтись, а угщеніе „добрыхъ людей“, какъ симптомъ общаго малороссійскаго гостеприимства, становилось чаще и обильнѣе.

Разумѣется, это не вело къ упроченію благосостоянія семьи, но благоразуміе и экономія моей матери составляли достаточный противовѣсъ расточительности отца. Да и онъ самъ, при всей своей нерасчетливости, былъ очень умѣренъ въ личной

жизни. Онъ не пилъ вина и не любилъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, довольствуясь рюмкою настойки передъ обѣдомъ. За то ему нравились сласти, плоды, варенье, разныя заморскія лакомства, но онъ употреблялъ ихъ умѣренно, наслаждаясь больше ихъ качествомъ, чѣмъ количествомъ. Въ памяти моей запечатлѣлся „сладостный образъ“ нѣкоего Сидорки, который ежегодно привозилъ по зимнему пути изъ Москвы вороха пряниковъ, пастилы, изюму и вообще всякой всячины этого рода. Проѣздомъ къ помѣщикамъ, онъ всегда и къ намъ заглядывалъ, и если отецъ бывалъ при деньгахъ, уѣзжалъ дальше съ значительно облегченными санями.

Мои воспоминанія объ этомъ періодѣ дѣтства, конечно, не полны и отрывочны. Помню, что я учился читать и писать у отца, вмѣстѣ съ другими школьниками, часто бывалъ у бабушки Степановны, которая въ то время успѣла меня почти совсѣмъ отвлечь отъ другой бабушки или, по малороссійски, „бабуси“ Емельяновны—игралъ съ теткою Елизаветою въ перушки, воображая въ нихъ гусей, утокъ и куръ, но всего больше любилъ ѣздить съ отцомъ на охоту. Часто мы всею семьєю отправлялись въ ближній лѣсъ, гдѣ отецъ отыскалъ красивое мѣстечко, которое мы называли Кривою Поляною. Тамъ, подъ тѣнью роскошнаго дуба, мы пили чай и собирали травы: отецъ, нѣсколько знакомый съ медициною, ихъ сушилъ и употреблялъ въ лекарство.

Эти поѣздки доставляли мнѣ невыразимое удовольствіе. Я, разумѣется, еще не былъ въ состояніи сознательно наслаждаться природой, но меня влекло къ ней инстинктивно. Я бывалъ совершенно счастливъ въ полѣ, въ лѣсу, и всегда охотно промѣнивалъ игры съ другими дѣтьми на уединенную прогулку, вдали отъ человѣческаго жилья. Вообще я не любилъ толпы дѣтей, но съ жаромъ водилъ дружбу съ однимъ или двумя мальчиками, приходившимися мнѣ по сердцу. По временамъ мною овладѣвала страсть къ смѣлымъ походамъ, но это, очевидно, происходило не отъ врожденной храбрости, а отъ непониманія опасности. Однажды я затѣялъ бриться и изрѣзалъ себѣ руки; на одной и до сихъ поръ не исчезли слѣды моей неудачной попытки.

Въ другой разъ, ускользнувъ изъ дому, я побѣжалъ къ рѣкѣ. Тамъ у причала стояла отвязанная лодка. Я мигомъ въ ней очутился. Лодка отдѣлилась отъ берега и потянулась вдоль по теченію.

Къ счастью, моя мать была недалеко, въ огородѣ. Она перепугалась, увидѣвъ меня среди узкой, но глубокой рѣки, радостно махающего рученками. Кое-какъ уговорила она меня сидѣть смирно и позвала работника. Тотъ вплавь добрался до лодки и благополучно высадилъ меня на берегъ.

Но самый блестящій мой подвигъ состоялъ въ томъ, что я чуть не сжегъ нашей хаты, а съ нею, можетъ быть, и всей деревни. Мой отецъ былъ страстный охотникъ. Смотри на него, и меня разбирало желаніе пострѣлять птицъ. Однажды его не было дома; я обрадовался случаю, снялъ со стѣны ружье, зарядилъ дробью и вышелъ на дворъ. Тамъ, на вербѣ, беззаботно чирикала стая воробьевъ: они-то и были предметомъ моихъ вождельній. Для лучшаго прицѣла, я взобрался подъ кровлю нашего дома и оттуда произвелъ выстрѣлъ. Огонь съ полки попалъ на камышевую крышу—и не миновать бы великой бѣдѣ, если-бъ на дворѣ не оказалось работниковъ. Увидя, что я надѣлалъ, они бросились на крышу и залили огонь, пока тотъ еще не успѣлъ разгорѣться. Вернулся отецъ, узналъ о моей продѣлкѣ и положилъ высѣчь меня такъ, чтобы я вѣкъ это помнилъ: онъ съ точностію исполнилъ свое намѣреніе.

Нельзя сказать, чтобы я вообще былъ сорванецъ. Мнѣ, для этого, не хватало ни смѣлости, ни развязности. Я, напротивъ, скорѣй былъ робокъ и застѣнчивъ, вѣроятно, отъ строгаго обращенія со мной отца. Но я легко увлекался и подъ вліяніемъ увлеченія, или какого-нибудь пристрастія, дѣлалъ вещи, которыя далеко превосходили дерзостью обычныя шалости моихъ сверстниковъ.

---

## V.

## С с ы л л а.

Пока отецъ мирно занимался воздѣльваніемъ своей земли и сада, да училъ грамотѣ земляковъ, ему готовилось неожиданное горе. Онъ уже не занималъ никакой официальной должности въ слободѣ и не мѣшался въ ея общественныя дѣла, но враги продолжали подозрительно смотрѣть на него. Онъ былъ, хотя теперь и безмолвный, но все же свидѣтель ихъ беззаконій и имъ хотѣлось во что бы то ни стало отъ него отдѣлаться. Не знаю, какой предлогъ нашли они, чтобы очернить его передъ графомъ, только изъ Москвы вдругъ явилось предписаніе конфисковать имущество отца, а его съ семействомъ сослать въ отдаленную глушь — а именно, въ одну изъ вотчинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, въ деревню Чуриловку. Эта была обыкновенная въ графскомъ управленіи кара за дѣйствительныя или мнимыя провинности.

Незаслуженный ударъ повергъ въ отчаяніе бѣднаго отца. Его маленькое благосостояніе, плодъ нѣсколькихъ лѣтъ честнаго труда, мгновенно разрушалось. Въ данномъ случаѣ не было ни слѣдствія, ни суда; все рѣшалъ слѣпой деспотическій произволъ. Кто знаетъ, какъ малороссіяне привязаны къ родному пепелищу, какъ тоскуютъ, разставаясь съ своимъ яснымъ, теплымъ небомъ и благодатными полями, какъ неохотно братаются съ москалями, тотъ вполнѣ пойметъ, что значила для моихъ родителей неожиданная, роковая ссылка — эта разлука съ родиною, съ природою, привѣтливо отвѣчавшею на ихъ беззавѣтную любовь.

Затѣмъ-то, не помню, и я былъ позванъ въ вотчинное правленіе. Какъ теперь, вижу я тамъ моего отца. Вотъ онъ посреди грязной комнаты, въ простомъ нагольномъ тулупѣ. Онъ блѣдень, съ дрожащими губами и глазами, полными слезъ. Вѣрно ему только что объявили графскій приговоръ. А въ домѣ у насъ, тѣмъ временемъ, все было верхъ дномъ. Тамъ описывали наше имущество...

Затѣмъ я вижу всѣхъ насъ въ просторныхъ крытыхъ саняхъ. Дѣло было зимой. Возлѣ меня по одну сторону угрюмый и мрач-



ный отецъ, по другую мать съ закутаннымъ въ тулупчикъ годовалымъ ребенкомъ на колѣняхъ; это ея второй сынъ, Григорій.

Насъ сопровождали два сторожа. У меня въ памяти вѣзлся одинъ изъ нихъ, человѣкъ громаднаго роста, съ хмурымъ лицомъ и необычайной силы. Онъ, шута, ломалъ подковы и толстые желѣзные ключи, сгибалъ пальцами серебряный рубль, но, при всей своей мощи, былъ добръ и простодушенъ, какъ ребенокъ. Особенно забавлялъ меня одинъ маневръ Журбы, такъ звали силача. Намъ на встрѣчу то и дѣло попадались и заграждали намъ путь обозы съ товаромъ. Тяжело нагруженные сани не всегда успѣвали свернуть въ сторону такъ скоро, какъ того желалъ Журба, и онъ распоряжался съ ними по своему: хваталъ за углы и, одни за другими, опрокидывалъ въ сугробы. Озадаченные извозчики только почесывали затылокъ, восклицая: „Съ нами крестная сила!“ Подвиги Журбы забавляли меня, а его доброта и ласковое обращеніе служили утѣшеніемъ моимъ родителямъ.

Не могу опредѣлить, сколько времени ѣхали мы. Наконецъ, достигли мѣста нашей ссылки. Глазамъ представилась маленькая деревушка, дворовъ въ тридцать. На занесенной снѣгомъ равнинѣ торчали жалкія курныя избы: точь въ точь болотныя вочки, или вощны перепрѣвшаго сѣна. Позади шумѣлъ сосновый боръ. Унылый ландшафтъ наводилъ невыразимую тоску.

Отецъ и мать со стѣсненнымъ сердцемъ переступили порогъ дымной избы, гдѣ имъ было отведено помѣщеніе, вмѣстѣ съ хозяевами. Тѣснота, чадъ, московская неопрятность, не даромъ вошедшая въ пословицу у малороссіянъ, наконецъ, присутствіе тутъ же, въ избѣ, домашняго скота, все это производило безотрадное впечатлѣніе и вызывало брезгливость. Но въ массѣ зла всегда таится частица добра: не надо только упорно закрывать на нее глаза. Вокругъ насъ, что и говорить, все было мрачно и неприглядно, но на печальномъ фонѣ картины не замедлили выступить болѣе отрадныя явленія. Населеніе края встрѣтило насъ самымъ радушнымъ образомъ. Оно отнеслось къ намъ не какъ къ презрѣннымъ ссыльнымъ, а какъ къ людямъ, не по заслугамъ несчастнымъ. Чуриловцы жили среди лѣсовъ, отрѣзанные отъ большихъ путей сообщенія и промышленныхъ центровъ, и потому еще сохраняли первобытную честность и просто-

душіе. Они вели жестокую борьбу съ неблагоприятной почвой сѣвера, буквально обливая ее потомъ, чтобы добыть скудный хлѣбъ, которымъ питались. Но трудъ и бѣдность шли у нихъ объ руку съ чувствомъ братства и съ состраданіемъ къ еще болѣе обездоленнымъ, чѣмъ были они сами. Благодаря имъ, мы и въ ссылке не чувствовали себя одинокими въ той мѣрѣ, какъ этого можно было бы ожидать.

Мало по малу мы обжились на новомъ мѣстѣ. Ближайшею сосѣдкою нашею была старая престарая, но еще бодрая старушка, у которой я вскорѣ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ. Она опрятнѣе другихъ содержала свою избенку и топила ее такъ рано, что днемъ въ ней почти не бывало дыму. Это мнѣ особенно нравилось, такъ какъ мы никакъ не могли привыкнуть къ дыму. Но, помимо того, меня привлекали къ старушкѣ еще вкусные горячіе блины, которыми она меня угощала. Чуриловка, почему-то, была особенно бѣдна молодыми дѣвушками. Я помню всего двухъ. Обѣ меня ласкали и баловали, но я предпочиталъ миловидную Домну, красныя щеки и задорно-вздёрнутый носикъ которой и теперь живо рисуются передо мной.

Мнѣ было уже лѣтъ шесть, семь. Я еще раньше выучился читать и писать. Въ Чуриловкѣ на первыхъ порахъ ученіе мое не шло дальше. Винавать, я въ теченіи зимы пріобрѣлъ новое искусство—плести лапти, и очень гордился тѣмъ, что носилъ обувь собственнаго издѣлія, и такимъ образомъ не отставалъ отъ другихъ мальчиковъ, съ которыми игралъ и бѣгалъ по снѣжнымъ сугробамъ. Настало лѣто. Я ходилъ за грибами, собиралъ щавель, который составлялъ тогда мое единственное лакомство, и молоденькія еловыя шишки, привлекавшія меня красноватымъ цвѣтомъ и тонкимъ смолистымъ запахомъ.

Такъ прожили мы около полугода. Затѣмъ положеніе наше значительно улучшилось. Отецъ сошелся съ окрестными помѣщиками и нѣкоторые изъ нихъ пригласили его обучать своихъ дѣтей. Особенно сблизился съ нимъ помѣщикъ Петръ Григорьевичъ Марковъ, деревня котораго, если не ошибаюсь, Андроново, находилась верстахъ въ пятнадцать отъ Чуриловки и на такомъ же разстояніи отъ уѣзднаго города Гжатска. Онъ выхлопоталъ у мѣстныхъ властей позволеніе моему отцу жить у него. Мы

съ радостью приняли его приглашеніе, хотя не безъ сожалѣній разстались съ добрыми чуріловцами.

Въ Андроновѣ намъ отвели свѣтлое, чистое и уже не дымное помѣщеніе—въ бывшей банѣ. Отецъ, въ положенные дни и часы, занимался съ сыномъ и дочерью Маркова и кромѣ того еще ѣздилъ на уроки къ другимъ помѣщикамъ. Помню, что онъ особенно хорошо отзывался о помѣщикѣ села Звѣздунова, Михаилѣ Степановичѣ Александровѣ. У послѣдняго была уже взрослая дочь, которой отецъ и давалъ уроки. Возвращеніе его оттуда всякій разъ было для меня настоящимъ праздникомъ. Онъ обыкновенно привозилъ съ собою узелъ, туго набитый яблоками, а то и персиками или абрикосами. Въ Звѣздуновѣ были богатые оранжереи и ученица отца никогда не забывала присылать мнѣ гостинца.

Въ Андроновѣ произошла существенная переменѣна и въ моемъ личномъ обществѣ. Я водился уже не съ деревенскими мальчиками, а съ дѣтьми помѣщиковъ, которые часто гостили въ Андроновѣ или же пріѣзжали туда на уроки. И я съ ними учился и игралъ. Отецъ и мать строго слѣдили за мною. Они заботились о томъ, чтобы у меня не было дурныхъ привычекъ и по возможности ограждали меня отъ вліянія дурныхъ примѣровъ. Неудивительно, если я былъ вѣжливъ и послушенъ—послѣднее, впрочемъ и потому быть можетъ, что меня часто сѣвели. Но, не смотря на строгость отца, я все-таки былъ мальчикъ живой и понятливый. Я несъ уже нѣкоторыя семейныя обязанности, между прочимъ, смотрѣлъ за младшимъ братомъ Гришею, которому тогда было, кажется, около двухъ лѣтъ. Обязанность эту я исполнялъ не хуже любой няньки. Разъ, впрочемъ, братишка мой сильно напугалъ меня. Дворъ при нашемъ домѣ былъ расположенъ на горѣ, а подъ нею находился прудъ. Гриша, играя, бѣгомъ пустился внизъ по скату и съ размаху полетѣлъ въ прудъ. Не помня себя отъ страху, я бросился за нимъ. Къ счастью, вода оказалась не глубокою, и я хоть съ трудомъ, но благополучно вытащилъ его на берегъ.

Едва успѣли мы отдохнуть и матеріально оправиться, какъ надъ нами стряслась новая бѣда. Мы помѣщались рядомъ съ господскою вухнею. На дворѣ стояла теплая, сухая осень. Вдругъ, послѣ полудня, на кухнѣ вспыхнулъ пожаръ. Пламя мгновенно

распространялось на сосѣднія строенія и въ томъ числѣ охватило нашъ скромный пріютъ, подъ соломенной крышей. Мои родители отдыхали послѣ обѣда и не подозрѣвали о грозившей имъ опасности. Къ счастью, пожаръ увидѣлъ помѣщикъ. Онъ ворвался къ родителямъ, разбудилъ и буквально вытолкалъ ихъ изъ горящаго дома. Они, съ просонья, растерялись и второпяхъ хватали ненужныя вещи. Все наше добро сгорѣло. Господскій домъ успѣли отстоять. Мы съ братомъ, въ то время, играли на дворѣ. Увидѣвъ огонь, я схватилъ Гришу за руку и бросился бѣжать, самъ не зная куда. Мы очутились въ лѣсу. Насъ нашли уже поздно вечеромъ, плачущихъ и дрожащихъ отъ страха и холода.

Отецъ и мать остались, въ полномъ смыслѣ слова, нищими, но имъ и на этотъ разъ помогли добрые люди. Марковъ отвелъ намъ новое помѣщеніе и снабдилъ, на первый случай, платьемъ и самой необходимой домашней утварью. Его примѣру послѣдовали и другіе помѣщики. Но всего трогательнѣе было участіе добрыхъ чуриловцевъ. Жители маленькой, бѣдной деревушки, въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ пожара, по очереди являлись въ Андронову, таща на худой лошадеи сборъ пособій въ нашу пользу. Новое жилище наше скоро было завалено кусками холста, мѣшками съ мукой, мотками нитокъ, всѣмъ, что эти люди сами добывали съ трудомъ, въ потѣ лица. И все это предлагалось такъ просто, искренно, съ такимъ теплымъ участіемъ, что мать всякій разъ со слезами умиленія встрѣчала и провожала ихъ.

Наступила вторая зима и пошелъ второй годъ нашей ссылки. Отецъ оправился отъ пожара. У него было много учениковъ и наше матеріальное положеніе могло считаться не дурнымъ. Но родителей моихъ съѣдала тоска по родинѣ и мысль, что они все-таки не больше, какъ ссылкиныя. Отецъ, особенно, рвался въ Алексѣевку, къ ея благоухающимъ полямъ и рощамъ. Кромѣ того, ему хотѣлось во что бы то ни стало оправдаться передъ людьми. Тѣмъ временемъ умеръ старый графъ. Послѣ него остался единственный сынъ, Димитрій, за малолѣтствомъ котораго надъ нимъ учредили въ Петербургѣ опеку. Въ числѣ опекуновъ были сенаторы Алексѣевъ, Данауровъ и другіе, все люди съ положеніемъ и вѣсомъ. А главное—попечительство надъ

молодымъ графомъ удостоила принять на себя императрица Марія Федоровна.

Въ виду, такимъ образомъ, измѣнившихся обстоятельствъ, отецъ мой задумалъ крайне смѣлое дѣло. Онъ уже не разъ писалъ опекунамъ, жалуясь на незаслуженное гоненіе, но письма его оставались безъ отвѣта. Въ настоящее время онъ рѣшился обратиться къ самой императрицѣ и черезъ нея добиться, чтобы ему была оказана справедливость. Онъ хотѣлъ не только вернуться на родину, но и вернуться съ честью и почетомъ. Поэтому онъ, между прочимъ, просилъ, чтобы ему позволили явиться въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Непосредственное обращеніе къ императрицѣ поразило дерзостью друзей моего отца, и они старались его отговорить. Но онъ питалъ непоколебимую вѣру въ благость государыни, имя которой съ любовью произносилось во всѣхъ концахъ Россіи, и упорно стоялъ на своемъ. Письмо было написано, скрѣплено подписями гжатскихъ дворянъ, свидѣтельствовавшихъ о безупречномъ поведеніи отца, и отправлено въ Петербургъ. У меня сохранилась копія съ него. Оно поражаетъ искренностью, энергіей и литературнымъ языкомъ. Отецъ, вообще, хорошо владѣлъ перомъ. Ему впоследствии часто приходилось писать и, между прочимъ, дѣловыя бумаги, по своимъ и чужимъ дѣламъ, и онѣ считались образцовыми.

Упованіе на императрицу не обмануло отца. Въ концѣ зимы пришло отъ опекуновъ предписаніе вернуть насъ на родину, а отцу, кромѣ того, по его желанію, ѣхать въ Петербургъ. Мои родители ожили. Наши покровители, гжатскіе помѣщики, отъ души радовались успѣху смѣлаго предпріятія отца и устроили намъ почетные проводы. Сборы наши, конечно, недолго длились и мы, еще по зимнему пути, выѣхали въ Алексѣевку, напутствуемые пожеланіями и благословеніями добрыхъ чурилловскихъ друзей.

## VI.

## Опять на родинѣ.

Возвращеніе на родину отца было настоящимъ для него торжествомъ. Недруги его приуныли, а все остальное населеніе слободы громко выражало свое удовольствіе. Малороссіянѣ, какъ извѣстно, народъ поэтической и любятъ перекладывать на пѣснь всякое мало-мальски интересующее ихъ событіе или происшествіе. Мы теперь только узнали, что и на нашу ссылку была сложена особая пѣснь. У меня въ памяти уцѣлѣли отъ нея только два первые стиха:

„Ой, проявились новья моды  
Що сослали Василька на холодныя воды“...

Но вотъ мы вернулись и пѣснь эта замѣнилась поздравленіями и привѣтствіями, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались. Первый, встрѣтившій насъ при въѣздѣ въ слободу, былъ священникъ, отецъ Петрій, одинъ изъ лучшихъ друзей отца. Онъ сначала остолбенѣлъ отъ изумленія, потомъ остановилъ лошадей, бросился насъ цѣловать, все время громко славя Бога. Мы насилу вырвались изъ его объятій.

Немного отдохнувъ, отецъ сталъ собираться въ новый путь— въ Петербургъ. Графской конторѣ велѣно было выдать ему деньги на путевыя издержки, но никакъ не торопить и, вообще, не стѣснять его свободы. Онъ порѣшилъ ѣхать весной. Эта отсрочка была необходима, въ виду плохаго здоровья отца. Не смотря на хорошее сложеніе и на свои двадцать семь лѣтъ, онъ, вслѣдствіе перенесенныхъ тревогъ и вліянія дурнаго климата въ Чуриловкѣ, уже началъ часто недомогать, что отнынѣ составляло не послѣднюю отраву его жизни. Путешествіе въ Петербургъ, въ глазахъ провинціаловъ того времени, равнялось путешествію на край свѣта. Всѣ провожали отца, какъ на вѣчную разлуку.

Мать, должно быть, осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. У ней на рукахъ, между тѣмъ, было трое дѣтей: третій сынъ ея, Семень, родился передъ самымъ отъѣздомъ отца.

Помню, что мы, въ его отсутствіе, вели жизнь, полную нуждъ и лишеній, едва имѣли дневное пропитаніе. Намъ ничего не вернули изъ имущества, которое отобрали, ссылая насъ въ Чуриловку. Домъ нашъ, отданный въ чужія руки, былъ въ конецъ раззоренъ, а садъ при немъ, съ такою любовью насаженный отцомъ, срытъ и превращенъ въ голую площадь. Было у насъ еще право на часть дохода съ какой-то мельницы, которую отецъ, передъ ссылкой, взялъ на откупъ, вмѣстѣ съ другими компаньонами. Теперь право это оспаривали: завязалась тяжба, рѣшеніе которой зависѣло все отъ той же, враждебной намъ, графской канцеляріи.

На первыхъ порахъ насъ пріютилъ у себя діаконъ одной изъ слободскихъ церквей. Онъ далъ намъ тѣсное, за то чистенькое помѣщеніе, но обстановка наша была до крайности бѣдна. Все, что было у насъ лучшаго, всѣ вещи, которыми насъ напоследокъ одарили гжатскія помѣщицы, постепенно исчезали: мать продавала ихъ, чтобы кормить насъ.

Одѣтъ я былъ теперь не лучше другихъ крестьянскихъ мальчиковъ, въ толстую и не часто смѣняемую рубашонку и порточки, подпоясанные шерстянымъ кушакомъ. Въ парадныхъ только случаяхъ меня, сверхъ того, облекали еще въ нанковый жилетъ, съ строгимъ наказомъ беречь его отъ пятенъ и дыръ. Лѣтомъ я ходилъ босикомъ, отчего ноги мои были изукрашены разнообразными рубцами и царапинами. Выучась въ Чуриловѣ плестъ лапти, я охотно носилъ бы ихъ и здѣсь. Но малороссіяне до того гнушались этого рода обувью, что если-бъ я рѣшился выйти въ ней на улицу, мальчишки, чего добраго, закидали бы меня камнями.

При отцѣ, воспитаніе мое все-таки подчинялось хоть какой-нибудь системѣ. Были часы, назначенные для ученія, или, по крайней мѣрѣ, для сидѣнья за книгой? Затѣмъ я или смотрѣлъ за младшимъ братомъ, или помогалъ по хозяйству матери. Строгое наказаніе ожидало меня за всякую, даже невинную шалость, за малѣйшій промахъ въ чтеніи или письмѣ. Отецъ ни въ чемъ не поблажалъ мнѣ. У него всегда были наготовѣ для меня розги и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ласки. Это не значило, однако, чтобы онъ не любилъ меня или, вообще, своихъ дѣтей. Нѣтъ, но онъ былъ ожесточенъ несчастіемъ, а это дѣлало его

не въ мѣру взыскательнымъ, суровымъ и нетерпѣливымъ, чему, конечно, отчасти способствовала и врожденная пылкость.

Его внутренній міръ былъ полонъ тревогъ. Мысль постоянно влекла его къ лучшему и высшему, а горькая дѣйствительность держала въ зависимости отъ самыхъ ничтожныхъ людей и самыхъ мелкихъ нуждъ. Отсюда неровность въ его поступкахъ, недовольство людьми, событіями и самимъ собою. Семейный бытъ, очевидно, не удовлетворялъ его. Ему хотѣлось трудиться и дѣйствовать не изъ-за одного насущнаго хлѣба, но и для высшихъ цѣлей жизни. Но подобная роль была не для него, и онъ оставался и безъ дѣла, и почти безъ хлѣба. Этотъ внутренній разладъ, конечно, не могъ не отражаться на обращеніи моего отца съ домашними, а изъ нихъ я чаще всѣхъ подвергался вспышкамъ его болѣзненнаго раздраженія. Между тѣмъ, онъ гордился мною и возлагалъ на меня большія надежды.

Съ его отъѣздомъ, я, какъ говорится, очутился на своей волѣ. Отецъ не велѣлъ отдавать меня въ слободскую школу. Онъ, не безъ основанія, полагалъ, что я тамъ скорѣй испорчусь, чѣмъ научусь путному. Да, правду сказать, мнѣ тамъ нечему было учиться: читалъ и писалъ я не хуже самого школьнаго учителя, а въ слободской школѣ только этому и учили. Мать, само собой разумѣется, не могла ни вести меня дальше въ наукѣ, ни слѣдить за моимъ ученіемъ.

Но около этого времени во мнѣ уже начала проявляться самостоятельная страсть къ чтенію. У отца былъ порядочный запасъ книгъ и я могъ безпрепятственно слѣдовать своему влеченію. Читалъ я, конечно, безъ разбора все, что попадало мнѣ подъ руку—и охотнѣе сказки и повѣсти, чѣмъ учебныя книги. Но это, во всякомъ случаѣ, отвлекало меня отъ грубыхъ игръ моихъ сверстниковъ и помѣшало мнѣ сдѣлаться настоящимъ уличнымъ мальчишкой. Одновременно заговорила во мнѣ и другая склонность — къ авторству. Всѣ клочки бумаги, какіе мнѣ только удавалось добыть, испещрялись изліяніемъ моихъ мыслей и чувствъ. Я давалъ имъ форму писемъ къ пріятелямъ, которые, конечно, никогда не получали ихъ, а получивъ, не могли бы прочесть, такъ какъ плохо или вовсе не умѣли читать.

Такимъ образомъ я, хотя безсознательно, уже начиналъ жить собственною внутреннею жизнью и искать въ ней замѣны того,



чего мнѣ не доставало во внѣшней. Въ кругу дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось стлѣживаться, я пользовался своего рода почетомъ. Между нами было мало фамиллярности и они безъ всякаго — по крайней мѣрѣ, въ ту пору дѣтства—съ моей стороны желанія или усилія, легко подчинялись моему вліянію. Между тѣмъ я не отличался ни удалствомъ, ни ловкостью. Я не былъ запѣваюю ни въ играхъ, ни въ шалостяхъ, а только слылъ за самаго „ученаго“. Этимъ я приобрѣлъ вѣсь даже между взрослыми и нѣкоторые изъ нихъ поручили мнѣ обучать грамотѣ ихъ дѣтей, въ томъ числѣ и нашъ хозяинъ, діаконъ. Мать не нарадовалась, что трудъ мой, такимъ образомъ, являлся какъ бы нѣкоторымъ вознагражденіемъ за данное намъ пристанище.

Между лицами, промелькнувшими предо мной за это время, я хорошо помню старика-священника, отца Стефана, большаго чудака и добряка, но буйнаго, строптиваго нрава. Онъ однажды подрался съ діакономъ въ церкви, за что попалъ подъ судъ, но своевременная взятка въ консисторіи легко выпутала его изъ бѣды. Весельчакъ и гуляка, онъ часто къ намъ приходилъ,—для того, говаривалъ, чтобы насъ развлекать.

Любимымъ моимъ занятіемъ въ ту пору было прислуживать въ церкви во время богослуженій. Съ какою гордостью являлся я передъ прихожанами, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, при выходѣ съ Евангеліемъ, или подавалъ діакону кадило; съ какимъ наслажденіемъ отправлялъ должность звонаря на колокольнѣ! Не обходились безъ меня ни молебны, ни панихиды, ни крестины: при каждой изъ этихъ требъ находилось для меня дѣло, въ родѣ чтенія псалтыря или тому подобное. Случалось, что меня за такіе подвиги награждали двумя, тремя шагами (грошами) или вязанкою бубликовъ, и это несказанно льстило моему самолюбію. Это меня какъ бы уподобляло дьячкамъ, пономарямъ, чтецамъ и звонарямъ, которые казались мнѣ тогда людьми очень важными.

Но всѣ другія удовольствія уступали тому, какое я испытывалъ, попадая въ огородъ, въ садъ или въ лѣсъ. У бабушки Емельяновны, какъ я уже говорилъ, былъ, на мое счастье, и огородъ, и „вишневенькій садокъ на тымъ боцѣ“, то есть за рѣкою Сосною. Обѣ мои бабушки, Емельяновна и Степановна, соперничали въ любви ко мнѣ. Первая, по скромности, усту-

пала первенство второй, какъ занимавшей болѣе высокое положеніе въ слободѣ и водившейся исключительно съ попадьями и мѣщанками. Емельяновна робко выражала свою нѣжность ко мнѣ, полагая, что я— „такій письменный (грамотный), такой гарненькій хлопчикъ“, носящій по воскресеньямъ жилетъ, а изрѣдка даже и сапоги, уважаемый въ кругу пономарей и дьячковъ, чуть не „панычъ“, — что я выше ея родственныхъ притязаній и что бабушкѣ Степановѣ одной принадлежитъ право оказывать мнѣ ласки и получать мои.

Простодушная „бабуся“ и не подозрѣвала что на ея сторонѣ было огромное въ моихъ глазахъ преимущество — огородъ съ грядами гороха и садъ съ вишнями. Степановна пренебрегала всѣмъ деревенскимъ. Она была горожанка и дала своему огороду зарости бурьяномъ и кустами паслека, вездѣ готоваго рости безъ претензій на уходъ. Дворъ у нея поражалъ запустѣніемъ; у Емельяновны, напротивъ, онъ былъ полонъ жизни и движенія. Тамъ на привязи мычала корова, горланилъ, важно выступая среди куръ, щеголь-пѣтухъ, степенно прохаживался гусакъ съ гусенятами, въ лужѣ барахтались утята, по бревнамъ бродила рѣзвая коза.

Я любилъ обѣихъ „бабусь“, но предпочиталъ посѣщать, особенно лѣтомъ, менѣе богатую, но болѣе хозяйственную изъ нихъ. Бѣдная старушка бывала внѣ себя отъ радости, когда я къ ней приходилъ. А я, въ свою очередь, чувствовалъ себя съ ней такъ легко и свободно, какъ нигдѣ. Въ ея хатѣ не оставалось уголка, который я не изслѣдовалъ бы. А въ огородѣ гряды съ горохомъ и цвѣты составляли мою собственность.

Созрѣвали вишни. Мы съ ненаглядною бабусяю садились въ челнокъ и переправлялись на противоположную сторону рѣки — въ садъ. Емельяновна прикрѣпляла къ поясу кувшинъ и собирала въ него свѣжія, сочныя ягоды, а я взбирался на любое дерево и сиди на вѣткѣ, какъ птица Божія, наслаждался, сколько душѣ угодно. Изрѣдка старческій голосъ увѣщевалъ меня не ломать вѣтвей, а пуще всего беречься, чтобъ не сломать себѣ шею, или, какъ новый Авесаломъ, не повиснуть на деревѣ. По временамъ дребезжала трещетка, которою сторожъ разгонялъ безпощадныхъ грабителей вишенъ — сѣворцовъ. Эти птицы тучами налетаютъ на сады и, если дать имъ волю, быстро очищаютъ

деревья отъ самыхъ спѣлыхъ ягодъ. Трещотка нѣсколько ограничиваетъ ихъ смѣлые набѣги.

Жарко. Листъ не шелохнется. Мы располагаемся обѣдать то подъ тѣнью плодовыхъ деревьевъ, то въ сторожевомъ шалашѣ. Ъдимъ вареники въ сметанѣ, сало, баранину. Вечеромъ семья собирается ловить въ рѣкѣ рыбу и раковъ. На берегу раскладываютъ огонь и тутъ-же, на мѣстѣ, готовятъ изъ добычи ужинъ, за которымъ царствуетъ патриархальное веселье. Особенно оживляла эти мирныя, семейныя трапезы жена старшаго сына бабушки Емельяновны, Галя, или Анна, бойкая, красивая бабенка. Мастерница хозяйничать и стряпать, она бывала не прочь и повокетничать, и посмѣяться, и покапризничать. Меня она то дразнила, то ласкала, такъ что мы съ ней постоянно переходили отъ дружбы къ ссорѣ и обратно.

Припоминая теперь эти деревенскія сцены, я опять цѣликомъ переношусь въ то отдаленное время, когда и на мою долю выпадали минуты полного, беззаботнаго счастья. Читая теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, Одиссею, я мысленно живу съ моими милыми хуторянами. Въ нихъ есть, по крайней мѣрѣ во времена моего дѣтства были, черты, тождественныя съ первобытной простотой и неиспорченностью героевъ Гомера. Мнѣ понятнѣе, ближе становятся образы Эвмена, стараго Лаэрта, Телемаха, старушки няни, когда я смотрю на нихъ сквозь нравы и обычаи моихъ родныхъ малороссіянъ. Это славянское племя, какъ и большинство одноплеменниковъ его, не смогло или не сумѣло создать себѣ независимаго существованія, хотя и стремилось къ тому сильно, по крайней мѣрѣ во времена Хмѣльницкаго. Но въ нихъ, больше, чѣмъ въ сѣверныхъ славянахъ, сохранились коренныя славянскія свойства—любовь къ природѣ и мирныя нравы семейно-земледѣльческаго быта. Они именно тѣ поляне, которыхъ такъ привлекательно описываетъ Несторъ.

А. В. Навятево.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## Маіоръ Пяткинъ.

Бывшій воспитанникъ института путей сообщенія А. К. Б — къ, въ воспоминаніяхъ своихъ объ этомъ институтѣ за время 1843—1848 гг., помещенныхъ въ августовской книгѣ „Русской Старинѣ“ пзд. 1880 г., стр. 651—666, между прочимъ, упоминаетъ, что дальнѣйшая судьба пяти разжалованныхъ, въ 1843 г., кадетъ этого института ему неизвѣстна. Мы можемъ кое-что сказать объ одномъ изъ нихъ, какъ служившемъ потомъ, хотя и не долго, въ губернскомъ вѣдомствѣ С.-Петербургской губерніи: Владиміръ Вас. Пяткинъ.

По словамъ служебнаго документа, Пяткинъ вступилъ въ службу вадемомъ института корпуса путей сообщенія 29 іюля 1840 г., произведенъ въ портупей-прапорщика 10 іюля 1843 г., на восемнадцатомъ году отъ роду. Затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи главноуправлявшаго путями сообщенія и публичными зданіями (гр. П. А. Клейнмихель), товарищу его, генераль-лейтенанту Рокосовскому, отъ 19-го октября 1843 года № 3,391, Пяткинъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, „разжалованъ въ рядовые за буйственныя поступки съ тѣмъ, чтобы за нимъ имѣлъ особый надзоръ и ранѣе 6 лѣтъ ни подъ какииъ видомъ къ повышенію не представлятъ“.

20-го января 1844 г. Пяткинъ причисленъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ и въ томъ же году, 6-го декабря, по высочайшему повелѣнію, произведенъ въ юнкера. Первый офицерскій чинъ—прапорщика онъ получилъ за отличіе противъ горцевъ, со старшинствомъ съ 6 іюля 1845 г. Всѣ послѣдующіе чины, до капитана включительно, Пяткинъ получилъ за отличіе изъ дѣлъ съ неприятелемъ. Съ 1-го іюля 1849 г. онъ командовалъ уже ротой. По всеподданнѣйшему докладу представленія генераль-адъютанта Реада, государь императоръ высочайше повелѣтъ дозволять: „означенный штрафъ, за лично-усердную службу, не считать препятствіемъ къ наградамъ и преимуществамъ для безпорочно служащихъ установленнымъ“, о чемъ сообщено надписью командира 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи отъ 9-го мая 1855 г. № 460.

Затѣмъ Пяткинъ почти въ теченіе 3-хъ лѣтъ, съ 1855 по 58 гг., исправлялъ должность младшаго штабъ-офицера. Во все время своей службы на Кавказѣ, въ Кабардинскъ мъ полку, онъ ежегодно участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ подъ начальствомъ генераль-адъютантовъ Нейдгардта и князя Воронцова, и въ 1852 г. былъ раненъ пулею въ грудь. Высочайшимъ приказомъ 22 мая 1858 г. уволенъ отъ службъ за ранами съ чиномъ маіора, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Въ слѣдующемъ году, 3-го августа, Пяткинъ назначенъ комитетомъ о раненыхъ на должность шмисе-бургскаго городничаго, но въ должности этой пробылъ не болѣе года: 3 ноября 1860 г. онъ уволенъ отъ службъ по разстроенному здоровью и происходящей отъ ранъ болѣзни. Онъ показывается дворяниномъ Петербургской губерніи; имѣлъ орденъ св. Анны 4 ст.; въ 1860 г. былъ холостымъ.

Г. И. Студекинъ.

# АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ

въ 1857 — 1871 гг.

Воспоминанія о немъ и его письма.

Въ первый разъ узналъ я о существованіи какого-то «музыкальнаго борзописца», Сѣрова, въ 1856 году, по случаю основаннаго тогда Раппапортомъ «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника». Образованные люди были тогда еще убѣждены, будто истинные музыканты полуграмотны, а печатающіе о музыкѣ свои разсужденія въ музыкѣ смыслятъ мало; кто въ Россіи зналъ, напримѣръ, о критическихъ статьяхъ Карла Маріи Вебера, Роберта Шумана, Франца Листа и другихъ равносильныхъ имъ артистовъ?.. Только появившаяся въ 1863 году опера Юдифь убѣдила не только публику, но и газетныхъ рецензентовъ, что Сѣровъ дѣйствительно музыкантъ, и притомъ талантливый. Въ тѣ патріархальныя времена могли еще толковать о музыкѣ не только Улыбышевъ, Ленцъ, Ростиславъ, которые кое-что да знали, но даже Ѳаддей Булгаринъ, Рафаилъ Зотовъ и тому подобныя критики.

Признаться, я всегда былъ охотникомъ собирать и хранить автографы замѣчательныхъ людей, преимущественно артистовъ; и вотъ что было поводомъ моего многолѣтняго знакомства съ А. Н. Сѣровымъ.

Въ началѣ 1857 года умеръ Глинка. Я рѣшился, во что-бы ни стало, добыть для своего альбома его автографъ. Одинъ мой добрый знакомый посоветовалъ мнѣ обратиться къ Сѣрову, у котораго, зналъ онъ, много было рукописей Глинки. Передъ одной изъ утреннихъ

репетицій симфоническихъ концертовъ Маурера (15 марта), въ Пѣвческой капеллѣ, пользуясь тѣмъ, что въ залѣ, кромѣ меня и Сѣрова, никого еще не было, я подошелъ къ нему, съ вопросомъ, онъ-ли г-нъ Сѣровъ. «Да», протяжно отвѣтилъ онъ, театрално приподнявъ голову и мѣряя меня пытливымъ взглядомъ.

«Что вамъ угодно?»

— У меня къ вамъ просьба. Одинъ изъ вашихъ знакомыхъ, именно Викторъ Андреевичъ Шрёдерсъ, сказывалъ мнѣ, будто у васъ много автографовъ Глинки.

«Есть»...

— Можете-ли вы одолжить мнѣ хоть самый незначительный?

«Съ большимъ удовольствіемъ», отвѣтилъ Сѣровъ и вручилъ мнѣ свой визитный билетъ, съ адресомъ: по Лиговкѣ, на углу Озернаго, въ собственномъ домѣ.

Утромъ, 28 марта, въ первый разъ я посѣтилъ Сѣрова. Долго и горячо разговаривалъ онъ со мной, конечно, о Бетховенѣ, передъ портретомъ котораго, висѣвшимъ на стѣнѣ, бросился на колѣни, называя его своимъ божествомъ; рылся въ гликинскихъ рукописяхъ и подарилъ мнѣ двѣ строки арранжированнаго Глинкой для фортепiano отрывка женскаго хора, изъ 4-го акта Руслана и Людмилы, сдѣлавъ внизу замѣтку: «Писано М. И. Глинкою въ 1852 году (въ домѣ Жукова на Невскомъ) для альбома Людмилы Ив. Шестаковой. Подарено А. Сѣровымъ въ 1857 году».

Такъ какъ Сѣровъ не спросилъ, какъ меня зовутъ, то я оставилъ у него на столѣ свой визитный билетъ, поблагодарилъ за столь дорогой подарокъ, раскланялся и ушелъ домой, не предполагая даже, что это знакомство продолжится; но вышло иначе.

Жилъ я тогда, вмѣстѣ съ двумя младшими братьями, въ довольно обширной квартирѣ, гдѣ незадолго до того скончалась наша мать, на Фонтанкѣ, въ домѣ б. Дебельцева, близъ Анчиковскаго моста.

Въ одно пасмурное, дождливое утро, изъ коридора, ведущаго въ кухню и людскую, вбѣгаетъ въ гостиную нашъ лакей, Ѳедоръ, съ возгласомъ: «г. Сѣровъ», а за нимъ входитъ Александръ Николаевичъ, въ сѣромъ пальто, съ сѣрой шалью на шеѣ, сардонически улыбается и, въ свою очередь, восклицаетъ: «послушайте! вѣдь я давно желалъ познакомиться съ вами. Не зналъ, что это вы приходили ко мнѣ за автографомъ Глинки. Нечаянно нашелъ вашъ билетъ у себя на столѣ!»..

Тутъ я вспомнилъ, что это его желаніе основывается, вѣроятно, на отзывѣ Антона Контскаго о моей рукописной статьѣ о Рихардѣ Вагнерѣ, которую сообщалъ когда-то Контскому одинъ изъ учениковъ

его, никто Яковлевъ, и которая облегчила мнѣ напечатаніе въ Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ Раппапорта, въ № 17, за 29 апрѣля 1856 года, довольно вздорной полемической статьи: г. Мейерберъ, г. Сѣровъ и г. Арнольдъ. Въ этой статьѣ находились рѣзкія выходки противъ Сѣрова; и вотъ что заинтересовало его въ мою пользу!

Такъ или иначе, но я съ нимъ познакомился и сталъ навѣщать его, и онъ отвратилъ меня отъ легкомысленныхъ толкованій Улыбышева, сильно меня тогда отуманивавшихъ, хотя и не истребилъ во мнѣ искренняго благоговѣнія и любви къ Моцарту, къ которому и самъ, при постепенномъ своемъ развитіи, сталъ нѣжить! Сѣрову очень была понутру фраза Оттона 'Яна объ Улыбышевѣ: «кого почитаніе Моцарта приводитъ къ такому непониманію Бетховена, какъ мы это видимъ въ Улыбышевѣ, тотъ и Моцарта не понимаетъ» (I, стр. XIX).

Съ тѣхъ поръ мы нерѣдко видѣлись. Лѣтомъ, живя на Каменномъ острову, но часто бывая въ городѣ, забѣгалъ я къ Сѣрову, и онъ пріѣзжалъ иногда къ намъ на дачу. Предметомъ нашихъ разговоровъ была почти исключительно музыка, преимущественно Бетховень и Глинка.

Помню, 22 іюля, пригласилъ я Сѣрова обѣдать, на Каменный островъ. Приглашеніе было написано шутливыми стихами, изъ которыхъ особенно одинъ, именно:

Хоть пѣвцы у насъ пребестыи,

разсѣвшиль Сѣрова. Онъ пріѣхалъ. Послѣ обѣда мы присутствовали на табельномъ представленіи «Жизни за Царя», въ Каменно-островскомъ театрѣ (Господи! что это было за представленіе!), и онъ переночевалъ у насъ на дачѣ. Долго еще не могъ онъ забыть это празднество и часто, смѣясь, повторялъ:

Такъ пѣвцы у насъ пребестыи?..

Въ пригласительномъ посланіи упомянулъ я, что таскаться по рынку мнѣ надобно. Эти слова относятся къ моимъ поискамъ, на толкучемъ рынкѣ, старыхъ книгъ, къ какимъ пристрастилъ было меня извѣстный импровизаторъ и библиофилъ, Иванъ Антоновичъ Джустиниани, о которомъ мнѣ еще придется говорить впоследствии. Обуреваемый страстью къ Моцарту, я увлекся мыслью составить обстоятельную исторію легенды о Донъ-Жуанѣ, принявъ оперу великаго композитора за разграниченіе прежнихъ сочиненій, съ XVI столѣтія по 1787 годъ, отъ всѣхъ новѣйшихъ, носящихъ несомнѣнный

отпечатокъ Моцарта, рѣшительно отъ всѣхъ, не говоря уже о поэмѣ Лорда Байрона и о сценахъ Пушкина.

«И что вамъ дался этотъ Донъ-Жуанъ, не разъ говорилъ мнѣ Сѣровъ. Повѣрьте, Гликинскій Сусанинъ перешибетъ командора!» Какъ Сусанинъ перешибаетъ статую—это въ уморительномъ рисункѣ изобразилъ, при Сѣровѣ, одинъ мой знакомый, охотникъ до каррикатуръ: въ лѣсу — статуя командора; Сусанинъ, наступивъ ей на ногу своимъ лаптемъ, старается повалить ее; вдали, съ одной стороны поляки, съ другой черги. Тотъ же неутомимый каррикатуристъ предлагалъ Сѣрову сочинить для Булаховой, Деоновой и Петрова трио, ради музыкальнаго изображенія несмѣливыхъ скабрѣзной сцены изъ крестьянскаго быта. Сѣровъ въ ужасѣ ахнулъ и пронзительно захохоталъ, при мысли, какъ все это было бы имъ сочинено и означенными артистами исполнено!

Кто лично зналъ покойнаго Сѣрова, тотъ можетъ себѣ представить, какое безпокойство и возня происходили вездѣ, куда онъ ни являлся; шумъ, хохотъ, пѣнне, бречаніе на фортепiano, анекдоты не умолкали. Тутъ не щадилъ онъ никого, ради краснаго слова: доставалось всѣмъ, начиная съ тогдашнихъ поклонниковъ кисло-сладкаго Мендельсона, съ адмираломъ Л. во главѣ, вплоть до Фифы, какъ Сѣровъ величалъ Ростислава, т. е. Теофила Матвѣевича Толстаго. Всего болѣе сарказмовъ выпадало на долю злосчастнаго Улыбышева. Съ В. В. Ленцемъ онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ, хотя и надъ нимъ подтрунивалъ.

Натура Сѣрова была гениальная, истинно артистическая, т. е. легко и разносторонне увлекающаяся, подвижная, доступная всѣмъ впечатлѣніямъ, поддающаяся мгновенно всякому впечатлѣнію. Все это называется отсутствіемъ характера. Недавно еще, рассуждая о покойникѣ, одинъ изъ многихъ его недоброжелателей уподобилъ его—безобразной, жидкой массѣ, на которой оставляетъ свою печать всякое копыто! Этотъ превосходный господинъ, своимъ твердымъ характеромъ, примѣрною стойкостью своихъ такъ называемыхъ убѣжденій, по нашему — упрямствомъ, закоснѣлостью предвзятыхъ, нерѣдко напрокатъ взятыхъ, мнѣній воображаетъ, будто человекъ, двадцать лѣтъ до того назадъ высказавшій какую-либо чепуху, обязанъ повторять ее и теперь, на всѣ лады, будто въ этомъ именно и состоитъ честность критика, хотя бы зрѣлый возрастъ и опытъ внушали ему мысли, діаметрально противоположныя.

Натура Сѣрова свѣтлая, счастливая! Самое это слово даетъ намъ понятіе объ умѣ и природныхъ свойствахъ его родителей. Отца его я никогда не видалъ и зналъ только по рассказамъ; что же



касается его матери, Анны Карловны, то, насколько зналъ я ее, рѣдкія жевщины производили на меня столь пріятное впечатлѣніе. Она была дочерью гамбургскаго еврея и въ молодости была, вѣроятно, очень недурна собою. Всегда привѣтлива, ласкова, весела, жива, не смотря на невзгоды жизни, которыя многихъ барынь заставили бы хныкать и сѣтовать на людей и на судьбу. Но я незамѣтно забѣгаю впередъ, потому что въ 1857 году я не зналъ еще ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ Сѣрова, съ которыми сблизился гораздо позже.

Сѣровъ, на Лиговкѣ, въ плѣну у Бетховена, всегда уважалъ и любилъ не только это свое божество, но и Моцарта, Баха, Гайдна, Вебера, Глинку, Берліоза, даже Мендельсона и Шумана, хотя постоянно глумился надъ мендельсонистами и надъ шуманистами, а отъ Моцарта отворотили его отчасти вздорные панегирики Улыбышева, отчасти, можетъ быть, вліяніе Глинки, который, какъ видимъ изъ его записокъ, Моцарта не долюбливалъ. Не смотря на то, впоследствии, когда Сѣровъ серьезно испробовалъ свои силы на оперной сценѣ, когда вкусъ его очистился, когда ему довелось слышать оперы Моцарта въ сносномъ, правильномъ исполненіи, то онъ сталъ восхищаться ими, особенно «Свадьбой Фигаро». Долго воображалъ Сѣровъ, будто Реквиемъ Керубини должно быть лучше моцартовскаго; но когда, наконецъ, познакомился съ керубиніевской партитурой, то чистосердечно сознался въ глубокомъ своемъ предубѣжденіи. Этого не сдѣлали бы характеры сильные, стойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ! Нѣчто подобное случилось съ Сѣровымъ, которому всегда были противны сочиненія Мендельсона, когда пріѣхалъ въ Петербургъ скрипачъ Фердинандъ Лаубъ и въ одномъ изъ своихъ концертовъ сыгралъ концертъ этого композитора; Сѣровъ пришелъ въ восторгъ не только отъ игры Лауба, но и отъ композиціи, которую до того времени называлъ пакостью! Дальше увидимъ, какъ ему нравились даже новѣйшіе итальянскіе композиторы, преимущественно Россини и Верди; наконецъ, онъ сталъ хвалить если не оперы цѣликомъ, то нѣкоторыя ситуаціи Мейербера, и какъ досталось ему за это отъ сильныхъ характеровъ!

Въ характерѣ А. Н. Сѣрова была одна черта, которая вооружала, вѣроятно, многихъ противъ него: это — духъ предательства, какъ онъ самъ часто сознавался. Около этого времени прислалъ онъ мнѣ для прочтенія большой томъ о Глинкѣ. Увлечшись какъ личностью незадолго передъ тѣмъ угасшаго великаго композитора, такъ и живымъ правдивымъ очеркомъ его жизни и сочиненій, я позволилъ себѣ, по мѣрѣ чтенія, писать, на поляхъ книги, мягкимъ карандашомъ свои отиѣтки; но возвращая эти статьи Сѣрову, просилъ

его одѣнить вѣрность моихъ замѣчаній и тотчасъ же ихъ стереть резинкой, потому что зналъ, что книга не собственность Сѣрова, но одолжена ему на время, едва-ли не самимъ ея авторомъ. Что же вы думаете?... Вѣроломный Сѣровъ, съ видомъ удовольствія, сообщаетъ мнѣ, что именно самъ авторъ ея далъ ему эту книгу и «противъ васъ — на дыбы!»... Когда я сталъ выговаривать ему этотъ неприглядный поступокъ, то Сѣровъ, язвительно улыбаясь, отвѣтилъ: «Да, батюшка! меня еще въ училищѣ Правовѣдѣнія называли Иудой Искаріотскимъ! Если желаете что-либо держать въ тайнѣ, то мнѣ ни польза слова; не то—узнаетъ весь городъ! Я тѣмъ съ большимъ аппетитомъ показалъ автору ваши замѣтки, что онѣ весьма и весьма справедливы!»

Забывъ Иудино предостереженіе, я и впоследствии нерѣдко попадалъ въ просакъ. Однажды, читая критическіе разборы фортепіанныхъ сонатъ Бетховена, помѣщенные Ленцемъ въ его нѣмецкой книгѣ о Бетховенѣ, былъ я пораженъ, въ статьѣ о большой сонатѣ opus 106, созвучіемъ словъ: Чимборассо и терраса. Не долго думая, эту критику Ленца перевелъ я стихами, въ видѣ похвальной оды, и послалъ Сѣрову, чтобы размѣшить его; а Сѣровъ, также недолго думая, сообщилъ эту оду В. В. Ленцу! Разумѣется, тотъ взбѣсился противъ меня, и съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его.

Если бы цѣлью подобныхъ предательствъ было желаніе оскорблять знакомыхъ, да вооружать ихъ другъ противъ друга, то это было бы для Сѣрова постыдно; но нѣтъ! Такія штуки просто забавляли его и кончались всегда смѣхомъ, иногда даже бывали причиной еще болѣе близкихъ, болѣе пріятельскихъ отношеній.

Въ началѣ великаго поста 1858 года, именно 6 февраля, пришелъ ко мнѣ Сѣровъ и подарилъ мнѣ три свои нѣмецкія статьи противъ Улыбышева, напечатанныя въ 1857 году въ Лейпцигской газетѣ *Neue Zeitschrift für Musik*, №№ 17, 18, 19, подъ заглавіемъ: «Ulrichschoff gegen Beethoven», съ многими нотными цитатами въ текстѣ, въ которыхъ Сѣровъ уличилъ вижегородскаго критика въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, по части гармоніи, въ закоснѣлыхъ предубѣжденіяхъ, занятыхъ у Фетиса, у Лобе и тому подобныхъ школяровъ, книги которыхъ, къ стыду нашему, до сихъ поръ еще не только читаются французами да нѣмцами, но переводятся на разные языки и предлагаются учащейся молодежи!

Ростиславы, Арнольды упрекали тогда Сѣрова, будто онъ глумится надъ свѣжей еще могилой Улыбышева, у котораго нѣкогда гостилъ въ Нижнемъ Новгородѣ; Сѣровъ, объясняя мнѣ всѣ свои отно-

шенія къ покойнику, привелъ поговорку, что шука, мошь, умерла, но зубы остались, т. е. улыбышевскія писанія.

Мнѣ рассказывалъ родной мой дядя, М. П. Званцовъ, что въ Нижнемъ, когда Улыбышевъ читалъ, еще въ неизданной рукописи, выдержки изъ своего громаднаго памфлета: *Beethoven, ses Critiques et ses Glossateurs*, одинъ ихъ общій знакомый, М. М. Аверкиевъ, совѣтовалъ Улыбышеву не пускать въ музыкальный свѣтъ этого сочиненія: «Вѣдь васъ, Александръ Дмитриевичъ, заклюютъ въ Европѣ!»—«Пусть ихъ клюютъ!» воскликнулъ задорный авторъ. Ну, и заклевали. Сѣровъ показывалъ мнѣ переведенную на вѣмецкій языкъ анонимную статью (если не ошибаюсь, княгини Витгенштейнъ, жившей тогда въ Веймарѣ), гдѣ, между прочимъ, сказано, что Улыбышевъ передъ созданіями Бетховена—точно дикій фелахъ передъ египетскими пирамидами! Впрочемъ, каждая эпоха, по всѣмъ направленіямъ искусства и науки, имѣетъ своихъ фелаховъ: можно полюбоваться, напр., въ наши еще дни всѣмъ тѣмъ, что печатается и говорится про Рихарда Вагнера, не только во Франціи, но и въ Германіи! Всѣ эти фелахи, видите-ли, принялись прославлять Лоэнгрина, котораго ихъ дядушки, фелахи 1850-хъ годовъ, въ грязь втоптывали!

Въ первыхъ числахъ іюня 1858 года Сѣровъ въ первый разъ отправился за границу, въ Германію, вмѣстѣ съ прославленнымъ дирижеромъ церковной музыки, княземъ Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ. Главною цѣлью ихъ поѣздки было посѣщеніе Веймара и знакомство съ Францемъ Листомъ, къ которому изъ Дрездена Сѣровъ написалъ письмо и получилъ въ отвѣтъ приглашеніе. Возвратясь осевью въ Петербургъ, Сѣровъ подарилъ мнѣ подлинникъ этого приглашенія, хранящійся у меня въ альбомѣ автографовъ. Вотъ оно въ переводѣ съ французскаго: «Разумѣется, милостивый государь, посѣщеніемъ своимъ вы доставите мнѣ послѣ завтра большое удовольствіе, и мнѣ будетъ весьма пріятно познакомиться также съ вашимъ спутникомъ, княземъ Голицынымъ. Заранѣе, отъ всей души, желаю вамъ благополучнаго прибытія. Истинно сочувствующій и преданный вамъ Ф. Листъ. Веймаръ, 19 іюня».

Сѣровъ, не поладивъ съ княземъ Голицынымъ, пріѣхалъ одинъ въ Веймаръ. Какъ онъ тамъ жилъ у Листа довольно долго, какъ познакомился съ нѣкоторыми знаменитыми артистами, что видѣлъ и слышалъ въ Вартбургѣ, въ Лейпцигѣ, въ Дрезденѣ, все это извѣстно отчасти изъ писемъ Сѣрова, напечатанныхъ въ *Музык. и Театр. Вѣстникѣ* за лѣто 1858 г., №№ 27, 30, 32, 34 и 42.

Въ началѣ августа переѣхалъ я съ братомъ на уголъ Надеждинской и Ковенскаго переулка, въ домъ б. Геліяшвиля, гдѣ, надъ нашей

квартирой, жилъ музыкальный критикъ, неистовый почитатель и биографъ Бетховена, Василій Васильевичъ фонъ-Ленцъ, который помнилъ еще меня съ 1836 года. По середамъ обѣдалъ у него Сѣровъ; Ленцъ очень цѣнилъ и любилъ его, отчасти даже побаивался, много заимствовалъ изъ оживленныхъ съ нимъ бесѣдъ о Бетховенѣ и фаршировалъ свои книги взглядами Александра Николаевича, понимая и коверкая ихъ по своему. Съ женой Ленца, Розаліей Николаевной (Posinka), очень миленькой дамой, умершей въ 1860-хъ годахъ въ домѣ умалишенныхъ, въ Берлипѣ, водили знакомство мать и сестры Сѣрова.

Бывало, по дорогѣ къ Ленцамъ, Сѣровъ зайдетъ къ намъ, заболтается, засидится до тѣхъ поръ, пока Ленцъ не пришлетъ лакея сказать, что кушать подали; но безцеремонный критикъ, воскликнувъ, «Вотъ-то анаема!... скажи, сейчасъ буду», преспокойно продолжаетъ бесѣду еще съ полчаса, по меньшей мѣрѣ, нерѣдко до трехъ лакеевъ! Ленцъ всѣ эти безцеремонности сваливалъ на меня, часто въ элегическомъ настроеніи, плаксиво повторяя: «Я это зналъ, я это зналъ», т. е. что Ленцъ заранѣе эти присѣсты у насъ Сѣрова предвидѣлъ, когда мы поселились въ домѣ Геліяшвиля по одной съ нимъ лѣстницѣ! Тѣмъ не менѣе самъ заходилъ къ намъ, нерѣдко по три раза въ день, всегда съ какими-либо артистическими новинками или съ приглашеніями на вечеръ—послушать то Лауба, то Мортъе-де-Фонтена, которые играли у него Бетховена. Ленцъ, въ качествѣ родовитаго остзейца, ео ipso русскаго патриота, по тогдашнимъ понятіямъ, любилъ вплетать въ свою ломанную русскую рѣчь (по французски говорилъ и писалъ хорошо) русскія пословицы и поговорки, всегда почти не кстати, швороть на выворотъ, напр. шило въ мешке не утоншь, или тринкъ-трава, вмѣсто трынъ-трава, воображая, оудто трава впиваетъ въ себя (trinken, пить) все вздорное, къ дѣлу не подходящее; и потому Сѣровъ прозвалъ его самого Тринкъ-Трава! Разъ на глаза Сѣрову попался текстъ изъ ораторіи Гайдна, Четыре времени года: «Komm, holder Lenz»; смѣясь, увѣрялъ онъ меня, что тутъ воспѣвается Василій Васильевичъ Ленцъ! Потѣшали также Сѣрова многія печатныя мѣста въ писаніяхъ этого сумасброднаго панегириста, хоть бы, напр., что въ одномъ изъ послѣднихъ квартетовъ Бетховена первая скрипка стоитъ на колѣняхъ передъ Бетховенской химерой! «Самъ-то Ленцъ — бетховенская химера», говаривалъ Александръ Николаевичъ.

По возвращеніи Сѣрова изъ-за границы я пошелъ къ нему 26-го сентября, около 10 часовъ утра, и пробылъ до 4 часовъ. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ странствованіяхъ и впечатлѣніяхъ, съ мель-

чайшими подробностями, особенно о Листѣ, княгинѣ Витгенштейнѣ, Каульбахѣ, о дрезденскихъ представленияхъ оперъ Рихарда Вагнера, тогда еще только Ріенци, Тангѣйзера да Лоэнгрина.

Съ 1852 года были мнѣ извѣстны два литературныя сочиненія Вагнера: Опера и драма и Три оперныя стихотворенія. Моя статья о нихъ заинтересовала А. Г. Контскаго, какъ я выше упомянулъ, и впоследствии напечатана была въ «Смѣѣ Отечества» за 23-е июня 1857 года № 25, по случаю голословныхъ толкованій Улыбышева. Зная Вагнера только какъ мыслителя, по его трактатамъ, да по книгѣ Фр. Листа: *Lohengrin et Tannhäuser*, я сильно не довѣрялъ творческому таланту Вагнера, хотя пораженъ и восхищенъ былъ его гениальными взглядами на театральное искусство и на музыку. Не желая опростоволоситься, я касался только теоріи, а не творческаго осуществленія на сценѣ, о которомъ могли судить лишь тѣ, кому довелось слышать и видѣть драмы Вагнера въ хорошемъ, правильномъ исполненіи; я постоянно ссылался на авторитетъ Листа, приводя цѣлыя страницы изъ его критики.

Пріятно изумили меня письма А. Н. Сѣрова 1858 года о дрезденскихъ представленияхъ Тангѣйзера и Лоэнгрина, потому что оправдали отзывы Листа и мои смутныя, тревожныя надежды.

Возвратился Сѣровъ и сразу озадачилъ меня словами, что для него вагнеровскія теоріи и философскіе взгляды на искусство—тринкѣтрава! что Вагнера онъ боготворить прямо, какъ опернаго композитора, что знаетъ только Ріенци, Голландца, Тангѣйзера да Лоэнгрина, которые превосходно исполняются въ Дрезденѣ, а литературныхъ сочиненій и отвлеченныхъ идей Вагнера не хочетъ и знать!... Правда, самъ Вагнеръ, проживая въ Швейцаріи, лишенный сцены, пѣвцовъ и оркестра, сознается, что весьма неохотно, почти съ отвращеніемъ, прибѣгнувъ къ литературной, критической дѣятельности; но эта необходимость отнюдь не даетъ права никому изъ занимающихся театромъ и музыкой игнорировать взгляды Вагнера на музыкальную драму и на искусство вообще. Кто со вниманіемъ читалъ его трактаты, тотъ поглубже пойметъ всю суть дѣла, чѣмъ понимали ее всякіе Фишеры, Тэны, Шлегели да Гегели, эти «маратели вздоровъ» (*Unsinnsschmierer*), какъ честилъ Гегеля непатентованный, не признанный ни толпой, ни университетами мыслитель, Артуръ Шопенгауэръ! Довольно сказать, что Фишеръ (не Куно, а другой), издавая свой курсъ эстетики, музыкальную часть, составляющую увѣснстый томъ, поручилъ вѣнскому краснобаю—Ганслику.

Впрочемъ, я постигаю и объясняю въ Сѣровѣ такое игнорированіе: какъ истый артистъ, Сѣровъ неспособенъ былъ къ послѣдова-

тельному, отвлеченному философствованію; его увлекали только живые звуки, пластическіе образы. Какъ-то разъ вздумалъ я что-то про Гарибальди прочесть Александру Николаевичу. Прислушавъ нѣсколько строкъ, онъ сказалъ мнѣ: «Не угощайте меня политикой—засну».

Въ это утро, 26-го сентября 1858 года, я познакомился съ матерью Сѣрова, Анной Карловной, и съ двумя изъ его сестеръ, самой старшей, Софіей Николаевной Дютуръ, и самой младшей, Олимпіадой Николаевной, вышедшей впоследствии за гусарскаго офицера Баниге, которую пресловутый Ленцъ не называлъ иначе, какъ Олимпія Николаевна, въ честь Спонтини, конечно!

Квартируя близь дома Сѣровыхъ, я почти ежедневно видѣлъ Александра Николаевича или у меня, или у Ленца, или на Лиговкѣ; а письма наши или, вѣрнѣе, записки ходили между нами поминутно, и я воображаю, какъ мы оба надѣдали прислугѣ, летавшей то взадъ, то впередъ съ нашими записками, будто дѣловыми и важными.

Приводя здѣсь письма и записки ко мнѣ Сѣрова, упомяну о томъ, что всѣхъ насъ въ Петербургѣ занимали тогда дебюты Айра-Ольриджа, скрипача Фердинанда Лауба и пианиста Мортье-де-Фонтена, преимущественно потому, что тутъ были въ ходу Шекспиръ и Бетховень—два исполина, отъ вліянія которыхъ артистическій міръ никогда не освободится; по крайней мѣрѣ, я желалъ-бы этого!

Всѣхъ писемъ Сѣрова у меня сохранилось болѣе тридцати. Изъ нихъ привожу я только тѣ, которыя болѣе интересны, или въ артистическомъ, или въ анекдотическомъ отношеніи, которыя хоть нѣсколько дополняютъ то, что высказано имъ въ печатныхъ статьяхъ или безцеремонно характеризуютъ его живой нравъ, его страстишки и обыкновенія.

Сѣровъ всегда и постоянно, серьезно-ли, шутя-ли, говорилъ съ напускнымъ пафосомъ, отчасти изъ подражанія Глинкѣ, котораго, въ числѣ прочихъ своихъ знакомыхъ, любилъ представлять въ лицахъ. Эта метода перешла у него и на слогъ: безпрестаннымъ, перѣдко многократнымъ подчеркиваніемъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій онъ, очевидно, желалъ передать интонацію и измѣненія голоса, какъ это обозначается въ нотахъ.

Такъ, напр., въ шестомъ письмѣ своемъ, отъ 5-го февраля 1859 г., опровергая по пунктамъ мои ошибочныя предположенія, каждый пунктъ подчеркивалъ и, подчеркинувъ послѣднее изъ нихъ четыре раза, дошелъ до пяти линій, какъ на нотной бумагѣ. Въ печати весьма затруднительно наглядно изобразить подобное безобразіе.

## 1.

30-го октября 1858 г.

Серьозная къ вамъ просьба, дорогой сомыслитель.

Чѣмъ больше я думалъ со вчерашняго дня касательно замѣтокъ моихъ о Берліозѣ въ Вѣстникѣ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что о нихъ должно быть извѣстно въ Германіи. Я-же, кстати, давненько ничего не печаталъ въ Берлинской Musikzeitung (ровно годъ!). До-нельзя обязали-бы меня, если-бъ нашли времячко для перевода моихъ строкъ о Баденскомъ концертѣ—только тѣхъ, которыя относятся къ Берліозовымъ сочиненіямъ. О дирижировкѣ его нѣмцы знаютъ—прочее неважно. Вступленіе коротенькое надо будетъ прибавить вновь. Я это сдѣлаю послѣ перевода, который вы мнѣ сообщите. Итакъ—не въ службу, а въ дружбу! Если почему-нибудь не пожелаете, потрудитесь увѣдомить; я буду искать кого-нибудь, хотя менѣе досужаго, нежели вы и Ленцъ (который, какъ я вамъ говорилъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, отбоярилъ отъ себя эту работу).

Если, не захотѣвъ опечалить меня отказомъ, приметесь за работу à contresens (изъ одной деликатности), то пусть это будетъ вамъ урокомъ: не хвалить мнѣ моихъ статей въ глаза. Тотчасъ прицѣплюсь съ какой-нибудь анаемой. Вашъ А. Сѣровъ.

P. S. А какова сестренка—для которой монологъ Отелло въ спальнѣ—наборъ словъ à la Марлинскій?!?!?!?!?

## 2.

12 ноября (1858 г.).

Потрудитесь послать моего Alfr. de Vigny съ Отелло—къ Марьѣ Павловнѣ <sup>1)</sup> если можно, не позже сегодня. Она очень просила меня объ этомъ. Или уже не забудьте захватить эту книжечку въ Театръ-Циркъ, гдѣ мы всѣ сегодня вечеромъ увидимся по случаю Еруслана Лазаревича <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Марья Павловна Мавромихали, тогда уже довольно пожилая дама, симферопольская помѣщица, нѣкогда очень красивая, видная, умная и образованная, очень любившая театръ и музыку. По возвращеніи А. Н. Сѣрова изъ-за границы мы съ нимъ часто бывали у Марьи Павловны.

<sup>2)</sup> Опера Глинки: Русланъ и Людмила.

Не забудьте также, что сегодня я васъ жду обѣдать.

Приглашаю и анти-шекспирианку, чтобы поспорить. Задалъ я ей головоломку, за то, что пропустила два представлѣнія Отелло. Это непозволительно!

Объ остальномъ viva voce. А. С.

Прилагаемый пакетецъ перешлите къ Тринк-Травалл!

Здѣсь необходимо пояснить, что слова: сестрѣнка и анти-шекспирианка относятся къ старшей сестрѣ Сѣрова, Софѣ Николаевнѣ Дютуръ, которая, какъ и каждый изъ насъ, имѣла неоспоримое право руководствоваться своими собственными вкусами и не жаловать Шекспира, какъ иные не жалуютъ Данте или Микеланджело, называя ихъ старымъ хламомъ.

Чтобы впослѣдствіи не упоминать болѣе о Софѣ Николаевнѣ, скажу здѣсь, что когда я приходилъ къ ней въ 1862 году прощаться, передъ моимъ отъѣздомъ въ Германію, она много толковала мнѣ про Дрезденъ, про низменный, мѣщанскій уровень тамошней публки, про оперы Вагнера, про знаменитаго тенора, Іосифа Тихачка—наконецъ, подойдя къ фортепиано, начала знакомить меня съ созданьями великаго композитора, Александра Васильевича господина Лазарева, называла его своимъ божествомъ (цитирую буквально) и просила меня сообщить ей адресъ этого божества, котораго я никогда и не видывалъ: «Я непременно поѣду къ нему и припаду къ его стопамъ»!...

Когда я рассказалъ объ этомъ брату ея, Александру Николаевичу, съ которымъ она была не въ ладахъ, то онъ, разводя руками, сказалъ протяжно и тихо: «Ну, значить, совсѣмъ ужъ сошла съ ума»...

Не помню, въ которомъ № Neue Zeitschrift für Musik была напечатана бойкая передовая статья Листа: Ulibitscheff und Sseroff, весьма польстившая самолюбію Александра Николаевича, который сообщилъ этотъ № Ленцу и мнѣ. Около этого времени начались лекціи Сѣрова, въ одной изъ университетскихъ залъ, объ исторіи музыки.

### 3.

23 января 1859 года.

Записку вашу, Константинъ Ивановичъ, я получилъ — въ свое отсутствіе. Вечеромъ я былъ на благородномъ спектаклѣ — вѣстѣ съ — — — въ домѣ Бѣлосельскихъ и, конечно, жалѣлъ о потерянномъ времени. Сегодня — объясняюсь галицизмомъ, «я сторожу



свою комнату». Крѣпко голова болить. Зайдите вечеркомъ — окончательно перетолковать о статьѣ. Печатный отзывъ Листа обо мнѣ былъ у меня въ одномъ только экземплярѣ и тотъ — у Ленца. Le cordonnier est toujours sans bottes. Вы очень легко можете достать у Ленца этотъ листикъ Листа. Ленцъ къ вамъ — pour le moment — необычайно благоволить, а работу — въ которой дѣло идетъ обо мнѣ — считаетъ важнѣйшимъ занятіемъ въ мирѣ. По крайней мѣрѣ, говорить такъ. До посланія въ печать намъ надобно многое хорошенько обсудить, чтобъ не было придирокъ со стороны недоброжелателей моихъ, которымъ имя — легионъ.

Жду васъ часу въ 8-мъ. А. С.

Получивъ отъ Ленца статью Листа о ратоборствѣ Сѣрова съ Улыбышевымъ, я того-же дня вечеромъ отправился на Лиговку, на совѣщаніе съ Сѣровымъ, который просилъ меня написать для какой-то газеты рекламу въ пользу открытаго имъ въ университетѣ курса музыки.

«Мнѣ это необходимо; но, вы знаете — кто здѣсь обо мнѣ станеть писать?... всѣ вѣдь противъ меня враждуютъ; вѣдь не могу же я самъ о себѣ писать? Напишите вы что-нибудь; а я постараюсь навязать ваше писаніе какой-либо популярной газетѣ, потому что Рапша-портвскій Вѣстникъ мало распространенъ, мало читается».

Я съ охотой согласился, но съ условіемъ: не вдаваясь въ похвалы, писать, что мнѣ покажется справедливымъ.

«Сдѣлайте одолженіе, отвѣтилъ Сѣровъ, пишите о моихъ лекціяхъ что вамъ вздумается; еще лучше будетъ, потому что выйдетъ безпристрастиѣе, правдивѣе»...

Да; но вышло иначе, какъ тотчасъ увидимъ. Между тѣмъ, я получилъ отъ Александра Николаевича слѣдующее письмо.

4.

26 января 1859 года.

Любезный собратъ, пришлите мнѣ съ подателемъ сего Clavier-auszug Лоэнгринна, который однажды заставилъ меня просидѣть у васъ за ф. п. отъ 7 веч. до 3 пополуночи. Для статьи мнѣ необходимо, чтобъ пахнула на меня эта особенная Лоэнгринновская атмосфера.

Что наша статейка? — Пора бы! Шилевскій тиснулъ обо мнѣ (объ 3-й лекціи) въ Иллюстраціи, — тепло и полезно для меня, —

хотя не сумѣлъ схватить главныхъ пунктовъ и выразился во многомъ неловко. Вашъ А. С.

Бѣдный Театръ-Циркъ—тютю! Не сидѣть намъ въ немъ съ вами!

Можно считать, что этотъ пожаръ — великіе судьбы, которая разсердилась, что сцена, служившая Отелло и Лиру, въ знаменитомъ представителѣ ихъ — теперь осквернена карликами <sup>1)</sup>. La purification par les flammes devint nécessaire.

Моя статья о лекціяхъ Сѣрова не была принята какой-то газетной редакціей и возвращена ему при чемъ-то письмѣ, гласившемъ, что статья написана тяжело и преисполнена педантскаго разглагольствованія. Самъ себя никто не имѣетъ права судить; но мнѣ тогда показалось, будто самому Сѣрову не желательно было чрезмѣрное распространеніе моей статьи, потому что она не заключала въ себѣ безусловнаго восхваленія его лекцій о музыки. Какъ-бы то ни было, Александръ Николаевичъ не сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе и сказалъ мнѣ:

«Впрочемъ, отдайте эту статью въ нашъ «Вѣстникъ»; пусть хоть тамъ напечатаютъ».

Я статью свою отослалъ Раппапорту, и она красуется въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ» за 1 марта 1859 года, № 9. Я прочелъ ее недавно еще и нахожу вполне справедливой, точно и вѣрно передающей какъ характеръ и значеніе тогдашнихъ лекцій Сѣрова, такъ и уровень тогдашняго музыкальнаго развитія въ русской публикѣ.

## 5.

31-го января 1859 г.

Въ четвергъ увидѣлъ я у Ленца и, конечно, взялъ къ себѣ домой новое сочиненіе о Бетховенѣ — Маркса. Не смотря на кое-какія слабоватенькія стороны, это — прелесть, лучшее, что было на свѣтѣ написано про величайшаго изъ музыкантовъ. Не болтовня, не «emphasis», а высшія результатныя слова критики, какъ она выработалась «en l'an de grace 1859». Ленцъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ ее насквозь, многое наизусть знаетъ въ ней, но находить, что это... очень слабое произведеніе — что это — тотъ же Улыбышевъ, въ другомъ костюмѣ, и что мое дѣло полемизировать съ Марксомъ за эту книжицу (!). Удивительное дѣло какъ

<sup>1)</sup> Три карлика, одинаковаго роста, играли съ нѣмецкой труппой. К. З.

разны могутъ быть взгляды на однѣ и тѣ-же печатныя буквы! Онъ—вмѣсто того, чтобъ читать, профельетировалъ книгу, наткнулся на мелочи, въ которыхъ съ Марксомъ можно и разворѣчить, пожалуй,—а слона-то за этими букашками и не замѣтилъ.

«Mutatis mutandis», т. е. что вы читаете исправно, отъ А до Z, что я—не Марксъ, и вы—не Ленцъ,—съ моею Словскою<sup>1)</sup> статью вы обошли точно также, какъ вашъ сосѣдъ съ произведеніемъ берлинскаго критика. И вы (tu, quoque)... повторяете на себѣ отношенія ко мнѣ разношерстной публики! Сестра<sup>2)</sup> мнѣ постоянно говоритъ: «твоя способность писать легко, укладывать мысли въ гладкія, свободныя фразы отчасти вредитъ дѣлу, въ отношеніи публики. Легко, такъ значить: и мысль лёгонькая, стиль свободный, легкочитающійся, значить: фельетонъ à la Rostislaff». Не слово-ли въ слово—ваше мнѣніе о нынѣшней статьѣ, которая очень обдуманна, за что я вамъ ручаюсь своею, довольно-привыкшею думать,—головою.

Не стану теперь отстаивать передъ вами своихъ взглядовъ и своего изложенія (это — въ своемъ мѣстѣ), не стану опровергать вашихъ кривыхъ понятій объ «эклетицизмѣ» (учтивость мнѣ претилла бы сказать, что въ этомъ случаѣ вы говорите и пишете «величайшій на свѣтѣ вздоръ») и вашей вѣчной периферіи, которую, наконецъ, вы злоупотребляете, но спрошу васъ только: изъ какихъ именно сочиненій и трактатовъ я «скомпилировалъ» свой прочувствованный историческій очеркъ? и еще: чѣмъ вы докажете бесполезность и пустоту такой «номенклатуры» (или или ужъ лучше: макулатуры), когда все мысль моя: что въ оперѣ царство рутинны, что исключеній до Вагнера почти нѣтъ въ этомъ дѣлѣ, что нѣтъ ни одной оперы въ свѣтѣ (кромѣ Вагнеровскихъ), на которую бы — болѣе или менѣе, ad libitum, — не имѣла пагубнаго вліянія — рутинна, т. е. привычки публики, и ремесленничество композиторовъ, не исключая ни Глука (съ дивертиссесентами), ни Моцарта, ни Россини, ни Вебера (съ діалогомъ во Фрейшюцѣ и въ Оберснѣ)... да что-жъ, не повторять же мнѣ того, что уже напечатано, и чего вы не захотѣли вобрать въ себя, думая, что все это вы уже знаете! Можете нападать на эту мысль (въ ней—весь Вагнеръ) — дѣло ваше, но не можете опровергнуть необходимости показать публикѣ: разные фазисы оперной рутинны, если объ этой рутинѣ идетъ вся рѣчь! — Жалко мнѣ крайне, за всю свою писательскую дѣятельность! Къ чему она, когда я, даже такимъ неглупымъ людямъ,

<sup>1)</sup> Въ журналахъ „Русское Слово“, если не ошибаюсь.

<sup>2)</sup> Софья Николаевна Дютуръ.

какъ вы, не умѣю внушить своихъ мыслей и взглядовъ, надъ которыми много и долго тружусь!?

Мы проходили съ вами — Вагнера, а вы все-таки повторяете (съ Улыбышевымъ): Моцартъ и Россини не ремесленники!!! Вы знаете, что я довольно люблю этихъ господъ (полагаю: Моцарта — не меньше васъ, а Россини, навѣрное, больше), но въ томъ смыслѣ, какъ пужно для мысли Вагнеровскихъ оперъ, и Моцартъ и Россини — не больше ни на волосокъ, какъ цеховые мастера музыкальнаго дѣла. Полемика съ вами печатная была бы истиннымъ для меня наслажденіемъ — но съ уговоромъ: растравить меня раскаленнымъ желѣзомъ — чтобъ я вошелъ въ полный азартъ, чтобъ бѣсновался противъ васъ:

Blood, Iago, blood!!!

Шкандаль будетъ лихой! — Начните же это поскорѣй. (Вторую пятнадцативную статью я помѣщаю не въ февральской, а въ мартовской книжкѣ — не успѣли! надо еще кое-что «скопипилировать»). «Переводить» — мнѣ нѣтъ времени. Переводъ «Oreg und Drama» хоть 10 страницъ вполне былъ бы совершеннымъ чудищемъ въ русскомъ журналѣ. Попробуйте.

Какъ мнѣ хочется васъ — прихлопнуть, такъ чтобъ чертямъ тошно стало!!

(Вы понимаете, что «личная» animosité въ нашихъ отношеніяхъ не существуетъ).

Къ прискорбію долженъ возвратитъ вамъ статью вашу обо мнѣ, какъ мнѣ ее возвратилъ Г. Въ редакцію — по его словамъ — она не годится. Чтобъ труды ваши не пропали, — тисните ее въ «Вѣстникъ», — для меня и то будетъ хорошо. Лекціи мои точно въ такой же чести, въ публикѣ, какъ и Раппанортский журналъ. Вашъ А. Сѣровъ.

## 6.

5-го февраля 1859 г.

Полагая, что ваши визиты и записки мнѣ будто бы надобѣдаютъ (!) — вы изволите ошибаться.

Предполагая, что Раппанортъ оттого поручаетъ вамъ жидовскій отчетъ <sup>1)</sup>, что будто бы не въ ладахъ со мной (?) — вы также изволите ошибаться. Раппанортъ просто уразумѣлъ (что дѣлаетъ даже

<sup>1)</sup> Раппанортъ просилъ меня написать для его „Вѣстника“ отчетъ о предстоящемъ представленіи оперы „Жидовка“, въ бенефисъ Сетова. К. З.

честь его интеллекту), что я не могу и не долженъ теперь заниматься фельетонными замѣтками и разглагольствованьемъ о русскихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ.

Предполагая, что вы будто бы не сумѣете сдѣлать интереснымъ коротенькаго разбора не коротенькой и интересной оперы, и что будто бы будете въ этой «старозаконницѣ» (да еще съ конницею) какъ въ дремучемъ лѣсу — вы изволите ошибаться.

Наконецъ,—предполагая, что у меня есть будто бы всё «*Clavierauszüge*» всѣхъ старыхъ и новыхъ, христіанскихъ и жидовскихъ оперъ—вы также изволите очень ошибаться.

Еще одинъ пунктъ вашихъ заблужденій—и можно будетъ ноты писать.

Завтра въ театрѣ увидимся. У меня ужъ есть билеты въ 6 ряду для себя и для М. П.

Въ іудейской оперѣ есть отличныя вещи. По крайней мѣрѣ, сколько мнѣ подсказываетъ память. Не слыхалъ я этой оперы около двадцати лѣтъ — а тогда:

Молодъ и легковѣренъ я былъ!

Мѣстами тутъ характерности и красоты гораздо больше, чѣмъ у великаго музыкальнаго банкира и дипломата.

## 7.

13-го февраля (1859).

Марья Павловна <sup>1)</sup> сегодня уѣзжаетъ и просила меня сообщить вамъ, что очень желала-бы, чтобы вы къ ней зашли пообѣдать на прощанье. Если нездоровье не помѣшаетъ вамъ, исполните эту просьбу М. П. и мою... Вашъ А. Сѣровъ.

P. S. Mortier накормилъ меня вчера отличными устрицами. А изъ разговоровъ съ К. Шубертомъ я узналъ о приготовляемыхъ дирекцію великолѣпнѣйшихъ 3-хъ концертахъ, которые (пожалуй) перешибутъ интересъ Львовскаго общества. Услышимъ, *entr' autres*, нѣсколько №№ изъ Тангѣйзера и увертюру его, конечно—и нѣсколько сценъ изъ оперъ Глука (изъ Орфея и изъ Ифигеніи въ Тавридѣ).

<sup>1)</sup> Мавромихали.

## 8.

17-го февраля 1859 г.

Въ наказаніе за то, что вы пропустили эту субботу у Ленца, я искренно желаю вамъ не слышать никогда Лауба, который въ квартетахъ истинный полу-богъ! Выше всѣхъ Вьетановъ e tutti quanti!

Настоящее нѣмецкое исполненіе великихъ нѣмцевъ: Гайдна и Бетховена.

Въ воскресенье у Вельгорскаго я слышалъ только два квартета (Бетхов. F dur, изъ Разумовскихъ, ор. 59, и Гайдновскій G dur). Но что это было!

Впрочемъ, я отвлекаюсь отъ матеріи. Я хотѣлъ только выругать васъ, что есть силы, за то, что вы не довольно любите музыку (не говоря уже о неучтивости противъ Ленца и меня).

Какіе П—ли (!!!) въ свѣтѣ остановили бы меня, если я приглашенъ въ домъ, гдѣ одно изъ чудесъ Бетховена (соната G dur, изъ послѣднихъ) исполняется первостепенными виртуозами, каковы Мортъе и Лаубъ!!

Одно слово: стыдно! А. Сѣровъ.

---

Что сказалъ бы Сѣровъ, если бы узналъ, что мой предполагаемый визитъ къ П—ли, именно въ ту фатальную субботу, 14-го февраля, былъ съ моей стороны только предлогомъ, чтобы не пойти къ Ленцу, сообщество котораго всегда наводило на меня скуку и уныніе?.. Въ тотъ вечеръ я преспокойно просидѣлъ дома съ двумя добрыми знакомыми, когда Лаубъ и Мортъе-де-Фонтенъ упражнялись въ одномъ изъ чудесъ Бетховена! Вообще, я всегда и до сихъ поръ предпочитаю съ такими господами, какъ Бетховенъ, Шекспиръ, Данте, быть tête-à-tête, безъ всякихъ постороннихъ свидѣтелей, будь они хоть лучшіе на свѣтѣ декламаторы и бряцатели! Но передъ Ленцомъ я извинился тѣмъ, будто, ранѣе его приглашенія, былъ приглашенъ въ почтенный домъ, не явиться куда было-бы невѣжествомъ: прежде всего—добрыя отношенія къ знакомымъ, а все прочее приложится, даже чудеса Бетховена!

Не взирая на все ко мнѣ неблаговоленіе моего генерала (Александръ Николаевичъ называлъ меня своимъ адъютантомъ), 18-го февраля я у него обѣдалъ и весь день провелъ съ его семействомъ. Гостей было много, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно по средамъ.

Сѣровъ былъ въ духѣ и сыгралъ сонату Бетховена ор. 106 и 2-й актъ Тангейзера. Кто-то изъ молодыхъ людей гримировался воображаемымъ поручикомъ Шалфеевымъ и мистифицировалъ бабушку, мать Анны Карловны Сѣровой; бабушка постоянно воображала, будто поручикъ Шалфеевъ дѣйствительное лицо, и всегда ласково съ нимъ разговаривала! Такъ мы провожали масляницу.

Въ послѣднее воскресенье передъ Великимъ постомъ, 22-го февраля, утромъ, даны были на Большомъ театрѣ сцены изъ разныхъ балетовъ, между прочимъ, балетъ Два вора. Чтобы пояснить слѣдующее письмо Сѣрова, замѣчу, что этотъ балетъ едва-ли не занесенъ былъ изъ Варшавы, потому, что въ скобкахъ названъ на афишѣ *Dwaŝ złodzieje (złodziej—воръ, а не злодѣй)*. Сѣровъ долго не могъ успокоиться: безпрестанно повторялъ «двай злодѣи» и со смѣхомъ добивался причины, почему не два, а дваиий!..

## 9.

23-го февраля 1859 г.

Скажите (забылъ я васъ вчера спросить), что нашъ сапожокъ дѣлается? <sup>1)</sup>

Мнѣ совѣстно напоминать объ этой бездѣлушкѣ, но дѣло въ томъ, что я надняхъ пишу въ Веймаръ, и хотѣлось бы очень приложить пидулку *sur le style lyrique*. Надо позабавить Франца! <sup>2)</sup>

Какъ вчера отличился третій злодѣй, т. е. Лаубы!

Какъ солиста со штуквенціями я слышалъ его вчера въ первый разъ и не могу надивоваться!

Даже въ механизмѣ Вьетана перещеголялъ!

Баллада, собственнаго его сочиненія, произвела на меня отличное, глубокое впечатлѣніе. Противъ обыкновенія новѣйшихъ виртуозовъ, тутъ музыка истинная и заборнстая. Да-съ, не шутите съ этимъ чехомъ сакраментскимъ.

## 10.

24-го февраля 1859 г.

Искренняя вамъ благодарность за копію—столько исправную и каллиграфическую (въ награду за это вамъ, отправлю вашъ экземпляръ въ Веймаръ) <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Кого или что мы такъ честили—не помню.

<sup>2)</sup> Франца Листа, конечно.

<sup>3)</sup> Копія съ французской статьи Сѣрова; но о чемъ гласила статья, не помню. К. З.

За одно только иѣтъ вамъ благодарности—за недомолвленное замѣчаніе.

«Кой-гдѣ ошибки есть».

Гдѣ именно, въ чемъ?

«и многое не дѣльно» (?)

Что не дѣльно?

Если же это такъ, для краснаго стишка, то пожалѣли бы меня напрасно тревожить. Критику я допускаю только съ доказательствами. Иначе это пустословіе (Pardon!)

Не увидимся ли мы, *exempli gratia*, завтра вечеркомъ? Если иѣтъ, то я перешлю къ вамъ статью вторично, чтобъ вы, со свойственною вамъ акуратностью, указали всѣ ошибки и всѣ недѣльности.

Вчера я у Ленца не былъ. Вашъ А. С.

P. S. Если придете завтра, захватите съ собой брошюрку о Вартбургской легендѣ.

## 11.

Марта 13-го 1859 г.

О кварт. ор. 127 Бетховена скажу вамъ слѣдующее:

И на меня (хотя я слушалъ его въ исполненіи, и хорошемъ, уже третій разъ въ жизни, не считая дурнаго исполненія въ Дрезденѣ)—фактическое впечатлѣніе не больно высоко и красиво. Но это доказываетъ только одно: «генге» квартетной музыки—ложный.

Adagio этого квартета—въ своемъ намѣреніи идеальномъ, т. е. ясно читаемомъ изъ партитуры, ни на волосъ не уступитъ adagio IX симфоніи (кровью подпишу), если еще не выше. Скерцо и финаль «*élucubrations*» высшаго бетховенскаго полета, но средства вредятъ всему, *durch ihre Unzulänglichkeit*.

На свѣтъ только и должна быть музыка, что оркестръ + голоса. *Alles übrige ist Surrogat, Etude oder—vom Uebel*.

Когда нибудь я васъ познакомлю съ этимъ квартетомъ, съ его чудесами (а не структурой!! чортъ съ ней совсѣмъ, этимъ не Бетховены, а — — — занимаются).

На счетъ А.—ва скажу вамъ, что дѣломъ з — — на сей разъ мнѣ слѣдуетъ самому заняться. Думаю написать въ Иллюстраціи, о чемъ уже и послалъ сегодня утромъ застрѣльщика къ Зотову. У насъ въ журнальномъ мірѣ теперь обычай, чтобы читающіе лекціи сами себя защищали. Публика даже ждет моего отвѣта «*au chevalier de la triste musique*» (онъ страшно похожъ на Донъ-Кихота *Tony Johannot*). Но, чортъ бы его взялъ! мнѣ рѣшительно иѣтъ вре-



мѣн затрафить ему добрую трепку, а иначе не стоить и пера обмакивать въ жолчь. До свиданья.

P. S. Воскресный день будетъ днемъ непріятнымъ для — — — партій и началомъ большихъ золъ, можетъ быть, и для меня.

Метнулъ я камешекъ, отъ котораго никакому Голиау не поздоровится <sup>1)</sup>.

P. S. О ненатуральности (!) веденія голосовъ въ Бетховенскомъ квартетѣ поостерегитесь говорить даже мнѣ. Non parlar politica...

## 12.

14-го марта 1859 г.

Благодарю васъ очень за статью А — —, но я попросилъ ее у васъ въ разсѣянности, забывъ, что мой экземпляръ, въ которомъ могу чоркать, гостилъ у васъ и вчера-же ко мнѣ возвратился (въ портфельѣ Тейфелиннѣ) <sup>2)</sup>. За симъ, и не распечатывая даже, возвращаю С. О. На счетъ квартета ор. 127 я забылъ еще прибавить, что вы жестоко заблуждаетесь, видя тутъ пьесу для примы съ акомпаниментомъ--!! !!! Тутъ рѣшительно Ваховская полифонія—въ новыхъ формахъ и, какъ музыка, все неукоризненно. «Звукъ» — дѣло десятое и все оттого, что квартетовъ не должно быть на свѣтѣ. Это было только историческое подготовленіе, разработка симфоническихъ силъ, больше ничего.

Насчетъ — — — вы несправедливы. Онъ игралъ превосходно; Mortier никогда бы не сыгралъ такъ этой вещи, которая требуетъ— гладиаторства. Его-ли вина, что тріо Мендельсона такая же анаема, какъ и собственныя — — — овы композиціи?

## 13.

21-го марта (1859 г.)

Хотя знаю, что это верхъ не деликатности распорядиться чужимъ какъ своимъ и не отдавать вещей, по востребованію ихъ хозяина, но въ качествѣ генерала прошу извиненья у адъютанта, что посылаю ему только частицу изъ просимаго, и то не главную. «Lohengrin» гостить у сестры—теперь (т. е. въ эту минуту) посылать за нимъ нѣкого.

Mittheilungen Вагнера именно теперь мнѣ нужны до зарѣзу — кончаю статью, въ чемъ мнѣ сегодня помѣшали все утро разные мусьяки, дѣльные и бездѣльные.

<sup>1)</sup> См. „Музык. и Театр. Вѣсти.“ за 15 марта 1859 г. № 11.

<sup>2)</sup> Teufelian, бѣсовка, въ шутку—С. Н. Дютуръ.

Повремените — ваша надобность, вѣроятно, можетъ потерпѣть.

Посылаю вамъ кстати для васъ заготовленный образчикъ моихъ новѣйшихъ занятій надъ «обиходомъ» нотнаго пѣнія.

Дѣло пойдетъ, и дойдетъ до какого нибудь результата.

На святой въ четвергъ я повторяю лекцію о церковныхъ тонахъ безмездно. Посмотримъ, много-ли соберется публики. Вашъ А. С.

Александрѣ Николаевичу и прежнимъ его единомышленникамъ, унаслѣдовавшимъ отъ Глинки здравые взгляды на церковную музыку, давно ужъ были не понутру переложения Бортиянскаго и всѣхъ старинныхъ руководителей русскаго церковнаго пѣнія, переложения по господствовавшимъ въ прошломъ столѣтїи понятїямъ о столь важномъ дѣлѣ, которое на Западѣ до крайности измелъчало, если сравнимъ издѣлїя того времени съ великими, истинно-религиозными созданїями старинныхъ италїанскихъ композиторовъ. Дѣло въ томъ, что переложения православнаго Обихода, наперекоръ его духу и назначенїю, втиснуты въ обыкновенныя новыя тональности, въ мажоры и миноры, тогда какъ древнему церковному пѣнїю всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданїй боже свойственна древняя же гармонизація, въ такъ называемыхъ греческихъ или грегорианскихъ тональностяхъ, изученїемъ которыхъ Глинка занимался у Дена, въ Берлинѣ, подъ конецъ своей жизни, и съ которыми Сѣровъ ближе познакомился, подстрекаемый сочиненїями Тиббъ, Вейцмана и другихъ.

Въ началѣ 1859 года Сѣрову пришла въ голову мысль заняться этими древними тональностями. Въ Обиходѣ, напр., нашель онъ напѣвъ Христъ съ воскресе и былъ крайне возмущенъ тѣмъ, что кто-то, чуть-ли не Львовъ, первую-же ноту этого напѣва самовольно подвѣялъ на полтона, т. е. вмѣсто *do* взялъ *do-dieèse*, очевидно, затѣмъ, чтобы арранжировать въ новѣйшей тональности *ge-minone*, тогда какъ это не что иное, какъ фригїйскїй ладъ, о каковомъ, по увѣренїю Сѣрова, Львовъ не имѣлъ будто-бы ни малѣйшаго понятїя! Переложенїе свое Сѣровъ изобразилъ на фортепіано слѣдующимъ образомъ:

Хри-стъ съ во-скре-се изъ ме ртвыхъ, и т. д.

Вмѣстѣ съ этимъ переложениемъ прислалъ мнѣ Сѣровъ переложение другаго напѣва Христосъ воскресе, также въ 4 голоса, и напѣвъ въ 3 голоса: Богъ Господь и явился намъ. Все это внесъ я въ свою тетрадь для музыки, куда впоследствии записаны и самимъ Сѣровымъ нѣкоторыя бездѣлушки; въ моемъ же альбомѣ автографовъ написалъ онъ первый напѣвъ Христосъ воскресе, въ подной голосовой партитурѣ, въ пѣвческихъ ключахъ.

Около этого времени обуревали Сѣрова различныя новыя предпріятія. Я натравлялъ его на церковную музыку: совѣтовалъ представить формальный трактатъ, съ достаточнымъ количествомъ арранжировокъ въ Грегорианскихъ тональностяхъ, прямо въ существовавшую тогда въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Филарета, комиссію для разбора церковныхъ напѣвовъ. Сѣровъ испугался подобной задачи и сказалъ мнѣ: «Батюшка! да для такой задачи мало цѣлой жизни; и меня, наконецъ, тянетъ совсѣмъ не въ ту сторону, а въ театр, къ оперѣ!»—Его сильно занимала мысль писать оперу Полтава, на сюжетъ Пушкина, но не совсѣмъ такъ, какъ написаны, до Сѣрова и послѣ Сѣрова, оперы Мазепа. Сѣровъ затѣивалъ нѣчто посерьезнѣе; но бѣда въ томъ, что серьезныя затѣи рѣдко осуществляются! Впрочемъ, самъ онъ былъ того мнѣнія, что нечего толковать о томъ, чего нѣтъ! Отъ всей этой затѣи у меня въ тетради осталось только нѣсколько тактовъ, набросанныхъ карандашомъ рукой Сѣрова, солдатскаго хора Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ, которымъ онъ предполагалъ заключить свою оперу. Вотъ они:

The image shows a musical score for two parts: Tenors (Tenori) and Basses (Bassi). The music is written in 3/4 time. The first system consists of two staves. The Tenors part is on the upper staff, and the Basses part is on the lower staff. The second system also consists of two staves, continuing the music. The notation includes notes, rests, and bar lines.

Александръ Николаевичъ страшно бѣсился, когда передъ его окошками, выходящими на Озерный переулокъ, загнустить бывало шарманка, со слѣпымъ кларнетистомъ, Лучинушку или Куда ты, миленькій, стремишься. «Нѣтъ меня въ кабинетѣ, или уйду со двора — все тихо. Стоить лишь мнѣ присѣсть за работу — тотчасъ явятся эти анаэемы! Нѣтъ, такъ нельзя!...»

Покойный Велинскій, тогда еще скрипачъ, не только учился музыкѣ у Сѣрова, но и жилъ въ его семействѣ, какъ родной, былъ юноша крайне добраго, веселаго характера. Онъ вѣчно изобрѣталъ самыя смѣшныя, экстравагантныя штуки, ради общаго хохота и возни; постоянно поддразнивалъ своего учителя расхваливаніемъ шарманочнаго репертуара, особенно одного пьянаго, безголосаго молодца, который, не довольствуясь аккомпаниаментомъ шарманки, подбавлялъ постукиваніе въ бубень и горлавилъ почти всегда одну и ту-же кабацкую пѣсню: Какъ подъ яблонью большой. Едва-ли не по наущенію Велинскаго, послалъ я Сѣрову эту милую пѣсню, уснастивъ ее гармоніей собственнаго изобрѣтенія.

Сѣровъ, увидя это безцеремонное маранье, расхохотался и карандашомъ вписалъ кабацкую пѣсню въ мою тетрадь, безъ означенія паузы и проч., въ такомъ видѣ, хвостиками внизъ:



Велинскій, если не ошибаюсь, ввелъ у Сѣровыхъ въ моду два слова, которыя у всѣхъ почти вертѣлись на устахъ, но значеніе которыхъ осталось для меня тайной: кшеца и раковый. Догадываюсь, однако, что кшеца — придирчивое, ехидное, назойливое созданіе,

а раковый—пятыишй назадь, ретроградный, отсталый. Занесъ я какъ-то вечеромъ къ Аннѣ Карловнѣ Сѣровой полный переводъ второй части Гётевскаго Фауста, изданный въ Ригѣ какимъ-то Овчинниковымъ. Велинскій принялся вслухъ читать выдержки изъ него, голосомъ и тономъ, соответствовавшимъ подобной книжицѣ. Всѣ мы безъ умолку хохотали, и Велинскій пресерьезно объявилъ, что это переводъ раковый!

Въ маѣ 1859 Сѣровъ во второй разъ отпратился за границу. Распростившись съ нимъ до осени, я нерѣдко посѣщала его семейство, потому что Анна Карловна постоянно оказывала мнѣ самое изысканное вниманіе и ласки. Наконецъ, въ половинѣ іюля, и я уѣхала въ Нижегородскую губернію, гдѣ пробыла до ноября. Въ деревнѣ получилъ отъ Сѣрова, возвратившагося изъ Германіи, слѣдующее письмо:

## 14.

Берега Лиговки. 9—21 октября 1859 года.

Встрѣтилъ вчера человекъ вашего у Раппапорта и вздумалъ: дай-ка напишу хоть нѣсколько строкъ этому злодѣю, который своимъ долгимъ отсутствіемъ заставляетъ сиротствовать и весь Петербургъ вообще, и Музыкальный Вѣстникъ въ особенности, и своихъ добрыхъ сосѣдей по Шестилавочной & <sup>1)</sup>—въ специальности.

Сердить былъ я на васъ маленько за одну выходку, которая мнѣ показалась довольно странною и отъ васъ собственно—весьма неожиданною. Помириться внутренно съ вами заставляетъ меня то обстоятельство, что вы какъ нельзя болѣе правы были въ томъ, что Витгенштейнша неправа. Не смотря на все, т. е. на всю начитанность, образованность &, главное-то, самая суть отъ нея ускользаетъ.— Она не поняла, что сидитъ въ такомъ сюжетѣ какъ Полтава.— А удивительное дѣло—скажу вамъ—какъ современенъ этотъ выборъ—даже для Европы, не только что у насъ (Фитингофъ попалъ прямо на то, что слѣдуетъ). Пріѣзжаю, на обратномъ пути послѣ Швейцаріи съ ея пейзажами и Вагнеромъ en personne, — послѣ дунайскихъ береговъ и Вѣны съ чудеснѣйшими представленіями Фиделіо, Донъ-Жуана и Лоэнгринна—въ Дрезденъ и что же на афишѣ: Mazeppa. Ein historisches

<sup>1)</sup> Ленца и Сѣрова. Шестилавочная улица переименована въ Надеждинскую. Б. З.

Trauerspiel in 4 akten (!) von Gottschall. (Увидѣвъ мѣсяца два до этого заглавіе этой пьесы, я хотѣлъ приобрѣсть ее къ справкамъ). Сюжетъ тотъ же, что въ Полтавѣ, но страшно искаженъ (хотя, конечно, поумнѣе, чѣмъ въ либрето барона). Знаменитая «Вауег-Вирск» играла Матрону, дочь Искры (т. е. Кочубея). Знаменитый Давизонъ игралъ Мазепу въ парикѣ густо-курчавомъ и съ сѣдой бородой!! Смыслъ сценъ былъ также вѣренъ исторически, какъ костюмы. Нелѣпость за нелѣпостью—Россія и Малороссія никто на Западѣ не знаетъ—тѣмъ не менѣе драма понравилась, имѣеть значительный успѣхъ и мнѣ пріятно было видѣть, что именно этотъ сюжетъ имѣеть дѣйствіе «захватывающее». Теперь германская публика имѣеть уже нѣкоторое понятіе, что съ именемъ Мазепы можно связать другое кое-что, нежели его «связаннаго» на дикомъ конѣ <sup>1)</sup>.

Листъ подарилъ мнѣ свою книгу о цыганахъ.

Изъ Шекспира я видѣлъ въ Дрезденѣ: Генриха IV (съ Фальстафомъ)—обѣ части въ одинъ вечеръ (bearbeitet von Laube), Давизонъ—отличный Фальстафъ.

Въ пьесѣ много вышло поразительнаго, но многое и поустарѣло (напр., сцены рекрутовъ). Въ Вѣнѣ: Гамлета, Отелло (съ отличнымъ трагикомъ, Иосифомъ Вагнеромъ, не родственникомъ музыканта) — Taming of the Shrew—(оч. умно). Въ Берлинѣ Ричарда III.

Отчеты о театрахъ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною вы можете читать въ «Вѣстникѣ». Повторять себя не зачѣмъ—но по секрету вамъ скажу, что «en fait d'opéras» и самъ Моцартъ—дрянь передъ великимъ Рихардомъ <sup>2)</sup>. Желаю искренно, чтобы вы скорѣе это уразумѣли.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» защищаютъ Руслана противъ такихъ взглядовъ, какъ мой, напримѣръ (имени моего въ статьѣ нѣтъ). Эти люди—не вѣдаютъ, чтò творять!

Кстати:

Пріѣзжайте, кое-что увидите и услышите у меня довольно интересное.

Результатъ моего вояжа главный: что я долго не поѣду въ

<sup>1)</sup> Гонима за сюжетами! Не въ Малороссіи дѣло, а въ томъ, что тутъ Байронъ!

<sup>2)</sup> Ну, а по мнѣнію могучей кучки, великій Рихардъ—дрянь передъ великимъ Даргомыжскимъ; ну, а по мнѣнію питомцевъ всякихъ русскихъ консерваторій, Даргомыжскій—дрянь передъ великимъ и т. д. Слово дрянь у всякаго человѣка на концѣ языка! К. В.

Европу. Зачѣмъ мѣшать работѣ другихъ своими визитами. Лучше самому работать, а для работы пристальной надо сосредоточиться.

Изъ нѣмецкихъ столицъ лучше всѣхъ Вѣна. Если-бъ опять пришлось—катну туда прямо—потомъ черезъ Тироль и Швейцарію—въ Италію. Необходимо, но—маленько погода. До скорого свиданья!  
Вашъ А. Сѣровъ.

Слѣдующее письмо, на которомъ ни числа, ни года ясно не обозначено, помѣщая здѣсь, хотя оно, очевидно, относится къ веснѣ 1859 года.

## 15.

Mephisto, siehst du dort?...

Меня, какъ Ореста фуриі, преслѣдуютъ тѣни логическаго преподаванія гармоніи, которое Мефисто вчера перевернулъ вверхъ дномъ однимъ анаемецкимъ словомъ—я ужъ и сестрѣ жаловался на адское отродье Кшецы—теперь не знаю, какъ справиться съ собственными сомнѣніями.

Verflucht voraus die hohe Meinung  
Womit der Geist sich selbst umfangt!

Выражаясь менѣе высокимъ слогомъ, скажу вамъ, что еще никакъ не отступаю отъ начертанной программы—въ сущности, т. е. въ порядкѣ—но, благодаря вамъ, значительно пополню ее особенными взглядами.

Вслѣдствіе записокъ (ибо и ко мнѣ есть цидулочка) вижу, что въ воскресенье, сирѣчь завтра, могу быть у Джустиніани. Напишите мнѣ гдѣ и когда намъ встрѣтиться. До 3-хъ часовъ я въ университетскомъ концертѣ, далѣе... à vos ordres.

По возвращеніи моемъ изъ Нижегородской губерніи, постоянныя сношенія и отношенія между мною и Александромъ Николаевичемъ возобновились, тѣмъ болѣе, что второе пребываніе его въ Германіи было гораздо интереснѣе и для него плодотворнѣе, потому что повело къ самобытному музыкально-драматическому творчеству, журнальнаго рецензента превратило въ композитора. Знаменательная фраза съ береговъ Лиговки, отъ 9-го (21-го) октября 1859 года: «зачѣмъ

мѣшать работѣ другихъ стоими визитами; лучше самому работать», поневолѣ заставляетъ предполагать, что гостепріимство Франца Листа показалось на этотъ разъ Сѣрову не столь радушнымъ, чѣмъ прежде; мало того—когда онъ сказалъ княгинѣ Витгенштейнъ, что намѣренъ пустить въ ходъ свои мнѣнія о тематизмѣ Бетховенскихъ сочиненій, то княгиня замѣтила ему, что едва-ли это будетъ пріятно Листу!..

Личное знакомство съ Вагнеромъ, съ Берліозомъ, съ Мейерберомъ не могло не повліять благотворно на впечатлительнаго, любознательнаго Сѣрова. По крайней мѣрѣ, онъ передалъ мнѣ кое-что изъ разговоровъ своихъ съ этими артистами. Что осталось у меня въ памяти, то считаю обязанностью повторить на этихъ страницахъ, хотя вполнѣ признаю маловажность всего мнѣ переданнаго; да Сѣровъ рассказывалъ все это, вѣроятно, и многимъ другимъ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ.

Вагнеръ жилъ тогда еще въ Цюрихѣ. Сѣровъ поѣхалъ туда. Четыре раза докладывала о немъ прислуга и, наконецъ-то, его впустили. Вагнеръ принялъ его въ восьмигранной комнатѣ, съ окошками со всѣхъ сторонъ, какъ въ оранжереѣ, уставленной экзотическими растениями, съ хорошимъ роелемъ по срединѣ. Самъ хозяинъ облаченъ былъ въ бархатный халатъ; на головѣ сіялъ какой-то студентскій беретъ, вышитый золотомъ; на ногахъ—такія же туфли. Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, весьма сдержанныхъ, Вагнеръ тотчасъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и весело воскликнулъ: «Зачѣмъ же вы сразу не сказали прислугѣ, что вы артистъ? мнѣ докладываютъ: какой-то русскій баринъ! я вообразилъ себѣ, что это кто-либо изъ многочисленныхъ туристовъ, отъ скуки посѣтившій и меня, и не хотѣлъ пустить васъ!» Такимъ образомъ началось это артистическое знакомство.

Съ Мейерберомъ и съ Берліозомъ познакомился Сѣровъ едва-ли не въ Баденѣ. Мейерберъ принялъ его крайне вѣжливо и предупредительно, но произвелъ на него непріятное, почти отталкивающее впечатлѣніе, особенно совѣтомъ своимъ: не ѣхать въ Штутгартъ слушать какого-то Лоэнггрррюна (grün—зелено), а лучше отправиться, не помню, въ какой городъ, гдѣ дадутъ Медею Керубини. Такой совѣтъ можно было дать несвѣдущему ученику, а не Сѣрову; и Сѣровъ страшно обидѣлся.

Съ Берліозомъ сошелся онъ гораздо позже, во время послѣдняго пребыванія Берліоза въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1860 года, подъ руководствомъ Сѣрова, я занятъ былъ переводомъ текстовъ къ нѣсколькимъ хорамъ изъ Тангейзера и изъ Лоэнгрина, которые понадобились дирекціи императорскихъ театровъ,



для исполненія въ театральныхъ симфоническихъ концертахъ. Сверхъ того, мы съ Александромъ Николаевичемъ мечтали побудить дирекцію, въ лицѣ П. С. Федорова, повѣстивъ на русскую сцену 1-ю часть Гётевскаго Фауста, въ переводѣ Губера. Мы ни мало не задумывались о томъ, кому изъ тогдашнихъ лицедеѣвъ поручить роли Фауста и Мефистофеля; мы только увлекались лакомою мыслью видѣть въ роли Маргариты Снѣткову 3, которая такъ была оборожительна въ Лирѣ, въ Отелло, въ Грозѣ. Видясь почти ежевнѣвно, мы долго и много разъ совѣщались о предполагаемой постановкѣ Фауста, не одобряли обыкновенныхъ нѣмецкихъ передѣлокъ для сцены этого гигантскаго, но не сценическаго творенія и пришли, наконецъ, къ мысли, что слѣдуетъ устранить, елико возможно, всякое философствованіе и для сцены оставить только дѣйствіе, т. е. все то, что дѣйствительно захватываетъ вниманіе непредубѣжденнаго зрителя. Разбивъ трагедію на 3 акта, для перваго изъ нихъ мы оставили, при значительныхъ сокращеніяхъ, все то, что происходитъ до появленія Маргариты; второй актъ состоялъ бы изъ ея романа съ Фаустомъ, до Вальпургской ночи; все остальное—последній актъ.

Одновременно съ постановкой Фауста мы затѣяли писать оперу Ундина, которую Сѣровъ желалъ дебютировать, какъ композиторъ. Онъ и его мать, Анна Карловна, до страсти любили это произведеніе. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что Жуковскій, во всю свою жизнь, не написалъ ничего лучшаго: передъ Ундиной блѣднѣютъ всѣ его такъ называемые переводы. Намъ было извѣстно, по рецензій Карла Маріи Вебера, что опера фантаста Гофмана, рукописная партитура которой стала жертвой пожара, была превосходна; намъ было извѣстно, что представленная нѣкогда на петербургской сценѣ Ундина Львова никуда не годилась; вотъ мы и затѣяли свою Ундину! Я особенно, не знаю почему, главную надежду возлагалъ на умѣніе Сѣрова оркестровать, мечтавъ о фантастической оркестровкѣ Берлиоза и серьезно принялся за работу, совѣтуя Сѣрову не давать, какъ это сдѣлалъ Гофманъ, дядѣ Струю бассовой партіи, оставить его безъ рѣчей и характеризировать это лицо только симфонически, стихійно; на что Сѣровъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что, и безъ дяди Струя въ оперѣ осталось бы довольно бассовыхъ партій.

Планировали мы Ундину въ трехъ дѣйствіяхъ, съ большимъ прологомъ, въ который вошло бы все, что происходитъ на пустынномъ полуостровѣ, у рыбака, до отъѣзда новобрачныхъ въ Имперскій городъ. Сѣровъ до того увлекся повѣстью Жуковскаго, что, разсуждая у меня обо всемъ этомъ, написалъ карандашомъ въ моей завітной тетради первыя слова отца Лаврентія:

Сла - ва Го - спо - ду Бо - гу онъ ме - ня спасъ

да и къ добрымъ людямъ мнѣ путь ука зашь

Вотъ краткое обозначеніе нашего плана:

#### Прологъ.

Дѣйствіе 1. Приѣздъ и пребываніе Гульбранда и Ундины въ имперскомъ городѣ. Смотритель фонтановъ и его предостереженіе. Пиршество у герцога. Пѣснь Ундины. Родители Бертальды и удаление ея изъ герцогскаго дворца.

Дѣйствіе 2. Житіе въ замкѣ Рингштетень. Любовь Гульбранда къ Бертальдѣ. Грусть Ундины. Сцена въ Черной долині. Примиреніе. Плаваніе по Дунаю. Исчезновеніе Ундины въ его волнахъ.

Дѣйствіе 3. Сонъ Гульбранда. Упреки прибывшаго рыбака. Посылка за отцомъ Лаврентіемъ. Женитьба рыцаря на Бертальдѣ. Сваливаютъ камень съ колодца. Появленіе Ундины. Смерть и погребеніе Гульбранда.

Здѣсь я помѣщаю заглавіе, дѣйствующихъ лица и 1-е явленіе Пролога, составленное, для примѣра, изъ подлиннаго текста Жуковскаго, съ замѣчаніями Сѣрова:

#### Ундина.

Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Слова заимствованы изъ повѣсти В. Жуковскаго. Музыка А. Сѣрова. С.-Петербургъ, 1861 г.

Дѣйствующія лица <sup>1)</sup>:

Герцогъ	Васильевъ.
Герцогиня	Малышева.
Бертальда, ихъ пріемышъ .	Латышева.
Рыцарь Гульбрандъ	Сѣтовъ.
Ундина	Булахова.
Рыбакъ	Петровъ.
Жена его.	Лилѣва.
Патеръ Лаврентій .	Мео.
Дядя Струй.	

Морскія чудовища. Рыцари. Дамы. Пажы. Слуги. Оруженосцы. Народъ и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ средніе вѣка, на берегахъ Дуная: въ прологѣ — на пустынномъ рыбацкѣмъ островѣ, въ 1 дѣйствіи — въ имперскомъ городѣ, во 2 и 3 — въ замкѣ Рингштетенѣ.

## Прологъ.

## Явленіе 1.

Опушка дремучаго лѣса.—Ночь.—Буря.—Все небо взволновано.—Тучи горами катятся мимо луны, поминутно ее заслоняя.—Изъ лѣсу въ бурномъ разливѣ бѣжитъ ручей широкою, мутной рѣкою, такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стоитъ рыбацкя хижина (вдали), кажется островомъ.—Вся окрестность подъ блескомъ и тьмою трепещеть.—При свѣтѣ вихря, скрипя отъ вершины до корня, гнутся и шумно сшибаются деревья.

Гульбрандъ и рыбакъ (оба въ углубленіи сцены).

Гульбрандъ.

Ундина, гдѣ ты?  
Ундина!

Рыбакъ.

Трудъ бесполезный; ты видишь,  
Какая тьма здѣсь, въ лѣсу:

<sup>1)</sup> Исправленія и замѣчанія сдѣлалъ Сѣровъ, карандашомъ. Вмѣсто Васильевъ поставилъ Мео, вмѣсто Мео — Васильевъ. К. З.

Куда мы пойдемъ?  
И кто угадаетъ,  
Гдѣ она спряталась?

Гульбрандъ.

Будемъ, по крайней мѣрѣ,  
Хоть влипать ее.

(громко)

Ундина!  
Гдѣ ты, Ундина?

Рывакъ.

Какъ хочешь, рыцарь, кричи —  
Она не откликнется намъ;  
А ужъ вѣрно  
Гдѣ нибудь близко сидитъ.

Гульбрандъ.

Ундина!

Рывакъ.

Ужъ это ве въ первый разъ:  
Такими побѣгами часто  
Насъ забавляетъ она;  
Еще ты не знаешь,  
Какъ упряма она.

(Уходя въ чащу лѣса)

Царь мой небесный!...  
Ундина! Ундина!

Гульбрандъ (одинъ, задумчиво).

Во мракѣ ночи,  
Подъ шумомъ бури,  
Скитаюсь, одинъ,  
Въ бесполезномъ исканьи!  
Не призракъ-ли эта Ундина,  
Въ темномъ лѣсу  
Меня обманувшій?

(съ восторгомъ).

Призракъ мучительно-милый!  
Прелесть твоя томить, пронцаетъ

Душу мою,  
Какъ прелесть весны,  
Какъ волшебство звуковъ,  
Когда мы такъ полны  
Богъвенно-сладкою думой!

(снова задумчиво).

Иль море, лугъ, источникъ, рыбака  
Хижина, старый рыбакъ  
И все, что со мной ни случилось, —  
Только мгновенный призракъ,  
Только обманъ?..

Рывакъ (за сценой).

Ундина! Ундина!

Гульбрандъ.

Но жалобный крикъ старика,  
Зовущій Ундины,  
Все еще слышится мнѣ!

Рывакъ (за сценой).

Ундина!

Гульбрандъ.

Боже, что, когда Ундина  
Отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей  
Нѣтъ отсюда дороги.  
И тамъ у злыхъ привидѣній  
Плачетъ она одна въ темнотѣ?..

(Поспѣшно поднимаетъ съ земли огромный дубовый, бурей оторванный, сулъ и, держась за него, перебирается въ лѣсъ черезъ воду. Поверхъ ручья, ровень съ деревьями, видится бѣлый великанъ—дядя Струй и, оскаливъ зубы, виваетъ рыцарю головой. Буря хлопочетъ еще сильнѣе).

Тамъ Ундина,  
Въ страхѣ, одна, безъ защиты!

Голосъ Ундины (изъ лѣсной чащи).

Не ходи, не ходи, берегися  
Злаго потока;  
Старикъ сердитъ и обманчивъ.

Гульбрандъ (стоя въ водѣ, почти опрокинутъ волною).

Ундина! ты-ли? гдѣ ты?  
Если не хочешь явиться,  
Я брошусь  
Самъ въ потокъ за тобой!  
Откликнись; мнѣ лучше погвбнуть,  
Нежели быть безъ тебя!

УДИНА (шаловливо).

Оглянися!...

(Въ эту минуту выходитъ мѣсяцъ изъ тучи; на маленькомъ островѣ, образовавшемся подлѣ берега отъ быстрого разлива ручья, подъ навѣсомъ деревьевъ, въ травѣ угнѣздившись, сидитъ Ундина).

(сердито грозя тучѣ).

<sup>1)</sup> Смотри ты, туча,

Не смѣй замочить насъ:

Еще намъ далеко до дома!

(Буря стихаетъ; Гульбрандъ внигъ очутился близъ Ундины; она, приподнявшись, обвила руки вокругъ его шеи и, сажая его рядомъ съ собой, говоритъ шопотомъ):

Теперь ты расскажешь мнѣ, милый,

Повѣсть свою—мы одни:

Старикъ насъ здѣсь не услышать

И скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ

Намъ помѣшать;

А эта густая древесная кровля

Стоитъ ихъ хижины дымной.

Гульбрандъ (прижимая ее къ своей груди и страстно цѣлуя).

Здѣсь рай, Ундина!

Рывакъ (возвращаясь и увидя ихъ).

Рыцарь!

Непохвальное дѣло ты дѣлаешь!

Намъ былъ ты довѣрчиво принятъ;

А ты теперь, обнимаясь,

Шепчешься съ нею тайкомъ

И оставилъ въ страхѣ

Меня старика одного

Въ потемкахъ бѣгать за ней.

Гульбрандъ.

Я самъ лишь

Только въ эту минуту

Встрѣтился съ ней.

Рывакъ.

Тѣмъ лучше;

<sup>1)</sup> Вокругъ этихъ стиховъ Сэровъ написалъ карандашомъ: «NB—не то; повѣстье тутъ не заслонять мѣсяца, чтобы Ундина могла смотреть на рыцаря», и совѣтъ зачеркнуть слова: замочить насъ: еще намъ далеко до дома.

Оба ко мнѣ перейдите сюда  
На твердую землю скорѣй.

Ундина.

О томъ не хочу я и слышать,  
Нѣтъ! Никогда!

Я въ страшный лѣсъ соглашаюсь скорѣй  
'1) (Одна) Съ милымъ гостемъ пойти,  
Чѣмъ въ несносную хижну,  
Гдѣ не хотять  
Дѣлать того, о чемъ прошу я,  
Откуда рано или поздно  
Прекрасный гость удалится.

(прижавшись къ рыцарю, тихо)

'2) Въ душевной долинь волна  
Печально трепещетъ и бьется;  
Влившись въ море, она  
Изъ моря назадъ не польется.

'3) (Рывакъ горько плачетъ).

Гульбрандъ.

Ундина! развѣ не видишь,  
Какъ плачетъ отецъ?  
Не упрямься-жь; намъ должно,  
Должно къ нему возвратиться.

Ундина (въ нѣмомъ изумленіи, глаза свои  
устремивъ на рыцаря, кротко).

Когда ты такъ думаешь, милый,  
Я согласна.

Гульбрандъ.

На рукахъ моихъ, ангелъ милый,  
Тебѣ чрезъ потокъ безопасно.

Рывакъ.

Съ ней биться, право, нѣтъ силы!  
Какъ дико здѣсь и несчастно.  
(Буря умоляла; они уходять въ хижну).

'1) Тутъ Саровъ поставилъ NB, смутившись тѣмъ, что начатую фразу въ ансамблѣ Ундина кончаетъ одна.

'2) Противъ этихъ четырехъ стиховъ я поставилъ для Сарова замѣтку: «основной напѣвъ Ундины, безъ разсказа въ 1-мъ дѣйствіи, очень грустный».

'3) Между двумя NB Саровъ написалъ: реплику рываку — Е. В.

Я далъ обѣщаніе себѣ и Сѣрову составить все либретто только изъ стиховъ Жуковскаго, связывая и прерывая ихъ, гдѣ было-бы необходимо, своими собственными, но самыми незамѣтными вставками, какъ это видно изъ представленнаго здѣсь образчика.

Въ способности Сѣрова вдохновиться Ундиной, создать что-либо дѣйствительно прекрасное я тогда ни мало не сомнѣвался; но зная взбалмошный его характеръ, непошѣрное тщеславіе и нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе добиться композиторской извѣстности, я не довѣрялъ ни его постоянству въ этомъ дѣлѣ, ни вообще какой-либо возможности ему сотрудничать. Я поддразнивалъ его изреченіемъ Бюффона, любимаго его писателя: *genій—терпѣнье!* Сѣровъ, однако-же, сильно протестовалъ противъ этого мнѣнія, слишкомъ прозаическаго, слишкомъ педантскаго, слишкомъ даже тупаго. Я спорилъ, доказывая, что твердость въ убѣжденіяхъ, вѣра въ свои силы, въ свои идеалы, борьба съ искаженными взглядами и вкусами толпы, что все это и есть не что иное, какъ *терпѣнье; donc, le génie — c'est la patience!*

Сѣровъ, возмущаясь противъ подобнаго, по его мнѣнію, совершенно произвольнаго толкованія этой знаменитой фразы, воскликнулъ:

— «Жестоко, батюшка, заблуждаетесь, придавая такой хитро-сплетенный смыслъ бюффовскому изреченію! Понимайте вещи проще, такъ, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, и не мудруйте лукаво...»

Такъ или иначе, но опера Ундина осталась только благимъ намѣреніемъ. «И слава Богу!» скажутъ многіе компетентные судьи. «Не надо намъ заражаться нѣмецкими сентиментальными истериками, туманами и интересными неопредѣленностями, да напускать на себя стариннаго покроя идеальности и бросить стремленія къ правдѣ и реализму, которое составляетъ главную задачу нашего времени!..»

Великія слова: правда и реализмъ.

Всѣмъ этимъ ревнителямъ правды и реализма, всѣмъ этимъ Хлестаковымъ, Чичиковымъ, Сквозникамъ, Держимордамъ, Подхалюзинымъ я вотъ что возражу:

Во-первыхъ, человѣку не дана возможность выходить за предѣлы самосознанія, стало быть, все, что эти господа, презрительно улыбаясь, называютъ сверхъестественнымъ, вымышленнымъ, идеальнымъ, нереальнымъ—весьма реально, весьма естественно, потому что все это — продуктъ нашего ума, нашей фантазіи, нашего чувства и т. д. Нѣтъ для насъ ничего, что не измыслено нами же. Духъ человѣческій, въ различныхъ его отправленіяхъ, создаетъ всю сверхъестественность. Тѣнь Гамлета, вѣдьмы и пугалы Макбета, фурии Ореста, эльфы,



уидины и гномы настолько же реальны, насколько реальны лапти Сусанина, цвѣта фракъ Наваринскій дымъ съ пламенемъ или слопанное Собакевичемъ произведеніе природы! Слѣдовательно, вся воображаемая невѣждами противоположность міровъ реального и идеальнаго—сущій вздоръ, о какомъ и спорить-то смѣшно.

Во вторыхъ, правда—въ самомъ артистѣ, а отнюдь не въ предметѣ, который избранъ имъ для изображенія. Какимъ это образомъ я долженъ стремиться къ правдѣ?? Во мнѣ самомъ правда, если я не лгу, а не гдѣ-либо за горами; не во внѣшнемъ мірѣ, а во мнѣ. Современные романисты и рассказчики изображаютъ міръ реальный и при всемъ томъ—лгутъ весьма нерѣдко, черпая свою правду изъ международных Reptilien-фондовъ!

Итакъ, если существуютъ въ искусствѣ фантазеры, въ родѣ Гамлета или Макбета, сентиментальныя мечтательницы, какъ Офелія, Эльза, Агата, Зента, Гретхенъ, то и наша Уидина имѣла бы полнѣйшее право существовать, если бы у Сѣрова хватило нравственной силы, таланта и правды для музыкально-драматическаго воплощенія этого прелестнаго образа германской поэзіи. Но Сѣрова тянуло въ иную сторону, и господа реалисты въ свое время, какъ увидимъ, первые надъ нимъ поглумились, и—подѣломъ!

Здѣсь помѣщаю письмо, по содержанию, относящееся къ первымъ числамъ марта 1860 года, во всякомъ случаѣ писанное до 13 марта, т. е. до 2-го концерта театральной дирекціи.

## 16.

(Безъ числа, мѣсяца и года).

Дражайшій адъютантъ, вы имѣете полное право бомбардировать меня запросами по «Фаустовскому» дѣлу. Оно для васъ очень важно, интересно и для меня. Я, впрочемъ, сообщалъ вамъ каждый разъ о моихъ разговорахъ съ Ѳ. по этому предмету. Отвѣта положительнаго трудно добиться. Дѣло принимается со стороны Ѳ. какъ-то кисло. Онъ не убѣдился еще въ прямой выгодѣ дирекціи отъ постановки Фауста, а, быть можетъ, почему нибудь, и не желаетъ ея въ скорости. (У нихъ на все свои личные расчеты. Спроста—въ театрѣ—ничего не дѣлается). Даю вамъ слово, что еще разъ спрошу и попрошу Ѳ. А затѣмъ отправимся къ нему вмѣстѣ и вы сами возьмете все желаемое—приступомъ. (Какъ я сдѣлалъ съ Сабуровымъ на счетъ Вагнера).

На счетъ «Mortier» я не хлопоталъ. Довольно мнѣ хлопотъ и

безъ него. Выйти со двора утромъ—значить пропала день работы, а вечеромъ—когда его сыщешь! Притомъ же онъ, съ приѣзда послѣдняго, ко мнѣ не заглядывалъ, и прислалъ на свой концертъ только одинъ билетъ, когда знакомъ съ моимъ семействомъ. (Вьетанъ и Дрейшокъ мнѣ присылали по два и по три билета, а онъ — еще пріятель!) Не смотря на это все, я пошелъ бы къ нему въ концертъ непременно, потому что программа хорошая (хотя могла бы быть и лучше). Теперь же мнѣ идти невозможно. Одна «хота» перетягиваетъ для меня три такихъ концерта какъ у Mortier и, въ добавокъ, еще концертъ Бетховена, исполненный Вьетаномъ, и 7-я симфонія, и хоръ дервишей, и маршь изъ Тангѣйзера. (Всякій разъ прослушать полезно — *semper aliquid haeret*) — тогда какъ сонату ор. 111 я могу самъ сыграть въ смыслѣ, быть можетъ, также хорошо какъ «Mortier», а за чистотою отдѣлки въ такого рода вещахъ я вовсе не гоняюсь.

Во всякомъ случаѣ жаль, что онъ такъ глупо упрямится. Ему слѣдовало переимѣнить день. Я боюсь, что у него будетъ всего человѣкъ пять слушателей (вы будете пятый). Интересу въ концертѣ дирекціи слишкомъ много, на общій вкусъ всѣхъ любящихъ музыку въ Петербургѣ. А вѣдь эти же, — и изъ нихъ-то небольшой кружокъ составляютъ «публику» и для такого концерта, какъ у «Mortier». *Il a du guignon, cet homme.*

Комплименты Л. <sup>1)</sup>—въ статьѣ моей о 7-й симфоніи и о хотѣ—онъ сѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ, впрочемъ, привыкъ отъ меня къ такого рода угощеніямъ.

Уговаривать къ чему-нибудь я никого не умѣю (и не желаю; всякій самъ себѣ голова), но скажу вамъ «*définitivement*» — что не понимаю, почему вы себя считаете такъ связаннымъ насчетъ непремѣннаго присутствія въ концертѣ Mortier <sup>2)</sup>—и еще: что мнѣ будетъ грустно знать, что вы не слушаете хоты и марша изъ Тангѣйзера. А. Сѣровъ.

---

Апрѣля 29 состоялась моя свадьба. На свадьбу, между прочими ближайшими моими знакомыми, приѣхалъ и Сѣровъ, съ матерью и сестрой, Олимпіадой Николаевной, которая впослѣдствіи часто насъ навѣщала. Александръ Николаевичъ былъ необыкновенно веселъ и

<sup>1)</sup> Ленцу, конечно.

<sup>2)</sup> Потому что я лично зналъ Мортіе-де-Фонтена, и что онъ мнѣ подарилъ билетъ. Вѣдливость требовала быть въ его концертѣ; я, однако, послѣдовалъ совѣту Сѣрова.

разговорчивъ. Восхищаясь чинонь православнаго вѣнчанія, воскликнулъ: «прекрасная церемонія! она мнѣ такъ нравится, что я и самъ—возьму, да и женюсь, не болѣе, какъ ради самой этой церемоніи! право!»

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, мы съ женой уѣхали на все лѣто гостить въ одну изъ польскихъ губерній, гдѣ прожили до глубокой осени. Незадолго до отъѣзда, именно 10 іюня, были у насъ гости, между прочими, Сѣровъ и Велинскій; въ четыре руки они отхватали героическую симфонію Бетховена, аррагонскую хоту Глинки и еще что-то Шумана.

Въ первый же вечеръ по возвращеніи нашемъ явился къ намъ Александръ Николаевичъ. Росказни, хохотъ не умолкали до 2-хъ часовъ ночи.

Около этого времени нѣкто Герике издавалъ свой журналъ, «Искусства», котораго вышло въ свѣтъ не болѣе 6 или 7 тетрадей, большаго формата. Въ этомъ эфемерномъ изданіи принимали участіе Писемскій, Сѣровъ и нѣкоторые изъ здравствующихъ понынѣ дѣятелей; вѣроятно, по рекомендаціи Александра Николаевича, пристягнули и меня, для отчетовъ о представленіяхъ Ристори. По вторникамъ, у издателя Герике справлялись литературные вечера, съ шумными ужинами, за которыми обыкновенно предсѣдательствовала Писемскій и подзадоривала всю пишущую братію напускной своей саркастической флегмой; доставалось отъ него и пресловутой Ристори, тѣмъ болѣе, что она въ дѣйствительности гораздо была ниже своей славы. На представленія этой знаменитости Герике абонировалъ ложу въ Маріинскомъ театрѣ, и мы эту ложу прозвали редакторской; въ ней могли засѣдать всѣ сотрудники журнала «Искусства». Меня и Сѣрова, какъ маленькихъ ростомъ, сажали впереди. Вотъ однажды, именно 20 декабря 1860 года, въ антрактѣ послѣ Олоферновской оргіи, въ трагедіи «Giuditta», гдѣ особенно хороши были и Ристори и синьоръ Маіерони, говорю я Сѣрову: «Ну чѣмъ это не оперный финаль?» Въ восторгѣ отъ этой оргіи, Александръ Николаевичъ воскликнулъ: «разумѣется! и я непременно напишу оперу Юдино, тѣмъ охотнѣе, что мнѣ всегда нравились преданія и лица Ветхаго Завѣта!» — Безъ малѣйшей ложной скромности, но и безъ мелкаго тщеславія, скажу, что я случайно вопросомъ своимъ вызвалъ Сѣрова на первый композиторскій подвигъ, доставившій ему вполне заслуженную извѣстность.

Подъ конецъ года, 28 и 31 декабря, пировалъ я у Сѣровыхъ, гдѣ до 3 часовъ утра танцовали въ костюмахъ, изъ которыхъ нѣкоторые были не только красивы, но и характерны, особенно настоящій

алжирскій, добытый гдѣ-то архитекторомъ Н—ымъ. Александръ Николаевичъ танцевалъ въ костюмѣ Пиерро.

Съровъ, задумавшій писать свою Юдию для итальянской оперной труппы, просилъ меня поѣхать съ нимъ къ Ивану Антоновичу Джустиніани, профессору, библиографу, импровизатору и ловкому мастеру писать стихи. Джустиніани съ охотой обѣщаль сотрудничать. Вскорѣ послѣдняя сцена Юдиои, съ отрубленной головой Олоферна, предназначавшаяся для бенефиса Лагруа, была сочинена Съровымъ; въ послѣдствіи эта сцена составила 5-й актъ. Первоначально опера планировалась только въ 3-хъ актахъ и безъ сомнѣнія много выиграла бы въ этомъ видѣ; но Съровъ, увлеченный подробностями, главное — перечисленіемъ Олоферновыхъ полчищъ и военачальниковъ, а подъ конецъ и вдовимъ кокетничаніемъ Юдиои съ воспоминаніями о Манасси, размазалъ этотъ простой, грандіозный сюжетъ на 5 актовъ и тѣмъ значительно ослабилъ интересъ оперы, и драматическій, и музыкальный.

## 17.

17 января 1861 г.

Дражайшій адъютантъ хорошо сдѣлалъ, что вчера не завернулъ на Лиговку. Генерала не было дома почти весь день, а утромъ генералъ спѣшилъ окончить одну срочную работу, которую и отвезъ лично въ редакцію «Основа», откуда добылъ 1-ю книжку этого журнала.

Статью какой-то дамы посылаю, — но выражаю притомъ удивленіе мое, почему Писемскій «взбѣгаетъ» прямыхъ сношеній со мною? это даже не учтиво (если еще присоединить къ тому, что онъ у меня ни разу и не былъ, тогда какъ я у него бывалъ разъ десятъ). Если онъ меня перетянетъ — пузомъ, то «головами-то» авось еще и потягаемся.

Или не сбить ли онъ въ отношеніи меня разными В — — — ми п комп. — ?

(Хочется написать въ «Московскія Вѣдомости» статейку противъ рекламы N въ Вѣнѣ съ эпиграфомъ изъ «Le Pêché de M-r Antoine» Ж. Санда).

Надняхъ кончу свою сцену изъ Юдиои. Работа идетъ какъ по маслу. Если, по окончаніи, увижу, что удалась вполне, то въ концѣ поста или на святой устрою громадную штуку: концертъ по подпискѣ (въ залѣ Елисеева или Руадзе), гдѣ будутъ исполнены всѣ 3 мои партитуры: Рожд. пѣснь, — Отче нашъ и финалъ Юдиои, съ

съ прибавленіемъ кое-чего изъ вещей Вагнера и Листа. (Родзянко будетъ, напр., играть новый концертъ Листа съ оркестромъ, еще не напечатанный). Дирижировать поручу—К. Шуберту, взявъ его въ полную команду, на пробахъ. Расходовъ будетъ не менѣе 2,000 р. На покрытіе ихъ мнѣ нужно: 400 слушателей по 5 руб. Для сего открою подписку и даже—скоренько, чтобъ всё знали. Для добрыхъ знакомыхъ будутъ, разумѣется, билеты даровые. (Вчера вдругъ мелькнула мнѣ эта затѣя). Мысль смѣлая, но, кажется, удобоисполнимая. Что скажетъ адъютантъ? Во всякомъ случаѣ этою весною дремать не буду: авось хоть чѣмъ-нибудь удастся заявить публикѣ, что я по музыкѣ умѣю кое-что другое, кромѣ пописыванья статей. Вашъ А. С.

Какая будетъ жатва — Ману!

Самая близкая параллель меня съ абиссинскимъ маэстро <sup>1)</sup>.

P. S. О Ристори въ Елизаветѣ мнѣ вчера рассказывали чудеса. Только все что-то плохо вѣрится.

## 18.

3 февраля 1861 г.

Не сердить ли дражайшій адъютантъ на своего генерала или на мамахень его—? <sup>2)</sup>.

Прислали книги — молча [сирѣчь безъ записки, безъ пидулки, какъ быть водилось]; прислали какія то церемонныя карточки— молча, т. е. человекъ ушелъ обратно, прежде нежели можно было увидѣть его и передать искреннее приглашеніе на чашку чая или и на обѣдъ (какъ маминька поджидала васъ, да и съ супружницей).

Если угодно заглядить всё эти вины, забѣгите хоть теперь. *Mieux vaut tard que jamais.* Вашъ А. Сѣровъ.

## 19.

(1 марта 1861 г.?).

Кстати о Джустиніани—что же нашъ съ нимъ визитъ къ Лагрудъ? Вѣдь она скоро прочь уѣдетъ?

Я просилъ поэта, чтобы онъ мнѣ назначилъ день и часъ для предполагаемаго посѣщенія примадонны. Онъ отвѣчалъ мнѣ (въ вос-

<sup>1)</sup> Абиссинское маэстро—Александръ Васильевичъ господинъ Лазаревъ, какъ онъ самъ себя величалъ; но что такое былъ Манъ, право, не помню.

<sup>2)</sup> 3 февраля—день ангела Анны Карловны Сѣровой. Ж. З.

кресенье, 26 февраля, утромъ), что разъзнаеть о всемъ какъ слѣдуетъ, т. е. когда ее лучше застать, когда она свободнѣе и т. д.— и скажетъ вечеромъ вамъ (1), al cago Costantinello. Для синьора Джустиніани я еще не составляю отдѣльной личности, къ которой можно прямо адресоваться съ отвѣтомъ. Такимъ образомъ и вышло, что вотъ уже среда—а между тѣмъ

«Ich bin so klug, als wie zuvor» —

т. е. касательно Лагуа въ чистомъ невѣдѣніи!—Извините за эти скучныя заботы.

Очень радъ, что Тибо <sup>1)</sup> вамъ пришелся по вкусу. Я его также очень люблю. Но касательно «переводовъ», долженствующихъ быть мною сдѣланными, вы не совсѣмъ то правы. Статьи я пишу, какъ вамъ извѣстно, и изъ-за гонорарія, entr'autres choses—а переводы гонорируются крайне скудно, какъ вамъ тоже не безъизвѣстно.

О, если-бъ я могъ не зависѣть отъ этихъ проклятыхъ матеріальныхъ вознагражденій хоть настолько, чтобы не умирать съ голоду, быть одѣтымъ и имѣть, хоть изрѣдка, на извозчика!

Изъ Риги моя статья о «Леонорѣ» возвратилась ненапечатанною, за немнѣніемъ... потнаго шрифта.

Полемика мнѣ самому крѣпко надоѣла—но все-таки рекомендую вамъ прочесть «последнюю» мою статью въ этомъ родѣ (въ февральской «Библиотекѣ»). Досталось кое-кому на орѣхи и, кажется, горяченько вышло.

«Гимнъ» изъ Юдней идетъ въ 3-мъ или въ 4-мъ концертѣ дирекціи. Имѣю официальное увѣдомленіе отъ Федорова и теперь въ хвостъ и въ голову спѣшу оркестровкой (партитура въ 25 строкъ на страницѣ и, мѣстами, все наполнено. Работы матеріальной—гибель. Оттого нигдѣ не могу бывать, покуда не кончу всей этой обузы).  
А. Сѣровъ.

Сообщ. К. И. Званцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

<sup>1)</sup> Thibaut: Ueber Reinheit der Tonkunst.

# ВОЙ ПОДЪ ЗИВИНОМЪ ВЪ АЗИАТСКОЙ ТУРЦІИ

13 іюня 1877 г.

X<sup>1)</sup>.

Часовъ около 9 вечера, 12-го іюня, меня позвалъ въ свою палатку генераль Гейманъ и приказалъ указать 1-му кавказскому саперному батальону то мѣсто дороги изъ Верхн. Меджингерта къ Зивинской позиціи, гдѣ она переходитъ черезъ глубокой оврагъ, имѣя довольно крутой спускъ и подъемъ; мѣсто это саперы должны были разработать въ ночь съ 12-го на 13-е іюня, проведя спускъ и подъемъ зигзагами, т. е. уменьшивъ ихъ крутизну. Я долженъ былъ затѣмъ доложить о ходѣ работъ генералу Гейману.

Исполнивъ это порученіе, я прибылъ съ докладомъ о немъ около 2 часовъ ночи, когда разработка была уже трассирована и въ большей части почти кончена.

О дѣйствіяхъ кавалеріи въ день Зивинскаго сраженія, въ связи съ моимъ участіемъ, авторъ пишетъ слѣдующее:

„Снявшись съ бивака, войска эти (а въ числѣ ихъ и кавалерія) двинулись на западъ по горнымъ врякамъ, составлявшимъ подножіе Мелидова, и къ 6 час. утра авангардъ обходной колонны достигъ лѣвоприбрежныхъ высотъ Хань-чая. Головные три сотни 2-го Дагестанскаго полка были встрѣчены ружейнымъ огнемъ турецкихъ башибузуковъ, высланныхъ изъ неприятельскаго лагеря для наблюденія за нашимъ движеніемъ. Отогнавъ ихъ, начальникъ авангарда, полковникъ князь Эрнстовъ, не зная еще дороги, по которой должна была двигаться обходная колонна, остановился въ лощинахъ, за высотами, откуда были сбиты башибузуки, и далъ знать князю Чавчавадзе, что необходимо преслать кого-либо для указанія пути.

„Подполковникъ Войновъ, на котораго было возложено направленіе обходной колонны, получилъ приказаніе немедленно выѣхать впередъ и слѣдовать при авангардѣ; но едва князь Эрнстовъ тронулся съ мѣста, какъ

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LIX, іюль, стр. 149—177.

новая масса турокъ вышла изъ Зивина и открыла огонь противъ дагестанцевъ. Отдѣливъ три сотни 2-го Дагестанскаго полка въ резервъ, начальникъ авангарда спѣшилъ три остальные сотни, съ ними занялъ скаты лѣваго берега Ханы-чая и такимъ образомъ удерживалъ турецкую цѣпь, уже успѣвшую спуститься къ рѣчкѣ. Въ это время прискакалъ 3-й Дагестанскій полкъ; съ его прибытіемъ турки были оттѣснены назадъ, а съ появленіемъ всей кавалеріи непріятель поспѣшно отошелъ къ своему лагерю, гдѣ и укрѣпился за окопами.

„Перестрѣлка эта задержала движеніе обходной колонны болѣе чѣмъ на два часа. Генералъ князь Чавчавадзе, опасаясь новаго покушенія со стороны турокъ помѣшать нашему обходу, нашелъ необходимымъ совсѣмъ отдѣлать отъ своей колонны дагестанскую конно-иррегулярную бригаду, которой велѣлъ остановиться на лѣвоприбрежныхъ высотахъ Ханы-чая, а остальной кавалеріи приказалъ сдѣлать привалъ до прибытія патронныхъ ящичковъ, оставшихся далеко позади“.

По этому описанію автора выходитъ: 1) что кавалерія должна была начать обходное движеніе прямо съ биваковъ, имѣя въ авангардѣ своемъ два полка дагестанской конно-иррегулярной бригады; 2) что такое обходное движеніе должно было происходить сначала по направленію къ Зивинской позиціи, а потомъ уже въ обходъ ея; 3) что движеніе это было задержано болѣе чѣмъ на два часа перестрѣлкою дагестанской бригады съ турецкими башибузумами; 4) что генералъ князь Чавчавадзе рѣшился отдѣлать отъ себя дагестанскую бригаду, опасаясь новаго покушенія турокъ помѣшать обходу; 5) что привалъ кавалеріи вызванъ былъ ожиданіемъ прибытія патронныхъ ящичковъ, оставшихся далеко позади, и 6) что на меня было возложено направленіе обходной колонны и слѣдованіе при ея авангардѣ.

Въ видахъ возстановленія истины останавлиюсь на указанныхъ мною шести выводахъ изъ этого изложенія.

Во первыхъ, я уже выяснилъ откуда должна была кавалерія начать свое обходное движеніе, пояснивъ также и причину, почему ее передвигали сначала на мѣстность передъ Зивинскою позиціею. Если автора и не было необходимости старшимъ начальникамъ войскъ посвящать въ рѣшенія, принятія ими 12-го іюня на совѣщаніи въ палаткѣ корпуснаго командира, то, рѣшившись писать историческое изслѣдованіе, онъ долженъ бы излагать не только то, что могло дойти до него изъ разсказовъ, а, полагаю, необходимо было справиться хотя бы только съ официальной реляціей о разбираемомъ здѣсь сраженіи, гдѣ ни однимъ словомъ не обмолвлено, чтобы кавалеріи назначено было идти въ обходъ прямо съ мѣстъ биваковъ.

Затѣмъ, каждый военный историкъ считаетъ своей обязанностью сдѣлать критическую оцѣнку всякаго описываемаго имъ событія въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи; авторъ же не взялъ на



себя труда анализировать имъ описываемое, иначе онъ не долженъ бы обходить молчаніемъ такую странность въ направленіи обходнаго движенія кавалеріи, каковую онъ выставилъ, пославъ кавалерію сначала передъ непріятельскую позицію, гдѣ она принуждена была, конечно, сейчасъ же по своемъ появленіи ввязаться въ бой и потомъ уже двигаться собственно въ обходъ, задержавшись боемъ, неизбѣжно вызваннымъ ея появленіемъ. Авторъ не потрудился анализировать и объяснить себѣ эту странность, т. е. сдѣлать ту именно критическую оцѣнку движенія кавалеріи въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи, о необходимости которой я только что упомянулъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, конечно, увидѣлъ бы въ этомъ движеніи истинную цѣль его—своимъ расположеніемъ передъ позиціей прикрыть походное движеніе пѣхоты, съ ея артиллеріей. Если бы авторъ угадалъ эту цѣль, то ему не зачѣмъ было бы выискивать причину привала кавалеріи въ желаніи подождать прибытія патронныхъ ящиковъ и выставлять затѣянную дагестанцами перестрѣлку причиною задержки обходнаго движенія болѣе чѣмъ на два часа. Отдѣлится же отъ остальной кавалеріи дагестанскую конно-иррегулярную бригаду генералъ князь Чавчавадзе рѣшился не изъ опасенія новаго покушенія турокъ помѣшать обходу, а по силу опредѣленнаго наканунѣ 12-го юня для этой бригады назначенія—служить связью между главными силами и обходнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, а потому Дагестанская бригада не могла быть авангардомъ кавалеріи при совершеніи ею обхода.

Въ дѣйствительности кавалерія, выступивъ съ разсвѣтомъ съ своихъ биваковъ у дер. Нижній Меджингертъ и имѣя въ головѣ Дагестанскую бригаду, подошла къ Зивинской позиціи и, подъ прикрытіемъ этой бригады, завязавшей съ баши-бузуками перестрѣлку, завладела позицію на крайнихъ высотахъ лѣваго берега рѣчки Ханычая, противъ позиціи турокъ и впереди мѣстности, куда стягивалась постепенно пѣхота, пѣшая артиллерія, летучій паркъ и лазаретныя линейки. Въ этомъ положеніи кавалерія оставалась до прибытія послѣднихъ пѣхотныхъ частей, т. е. приблизительно до 1 часу дня; о дѣйствіяхъ же дагестанской бригады ниже скажу болѣе подробно.

Что же касается до возложеннаго на меня, по словамъ автора, обязательства направлять обходную колонну и слѣдовать при ея авангардѣ, то авторъ заблуждается, возложивъ на меня обязательство, котораго я ни отъ кого не получалъ.

Заблужденіе это явилось, какъ надо полагать, вслѣдствіе того, что въ день сраженія, т. е. 13-го юня, я дѣйствительно исполнилъ порученіе съ двумя полками дагестанской бригады, но порученіе это

отнюдь не касалось слѣдованія моего при авангардѣ кавалеріи, въ качествѣ проводника, при совершеніи ею обходнаго движенія.

Около 6 час. утра, 13-го іюня, генераль Гейманъ, выразивъ мнѣ, что онъ не можетъ добиться сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній о состояніи обходнаго пути для кавалеріи; что собранныя полковникомъ Кишмишевымъ свѣдѣнія крайне сбивчивы и что онъ не можетъ разобраться въ путаницѣ,—поручилъ мнѣ немедля отправиться къ генералу князю Чавчавадзе, взять отъ него конвой и осмотрѣть, по крайней мѣрѣ, гдѣ назначенная для обходнаго движенія дорога переходитъ черезъ рѣчку Ханы-чай. Это порученіе я долженъ былъ исполнить и возвратиться съ докладомъ, не позже 1 часу дня, на вершину холма, назначеннаго для сбора, передъ сраженіемъ, за полученіемъ приказаній, всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ, до батальонныхъ командировъ включительно.

Такимъ образомъ этой новой рекогносцировкой я долженъ былъ дополнить тѣ свѣдѣнія, которыхъ не могъ дать полковникъ Кишмишевъ. Порученіе это, слѣдовательно, никакъ не походило на обязательство провести кавалерію по обходной дорогѣ, слѣдуя при ея авангардѣ.

Въ эту рекогносцировку, съ разрѣшенія начальника корпуснаго штаба, я пригласилъ съ собою состоявшаго при корпусномъ штабѣ, причисленнаго къ генеральному штабу, капитана гвардейской конной артиллеріи Чарковскаго. вмѣстѣ съ нимъ мы немедленно-же отправились къ Зивинской позиціи, передъ которой была уже вся наша кавалерія. Розыскавъ генерала князя Чавчавадзе, я изложилъ ему данное мнѣ порученіе и онъ указалъ на дагестанскую бригаду, разрѣшивъ взять для моей рекогносцировки оба полка ея. Бригада эта была занята тогда перестрѣлкою съ турецкими баши-бузуками и регулярной кавалеріей, ходъ которой достаточно полно изложилъ въ приведенной мною выпискѣ изъ сочиненія генерала Кишмишева.

Я прибылъ къ бригадѣ почти одновременно со вступленіемъ въ бой 3-го Дагестанскаго полка, съ присоединеніемъ котораго еще добрый часъ продолжалась усиленная перестрѣлка, пока, наконецъ, дагестанцы не отгѣснили турокъ къ самой рѣчкѣ Ханы-чай; но чуть только дагестанскіе всадники начинали отходить для сбора въ сомкнутый строй, какъ турки вновь переходили въ наступленіе. Видимо не представлялось никакой возможности отдѣлаться отъ ихъ назойливости и взять дагестанцевъ въ рекогносцировку.

Для выхода изъ этого положенія я отправилъ съ бригаднымъ адъютантомъ записку къ начальнику 2-й кавалерійской дивизіи генераль-маіору Лорисъ-Меликову, прося его прислать на смѣну даге-

станцевъ ближайшую по мѣсту стоянки казачью бригаду изъ 1-го и 2-го Волгскихъ конныхъ полковъ Терскаго войска. Пришлось еще около  $\frac{1}{2}$  часа ждать прибытія Волгскихъ казаковъ и занятія ими боевой цѣпи, на смѣну дагестанцевъ.

Быль уже 10-й часъ дня; времени для производства рекогносцировки оставалось не болѣе 3—3 $\frac{1}{2}$  часовъ, въ теченіи которыхъ предстояло сдѣлать два неизвѣстной длины конца, при возможности встрѣтиться съ кавалеріей Мухтара-паши, мѣсто нахождения котораго оставалось неизвѣстнымъ, но вѣроятность движенія котораго съ Драмъ-дага или Дели-бабы на помощь къ Зивину была почти вѣдъ всякихъ сомнѣній.

Необходимо было торопиться началомъ рекогносцировки.

Между тѣмъ дагестанцы медлили выходомъ изъ боя. Я просилъ командира бригады полковника князя Эрнстова отдѣлать для меня хотя двѣ сотни, съ которыми я могъ бы на рысяхъ отправиться для осмотра дороги; но князь Эрнстовъ непремѣнно хотѣлъ сначала собрать всю бригаду и тогда уже выступить. Послѣ многихъ настояній моихъ и капитана Чарковскаго мы выступили, наконецъ, съ имѣвшимися подъ рукою двумя сотнями, остальнымъ же частямъ бригады разослано приказаніе присоединиться къ намъ на походѣ; но никакія убѣжденія наши не могли заставить двигаться съ двумя сотнями рысью. Мы доѣхали по дорогѣ шагомъ до деревни Хадыкъ, а бригада все еще не была въ сборѣ; князь Эрнстовъ счелъ нужнымъ остановиться у этой деревни и ожидать полного сбора бригады. Терпѣніе мое и капитана Чарковскаго истощилось въ конецъ; быль уже въ началѣ двѣнадцатый часъ дня, а неизвѣстность остающагося еще протяженія дороги до переправы тревожила насъ; наконецъ, оба мы рѣшились заявить князю Эрнстову, что ожидать дольше мы не можемъ и отправляемся впередъ одни, въ сопровожденіи лишь бывшаго при мнѣ рейткнехтомъ казака, оставляя на отвѣтственность князя послѣдствія, какія могли бы быть въ случаѣ встрѣчи нашей съ кавалеріей Мухтара-паши. Вслѣдъ за этимъ мы трое отправились впередъ рысью.

Поднявшись отъ деревни Хадыкъ, мы проѣхали большую возвышенную ложбину, вновь поднялись на гребень высоты и начали спускаться внизъ къ рѣчкѣ Ханы-чаю; проѣхавъ до половины спуска, мы были остановлены криками сзади: «турки, турки, остановитесь, турки!» Мы оглянулись назадъ и увидѣли дагестанцевъ, покрывавшихъ гребни высотъ, съ которыхъ мы спускались; они махали намъ панахами, съ криками: «турки, турки!» Никто изъ насъ, однако, не видѣлъ турокъ ни впереди, ни сбоку, ни даже по другую

сторону Ханы-чая. Русло рѣки скрывалось еще отъ насъ покатосями спуска, но оно могло быть видно съ вершинъ высотъ, на которыхъ были дагестанцы; чтобы осмотрѣться, мы съѣхали съ дороги ближе къ рѣкѣ, но и тамъ не было никакихъ турокъ, тогда мы проѣхали еще съ версту впередъ и остановились только, когда ясно увидѣли всю дорогу до самаго брода; дагестанцы остались на тѣхъ же высотахъ. Вся дорога, нами проѣханная, до самаго брода, оказалась колесною и вполнѣ годною для движенія войскъ и обозовъ; по переходѣ черезъ рѣчку дорога поднималась на высоты праваго берега и дальше шла прямо въ направленіи на Хоросанъ; отъ самаго брода, вправо отъ дороги, поднимались на высоты праваго берега двѣ хорошо натоптанныя тропы, изъ нихъ правая подымалась на высокіе уступы возвышенности, а лѣвая скрывалась на болѣе низкихъ отрогахъ этихъ возвышенностей. На противоположномъ берегу также не было видно никакихъ турокъ. Какая цѣль была дагестанцамъ остановиться на высотахъ и кричать намъ: «турки, турки, назадъ!»—для насъ осталось непонятнымъ.

Продолжать дальше осмотръ, распространивъ его на правый берегъ, мы не имѣли времени; было уже 11 час. 10 мин. утра. Я и капитанъ Чарковский рѣшили ограничиться видѣннымъ, тѣмъ болѣе что указанная мнѣ цѣль рекогносцировки: опредѣленіе въ какомъ мѣстѣ находится переходъ черезъ рѣчку Ханы-чай—нами была достигнута.

Мы возвратились назадъ и весь обратный путь по той же дорогѣ до холма, гдѣ находились въ сборѣ отдѣльные начальники, сдѣлали рысью; мы прибыли къ этому холму въ 12<sup>1</sup>/<sub>4</sub> час. дня.

На холмѣ, какъ сказано, были уже въ сборѣ всѣ начальники частей и стояли группой близъ корпуснаго командира; тутъ-же, но отдѣльно отъ нихъ, стоялъ съ небольшой группой генералъ Гейманъ, къ которому я и обратился съ докладомъ о результатѣ своей рекогносцировки, объяснивъ подробно качество дороги, приблизительную длину и крутизну спусковъ и подъемовъ, направленіе ея послѣ брода, двѣ тропы, отдѣлявшіяся на правомъ берегу рѣчки, и выразилъ сожалѣніе, что производство рекогносцировки тормазилось неподвижностью дагестанской бригады.

Генералъ Гейманъ задалъ мнѣ вопросъ: «какъ далеко находится бродъ?» Я отвѣтилъ ему слѣдующее: «на обратномъ пути отъ брода я ѣхалъ по дорогѣ одинъ часъ и 15 минутъ, все время рысью, нигдѣ не переводя лошади въ шагъ, и, судя поэтому, полагаю, что бродъ находится въ 15 и во всякомъ случаѣ не менѣе какъ въ 12 верстахъ».

Корпусный командиръ, внимательно слѣдившій за моимъ докла-

домъ, послѣ этого отвѣта обратился къ генералу Гейману съ вопросомъ: «успѣетъ ли наша кавалерія сдѣлать такой дальній обходъ?»

Генераль Гейманъ отвѣтилъ, что «пока пѣхота перестроится, да доползетъ до турокъ, то кавалерія успѣетъ рысью десять разъ сдѣлать это разстояніе».

Затѣмъ генераль Гейманъ подошелъ къ корпусному командиру и началъ отдавать приказанія собраннымъ тутъ начальникамъ отдѣльныхъ частей. Послѣ отдачи приказаній первую, ровно въ 1 часъ дня, выступила кавалерія; передъ ея выступленіемъ начальникъ кавалеріи генераль князь Чавчавадзе, а послѣ него состоявшій при немъ начальникомъ штаба подполковникъ генеральнаго штаба Люндеквистъ, одинъ вслѣдъ за другимъ обратились ко мнѣ съ подробными разспросами какъ имъ слѣдовало двигаться послѣ переправы черезъ Ханы-чай. Каждому изъ нихъ я объяснилъ, что они могутъ пользоваться тропинкою, направляющеюся отъ праваго берега, но не на далекомъ протяженіи ея, такъ какъ тропинка эта привела бы ихъ далеко отъ позиціи, къ деревнѣ Занзакъ; что они должны свернуть съ этой тропы вправо, какъ только увидятъ благопріятную къ тому мѣстность, и что, затѣмъ, должны слѣдовать безъ дорогъ, выбирая болѣе пологія покатоги и непремѣнно огибая отдѣльную большую высоту о двухъ вершинахъ, бывшую передъ нами и составлявшую крайними своими отрогами правый флангъ турокъ; что кавалеріи необходимо прослѣдовать по другую сторону этой высоты и что тогда они выйдутъ въ тылъ турецкой позиціи; что атаковать позицію всего удобнѣе со стороны Эрзерумской дороги, такъ какъ скаты въ томъ мѣстѣ наиболѣе пологи и доступны; что конную артиллерію кое-гдѣ можетъ быть придется поднимать на рукахъ, но, конечно, на весьма короткихъ разстояніяхъ. Подполковнику Люндеквисту я порекомендовалъ ѣхать впереди и самому выбирать мѣстность для движенія, не довѣряя это на усмотрѣніе головныхъ частей.

Какъ я уже сказалъ, ровно въ 1 часъ дня отправилась кавалерія; но при самомъ отправленіи ея случился непредвидѣнный казусъ: не успѣли вытянуться по дорогѣ между двумя вершинками головныя ея части, какъ съ высотъ, на которыхъ утромъ происходила перестрѣлка дагестанцевъ, они буквально были осыпаны огнемъ турокъ; отъ такой неожиданности головныя части сразу остановились, подались назадъ и натолкнулись на шедшія позади; между названными вершинками образовалась куча смѣшавшихся казаковъ. Всѣ были поражены неожиданностью: откуда могли взяться турки, когда ихъ отогнали сначала дагестанцы, а потомъ Волгская казачья бригада. Корпусный

командиръ позвалъ меня и приказалъ разузнать въ чемъ дѣло, направить какъ слѣдуетъ кавалерію и доложить ему.

Я поторопился спуститься внизъ и узнать, что когда оба Волгскихъ полка, прикрывавшихъ наше расположеніе, отошли назадъ, чтобы занять свое мѣсто въ общей кавалерійской колоннѣ, то турки воспользовались отрывшимся имъ необороняемымъ пространствомъ, подошли совсѣмъ близко къ вытягивающейся кавалеріи и осыпали ее своимъ огнемъ. Конечно, они тотчасъ же были отгнаны и кавалерія продолжала свой путь рысью, вытягиваясь длинною лентою; скоро вся она начала скрываться за ближайшими покатолями и я отправился доложить корпусному командиру о причинѣ перестрѣлки и о томъ, что уже вся кавалерія вытянулась и движется рысью безостановочно.

На этомъ кончается мое участіе въ движеніи кавалеріи; весь остальной, затѣмъ, день я безотлучно находился въ составѣ корпуснаго штаба.

## XI.

Пѣхотный бой на Зивинской позиціи былъ уже въ самомъ разгарѣ.

Тифлискимъ и грузинскимъ гренадерскими полками были взяты передовые окопы турокъ и усилія ихъ напрасно истощались надъ овладѣніемъ тактическимъ ключемъ позиціи—отдѣльною конической вида высотой, увѣчанною батареей и изрѣзанною траншеями; около этой высоты и ближайшихъ къ ней траншей сгруппировались всѣ усилія обѣихъ сторонъ; резервы турокъ были уже введены въ бой и направлены къ той же высотѣ; съ нашей стороны два батальона бывшаго въ резервѣ Эриванскаго гренадерскаго полка также вступили въ бой, направившись противъ лѣваго фланга турокъ; легкая батарея гренадерской артиллерійской бригады, дѣйствовавшая на нашемъ лѣвомъ флангѣ съ Мингрельскимъ гренадерскимъ полкомъ, была передвинута въ центръ къ Тифлисскому и Грузинскому полкамъ, для дѣйствія противъ той-же злополучной конической высоты. Наступилъ пятый часъ дня. Всѣ ожиданія были обращены къ той сторонѣ, откуда должна была показаться кавалерія. Появленіе кавалеріи въ это время въ тылу у турокъ, когда у нихъ израсходовался послѣдній солдатъ резерва, могло-бы имѣть рѣшающее значеніе, но кавалерія не появлялась. Наконецъ, въ началѣ шестаго часа, показалась голова ея, но совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее ожидали видѣть: она должна была показаться со стороны Эрзерумской дороги, во флангъ и

тылъ турокъ; между тѣмъ два головныхъ полка, съ двумя конными батареями, оказались на сѣдловинѣ между двумя вершинами той большой высоты, которую кавалерія должна была обогнуть, чтобы выйти на Эрзерумскую дорогу. Высота эта составляла весьма трудную преграду и какъ кавалерія попала на нее—оставалось для всѣхъ непонятнымъ. Одинъ полкъ началъ взбираться съ сѣдловины на правую вершину, имѣвшую продолговатую форму; слѣдомъ за нимъ, на ту-же вершину, потянулась конная батарея; доѣхавъ до половины склона, она повернулась назадъ и снова спустилась на сѣдловину, на которой, между тѣмъ, показались новыя колонны полковъ. Въ этомъ положеніи кавалерія простояла съ небольшимъ часъ, затѣмъ начала спускаться внизъ и скрылась за высотами.

Смотря на такое неожиданное появленіе кавалеріи на высотахъ, которыя она должна была обогнуть, мнѣ оставалось только сожалѣть, что самъ я не попросилъ разрѣшенія корпуснаго командира находиться при ней и лично руководить ея обходнымъ движеніемъ. Если при этомъ движеніи могла встрѣтиться какая-либо серьезная преграда, то такою была только именно та высота, на которую въѣхала кавалерія, и потому я неоднократно повторялъ начальнику ея и подполковнику Люндеквисту непремѣнно обогнуть эту высоту; тѣмъ болѣе, что, обогнувъ ее, кавалерія приходилась какъ разъ въ тылу позиціи, у самой Эрзерумской дороги, по которой и могла бы подойти къ самой позиціи. Какъ можно было сбиться съ пути и попасть на высоту—для меня тѣмъ болѣе казалось непонятнымъ, что она указана была именно какъ ориентировочный пунктъ, вокругъ котораго слѣдовало двигаться; высота эта видна отовсюду и потерять ее изъ виду было невозможно; здѣсь, видимо, крылось какое-нибудь недоразумѣніе, возникшее во время совершенія уже обхода. Поправить это, спустивъ кавалерію съ высоты и вывести на Эрзерумскую дорогу, находившуюся отъ этого пункта не далѣе какъ въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ, не было уже времени.

Впослѣдствіи, черезъ разспросы, я узналъ, что подполковникъ Люндеквистъ, слѣдуя съ головнымъ полкомъ, выбралъ путь по дну пологой и достаточно широкой лощины, представлявшей совершенно удобной для движенія; но далѣе лощина сужалась, уклоняясь слишкомъ вправо, и, наконецъ, сдѣлалась крайне трудною; тогда онъ рѣшился возвратиться нѣсколько назадъ, чтобы въѣхать на граничащую эту лощину лѣвую покатость, или вообще избрать другое болѣе удобное для движенія мѣсто. Возвращеніе головнаго полка назадъ повлекло за собою остановку остальной части колонны и нѣкоторую толкотню. Кто-то изъ начальниковъ, оставшихся недоволенъ происшед-

шимъ отъ этого безпорядкомъ, приказалъ частямъ, шедшимъ въ серединѣ колонны, взять вправо и двигаться по представлявшимся передъ ними наиболѣе удобнымъ мѣстамъ; отъ таковаго распоряженія направленіе движенія измѣнилось и продолжалось уже не въ обходъ позиціи, а прямо на ея правый флангъ, наиболѣе же удобныя мѣста привели кавалерію къ сѣдловинѣ высоты, которую она должна была обойти.

Какъ бы то ни было, но кавалерія, во время обхода, находилась не далѣе 5 верстъ отъ Эрзерумской дороги и все таки на нее не попала, благодаря только отсутствію при ней знающаго проводника. А между тѣмъ обходъ этотъ былъ вполне возможенъ, такъ какъ отъ мѣста переправы шла арбная дорога (т. е., правильнѣе, хорошая тропа), выходящая на большую Эрзерумскую дорогу, въ разстояніи около 5 верстъ отъ переправы, между деревнями Нижній и Верхній Ахаликъ, а отсюда, уже по хорошей дорогѣ, до Зивинской позиціи, не болѣе 10 верстъ, т. е. всего отъ мѣста переправы до турецкой позиціи около 15 верстъ.

Генераль Кишмишевъ пишетъ объ обходномъ движеніи кавалеріи слѣдующее:

„Изъ донесенія начальника кавалеріи мы узнали, что дорога, избранная для обходнаго движенія, оказалась до такой степени плохой, что артиллерія и патронные ящики двигались съ трудомъ. На дорогѣ попадались такіе крутые подъемы и спуски, что орудія и зарядные ящики спускались на канатахъ и одинъ изъ этихъ ящиковъ, сорвавшись, полетѣлъ въ кручу и былъ вытасченъ только при обратномъ движеніи. Послѣ такихъ затрудненій главныя части подошли къ глубокому оврагу со скалистыми боками, который перейти верхомъ не было никакой возможности. Желая, однако, исполнить, во что бы то ни стало, возложенную на него задачу, князь Чавчавадзе приказалъ командиру 2-го Волгскаго казачьяго полка войсковому старшинѣ князю Орбеляни спѣшить казаковъ и такимъ способомъ достигнуть противоположнаго берега. Съ казаками велѣно перейти оврагъ Тушинской сотнѣ и Тифлисскому дворянскому дивизиону. Съ трудомъ исполнили они это приказаніе, но далѣе двигаться уже не могли, такъ какъ замѣтна была подхлывшая со стороны Хоросана свѣжая непріятельская колонна“.

И въ приведенной выдержкѣ, какъ и въ предъидущихъ, авторъ смѣшалъ правду съ подхваченными имъ на лету слухами. Обходный путь кавалеріи послѣ переправы, какъ я уже сказалъ, былъ труденъ, такъ какъ приходилось двигаться безъ дорогъ; но эта трудность усугубилась еще тѣмъ, что кавалерія, отъ самой переправы, взяла слишкомъ вправо и двигалась почти вдоль рѣчки Ханы-чая, направляясь не въ обходъ позиціи, а на высоту, которую ей слѣдовало обогнуть и которая ограничивала турецкій правый флангъ, что ясно было видно съ мѣста утренняго расположенія кавалеріи. По мѣрѣ



приближенія къ высотѣ мѣстность принимала болѣе гористый характеръ, а овраги дѣлались все болѣе и болѣе круты. Такой характеръ мѣстности, по мѣрѣ приближенія къ высотѣ, не могъ составлять неожиданности даже для людей, бывавшихъ хоть разъ въ жизни въ горной мѣстности, а не только для кавалеріи, состоявшей изъ лицъ, выросшихъ въ горахъ. Каждому ясно, что болѣе доступная мѣстность находится отнюдь не ближе къ высотѣ, а вокругъ нея, на нѣкоторомъ разстояніи, а потому даже и безъ предварительнаго моего объясненія каждый кавалеристъ понималъ, что ему слѣдовало не лѣзть на высоту, занимать которую составляетъ специальность пѣхоты, а обойти и обогнуть ее. До переправы же черезъ Хань-чай, т. е. часть пути, мною осмотрѣнная, составляла хорошая колесная дорога. Конную артиллерію нигдѣ не приходилось спускать на канатахъ, какъ въ этомъ я могу увѣрить автора, согласно заявленій, данныхъ мнѣ и капитану Чарковскому обоими батареинными командирами казачьихъ батарей полковниками Прозоркевичемъ и Тихановымъ; что-же касается до опривнувшагося ящика, то случай этотъ былъ вовсе не на трудной мѣстности, а на хорошемъ колесномъ спускѣ передъ переправой у Чермыка, на спускѣ, по которому вся колонна безостановочно двигалась рысью. Случай въ этомъ мѣстѣ съ ящикомъ произошелъ вслѣдствіе того, что по оставшейся неизвѣстной причинѣ лошади бросились съ дороги къ сторонѣ горы и ящикъ, конечно, опрокинулся; поднять онъ былъ не на обратномъ пути, а тотчасъ-же за прослѣдованіемъ мимо него колонны. Такой случай могъ произойти отъ самой простой причины, стоило только ѣздовому, съ трудомъ сдерживавшему на спускѣ лошадей, бѣжавшихъ рысью, лишній разъ дернуть подручныхъ и ящикъ неминуемо опрокинулся бы не только на обыкновенной грунтовой дорогѣ, но хотя бы и на шоссе, если только лошади бросились въ сторону и угодили въ канаву.

По описанію автора выходитъ, что 2-й Волгскій конный полкъ, перейдя черезъ оврагъ, дальше не пошелъ, а что вся кавалерія послѣ этого возвратилась назадъ; тогда какъ въ дѣйствительности, согласно съ тѣмъ, какъ здѣсь сказано, не одинъ только 2-й Волгскій полкъ, а четыре полка съ двумя батареями показались на сѣдловинѣ высоты и изъ нихъ два полка вѣхали на вершину, одна батарея потянулась за этими полками, а другая батарея и остальные два полка оставались на сѣдловинѣ. Взбиравшаяся же на вершину батарея возвратилась съ половины подъема назадъ на сѣдловину не потому, чтобы не могла вѣхать на нее, такъ какъ крутизна подъема давала возможность вѣзжать на однѣхъ лошадяхъ, безъ помощи людей, но потому, что батарея этой, какъ и всѣмъ остальнымъ частямъ

кавалеріи, приказано было начать отступленіе обратно. Все это происходило на глазахъ у всѣхъ и потому тѣмъ болѣе удивительно, что авторъ рассказываетъ объ этомъ несогласно съ бывшимъ въ дѣйствительности.

Около 7 час. вечера къ корпусному командиру была отправлена генераломъ княземъ Чавчавадзе записка слѣдующаго содержанія: «со стороны Кепри-кея показалась голова непріятельской колонны; я рѣшился возвратиться назадъ. Князь Чавчавадзе».

Опасенія передъ возможностью наступленія войскъ Мухтара-паши были такъ велики, что князь Чавчавадзе, видя, что сраженіе продолжается, все-таки рѣшился возвратиться назадъ и это возвращеніе играло не малую роль въ рѣшимости корпуснаго командира прекратить сраженіе, не достигнувъ ожидавшихся результатовъ.

Итакъ, истинная причина возвращенія кавалеріи не была недоступность мѣстности, а лишь одно опасеніе встрѣтиться съ войсками Мухтара-паши; элементъ же мѣстности здѣсь, дѣйствительно, не могъ имѣть вліянія, такъ какъ остававшіяся впереди вечеръ и утро другаго дня были бы вполне достаточны, чтобы кавалерія ознакомилась съ мѣстностью и, сойдя вечеромъ съ высотъ, не соответствующихъ характеру ея дѣйствій, утромъ другаго дня могла бы, по болѣе доступной мѣстности, выйти въ тылъ позиціи для ея атаки. На этомъ, какъ увидимъ ниже, основывалъ свои расчеты начальникъ отряда генералъ Гейманъ; но расчетамъ его не суждено было сбыться. Что-же касается до головы непріятельской колонны, показавшейся со стороны Кепри-кея и такъ встревожившей князя Чавчавадзе, то это былъ приблизительно эскадронъ турецкой кавалеріи, выѣхавшій вечеромъ изъ Хоросана на ближайшія къ нему высоты и тотчасъ же повернувшій обратно къ Хоросану. Эскадронъ этотъ былъ хорошо видѣнъ съ высотъ, у подножія которыхъ во время боя располагался корпусный штабъ; о движеніи этого эскадрона корпусному командиру прислалъ записку офицеръ, посланный на вершину ближайшей высоты, для наблюденія за мѣстностью между полемъ сраженія и рѣкою Араксомъ. Начальникъ же кавалеріи смѣшалъ Хоросанъ съ Кепри-кеемъ, какъ надо полагать потому, что не могъ ориентироваться и не зналъ въ какой сторонѣ Хоросанъ и въ какой Кепри-кей; невозможность же видѣть съ мѣста своего расположенія непріятельскій эскадронъ въ разстояніи около 40 верстъ, на которомъ отстоятъ отъ Зивина ближайшія къ Кепри-кею высоты, имъ, конечно, была при этомъ упущена изъ виду. О томъ-же, могли ли въ это время, т. е. въ вечеру 13-го іюня, появиться войска Мухтара-паши со стороны Хоросана (а ужъ во всякомъ случаѣ никакъ не Кепри-кея) сважу

нѣсколько словъ ниже; здѣсь же, для послѣдовательности разсказа о личномъ моемъ участіи, буду продолжать его.

Въ седьмомъ часу вечера я посланъ былъ корпуснымъ командиромъ убраться передовой перевязочный пунктъ, находившійся въ селеніи Зивинъ, и распорядиться поднятіемъ двухъ четырехъ-фунтовыхъ орудій 6-й батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, свалившихся въ кручу, когда батарея эта, посланная въ помощь Грузинскому и Тифлисскому полкамъ, поднималась на позицію по узкой дорогѣ, въ одно орудіе; при въѣздѣ ея на позицію, два переднія орудія, встрѣченныя залпами на самомъ близкомъ разстояніи, сразу лишились всѣхъ лошадей, почти всей прислуги и покатались въ кручу.

Генералъ Кишмишевъ пишетъ, что уборка передоваго перевязочнаго пункта поручена была полковнику генеральнаго штаба Семенову, бывшему начальникомъ штаба кавказской гренадерской дивизіи; но штабъ-офицера этого я не видѣлъ не только на перевязочномъ пунктѣ, но даже проѣзжающимъ черезъ него; а между тѣмъ какъ былъ бы я обрадованъ его появленіемъ, такъ какъ мнѣ одному, съ однимъ своимъ казакомъ, было крайне трудно организовать уборку.

Передовой перевязочный пунктъ образовался самъ собою, вслѣдствіе того, что назначенный распоряженіемъ начальства находился очень далеко отъ мѣста боя и потому раненыхъ, а по возможности и убитыхъ, выносили въ тылъ сражавшихся войскъ въ селеніе Зивинъ и для укрытія ихъ отъ сильнаго ружейнаго огня, въ районѣ котораго находилось это селеніе, складывали подъ навѣсы домовъ и сараевъ, гдѣ они были безопасны, такъ какъ всѣ постройки на востокѣ имѣютъ земляныя крыши и потому представляютъ собою прекрасные блиндажи. Вслѣдствіе того, что этотъ перевязочный пунктъ возникъ самъ собою, на немъ не было ни доктора, ни фельдшера и его справедливѣе было бы назвать не перевязочнымъ пунктотъ, а складомъ убитыхъ и раненыхъ. Дѣйствительно, это былъ въ полномъ смыслѣ складъ: не было почти ни одного дома въ половинѣ деревни, ближайшей къ мѣсту боя, гдѣ-бы не лежали раненые или убитые. Первое, что мнѣ пришлось сдѣлать по прибытіи въ селеніе, это—указать мѣста для вновь прибывавшихъ раненыхъ, задержать хотя нѣсколько носилокъ, для отправки на нихъ болѣе тяжело раненыхъ на дальній перевязочный пунктъ, и, главное, дать средства для транспортировки всѣхъ раненыхъ на мѣсто биваковъ. Единственнымъ для этого исходомъ представлялись арбы жителей Зивина; но добыть ихъ было не совсѣмъ легко: во всей деревнѣ осталось только нѣсколько чело- вѣкъ жителей, да и тѣ попрытались въ самыя дальнія подземелья

своихъ жилищъ-землянокъ, всѣ-же остальные или разбѣжались еще до начала сраженія, или скрывались въ пещерахъ скалъ противоположнаго берега рѣчки Зивинъ-чай, тутъ-же впадающей въ Ханъ-чай скалъ, на которыхъ высились развалины древняго замка. Арбы и буйволы приходилось розыскивать и брать силою; добывъ этимъ способомъ десятка два аробъ, я отправилъ на нихъ болѣе легко раненныхъ, наказавъ сопровождавшимъ ихъ санитарамъ, по передачѣ на перевязочномъ пунктѣ, тотчасъ же возвратиться съ арбами назадъ.

По мѣрѣ наступленія темноты, бой постепенно умолкалъ и только кое-гдѣ поднимавшаяся на короткое время жаркая перестрѣлка показывала объ усердіи нашихъ носильщиковъ подобрать раненныхъ и убитыхъ, такъ сказать, изъ подъ самага носа турокъ; конечно, такое усердіе ихъ и пренебреженіе турокъ къ знаку Краснаго Креста только увеличивали число раненныхъ, которыхъ и безъ того къ срединѣ ночи набралось въ Зивинѣ столько, что уже истощились всѣ средства для отправки ихъ на биваки. На посланную мною съ казачкомъ просьбу выслать съ перевязочнаго пункта хотя нѣсколько лазаретныхъ линеекъ или телѣгъ не было никакого отвѣта; пришлось раненныхъ отправлять на мѣсто биваковъ на носилкахъ и даже на шинеляхъ, поддерживаемыхъ ружьями на подобіе носилокъ. Крайне затрудненный уборкою раненныхъ, я былъ очень радъ, что мнѣ не приходилось хлопотать еще и надъ подъемомъ двухъ свалившихся въ кручу орудій, такъ какъ они были уже вытащены грузинскими и тифлисскими гренадерами почти одновременно съ моимъ прїѣздомъ въ Зивинѣ.

Въ началѣ девятого часа вечера мимо меня проѣхало нѣсколько ординарцевъ генерала Геймана съ приказаніями для продолженія боя на другой день, пока же войскамъ предлагалось оставаться на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ застала ихъ ночь.

Около 9 час. вечера проѣхалъ помощникъ начальника корпуснаго штаба полковникъ Немировичъ-Данченко съ приказаніемъ корпуснаго командира всѣмъ войскамъ постепенно отходить съ ихъ позиціи на свои биваки, на урочище Мелидюзъ. Полковникъ Данченко отправился изъ селенія Зивинъ къ Тифлисскому и Грузинскому полкамъ, т. е. къ нашему правому флангу. Въ первомъ часу ночи прибылъ въ Зивинъ генералъ Гейманъ со стороны нашего лѣваго фланга; онъ выражалъ крайнее неудовольствіе на перемѣну его распоряженія, т. е. на прекращеніе боя и на возвращеніе назадъ кавалеріи. Отпустивъ меня на бивакъ, онъ сказалъ, что прикажетъ возвращавшимся частямъ войскъ переносить раненныхъ на рукахъ.

Такъ окончился для меня день сраженія подъ Зивиномъ.

На другой день, т. е. 14-го юня, войска оставались на своихъ бивакахъ, снабжались сухарями, для освобожденія провіантскихъ телѣгъ подъ перевозку раненыхъ; только къ вечеру въ этотъ день отрядъ отступилъ дальше на урочище Мелидюзъ, гдѣ и оставался до вечера 16-го юня.

Въ ночь съ 16-го на 17-е юня войска отошли къ развалинамъ Каравансарая, а къ вечеру 17-го юня подошли къ деревнямъ Сарыкамышъ, близъ которыхъ оставались весь день 18-го числа. 19-го юня сдѣланъ былъ переходъ до деревни Яйхаръ, часть же отряда прошла дальше къ селенію Бегли-Ахметъ и деревнѣ Большая Тикма; къ утру 20-го числа у сел. Бегли-Ахметъ соединился весь отрядъ, а 21-го занялъ позицію у деревни Хаджи-халиль, изъ которой транспортъ раненыхъ отправился 22-го числа на Кюрюкъ-Дара и крѣпость Александрополь, а отрядъ въ этотъ день перешелъ къ Мапра, на соединеніе съ оставшимися подъ Карсомъ войсками.

## ХІІ.

На этомъ заканчиваю описаніе личнаго моего участія въ Соганлугскомъ походѣ.

Я не касался въ немъ послѣдовательнаго изложенія всѣхъ военныхъ дѣйствій отряда генерала Геймана, такъ какъ такое изложеніе не соотвѣтствуетъ поставленной мною для настоящей статьи цѣли—выставить дѣйствительное свое участіе и опровергнуть тѣ неправильныя нареканія, которыя возводитъ на меня генераль Кишмишевъ въ своемъ сочиненіи, извращая факты.

Теперь позволю себѣ задать вопросъ: были-ли достигнуты цѣли, съ какими предпринималось движеніе на Соганлугъ отряда генерала Геймана, т. е. съ одной стороны—облегчить положеніе генерала Тергукасова и дать ему возможность безпрепятственно отступить съ Драмъ-дага, для освобожденія баязетскаго гарнизона, а съ другой стороны—отнять у карскаго гарнизона надежду на возможную помощь со стороны бывшихъ на Соганлугѣ и Драмъ-дагѣ войскъ Мухтара-паши.

Результатомъ этого движенія, окончившагося неудавшимся Зивинскимъ сраженіемъ, было съ нашей стороны: отступление отряда генерала Геймана обратно къ Карсу, снятіе блокады Карса и дальнѣйшее отступление къ Караалу и Кизиль-Тепе; отступление отряда генерала Тергукасова, сильно преслѣдуемаго турками, въ предѣлы Эриванской

губерніи, и затѣмъ уже движеніе къ Баязету; со стороны же турокъ свободное, безпрепятственное сосредоточеніе всѣхъ сформированныхъ частей, преслѣдованіе генерала Тергукасова значительно превосходящими его силами, безпрепятственное движеніе сосредоточенныхъ силъ Мухтара-паши къ Карсу, соединеніе съ карскимъ гарнизономъ и дальнѣйшее наступленіе къ нашимъ предѣламъ, съ занятіемъ позиціи на Аладжѣ, передъ которою намъ пришлось простоять болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Несомнѣнно, что не только не была достигнута цѣль предпринятаго маневра, но положеніе наше, бывшее до этого маневра господствующимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, значительно ухудшилось и изъ наступательнаго сдѣлалось оборонительнымъ.

Что могло послужить къ такой рѣзкой перемѣнѣ нашего положенія?

Движеніе на Соганлукъ не было искусственнымъ, необходимость его вызывалась ходомъ военныхъ дѣйствій; операціонное направленіе его въ разрѣзъ между турецкими отрядами: однимъ—дѣйствовавшимъ противъ генерала Тергукасова, и другимъ—стоявшимъ на Зивинѣ, избрано было весьма удачно; составъ отряда генерала Геймана (17 батальоновъ, 42 эскадрона и сотни и 64 орудія, приблизительною численностью: 10,200 чел. пѣхоты, 5,800 кавалеріи и 1,700 чел. артиллеріи, въ общемъ почти 18,000 человекъ) вдвое превосходилъ турецкій Зивинскій отрядъ Измаила-паши, имѣвшій въ день боя 8,300 чел. пѣхоты и артиллеріи и 400 человекъ кавалеріи, составившихъ 15 батальоновъ, 14 полевыхъ и 2 горныхъ орудій и 4 сотни большею частью иррегулярныхъ всадниковъ. Численный же перевѣсъ игралъ еще больше значенія, если принять во вниманіе относительное достоинство нашихъ и турецкихъ войскъ. Но одинъ маневръ, самъ по себѣ, не имѣетъ рѣшающаго значенія; результатъ его опредѣляется боемъ, которымъ онъ долженъ заканчиваться. Въ данномъ случаѣ исходъ предпринятаго маневра могъ быть проявленъ въ трехъ видахъ, именно: 1) атака Зивинской позиціи; 2) обходъ ея, и 3) атака Мухтара-паши, оставшагося на Драмъ-дагѣ. Каждый изъ этихъ исходовъ имѣлъ свое значеніе. Такъ, атака Зивинской позиціи, занятой сравнительно слабымъ турецкимъ отрядомъ, представляла шансы на успѣхъ вслѣдствіе слабости турецкихъ войскъ, а въ случаѣ успѣшности ея давала много преимуществъ передъ обходомъ, уничтожая вполнѣ сопротивленіе Зивинскаго отряда и открывая свободное наступленіе на беззащитный Эрзерумъ — первоклассную крѣпость и центръ не только административный, но и моральный всей турецкой Арменіи и Кюрдистана, т. е. другими словами, почти всей прилегающей къ нашимъ предѣламъ Азиатской Турціи. Необыкновенной же природной силѣ Зивинской позиціи не придавалось должнаго вни-

манія. Несравнимыя съ турецкими войсками качества нашихъ войскъ, ихъ значительный численный перевѣсъ, считались съ избыткомъ уравнивавшими бывшее на сторонѣ турокъ преимущество въ недо-ступности ихъ позиціи. Такая увѣренность вселялась блестящимъ взятіемъ крѣпости Ардагана тѣми-же самими войсками кавказской гренадерской дивизіи, которыя составляли пѣхоту отряда генерала Геймана. Что могла значить въ глазахъ нашихъ начальниковъ Зивинская позиція, хотя бы и сильная по природѣ, въ сравненіи съ крѣпостью Ардаганомъ, верки котораго имѣли сильную профиль, прекрасное вооруженіе и, кромѣ того, отлично примѣнены къ мѣстности, находясь на высотахъ тоже труднодоступныхъ. При такомъ сравненіи выступалъ во всей своей правдивости принципъ, что сила верковъ и ихъ вооруженія, или сила и труднодоступность позиціи могутъ оцѣниваться лишь въ зависимости отъ качествъ ихъ защитниковъ; а каковы были эти защитники—мы видѣли это при взятіи Ардагана, въ ночномъ бою подъ Бегли-Ахметомъ, во время вылазки 3-го іюня части карскаго гарнизона, усѣявшей своими трупами весь путь своего отступленія отъ лагеря генерала Геймана подъ Аравартаномъ; словомъ, качества этихъ защитниковъ оставляли желать многого и давали основаніе генералу Гейману рассчитывать побѣдить ихъ подъ Зивиномъ, не смотря на труднодоступную крутизну высоту, которыя они приготовились отстаивать.

Обходъ позиціи представлялъ уже менѣе ощутительные результаты, чѣмъ атака ея. При обходѣ, направленномъ на путь сообщенія позиціи съ питающимъ ее центромъ—Эрзерумомъ, можно было надѣяться на отступленіе турокъ къ Эрзеруму; но такое отступленіе могло совершиться по двумъ путямъ: кратчайшему, пролежавшему вблизи рѣки Аракса, на Кепри-кей, и болѣе кружному, шедшему дальше отъ рѣки Аракса, также на Кепри-кей. Представлявшееся намъ направленіе обходнаго движенія на Хоросанъ и Кепри-кей было нѣсколько длиннѣе перваго изъ указанныхъ путей отступленія турокъ и короче втораго; если-бы турки избрали для своего отступленія первое направленіе, какъ болѣе кратчайшее, по которому имъ легче было-бы предупредить насъ у Кепри-кея, то мы могли-бы настигнуть ихъ на походѣ и тогда всѣ шансы на полную побѣду оказались-бы на нашей сторонѣ; но это, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія турокъ и они несомнѣнно остановились-бы на выборѣ хотя и болѣе кружнаго отступленія, но за то и болѣе безопаснаго, при которомъ успѣхъ заключался-бы только въ ногахъ ихъ солдатъ, т. е. въ скорости отступленія. Не настигнуть же турокъ при ихъ отступленіи значило-бы нанести ударъ по воздуху, такъ какъ наступленіе наше къ Эрзеруму

въ погоню за неразбитымъ непріателемъ не давало еще въ наше распоряженіе оставшейся позади насъ территоріи, удалаю отъ нашей ближайшей базы—нашего блокаднаго отряда подъ Карсомъ, сообщенія съ которымъ были и безъ того затруднены и, что всего главнѣе, оставляло позади насъ значительный отрядъ Мухтара-паши, могшій оперировать намъ въ тылъ. Словомъ, наше наступленіе къ Эрзеруму въ обходъ Зивина привело бы насъ или къ сраженію на Деве-бойну—позиціи, имѣющей не меньшую силу, какъ и Зивинская, или къ обратному движенію на Соганлугъ, не настигнувъ и не разбивъ отступавшихъ турокъ, которые, при нашемъ отступленіи, снова двинулись-бы на Соганлугъ. Во всякомъ случаѣ, движеніе это требовало времени, а въ отрядѣ генерала Геймана ощущался недостатокъ продовольствія, взятаго съ собою. Обходъ Зивина могъ имѣть полное значеніе только при томъ условіи, если отрядъ Мухтара-паши, съ нашимъ появленіемъ, спѣшилъ на соединеніе къ Зивину. Въ этомъ случаѣ равенства въ силахъ обѣихъ сторонъ возстановлялось, а бывшее на сторонѣ турокъ преимущество въ недоступности ихъ позиціи пріобрѣтало такое значеніе, что избѣгнуть боя подъ Зивиномъ становилось уже крайне необходимымъ, что достигалось только обходомъ; при чемъ мы могли рассчитывать, если не настигнуть турокъ въ пути, то атаковать ихъ на первой же занятой ими позиціи, не давъ имъ времени устроиться на ней какъ слѣдуетъ. Слѣдовательно, обходъ позиціи былъ въ прямой зависимости отъ мѣста нахождения войскъ Мухтара-паши и являлся единственнымъ наивыгоднѣйшимъ исходомъ въ томъ случаѣ, если эти войска шли къ Зивинской позиціи на соединеніе съ Измаиломъ-пашей.

Атака войскъ Мухтара-паши, остававшихся на Драмъ-дагѣ, была бы самымъ цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ, такъ какъ атаку нашу имъ пришлось бы принять съ тыла, имѣя съ фронта отрядъ генерала Тергуасова, одержавшій уже разъ побѣду и вторично отразившій нападеніе значительно превосходящихъ численностью турокъ. На успѣхъ такой атаки можно было надѣяться тѣмъ болѣе, что турки, ведя противъ генерала Тергуасова два наступательныхъ боя, имѣли свои позиціи не укрѣпленными. При этомъ исходъ на нашей сторонѣ былъ еще шансъ болѣе короткаго разстоянія между нами и Мухтаромъ-пашей по сравненію съ разстояніемъ, отдѣлявшимъ его отъ Зивинскихъ войскъ; разница въ разстояніи позволяла намъ предпринять эту атаку безъ всякаго опасенія за нашъ тылъ во время боя на Драмъ-дагѣ, такъ какъ зивинскія войска не могли бы послѣть на помощь къ дню боя. Но для этого нужно было знать, что Мухтаръ-паша остался на Драмъ-дагѣ; къ сожалѣнію-же мѣсто нахождения



отряда Мухтара-паши осталось для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Утромъ въ день боя, т. е. 13 июня, корпусный командиръ, разговаривая со мною о предстоящемъ боѣ, между прочимъ, сказалъ: «чего бы я не далъ, только бы знать, гдѣ теперь находится Мухтаръ!» Въ отвѣтъ на это я выразилъ свое предположеніе, что Мухтаръ-паша не могъ предпринять ничего болѣе, съ нашимъ появленіемъ на Мелидюзѣ, какъ торопиться на соединеніе съ Зивиномъ. Во время же боя, какъ я уже имѣлъ неоднократно случай выразить здѣсь, переброшенная на другой берегъ Ханы-чая кавалерія все время находилась подъ опасеніемъ встрѣчи съ отрядомъ Мухтара-паши. Видѣнный нами 11 июня, у Дели-баба, большой лагерь, снявшійся на утро 12 июня, и длинные караваны вьюковъ, двигавшіеся послѣ этого по направленію къ Хоросану, давали поводъ предполагать, что отрядъ Мухтара-паши, при нашемъ появленіи на высотахъ Мелидюза, снялся и шель на соединеніе съ своимъ Зивинскимъ отрядомъ.

Итакъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы пользоваться нашимъ центральнымъ положеніемъ между Зивиномъ и Драмъ-дагомъ, немедленно атаковать Мухтара-пашу на Драмъ-дагѣ въ тылъ, одновременно съ фронтальной атакой его же генераломъ Тергукасовымъ. Если же Мухтаръ-паша отошелъ съ Драмъ-дага и послѣдовалъ на соединеніе къ Зивину, то слѣдовало предпринять обходъ Зивинской позиціи съ юга на Хоросанъ, т. е. дѣйствовать именно такъ, какъ одобрено было его высочествомъ главнокомандующимъ передъ выступленіемъ генерала Геймана на Соганлугъ. Но, по предположенію нашихъ старшихъ начальниковъ, по расчету марша Мухтара-паши съ Драмъ-дага на соединеніе съ Зивиномъ, представлялось возможнымъ атаковать и разбить турокъ на Зивинѣ до соединенія съ ними Мухтара-паши.

Всѣ соображенія, слѣдовательно, сводились къ нанесенію первоначальнаго удара Зивину и къ обращенію его уже затѣмъ или противъ послѣвавшего къ Зивину отряда Мухтара-паши, или же направивъ его на Эрзерумъ. Въ этихъ видахъ генералъ Гейманъ окончательно рѣшилъ атаковать Зивинъ. Къ своей рѣшимости онъ склонилъ всѣхъ старшихъ начальниковъ; корпусный же командиръ присоединился къ этому рѣшенію только видя общее согласіе.

Какъ ни странно кажется, что мы, имѣя почти 6,000 коней, не знали гдѣ можетъ быть отрядъ Мухтара-паши, на лагерь котораго, находившійся отъ нашей кавалеріи въ 26 верстахъ, мы любовались, но это фактъ, съ которымъ такъ горько пришлось считаться. Знай мы тогда, что видѣнный нами его лагерь стоялъ пустымъ, а что весь отрядъ Мухтара-паша не двигался съ своихъ

позицій, оставаясь все время противъ генерала Тергукасова, въ ожиданіи исхода Зивинскаго боя,—трудно сомнѣваться въ томъ, что генераль Гейманъ рѣшился бы не на атаку Зивина, а на атаку Мухтара-паши въ тылъ, которая была бы поддержана атакою съ фронта генераломъ Тергукасовымъ; при такомъ двойномъ нападеніи гибель Мухтара-паши была бы неминуема и имѣла бы результатомъ поспѣшное отступление къ Эрзеруму зивинскихъ войскъ Измаила-паши, т. е. совершенное очищеніе отъ непріятеля всей территоріи между Карсомъ и Эрзерумомъ и окончательное паденіе духомъ оставшихся еще турецкихъ полевыхъ войскъ, такъ какъ Мухтаръ-паша имѣлъ на Драмъ-дагѣ главный кадръ энергически сформированныхъ имъ частей. Но именно въ виду такихъ гибельныхъ результатовъ бездѣйствія Мухтара-паши на Драмъ-дагѣ въ виду нашего отряда, могшаго выйти ему въ тылъ, и нельзя было допустить съ его стороны такой грубой стратегической ошибки, какую въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ, оставаясь пассивнымъ зрителемъ готовившейся разыгратъ драмѣ или у него, или на Зивинѣ. Несомнѣнное со стороны его, покорителя іеменскихъ арабовъ, благоразуміе не могло внушать намъ другаго убѣжденія, какъ только того, что Мухтаръ-паша, при нашемъ появленіи, поторопится соединиться съ зивинскими войсками.

Хотя и весьма разумно за основаніе своихъ дѣйствій не принимать возможныхъ ошибокъ со стороны противника, но въ данномъ случаѣ все-таки остается непростительнымъ тотъ фактъ, что съ 6,000 коней мы не знали что дѣлается отъ насъ всего въ 26 верстахъ; непростительнымъ тѣмъ еще болѣе, что отъ занятія нашей кавалеріей селенія Нижній Меджингертъ, въ 26 верстахъ отъ Дели-баба, до сраженія подъ Зивиномъ оставался свободнымъ цѣлый день 12-го іюня. Такое бездѣйствіе нашей кавалеріи прежде всего зависѣло отъ двоевластія въ отрядѣ генерала Геймана. Объясняется это явленіе положеніемъ, занимаемымъ корпуснымъ командиромъ въ отрядѣ, начальникомъ котораго былъ подчиненный ему генераль. Съ самаго начала прибытія корпуснаго командира въ отрядъ съ частью корпуснаго штаба, всѣмъ, бывшимъ при немъ, лицамъ объявлено, что отрядомъ начальствуетъ генераль Гейманъ, а корпусный командиръ находится здѣсь только для общаго руководства. Такое положеніе уже показывало, что въ отрядѣ два начальника. Всякому понятенъ весь вредъ подобнаго двоевластія, но вредъ этотъ еще болѣе усугублялся взаимными отношеніями начальника отряда генерала Геймана и начальника, входившей въ составъ отряда, кавалеріи—генерала князя Чавчавадзе. Ненормальность отношеній происходила отъ

роли, занимаемой обоими генералами въ составѣ дѣйствующаго кавказскаго корпуса: генераль Гейманъ имѣлъ назначеніе начальника пѣхоты дѣйствующаго корпуса, а генераль князь Чавчавадзе исполнялъ обязанности начальника кавалеріи этого корпуса, т. е. оба они были въ положеніи равныхъ начальниковъ. Но если ихъ назначенія имѣли еще кое-какое значеніе по отношенію ко всѣмъ войскамъ корпуса, то такое равенство рѣшительно не могло имѣть мѣста въ отдѣльномъ отрядѣ, отданномъ подъ начальство генерала Геймана; между тѣмъ, генераль князь Чавчавадзе, пользуясь присутствіемъ въ отрядѣ корпуснаго командира, совершенно игнорировалъ главенство генерала Геймана, считая себя и здѣсь равнымъ этому генералу начальникомъ и потому онъ не обращался вовсе за полученіемъ приказаній или съ докладами о своихъ распоряженіяхъ къ генералу Гейману, а со всѣмъ этимъ относился къ корпусному командиру; въ свою очередь генераль Гейманъ, не желая ронять престижъ корпуснаго командира, былъ вынужденъ мириться съ такой аномаліей и не вмѣшивался въ распоряженія по кавалеріи. Это-то именно обстоятельство и повлекло къ совершенному незнанію того, что дѣлалось въ отрядѣ Мухтара-паши, лагерь котораго былъ передъ нашими глазами. Генераль князь Чавчавадзе, шадя своихъ коней, ограничился выставкою аванпостовъ по направленію къ Дели-баба и посылкою дальняго разъѣзда, не доходившаго даже до рѣки Аракса. Разъѣздъ этотъ, конечно, не могъ принести никакихъ существенныхъ свѣдѣній, такъ какъ ему пришлось только прогуляться по совершенно ненаселенной горной мѣстности, закрывавшей собою долину Дели-баба, съ лагеремъ Мухтара-паши. Можетъ ли этимъ ограничиться роль кавалеріи въ виду непріятеля, положеніе и намѣренія котораго остаются неизвѣстными?—отрицательный отвѣтъ на такой вопросъ дастъ всякій военный: не только теперь, но и во всѣ времена отъ кавалеріи требовалось, чтобы она была у самаго непріятеля, такъ сказать, сидѣла на немъ и слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Такое неотступное насѣданіе на непріятеля требовало не ограничиваться посылкою одного дальняго разъѣзда, а необходимо было воспользоваться свободнымъ днемъ 12 юня, чтобы послать достаточной силы кавалерійскій отрядъ, придавъ ему, взамѣнъ артиллеріи, хотя ружейную сотню и возложивъ на его обязанность проникнуть возможно ближе къ непріятелю и выяснитъ чѣмъ онъ располагаетъ. Отправка такого отряда сразу выяснила бы положеніе Мухтара-паши, оставившагося на Драмъ-дагѣ и распорядившагося только снятіемъ пустаго лагеря.

Взамѣнъ этого генераль князь Чавчавадзе воспользовался посылкою корпуснымъ командиромъ одного изъ карапаховъ къ генералу

Тергукасову и съ этимъ карапахомъ князь Чавчавадзе послалъ записку къ начальнику кавалеріи Эриванскаго отряда, генералу князю Амилахварову, и въ ней, въ качествѣ начальника кавалеріи дѣйствующаго корпуса, въ составъ котораго входилъ и Эриванскій отрядъ, князь Чавчавадзе приказывалъ князю Амилахварову съ его кавалеріей продвинуться къ Дели-баба и войти въ связь съ кавалеріей Соганлугскаго отряда. Я не допускаю незнанія, что между Дели-баба и мѣстомъ расположенія отряда генерала Тергукасова лежатъ два знаменательныхъ по своимъ оборонительнымъ качествамъ ущелья: Кара-Дербентъ и Кизиль-Дербентъ; первое хотя и короткое, но не имѣетъ обходной дороги внѣ выстрѣловъ занимающаго его непріятеля и по характеру своему походить на знаменитое Дарьяльское ущелье въ горахъ Кавказа; а второе—Кизиль-Дербентъ, тянется на значительномъ протяженіи и на каждомъ шагѣ представляетъ прекрасныя оборонительныя позиціи, на которыхъ засѣвшій непріятель можетъ задержать не только малочисленную кавалерію князя Амилахварова, но и значительный самостоятельный отрядъ; это — тѣ-же греческія Өермопилы. Принявъ же знаніе двухъ указанныхъ ущельй, остается допустить, что послышка князю Амилахварову записки, съ приглашеніемъ пожаловать черезъ эти ущелья, была вызвана полною увѣренностью князя Чавчавадзе въ совершенно свободномъ сообщеніи между собою обоихъ отрядовъ: Соганлугскаго и Эриванскаго, сообщеніи, на которомъ отсутствуетъ непріятель, уже отступившій; другими словами, увѣренностью въ томъ, что предстояло еще начальнику кавалеріи выяснить, пользуясь бывшими въ его распоряженіи 6,000 коней, и выяснить именно въ виду настолько затруднительнаго сообщенія съ Эриванскимъ отрядомъ, что едва нашелся человѣкъ, вызвавшійся, за большія деньги, доставить генералу Тергукасову записку корпуснаго командира.

Таковы были распоряженія начальника кавалеріи по освѣщенію мѣстности между отрядами Соганлугскимъ и Эриванскимъ. Къ сторонѣ же турецкихъ войскъ, бывшихъ на Зивинской позиціи, не было выставлено даже и кавалерійскихъ аванпостовъ. Весь Соганлугскій отрядъ, по приходѣ на ночлегъ 11 іюня, до утра 13 іюня, располагался биваками въ направленіи къ Араксу и Дели-баба, при чемъ такое расположеніе, по отношенію къ Зивинской позиціи, представлялось фланговымъ: биваки кавалеріи—у сел. Нижній Меджингертъ, а биваки пѣхоты—на полѣ перехода позади, на возвышенности Мелидюзъ. Кавалерія распорядилась оградить со стороны Зивина только свои биваки, предоставивъ пѣхотѣ охранять себя аванпостами какъ сама знаетъ. Такъ игнорировать безнаказанно основныя правила

бывающаго расположенія войскъ въ виду непріятеля—Истинно можно только имѣя непріателемъ турокъ!

Беречь кавалерію нужно всегда, и беречь въ особенности потому, что, при малѣйшей невнимательности къ ней, она таетъ въ значительно болѣеи степени, чѣмъ пѣхота; но беречь настолько, чтобы даже не пользоваться ею тогда, когда въ этомъ предстоитъ настоятельная надобность,—значить относиться къ ней съ слишкомъ пристрастною нѣжностью.

Я сказалъ уже, что генераль Гейманъ отстранился отъ права распорядиться кавалеріею своего отряда; теперь прибавлю, что такое отстраненіе можетъ вызвать только сожалѣніе, потому что генераль Гейманъ хотя и былъ пѣхотнымъ генераломъ, но умѣлъ употребить кавалерію во-время, гдѣ нужно; умѣлъ извлечь изъ нея все, что она можетъ сдѣлать, также какъ умѣлъ пользоваться артиллеріею въ полной мѣрѣ ея боевыхъ качествъ. Доказательствомъ такому умѣнью могутъ служить: прекрасное преслѣдованіе одною кавалеріею соединенныхъ войскъ Мухтара и Измаила-пашей, ночью съ 17 на 18-е октября отъ Гассанъ-кала къ Деве-бойну; правильно поставленная кавалерія цѣль въ сраженіяхъ 23 октября на Деве-бойну и въ ночь съ 27 на 28 октября подъ Эрзерумомъ; зимняя командировка летучаго кавалерійскаго отряда отъ Эрзерума къ Вайбурту; искусное массивованіе артиллеріи и ея огня въ сраженіяхъ 3-го октября на Авліарѣ и 23 октября на Деве-бойну. Можно съ вѣроятностью допустить, что при полной самостоятельности генерала Геймана въ своемъ отрядѣ кавалерія исполнила бы обязанности, лежавшія на ней 12-го юня, по ея специальности, а потому считаю себя въ правѣ заявить, что игнорированіе начальникомъ кавалеріи власти генерала Геймана, какъ начальника отряда, отозвалось вредно на ходѣ военныхъ дѣйствій.

Корпусный командиръ несомнѣнно понималъ весь вредъ ограничивать власть генерала Геймана въ его отрядѣ и потому предоставлялъ ему распорядиться въ войскахъ самому, т. е. всѣ распоряженія по войскамъ дѣлать отъ своего имени; но, находясь въ отрядѣ, онъ естественно не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ всего происходящаго, а потому ему приходилось входить во всякое распоряженіе генерала Геймана, ставя послѣдняго въ необходимость за всякимъ своимъ шагомъ обращаться на совѣтъ къ нему. Такимъ образомъ самостоятельность генерала Геймана была сведена только къ тому, что всѣ распоряженія по отряду шли отъ его имени; необходимость же обращаться за всякимъ вопросомъ къ корпусному командиру окончательно лишала генерала Геймана собственной своей

иниціативы, такъ какъ результатомъ его совѣщаній, въ случаѣ разногласія съ корпуснымъ командиромъ, было не предоставленіе ему свободы въ дѣйствіяхъ и даже не приказаніе принять распоряженіе послѣдняго, а передача вопроса на общее рѣшеніе старшихъ начальниковъ. Какъ примѣръ такому совѣщательному командованію войсками былъ совѣтъ всѣхъ старшихъ начальниковъ 12 іюня, въ палаткѣ корпуснаго командира, о которомъ мною было описано въ своемъ мѣстѣ. На этомъ военномъ совѣщаніи былъ поставленъ вопросъ, что слѣдуетъ предпринять: сраженіе ли на Зивинѣ, или обходить его съ юга, въ направленіи на Хоросанъ? Этотъ вопросъ былъ поставленъ на общее рѣшеніе вслѣдствіе разногласія генерала Геймана, желавшаго атаковать Зивинъ, съ корпуснымъ командиромъ, желавшимъ его обойти. Много усилій стоило генералу Гейману склонить на свою сторону всѣхъ, участвовавшихъ въ совѣтѣ начальниковъ, въ особенности же генерала Комарова, который принялъ мнѣніе генерала Геймана послѣднимъ. Въ этомъ совѣтѣ корпусный командиръ высказывалъ свое мнѣніе не какъ начальникъ, отъ воли котораго зависить окончательное рѣшеніе, а лишь какъ посредникъ, представляя, такимъ образомъ, образовавшійся военный совѣтъ какимъ-то коллегіальнымъ учрежденіемъ, подъ его предѣдательствомъ; какъ выясняется ходомъ дѣла, корпусный командиръ принялъ мнѣніе генерала Геймана не потому, чтобы вполне убѣдился въ его цѣлесообразности, но лишь потому, что общій голосъ склонился на сторону генерала Геймана; другими словами, онъ, соглашаясь съ общимъ рѣшеніемъ принять сраженіе подъ Зивиномъ, самъ оставался все-таки противъ этого сраженія.

Послѣдствіемъ такого насильственнаго принятія общаго рѣшенія явился несвоевременный перерывъ Зивинскаго сраженія, которому, кромѣ этого, способствовало еще и самовольное возвращеніе генерала князя Чавчавадзе.

Въ общемъ: положеніе генерала Геймана — начальника отряда, фактически лишеннаго возможности распоряжаться самостоятельно; положеніе корпуснаго командира, присутствовавшего въ отрядѣ и не желавшаго принять на себя роли начальника и, наконецъ, положеніе генерала князя Чавчавадзе, не желавшаго подчиниться генералу Гейману, — сводилось къ тому, что въ отрядѣ отсутствовала общая руководящая власть; не было единой воли, все направленной къ достиженію ею намѣченной цѣли. Такіе порядки породили преждевременное окончаніе боя, вопреки распоряженію генерала Геймана о продолженіи на другой день.

Чтобы не быть голословнымъ въ такомъ выводѣ, рассмотримъ ка-

кіе шансы представляло продолженіе сраженія на другой день 14-го іюня.

Причинами, по котрымъ сраженіе, вопреки общихъ ожиданій, не окончилось въ одинъ день, были: 1) позднее начало сраженія — пѣхота вступила въ бой около 3 час. дня, а кавалерія начала обходное движеніе въ 1 часъ дня; 2) дальность обхода кавалеріи и отсутствіе при ней проводника, и 3) трудность подготовки артиллеріей атаки пѣхоты. О двухъ первыхъ причинахъ въ настоящей статьѣ было уже упоминаемо не разъ и потому здѣсь я не буду возвращаться къ нимъ; третья-же причина зависѣла исключительно отъ характера мѣстности, не представлявшей для артиллеріи никакихъ позицій на обыкновенныхъ разстояніяхъ въ 1,000—1,300 саж. и потому ставившей ее въ необходимость ограничиться обстрѣломъ позиціи съ разстоянія свыше 1,700 саж., съ котораго легкія 4-хъ фунтовыхъ орудія имѣютъ крайне незначительную вѣроятность попаданія, да и для 9-ти фунтовыхъ орудій дистанція эта оставалась весьма значительной.

Первыя двѣ причины, т. е. позднее начало боя и дальность кавалерійскаго обхода, теряли значеніе во второй день; третья-же причина хотя и оставалась неизмѣнною, но значеніе ея умалось, такъ какъ за первый день боя разрушительное дѣйствіе нашей артиллеріи хотя и не вполне отвѣчало желаніямъ хорошо подготовить атаку пѣхоты, тѣмъ не менѣе принесло уже нѣкоторые результаты, которые еще болѣе усилили-бы подготовку въ теченіи втораго дня; для нанесенія же окончательнаго, рѣшительнаго удара, для втораго дня, въ нашемъ распоряженіи были: 1) два совершенно нетронутые батальона Эриванскаго полка, стоявшіе въ прикрытіи 9-ти фунтовыхъ батарей, которыя были и безъ нихъ совершенно обезпечены отъ нападенія непріятеля; 2) четыре батальона Мингрельскаго гренадерскаго полка, дѣйствовавшіе, послѣ взятія передовыхъ правофланговыхъ позицій турокъ, только ружейнымъ огнемъ противъ право-же фланга турокъ, на которомъ ни они, ни турки не могли перейти въ наступленіе, такъ какъ ихъ раздѣлялъ почти совершенно непроходимый скалистый оврагъ. Отсюда можно было, безъ всякаго риска, взять два батальона въ помощь центру, т. е. Грузинскому и Тифлисскому полкамъ; а когда бы началась атака кавалеріи въ тылъ право-же фланга турокъ, то для центра можно было бы взять не два, а даже три батальона Мингрельскаго полка. Итакъ, для другаго дня имѣлось по меньшей мѣрѣ четыре свободныхъ свѣжихъ батальона пѣхоты—два мингрельцевъ и два эриванцевъ, и 3) вся кавалерія обходной колонны, которая, какъ выше пояснено, имѣла достаточно времени

и возможности за ночь и утро слѣдующаго дня ориентироваться, осмотрѣть мѣстность и выйти въ тылъ непріятельской позиціи. Въ противоположность такому благопріятному для насъ положенію въ случаѣ продолженія боя, турки къ концу перваго дня израсходовали до послѣдняго солдата, всѣ свои резервы и не могли уже ожидать поддержки ни откуда. Прибытія къ мѣсту сраженія войскъ Мухтара-паши мы могли ожидать въ теченіи перваго дня боя; если-же къ концу этого дня Мухтаръ-паша не появлялся, то это показывало, что онъ или соединился съ Измаиломъ-пашей до начала сраженія, или-же не трогался съ мѣстъ своего расположенія на Драмъ-дагъ, такъ какъ, по расчету возможнаго съ его стороны марша на помощь Зивину, онъ могъ прибыть къ Измаилу-пашѣ или къ утру 13 іюня, или въ теченіи этого дня. Насколько у насъ была возможность продолжать бой на другой день можетъ также служить подтвержденіемъ и то впечатлѣніе, какое первый день боя произвелъ на турокъ: они не рѣшились не только перейти въ наступленіе, но хотя бы на короткое разстояніе преслѣдовать наши отходившія части; напротивъ, всю ночь и утро другаго дня они провели въ ежеминутномъ ожиданіи возобновленія боя и даже, когда убѣдились, что наши войска дѣйствительно отступили, то и тогда они, видимо, не вѣрили въ совершенное прекращеніе боя, ибо начали съ лихорадочною поспѣшностью исправлять поврежденныя нашей артиллеріей укрѣпленія и траншеи и возводить новые окопы.

Что же могло повліять на рѣшимость прекратить бой тогда, когда продолженіе его представляло намъ всѣ шансы на успѣхъ?

На этотъ вопросъ мною почти уже данъ отвѣтъ при разборѣ значенія военнаго совѣта 12 іюня и при описаніи взаимныхъ отношеній трехъ главныхъ начальниковъ въ отрядѣ генерала Геймана. Къ этому остается прибавить только впечатлѣніе, произведенное убылью убитыми и ранеными. Одержавъ штурмъ Ардагана, съ потерей всего около 300 человекъ, корпусный командиръ былъ пораженъ понесенною подъ Зивиномъ убылью свыше 600 человекъ.

При ненормальномъ порядкѣ въ командованіи войсками подобный результатъ, какъ преждевременный перерывъ боя, возможенъ всегда. Въ зивинскомъ сраженіи были нарушены два изъ основныхъ принциповъ военнаго искусства: 1) присутствіе старшаго начальника въ отрядѣ, подчиненномъ начальнику младшему и 2) мысль боя принадлежала не старшему начальнику, явившемуся фактически рѣшающимъ распорядителемъ, а начальнику младшему, вынужденному подчиниться такому рѣшающему распоряженію. Другими словами, предпринимателемъ боя былъ одинъ, а исполнителемъ его явился другой.



Если генераль Гейманъ рѣшился принять бой подъ Зивиномъ, не смотря на труднодоступность позиціи, то рѣшеніе это вполне согласовалось съ его непреклоннымъ энергичнымъ характеромъ и основывалось на твердой рѣшимости не отступать передъ трудностями сильной по природѣ укрѣпленной позиціи турокъ, а довести бой до конца, т. е. истощивъ всѣ средства сломить засѣвшаго на этой позиціи непріятеля. Рѣшимость эта поддерживалась въ немъ многолѣтнимъ боевымъ опытомъ въ Кавказскую войну, когда приходилось съ полнымъ успѣхомъ атаковать не только такія, но и гораздо сильнѣйшія позиціи; недавній же штурмъ Ардагана показалъ, что и молодая войска не уступали въ отвагѣ старымъ, закаленнымъ въ болахъ, кавказцамъ. Предоставленіе полной распорядительности генералу Гейману имѣло бы послѣдствіемъ законченность боя и почти несомнѣнную побѣду на другой день.

Итакъ, истинными причинами неудавшагося сраженія подъ Зивиномъ были: 1) отсутствіе единства въ командованіи; 2) невѣдомость мѣста нахождения Мухтара-паши; 3) позднее начало сраженія; 4) дальность обхода кавалеріи и отсутствіе при ней проводника; 5) трудность подготовки атаки артиллеріею; 6) самовольное возвращеніе кавалеріи обратно и 7) перерывъ боя, не доведя его до конца.

А. М. Войковъ.

27 февраля 1887 года.

---

### Камердинеръ генераль-фельдмаршала князя А. В. Суворова.

Въ числѣ дворовыхъ людей фельдмаршала князя А. В. Суворова находился камердинеръ его Прохоръ Дубасовъ. Онъ жилъ при баринѣ во время ссылки послѣдняго въ селѣ Кончанскомъ, въ 1797—1798 гг., и сопутствовалъ ему въ походахъ. Послѣ пораженія французовъ при Нови, сардинскій король Карлъ Эммануилъ пожаловалъ Дубасову двѣ медали „за заботы по береженію здоровья фельдмаршала“. Камердинеръ хотя отличался грубостію и пьянствомъ, но баринъ продолжалъ держать его при себѣ, обѣщая волю послѣ своей смерти. 6-го мая 1800 г. фельдмаршалъ скончался, но только чрезъ 2½ года смѣлъ его, князь Аркадій Александровичъ (род. 4-го августа 1784 г., † 13-го апрѣля 1811 г.), дать слугѣ своего родителя, съ женою и дѣтьми его, свободу на вѣчныя времена, а также и 5 тысячъ р. сер. съ тѣмъ только, чтобы „уплата сказанной суммы расположена была на 5 лѣтъ, какъ на то была воля родителя его“.

Это распоряженіе молодого Суворова представлено на высочайшее утвержденіе. „Его императорское величество, подтвердивъ всеподданнѣйшее прошеніе князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, относительно освобожденія, бывшаго у его родителя, камердинера Прохора Дубасова, жены и дѣтей и о награжденіи его 5 тыс. руб. сер. съ платежомъ оныхъ въ 5 лѣтъ, высочайше указать соизволилъ взнестъ оное въ правительствующій сенатъ для надлежащаго исполненія“.

Высочайшее повелѣніе объявлено 5-го ноября 1802 г. министромъ юстиціи Г. Р. Державинимъ, а сенатъ предписалъ: с.-петербургскому губернскому правленію — объявить о семъ Дубасову, съ выдачею надлежащаго вида, и попечителямъ князя Аркадія Суворова — объ удовлетвореніи бывшаго камердинера назначенною суммою въ теченіи 5 лѣтъ<sup>1)</sup>.

По распоряженію губернскаго правленія, Дубасовъ былъ вызванъ въ присутствіе, явился туда 25-го ноября и получилъ заведѣтельствовавшую копію съ указа сената и видъ на жительство. Журналы утверждены губернаторомъ С. С. Кушниковымъ († 1838 г.), бывшимъ адъютантомъ фельдмаршала Суворова, приславшаго его къ императору Павлу I съ донесеніемъ о пораженіи французовъ при Нови въ 1799 г.

Г. И. Студенкинъ.

---

<sup>1)</sup> Попечителями были: вдова генералиссимуса, княгиня Барвара Ивановна Италійская графиня Суворова-Рымникская (род. 28 августа 1750 г., † 8 мая 1808 г.), оберъ-штабмейстеръ графъ Николай Ал. Зубовъ (род. 21 апр. 1763 г., † 9 авг. 1805 г.), женатый на сестрѣ несовершеннолѣтняго, и тайный совѣтникъ оберъ-прокуроръ съвода Дм. Ив. Хвостовъ (род. 19 іюля 1757 г., † 22 октября 1839 г.),  
Г. С.

# ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

и

рѣшенія имъ равныхъ дѣлъ

въ 1827—1833 гг.

I.

Проживавшій въ Петербургѣ въ 1821 г. далматскій дворянинъ Ивуличъ жаловался на протоіерея церкви петербургской больницы для бѣдныхъ П.... Т.... о насильственномъ яко бы прелюбодѣяннн его съ женою Ивулича. Жалоба эта, по высочайшему повелѣнн императора Александра I, была передана въ снудъ, поручившій слѣдствіе по этому дѣлу здѣшной консисторіи. Разсматривая дѣло, снудъ призналъ жалобу Ивулича бездоказательною и затѣною и, не находя Т\*\*\* виновнымъ, ниже подозрительнымъ во взводимомъ на него извѣтѣ, опредѣлилъ учинить его отъ сего дѣла свободнымъ и предоставилъ оберъ-прокурору довести о рѣшенн своемъ до свѣдѣнн государя императора. Его величество собственноручно на докладѣ оберъ-прокурора по сему дѣлу резолюціею въ 10-й день іюля (1827 г.) высочайше повелѣтъ соизволялъ: «если другихъ доводовъ нѣтъ, то поступить съ принесшимъ жалобу по законамъ; ибо клеветниковъ терпѣтъ не должно».

Указъ сената, по 1-му департ., отъ 26-го августа 1827 г. № 53250.

II.

Государь императоръ, разсмотрѣвъ отзывъ министра народнаго просвѣщенн о причинѣ двухмѣсячнаго замедленн въ исполненн по объявленному статсъ-секретаремъ Муравьевымъ ему, министру народнаго просвѣщенн, повелѣнн его величества объ училищныхъ строеннхъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и находя въ томъ виновнымъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, за неисполненн высочайшаго повелѣнн, и директора д-та народнаго

просвѣщенія, за несвоевременный докладъ министру народнаго просвѣщенія, о неисполненіи высочайшей воли, — высочайше повелѣть соизволевъ: «попечителю сдѣлать строжайшій за то выговоръ, съ внесеніемъ въ его формуляръ, а директора деп-та посадить подъ арестъ на сутки при сенатской гауптвахтѣ, равноѣрно со внесеніемъ въ его формуляръ».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, отъ 12-го августа 1827 г. № 47687.

### III.

Въ сенатѣ производилось дѣло о московскомъ архитекторѣ, титул. сов. Бѣляевѣ, который по суду приговоренъ былъ къ лишенію одного чина, съ тѣмъ, чтобы впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. По этому дѣлу послѣдовало 27-го мая 1826 г. слѣдующее собственноручное его императорскаго вел-ва повелѣніе: «Бѣляева отставить отъ службы и впредь нигде не опредѣлять, но чина не снимать и впредь никогда по приговорамъ одного чина не снимать: ибо во всѣхъ чинахъ должны быть честные люди, а понижать чиномъ за проступки есть унижать чинъ, въ которомъ столь же честно служить, какъ и во всякомъ».

Черезъ годъ, когда въ комитетъ министровъ перешло изъ сената за разногласіемъ дѣло о дѣйств. ст. сов. Геттунѣ и прочіихъ лицахъ, найденныхъ виновными по производству дѣла объ убійствѣ дворянки дѣвочки Алтуховой, по волеу Геттуна присуждался къ снятію одного чина, то комитетъ, имѣя въ виду сію высочайшую волю, полагалъ: не снимая съ Геттуна чина, ограничить приговоръ о немъ только тѣмъ, чтобы его впредь ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять и не выбирать и произвести съ него назначаемое съ имѣнія его денежное взыскаііе, а сверхъ того воспретить ему имѣть жительство въ обѣихъ столицахъ.

Указъ сената, по 1-му отд. 5-го деп-та, 12-го сент. 1827 г. № 1869.

### IV.

По строгому разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ доносовъ переименованнаго изъ отставныхъ флота лейтенантовъ въ губернскіе секретари Василія Николаева, сына Клочкова, по дѣлу его, двукратно рѣшенному государственнымъ совѣтомъ и высочайше утвержденному, признаны доносы сіи ложными и дерзновенными, — и поелику самъ онъ просилъ государя императора,

чтобы наказать его, буде окажется виновнымъ, какъ преступника, не заслуживающаго никакого вниманія, не въ пригѣрь другихъ, то и преданъ онъ суду. О чемъ по высочайшему повелѣнію и публикуется для обузданія дерзости и клеветы.

Мнѣніе государственнаго совѣта, высочайше утвержденное 17-го іюня 1828 г. Изъ указа сената, по общихъ первыхъ 3-хъ департаментовъ собранію 9-го іюля 1828 г. № 8,565.

## V.

«Отставной гвардіи корнетъ Александръ Потемкинъ въ 1811 году за преступленіе по уголовному дѣлу лишень чиновъ, дворянскаго достоинства и написанъ въ рядовые. Съ того времени, состоя на службѣ въ московскомъ пѣхотномъ полку, былъ неоднократно въ сраженіяхъ раненъ, награжденъ за отличную храбрость знакомъ отличія военнаго ордена, произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ 1817 году уволенъ вовсе отъ службы. Принимая нынѣ въ уваженіе, что Потемкинъ, раскаяваясь чистосердечно въ преступленіи своемъ, послѣдующе усердною службою загладилъ оное, мы всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратити ему прежнее дворянское достоинство».

Именной указъ сенату 16-го марта 1827 г.; указъ сената по 1-му деп-ту 31-го марта № 21,055.

## VI.

С.-Петербургское губернское правленіе, усмотрѣвъ изъ донесеній подвѣдомственныхъ ему мѣстъ, что на поручительство купца Косицкаго находится до 120 арестантовъ, въ циркулярныхъ указахъ своихъ этимъ мѣстамъ отнесло къ неосмотрительности ихъ отдачу столь большаго количества арестантовъ на поручительство одному лицу. Косицкій принесть на это жалобу сенату, который приказалъ объявить истцу, что хотя вполнѣдствіи времени и оказалось, что онъ не имѣлъ такового числа арестантовъ на поручительство, но послѣку за всѣми тѣми таковыхъ находилось у него 42 человека, количество, могшее подать поводъ къ вышеозначеннымъ предписаніямъ, то посему упомянутая жалоба его, Косицкаго, и не заслуживаетъ уваженія.

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 13-го апрѣля 1827 г. № 22,512.

## VII.

Высочайшимъ манифестомъ 30-го августа 1814 г. прощены были всё преступленія, до изданія оного содѣянные и не заключающія въ себѣ смертоубійства, грабежа и лихоимства. Впослѣдствіи высочайшимъ указомъ сенату 5-го декабря 1818 г., объявленнымъ министромъ юстиціи, повелѣно: происшествія въ церквахъ, нарушающія благочиніе и должное почитаніе ко храму Всевышняго, какъ такіа дѣйствія, кои обнаруживаютъ въ высшей степени худую нравственность, подъ манифестъ 30-го августа 1814 г. не подводить. Въ 1-й статьѣ всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 г. прощены тѣ же преступники, какіе въ манифестѣ 1814 г. означены.

Прилагая эту статью къ дѣлу, производившемуся въ воронежской консисторіи о поступкѣ дьякона слободы Гайдарской Петрова, который прибилъ въ алтарь дьячка до крови, консисторія опредѣлила оставить означеннаго дьякона отъ суда свободнымъ. Святѣйшій синодъ, получивъ донесеніе о семъ воронежскаго епископа, встрѣтилъ сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли, сообразно указу 5-го декабря 1818 г., оставлять дѣйствию правосудія подобныя происшествія, бывшія до манифеста 22-го августа 1826 г., не подводя ихъ подъ прощеніе, симъ манифестомъ даруемое. синодъ предоставилъ оберъ-прокурору князю Мещерскому испросить высочайшаго разрѣшенія.

На этомъ докладѣ послѣдовало, 12-го февраля 1827 г., собственноручная его вел-ва резолюція: «совершенно справедливо, и отиудъ не подводить подъ манифестъ подобныхъ случаевъ».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 18-го марта 1827 г. № 18,043.

## VIII.

Совѣтъ министерства финансовъ, вслѣдствіе представленія иркутской казенной палаты, постановилъ: дозволить сибирскимъ изъ поселенцевъ крестьянамъ выдавать на внутреннюю торговлю свидѣтельства съ тѣмъ, чтобы они производили оную токмо въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ каждой изъ сибирскихъ губерній, гдѣ кто жительство имѣетъ; но сибирскій комитетъ находилъ ограниченіе оной одною губерніею жительства поселенца неудобнымъ для Сибири, ни по роду тамъ торговли, ни по движеніямъ ея, а полагалъ, что водворенные смыльные могутъ быть увольняемы по всей Сибири для промысловъ по тому состоянію, въ которое они вступаютъ, не давая токмо дозволенія отлучаться имъ внѣ Сибири.

По этому предмету послѣдовало 12-го апрѣля 1827 г. собственноручное

его вел-ва повелѣніе: «согласенъ; но не распространять сего дозволенія разъѣздовъ внѣ мѣстъ ссылки на тѣхъ, кои оной подвергнуты приговоромъ Верховнаго уголовного суда».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 26-го мая 1827 г. № 34,116.

## IX.

Вышій красноярскій земскій исправникъ, тит. сов. Исаевъ, просилъ разрѣшенія ему вступить въ службу, въ которую, рѣшеніемъ астраханской уголовной палаты, утвержденнымъ 6-мъ деп-томъ сената, воспрещено опредѣлять его, за неоткрытіе бѣглыхъ людей въ бытность его исправникомъ.

Въ засѣданіе 19-го іюля 1827 г. объявлено комитету министровъ собственноручное его вел-ва повелѣніе: «не иначе допустить какъ по силѣ указа 22-го августа, т. е. первымъ офицерскимъ чиномъ, что принять за правило и для всѣхъ отставленныхъ».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 29-го августа 1827 г. № 55,076.

## X.

Въ синодѣ разсматривалось дѣло о четвертомъ бракѣ надв. сов. Трейтера (лютеранскаго испов.) съ дѣвицею Цеймернъ (православн. испов.), по которому голоса членовъ раздѣлились. Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, чтобы бракъ Трейтера съ Цеймернъ, яко совершенной прежде опредѣлительнаго постановленія, запрещающаго таковыя браки иновѣрцамъ съ православными лицами, признать дѣйствительнымъ съ предоставленіемъ очищенія совѣсти православнаго лица разсужденію отца духовнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его вел-во повелѣтъ сонзвоявлять: 1) на будущее время подобныя браки не дозволять, и о томъ отъ синода предписать повсемѣстно, и 2) если бы и послѣ сего таковыя браки были совершены, то подвергать ихъ расторженію; но если бы открылось, что подобныя случаи допущены до обнародованія прямаго нынѣ запрещенія, то поступать съ таковыми браками по примѣру, изъясненному въ коричей книгѣ о бракахъ, на кои ни дозволенія, ни запрещенія не было.

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 14-го октября 1827 г. № 62,532.

## XI.

Государь императоръ, въ бытность въ Псковѣ, повелѣлъ гражданскому губернатору слѣдующее: «малолѣтнихъ бродягъ до 17-ти лѣтъ не

держатъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ важнѣйшими преступниками, какъ то его вел-во нашелъ въ псковскомъ острогѣ, а отдавать ихъ въ военно-сиротскія отдѣленія».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 9-го января 1828 г. № 3,045.

## XII.

Шляхтичъ Феликсъ Гордзiевскiй судился и признался въ кражѣ изъ костела разныхъ вещей и денегъ; отъ роду ему 30 лѣтъ. Правительствующiй сенатъ приговорилъ: «лишить Гордзiевскаго шляхетства, сослать въ каторжную работу вѣчно». Государственный совѣтъ хотя призналъ приговоръ сената о ссылкѣ Г. въ каторжную работу правильнымъ, но, обращаясь къ заключенiю онаго, чтобы его сослать въ сію работу вѣчно, находитъ, что за изданiемъ устава о ссыльныхъ, въ которомъ для распредѣленiя работъ по разрядамъ и срокамъ постановлены особенныя правила, слово вѣчно мѣста уже имѣть не можетъ, а потому и полагаетъ онаго впредь въ приговорахъ о ссылкѣ преступниковъ въ каторжную работу не включать, на семъ основанiи поступить и въ исполненiи приговора по настоящему дѣлу о Гордзiевскомъ. Мнѣнiе это высочайше утверждено 25-го января 1828 г.

Указъ сената, по 5-му деп-ту 3 отд., 29-го февраля 1828 г. № 334.

## XIII.

Начальникъ нерчинскихъ заводовъ бергъ-гауптманъ Фришъ донесъ кабинету его вел-ва о буйствѣ и сопротивленiи военной и горной командѣ, произведенныхъ ссыльно-рабочими нерчинскаго горнаго вѣдомства, въ кличкинскомъ рудникѣ. Его вел-во, 19-го iюля въ лагерѣ при Шумлѣ, собственноручно изволилъ написать на донесенiи слѣдующее: «всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впредь исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ».

Указъ сената, по 1-му деп-ту, 31-го августа 1828 г. № 57,109.

## XIV.

Въ журналѣ с.-петербургскаго губернскаго правленiя 24-го апрѣля 1833 г. (понедѣльникъ) записано (листы 204 и 205):

«Въ присутствiе сиб. губерн. правл. прибыли: г. гражданскiй губернаторъ двора е. и. в. камергеръ, дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Иванъ Семеновичъ Храповицкiй, совѣтники: кол. сов. и кавалеръ Яковъ Николаевичъ Петров-



скій, надв. сов. и кавалеръ Федоръ Петровичъ Василевскій, тит. сов. и кавалеръ Петръ Яковлевичъ Бочаровъ, тит. сов. и кавалеръ Егоръ Афанасьевичъ Шахуринъ и ассесоръ и кавалеръ Егоръ Николаевичъ Самсоновъ.

«Сего числа во 2-мъ часу пополудни, въ отсутствіе предъ гѣмъ г. гражданскаго губернатора въ казенную палату по случаю торговъ на почтовые станціи, губернское правленіе осчастливлено было высочайшимъ посѣщеніемъ государя императора. Его имп. вел., войдя въ присутствіе сего правленія, изволилъ потребовать настольный реестръ и, по пересмотрѣ, замѣтивъ многія не отмѣченныя статьи марта мѣсяца, спрашивалъ: «отчего это», и вслѣдствіе того, совѣтникомъ Бочаровымъ донесено, что «за неуспѣшностью протоколиста» (тит. сов. Степановскій), который, потому, впредь до исправленія сего реестра, задержанъ въ канцеляріи губ. правленія безвыходно. Послѣ чего е. в. изволилъ приказать экзекутору (губ. секр. Никитинъ), означенный настольный реестръ отнести въ высочайшій кабинетъ. И какъ предъ выходомъ е. в. изъ канцелярской комнаты, служащій въ сѣмъ правленіи канцелярскій чиновникъ (губ. секретарь) Живраковъ объявилъ, что желаетъ объясниться о чемъ-то съ е. в.-мъ, то и повелѣно экзекутору отправить его къ г. генераль-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Изъ губернскаго же правленія е. в. изволилъ посѣщать и всѣ прочія, помѣщенныя въ общемъ съ губернскимъ правленіемъ домѣ (на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади), присутственныя мѣста. Приказали: Записать о сѣмъ въ журналъ и донести г. военному генераль-губернатору».

Подписали: Иванъ Храповицкій, Я. Петровскій, Ф. Василевскій, Петръ Бочаровъ, Е. Шахуринъ, ассесоръ Самсоновъ. За секретаря (кол. секр.) Дукшинскій.

Съ боку отѣтка губернскаго прокурора: «читалъ».

## ХV.

Журнальная статья № 68-я отъ 26-го апрѣля (среда).

«Сего числа, г. гражд. губернаторъ, передавъ въ подлинникѣ полученное имъ предписаніе отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 25-го сего апрѣля № 131, съ препровожденіемъ 3-хъ вѣдомостей указать правительствующаго сената, записаннымъ по настольному реестру сего правленія въ теченіи сего года полученнымъ, на которыя государь императоръ при посѣщеніи 24-го числа губернскаго правленія изволилъ обратить вниманіе потому, что не видно отѣтки исполнительности и прочіе замѣчены неясности и безпорядки, предложилъ, дабы гг. совѣтники, каждый по своей части, занялся (въ) составленіемъ подробной именной вѣдомости обо всѣхъ указахъ правительствующаго сената, въ препровожденныхъ вѣдомостяхъ значущихся, съ полными и ясными

отгѣтками во всемъ противъ замѣчаній г. министра внутреннихъ дѣлъ, и таковыя именныя вѣдомости съ отгѣтками передать ему, г. гражд.-му губернатору, для исполненія по прочимъ предметамъ предписываемаго министромъ. Приказали: Согласно предложенію г. гражданского губернатора, каждому изъ гг. совѣтниковъ сего правленія, по своей части, заняться сего числа составленіемъ означенныхъ именныхъ вѣдомостей для передачи г. губернатору, за подписаніемъ каждого».

Подписи тѣ же; съ боку отгѣтка губернскаго прокурора: «читалъ 26 мая».

## XVI.

24-го апрѣля, понедѣльникъ, въ присутствіе с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія прибыли:

Г. слб. гражданскій губернаторъ, дѣйств. ст. сов. двора его имп. величества камергеръ и кавалеръ Иванъ Семеновичъ Храповицкій въ 11 часовъ пополудни, г. непремѣнный членъ коллеж. сов. и кавалеръ Александръ Ивановичъ Козминъ въ 9 часовъ и засѣдатели: отъ дворянства, чиновникъ 5-го класса и кавалеръ Яковъ Яковлевичъ Дубницкій и отъ купчества Мих. Ив. Барсуковъ въ 9 часовъ пополудни.

Статья 8 № 1,100. Его императорское величество, сего апрѣля 24-го числа, изволилъ посѣтить слб. приказъ общественнаго призрѣнія во 2-мъ часу пополудни. Приказали: о семъ записать въ журналъ и довести г. слб. военному генералъ-губернатору.

Подписали: Иванъ Храповицкій, Александръ Козминъ, Яковъ Дубницкій.

Сообщ. Ч.

# ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

## I.

Тверь.

15-го—20-го мая 1888 г.

## I.

...«Сонъ на яву! рѣшительно я вижу сонъ на яву»,—повторялъ я себѣ нѣсколько разъ, обходя въ высокой степени интересный Музей въ городѣ Твери. Да и въ самомъ дѣлѣ—не сонъ-ли? Въ 1860 и 1861 гг. былъ я въ Твери—и здѣсь кромѣ Волги-матушки, съ которою впервые тогда знакомился, нечѣмъ было любоваться,—по крайней мѣрѣ, отъ тогдашняго гощенія въ Твери осталось въ памяти моей лишь слѣдующее: Романъ Николаевичъ Никулинъ, тогдашній инспекторъ гимназіи, добрый, почтенный человѣкъ, доживающій нынѣ свой вѣкъ въ отставку, въ Москвѣ; онъ былъ моимъ спутникомъ въ Твери; лазали мы съ нимъ въ кладовую на колокольнѣ собора, гдѣ показывалъ онъ мнѣ бібліотеку знаменитаго тверскаго іерарха Теофилакта Лопатинскаго; былъ я у Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола и Федора Николаевича Глинка,—этихъ живыхъ памятниковъ эпохи великой отечественной борьбы 1812 г. и эпохи 1820-хъ годовъ; но вотъ и все.. Для любителей исторіи и старины въ Твери ничего тогда не обрѣталось: мертвый городъ, мимо котораго пронеслась чугунка и, стаянувъ другъ къ другу двѣ столицы, отбросила Тверь въ сторону отъ любопытнаго взора путешественника и туриста...

И вспоминалась мнѣ тогда прогулка моя по Франціи въ 1859 г.;

вспоминались тѣ музеи, тѣ книгохранилища, тѣ общества ревнителей и любителей исторіи, археологій, вообще старины, которыя я находилъ въ различныхъ городахъ этой прелестной страны,—и воздыхалъ я объ отсутствіи чего-либо подобнаго у себя на матушкѣ Россіи, и воздыханія эти, сколько помню, повторялъ въ «Русскомъ Словѣ», въ замѣткахъ своихъ «Французскія провинціи» (1859 г.), а впоследствии въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Прогулка въ Нижній Новгородъ» (1860 г.) и въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Отъ Твери до Астрахани» (1861 г.)...

И вотъ я опять въ Твери... Предо мною тотъ же городъ, съ его широкими, прямыми, какъ стрѣла, улицами, — живое свидѣтельство, что не одинъ пожаръ, да притомъ пожаръ лютый, грандіозный, способствовалъ къ расширенію и вытяжкѣ въ линейки ея проспектовъ; опять тѣ-же невозможныя костоломныя мостовныя, тѣ-же своеобразныя тротуары, съ какими-то бревенчатыми огражденіями, дѣлающими ихъ, мѣстами, канавами для невылазной грязи; но на стѣнахъ домовъ рядъ наименованій учреждений, памятниковъ пережитой нашимъ отечествомъ великой эпохи освобожденія и обновленія всего внутреннего строя Россіи: Женская гимназія, Реальное училище, Ремесленные классы, Земская учительская школа (имени г. Максимовича — ея учредителя), Отдѣленіе Государственнаго Банка, Земская управа, Окружной судъ, Мировой съѣздъ и проч., и проч. А вотъ и Музей—учрежденіе, лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ считавшееся предметомъ праздной затѣи какого-либо единичнаго любителя, «бросателя денегъ на ненужный хламъ». Теперь же предъ нами хранилище памятниковъ старины, въ наизящнейшихъ сторонахъ ея быта, полного самаго живаго, неизсякаемаго интереса.

Тверской Музей основанъ въ 1866 г., въ качествѣ промышленнаго музея, какъ собраніе образцовъ промышленности Тверскаго края. Коллекціи его были и въ этомъ отношеніи незначительны, но съ 1872 г. онъ получилъ быстрый ростъ и развитіе: предметы глубокой древности, палеонтологіи, археологіи, нумизматики, этнографіи, исторіи, вообще всего, что воскрешаетъ бытъ обитателей нашего отечества вообще и Тверскаго края въ особенности, все нашло себѣ мѣсто здѣсь, въ этомъ музеѣ, который заставилъ насъ забыть то чувство зависти и горечи, съ которыми мы еще недавно, въ 1887 г., обходили множество городскихъ музеевъ въ Германіи и Швейцаріи, обходили съ чувствомъ досады, что ничего подобнаго, какъ намъ казалось, нѣтъ на Руси, въ ея губернскихъ городахъ, нерѣдко, однако, бывшихъ стольныхъ градахъ отдѣльныхъ княжествъ. И вотъ совъ на яву! Правда, что для того, чтобы ему осуществиться, необходимо

было пройти чуть ни четверть вѣка; ну, да на Руси, со времени Ильи Муромца, спать подолгу, но и здѣрово просыпаются.

Музей въ Твери занимаетъ весьма обширный залъ, въ роскошномъ зданіи губернской гимназіи (памятникъ энергіи знаменитаго предводителя тверскаго дворянства въ 1860-хъ годахъ, А. М. Унковскаго, довершившаго многолѣтнее и при его предшественникахъ злополучное сооруженіе этого зданія). Залъ очень свѣтлое, высокое, полъ каменный. Оно наполнено дѣльнымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ коллекцій: здѣсь предметы промышленности и вообще заводской и фабричной дѣятельности обитателей Тверскаго края. Стекло, посуда, бумага, деревянные издѣлія, матеріи; большая группа манекеновъ, съ своеобразными женскими уборами—это представительницы уѣздовъ Тверскаго края,—уборы, совсѣмъ уже теперь вытѣсненные изъ употребленія «модю» новѣйшаго времени, а вотъ—и коллекціи предметовъ древностей. Съ какою любовью и заботливостью они собраны! Четыре часа провели мы въ ихъ обзорѣ и не замѣтили, какъ пролетѣло время въ ихъ осмотрѣ и въ слушаніи объясненія главнаго создателя и хранителя этого музея, — мы говоримъ объ Августѣ Казиміровичѣ Жизневскомъ <sup>1)</sup>). До 4,300 предметовъ вмѣщаетъ именно отдѣлъ древностей Музея, въ то время какъ еще въ 1872 г. было лишь менѣе десятка этихъ предметовъ.

Укажемъ въ самой бѣглой, краткой замѣткѣ предметы, особенно привлекшіе наше вниманіе. Вотъ желѣзные орудія, косари, весьма своеобразной формы, которыми косили предки наши тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ; два камня, найденные въ 1835 г. Ѳ. Н. Глинкою въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, съ весьма древними изображеніями трехъ прямоугольныхъ четырехугольниковъ, включенныхъ одинъ въ другой, и надпись славянскими и греческими буквами «Степанъ», что объясняется учеными, яко-бы камень положенъ на могилѣ Степана, убитаго на поединкѣ. Надпись на другомъ камнѣ, будто бы начертанная сложными рунами и прочитанная: «Иварови (или Ингварови или

---

<sup>1)</sup> Въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ къ ряду А. К. Жизневскій неустанно трудится въ городѣ Твери. Занимая болѣе четверти вѣка постъ управляющаго тверской казенной палаты, А. К. посвящаетъ всѣ свои досуги, по выраженію адреса Городской Думы, поднесшей ему, 13 апрѣля 1888 г., званіе почетнаго гражданина города Твери, „на заботы о поддержаніи и процвѣтаніи благотворительныхъ заведеній“, а также „научныхъ учрежденій къ познанію исторіи Тверской губерніи и самого города Твери“. Кстати отмѣтимъ изъ нашего альбома „Знакомые“, т. IV, стр. 35, что „А. К. Жизневскій род. въ 1819 г., въ Полоцкѣ, кончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ въ 1841 году“.

Игореви) взять», т. е. поставленъ, воздвигнутъ, породила не малую полемику ученыхъ изыскателей. Надгробные памятники, съ выпуклыми изображеніями трѣхконечнаго креста, составляющаго особенность таковыхъ камней надревнѣйшей эпохи Тверскаго края. Въ высшей степени интересный памятникъ XII-го вѣка: Стерженскій каменный крестъ, поступившій въ музей изъ погоста Стержа, Осташковскаго уѣзда, а на немъ надпись: «6641 (1133 г.) мѣсяца июля 14 день почаяхъ рыти рѣку сю язь Иванко Павловиць и крестъ съ поставихъ».

По древности надписи, этотъ памятникъ занимаетъ второе мѣсто между извѣстными русскими памятниками, т. е. первое послѣ знаменитаго Тмутараканскаго камня (границный межевой камень князя Роговолодова, 1171 г.); но и по значенію принадлежащій тверскому музею камень весьма знаменателенъ: онъ остается нѣмымъ свидѣтелемъ того, что еще въ XII вѣкѣ производимо было углубленіе и расширеніе, для удобнаго судоходства, рѣки Волги, которая въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ этотъ камень, мелка и узка. Упоминаемый въ надписи Иванко Павловиць, какъ предполагаетъ г. Жизневскій, есть храбрый новгородскій посадникъ Иванко Павловичъ, павшій въ 1135 году въ бою съ суздальцами... Въ «Описаніи тверскаго музея» А. К. Жизневскаго изслѣдованію о помянутомъ камнѣ посвящены весьма интересныя страницы. Помянутый камень изъ глубины XII-го вѣка служитъ укоромъ министрамъ путей сообщеній первой половины XIX-го вѣка, небрежшимъ о своевременномъ углубленіи и улучшеніи фарватера Волги—кормилицы Россіи.

Пройдемъ, однако, по музею, оставляя, за недостаткомъ въ нашей статьѣ мѣста, много замѣтокъ въ записной книжкѣ; упомянемъ лишь о тѣхъ предметахъ, которые остановили особое наше вниманіе. Такъ, въ отдѣлѣ памятниковъ церковныхъ—весьма замѣчательна икона св. князя Владиміра и преподобныхъ Аркадія Новоторжскаго и Моисея Угрина. Икона длиною 2 арш. и шириною 1 арш. 6 $\frac{1}{2}$  вершк. Писалъ ее Пимень Ѳедоровъ, зовомый Симонъ Ушаковъ, съ ученикомъ своимъ въ 1677 г., что и выяснено въ длинной надписи того времени. Это былъ царскій жалованный иконописецъ Оружейной Палаты, знаменитый своимъ талантомъ (умеръ въ 1686 г.).

Икона преподобныхъ Ефрема и Аркадія, новоторжскихъ чудотворцевъ, письма вполне мастерскаго, начала XVIII вѣка; икона весьма интересная именно потому, что на ней изображены всѣ зданія, находившіяся въ XVII и началѣ XVIII столѣтій внутри монастыря, о чемъ свидѣлствуютъ и надписи на этихъ зданіяхъ. Старинный окладъ отъ иконы Тихвинской Божіей Матери, новгородскихъ писемъ,

любопытенъ для объясненія того, какъ писалась на иконахъ чистая душа... Въ музеѣ, между многими иконами стариннаго письма, особенный интересъ имѣютъ тѣ, которыя изображаютъ знаменитыхъ подвижниковъ, уроженцевъ именно Тверскаго края, такъ, напримѣръ, архимандрита Діонисія, въ мѣрѣ Давидъ, уроженецъ г. Ржева и въ 1610 г. бывший архимандритомъ Троице - Сергіева монастыря и нѣкоторыхъ другихъ. Вообще иконъ здѣсь много и онѣ составляютъ въ музеѣ весьма интересный отдѣлъ; еще болѣе того любопытны царскія двери; ихъ, если не ошибаюсь, до десяти и изъ нихъ нѣкоторыя времямъ Іоанна IV Грознаго, а есть, напримѣръ, царскія двери—никакъ не позднѣе XV-го вѣка, вышиною всего 1 арш. 11 вершковъ и шириною  $13\frac{3}{4}$  вершковъ... Но что любопытно въ тверскомъ музеѣ и приведено въ превосходный порядокъ—это собраніе крестовъ. Что за богатая коллекція и съ какою рачительностью приведена она въ порядокъ А. Б. Жизневскимъ! Крестовъ до 800 экземпляровъ и по свидѣтельству самыхъ компетентныхъ археологовъ, отзывы которыхъ приведены г. Жизневскимъ въ его почтенномъ трудѣ, многіе кресты принадлежатъ X, даже IX вѣкамъ, когда они употреблялись язычниками, предками нашими, какъ еще простое украшеніе, безъ изображенія святыхъ, съ однимъ лишь орнаментомъ на нихъ. Описанію крестовъ г. Жизневскій посвятилъ до 20 страницъ въ своемъ трудѣ, расположивъ предметы въ строго - систематическій порядокъ. Кстати о порядкѣ. Въ музеѣ тверскомъ во всемъ виднѣнъ не только любитель и знатокъ дѣла, но просто остроумный мастеръ устроенія научныхъ коллекцій: кресты, серьги, перстни, мелкіе орнаменты—все развѣшаны въ особо устроенныхъ шкапчикахъ, подъ стеклами, содержимое которыхъ видно съ трехъ сторонъ, на движущихся доскахъ вертикальныхъ; каждая вещь виситъ на проволокѣ тонкой, на каждой изъ нихъ ярлычекъ (изъ тонкаго, но твердаго картона) съ четкою, обстоятельною надписью. А монеты! Ихъ множество и особенно богата коллекція монетъ Тверскаго княжества; онѣ вдѣланы въ тонкія дощечки, фанерки орѣховаго дерева; обтянуты дощечки эти стеклами, подлѣ монетъ надпись и ссылка на того писателя нумизмата, который описалъ монету въ своемъ печатномъ трудѣ и указалъ на ея значеніе. Обозрѣватель можетъ взять въ руки такую легкую небольшую доску и осматривать монеты, въ нее вдѣланныя, съ обѣихъ сторонъ; вынуть монету возможно лишь отвинтивъ въ верхней планкѣ штифтликъ, что не всякій замѣтитъ. Чрезвычайно просто, красиво, удобно! А вѣдь труда-то сколько собирателю и хранителю съ подборомъ коллекцій, очисткой монетъ и ихъ опредѣленіемъ! У г. Жизневскаго въ его квартирѣ столы, подоконники, все наполнено коро-

бочками, свертками съ монетами, нерѣдко весьма мелкими, и все это тщательно обернуто въ бумажкахъ... Въ спальнѣ чуть ни цѣлая лабораторія для очистки экземпляровъ монетъ, вѣка пролежавшихъ въ землѣ, отъ всякой грязи.

Собраніе сосудовъ церковныхъ, начиная съ самыхъ простыхъ, древнихъ, церковныхъ облаченій и лоскутовъ тканей отъ таковыхъ облаченій — инныя дивныя по узору, нѣсколько свадебныхъ вѣнцовъ начиная отъ жестяныхъ (начала XIV вѣка) до тяжелыхъ деревянныхъ (6 фунтовъ вѣсомъ) и желѣзныхъ — все это составляетъ церковный отдѣлъ музея. Между подсвѣчниками, люстрами, паникадилами и особенно лампадками древними имѣются экземпляры необыкновенно изящныя, — такъ и хочется сказать нашимъ золотыхъ и серебряныхъ вещей мастерамъ, почему они, фантазируя въ изобрѣтеніи рисунковъ для нихъ и сбиваясь на иноземный ладъ и вкусъ, не обращаются къ древнимъ образцамъ чисто русскаго искусства, сохраняющимся въ тверскомъ и подобныхъ ему музеяхъ? Тутъ же въ тверскомъ музейѣ вы находите — желѣзныя шапки и поясъ юродиваго, вериги и проч. Богослужебныя книги восходятъ въ тверскомъ собраніи до XV вѣка. Не велико собраніе оружія и кольчугъ, но имѣются экземпляры (кольчугъ) очень хорошо сохранившіеся и изъ эпохи тѣхъ кроворазлитій, которыя учиняли татарскіе баскаки въ Твери, при частыхъ возстаніяхъ тверитянъ противъ своихъ угнетителей, такъ, напримѣръ, кольчуга-юмшанъ, съ надписью арабскою... Домашняя утварь и уборы женскіе представлены въ предметахъ разныхъ эпохъ; особенно богата коллекція серегъ; сюда поступили цѣлыя ихъ собранія, напримѣръ, священника И. М. Берестова; равно значительно собраніе перстней... Интересны большіе стѣнные часы, работы знаменитаго самоучки механика Терептія Ивановича Волоскова; они показываютъ: часы, минуты, дни недѣли, числа мѣсяца, мѣсяцы, простые и високосные годы, фазы луны и числа луннаго мѣсяца... Часы сдѣланы во второй половинѣ XVIII вѣка и ходятъ до сихъ поръ... Не останавливаемся на множествѣ мелочей стариннаго домашняго убранства, тутъ все есть до гребенокъ, ухвертокъ и щипчиковъ для выдергиванія изъ носу волосъ... Такимъ образомъ, быть или, лучше сказать, бытовая обстановка обитателей Тверскаго края за сто, двѣсти и болѣе лѣтъ тому назадъ вся подымается предъ обозрѣвателемъ музея, во всѣхъ подробностяхъ, вся оживаетъ предъ нами!

Весь этотъ музей, съ его 4,300 уже каталогированными и тщательно описанными предметами, наводитъ насъ на отрадныя размышленія: не одни же заграничные города, которыхъ я посѣтилъ множество въ 1887 году, путешествуя по Германіи и Швейцаріи, могутъ



организовать свои музеи древностей! Тамъ, за рубежомъ нашимъ, — какъ бы, нерѣдко, малъ городъ ни былъ, — въ немъ почти всегда найдете тѣ или другія научныя историческія коллекціи, доступныя обзору путешественника. Отнынѣ и у насъ, въ Россіи, въ губернскомъ городѣ явился только энергическій и просвѣщенный собиратель и любитель старины — и онъ найдетъ сочувственную поддержку, явятся вклады вещами, да и самыя вещи точно изъ-подъ земли (иногда и въ буквальномъ смыслѣ) къ нему явятся. Итакъ, организація таковыхъ музеевъ и у насъ въ Россіи, не только въ столицахъ, но и въ провинціи, вполнѣ возможна, а ужъ о пользѣ таковыхъ собраній древностей распространяться не приходится! До какой же степени таковой музей можетъ вызывать интересъ въ жителяхъ города и приѣзжихъ въ него видно изъ чиселъ его посѣтителей: они являются въ музей по воскресеньямъ и являются отъ 150, 200 до 700 человѣкъ въ день! Въ особенности ихъ много послѣ народнаго чтенія въ одной изъ сосѣднихъ залъ гимназіи, когда многочисленные слушатели чтенія считаютъ необходимымъ обаврѣть музей.

Прочно ли положеніе музея? Намъ кажется оно прочнымъ. Онъ состоитъ при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ и, конечно, будетъ поставленъ въ самую тѣсную связь съ дѣятельностью тверской ученой архивной комиссіи, предсѣдатель которой А. К. Жизневскій есть душа и двигатель этихъ обоихъ учрежденій <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Превосходный трудъ: „Описаніе тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ. — А. К. Жизневскаго“, съ примѣчаніями (покойнаго) графа А. С. Уварова, начатъ печатаніемъ еще въ 1835 году въ Древностяхъ, изданіи императорскаго московскаго археологическаго общества, въ тт. VII, IX, X и XI. Описаніе украшено множествомъ полиптипажей, фототипій и хромолитографій. Выдетъ оно въ свѣтъ въ 600 экз.

## II.

18-го мая вечеромъ было засѣданіе тверской ученой архивной комиссіи. Я имѣлъ удовольствіе быть приглашеннымъ въ это засѣданіе. Собралось четырнадцать членовъ, при участіи непремѣннаго попечителя комиссіи—губернатора А. Н. Сомова. Все это народъ служилый, высшіе, по положенію своему, чиновники въ городѣ Твери, съ присоединеніемъ почтеннаго старца протоіерея В. Владиславлева, нѣкоторыхъ учителей семинаріи, архиваріуса — онъ же секретарь консисторіи, и проч. Не смотря на то, что члены комиссіи имѣютъ много занятій по своимъ должностямъ, равно какъ и предсѣдатель комиссіи А. К. Жизневскій (онъ же управляющій казенною палатою и весьма дѣятельный чиновникъ) — весьма занятъ службою, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ членовъ ученой комиссіи часы досуга отъ служебнаго труда посвящаютъ родной старинѣ. Это выразилось и въ настоящемъ засѣданіи. А. К. Жизневскій прочелъ извлеченіе изъ многихъ отысканныхъ имъ актовъ XVIII вѣка, рисующихъ бытъ обитателей г. Твери и тогдашнихъ распоряженій администраціи, а также прочелъ нѣсколько принадлежащихъ ему автографовъ стихотвореній извѣстнаго поэта, жившаго и скончавшагося въ Твери, Федора Николаевича Глинки;—Е. А. Пушкинъ прочелъ отысканное имъ неизданное стихотвореніе В. А. Жуковского;—В. И. Колосовъ прочелъ весьма интересную статью «А. С. Пушкинъ и пріѣзды его въ Тверскую губернію»,—статью, основанную на разсказѣ одной старушки—современницы Пушкина и на нисымахъ поэта. Наконецъ, г. Криницынъ прочелъ обширный и весьма важный по значенію очеркъ жизни и дѣятельности осташковскаго священника Андрея Николаевича Колоколова (род. 1763 г., ум. 1802), воспитанника московскаго университета, одного изъ питомцевъ «Дружескаго Общества» Н. И. Новикова въ Москвѣ, замѣчательнаго проповѣдника и высоко нравственнаго человѣка. Дѣятельность Колоколова, какъ пастыря, не смотря на сравнительно молодые еще года, въ которые онъ скончался, оставила глубоко нравственный слѣдъ въ населеніи города Осташкова. Въ возбужденныхъ послѣ чтенія названныхъ статей преніяхъ обсуждались, между прочимъ, поднятые нами вопросы: о возобновленіи памятника Екатерины II, нѣкогда украшавшаго одну изъ площадей города Твери и убраннаго въ 1811 году, для замѣны его болѣе величественнымъ, и затѣмъ оставленнаго безъ возобновленія; о расширеніи мѣстопромышленнаго отдѣла въ музеѣ;

о введеніи въ коллекцію музея бюстовъ, портретовъ, научныхъ и литературныхъ трудовъ, автографовъ, словомъ всего, что напоминало бы замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ изъ уроженцевъ Тверской губерніи. Членъ комиссіи В. И. Покровский сдѣлалъ предложеніе объ организаціи нѣсколькихъ публичныхъ засѣданій ученой комиссіи въ зимнее время — для вызова вниманія и привлеченія къ участию въ ея дѣятельности лицъ мѣстнаго общества. Словомъ, все засѣданіе прошло весьма оживленно. По нашему мнѣнію тверская ученая архивная комиссія, открытая 22-го іюня 1884 года Н. В. Калачовымъ, имѣетъ всѣ залоги къ прочному существованію и развитію. Энергическою распорядительностью А. К. Жизневскаго, его заботами и при пособіи въ 400 руб. отъ археологическаго института, устроенъ для помѣщенія историческаго архива комиссіи особый домъ, зданіе бывшаго рабочаго дома, — это двухъ-этажная постройка, обнесенная каменною оградой; въ домѣ 4 комнаты для архива и особый покой для библиотеки и засѣданій комиссіи. Все это обставлено очень хорошо.

Труды комиссіи печатаются въ журналахъ оной (было, однако, всего лишь 13 засѣданій, что для четырехъ лѣтъ немного) и въ мѣстныхъ «Губернскихъ» и «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», изъ которыхъ статьи и сообщенія членовъ архивной комиссіи выпускаются отдѣльными оттисками. Изъ нихъ назовемъ слѣдующія статьи:

«Каталогъ преосвященныхъ архіереевъ тверскихъ» — трудъ учителя Ивана Евдокимова». Изданіе тверск. учен. арх. комм. подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ ея члена В. И. Колосова. Тверь, 1888 г., въ 8 д.

Этотъ любопытный историческій памятникъ XVIII вѣка, сохранившійся въ семинарской библиотекѣ, былъ сообщенъ намъ въ копіи еще въ 1860 году — Р. Н. Никулинымъ; выписки изъ каталога были приводимы въ «Русской Старинѣ», и вотъ теперь — 28 лѣтъ спустя послѣ перваго пребыванія нашего въ Твери и полученія въ ней копіи съ этого «каталога» — мы имѣли удовольствіе въ ней же получить только что вышедшій печатный текстъ этого труда, составленнаго въ 1757 году и сохранившагося въ подлинной рукописи автора.

«О состояніи сафьяннаго дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ». Тверь, 1887 г.

«Изразцы на Старицкомъ соборѣ, построенномъ въ 1561 году». Тверь, 1888 г.

«Исслѣдованіе объ исторіи княжествъ Ржевскаго и Оуминскаго — Н. Д. Квашнина-Самарина» (статья весьма обстоятельно разработанная). Тверь, 1887 г.

«Тверскіе архипастыри ревнители духовнаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ—Н. А. Бриницкаго». Тверь, 1887 г.

«Реставрація древняго храма въ селѣ Микулинѣ Городищѣ». Тверь, 1898 г.

Вотъ брошюры, которыя намъ случилось прочитатъ въ Твери изъ трудовъ почтенныхъ членовъ мѣстной ученой архивной комиссіи. Всѣ эти статьи, повторяемъ, весьма интересны и въ нихъ мы видимъ серьезный залогъ достаточности научныхъ силъ и любви къ родной старинѣ въ представителяхъ тверскаго общества. Помоги имъ Богъ въ дальнѣйшихъ ихъ трудахъ!

### III.

Тверское земство, какъ извѣстно, во многомъ отношеніи служить образцомъ для другихъ земствъ. Оно имѣетъ много поучительнаго въ своей исторіи и, видимо сознавая это, приступило къ изданію «Сборника матеріаловъ для исторіи тверскаго губернскаго земства 1866—1882 гг.». Въ 1883 году въ Твери напечатаны два довольно объемистыхъ тома этого изданія, составленныхъ Л. Ф. Виноградовымъ, подъ ред. П. А. Корсакова.

Въ журналахъ, сколько помнится, было обращено на это изданіе вниманіе и въ «Отеч. Запискахъ» была посвящена ему очень дѣльная статья. Въ указанныхъ томахъ особенно интересна статья: «Дѣятельность губернскаго земства по начальному народному образованію и ходатайства по вопросамъ начальнаго образованія». Это сводъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ 1866-го года, всего того, что озабочивало земство по народному образованію, проекты и мнѣнія отдѣльныхъ лицъ земства, постановленія собранія губернскаго земства, переписка въ установленномъ порядкѣ съ министерствомъ и проч., и проч. Объемъ нашихъ замѣтокъ, конечно, не позволяетъ дѣлать какихъ либо выписокъ изъ этого сборника; мы здѣсь лишь напоминаемъ о немъ всѣмъ, кто пожелаетъ познакомиться съ дѣятельностью тверскаго — несомнѣнно одного изъ самыхъ передовыхъ земствъ въ ряду прочихъ губерній. Приведемъ, однако, пользуясь и рукописными дополненіями именно къ этому тому, указанія на нѣкоторые факты въ дѣятельности тверскаго земства собственно по народному образованію. Такъ, собраніе ходатайствуетъ въ 1870 и 1871 гг.: объ усиленіи губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ на трехлѣтній срокъ почетными членами и о выборѣ въ училищный совѣтъ лицъ изъ среды

попечителей народныхъ школъ, сверхъ тѣхъ лицъ, которыя указаны закономъ, для усиленія состава помянутыхъ совѣтовъ земскими людьми, которымъ особенно близки интересы народнаго образованія въ родномъ краѣ; съ 1872 г. даются ссуды разнымъ уѣзднымъ земствамъ и притомъ значительныя (до 10 тыс. руб.) на устройство постоянныхъ помѣщеній для школъ; въ 1874 г. устанавливаются порядки для производства училищными совѣтами экзаменовъ на льготу по воинской повинности; высказываются (въ лицѣ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ) пожеланія объ общеобязательности ученія крестьянскихъ дѣтей въ томъ селеніи, гдѣ находятся школы, но губернское собраніе находитъ въ 1874 г. ходатайство по сему предмету преждевременнымъ; поручается (въ 1877 г.) особой комиссіи разсмотрѣть всесторонне пререканія земствъ уѣздныхъ съ дирекціею и инспекціею народныхъ училищъ, а затѣмъ, по докладу этой комиссіи, поручаетъ предсѣдателю губернскаго земскаго собранія довести до свѣдѣнія министра о дѣйствіяхъ директора училищъ М—ва и нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему инспекторовъ. Земское собраніе поручало своему представителю «лично доложить министру народнаго просвѣщенія и попечителю московскаго учебнаго округа о томъ, что всѣ столкновенія между представителемъ министерства и земскими управами, по мнѣнію собранія, происходятъ единственно отъ неполнаго раздѣленія обязанностей между соприкасающимися къ дѣлу народнаго образованія лицами, чего и желательно было-бы достигнуть»....

Ни помянутаго М—ва, ни прочихъ, ревновавшихъ не по разуму инспекторовъ, давно уже нѣтъ въ Тверской губерніи и въ данное время отношенія директора народныхъ училищъ въ этомъ краѣ, почтеннаго А. М. Безобразова, и подчиненныхъ ему пяти инспекторовъ къ земству именно то, какое несомнѣнно всегда желала и желаетъ высшая власть, вѣдающая народное образованіе. Но нельзя не вспомнить съ горечью о нѣкоторыхъ, не въ одной Тверской губерніи, прежнихъ директорахъ и инспекторахъ. Богъ-вѣсть изъ-за чего вообразить, что министерству желательно всячески смять дѣятельность земства въ насажденіи образованія въ сельскомъ населеніи, къ чему Царемъ-Освободителемъ именно земство было съ полнымъ довѣріемъ призвано,—эти чиновники сѣяли смуту своими придирами, кляузами, доносами—повторяю не въ одной Тверской губерніи, и много изведено чернилъ, много истрачено бумаги, много испорчено крови у земцевъ, ревнителей народнаго образованія, много отнято времени у земскихъ собраній на протесты, разбирательство пререканій и ходатайствъ,—ходатайствъ объ улаженіи дѣла, особенно требующаго покоя и согласія для правильнаго его веденія.

Въ 1880-мъ году тверское губернское земское собраніе постановило, въ ознаменованіе дня 25-ти-лѣтняго юбилея царствованія Александра II, построить и снабдить всѣми необходимыми учебными пособиями двѣнадцать образцовыхъ одноклассныхъ училищъ, по одному на уѣздъ, наименовавъ ихъ школами «19-го февраля 1880 г.» и съ ассигнованіемъ на устройство ихъ 35 тыс. рублей. Въ томъ-же году губернское земское собраніе представило управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову записку: «О нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губерніи»,—документъ высокаго интереса и конечныя заключенія котораго были указанія на необходимость слѣдующихъ преобразованій: «1) измѣненіе и расширеніе программы начальныхъ народныхъ училищъ сообразно средствамъ и мѣстнымъ условіямъ, съ тѣмъ, чтобы существующая программа была минимальнымъ требованіемъ для народныхъ школъ; 2) предоставленіе земству права открывать училища высшаго разряда съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, съ ремесленными или сельско-хозяйственными классами, или безъ нихъ, примѣнительно къ потребностямъ сельскаго населенія, съ поставленіемъ этихъ училищъ, по отношенію къ земству, въ одинаковыя условія съ начальными училищами; 3) предоставленіе права общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ открывать воскресныя школы, вечерніе классы и бібліотеки при школахъ, какъ необходимое дополненіе въ начальной школѣ; 4) предоставленіе земству права открывать вновь и содержать существующія учительскія семинаріи какъ мужскія, такъ и женскія, причемъ необходимо, чтобы земству предоставлены были права учредителей частныхъ учебныхъ заведеній; 5) большее представительство земства въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ; 6) предоставленіе губернскому земскому собранію права избранія почетныхъ попечителей въ каждое изъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ правомъ голоса въ педагогическихъ совѣтахъ этихъ заведеній».

Но мы не скоро бы окончили, если бы углубились въ пучину, возбуждавшихся земскими представителями Тверскаго края, вопросовъ и ходатайствъ по народному образованію. Заботы ихъ по сему предмету выражались не только на словахъ и бумагахъ, но и на дѣлѣ; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ быстрый ростъ школъ въ Тверской губерніи: въ 1866 г. число школъ было въ ней—378, съ 13,600 учащимися; двадцать лѣтъ спустя, въ 1885 г., эти цифры увеличились до 471 начальныхъ школъ, съ 37,664 учащимися обоего пола, изъ нихъ мальчиковъ, получившихъ свидѣтельства объ окончаніи курса, 2,812.

Дѣятельность тверскаго земства вообще и по народному образо-

ванію въ особенности не осталась незамѣченною. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ начальника губерніи за 1885 г., противъ статьи о народномъ образованіи въ Тверской губерніи, Государь Императоръ собственноручно начерталъ: «Утѣшительно», о чемъ и было сообщено, въ 1886 г., тверскому губ. земскому собранію.

Тверское земство въ 22 года своего бытія было столь счастливо, что имѣло во главѣ своей цѣлый рядъ талантливыхъ, горячо преданныхъ дѣлу лицъ, таковы между нѣсколькими другими кн. Б. В. Мещерскій, П. А. Корсаковъ (познѣе предсѣдатель казенной палаты въ Спб.), Н. П. Оленинъ, С. Д. Квашнинъ-Самаринъ — и познѣе предсѣдатель губернской земской управы. Все, какъ видите, представители стараго родовитаго російскаго дворянства, что ни мало не мѣшало имъ служить съ полнымъ усердіемъ и энергіею интересамъ всеобщаго земства. Земствомъ разрѣшенъ и прекрасно поставленъ цѣлый рядъ весьма важныхъ по значенію хозяйственныхъ вопросовъ: принято, между прочимъ, въ его вѣдѣніе содержаніе всей почтовой гоньбы, т. е. лошади и станціи, каковая операція даетъ земству большой доходъ, а между тѣмъ и лошади, и станціи содержатся не въ примѣръ лучше противу прежняго; близъ г. Твери устроена обширная колонія на 350 душевно-больныхъ, на основаніяхъ, выработанныхъ послѣднимъ словомъ науки; оказано большое содѣйствіе развитію экономическаго благосостоянія въ край, довольно напомнить въ этомъ отношеніи о поддержкѣ, оказанной земствомъ извѣстному Верещагину въ устройствѣ имъ сыроваренъ и завода для выдѣлки жестяной посуды; такъ, съ 1870 по 1882 г. включительно г. Верещагину выданы значительныя ссуды изъ Тверской губ., управы, и этой отрасли промышленности оказана, такимъ образомъ, значительная поддержка. Земствомъ приняты рядъ мѣръ къ развитію и улучшенію мѣстныхъ промысловъ на артельномъ началѣ; явились и получили быстрый ростъ ссудныя и ссудо-сберегательныя товарищества... Но не въ бѣглыхъ путевыхъ замѣткахъ останавливаться на мѣропріятіяхъ земства тверскаго въ подробностяхъ. Дѣятельность его вызвала уже вниманіе лицъ, интересовавшихся земскимъ дѣломъ на Руси въ первую четверть его существованія, и, конечно, послужить надолго весьма добрымъ примѣромъ для земствъ другихъ губерній.

Но чтобы лицомъ къ лицу стать хотя съ однимъ изъ учреждений, поддержаннымъ и окончательно упроченнымъ тверскимъ губернскимъ земствомъ, зайдѣмъ въ «Женскую учительскую земскую школу». Возникла она по почину энергическаго земскаго дѣятеля П. П. Максимовича. Еще въ 1869 г., въ бытность его членомъ губернской управы, возбудилъ онъ вопросъ о подготовкѣ учительницъ для народныхъ

школь; въ 1870 году онъ на свои средства основалъ въ Твери «Женскую школу для образованія учительницъ», каковая школа и была открыта 1-го декабря того года. Уже въ 1871 г. однимъ изъ гласныхъ въ губернскомъ собраніи возбуждается предложеніе о принятіи на счетъ земства помянутой школы, но учредитель ея, П. П. Максимовичъ, отвѣчаетъ, что «школа устроена имъ на свои средства и что онъ не можетъ передать ее земству прежде, чѣмъ оно не убѣдится въ томъ, что школа эта вполнѣ достигаетъ своей цѣли». Между тѣмъ въ томъ же году представители земства, въ качествѣ членовъ комиссіи, осматривавшей заведенія общественнаго призрѣнія, выносятъ «послѣ осмотра школы Максимовича самое отрадное впечатлѣніе». Въ ней они находятъ 49 учащихся и въ томъ числѣ 29 стипендіатовъ. Земство ассигновало 1,000 руб. на поддержаніе помянутой школы и 10-го іюня 1872 г. воспослѣдовало высочайшее соизволеніе, согласно съ ходатайствомъ тверскаго губ. земскаго собранія, о наименованіи этого заведенія «Школой Павла Павловича Максимовича».

Съ этого времени земство въ своихъ ежегодныхъ собраніяхъ принимаетъ самый живой интересъ въ женской учительской школѣ, созданной по энергическому и благому почину П. П. Максимовича. Каждому, кого занималъ вопросъ народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, въ высшей степени пріятно читать въ названномъ выше сборникѣ извлеченіе изъ самыхъ обстоятельныхъ докладовъ по поводу названной школы и тѣхъ живыхъ преній, какія возбуждало въ собраніи обсужденіе различныхъ вопросовъ, съ бытіемъ школы связанныхъ; и если были годы тяжелыхъ для нея испытаній, то они являлись изъ капризно-мелочныхъ придирокъ бывшаго нѣкогда здѣсь директора народныхъ училищъ. Много способствовало къ жизнениости школы то обстоятельство, что земство ставило во главѣ учрежденія людей талантливыхъ, во всеоружіи знанія своего дѣла и горячо преданныхъ дѣлу. Такъ, мы видимъ во главѣ школы—одинъ за другимъ—А. Н. Робера, Ѳ. Ѳ. Резенера, Н. П. Дьяконову (рожденную Долгово-Сабурову)—все трое сошли уже въ могилу. Надежда Павловна Дьяконова скончалась 30-го мая 1887 г., и нынѣ на ея мѣсто начальницею школы приглашена земствомъ Елисавета Петровна Свѣшниковъ, извѣстная писательница въ области педагогической литературы (сотрудница журналовъ «Женское Образованіе», «Педагогическій Листокъ» и проч.).

Нынѣ земство отпускаетъ до 12,000 руб. въ годъ на содержаніе «Женской учительской школы». Лучшіе преподаватели—какіе только имѣются въ Твери—приглашены давать въ ней уроки; педагогъ школы,



Ө. Ө. Ольденбургъ — питомецъ с.-петербургскаго университета (выпуска 1885 г.), его товарищами преподавателями въ школѣ — все воспитанники университетовъ. Въ школѣ четыре класса и приготовительный; возрастъ учащихся отъ 13 до 17, 18 лѣтъ. Всѣхъ учащихся до 168 лицъ; изъ нихъ 120 живутъ въ интернатѣ, остальные приходящія. Помѣщеніе школы очень, очень скромно, почти бѣдно, но земство уже ассигновало до 50 т. р. на покупку дома и примѣненіе его къ школѣ. Дѣло ведется превосходно. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ переходимъ мы съ урока на урокъ, и, наконецъ, присутствовали на урокахъ кандидатокъ-учительницъ въ нормальной начальной школѣ, въ которой до 75 мальчиковъ и дѣвочекъ и которыя также состоятъ изъ четырехъ классовъ. Уставъ школы Максимовича утвержденъ 27-го мая 1882 г. До 205 учительницъ вышло уже (1873—1887 гг.) изъ этого разсадника наставницъ народныхъ школъ и до сихъ поръ не было примѣра, чтобы въ полгода которая либо изъ нихъ не нашла себѣ мѣста въ той или другой школѣ своего края, — такъ великъ ростъ числа школъ въ губерніи. Почти всѣ готовящіяся въ этой школѣ будущія наставницы — обывательницы Тверской губерніи, разныхъ ея уѣздовъ.

Громадное число ученицъ — дочери лицъ изъ духовнаго сословія, затѣмъ слѣдуютъ мѣщанки, крестьянки. Пріятно видѣть — эти чисто русскія лица, этихъ здоровыхъ дѣвушекъ, вышедшихъ прямо изъ толщи русскаго народа, ретиво работающихъ для самообразованія и потомъ идущихъ на подвижническій трудъ сельскихъ наставницъ, съ жалованьемъ, рѣдко превышающимъ 240, либо даже 200 руб. въ годъ!

Вся обстановка здѣсь ихъ жизни принаровлена къ ихъ будущему непріхотливому быту; довольно сказать, что на продовольствіе пансіонерки школы идетъ въ мѣсяцъ не болѣе четырехъ съ половиною рублей.

Главная особенность Тверской учительской школы въ ряду подобныхъ заведеній — это то, что въ ней учащіяся берутся съ 13 лѣтъ и проходятъ пять классовъ, считая и приготовительный, а не два или три, какъ въ другихъ земскихъ семинаріяхъ. Казалось бы проще брать питомицъ женскихъ гимназій или хотя бы прогимназій, которыхъ нѣсколько по уѣзднымъ городамъ Тверской губерніи, и готовить ихъ въ двухъ специально педагогическихъ классахъ учительской школы, но тверское земство предпочитаетъ готовить будущихъ учительницъ съ младшаго возраста дѣвушекъ... Причина этого кроется въ неудовлетворительной еще постановкѣ у насъ гимназій и прогимназій женскихъ, стоящихъ совершенно въ сторонѣ отъ контроля земства, такъ какъ организація совѣта попечителей этихъ заведеній и слишкомъ тѣсный кругъ ихъ правъ не удовлетворяетъ земцевъ. Въ виду этого, содержа и заботясь о «Школѣ учительницъ П. П. Максимовича» —

какъ о своемъ излюбленномъ дѣтищѣ, земцы-тверитяне—смотреть на нее не только какъ на разсадникъ народныхъ наставницъ, но и просто какъ на среднее учебное заведеніе (лишь безъ иностранныхъ языковъ) и также смотреть на него множество обывателей края — лица духовныя и свѣтскія, нерѣдко весьма достаточныя, которыя отдаютъ сюда своихъ дочерей—прямо для ихъ образованія, безъ думы о томъ, чтобы онѣ служили потомъ непремѣнно учительницами...

Короче сказать, Тверская женская школа учительницъ—учрежденіе довольно своеобразное, хорошо и прочно поставленное. Дай ей, Господи, многіе годы дальнѣйшаго преуспѣянія подъ руководствомъ ея дѣльныхъ наставниковъ и заботливымъ попечительствомъ тверскаго земства <sup>1)</sup>).

#### IV.

На окраинѣ города находится Тверское ремесленное училище общества «Доброхотной копѣйки». Училище существуетъ уже двадцатый годъ (20) и состоитъ подъ особымъ покровительствомъ е. и. в. принцессы Евгениі Максимилановны Ольденбургской, имя и дѣятельность которой соединены со многими благотворительными въ Россіи и особенно въ Петербургѣ учрежденіями.

Училище основано для дѣтей бѣдняковъ города Твери, чтобы дать имъ научное и ремесленное образованіе, съ которымъ бы они могли, выйдя изъ школы, зарабатывать себѣ пропитаніе и быть поддержкою ихъ бѣдныхъ семействъ. Я засталъ въ самомъ разгарѣ работъ двадцать четыре юноши: тутъ крестьяне, мѣщане, но есть и дворяне... Работаютъ и учатся слесарно-токарному дѣлу, а также кузнечно-слесарному. Мы съ удовольствіемъ обратили вниманіе на то, что въ этой мастерской довольно много выдѣлывается и поправляется плуговъ, и притомъ различныхъ цѣнъ и достоинствъ, начиная отъ 8 и до 40 руб. за плугъ. Любопытно, что требованія на плуги изъ года въ годъ увеличиваются и земледѣльцы Тверской губерніи непрерывно обращаются съ заказами плуговъ въ эту мастерскую училища. Понятны значеніе и будущность этого училища.

<sup>1)</sup> Укажемъ какъ на весьма важный источникъ для знакомства съ ходомъ образованія и состоянія народныхъ школъ въ Тверской губерніи на книгу: „Отчетъ о первомъ сѣздѣ учительницъ-семинарокъ земской учительской школы П. П. Максимовича въ Твери. 1883 г. 7—18 августа. Составилъ руководитель сѣзда Д. Тихомировъ“. Спб. 1883 г.

Во главѣ тверскаго благотворительнаго общества «Доброхотной копѣйки» (основатели его — знаменитый поэтъ О. Н. Глинка и его жена—поэтесса А. П. Глинка, оба покойные) стоитъ начальникъ губерніи А. Н. Сомовъ, достойный дѣятель, двадцать лѣтъ къ ряду занимающій свой постъ (явленіе довольно рѣдкое на Руси), приобрѣвшій всеобщее уваженіе въ Тверскомъ краѣ; ближайшимъ помощникомъ г. Сомова въ обществѣ «Доброхотной копѣйки» — неутомимый А. К. Жизневскій. Общество, кромѣ ремесленнаго училища, положеніе котораго обезпечено субсидією отъ министерства народнаго просвѣщенія въ 2,000 руб. ежегодно, содержитъ столовую для бѣдныхъ (въ 1886 году ее посѣтило 40,085 человекъ) и пріютъ для бѣдныхъ дѣтей (14 дѣвочекъ).

Говоря о ремесленномъ образованіи въ Твери, должно упомянуть о «Безплатной швейной мастерской». Она основана въ 1881 г. и доселѣ содержится энергією и трудомъ В. В. и Л. В. Еропкиныхъ. Принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, въ высокому родословному дереву которой находится рядъ славныхъ дѣятелей, между ними и тотъ Еропкинъ, который палъ на одной плахѣ съ знаменитымъ Артеміемъ Волинскимъ въ 1740 г.,—г-жи Еропкины отдались всецѣло доброду учрежденію, ими основанному. Въ школѣ мы нашли до 70 дѣвочекъ. Бодро, весело трудились онѣ надъ вязаньемъ кружевъ (весьма искусная работа), вышиваньемъ, кройкой и шитьемъ платьевъ и прочими женскими работами. Курсъ обученія четырехъ-лѣтній. Покровительницею общества «Поощренія женскаго труда» (очень маленькаго по числу его членовъ), подѣ сънью котораго существуетъ посѣщенная нами мастерская, состоитъ е. и. в. великая княгиня Ольга Феодоровна. Школа уже такъ поставлена, что болѣе половины стоимости ея содержанія окупается трудомъ ученицъ; остальная часть покрывается субсидіями, притекающими изъ Петербурга, доходомъ отъ устраиваемыхъ лотерей, концертовъ, спектаклей, гуляній и прочими пожертвованіями, которыя поступаютъ благодаря энергической дѣятельности В. В. Еропкиной, въ то время, когда ея сестра, Лидія Васильевна, непосредственно занята руководствомъ работъ въ школѣ. Къ 1-му январю 1888 г. окончено полный курсъ семнадцать дѣвицъ, большинство которыхъ при выпускѣ получило отъ школы въ подарокъ ручныя швейныя машины. Странно, что тверская Городская Дума не даетъ ни копѣйки на поддержку этого добраго учрежденія. Мы находили всегда и будемъ находить такой образъ дѣйствій Городскихъ Думъ прямо не хозяй-

ственнымъ; дѣло въ томъ, что, поддерживая благотворительныя учрежденія, возникающія по почину частныхъ лицъ и обществъ въ городѣ, Городская Дума освобождается сама отъ гораздо большихъ затратъ на огражденіе населенія отъ распространенія нищенства, всякаго разврата, отъ расширенія тюремъ, куда неминуемо попадаютъ люди, праздною, голодомъ и неспособностью къ труду доведенные до преступленія. Вотъ почему, намъ кажется, Городскимъ Думамъ слѣдуетъ даже не ждать просьбъ благотворительныхъ, въ ихъ городахъ возникающихъ, обществъ, а самимъ идти на встрѣчу содѣйствія и поддержки ихъ. И такой образъ дѣйствій, повѣрьте, прямо хозяйственный, прямо ведущій въ будущемъ не къ тратѣ общественныхъ средствъ, а къ сбереженію ихъ; чѣмъ основывать самимъ богадѣльни, сиротскіе дома, пріюты, мастерскія, что городскимъ управленіямъ обойдется не въ примѣръ дороже, лучше вызывать и поддерживать въ этомъ святомъ дѣлѣ починъ частныхъ лицъ и обществъ.

## V.

Говоря о школахъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Твери, нельзя не посѣтить таковыя на «Тверской мануфактурѣ» госпожи Морозовой и К°. Въ сопровожденіи А. М. Безобразова мы туда отправились и провели все утро въ обзорѣ школы для дѣтей мѣстнаго фабричнаго населенія. Что за прелесть эта школа! Читателямъ «Русской Старины» извѣстно, сколько добраго довелось намъ сказать на страницахъ этого журнала о школахъ, Думою содержимыхъ въ Петербургѣ, но, повѣрьте, Морозовская школа заставила насъ на цѣлое утро забыть петербургскія школы, даже вызвала чувство зависти. Представьте себѣ обширное двухъ-этажное деревянное зданіе съ чугуною лѣстницею. Въ домѣ семь классовъ, т. е. семь школъ. По два параллельныхъ класса—перваго, втораго, третьяго и одинъ классъ, въ 65 учащихся, четвертый. Дѣти отъ 7 до 14-ти-лѣтняго возраста. Преподаватели—учитель и шесть учительницъ, все лица, конечно, съ среднимъ и спеціальнымъ образовательнымъ цензомъ. Комнаты чрезвычайно высоки, свѣтлы, теплы, обставлены шкапами съ всевозможными учебными принадлежностями, начиная съ школьныхъ библиотекъ; классные столы и скамейки изъ краснаго дерева; это передѣлка изъ тѣхъ дорогихъ ящиковъ, въ которыхъ присылаются на фабрику изъ-за границы различные цѣнные инструменты и принадлежности машинъ къ фабричному производству. При четырехъ-годич-

номъ пребыванія въ школѣ, при отличныхъ учителяхъ и учительницахъ (особенно даровитъ законоучитель, а также учитель въ выпускномъ классѣ и учитель рисованія, равно учительница въ третьемъ классѣ) дѣло идетъ превосходно. Курсъ значительно шире курса нашихъ петербургскихъ думскихъ школъ, въ которыхъ, т. е. въ спб., дѣти остаются лишь по три года; здѣсь дѣти остаются въ школѣ четыре года; расширенъ курсъ главнымъ образомъ по русской исторіи и географіи, каллиграфіи и рисованію; для послѣдняго предмета дано четыре урока въ недѣлю. И что за прелесть отвѣты! Босоногіи мальчуганъ отвѣчалъ мнѣ изъ отечественной географіи и исторіи до того выразительно, толково, дѣльно, что я просто заслушался. Разсказъ одного мальчика о Петрѣ Великомъ отличался увлеченіемъ и художественною выразительностью,—просто, садись и пиши, какъ бывало дѣлалъ то въ своей Яснополянской школѣ гр. Л. Н. Толстой... Исполать вамъ, добрая г-жа Морозова (живетъ въ Москвѣ, но ежегодно наѣзжаетъ сюда и принимаетъ живѣйшее участіе въ своихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ на фабрикѣ; она дочь знаменитаго Хлудова). Не знаемъ мы васъ лично, но не можемъ не сказать: исполать вамъ за то добро, какое вы дѣлаете для труженниковъ вашей фабрики; вы исполняете не только обязанность, наложенную закономъ на владѣльцевъ фабрикъ, но идете по пути добра гораздо дальше и имя ваше неизмѣнно будетъ окружено всеобщою любовью и признательностью со стороны этого добраго, чуднаго русскаго народа...

Учится въ школѣ, нами осмотрѣнной, до пятисотъ дѣтей обоаго пола <sup>1)</sup>).

На другой день, въ сопровожденіи одного изъ распорядителей работъ на фабрикѣ, г. Жукова, я посѣтилъ Колыбельную и пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей на фабрикѣ; здѣсь до семидесяти дѣтей. Чистота и удобства (безъ всякаго излишества) поразительны; нянюшка руководительница очень симпатична, дѣти бодры, веселы, видъ здоровый; нѣтъ нѣмецкой муштровки и тѣхъ механическихъ по командѣ игръ, которыя едва ли не притупляютъ ребенка при его дрессировкѣ

---

<sup>1)</sup> Единственные недостатки школы, мною усмотрѣнные, состоятъ въ полномъ отсутствіи гимнастическаго зала и обученія гимнастикѣ, безъ чего немислима, за границею въ особенностя, подобная большая школа, и то обстоятельство, что учительница не переходитъ съ своими учениками и ученицами изъ класса въ классъ, что, однако, и возможно, и во многихъ отношеніяхъ полезно. Руководителемъ школы—извѣстный педагогъ Тихомировъ, ежемѣсячно разъ и два являющійся въ это учебное заведеніе и видимо съ полною заботливостью имъ руководящій.

въ общей массѣ съ другими. Мы не замѣтили, однако, игрушекъ; не думаемъ, чтобы это было упущено?

Въ четырехъ классахъ для дѣтей, собственно работающихъ на фабрикѣ, мы нашли таковыхъ до 300 и въ томъ числѣ одно отдѣленіе для взрослыхъ, добровольныхъ посѣтителей школы. Взрослые читали, впрочемъ, послѣ лишь одного года посѣщенія класса, очень плохо, но надо принять во вниманіе, что предъ вами человекъ, двѣнадцать часовъ работающій за станкомъ на фабрикѣ и лишь два часа сверхъ 12-ти-часоваго труда посвящающій грамотѣ. Дѣти отъ 12 лѣтъ, согласно дѣйствующему закону, съ 5<sup>1</sup>/<sub>2</sub> утра до 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub> утра работаютъ на фабрикѣ, затѣмъ три часа въ школѣ за чтеніемъ, счетомъ и письмомъ, а затѣмъ опять четыре часа на фабрикѣ. Съ пяти часовъ пополудни они свободны. Успѣхи здѣсь, конечно, не могутъ быть такъ хороши, какъ въ первой изъ помянутыхъ школъ, гдѣ дѣти моложе и не истомлены фабричною работою.

Фабрику я обошелъ по нѣкоторымъ ея корпусамъ. Трудится здѣсь до 6,500 лицъ, на одну треть изъ нихъ женщины; выдѣлываютъ изъ хлопка—до 130 всевозможныхъ матерій, которыя расходятся по всей Россіи и проникаютъ далеко, далеко за ея границы въ Азію. Для меня, какъ мало видѣвшаго таковыя фабрики, было особенно интересно видѣть простыхъ крестьянъ-парней, съ необыкновеннымъ вкусомъ художника выполняющихъ самые затѣйливые узоры, которые потомъ машиннымъ автоматическимъ путемъ выгравировываются на металлическихъ валахъ.

Чистота повсюду поразительная! Воздуху и свѣту масса; гдѣ нужно — вентиляция устроена отличная. Паровыхъ двигателей—три, каждый въ 160 лошадиныхъ силъ.

Въ чистой больницѣ нашелъ я лишь 26 больныхъ. Въ домахъ для рабочихъ видѣлъ вездѣ удобства, чистоту, превосходно устроенныя кухни,—словомъ тверская мануфактура образцовая. Когда только на подобныхъ фабрикахъ будутъ: а) машины русскаго, а не заграничнаго производства? б) главные мастера—русскіе, а не бельгійцы или эльзасцы, при чемъ русскіе пока здѣсь лишь въ званьяхъ подмастерьевъ? Даже одинъ изъ директоровъ фабрики, любезно разрѣшившій намъ ея осмотръ—родомъ бельгеецъ. Поживемъ—дождемся, а пока пожелаемъ, чтобы подобная истинно образцовая мануфактура посѣщалась бы учащимися русскими техниками, ибо здѣсь есть чему поучиться; между тѣмъ, какъ я слышалъ, въ нее ни изъ С.-Петербурга, ни изъ Москвы не являются питомцы технологическихъ институтовъ и подлежащихъ техническихъ школъ для практическаго ознакомленія съ превосходно поставленнымъ здѣсь дѣломъ. А слѣдовало бы!

## VI.

Быть въ Твери и не посѣтить высокопреосвященнаго архіепископа Савву невозможно. 15-го мая мы присутствовали на торжественномъ его богослуженіи въ городскомъ соборѣ,—богослуженіи, сопровождавшемся превосходнымъ пѣніемъ, а затѣмъ раза три имѣли истинное удовольствіе быть у архипастыря.

Извѣстна біографія этого достойнаго іерарха. Родомъ изъ Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ., преосв. Савва (въ свѣтъ Иванъ Тихомировъ) родился въ 1819 году и былъ сынъ пономаря. Еще до рожденія своего онъ лишился отца и дѣтство его было обставлено всѣмъ горемъ нужды и всевозможныхъ лишеній,—довольно сказать, что мать не имѣла даже свѣжаго молока, чтобы кормить своихъ дѣтей; на одиннадцатомъ году Иванъ Тихомировъ потерялъ мать свою и вотъ начинается для него путь непрестаннаго и тяжелаго труда. Превосходно пройдя курсы духовнаго училища и семинаріи, молодой чело-вѣкъ поступаетъ, въ 1842 году, священникомъ въ г. Муромѣ, но на третьемъ году брачной жизни лишается жены и поступаетъ въ духовную академію, въ которой прекрасно окончилъ курсъ со званіемъ магистра, и 1-го октября 1848 г. постригся въ монахи. Вскорѣ мы видимъ молодаго ученаго монаха на посту—повидимому весьма скромномъ, но каковой постъ онъ своимъ просвѣщеннымъ трудомъ, своею обходительностью и вниманіемъ ко всѣмъ, въ особенности къ подвижникамъ науки, сумѣлъ поднять высоко: мы говоримъ о службѣ его въ званіи ризничаго Патріаршей, что нынѣ Синодальной въ Москвѣ ризницы.

Кто изъ занимавшихся въ 1860 годахъ въ этомъ хранилищѣ надрагоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго благочестія или изъ посѣтителей ризницы не помнить ея просвѣщеннаго, привѣтливаго Саввы <sup>1)</sup>. Изъ дальнѣйшаго его служенія особенно замѣчательны его

---

<sup>1)</sup> Ему, между прочими трудами, принадлежать: „Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и бібліотеки“, впервые изданный въ Москвѣ въ 1855 году и затѣмъ выдержавшій нѣсколько изданій съ исправленіями и дополненіями: таковыхъ вышло въ 1858 году—три, а также въ 1863 и 1883 годахъ. Ему же принадлежать: „Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки, VI—XVII вв.“, М., 1863 г., въ 4 д., и нѣсколько другихъ изданій, благосклонно поименованныхъ нашимъ іерархомъ въ IV томѣ нашего альбома „Знакомые“, стр. 39—42. Наконецъ, подъ непосредственною редак-

сподвижничество въ трудахъ величайшаго русскаго святителя XIX вѣка — митрополита Филарета, на посту втораго викарія кафедръ московской, епископа Можайскаго (1862—1866 г.), и въ особенности служеніе въ санѣ самостоятельнаго епископа полоцкой епархіи, которое продолжалось семь лѣтъ (1866—1874 гг.) и было въ высокой степени благотворно для этой епархіи — извѣдавшей до назначенія Саввы тяжкія лишенія и бѣдствія въ церковномъ отношеніи, при вліяніи господствовавшаго въ ней класса населенія, исповѣдующаго католическую вѣру... Весьма интересны подробности епископской дѣятельности въ полоцкой епархіи преосвященнаго Саввы, найденныя нами въ книгѣ почтеннаго археолога и историка Твери, протоіерея В. Владиславлева...<sup>1)</sup> Но передача ихъ далеко бы насъ отвлекла... Съ 23-го апрѣля 1879 года мы видимъ высокопреосвященнаго Савву — въ Твери...

Привѣтливый, радушный приемъ ждалъ насъ въ келіяхъ старца. Незамѣтно пролетѣло время въ бесѣдѣ; намъ особенно интересно было выслушать — множество драгоцѣннѣйшихъ подробностей къ характеристикѣ и жизни митрополита Филарета, благоговѣйнымъ почитателемъ котораго многіе годы состоитъ его ученикъ, его ставленникъ, его сподвижникъ — Савва... Значительный, какъ надо полагать, интересъ заключается въ запискахъ высокопреосвященнаго. Эти мемуары со многими къ нимъ приложеніями занимаютъ объемистыя тетради; начаты они въ часы немногаго досуга въ 1876 году и объемлютъ событія съ самаго дѣтства архипастыря до 1882 года включительно... О степени интереса ихъ можно судить по отрывкамъ, приведеннымъ изъ нихъ въ ниже указанномъ нами примѣчаніи отца В. Владиславлева.

Съ благословенія іерарха заглянули мы въ архивъ духовной консисторіи. Архивъ въ порядкѣ, помѣщеніе свѣтлое, сухое; всѣ дѣла тщательно спиты въ ужасающаго объема связки-тетради; предъ нами въ этихъ дѣлахъ весь, между прочимъ, XVIII вѣкъ, — матеріалъ драгоцѣнный для исторіи духовенства, церквей и монастырей минувшаго

---

дѣю архіепископа Саввы выполнено монументальное изданіе „Писемъ и мнѣній“ митрополита Филарета московскаго, предпринятое по почину и по указаніямъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева. Этого изданія, весьма полезнаго не только для біографіи святителя, но и вообще для всей православной церкви, вышло восемь томовъ.

<sup>1)</sup> „Правднованіе благополучно совершившагося двадцатипятилѣтія въ санѣ епископа высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго“. Тверь, 1888 г., въ 8 д., 194 стр.



столѣтія. Секретарь духовной консисторіи—кандидатъ университета—состоить членомъ мѣстной архивной ученой комиссіи, которая, конечно, современемъ выдѣлитъ отсюда наиболѣе важныя въ историческомъ отношеніи дѣла въ свой «Историческій архивъ»...

Путь въ Желтиковъ монастырь тяжелъ. Отъ послѣднихъ дождей грунтовая дорога расплзлась, извозникъ плетется шагомъ, и думается мнѣ тяжкая дума, какъ это до сихъ поръ русскіе люди не дойдутъ до сознанія того, что дороги, эти жизненные артеріи въ край, прежде всего должны быть приведены въ прочный, превосходный видъ... Заграницей, изѣздивши не мало миль внѣ желѣзныхъ путей, по простымъ дорогамъ, мы не видѣли грунтовыхъ путей,—все шоссе, нѣтъ ни единого ухаба, ни единой врѣзавшейся колеи, а здѣсь въ подгородный монастырь едва можно проѣхать и лишь потому, что весенній дождикъ вспрыснулъ поле, и вотъ разверзлись хляби, поползла въ стороны дорога... О Русь, Русь!.. Но позвольте поставить точки и прекратить воздыханія, отъ которыхъ, увы, дороги не дѣлаются лучше.

Монастырь чистенькій, монаховъ четыре-пять человѣкъ. Въ соборѣ—мощи святителя Арсенія († 1409 г.), къ обнаженнымъ и прекрасно сохранившимся рукамъ котораго съ ихъ длинными пальцами мы благоговѣнно приложились; въ другой церкви каменный его гробъ, въ которомъ въ томъ же XV столѣтіи обрѣтены нетлѣнными мощи святителя. Любопытно, что отъ гроба, въ разныхъ его мѣстахъ, отгрызены и вылизаны богомольцами большіе куски известковаго камня, изъ котораго сдѣлана гробница.

Монастырь окружонъ каменною, хорошо содержимою, подъ желѣзною крышею, оградою съ зубцами; но для меня особенно любопытенъ былъ теремокъ-келья, изготовленная по волѣ Петра I, въ 1718 году, для его злополучнаго сына царевича Алексѣя. При церкви Алексія Божьяго человѣка, на высотѣ втораго этажа, съ выходомъ прямо на площадку этой церкви, сохраняются двѣ, каждая о двухъ рѣшетчатыхъ окнахъ, комнаты, и еще одна маленькая въ одно окно, очевидно, предназначавшаяся быть спальней. Передняя, въ которой, конечно, должна была быть помѣщена стража заключеннаго, дополняетъ эту квартиру. Наружныя стѣны раскрашены подъ изразцы.

Вотъ жилище, въ которомъ долженъ былъ быть заточенъ первенецъ-царевичъ могучаго преобразователя Россіи; но послѣдовали новыя противу царевича разоблаченія въ тайникахъ и застѣнкахъ Преображенскаго приказа и узника повлекли изъ Москвы въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость, на новыя съ пристрастіемъ

допросы.... Въ его кельяхъ Желтикова монастыря стоятъ плохіе живописные портреты Петра I, вел. кн. Павла Петровича еще въ юношескомъ возрастѣ, каковой портретъ сопровождавшій меня монахъ простодушно наименовалъ портретомъ царевича Алексѣя, портретъ Николая I, да три старинные столика....

Пожелалъ я видѣть могилу архимандрита Платона, радушно встрѣчавшаго меня въ 1860-мъ году въ этомъ монастырѣ. Не каждый изъ его обитателей могъ показать мнѣ эту могилу. Она безъ памятника и креста.

— «Вотъ имѣлъ и родныхъ, и почитателей при жизни; былъ очень добрый человѣкъ; у окрестныхъ крестьянъ почти у каждого въ синодикѣ вписано имя Платона, а умеръ—и некому на его могилѣ поставить крестъ».

Достойно вниманія, что посѣщеніе наше въ 1860-мъ году этого архимандрита, какъ рассказывалъ намъ, въ началѣ 1870-хъ годовъ, Юрій Васильевичъ Толстой, и передача мнѣ имъ, Платономъ, нѣкоторыхъ легендъ о царевичѣ Алексѣѣ породили непріятности для почтеннаго архимандрита Желтикова монастыря. Прочитавъ ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ замѣткахъ моихъ «Прогулка въ Нижній-Новгородъ», митрополитъ Филаретъ, не любившій Платона, написалъ въ синодъ и возникло цѣлое и непріятное для архимандрита дѣло. Въ 1861-мъ году при новомъ моемъ его посѣщеніи Платонъ встрѣтилъ уже насъ смущенный и бесѣда у насъ не клеилась, что, впрочемъ, и понятно.... Низко, низко поклонился я на могилѣ этого умнаго, высоко нравственнаго человѣка....

-----

## VII.

Гдѣ провести вечеръ? Чего лучше какъ не въ засѣданіи Городской Думы.

Въ большой залѣ, хорошо освѣщенной двумя ярусами оконъ, собрались 44 изъ 72-хъ гласныхъ города Твери. Предсѣдательствуетъ г. Окновъ, сѣдой, давній городской дѣятель, «заступающій мѣсто городского головы» г. Нечаева, который теперь въ отсутствіи,—уѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать о спасеніи городского банка въ Твери....

Засѣданіе ведетъ предсѣдатель толково, хорошо.... Дѣло обсуждается очень важное: вопросъ о предоставленіи купцу Святогорову (онъ же и гласный, но въ настоящемъ засѣданіи не присутствуетъ) соорудить третій этажъ на переднемъ фасадѣ стариннаго каменнаго гостиннаго двора. Всю постройку берется соорудить г. Святогоровъ за 40 тыс. руб. вмѣсто исчисленной по смѣтѣ суммы 58 тыс. При этомъ строитель обѣщаетъ еще возвратитъ 15 тыс. городу, такъ какъ кромѣ помѣщеній для думы, управы, канцелярій оныхъ, публичной библиотеки и прочихъ городскихъ учрежденій, въ имѣющей быть возведенной имъ надстройкѣ будетъ помѣщено и «Общественное собраніе» (клубъ), предсѣдателемъ котораго состоитъ г. Святогоровъ.

Пренія ведутся прекрасно; предсѣдатель «подготовительной комиссіи», которая избрана думою на все четырехъ-лѣтіе ея полномочія—говоритъ сжато, кратко, спокойно, ясно, хотя ему и приходится говорить довольно часто. Оппозиція, столь необходимая для всесторонняго уразумѣнія дѣла, присутствуетъ и тутъ. И ее выслушиваютъ внимательно, съ подобающимъ уваженіемъ и спокойствіемъ. Докладъ въ пользу постройки и предоставленія оной гласному Святогорову рѣшенъ большинствомъ 40 противъ четырехъ голосовъ.

Болѣе оживленныя пренія вызвали вопросъ: занять ли на это сооруженіе капиталъ въ Тульскомъ поземельномъ банкѣ или же взять его изъ 150,000 рублей, уплаченныхъ разомъ, за 20 лѣтъ впередъ, Морозовскою фабрикою за 45 десятинъ городской земли, арендуемой этою фабрикою. Изъ преній выяснилось мнѣ, что этотъ капиталъ сберегается про черный день—починить прорѣхи, оказавшіяся въ Городскомъ банкѣ.

Оппозиція доказывала, что топить эти деньги, городу принадлежащія, въ прорѣхахъ банка, въ судьбахъ коего заинтересованы немногія лица, не слѣдъ, лучше-де изъ него взять позаймствованіе на

надстройку гостиннаго двора, для помѣщеній городскихъ учреждений, но при закрытой баллотировкѣ оппозиція оказалась въ меньшинствѣ десяти лицъ.

Кстати о городскихъ банкахъ. Вездѣ-то они скрипятъ на Руси, трескаются по всѣмъ угламъ и министерство финансовъ, нѣкогда слишкомъ широко ихъ разнуздавшее, теперь переходитъ въ другую крайность, требуя немедленной ликвидаціи дѣлъ каждаго чуть пошатнушагося банка. «Справедливо ли это? разсуждаютъ тверитяне: не надо было оставлять городскіе банки людямъ неопытнымъ въ семь дѣлъ, приобыкшимъ въ дѣлахъ мірскихъ къ правилу: «какъ не пора-дѣть родному человѣчку», но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы когда горькій опытъ умудрилъ гражданъ, когда есть надежда на надлежащее веденіе банковъ, валить ихъ въ преисподнюю! Городскіе банки, правильно поставленные, все-таки крайне полезны и необходимы...»

### VIII.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о Твери упомянемъ о мѣстныхъ трудахъ въ области статистики. Душою тверскаго статистическаго комитета—Вас. Ивановичъ Покровский <sup>1)</sup>. Ему принадлежатъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ, таковы между прочими:

«Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи». Томъ I, со множествомъ таблицъ. Тверь 1879—1882 гг.; т. II, выпуски I и II.

«Историко-статистическое описаніе города Осташкова». Тверь, 1888 г., въ 4 д., со множествомъ таблицъ.

«Статистическое описаніе Ржевскаго уѣзда Тверской губерніи, съ литографированной картой». Тверь, 1885 г. Изданіе тверскаго губ. земства, въ 6. листъ, 400 стр. и таблицы <sup>2)</sup> и проч., и проч.

Всѣ эти труды въ высшей степени почтенные; исполнены они съ большимъ знаніемъ дѣла, рукою опытнаго изслѣдователя экономическаго положенія Тверскаго края, превосходно его изучившаго.

<sup>1)</sup> Сынъ протоіерея Тверской Срѣтенской церкви І. І. Покровскаго, достойнѣйшаго пастыря, пятидесятилѣтній юбилей служенія котораго Тверь праздновала въ 1888 г. Мы посѣтили Срѣтенскую церковь: она имѣетъ высочій интересъ по стѣнной живописи 1763 г., силою покрывающей всю внутренность церкви. Это издѣліе нѣсколькихъ ярославцевъ-иконописцевъ, весьма по своему времени талантливыхъ. Тутъ цѣлыя картины изъ Свящ. исторіи.

<sup>2)</sup> Кстати отмѣтимъ, что тверское земство имѣетъ свою земскую типографію. Предъ нами лежатъ весьма чистенько напечатанная въ ней книга: «Протоколы засѣданій IX сѣзда врачей Тверской губерніи, февраль 1887».

Почему бы центральному статистическому комитету въ С.-Петербургѣ не помѣщать изъ году въ годъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» критическаго обзорѣнія всѣхъ трудовъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ и земскихъ статистическихъ бюро, при чемъ выяснять достоинства и недостатки таковыхъ изслѣдованій?

Кромѣ двухъ официальныхъ органовъ «Губернскихъ» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей», Тверская губернія еще въ недавнее время имѣла и свой частный органъ. То былъ: «Тверской Вѣстникъ» еженедѣльная газета, начавшаяся выходить съ 1-го декабря 1878 г. и прекратившаяся, если не ошибаемся, въ первой половинѣ 1881 года. Издавался «Тверской Вѣстникъ» кружкомъ образованныхъ тверитянъ, по преимуществу университетскаго образованія, издавался въ количествѣ 700 экземпляровъ, причемъ число подписчиковъ превышало пятьсотъ человекъ. Намъ удалось просмотрѣть два года этой газеты; органъ былъ живой, отзывчивый на все доброе, и ревностно трудился ко благу мѣстныхъ нуждъ края. Очень, очень жаль, что вслѣдствіе перенесенія цензирования его въ Москву газета должна была прекратиться. Оставляя въ сторонѣ общія фразы о пользѣ гласности, можно коротко сказать, что въ интересахъ самого правительства таковыя чисто мѣстные органы крайне необходимы, для общества же—это положительно жизненный пособникъ. Но чтобы эти органы могли издаваться, цензура ихъ непремѣнно должна быть не въ отдаленныхъ столицахъ, а въ самомъ городѣ. Надо надѣяться, что къ этому и придутъ.

Кстати приведемъ здѣсь стихотвореніе извѣстнаго нашего поэта гр. А. А. Голеннищева-Кутузова, найденное нами въ № 1 «Тверскаго Вѣстника» 1878 года, стр. 17:

\* \*  
\*

Побѣдно ночь царить кругомъ,  
Въ потьмахъ ни звука, ни движенья...  
Объято все глубокимъ сномъ  
И далеко до пробужденья!

Друзья,—засвѣтимъ огонекъ!  
Быть можетъ, путникъ запоздалый—  
Въ глуши унылъ и одинокъ—  
Къ нему направить шагъ усталый.

И хоть на мигъ въ его груди  
Проснутся бодрость, упованье  
И, какъ далекое мерцанье,  
Онъ цѣль увидитъ впереди!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

С. Шубино.

25-го ноября 1878 г.

---

Надо, наконецъ, проститься съ Тверью, засидѣлся въ ней, а все потому, что этотъ городъ оказался вовсе не мертвымъ, а полнымъ жизни. Пусть же она бьетъ въ немъ ключемъ и на будущее время!

М. И. Семевскій.

---

**Собрание по вопросу объ учрежденіи въ Перми „Губернской  
ученой архивной комиссіи съ историческими при ней архивомъ  
и музеемъ“.**

Во вторникъ, 5-го іюля, въ г. Перми, въ залѣ губернскаго правленія, въ 8 часовъ вечера, собралось многочисленное общество, по предварительному разосланному (заступавшимъ мѣсто губернатора), д. с. с. М. П. Богдановичемъ, повѣсткамъ. Въ собраніи приняли участіе его преосвященство преосвященнѣйшій Владиміръ, епископъ пермскій и соликамскій, его превосходительство г. начальникъ губерніи д. с. с. В. В. Лукошковъ — прибывшій въ этотъ день въ Пермь изъ поѣздки для ревизіи губерніи, его превосходительство вице-губернаторъ М. П. Богдановичъ, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, почетный членъ археологическаго института, тайный совѣтникъ М. И. Семейскій, предсѣдатель губернской земской управы К. Я. Пермьяковъ, городской голова П. Е. Сиговъ, ректоръ духовной семинаріи протоіерей В. Ив. Лепѣшинскій, священ. В. П. Удинцевъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Н. М. Васильевъ, І. Я. Голынецъ, баронъ А. Н. Зальца, директоръ народн. училищъ В. Н. Шишонко, полковникъ П. П. Дягилевъ, директоръ классической гимназіи Я. И. Алфіоновъ, докторъ М. И. Комаровъ, управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка ст. сов. П. И. Семейскій и многіе другіе представители административныхъ и земскихъ учрежденій, духовенства, а также именитаго купечества и заводууправленій.

## I.

Собрание открыто епископомъ пермскимъ и соликамскимъ, преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, слѣдующею рѣчью:

— «Мм. гг.! Мы собрались сюда, чтобы обсудить вопросъ объ открытіи въ нашемъ городѣ «Губернской ученой архивной комиссіи». Нашъ общій дорогой гость М. И. Семевскій, надѣюсь, не откажется познакомить меня и васъ съ этимъ учрежденіемъ и его техническою стороною. Съ своей стороны долгомъ поставлю сказать нѣсколько словъ о значеніи этого дѣла.

«Мысль объ учрежденіи ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій, возникшая въ умѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей науки, Н. В. Калачова, удостоившаяся высочайшаго утвержденія, такъ сочувственнó принятая уже всѣми извѣстными учеными, — по моему мнѣнію, есть первый мощный призывъ, во имя науки, ко всѣмъ образованнымъ людямъ многомилліонной Россіи оглянуться назадъ, на прошлое своей родины, своего края, своего очага; это первое живое и серьезное напоминаніе всему образованному русскому обществу той старой истины, что только корнемъ дерево крѣпко, что правильный ростъ и благоустройство частной и общественной жизни государствъ являются не случайно, а органически развиваются изъ коренныхъ самобытныхъ началъ народнаго духа, народной жизни. Съ этой точки зрѣнія, становится совершенно понятнымъ, съ какою заботливостію, съ какою энергіею должны быть собираемы и оберегаемы образованными людьми предметы древности, касающіеся разныхъ сторонъ жизни своихъ предковъ. Какъ жили наши предки? Какіе были у нихъ храмы общественныхъ молитвъ? Какіе были у нихъ священныя изображенія, обряды и обычаи? Каковы были ихъ завѣтные чаянія, религіозные идеалы? Развѣ можетъ образованный человѣкъ равнодушно относиться къ подобнымъ завѣтамъ своихъ предковъ?

«Есть и еще одна, собственно бытовая, сторона жизни нашихъ предковъ. Какъ они устроили свои дома и домашнія обзаведенія? Какіе были у нихъ нравы и обычаи, семейные и общественные? Чѣмъ занимались они, какъ добывали себѣ хлѣбъ насущный? Каковы были ихъ завѣтныя думы, чаянія и завѣты? О чемъ пѣли и что воспѣвали ихъ самобытные поэты? и т. п. Развѣ можетъ образованный человѣкъ оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ струямъ живой и, по своему, богатой гражданской жизни своихъ предковъ?



«Но все это богатство минувшей жизни нашихъ предковъ находится въ разныхъ мѣстахъ нашего края въ первичномъ, неразработанномъ видѣ: въ правительственныхъ архивахъ, въ архивахъ и библіотекахъ частныхъ людей, въ семейныхъ бумагахъ и въ народныхъ преданіяхъ; многое погребено въ могилахъ и курганахъ; многое хранится въ монастыряхъ и церквахъ. Собрать въ одно мѣсто все это богатство матеріаловъ народной жизни одному, даже нѣсколькимъ труженикамъ науки, дѣло непосильное, даже невозможное; собрать это могутъ спеціальныя учрежденія, каковыми и являются «Губернскія ученныя архивныя комиссіи». Имѣя во главѣ своей людей спеціально подготовленныхъ къ этому дѣлу, эти комиссіи всѣ труды по собранію древностей края распредѣляютъ между своими многочисленными членами. Одинъ, на примѣръ, найдетъ въ архивѣ древній историческій письменный памятникъ; другой изъ членовъ изучитъ его; третій издастъ въ свѣтъ въ общее достояніе науки; одинъ найдетъ въ нѣдрахъ земли или въ частныхъ рукахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, какой-либо древній предметъ изъ быта народной жизни, другой изслѣдуетъ этотъ предметъ и также печатно подѣлится съ ученымъ міромъ своею находкою. Словомъ, здѣсь самое широкое поприще для образованныхъ людей послужить на пользу науки своими трудами въ собираніи и храненіи древностей края; музей древностей возникаетъ при такой постановкѣ дѣла самъ собою.

«Переходя затѣмъ къ учреждаемой нами комиссіи, я долженъ сказать, что за успѣхъ этого учрежденія ручается еще то обстоятельство, что въ край нашѣмъ сдѣлано, въ этомъ отношеніи, весьма и весьма много. Достаточно сказать, что край нашъ уже имѣетъ своего Нестора - лѣтописца, составившаго, на основаніи множества имъ открытыхъ рукописныхъ, а также и печатныхъ источниковъ,— «Пермскую лѣтопись съ 1263 по 1881 г.»; Пермь имѣетъ уже за собою достопочтенные труды въ этой области и другихъ просвѣщенныхъ мужей нашего края. Должно надѣяться, что всѣ просвѣщенные люди края примутъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Вполнѣ убѣжденъ, что и духовенство пермское внесетъ значительную долю участія въ этомъ важномъ для всѣхъ насъ учрежденіи.

«Въ заключеніе, какъ служитель алтаря Христова, призываю Божіе благословеніе на имѣющее открыться учрежденіе ученой архивной комиссіи и объявляю собраніе открытымъ».

## II.

Мих. Ив. Семевскій въ подробной рѣчи изложилъ затѣмъ весь ходъ вопроса устроенія въ Россіи архивовъ въ царствованіе въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, при чемъ ярко очертилъ заслуги «незабвеннаго академика Николая Васильевича Калачова, создавшаго, при поддержкѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, въ 1878 году, археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Это единственное, въ своемъ родѣ, учрежденіе въ Россіи, основанное на прекрасныхъ началахъ, быстро приобрѣло сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ и во всемъ петербургскомъ обществѣ. Созданный по почину Н. В. Калачова и на частныя средства его и другихъ жертвователей, институтъ вызвалъ вскорѣ временное, на три года, изъ средствъ государственнаго казначейства пособіе, каковое съ 1886 г. обращено было, въ размѣрѣ 6,000 руб. въ годъ, въ постоянное. Институтъ въ теченіе перваго десятилѣтняго періода своего существованія приготовилъ болѣе ста отличныхъ архивистовъ, лицъ предварительно, предъ двухъ годичнымъ пробденнымъ ими курсомъ въ археологическомъ институтѣ, получившихъ образованіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Создавши институтъ,— Н. В. Калачовъ считалъ дѣло устроенія науки архивовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ далеко еще не оконченнымъ. Онъ сталъ энергически ходатайствовать о созданіи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и объ учрежденіи при нихъ историческихъ архивовъ. Дѣло это, при сочувственной поддержкѣ президента императорской академіи наукъ гр. Д. А. Толстаго, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: 13-го апрѣля 1884 года воспослѣдовало высочайшее утвержденіе положенія комитета гг. министровъ,—предоставившее министру внутреннихъ дѣлъ учреждать въ губернскихъ городахъ, гдѣ то окажется удобнымъ и возможнымъ, помянутыя комиссіи и историческіе при нихъ архивы».

«Въ развитіе сего дѣла издана была министромъ внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1884 году инструкція объ учрежденіи этихъ комиссій». Изложивъ сущность этой инструкціи и указавъ на то, что задачами архивныхъ комиссій должны служить сохраненіе тѣхъ дѣлъ и документовъ, которые имѣютъ историческое значеніе, «а равно разысканіе, храненіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ», г. Семевскій напомнилъ, что въ «томъ же 1884 г., при личномъ участіи покойнаго Н. В. Калачова, были открыты губернскія

коммисіи въ Твери, Рязани, Орлѣ и Тамбовѣ, а въ 1885 г.—въ Костромѣ. Всѣ эти коммисіи, съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, приступили къ дѣлу: историческіе архивы при нихъ стали быстро наполняться бумагами изъ правительственныхъ и частныхъ мѣстныхъ архивовъ. Бумаги эти подробно описываются; болѣе интересныя изъ нихъ печатаются въ мѣстныхъ изданіяхъ или отдѣльными брошюрами. Въ составъ коммисіи вошло много любителей и ревнителей отечественной старины, такъ что самое число членовъ въ нихъ явилось отъ 30 до 100 человекъ въ каждой; эта послѣдняя цифра принадлежитъ рязанской ученой архивной коммисіи.

«1885 годъ былъ годомъ тяжелой утраты для русской науки вообще и для дѣла устроенія губернскихъ архивныхъ коммисій въ особенности: Н. В. Калачовъ скончался.

«Но никакое благое дѣло, въ основѣ котораго положена здравая и благотворная мысль, не можетъ погибнуть. Какъ ни тяжка была утрата полнаго энергіи и самоотверженія ученаго труженника-архивиста, но на его мѣсто явились имъ же привлеченные къ этому дѣлу достойные преемники. Во главѣ археологическаго института сталъ высокоуважаемый профессоръ тайн. совѣта. И. Е. Андреевскій и подъ сѣнью института, въ короткое сравнительно время, возникло еще четыре ученыхъ архивныхъ коммисій, а именно: въ Нижнемъ Новгородѣ, Саратовѣ, Симферополѣ и Оренбургѣ.

«Всѣ нынѣ существующія девять коммисій, по самому закону ихъ учрежденія, стоятъ въ непосредственной зависимости и единеніи съ археологическимъ институтомъ въ Петербургѣ, которому, въ ноябрѣ мѣсяцѣ cadaго года, обязаны представлять годовые отчеты о своей дѣятельности. Директоръ института И. Е. Андреевскій представляетъ въ общемъ собраніи членовъ археологическаго института и обыкновенно многочисленной публики полный обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ коммисій на основаніи помннутыхъ ихъ отчетовъ.

«Послѣдній изъ таковыхъ обзоровъ, именно за 1886 годъ, напечатанъ въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 года. Кто прочелъ и прочтетъ этотъ обзоръ даровитаго нашего ученаго и профессора, тотъ, конечно, составитъ себѣ полное понятіе о дѣятельности первыхъ, по времени созданія, пяти губернскихъ ученыхъ коммисій. Свѣдѣнія о прочихъ коммисіяхъ войдутъ въ отчетъ г. директора института за 1887 г. Изъ указанныхъ обзоровъ видно, между прочимъ, слѣдующее: архивныя коммисіи, привлечшія въ свой составъ много знатоковъ и любителей мѣстной по губерніямъ старины, на изученіи которой, какъ извѣстно, зиждется разработка всей отечественной исторіи—въ нѣкоторыхъ городахъ, каковы—Тверь, Тамбовъ,

Рязань, получили ими же вполне приспособленные для себя помещенія и для возникших при нихъ историческихъ—архива и музея. Разобраны членами комиссій тысячи дѣлъ мѣстныхъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ, каковымъ дѣламъ неминуемо предстояло, за ненадобностью въ оныхъ, уничтоженіе, а между тѣмъ нынѣ изъ нихъ выдѣлены сотни дѣлъ несомнѣннаго интереса и значенія для мѣстной исторіи; комиссіи вступили во взаимныя сношенія для обмѣна изданіями и даже рукописями, имѣющими значеніе для той или другой губерніи по принадлежности; сношеніе съ центральными архивами въ Москвѣ, а также учеными учрежденіями въ Петербургѣ, обогатило губернскаго ученыя комиссіи присылками въ даръ имъ множества весьма цѣнныхъ и необходимыхъ для изученія археологіи и исторіи изданій. Выше уже сказано, что комиссіи приступили къ изданію найденныхъ ими историческихъ актовъ и документовъ, равно описей выдѣленныхъ ими въ историческіе свои архивы дѣлъ. Но независимо отъ бумагъ, комиссіи, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, обогащаютъ созданные ими мѣстные историческіе музеи: сюда поступаютъ предметы курганныхъ раскопокъ, производимыхъ членами комиссій, либо приобретаемые предметы отъ мѣстныхъ жителей. Предметы стариннаго быта, уборы, кресты, иконы, складни, вышедшія изъ употребленія одежды, остатки церковныхъ облаченій, брачныя вѣнцы, лампадки, подсвѣчники, книги, орудія тѣхъ или другихъ производствъ, словомъ все и вся, что воскрешаетъ бытъ нашихъ предковъ, восходя до самой сѣдой старины, теряющейся въ сумракѣ легендъ и до новѣйшаго времени, которое также должно сохраниться въ предметахъ, напоминающихъ наиболѣе замѣтныхъ и уважаемыхъ общественныхъ, духовныхъ и административныхъ мѣстныхъ дѣятелей, сошедшихъ уже въ могилу. Такова дѣятельность существующихъ нынѣ на Руси губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

«Таковая же предстоитъ и возникающей ученой комиссіи и здѣсь, въ г. Перми». По мнѣнію М. И. Семевскаго, надо ожидать съ полною увѣренностью быстрыхъ и самыхъ плодотворныхъ результатовъ дѣятельности сего учрежденія именно въ этомъ краю. «Громадный по своимъ размѣрамъ, край этотъ богатъ просвѣщенными людьми, вышедшими нерѣдко изъ самой среды его развитаго, преимущественно горнозаводскаго, населенія. Архивы его, не только городскіе, но въ особенности заводскіе, вмѣщаютъ въ себѣ еще много драгоцѣнныхъ матеріаловъ».

Обзоръ М. И. Семевскимъ «отлично содержимаго, какъ онъ отзывался, архива губернскаго правленія показываетъ, что въ немъ,

напримѣръ, множество матеріаловъ для исторіи Пермскаго края въ XVIII вѣкѣ. О богатствѣ и значеніи архивовъ вообще этого края, какъ нельзя лучше, по мнѣнію Михаила Ивановича, свидѣтельствуетъ богатая печатная литература изслѣдованій, очерковъ, замѣтокъ и матеріаловъ, относящихся до Пермскаго края. Эти труды принадлежатъ длинному ряду писателей, восходящихъ до первой половины XVIII вѣка. Въ превосходной книгѣ, изданной уважаемымъ и трудолюбивымъ, нѣкогда земскимъ, дѣятелемъ Пермскаго края Д. Д. Смышляевымъ, — «Источники и пособия для изученія Пермскаго края, Пермь, 1876 г.» (стр. 280), указано до 1,400 таковыхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ составлены исключительно по даннымъ мѣстныхъ архивовъ и частныхъ собраній рукописей и составляютъ цѣнный вкладъ въ археологію, исторію или этнографію Пермскаго края. Богатый своею историческою литературою, край этотъ не бѣденъ и нынѣ труженниками въ области науки. Къ помянутому указателю почтеннаго Д. Д. Смышляева, доведеннаго лишь до 1876 года, — за послѣднее десятилѣтіе, конечно, можно присоединить до тысячи новыхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ, явившихся какъ въ мѣстныхъ «земскомъ сборникѣ» и газетахъ, такъ и въ столичныхъ органахъ печати.

«Труды обширныя и по своему объему, и по высокому своему значенію для мѣстнаго края, каковы покойнаго историка Н. К. Чупина, А. Е. Тенлоухова — археолога, Д. Д. Смышляева, Е. И. Красноперова, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитріева и другихъ, громко свидѣтельствуютъ о той высотѣ, на которой стоитъ разработка въ Пермскомъ краѣ памятниковъ родной старины». «Необходимо замѣтить, продолжалъ М. И. Семеvскій, что самое пермское земство, въ теченіе почти четверти вѣка, неуклонно являетъ отзывчивость ко всему, что тѣсно связано съ упроченіемъ и развитіемъ въ этой обширной губерніи народнаго просвѣщенія».

Заглянувъ въ роспись расходовъ мѣстнаго земства, Михаилъ Ивановичъ нашелъ, что до полмилліона рублей въ годъ расходуется земствомъ Пермской губерніи на народное образованіе, постройку училищныхъ зданій и прочіе расходы, съ предметами просвѣщенія соединенными.

«Тому же земству принадлежитъ честь изданія на свое издивеніе монументальнаго труда В. Н. Шишонко: «Пермская лѣтопись съ 1263 г. по 1881-й г.». Трудъ этотъ хотя и составленъ уважаемымъ авторомъ безъ всякаго вознагражденія, вызвалъ со стороны земства расходъ, собственно на бумагу и печать, свыше 8,000 рублей, такъ какъ «Лѣтопись» состоитъ изъ шести весьма объемистыхъ томовъ

мелкой печати,—издержки въ высшей степени производительныя, такъ какъ весь трудъ г. Шишонко является сборникомъ, доведеннымъ въ печати уже до 1700 г., и онъ представляетъ массу сырыхъ матеріаловъ для всѣхъ, кто пожелалъ бы изучить Пермскій край не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ его положеніи, такъ какъ въ безчисленныхъ примѣчаніяхъ къ документамъ, впервые извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, В. Н. Шишонко приводитъ множество данныхъ къ историческому описанію всякаго рода поселеній въ предѣлахъ Пермской губерніи.

«Газета, издаваемая пермскимъ земствомъ, «Сборникъ» (2 вып. въ недѣлю), по мнѣнію М. И. Семевского, безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ земскихъ органовъ; а труды, издаваемые тѣмъ же пермскимъ земствомъ, — Е. И. Красноперова по земской статистикѣ, промышленности, хозяйству и вообще по описанію экономического положенія различныхъ уѣздовъ Пермскаго края, — составляютъ, можно сказать, цѣлую бібліотеку; обстоятельность и значеніе вообще трудовъ земскаго статистическаго бюро въ Перми издавна цѣнятся не только въ этомъ краѣ, но и въ столицѣ людьми вполне компетентными.

«Съ своей стороны городское общественное управленіе въ Перми, совокупно съ представителями земства, явило замѣчательную ревность къ дѣлу просвѣщенія и благоустроенія.

«Путешественникъ, продолжалъ Михаилъ Ивановичъ Семевскій, съ невольнымъ уваженіемъ къ хозяевамъ города и земства, посѣщаетъ въ Перми учебныя заведенія, въ особенности женскую гимназію, бібліотеку губернской гимназіи съ богатѣйшимъ въ ней отдѣломъ всего, что когда либо было напечатано о Пермскомъ краѣ—даръ Д. Д. Смышляева,—Алексѣевское реальное училище, превосходное учрежденіе «Убѣжище для дѣтей бѣдныхъ г. Перми», въ которомъ содержится и воспитывается до 110 сиротъ, а также призрѣвается нѣсколько престарѣлыхъ женщинъ, — городскіе: «Дѣтскій» пріютъ, богадѣльню, больницу съ ея замѣчательнымъ отдѣленіемъ для душевнобольныхъ, — превосходное зданіе городского театра, словомъ, всѣ эти и другія учрежденія въ Перми навсегда останутся памятниками благотворной дѣятельности общественнаго и земскаго самоуправленія этого края». Въ виду таковой дѣятельности горожанъ и земцевъ,—М. И. Семевскій въ горячо сказанныхъ выраженіяхъ подтвердилъ свою увѣренность въ томъ, что ученая архивная коммиссія станетъ на весьма прочную почву въ городѣ Перми. Жатвы для нея много, явится много и просвѣщенныхъ мѣстныхъ въ ея средѣ дѣятелей, въ особенности будетъ богатъ, какъ надѣется Михаилъ

Ивановичъ, «Пермскій Историческій Музей». Порукой въ томъ служить для него богатое собраніе памятниковъ старины, составлявшихъ особый отдѣлъ на превосходно устроенной въ 1887 г. выставкѣ въ Екатеринбургѣ.

«Не въ этомъ почтенномъ собраніи любителей науки, продолжалъ г. Семевскій, говорить о пользѣ и значеніи историческихъ музеевъ; то и другое хорошо—всѣмъ вамъ вѣдомо; не менѣе извѣстно и то, что за рубежомъ Россіи—въ Германіи, во Франціи и въ другихъ странахъ, «историческіе музеи» издавна учреждены во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ; музеи эти посѣщаютъ, въ опредѣленные дни, не только путешественники, но и толпы мѣстныхъ жителей, которые приводятъ сюда и дѣтей своихъ. Не могу не вспомнить, по этому случаю, прекрасныхъ словъ покойнаго Н. В. Калачова: «историческіе музеи, говорилъ этотъ славный основатель ученыхъ архивныхъ комиссій, — содѣйствуютъ развитію въ народѣ образованія и вкуса, и чрезъ это усиливаютъ не только въ высшемъ классѣ, но и въ простолюдинахъ, любовь къ своей странѣ, къ своему родному краю».

«Пермскій Историческій Музей, при просвѣщенной поддержкѣ земства и городскихъ думъ Пермской губерніи и обывателей края, несомнѣнно скоро соединить въ себѣ богатныя коллекціи памятниковъ мѣстной старины. Эти коллекціи, вмѣстѣ съ сокровищами историческаго архива, отнынѣ также создаемаго въ Перми, дадутъ много матеріаловъ для новыхъ трудовъ мѣстныхъ изслѣдователей. Труды эти, какъ и то, что дѣлалось донинѣ, безъ сомнѣнія будутъ безкорыстными, такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ первое время, средства архивной комиссій были бы настолько достаточны, чтобы оплачивать эти труды». По этому поводу Михаилъ Ивановичъ Семевскій напомнилъ прекрасныя слова директора археологическаго института И. Е. Андреевскаго, сказанныя имъ въ его обзорѣ трудовъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій за 1886 г. («Русская Старина», изд. 1887 г., т. LVI, стр. 553):

— «Безкорыстныя научныя работы и заключаютъ въ себѣ то чуждое, что не только самихъ работниковъ поднимаютъ изъ области мелкихъ матеріальныхъ интересовъ въ высшія области мысли и анализа, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднимаютъ и общество, среди котораго они работаютъ и дѣйствуютъ: внимающіе имъ, съ уваженіемъ смотрящіе на воздвигаемое ими дѣло, тѣмъ самымъ, незамѣтно для себя, вмѣстѣ съ ними поднимаются, движутся впередъ».

«Гость въ Перми, — заключилъ г. Семевскій, — я считаю себя счастливымъ, что присутствую при зарожденіи въ этомъ городѣ

губернской архивной ученой комиссіи, долженствующей явиться въ близкомъ будущемъ, съ «Историческими при ней Архивомъ и Музеемъ», вѣковѣчными разсадниками историческихъ знаній мѣстной дорогой всѣмъ намъ старины».

### III.

Рѣчь М. И. Семевского выслушана была собраніемъ съ величайшимъ вниманіемъ и полнѣйшимъ сочувствіемъ. Обратясь съ своей стороны къ собранію, предсѣдатель онаго, его преосвященство, повторяя увѣренность, что «архивная комиссія получить полный ростъ въ этомъ краѣ, предложилъ, по примѣру того, какъ это было при учрежденіи архивныхъ комиссій въ другихъ губерніяхъ, всему настоящему собранію войти въ составъ учреждаемой—Пермской ученой архивной комиссіи».

Всѣ присутствующіе изъявили полнѣйшее къ тому согласіе.

Вслѣдъ за симъ его преосвященство, обращаясь къ М. И. Семевскому, выразилъ отъ лица собранія надежду, что онъ приметъ на себя званіе члена этой комиссіи, въ учрежденіи которой онъ принялъ такое горячее и искреннее участіе. Все собраніе встало и М. И. Семевскій въ сердечныхъ выраженіяхъ высказалъ признательность за честь, ему оказанную.

Затѣмъ предсѣдатель предложилъ собранію пригласить принять званіе членовъ учреждаемой комиссіи всѣхъ лицъ, которыя хотя и не находятся въ настоящемъ собраніи, но которымъ разосланы были пригласительныя повѣстки. Собраніе изъявило на то согласіе и, такимъ образомъ, въ составъ Пермской ученой архивной комиссіи назначены слѣдующія лица:

Алфіоновъ Я. И., Агровъ Н. Н., Богдановичъ М. П., Барановъ А. Е., Богородицкій П. А., Базановъ Н. Д., Благоднравовъ З. М., Беръ А. І., Бѣлорусовъ М. Д., Бѣлорусовъ В. А., Бѣлоусовъ П. М., Владиміръ епископъ пермскій, Васильевъ Н. М., Василисовъ А. В., Вознесенскій Ф. Н., Воскресенскій А. А., Воропай И. М., Вологдинъ П. Ал., Гедрѣйцъ князь М. Ф., Голынецъ І. Я., Дмитреевскій М. М., Дмитріевъ А. А., Дроздовъ С. Я., Дягилевы Ив. Пав. и Пав. Пав., Евстафьевъ Н. П., Егорьевъ П. П., Елтышевъ П. П., Журавлевъ П. А., Зальца бар. А. Н., Задоринъ М. П., Ивановъ Г. А., Каменскій А. Г., Каменскій Г. К., Карвовскій Р. І., Комаровъ М. И., Красноперовъ Е. И., Кропачевъ А. П., непремѣнный попечитель



ученой арх. комиссиі—Лукошковъ В. В., Лепешинскій Василій Ир., Лучининъ А. П., Лывинъ П. Т., Летучій Г. П., Любимовъ И. И., Луканинъ А. М., Медемъ бар. А. А., Малѣевъ А. А., Масоловъ А. И., Назарьевъ Н. С., Назукинъ Н. П., Насононъ В. М., Островскій Н. С., Поликарпъ епископъ екатеринбургскій, Потоцкій П. С., Пермяковъ К. Я., Прозоровскій А. И., Поповъ М. Я., Семейскій Мих. Иван., Семейскій Петръ Иван., Сиговъ Петръ Ероф., Стемпневскій С. Н., Свѣтлицкій А. А., Свѣшниковъ Н. Н., Суслинъ И. Н., Серебренниковъ П. Н., Семченко В. К., Токаревъ П. И., Тупицынъ В. Е., Тупицынъ А. Е., Урюпинъ С. П., Удинцевъ В. П., Ходаковскій С. А., Четинъ А. Н., Шшонко В. Н., Шшонко Н. В., Шанинъ А. С., Якубовскій В. Л., Саловаровъ Ег. П., Афросимовъ Ал. Мих., Ауэрбахъ А. А., Вологдинъ И. В., Граматчиковъ В. А., Голубцовъ В. В., Дравертъ Л. С., Ивановъ И. П., Кузнецовъ А. Г., Клепичинъ Н. А., Карпинскій П. М., Миславскій А. А., Маминъ Д. Н., Мичуринъ Ф. В., Нововрещенныхъ Н. Н., Никольскій Д. П., Поклевскій-Козель А. Ф., Поляновъ К. П., Роджеръ А. И., Сюзевъ П. И., Соломирскій Д. П., Трубинъ А. Д., Теплоуховъ Ф. А., Шалинъ Н. П.

Присутствующими въ собраніи предложены также въ составъ комиссиі слѣдующія лица:

Тезяковъ Н. И., Клеръ А. Е., Волковъ Д. И., Болотовъ В. В., Дягилевъ И. П., Позняковъ І. П., Синицынъ Н. А., каковыя и зачислены въ составъ ея, съ званіемъ ея членовъ. Далѣе признано необходимымъ пригласить въ составъ комиссиі нижеслѣдующихъ лицъ:—Д. Д. Смышляева, находящагося нынѣ въ Іерусалимѣ, а также представителей губернскихъ учен. архивныхъ комиссиі: въ Твери—Августа Казим. Жизневскаго (тайнаго совѣтника), въ Нижнемъ-Новгородѣ—А. С. Гацискаго (ст. сов.), въ Тамбовѣ—И. И. Дубасова (д. ст. сов.), въ Костромѣ—В. Г. Пирогова (ст. сов.), въ Рязани—А. В. Селиванова, а также тайн. сов. И. Е. Андреевскаго—директора археологическаго института въ Петербургѣ; въ Москвѣ—графиню П. С. Уварову, Е. В. Барсова (секретаря московскаго истор. общества), А. Ф. Бычкова (д. тайн. сов., предсѣдательствующаго археографической комиссиі въ С.-Петербургѣ), И. Е. Забѣлина (предсѣдателя московск. истор. общества), барона Ф. А. Бюлера (дѣйств. тайн. сов. въ Москвѣ, директора главнаго архива), Н. А. Фирсова, профессора казанскаго университета, и тамъ же профессора Д. А. Корсакова; постановлено просить всѣ эти лица принять званіе членовъ Пермской ученой архивной комиссиі.

## IV.

Собрание единогласно предложило В. Н. Шишонко быть председателемъ предполагаемой къ открытію комиссії. А. А. Дмитріевъ приглашенъ собраніемъ быть членомъ комиссії и правителемъ ея дѣлъ, съ исполненіемъ обязанностей товарища председателя.

## V.

Его преосвященство пригласилъ собраніе оказать содѣйствіе къ основанію историческихъ архива, музея и бібліотеки посильными пожертвованіями.

Присутствующіе выразили надежду, что таковыя постепенно будутъ поступать, а между тѣмъ въ настоящемъ собраніи М. И. Семевскій высказалъ обѣщаніе прислать свои изданія, относящіяся къ отечественной исторіи, всего на сумму до 100 р.

В. Н. Шишонко выразилъ готовность принести въ даръ возникающему историческому архиву въ Перми нѣкоторую часть собранныхъ имъ рукописей въ теченіе многихъ послужившихъ къ составленію его труда «Пермской Лѣтописи съ 1263 г.».

П. И. Семевскій принесъ въ даръ бібліотекѣ возникающей комиссії до 60 историческихъ книгъ, изданныхъ преимущественно въ прошломъ столѣтіи на русскомъ языкѣ. Петръ Ивановичъ Семевскій представилъ въ этомъ же засѣданіи списокъ пожертвованныхъ имъ книгъ.

Собрание постановило выразить жертвователямъ искреннюю благодарность.

## VI.

Его превосходительство г. начальникъ губерніи высказалъ надежду на то, что представители земства и города озаботятся устройствомъ помѣщенія для архивной комиссії, съ имѣющими при ней возникнуть—архивомъ и музеемъ.

Городской голова П. Е. Сиговъ и председатель губернской земской управы К. Я. Пермиковъ выразили полнѣйшую готовность войти—первый въ Думу, а второй въ земское собраніе съ ходатайствами «объ оказаніи возможнаго теперь же содѣйствія матеріаль-

выми средствами въ устройствѣ помѣщенія и поддержкѣ возникающихъ и въ высшей степени полезныхъ учреждений, каковы «ученая архивная коммиссія и историческіе въ Перми архивъ и музей».

## VII.

Его преосвященство съ своей стороны высказалъ готовность, по окончательной организаціи пермской ученой архивной коммиссіи и историческаго при ней музея, сдѣлать по епархіи распоряженія о томъ, чтобы: а) старинныя вещи, не нужныя для употребленія въ церквахъ и монастыряхъ его епархіи, но имѣющія хотя нѣкоторое археологическое значеніе, препровождались бы, чрезъ посредство консисторіи, въ поманутую коммиссію, и б) чтобы отнынѣ передѣлка церквей и существенный ремонтъ внутри оныхъ церквей, сооруженныхъ до 1800 годовъ, производился не иначе, какъ съ особою заботливостію о сохраненіи памятниковъ старины.

М. И. Семевскій отъ лица собранія выразилъ глубочайшую признательность его преосвященству за обѣщаніе таковыхъ распоряженій и напомнилъ при этомъ, что подобныя распоряженія уже сдѣланы высокопреосвященными—тверскимъ Саввою, рязанскимъ Феоктистомъ и другими епископами въ разныхъ губерніяхъ.

## VIII.

Въ заключеніе, его преосвященство обратился къ начальнику губерніи съ просьбою, въ качествѣ «непремѣннаго попечителя» архивной коммиссіи, войти къ его сіятельству г. министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о всемъ вышеизложенномъ и исходатайствовать утвержденіе пермской архивной коммиссіи съ историческими при ней архивомъ и музеемъ.

Начальникъ губерніи В. В. Лукошковъ выразилъ полную къ тому готовность и затѣмъ, отъ лица собранія, выразилъ искреннѣйшую признательность М. И. Семевскому за содѣйствіе и участіе въ обсужденіи вопроса объ основаніи въ Перми ученой архивной коммиссіи съ ея архивомъ и музеемъ.

Затѣмъ вице-губернаторъ М. И. Богдановичъ высказалъ присутствующимъ «свою душевную благодарность за участіе въ собраніи въ такомъ многочисленномъ составѣ, по его приглашенію при исправ-

леніи имъ должности губернатора; таковая отзывчивость общества, выражая полное сочувствіе къ учрежденію весьма полезной ученой комиссіи, общааетъ самыя благопріятныя послѣдствія для ея дѣятельности».

«Настоящее многочисленное собраніе, заключилъ Матвѣй Павловичъ Богдановичъ, очевидное свидѣтельство того, что пермское общество вполне сознаетъ необходимость столь полезныхъ для науки учреждений, какова возникающая пермская ученая архивная комиссія съ историческими при ней архивомъ и музеемъ».

Засѣданіе закрыто въ 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub> час. пополудни.

Пермь.

«Изъ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1888 г., іюля 13-го дня).

Сообщ. П. А. Вокондиль.

---

# 12 книжъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербуржскій Исидоръ; гр. Аранчеевъ и Н. Ѡ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Вольинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрэндмана, 1771—1780 гг.;—Записки декабриста М. А. Фонвизина: очерки русской исторіи;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о блѣмъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Вѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Бюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война на Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленьскіе очерки, 1863—1866 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѡ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изсѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Д. Пташницаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, насл. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ал. П. Берже;—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разскъ Мохнадцаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ал. П. Берже;—Разскъ правосл. латыша Индрія Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (внѣ графу), 1852—1857 гг.;—Близъ Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-в. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принявшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помѣловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѡ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цена за 12 книжъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

## ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются съ 1-го марта 1888 г. по обыкновеннымъ, не пониженнымъ цѣнамъ, оставшіеся экземпляры нижеслѣдующихъ изданій ред. «Русской Старины»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами, издана въ 1885 г.

Цѣна **ТРИ** рубля съ пересылкою.

II. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., 1884-го года, изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

III. „ПРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., 1884 г., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ДВА** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

по пониженнымъ цѣнамъ:

IV. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе второе, значительно дополненное весьма интересными показаніями лицъ близкихъ къ покойному Государю. Издалъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1887 г., 517 стр.

Цѣна **ДВА** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны **4** руб. **50** коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ 6. 8 д.

(Имеется всего лишь около 188 экземпляровъ).

VI. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **одинъ** руб. съ пересылкою.

скихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ; въ настоящемъ томѣ мы находимъ донесенія французскаго полномочнаго министра Кампредона и агента Мавьяна, за 1725—1727 гг. Главное содержаніе этихъ документовъ составляетъ отчетъ о послѣднихъ переговорахъ относительно несостоявшаго союзнаго договора Россіи съ Франціею и Англіею, а также о заключеніи русскимъ правительствомъ договоровъ съ Австріею и Пруссіею. Но среди массы извѣстій о дипломатическихъ переговорахъ и сношеніяхъ мы находимъ въ этихъ депешахъ мѣстами и любопытныя извѣстія о внутреннихъ событіяхъ Россіи, о борьбѣ вліятельныхъ людей между собою, о ихъ надеждахъ и желаніяхъ. Любопытно, что наблюдательный Кампредонъ очень рано, немедленно послѣ смерти Петра Великаго, подмѣтилъ стремленіе, зародившееся въ известной части нашей знати, къ ограниченію самодержавной власти. Такъ еще 3 января 1726 г. онъ писалъ, что «весьма многіе русскіе вельможи мечтаютъ о томъ, чтобы установить «форму правленія, подобную существующей въ Швеціи, или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи». Черезъ несколько дней вновь упомянувъ о желаніи «иногда дѣлать русскіе люди... ограничить деспотическую власть своей государыни», Кампредонъ прибавляетъ, что, какъ онъ слышалъ «изъ вѣрнаго источника», «уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему князю Голицыну въ Украйну». Въ учрежденіи въ февралѣ 1726 г. верховнаго тайнаго совѣта онъ видитъ «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія», а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на недовольство этимъ учрежденіемъ со стороны известной партіи—Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ (стр. 187, 199—200, 253—256, 265). Известно, что въ 1730 г. вопіющіе раскрылись желанія и верховниковъ, и ихъ противниковъ. Въ донесеніяхъ Кампредона мы встрѣчаемъ также не мало интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни императрицы Екатерины I, о ея смерти и вступленіи на престолъ Петра II, объ арестѣ Девьера и Томстаго и проч. Нельзя не пожалѣть только, что эти донесенія не всегда напечатаны вопіющіе; въ одномъ мѣстѣ (стр. 265) пропускъ прямо указываетъ, въ другихъ случаяхъ можно догадываться о немъ, встрѣ-

чая два-три раза упоминанія о нѣкоторыхъ фактахъ, какъ уже объ извѣстныхъ, не смотря на то, что мы не находимъ ихъ въ печатномъ текстѣ донесеній. Последнее быть можетъ объясняется тѣмъ, что не все депеши сохранились или не все сообщены русскому историческому обществу, но было бы желательно, чтобы эти историческіе документы не подвергались купюрамъ съ цензурной точки зрѣнія, какъ это, очевидно, сдѣлано на стр. 265. Неужели не настало время для полной, неприкрашенной исторіи даже первой половины XVIII вѣка?!

Сибирскіе рассказы изъ жизни присковаго люда. Сиб. 1888 года, 322 стр., ц. 1 р.

Всѣ помѣщенные здѣсь очерки и рассказы были первоначально напечатаны въ приложеніяхъ къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“, редактируемой извѣстнымъ знатокомъ Сибири, Н. М. Ядринцевымъ: Самый обширный изъ издаваемыхъ нынѣ «рассказовъ изъ жизни присковаго люда»—«Сибирскіе мученики» принадлежитъ перу свщ. Стрѣтенскаго, нынѣ уже умершаго. У автора не было художественнаго таланта, но онъ довольно живо изображаетъ неприглядную жизнь присковаго рабочаго; особенно понравилось намъ описаніе «наемки». Въ беллетристической формѣ написанъ также очеркъ г. Завиткова «Въ тайгѣ», который также какъ рассказъ Стрѣтенскаго заканчивается изображеніемъ побѣды рабочихъ съ приска. Далѣе мы находимъ въ книгѣ статью г. Г.—ва «Олекинская Калифорнія»—довольно бѣглый очеркъ путешествія на Олекинскіе приски. За то въ высшей степени интересна послѣдняя статья этого сборника—«Амурская Калифорнія (по рассказамъ очевидца)»: это живое и любопытное описаніе Желтугинскихъ золотыхъ присковъ, самовольно подвергнутыхъ разработкѣ русскимъ рабочимъ людомъ на китайской территоріи, при чемъ авторъ знакомитъ читателей и съ тѣми оригинальными чинками, которые были выработаны сброднымъ населеніемъ этихъ «вольныхъ присковъ». Вся книга представляетъ много интереснаго и проникнута искреннимъ сочувствіемъ къ несчастной долѣ присковаго рабочаго.

В. С.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1).

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (46 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (19 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (23 экз.), съ портрет., 9 руб.

*Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ платятъ по 4 р. 50 к. за годъ.*

Издатель-редакторъ Мил. Ив. Семеновскій.



# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1888 годъ.

## СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра. Гл. XIII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ	463	VI. Александръ Николаевичъ Стровъ въ 1857—1871 гг. Воспоминанія о немъ и его письма. (Окончаніе). Сообщ. К. И. Званцовъ.	647
II. Повѣсть о самомъ себѣ. По-смертныя записки и дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко. Гл. VII—X.	483	VII. Сергій Ивановичъ Зарудный. Материалы къ его биографіи. Сообщ. Г. А. Джамшіевъ.	611
III. Архимандритъ Іакинѣвъ Бичуринъ въ далекихъ воспоминаніяхъ его внука. (Окончаніе). Сообщ. Н. С. Моллеръ.	525	VIII. Самарандъ въ 1868 г. Изъ воспоминаній художника В. В. Верещагина	617
IV. Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 гг. Изслѣдов. А. Н. Петрова.	561	IX. Историческіе матеріалы и замѣтки: Истор. архивъ кн. Ѳ. А. Куракина (683).—Изъ архива с. Надеждино-Куракино (689).—Къ Путевымъ очеркамъ по Россіи (688).—П. П. Каратыгинъ (693).—А. Ѳ. Ядринцева (695).—А. М. Петровъ (482).—Баронесса Э. Ѳ. Раденъ (524).	
V. Записки Николая Никифоровича Мурзановича. 1806—1883 гг. Гл. XXII—XXIII	583	X. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Сергія Ивановича Заруднаго, гравировала художникъ Н. И. Матюшинъ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.



IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1888 г.

Ал. Лазаревскій. Описание старей Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Выпускъ первый. Кіевъ, 1888 г., 288 стр.

А. М. Лазаревскій—лучшій знатокъ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, надъ изученіемъ которой онъ трудится болѣе тридцати лѣтъ. Еще въ половинѣ 1850-хъ годовъ онъ издавъ библіографическій указатель источниковъ и пособій для изученія исторіи этого края. Въ половинѣ 1860-хъ годовъ, въ I томѣ Записокъ черниговскаго статистическаго комитета, появился его прекрасный трудъ «Малороссійскіе посольствы крестьяне». Затѣмъ послѣдовало подробное, въ двухъ выпускахъ, «Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи», этого важнѣйшаго источника для исторіи внутренняго быта лѣвобережной Украйны въ половинѣ XVIII вѣка (трудъ этотъ оконченъ г. Константиновичемъ). Въ теченіи послѣдующихъ двадцати лѣтъ въ различныхъ историческихъ изданіяхъ: «Русск. Архивъ», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Кіевской Старинѣ», появляется цѣлый рядъ монографій А. М. Лазаревскаго. Здѣсь мы находимъ, во-первыхъ, рядъ изслѣдованій о различныхъ старыхъ родахъ Малороссіи, изслѣдованій, представляющихъ не одинъ только генеалогическій интересъ, но заключающихъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи экономическаго положенія этого края и, между прочимъ, наглядно рисующихъ наглое хищничество малороссійской шляхты и цѣлый рядъ всевозможныхъ насилій надъ крестьянами и казаками, посредствомъ которыхъ округлялись владѣнія этой шляхты. Любопытны также и небольшіе очерки г. Лазаревскаго о некоторыхъ сторонахъ жизни старой Малороссіи, какъ, наприм., о сотникахъ и некоторыхъ другихъ; но особенное значеніе имѣетъ его монографія о Полуботкѣ (въ «Русскомъ Архивѣ»), представляющая подробную, составленную на основаніи многихъ неизданныхъ матеріаловъ, характеристику этого выдающагося представителя казацкой старшины.

Многолѣтняя научная дѣятельность г-на Лазаревскаго по исторіи лѣвобережной Малороссіи достойно завершается настоя-

щамъ трудомъ, представляющимъ описание этого края, главнымъ образомъ, въ періодъ времени отъ присоединенія Малороссіи къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней, съ открытіемъ наместничества, общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 г. Авторъ исполняетъ свой обширный трудъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Каждый полкъ описывается отдѣльно, при чемъ, послѣ историческаго очерка данной мѣстности, перечисляется въ хронологическомъ порядкѣ полковая старшина, отъ полковника до хорунжихъ включительно, съ сообщеніемъ о нихъ всѣхъ найденныхъ авторомъ свѣдѣній. Въ этомъ отдѣлѣ заключается богатый матеріалъ какъ для исторіи полковаго управленія въ Малороссіи, такъ и для исторіи мѣстнаго общества. Послѣ перечня полковой старшины слѣдуетъ описание поля по сотнямъ, которому предшествуетъ перечень сотниковъ съ сообщеніемъ о нихъ также всѣхъ собранныхъ свѣдѣній въ виду того, что сотники пользовались весьма обширною властью надъ подчиненнымъ имъ населеніемъ. Затѣмъ идетъ перечень всѣхъ поселеній, составлявшихъ сотню, при чемъ приводятся свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія, о свѣтѣ владѣльцевъ и о количествѣ жителей (о крестьянахъ и казакахъ отдѣльно). Этотъ прекрасный трудъ представляетъ массу свѣдѣній первостепенной важности о народной жизни, которая, по справедливому замѣчанію автора, «въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій вышней исторіи»; значеніе его еще болѣе возвышается тѣмъ, что онъ составленъ преимущественно на основаніи неизданныхъ источниковъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ некоторыхъ правительственныхъ учреждений, архивовъ частныхъ лицъ и обширнаго собранія матеріаловъ, принадлежащаго автору.

Читатель-неспециалистъ предпочелъ бы познакомиться съ бытомъ старой Малороссіи въ рядѣ очерковъ, гдѣ громадныя матеріалы, находившіяся въ распоряженіи автора, были бы расположены не въ порядкѣ генеалогическомъ или топографическомъ, а сгруппированы систематически по исторіи отдѣльныхъ классовъ населенія, землевладѣнія и управленія, но мы





*Серий Зарудный*

ПРЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».



# ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

## XIII <sup>1)</sup>.

Шведская кампанія 1789 года. — Выходъ ревельской эскадры на рейдъ. — Осмотръ Гангута. — Письма императрицы Екатерины II. — Вице-адмиралъ П. И. Пущинъ. — Запросы гр. Чернышева. — Шифрованное письмо Козлянинова. — Соединеніе съ враншадтской эскадрой и состояніе всего флота. — Положеніе адмирала В. Я. Чичагова. — Письмо его къ гр. Безбородко.

Въ началѣ мая 1789 г. всѣ работы по вооруженію и снаряженію эскадры были окончены и, выведя ее на рейдъ, освободившійся отъ льда въ этомъ году весьма поздно, адмиралъ Чичаговъ писалъ графу Безбородко: «теперь ожидаю назначенныхъ ко мнѣ людей для письменныхъ дѣлъ, также и на чрезвычайные расходы денегъ. Еще нужно мнѣ имѣть переводчика, знающаго англійскій и другіе языки, для опрашиванія иностранныхъ судовъ, чрезъ что иногда получить можно свѣдѣнія о непріятелѣ» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. L, май, стр. 221—252; июнь, стр. 463—486; т. LI, августъ, стр. 247—270; сентябрь, стр. 457—518; т. LII, октябрь, стр. 25—44; ноябрь, стр. 239—258; изд. 1887 г., т. LV, июль, стр. 35—54; сентябрь, стр. 523—544; изд. 1888 г., т. LVIII, июнь, стр. 535—561; т. LIX, июль, стр. 1—21; августъ, стр. 225—248.

<sup>2)</sup> Въ отвѣтъ В. Я. Чичаговъ получивъ указъ и два письма императрицы (Семейн. Арх.): 1) 3 мая. „Для надобности по флоту нашему, въ предводительство ваше ввѣренному, назначили мы сумму, полагая съ перваго апрѣля, на 6 мѣсяцевъ, по 5 тысячъ рублей на каждый, всего 30 тыс. рублей, да на вѣшнія по тому флоту издержки 10 тысячъ червонныхъ и 5 тысячъ ефим-

2-го мая прибыло въ Ревель англійское судно, шкиперъ котораго былъ тотчасъ допрошенъ и объявилъ, что онъ вышелъ изъ Зунда 25-го апрѣля и, проходя Борнгольмъ, видѣлъ противъ Карлскроны столько льда, что принужденъ былъ уклониться къ сторонѣ Померанскихъ береговъ, шведскихъ же судовъ въ морѣ никакихъ не видалъ. Идя мимо Категата, усмотрѣлъ вышедшіе изъ Копенгагена три русскихъ военныхъ корабля, которые расположились по близости мѣста, именуемаго Трекроненъ. Эти показанія были весьма важны; изъ нихъ слѣдовало, что мы, благодаря лютой зимѣ и необыкновенному количеству льда, неожиданно поставлены въ равныя условія съ непріятелемъ, которому нельзя выйти въ море раньше насъ. Соединеніе кронштадтской эскадры съ ревельской дѣлалось какъ бы обезпеченнымъ, безъ всякихъ затрудненій со стороны шведовъ.

4-го мая ревельская эскадра, выведенная на рейдъ, состояла: изъ 10 кораблей — «Ростиславъ» (100 пушечный), «Св. Елена» (74 пуш.), «Киръ-Юаннь» (74 пуш.), «Св. Петръ» (74 пуш.), «Мстиславъ» (74 пуш.), «Ярославъ» (74 пуш.), «Родиславъ» (66 пуш.), «Изяславъ» (66 пуш.), «Болеславъ» (66 пуш.), «Память-Евстафія» (66 пуш.); изъ 4 фрегатовъ — Слава, Премиславъ, Надежда-Благополучія, Подражиславъ; изъ 2 бомбардирскихъ судовъ — Побѣдитель и Страшный; изъ 5 катеровъ — Нептунъ, Нева, Счастливый, Летучій, Поспѣшный; изъ одного госпитальнаго — Холмогоры и одного транс-

ковъ, и повелѣн вашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору князю Вяземскому доставить оную сумму въ распоряженіе ваше\*.

2) 4 мая. „Для исправленія при васъ письменныхъ дѣлъ и для шифровъ назначенъ адмиралтейской коллегіи секретарь Антоновскій, да отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ Картвелинъ и еще одинъ переводчикъ, которымъ производить жалованье по чинамъ ихъ, какъ первый по адмиралтейской, а прочіе по иностранныхъ дѣлъ коллегіямъ получаютъ; и сверхъ того, съ перваго сего мая двумъ первымъ на содержаніе ихъ по 50 рублей, а переводчику по 30 рублей на мѣсяцъ, покуда они при васъ останутся, изъ суммы, на чрезвычайные расходы вамъ назначенной\*.

3) „По представленіямъ вашимъ указали мы для исправленія казенныхъ и другихъ дѣлъ, отъ васъ поручаемыхъ, отправить къ вамъ адмиралтейской комисариатской экспедиціи совѣтника Стурма, да для канцеляріи адмиралтейской коллегіи секретаря Михаила Антоновскаго. Флота капитана 2 ранга Симанскаго позволяемъ вамъ принять въ флотскую службу нашу, съ старшинствомъ по сему чину со дня пожалованія его въ оный, и употребить по его способности\*.

Л. Ч.

портнаго — Хватъ. Всего сухопутныхъ и морскихъ чиновъ всякаго званія на нихъ находилось 9,333 человекъ.

Кронштадтская эскадра, находясь въ портѣ, долѣе запертомъ льдомъ, могла, вслѣдствіе этого, выйти позже, также какъ и галерный флотъ, стоявшій въ Петербургѣ. Первая состояла: изъ 10 кораблей — Князь Владиміръ (100 пуш.), Двѣнадцать Апостоловъ (100 пушечн.), Всеславъ (74 пуш.), Іезекиль (74 пушечн.), Побѣдославъ (74 пуш.), Принцъ-Густавъ (74 пуш.), Святославъ (66 пуш.), Дерись (66 пуш.), Выше-славъ (66 пуш.), Викторъ (66 пуш.); изъ 2 фрегатовъ — Брючеславъ и Мстиславецъ; изъ 2 брандеровъ — Касатка и Лебедка; изъ одного госпитальнаго судна — Турухманъ. На нихъ было людей 7,295.

Въ ожиданіи, пока всѣ его суда, охваченныя льдомъ, освободятся, адмиралъ Чичаговъ расположилъ вдоль шведскихъ береговъ крейсера, чтобы воспрепятствовать сообщеніямъ, и для наблюденія за движеніями непріятели по всему русскому берегу, онъ установилъ сигналы для предупрежденія о появленіи непріятельскихъ кораблей, но эти средства были совершенно недостаточны. О телеграфѣ тогда не имѣли понятія, и должны были ограничиваться зажиганіемъ костровъ на различныхъ пунктахъ; подобная передача извѣстій могла быть лишь сомнительна и неопредѣленна.

Читатели встрѣтятъ въ послѣдующемъ разсказѣ, конечно, болѣе подробностей о состояніи флота и его дѣйствіяхъ, чѣмъ многіе изъ нихъ желали бы, но такъ какъ наше намѣреніе состоитъ явственно показать, что ни отъ какого государства, а тѣмъ болѣе отъ желанія одного человека, не зависитъ созданіе флота въ странѣ, гдѣ природныя склонности не соединены въ достаточной степени, дабы способствовать этому и добывать средства къ его поддержанію, мы нашли полезнымъ представить послѣдовательно факты, чтобы привести къ этому убѣжденію тѣхъ, которые заблуждаются, благодаря софизмамъ продажной прессы, эксплуатирующей умы партій и ихъ національное самолюбіе. Я укажу эти затрудненія и невозможность ихъ преодолѣть иногда. Если Франція, не смотря на протяженіе ея морскихъ береговъ и счастливое положеніе, не могла никогда имѣть громадный флотъ, который лишь создавала иногда, благодаря



чрезвычайнымъ усилямъ, то это потому, что она встрѣчала непреоборимыя препятствія въ наклонностяхъ народа и также въ духѣ правительства. Испанія и Португалія болѣе или менѣе въ томъ же положеніи. Не всѣ эти препятствія не непобѣдимы и допускають до извѣстной степени существованіе флота; но существованіе не будетъ продолжительно. Англія и Америка—единственныя страны, гдѣ стеченіе всѣхъ обстоятельствъ благоприятствуетъ этому, начиная съ гениальности этихъ двухъ націй, одного происхожденія; за то они и обладаютъ первѣйшими флотами въ мірѣ. Россія находится въ положеніи совершенно противоположномъ, въ особенности на сѣверѣ. Факты, которые мы представимъ, послужатъ, я надѣюсь, къ убѣжденію въ этой истинѣ самыхъ недовѣрчивыхъ лицъ.

Увѣрясь по донесеніямъ иностранныхъ судовъ, прибывавшихъ въ Ревель, что шведскій флотъ не въ состояніи будетъ въ скоромъ времени появиться въ Финскомъ заливѣ, а потому воспрепятствовать соединенію съ кронштадтской эскадрой, адмиралъ Чичаговъ рѣшилъ немедленно занять гангутскій постъ, какъ самый важный, и 4-го же мая назначилъ отрядъ, состоявшій изъ 1 корабля, 1 фрегата и 2 катеровъ подъ начальствомъ капитана Тревенена, занимавшаго въ прошлую осень тотъ самый постъ. Адмиралъ предписалъ ему освѣдомиться о состояніи Гангута и не построено ли тамъ укрѣпленій; если встрѣтятся на пути непріятельскія суда, соразмѣрныя его силамъ, то стараться овладѣть ими или отрѣзать ихъ отъ убѣжища, давъ немедленно знать о томъ въ Ревель съ легкимъ судномъ; по обзорѣнн Гангутскаго поста, возвратиться къ Ревелю, для доклада о всемъ найденномъ и рѣшенія вопроса о мѣрахъ, необходимыхъ для занятія поста.

Далѣе, адмиралъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «5-го числа сѣверо-западный тихій вѣтръ, при облачномъ сіяніи, перемѣнился въ сѣверо-восточный. Въ сей день писалъ я письмо къ назначенному начальствовать отряжаемою изъ Кронштадта эскадрю контръ-адмиралу Спиридову. о способахъ, ежели и приближился бы въ Финскій заливъ непріятельскій флотъ и вздумалъ бы воспрепятствовать соединенію обѣихъ эскадръ, какъ безопаснѣе и вѣрнѣе соединиться, назначивъ ему всевозможныя предосторожности.

«6-го числа. Въ сей день полученъ рапортъ отъ штурмана, находящагося въ Балтійскомъ портѣ для наблюденія, что онъ 5-го числа послѣ полудня видѣлъ до пятнадцати большихъ судовъ, лавирующихъ къ сѣверо-западу, которыя сего числа при разсвѣтѣ и отъ насъ были также видны, почему тогда же посланъ отъ меня для осмотра оныхъ одинъ фрегатъ и при ономъ легкій катеръ съ предписаніемъ, дабы тотъ часъ, какъ скоро примѣтитъ, что оныя суда военныя, непріятельскія, далъ знать поднятіемъ сигнала, нарочно для того назначеннаго, а самъ между тѣмъ поспѣшалъ бы къ соединенію съ эскадрою. Буде же увидитъ, что оныя суда купеческія, то дать знать другимъ назначеннымъ также сигналомъ. По отправленіи сего фрегата, на всѣхъ корабляхъ и фрегатахъ Ревельской эскадры чищены были стрѣльбою холостыхъ зарядовъ пушки.

«7-го числа возвратился на рейдъ посланный, для осмотра помянутыхъ видѣнныхъ судовъ, фрегатъ и командиръ онаго рапортовалъ, что, по точному осмотру его, видимыя суда суть купеческія и идутъ въ Санктъ-Петербургъ. Сего же дня полученъ отъ штурмана въ Балтійскомъ портѣ рапортъ, что онъ узналъ отъ пришедшаго въ тотъ портъ датскаго судна шкипера о видѣнномъ подлѣ Борягольма крейсирующемъ російскомъ катерѣ. Съ отошедшимъ въ сей день съ ревельскаго рейда въ Лондонъ англійскаго судна шкиперомъ Робертсономъ писалъ я къ находившемуся въ Копенгагенѣ съ эскадрою вице-адмиралу Козлянинову о выходѣ моемъ съ эскадрою на ревельскую рейду и что ожидаю скорого соединенія съ кронштадтскою эскадрою, требуя при томъ и отъ него увѣдомленія о предприимасмыхъ имъ мѣрахъ къ соединенію со мною, и не имѣетъ ли какихъ въ томъ непреодолимыхъ препонъ, дабы по тому можно было мнѣ располагаться».

8-го мая прибылъ въ Ревель курьеръ отъ императрицы и передалъ адмиралу ея собственноручное письмо. Она писала (5-го мая):

«Василій Яковлевичъ! Вслѣдъ за извѣстіемъ третьяго дня, присланнымъ отъ генерала Каменскаго изъ Молдавіи о весьма удачномъ полскѣ 16 апрѣля, произведенномъ генераломъ-поручикомъ Дерфельденомъ надъ непріятелемъ при Максименахъ на рѣкѣ Серетѣ, гдѣ турки потеряли болѣе четырехъ сотъ

убитыхъ, мы же получили въ плѣнъ дву-бунчужнаго Якубъ-пашу, двухъ Бинбашей и болѣе ста другихъ, да въ добычу пушку и четыре знамя; получила я вчера новое увѣдомленіе, что 20-го того же мѣсяца помянутый генералъ-поручикъ Дерфельденъ на Дунаѣ при Галацѣ одержалъ знатную побѣду, атаковавъ непріателя, въ двухъ укрѣпленіяхъ державшагося, и выбивъ его изъ оныхъ по жестокой, болѣе 3 часовъ продолжавшейся, оборонѣ. Непріатель потерялъ тутъ убитыми до тысячи пяти сотъ чело-вѣкъ. Главнокомандующій симъ корпусомъ Ибрагимъ-паша со множествомъ чиновныхъ и болѣе тысячи другихъ турокъ взяты въ плѣнъ. Весь лагерь, обозъ, артиллерія и знамена намъ въ добычу достались. Потеря съ нашей стороны состоитъ до шестидесяти убитыхъ и до ста раненыхъ. Въ слѣдующее воскресенье принесено будетъ здѣсь, при пушечной пальбѣ, благодареніе Богу, поборнику по справедливости дѣла нашего. Я желаю, чтобы вы то-же и у себя сдѣлали, а при томъ, чтобъ и ревельскому губернатору объ ономъ знать дали. Вамъ доброжелательная Екатерина».

Сообщивъ объ этомъ ревельскому губернатору и отдавъ немедленно приказъ по флоту, было отслужено торжественное молебствіе на адмиральскомъ кораблѣ, съ пушечной стрѣльбой съ судовъ и ревельской крѣпости. Картина была весьма эффектна, но стрѣльба эта могла надѣлать переполохъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ и сбить съ толку наблюдательные пункты, которые, не видя дыму, думали, что происходитъ сраженіе или приближается непріательскій флотъ.

На слѣдующій день повѣялъ тихій восточный вѣтеръ, способный для выхода отряда, назначеннаго для осмотра Гангута, и капитанъ Тревенень ушелъ въ море <sup>1)</sup>. До 15-го числа производились моимъ отцомъ депутатскіе смотры, и никакихъ извѣстій не приходило о появленіи гдѣ-либо шведскаго флота.

«15-го числа», говоритъ мой отецъ въ своемъ дневникѣ, «полученъ отъ штурмана, въ Балтійскомъ портѣ находящагося, рапортъ, что онъ видѣлъ съ возвышенности маяка, съ 3-го по 11-е число сего мая, лавирующихъ къ сторонѣ Гангута 16 судовъ,

---

<sup>1)</sup> Его отрядъ состоялъ изъ: корабля „Родиславъ“, фрегата „Премиславъ“, катера „Летучій“ и пакетбота—„Поспѣшный“ (Морск. архивъ). Л. Ч.

которыя какъ днемъ, такъ и ночью дѣлали иногда пушечныя выстрѣлы. Почему тогда же отправилъ я отрядъ, состоящій изъ 1 корабля, 1 фрегата и 1 катера, подъ начальствомъ флота капитана 2-го ранга Шешукова, какъ для обозрѣнія, не приблизились ли какія военныя, непріятельскія суда, такъ и для захвата могущихъ быть транспортовъ въ Свеаборгъ и для увѣдомленія контръ-адмирала Спиридова, когда выйдетъ съ эскадрою въ море, гдѣ я нахожусь».

Снабженіе флота всѣмъ необходимымъ взяло столько времени, что къ 15 мая далеко еще не была эскадра готова въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ этого же числа адмиралъ писалъ графу Чернышеву: «изъ назначенныхъ коллегіею судовъ, для превращенія въ брандеры, по множеству другихъ нужныхъ работъ, а особливо въ отдѣлкѣ и приготовленіи новыхъ шлюпокъ и барказовъ, также и въ починкѣ старыхъ, въ коихъ настояла крайняя необходимость, никакъ не могли успѣть приготовить не токмо трехъ, но и одного брандера; однакожь, одинъ изъ меньшихъ велѣлъ я приготовить хотя бы по времени имѣть на случай одинъ готовый». Карты Балтійскаго моря и Финскаго залива были присланы въ Ревель лишь 15-го мая, такъ что суда и двинуться не могли безъ нихъ, а ушедшія плавали на память.

«16-го числа, пишетъ мой отецъ, было совершенное безвѣтріе. Пришедшаго наканунѣ сего дня датскаго купческаго судна шкиперъ, по опросу, объявилъ, что онъ, проходя Одесгольмъ, видѣлъ два военные корабля, а штурманъ изъ Балтійскаго Порта рапортомъ меня увѣдомилъ, что онъ слышалъ къ сѣверо-западу пушечную, продолжавшуюся нѣсколько времени, стрѣльбу. Видѣнные шкиперомъ два военные корабля были корабль и фрегатъ, посланные для осмотра Гангута, и слышанная пальба произведена отъ оныхъ для обученія служителей.

«17-го числа пришедшій на ревельскій рейдъ датскаго судна шкиперъ объявилъ, что онъ, проходя Борнгольмъ, видѣлъ крейсирующій російскій катеръ, также, что слышалъ онъ о выходѣ изъ Копенгагена русской и датской эскадръ.

«18-го числа присланы ко мнѣ два катера, одинъ отъ посланнаго въ Гангутъ капитана Тревенена, а другой отъ отправленнаго крейсировать капитана Шешукова съ рапортами, изъ которыхъ

первый увѣдомилъ меня, что онъ, отправясь съ порученными ему судами для осмотра Гангута, на пути къ оному приближался къ шведскимъ шхерамъ, гдѣ никакихъ судовъ не видѣлъ. Между тѣмъ, когда крѣпкій вѣтръ, а послѣ туманное время не позволили ему войти въ Гангутскій заливъ, занимался онъ осмотромъ мимо шедшихъ купеческихъ англійскихъ, голландскихъ и другихъ судовъ, изъ которыхъ одного англійскаго шкиперъ объявилъ, что видѣлъ у Дагерорта 3 военныя крейсирующія судна, которыя казались ему фрегатами, но какой оныя націи, за неподнятіемъ флаговъ, узнать не могъ. Прочихъ же проходившихъ купеческихъ судовъ шкиперы объявили, что они не токмо сихъ 3 фрегатовъ, но и никакихъ военныхъ судовъ въ морѣ не видали, кромѣ на Копенгагенскомъ рейдѣ: 10 русскихъ кораблей, да 12 датскихъ; также, что около Карлскроны стоитъ множество льду. Идущаго изъ Гельсингфорса бременскаго судна шкиперъ объявилъ, что видѣлъ онъ въ гельсингфорской гавани вооружаемыя съ поспѣшностью для выхода въ море до 12 шебекъ, 24 галеры и 2 катера, изъ которыхъ готовы три шебеки, галеры всѣ и катеры хотя и вооружены, но, за неимѣніемъ людей, въ море выйти не могутъ, въ морѣ же онъ никакихъ судовъ и льду не видѣлъ. Изъ находящагося въ Гельсингфорсѣ гарнизона, по словамъ сего шкипера, оставлена самая малая часть, а прочіе всѣ отправлены на границу. 11-го числа вѣтеръ сдѣлался тише и туманъ прояснился, почему, не упуская времени, и вошелъ капитанъ Тревенень въ Гангутскій заливъ, гдѣ увидѣлъ построенныя вновь на островахъ и берегу четыре батареи и при одной домъ. Когда же приблизился онъ къ симъ батареямъ на  $1\frac{1}{4}$  версту, то произведена была изъ оныхъ пушечная ядрами стрѣльба, которою за дальностію вредить не могли, въ то-жъ время прошли подъ батареями 4 шведскія, какъ думаетъ онъ, транспортныя судна. Капитанъ Тревенень, не отвѣтствуя на тѣ выстрѣлы ни одною пушкою, поворотилъ и вышелъ изъ залива. На возвратномъ пути своемъ къ Ревелю, для увѣдомленія меня о видѣнномъ, опрашивалъ онъ также не малое число мимо шедшихъ купеческихъ судовъ, которыхъ шкипера всѣ согласно, что касается до выхода изъ Копенгагена російской и датской эскадръ, показали, что ни одинъ изъ нихъ никакихъ военныхъ судовъ въ морѣ не видѣлъ. Капитанъ Шешуковъ въ рапортѣ своемъ увѣ-

домилъ меня, что онъ подходилъ для обозрѣнія къ шведскимъ шхерамъ и, продолжая путь свой къ Свеаборгу, подошелъ на близкое разстояніе къ Свеаборгской крѣпости, гдѣ видѣлъ за островами, подъ военными шведскими вымпелами, 5 двухъ-мачтовыхъ и одно большой величины трехъ-мачтовое, да не въ дальнемъ разстояніи отъ оныхъ еще нѣсколько мелкихъ судовъ, также идущихъ шхерами отъ Свеаборга къ Поркалауду 4 двухъ-мачтовыхъ судна, изъ коихъ 2 имѣли наклонныя мачты съ косыми большими парусами, каковыя на галерахъ употребляются».

Адмиралъ нѣсколько встревожился донесеніемъ капитана Тревенена объ укрѣпленіи Гангута, такъ какъ занятіе поста этого требовало большихъ силъ и возможной поспѣшности, а кронштадтская эскадра еще не присоединилась къ нему. Донесенія о шведскомъ флотѣ были чрезвычайно сбивчивы, противорѣчивы и, за отбытіемъ крейсеровъ, сдѣлалось рискованно еще отдѣлать суда для занятія Гангута и Поркалауда. Посовѣтовавшись съ капитанами кораблей, онъ рѣшился выждать прибытія кронштадтской эскадры и капитана Тревенена, идущаго въ Ревель <sup>1)</sup>).

18-го мая былъ полученъ адмираломъ рескриптъ императрицы отъ 15-го числа: «Увѣдомившись съ удовольствіемъ, что часть флота нашего, въ Ревелѣ находившаяся, выведена уже на рейду, приказали мы выходящія и на кронштадтскую рейду корабли и фрегаты, какъ скоро они готовы будутъ, отправлять къ вамъ. Между тѣмъ увѣрены мы, что, сообразно данному вамъ наставленію, воспримите мѣры къ занятію Гангутскаго поста. Флотъ непріятельскій, по извѣстіямъ, до сего полученнымъ, еще не выходилъ. Эскадрѣ нашей въ Копенгагенѣ какія вновь даны отъ насъ повелѣнія усмотрите изъ прилагаемой копіи рескрипта нашего къ вице-адмиралу Козлянинову. Гребной флотъ здѣсь вооружается и вскорѣ отправленъ будетъ».

Въ рескриптѣ Козлянинову говорилось: «Увѣдомленія, кои къ намъ доходили о стараніи непріятеля нашего короля шведскаго начать какъ можно ранѣе военныя дѣйствія и, вслѣдствіе того, ранѣе вывести изъ Карлскроны флотъ его, къ чему по

<sup>1)</sup> Укрѣпленія были на островахъ Эльдшеръ и Лерхольмъ, орудій на 50, между которыми видѣлись мортиры. Укрѣпленія были расположены такъ, чтобы прикрывать проходъ для шхерныхъ судовъ отъ Або къ Поркалауду, Свеаборгу и обратно. (Морск. арх.).

разглашеніямъ считали его въ полной готовности, были причиною, что мы данныя вамъ наставленія основали на осторожности... Нынѣ оказывается, что съ одной стороны физическія препятствія, а можетъ и другіе разные недостатки, удержали флотъ шведскій въ портѣ;... по положенію Даніи трудно надѣяться на дальнюю ея дѣятельность въ продолженіе времени; то посему и нужно пользоваться обстоятельствами настоящими на ускореніе выхода вашего и соединеніе съ флотомъ нашимъ. Вслѣдствіе сего соизволяемъ, чтобы, если по извѣстіямъ достовѣрнымъ, флотъ непріятельскій не вышелъ еще въ море, да и не такъ скоро выйдетъ, датскій же дворъ согласится присовокупить къ намъ достаточную эскадру, которая могла бы проводить васъ до сближенія съ флотомъ нашимъ, и въ продолженіи путешествія, буде бы паче чаянія непріятель покусился напасть на васъ, составить общее дѣло, вы отправилися въ путь, вамъ предлагацій, не откладывая ни мало».

Этотъ проектъ, конечно, былъ не исполнимъ, потому что непріятель къ тому времени, избавившись отъ льда, появился бы въ морѣ.

На другой день, т. е. 19-го мая, возвратился въ Ревель капитанъ Тревенень со своимъ отрядомъ и адмиралъ задержалъ у себя петербургскаго курьера, для пересылки съ нимъ донесеній императрицѣ.

По письмамъ графа Чернышева, адмиралъ зналъ, что кронштадтская эскадра была выведена на рейдъ 14-го мая, но о днѣ ея выступленія ничего не говорилось. Заботясь о скорѣйшемъ овладѣніи Гангутомъ, отецъ мой писалъ неоднократно, прося поспѣшить выходомъ эскадры контръ-адмирала Спиридова. Но море вскрылось у Кронштадта очень поздно и, при первой возможности, адмиралъ П. И. Пущинъ <sup>1)</sup> распорядился выводомъ кораблей на рейдъ. Последнему была вполне обязана эта эскадра своимъ существованіемъ, и потому обойти молчаніемъ такого дѣятеля было бы съ нашей стороны несправедливо. П. И. Пущинъ служилъ прежде, въ царствованіе императрицы Елисаветы, въ

---

<sup>1)</sup> Пущинъ — Петръ Ивановичъ (ум. 1812 г.)—произведенъ въ мичманы въ 1748 г., въ адмиралы въ 1790 г., присутствовалъ въ сенатѣ въ 1798 г., уволенъ за болѣзнію отъ службы въ 1802 г. Д. Ч.

галерномъ флотѣ и потому прослылъ специалистомъ этого дѣла. Екатерина сдѣлала его, вслѣдствіе просьбъ графа Чернышева, очень его любившаго, командиромъ галернаго порта, но Пущинъ обладалъ способностями, мало примѣнимыми на подобномъ посту. Прежде всего это былъ неутомимый и безропотный труженикъ, знатокъ по хозяйственной части флота и, во вторыхъ, превосходный подчиненный, превращавшій иногда строгую дисциплину въ подобострастіе. Чернышевъ, не имѣвшій никакихъ познаній въ хозяйствѣ, взвалилъ на него одного весь трудъ, за который врядъ ли взялись бы пятнадцать человекъ, но Пущинъ не остановился предъ этимъ и работалъ день и ночь. вмѣсто того, чтобы назначить Пущину помощниковъ, гр. Чернышевъ даже отобралъ изъ его канцеляріи послѣднихъ писарей, распредѣливъ ихъ по судамъ, и ему приходилось писать собственноручно всѣ бумаги. Чтобы оцѣнить этотъ трудъ, надо знать, что гр. Чернышевъ одинъ присылалъ къ нему по десяти запросовъ и по пятнадцати предписаній въ день, на которые слѣдовало отвѣчать. Сколько, однако, терпѣнія требовалось! Затѣмъ, изъ желанія одному управлять флотомъ, безъ малѣйшаго познанія, графъ Чернышевъ считалъ своимъ долгомъ противорѣчить Пущину, давая наставленія, и иногда совершенно сбивалъ его съ толку. Подобная жизнь дѣлала Пущину раздражительнымъ, упрямымъ, суетливымъ и грубымъ съ подчиненными, но бесспорно онъ былъ добросовѣстнымъ, толковымъ и исполнительнымъ до забвенія самого себя.

Каждый курьеръ, пріѣзжавшій съ письмами императрицы къ адмиралу Чичагову, привозилъ съ собою большія пачки вопросовъ и наставленій гр. Чернышева. Мой отецъ отвѣчалъ послѣднему лишь когда время позволяло, и, повидимому, императрица не всегда сообщала донесенія адмирала вице-президенту, а потому онъ требовалъ, чтобы рапорты писались въ двухъ экземплярахъ. Напримѣръ, гр. Чернышевъ письмомъ отъ 18-го мая за № 34 спрашивалъ: «о какихъ такихъ нашихъ крейсерахъ показываютъ иностранные шкиперы, и зачѣмъ они ходятъ одни въ морѣ?» Поэтому адмиралъ отвѣчалъ ему письмомъ нѣсколько несдержаннымъ и насмѣшливымъ:

«Не безызвѣстно и вамъ, что здѣшняя эскадра уже на рейдѣ и потому военное морское правило требуетъ имѣть и



крейсируюція или развѣзжающія суда, что отъ меня исполнено. О чемъ увѣдомля ваше сіятельство», и т. д.

«21-го числа, говоритъ адмиралъ въ дневникѣ, отъ капитана Шешукова прислано съ конвоемъ при рапортѣ ко мнѣ купеческое судно, прусское, именуемое «Анна-Юліана», взятое по причинѣ, что, идя въ Гельсингфорсъ съ разными съѣстными припасами, уклонялся отъ Шешукова въ шхеры, не имѣя флага, а, по наступленіи вечера, сдѣлалъ фальшивый огонь. Хотя и найдено мною изъ бумагъ сего шкипера, что онъ и судно его точно прусской націи, но, не имѣя права самъ рѣшиться какъ поступить, задержалъ его. Сего же числа пришло на ревелскій рейдъ датское купеческое судно, котораго шкиперъ по опросу объявилъ, что онъ, проходя Балтійское море и Финскій заливъ, нигдѣ никакихъ военныхъ судовъ не видалъ, что російская и датская эскадры вышли на Копенгагенскій рейдъ, и слышала, будто русскій катеръ овладѣлъ шведскимъ подлѣ острова Борнгольма. Имѣя неослабное попеченіе о наблюденіи, дабы нечаянно непріятельскій флотъ не приблизился къ Финскому заливу, пока не соединится кронштадтская часть флота съ ревелскою, послалъ я сего числа для крейсирования къ западу отрядъ, состоящій изъ 1 корабля, 1 фрегата и 1 катера, подъ начальствомъ флота капитана Сиверса, съ достаточнымъ наставленіемъ, въ разсужденіи заблаговременнаго узнанія о приближеніи непріятельскаго флота и скорого увѣдомленія меня о томъ, и осматриванія и опрашиванія идущихъ подъ нейтральнымъ флагомъ судовъ, пресѣченія и захвата непріятельскихъ транспортовъ.

«23-го числа — узнавъ, что отправляется съ ревелскаго рейда въ Копенгагенъ датское судно, именуемое Юпитеръ, писалъ къ вице-адмиралу Козлянинову, настоя о скорѣйшемъ увѣдомленіи меня о предполагаемыхъ имъ средствахъ къ соединенію со мною, тѣмъ паче, что уже кронштадтская эскадра скоро соединится съ ревелскою.

«24-го числа — прибылъ фрегатъ изъ отряда капитана Шешукова съ рапортомъ ко мнѣ, что онъ 22 и 23 сего мая, примѣтя при восточномъ вѣтрѣ идущихъ изъ Гельсингфорса къ западу шхерами между Поркалаудскихъ острововъ 12 непріятельскихъ галеръ, да грузовыхъ — 15 двухъ и одномачтовыхъ судовъ, преслѣдовалъ оныя, входя довольно далеко межъ остро-

вовъ, безпрестанно измѣряя при томъ неизвѣстную по нашимъ картамъ глубину, но, придя, гдѣ уже до десяти сажень оная уменьшилась, не отважился далѣе гнаться, тѣмъ болѣе, что суда тѣ удалились подъ самый берегъ. Капитанъ Шешуковъ донесъ при томъ, что онъ примѣтилъ въ немаломъ числѣ непріятельскія подобныя суда, часто взадъ и впередъ проходящія симъ мѣстомъ. Командиръ фрегата, пришедшаго съ симъ рапортомъ, донесъ, что онъ видѣлъ идущую отъ Кронштадта російскую эскадру».

Дѣйствительно, контръ-адмиралъ Спиридовъ выступилъ изъ Кронштадта 21-го мая, но не успѣлъ онъ дать сигналъ движенія впередъ, какъ выказались недостатки эскадры и начались несчастія. Прежде всего 100 пушечный корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» наѣхалъ на англійское купеческое судно, а два другіе, — «Иезекіилъ» и «Вышеславъ», сѣли на мель. Поднялась суматоха, командиръ порта, Пущинъ, поѣхалъ самъ спасать суда, которыя могли погибнуть, если бы поднялся болѣе сильный вѣтеръ, но сдвинуть ихъ съ мели рѣшительно не могли. Тогда начали ихъ разгружать и эскадра была задержана въ Кронштадтѣ.

25-го мая адмиралъ цѣлый день провелъ въ ожиданіи кронштадтской эскадры, но она не показывалась. Къ вечеру прибылъ курьеръ отъ императрицы съ слѣдующимъ письмомъ отъ 22-го мая:

«Василій Яковлевичъ! Двѣ реляціи ваши о посылкѣ флота капитановъ Тревенена и Шешукова къ Гангуту и къ Свеаборгу мы получили. Эскадра кронштадтская съ вами соединиться не умедлитъ, ибо передовые корабли и фрегаты вчера въ 3-мъ часу пополудни въ путь ихъ отправились. Съ завтрашняго дня начнутъ сажать войска на гребной флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала привца Нассау-Зигена вооруженный. Ожидая частыхъ увѣдомленій отъ васъ о всемъ, что къ знанію вашему примѣчанія достойное дойдетъ, пребываю вамъ благосклонная Екатерина».

Въ ночь на 26-ое мая, наконецъ, прибыла кронштадтская эскадра. Рано утромъ явился къ моему отцу контръ-адмиралъ Спиридовъ и, передавая рапортъ, объяснилъ, что 24-го числа съ нимъ повстрѣчалось англійское судно «Лука», шкиперъ котораго Давидъ Эллио подалъ знаки, прося прислать къ нему шлюпку. Когда это было исполнено, то они увидѣли, что въ шлюпку

спустили какихъ-то четырехъ человекъ и офицеру вручили письмо. Последнее оказалось вице-адмирала Козлянинова на имя адмирала Чичагова, которое теперь передалъ Спиридовъ моему отцу, а люди были русскіе матросы, бѣжавшіе изъ Стокгольма. Одинъ видъ ихъ привелъ уже всѣхъ въ ужасъ. Затѣмъ шкиперъ Эллио уведомилъ офицера, бывшаго на шлюпкѣ, что четыре дня назадъ, проходя въ разстояніи одной нѣмецкой мили отъ Карлскроны, онъ видѣлъ на рейдѣ 14 линейныхъ шведскихъ кораблей, стоящихъ на якорѣ, а около Борнгольма пять шведскихъ же фрегатовъ. О передаваемыхъ Эллио людяхъ онъ показалъ, что, выходясь около Готше-Саида, увидѣлъ ихъ, плывущихъ въ маленькой лодкѣ, и взялъ къ себѣ на судно. Они же сами говорили контръ-адмиралу Спиридову, что были взяты въ прошломъ году въ плѣнъ; одинъ находился матросомъ на «Владиславѣ», другой на фрегатѣ «Ярославцѣ», третій канониромъ на кораблѣ «Владиславъ», а четвертый—крестьянинъ, служившій матросомъ на купеческомъ русскомъ суднѣ, называемомъ «Анна-Катерина»<sup>1)</sup>. Всѣ они накачунѣ дня св. Николая ушли изъ Стокгольма и, побродивъ нѣсколько времени по берегамъ моря, нашли лодку, на которой и отиравились, съ намѣреніемъ пробраться на островъ Эзелъ, но вмѣсто того попали на Готше-Сандъ. Уѣхавъ и отсюда, они встрѣтили англійское судно, на которое и были приняты. Контръ-адмиралъ Спиридовъ привезъ ихъ съ собою. Оба матроса были такъ исхудавши и слабы, что мой отецъ приказалъ ихъ помѣстить въ больницѣ, а крестьянина и канонира—велѣлъ отправить въ Петербургъ. Вице-адмиралъ Козляниновъ въ рапортѣ доносилъ, что отправленный изъ его эскадры на катерѣ «Меркурій» капитанъ Краунъ 29-го апрѣля сразился съ непріятельскимъ военнымъ катеромъ между о. Борнгольмомъ и Карлскроной и овладѣлъ имъ. Тотъ же Краунъ прислалъ въ эскадру извѣстіе, отобранное отъ плѣнныхъ, что непріятельскій флотъ совсѣмъ готовъ къ выходу изъ Карлскроны и состоитъ изъ 20 линейныхъ кораблей. По мнѣнію Крауна, надо считать флотъ уже вышедшимъ, потому что слышится съ

<sup>1)</sup> Фамиліи ихъ въ томъ же порядкѣ: Иванъ Меньшой, Карлъ Ермолинъ, Сильвестръ Вахрушевъ, Василій Оксовъ. (См. Морск. арх., рапортъ В. Я. Чичагова, отъ 26-го мая, въ коллегію). Л. Ч.

той стороны пальба, а вице-адмиралъ Козляниновъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ датскаго министерства, считаетъ непріятельскій флотъ не болѣе какъ въ 17 линейныхъ кораблей и 5 большихъ фрегатовъ. Что заключалось въ шифрованномъ письмѣ Козлянинова, за неимѣніемъ еще во флотѣ лица, умѣющаго читать съ ключемъ, адмиралъ Чичаговъ не разобралъ и въ подлинникѣ переслалъ его въ Петербургъ, прося послѣшить присылкою назначеннаго для этой цѣли надворнаго совѣтника Картвеліана.

«Сегодня, пишетъ адмиралъ 26-го числа въ дневникѣ, отправленъ обратно пришедшій изъ отряда капитана Шешукова фрегатъ, съ предписаніемъ употреблять для посылокъ ко мнѣ малые приданные ему катеры, а съ фрегатомъ стараться тѣснить и, буде можно, перехватывать непріятельскія, шатающіяся въ шхерахъ, суда».

Казалось бы, что желаніе адмирала Чичагова сбылось и насталъ моментъ дѣйствовать, но, по принятіи доклада контръ-адмирала Спиридова и по осмотрѣ эскадры, мой отецъ былъ неожиданно пораженъ ея состояніемъ, тѣмъ безпорядкомъ, который нашелъ на корабляхъ, и неготовностью ихъ къ выступленію. Въмѣсто отправки отряда къ Гангуту, пришлось энергично взяться за работу мирнаго времени. Силы ревальской эскадры потребовались для приведенія въ должный видъ прибывшихъ судовъ изъ Кронштадта. Вотъ что писалъ адмиралъ въ своемъ дневникѣ:

«27 и 28-го мая. Вѣтеръ крѣпкій. Оба дня я занимался по поданнымъ ко мнѣ рапортамъ отъ пришедшихъ въ кронштадтской эскадрѣ командировъ кораблей, уравниваніемъ на обѣихъ эскадрахъ старо-служащихъ матросовъ, тѣмъ паче, что большая часть изъ оныхъ кораблей наполнены были одними почти рекрутами, непривычными еще къ морю, а слѣдовательно и менѣе надежными для дѣла съ непріателемъ, послѣшая при томъ какъ наискорѣе раздѣлить по кораблямъ и тѣ провизіи, которыя взяты были изъ Кронштадта на транспортныхъ судахъ, не успѣвъ за скоростижнымъ отправленіемъ взять оныя на корабли, которые, по тому же торопливому отбытію, не успѣли взять не токмо вещей, нѣкоторыхъ нужныхъ въ запасъ къ корабельнымъ снастямъ, но и настоящаго комплекта оныхъ, а потому и сдѣлалъ я предписаніе ревальской конторѣ немедленно

снабдить всѣмъ потребнымъ и необходимымъ, дабы въ самой скорости быть въ исправной готовности къ выступленію въ путь».

Такимъ образомъ неожиданно 28-го числа ревальская эскадра, совершенно готовая къ бою, превратилась въ снова снаряжаемую. Офицеры, командиры и люди однихъ кораблей перебирались со своимъ имуществомъ на другіе, транспортныя суда разгружались; изъ ревальскихъ складовъ везли снасти; паруса, и явились въ эти дни непріятельскій флотъ—мы-бы не могли выйти ему на встрѣчу. Водворить всѣхъ на новомъ мѣстѣ жительства было недостаточно; рекрута, сдѣлавшіе первый переѣздъ по морю изъ Кронштадта въ Ревель и заболѣвшіе большею частью отъ качки, не имѣли понятія о службѣ на судахъ. Слѣдовательно, ранѣе нѣсколькихъ недѣль обученія, трудно было надѣяться на возможность выступить со всѣмъ флотомъ изъ Ревеля. Можно себѣ представить въ какомъ состояніи находился мой отецъ, боясь за каждую минуту дня, что появится шведскій флотъ и что, наконецъ, императрица, не вѣдущая объ истинномъ состояніи ея флота, потребуеъ отъ него скорѣйшаго выхода въ море, для соединенія съ копенгагенской эскадрой. Вся отвѣтственность лежала на немъ, а въ виду боязни двора и жителей Петербурга за участь столицы, нельзя было открыть правды. Надо было жертвовать своей репутаціей, именемъ и всѣмъ, что есть дорогаго, для пользы родины, возложить надежды на Бога и молчать. Могъ ли это вытерпѣть какой-нибудь наемный иностранецъ, не правы-ли мы были, говоря, что во главѣ нашего флота долженъ былъ стоять русскій?

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что адмираломъ было задержано прусское купеческое судно, захваченное капитаномъ Шешуковымъ, до полученія инструкцій изъ Петербурга. 28-го мая, наконецъ, моему отцу вручили рескриптъ императрицы по этому поводу.

«Предписавъ, говорилось въ немъ, въ данномъ вамъ наставленіи, по пункту употребленія арматеровъ, держаться правилъ нейтральныхъ, отъ насъ издаваемыхъ, и торжественными договорами, съ разными державами утвержденныхъ, находимъ за нужное, чтобы вы, при посылкѣ для крейсированія и поисковъ, начальникамъ отрядовъ подтверждали о соблюденіи во всей точности тѣхъ правилъ. Сообразно сему, соизволяемъ, чтобы вы

задержанное судно прусское отпустили со все́мъ его грузомъ, куда оно ни пожелаетъ отправиться, хотя бы и въ непріятельскій портъ, тѣмъ болѣе, что на немъ нѣтъ никакой воинской контрабанды, заплатя за простой безобидно, по усмотрѣнію вашему; но при томъ хозяину или шкиперу онаго приказали изъяснить, что взятыю и приводу его къ флоту нашему онъ самъ причиною, не имѣвъ на суднѣ своемъ флага нейтральнаго и употребивъ фальшивый огонь. Командиру ревелскаго порта прикажите, если бы и впредь, за дальнимъ вашимъ отсутствіемъ, случилось, что крейсера или арматеры наши привели какое-либо судно въ тотъ портъ, поступать съ нейтральными по точности правилъ, о свободѣ ихъ торговли и мореплаванія изданныхъ».

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней прибылъ ко флоту назначенный отъ иностранной коллегіи для разбора шифрованныхъ писемъ Е. Картвелинъ. Адмиралъ тотчасъ поручилъ ему заняться письмомъ вице-адмирала Козлянинова, по открытіе его было настолько неожиданно, что мой отецъ написалъ о томъ графу Безбородко. Въ чемъ оно заключалось, мы узнаемъ изъ этого письма:

«Я имѣлъ честь препроводить къ вашему сіятельству въ оригиналъ письмо, писанное ко мнѣ въ шифрахъ, отъ г. вице-адмирала Козлянинова, коего не могъ разобрать по причинѣ непрібытія ко мнѣ назначенныхъ отъ иностранной коллегіи для шифрованія чиновъ; нынѣ же пріѣхавшій сюда г. Картвелинъ нашель, что доставленные ко мнѣ шифры французскій и русскій суть оба составленные изъ четверныхъ цифирей, а письмо написано изъ смѣшанныхъ двойныхъ, тройныхъ и четверныхъ, изъ чего и заключилъ, что оное письмо шифровано было по какому-нибудь особливому ключу. А какъ случиться можетъ получать мнѣ таковыя письма и впредь, то я покорно ваше сіятельство прошу привести меня въ такое состояніе, чтобы не нашелся я болѣе въ затрудненіи ихъ разбирать».

Въ добавокъ ко все́мъ затрудненіямъ присоединилось еще это. Цѣлый май мѣсяцъ прошелъ безъ полученія какихъ-либо свѣдѣній отъ вице-адмирала Козлянинова, за исключеніемъ приведеннаго выше рапорта, и адмиралъ Чичаговъ находился въ невѣдѣніи о состояніи непріятельскаго флота, зимовавшаго въ Карлскронѣ. Теперь насущнѣйшимъ вопросомъ было — соеди-

ниться съ копенгагенской эскадрой. Если вѣрить свѣдѣніямъ, добытымъ капитаномъ Крауномъ, шведскій флотъ состоялъ изъ 20 кораблей, а, слѣдовательно, требовалось столько же и съ нашей стороны, для противодѣйствія ему и для благополучнаго соединенія двухъ эскадръ. Разъясненія были крайне необходимы <sup>1)</sup> и потому адмиралъ написалъ, 29-го мая, письмо къ гр. Безбородко, слѣдующаго содержанія:

«Въ данномъ мнѣ высочайшемъ рескриптѣ, между прочимъ, повелѣно, чтобы, по соединеніи кроишадтскихъ кораблей съ ревелскими, оставя три корабля съ нѣсколькими судами для охраненія Гангута, слѣдовать далѣе. Но какъ ваше сіятельство сдѣлало мнѣ честь, сообщивъ объ увѣдомленіи вице-адмирала Козлянинова и въ разсужденіи силъ непріятеля, то и нужно, кажется, потому взять предосторожность въ соразмѣрѣ и нашихъ силъ противъ него. А потому, буде флотъ, предводительствуемый мною, долженъ будетъ отправиться въ море въ числѣ 20 кораблей, то останутся здѣшнія мѣста открытыми для свободаго не только шхерами, но и самымъ моремъ подвоза всякихъ для непріятеля надобностей, чему воспрепятствовать нѣтъ другаго способу, какъ оставить крейсеровъ предъ Гангутомъ и Свеаборгомъ, хотя на первый случай два корабля и два фрегата, придавъ къ тому 2 или 3 изъ мелкихъ судовъ, и тогда соразмѣрность наша на случай особеннаго дѣйствія съ непріятелемъ чувствительно уменьшится. Будучи почти (?) со всѣмъ въ готовности пуститься въ повелѣнный мнѣ путь и не зная поспѣютъ-ли сюда скоро къ усиленію нашему тѣ корабля, о которыхъ ваше сіятельство писать изволите, крайне нужно мнѣ получить вскорѣ рѣшительное повелѣніе оставлять-ли здѣсь помянутое число крейсеровъ или со всѣми кораблями, кои нынѣ въ соединеніи, слѣдовать куда повелѣно? Да и нѣтъ-ли чего такого въ посланномъ отъ меня къ вашему сіятельству цифирномъ вице-адмирала Козлянинова письмѣ, чтобы требовало поспѣшенія моего къ тамошнимъ мѣстамъ? Почему покорнѣйше прошу пожаловать доложить о семъ

<sup>1)</sup> Храповицкій свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ 31-го мая (1789 г.) (стр. 286), что, по извѣстію отъ корабельщика, бывшаго въ Барскровѣ 14 дней тому назадъ, выведено на рейдъ 16 кораблей и 14 фрегатомъ.

ея императорскому величеству и меня снабдить высочайшимъ указомъ».

Того-же числа записано въ дневникѣ адмирала: «присланъ отъ начальствующаго крейсирующимъ къ западу отрядомъ капитана Сиверса рапортъ ко мнѣ, въ которомъ увѣдомилъ меня, что узналъ онъ отъ мимошедшихъ купеческихъ судовъ о крейсирующемъ у Борнгольма одномъ шведскомъ кораблѣ и 3 фрегатовъ, да 1 катерѣ, а прочіе видѣли оныя у Эланды».

«30-го числа отправилъ я крейсировать на мѣстѣ, назначенномъ предъ симъ отряду, подъ начальствомъ капитана Шешукова, на смѣну оному другой отрядъ того же состава, подъ командою капитана Хомутова. 31-го числа возвратился изъ крейсерства Шешуковъ. Всѣ дни производилъ ученіе рекрутамъ; многіе офицеры не лучше ихъ. Пора выступать, а не всѣ работы кончены».

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---



## Алексѣй Михайловичъ Петровъ.

Замѣтка къ статьѣ „Петръ Кононовичъ Меньковъ“ („Русская Старина“, мартъ, 1888 г.).

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1888 г., книга мартъ, въ весьма интересной статьѣ «П. К. Меньковъ», между прочимъ, упоминается о перепискѣ Менькова съ Алексѣемъ Михайловичемъ Петровымъ, имѣвшей для Менькова весьма неприятныя послѣдствія.

Этотъ Петровъ умеръ въ 1887 г. и, по своему, принадлежалъ къ личностямъ, достойнымъ вниманія.

Покойный былъ уроженецъ города Стародуба, Черниговской губерніи, и принадлежалъ къ зажиточной дворянской семьѣ; въ 1846 г. онъ былъ студентомъ университета св. Владиміра (въ Кіевѣ) и принималъ участіе въ такъ называемомъ «Кирилло-меодіевскомъ обществѣ». Во главѣ этого общества, какъ извѣстно, стояли Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и др. Извѣстно, какія именно причины заставили А. М. Петрова сдѣлать доносъ (объ этомъ обществѣ, но печальныя послѣдствія этого доноса всѣмъ извѣстны. Шевченко, напримѣръ, благодаря доносу, весьма долго содержался въ крѣпости, а затѣмъ былъ въ солдатахъ.

Понятно, что послѣ этого дѣла Петрову невозможно было оставаться въ Кіевѣ, среди студентовъ-товарищей, между которыми имя Шевченко было слишкомъ извѣстно; а потому, по предоставленіи, безъ экзамена, званія дѣйствительнаго студента, Петрова вытребовали въ Петербургъ и, соотвѣтственно его способностямъ (подлинное выраженіе), опредѣлили чиновникомъ 3 отдѣленія собственной его величества канцеляріи; къ этому времени, очевидно, относится его переписка съ Меньковымъ. Въ 3 отдѣленіи покойный служилъ очень недолго: по обвиненію въ похищеніи у Л. В. Дубельта <sup>1)</sup> какихъ-то документовъ, онъ былъ сосланъ въ Олонецкую губернію. Вѣроятно, при производствѣ этого дѣла и обнаружена была переписка съ П. К. Меньковымъ.

Лишь въ 1870-хъ годахъ Петрову удалось возвратиться на родину; здѣсь онъ сначала занимался частною адвокатурою, а въ послѣднее время крайне бѣдствовалъ, добывая скудные средства къ жизни уроками музыки.

Покойный Петровъ былъ человекъ способный, образованный и начитанный и въ послѣднее время своей жизни велъ себя прилично и скромно; но прошлое, разумѣется, не могло быть ему забыто.

Послѣ Петрова остались записки.

У.

<sup>1)</sup> Объ этомъ эпизодѣ въ жизни очевиднаго маньяка-доносчика А. М. Петрова см. подробности въ біографіи Л. В. Дубельта, каковая статья будетъ помѣщена въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

## ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

### VII <sup>1)</sup>.

По возвращеніи изъ Петербурга отца.

Нерадостныя вѣсти получали мы все это время отъ отца. Онъ благополучно добрался до Петербурга, былъ хорошо принятъ опекунами малолѣтняго графа, но скоро ощутилъ на себѣ пагубное вліяніе сѣвернаго влімата. Онъ началъ хворать, долго крѣпился, наконецъ, написалъ матушкѣ, что у него одна надежда на облегченіе — поскорѣй вернуться на родину, домой.

Въ половинѣ сентября у нашей хаты остановилась кибитка со всѣми признаками дальняго пути. Въ ней лежалъ отецъ, до того изнуренный, что его на рукахъ внесли въ горницу. Мать бросилась къ нему, рыдая, въ увѣренности, что ей предстоитъ только закрыть ему глаза. Но такова живительная сила роднаго воздуха, что недѣлю спустя отецъ уже поднялся съ постели, а скоро и совсѣмъ всталъ на ноги. Но полное здоровье къ нему уже болѣе не возвращалось. У него на рукахъ и ногахъ появились раны, которыя то заживали, то опять отрывались, и онъ долженъ былъ постоянно за собой наблюдать. Онъ самъ себя лечилъ. У него была куча выписокъ изъ медицинскихъ книгъ и разнаго рода замѣтокъ, извлеченныхъ изъ своего и чужаго опыта. Пользуясь ими, онъ составлялъ леварства, не хуже провинціальныхъ аптекарей, большею частью изъ травъ и кореньевъ.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 305—341.

Такимъ образомъ, у него образовалась довольно полная домашняя аптечка для своихъ и чужихъ нуждъ. Онъ никому не отказывалъ въ пособіи и совѣты его — всегда даровые — нерѣдко оказывались спасительными въ несложныхъ деревенскихъ болѣзняхъ.

Матеріальное положеніе отца мало улучшилось. Но онъ достигъ въ Петербургѣ главнаго, чего желалъ — полного оправданія. Наведенныя справки о немъ подтвердили его собственныя показанія. Одинъ изъ опекуновъ, сенаторъ Алексѣевъ, принялъ теплое участіе въ его судьбѣ. Онъ благосклонно выслушалъ объясненія отца, не разъ запросто и откровенно говорилъ съ нимъ и въ заключеніе предложилъ ему остаться въ Петербургѣ, гдѣ обѣщался его устроить. Это, конечно, могло бы перемѣнить судьбу и отца, и всѣхъ насъ, но плохое здоровье увлекло его обратно на родину. Однако, ему, съ помощью того же сенатора, удалось выхлопотать себѣ полную независимость отъ вотчинныхъ властей и право жить, гдѣ пожелаетъ. Ему опостылѣло мѣсто, гдѣ онъ испыталъ столько обидъ, и онъ задумалъ переселиться куда-нибудь, въ среду такихъ малороссіянъ, которыхъ еще не коснулась московская цивилизація. Пребываніе въ Петербургѣ принесло ему еще и другое удовлетвореніе. Тяжба за мельницу была рѣшена въ его пользу: товарищей его по арендѣ приговорили выплатить ему всѣ убытки и протори въ размѣрѣ, какой онъ самъ назначить. Все вмѣстѣ составляло довольно крупную сумму. Но компаньоны отца, хотя всѣ люди состоятельные, съумѣли такъ разжалобить его, что онъ согласился помириться всего на четырехстахъ рубляхъ ассигнаціями.

Отцу посовѣтовали пустить эти деньги въ оборотъ. Рѣшено было откупить сѣнные покосы, съ тѣмъ, чтобы потомъ съ выгодною перепродавать скошенную траву. Къ несчастію, отецъ, мало знакомый съ торговыми оборотами, ввѣрился одному ловкому промышленнику, который оказался перростатейнымъ плутомъ. Въ заключеніе всѣ деньги перешли въ карманъ компаньона, а у отца осталось на рукахъ нѣсколько, раскиданныхъ по разнымъ лугамъ, копенъ перегнившей травы.

Но, неудачное въ матеріальномъ отношеніи, предпріятіе это имѣло и свою хорошую сторону. Оно служило поводомъ къ восхитительнымъ поѣздкамъ по хуторамъ и полямъ, гдѣ мы часто

ночевали подъ открытымъ небомъ, на только что скошенной ароматической травѣ.

Ночлеги эти оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Никакое перо не въ силахъ передать очарованія мирныхъ степныхъ сценъ, зрителемъ которыхъ я тогда былъ. Все вокругъ дышало изящной простотой и было полно неуловимой прелести, которую я ощущалъ всѣмъ существомъ. Стрелотаніе кузнечика въ душистой травѣ, шелестъ крыльевъ пролетающей въ вечернемъ сумракѣ птицы, однообразный крикъ перепела, зарево отъ разложенныхъ косарями костровъ, трепеть звѣздъ въ прозрачной выси и въ заключеніе постепенное замираніе звуковъ, сливающихся въ торжественное безмолвіе теплой, южной ночи—все это неотразимо дѣйствовало на мое отроческое сердце. Какъ сладко засыпалъ я при тихомъ сіяніи звѣздъ! Какимъ свѣжимъ, бодрымъ просыпался съ первыми лучами солнца, не скрытаго ни стѣнами, ни занавѣсками, но бившаго прямо въ лицо!

Отецъ, какъ я уже говорилъ, очень любилъ охоту. Онъ привезъ изъ Петербурга англійское ружье съ охотничьимъ приборомъ и лягавую собаку. Никогда не бывалъ онъ такъ въ духѣ, даже весель, какъ преслѣдуя въ лѣсу голубей или дикихъ утокъ вдоль рѣки и по озерамъ, гдѣ они во множествѣ гнѣзятся въ камышахъ. Тутъ доставалось и грабителямъ нашихъ вишневыхъ садовъ, шпакамъ или скворцамъ, вкусное мясо которыхъ мы высоко цѣнили. Въ охотничью пору у насъ за столомъ не переводилось жаркое, борщъ и кулишъ изъ настрѣлянной отцомъ дичи, и это служило большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ матери.

Я почти всегда участвовалъ въ походахъ отца на воды и лѣса. Случалось, что мы далеко забирались въ степь, для охоты за дрофами и страпаками. Утомленные продолжительной ходьбой, мы заходили на первую попавшуюся пасѣку или бакчу, садились возлѣ дѣда (сторожъ) въ его куренѣ (шалашѣ), вынимали изъ котомки провизію и всѣ вмѣстѣ утоляли голодь. Дѣдъ дополнялъ нашу трапезу или сотомъ меду, или, какъ жаръ горящими, спѣлыми дынями и арбузами.

Я блаженствовалъ во время этихъ походовъ, хотя роль моя при томъ была не изъ легкихъ. Мнѣ приходилось изображать вьючнаго осла: столько было у меня на плечахъ и въ рукахъ

настрѣлянной птицы и всякаго рода поклажи. Иногда намъ случалось переходить сжатое поле. Тутъ крѣпко доставалось моимъ босымъ ногамъ, которыя до крови царапались о колючіе остатки отъ сжатыхъ колосевъ. Но все это были мелочи, въ сравненіи съ удовольствіемъ, какое я испытывалъ, вмѣстѣ съ Валеткой, бѣгая послѣ выстрѣловъ подбирать убитыхъ шпаконъ или ловить въ осокѣ подстрѣленныхъ утокъ.

Нерѣдко застигала насъ гроза. Въ воздухѣ душно, ни звука, ни движенія. Кипучая жизнь уступаетъ мѣсто томительной истомѣ: природа въ напряженномъ ожиданіи. Съ краю горизонта медленно ползетъ сизая туча. Она растетъ, влубится, расплывается по небосклону. По ней шныряютъ изогнутыя стрѣлы молній— все ближе, все ярче. Глухой ропотъ грома становится сильнѣе, отрывистѣе—и вдругъ надъ головой оглушительный трескъ, непрерывное, ослѣпительное миганье точно разверзающихся небесъ. На насъ льютъ потоки дождя: за ливнемъ не видно окрестности. Вамъ и жутко и весело....

Но мы предвидѣли грозу и заранѣе нашли себѣ пріютъ въ шалашѣ пасѣчника. А какая благодать послѣ грозы! Что за свѣжесть и чистота воздуха! Какъ благоухаютъ лѣсъ и поля! Трава, листья сіяютъ обновленной зеленью. Опять трещитъ кузнечикъ и порхаетъ бабочка, опять щебечутъ птицы: вы точно переживаете новую весну. Вѣчно глядѣлъ бы и не наглядѣлся на эту чудную картину—слушалъ бы и не наслушался этихъ звуковъ безъ словъ, но полныхъ радостной жизни!

Возвращаюсь къ поѣздкамъ по сѣнокоснымъ лугамъ. Одна изъ нихъ чуть не стоила мнѣ жизни. Отецъ обзавелся бойкой лошадкой, на которой и разъѣзжалъ въ таратайкѣ. Мы ѣхали вдвоемъ. Мнѣ страсть хотѣлось сѣсть на передокъ и править лошадыю. Отецъ, обыкновенно неподатливый на мои желанія, на этотъ разъ, какъ нарочно, оказался сговорчивымъ. Онъ передалъ мнѣ возжи и я, къ моей неописанной радости, очутился на передкѣ. Недавно шелъ дождь и смоченный передокъ былъ очень скользокъ. Погоняя лошады, я какъ-то съ него соскользнулъ и мгновенно, вмѣстѣ съ возжами, очутился подъ таратайкой. Лошадь была молодая и горячая. Почувявъ что-то неладное, она бросилась въ сторону и стрѣлой понеслась по полю. Отецъ обмеръ отъ ужаса. Онъ слышалъ мой крикъ, но не ви-

дѣлъ меня. Я платьемъ зацѣпился за деревянный шкворень повозки и меня влачило по землѣ. Остановить лошадь было нечѣмъ: я съ перепугу вѣрѣею ухватился за возжи и не выпускалъ ихъ изъ рукъ. Къ счастью, испуганное животное ограничилось бѣгомъ и не билось копытами: иначе мнѣ бы не сдобровать. Наконецъ, сильный толчекъ стряхнулъ меня на землю; шкворень лопнулъ; лошадь пробѣжала еще съ полверсты уже съ однѣми оглоблями и сама стала. Обезумѣвшій отъ страха за меня, отецъ выскочилъ изъ таратайки, въ увѣренности, что подниметъ только мой трупъ, но увидѣлъ меня уже на ногахъ, почти невредимаго, хотя сильно испуганнаго. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и долго ощупывалъ меня, съ цѣлью удостовѣриться, что я, дѣйствительно, цѣлъ. Ни одинъ изъ моихъ членовъ не пострадалъ, только на лѣвой щекѣ оказался разрѣзъ и на лѣвой же ногѣ сильная ссадина отъ удара о камень. Кое-какъ смастерили мы новый шкворень, соединили съ таратайкой оглобли и переднюю ось и уже шагомъ доплелись до сосѣдняго хутора, гдѣ нашли отдыхъ и радушный пріемъ.

Окрестные хуторяне, вообще, очень любили моего отца. Они не забывали, что онъ пострадалъ, отстаивая ихъ права и интересы. Изъ нихъ мнѣ, особенно, памятенъ одинъ почтенный старикъ, по прозванью Громовой, жившій на хуторѣ „Кривая береза“. У него была масса сыновей, дочерей, внуковъ и правнуковъ, вращаясь среди которыхъ онъ имѣлъ видъ настоящаго патріарха. Кроткій и нѣсколько важный въ обращеніи, онъ пользовался уваженіемъ своего многочисленнаго семейства, которое чтило въ немъ своего главу и не выходило у него изъ повиновенія. Сыновья его были всѣ грамотные. Одинъ служилъ въ военной службѣ и уже имѣлъ чинъ унтеръ-офицера. Другой готовился тоже въ солдаты и учился у моего отца. Громовой былъ богатъ. Онъ владѣлъ стадами коровъ и овецъ, двумя вѣтряными мельницами, пасѣвой и обширнымъ садомъ. Мы съ отцомъ часто проводили у него цѣлые дни. Онъ принималъ и угощалъ насъ, какъ близкихъ, дорогихъ друзей, и на прощанье еще всегда нагружалъ нашу таратайку всевозможными продуктами своихъ полей, сада и пасѣки.

Неудавшаяся операція съ сѣномъ опять оставила моихъ родителей безъ средствъ. У нихъ теперь не было ни дома, ни

земли, никакихъ орудій для добыванія хлѣба физическимъ трудомъ. Отецъ искалъ должности управителя имѣніемъ илистряпчаго по тяжбынымъ дѣламъ: онъ превосходно зналъ законы. Но должность не отыскалась. Пришлось снова промышлять учительствомъ. Любознательные малороссіяне и на этотъ разъ не оставили его безъ учениковъ. И вотъ дни наши потекли прежнею чередою, въ непрерывныхъ занятіяхъ и въ борьбѣ съ нуждою.

У моей бѣдной матери скоро открылся и еще новый источникъ огорченій. Романическій, тревожный духъ отца, замкнутый въ слишкомъ тѣсной сферѣ, бился, какъ птица въ клеткѣ. Онъ постоянно куда-то рвался, чего-то искалъ и, не находя желаемого, падалъ духомъ и дѣлался жертвою сильнаго раздраженія. Пылкая натура увлекала его за предѣлы домашняго очага и когда представлялось искушеніе на сторонѣ, онъ не былъ въ силахъ противостоять ему.

Случай сблизилъ его съ одною молодою вдовою, нашею со-сѣдкою по хутору. Это была поразительная красавица южнаго типа, съ продолговатымъ, золотисто-смуглымъ лицомъ, съ волосами, какъ вороново крыло, и глазами, въ полномъ смыслѣ слова, „ясными, какъ день, и мрачными, какъ ночь“. Непонятно, какъ она могла родиться въ нашемъ краю: ей слѣдовало бы быть уроженкою дальняго юга, Андалузій. Она провела два года въ Петербургѣ и въ Москвѣ и приобрѣла тамъ нѣкоторую утонченность, отчего красота ея и природная грація еще возвысились.

Здоровье мужа ея было сильно разстроено и онъ обратился за совѣтомъ къ моему отцу. Тотъ сразу увидѣлъ, что больному нѣтъ спасенія—онъ страдалъ чахоткою, но чтобы не смущать преждевременно, сталъ навѣщать его и пить какой-то травой. Разъ какъ-то онъ и меня взялъ съ собой. Оказалось, что мы пріѣхали принять послѣдній вздохъ больнаго. Тутъ я въ первый разъ лицомъ къ лицу встрѣтился со смертію и мрачный образъ ея произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе. Умирающаго окружали священникъ, отецъ мой и еще какія-то лица. Жена рыдала, склонясь къ его изголовью. Я стоялъ въ углу комнаты и со страхомъ и любопытствомъ наблюдалъ за тѣмъ, что происходило. Больной только что исповѣдался и

пріобщился. Онъ дышалъ тяжело и прерывисто, долго усиливался говорить и не могъ. Наконецъ, обратясь къ священнику, произнесъ:

— „Не надо ли еще чего исполнить?“

Это усиліе было послѣднимъ: глаза его закрылись, онъ пересталъ дышать.

— „Все кончено“, сказалъ отецъ, „вотъ и философія!“ На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ особенное удареніе: священникъ былъ умный и ученый и отецъ съ нимъ часто разсуждалъ и спорилъ о философскихъ предметахъ. Во всей этой сценѣ меня всего больше поразило спокойствіе умирающаго. Смерть, такимъ образомъ, представилась мнѣ, на первый случай, не столько въ ужасающемъ, сколько въ торжественномъ видѣ.

Отецъ и по смерти мужа продолжалъ навѣщать красавицу-вдову, которая постепенно привыкла видѣть въ немъ единственнаго друга. Между ними произошло сближеніе, долго бывшее отравой жизни моей матери. Но она великодушно скрыла въ сердцѣ печаль, ни жалобами, ни упреками не смущая и безъ того удрученной души своего мужа. Она страдала, по обыкновенію, тихо, безропотно, лица утѣшенія въ исполненіи обязанностей.

Я, тѣмъ временемъ, росъ безъ особыхъ событій въ моей личной жизни, подвергаясь лишь тѣмъ случайностямъ, какія неизбежны въ бѣдномъ быту, гдѣ не до того, чтобы правильно и систематически заниматься развитіемъ дѣтей. Тутъ не было и тѣни воспитанія, а было одно произрастаніе, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Что совершалось во мнѣ, то совершалось само собой, безъ постороннихъ усилій и вмѣшательства. Я росъ, какъ растетъ въ лѣсу молодое деревцо: выдадутся теплые, ясные дни—и оно пускаетъ ростки, зеленѣетъ; наступаетъ морозъ—и листья блекнутъ, свертываются, а готовый распусться цвѣтъ опадаетъ.

О нравственности моей, правда, до нѣкоторой степени заботилась мать и я, конечно, ей обязанъ первыми понятіями о чести и долгѣ. Но главнымъ образомъ я былъ предоставленъ самому себѣ и все больше и больше сосредоточивался. При непріятныхъ съ кѣмъ-либо столкновеніяхъ я всегда спѣшилъ уйти въ сторону: убѣгалъ въ сарай и, зарывшись въ сѣно, переживалъ тамъ свое огорченіе, затѣмъ принимался строить самыя



невѣроятныя воздушныя замки. Шумныя игры дѣтей, вообще, мало меня привлекали: я, въ толпѣ другихъ мальчиковъ, чувствовалъ себя неловкимъ и затеряннымъ. Но съ глазу на глазъ съ избраннымъ товарищемъ я бывалъ живъ, веселъ, изобрѣтателенъ.

Видя мою жадность въ чтенію, отецъ сталъ засаживать меня за серьезныя книги. Но интересъ въ читаемому, въ такихъ случаяхъ, быстро улетучивался. Книги были, большею частью, сухіе учебники, иногда превосходившіе мое пониманіе. Сунуть мнѣ, напримѣръ, въ руки русскую исторію въ изданіи для народныхъ училищъ:— „Читай!“—скажутъ:— „это полезнѣе тѣхъ-то и тѣхъ-то пустыхъ книгъ и лучше бѣганья по двору“.

Я сижу и читаю о полявахъ, древланахъ, кривичахъ, вятичахъ.... Меня поражаетъ странность именъ. Перевертываю листы: тамъ перечислены битвы, рѣжутся князья.... Но мысль моя уже давно свободной птицей летаетъ въ заколдованномъ царствѣ, гдѣ я самъ полновластный хозяинъ и царь.

## VIII.

### Новое мѣсто, новыя лица.

Долго ждалъ отецъ; наконецъ, дождался желаемого мѣста. Въ Богучарскомъ уѣздѣ жила богатая помѣщица, владѣтельница двухъ тысячъ душъ, Марья Федоровна Бедряга. Она предложила отцу должность управляющаго въ своемъ имѣніи, гдѣ и сама пребывала. Условія были выгодныя, особенно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ нашей семьѣ: тысяча рублей жалованья при полномъ содержаніи. Мы быстро собрались въ дорогу и выѣхали изъ Алексѣевки лѣтомъ 1811 года.

Путешествіе наше было очень пріятно. Мы ѣхали съ облегченнымъ сердцемъ и съ свѣтлыми надеждами на будущее. Да и путь нашъ лежалъ по одной изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстностей. Пространство между Бирючемъ и Богучарами, верстъ около двухсотъ на югъ, представляетъ одну изъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ равнинъ. Орошаемая многочисленными притоками Дона, въ живописной рамѣ отлогихъ холмовъ, усѣянная опрятными малороссійскими хатами, равнина эта поражаетъ роскошью

своихъ производительныхъ силъ. Черноземная почва ея сторицею вознаграждаетъ легкій трудъ земледѣльца.

Отсутствіе лѣсовъ составляетъ единственный недостатокъ страны, но и тутъ она не при чемъ. Здѣшняя почва произвела ихъ въ изобиліи и, наконецъ, устала производить. Невѣжественные помѣщики, не заботясь о будущемъ, безжалостно истребляли ихъ. Они не щадили даже вѣковыхъ дубовъ.

Населеніе страны было сплошь малороссійское. Крестьяне страдали подъ гнетомъ рабства. У богатыхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, они еще были меньше угнетены, состоя большею частью на оброкѣ, хотя и имъ приходилось не мало терпѣть отъ самоуправства управителей и прикащиковъ. За то мелкопомѣстные землевладѣльцы буквально высасывали силы и достояніе у несчастныхъ, имъ подвластныхъ. Послѣдніе не располагали ни временемъ, ни собственностью: первое поглощалось барщиною, вторая находилась въ зависимости отъ жадности и произвола помѣщика. Иногда къ этому присоединялось еще и безчеловѣчное обращеніе, а нерѣдко жестокость сопровождалась и развратомъ: помѣщикъ могъ безнаказанно лакомиться каждою красивою женою или дочерью своего вассала, какъ арбузомъ или дынею со своей бакчи.

Разумѣется, и тутъ, какъ вездѣ, были исключенія въ пользу добра, но общее положеніе вещей было таково, какъ я говорю. Людей можно было продавать и покупать оптомъ и въ раздробицу, семьями и по одиночкѣ, какъ быковъ и барановъ. Не только дворяне торговали людьми, но и мѣщане и зажиточные мужики, записывая крѣпостныхъ на имя какого нибудь чиновника или барина своего патрона.

Своихъ людей не позволялось только убивать. Слова: „я купилъ надняхъ дѣвку или продалъ мальчика, кучера, лакея“, произносились такъ равнодушно, какъ будто дѣло шло о коровѣ, лошадѣ, поросенкѣ.

Императоръ Александръ I, въ моментъ своихъ гуманныхъ стремленій, выказывалъ намѣреніе улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ. Были попытки къ ограниченію власти помѣщиковъ, но онѣ прошли безслѣдно. Дворянство хотѣло жить роскошно, какъ говорилось—прилично званію. Оно отличалось безумною расточительностью и потворствомъ своимъ прихотямъ. А крестьяне

не понимали, чтобы для них могли существовать другія нравственныя задачи, кромѣ безпрекословнаго повиновенія господской волѣ, и другія удобства жизни, кромѣ дымной избы, да куска чернаго хлѣба съ квасомъ.

Но вотъ мы добрались до мѣста нашего назначенія — слободы Писаревки, расположенной верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города Богучара. Это большое село вмѣщало въ себѣ до двухъ тысячъ душъ. Глубокой оврагъ раздѣлялъ его на двѣ неравныя части. Меньшая, душъ въ пятьсотъ или четыреста, называлась Заярскою Писаревкою и принадлежала брату Марьи Ѳедоровны Бедряги, Григорію Ѳедоровичу Татарчукову. Къ первой приписано было еще нѣсколько хуторовъ и большое пространство земли.

Писаревка не могла похвалиться живописнымъ положеніемъ. Она была раскинута на плоскости вдоль рѣчки Богучара, по берегу которой стояло также нѣсколько большихъ и малыхъ хуторовъ съ ничтожнымъ уѣзднымъ городкомъ того же имени. Господскій домъ, старое деревянное зданіе, былъ ветхъ и невзраченъ. Помѣщица все собиралась его перестроить, но изъ году въ годъ откладывала исполненіе своего намѣренія. Въ заключеніе она предпочла перебраться въ другой домъ. До самой рѣчки тянулся обширный садъ, а за рѣкою высился винокуренный заводъ — необходимая принадлежность тогдашняго хозяйства малороссійскихъ помѣщиковъ, пользовавшихся правомъ свободного винокуренія.

Намъ отвели недалеко отъ господскаго дома довольно уютный флигель. Въ первые дни насъ истомила скука. Знакомыхъ у насъ еще не было. Мы служили предметомъ всеобщаго любопытства и — какъ оказалось послѣ — шпионства. Отецъ каждое утро уходилъ къ помѣщицѣ, возвращался поздно и тотчасъ погружался въ счеты и хозяйственныя соображенія.

Первое свиданіе его съ помѣщицей прошло бурно. Онъ засталъ ея имѣніе въ страшномъ безпорядкѣ, а крестьянъ безжалостно разворонными. Благодаря дурному управленію, помѣстье не давало доходовъ, какіе могло давать и которыхъ владѣтельница тщетно добивалась, истощая крестьянъ непосильными работами и повинностями.

Отецъ взялся привести все въ порядокъ, увеличить доходъ

помѣщицы и возстановить благосостояніе крестьянъ, но требовалъ полной свободы дѣйствій. Марья Ѳедоровна это не нравилось. Своенравная, какъ истая барыня, она повиновалась только своимъ прихотямъ и капризамъ, и не могла себѣ представить, чтобы какое нибудь существо на ея землѣ смѣло дышать и двигаться не по ея волѣ.

Она была не глупа отъ природы и тотчасъ признала въ отцѣ человѣка способнаго, умнаго и настойчиваго. Но ей хотѣлось воспользоваться его услугами, не уступая ему первой роли, а такъ, чтобы—по крайней мѣрѣ съ виду—она, по прежнему, казалась бы единственной распорядительницей всего. Необходимость, однако, заставила ее уступить. Она дала отцу полную довѣренность и обѣщаніе ни во что не вмѣшиваться.

Но то была лишь временная сдѣлка. Обѣ эти личности—моего отца и помѣщицы Бедряги—очевидно, не годились для мирной дѣятельности сообща. Рано или поздно, между ними неминуемо должны были возникнуть столкновенія и произойти разрывъ, тягостный для обѣихъ сторонъ, но особенно для моего отца, человѣка бѣднаго и низкаго званія, тогда какъ за Марью Ѳедоровну стояли ея богатство и видное положеніе среди провинціальнаго общества.

На самомъ дѣлѣ помѣщица Бедряга была ни хуже, ни лучше большинства тогдашнихъ русскихъ барынь. Многіе называли ее злою. И она, дѣйствительно, была зла, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой невѣжество и неограниченная власть дѣлали, въ эпоху крѣпостнаго права, почти всѣхъ русскихъ баръ.

Ей было лѣтъ за пятьдесятъ. Ни красивая, ни дурная собой, она въ результатѣ не представляла ничего привлекательнаго. Въ ея лицѣ было что-то жесткое и отталкивающее. Она почти никогда не улыбалась, а ея тусклый взглядъ изподлбья ясно говорилъ, что въ ней напрасно стали бы искать теплаго женскаго чувства. Въ обращеніи ея постоянно сквозило раздраженіе: точно она вѣчно на кого-нибудь сердилась. Съ тѣми, однако-же, въ комъ она нуждалась, Марья Ѳедоровна умѣла быть привѣтливою — настолько, впрочемъ, насколько то допускали ея природная суровость и барское высокомеріе. Она была очень щедра на обѣщанія, но скупа на исполненіе ихъ.

Самую неприглядную черту ея характера составляло ябед-

ничество. Со всѣми своими сосѣдами она или была въ ссорѣ, или судилась. Знакомство съ ней рѣдко обходилось безъ призыва къ суду. Вокругъ нея постоянно вертѣлись разнаго рода ходатаи по дѣламъ, изъ которыхъ большинство, сами мало знакомые съ законами, ей только льстили и еще больше запутывали ея дѣла.

Она охотно принимала самые нелѣпые проекты, разъ что они клонились къ расширенію ея владѣній и къ усиленію ея вліянія въ уѣздѣ, или обѣщали ей лучшей порядокъ въ управленіи имѣніемъ. Съ такимъ проектомъ всякій имѣлъ къ ней доступъ и всякій хоть не надолго овладѣвалъ ея довѣріемъ. Плуть, конечно, скоро обнаруживался и она прогоняла его, но для того только, чтобъ попасть въ руки другому. Честный человѣкъ за то, по странному противорѣчію, не легко добивался ея расположенія и довѣрія.

Въ то самое время, какъ отецъ мой долженъ былъ брать съ боя ея согласіе на мѣры, очевидно, клонившіяся къ ея пользѣ, глупая баба, жидовка Федосья, безъ труда выманивала у нея позволеніе на такія дѣла, съ послѣдствіями которыхъ потомъ не легко было справляться и самой помѣщицѣ и ея управляющему.

Марья Федоровнѣ страсть хотѣлось казаться всегда занятою. Ея комната, дѣйствительно, имѣла видъ кабинета дѣловаго человѣка. Столъ былъ заваленъ бумагами, по полу разбросаны кипы ихъ. Она непремѣнно нѣсколько часовъ въ день проводила съ перомъ въ рукѣ, окруженная своими достойными совѣтниками, или слушая тайныя донесенія Федосьи. Она рѣдко кого принимала не по дѣламъ и сама никуда не ѣздила, содержала огромную дворню и человѣкъ до десяти однѣхъ горничныхъ.

Бѣдняжки съ утра до ночи трепетали отъ страха не угодить барынѣ и навлечь на себя ея гнѣвъ, обыкновенно оканчивавшійся отдаченіемъ ихъ въ руки нѣкоего Степана Стецьки. То былъ хромоногій старикъ и довѣренное въ домѣ лицо, въ вѣдѣніи котораго, между прочимъ, состояла конюшня съ цѣлою коллекціей розогъ. Бѣда несчастнымъ, попадавшимъ въ руки Стецьки! Онъ былъ мастеръ и охотникъ съчь, особенно дѣвушкамъ: послѣднимъ жутко становилось отъ одного взгляда на него.

Между дѣвушками было не мало смазливыхъ и въ томъ

числѣ одна Христина, игравшая роль въ моей дѣтской біографіи. Горе злополучной, которая не смогла противостоятъ нѣжному вліянію любви: она подвергалась всевозможнымъ истязаніямъ. Марья Ѳедоровна была неумолимая поборница нравственности и осуждала своихъ горничныхъ на вѣчное цѣломудріе. Она не позволяла имъ даже выходить замужъ.

Само собой разумѣется, что тиранія здѣсь, какъ и вездѣ, не достигала цѣли. Дѣвушки втайнѣ предавались любовнымъ связямъ, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ строже имъ это запрещалось и чѣмъ безнадежнѣе представлялась имъ будущность. Онѣ заботились о томъ только, чтобы не забеременить, и въ большинствѣ случаевъ имъ это удавалось.

У Марьи Ѳедоровны были дочь и два сына. Дочь, Клеопатра Николаевна, состояла въ бракѣ съ какимъ-то казацкимъ генераломъ, кажется, Денисовымъ. Злость, у матери умѣрявшаяся расчетомъ и эгоизмомъ, иногда принимавшими характеръ благоразумной осторожности—у дочери не знала границъ. Она была зла со всѣхъ сторонъ, и только зла; не имѣла ни страстей, ни пороковъ, которые, за недостаткомъ лучшихъ свойствъ, смягчаютъ или, вѣрнѣе, разбавляютъ жестокія натуры. Въ душѣ ея не было ни скупости, ни тщеславія, ни сладострастія, а только одно влеченіе вредить всему, что можетъ чувствовать вредъ, отравлять своимъ прикосновеніемъ все, до чего она дотрогивалась. Мужъ прогналъ ее нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы. Она возвратилась къ матери и водворилась у нея, какъ бы для того, чтобы въ свою очередь быть ей бичемъ и казнью. Одна только кремнистая натура Марьи Ѳедоровны могла выносить присутствіе такого чудовища.

Сыновья ея были немногимъ лучше дочери. Оба служили въ Петербургѣ. Старшій, Самуилъ, вполнѣдствіи занималъ должность предсѣдателя уголовной палаты въ Воронежѣ и свирѣпымъ нравомъ изумлялъ самыхъ необузданныхъ помѣщиковъ. Онъ засѣкалъ людей до смерти и былъ не судьей, а палачемъ. Но, говорятъ, онъ не бралъ взятокъ. Другой сынъ Марьи Ѳедоровны, Ѳедоръ, отличался не столько злостью, сколько коварствомъ, и велъ безпорядочный образъ жизни. Вотъ пристань, къ которой житейскія волны прибили нашъ утлый челнъ.

Но, повторяю, рядомъ со зломъ неперемѣнно гдѣ-нибудь да

гнѣздится частичка добра: иначе, въ мірѣ былъ бы нарушенъ законъ вѣчной правды и справедливости. Не удивительно поэтому, если на одной и той-же почвѣ, которая производитъ Бедригъ, иногда возникаютъ и совсѣмъ другаго рода личности. Заярскою частью слободы Писаревки, какъ уже сказано, владѣлъ братъ Марьи Ѳедоровны, Григорій Ѳедоровичъ Татарчуковъ, человѣкъ крайне оригинальный, съ большими странностями, но въ то-же время и очень умный и добрый. Ему въ то время было далеко за шестьдесятъ. Онъ не получилъ основательнаго образованія, потому что такого образованія тогда не существовало въ Россіи. Но природа одарила его счастливыми способностями и рѣдкими въ то время гуманными стремленіями.

Любопытно, откуда, въ половинѣ и въ концѣ прошлаго столѣтія, брались у насъ такіе люди и откуда почерпали они свои міровоззрѣнія. Ихъ вызвалъ къ жизни ударъ, нанесенный въ Россіи невѣжеству богатырскою рукою Петра Великаго, но они были еще рѣдки и только по временамъ вспыхивали, какъ искры, огнивомъ выбиваемыя изъ кремня. Поддержки вокругъ у нихъ не было. Екатерина II, правда, искала славы, которую философы XVIII вѣка счумѣли сдѣлать привлекательною для властителей—славы очеловѣченія людей. Она покровительствовала уму, талантамъ, наукѣ и искусству, полагая, что все это нужно Россіи не меньше политическаго могущества, и что она тѣмъ самымъ приготовляетъ себѣ въ исторіи мѣсто на ряду съ Петромъ Великимъ. Вслѣдъ за Екатериною и избранные умы, о которыхъ мы говоримъ, испытали на себѣ вѣяніе времени. Не сознавая той страшной бездны, какая отдѣляетъ идею отъ ея осуществленія и стремленія отъ цѣли, они простодушно зачитывались Вольтеромъ и энциклопедистами и съ жадностью слѣдили за всѣмъ, что тогда печаталось и издавалось на русскомъ языкѣ. А издавалось и печаталось не мало, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ предшествующими временами. Сумароковъ, Новиковъ, Кургановъ, и до сихъ поръ еще неоцѣненные по достоинству, какой-нибудь Ѳедоръ Эминъ, Херасковъ, не говоря уже о Ломоносовѣ, Фонъ-Визинѣ, Державинѣ, давали обильную пищу умамъ. Находились читатели и для такихъ книгъ, какъ юридическія сочиненія Юсти, или „Творенія велемудраго Платона“, въ переводѣ Сидоровскаго и Пахомова. Все это, конечно, не приводило ни къ чему положительному,

но по крайней мѣрѣ вызывало на размышленія и знакоило съ понятіями о лучшемъ порядкѣ вещей, съ нравами, обычаями и жизнью народовъ, опередившихъ насъ въ образованіи. Участвовавшіе въ этомъ движеніи и были люди тогдашняго прогресса, либералы, но не въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а, если можно такъ выразиться, либералами отрицательными: они не создавали ученій и утопій объ измѣненіи русскаго политическаго строя, но довольствовались убѣжденіемъ, что нравственное и умственное положеніе вещей въ Россіи подлежитъ скорому улучшенію, что все до-петровское въ ней сгнило и она не замедлитъ быстрыми шагами пойти по пути просвѣщенія.

Къ такимъ-то людямъ принадлежалъ и Григорій Федоровичъ Татарчуковъ. Онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцомъ и я часто видѣлъ его, часто слышалъ его разговоры, изъ которыхъ многіе запали мнѣ въ душу.

Онъ былъ не высокъ ростомъ и немножко сутуловатъ, вѣроятно, отъ привычки ходить потупивъ голову. Лицо его не походило на безжизненно-плоскія или полныя залихватской Ноздревской удали лица большинства нашихъ помѣщиковъ. Оно дышало умомъ, съ отгѣнкомъ едва замѣтной ироніи. Человѣкъ этотъ мыслилъ: о томъ свидѣтельствовали его большіе, сіявшіе тихимъ блескомъ глаза. Онъ былъ невозмутимо кротокъ: это особенно выражалось въ его улыбкѣ, хотя улыбался онъ рѣдко, сохраняя равновѣсіе и спокойствіе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Но общему благородству и внутреннему изяществу его особы нелѣпо противорѣчилъ странный цинизмъ его прикладной внѣшности, то есть одежды. Онъ носилъ всегда одинъ и тотъ-же нанковый сюртукъ, испачканный табаконъ, покрытый всевозможными пятнами, засаленный и истертый до крайности. Къ тому же сюртукъ этотъ былъ постоянно растегнутъ, обнаруживая рубашку, въ свою очередь, расходившуюся на груди. Это сильно поражало мое дѣтское стыдливое чувство. Вѣрно для симметріи, и широкой бантъ его панталонъ никогда не застегивался какъ слѣдуетъ. На боку у Григорія Федоровича болтался повѣшенный черезъ плечо большой безобразный мѣшокъ, который онъ называлъ кисетомъ; во рту торчала трубка, оставляемая имъ только когда онъ спалъ или ѣлъ.

Судя по одеждѣ, вы подумали бы, что передъ вами какой-



нибудь Плюшкинъ, скупость котораго перешла за границы приличій и здраваго смысла. А между тѣмъ, онъ былъ щедръ, вовсе не способенъ на мелочную расчетливость и во всемъ, кромѣ собственной личности, соблюдалъ чистоту и любилъ изящество, комфортъ. Люди его были одѣты и содержимы на рѣдкость, домъ убранъ не роскошно, но вполне прилично. Садъ, который онъ самъ развелъ, былъ расположенъ съ большимъ вкусомъ. Все окружающее свидѣтельствовало о высокой степени развитія помѣщика, стоявшаго неизмѣримо выше своихъ собратьевъ во всемъ, исключая неряшливаго отношенія къ собственной особѣ.

Тѣмъ страннѣе поражало послѣднее, что Татарчуковъ былъ очень расположенъ къ прекрасному полу. Старость не мѣшала ему предаваться любовнымъ похождениямъ. Онъ любилъ разнообразіе въ нихъ и сохранилъ слабость къ женщинамъ до самой смерти, а умеръ онъ восьмидесяти лѣтъ.

На семьдесятъ второмъ или третьемъ году онъ вторично женился на молодой, привлекательной баронессѣ Вольфъ и имѣлъ отъ нея дочь. Отъ первой жены у него были двѣ дочери и три сына. Изъ нихъ одинъ находился на военной службѣ, другой учился въ московскомъ университетѣ, третій, мальчикъ лѣтъ тринадцати, готовился поступить въ какое-то учебное заведеніе.

Имѣніе Григорія Ѳедоровича состояло изъ шестисотъ душъ, вмѣсто тысячи, которую онъ долженъ былъ получить по смерти отца. Марья Ѳедоровна успѣла оттягать отъ него четыреста душъ—обстоятельство, къ которому онъ отпосился стоически. Сестры онъ не любилъ, но не потому, что она его ограбила, а потому, что составляла полную противоположность ему, по сердцу и понятіямъ. Григорій Ѳедоровичъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и, что еще важнѣе, всѣ были довольны имъ. Крестьяне обожали его: вокругъ него всѣмъ жилось хорошо и привольно. Не было примѣра, чтобы онъ кого-нибудь обидѣлъ. Съ рѣдкою въ то время сознательностью и добросовѣстностію онъ не разъ говаривалъ моему отцу: „Крестьяне ничѣмъ не обязаны мнѣ; напротивъ, я имъ всѣмъ обязанъ, такъ какъ живу ихъ трудомъ“.

Татарчуковъ не мечталъ ни о какихъ преобразованіяхъ, потому что при коренномъ грѣхѣ нашего тогдашняго общественнаго строя онъ вполне понималъ ихъ невозможность и былъ

убѣжденъ, что всякая частная мѣра, направленная къ этой цѣли, будетъ парализована основнымъ государственнымъ началомъ.

При такомъ порядкѣ вещей, онъ считалъ возможнымъ одно: такъ сказать, текущее, личное добро въ кругу, доступномъ его вліянію, и дѣлалъ его благородно, безкорыстно, не уставая, не раздражаясь неблагодарностью, если она встрѣчалась, не ожидая ни отъ кого похвалы.

Григорій Ѳедоровичъ не долго служилъ на государственной службѣ и вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика. Въ немъ ни на каплю не было честолюбія.

## IX.

### Наше житье-бытье въ Писаревѣ.

Отецъ мой съ энергіей отдался занятіямъ по своей должности. И помѣщича, и крестьяне скоро ощутили на себѣ благотворныя послѣдствія его добросовѣстнаго труда. Одна увидѣла, какъ возникалъ порядокъ и являлись выгоды тамъ, гдѣ ихъ много лѣтъ не видали; другіе начали отдыхать отъ притѣвленій и среди своей нищеты и разоренія предвкушать болѣе счастливую будущность.

Марья Ѳедоровна принуждена была сознаться, что многимъ обязана моему отцу. Она убѣдилась въ его честности и ввѣрила ему безусловно судьбу своей вотчины. Сама же рѣшилась предпринять давно задуманное путешествіе, съ дочерью, въ донскія станицы, къ своему зятю, а ея мужу. Она надѣялась помирить ихъ, но, главнымъ образомъ, желала отдѣлаться отъ этой милой особы и навязать ее другому.

Онѣ уѣхали. Отецъ остался полновластнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ по имѣнію. Отсутствие помѣщичи продолжалось около года и этотъ промежутокъ времени былъ если не самымъ счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ независимымъ и спокойнымъ для нашей семьи.

Въ Писаревкѣ, тѣмъ временемъ, составилось общество, замѣчательное для того отдаленнаго степнаго края. У отца завязалась тѣсная дружба съ Татарчуковымъ. Григорій Ѳедоровичъ,

какъ я уже говорилъ, только что женился на молоденькой, хорошенькой и образованной дѣвушкѣ, баронессѣ Вольфъ. Она, съ матерью и двумя сестрами, пріѣзжала въ Писаревку погостить и не замедлила покорить сердце своего хозяина.

Эти баронессы Вольфъ были нѣмецкія аристократки, чванлившіяся родствомъ съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ Лаудономъ. Но онѣ обѣднѣли и теперь проживали послѣдніе остатки нѣкогда значительнаго состоянія.

Баронесса Юлія не по влеченію сердца отдала свою руку Григорію Фодоровичу, а подъ давленіемъ бѣдности, которая становилась все тягостнѣе и настойчивѣе. У старухи-матери были еще сыновья. Одинъ служилъ въ военной службѣ и ничѣмъ не могъ помогать семьѣ. Два малолѣтнихъ учились въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, а самый старшій, идиотъ, находился при матери.

Юлія была не красавица, но очень миловидна. Я живо помню ее. Брюнетка средняго роста, съ смуглымъ подвижнымъ лицомъ, она поражала благородствомъ осанки и обращенія, которыми, вообще, рѣзко отличалась отъ провинціальныхъ барынь. Ей тогда только что минуло двадцать лѣтъ, а мужъ ея перевалилъ за семьдесятъ. И какой мужъ! Онъ, правда, былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, но отъ него пахло козломъ. Онъ, и послѣ брака, таскалъ на себѣ все тотъ же засаленный сюртукъ и полуспущенные панталоны. Тотъ же отвратительный мѣшокъ болтался у него за плечами. Сѣвось слой грязи, накопившейся на немъ въ теченіи семидесяти лѣтъ, вообще, не легко было добратъ до перла его души, а тѣмъ болѣе молоденькой, неопытной женщиной. Тѣмъ не менѣе у ней, кажется, долго не было привязанности на сторонѣ. Но въ заключеніе ей до того опротивѣла жизнь съ этимъ сатиромъ, что она, послѣ многихъ бурныхъ домашнихъ сценъ, уѣхала-таки отъ него въ Москву. До отъѣзда она, впрочемъ, подарила ему дочь.

Изъ двухъ остальныхъ дочерей баронессы Вольфъ средняя, Каролина, тоже была очень недурна, но старшая, Вильгельмина, ужъ не могла похвастаться ни молодостью, ни красотой.

У Татарчукова, какъ сказано выше, было еще двѣ дочери отъ перваго брака, Любовь и Елизавета. Обѣ толстыя, краснощекія, неуклюжія, онѣ, однако, были такъ умны и добры, что

заставляли забывать о своей некрасивой наружности—особенно меньшая, Елизавета, всёх привлекавшая ангельскою кротостью.

Отец мой и мать были приняты, какъ родные, въ кругу этой семьи. Разстояніе между ихъ домами было не велико, и они почти постоянно находились вмѣстѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединились новыя лица. Москву заняли французы и жители ея толпами устремились внутрь Россіи, ища убѣжища, гдѣ кто могъ. Второй сынъ Татарчукова, Алексѣй, только что кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и поспѣшилъ домой къ отцу, на короткое свиданіе: онъ хотѣлъ вслѣдъ затѣмъ принять участіе въ народной войнѣ. Съ нимъ вмѣстѣ, спасаясь отъ непріятели, прибыли въ Писаревку московскій профессоръ греческой словесности, Семенъ Ивашковскій, съ женою, и молодой человѣкъ, его родственникъ, адъюнктъ того же университета, Михайло Игнатьевичъ Бѣляковъ. Всѣ они нашли пріютъ у старика Татарчукова. Къ нимъ нерѣдко присоединялся еще слободскій священникъ, отецъ Іоаннъ Донецкій—очень умный, съ премилою женой.

Такимъ образомъ, въ Писаревкѣ составился кружокъ людей образованныхъ, какихъ губернія врядъ ли много видѣла за все время своего существованія. Кружку этому суждено было прожить сильныя драматическія положенія. Въ лонѣ его разыгрались страсти, произошли роковыя сближенія, было испытано не мало радостей, но еще больше пролито слезъ.

Память живо рисуетъ мнѣ образы лицъ, участвовавшихъ въ этой писаревской драмѣ, полной трагическаго интереса. Изъ отдѣльныхъ чертъ, уловленныхъ тогда моею дѣтскою наблюдательностью, теперь слагается цѣльная характеристика лицъ и событій, волновавшихъ нашъ маленькій сельскій мірокъ.

О Григоріи Ѳеодоровичѣ Татарчуковѣ я уже достаточно говорилъ. Займемся другими.

Профессоръ Ивашковскій былъ типъ ученаго старыхъ временъ: въ немъ буква поглощала смыслъ науки. Его филологическія изслѣдованія не шли дальше кропотливаго собранія матеріала, съ которымъ онъ, кажется, самъ затруднялся, что дѣлать. Высокаго роста, сутуловатый, онъ ходилъ согнувшись, точно всегда чего-то искалъ подъ ногами. Улыбка рѣдко озаряла его флегматическое лицо, которое, отъ непрерывнаго углубленія

въ древнихъ классиковъ, точно застыло въ одномъ и томъ же выраженіи. За то онъ былъ безконечно добръ и простодушенъ, какъ дитя. Неспособный ни на какой обманъ, онъ не подозрѣвалъ, что самъ былъ постоянной жертвой обмана: его обманывали жена, прислуга, ученики.

Профессоръ сильно привязался къ моему отцу и, по возвращеніи въ Москву, затѣялъ съ нимъ дружескую переписку. Одно изъ его первыхъ писемъ сопровождалось стихами собственного издѣлія, на изгнаніе изъ Россіи французовъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ въ печати и привожу здѣсь затвердившійся у меня въ памяти небольшой отрывокъ, какъ образчикъ поэзіи, въ которой, на радостяхъ избавленія отъ „двунадесяти языковъ“, спѣшили тогда упражняться всѣ призванные и непризванные „шнты“:

Ударилъ грозный часъ и судъ небесъ свершился,  
 Блеставшій небосклонъ бѣдъ тучей покрылся.  
 Россія! гдѣ твой миръ, величье, красоты?  
 Среди державныхъ царствъ померкла въ блескъ ты.  
 Зрю только, какъ враги въ тебѣ злодѣйство сѣютъ,  
 Мечемъ и пламенемъ ихъ лютость печатлѣютъ.  
 Унынье разлилось; смерть, стонъ и страхъ  
 Во всѣхъ отчаянья исполненныхъ сердцахъ.  
 Гдѣ благочестія курился финіамъ,  
 Алчба свирѣпствуетъ и дерзка наглость тамъ.  
 Подверглася и ты, Москва, напасти грозной:  
 Ликуеть съ торжествомъ въ стѣнахъ твоихъ Галль злостный.  
 Онъ мнитъ: плѣнивъ тебя, Россію всю попралъ  
 И полный властелинъ надъ ней со славой сталъ.  
 Такъ и Европа съ нимъ мечтаетъ изумленна,  
 Зарей побѣдъ его предтечныхъ обольщенна....

Слѣдуетъ посрамленіе французовъ, ихъ изгнаніе, торжество Россіи, все въ томъ же родѣ, но дальше наизусть не помню.

Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ, адъюнктъ по части естественныхъ наукъ, былъ молодой человѣкъ, пріятной наружности и, кажется, больше любившій веселую жизнь, чѣмъ науку. Ивашковский долго еще служилъ въ московскомъ университетѣ, по открытіи его послѣ наполеоновскаго погрома, и издавалъ греко-русскій словарь. Но Бѣляковъ, женившійся на старшей дочери Татарчукова и уѣхавшій съ нею въ Москву, какъ-то скоро затерялся въ столичной толпѣ. Носились слухи, что онъ запыль,

промотать приданое жены и въ заключеніе уморилъ ее дурнымъ обращеніемъ, но самъ жилъ еще долго. Въ данный моментъ онъ былъ еще неиспорченный и порядочный молодой человекъ. Съ отцомъ своимъ онъ сначала водилъ дружбу, но послѣ женитьбы возгордился и уже не снисходилъ до связи съ простолюдиномъ.

Но перломъ всего писаревского кружка былъ сынъ Татарчукова, Алексѣй, который теперь готовился встать въ ряды защитниковъ отечества. Это былъ юноша съ яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ. Его всѣ горячо любили. Съ своимъ отцомъ у него завязалась романтическая дружба. Алексѣю Григорьевичу Татарчукову было двадцать лѣтъ, а отцу моему уже за тридцать. При такомъ неравенствѣ лѣтъ казалось бы невозможною никакая восторженность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но міръ, въ которомъ вращалось писаревское общество, былъ какой-то особенный, весь сотканный изъ энтузіазма и восторговъ, такъ что въ немъ вовсе не оставалось мѣста для скромнаго здраваго смысла.

Въ среду этихъ достойныхъ людей вторглась любовь и произвела страшныя опустошенія въ ихъ сердцахъ. Прежде всѣхъ влюбился старикъ Татарчуковъ въ баронессу Юлію: его любовь имѣла простой исходъ—бракъ. Вскорѣ за нимъ къ ней же воспылалъ мой отецъ. Любовь послѣдняго носила романтической характеръ и даже имѣла роковое вліяніе на его будущность. Какъ зародилась она въ немъ и подала ли къ тому поводъ сама Юлія—мнѣ неизвѣстно. Могло быть, что она, въ скукѣ своего противосестественнаго брака, благосклоннѣе, чѣмъ слѣдовало, принимала поклоненіе человека, еще молодого и способнаго сильно и глубоко чувствовать. Но она не была заурадною кокеткою и не вродъ ли поощряла своего обожателя обманчивыми обѣщаніями на взаимность. Да отецъ мой ничего и не добивался отъ нея, кромѣ сочувствія. Любовь его въ настоящемъ случаѣ была чисто идеальная и это объясняетъ, какимъ образомъ она уживалась въ немъ рядомъ съ дружбою къ мужу.

Молодой Татарчуковъ, едва занеся ногу за порогъ отцовскаго дома, страстно влюбился въ среднюю дочь баронессы Вольфъ, Каролину. Тутъ было все оестественно: оба лица, ничѣмъ не связанныя, одинаково молодыя и красивыя, могли бы

быть счастливы. Но молодая дѣвушка почему-то равнодушіемъ отвѣчала на страстный порывъ юноши, который и въ могилу унесъ нераздѣленное чувство.

Любовь, такимъ образомъ, сдѣлалась въ Писаревѣ чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни. Скоро и Бѣляковъ ощутилъ ея вліяніе надъ собой. Онъ объявилъ себя влюбленнымъ въ старшую дочь Татарчукова, Любовь Григорьевну. Но въ настоящемъ случаѣ значительная часть страсти чуть ли не падала на приданое барышни, которая была не красива, за то слыла наслѣдницею ста душъ, далеко нелишняго для бѣлаго адъютанта, ничего съ собой не привезшаго изъ Москвы, кромѣ нѣсколькихъ томовъ Линнея и Бюффона.

Всѣ эти любви, развиваясь въ разныхъ направленіяхъ, скрещиваясь и переплетаясь въ маленькомъ сельскомъ міркѣ, наконецъ, до того всѣхъ опутали, что совсѣмъ скрыли отъ нихъ остальной міръ. Счастливыми въ этой игрѣ чувствъ были только два человѣка: старикъ Татарчуковъ, обладавшій если не сердцемъ, то особою своей возлюбленной, и Бѣляковъ, который хотя сначала и встрѣтилъ сопротивленіе со стороны отца своей пастушки, въ заключеніе все-таки женился на ней.

Всѣ эти лица ежедневно собирались то у Татарчукова, то у моего отца, играли въ бостонъ, дружно бесѣдовали, мѣли подъ лучами ласковыхъ взглядовъ своихъ богинь, даже танцевали и слушали музыку.

У Бедраги когда-то существовалъ оркестръ изъ крѣпостныхъ, который теперь былъ распущенъ. Отставные артисты разбрелись кто куда: одни запили и загуляли, другіе занялись сельскими работами. Отецъ самъ былъ музыкантъ и хорошо игралъ на гусяхъ, которые и составляли всегда неизбѣжную принадлежность нашей домашней утвари, какъ бы та ни была скромна. Онъ собралъ разсѣянныхъ виртуозовъ и кое-какъ настроилъ на ладъ и ихъ самихъ, и инструменты ихъ.

Тутъ были: однорукій волторнистъ Иванъ, скрипачъ Бибикиъ—онъ же и капельмейстеръ, другой скрипачъ Трофимъ, молодой парень, мой пріятель, всегда готовый, за черносливъ и пряникъ, пропиливать мнѣ: „по мосту, мосту, по калиновому“,—гѣснь, которую, не знаю почему, я особенно любилъ. Были у насъ и контрбасъ, и фэготь, и флейта, и цимбалы. Тѣ музыканты, рты

которыхъ не были заняты дутьемъ въ инструменты, пѣли еще съ двумя или тремя пѣвунами: остальные дружно имъ акомпанировали.

Такимъ образомъ, въ небольшой комнатѣ, служившей намъ и гостиной, и столовой, и передней, по всѣмъ правиламъ задавались концерты. Всего чаще гремѣлъ: „громъ побѣды раздавайся“ — и всякій разъ къ моему неописанному восторгу.

Но вдругъ надъ нами разразился жестокий ударъ: заболѣлъ молодой Татарчуковъ. Онъ простудился, схватилъ горячку и въ нѣсколько дней умеръ. Смерть эта поразила Григорія Федоровича въ самое сердце: то былъ его любимый сынъ, онъ видѣлъ въ немъ лучшую часть самого себя. Мой отецъ произнесъ на могилѣ умершаго рѣчь и долго не могъ утѣшиться въ потерѣ своего друга. Да и всѣ, знавшіе молодаго человѣка, глубоко скорбѣли объ его преждевременной кончинѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, смятеніе, вызванное въ нашемъ обществѣ горестнымъ событіемъ, повинуюсь общему ходу человѣческихъ дѣлъ, постепенно улеглось. Мы вернулись къ прежнимъ занятіямъ и утѣхамъ. Только собранія послѣ того уже никогда больше не происходили у Татарчукова, а всегда у насъ.

Странно, что въ этотъ моментъ сильныхъ потрясеній, которыя переживала Россія, не только нашъ тѣсный кружокъ, за исключеніемъ развѣ одного молодаго Татарчукова, но и все окрестное общество равнодушно относилось къ судьбамъ отечества. Отца часто навѣщали сосѣдніе помѣщики и горожане. Всѣ, правда, безропотно несли тягости, вызванныя народною войною, поставляли и снаряжали рекрутъ, терпѣли во всемъ дороговизну и прочее. Но никогда не слышалъ я въ ихъ разговорахъ ноты теплаго участія въ событіямъ времени. Всѣ повидимому интересовались только своими личными дѣлами. Имя Наполеона вызывало скорѣй удивленіе, чѣмъ ненависть. Словомъ, общество наше поражало невозмутимымъ отношеніемъ къ бѣдѣ, грозившей Россіи. Это отчасти могло происходить отъ отдаленности театра войны: до насъ, дескать, врагъ еще не скоро доберется! Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась въ апатіи, свойственной людямъ, отчужденнымъ, какъ были тогда русскіе, отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и привыкшіе не разсуждать



о томъ, что вокругъ дѣлается, а лишь безпрекословно повиноваться приказаніямъ начальства.

Въ этомъ Писаревскомъ омутѣ любовныхъ вздоховъ, сердечныхъ изліаній и то остроумныхъ и романическихъ, то ребяческихъ затѣй, мое дѣтство текло, безъ всякаго умственнаго и нравственнаго руководства, кромѣ надзора матери, которая одна, среди общаго крушенія головъ, сохраняла присутствіе духа.

У меня вскорѣ нашелся товарищъ, мальчикъ двумя годами старше меня, сынъ одного отставнаго чиновника, котораго Марья Оедоровна Бедряга взяла съ собою въ Донскія станицы. Мальчика звали Андриюшою. Прелестный собою, розовый, бѣленькій, кроткій и чувствительный, какъ дѣвочка, онъ сильно привязался ко мнѣ, хотя я часто досаждалъ ему вспышками моего тревожнаго нрава. Этотъ Андриюша съ теченіемъ времени превратился въ Андрея Андреевича, женился, сдѣлался статскимъ совѣтникомъ, вышелъ въ отставку и нынѣ (1876 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ моихъ пріятелей. Съ простымъ, но здравымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, онъ, въ концѣ своей чиновничьей карьеры, остался также бѣденъ, какъ и въ началѣ ея — не приобрѣлъ ничего, кромѣ, какъ говорятъ чиновники, „знака безпорочной службы въ петлицу и геморроя въ поясницу“. Словомъ, онъ сохранилъ себя совершенно чистымъ отъ всякихъ чиновническихъ нечистотъ.

Мы жили съ Андриюшей душа въ душу. Я вообще не умѣлъ привязываться на половину: всякое чувство принимало у меня характеръ страстнаго увлеченія. Но не одинъ Андриюша обладалъ въ то время моимъ сердцемъ. Между горничными Марьи Оедоровны Бедряги была одна очень хорошенькая, по имени Христина, или, какъ ее всѣ звали, Христинушка. Стройная, съ нѣжнымъ, вовсе не деревенскимъ цвѣтомъ лица, съ живой и осмысленной фізіономіей, съ роскошными волосами и мягкими манерами, она, дѣйствительно, была прелестна. Ей только что минуло семнадцать лѣтъ. Вѣрно въ подражаніе взрослымъ, такъ неудержимо и цельпо перелюбившимся въ Писаревкѣ, и я поспѣшилъ воспылать въ Христинушкѣ. Какъ тѣнь, всюду слѣдовалъ я за ней и ловилъ ея взгляды. Смотря на меня, какъ на ребенка, какимъ я и былъ на самомъ дѣлѣ, она не отказывала мнѣ въ ласкахъ, но съ лукавою разборчивостью надѣляла ими только

въ видѣ награды, за мое постоянство, напимѣрь, или за что-либо другое. Для меня не было большаго наслажденія, какъ играть съ нею въ карты—въ короли. Законъ игры у насъ требовалъ, чтобы выигравшій получалъ, а проигравшій давалъ поцѣлуй—значить выгода въ обоихъ случаяхъ была на моей сторонѣ.

А какія страданія претерпѣвалъ я отъ ревности! Другъ мой, Трофимка, плѣнявшій меня выпиливаніемъ на скрипкѣ „по мосту, по калиновому“, очевидно, былъ равнодушенъ къ молодой дѣвушкѣ, которая съ своей стороны оказывала ему явное предпочтеніе. Но оба остерегались раздражать мою ревность, ибо я, въ качествѣ „паныча“, нерѣдко бывалъ имъ полезенъ.

Мы съ Андриюшею въ это время почти не учились. Вѣдь нельзя же назвать ученіемъ, когда намъ совали въ руки учебникъ ариметики или русской исторіи и приказывали сѣсть тамъ-то и читать. Учителя у насъ не было, такъ какъ его не откуда было достать, а отецъ, занятый управленіемъ имѣнья, не могъ посвящать намъ много времени.

Страсть къ чтенію, между тѣмъ, у меня возрастала съ каждымъ днемъ, только не къ учебнымъ книгамъ, а къ романамъ. Я прочелъ ихъ много и самыхъ нелѣпыхъ. Не помню, какимъ путемъ они до меня доходили, только недостатка въ нихъ не было. Кромѣ того, я почти не выпускалъ изъ рукъ пѣсенника и, въ качествѣ влюбленнаго, то и дѣло затверживалъ наизусть и переписывалъ въ тетрадь пѣсни любовнаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ:

Позволь тебѣ открыться  
О участи моей;  
Я долженъ покориться  
Владычицѣ своей...

или

Неси уныла лира  
Повсюду вѣсть, стенья:  
Жестокая Темира  
Не любить ужъ меня.

и такъ далѣе.

Не одной литературой, однако, занимались мы съ Андриюшей, а и живописью также: достали гдѣ-то красокъ и чудовищнымъ образомъ срисовывали съ картинокъ вооруженныхъ пиками казаковъ, лошадей, козловъ, птицъ и деревья. Насъ никакія трудности

не утрашали. Съ птицами у насъ были еще и другія дѣла. Мы зимою ловили ихъ въ саду силвами и находили въ этомъ большое удовольствіе.

Вообще, предоставленные самимъ себѣ, мы не подвигались впередъ умственно, но за то весьма пріятно проводили время. Къ чести нашей, надо, однако, сказать, мы не употребляли во зло нашей свободы, но вели себя скромно и прилично. Все, что было во мнѣ пылкаго и эксцентричнаго, находило себѣ исходъ въ любви къ Христинишѣ и въ сочинительствѣ. Много бумаги перемаралъ я въ это время! Всего больше правилась мнѣ форма писемъ. Я писалъ ихъ къ вымышленнымъ и дѣйствительнымъ лицамъ, никогда, по прежнему, не отправляя ихъ по назначенію. Въ этихъ письмахъ я изливалъ свое восхищеніе природой, размышлялъ о дружбѣ и любви. Главную роль при томъ играло воображеніе, которымъ я и жилъ тогда почти исключительно. Никѣмъ не руководимый умъ мой или совсѣмъ бездѣйствовалъ или развивался односторонне, а именно—вольно разгуливалъ въ области фантазіи. Онъ, какъ плохо питающееся растение, не раскидывался во всѣхъ направленіяхъ, а до поры до времени сосредоточивался въ самомъ себѣ, слабо питаясь только тѣми понятіями, какія случайно извлекалъ изъ книгъ, почти столь же глухихъ, какимъ я былъ самъ.

Мнѣ пошелъ уже одиннадцатый годъ, когда отецъ, наконецъ, рѣшился серьезно подумать о моемъ образованіи. Да и минута была для того удобная. Средства наши настолько улучшились, что оказалась возможность отдать меня въ какую нибудь городскую школу. Отецъ задумалъ отправить меня въ Воронежъ, вмѣстѣ съ Андрюшею, который былъ ему порученъ родителями. Отвезти насъ и опредѣлить въ уѣздное училище взялся Бѣляковъ, въ то время еще не гнушавшійся моего отца и пожелавшій, за полученныя услуги, въ свою очередь, чѣмъ нибудь услужить ему.

Не долго думая, насъ снарядили въ путь. Горько мнѣ было разставаться съ родительскимъ домою. Онъ не былъ богатъ ни удобствами, ни радостями, но я не зналъ лучшей жизни. Она вся сосредоточивалась для меня въ этомъ домѣ и мое дѣтское сердце надрывалось отъ тоски, прощаясь съ бабусями-баловницами, съ теткой Лисою и съ моею несравненной матерью. Она

тоже не безъ слезъ собирала меня въ дорогу и благословляла на новую жизнь, вдали отъ себя.

Не мало тревожило меня еще и то, что я отнынѣ буду жить среди москалей. Истый хохоль, я не питалъ къ нимъ расположенія. Ихъ нравы, одежда, жилища, языкъ, все возбуждало во мнѣ дѣтскую антипатію.

Немедленно по пріѣздѣ въ Воронежъ мы разстались съ Андриюшей. Онъ поселился у своей замужней сестры, а меня, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, къ счастью, малороссійскими мальчишками, помѣстили нахлѣбникомъ къ одному мѣщанину, Калинѣ Давидовичу Клещареву. Два дня спустя я былъ представленъ смотрителю уѣзднаго училища, Петру Васильевичу Соколовскому, съ придачею кулька, вмѣщавшаго въ себѣ голову сахару, фунтъ чаю и штофъ кизлярской водки. Не знаю, вслѣдствіе ли рекомендаціи Бѣлякова, или благодаря этой придачѣ, я удостоился благосклоннаго пріема и былъ немедленно занесенъ въ число учениковъ такъ называемаго низшаго отдѣленія.

## Х.

### Ш и о л а.

Итакъ, я почти за двѣсти верстъ отъ моей семьи, среди москалей, въ школѣ—обстоятельства равно необычныя для меня. При моей природной робости и застѣнчивости, мнѣ было трудно привыкать къ новому образу жизни и къ новымъ лицамъ. При томъ меня одолѣвала тоска по родинѣ. Говорятъ, всѣ малороссіане болѣе или менѣе страдаютъ ею на чужбинѣ, а иные даже умираютъ. Не мудрено, если и я заболѣлъ. Меня въ теченіи нѣсколькихъ недѣль терзала злѣйшая лихорадка: я превратился въ настоящій скелетъ. Отъ матушки скрыли мою болѣзнь. Иначе она не вытерпѣла бы и, во что-бы то ни стало, пріѣхала бы за мной ухаживать.

Отъ этого тяжелаго времени у меня сохранилось неизгладимое воспоминаніе о лечившемъ меня подлекарѣ, который, вмѣсто облегченія, только усиливалъ мои страданія. Онъ пичкалъ меня рвотнымъ, которое не дѣйствовало и причиняло мнѣ невыразимыя

муки. Въ заключеніе, я не могъ безъ отвращенія видѣть его лунообразнаго, хотя и добродушнаго лица, съ неподвижнымъ, точно свинцовымъ, взглядомъ. Миѣ опротивѣлъ даже его толстый байковый сюртукъ, коричневаго цвѣта, при видѣ котораго меня мутило не меньше, чѣмъ послѣ приема его лекарства.

Хозяинъ квартиры, которому я былъ порученъ, Калина Давидовичъ Клецаревъ, видя какъ безплодны усилія подлекаря въ борьбѣ съ моею болѣзнью, вздумалъ прибѣгнуть къ одному врачу-самоучкѣ, простому мужику, славившемуся удачнымъ леченіемъ лихорадки. И что-же: изготовилъ мужичекъ темно-красную микстуру, велѣлъ принимать по двѣ десертныя ложки въ день— и лихорадку какъ рукой сняло. Самой ли ей надоѣло трепать меня, или лекарство было въ самомъ дѣлѣ цѣлебное, только я быстро поправился и началъ ходить въ школу.

Со страхомъ и трепетомъ перешагнулъ я въ первый разъ за порогъ ея, но напрасно: я зналъ гораздо больше, чѣмъ требовалось для поступленія въ классъ, къ которому меня причислили. Миѣ были знакомы четыре правила ариѳметики; я бѣгло и толково читалъ и довольно чисто писалъ безъ лнеекъ.

Тѣмъ не менѣе, я робко сѣлъ на указанную скамью и съ благоговѣніемъ взиралъ на учителя въ нанковомъ сюртукѣ, ожидая, что вотъ-вотъ изъ устъ его польются потоки мудрости, которыхъ голова моя не въ состояніи будетъ вмѣстить. Но изъ устъ бѣднаго Ивана Федоровича Клемантова (такъ звали учителя) не исходило ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей, въ родѣ того, что дважды два четыре, а трижды три девять. Помимо этого, онъ то и дѣло призывалъ учениковъ къ порядку, а иногда и осыпалъ болѣе или менѣе выразительными ругательствами шалуновъ и лѣнтяевъ.

Впрочемъ, Федоръ Ивановичъ былъ очень добръ и вполне добросовѣстно отправлялъ свою неблагодарную должность, которая едва-едва спасала его отъ голодной смерти. Онъ былъ справедливъ и снисходителенъ къ дѣтямъ, но никто этого не замѣчалъ и не цѣпилъ. Кромѣ того, онъ, вопреки обычаю большинства тогдашнихъ педагоговъ, не былъ пьяницею.

Вообще надо отдать справедливость воронежскому уѣздному училищу: оно, какъ мы увидимъ послѣ, было не въ примѣръ лучше другихъ обставлено. Составъ преподавателей въ немъ, и

по образованію, и по нравственности, былъ далеко выше обычнаго уровня. Ученье ихъ, само собой разумѣется, отзывало тою же рутиной, какая тогда повсемѣстно господствовала, но отношенія ихъ къ ученикамъ было проникнуто безпримѣрною въ тѣ времена гуманностью. И это тѣмъ больше дѣлало имъ чести, что ихъ собственная участь была незавидная. Общество смотрѣло на нихъ холодно. Никто ихъ не поощрялъ, а вознагражденія едва хватало на дневное пропитаніе. Какой прогрессъ мыслимъ при такихъ условіяхъ!

Хотя я поступилъ въ школу уже на половинѣ курса—зимою, въ декабрѣ или январѣ, не помню съ точностью—однако, скоро занялъ мѣсто въ ряду первыхъ учениковъ. Мнѣ служило большимъ подспорьемъ все то, чему я, при всей беспорядочности моего домашняго ученья, успѣлъ научиться до поступленія въ училище.

Такимъ образомъ мнѣ ничего не стоило идти за классомъ и даже во главѣ его, и въ моемъ распоряженіи оставалось еще много свободнаго времени. Я проводилъ его, по прежнему, въ чтеніи всего, что попадалось подъ руку, и въ мечтахъ о милой родинѣ. Христинюшка быстро испарилась изъ моей памяти, но любовь къ семьѣ и къ родинѣ получила въ разлукѣ новую силу.

Я то и дѣло переносился мыслью въ среду моихъ возлюбленныхъ малороссіянъ. Воображеніе рисовало мнѣ бѣлыя хаты, тонуція въ вишневыхъ садахъ, смуглыя лица поселянъ съ подбритыми висками и длинными усами, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и съ люлькою въ зубахъ. Передо мной мелькали карія очи и пестрыя плахты дивчатъ, бѣлыя свитки и калиты у поясовъ бабусь.

А вся домашняя обстановка, какою привлекательною казалась она мнѣ издали! Я съ умиленіемъ вспоминалъ даже бродившихъ у насъ по двору куръ и предводителя ихъ—цѣтуха страшнаго нахала и драчуна, съ задорно трясущимся, надъ клювомъ, краснымъ гребнемъ, въ видѣ шлема. Я мысленно слѣдилъ за полетомъ голубей въ поднебесьѣ: передо мной мелькали ихъ сизыя крылья и я вслѣдъ за ними уносился въ родныя дубравы и въ степи съ волнующимся ковылемъ.

А какая радость, бывало, встрѣтить вереницу воевъ, запряженныхъ волами! Рядомъ медленно и важно выступаютъ чумаки.

На нихъ пропитанныя дегтемъ рубахи. Они вооружены батогами и лѣниво понукають: „гей, гей, цобъ, цобе“, не менѣе лѣниво передвигающихъ ноги воловъ.— „А виткиль, панотци?“ спросишь иногда и съ замирающимъ сердцемъ ждешь отвѣта, и если услышишь: „А тожь мобуть Богучарски!“—готовъ броситься на шею и имъ, и воламъ.

Но вотъ и каникулы. Собравъ въ мѣшоуъ скарбъ, книги и тетради, я сѣлъ въ малороссійскую повозку и съ легкимъ сердцемъ двинулся въ путь, домой, къ своимъ. Но мнѣ предстояло сначала заѣхать еще въ Алексѣевку, захватить съ собою бабушку Степановну, и съ ней уже окончателно отправиться въ Писаревку. Мое удовольствіе, такимъ образомъ, усугублялось. Сколько ожидало меня объятій, ласкъ, вишень и арбузовъ! И я долженъ признаться, что послѣдніе играли не меньшую, если не большую, роль въ моихъ мечтахъ о прелестяхъ вакацій.

На этотъ разъ дѣйствительность вполнѣ оправдала мои мечты. Обѣ бабушки и тетка Елисавета излили передо мной всѣ богатства своихъ сердець, садовъ и огородовъ. Я провелъ у нихъ нѣсколько счастливыхъ дней и въ заключеніе отправился въ Писаревку, не только съ бабушкой Степановной, но и съ теткой Лисою, первымъ другомъ моего дѣтства.

Мы ѣхали четверо сутокъ, отдыхали и ночевали въ полѣ, то на берегу рѣчки, или на опушкѣ лѣса, то по сосѣдству съ какой-нибудь пасѣвой или бакчей. Вечеромъ раскладывали огонь, варили кулишъ, галушки со свинымъ саломъ и ужинали. За ужиномъ слѣдовалъ десертъ изъ огурцовъ и вишень: арбузы тогда еще не поспѣли.

Спали мы подъ открытымъ небомъ, кто на возу, кто подъ возомъ, на сочной душистой травѣ, и такимъ образомъ покоились если не на розахъ, то во всякомъ случаѣ на цвѣтахъ.

Ночи были восхитительныя, теплыя, ласковыя. Вокругъ тишина: ни звука, который напоминалъ бы близость человѣческаго жилья, но за то какой неумолцаемый говоръ и шопотъ, какое жужжанье и стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, въ древесной листьѣ, крикъ перепела, дыханье вѣтра...

Наслаждаясь прелестью этихъ дней и ночей, мы и не подозревали, что дома насъ ожидало горе. вмѣсто шумной и ра-

достной встрѣчи, насъ поразили опечаленныя лица и злобѣщая, озабоченная суетливость, точно въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. Вышла мать въ слезахъ, блѣдная, разстроенная. Обнимая меня, она горько зарыдала.

Отецъ былъ безнадежно боленъ и въ минуту нашего прѣѣзда дѣлались приготовленія къ соборованію его.

Я вошелъ въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, но меня не допустили до его постели. Въ страхѣ и смятеніи прижался я въ углу и тихонько заплакалъ.

Комната постепенно наполнялась посторонними. На всѣхъ лицахъ лежала тѣнь, а на многихъ и слѣды неподдѣльной скорби. Особенно поразила меня наружность помѣщицы: она стояла невозмутимо важная, холодная, но, очевидно, озабоченная. Пришелъ священникъ и приступилъ къ соборованію.

Отецъ все время лежалъ неподвижно и, повидимому, безъ сознанія. Обрядъ кончился. Всѣ разошлись. Остались одни домашніе, въ трепетномъ ожиданіи страшной посѣтительницы — смерти. Но позднимъ вечеромъ надъ отцомъ точно совершилось чудо. Онъ очнулся, промолвилъ нѣсколько словъ и погрузился въ тихій спасительный сонъ. На слѣдующее утро онъ проснулся освѣженный и, къ общей радости семейства, скоро совсѣмъ оправился.

За исключеніемъ этой благополучно миновавшей бѣды, у насъ въ домѣ все было хорошо. Расположеніе и довѣріе помѣщицы къ моему отцу, казалось, достигло въ это время своего апогея,—и не безъ основанія. Помимо услугъ по управленію имѣніемъ, которыя она съумѣла оцѣнить, отецъ оказалъ ей еще рыцарскую помощь въ обстоятельствахъ, крайне плачевныхъ для своенравной, властолюбивой барыни.

Я говорилъ выше, что Марія Федоровна Бедряга предприняла поѣздку на Донъ, съ цѣлью помирить дочь съ мужемъ и разсѣять свои личныя недоразумѣнія съ зятемъ. Но между нимъ и ею произошли новыя столкновенія, отношенія обострились и казацкій генералъ въ заключеніе придумалъ чисто казацкую мѣру обузданія тещи и жены. Онъ отвезъ ихъ въ отдаленный хуторъ и содержалъ тамъ въ строгомъ заключеніи. Сколько онѣ ни бѣсновались, ничего не могли сдѣлать для своего освобожденія. Ихъ слিশеюмъ хорошо стерегли и онѣ ни съ кѣмъ не могли



имѣть не только личныхъ, но и письменныхъ сношеній. Наконецъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, имъ удалось извѣстить о своемъ заключеніи моего отца. Онъ умоляли его пріѣхать и освободить ихъ.

Отецъ, вообще склонный къ романическимъ похождениямъ, охотно взялся имъ помочь. Онъ украдкой пробрался къ мѣсту, гдѣ онѣ были заключены, свелъ дружбу съ ихъ сторожемъ, подкупилъ его и въ заключеніе былъ допущенъ къ нимъ. Послѣ того онъ уже безъ труда вывелъ ихъ изъ дома, гдѣ онѣ содержались, усадилъ въ заранѣе приготовленный экипажъ и благополучно доставилъ въ Писаревку.

Въѣхавъ въ свои владѣнія, Марья Ѳедоровна приказала остановиться у церкви. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, она во всеуслышаніе объявила, что если еще видитъ свѣтъ Божій, то обязана этимъ только отцу моему. И она торжественно поклялась никогда не забывать этого. Какъ сдержала она свою клятву, мы скоро увидимъ.

Быстро промчались ваникулы и я опять очутился въ Воронежѣ. Я перешелъ въ слѣдующій, старшій классъ и это было началомъ новаго періода въ моей жизни. Мое ученіе шло успѣшно и я скоро очутился на первой скамьѣ, первымъ ученикомъ, сначала аудиторомъ, а потомъ и цензоромъ. Званіе школьнаго цензора было какъ бы предзнаменованіемъ моего будущаго цензорства на государственной службѣ, гдѣ я претерпѣлъ столько невзгодъ и гдѣ каждый день отправленія моихъ обязанностей грозилъ бѣдой. Но объ этомъ послѣ.

Въ аудиторы у насъ въ школѣ назначались лучшіе ученики. На нихъ лежали обязанности вести списки или нотаты товарищей, каждое утро, по приходѣ въ школу, провѣрять степень ихъ прилежанія и ставить соотвѣтственныя отмѣтки. Для этого употреблялись латинскія буквы: pn за *progrus nescit* (ничего не знаетъ); ns за *nescit* (почти ничего); nt за *non totum* (на половину знаетъ); nb за *non bene* (не хорошо); er за *erravit* (съ ошибками). Желанною для всѣхъ отмѣткою было s, то есть *scit*.

Отобравъ отъ аудитора нотаты, учитель передавалъ ихъ одному изъ учениковъ—обыкновенно изъ плотныхъ и рослыхъ, который и приводилъ въ исполненіе разъ навсегда установленный надъ лѣнливыми и нерадивыми приговоръ. Вооруженный

линейкой, онъ дѣлалъ обходъ классу, начиная съ прорсуса и до ерравита, и распредѣлялъ между ними опредѣленное для каждаго число палей, т. е. ударовъ линейкою по ладони. Ерравиту, какъ менѣ виновному, дѣлалось только словесное внушеніе.

Званіе цензора считалось высшимъ школьнымъ отличіемъ. На него имѣлъ право только первый ученикъ, которому поручался общій надзоръ за порядкомъ и благонравіемъ въ классѣ. Онъ наблюдалъ за тишиной и порядкомъ до прихода учителя и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ школьники собираются въ массѣ. Нарушителей порядка и благочинія онъ записывалъ въ особую тетрадь, которую въ свое время представлялъ на разсмотрѣніе учителя, а тотъ уже приговаривалъ шалуновъ къ тому или другому наказанію, въ видѣ розогъ или палей.

Съ первыхъ же шаговъ моихъ въ школѣ мною овладѣло честолюбивое желаніе сдѣлаться цензоромъ, а при переходѣ въ старшій классъ оно просто не давало мнѣ покою. Между тѣмъ случилось, чего я не сказалъ раньше, что отецъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ отправить меня въ Воронежъ тотчасъ по окончаніи каникулъ. Пришлось ждать оказіи, которая представилась не скоро, и я явился въ училище почти два мѣсяца спустя послѣ начала курса.

Ученіе далеко ушло впередъ и догнать товарищей казалось дѣломъ очень труднымъ. Мнѣ, въ качествѣ отсталого, отвели мѣсто на третьей скамьѣ. Цензорство, повидимому, ускользало отъ меня и мое самолюбіе жестоко страдало. Подстрекаемый имъ, я такъ рьяно принялся за дѣло, что быстро догналъ классъ и очутился опять на первой скамьѣ.

Товарищи сильно поддерживали меня въ усиліяхъ встать во главѣ ихъ. Цензоромъ въ первое полугодіе былъ нѣкто Лонгиновъ, не пользовавшійся расположеніемъ школьниковъ, и тѣ, не меньше меня, желали низложенія его въ мою пользу.

Прошло еще двѣ недѣли. Лонгиновъ совершилъ какой-то важный школьный проступокъ, за что былъ пересаженъ на пятую скамью, или, какъ говорили мальчики, „сосланъ въ деревню бить масло“. Само собой разумѣется, что онъ одновременно лишился и цензорства, которое тогда, по всѣмъ правамъ, перешло ко мнѣ. Я торжествовалъ, а со мной и товарищи, не любившіе

моего предшественника за пристрастное и недобросовѣстное пользование преимуществами своего цензорскаго положенія.

Къ чести моихъ учителей и товарищей, я не могу умолчать, что Лонгиновъ былъ сынъ относительно богатыхъ и влиятельныхъ родителей, я же—что называется—голышъ: мнѣ даже не на что было покупать учебныхъ книгъ и я списывалъ уроки съ книгъ моихъ, лучше обставленныхъ, соучениковъ.

Достигнувъ власти, я не обманулъ довѣрія товарищей. Тогда же честолюбіе, которое побуждало меня стать первымъ среди нихъ, теперь внушало мнѣ страстное желаніе подчинить ихъ себѣ единственно силою моей воли и моего личнаго маленькаго характера, а не страхомъ стоявшаго у меня за спиной учительскаго авторитета. Поэтому главный атрибутъ моего цензорства: тетрадь для записыванія въ чемъ-либо провинившихся учениковъ, была въ моихъ рукахъ пустой угрозой и никогда не доходила до начальства.

Мой образъ дѣйствій пришелся по сердцу товарищамъ и они, за рѣдкими исключеніями, охотно входили въ мои виды. Благодаря этому, порядокъ и тишина въ нашемъ классѣ были примѣрные. Если мальчики ссорились, ихъ ссоры рѣшались между товарищами и не шли дальше. Бывшіе у насъ въ большомъ ходу и не преслѣдуемые начальствомъ кулачные бои тоже благообразились. Вошло въ правило избѣгать ударовъ въ носъ или, вообще, въ лицо и ограничиваться болѣе выносливыми частями тѣла. Всякая попытка застать противника врасплохъ строго осуждалась и только та побѣда считалась законною, которая бралась ловкостью и открытою силою. Долженъ сознаться, что и я былъ не изъ послѣднихъ въ этихъ бояхъ.

Но любимую мою игрою была игра въ ланту и бѣганье въ запуски: въ нихъ никто не могъ сравниться со мной. За то я почему-то презиралъ свайку и очень плохо игралъ въ ладыежи, нерѣдко проигрываясь въ пухъ.

Происходили у насъ и уличныя свалки съ воспитанниками военнаго сиротскаго отдѣленія, тогдашними кантонистами. Между ними и нами существовала непримиримая вражда и рѣдая встрѣча обходилась безъ драки. Хотя, внѣ класса, мои цензорскія права и обязанности были гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ стѣнахъ школы,

тѣмъ не менѣе, ревнуя о чести моихъ товарищей, я вынесъ не мало страха и хлопотъ, оберегая ихъ скулы и подглазія.

Общество въ училищѣ было смѣшанное. На одной и той же скамьѣ часто рядомъ сидѣли: сынъ секретаря и даже совѣтника палаты и сынъ вѣрнопостнаго человѣка; мальчикъ изъ богатаго купеческаго дома, прїѣзжавшій въ школу на сытой лошади, въ щегольской пролеткѣ, и бѣднякъ, въ дырявомъ скюртучишкѣ, очевидно, спитомъ не на него и едва прикрывавшемъ плохенькіе полотняные штанишки. Тутъ же возсѣдалъ и хохликъ изъ Бирюча или Острогожска, сынъ казака, или войсковаго обывателя, съ задорнымъ чубомъ на головѣ и въ затрапезномъ холстѣ сомнительнаго цвѣта.

Не смотря на такое разнообразіе въ ихъ общественномъ положеніи, дѣти въ школѣ охотно братались и не замѣтно было между ними ни чванства съ одной стороны, ни зависти съ другой. Преимущество оставалось за тѣми, которые лучше учились, а главнымъ образомъ за тѣми, которые ловче распоряжались руками въ кулачномъ бою и въ игрѣ мячемъ, или же были острѣе и находчивѣе въ рѣчахъ. Вся честь этого должна быть отнесена на долю учителей, которые, своимъ справедливымъ, нелицепріятнымъ отношеніемъ въ ученикамъ, поддерживали между ними духъ равенства и исключали всякое стремленіе къ сословному чванству.

Что касается ученія, оно въ нашемъ училищѣ—за исключеніемъ развѣ только большей добросовѣстности учителей—шло ни хуже, ни лучше, чѣмъ во всѣхъ русскихъ школахъ того времени. Мы учились Заѳону Божию, священной и немного всеобщей исторіи, русской грамматикѣ, ариметикѣ, физикѣ, естественной исторіи, началамъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и изучали книгу объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Наставники наши были знакомы лишь съ однимъ способомъ преподаванія—а именно заставляли насъ все заучивать наизусть по краткимъ учебникамъ. Самые любознательные изъ насъ уже начинали сознавать недостатокъ такого ученія и старались пополнять его чтеніемъ. И прежде одержимый страстью къ книгамъ, я теперь еще сильнѣе предался ей, поглощалъ все, чѣмъ

только удавалось заручиться. Романы, историческія сочиненія, біографіи знаменитыхъ людей—эти послѣднія особенно—составляли мою отраду и главный интересъ моей жизни.

Попалъ мнѣ въ руки Плутархъ и сдѣлался моимъ любимымъ авторомъ. Сократъ, Аристидъ, Филопоменъ, освободитель Сиракузъ Діевль по очереди овладѣвали мною до того, что я проводилъ цѣлыя часы въ размышленіяхъ объ ихъ доблестяхъ и въ мечтахъ о томъ, какъ имъ уподобиться. Воображеніе рисовало мнѣ карту небывалаго государства, а въ немъ провинціи и города съ именами, заимствованными изъ древняго міра. Я былъ тамъ правителемъ и сочинялъ въ головѣ цѣлую исторію подвластнаго мнѣ царства, устроеннаго по плану Платоновой республики.

Экзальтація моя подъ часъ переходила въ манію и искала себѣ исхода въ восторженныхъ рѣчахъ. Я воображалъ себя ораторомъ на римскомъ форумѣ или на аѳинской агорѣ, въ порывѣ благороднаго негодованія громилъ враговъ отечества, или горячо отстаивалъ принципы свободы и человѣческаго достоинства. Мой энтузіазмъ сообщался другимъ школьникамъ и у насъ пошла въ ходъ новая игра—въ героевъ и ораторовъ.

Не меньше волновали меня и романы. Преимущественно переводные и большею частью плохіе, безъ малѣйшаго намека на психологическое развитіе характеровъ, они плѣняли меня исключительно романтическими похождениями и пламенными чувствами, въ нихъ изображенными. Съ какимъ трепетомъ проникалъ я въ мрачныя подземелья вслѣдъ за Анною Редклифъ, какъ упивался сладчайшимъ Августомъ Лафонтеномъ! Но не много дало мнѣ въ результатъ это чтеніе: романы перваго изъ двухъ названныхъ авторовъ сдѣлали то, что я и послѣ долго еще боялся оставаться одинъ въ темной комнатѣ, а втораго, что, при встрѣчѣ съ каждой женщиной я спѣшилъ возводить ее въ перлъ созданья и въ нее влюбляться.

Мои собственныя чувства я изливалъ въ пламенныхъ и, должно быть, крайне нелѣпыхъ письмахъ къ родителямъ и къ одному изъ товарищей—Рындину. Очень добрый и благоправный, но простоватый мальчишъ, онъ всегда, развѣся уши, слушалъ моя высокопарныя бредни. Я пожаловалъ его въ моего вѣрнаго

послѣдователя и сподвижника и, въ качествѣ таковаго, засыпалъ рѣчами и посланіями.

Съ головою, набитою всякаго рода геройскими подвигами и романической чепухой, я съ ничѣмъ неоправдываемымъ, особенно въ моей скромной долѣ, пренебреженіемъ относился ко всѣмъ житейскимъ мелочамъ и требованіямъ трезвой дѣйствительности. Я не умѣлъ, да и не хотѣлъ подчиняться ни правиламъ разумной бережливости, ни даже простой порядливости, часто предпочитая обходиться безъ необходимаго, чѣмъ заботиться о его приобрѣтеніи или сбереженіи.

Менѣ добросовѣстные изъ товарищей, особенно изъ жившихъ со мной на одной квартирѣ со мною, подмѣтивъ во мнѣ это отношеніе съ высока ко всякаго рода матеріальнымъ выгодамъ и удобствамъ, безъ зазрѣнія совѣсти, пользовались моимъ добромъ, какъ своимъ. Не мудрено, если я, по окончаніи каждаго учебнаго года, возвращался домой, что называется, голъ, какъ соколъ. Бѣдной матери моей не мало труда стоило скрывать мои проказы отъ отца. Сама же она, пожуривъ меня немного, всегда умудрялась — до послѣдней крайности обрѣзывая самое себя — опять снабжать необходимымъ.

Училище наше было трехклассное, но младшій классъ почему-то назывался не классомъ, а низшимъ отдѣленіемъ. Учителей, по числу классовъ, было тоже три: Федоръ Ивановичъ Клемантовъ, о которомъ я уже говорилъ, завѣдывалъ низшимъ отдѣленіемъ; Николай Лувьяновичъ Грабовскій и Александръ Ивановичъ Морозовъ преподавали оба въ двухъ старшихъ классахъ. Штатнымъ смотрителемъ былъ Петръ Васильевичъ Соколовскій.

Не знаю, гдѣ получилъ образованіе послѣдній. Грабовскій же кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ, а Морозовъ въ воронежской семинаріи. Всѣ они были люди почтенные и по развитію стояли гораздо выше своего положенія. Одна необходимость могла приволатъ ихъ къ неблагодарному учительскому поприщу, въ провинціальной глуши. Морозову, впрочемъ, какъ болѣе молодому, удалось впоследствии лучше устроить свою судьбу. Соколовскій держалъ пансіонеровъ. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ французскій языкъ и занимался частнымъ преподаваніемъ его, что помогало ему жить съ семействомъ довольно

прилично. Онъ, между прочимъ, составилъ и издалъ грамматику французскаго языка. Это былъ очень добрый старикъ, немного вспыльчивый и потому готовый, въ порывѣ гнѣва, обругать школьника. Но онъ мгновенно смягчался и не былъ способенъ ни на какую послѣдовательную строгость.

Грабовскій тоже занимался частными уроками французскаго языка, съ котораго перевелъ какую-то книгу.

Морозовъ былъ гораздо моложе своихъ товарищей. Онъ писалъ стихи, одѣвался по послѣдней провинціальной модѣ и щеголялъ тонкимъ обращеніемъ. Отецъ его, благочинный протоіерей въ одной изъ богатыхъ малороссійскихъ слободъ, могъ, до извѣстной степени, оказывать поддержку сыну, который, благодаря тому, жилъ довольно сносно. Но Морозовъ видимо тяготился ролью учителя въ уѣздномъ училищѣ и только ждалъ случая промѣнять ее на что нибудь болѣе производительное, имѣя на то полное право по своимъ способностямъ. Испытавъ потомъ службы въ другихъ вѣдомствахъ, онъ, однако, опять вернулся къ учебной дѣятельности. Я въ то время уже успѣлъ нѣсколько пробыться въ жизни и могъ, въ свою очередь, оказать ему содѣйствіе. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ попечителемъ одесскаго округа, Княжевичемъ, я могъ ходатайствовать за моего бывшего наставника, и Морозовъ былъ назначенъ инспекторомъ въ одну изъ гимназій этого округа.

То было слабою данью признательности человѣку, выказавшему самое безкорыстное участіе къ бѣдному школьнику, не имѣвшему на то никакихъ правъ, кромѣ развѣ полной безпомощности, которая, въ глазахъ людей великодушныхъ, является лучшимъ правомъ на ихъ вниманіе. Такъ и Морозова, должно быть, привлекала ко мнѣ моя болѣе чѣмъ скромная доля. Мои успѣхи, очевидно, были ему пріятны, а когда ему случайно попалось въ руки одно мое стихотвореніе — я около этого времени началъ кропать стихи! — онъ окончательно заинтересовался мною. Стихотвореніе — какое-то сентиментальное обращеніе къ природѣ — само по себѣ, конечно, не представляло ничего, кромѣ свидѣтельства о добрыхъ намѣреніяхъ одиннадцатилѣтняго школьника, но этого было достаточно, чтобы побудить Морозова усерднѣе запяться развитіемъ способностей, которыя, ему казалось, онъ

подмѣтилъ. Онъ предложилъ мнѣ безвозмездные уроки у себя на дому—и не грамматики уже, которую преподавалъ въ школѣ, а, какъ тогда говорили, пѣтичѣ: безъ полного курса этой мудреной науки поэтическое творчество считалось немислимымъ въ тѣ времена.

Вотъ я по два раза въ недѣлю началъ ходить къ Александру Ивановичу Морозову. Но занятія наши пѣтичкой не долго продолжались: я оказался рѣшительно неспособнымъ усвоить себѣ правильный стихотворный размѣръ. У меня не хватало для этого слуха. Отецъ мой, самъ хорошій музыкантъ, во что бы то ни стало хотѣлъ и во мнѣ развить вкусъ къ музыкѣ, но вышеупомянутый недостатокъ и тутъ явился непреодолимымъ препятствіемъ.

Однако, въ первый годъ моего пребыванія въ Воронежѣ, когда дѣла отца относительно процвѣтали, такъ что онъ могъ позволить себѣ эту роскошь, онъ взялъ мнѣ учителя музыки. Сначала я храбро принялся за дѣло и бралъ уроки на скрипкѣ и на фортепіано. Но, Боже мой! сколько музъ причинили мнѣ эти два инструмента! Учитель мой, какъ говорили, отличный музыкантъ и добрый человѣкъ, однако, былъ очень нетерпѣливъ. Бѣда, бывало, взять не ту ноту, какую слѣдуетъ, или перемѣшать бемоль съ дѣззомъ: а я только это и дѣлалъ! Скрипка была любимымъ инструментомъ моего учителя и потому мнѣ всего больше за нее доставалось. Смычекъ негодующаго маэстро безпрестанно отрывался отъ струнъ инструмента и съ яростью выдѣлывалъ трели по моимъ пальцамъ, съ которыхъ, по этому случаю, не сходили синяки.

Между тѣмъ я очень любилъ музыку, но она, очевидно, не любила меня. Въ концѣ концовъ я все-таки выучился съ грѣхомъ пополамъ пилевать нѣсколько экосезовъ, вальсовъ и пѣсенъ, но дальше не пошелъ, тѣмъ болѣе что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отецъ не могъ дольше платить за мои уроки.

Я съ радостью продалъ скрипку, а вырученныя деньги тутъ же промоталъ—на изюмъ, финики, инжиръ...

То-же самое повторилось со мной и при изученіи гармоніи слова. Я никакъ не могъ разобраться во всѣхъ этихъ ямбахъ, хоряхъ, спондеяхъ. Наконецъ, и Морозовъ въ томъ убѣдился, но рвеніе его отъ того не остыло. Онъ меня ободрялъ, говоря,



что и въ прозѣ можно быть поэтомъ, и засадилъ меня за риторикѣ.

Тутъ дѣло пошло лучше. Я безъ устали маралъ бумагу, а мой наставникъ съ невозмутимымъ терпѣніемъ критиковалъ и обсуждалъ мои „сочиненія“. Сколько и какихъ „хрій“ вышло за это время изъ-подъ моего пера! На какихъ только „источникахъ изобрѣтенія“ не подвизался я. Впрочемъ, Морозовъ не особенно стѣснялъ и мою собственную мысль, но главнымъ образомъ слѣдилъ за логической связью и грамматическою правильностью моихъ дѣтскихъ изложеній.

Но время шло своимъ чередомъ и курсъ моего ученія въ воронежскомъ уѣздномъ училищѣ близился къ концу. Двадцать пятого іюня, кажется 1815 года, состоялся выпускной экзамень. Я, въ качествѣ перваго ученика, произнесъ съ кафедры двѣ рѣчи: одну по нѣмецки „О честности“, другую по русски, на тему извѣстнаго тогда сочиненія Львова: „Храмъ славы Россійскихъ героев“.

Мнѣ выдали аттестатъ и похвальный листъ. Я удостоился получить ихъ изъ рукъ самаго епископа воронежскаго и черкаскаго, Антонія. Преосвященный меня обласкалъ, погладилъ по головѣ, благословилъ и, вручая документъ, съ улыбкой проговорилъ: — „Умный мальчикъ! Продолжай хорошо учиться и благоправно вести себя: будешь человѣкомъ“.

Кстати объ Антоніи. Онъ въ свое время игралъ видную роль въ нашемъ краю. Во цвѣтѣ силъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ и слылъ за большаго остряка и умника, но правами отличался далеко не пастырскими. Онъ любилъ свѣтъ, былъ мягокъ въ обращеніи и очень любезенъ въ обществѣ, особенно дамскомъ.... Но такъ какъ онъ былъ со всѣми обходителенъ и никому не дѣлалъ зла, въ городѣ смотрѣли сквозь пальцы на нѣкоторые его поступки.... Только подъ конецъ своего пребыванія въ Воронежѣ онъ совершилъ дурное дѣло, чѣмъ и возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе: онъ, въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему городовъ, отрѣшилъ отъ должности всѣми уважаемаго благочиннаго и замѣнилъ его собственнымъ безпутнымъ братомъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Съ тѣхъ поръ Антонію не повезло. Его перевели въ другую

епархію, но тамъ съ нимъ скоро сдѣлался ударъ. Здоровье его пошатнулось, онъ удалился въ какой-то монастырь, гдѣ и оставался до конца.

Помню я около этого времени еще другое духовное лицо, такого-же точно пошиба—архимандрита Акатовскаго Алексѣевскаго монастыря, Мееодія, ближайшаго сподвижника Антонія, какъ въ управленіи духовными дѣлами, такъ и въ свѣтскихъ похожденияхъ.... Не знаю, чѣмъ кончилъ Мееодій. Мои личныя сношенія съ нимъ ограничились однимъ свиданіемъ въ знакомомъ домѣ. Онъ увѣщевалъ меня строго держаться благочестія и всего усерднѣе изучать латинскій и греческій языки. Увѣщанія отца-архимандрита, конечно, были бы несравненно убѣдительнѣе, если бы отъ него не несло, какъ отъ бочки, виномъ.

Мнѣ было всего тринадцать лѣтъ, когда я кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Не безъ горя разстался я съ товарищами, но всего больше скорбѣлъ о невозможности присоединиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые готовились поступить въ гимназію. Двери ея были неумолимо закрыты для меня.

Тутъ мнѣ впервые пришлось ясно сознать, какое проклятіе тяготѣло надо мной, въ силу моего общественнаго положенія, которое позднѣе причиняло мнѣ столько мукъ и чуть не довело меня до самоубійства.

Мои учителя, Грабовскій и Морозовъ, глубоко сочувствовали мнѣ и въ заключеніе придумали способъ мнѣ помочь, который—не знаю къ чему привелъ бы меня—но для нихъ могъ бы имѣть крайне печальныя послѣдствія.

Всѣ мальчики были уже распущены, кто на ваникулы, кто чтобы больше не возвращаться въ училище. Я еще оставался въ Воронежѣ, выжидая оказіи для болѣе дешеваго проѣзда домой. Не легко было у меня на сердцѣ! Вдругъ получаю отъ Грабовскаго письмо. Онъ меня увѣдомлялъ, что, сообщая съ другими членами училища, придумалъ мѣру, которая могла открыть мнѣ доступъ въ гимназію.

Въ чемъ же состояла эта мѣра? А въ томъ, чтобы въ аттестатѣ, выданномъ мнѣ изъ училища, вовсе не выставлять моего званія, а въ вѣдомости, которую вслѣдъ за тѣмъ надлежало представить директору гимназіи, назвать меня сыномъ коллежскаго

регистратора — однимъ словомъ, они, въ порывѣ великодушія, рѣшались прибѣгнуть къ подлогу! Грабовскій убѣждалъ меня, не теряя времени, явиться къ директору. Добрые люди! Въ простодушіи своемъ они даже не подумали приготовить себѣ на всякій случай лазейку, но съ головой выдавали себя въ письмѣ къ мальчику, который легко могъ, или проговориться по неопытности, или, по неосторожности, потерять опасный документъ. Къ счастью, не смотря на мои тринадцать лѣтъ, я инстинктивно понималъ необходимость молчанія въ данномъ случаѣ и положилъ во всемъ открыться только отцу.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## Баронесса Э. О. Раденъ.

### Замѣтка.

Въ мартовской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1888 г., въ статьѣ К. А. Буха: „Великая княгиня Елена Павловна“, сказано, между прочимъ (стр. 808): „Куда дѣвались бумаги и книги г-жи Раденъ? Миѣ неизвестно. Говорятъ, что все ея имущество, не исключая библіотеки и бумагъ, продано; книги и бумаги—будто-бы букинисту! Если это справедливо, то нельзя не пожалѣть исчезновенія не только названныхъ мною матеріаловъ для біографіи Елены Павловны, но и много другихъ любопытныхъ бумагъ, хранившихся у покойной баронессы“.

Предположенія г. Буха неосновательны. Всѣ бумаги и письма, оставшіяся послѣ баронессы Э. О. Раденъ, находятся въ сохранности, въ вѣрныхъ рукахъ, и матеріалы эти должны послужить источникомъ для жизнеописанія въ Востѣ почивающей великой княгини Елены Павловны, наданіе коего нынѣ же или въ ближайшемъ будущемъ представлялось бы, однако, еще несвоевременнымъ.

И. Шванебахъ.

## ІАКИНОЪ ВИЧУРИНЪ

въ далекихъ воспоминаніяхъ его внучки.

V<sup>1)</sup>.

Время шло; я выростала. Олимпиада Ивановна занималась со мной усердно и съ увлеченіемъ. Училась я больше, охотиѣ и вообще стала какъ будто умнѣе. Дѣдушка гладилъ меня по головкѣ, хвалилъ и баловалъ еще больше.

Въ лѣтнѣе время, когда онъ жилъ съ нами, я по прежнему являлась къ нему каждое утро, чтобы напиться съ нимъ чаю и причесать ему голову.

Такъ же бралъ онъ меня къ себѣ на колѣни, хотя я стала и много больше, но сидѣла я не долго, осторожно, боясь помѣшать ему. Я уже сама начинала понимать, что онъ занятъ чѣмъ-то очень серьезнымъ и что мѣшать ему нельзя.

Однажды на мой вопросъ: отчего онъ все пишетъ? дѣдушка отвѣтилъ мнѣ, что онъ занимается переводами съ китайскаго языка на русскій, и тогда-же онъ показалъ мнѣ китайскія книги, длинныя, узкія, впрочемъ, были и широкія, изъ тонкой, желтой бумаги. Я была очень удивлена, что слова тамъ напечатаны вдоль листа и читаются снизу вверхъ. Какъ-то разъ я попросила его, чтобы онъ выучилъ меня читать и писать по китайски.

Дѣдушка былъ чрезвычайно доволенъ этимъ желаніемъ, хвалилъ, ласкалъ меня и не замедлилъ начатіемъ этихъ уроковъ. Въ свободныя свои минуты, онъ съ большимъ терпѣніемъ началъ со мною заниматься; я-же ровно ничего не понимала и оказалась совершенно неспособной къ изученію китайской грамоты.

Дѣдушка огорчился, но надежды не потерялъ. Кончилось тѣмъ,

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 271—300.

что онъ началъ учить меня разговорному языку; слова и фразы я заучивала съ языка. Наконецъ, онъ сдѣлалъ тетрадь, гдѣ и писалъ ихъ для меня русскими буквами. Долго хранилась она у меня, но, наконецъ, потерялась. Изъ выученнаго тогда у меня и теперь осталось въ памяти три фразы. Запомнила-же я ихъ, вѣроятно, потому, что ежедневно приходилось ихъ говорить, здороваясь и прощаясь съ нимъ. Научилъ онъ меня также и кланяться по китайски. Входя къ нему утромъ, я должна была поклониться, поздороваться и спросить о здоровьи по китайски.

Онъ тотчасъ же поднималъ голову, улыбался, снималъ очки. Спросивъ меня выученное и задавъ новый урокъ, онъ снова возвращался къ своей работѣ.

Во время нашихъ прогулокъ, онъ уже со мною разговаривалъ, чего прежде не дѣлалъ. Гуляли мы съ нимъ почти всегда вдвоємъ; сестры мои были значительно моложе меня и гуляли все съ нянькой. Олимпиада Ивановна, по слабости своего здоровья, не могла много ходить, а веселаго его спутника, Е. И. Ушакова, уже не было на свѣтѣ.

Замѣтивъ, что дѣдушка любитъ говорить о Китаѣ, и желая вовлечь его въ разговоръ, я всегда начинала разспрашивать про него. Ему нравилось, что я интересуюсь Китаемъ, отвѣчалъ охотно и незамѣтно начинался нескончаемый о немъ разговоръ. Помню, много онъ рассказывалъ мнѣ про свое тамъ житье, прогулки, роскошную природу, но, къ несчастію, все исчезло изъ памяти. Запомнился только рассказъ его о томъ, какъ однажды во время одной далекой тамъ прогулки онъ встрѣтился съ тигромъ, котораго и убилъ кинжаломъ своей палки.

Въ другой-же разъ онъ съ трудомъ спасся отъ преслѣдовавшей его огромной змѣи. Эти рассказы я очень любила, слушала ихъ съ большимъ увлеченіемъ и все мечтала уѣхать съ дѣдушкой въ Китай, когда буду большая.

Чѣмъ болѣе я выростала, тѣмъ больше росла наша взаимная привязанность.

Онъ скучалъ, когда меня долго не видѣлъ, и любилъ, чтобы я сидѣла у него на балконѣ съ работой даже тогда, когда самъ писалъ. Работалъ же онъ всегда на балконѣ, развѣ уже слишкомъ ненастная погода заставляла его войти въ комнату.

Иногда-же писалъ съ такимъ увлеченіемъ, что его нельзя было оторвать отъ занятій; забывая ѣду и сонъ, онъ по нѣсколькимъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Случалось, когда мухи слишкомъ надоѣдали ему, онъ заставлялъ меня отмахивать ихъ мухоголкой. Когда же было ему слишкомъ жарко, я становилась сзади его кресла на маленькую

скамеечку и вѣяла надъ нимъ китайскимъ вѣромъ. Приходилось иногда стоять такимъ образомъ очень долго, но я не тяготилась этимъ скучнымъ занятіемъ и исполняла его охотно.

Стоя около него, я отъ скуки глазѣла по сторонамъ, но не видѣла ничего кромѣ книгъ, да географическихъ картъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Я такъ много и часто ихъ читала, что не только названія ихъ остались навсегда въ памяти, но даже форматъ и мѣсто, гдѣ именно висѣли онѣ.

Такъ болѣе близкія къ нему и большія были: Азія и средняя Азія. Меньшаго же формата и висѣвшія дальше: Японія, Монголія, Манчурія и Тибетъ.

Въ эти годы я была очень некрасивой дѣвочкой. Болѣзненная, худая, блѣдная, низкій лобъ, маленькіе каріе глаза, нѣсколько приподнятые вверху. Мать была очень недовольна моею наружностью, но дѣдушкѣ я нравилась чрезвычайно. Онъ находилъ, что я очень похожа на китайку, чѣмъ всегда сердилъ и раздражалъ мать.

Однажды Олимпиада Ивановна, которая всегда сама меня причесывала, сдѣлала мнѣ прическу, которая тогда называлась «à la chinoise». Увидя меня въ ней, онъ пришелъ въ полный восторгъ отъ увеличившагося во мнѣ сходства съ китайкой. Онъ тотчасъ же обѣщаль выписать для меня изъ Китая дорогой и роскошный костюмъ.

Исполняя всегда безпрекословно всѣ мои прихоти, дѣдушка упорно отказывалъ только въ одной. Мнѣ ужасно нравились четки, которые онъ носилъ постоянно, не снимая ихъ даже на ночь. Много уже разъ я просила его подарить ихъ мнѣ, но всегда онъ отвѣчалъ одно и то-же:

— Когда вырастешь и будешь умнѣе, тогда и подарю.

Приставая къ нему за объясненіемъ, почему онъ не хочетъ ихъ подарить, когда у него много другихъ гораздо красивѣе, я получала также одинъ всегда отвѣтъ:

— Когда вырастешь, будешь умнѣе, тогда и узнаешь.

И я выросла; дѣдушка подарилъ мнѣ четки... но хотя была умнѣе, а все-же не поняла тогда значенія ихъ.

Становясь старше, я чаще бывала между большими. Присутствуя при разговорахъ, которые велись между ними, я невольно вслушивалась въ нихъ и опять замѣтила, что любимый разговоръ дѣдушки былъ о Китаѣ. Когда заходила рѣчь о немъ, или вообще объ Азіи, его просто нельзя было узнать. Онъ начиналъ говорить много, долго, все увлекаясь и оживляясь, вскакивалъ съ мѣста, быстро ходилъ большими шагами, то бросая, то закуривая сагару. Помню, бывали горячіе разговоры, шумные и долгіе споры, но содержаніе ихъ ускользнуло изъ

памяти. Живо запомнились только нѣкоторыя выраженія о. Іакинеа. Напр., если ему не нравилось чье-либо мнѣніе, онъ, горячась, говорилъ:

— Да что съ вами толковать! Вы судите по европейски! А, чорты! прибавить онъ съ раздраженіемъ и махнулъ рукой. Потомъ, закуривъ сигару, замолчить надолго.

Напротивъ-же, если ему нравилось чье сужденіе, онъ оживлялся и съ восторгомъ восклицалъ:

— Прекрасно, превосходно! Это совершенно по азіатски! У васъ такой же здравый взглядъ, какъ и у азіата.

Или-же:

— Лучше нельзя разсудить! Это совершенно согласно съ мнѣніемъ китайцевъ! Да! Вы судите вѣрно; вы судите вполне по азіатски!

Выше этой похвалы, по его мнѣнію, ничего не могло быть; не было у него также и осужденія ниже:

— Да это все европейское! Вы настоящій европеецъ и вздоръ городите европейскій!

Въ 1848 г. мать моя нашла необходимымъ, для окончательнаго образованія, отдать меня въ Смольный монастырь. Хотя Олимпиаду Ивановну очень огорчала возможность со мной разлуки, но она была того-же мнѣнія. Дѣдушка сильно протестовалъ, пробовалъ отговаривать мать, но она не измѣнила своего рѣшенія. Онъ такъ сердился, такъ былъ недоволенъ этимъ, что даже не пріѣхалъ проститься со мной въ день, когда меня отвозили.

Навѣщалъ онъ меня рѣдко. Всего, кажется, раза два былъ въ пріемной залѣ; привозилъ же гостинцевъ такое множество, что всѣ подружки завидовали, что у меня былъ такой хорошій дѣдушка.

Пріѣзжалъ онъ больше къ самой начальницѣ, которая была съ нимъ знакома и очень уважала его и всегда за мной присылала. Въ первый же свой пріѣздъ къ ней дѣдушка привезъ мнѣ маленькую тетрадь, съ вповь составленными для меня упражненіями съ китайскими фразами.

Онъ очень просилъ меня выучить ихъ, повторять и не забывать старое, уже выученное. Этого его желанія мнѣ не пришлось, однако, исполнить, хотя въ свободное время я и начала было учить ихъ. Тетрадь попалась вскорѣ моимъ подругамъ; онѣ подвѣли на смѣхъ меня и дѣдушку. Дошло дѣло до классной дамы; она отобрала ее и стала пересматривать. Не понявъ ничего, она передала другой дамѣ, та тоже не поняла, читала и смѣялась.

Кажется, эта тетрадь обошла всѣхъ дамъ, которыя, ничего не понимая, только смѣялись. Въ заключеніе, моя классная дама объявила мнѣ, что китайскій языкъ для смолянокъ вовсе ненужный и

даже неприличный въ обществѣ, и что тетрадь она передастъ сама дѣдушкѣ, когда онъ пріѣдетъ. Однако, тетрадь дѣдушкѣ не передали и она такъ и затерялась.

Когда пріѣзжалъ въ Смольный кто-либо изъ почетныхъ и высокихъ гостей, то начальница всегда меня вызывала и представляла мнѣ, какъ внучку о. Іакинѣа. Часто пріѣзжавшій туда принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій всегда спрашивалъ у меня о здоровьѣ дѣдушки и посылалъ ему поклоны.

Ровно черезъ годъ послѣ моего поступленія въ Смольный умерла отъ чахотки Олимпиада Ивановна и смерть ея была большимъ для меня горемъ, потому что я любила ее горячо.

Видя дѣдушку весьма рѣдко, я очень скучала о немъ, писала ему нѣжныя письма, просила пріѣхать, но онъ не пріѣзжалъ. Мать говорила сначала, что у него большая работа и что онъ очень занятъ; потомъ говорила, что онъ былъ сильно боленъ.

Въ Смольный я была отдана на свой счетъ и пробыла тамъ не долго. Я была очень хорошо приготовлена и поступила въ старшій классъ, а въ мартѣ 1851 года вышла вмѣстѣ съ выпускомъ. За годъ до выпуска скончался мой отецъ. По этому случаю дѣдушка писалъ письмо начальницѣ, прося ее отпустить меня домой проститься съ отцомъ. Его просьба была уважена и меня, въ сопровожденіи классной дамы, отпустили домой на день. Пробывъ до вечера, я, однако, не видала дѣдушки; онъ не былъ у насъ. Кстати тутъ сказать про странность, которая у него была. Онъ не могъ видѣть покойниковъ и никогда не присутствовалъ на похоронахъ и панихидахъ даже самыхъ близкихъ и любимыхъ имъ людей.

Въ день выпуска, когда я возвратилась домой, онъ встрѣтилъ меня съ образомъ и благословилъ. Въ тотъ же вечеръ, лаская меня, онъ спросилъ, все ли я выучила изъ новой тетради. Не смотря на свою обычную забывчивость и разсѣянность, онъ, однако, не забылъ, что задалъ мнѣ новые уроки. Неудача, постигнувшая его тетрадку, очень огорчила его.

Вглядѣвшись въ него пристальнѣе, я нашла въ немъ большую переměну.

Лицо покрылось морщинами и приняло желтоватый оттѣнокъ; глаза маленькіе, чуть глядѣли. Волосы значительно побѣлѣли, лобъ облысѣлъ; руки сморщенные, сухія. Даже ростомъ, мнѣ показалось, будто онъ сталъ ниже, хотя не сторбился. Ходилъ онъ, однако, совершенно бодро, говорилъ громко и по прежнему былъ быстръ въ движеніяхъ.

Годы, которые я провела въ Смольномъ, мать не жила въ Муринѣ,



а дѣдушка лѣтніе мѣсяцы проводилъ въ Киновѣ, гдѣ онъ очень скучалъ и говорилъ, что ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ туда еще разъ.

Вскорѣ послѣ выпуска былъ день моего рожденія и по этому случаю онъ привезъ мнѣ много подарковъ.

Сидя послѣ обѣда около него на диванѣ и пересматривая ихъ, я вдругъ вспомнила про китайскій костюмъ, обѣщанный имъ. Напомнивъ дѣдушкѣ объ этомъ, я просила его исполнить свое обѣщаніе и поскорѣе выписать его. Улыбнувшись добродушно, онъ покачалъ головою и, смѣясь, сказалъ:

— Теперь въ немъ нужды не вижу. Ты, Наденька, очень пере-мѣнилась съ тѣхъ поръ; пожалуй, этотъ нарядъ будетъ теперь тебѣ не къ лицу. Ты не похожа больше на китайку, а жаль! Ты была прежде гораздо красивѣе...

Я взглянула на висѣвшее противъ насъ зеркало и лукаво улыбнулась—въ немъ видѣлось такое хорошенькое, молодое личико.

Дѣдушка смотрѣлъ на меня съ любовью и добродушно улыбаясь: желая обнять, сдѣлалъ движеніе рукой, на которой блеснули четки. Мгновенно я вспомнила, что онъ обѣщалъ ихъ мнѣ.

— Ну, такъ, дѣдушка, подарите мнѣ четки, сказала я тономъ баюваннаго ребенка.

Выраженіе лица о. Іакинаа быстро измѣнилось; оно сдѣлалось серьезно, брови сдвинулись. Онъ всталъ и началъ прохаживаться.

Не обращая вниманія на это измѣненіе, я не отставала отъ него и просила до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ уступилъ мнѣ. Онъ опять сѣлъ около меня и медленно началъ разматывать четки. Сердце мое забилось отъ радости, я протянула руку, чтобы ихъ взять. Дѣдушка медлилъ; онъ держалъ ихъ и долго смотрѣлъ на нихъ молча.

— Раненько бы еще отдавать ихъ тебѣ, проговорилъ онъ, наконецъ. Глупенькая еще ты совсѣмъ, моя махонькая; разума не нажила еще. Вѣдь зря будешь ихъ носить.

— Ничего, дѣдушка, дайте. Увѣряю васъ, что буду беречь ихъ и никогда не потеряю.

— Знаю, что будешь беречь, а то бы развѣ отдалъ ихъ тебѣ. Нашелъ бы и такъ кому ихъ оставить послѣ смерти.

Онъ все еще какъ будто колебался.

— Дѣдушка, подарите же... снова повторила я, боясь, чтобы онъ не раздумалъ.

— Ну, ладно. Запомни только, Наденька, что я тебѣ скажу; запомни и береги ихъ:

«Съ той минуты, когда я получилъ эти четки, я никогда не снималъ ихъ; они мнѣ очень дороги. Былъ у меня дорогой другъ, въ Сибирь сослали его... Онъ самъ дѣлалъ ихъ и этотъ крестикъ изъ его собственныхъ оковъ и сдѣланъ имъ самимъ. Ну что, поняла теперь какъ дороги они мнѣ и какъ тяжело мнѣ ихъ отдать».

— Ну такъ не надо, дѣдушка, нѣтъ, не надо! Я не хочу ихъ больше.

— Можетъ мнѣ и жить-то осталось недолго, въ раздумьѣ проговорилъ онъ. Все равно, махонькая, нѣ, возьми ихъ... Нѣтъ, протяни ручку, я самъ тебѣ надѣну...

Я протянула руку. Онъ перекрестился, поцѣловалъ висѣвшій на четкахъ желѣзный крестикъ и накиннулъ ихъ на нее.

Затѣмъ тотчасъ же всталъ и вышелъ въ другую комнату.

Много лѣтъ я носила ихъ, не снимая даже когда ѣздила на балы, хотя, быть можетъ, это происходило отчасти отъ кокетства.

Мѣсяца два спустя я съ матерью были у всенощной въ монастырѣ; по окончаніи службы зашли къ дѣдушкѣ. Ему нездоровилось. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, закутавшись въ мѣховой тулупчикъ изъ сибирской бѣлки, и жаловался на головную боль и ломоту въ костяхъ. Мать пила чай и просматривала какую-то книгу. Я подошла къ дѣдушкѣ и, разговаривая съ нимъ, спросила кто былъ его другъ, подарившій ему четки. Онъ отвѣчалъ не сряду.

— Бестужевъ... Декабристъ... тихо промолвилъ онъ.

— Что же это значитъ, дѣдушка?

Онъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— А то значитъ, махонькая, что толковать-то объ этомъ съ тобою не стоять. Не разумѣешь еще ничего ты. Поживешь на свѣтѣ и сама узнаешь, а теперь не для чего тебѣ и знать. На все вѣдь свое время; вотъ и мнѣ теперь, видно, подходитъ пора умирать. Такъ-то, кдозочка моя, всему на свѣтѣ свой чередъ.

Дѣдушка былъ въ меланхолическомъ настроеніи и велъ все грустные разговоры.

Слово «декабристъ» я не понимала, а фамилія—Бестужевъ меня не заинтересовала и я больше не спрашивала объ этомъ.

Года летѣли; дѣдушки уже давно не было на свѣтѣ. Я сняла четки, спрятала и забыла о нихъ. Случайно они теперь найдены. При видѣ ихъ мнѣ вспомнилось многое... Забытое, но дорогое...

## VI.

Съ зимы 1850 г. о. Іоакимъ сталъ хилѣть и ослабѣвать, такъ что ему долго не разрѣшали ѣхать вмѣстѣ съ нами на дачу въ Мурино. Мать нѣсколько разъ ѣздилъ къ митрополиту, пока, наконецъ, онъ далъ это разрѣшеніе.

Въ 1851 г. онъ пріѣхалъ въ Мурино позднѣе обыкновеннаго. Онъ привезъ съ собой также и наемнаго своего лакея; помню даже, что его звали Максимомъ.

Отъ монастырскаго начальства матери дано было строгое приказаніе не отпускать дѣдушку одного гулять, а съ человѣкомъ, и имѣть за о. Іакинѣомъ строгое наблюденіе.

Не могу, однако, сказать, чтобы здоровье его тогда требовало такихъ строгихъ мѣръ. Правда, онъ состарился, ослабѣлъ, но слишкомъ рѣзкой въ немъ перемѣны еще не замѣчалось. Разсѣяннѣмъ и забывчивѣмъ онъ былъ всегда. Теперь же, рассказывая что нибудь, онъ вдругъ забывалъ, что именно хотѣлъ сказать, долго припоминалъ, иногда совсѣмъ не вспомнивъ. Но все это случалось съ нимъ и прежде и потому особенно никого не тревожило.

Обстановка его комнаты была прежняя, и также занимался онъ цѣлыми днями. Вставалъ еще раньше, ложился много позднѣе и постоянно жаловался на бессонницу. Ълъ до пораженія мало — въ теченіи дня выпивалъ одну бутылку молока и два яйца въ смятку, одно за завтракомъ, другое за обѣдомъ, которое всегда запивалъ рюмкой хорошей мадеры. По утру ѣлъ аррауруть, что дѣлалъ онъ всегда и прежде; но я объ этомъ, кажется, не упомянула. Изрѣдка, и ради разнообразія, ѣлъ еще немного простокваши. Вообще, сколько я помню, онъ былъ всегда крайне воздерженъ какъ въ пищѣ, такъ и въ питьѣ напитковъ. Какимъ же онъ былъ раньше въ этомъ отношеніи, ничего не могу сказать. Я говорю только о томъ, что хорошо помню и видѣла сама. Обѣдалъ же въ это время отецъ Іакинѣъ, или вѣрнѣе сидѣлъ за столомъ съ нами, весьма уже рѣдко, но послѣ обѣда приходилъ часто посидѣть съ нами, пока курилъ сигару. Купаться также продолжалъ ходить, не смотря на погоду, но купался уже не три, а одинъ разъ въ день и всегда въ сопровожденіи Максима. Ходилъ попрежнему бодро и скоро, держался все также прямо.

Гулять съ Максимомъ онъ терпѣть не могъ. Если же почему-либо я не могла ему сопутствовать, онъ старался улучшить минуту, когда мать была чѣмъ нибудь занята, и незамѣтно уходилъ одинъ.

Если же она дѣлала по этому поводу какое нибудь замѣчаніе дѣдушкѣ и наставляла, чтобы онъ взялъ съ собой человѣка, то онъ сейчасъ же разсердится.

— А чорты! Надоѣли вы мнѣ всѣ хуже горькой рѣдьки. Ну, васъ совсѣмъ! Что я, ребенокъ малый, что-ли? на помочахъ ходить поздненько! проговорить онъ съ раздраженіемъ, вернется къ себѣ на верхъ и гулять уже не пойдетъ совсѣмъ.

Жизнь наша въ это лѣто была далеко не такая веселая и шумная, какъ въ прежнее время. Изъ близкихъ прежнихъ знакомыхъ жила только одна Ушакова. Прежняя веселая компанія распалась, кто умеръ, кто уѣхалъ изъ Петербурга. Не было и весельчака Дмитрія Ивановича. Года уже три какъ онъ, получивъ назначеніе, уѣхалъ на службу въ одну изъ внутреннихъ губерній. Самое семейство наше уменьшилось и состояло всего изъ четверыхъ: дѣдушка, мать, я и меньшая сестра, при которой была гувернантка. Двѣ другія сестры были тоже въ Смольномъ, а эта меньшая была туда отдана того же года осенью, кажется, вскорѣ послѣ переѣзда въ городъ. Такимъ образомъ въ домѣ большею частию была у насъ тишина и спокойствіе, и дѣдушка могъ работать, ничѣмъ не смущаясь. Однако, этой тишиной онъ былъ недоволенъ, скучалъ и томился ею. Онъ любилъ общество, шумъ, веселье, горячіе споры и разговоры; онъ оживлялся, когда пріѣзжали къ намъ гости изъ города, или кто-нибудь изъ моихъ подругъ гостили нѣсколько дней. Предлагалъ мнѣ дѣдушка нѣсколько разъ возобновить наши уроки и заняться китайскимъ языкомъ болѣе серьезно. Занятія же эти казались мнѣ очень скучными; я отговаривалась отъ нихъ, ссылаясь на то, что устала учиться и хочу лѣто отдохнуть. Я просила его отложить эти уроки до зимы, обѣщая тогда заниматься уже усердно и серьезно. Дѣдушка противъ этого ничего не возражалъ, но, конечно, былъ огорченъ, хотя ничего не высказывалъ. За то не разъ говорилъ онъ, что прежде я была меньше, да умнѣе.

Почти всѣ вечера мнѣ приходилось проводить вдвоемъ съ матерью. Послѣ вечерняго чая, прогулявъ часовъ до 11-ти, мы возвращались домой и садились за чтеніе. Мать страстно любила читать, въ особенности путешествія и историческіе романы, за чтеніемъ которыхъ она иногда проводила цѣлыя ночи напролетъ. Я также увлекалась чтеніемъ, но больше любила французскіе романы, въ особенности мнѣ нравились соч. Дюма отца. Съ русскими же произведеніями, кромѣ Гоголя, я была почти не знакома, но Пушкинымъ и Лермонтовымъ до того увлекалась, что знала ихъ почти наизусть. Изъ соч. Жуковского также много знала. Мать, любившая поэзію, была поклонницею

ихъ таланта, и также знала большинство ихъ произведеній наизусть. Часто за чтеніемъ мы просиживали съ ней до восхода солнца; иногда же, когда нечего было читать, мы разговаривали. Дѣдушка послѣ вечерняго чая никогда не приходилъ, развѣ только играть въ карты. Я очень любила слушать ея рассказы о старинѣ, а также и о дѣдушкѣ, о которомъ приходилось часто говорить. Она много разъ, рассказывая исторію любви о. Іакинеа къ ея матери, заключала ее словами:

— Дѣдушка о. Іакинеъ любилъ мою мать такъ, какъ нынче уже не любятъ. Во всю свою жизнь онъ любилъ истинною любовью только ее одну. Изъ-за нее и въ монахи ушелъ; сколько лѣтъ въ Китаѣ пропадалъ, а все-же Богъ привелъ ему принять ея послѣдній вздохъ.

Въ заключеніе она прибавляла, что у него въ теченіи жизни бывали еще романтическіе случаи, но этихъ случаевъ она мнѣ не рассказывала тогда. Говоря о настойчивости его характера и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то странной необдуманности его, она передала мнѣ слѣдующій выходящій изъ ряда обыкновеннаго случай, который не думаю, чтобы кому нибудь былъ извѣстенъ. Вотъ онъ: во время пребыванія здѣсь танцовщицы Тальони весь Петербургъ, говорятъ, увлекался граціею и легкостью ея танцевъ. Наслышавшись всякихъ увлекательныхъ о ней отзывовъ, о. Іакинеъ почувствовалъ неодолимое желаніе ее видѣть, что для него, какъ для монаха, было положительно невозможно. Это желаніе было такъ сильно, что онъ нашелъ средство сдѣлать невозможное возможнымъ. Мать взяла ложу въ бенуарѣ, какъ разъ около средняго прохода. Давали балетъ «Дѣва Дуная», въ которомъ именно дѣдушка и желалъ видѣть Тальони.

Былъ у насъ сосѣдъ домовладѣлецъ, старикъ купецъ, который былъ съ нами хорошо знакомъ. Не смотря на то, что онъ былъ ростомъ ниже дѣдушки и много полнѣе, у него былъ взятъ костюмъ, конечно, не объясняя для чего. Отецъ Іакинеъ переодѣлся въ его платье, сдѣлавъ искусственную полноту, самъ выкрасилъ китайской краской свою бороду въ черную, надѣлъ большіе темные очки и преобразившись такимъ образомъ, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ театръ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали: мать, Олимпіада Ивановна и Дмитрій Ивановичъ; отецъ же не поѣхалъ, боясь какой-нибудь неприятой для дѣдушки исторіи. Однако, никакой исторіи или неприятой встрѣчи не было. Въ театръ пріѣхали они очень рано, когда онъ еще былъ пустъ, а уѣхали послѣдніе. Ложа была темная, а дѣдушка сидѣлъ въ глубинѣ. Представленіе прошло спокойно, безъ всякихъ встрѣчь и изъ театра онъ возвратился, не помня себя отъ восхищенія. Такимъ

образомъ ѣздилъ онъ и въ итальянскую оперу слушать Рубини, Тамбурины и др.

— Вотъ, вѣдь дѣдушка всегда поступалъ такъ, очертя голову, заключала мать свой рассказъ. Не мало проказъ-то за нимъ водится, а еще ученый, монахъ! Ты, можетъ быть, думаешь, что онъ всегда былъ такой тихоня, да думалъ только о своей китайщинѣ? Отецъ мой покойный много про него рассказывалъ. Дѣдушка-то всѣ свои проказы ему описывалъ, да еще какъ подробно. Бѣдовый онъ былъ въ свое время, въ молодые годы, и въ Китаѣ не мало чего натворилъ. Надурить, бывало, что-нибудь, попадетъ, а все не исправится, за исторію въ Китаѣ пришлось поплатиться немало—на покаяннѣ, на Валаамѣ высидѣлъ не одинъ годъ, а все въ прокъ не пошло; все такой-же остался. Да и что онъ за монахъ, сама видишь; не постится, въ церковь не ходитъ, даже лба путемъ не перекреститъ, а монашеское все — просто ненавидитъ. За то ученый вышелъ изъ него извѣстный. Смотри, какимъ онъ пользуется уваженіемъ въ ученомъ мірѣ; у всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ принять какъ свой. Съ Пушкинымъ былъ знакомъ, бывалъ у него; что анекдотовъ дѣдушка про него знаетъ. Поразспроси-ка его, можетъ быть, и расскажетъ. Государю Николаю Павловичу и государынѣ онъ, вѣдь, извѣстенъ лично. Много трудился онъ на своемъ вѣку, но и надурилъ не мало..

Слушая все это съ увлеченіемъ и жаднымъ любопытствомъ, мнѣ ужасно хотѣлось знать, въ чемъ именно состояли проказы дѣдушки. Однако, мать о нихъ никогда мнѣ не говорила, даже впоследствии, много лѣтъ спустя. Когда я заводила объ этомъ рѣчь, она всегда отвѣчала, что все уже перезабыла.

Въ то лѣто мнѣ приходилось иногда помогать дѣдушкѣ въ его трудахъ, читать, провѣрять его рукописи, переписывать и даже писать подъ его диктовку, когда у него болѣла спина и сидѣть долго онъ не могъ. Во время прогулокъ мнѣ хотѣлось много разъ разспросить его, какъ онъ ѣздилъ въ театръ, но я боялась, потому что мать строго запретила мнѣ проговориться ему объ этомъ.

Какъ ни любила я быть съ нимъ, слушая его рассказы не только о Китаѣ, но и о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ и др., я оставаться съ нимъ долго не могла. Мнѣ становилось съ нимъ скучно и хотѣлось уйти.

Не разъ случалось мнѣ подмигивать его взоръ, долгій и грустный, которымъ онъ смотрѣлъ на меня, когда я вертѣлась и юлила, лоя минуту, чтобы ускользнуть отъ него.

— Лучше ты была прежде, моя козочка, много лучше, скажетъ онъ, бывало, задумчиво покачивая головой. Испортилъ тебя институтъ,

да я, впрочемъ, и ожидалъ этого; на европейскій ладъ все тамъ какъ-то ведется болѣе.

— Чѣмъ-же я теперь стала хуже, дѣдушка?

— Я этого не говорю; ты добрая, хорошая.

— Такъ почему-же я была лучше? Училась я, вѣдь, хорошо. Вы сами читали мой аттестатъ и еще хвалили меня.

— Знаю, знаю! Читалъ твой аттестатъ и хвалилъ тебя; да не въ немъ дѣло-то!

— Такъ въ чемъ-же, дѣдушка?

— А въ томъ—вздоръ у тебя на умѣ, все вздоръ одинъ. Сквозной вѣтеръ въ головкѣ-то твоей свищетъ; вѣтрогонка ты теперь и больше ничего. Вотъ азиатскаго-то я что-то ничего въ тебѣ не замѣчаю, а вздору-то европейскаго не мало водится.

— За то я люблю васъ теперь, дѣдушка, гораздо больше. Нѣтъ, мало того—я просто васъ обожаю!

— Ишь, плутовка какая! Вздумала еще меня морочить, или ты думаешь, что старики уже ничего не видятъ и не понимаютъ? Насквозь я тебя вижу и что на умѣ у тебя сидитъ, все прочитать могу.

Въ доказательство моей любви я бросалась къ нему и, обвивъ шею его, горячо цѣловала его сѣдую голову, лицо, руки, и цѣловала съ увлеченіемъ, отъ полноты любящаго сердца.

— Пусть! Оставь меня въ покоѣ, баловница ты! Еще задушишь, пожалуй; кто-же тогда работу мою окончить? Вѣдь, не захотѣла учиться по китайски, а то бы и сама могла окончить ее, а что главное, была бы много умѣе, говорилъ онъ въ увлеченіи, стараясь освободиться отъ моихъ поцѣлуевъ и покрывая меня взоромъ, полнымъ нѣжности и святой любви. Я смѣялась, снова цѣловала его и убѣгала.

Все это было такъ давно, такъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ такъ живо и отчетливо припоминаются эти разговоры, какъ будто бы они велись еще вчера.

Въ первыхъ числахъ іюля дѣдушка всегда праздновалъ день своихъ именинъ и съ этого дня считалъ свои годы. Когда-же именно былъ день его рожденія, ранѣе-ли, позднѣе-ли—я не знаю. О своихъ лѣтахъ говорить онъ не любилъ и большею частью убавлялъ, хотя бывали случаи, когда, ради шутки, онъ прибавлялъ ихъ. Мать, зная эту слабость его, не выдавала его, хотя его лѣта ей были хорошо извѣстны, такъ какъ ея отецъ и о. Іакинѣъ родились въ одинъ годъ. Вслѣдствіе этого было всегда недоразумѣніе въ его годахъ. Такъ, въ 1851 г. праздновалъ онъ свои именины нѣсколько торжественнѣе, чѣмъ всегда. Еще раньше онъ заявилъ, что ему исполнится 80 лѣтъ, другимъ же говорилъ, что только 75. Гостей было больше обыкно-

веннаго и за обѣдомъ шампанскимъ поздравляли его съ 80 годами. Онъ не опровергалъ, но лукаво посмѣивался и весело острилъ по этому поводу.

## VII.

Въ то лѣто жилъ въ Мурино сынъ Анны Ивановны Флавицкой, Константинъ Дмитріевичъ, впоследствии извѣстный художникъ. Онъ былъ очень бѣденъ и нанималъ крохотную комнатку, меблировка которой состояла—кровать, два стула и мольбертъ, на которомъ онъ рисовалъ виды Мурина. Средства къ жизни у него не было никакихъ. Изъ его родныхъ никто ему не помогалъ, и потому онъ много бѣдствовалъ не только въ юности, но даже и въ дѣтствѣ. Онъ перебывалъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ и всюду его исключали за неспособность къ ученію. У него было иное призваніе, на которое никто не обращалъ вниманія, даже вовсе не замѣчали его. Много слезъ пролила изъ-за него его мать; много горя и нужды пришлось перенести ему, пока, наконецъ, онъ самъ выбился на дорогу.

Онъ бывалъ у насъ еще мальчикомъ, съ матерью, къ которой у насъ въ домѣ всѣ были расположены. Затѣмъ она умерла, а онъ, продолжая бѣдствовать, не бывалъ почти ни у кого изъ ея знакомыхъ. Я не видалась съ нимъ много лѣтъ и встрѣтилась на вечерѣ у однихъ близкихъ знакомыхъ, вскорѣ послѣ моего выхода изъ Смольнаго. Я произвела на него настолько сильное впечатлѣніе, что когда мы переѣхали въ Мурино, то онъ приходилъ къ намъ изъ города пѣшкомъ, дѣлая пятнадцать верстъ. Послѣ того, прогулявъ съ нами цѣлый день, онъ, часовъ въ 11 вечера, отправлялся въ обратный путь также пѣшкомъ. Приходилъ онъ раза три въ недѣлю, пока, наконецъ, рѣшился нанять комнату.

Мать моя, зная его стѣснительное положеніе, пригласила его приходивъ къ намъ завтракать и обѣдать. Сначала онъ очень этимъ стѣснялся и приходилось каждый разъ за нимъ посылать, иначе онъ не приходилъ, и голодалъ, рисуя виды Мурина, изъ которыхъ у меня сохранилось два.

Моя мать и всѣ мы называли его просто Костенькой. Ему было года двадцать два, три. Его длинные, бѣлокурые, нѣсколько вьющіеся волосы придавали ему что-то поэтическое. Черты лица были пріятныя и довольно правильныя; голубые глаза смотрѣли нѣжно и застѣнчиво.



Онъ часто конфузился и краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка. Почти всѣ находили его очень интереснымъ, но мнѣ онъ не нравился. Самъ же онъ очень увлекался мной, и чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣй.

Въ это-же время гостила у меня институтская подруга Мари П...а, которую я очень любила. Много шалостей, даже жестокихъ, продѣлывали мы съ ней надъ бѣднымъ Костенькой. Но увлеченный артистъ не замѣчалъ ничего, продолжая страдать и таять. Мы потѣшались надъ нимъ, смѣялись, когда онъ чуть не плакалъ и безпрекословно исполнялъ всякое наше желаніе, какъ бы оно ни было глупо. Мать не замѣчала нашихъ дурачествъ; не замѣчала и того, что увлеченіе молодого человѣка приняло такой характеръ, на который слѣдовало бы обратить вниманіе и остановить во время. Но дѣдушка все видѣлъ и замѣчалъ. Онъ принялъ своеобразныя мѣры, на которыя тогда никто не обратилъ вниманія, даже просто не замѣтилъ ихъ.

Безъ всякой видимой причины, о. Іакинѣъ былъ съ нѣкоторыхъ поръ постоянно не въ духѣ и сдѣлался до крайности раздражительнымъ. Перемѣнился онъ также и относительно меня. Когда я являлась къ нему по утрамъ, онъ даже головы не поднималъ отъ работы, не отвѣчалъ мнѣ и, казалось, вовсе не замѣчалъ меня. Отъ ласкъ моихъ онъ уклонялся, говоря, что я мѣшаю ему заниматься. Если я не приходила къ нему нѣсколько дней, что въ это время случалось со мной, онъ не присылалъ за мной. Когда я и Мари хотѣли идти гулять съ нимъ, онъ говорилъ, что пойдетъ съ Максимомъ.

Костеньку же онъ просто, казалось, возненавидѣлъ. Онъ видѣтъ его даже не могъ спокойно, сейчасъ раздражался и не называлъ его иначе, какъ европейскій прохвостъ. Если, сидя у насъ, онъ замѣчалъ, что Костенька подходитъ къ дому, съ намѣреніемъ зайти къ намъ, дѣдушка тотчасъ-же вставалъ и уходилъ къ себѣ. Каждый день, послѣ нашего обѣда, онъ приходилъ къ намъ, садился въ свое кресло, молча курилъ, не отвѣчая, когда къ нему обращались, и не вмѣшиваясь въ общій разговоръ. Сидѣлъ онъ обыкновенно закрывъ глаза, какъ бы дремля, и чутко прислушиваясь къ тому, что говорилось между мной, Мари и Костенькой. Только что наша бесѣда начнетъ оживляться и тотъ приметъ что-нибудь рассказывать, дѣдушка сердито застучитъ своей палкой.

— Молчи, пустоголовый! съ раздраженіемъ закричитъ онъ. Что вздоръ-то городишь. Ступай лучше мазать! Все-же дѣло, а не бездѣльничанье! Что ласы-то безъ толку точишь, прохвостъ ты европейскій! Ступай домой; говорю тебѣ, ступай за дѣло!

И застучитъ онъ палкой еще сильнѣе, броситъ сигару и, продолжая вполголоса бранить все европейское, уйдетъ.

Нужно замѣтить, что о. Іакинѣвъ всѣмъ молодымъ людямъ говорилъ «ты», да и вообще почти всѣмъ, и въ выраженіяхъ не стѣснялся съ ними. Почти всѣхъ молодыхъ людей онъ называлъ дураками и европейскими прохвостами; дѣвушекъ-же молодыхъ: коза, юла, вѣтрогонка. Съ молодежью онъ никогда не разговаривалъ, называя ее пустоголовой. Исключеніе онъ дѣлалъ только для молодыхъ людей, посвятившихъ себя изученію восточныхъ языковъ. Тѣхъ онъ превозносилъ и трудами ихъ весьма интересовался.

Къ нѣкоторымъ странностямъ о. Іакинѣва уже такъ всѣ привыкли, что на нихъ не обращали вниманія, и на его иногда рѣзкія выходки никто не обижался. Подобные взрывы дѣдушкинаго гнѣва сильно конфузили застѣнчиваго отъ природы Костеньку; онъ краснѣлъ, терялся и спѣшилъ поскорѣе уйти. Онъ не обижался на старика, но ужасно его боялся. Приходя къ намъ, онъ старался пройти незамѣтно чрезъ задній садъ. Избѣгая встрѣчи съ дѣдушкой и стараясь не попадаться ему на глаза, Костенька всегда съ нимъ встрѣчался. Дѣдушка никогда съ нимъ не разговаривалъ, даже не отвѣчалъ на его поклонъ и всегда искалъ случая избранный его. Браня и конфузя его на каждомъ шагу, придираясь къ нему при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствовалъ бѣдственному положенію Костеньки и незримо помогалъ ему. Зная, что у него нѣтъ, какъ говорится, ни копейки за душой, дѣдушка чрезъ посредство матери моей помогалъ ему деньгами. Предполагая, что Костенькѣ не только нечѣмъ заплатить за свою комнату, но даже купить себѣ бутылку молока утромъ, дѣдушка пошелъ къ его хозяину. Онъ заплатилъ ему за комнату, приказалъ отпустить молока и хлѣба своему жильцу, сказавъ, что будетъ самъ платить за него, и строго наказалъ ему не выдавать его. Разговаривая съ матерью, дѣдушка также не разговаривалъ:

— А жаль пустоголового-то; заѣдаетъ его нужда. Пожалуй изъ него рисовальщикъ-то выйдетъ изрядный; ужъ зимой поговорю о немъ съ своими пріятелями.

Къ сожалѣнію, болѣзнь, а потомъ смерть помѣшали о. Іакинѣву привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Мать моя была прежде большая охотница до верховой ѣзды, хотя никогда ей не обучалась и ѣздила только на деревенскихъ лошадяхъ. Дѣдушка же терпѣть не могъ, когда женщины ѣздили верхомъ, и въ былое время онъ очень на нее сердился за это. Захотѣлось ей, чтобы и я ѣздила верхомъ, а у ней обыкновенно, что вздумано, то и сдѣлано. Привели крестьянскихъ рабочихъ лошадей и посадили на нихъ меня и Мари. Хозяева лошадей провели насъ

нѣсколько разъ по двору, пробѣжали, держа лошадей на поводѣ, и подвели къ матери. Она посмотрѣла, какъ мы сидимъ, дала нѣсколько совѣтовъ и отпустила насъ кататься самостоятельно, но не надолго. Мы тотчасъ же ударили по лошадямъ и понеслись вскачь съ пригорка на дорогу. Вскорѣ, услышавъ за собою лошадиный топотъ, мы обернулись и залились неудержимымъ хохотомъ.

Вслѣдъ за нами безъ фуражки, съ обыкновенной подушкой вмѣсто сѣдла, потерявъ поводья и держась за уши лошади, мчался Костенька, блѣдный, испуганный.

Отъ смѣха едва не свалившись съ лошадей, мы погоняли ихъ изъ всѣхъ силъ и летѣли, что было духу, стараясь, чтобы онъ насъ не догналъ. Повернувъ, наконецъ, лошадей и возвращаясь домой, мы до того увлеклись ѣздою, что едва не сбили съ ногъ стоявшаго на дорогѣ дѣдушку. Почти вслѣдъ за нами летѣлъ и Костенька, лошадь котораго, едва миновавъ о. Іакинѳа, споткнулась. Потерявъ равновѣсіе, онъ слетѣлъ чрезъ ея голову и, падая, задѣлъ стоявшаго дѣдушку, который, не устоявъ на ногахъ, тоже упалъ.

На другой день Максимъ заявилъ матери, что отецъ Икимъ ѣзжаетъ въ монастырь, приказалъ укладываться и навѣять телѣгу.

На мать, пришедшую съ нимъ объясняться, онъ до того кричалъ, что не давалъ ей слова вымолвить. Бранясь и сердясь, дѣдушка заявилъ, что онъ не европеецъ, чтобы жить въ такомъ Содомѣ и Гоморѣ. Мать была очень разстроена и послала меня уговаривать его. При видѣ меня онъ разсердился еще болѣе.

— Пошла къ своему прохвосту и не кажись мнѣ больше на глаза! закричалъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва. Въ такомъ раздраженномъ состояніи я никогда еще не видала его. Онъ стоялъ у стола, нервно перебрасывая съ мѣста на мѣсто свои рукописи, китайскія книги бросалъ какъ попало на полъ. Я испугалась, заплакала и умоляла его простить меня и не сердиться болѣе. Дѣдушка меня не слушалъ и на мои слезы не обращалъ никакого вниманія. Онъ продолжалъ бранить меня, стучалъ гнѣвно палкой и, наконецъ, прогналъ меня.

Мать тотчасъ же позвала хозяина и подговорила его сказать дѣдушкѣ, что лошадей нельзя найти, потому что всѣ на работѣ въ полѣ, а его же собственныя большыя уже нѣсколько дней и тоже въ полѣ отдыхаютъ. Эта неудача разсердила о. Іакинѳа еще болѣе, но къ вечеру гнѣвъ его утихъ; онъ снова разложилъ свои книги и сѣлъ писать.

Прошло нѣсколько дней. Дѣдушка нѣсколько поуспокоился, но внизъ все же не сходилъ и къ себѣ никого не допускалъ, не исключая

и меня. Погода между тѣмъ начинала портиться, то было солнце, то дождь. Ночи, однако, стояли прекрасныя, теплыя, лунныя. Обыкновенно, по вечерамъ часовъ до одиннадцати, всѣ дачники, большею частію знакомые между собою, прогуливались по деревнѣ. Послѣ чая пошли и мы, т. е. я, Мари и Костенька; нагулявшись, мы возвратились и сѣли на ступенькахъ балкона. Мать сидѣла въ комнатѣ и читала; у дѣдушки было темно и мы, думая, что онъ спитъ, спокойно и громко болтали всякій вздоръ. Вскорѣ Мари, заявивъ, что ей хочется спать, ушла, и я осталась вдвоемъ съ Костенькой. Мы сидѣли нѣсколько минутъ молча; я любовалась луной, а онъ смотрѣлъ на меня и вздыхалъ. Затѣмъ, началось объясненіе въ любви, въ заключеніе котораго онъ умолялъ меня бѣжать съ нимъ, въ случаѣ несогласія матери и дѣдушки на нашъ бракъ.

Не успѣла я еще и слова вымолвить, какъ наверху раздался громкій, сердитый стукъ дѣдушкиной палки и послышались его шаги; онъ уходилъ въ комнату. Дѣдушка сидѣлъ въ креслѣ на балконѣ и слышалъ все, а мы думали, что онъ спитъ. Вскочивъ въ испугѣ, Костенька бросился къ калиткѣ и исчезъ, а я побѣжала въ комнаты и торопливо легла спать. На слѣдующій день я съ безпокойствомъ и волненіемъ ожидала новой бурной сцены съ дѣдушкой, но прошло нѣсколько дней и все было тихо и спокойно. Дѣдушка продолжалъ сидѣть у себя, никого къ себѣ не допуская. Въ свободныя минуты, сидя въ одиночествѣ, о. Іакинъ усиленно придумывалъ средство отвадить Костеньку отъ нашего дома и прохладить его увлеченіе. Нѣсколько дней прошло, пока, наконецъ, онъ его придумалъ и дурное расположеніе его духа прояснилось. Никому, однако, въ голову не придетъ, чтò придумалъ ученый старикъ будущему художнику.

Видя, что все идетъ спокойно, и подумавъ, что дѣдушка, можетъ быть, не слышалъ нашего разговора, мы также успокоились. Отпросившись у матери въ лѣсъ за грибами, мы втроемъ отправились тотчасъ послѣ завтрака. Прогулявъ обѣдъ, мы возвратились только передъ вечернимъ чаемъ, сильно проголодавшись и вполне довольные прогулкой.

Мы уже сидѣли за чайнымъ столомъ и аппетитно закусывали, когда мать замѣтила, что не было Костеньки, хотя фуражка его лежала на роляхъ.

Она тотчасъ же послала горничную поискать его въ саду, но та вернулась, заявивъ, что его тамъ нѣтъ. На это никто не обратилъ вниманія и мать, шутя, замѣтила, что не пошелъ-ли Костенька любоваться какииъ нибудь видомъ, что съ нимъ иногда случалось.

Мы уже кончали чай, когда совершенно неожиданно вошелъ

дѣдушка и, поцѣловавъ меня, сѣлъ также къ столу. Его появленію всѣ очень обрадовались, тѣмъ болѣе, что онъ казался спокойнымъ и довольнымъ.

Онъ сказалъ, что ему все нездоровилось, а теперь полегчало, и вотъ онъ пришелъ побесѣдовать съ нами. Мы съ Мари переглядывались, смотря на фуражку Костеньки и боясь, чтобы при его появленіи чего нибудь не вышло. Однако, онъ не приходилъ, а дѣдушка продолжалъ разговаривать, добродушно смѣясь и пошучивая. Узнавъ, что мы ходили въ лѣсъ, онъ позвалъ меня и Мари пойти завтра съ утра съ нимъ вмѣстѣ, чтобы побольше набрать грибовъ. Мы согласились, хотя и не особенно охотно, потому что на завтра мы уже сговорились съ Костенькой опять пойти въ лѣсъ. Предложить же дѣдушкѣ взять и его съ собой мы боялись.

Пока дѣдушка сидѣлъ у насъ, въ домѣ вдругъ поднялась какая-то суетня и бѣготня. Мать позвала горничную, чтобы узнать что случилось; оказалось — пропалъ ключъ отъ чулана. Мать разсердилась, выбранныла прислугу и приказала, чтобы къ утру ключъ былъ найденъ. Дѣдушка также позвалъ своего Максима, приказавъ и ему искать.

Выяснилось потомъ, что въ то время, когда всѣ люди бѣгали какъ угорѣлые, ища ключа, онъ лежалъ у дѣдушки въ карманѣ. Онъ заперъ въ чуланѣ Костеньку, а на другой день часу въ шестомъ утра самъ выпустилъ его. Говорилъ-ли онъ что съ нимъ тогда, осталось неизвѣстнымъ. Вернувшись въ комнату, онъ послалъ будить насъ и мы вскорѣ отправились въ лѣсъ. Возвратились къ обѣду и дѣдушка сѣлъ также за столъ; замѣтивъ, что нѣтъ Костеньки, онъ сказалъ матери, чтобы послать за нимъ. Мы съ Мари переглянулись, не понимая, что это значить, и какъ бы ожидая чего-то необыкновеннаго. Посланный возвратился, заявивъ, что онъ уже переѣхалъ совсѣмъ въ городъ. Съ тѣхъ поръ я не видала его многие годы и встрѣтилась съ нимъ уже въ академіи художествъ, близъ его картины, надѣлавшей съ свое время много шума.

## VIII.

Теперь время сказать нѣсколько словъ и о Муринѣ, этомъ любимомъ мѣстопребываніи о. Іакина. Это было большое село въ пятнадцати верстахъ отъ города; принадлежало оно графу Воронцову. Мѣстность тамъ здоровая, красивая, лѣсистая; въ концѣ села протекаетъ рѣка Охта, съ красивыми, волнистыми берегами. Дачниковъ жило тамъ много и почти всегда одни и тѣ-же семейства и потому всѣ знали другъ друга. Жизнь тамъ отличалась необыкновенной простотой, тишиной и дешевизной. Теперь Мурино не то, что было прежде; оно широко разрослось и переѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ.

Тогда жить въ немъ было вполне привольно. Одѣвались всѣ весьма просто; ходили въ ситцевыхъ блузахъ, о шляпахъ не было и помнуну. По воскресеньямъ и праздникамъ всѣ ходили въ церковь и почти у cadaго семейства было тамъ свое обычное мѣсто. Мы также постоянно ходили въ церковь; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не помню ни одного раза, чтобы дѣдушка ходилъ въ церковь. Напротивъ того, я помню очень хорошо, и что меня тогда не только удивляло, но даже просто пора-жало, что дѣдушка, бывши монахомъ, никогда не ходилъ въ церковь и не присутствовалъ ни на какомъ богослуженіи. Наслышавшись разсказовъ матери о немъ, я иногда присматривалась къ нему внимательнѣе, и дѣйствительно находила, что онъ не похожъ не только на монаха, но даже просто на духовное лицо.

Иныхъ развлеченій въ Муринѣ не было — какъ ходить въ лѣсъ за грибами и ягодами, ловить раковъ, да кататься въ телѣгахъ по живописнымъ окрестностямъ.

По воскресеньямъ и праздникамъ деревенскія дѣвушки, въ чистыхъ ситцевыхъ сарафанахъ, водили съ пѣснями по деревнѣ хороводы и визжали немилосердно. Дѣдушка терпѣть не могъ ихъ пѣнія; оно раздражало его до крайности. Онъ сердился, затыкалъ себѣ ватой уши, иногда даже уходилъ изъ дому, чтобы не слышать его, но оно слышалось далеко. Весьма трудно, почти невозможно было спастись отъ этой визготни, которая раздражала не его одного.

Отецъ Іакинъ пользовался въ Муринѣ большою популярностью и уваженіемъ. Его всѣ тамъ знали — какъ дачники, такъ и крестьяне — отъ мала до велика. Крестьяне называли его отецъ Иванъ и преданіе о немъ сохранилось между ними до сихъ поръ. По свойственной ему добротѣ онъ помогалъ каждому изъ крестьянъ, кто обращался къ нему за помощью. Больнымъ, дряхлымъ, одинокимъ онъ

самъ носилъ деньги. Были у него и излюбленные нище, которымъ по праздникамъ онъ давалъ серебряныя монеты. Не только муринскіе крестьяне, но изъ всѣхъ окрестныхъ деревень приходили къ нему за помощью и никому онъ не отказывалъ въ ней. За то знали его и любили не только въ Муринѣ, но и во всей окрестности.

Въ концѣ села, на высокомъ красивомъ берегу, стоялъ графскій домъ. Онъ былъ каменный, двухъ-этажный, богато устроенный, съ паркетными полами и дверьми изъ чернаго дерева. Нѣкогда жилъ тамъ и самъ предокъ владѣльца.

Передъ домомъ валялись кучи камней, изъ земли торчала мѣдная трубка — остатки прежняго фонтана. Большой, заросшій садъ, съ вѣковыми деревьями и заглохшими аллеями, спускался внизъ къ рѣкѣ и раздѣлялся на два — верхній и нижній. Отъ дома въ нижній садъ спускалась широкая каменная лѣстница, у подножія которой были нѣкогда фонтаны. Старики, помнившіе еще владѣльца того, рассказывали о томъ, какъ было весело, когда жилъ въ домѣ самъ графъ старикъ. По праздникамъ, когда онъ обѣдалъ, играли свои музыканты и пѣлъ хоръ пѣсенниковъ; гостей пріѣзжало много и пировали до утренней зари.

Вотъ въ этомъ-то дому, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, останавливалась великая княгиня Марія Николаевна.

Въ описываемое же лѣто въ немъ жили ученики Строительнаго училища. Уже нѣсколько лѣтъ училище занимало его на лѣтнее время и уѣзжало 1-го сентября. Передъ отъѣздомъ ученики давали нѣсколько танцевальныхъ вечеровъ, которые называли — балами. На нихъ приглашались дачники, преимущественно тѣ, у которыхъ были молоденькія, хорошенькія дочки. Хотя барышни и старались нарядиться лучше, но все же туалеты ихъ были весьма скромны.

Довольно далеко отъ Мурина, среди густаго, темнаго лѣса, было небольшое болото, которое крестьяне называли «Чертово болото». Отъ него въ разныя направленія вились двѣнадцать тропинокъ, уходящихъ въ самую чащу — мрачную, топкую и почти непроходимую. Близъ болота росли въ необыкновенномъ изобиліи ягоды и грибы. Однако, крестьяне не ходили туда за ними — боялись. Между ними существовало повѣрье — каждаго, кто зайдетъ туда, лѣшій заведетъ въ чащу и тотъ непременно заблудится.

Дѣйствительно, каждое почти лѣто были толки о подобныхъ случаяхъ. Смѣясь надъ этимъ повѣрьемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ когда еще былъ живъ Евг. Ив. Ушаковъ, дѣдушка вмѣстѣ съ нимъ и его женой ходили нарочно къ Чортову болоту. Они были въ полной увѣренности, что не заблудятся, но ошиблись. Одинъ разъ они

пробродили около болота до поздней ночи; въ другой же разъ почти двое сутокъ и вернулись домой голодные и въ полномъ изнеможеніи. Съ тѣхъ поръ они больше туда не ходили.

Вскорѣ случай этотъ забылся и до нынѣшняго лѣта дѣдушка никогда о немъ не вспоминалъ. Теперь же онъ часто заводилъ рѣчь о Чертовомъ болотѣ и его, повидимому, очень занимала мысль почему въ этомъ именно мѣстѣ люди сбиваются съ пути.

Послѣ отъѣзда Костеньки онъ совершенно успокоился, къ нему вернулось обычное расположеніе духа и теплыя наши отношенія возобновились.

Въ половинѣ августа о. Іакинѣвъ ѣздилъ въ городъ, получать деньги за свою работу, и вернулся очень довольный и веселый. На утро, улучивъ удобную минуту, онъ ускользнулъ гулять одинъ и возвратился домой только вечеромъ, когда уже было темно. Оказалось, онъ ходилъ въ лѣсъ и заблудился; встрѣтившійся тамъ случайно крестьянинъ привелъ его домой. Послѣ того онъ почти безвыходно просидѣлъ у себя нѣсколько дней, ссылаясь на спѣшную работу.

Августъ приближался къ концу, было 25-е число. Въ этотъ день въ училищѣ былъ прощальный балъ, на который была и я приглашена. Рано утромъ мать уѣхала въ городъ за нѣкоторыми принадлежностями для моего вечерняго туалета. Уѣзжая, она велѣла мнѣ не спускать дѣдушку съ глазъ и строго наблюдать, чтобы онъ опять не ушелъ гулять одинъ.

День былъ прекрасный, солнечный, теплый; дѣдушка съ ранняго утра ушелъ гулять съ Максимомъ. Возвратясь передъ нашимъ завтракомъ, онъ остался сидѣть у насъ. Едва мы окончили завтракъ, какъ онъ быстро всталъ и, торопливо взявъ фуражку, направился къ двери. На мой вопросъ куда онъ хочетъ идти, дѣдушка рѣзко отвѣчалъ:

— Гулять.

— Вѣдь вы уже гуляли и вѣрно устали, останьтесь лучше съ нами, попробовала было я возразить ему.

— Ты мнѣ не указка, также рѣзко проговорилъ онъ, выходя уже на балконъ.

Я схватила зонтикъ, рѣшивъ ему сопутствовать. Появивъ мое намѣреніе, онъ остановился и сердито почти закричалъ:

— Ну чего ты ко мнѣ пристала? Я не хочу идти съ тобой, пойду одинъ, а ты, махонькая, сиди дома. Ужо вечеромъ плясать будешь, такъ ноги-то тебѣ нужны будутъ.

— Ну такъ возьмите Максима. Дѣдушка! не уходите одинъ. Вѣдь маменька меня бранить будетъ.

— А чорты! какъ надоѣли вы мнѣ всѣ! съ раздраженіемъ



проговорилъ онъ, торопливо спускаясь со ступенекъ и выходя на улицу.

Чуть не плача стояла я у калитки и смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ шелъ скорѣе обыкновеннаго, направляясь къ мосту черезъ рѣку, за которой невдалекѣ начинался лѣсъ. Я не выдержала и побѣжала его догнать.

— Дѣдушка, милый мой, скажите же по крайней мѣрѣ, куда вы идете, и скоро-ли вернетесь? почти со слезами сказала я, схватывая его руку и цѣлуя ее. Онъ остановился.

— Пройдусь по Графскому саду, а потомъ приду. Ступай же домой, Наденька, я вернусь чрезъ часъ, проговорилъ онъ уже болѣе мягкимъ голосомъ.

— Дѣдушка, вы никуда больше не пойдете?

— Сказывалъ, что не пойду, ну и не задерживай меня; мнѣ надо еще пройтись. Не тревожься попусту, махонькая, а ступай домой, да справляй лучше наряды къ вечеру, сказалъ онъ уже совсѣмъ мягко.

Успокоенная добродушнымъ его тономъ, я вернулась и, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулась. Дѣйствительно, я видѣла, что дѣдушка переходилъ дорогу, направляясь къ графскому саду.

Возвращенія его я ожидала съ волненіемъ и нетерпѣніемъ. Приближалось время обѣда, а его все не было. Я не выдержала и пошла въ Графскій садъ, но дѣдушку тамъ не нашла. Гулявшіе тамъ ученики сказали, что отецъ Іакиноъ въ саду не былъ и его никто не видалъ. Выйдя на улицу, я встрѣтила крестьянина, возвращавшагося изъ лѣсу съ грибами. На мой вопросъ о дѣдушкѣ онъ отвѣчалъ:

— Какже! Видалъ отца Икина. Мы съ нимъ повстрѣчались въ казенномъ лѣсу за ручьями.

Я испугалась ужасно; въ томъ именно направленіи и было Чертово болото. Со страхомъ ожидая возвращенія матери, я горячо молилась, чтобы съ дѣдушкой не случилось какого либо несчастія.

Въ 8 часовъ начинался въ училищѣ балъ, а въ 7 мать велѣла мнѣ одѣваться, заявивъ, что мы не поидемъ на балъ, пока дѣдушка не вернется. Она была въ большой тревогѣ.

Къ 8 часамъ я была совсѣмъ одѣта, оставалось только надѣть перчатки, а дѣдушка еще не возвращался. Мать тревожилась все болѣе и болѣе, а я сидѣла и плакала.

Погода между тѣмъ совсѣмъ испортилась. Подулъ холодный вѣтеръ, шелъ мелкій дождь и тьма была непроглядная. Мать позвала хозяина и просила его взять еще нѣсколько человѣкъ и пойти на поиски дѣдушки. Часовъ въ 11 они возвратились, сказавъ, что отца Икина не нашли.

Между тѣмъ вѣтеръ становился все сильнѣй, усиливался также и дождь и, наконецъ, полилъ какъ изъ ведра.

Отъ испуга мать совсѣмъ потерялась и не знала, что предпринять. Снова послали въ лѣсъ крестьянъ, но уже съ фонарями.

Между тѣмъ по Мурину уже пронеслось извѣстіе, что пропалъ отецъ Іакинѣвъ. Узнавъ объ этомъ, чуть не вся деревня встала на ноги, и крестьяне, любившіе его, цѣлой толпой бросились въ лѣсъ съ фонарями. Они такъ громко кричали: «отецъ Икимъ», что голоса ихъ, не смотря на сильный вѣтеръ, доносились до деревни.

Начинало свѣтать. Одинъ за другимъ возвращались они изъ лѣсу, заходили къ намъ, заявляя, что о. Икимъ не находится.

Всю ночь мы не ложились и провели въ мучительномъ безпокойствѣ. Мать плакала и съ ней нѣсколько разъ дѣлалась истерика. Сидя въ своемъ нарядномъ платьѣ, съ цвѣткомъ на головѣ, я то заливалась горькими слезами, то бросалась на колѣни и горячо молилась.

Часу въ восьмомъ утра послышались на дворѣ шумъ, крикъ, говоръ. Нѣсколько деревенскихъ мальчишекъ вбѣжало въ садъ, громко крича:

— «Везутъ! отца Икима везутъ!» Мать въ испугѣ бросилась на дворъ. Слово — везутъ! поразило меня ужасомъ и, не помня себя, я стрѣлою полетѣла туда же.

На дворѣ стояла толпа крестьянъ, шумно и оживленно разговаривая. Вдругъ она смолкла, широко разступилась и среди нея показалась телѣга. На ней въ полусидячемъ положеніи лежалъ дѣдушка, поддерживаемый за плечи двумя крестьянами.

Ужасенъ былъ видъ его. Блѣдное, совершенно мертвое лицо съ блуждающими глазами. Мокрые волосы прилипли къ головѣ, борода всклокочена и въ ней запутанъ мохъ и сухая трава. Одежда совершенно намокшая и разорванная. Телѣга подвигалась медленно; непокрытая голова дѣдушки безсильно качалась во всѣ стороны. Онъ дико поводилъ глазами, никого не узнавая.

Добѣжавъ до калитки, телѣга остановилась; ѣхать дальше на лошади было невозможно. Нужно было снять его и внести въ домъ на рукахъ; долго бились съ нимъ, пока, наконецъ, это удалось.

Отецъ Іакинѣвъ не допускалъ къ себѣ никого, съ неописаннымъ ужасомъ отшатываясь отъ каждаго, кто протягивалъ руки, чтобы снять его. Онъ говорилъ все одно и то-же:

— Перекрестись, перекрестись! Сдѣлай святое знаменіе.

Только тогда удалось снять его съ телѣги, когда кто-то догадался накинуть ему на голову платокъ и закрыть лицо. Его внесли къ намъ внизъ и положили на диванъ. Онъ продолжалъ креститься, шепталъ

молитвы, все такъ же дико озираясь вокругъ себя. Изъ окружающихъ онъ не узнавалъ никого, даже меня, хотя нѣсколько разъ призывалъ.

Приглашенный докторъ нашелъ у него горячку, но едва-ли онъ былъ правъ.

Думала я тогда, но по молодости лѣтъ не смѣла заявить своей мысли, и теперь остаюсь при прежнемъ внутреннемъ убѣжденіи, что съ нимъ въ лѣсу случилось что нибудь такое, что его сильно потрясло. А что случилось съ нимъ нѣчто, на эту мысль наводитъ обстановка, при которой онъ найденъ.

Его нашли на опушкѣ лѣса, на склонѣ небольшой горы, лежащимъ головою внизъ. Руки его были загнуты назадъ и привязаны веревкой къ дереву; ноги безъ сапогъ и также связаны веревкой. Надъ головой, на нижней вѣткѣ, висѣли его золотые часы съ цѣпочкой. Измокшій бумажникъ, а въ немъ 300 руб., лежалъ близъ него на травѣ. Фуражки не было, а невдалекѣ воткнутая въ землю стояла его палка.

Всѣ были такъ перепуганы его исчезновеніемъ и болѣзнію, что совершенно потерялись и не обратили должнаго вниманія на эту обстановку.

Жару особеннаго у дѣдушки, вѣроятно, не было, потому что помню хорошо—лѣду къ головѣ не прикладывали. Говорилъ онъ неумолкаемо, но настолько связано, что можно было понять его, но говорилъ все одно и то-же, что принимали всѣ и даже докторъ за горячечный бредъ.

Онъ рассказывалъ про Чертово болото, окружающую его мѣстность и 12 тропинокъ. Говорилъ, что въ лѣсу его все водили деревенскія дѣвки въ красныхъ сарафанахъ и съ длинными косами. Приходилъ еще нѣсколько разъ какой-то молодой парень, тоже въ красной рубахѣ. Онъ предлагалъ дѣдушкѣ вывести его на дорогу, но онъ не соглашался и хотѣлъ самъ ее найти. Парень страшалъ и пугалъ, что заведетъ его; наконецъ, пришелъ опять и сталъ уже просить часы и сапоги.

— Я его прохвоста выругалъ, а онъ, собачій сынъ, толкнулъ меня. Я упалъ, а онъ сталъ тащить съ меня сапоги. Тутъ вдругъ я и память потерялъ, рассказывалъ дѣдушка и, помолчавъ, немного снова продолжалъ, обращаясь уже къ матери:

— Я вѣдь слышалъ, когда люди по лѣсу ходили и меня кликали. То было еще вечеромъ. Я лежалъ тогда въ кустахъ, а парень стоялъ недалече. Петръ прошелъ съ фонаремъ близехонько, какъ разъ гдѣ былъ я; Петра-то я даже въ лицо видѣлъ.

— Такъ отчего же вы не откликнулись, отецъ Іакинсъ. Вѣдь мужики-то съ ногъ сбились, бѣгая за вами по лѣсу, возражала мать.

— Нельзя было.

— Отчего же?

— Такіе были часы; я думалъ нечистый смущаетъ. Вѣдь дѣвки-то, думаешь, люди были? Анъ, нѣтъ! Нечистая сила была, а не дѣвки; да и парень-то — былъ лѣшій.

Дѣдушка пролежалъ у насъ около недѣли. Онъ былъ все въ одномъ состояніи, хотя окружающихъ мало-по-малу сталъ узнавать. Онъ былъ видимо доволенъ когда кто-нибудь сидѣлъ около него. Узнавалъ онъ и нѣкоторыхъ изъ дачныхъ знакомыхъ, приходившихъ его навѣстить. Оставаться одинъ въ комнатѣ онъ боялся, а при внезапномъ чьемъ-либо появленіи пугался; на лицѣ его изображался тогда ужасъ и онъ снова впадалъ въ бредъ.

Видя, что о. Іакинъ такъ медленно поправляется, мать послала въ городъ за каретой и отвезла его въ монастырь. Вслѣдъ за его отъѣздомъ переѣхали и мы въ городъ.

## IX.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; здоровье его почти не улучшалось, хотя въ постели онъ и не лежалъ. Ничего у него не болѣло, но жаловался онъ только на слабость и ознобъ. Цѣлые часы онъ иногда просиживалъ на горячей лежанкѣ, желая согрѣться, а согрѣться все же не могъ. Лицо его осунулось еще болѣе и ростомъ онъ сталъ какъ будто меньше, но умственные способности возвратились настолько, что онъ могъ о всемъ говорить. О приключеніи же, бывшемъ съ нимъ въ лѣсу, онъ, казалось, забылъ совершенно и никогда о немъ не вспоминалъ.

Закутавшись въ свой мѣховой тулупчикъ, дѣдушка тихо бродилъ по своей кельи. Подолгу просиживалъ онъ передъ письменнымъ столомъ, читая и перелистывая свои рукописи, ктайскія книги и перекладывая ихъ съ мѣста на мѣсто. Принимался онъ и писать и, почти плача, жаловался, что у него ничего не выходитъ. Отъ стола переходилъ онъ въ другую комнату, пересматривалъ рѣдкости, обтиралъ съ нихъ пыль и снова устанавливалъ ихъ въ прежнемъ порядкѣ. Почти всегда, пріѣзжая къ нему, я заставляла его за этимъ занятіемъ и каждый разъ онъ объяснялъ мнѣ чѣмъ каждая изъ вещей замѣчательна и гдѣ она пріобрѣтена. И тогда же онъ говорилъ мнѣ,

что у него сдѣлано духовное завѣщаніе, которое уже давно написано имъ собственноручно. Въ немъ онъ самъ опредѣлялъ, въ какие музеи должны быть отправлены послѣ его смерти вывезенныя имъ изъ Китая рѣдкости.

Мать отпускала меня къ дѣдушкѣ часто, и, прїѣзжая къ нему, я всегда заставляла его въ полномъ одиночествѣ. Скучалъ и томился бѣдный старикъ отъ одиночества, бездѣйствія и всегда радовался, какъ ребенокъ, когда я оставалась у него на цѣлый день. Не было у него ниаго общества, какъ лакей, да и то Максима, къ которому онъ привыкъ, такъ какъ онъ у него долго жилъ, уже не было. Послѣ несчастія, бывшаго съ дѣдушкой въ Муринѣ, монастырское начальство отпустило его за недосмотръ и замѣнило его другимъ, который и долженъ былъ находиться при немъ безъотлучно. Этотъ же лакей обыкновенно сидѣлъ у себя за перегородкой, занятый собственной работой—шитьемъ сапогъ, о развлеченіи дѣдушки ни мало не заботясь. Сосѣди монахи тоже его не навѣщали; они не симпатизировали ему. Дѣдушка и самъ не любилъ ихъ общества; никогда не велъ съ ними компаніи и общаго съ ними ничего не имѣлъ. Тотъ же монахъ, который въ прежнее время иногда бывалъ у него, уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ. Изъ обширнаго круга его знакомыхъ ученыхъ и литераторовъ также никто не прїѣзжалъ къ нему. Казалось, всѣ забыли объ его существованіи, но самъ дѣдушка ихъ помнилъ и съ горечью сознавалъ, что былъ забытъ всѣми.

Хорошо помню, какъ бесѣдуя со мной, и перебирая ихъ имена, онъ печально качнеть головой и голосомъ, въ которомъ звучала обида, проговорить:

— Забыли... видно не годенъ больше стать... Изъ ума, думаютъ, выжилъ старикъ, ничего не понимаетъ...

Видя его въ такомъ печальномъ настроеніи, я старалась, какъ могла, разсѣять его мрачныя мысли. Я ласкала его, смѣялась, рассказывала разныя глупости про институтъ и болтала до тѣхъ поръ, пока лицо его начинало проясняться. Невольно заслушавшись моею болтовней, онъ, наконецъ, улыбнется и съ нѣжностью промолвитъ:

— Только ты одна осталась мнѣ, махонькая. Не забываешь ты меня, любишь и не скучаешь со мной. Вотъ и матери твоей спасибо, за то, что отпускаетъ тебя ко мнѣ; вижу я, значить, и она меня любить, жалѣетъ старика. Одно вотъ только мнѣ обидно—зачѣмъ ты лѣнилась со мной учиться. Цѣлое вѣдь лѣто пропало; зря только прогуляла его, а сколько бы могла уже выучить!

Тоска одиночества до того овладѣла о. Іакинѣомъ, что онъ просто

не могъ ее больше переносить. Онъ со слезами умолялъ мать мою взять его къ себѣ погостить.

Долго монастырское начальство не разрѣшало ему выѣхать въ виду его слабости, ссылаясь на зимнее время и возможность простуды для больного.

Наконецъ, оно было дано. Пока шли переговоры о его выѣздѣ, дѣдушка вдругъ ободрился и почувствовалъ себя несравненно лучше. Онъ твердо и бодро прошелъ по коридору, направляясь къ ожидавшей его каретѣ. Лакей долженъ былъ его сопровождать и жить у насъ. Выѣзжать ему куда бы то ни было изъ дому было строго запрещено.

Въ первое время пребыванія у насъ дѣдушки, здоровье его съ каждымъ днемъ замѣтно улучшалось. Онъ былъ совершенно доволенъ, бодръ, веселъ, читалъ газеты, могъ вести дѣльный разговоръ. Еще оставшіеся наши близкіе знакомые часто навѣщали его, играли съ нимъ въ преферансъ. Въ картахъ, однако, онъ иногда путался, забывая въ какую именно играетъ игру. Надъ этимъ смѣялись, острили; онъ добродушно отшучивался.

Нѣсколько недѣль все шло какъ нельзя лучше; вдругъ ему сдѣлалось замѣтно хуже. Слабость ума и тѣла возобновилась. Онъ забывалъ, что хотѣлъ сказать, путалъ имена и лица и почти совершенно потерялъ память. Въ картахъ смѣшивалъ не только игру, но и самыя карты. Онъ сердился, когда спутывалъ игру и съ раздраженіемъ говорилъ:

— «Эдакъ играть нельзя; ну, васъ совсѣмъ! Много разъ уже сказывалъ вамъ, что такъ играютъ только европейцы». При такой вспышкѣ, добродушно посмѣиваясь, партнеры просили научить ихъ играть по азіатски.

Послѣ этого онъ большею частію успокоивался, но иногда раздражался еще болѣе. Горячась, онъ доказывалъ, что азіаты не играютъ въ карты, не тратятъ попусту время, какъ европейцы. Горячась все болѣе и болѣе, онъ, наконецъ, бросалъ карты и выходилъ среди игры. Вскорѣ онъ долженъ былъ уже совсѣмъ отказаться отъ игры. Когда же собравшіеся гости сѣли за ломберный столъ, дѣдушка призывалъ меня играть съ нимъ въ дурачки и радовался какъ ребенокъ, когда оставлялъ меня.

Почти съ каждымъ днемъ онъ продолжалъ ослабѣвать умственно и физически. Дошло, наконецъ, до того—ничто уже не занимало его, ни преферансъ, ни разговоры, ни газеты, только игра въ дурачки.

Проснувшись рано утромъ въ 3—4 часа, онъ тотчасъ посылалъ за мной. Если ему говорили, что слишкомъ рано и въ домѣ всѣ

спять, онъ сердился и настоятельно требовалъ, чтобы меня разбудили. Едва я входила въ комнату, онъ уже торопливо сдавалъ карты. Случалось мнѣ иногда играть съ нимъ безъ перерыва съ ранняго утра вплоть до обѣда. Сонъ у него былъ плохой; во время бессонницы по ночамъ онъ тоже требовалъ, чтобы я сидѣла около него и чтонибудь ему рассказывала. Когда же карты надоѣдали ему, онъ заставлялъ меня читать вслухъ его старыя рукописи и печатныя сочиненія. Во время чтенія онъ часто засыпалъ; проснувшись и не видя меня, онъ снова звалъ меня продолжать его.

Скажу откровенно — не смотря на всю мою любовь къ нему, такое времяпровожденіе надоѣдало мнѣ невыразимо.

Если меня не было около него или я уходила гулять, дѣдушка беспокоился, капризничалъ и, наконецъ, принимался плакать. Ничѣмъ уже тогда нельзя было развлечь его; онъ плакалъ какъ ребенокъ, пока я снова не являлась къ нему. Мать сердилась и бранила меня, когда я оставляла его, и требовала, чтобы я сидѣла около него и занимала.

Въ томъ же году вышло въ свѣтъ его послѣднее сочиненіе «О народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій», удостоенное академіей наукъ Демидовской преміи. Надо думать, что онъ еще успѣлъ просмотрѣть его до болѣзни, потому что на находящихся у меня печатныхъ экземплярахъ этого изданія сохранились маленькія поправки, сдѣланныя карандашомъ и чернилами его рукой.

Въ началѣ 1852 г., однажды ночью, въ домѣ у насъ поднялась большая суматоха—дѣдушка сильно заболѣлъ. Утромъ мать поѣхала въ монастырь увѣдомить о его болѣзни. Въ тотъ же день пріѣхалъ монахъ и его увезли.

Съ тѣхъ поръ дѣдушка у насъ уже больше никогда не былъ.

Въ этомъ году на дачу мы переѣхали въ Павловскъ, а дѣдушку, по распоряженію начальства, перевезли на лѣтнее время въ Киновею—мѣстопробываніе больныхъ и слабыхъ монаховъ Невскаго монастыря. Она находится на берегу Невы, на протвѣположной отъ монастыря сторонѣ, и входъ женщинамъ туда воспрещенъ.

Въ продолженіе всего лѣта мы не видали дѣдушку. Впрочемъ, мать ѣздила нѣсколько разъ въ монастырь узнавать о его здоровьи.

Должно сказать правду, съ переѣздомъ въ Павловскъ о немъ почти забыли и о болѣзни его особенно не тревожились. Зная крѣпкую натуру дѣдушки, мать была почти увѣрена, что онъ поправится, и потому къ болѣзни его относилась довольно спокойно. Въ головѣ же моей если иногда и мелькала мысль о больномъ дѣдушкѣ, то она

тотчасъ же исчезала. Другія глупыя и пустыя мысли затмѣвали ее. Правъ былъ онъ, говоря, что въ головѣ моей одинъ только вздоръ.

За мной ухаживали и я начинала увлекаться. Дѣдушку я любила всегда, любила и тогда не меньше, а между тѣмъ я вовсе и не думала, что бѣдный больной, быть можетъ, умираетъ. Въ ясную августовскую ночь я сентиментально смотрѣла на луну и думала о вздорѣ. Гуляя по темнымъ аллеямъ парка, я съ упоеніемъ вслушивалась все въ тотъ же вздоръ... а дѣдушка былъ забытъ.

Съ дачи перѣѣхала я въ городъ уже невѣстой, а въ октябрѣ была и моя свадьба.

Когда дѣдушка перѣѣхалъ изъ Киноевъ обратно въ монастырь, мы поѣхали къ нему сообщить эту новость и просить его благословенія.

Онъ сильно обрадовался намъ, засуетился, приказалъ подать чаю, послалъ за просфорами. За лѣто онъ такъ поправился, что его просто нельзя было узнать; живость въ рѣчахъ, бодрость въ движеніяхъ, ясность ума снова вернулись. Да! Сильная натура его энергически боролась со смертію, все еще не уступая ей своихъ правъ.

Когда мать объявила ему, что я невѣста, онъ сильно изумился, что я уже такъ выросла. Лаская меня, онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Такъ ты, махонькая, уже совсѣмъ стала большая. Замужъ идешь, вотъ какъ! Ну, что-же, въ добрый часъ! Благослови тебя Господь! Не замѣтилъ я только, когда ты поспѣла вырости.

И помолчавъ немного, онъ прибавлялъ:

— Ну, вотъ и привелъ Господь дожить до твоей свадьбы... Ну, что-же, дѣло хорошее; ужъ знатно попируемъ у тебя, а тамъ, того, гляди и на крестины позовешь. Только ты смотри, махонькая, меня въ кумы-то возьми, слышишь?

Дѣдушка сильно былъ заинтересованъ этою новостью. Разспрашивалъ, какъ все это случилось, интересовался женихомъ и выражалъ желаніе видѣть его.

Позвавъ человѣка, онъ приказалъ ему открыть одинъ изъ сундуковъ, гдѣ хранились у него мѣховыя вещи. Мѣха онъ выписывалъ изъ Тобольска и любилъ ихъ имѣть въ запасѣ. Вынувъ свою новую, большую шапку изъ сибирскихъ соболей и нѣсколько собольихъ шкуръ, онъ отдалъ все мнѣ. Шапку на муфту, а шкурки на воротникъ. Хотѣлъ онъ также отдать мнѣ и свою дорогую соболью шубу, но вдругъ остановился:

— Можетъ еще понадобится самому, въ раздумьи промолвилъ онъ. — Къ тебѣ же на свадьбу надѣну, а въ старенькой-то и холодно будетъ, да и не пригоже. По веснѣ лучше отдамъ тебѣ, махонькая,



а зиму-то пускай у меня побудеть, можетъ и нужда въ ней будетъ. А шапку возьми; у меня другая есть—поплоче.

Когда мы собрались уѣзжать, онъ все насъ удерживалъ, просилъ чаще пріѣзжать и жаловался на скуку. На прощанье онъ далъ матери пачку денегъ, сказавъ:

— Махонькой на наряды.

Черезъ нѣсколько дней я пріѣзжала къ нему съ женихомъ. Повертѣлись мы у него, перекинулись нѣсколькими словами и уѣхали, отказавшись отъ чая, которымъ онъ хотѣлъ угостить насъ. Женихъ мой, однако, ему не понравился, и когда дѣдушкѣ случалось говорить про него, то онъ всегда называлъ его—молокосось и прохвость. По всей вѣроятности, это происходило оттого, что женихъ мой былъ еще очень молодъ.

Пировать на моей свадьбѣ ему, однако, не пришлось. Поправившееся было его здоровье, съ наступленіемъ осеннихъ дней, стало быстро падать, вслѣдствіе чего выѣздъ изъ монастыря ему былъ воспрещенъ.

Визитъ, сдѣланный ему нами послѣ свадьбы, былъ коротокъ. Просидѣвъ у него съ полчаса, мы уѣхали, ссылаясь на то, что намъ нужно дѣлать еще много визитовъ. Поздравлялъ онъ насъ шампанскимъ и оставилъ чай пить.

Послѣ свадьбы пошли разные выѣзды, обѣды, вечера, балы—и голова моя совсѣмъ закружилась отъ всѣхъ этихъ развлеченій.

---

## X.

Вспомнивъ, наконецъ, о больномъ дѣдушкѣ, я поѣхала въ монастырь. Долго звонила я въ колокольчикъ, стучала въ его дверь, но все было тихо у него; никто не отзывался и дверь не отворялась. Постучавъ въ послѣдній разъ и не слыша никакого отзыва, я, подумавъ, что дѣдушку, вѣроятно, опять увезли въ Киновею, хотѣла ѣхать домой. Въ ближайшей кельѣ отворилась дверь и въ ней показался монахъ, который сказалъ, что человекъ дѣдушки, должно быть, отлучился, заперевъ дверь и унесъ съ собою ключъ. На мой вопросъ о здоровьи дѣдушки онъ, вздыхая, проговорилъ:

— Нашему отцу Іакинеу очень плохо, видно подходитъ его послѣдній часъ. Вотъ уже нѣсколько недѣль лежитъ не вставая; у него отнялась рука.

Это извѣстіе поразило меня; я заплакала. Утѣшая, монахъ говорилъ:

— Напрасно, сударыня, изволите плакать, только глазки свои портите. Отецъ Іакинеу, благодаря милости Создателя, прожилъ не мало и предстать ему предъ Отцемъ Небеснымъ давно пора.

Я продолжала плакать. Видя, что утѣшенія его на меня не дѣйствуютъ, онъ пригласилъ меня къ себѣ въ келью подождать, пока вернется человекъ. Онъ угостилъ меня чаемъ съ вареньемъ и все говорилъ, стараясь развлечь. Просидѣвъ у него болѣе двухъ часовъ, я уѣхала, все-таки не дождавшись человекъ.

Возвратясь домой, я со слезами рассказала матери и мужу о болѣзни дѣдушки, но плакать долго не пришлось. Собирались гости, приглашенные къ обѣду, а вечеромъ мы поѣхали въ итальянскую оперу.

Только чрезъ нѣсколько дней мать нашла возможнымъ поѣхать къ дѣдушкѣ. Также, какъ и я, она звонила, стучала, ждала и возвратилась, не видя его.

Приставивъ къ больному о. Іакинеу слугу, который долженъ былъ находиться при немъ безотлучно, монастырское начальство, вѣроятно, успокоилось, вполне довѣрясь ему. Если кто-либо изъ начальства и навѣщалъ о. Іакинеа, то это, вѣроятно, случалось не часто. Иначе трудно допустить, чтобы оно могло смотрѣть равнодушно на частыя, длившіяся иногда цѣлые часы, отлучки слуги, который не только оставлялъ больнаго въ одиночествѣ и полной безпомощности, но, запирая его, уносилъ ключъ съ собой. Кругомъ него жили монахи, но они не любили о. Іакинеа, и также ни мало о немъ не заботились.

Послѣ многихъ напрасныхъ прїѣздовъ, мнѣ, наконецъ, удалось застать человѣка и дверь предо мною отворилась.

Пройдя быстро изъ первой во вторую комнату, я подошла къ кровати, стоящей противъ двери, вдоль шкафовъ съ книгами, и, взглянувъ на дѣдушку, остановилась пораженная горемъ.

Предо мной, вытянувшись, безъ движенія лежалъ бѣдный старикъ. Исхудалое лицо его было блѣдно, точно восковое, глаза закрыты. Рѣденькіе, совершенно уже бѣлые, волосы сбились въ комки, какіе бываютъ у долго лежащихъ больныхъ, если ихъ не причесываютъ, Такъ много трудившаяся правая рука лежала безъ малѣйшаго движенія.

— Дѣдушка, дѣдушка! могла я только вымолвить, захлебываясь отъ слезъ и бросаюсь къ нему.

Слабо вздохнувъ, онъ открылъ глаза и взглянулъ на меня.

— Махонькая... вспомнила... спасибо... слабымъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ онъ и слезы радости покатались по исхудалому лицу его. Онъ сдѣлалъ какое-то движеніе губами, приподнялъ здоровую руку, какъ бы желая обнять меня, и снова со стономъ опустилъ ее.

Я обнимала его, покрывала поцѣлуями и слезами его блѣдное лицо, беспомощно протянутую холодную руку.

— Холодно... чаю... забыли... забыли всѣ... только ты.. одна.. Наденька... голубушка моя... дай чайку... говорилъ онъ все тѣмъ же прерывающимся голосомъ.

Я бросилась къ человѣку и приказала поставить самоваръ. Потомъ вспомнивъ, что у него была хорошая, теплая шуба, я хотѣла взять ее и закрыть дѣдушку. Однако, ни новой, ни старой шубы я не нашла; шкафъ былъ пустой, въ немъ висѣла одна старенькая ряса. На мой вопросъ—гдѣ шубы? человѣкъ нехотя отвѣтилъ:

— Отвезли къ мѣховщику на сохраненіе.

— Кто же отвезъ?

— Тотъ, до кого это дѣло касается, а вамъ нужды нѣтъ знать не ваши шубы, грубо отвѣчалъ онъ.

Дѣлать нечего, пришлось прикрыть дѣдушку одной рясой и своей шубой. Когда я хотѣла хотя слегка расчесать его сбившіеся волосы, то не оказалось и гребешка. Пришлось послать просить ее у сосѣда монаха. Пока я ухаживала за нимъ, онъ все повторялъ:

— Махонькая... любишь ты меня... вижу я.. не забываешь... спасибо, Наденька...

На столѣ у него я нашла коробочку съ остатками арраурута и, вспомнивъ, какъ онъ любилъ его, я приготовила и его. Напившись

чая, покушавъ аппетитно арраурута и согрѣвшись подъ шубой, дѣдушка вскорѣ заснулъ. Спалъ онъ часа два тихо, спокойно; проснулся веселѣе и какъ будто бодрѣе.

Пока онъ спалъ, я велѣла человѣку затопить печь у дѣдушки, потому что въ нетопленной комнатѣ было такъ холодно, что и я озябла. Затопивъ ее съ неудовольствіемъ и воркотней, человѣкъ куда-то ушелъ, по обыкновенію заперевъ дверь и унеся ключъ.

У дѣдушки я просидѣла до вечера; онъ рѣшительно не отпускалъ меня, а когда я уже прощалась съ нимъ, онъ горько заплакалъ и сквозь слезы говорилъ:

— Скучно мнѣ, Наденька... ахъ какъ скучно!... обидно... всё забыли... Вотъ только ты одна... Ты радость моя... утѣха... когда же прійдешь?..

Я уѣхала, общая прійхать на слѣдующій день. Уѣзжая, я сунула человѣку рубль, прося его смотрѣть хорошенько за дѣдушкой и быть завтра дома, чтобы мнѣ напрасно не пріѣзжать.

На слѣдующій день я не была, меня что-то задержало, но пріѣхала день спустя.

Къ удивленію, не только человѣкъ былъ дома, но даже и самоваръ поставленъ, а въ первой комнатѣ накрытъ былъ столъ, на немъ подносъ съ двумя чашками. За перегородкой топилась плита, а на ней варился бульонъ и печь въ комнатѣ дѣдушки была вытоплена. Все было прибрано, выметено. Самъ дѣдушка лежалъ въ чистомъ бѣльѣ и волосы его были причесаны. Онъ встрѣтилъ меня радостно, сказалъ, что ему какъ будто полегчало, и дѣйствительно онъ говорилъ какъ-то тверже, не такимъ прерывающимся голосомъ. Я накормила его бульономъ, пила чаемъ съ блюдечка, такъ какъ по слабости онъ не могъ этого дѣлать самъ.

За всѣми моими движеніями онъ слѣдилъ съ любовью, называя меня нѣжными именами и своей утѣхой и даже одинъ разъ въ порывѣ умиленія промолвилъ: — азіяточкой ты стала, махонькая, то есть совсѣмъ азіяточка! Дай, я поцѣлую тебя.

Когда мы пили чай, пришелъ монахъ, у котораго я тогда ожидала человѣка, и заявилъ, что пришелъ навѣстить сосѣда. Мы разговоривали, а дѣдушка слушалъ насъ и самъ иногда вмѣшивался въ разговоръ. Я просила монаха павѣщать дѣдушку и наблюдать, чтобы ему было спокойно. Онъ охотно обѣщавъ исполнить мою просьбу. Пробывъ у дѣдушки часовъ до 4-хъ, я уѣхала, а монахъ остался, обѣщавъ мнѣ провести съ нимъ и вечеръ.

Въ этотъ день мнѣ нужно было непременно быть дома къ обѣду. Боясь опоздать, я хотѣла узнать который часъ и потому стала искать дѣдушкиныхъ часовъ; но ихъ также не оказалось. Человѣкъ сказалъ, что

они испортились, и отдали ихъ въ починку. Часы дѣдушкины были оригинальные, такихъ я больше ни у кого не видала; когда мы были маленькими, они насъ очень занимали. Они были большіе, круглые и на циферблатѣ было нарисовано 12 апостоловъ.

Посѣщенія мои къ дѣдушкѣ не долго продолжались и прекратились вскорѣ. У меня внезапно заболѣлъ опасно мужъ; у него былъ тифъ. Болѣзнь была серьезная и затянулась надолго. Во время болѣзни я и мать были при немъ безъотлучно. О дѣдушкѣ хотя и вспоминали, но къ нему не ѣздили, боясь завести тифъ.

Навѣщалъ ли кто его въ это время—не знаю. Было извѣстно только намъ, что м-ше Ушакова, на время уѣзжавшая куда-то, снова возвратилась и бываетъ изрѣдка у о. Іакинѣа, но съ нею мать моя почти уже разошлась. Помню еще, говорили—что принцъ Петръ Георг. Ольденбургскій навѣстилъ его. Безпокоясь о дѣдушкѣ и почти не имѣя о немъ извѣстій, мать, наконецъ, поѣхала сама къ нему. Возвратилась она разстроенною и сказала, что дѣдушка хотя и узналъ ее, но ему очень плохо, вѣроятно, уже конецъ близокъ и что его уже соборовали.

Дня чрезъ два поѣхала и я къ нему. Едва я позвонила, какъ дверь тотчасъ же отворилась; человѣкъ былъ уже другой, еще непривѣтливѣе, еще грубѣе на видѣ.

При видѣ дѣдушки, я невольно содрогнулась. Перемѣнился онъ ужасно; отнялась у него и другая рука. Предо мной лежалъ уже не живой человѣкъ, а скорѣе трупъ. Лицо было мертвенно блѣдно; закрытые глаза глубоко ввалились; черты лица заострились. Правая рука опухла и посинѣла. Онъ довольно громко стоналъ.

Какъ и тогда, заливаясь слезами, я бросилась къ нему. Онъ открылъ глаза, но уже не узналъ меня.

Но все же, вѣроятно, въ немъ мелькнуло какое-либо сознаніе, потому что посинѣлыя губы его едва слышно прошептали:

— Обижаютъ... не кормятъ... забыли... не ѣлъ...

И остановивъ на мнѣ свой мутный взоръ, все не узнавая, онъ какъ младенецъ, который проситъ пищи, зачмокалъ губами.

Сознавая свое полное безсиліе помочь ему въ чемъ бы то ни было, я, съ невыразимой душевною скорбью, упала на колѣни и, склонившись на его кровать, горько зарыдала.

Вдругъ меня поразилъ какой-то непріятный, острый запахъ. Быстро поднявъ голову, я оглядѣлась вокругъ. Тогда только я замѣтила, что на дѣдушкѣ была надѣта грязная, быть можетъ недѣлями не перемѣняемая, рубаха, по которой ползали насѣкомыя. Наволоки на подушкахъ, простыни — все было грязно и воняло. Закрытъ онъ былъ какимъ-то старенькимъ, ситцевымъ одѣяломъ, изъ котораго

мѣстами висѣли ключья ваты. Желая поправить свѣсившуюся на бокъ простыню, я приподняла одѣяло и отшатнулась, пораженная зловоніемъ. Преодолевъ себя, я снова нагнулась и опять приподняла одѣяло... Правая нога была сильно распухши, вся синяя, на ней были пролежни. По простыни ползали мелкіе бѣлые черви и умирающій дѣдушка лежалъ въ нечистотахъ.

Подъ впечатлѣніемъ глубокой скорби, безконечной жалости и обиды за дѣдушку, я рыдала беззвучно и не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ старикъ монахъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Уйдите! — проговорилъ онъ сурово и прикасаясь къ моему плечу.

— Я внучка, съвозъ рыданія сказала я и посмотрѣла на него. Лицо его было строго и сурово. Глаза мрачно смотрѣли на меня.

У монашествующей братіи земныхъ родныхъ не бываетъ. У нихъ только одинъ Отецъ Небесный. Зачѣмъ пришли вы смущать покой умирающаго старца? Уйдите! также холодно и сурово продолжалъ онъ.

Слезы душили меня, я хотѣла встать съ колѣнъ и не могла. Онъ подавъ мнѣ руку и помогъ.

— Это мой дѣдушка, онъ умираетъ, онъ просилъ ѣсть, покормите его, говорила я прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Объ этомъ не беспокойтесь. Отецъ Іакинѣвъ уже покончилъ всѣ земные расчеты, онъ соборованъ и его ждетъ пища небесная. Развѣ вы не видите, что онъ уже безъ сознанія? Уйдите же и не смущайте его больше! проговорилъ онъ строгомъ, повелительнымъ голосомъ.

Онъ выждалъ, пока я одѣлась, вышелъ вмѣстѣ со мною и долго шелъ молча сзади меня, постукивая своей клюкой по каменному полу корридора. Это было въ концѣ апрѣля, а въ началѣ мая пошли у насъ хлопоты о наймѣ дачи. Нѣсколько разъ мы ѣздили въ Павловскъ, но все безуспѣшно. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ мы возвратились домой поздно.

За чаемъ мать взяла газету, которую утромъ, торопясь на машину, не успѣла просмотрѣть. Прочитавъ нѣсколько минутъ, она опустила ее, съ испугомъ воскликнувъ:

— Боже мой! Дѣдушка скончался! Завтра его хоронятъ.

На слѣдующій день, въ 9 час. утра, мы поѣхали въ монастырь, рассчитывая приѣхать до обѣдни, слѣдовательно, не опоздать. Отпѣванія же часъ въ газетахъ не былъ объявленъ.

На нашъ вопросъ, въ какой церкви отпѣваютъ отца Іакинѣва, встрѣ-

тившіяся монахъ отвѣчалъ, что его отпѣвали за ранней обѣдней и уже похоронили.

Легко понять, каково было наше удивленіе и огорченіе. Всѣ знали въ монастырѣ, что онъ нашъ родственникъ; не ошибусь, если скажу, что объ этомъ было извѣстно и самому митрополиту. На вопросъ матери, почему не дали знать о его кончинѣ, монахъ отвѣтилъ ей тоже, что говорилъ и мнѣ, когда я была въ послѣдній разъ у дѣдушки:

— У монашествующей братіи земныхъ родныхъ нѣтъ. У нихъ только одинъ Отецъ Небесный.

Намъ было отказано и въ желаніи взглянуть въ послѣдній разъ на келью, гдѣ жилъ отецъ Іакинѣвъ, такъ много работалъ, а въ послѣдніе годы жизни своей, забытый почти всѣми, быть можетъ такъ много передумалъ горькихъ думъ....

Прахъ дѣдушки покоится въ Александро-Невской лаврѣ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ, близь праваго алтаря церкви Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ. Надъ нимъ воздвигнуть памятникъ, а на немъ простая надпись: «Іакинѣвъ Вичуринъ, род. 1777 г., сконч. 11-го мая 1853 г.». Между надписями, вдоль памятника, написано по китайски.

Личность о. Іакинѣва была свѣтлая, гуманная, доступная высокимъ движеніямъ сердца. Онъ былъ отзывчивъ на горе и несчастье ближняго и когда обращались къ нему за помощью, онъ никогда въ ней не отказывалъ. Правда, у него было много странностей и многие считали его чудакомъ. Онъ любилъ браниться какъ въ разговорахъ, такъ и въ полемикѣ; въ выраженіяхъ своихъ не стѣснялся и бывалъ иногда черезчуръ рѣзокъ. Люди же, знавшіе его близко, извиняли ему эту слабость и любили его искренно, непритворно. Зло, причиненное ему кѣмъ бы то ни было, онъ легко прощалъ и тотчасъ же забывалъ его навсегда.

Скоро исполнится тридцать пять лѣтъ со дня его кончины. Ошибки его жизни забылись; остались однѣ ученые заслуги и знаменитое имя. И съ гордостью я вспоминаю, что была его любимой внучкой и мнѣ одной выпало на долю усладить, хотя одними только мгновеньями, его одинокій, забытый, безъотрадный конецъ дней.

Н. С. Моллеръ.

С.-Петербургъ.  
1887 г.

## РУССКІЕ ВЪ РУМЫНІИ И НА ДУНАѢ

въ 1853 и 1854 гг.

По Восточной или, такъ называемой, Крымской войнѣ 1853—1856 гг. много уже было писано въ русской и иностранной литературѣ.

Но Восточная война такъ богата содержаніемъ, представляетъ столько отдѣльныхъ сторонъ и положеній, что остается еще многое изслѣдовать, уяснить и извлечь изъ него урокъ для будущаго.

Въ настоящемъ трудѣ я намѣренъ ограничиться изслѣдованіемъ политическихъ причинъ, игры страстей и вліянія отдѣльныхъ личностей на ходъ міровыхъ событій и политическій строй Европы.

До начала войны 1853 года не было въ Европѣ событія, которое не направлялось бы согласно взглядамъ русскаго правительства. Голось русскаго Царя отзывался въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Европы. Всѣ внимали ему и подчинялись его рѣшеніямъ. Исключенія были рѣдки и никогда не оставались безъ должнаго возмездія.

Въ какихъ нибудь два, три года, изъ полнаго главенства въ Европѣ, все радикально измѣнилось. Достаточно было высказать Россіи какое-либо самое справедливое требованіе, чтобы противъ него, отовсюду, проявились протесты, чтобы всѣ, какъ бы по общему сигналу, не вооружились для воспрепятствованія выполненію намѣреній Россіи.

Были же причины такого рѣзкаго измѣненія отношеній къ Россіи. Изслѣдовать эти причины я и имѣю въ виду.

Въ настоящей статьѣ указаніе хода военныхъ событій ограничивается только общимъ театромъ войны на Дунаѣ, отъ времени вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы княжествъ до очищенія ихъ, вслѣдствіе перенесенія главныхъ операцій въ Крымъ и демонстрацій австрійцевъ на флангъ и въ тылу нашей Дунайской арміи, — когда Австрія, изъ сомнительнаго друга, стала сомнительнымъ врагомъ нашимъ.



Насколько Австрія была нашимъ другомъ или врагомъ—выяснить чрезвычайно важно, такъ какъ отъ этого вопроса прямо зависѣлъ исходъ гигантской борьбы нашей съ Западомъ и Востокомъ,—борьбы, стоившей намъ громадныхъ жертвъ и надолго измѣнившей положеніе дѣлъ въ Европѣ. Считая Австрію другомъ, мы жертвовали для нея нашими стратегическими выгодами. Считая ее врагомъ, мы также ошибались и держали въ бездѣйствіи противъ нея цѣлую армію, въ то время, когда эта армія могла бы дать рѣшительный оборотъ борьбѣ нашей съ коалиціей, если бы была своевременно употреблена въ дѣло.

Но если Австрія не была ни нашимъ врагомъ, ни другомъ, значить была нейтральна? Нѣтъ, она не была и нейтральна. Она была только эгонистична, и по отношенію къ намъ играла роль Дамоклова меча, висѣвшаго на волоскѣ надъ нашею головою, для того, чтобы никогда не упасть на нее. Держа насъ постоянно въ такомъ напряженномъ состояніи, она, тѣмъ самымъ, безъ всякаго риска, надѣялась получить значительныя для себя выгоды, отъ насъ-ли или нашихъ противниковъ. Доказать это составляетъ особую задачу настоящей статьи.

А. Н. Петровъ.

## Намѣревалась-ли Австрія объявить намъ войну въ 1854 году?

### I.

Въ сочиненіи, изданномъ въ 1854 году на нѣмецкомъ языкѣ о войнѣ 1853 и 1854 годовъ <sup>1)</sup>, авторъ его говоритъ въ своемъ заключеніи:

«Особенности этой войны заключаются не въ стратегическихъ операціяхъ и не въ техническихъ особенностяхъ той и другой стороны, — но въ перемѣнѣ операціонной цѣли, происшедшей въ зависимости отъ чисто политическихъ соображеній. Всѣ передвиженія армій производились не въ силу какихъ-либо гениальныхъ предпріятій, а единственно зависѣли отъ хода политическихъ настроеній. Вся операціонная линія русской арміи вдругъ должна была измѣниться и обратить фронтъ на западъ, къ сторонѣ Австріи, имѣя турокъ на югѣ. Въ заслугу кн. М. Горчакова слѣдуетъ поставить, что онъ могъ,

<sup>1)</sup> Der russisch-türkische Krieg in den Jahren 1853 und 1854. Von einem Sddeutschen Offizier. Karlsruhe, 1854.

въ нѣсколько дней, исполнить такую сложную операцію. Великую похвалу заслуживаетъ русская армія своею геройскою стойкостью и выносливостью, которыя проявилъ русскій солдатъ и въ битвахъ на Дунаѣ, и въ лѣсистой Добруджѣ, и на холодныхъ бивакахъ подъ Калафатомъ, и въ обратномъ маршѣ черезъ всю Валахію. Когда армія въ состояніи преодолѣть подобныя трудности, наступая безъ определенной цѣли (въ 1853 г.) и отступая безъ сраженій (въ 1854 г.), то это доказываетъ ея нравственную силу, высокое мужество и неослабную дисциплину» <sup>1)</sup>. «Русскіе, отступая, говоритъ далѣе авторъ, — каждую минуту могли перейти въ наступленіе» <sup>2)</sup>.

Дѣйствительно, только боевая армія можетъ сохранить полную дисциплину, когда послѣ одержанныхъ надъ непріателемъ побѣдъ ей приходится, безъ выстрѣла, отступать въ виду непріателя, котораго она во всякое время можетъ раздавить своимъ натискомъ.

И все это, противуестественное, по отношенію къ военному дѣлу, положеніе мы взяли на себя добровольно, изъ опасенія огорчить Австрію, въ дружбу которой не вѣрили уже; или изъ опасенія къ ней въ то время, когда она всего далѣе была отъ мысли объявить намъ войну и сама опасалась, чтобы мы ей не объявили ея.

Въ чемъ же состояли дѣйствительныя намѣренія Австріи?

Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ разсмотрѣнію поведенія Австріи относительно Россіи, съ самаго начала возникшихъ между нами и Турціей разногласій, приведшихъ къ занятію нашими войсками Придунайскихъ княжествъ.

Поведеніе Австріи за этотъ періодъ времени, въ особенности же за весь 1854 годъ, наиболѣе вліявшій на ходъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Турціи, всего лучше будетъ видно изъ донесеній нашихъ посланниковъ при вѣнскомъ дворѣ, барона Мейендорфа и потомъ кн. Горчакова, впервые появляющихся въ печати въ тѣхъ подробностяхъ, привести которыя я считаю необходимымъ, для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Не смотря на то, что занятіе нами въ 1853 году Дунайскихъ княжествъ было очень непріятно Австріи, опасавшейся, что близость нашей арміи къ ея границамъ, и въ особенности къ славянскимъ племенамъ Турціи, можетъ поднять и славянскія племена въ предѣлахъ самой Австріи, — она въ то время была еще, по виѣшности, въ дружественныхъ съ нами отношеніяхъ.

<sup>1)</sup> Тамъ-же, стр. 133 и 134.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, стр. 138.

Нашъ посоль въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ, писалъ графу Несельроде отъ 1-го (13-го) января 1854 года, что гр. Буоль, министр иностранныхъ дѣлъ Австріи, увѣрялъ его, что Россія—«всегда можетъ разсчитывать на дружеское участіе Австріи и Пруссіи, которыя обѣ желаютъ благопріятнаго для насъ исхода турецкой распри» <sup>1)</sup>.

Но еще болѣе, чѣмъ занятія княжествъ, Австрія опасалась нашего перехода черезъ Дунай и вступленія въ Болгарію, что, по ея мнѣнію, послужило бы сигналомъ къ возстанію какъ Болгарія, такъ равно и Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины, словомъ, всѣхъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, что повлекло бы за собою волненіе въ Кроаціи и Богеміи, чѣмъ воспользуются Венгрія и Италія, и сама Австрія будетъ охвачена со всѣхъ сторонъ и внутри возстаніемъ.

— «Переходъ русскихъ войскъ на правый берегъ Дуная, сказалъ императоръ Францъ Іосифъ Мейендорфу, поставитъ Австрію въ положеніе очень опасное, потому что на ея границахъ будутъ утверждены всѣ элементы анархіи и смуты» <sup>2)</sup>.

Въ видахъ предупрежденія возможности для Австріи стать въ такое опасное положеніе, гр. Буоль не скрывалъ отъ нашего посла своего намѣренія, — «стѣснить насъ и своимъ положеніемъ препятствовать разложенію Турецкой имперіи» <sup>3)</sup>.

Понятно, что Австрія заботилась не о цѣлости Турецкой имперіи, а о томъ, что возстаніе славянскихъ племенъ Порты могло, какъ полагаютъ въ Вѣнѣ, привести къ разложенію самой Австріи.

Какъ думалъ объ этомъ лично императоръ Францъ-Іосифъ, видно изъ слѣдующаго разговора его съ Мейендорфомъ отъ 9-го (21-го) февраля, на балѣ у кн. Шварценберга. Мейендорфъ сказалъ императору Францу-Іосифу, что его очень огорчаютъ статьи, появляющіяся въ австрійскихъ газетахъ, касательно Россіи.

— «Я знаю, сказалъ императоръ,—вы говорите о статьѣ въ Лойдѣ? Я приказалъ уже дать редактору второе предостереженіе, — послѣ третьяго журналъ будетъ закрытъ, чего я очень желаю».

<sup>1)</sup> Мин. иностр. дѣлъ. Входящія бумаги. Мейендорфъ. 1 (13) Janvier 1854, № 1. Гр. Буоль умолялъ насъ не переходить р. Прутъ, а въ Константинополь совѣтовалъ не начинать съ нами войны, заявляя, что въ случаѣ войны «Австрія принуждена будетъ озаботиться обезпеченіемъ своихъ границъ, что по отношенію къ Турціи составляло угрозу». Когда же мы вступили въ княжества, то гр. Буоль просилъ въ Парижѣ и Лондонѣ «не дѣлать изъ этого повода къ войнѣ». (Бутковскій: Сто лѣтъ Австр. политик. Томъ II, стр. 32. Изданіе 1888 г.).

<sup>2)</sup> Тоже, 7 (19) января 1854 г.

<sup>3)</sup> Тоже, 22 января (3 февраля) 1854 г.

Мейендорфъ замѣтилъ при этомъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ личномъ расположеніи императора къ интересамъ Россіи, но что не имѣеть никакого довѣрія къ его министрамъ. Въ объясненіе этого недовѣрія Мейендорфъ просилъ императора припомнить сказанныя имъ прежде слова, что «Россія ничѣмъ не рискуеть, вѣряя Австріи свои интересы, въ вопросахъ европейской политики, потому что это значить передать ихъ въ руки друга». Между тѣмъ вся вѣнская печать относится къ Россіи очень враждебно, а гр. Буоль прямо сказалъ Мейендорфу:

— «Я охотнѣе вступлю въ соглашеніе съ Франціей, чѣмъ съ Россіей, потому что политика ея болѣе консервативна».

Императоръ молчалъ.

— Нѣтъ ничего бессмысленнѣе, продолжалъ Мейендорфъ,—какъ обвинять нашу политику въ революціонныхъ стремленіяхъ, потому только, что у насъ набралось въ Валахіи 600 челов. сербскихъ, греческихъ и болгарскихъ волонтеровъ! Турки дѣлають цѣлыя воззванія къ нашимъ солдатамъ и даже офицерамъ, какъ магометанамъ, такъ и христіанамъ, обѣщая имъ чины и награды за дезертированіе, и имѣють уже въ рядахъ своей арміи тысячи революціонеровъ всѣхъ странъ, въ особенности же поляковъ, и мы имѣли бы полное право отвѣтить туркамъ тѣмъ-же. Но мы не дѣлаемъ воззванія къ возстанію и не принимаемъ турецкихъ бѣглыхъ; мы принимаемъ только волонтеровъ изъ христіанъ, которые являются сами въ ряды нашей арміи. Ваше величество припомните, что Наполеонъ поступалъ также противъ насъ въ 1812 г., формируя у насъ литовскіе полки, и что въ 1813 году союзники подражали его примѣру въ Германіи. Наконецъ, въ войнахъ съ Турціею Россія всегда имѣла команды изъ мѣстныхъ волонтеровъ; а въ 1787 году сама Австрія собрала 30,000 корпусъ сербовъ, подъ начальствомъ гр. Михайловича, и никто не считалъ это революціоннымъ движеніемъ.

— «Однако, опасность такого движенія отъ этого не станетъ для меня меньшею, замѣтилъ императоръ. Возстаніе христіанскихъ народностей Турціи не можетъ быть согласовано съ поддержаніемъ status quo, которое одно только и въ состояніи гарантировать интересы Австріи».

Мейендорфъ перешелъ къ тому, что Россія никого не призвала къ возстанію, что волненіе грековъ въ Эпирѣ произошло безъ всякаго съ нашей стороны вліянія, и что мы не имѣли даже тамъ ни одного консула, ни одного агента. Онъ утверждалъ, что возстаніе вспыхнуло, какъ неизбежное условіе того положенія, въ которомъ находятся въ Турціи христіане, и что лордъ Редклифъ предвидѣлъ

это, требуя ихъ освобожденія, для предупрежденія того, что произошло. Если-бы поэтому мы и выхлопотали что-нибудь въ пользу Болгаріи, «то какимъ образомъ могла-бы пострадать отъ этого Австрія, когда Болгарія съ нею даже не граничить?»

Императоръ, казалось, былъ недоволенъ такою постановкою вопроса и сказалъ:

— «На покровительство Россіи надъ болѣею частью владѣній Оттоманской имперіи я не могу смотрѣть хладнокровно. Это въ равной мѣрѣ затрогиваетъ интересы Австріи и европейскаго равновѣсія».

Мейендорфъ, желая вызвать императора на болѣея еще объясненія, спросилъ, какимъ образомъ интересы Австріи могутъ пострадать отъ нашего покровительства надъ Сербіей и княжествами?

— Провинціи эти стали богаты и счастливы только подъ нашею защитою, и мы удалили изъ нихъ всѣ революціонные элементы, чего не могла сдѣлать Турція. Къ тому же мы предлагали Австріи раздѣлить съ нами протекторатъ надъ Сербіей.

— «Да, отвѣчалъ императоръ,—но какой былъ бы для меня результатъ подобнаго раздѣла, когда по общности національностей и религіи Россія пользовалась бы тамъ полнымъ вліяніемъ, а Австрія не имѣла бы никакого».

— Мы имѣемъ право на симпатіи Сербіи еще потому, сказалъ Мейендорфъ,—что оказали ей услугу цѣною нашей крови; тогда какъ Австрія, наоборотъ, всегда отказывала ей въ своей помощи и предоставляла ее жестокостямъ турокъ.

— «Это правда, замѣтилъ императоръ,—это была ложная политика. Тѣмъ не менѣе я долженъ согласоваться съ существующимъ положеніемъ вещей».

— Но зачѣмъ же говорить теперь о возстаніи Сербіи и придавать ему большую важность, когда оно можетъ вовсе и не послѣдовать?

— «Зачѣмъ?—Потому что если я буду ждать, то опоздаю. Я знаю, что вы готовитесь перейти Дунай и что 16,000 ружей прибыли въ Бухарестъ для христіанскихъ населеній».

Мейендорфъ указывалъ затѣмъ на то, что если бы и возникло возстаніе въ Сербіи и Болгаріи, то оно не можетъ имѣть такого вліянія, что угрожало бы паденіемъ Оттоманской имперіи, или даже отдѣленіемъ отъ нея какой-нибудь части.

— «Я думалъ также, какъ и вы, до прибытія гр. Орлова, миссія котораго, какъ вы знаете, встрѣчена мною была съ большою радостію. Но изъ первыхъ же его предложеній я хорошо увидѣлъ, что вы остановились уже на извѣстныхъ проектахъ, не согласныхъ съ тѣмъ, о чемъ я говорилъ императору Николаю еще въ Ольмюцѣ и въ Вар-

шавъ. Я былъ пораженъ этимъ и долженъ былъ принять свои мѣры. До того времени я имѣлъ твердое намѣреніе сохранить строгій нейтралитетъ. Мое настоящее положеніе не есть результатъ какихъ-нибудь тайныхъ сношеній, подобно тѣмъ, которыя имѣла Пруссія съ Англіей. Я не имѣю никакихъ обязательствъ ни съ Англіею, ни съ Франціею. Но интересы моей имперіи поставлены на карту, и я не могу не подчиниться обязанностямъ, вызываемымъ положеніемъ дѣла».

Тѣмъ не менѣе, 10-го ноября 1853 г., гр. Буоль сообщилъ германскому сейму о рѣшеніи Австріи сократить численность своей арміи, «чтобы дать Европѣ залогъ своего миролюбія» <sup>1)</sup>.

Какъ бы то ни было, но роль Австріи относительно Россіи высказалась въ первый разъ словомъ—стѣснять насъ (*de nous gêner*).

Чтобы произвести внушеніе въ Вѣнѣ, не смотря на то, что Австрія сократила свою армію въ ноябрѣ, былъ отданъ 5-го декабря 1853 г. приказъ, привести нашу армію, занимавшую Царство Польское, на военное положеніе. Австрія, естественно, была встревожена близостію этой арміи къ ея границамъ. Опасеніе еще болѣе усилилось, когда весною 1854 года мобилизованная армія наша приблизилась къ границамъ Галиціи, занявъ 5-ю дивизіею Замосць, куда переѣхалъ и самъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Сверхъ того, цѣлые пѣхотные полки были расположены въ Красникѣ, Грубешевѣ, Красноставѣ и Томашевѣ; вся же линія отъ Грубешева до Вислы занята была на самой границѣ Галиціи нашими наблюдательными отрядами. Въ то-же время крѣпости наши приводились на военное положеніе.

Отсюда сама собою является затаенная радость Австріи по поводу разрыва нашего съ Англіей и Франціей, и уже въ февралѣ 1854 года Австрія начала поговаривать о возможности для нея занять Сербію и Боснію, въ видѣ залога въ сохраненіи цѣлости Оттоманской имперіи <sup>2)</sup>.

Когда союзники, начиная съ марта, стали подвозить свои десантныя войска въ Турцію, Австрія все болѣе и болѣе повышала тонъ и, въ свою очередь, начала уже грозить намъ разными демонстраціями.

«Черезъ шесть недѣль, писалъ Мейендорфъ, отъ 1-го (13-го) марта, австрійскія войска будутъ приведены на военное положеніе въ Галиціи, Венгрии, Банатѣ и на Военной Границѣ, составляя въ общемъ до 150,000 человекъ» <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Бутковскій. Т. II, стр. 36. Изд. 1888 г.

<sup>2)</sup> Мин. ин. дѣлъ. 24-го февраля (8-го марта) 1854 г.

<sup>3)</sup> Тоже, 1-го (13-го) марта 1854 г.

Впрочемъ, едва-ли Австрія въ дѣйствительности намѣревалась въ то время мобилизовать такую сильную армію, принимая во вниманіе крайне затруднительное ея финансовое положеніе.

Правда, Австрія знала, что мы можемъ имѣть въ Польшѣ до 120,000 челов. и потому должна была принять мѣры со стороны Галиціи; но сама она, какъ писалъ Мейендорфъ барону Будбергу (послу въ Берлинѣ): «не рѣшится объявить намъ войну. Она ничего не сдѣлаетъ противъ насъ и ограничится однѣми демонстраціями, не причинивъ намъ ничего, кромѣ развѣ сомнѣній и безпокойства» <sup>1)</sup>.

Но когда, не смотря на демонстративный характеръ Австріи, мы не остановились предъ переходомъ черезъ Дунай и одержали, въ мартѣ же мѣсяцѣ 1854 г., на правомъ берегу, значительные успѣхъ и Австрія, вмѣсто усиленія своихъ угрозъ, вдругъ начала радоваться нашимъ успѣхамъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлала видъ, что радуется.

«Я знаю изъ хорошаго источника, писалъ Мейендорфъ кн. Паскевичу, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) <sup>2)</sup>, что императоръ и всѣ окружающія его военныя лица громко высказывали одобреніе по случаю первыхъ успѣховъ нашей арміи, перешедшей Дунай для лучшей его обороны. Ихъ личныя расположенія не враждебны Россіи. Кн. Виндишгрець говорить, что никакого обязательнаго соглашенія съ морскими державами нѣтъ и не желательно, чтобы оно было. Высшіе военные чины полагаютъ, что произошелъ рѣзкій переворотъ въ австрійской политикѣ, и поздравляютъ съ этимъ другъ друга, громко говоря, что съ нихъ спала тяжесть стыда и угрызений совѣсти, которыя они чувствовали при мысли о вѣроятности войны съ Россіей.

«Касательно неизбѣжности этой войны я сдѣлалъ все возможное, чтобы представить химерическое значеніе всѣхъ военныхъ приготовленій Австріи.

«Гр. Штакельбергъ представляетъ в. свѣтл. подробный рапортъ по этому предмету, къ которому я могу прибавить только нѣсколько замѣчаній.

«Войска въ Трансильваніи не получили никакихъ подкрѣпленій, и сказанное мнѣ ген. Гессе четыре недѣли назадъ справедливо и въ настоящее время.

«Войска въ Галиціи, не смотря на то, что были опубликованы приказанія о приведеніи ихъ на военное положеніе, въ дѣйствительности

<sup>1)</sup> Мин. ин. дѣлъ. 11-го (23-го) марта 1854 г.

<sup>2)</sup> Тоже, 20-го марта (1-го апрѣля) 1854 г.

остались не мобилизованными, и ничто не указывает на то, что они предназначаются къ дѣйствіямъ.

«То-же относится и къ 10 корпусу, собранному въ окрестностяхъ Пешта. Войска же на границахъ Сербіи, Босніи, Герцеговины и Далмаціи, напротивъ того, приведены въ полную готовность начать кампанію: многочисленная артиллерія, лошади, скоть для перевозки, понтоны, госпитали и проч.

«Не будучи военнымъ человѣкомъ, я полагаю, что австрійскія войска могутъ открыть наступленіе, вступя въ Малую Валахію, для чего, кажется, и сосредоточены значительныя силы между Землинымъ и Орсовою (выше Кладово на Дунаѣ).

«Для удостовѣренія въ этомъ, я отправилъ особаго агента, съ цѣлью разузнать о движеніяхъ и дислокаціи австрійской арміи въ тѣхъ мѣстахъ».

Изъ этого видно, что въ концѣ марта 1854 года, не смотря на постоянное намѣреніе гр. Буоля стѣснять насъ, Австрія только на словахъ вооружалась; въ дѣйствительности же, больше шумѣла, чѣмъ принимала военныя мѣры, и гр. Буоль могъ только высказывать свои угрозы или, по крайней мѣрѣ, старался увѣрить нашего посла въ томъ, что онъ (гр. Буоль) дѣйствительно грозенъ. Что-же касается до императора Франца Іосифа, то его личныя симпатіи къ Россіи рѣзко отличались отъ настроеній его министра.

«Я счастливъ <sup>1)</sup>, писалъ Мейендорфъ графу Нессельроде, отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1854 года, видя, что не ошибся въ томъ, что всегда отдѣлялъ чувства къ намъ юнаго императора отъ чувствъ его министра иностранныхъ дѣлъ».

Дѣйствительно, въ то время какъ графъ Буоль былъ того мнѣнія, что Австрія должна энергически поддерживать предложенное Друэномъ де Люисомъ требованіе объ обязательномъ для насъ очищеніи княжествъ въ мартѣ мѣсяцѣ, безъ всякихъ параллельныхъ обязательствъ для союзниковъ, императоръ Францъ - Іосифъ «точнымъ образомъ призналъ <sup>2)</sup>, что намъ нельзя предложить очищеніе княжествъ, иначе какъ съ равносильною уступкою (concession) со стороны морскихъ державъ».

Относительно формы сообщенія о предложеніи намъ очистить княжества императоръ былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ: «деликатно

<sup>1)</sup> Мин. ин. дѣлъ. 29 апрѣля (11 мая) 1854 г. М. Ин. Дѣлъ.

<sup>2)</sup> Тоже, 9 (21) мая 1854 г.



заручиться нашимъ согласіемъ, а не упорствовать въ своемъ требованіи, которое къ миру не приведетъ»<sup>1)</sup>).

Императоръ Францъ-Іосифъ полагалъ, что мы согласимся очистить княжества, если одновременно съ тѣмъ союзные флоты выступятъ изъ Балтійскаго и Чернаго морей; тогда Австрія, ставъ, такъ сказать, между двухъ воюющихъ сторонъ, займетъ своими войсками очищенные нами княжества. Если морскія державы не согласятся на подобное условіе, тогда: «оба германскіе двора не потребуютъ отъ насъ ничего большаго, и, напротивъ того, Австрія и Пруссія будутъ видѣть въ Россіи своего стараго союзника».

Это мнѣніе Франца-Іосифа было высказано Мейендорфу, не лично имъ, но передано Алвенслебеномъ, послѣ его аудіенціи у императора и согласно его волѣ.

Но если императоръ Францъ - Іосифъ, лично, былъ настроенъ въ пользу мира и упирался въ этомъ отношеніи на поддержку всей военной партіи, то графъ Буоль, для приданія себѣ большей внушительности, и торговый людъ, для поправленія своихъ дѣлъ разными поставками для военныхъ цѣлей—настаивали на принятіи военныхъ мѣръ и расположеніи значительныхъ войскъ на восточныхъ и сѣверныхъ границахъ имперіи, Трансильваніи, Буковины и Галиціи, чтобы такимъ положеніемъ на флангѣ нашихъ сообщеній удержать нашу армію отъ движенія къ Балканамъ. Австрія имѣла уже случай видѣть, что одними запугиваніями она не могла удержать нашу армію отъ перехода за Дунай, и потому дѣлала даже видъ, что была очень рада нашему переходу. Этимъ самымъ она доказала, что не имѣла въ виду серьезно мѣшать намъ, а хотѣла только стѣснять. Когда же это не удалось, то она поступила какъ тотъ китайскій принцъ, который во время междоусобной войны въ Китаѣ былъ взятъ въ плѣнъ своимъ противникомъ, и какъ плѣнный водился на веревкѣ. Что бы не уронить своего достоинства, онъ каждый день спрашивалъ: Куда идемъ сегодня? Ему называли городъ или мѣстечко. Да, это хорошо, пойдемъ туда, такъ какъ я тамъ еще не былъ, приговаривалъ всякій разъ бѣдный принцъ, желая увѣрить себя и другихъ, что все дѣлается по его волѣ.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

— «Если вы рѣшитесь перейти Дунай, говорилъ графъ Буоль. тогда»... и прочее. Но мы не убоялись угрозъ. «А, вы перешли Дунай

<sup>1)</sup> Меттернихъ говорилъ: „Слѣдуетъ, маневрируя, удалить русскихъ изъ княжествъ“; а министръ Бахъ писалъ 18 марта 1854 г. эрцг. Альбрехту: „Австрія не можетъ желать ослабленія или униженія Россіи, но нельзя-же давать ей поддержку на Востока“.

и имѣли на томъ берегу значительные успѣхи! Очень, очень этому рады», говорила теперь Австрія.

Чтобы снова не пришлось радоваться нашему переходу, теперь уже черезъ Балканы, графъ Буоль рѣшительно требовалъ усиленія арміи, почему въ маѣ мѣсяцѣ въ Австріи назначенъ былъ фиктивный экстренный наборъ рекрутъ. Это была только простая демонстрація, на бумагѣ.

«Наборъ 95 тысячъ человѣкъ и сборъ кавалеріи <sup>1)</sup>—суть демонстрація въ расчетѣ внушить довѣріе Франціи, а намъ доставить безпокойство за наши сообщенія, въ случаѣ перехода нашего за Балканы, писалъ Мейендорфъ отъ 9 (21) мая 1854 года. Всѣ мои свѣдѣнія доказываютъ, что Австрія еще не скоро будетъ въ состояніи дѣйствовать противъ насъ враждебно, если бы даже имѣла подобное намѣреніе; но ничто не заставляетъ меня еще предполагать что либо подобное. Всѣ публикація по поводу рекрутскаго набора ничего не значать (*inutiles*) и имѣютъ въ виду ошибочный расчетъ показать намъ свои вооруженія, сосредоточеніемъ войскъ на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ имперіи.

«Я хотѣлъ печатно опровергнуть это заблужденіе, но одна только газета приняла мое опроверженіе, возбудивъ противъ себя упреки со всѣхъ сторонъ.

«Биржа для поправленія финансовъ была бы готова поддерживать войну, въ виду 76 милліоннаго дефицита, по бюджету всего въ 240 милліоновъ; но всѣ военные и люди благомыслящіе явно говорятъ противъ войны».

Въ виду такого явнаго демонстративнаго характера австрійскихъ вооруженій въ маѣ, странно звучать слова того-же Мейендорфа, высказанныя имъ въ письмѣ, 8 (20) мая, къ кв. Паскевичу:

«Намъ нужно готовиться <sup>2)</sup> къ очищенію княжествъ, но не очищать ихъ, потому что это дастъ намъ выгодное положеніе или для переговоровъ, или для отдѣленія Пруссіи и Германіи отъ вѣнскаго правительства».

Если не слѣдовало очищать княжествъ, то для чего было и готовиться къ ихъ очищенію? А между тѣмъ это замѣчаніе Мейендорфа не осталось, повидимому, безъ вліянія на кв. Паскевича, такъ какъ

<sup>1)</sup> Мин. ин. дѣлъ. 9 (21) мая 1854 г.

Австрія объявила въ маѣ мѣсяцѣ, что, кромѣ 150,000 арміи въ Венгріи и на Дунаѣ, она мобилизируетъ еще 100,000 чел. Въ то-же время (маѣ 1854 г.) Пруссія чрезъ 36 дней соберетъ 100,000 и доведетъ ее до состава 200,000 чел. (Бутковскій, т. II, стр. 45). Все это были только одни слова.

<sup>2)</sup> Тоже, 8 (20) мая 1854 г.

А. П.

въ это время войска наши приступали къ осадѣ Силистріи, и князь Паскевичъ съ самаго начала осады проявлялъ крайнюю нерѣшительность, постоянно имѣя въ виду возможность снятія осады и очищенія княжествъ.

Безъ всякой надобности осада Силистріи, по настоянію кн. Паскевича, была снята 11-го іюня, въ то время, когда черезъ нѣсколько дней крѣпость должна была пасть неминуемо.

Только съ этого времени Австрія, гордясь одержанною ею дешевою побѣдою, начала замѣтно возвышать голосъ, и гр. Буоль возросъ во мнѣніи своего императора, не раздѣлявшаго до сихъ поръ его увлеченій, касательно возможности однѣми демонстраціями заставить насъ отказаться отъ всѣхъ результатовъ одержанныхъ нами въ Турціи побѣдъ.

Если до перехода нашего черезъ Дунай Австрія, только въ легкой формѣ, какъ другъ, совѣтовала намъ очистить княжества, то послѣ перехода на правый берегъ рѣки и за все время осады Силистріи она даже ни однимъ словомъ не осмѣлилась предложить намъ снятіе осады этой крѣпости.

По паденіи ея, Австрія, безъ всякаго сомнѣнія, сказала бы опять. «очень, очень рады»... Но со времени снятія осады и обратнаго перехода за Дунай какъ Австрія, такъ и западныя державы могли признать въ этомъ только пораженіе Россіи. Пораженіе послѣ побѣдъ и всѣхъ одержанныхъ успѣховъ!

Теперь уже Австрія не совѣтовала, а настаивала на очищеніи княжествъ.

Прежнее обѣщаніе Австріи поддерживать во всемъ интересы Россіи, если послѣдняя согласится на очищеніе княжествъ, было забыто.

Въ эту трудную для насъ минуту, болѣзнь барона Мейендорфа остановила выборъ императора Николая на кн. А. Горчаковѣ, который въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 года и былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну.

## II.

Кн. Горчаковъ нашелъ здѣсь совершенно уже иное настроеніе, чѣмъ прежде. Представители Англій, Франціи и Турціи теперь громко говорили о пораженіи русскихъ на Дунаѣ, однѣми силами турокъ, и готовились внести войну въ наши предѣлы. Австрія, по своей политикѣ—придерживаться сильнѣйшаго, естественно отдалилась отъ Россіи. Всѣ предложенія кн. Горчакова едва выслушивались теперь гр. Буолемъ, не желавшимъ даже допустить его до аудіенціи съ императоромъ.

Въ донесеніи своемъ къ гр. Нессельроде отъ 21 іюня (3 іюля) 1854 г. баронъ Мейендорфъ писалъ <sup>1)</sup>:

«Гр. Буоль передалъ представителямъ Англій и Франціи, что каковы бы ни были предложенія петербургскаго кабинета, дѣлаемые чрезъ кн. Горчакова, австрійское правительство твердо рѣшилось не принимать ихъ во вниманіе, прежде чѣмъ Россія *pure et simple* не очиститъ княжествъ» <sup>2)</sup>.

Побуждаемая нашими противниками, Австрія, въ надеждѣ на ихъ поддержку, готовилась уже вступить въ княжества, не какъ воюющая. Впрочемъ, сторона, а по соглашенію съ русскимъ правительствомъ.

Узнавъ объ этомъ, «Берлинскій дворъ объявилъ, писалъ кн. Горчаковъ гр. Нессельроде изъ Вѣны <sup>3)</sup>, что ежели австрійцы вступятъ въ княжества прежде полученія ожидаемаго изъ Петербурга отвѣта, Пруссія будетъ считать себя свободною по отношенію къ конвенціи 8 (20) апрѣля» <sup>4)</sup>.

«Устрашенный этою угрозою, вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ увѣдомить прусскаго короля, что вступленіе австрійцевъ въ Валахію вовсе не слѣдуетъ считать враждебнымъ противъ Россіи дѣйствіемъ; но это была бы только простая предосторожность противъ анархій,

<sup>1)</sup> Мин. ин. дѣлъ. 21 іюня (3 іюля) 1854 г.

<sup>2)</sup> Это требованіе было заявлено Австріей послѣ заключенія ею договора съ Турціей, отъ 14 іюня 1854 г., по которому Австрія обязалась „употребить всѣ способы къ очищенію русскими княжествъ и, въ случаѣ надобности, для достиженія этой цѣли, употребить свои войска“. Но и это обязательство было только на бумагѣ.

<sup>3)</sup> Мин. ин. дѣлъ. Входящія бумаги 1854 г. Кн. Горчаковъ отъ 21 іюня (3 іюля) 1854 г.

<sup>4)</sup> По этой конвенціи Пруссія обязалась поддерживать Австрію своими войсками, если какая нибудь иностранная держава вторгнется въ предѣлы Австріи, какъ члена германскаго союза. Такое-же обязательство принимала на себя Австрія относительно Пруссіи.

которая могла возникнуть въ этой странѣ, и мѣра противъ своеволія турецкихъ войскъ, которыя могли туда вступить».

Такое объясненіе, къ сожалѣнію, не осталось безъ вліянія на первоначальное положеніе, занятое Берлиномъ, который теперь не дѣлалъ уже болѣе формальнаго протеста. Вслѣдствіе этого, писалъ кн. А. Горчаковъ.

«Я узналъ подъ строгимъ секретомъ, что генераль Коронини получилъ по телеграфу, на другой день послѣ моего пріѣзда, извѣщеніе, что нѣтъ никакихъ препятствій болѣе для движенія его войскъ 12-го числа іюля в. ст. къ Журжѣ».

Но Австрія, обезпокоенная тѣмъ, что наша Дунайская армія, вмѣсто того, чтобы торопиться выступленіемъ изъ княжествъ, занимала грозное положеніе у Фратешти, готовая не только отразить нападеніе какъ турокъ, такъ и австрійцевъ, если-бы оно послѣдовало,—но могла и сама вторгнуться въ ея предѣлы,—Австрія не рѣшилась перейти своихъ южныхъ границъ.

Озабоченная на сѣверѣ со стороны Галиціи, когда 1-й резервный кавалерійскій корпусъ изъ арміи ген. Ридигера, занимавшаго Польшу, былъ переведенъ въ началѣ іюня въ Дубно, близъ границъ Галиціи, Австрія опасалась и за свои восточныя границы <sup>1)</sup>.

Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ (съ 4-го по 15-е число) армія кн. Горчакова стояла у Фратешти, въ ожиданіи перехода австрійцевъ чрезъ границы Валахій, что дало бы намъ случай разбить ихъ, — австрійцы не двигались и на своихъ южныхъ границахъ сохраняли занятое еще въ началѣ іюня расположеніе, имѣя по 30,000 чел. у Орсовы, Германштадта и Кронштадта <sup>2)</sup>.

Затѣмъ, когда кн. Горчаковъ перешелъ съ своею арміею, въ концѣ іюля, къ Фокшанамъ и снова остановился тамъ, занявъ оборонительную линію по р. Серету, фронтомъ къ восточнымъ границамъ Трансильваніи,—австрійцы также передвигаются отъ своихъ южныхъ границъ къ восточнымъ и не вступаютъ въ Валахію, какъ этого у насъ ожидали, а переводятъ войска изъ Трансильваніи въ Буковину, въ ожиданіи дальнѣйшаго отступленія Дунайской арміи къ Каменецъ-Подольску, откуда она могла бы угрожать Буковинѣ.

Такъ, въ концѣ іюля, кн. Горчаковъ писалъ изъ Вѣны:

<sup>1)</sup> „Русскіе сосредоточиваются отъ юга къ сѣверу, вдоль границы, угрожая Австріи, на которую обрушится первый ударъ“, доносилъ Гюбнеръ 15 іюня 1854 г. Бутковскій, II т. 53 стр.

<sup>2)</sup> В. Уч. Арх. № 3,416, стр. 246. Рапортъ г.-л. Дниранди отъ 8 іюня 1854 г. А. П.

«Неопредѣленность по прежнему проявляется здѣсь и въ настоящемъ. Мнѣ невозможно опредѣлить время, когда рѣшеніе Австріи опредѣлится яснѣе. Одно только несомнѣнно, что 3-я австрійская армія (въ Буковинѣ) ранѣе конца августа не можетъ предпринять никакого наступленія.

«Сосредоточеніе въ іюлѣ 9, 11 и 12 корпусовъ въ Трансильваніи и 13-го у Орсовы какъ бы указывало на предположеніе австрійцевъ вступить въ Валахію.

«Послѣ же снятія осады Силистріи и сосредоточенія нашей арміи на Серетѣ, вѣнскій кабинетъ дѣйствительно желалъ произвести (effectuer) наступленіе въ Валахію. Но послѣ аудіенціи кн. А. Горчакова у императора Франца Іосифа проектъ этотъ былъ отмѣненъ. Причиною къ тому послужило, во 1-хъ: намѣреніе турокъ также вступить въ Валахію, что могло повести къ столкновенію ихъ съ австрійцами, и 2) необходимость сосредоточить главныя силы въ Буковинѣ, въ виду перемѣны фронта нашей арміи, стоявшей по линіи Серета. Эти соображенія и заставили ввести въ Буковину почти все войска изъ Трансильваніи, оставивъ тамъ лишь незначительныя отряды и перенести все вниманіе на границы Молдавіи».

Когда-же въ августѣ наша Дунайская армія перешла р. Прутъ и предполагала расположиться на Воляни и въ Подолиі, Австрія еще болѣе начала опасаться нашего вторженія въ Буковину и принимала новыя военныя мѣры.

«Военныя приготовленія, доносилъ кн. Горчаковъ<sup>1)</sup>, все болѣе продолжаютъ развиваться съ тѣхъ поръ, какъ правительство можетъ рассчитывать, съ большею увѣренностію, на успѣхъ новаго займа. Замѣтно сосредоточеніе войскъ въ Буковинѣ». Въ общемъ же расположеніе австрійцевъ къ 20-му августа представлялось въ слѣдующемъ видѣ: 1-й кавалерійскій корпусъ принца Лихтенштейна выступилъ изъ Сегедина къ Станиславу, куда долженъ прибыть къ 15-му августа п. ст.

Въ Галиціи: Въ Краковѣ — 2-й пѣх. корпусъ ген. Парротъ.

» Занкутѣ — 2-й кав. корпусъ ген. Клямъ.

» Леопольдѣ — 4-й пѣх. корпусъ Шварценбергъ.

Въ Буковинѣ:

Въ Станиславовѣ — 1-й кав. корпусъ Лихтенштейнъ.

» Тарнопольѣ — 10 пѣх. корпусъ Эрц.-Герц. Фердинандъ.

» Черновицѣ — 11-й пѣх. корпусъ Венгерели.

» Сучавѣ — 9-й пѣхотный корпусъ Шафготшъ.

Въ Трансильваніи:

Въ Маро-Вазарели — 3-й пѣх. корп. Коронни.

» Германштадтѣ — 12-й пѣх. корп. К. Шварценбергъ.

<sup>1)</sup> Мин. ин. дѣл. Кн. Горчаковъ отъ 14-го (26-го) іюля 1854 г.

Всѣ эти пункты велѣно занять къ 20-му августа, т. е. ко времени вѣроятнаго исхода начатыхъ съ Россіей переговоровъ, по поводу предложенныхъ ей Австріею извѣстныхъ четырехъ пунктовъ.

Расположеніе австрійскихъ войскъ, какъ полагалъ кн. Горчаковъ, прикрывая разные пункты границы, въ общемъ дастъ возможность сосредоточиться въ Буковинѣ и угрожать нашей арміи, расположенной между Прутомъ и Серетомъ, обходомъ ея праваго фланга, вторженіемъ въ долину Днѣстра.

«Но подобная операція, предполагающая вторженіе въ самые предѣлы Россіи, пока еще дѣйствительно не входитъ въ планы вѣнскаго кабинета. Онъ льститъ себя надеждою, что военныя демонстраціи, съ цѣлью заставить насъ очистить княжества, не приведутъ къ дѣйствительной войнѣ. Но обстоятельства могутъ измѣнить этотъ взглядъ на вещи». Далѣе кн. Горчаковъ писалъ:

«Военныя приготовления во всей имперіи безирерывно продолжаются. 6-й пѣх. корпусъ изъ Италіи переведенъ частью къ южнымъ границамъ, частью въ Вѣну. 1-й пѣх. корпусъ (въ Богеміи) также приведенъ на военное положеніе, и вѣроятно, тотъ-же приказъ получить и 3-й корпусъ въ Гратцѣ».

Если-бы кн. Горчаковъ былъ военнымъ человѣкомъ, то изъ этого растянутого по всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ границамъ расположенія австрійскихъ войскъ онъ пришелъ-бы къ положительному заключенію, что Австрія не имѣла въ виду наступать въ какомъ либо направленіи, а готовилась только защищать свои границы со стороны Царства Польскаго и Подоліи. Къ тому-же группированіе войскъ по близости Венгріи указывало скорѣе на то, что Австрія именно опасалась возстанія венгерцевъ, какъ только Россія объявила бы ей войну.

Другія соображенія еще болѣе убѣждаютъ въ томъ, что Австрія имѣла одвѣ оборонительныя цѣли.

Такъ, еще въ концѣ іюня, когда наша Дунайская армія находилась въ Валахіи, австрійскій корпусъ, силою до 30,000 человѣкъ, собранныхъ у Кронштадта, въ виду удобнѣйшаго охраненія своихъ границъ со стороны княжествъ, былъ раздѣленъ на три отдѣльные отряда; тогда какъ, имѣя въ виду наступательныя цѣли, корпусъ этотъ, напротивъ, держался бы въ совокупности, такъ какъ было извѣстно, что почти вся наша Дунайская армія находится въ полномъ сборѣ. Сверхъ того, «всѣ выходы изъ Австріи въ Молдавію укрѣпляются земельными работами, но на батареяхъ нѣтъ орудій». доносили съ нашихъ наблюдавшихъ границы Австріи постовъ <sup>1)</sup>. Не

<sup>1)</sup> Воен. Уч. Арх., дѣло № 3430, стр. 83. Рапортъ начальника окненскаго отряда подполковника Смирнова.

ясно ли изъ этого, что австрійцы укрѣпляли всѣ проходы не для того, чтобы предпринять наступленіе въ извѣстномъ направленіи, для чего достаточно было не укрѣпить, а расчистить всего одинъ изъ проходовъ. Австрійцы же, напротивъ того, не зная въ какомъ направленіи могутъ двинуться наши войска къ границамъ Австріи, укрѣпляютъ заблаговременно всѣ свои проходы, не имѣя даже возможности занять ихъ артиллеріею, пока не обнаружится, какой именно проходъ будетъ избранъ нами въ случаѣ наступленія, и тогда уже вооружить возведенныя укрѣпленія артиллеріею.

Равнымъ образомъ, весь 4-й пѣх. корпусъ австрійцы употребили для спѣшнаго сооруженія стратегической дороги отъ Кракова къ Лембергу, идущей параллельно галиційской границѣ, а не перпендикулярно къ ней; а извѣстно, что параллельныя границамъ дороги устраиваются для обороны, а перпендикулярныя для наступленія.

Но что теперь кажется яснымъ, въ свое время не могло быть достаточно выяснено, и военныя приготовленія Австріи, находящейся на флангѣ нашей молдавской арміи, не могли, конечно, не возбуждать серьезныхъ опасеній за безопасность нашихъ сообщеній.

Въ то время, какъ Австрія принимала только мѣры, по случаю переменъ фронта нашей Дунайской арміи, обращеннаго къ ея границамъ, кн. А. Горчаковъ приписывалъ ей враждебныя намъ цѣли, въ угоду западу. 14-го (26-го) іюля, въ пространномъ разговорѣ съ гр. Буолемъ, кн. Горчаковъ сказалъ ему <sup>1)</sup>:

— «Итакъ, Австрія считаетъ себя безопасною только въ тѣсномъ союзѣ съ Западомъ?»

— Я никогда не говорилъ этого и не раздѣляю такого мнѣнія. возразилъ Буоль.

— «Однако, я долженъ вамъ сказать съ полною откровенностію, что вы стоите на наклонной плоскости, имѣющей такое направленіе, что еще одинъ шагъ по ней и у насъ будетъ война». Кн. Горчаковъ умышленно произнесъ слово война, и оно произвело сильное впечатлѣніе.

— Но мы никогда не будемъ воевать съ вами, съ испугомъ вскричалъ гр. Буоль. Никогда мы не нападемъ на васъ!

— «Однако, если вы вступите въ княжества и генераль Гессе потребуетъ, чтобы мы уступили ему занятія нами мѣста, а генераль кн. М. Горчаковъ захочетъ сохранить ихъ—вы должны будете его атаковать, а онъ будетъ отражать нападеніе, то вѣдь это будетъ война?»

---

<sup>1)</sup> М. Ив. Д. Кн. Горчаковъ отъ 14-го (26-го) іюля 1854 г.



— Да нѣтъ-же! это не будетъ война. Мы хотимъ только обязать васъ очистить страну, которую вы заняли вопреки трактатовъ и въ которую мы вступимъ по соглашенію съ тѣмъ, который имѣетъ право пригласить насъ туда. Честь моего государя замѣшана въ этомъ, и достигнувъ желаемого результата, мы остановимся на вашихъ границахъ, и безъ особой случайности (*éventualité*) не перейдемъ ихъ. Если-же, напротивъ того, вы, въ видѣ репрессалін, вступите на нашу территорию, тогда уже вы будете нападающимъ и заставите весь германскій союзъ вооружиться противъ васъ, въ силу договора 8-го (20-го) апрѣля, какъ я получилъ о томъ сегодня свѣдѣнія по телеграфу».

— «Позвольте, однако, вамъ замѣтить, что если послѣдуетъ выстрѣлъ, мы въ первый разъ будемъ съ Австріей въ войнѣ, послѣдствія которой будутъ неисчислимы, потому что это не будетъ уже комедія войны 1809 года. И какой интересъ, какая причина будетъ въ этой войнѣ? Что касается до вмѣшательства противъ насъ германскаго союза, то вѣдь это конфедерація чисто оборонительнаго характера. Убѣдить его къ нападенію на насъ будетъ трудно, потому что мы вступимъ въ ваши предѣлы только послѣ того, какъ вы первыми нападете на насъ. Мы дали вамъ достаточныя доказательства желанія нашего сблизиться съ вами. Но если все, что мы сдѣлали для этого, ложно истолковывается и наши предложенія вызываютъ только новыя и чрезмѣрныя требованія, то не обманывайте себя: война съ вами станетъ неизбѣжною. Я знаю, вы не хотите этой войны и не можете ея желать; но не сомнѣвайтесь въ томъ, что вы придете къ ней. Вы очень ошибаетесь на нашъ счетъ. Вы думали и теперь еще думаете, что, благодаря системѣ возрастающаго запугиванія (*d'intimidation progressive*), вы достигнете того момента, когда Россія, устрешенная числомъ и соглашеніемъ своихъ противниковъ, кончитъ тѣмъ, что уступитъ во всемъ. Но вѣрьте мнѣ, вѣрьте всѣмъ тѣмъ, кто знаетъ императора и Россію, что, идя по этому пути, вы неизбѣжно придете къ войнѣ. Могу васъ увѣрить въ томъ, что я, говоря съ вами, искренно желаю избавить обоихъ нашихъ монарховъ отъ тяжелаго огорченія. Ежели вы желаете сохранить надежду на соглашеніе съ нами, оставьте вашу систему и не возвращайтесь къ ней болѣе».

— «Позвольте мнѣ, продолжалъ кн. Горчаковъ,—сдѣлать еще два предположенія: 1) если мы, взаимно довѣря другъ другу, дружелюбно окончимъ всѣ наши недоразумѣнія, тогда вы навлечете противъ себя угрозы, быть можетъ нападеніе, со стороны союзниковъ въ Италіи. Но тогда вы будете имъ противиться, имѣя за себя всю Германію

и, въ случаѣ надобности, наши военныя силы. Послѣдствіе войны, при такихъ условіяхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, и вы съ гордымъ челомъ вновь вступите на путь вашихъ старинныхъ союзовъ, которые доставили вамъ 40 лѣтъ мира. Или же 2) вы присоедините свои военныя силы къ силамъ нашихъ противниковъ. Допустимъ, что тогда послѣ ожесточенной борьбы мы будемъ имѣть неудачу и будемъ принуждены заключить миръ,—не унижительный, потому что императоръ не подпишетъ его никогда!... но для насъ мало выгодный, такой, который, можетъ быть, вамъ доставитъ политическое значеніе, какое мы до сихъ поръ имѣли въ извѣстныхъ странахъ. Но война не можетъ быть вѣчною. Миръ состоится; союзники уйдутъ себѣ домой, а вы на всемъ протяженіи своихъ границъ будете соприкасаться съ сосѣдомъ, который не забудетъ никогда, что онъ былъ оставленъ другомъ въ самую трудную минуту. Вы не властны стереть Россію съ географической карты. Вы не можете запретить, чтобы 60 милліоновъ народа не были воодушевлены, какъ одинъ человѣкъ, одною общею волею. Вамъ придется считаться съ такимъ народомъ. Мы будемъ съ вами въ мирѣ только по наружности. Но взаимныя наши отношенія будутъ таковы, что та и другая сторона будетъ держать оружіе въ рукахъ. Скажите по совѣсти, возможно ли для васъ такое положеніе? Вы достаточно меня знаете, чтобы не считать мои слова простою угрозою. Какъ другъ, который видитъ пагубность цѣли, до которой мы рискуемъ дойти, я въ обоюдныхъ интересахъ нашихъ, не прибѣгая къ другимъ доказательствамъ, сошлюсь только на указанія исторіи и географіи».

Гр. Буоль былъ сильно взволнованъ этою откровенностію и сказалъ дружественнымъ даже тономъ:

— Я долженъ благодарить васъ за этотъ разговоръ, безъ прикрасъ. Это слова друга. Но оставимъ войну и позаймемся миромъ. Я имѣю полную надежду, что мы придемъ къ нему.

— «Я буду вамъ въ томъ содѣйствовать. Вы нашли путь, исходящій отъ сердца вашего императора, и ничѣмъ вы не можете оказать ему услуги, которая была бы ему болѣе пріятною».

— Я думаю также, какъ и вы. Что бы ни говорили и какъ бы что ни казалось, вѣрьте мнѣ, что я буду работать, какъ честный человѣкъ. Полагаете ли вы, что упрекъ въ низкой (*lâche*) неблагодарности не есть тяжелое бремя? Предоставьте мнѣ идти моимъ путемъ. Пруссія, думая быть вамъ полезнаю, окажетъ вамъ плохую услугу. Ея неустойчивость (*sa versatilité*) лишила ее всякаго кредита. Она ничего не можетъ сдѣлать ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, потому что бросается то въ ту, то въ другую сторону.

Мы поступаемъ иначе. Я держусь вдали отъ васъ. Я заключаюсь въ тѣсныя рамки коллективнаго соглашенія. Англія и Франція твердо рассчитываютъ на мои принципы и я воспользуюсь этимъ, чтобы оказать вамъ дѣйствительную услугу (*vous servir avec plus d'efficacité*). Въ рѣшительную минуту мы найдемъ слово, чтобы остановить морскія державы, если ихъ требованія будутъ чрезмѣрны. Чтобы сохранить за собою эту возможность, я долженъ, по наружности, избѣгать предварительнаго соглашенія съ вами. Вотъ почему, сообщая Вестмореленду и Буркенеу <sup>1)</sup> текстъ нашихъ инструкцій, я не далъ вамъ знать о томъ. Я перенесъ эти гарантіи на ихъ судъ (*évoqué*) только для того, чтобы сказать имъ, что морскія державы найдутъ то, что онѣ ищутъ, въ тѣхъ самыхъ основаніяхъ (*bases*), которыя вы принимаете (на основаніяхъ четырехъ пунктовъ, предложенныхъ Россіи).

Послѣ того гр. Буоль, говоря о всѣхъ его сношеніяхъ съ Лондономъ и Парижемъ и о секретныхъ инструкціяхъ къ своимъ представителямъ при этихъ дворахъ, сказалъ:

— Вѣрьте моему честному слову, я дѣлалъ только то, что можетъ свидѣтельствовать о нашемъ желаніи, чтобы предложенія ваши (*ouvertures*) были приняты. Но есть одинъ пунктъ, котораго мы не можемъ уступить (*concéder*), и я умоляю васъ отнестись къ нему въ нашихъ интересахъ. Честь императора того требуетъ: намъ нужно не обѣщаніе, но дѣйствительное очищеніе княжествъ.

Затѣмъ гр. Буоль просилъ отложить дальнѣйшій разговоръ до полученія отвѣта морскихъ державъ на наши мирныя предложенія. «Тогда я буду просить вашего совѣта и законнаго содѣйствія, сказалъ онъ, чтобы помочь мнѣ найти средства, которыя могли бы удовлетворить честь обонихъ нашихъ монарховъ и привести къ желаемому результату. Я буду считать день, когда это случится, лучшимъ днемъ въ моей жизни».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, австрійскія власти настоятельно просили князя Горчакова, чтобы армія генерала Ридигера, стоявшая въ Польшѣ, ни въ какомъ случаѣ не вступала бы въ Галицію, даже для простой диверсіи, если бы произошло какое нибудь столкновеніе австрійцевъ съ русскими, въ предѣлахъ княжествъ.

Итакъ, австрійцы опасались вступленія нашихъ войскъ изъ Польши въ Галицію. На своей восточной границѣ они держались въ Буковинѣ на высотѣ нашей Дунайской арміи и, вообще, къ 20 іюля имѣли слѣдующее расположеніе <sup>2)</sup>:

<sup>1)</sup> Послы Англіи и Франціи при Вѣнскомъ дворѣ.

<sup>2)</sup> Мин. иностр. дѣл. Кн. Горчаковъ 20 іюля (1 авг.) 1854 г.

«3-я австрійская армія сосредоточена въ Буковинѣ: 12-й корпусъ у Череновицъ, 11-й въ Серетѣ, 9-й въ Сучавѣ, 13-й въ Маро-Вазарели, эшелонами къ Быстрицѣ, отдѣливъ одну бригаду къ Кропштадту, а другую къ Германштадту. 9-й корпусъ, считающійся лучшимъ, назначень въ авангардъ. Если дѣло дойдетъ до разрыва, то, по мнѣнію многихъ, первыя усилія австрійцевъ будутъ направлены къ Ботушанамъ.

4-я армія, Шлыкя, занимаетъ Галицію.

1-й армейскій корпусъ расположенъ въ Богеміи, выславъ часть войскъ для прикрытія совершенно обнаженнаго Землина.

1-й кавалерійскій корпусъ въ Коломеа и Радауцѣ. Всего 70 баталіоновъ, 94 эскадрона и 360 орудій. Эти позиціи будутъ заняты къ 20 августа. Эрцъ-герцогъ Альбертъ будетъ 10 въ Череновицѣ.

По поводу усиленія австрійцевъ въ Буковинѣ, кн. А. Горчаковъ, какъ человекъ не военный, писалъ изъ Вѣны гр. Остенъ-Сакену, начальнику молдавскаго отряда: «Австрія обнаруживаетъ свои непріязненные замыслы». Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ и брату своему, главнокомандующему Дунайскою арміею, вельдствіе чего начальникъ штаба арміи, генераль-адъютантъ Коцебу, увѣдомлялъ генерала Остенъ-Сакена отъ 24 іюля (ст. ст.), что хотя—«въ настоящее время вельзя еще утвердительно сказать, чтобы разрывъ съ Австріею былъ несомнѣненъ, но при всемъ томъ онъ можетъ послѣдовать весьма скоро»<sup>1)</sup>.

Наконецъ, кн. Горчаковъ сообщилъ и командующему нашими войсками въ Польшѣ генералу<sup>2)</sup> Ридигеру, что —

— «Не смотря на мѣстные заявленія, разрывъ съ Австріею кажется вѣроятнымъ. Если онъ случится, то въ политическомъ отношеніи чрезвычайно важно, чтобы ни кн. М. Горчаковъ, ни ваше превосходительство не дѣлали диверсій, прежде чѣмъ положительно не будетъ доказано, что вторженіе послѣдовало со стороны австрійцевъ. Иначе Пруссія можетъ быть вовлечена противъ насъ, въ силу своихъ обязательствъ. Я думаю, что если австрійцы произведутъ нападеніе, и нужно предоставить имъ въ этомъ инициативу, то прежде всего нужно телеграфировать о томъ государю императору и послать курьера прямо къ королю Пруссіи. Эту осторожность горячо совѣтовалъ мнѣ полковникъ Мантейфель, который, зная секретныя мысли своего короля, убѣжденъ, что его величество не замедлитъ тогда отдѣлиться отъ Австріи».

Но неужели же кн. А. Горчаковъ полагалъ, что то, что было ему извѣстно чрезъ полковника Мантейфеля, не было извѣстно австрійцамъ? Въ Вѣнѣ, конечно, хорошо сознавали, что при первомъ поку-

<sup>1)</sup> Воен. Уч. Арх., дѣло № 3430, стр. 87 и 109.

<sup>2)</sup> Мин. иностр. дѣлъ. Кн. Горчаковъ 12 (24) іюля 1854 г.

шеніи сдѣлать нападеніе на нашу армію, вѣдъ предѣловъ Австріи,— Пруссія тотчасъ же отъ нея отдѣлится и стала бы, можетъ быть, на нашу сторону. Поэтому въ Вѣнѣ, не смотря на всѣ приготовления и демонстраціи, никто и не думалъ о дѣйствительномъ нападеніи на насъ.

Да и самъ кн. А. Горчаковъ, повидимому, убѣдился, наконецъ, въ томъ, что Австрія хотѣла только, чтобы мы очистили княжества, по взаимному съ нею соглашенію, и успокоилась, когда очищеніе было совершено.

«Императоръ, писалъ онъ отъ 27 іюля (8 августа) 1854 г. графу Нессельроде<sup>1)</sup>, остался вполне доволенъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ княжествъ, что я представилъ какъ послѣдствіе нашихъ стратегическихъ соображеній. Немедленно приказано было кавалеріи, прибывшей изъ Италіи, возвратиться назадъ, а вѣнскому гарнизону, назначенному къ выступленію, приказано остаться на мѣстѣ. Но австрійское правительство находить необходимымъ ввести двѣ бригады своихъ войскъ въ Валахію, согласно соглашенію съ императоромъ Николаемъ, причемъ это вступленіе должно быть согласено съ движеніями нашихъ войскъ и условлено между обоими главнокомандующими».

Въ другомъ письмѣ, отъ того же числа, князь Горчаковъ сообщалъ, что —

— «6-й корпусъ (въ Италіи) и 1-й (въ Вѣнѣ и Прагѣ), которые должны были собраться въ Краковѣ, въ числѣ до 70,000 человекъ, получили приказаніе остаться на своихъ мѣстахъ. Остановленъ также транспортъ со 100 орудіями. 9 и 13 корпуса (Коронини), оставлены въ Трансильваніи, имѣя прежде приказаніе слѣдовать на усиленіе войскъ въ Буковинѣ». Распоряженія эти послѣдовали въ тотъ самый день, когда кн. Горчаковъ заявилъ о нашемъ намѣреніи очистить княжества.

Такимъ образомъ, къ концу іюля 1854 года, Австрія, успокоенная выступленіемъ нашихъ войскъ изъ Молдавіи, какъ бы пріостановила свои военныя приготовления, имѣвшія чисто демонстративный характеръ.

А. Н. Петровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

<sup>1)</sup> Мин. вн. дѣлъ. 27 іюля (8 августа) 1854 г., № 59.

## ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XXII <sup>1)</sup>.

Возвращеніе въ Одессу.—Статья Н. Н. Мурзакевича.—„Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 г. по 1846 гг.“—Керченскія раскопки.—Остатки древностей въ г. Феодосіи и въ Херсонисѣ и уничтоженіе ихъ.—Дегуровъ и его бібліотека.—Изданіе „Псковской сеудной грамоты“ (1847 г.). — Размова съ профес. Зеленецкимъ.

Радостно было мое возвращеніе къ своимъ ларамъ и пенатамъ. Зайдя къ Г. И. Соколову и попрося дать чаю, я прилежъ на кушеткѣ и когда проснулся и вспомнилъ о чаѣ, то рано встававшій хозяинъ сказалъ, что самоваръ сейчасъ поставятъ. „Да я-же давно просилъ!“—Такъ, но это было вчера, а теперь другое утро. Во все мое странствованіе я не могъ спать болѣе 4 или 5 часовъ. Надо было обдумывать о чемъ и какъ вести разговоръ, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ дней Литке поручилъ мнѣ сопутствовать великому князю въ прогулкахъ, чего онъ не довѣрялъ даже своему помощнику Лутковскому. Зиму я провель, по обычаю, въ занятіяхъ по музею общества и разсмотрѣніи поступающихъ монетъ. Готовилъ было записки о путешествіи великаго князя; но не понимаю, какимъ образомъ у меня, на

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; июнь, стр. 643—652; т. LV, сентябрь, стр. 477—498; т. LVI, декабрь, стр. 649—675.

квартирѣ, исчезла карманная записная книжка. Это была первая и единственная у меня пропажа. „Жалѣю я о ворѣ“. Разумѣется, и записки остановились на . . . листѣ. Для Календаря Новороссійскаго я написалъ статейку: „Одесскій Архангело-Михайловскій дѣвичій училищный монастырь“. Это учрежденіе—незабвенный памятникъ пастырской заботливости о сиротахъ духовнаго званія, обыкновенно погрязавшихъ въ невѣжествѣ и грубости. Доброе сердце архіепископа Гавріила обезпечило участь несчастныхъ сиротъ; при бывшей Михайловской церкви, построенной на пожертвованія жителей, въ томъ числѣ князя Воронцова, „пастырь добрый“ устроилъ прекрасное помѣщеніе съ обширнымъ садомъ и завелъ для питомицъ порядокъ, существующій въ гражданскихъ благоустроенныхъ пансіонахъ. Дѣтей обучаютъ здѣсь: закону Божию, Св. Исторіи, чтенію книгъ славянскихъ, церковному пѣнію, грамматикѣ русской, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, руководѣліямъ и хозяйству. Теперь семинаристы уже не обязаны жениться на дуракахъ безграмотныхъ, какъ бывало. Кажется, за это дѣло, дѣйствительно, доброе, надо было бы сказать Гавріилу спасибо. Нѣтъ! Стурдза описалъ его нелестными словами своимъ знакомымъ, и все это за то, что Стурдза, съ сестрою своею, граф. Эдлингъ, принимавшій участіе въ сборѣ денегъ на монастырь, пожелалъ назначить игуменьею какую-то вдовую генеральшу, а „опытный пастырь“ разсудилъ приставить къ сиротамъ не барыню, брезгающую ухаживать за полудикарками, какими обыкновенно бываютъ деревенскія, всѣми повинутыя и всѣми загнанныя, сироты. Гавріилъ приставилъ простую игуменью, которая материнскими попеченіями довела сиротъ до того представительнаго вида, который заслужилъ общее одобреніе.

Отложенное по вышесказаннымъ обстоятельствамъ путешествіе на Кавказъ стало у меня на первомъ планѣ. Окруживъ себя книгами и мѣстными картами, я подготовлялся къ разумному обзору края, диковиннаго во многихъ отношеніяхъ. Но и на этотъ годъ, т. е. 1846, предположеніе мое не состоялось. Нѣкоторые ученые профессора лицея, какъ то Байковъ, Левтеропуло, Цинъ, ежегодно уклонялись отъ установленной очереди писать къ годовому акту по преподаваемому предмету разсужденія и изслѣдованія. Симоновичъ, въ жизни разъ выступившій на

легонокую политико-экономическую полемику, сдѣлавъ полное fiasco, что говорится, руками и ногами отбивался отъ этой почетной обязанности, не смотря на то, что еще ни разу во все свое 23-хлѣтнее служеніе ея не выполнилъ. По предложенію совѣта, не имѣя права отказаться, я обязался доставить требуемое уставомъ разсужденіе. Вспомнивъ прошлогоднее путешествіе съ великимъ княземъ и затѣмъ разговоры и вопросы Ѳ. П. Литке, въ присутствіи его высочества дѣланные мнѣ, во время двухъ-суточного плаванія по Азовскому морю, и, наконецъ, сужденія вице-адмирала о томъ, что Новороссійскій край слишкомъ туго подвигается въ развитіи, что степь остается степью <sup>1)</sup> и что нѣкоторыя учрежденія князя Воронцова не достигаютъ своей цѣли,—я, сколько зналъ и умѣлъ, многое защищалъ, а великій князь внимательно слушалъ. Чтобы письменно доказать, что въ краѣ все движется, по возможности, впередъ, я избралъ для чтенія на лицейскомъ актѣ тему: „Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 по 1846 годъ“. „Очеркъ“ былъ напечатанъ на счетъ лица и нѣсколько экземпляровъ этого очерка я послалъ къ Ѳ. П. Литке, съ просьбою одинъ изъ нихъ представить его высочеству, какъ подтвержденіе моихъ защитительныхъ объясненій, высказанныхъ въ прошлое лѣто на пароходѣ, въ Азовскомъ морѣ. Вотъ что отвѣтилъ мнѣ Ѳедоръ Петровичъ, въ письмѣ отъ 25-го іюля 1846 г.:

„Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края я получилъ и одинъ изъ нихъ, согласно желанію вашему, имѣлъ честь представить великому князю Константину Николаевичу. Его высочество поручилъ мнѣ благодарить васъ за память, что исполняю я съ особеннымъ удовольствіемъ. Прошу принять и мою искреннюю благодарность за сообщеніе новаго труда вашего. Кого не интересуютъ судьбы Новороссійскаго края?—въ немъ будущность Россіи. Не даромъ названъ онъ Новою Россіею. Въ этомъ имени заключается пророчество. Прошлогодняя прогулка наша по этому

<sup>1)</sup> Такъ судилъ Литке по статьѣ Надеждина „Новороссійскія степи“, помѣщенной въ издаваемомъ имъ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Это—отмѣтка за отказъ князя хлопотать о немъ у С. С. Уварова.  
Н. М.



прекрасному краю, подъ поучительнымъ руководствомъ вашимъ, останется для всѣхъ насъ незабвенною. Въ бесѣдахъ нашихъ мы очень часто вспоминаемъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ нашего путешествія и вспоминаемъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ“.

Прошлогоднее мое сопутствіе великому князю, конечно, было не въ ущербъ чести лица, когда одинъ изъ его сочленовъ былъ почтенъ избраніемъ хотя въ кратковременные руководители великаго князя и къ тому же русскаго генераль-адмирала! Порученіе шло оффиціальнымъ путемъ, но управлявшій лицеемъ въ качествѣ попечителя и директора лица, г. N. N., не разсудилъ даже въ оффиціальномъ годичномъ отчетѣ лица за 1845 годъ включить мое порученіе, исполненное мною, какъ явствуетъ изъ приложеннаго письма, по возможности, удовлетворительно. Вотъ что значить принадлежать къ другому приходу!

Въ наступившую вакацію я снова посѣтилъ южный берегъ Крыма, гдѣ керченскія курганныя раскопки, въ особенности, обратили мое вниманіе. Занимающіеся оффиціально этимъ серьезнымъ дѣломъ чиновники Ашикъ и Корейша, не имѣя никакого понятія о систематическихъ ученыхъ раскопкахъ древнихъ гробницъ и не получивъ необходимыхъ для нихъ инструкцій отъ эрмитажнаго начальства, куда всѣ керчинскія находки представлялись, дѣло это исполняли отвратительнѣйшимъ способомъ. Желая получить подарокъ или крестъ за находку, оба ретивые соперника наперерывъ старались раскопать побольше кургановъ или, по крайней мѣрѣ, начать раскопку и ею закрѣпить за собою права продолженія работъ на мѣстѣ. Лично они не присутствовали почти никогда, развѣ только въ случаѣ находки гробницъ съ вещами. Описанія и рисунковъ на мѣстѣ не дѣлали, хотя при керчинскомъ музеѣ имѣлся штатный рисовщикъ. Вещи двойныя, тройныя, четверныя, по произволу помянутыхъ господъ, раздавались кому имъ нравилось, или сбывались за границу. Такъ, у Фабра собралась большая коллекція вазъ и разныхъ керчинскихъ древностей и монетъ, разновременно поднесенныхъ ему Ашикомъ. А Фабръ не устыдился даренное продать за 1,200 рублей музею общества, нуждавшемуся всегда въ деньгахъ. Множество монетъ и золотыхъ вещей Ашикомъ передавалось за границу, а частью мастерами золотыхъ дѣлъ растоплялись въ

правильномъ мѣшкѣ. Множество глиняныхъ предметовъ разбивалось на мѣстѣ находокъ, когда оныя не соответствовали видамъ кладочислателей. Руководителемъ всѣхъ курганныхъ работъ былъ отставной матросъ Дмитрій и нѣсколько другихъ землекоповъ, усвоившихъ практическій взглядъ на нетронутые курганы. Курганные гробницы, образцы древняго архитектурнаго искусства, не только не сохранялись и не поддерживались, но, вслѣдствіе неизъяснимаго равнодушія официальныхъ кладочислателей, разбирались на городскія постройки. Много мнѣ труда стоило уговорить Ашика дѣлать, по крайней мѣрѣ, рисунки гробницъ. Корейша не внималъ ни чему. У него и у Ашика я замѣтилъ большіе запасы вазъ, сосудовъ, вещей, монетъ, которые, лежа всё въ кучѣ, служили магазиномъ, изъ котораго ежегодно отправляли въ эрмитажъ вещи, сказывая въ рапортѣ, что такія и такія-то вещи были въ семь году отысканы тамъ и тамъ. Вазы, видѣнныя мною въ 1836 г., Ашикомъ предъявлялись въ 1838 г. и т. д. Общество одесское попробовало было попросить Ашика и Корейшу подумать о правильномъ способѣ вскрытія кургановъ; но они словесно, какъ истые чиновники, отвѣчали: „они не подчинены обществу (хотя и втерлись въ число дѣйствительныхъ членовъ) и потому не дадутъ никакого отвѣта“. Только въ этотъ разъ керченскіе Эеоевль и Полинкъ и были единодушны въ отвѣтѣ. Князь Воронцовъ былъ заваленъ военными дѣлами на Кавказѣ, да и жалобы къ нему могъ парализировать гарпагонъ Фабръ; керченскій же градоначальникъ князь Херхеулидзевъ былъ въ это время въ рукахъ сестры Ашика, какъ адоратеръ. Въ Феодосіи, но неизмѣнно ни людей, ни денегъ, никакихъ археологическихъ поисковъ не производилось, хотя и тамъ почва классической земли была бы благодарная. Музей, вмѣщавшійся въ небольшой турецкой мечети, заключалъ въ себѣ нѣсколько эллинскихъ надписей, генуэзскихъ и турецкихъ, нѣсколько сотенъ монетъ, неважныхъ, и все это было свалено на полу и въ шкафикахъ, какъ попало. Бюстителемъ музея былъ карантинный докторъ, Граперонъ, почтенный эмигрантъ французскій. Многочисленныя генуэзскія церкви, съ давнихъ лѣтъ оставленныя, разрушались, и городская дума своевольно продавала ихъ на сломку; камень годился на постройку дворовъ. Стѣны, по милости генерала Фенша,

давно не существовали и только нѣкоторыя башни, да сухіе рвы указывали бывшую величину Кафы генуэзской. Армянскія и генуэзскія церкви, что внутри карантина, всѣ были обращены въ чумныя помѣщенія или складъ негодныхъ вещей. Въ нихъ прежде я видѣлъ остатки живописи; но въ прїѣзду великаго князя заботливый инспекторъ Певарскій все начисто забѣлилъ известью. Чудная судьба Феодосіи! Ее всегда и всѣ разрушали: воспорцы, татары, турки, русскія войска, коменданты и градоначальники!... Послѣдній изъ нихъ, Казначеевъ, во время голода, бывшаго въ Крыму въ 1833—1834 гг., какъ таврической губернаторъ, представилъ князю Воронцову, чтобы сломать стоявшую на площади старинную, великолѣпную турецкую баню (чудесная мечеть уже давно исчезла), съ цѣлю дать немущимъ заработокъ, а изъ камня мечети и бани построить городской соборъ. Разумѣется, представленіе мѣстнаго ближайшаго начальника было разрѣшено и зданіе разрушено. Но ни собора не явилось, ни камня не оказалось. На вопросъ *Θ. П. Литке*: по какой причинѣ Одесское общество избрало Казначеева дѣйствительнымъ членомъ?—я отвѣчалъ: „по той, что онъ доставляетъ обществу развалины, предметъ статей и описаній“. Казначеева въ члены предложили оба Княжевичи.

Не лучшую судьбу имѣли херсонскія развалины. Обширное пространство нѣкогда, по обычаю древнихъ городовъ, обнесенное каменною стѣною съ высокими четырехугольными по срединѣ, а по угламъ круглыми башнями, теперь представлялось жалкими массами камня, слабо обозначающими очертаніе прежнихъ стѣнъ. Внутреннія городскія каменные постройки, церкви и одна странная базилика, все это представляло груды камней. Изъ нея выстроились Севастополь, да здѣсь расположенный карантинъ. Сюда моряки посылали команду отыскивать мраморныя колонны, барельефы и статуи, которыя тутъ же разбивались въ куски и пережигались на известь, хорошую въ постройкахъ. Къ большому вандализму предполагалось построить новый, обширный карантинъ на самомъ Херсонесѣ; но мои возраженія противу севастопольскаго военнаго губернатора, слабенькаго старика Авинова, поддержалъ въ прошломъ году великій князь. И проектъ пересыпанья денегъ изъ казеннаго сундука въ карманъ подрядчика и К° остановился. Балаклавская крѣпостца, какъ позднѣйшая,—въ срав-

неніи съ Херсонисомъ,—генуэзская Чембало, сохранилась лучше. И это потому, что она, по крутости горы, трудно доступна.

Не знаю, какииъ путемъ имя мое стало замѣтно въ Италіи, развѣ по исторіи генуэзскихъ поселеній, о которой нидерландскій консулъ Тетбу де Мариньи сообщилъ когда-то свѣдѣнія въ „Journal des Débats“; только въ началѣ этого года я получилъ изъ Генуи приглашеніе на присутствованіе при „8 съѣздѣ италіанскихъ ученыхъ“, предполагавшемся въ сентябрѣ этого же года въ Генуѣ. По какому-то темному чувству, я отелонилъ отъ себя такое лестное приглашеніе пріѣхать въ Геную, гдѣ непримѣтнымъ образомъ для дипломатовъ надвигались грозныя тучи, разразившіяся, въ 1848 г., надъ многими монархическими учрежденіями. При расположеніи князя Воронцова и министра Уварова, легко было бы уладить это путешествіе.

Осень и зиму этого года я занимался разсмотрѣніемъ библіотеки извѣстнаго въ свое время Дегурова, которую онъ предлагалъ продать сначала одесской публичной библіотекѣ, а потомъ учреждаемой въ Тифлисѣ публичной библіотекѣ. Для обсужденія надобности и цѣнности книгъ князь Воронцовъ, какъ намѣстникъ кавказскій, назначилъ особую комиссію, въ которую меня назначили старшимъ. Книги были составлены „благопріобрѣтеннымъ способомъ“ изъ библіотекъ петербургскаго и харьковскаго университетовъ и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ это значилось на этикеткахъ. Собиратель ихъ, Дюгуръ, былъ во время французской революціи, нѣкоторое время, секретаремъ Робеспьера; но, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣреннымъ эмигрантомъ. Въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ гувернера дѣтскаго онъ попалъ въ дома вельможъ, пробрался оттол профессоромъ въ харьковскій университетъ и, въ знакъ отвращенія къ французамъ, назвался Дегуровымъ; былъ доносчикомъ на сослуживцевъ и потомъ попалъ въ ректоры с.-петербургскаго университета, откуда попечителемъ Уваровымъ, однако, выкурень. Поселясь въ Одессѣ и выстроивъ домъ, онъ въ одно пріятное утро вздумалъ подать князю Воронцову записку о продажѣ своихъ книгъ для одесской библіотеки,—книгъ, дѣйствительно прекрасныхъ по содержанію и по переплету, съ уступкою съ рубля 40%. Провѣривъ книги съ стоявшими продажными цѣнами, я доложилъ князю, что продажа выгодна для

продавца, но не для города, поелику цѣны выставлены втрое и вчетверо; къ тому же много подобныхъ книгъ уже имѣется въ одесской библиотекѣ; тогда князь поручилъ разсмотрѣть ея годность въ отношеніи учреждаемой имъ тифлисской библиотеки. Разумѣется, книги вполнѣ туда подходили; но высокія цѣны я все-таки понизилъ. вмѣсто запрошенныхъ 10,000 руб. г. Дегуровъ получилъ 6,451 р. 80 к. за 3,026 сочиненій, состоящихъ въ 6,846 томахъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, что мнѣ удалось устроить двѣ публичныхъ библиотеки — одесскую и тифлисскую. Декабрь мѣсяць заключился наградою меня орденъ Анны 2-й степени.

Конецъ зимы и начало весны были посвящены на изданіе Псковской судной грамоты, составленной на вѣчѣ въ 1467 г. Разсматривая сборникъ лѣтописный, почерка XVI вѣка, между переводами учительныхъ словъ Максима Грека, къ удивленію своему я открылъ полную псковскую судную грамоту, которой только конецъ былъ извѣстенъ Карамзину (И. Г. Р. V прим. 404). Радость моя о находкѣ такъ сказать другой „правдатной доски“ (первая—Русская Правда) была продолжительная. Хотѣлъ я было сдѣлать ей переводъ и примѣчанія; но бѣдность лицейской библиотеки и собственной помѣшали мнѣ. Не увлекаясь глубокою древностію, судную грамоту, получившую начало еще въ XIV вѣкѣ (въ 1397 г.), я отнесъ къ 1467 году, по поводу ея послѣдней редакціи. Напечатанные экземпляры были разосланы ученымъ; но академія наукъ, университеты и прочіе русскіе юристы прошли псковскую грамоту глубокимъ молчаніемъ. Занялись ею только г. Калачевъ, профессоръ Неволинъ, да археографическая комиссія, состоящая при министерствѣ просвѣщенія, отозвалась о ней такъ: „Напечатанная г. Мурзакевичемъ въ Одессѣ псковская судная грамота, по историческому достоинству, равняется Русской Правдѣ, Новгородской Судной грамотѣ, Судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV“.—Сослуживецъ лицейскій, профессоръ русской словесности Зеленецкій, не знаю по чьимъ побужденіямъ, помѣстилъ на мою находку плохенькую рецензію въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. Но возбужденное противъ него общее негодованіе понудило рецензента обратиться ко мнѣ съ слѣдующимъ страннымъ письмецомъ: „Вчера въ обществѣ я замѣтилъ, что вы рѣшительно на меня сердиты. И имѣете полное

право; но я каюсь, винюсь въ своей рецензiи и прошу у васъ великодушнаго прощенiя: я поступилъ не по товарищески и не могу оправдать себя ни тѣмъ, ни другимъ; хотите ли принять руку примиренiя?—при первомъ, однако-жъ, случаѣ, я поправлю то, что сдѣлано было хотя безъ всякаго худаго умысла, но, повторяю, не по товарищески. Искренно преданный вамъ К. Зеленецкiй. 10-го апрѣля 1847 г.<sup>4</sup> Странная литературная совѣсть! — Въ засѣданiи общества древности мнѣ, какъ секретарю, было не до литературныхъ объясненiй и сердиться казалось неумѣстнымъ.

### XXIII.

Повѣдка на Кавказѣ (1847 г.).—Новороссiйскiй портъ.—Прибрежныя укрѣпленiя. — Пицунда. — Кн. Михаилъ Шервашидзе. — Редутъ-Кале. — Н. А. Райко.—Зугдиди, резиденцiя кн. Дадiana Мингрельскаго.—Горная природа. — Кутаисъ, Бвирила, Горы, Мцхетъ, Тифлисъ. — Армяно-грегорiанскiй патрiархъ Нерсесъ.—Горныя хребты и ущелья.—Озеро Гочка.—Эчмиадзинскiй монастырь.—Александрополь.—Кахетiя.—Телавъ.—Алавердскiй храмъ.—Прощанiе съ патрiархомъ. — Кавбекъ и Терекъ; Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. — Генералъ Никол. Степ. Завадовскiй. — Епископъ Геремiа. — Ставрополь и Екатеринодаръ.

Повончивъ дѣло съ лицейскими экзаменами, я отправился въ Тифлисъ, вслѣдъ за купленными для его библиотеки книгами. Съ собой также я везъ бумагу для „Кавказскаго Календаря“, по моему предложенiю начавшагося издаваться въ Тифлисѣ. Князь, чрезъ посредство директора своей канцелярiи С. В. Сафонова, о предметахъ, касающихся ученой части, постоянно требовалъ моихъ мнѣнiй. Такимъ путемъ, вромѣ основанiя для Кавказа собственнаго календаря-газеты, я предложилъ учрежденiе: агрономическаго общества, нумизматической и минералогической мѣстныхъ коллекцiй и установленiя частныхъ экспедицiй съ учеными цѣлями. Вотъ чѣмъ объясняется та частая корреспонденцiя между княземъ, его директоромъ и мною, которая постоянно приводила въ недоумѣнiе Фабра съ его канцелярiею. Въ Θεодосiи я не засталъ А. А. Уманца, который переѣхалъ на службу въ Керчь. Здѣсь съ нимъ я провелъ три дня въ

разспросѣ о подробностяхъ его недавняго путешествія, сдѣланнаго имъ въ Египетъ и на Синайскую гору. Онъ былъ въяземъ посланъ въ числѣ членовъ экспедиціи, наряженной для изслѣдованія чумы на востокѣ. Чумы не отыскали, а всѣ пріятно проѣздили и получили хорошія награды. По крайней мѣрѣ, Уманецъ, старый мой университетскій сверстникъ, не полѣнился сообщить свои впечатлѣнія читающей публики: книга его вышла въ свѣтъ въ 1850 году. Послѣ непріятныхъ объясненій съ Ашикомъ и Корейшею, на счетъ неизмѣняемой ими дурной методы раскрытія кургановъ (имъ я откровенно сказалъ, что „роются, какъ свиньи“), я 27-го мая, на военномъ пароходѣ „Боецъ“, поплылъ въ Анапу.

Городокъ этотъ не что иное, какъ большая малороссійская деревня, окруженный валомъ и защищаемый храбростію казаковъ, но не отличающійся многолюдствомъ. Портъ дрянной, открытый, каменистый. Новороссійскій портъ, изъ котораго адмиралъ Лазаревъ намѣревался сдѣлать второй Севастополь, живописенъ по мѣстоположенію, довольно здоровъ и даже имѣетъ постоянныя торговыя сношенія съ горцами, съ которыми ловко обращался умный армянинъ, вице-адмиралъ Серебряковъ, но никакъ негоденъ для корабельной стоянки. По временамъ дующій страшный вѣтеръ, именуемый „борою“, или выбрасываетъ на берегъ суда, хотя бы были на 4-хъ якоряхъ, или ихъ затопляетъ. Такъ, напр., погибъ тендеръ „Струя“ со всѣмъ экипажемъ. Волны и брызги, замерзши, погрузили на дно залива тендеръ, крѣпко стоявшій на якорѣ. Геленджикское укрѣпленіе состояло изъ деревушки, обруженной валомъ и частоколомъ, покрытымъ такимъ колючимъ, крѣпкимъ терновникомъ, что ни звѣрь, ни человекъ не могутъ чрезъ него пробраться. Не понимаю, какъ горцы не прибѣгали къ поджогу. На углахъ валовъ стоятъ блокгаузы съ пушками, всегда готовыми къ выстрѣлу картечью. Кромѣ бдительныхъ часовыхъ, ночью, собаки лучше хранятъ безопасность своихъ кормильцевъ. Такія же точно укрѣпленія: Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, Навагинское и Св. Духа. Тѣ же избушки, валы съ терновникомъ, одутловатые отъ лихорадовъ солдаты, съ радостію встрѣчающіе пріѣзжихъ. До учрежденій въяземъ Воронцовымъ постоянныхъ правильныхъ сообщеній посредствомъ пароходовъ, на которыхъ долгое

время пассажиры перевозились даромъ, снабженіе гарнизоновъ производилось посредствомъ военныхъ транспортовъ. Плохія суда, плохіе командиры, жестокіе вѣтры и морскія зыби были причиною, что транспорты по цѣлымъ мѣсяцамъ болтаются туда и сюда по морю, а въ укрѣпленію бояться подходить; между тѣмъ гарнизонъ оставался безъ хлѣба; объ удобствахъ и рѣчи не могло быть. Съ появленіемъ же пароходовъ, все ожило и облегчилось. Чтобы пароходы иногда не могли уклоняться отъ указанныхъ пунктовъ, поручено было имъ развозить почту. Пушки охраняютъ крѣпостную селитьбу, они же сопровождаютъ людей, посылаемыхъ на покосъ травы и рубку дровъ. Смерть во всякое время—дѣло обычное и привычное. Молодыхъ рекрутовъ, куда посылаемыхъ, убивала сколько лихорадка, столько же, если не болѣе, тоска по родицѣ и отрѣшеніе отъ прочихъ людей. Горцевъ гарнизоны не иначе звали, какъ звѣрами. Медицинскія пособія, по словамъ врачей, были самыя дурныя. Гагра, классическая Пагра, есть не что иное, какъ каменная круглая крѣпостца, внутри которой живетъ гарнизонъ. Здѣшнее ущелье служить входомъ во внутренность кавказскихъ горъ. Высоты здѣшнія такъ значительны, что горцы, въ досужее время, забавляются подстрѣливаніемъ на выборъ людей. Гагрою кончается совершенно неприступный берегъ для русскихъ. Но иностранцы, въ легкихъ маленькихъ судахъ, именуемыхъ „чектырма“, передѣланныхъ нами въ „вочермы“, съ товарами и военною контрабандою, удобно могутъ приставать, гдѣ угодно. Сильные морскіе прибой не опасны для вочермъ, а неповоротливость нашихъ крейсеровъ, справедливо опасующихся близко подходить къ берегу, позволяютъ имъ безопасно приставать, вытаскивать лодки съ грузомъ на берегъ и въ густыхъ деревьяхъ укрываться.

Пицунда, древній Питіусъ, поразителенъ величіемъ тысячеклѣтнихъ сосенъ, а за ними величаваго византійскаго храма, построеннаго чуть ли не во время Юстиніана, т. е. въ VI вѣкѣ; впоследствии здѣсь было мѣстопребываніе патріарха. Было намѣреніе реставрировать храмъ, были отпущены и деньги; но академія художествъ прислала юношу-архитектора Норева, который ни болѣе, ни менѣе, какъ задумалъ чудесный храмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ передѣлать. Затѣмъ придумалъ: чтобы достойно



его возстановить, прежде объѣхать всю Италію, западную и южную Европу, и уже по видѣннымъ образцамъ перестроить пицундскій храмъ, ровно ничего не имѣвшій общаго съ католическимъ западомъ. Разумѣется, вслѣдствіе такихъ химеръ, возстановленіе храма оставлено. Недобросовѣстны были и смѣты инженерныя, насчетъ строительныхъ матеріаловъ, которые предполагалось возить изъ Керчи, а такіе были тутъ цѣлыя зданія, не показанныя на планѣ. Обо всемъ этомъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, согласно желанію князя, я въ свое время написалъ съ полною откровенностью.

У Пицунды, начиная съ Анапы, кончается область горскихъ народовъ, которые у древнихъ эллиновъ именовались: синдами, ахеями, зикхами и нипіогами, въ наше время—нитхойцами, шапсухами, убухами, джихетами.

Укрѣпленіе Вомборы находилось въ полумирномъ положеніи; неподалеку находится селеніе Суукъ-су, резиденція владѣтельнаго князя абхазскаго, Михаила Ширвашидзе. Имѣя отъ князя Михаила Семеновича рекомендательное письмо, я былъ у его свѣтлости весьма добродушно принятъ и услышалъ отъ него разсказъ, какъ въ 1833 г. онъ непочетно выпроводилъ отъ себя нашего профессора Нордмана. Собиратель насѣкомыхъ, опираясь на данное ему порученіе с.-петербургскою академіею наукъ, не спросясь поселился въ княжескомъ павильонѣ, гдѣ сталъ развѣшивать снятыя кожи съ животныхъ и змѣй. Разумѣется, хозяину это не понравилось и хотя профессоръ опирался на академію наукъ, но не удержалъ за собою занятаго павильона.

Отъ этой мѣстности, громадныя горы кавказскія, танущіяся вблизи берега, начинаютъ углубляться внутрь Кавказскаго края. Замѣчательная высота, именуемая Сеферъ-беева шапка, служить морякамъ замѣтнымъ признакомъ.

Сухумъ-кале имѣетъ обширную и довольно спокойную бухту, но, по причинѣ окружающихъ его болотъ, изобилуетъ лихорадками. Говорятъ, что даже куры страдаютъ этою болѣзнію.

Верстахъ въ 10, берегомъ, находится мѣстечко Келасуръ, водвореніе англійской контрабанды. Его-то мнѣ захотѣлось увидѣть. Отправясь съ парохода на лодкѣ, мы благополучно доплыли до него; но возвращеніе было бѣдственное. Поднявшаяся

морская зыбь насъ, пересѣвшихъ на 12 весельный катеръ, едва не залила грозными волнами; мы, въ числѣ 16 душъ, были выброшены на каменный берегъ. Берегомъ мы достигли Сухума, опасаясь каждую минуту, чтобы насъ не задержали дикіе абхазы, съ требованіемъ выкупа.

Редуть-Кале, скверное пристанище для судовъ, которыя обязаны останавливаться вдали отъ опасныхъ буруновъ и притока горной рѣчки Хопи. Горе тѣмъ, которые не попадутъ въ русло рѣчки, часто измѣняемое своевольною Хопью, — гибель неизбежная! Мѣстность Редуть-Кале низменна, болотиста, возвышающаяся только на 5 футъ надъ уровнемъ моря. Дома и духаны (харчевни и винопродажи) сколочены изъ досокъ и для зимы невыносимо холодные. Изъ редута я пустился въ путь, во внутренность нѣкогда классической древней Колхиды, прославленной сколько красотой Медин, столько и ея свирѣпостью. Переправаясь черезъ рѣку Ингуль на дубѣ выше Анаклии, опустѣлаго укрѣпленія, я въѣхалъ въ лѣса Мингрелин. Дремучіе, величественные, роскошные лѣса, гдѣ яркозеленый плющъ обхватываетъ цѣлыя громадныя деревья и ихъ собою покрываетъ, поглотили все мое вниманіе. Въ нѣмомъ удивленіи и восторгѣ отъ красотъ причудливой природы, молчаливо ѣхалъ я съ спутникомъ, не менѣе меня пораженнымъ. Спутникъ мой былъ Николай Александровичъ Райко. Умный и энергическій, Райко въ молодости служилъ въ войскѣ, но въ греческую этерію, не спросясь, оставилъ службу, уѣхалъ въ Грецію, и тамъ, совместно съ другими филэллинами, храбро сражался съ турками, былъ раненъ и нѣкоторое время былъ начальникомъ крѣпости, въ чинѣ полковника. По возвращеніи въ Россію, онъ долженъ былъ прослужить солдатомъ на Кавказѣ, но вскорѣ съ прежнимъ чиномъ выпущенъ въ отставку. Теперь онъ ѣхалъ въ Грузію, въ качествѣ шелковода и собирателя коконовъ шелковичныхъ червей, которые придумалъ, для легкости разсылки, прессировать. Съ нимъ я доѣхалъ до Зугдиди (или Григоріополь), резиденціи владѣтельнаго князя Мингрелин, Дадіана. Мы не застали владѣтеля, переселившагося на лѣто въ ущелья Горди. Здѣсь Райко остался, а я, проведя полдня въ Зугдидяхъ, на данномъ изъ князей конюшни бойкомъ рысака (бача) пустился

съ проводникомъ по трущобамъ Мингреліи. Письмо рекоменда- тельное намѣстника кавказскаго къ Дадіану, по сказанной при- чинѣ, не отдавалъ. Путь мой лежалъ небольшою дорогою, пра- вильнѣе же тропинкою, протоптанною вьючными лошадьми и глубоко прорѣзанною мѣстными арбами (двухколесными повоз- ками, у которыхъ колеса не со спицами, а прямо деревянные круги, во всю толщю дерева, ссѣрпленные брусьями), везо- мыми могучими буйволами. Чтобы пробраться къ деревнямъ, над- лежало имѣть опытнаго проводника; всѣ селенія скрывались въ густѣйшей чащѣ деревь и кустарниковъ, сквозь которые надле- жало пробираться съ ущербомъ для верхняго платья отъ острыхъ колючевъ. Деревни мингреловъ состоятъ изъ деревянныхъ досча- тыхъ хижинъ, крытыхъ соломю и жердями, точно какъ въ Бѣ- лоруссіи. Среди хижины на треножникѣ виситъ котелокъ, подъ которымъ постоянно курится огонь, воего дымъ выходитъ въ про- веденную трубу. Вотъ отсюда произошла „подымная подать“. Кругомъ стѣнъ широкія лавки. Это все убранство. Въ котелкѣ грѣютъ воду, молоко, или варятъ „гомъ“, туземное мелкое просо (единственная пища бѣдныхъ), иногда приправляемое саломъ. Скота держатъ достаточно, но онъ мелокъ и почти исключительно чернаго цвѣта; водятся у нихъ также и стада полудикихъ сви- ней. Лошади малорослыя, но сильныя и выносливыя. Если я когда либо видѣлъ въ натурѣ ту чудную, стройную красоту, идеализованную въ изваяніяхъ медицейской и милосской Венеръ и въ античныхъ статуяхъ и барельефахъ, то я видѣлъ ее живую въ Мингреліи. Дѣвочки 12 лѣтъ ходятъ легко прикрытыя, а мальчишки до такихъ же лѣтъ бѣгаютъ нагіе. Нищета царитъ повсюду. Климатъ сырой, лихорадочный, пища малопитательная; ночью холодъ почти всегдашній. Одежда мингрела: рубашка по колѣно, холщевые порты, армякъ, башлыкъ (прототипъ монаше- скихъ „кукулей“, по нынѣшнему влобуковъ), сверху черная овечья бурка по колѣно и, наконецъ, широкій неизбѣжный кин- жалъ. Бурка защищаетъ отъ холода, дождя, палящаго солнца, служитъ еще постелью и изголовьемъ. Красивые дѣвушки и маль- чишки—вотъ то „золотое руно“, за которымъ такъ отважно пус- вались къ здѣшнимъ „негостепріимнымъ берегамъ“ древніе эллины, послѣ же ихъ турки. Зугдиди имѣетъ просторную ка- менную церковь, въ старомъ византійско-русскомъ вкусѣ, большія

мѣстных (по московскому обычаю) иконы, недостроенный каменный двухэтажный домъ владѣтельнаго князя, рядъ деревянныхъ домиковъ подъ сѣнію роскошныхъ деревьевъ, такова резиденція князя. Такіе нѣкогда были и русскіе княжескіе „стольные грады“. Зугдиди стоитъ надъ уровнемъ моря на 275 футь. Помѣстьями Дадіана управлялъ французскій выходецъ Льетаръ, принимавшій меня гостепрѣмно. Отъ него я узналъ, что владѣтель желалъ бы придерживаться въ домашнемъ быту французскихъ обычаевъ, но князья и дворянство на нововведенія смотрятъ неблагоклонно. Еще владѣтель старается удержать за собою право рубленія ушей и рукъ и смертной казни, чему состоящей при немъ русскій приставъ постоянно противодействуетъ. Исполинскіе буки и дубы, ясени, переплетенные между собою прядями роскошнаго плюща и дикаго винограда, составляютъ сплошную массу дивной растительности, чрезъ которую я пролагалъ себѣ дорогу. Никогда въ жизни я не слышалъ такого страшнаго треску, раската и ударовъ грома, какіе привелось слышать въ здѣшнихъ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ. Тысячелѣтнія деревья, побитыя громомъ или вывернутыя съ корней бурей, постоянно преграждали мнѣ путь. На каждомъ шагѣ попадались отростки новыхъ деревьевъ, вышедшихъ отпрысками отъ старыхъ, уже гниющихъ; ихъ сплетенныя вѣтви, влажная высокая трава, одуряющіе запахи цвѣтовъ представляли также немалое препятствіе любопытному путнику. Необходимо было, сколь возможно тише, пробираться сквозь чащу, чтобы сохранить одежду, которую со всѣхъ сторонъ хлестали и рвали нависшіе кусты. Здѣсь вовобновилась въ моемъ воображеніи древняя „Русь“, которая свои древніе грады скрывала въ тущобѣ лѣсной. Извѣстна же древняя пословица: „Буй да Кадуи (города Костромской губ.) чертъ три года искалъ, а онъ подъ носомъ сидѣлъ“. На третій день странствія, среди котораго встрѣчалъ всюду радушно гостепрѣмство добрыхъ мингреловъ, страшно утомленный, я прибылъ въ Меранъ, торговое мѣстечко на рѣкѣ Ріонѣ (классическомъ Фазисѣ), возвышающееся на 67 футовъ. Въ селеніи Хони, подивившись огромнѣйшимъ букovýmъ деревьямъ, я пустился еъ равнинѣ, постепенно переходящей въ холмы; затѣмъ черезъ горы, густо поросшія дубомъ, букомъ, елью и березою, я достигъ до новоучрежденнаго губернскаго города. Кутансь расположенъ по

крутому косогору р. Ріона (473 фута); надъ нимъ господствуютъ высокія стѣны великолѣпнаго нѣкогда собора, взорваннаго турками. Остатки стѣнъ изящной архитектуры поросли плющемъ. Доники разбросаны среди густолистныхъ деревь. Взойдя, надъ древнимъ Генатскимъ или Гелатскимъ (отъ Кутаяса верстахъ въ пяти) соборомъ, на живописную скалу (1143 фута), я увидѣлъ слѣды древняго морскаго дна, поросшаго непрерывнымъ густымъ лѣсомъ. Сюда свои виды простиралъ „гостепріимный Понть“ (Черное море). Здѣсь было торговое мѣсто эллиновъ, падшихъ на „Золотое Руно“. Кутаясь созвучить съ именемъ одного изъ воспорскихъ царей Котиса. Не отсюда ли династія Котисовъ вышла на Воспоръ Киммерійскій? Монастырь Гелатскій, кромѣ замѣчательныхъ церквей армяно-грузинской архитектуры, славится своею древнею иконою Богоматери (Хахульской), сходственною съ московскою Владимірскою, что въ Успенскомъ соборѣ, а также прекрасною византійскою мозаикою, кажется, X вѣка. Показывали мнѣ митрополичью богатую древнюю ризницу, архіерейскую митру съ короною, точно такую, какую себѣ затѣялъ властолюбивый Никонъ, русскій неудавшійся папа Григорій VII. Вотъ здѣсь должно учиться нашимъ церковно-строителямъ, а не выдумывать свои нелѣпыя планы византійской архитектуры, никогда ими не виданной, какъ это сдѣлалъ наглый полуневѣжа (въ сказанномъ отношеніи) академикъ Тонъ. По дорогѣ отъ Квирила, миновавъ Сарапанъ, гдѣ въ отдаленной древности производился мѣновой торгъ съ инородцами и для того здѣсь, по сказанію Страбона, имѣлось нѣсколько переводчиковъ, я чрезъ лѣсныя и гористыя станціи Бѣлогорскую (825 ф.), Мелитскую (1500 ф.), мимо Сурама (2,289 ф.), мѣста, нездороваго по причинѣ разводимаго здѣсь „чалтыка“ — риса, любящаго на сильномъ жару стоячую воду, чрезъ Гаргарепскій переваль спустился въ Гори; а чтобы добраться до него, надобно было переправиться чрезъ горный, сильный потокъ, не на лодкѣ или паромѣ, но на телѣгѣ, запряженной буйволами. Да и эти сильные пловцы должны были бороться съ водою. Высокая гора, съ остатками стѣнъ и башенъ, постройки VIII вѣка, господствуетъ надъ землянками и домиками этого уѣзднаго городка. Въ сел. Самтависи изящныя арабески на тамошней церкви меня сильно заняли: вполнѣдствіи я встрѣчалъ такія зачастую,

особенно приближаясь къ Эривани. Отсюда по широкой, почти безплодной равнинѣ, мимо Мцхета, замѣчательной церкви, какъ мѣста погребенія грузинскихъ царей и ихъ семействъ, чрезъ Гаргарепскую, пресквернѣйшую, каменистую станцію и чрезъ смѣло построенный мостъ на р. Арагвѣ, я достигъ Тифлиса, нѣкогда столицы грузинскихъ царей, теперь же резиденцію намѣстника кавказскаго.

Тифлисъ—городъ будущихъ надеждъ: развитія цивилизаціи края и торговли. Городъ лежитъ среди господствующихъ высотъ по обѣ стороны быстрой Куры, великъ, но не благообразенъ. Все, что показалось лучшимъ, то построено недавно. Кромѣ С.-Петербурга, нигдѣ не встрѣчалъ я такого количества образованныхъ людей, какъ здѣсь въ это время. Имя Воронцова привлекало къ себѣ лучшую молодежь, гражданскую и военную. Домъ намѣстника, построенный, кажется, Ермоловымъ, очень похожъ на гауптвахту; предъ нимъ широкій четырехугольникъ для военныхъ разводовъ. Отовсюду городъ открытъ амфитеатромъ. Дома, караванъ-сераи, въ узкихъ улицахъ стѣсненные, и затѣмъ предмѣстья, окруженныя роскошною зеленою деревъ и винограда, частыя церкви, съ островочными куполами, необыкновенно живописны. Князя Михаила Семеновича въ городѣ не было; онъ уѣхалъ въ отрядъ подъ Салты. Уладивъ дѣло книгъ, прибывшихъ для здѣшней бібліотеки, и познакомясь съ временнымъ директоромъ канцеляріи Щастливцевымъ (издателемъ „Екатеринославскаго календаря“ въ 1811 году), я нашелъ радушный приемъ у А. А. Борзенко. Къ несчастью, я попалъ въ Тифлисъ въ дурное время: здѣсь распространилась сильная холера и жители разбѣгались по горамъ и деревнямъ. Мнѣ вручили бумагу отъ князя (№ 3715) о томъ, чтобы я осмотрѣлъ весь край, если можно, въ антикварномъ отношеніи и сообщилъ бы свои замѣчанія. Въ это время я возобновилъ давнее знакомство съ армяно-грегоріанскимъ патріархомъ Нерсесомъ. Экзархъ-же сидѣлъ въ крѣпкой заперти, ради страха холернаго. Пастыръ этотъ почти не зналъ своей епархіи. Уже князь непримѣтно знакомилъ его съ достопримѣчательными мѣстными монастырями, приглашая съ собою для ихъ обзоренія.

Духовенство грузинское довольно образованно; здѣшняя семинарія порядочная, гимназія же посредственная, но помѣщеніе

ея одно изъ лучшихъ въ городѣ. Во всѣхъ строеніяхъ Тифлиса типъ азіатскій; видъ ихъ неряшливый и полуобрушенный. Мѣткою опредѣленіе нашихъ солдатъ: „сказано, что Азія, такъ и есть Азія“. Отдохнувъ нѣсколько дней, я пустился по направленію къ Эривани. Въ первый разъ на р. Курѣ пришлось увидѣть стада горныхъ, хищныхъ и безобразныхъ орловъ-ягнятниковъ. Затѣмъ открывавшаяся гористая мѣстность, напр., мѣстность Коды (1,978 ф.), Истибулатъ (2,312 ф.), Чурусанъ (2,816 ф.) и Далижанъ (4,200 ф.), покрытая по вершинамъ кустарниками и лѣсами, поглощали все мое вниманіе, особенно неподалеку отъ..... отдѣльно стоящая каменная скала. Пространство это, около 150 верстъ, представляетъ чудеснѣйшее сочетаніе разнообразнѣйшихъ красотъ, во всѣхъ родахъ, преимущественнѣе у Далижанскаго ущелья. Неизгладимо изъ памяти зеркальное озеро Гокча съ уединеннымъ островкомъ Севанга, исправительнымъ мѣстомъ армянскихъ монаховъ. Здѣшняя станція Чубухеве имѣетъ высоту, полагаемую геодезистами 6,245 фута, Еленовская же 6,270 ф. Здѣсь я нашелъ заселяющихся духоборцевъ. Мало удобна эта мѣстность, но другія, отведенныя для этихъ сектаторовъ нашимъ университетомъ Ю. А. Гагемейстеромъ, оказались несравненно хуже. Ужъ не пожелалъ ли быть г. Гагемейстеръ подражателемъ Моисею, который, заведя евреевъ въ каменистую пустыню, почти всѣхъ переморилъ.

Тамъ, гдѣ изъ озера Гокча беретъ свое начало рѣчка Занга, я изъ любопытства перешагнулъ черезъ нее, не омочивъ ноги. Спускаясь отъ сего мѣста все ниже и ниже, къ котловинѣ р. Аракса, у Ахтынской станціи (5,687 ф.), я увидѣлъ библейскій Большой Араратъ (16,960 ф.) и Малый (12,835 ф.), оба въ видѣ сахарныхъ головъ.

Цѣлый день былъ употребленъ на обзорніе Эривани, при чемъ припомнилась пословица: „славны бубны за горами!“, когда я увидѣлъ крѣпость, построенную изъ землелитнаго кирпича. Замѣчательны: мечеть съ величественными возлѣ нея чинарами, базаръ и серай (дворецъ) съ парадною ханскою комнатою, украшенною мелкими зеркальными стеклышками и персидскою живописью, кажется, единственною у послѣдователей Алиева ученія. Эриванъ наполнена поливными садами; персики ея славятся нѣжностью и величиною; за то лѣтомъ жить тамъ наказанье.

Спертый высокими садовыми стѣнами воздухъ, водная прѣль отъ грязной пропускной воды, міриады москитовъ и комаровъ, лихорадки гастрическія, вотъ что достается бѣдняку, не имѣющему средствъ уйти изъ города и поселиться въ горахъ. Бѣдные солдаты и полиція остаются на жертву. Нѣкоторымъ спасеніемъ жителямъ служатъ деревянныя „вышки“, на которыхъ проводятъ ночь; туда, по крайней мѣрѣ, не достаютъ міазмы. Но какой чудный, величественный видъ изъ города и изъ крѣпости на Араратъ въ снѣжной шапкѣ! 20-го іюля въ Эривани я испытала 40° на солнцѣ; впрочемъ, особаго изнуренія я не чувствовала, а напротивъ избавился отъ зубной боли и ревматизма, бывшаго у меня со времени студенчества.

Пользуясь вечернею прохлагою, я пустился въ Эчміадзину.

Возница мой былъ армянинъ и ему за всякимъ кустомъ мерещились „нехорошіе люди“. Въ 9 часовъ вечера я вступилъ въ стѣны Эчміадзинскаго монастыря. Вся братія ужинала на чистомъ воздухѣ предъ главною церковью. Слабый свѣтъ тусклыхъ фонарей, падавшій на смуглыя монашескія лица въ ихъ остроконечныхъ клобукахъ, дѣлалъ эффектною картину, подѣ темносиннимъ звѣзднымъ небомъ. Я былъ принятъ Лукою, намѣстникомъ патріаршимъ, почетно, вслѣдствіе письма Нерсеса, предлагавшаго принять „его друга внимательно“. Помѣстили меня въ патріаршемъ кабинетѣ и спальнѣ; на утро показали все достойное вниманія. Изъ членовъ синода образованностью своею рѣзко отдѣлялся не старый еще епископъ Іоаннесъ Шахатуновъ, а изъ кипишевскихъ знакомыхъ я нашелъ архимандрита Фаддея, отправленнаго потомъ епископомъ въ Испанію. Эчміадзинскій соборъ не древень; онъ красиво расписанъ, хотя и пестро, въ персидскомъ вкусѣ. Библіотека богата армянскими рукописями. На другой день, въ 50° жара, я обошелъ устраиваемыя Нерсесомъ помѣщеніе для семинаріи, прудъ и садовыя плантаціи, но чуть не заплатилъ солнечнымъ ударомъ. Замѣчательно сочетаніе случаевъ жизни этого умнаго и полезнаго для Россіи человѣка съ нѣкоторыми случаями жизни князя Воронцова. Когда князь Воронцовъ начиналъ военное поприще на Кавказѣ въ 1803 году, то Нерсесъ въ званіи епископа въ 1808 г. произнесъ „Слово въ армянскомъ монастырѣ, въ Эчміадзинѣ, въ присутствіи предводителя російско-императорскихъ



войскъ, его сіятельства генераль-фельдмаршала графа И. К. Гудовича, объ успѣхахъ христолюбиваго російскаго воинства, при случаѣ вступленія онаго въ предѣлы Араратскіе“. Эту библиографическую рѣдкость я приобрѣлъ для одесской публичной библіотеки. Въ 1843 г. изъ долговременнаго кипиневскаго заточенія (съ 1829 г.), вслѣдствіе жалобъ фельдмаршала Паскевича, Нерсесъ вызывается въ С.-Петербургъ, тамъ заболѣваетъ отчаянно, но, посредствомъ магнетизма г. Пашкова, выздоравливаетъ и въ санѣ патріарха-католикоса всѣхъ армяно-грегоріанъ въ 1844 г. пріѣзжаетъ въ Тифлисъ. Въ томъ же году и князь Михайлъ Семеновичъ назначается кавказскимъ намѣстникомъ. Князь умираетъ въ 1856 г., а Нерсесъ въ 1857 году. Внезапная пріязнь и уваженіе соединяли двухъ полезныхъ дѣятелей. Изъ Эчмиадзина я пустился къ Алагезу (13,450 ф.), на который, изъ празднаго любопытства, я добрался до снѣжной линіи (9,000—10,000 ф.). Тутъ я вкусилъ и позналъ прелесть горнаго воздуха, успокаивающаго умъ и тѣло. Вотъ почему всѣ законодатели человѣчества, предъ подвигомъ, уединялись въ горныя высоты и тамъ умственно и тѣлесно созрѣвали. По спускѣ съ высотъ, я имѣлъ ночлегъ у кочующаго курдинскаго шейха, старшины, перекочевавшаго на лѣто, съ стадами, изъ-за Аракса. Отсюда по горамъ я добрался до Кипчава, гдѣ армяне поклоняются иконѣ Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою, по моему же предурнымъ недавнимъ маляромъ.

Отсюда направился къ Александрополю (4,818 ф.), предѣлу русскихъ владѣній съ Турціею. Здѣсь съ епископомъ Шахатуновымъ, перебрѣдая черезъ ручеекъ Арпачай (границу), мы достигли прекрасныхъ руинъ Ани (4,668 ф.), древнѣйшей армянской столицы. Смотри на многія еще уцѣлѣвшія церкви съ изящными пропорціями и узорами, я убѣдился, что здѣсь получила бытіе та архитектура, которую архитекторы не знали какъ назвать—это архитектура армяно-грузинская. По ея причудливымъ образцамъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный построилъ въ Москвѣ извѣстный всакому соборъ Василя Блаженнаго. Не хотѣлось намъ скоро оторваться отъ почтенныхъ руинъ, восходящихъ почти до VII вѣка. Благородный патріотъ Шахатуновъ сѣтовалъ тутъ о прошломъ величій своего племени, какъ нѣкогда на развалинахъ Іерусалима рыдалъ пророкъ Іеремія. Церкви подобныя

анійскимъ видѣлъ я въ Дара-чачакѣ и его окрестныхъ селеніяхъ. О возстановленіи ихъ я говорилъ патриарху; но онъ отозвался о бѣдности церковной кассы, вслѣдствіе дурнаго хозяйничанья тифлисскаго архіепископа Карабета. Этотъ толстякъ отдалъ въ наемъ подъ танцевальное собраніе домъ, построенный для семинаріи, а учениковъ размѣстилъ гдѣ-то въ захолустьи. Богатый Карабетъ имѣлъ поддержку въ министерствѣ противъ взыскательнаго патриарха; но патриархъ таки его устранилъ отъ должности. Снова изъ Эчмиадзина, переправясь въ бродъ черезъ Арансъ, я пустился къ подошвѣ Арарата. Во имя уважаемаго всѣми „Сардара“ (намѣстника), разбойныя курды принимали меня гостепріимно. Горсть серебряныхъ пятаконъ, данная красивымъ дѣтямъ курдовъ, приобрѣтала большую благосклонность, чѣмъ горсть „манэты“ (рублей). Пятачки шли на косы, пояса дѣвушекъ. Отъ одного вочевья до другаго старшины, или ихъ дѣти съ санджакомъ (вопьемъ съ большою круглою кистью) провожали меня, развлекая дорогою джигитовкою. И тутъ пятачки играли роль. Жары, особенно лишенія всякаго рода (невесело было видѣть, а тѣмъ болѣе ѣсть шашлыкъ, приготовленный неумытыми руками, и на огнѣ, поддуваемомъ полою, съ которой сыпалось съ трескомъ въ пламя что-то сомнительное), комары, москиты, все ползающее и прыгающее, скорпіоны, сороконожки, изнурительныя деревянныя сѣдла, паденье съ конемъ на высотѣ Алагеза, побудили меня направить путь въ Тифлисъ. Отдохнувъ дней 6 и давъ въ порученіяхъ отчетъ Нерсесу, 2-го іюля я пустился въ Кахетію. Послѣ довольно скучнаго и утомительнаго переѣзда на Гамборы, по гористымъ мѣстамъ, у станціи Нувріаны (2,844 ф.) я спустился къ Алазаньской долинѣ, вблизи городка Сигнаха, незначительнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Я посѣтилъ неподалеку находящееся сел. Караагачъ, гдѣ покоится просвѣтительница христіанствомъ всей Грузіи св. Нина, жившая въ IV вѣкѣ. Ничего древняго здѣсь не нашель. Отъ Сигнаха до городка Телавъ мѣстность живописнѣйшая. Вся Кахетія здѣсь представляетъ непрерывную ленту садовъ, виноградниковъ, а въ гущѣ ихъ разбросанныя частыя селенія.

Великолѣпнъ южный берегъ Крыма, но Кахетія громадиѣ и изящнѣе, а видъ на Алазаньскую долину и на противоположный горный хребетъ не поддается описанію. Телавъ по причинѣ

своей возвышенности (2,232 ф.) здоровъ и имѣтъ превосходную воду. Вода на Кавказѣ составляетъ важное жизненное условіе: есть много рѣчекъ и ручьевъ, а также колодезь; но они большею частію содержатъ различные ингредиенты, которые не всегда благоприятны желудку человѣка. Въ городѣ удѣляла небольшая каменная вѣрпость съ небольшимъ дворцомъ послѣдняго грузинскаго царя Ираклія XIII. Спустясь въ Алазанскую долину, я посѣтилъ Алавердскій храмъ, отличающійся, кажется, предъ всѣми грузинскими церквами, огромностью. Форма и расположеніе, какъ у всѣхъ, одинаковыя. Сюда ежегодно 13 сентября стекаются съ горъ, наканунѣ праздника Воздвиженія Креста, разныя горскія племена и между ними свирѣпые дидойцы и лезгины, для совмѣстнаго празднованія съ кахетинцами. Главный праздникъ заключается въ общей вечерѣ (древней агапи), гдѣ ѣда и питье на переднемъ планѣ. Ужинъ послѣ всеобщей; по обѣдѣ и послѣ обѣда все развѣзжается. Тутъ же имѣтъ мѣсто сельская развѣнная ярмарка. Обѣхалъ также другіе сосѣдніе монастыри: Икальтъ и проч. Посѣтилъ, за рѣкою Алазанью, Кварель и Марань, владѣніе кн. Чавчавадзе, примѣчательныя по производству славящагося по Кавказу кахетинскаго вина. Способъ сохраненія вина замѣчательнъ. Вино сливается въ круглыя кувшины, вмѣщающіе до 100 ведеръ и болѣе; покрывъ ихъ плотно крышею, зарываютъ въ землю на много лѣтъ. Въ семейныя празднества марань вскрываютъ и долгомъ поставляютъ выпить до дна. Нигдѣ я не видѣлъ, чтобы пили такъ много, какъ на Кавказѣ; армяне и грузины борются за пальму первенства. Я не радъ былъ, что пустился по подошвѣ горъ Алазаньской долины: свертнѣйшія дороги, усѣянныя камнями, ручьями быстрыми, носящими въ окончаніи названія непременно „чай“ (вода), опасеніе отъ набѣговъ лезгинскихъ, лишенія всякаго рода, отняли цѣну прелести видовъ. Мимо Лагодехъ, Закаталъ, добрался я до Нухи, живописной по виду, но дряннѣйшей во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Ко всему этому прибавивъ возможность легко получить злую лихорадку, я прихожу къ убѣжденію, что пребываніе здѣсь было для меня самое скучное. Холера къ тому же по дорогѣ дѣлала опустошенія. Народъ умиралъ скорѣе отъ страха.

Своротивъ на Ахкбурскую станцію, я выѣхалъ на почтовый трактъ и имъ съ трудомъ пополамъ, все-таки вслѣдствіе всюду

распространившейся холеры, прибылъ въ Тифлисъ. Недѣля отдыха возстановила мои силы и возбудила рвеніе все видѣть. Я началъ уже собираться далѣе, проникнуть до береговъ Каспійскаго моря, видѣть „вѣчные огни“ въ Баку, стѣну Дербентскую и мѣсто переходенія древнихъ народовъ изъ глубины древней Азіи въ Европу; но хладнокровно-благоразумные совѣты Ю. А. Гагемейстера охладили пламень туриста. Князь Воронцовъ въ это время осаждалъ Салты и, слыша о томъ, что я былъ въ Нухѣ, поджидалъ, что я къ нему явлюсь въ лагерь; я же, сообразивъ всѣ неудобства и опасности (отъ холеры и горскихъ набѣговъ), благоразумно рѣшилъ, что добροхотному страннику пора и домой. Оставивъ въ канцеляріи намѣстника большую тетрадь моихъ замѣчаній, для передачи „въ собственныя руки“ намѣстника, проведя свободное время подъ гостепримнымъ кровомъ А. А. Борзенко и простившись съ прекраснымъ старцемъ Нерсесомъ, я сталъ укладываться. Посланный отъ патріарха синодальный прокуроръ, сверстникъ университетскій, Мирзаянъ, сообщилъ мнѣ непремѣнное желаніе патріарха раздѣлить съ нимъ прощальную трапезу. И до сего я очень часто обѣдалъ (въ 12 часовъ дня), но въ этотъ разъ скромному обѣду былъ приданъ торжественный характеръ. Постоянные сотрапезники: два архіепископа, одинъ епископъ, три архимандрита и прокуроръ ждали моего прихода. Обѣдъ простой кончился блюдомъ пилава. Нерсесь и всѣ въ молчаніи скушали пилавъ; значеніе этого прекраснаго блюда было изъяснено патріархомъ такъ: „все было (т. е. разныя кушанья), а пилава не было — ничего не было; ничего не было (изъ кушаній), а пилавъ былъ—все было!“ т. е. все, что могло выказать усердіе хозяина къ любимому гостю... Послѣ поданнаго кофе и рукоумыванья, когда всѣ прочіе разошлись по кельямъ, Нерсесь разсказалъ свое представленіе и разговоръ въ С.-Петербургѣ въ 1843 г. съ императоромъ Николаемъ: когда Нерсесь сталъ высказывать скорбь свою о невинномъ оклеветаніи его генераломъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, то государь отвѣчалъ: „жалъ, что въ этомъ недоразумѣніи прошло такъ много времени. Я виноватъ!“ Добрый старецъ проводилъ меня до воротъ своего монастыря (Ванкъ) и тутъ снова простился, навсегда. Въ августѣ я пустился въ путь къ Одессѣ чрезъ военно-грузинскую дорогу. Значительная часть пути заклю-

чалась, съ самаго Тифлиса, въ подъемѣ все на гору. Такъ, отъ Гартискарской станціи (1,612 ф.) у ничтожнаго городка Душета, высота была уже въ 3,140 футъ, у Пасанаура 3,445 ф., а у Кайшаура, совершенно глухаго мѣста, 5,888 ф. Здѣсь почти на половинѣ станціи перевалъ съ одной стороны горъ на другую. Узенькая дорога поднимается до поставленнаго генераломъ Ермоловымъ каменнаго креста (отчего и зовется „Крестовою горою“); перевалъ имѣетъ 7,957 ф., а господствующая надъ нимъ Гудьгора 8,030 ф. Съ нея-то падаютъ, періодически, страшные и губительные снѣжные завалы, засыпающіе дорогу и проѣзжихъ. Тяжкая здѣсь жизнь бѣдныхъ осетинцевъ, обитающихъ въ горныхъ ущельяхъ и склонахъ; они буквально въ библейскомъ смыслѣ: „въ потѣ лица снѣдаютъ хлѣбъ свой“. Осетины, по моему мнѣнію, тождественны оссамъ или (по Карамзину) аламанамъ. Меня поразила бѣлая валеная войлочная шляпа осетиновъ: ее видалъ я на старыхъ нашихъ лѣтописныхъ спискахъ и хронографахъ. Въ урочищѣ Байдары, по недавнему снѣжному обвалу, какъ по мосту, я сталъ спускаться ниже и ниже. Однако, у селенія Коби высота все-таки обозначалась 6,455 ф., но у Казбека уменьшилась до 6,362 ф. Селеніе Казбекъ ничтожно, но замѣчательна особенно здѣшняя маленькая изящной формы церковь, поражающая глаза причудливо изящною архитектурою. Никогда не изгладится изъ памяти ночь, проведенная мною въ Казбекѣ: полная луна ярко освѣщала гордый Казбекъ (16,553 ф.), отражавшійся отчетливо и рѣзко на голубомъ небосклонѣ. Глубокая ночная тишь нарушалась ревомъ неудержимаго и необузданнаго Терека, да рѣдкими окликами часоваго, стоящаго у пушки, принадлежащей здѣшнему дорожному отряду. Хорошъ Алагезъ, величавъ Араратъ, но величественнѣе ихъ Казбекъ. Дарьяльское ущелье (3,700 ф.), послѣ Ларскаго и особенно Дилижанскаго, меня не поразило: оно болѣе голо, высоко, недостигаемо и потому скучно, уныло. Здѣшній мостъ на Терекѣ задача инженерамъ: все строить и все обваливается или уносится рѣкою, ничего не терпящую надъ собою. Дорога въ Ларсу (3,300 ф.) непрочна, хотя смѣло проложена по каменистой окраинѣ Терека. Много усилій и трудовъ поглотила военно-грузинская дорога, но еще болѣе денегъ. Говорятъ, что если устлатъ всю эту дорогу серебряными рублями, то и тогда еще не составитъ той суммы,

которая убита или, лучше сказать, показана на ея проложеніе. Въ Ларсѣ съ грустью я простился съ кавказскими горами. Долго, долго я не могъ оторвать своихъ глазъ отъ чарующей синевы горъ. Тутъ я понялъ тоску горцевъ, которую они страдаютъ по своей неприхотливой, но чудесной родинѣ. Въ Владикавказѣ, а по мѣстному—Капваѣ, видна лучше панорама Кавказскаго хребта. Въ бытность мою въ городѣ всѣ приуныли, по случаю всегубительной холеры. Самые закаленные въ бояхъ солдаты холеры боялись сильно. Въ прошломъ году пространство по обѣ стороны Терека до Екатеринодара было полемъ нашествія Шамиля, прорвавшагося въ Кабарду по недалновидности и безопасности начальника Нальчикскаго отряда князя В. С. Голицына, игрока, обжоры и пустѣйшаго человѣка. И въ этотъ годъ проѣздъ отъ Владикавказа до Екатеринограда считался не безопаснымъ. Отряды въ нѣсколько ротъ, съ пушками, были разбросаны по станицамъ. Впрочемъ, я проѣхалъ покойно, основывая свою увѣренность на томъ, что горцы холеры боятся больше, чѣмъ русскихъ, поелику они совершенно безпомощны въ медицинскомъ отношеніи.

На минаретскомъ кордонѣ, такъ названномъ по уцѣлѣвшему минарету отъ прежней мусульманской селитьбы, я взомель на галерею минарета и съ вершины его обозрѣлъ прелестную терекскую долину. Екатериноградъ, кромѣ громкаго имени Екатерины II и такъ называемыхъ дрянныхъ „тріумфальныхъ воротъ“, сооруженныхъ племянникомъ свѣтлѣйшаго Потемкина, тоже Потемкинымъ, въ свое время мотомъ и острякомъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ Георгіевскѣ—кромѣ указаннаго владычица „коллежскихъ ассесоровъ“, тоже ничего особаго не примѣтилъ, кромѣ его лихорадочной мѣстности по р. Кумѣ. Отсюда быстрые кони въ нѣсколько часовъ домчали меня до Пятигорска. Это хорошо застроенный городъ, имѣеть всѣ удобства: большую гостинницу съ хорошимъ столомъ, бульваръ и обратныя минеральныя бани. Въ это время, по распоряженію намѣстника, на всѣхъ минеральныхъ водахъ; Эссентукахъ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ, дѣлались значительныя улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ. Видя все это и радуясь, я тѣмъ не менѣе невольно спрашивалъ себя: все это удобно, хорошо, недорого; но чтобы этимъ воспользоваться, необходимо пролетѣть простран-

ство въ сотни верстъ, изобилующее однѣми свернѣйшими станціями въ одну, много въ двѣ комнаты; какъ пріютиться въ нихъ больнымъ, гдѣ взять сѣстное и гдѣ найти лечебную помощь, въ случаѣ усилившейся болѣзни? Не лучше ли было бы прежде заселить дорогу, водворить на мѣстѣ промыслы и тогда кавказскія цѣлебныя воды могли бы легко состязаться съ европейскими? Изъ Пятигорска я проѣхалъ къ Бештау (4,585 ф.), а оттуда свернулъ на дорогу къ Кисловодску, мимо Ессентуковъ. Воздухъ въ Кисловодскѣ необыкновенно легокъ и здоровъ. Нарзановскую воду отвѣдалъ изъ любопытства: она пріятна своимъ букетомъ, газомъ, но безъ надобности и неумѣренно употреблять ее опасно и даже смертоносно, особенно полнокровнымъ. Три дня прошли въ осмотрѣ новыхъ построекъ и улучшеній для больныхъ. Въ горныхъ скалахъ меня подивили замѣчательные оттиски папоротника и разныхъ другихъ растений. Желѣзноводскъ расположенъ среди густой лѣсной чащи мелкорослаго лѣса, глухъ и мраченъ. Отсюда отважно я пустился прямо на Александровскую станцію, чрезъ поля и степи кабардинцевъ. Удамой ямщикъ увѣрилъ меня, что проѣдетъ благополучно, и, дѣйствительно, проѣхалъ: только около двухъ ауловъ онъ снялъ воловчичей и взялъ въ сторону, въ ожиданіи сумерекъ. Конвоя, по открытымъ мѣстамъ, я не бралъ нигдѣ, да онъ и бесполезенъ: какъ бы онъ ни былъ многолюденъ, все же непріятелей нашлось бы больше. Вотъ почему я постоянно бралъ туземныхъ проводниковъ отъ мѣста до мѣста. Горсть блестящихъ пятаконъ, всыпанная въ руку отца семейства или ребенка, умягчали сердце сребролюбиваго диваря и дѣлали его, сверхъ обычнаго гостепрѣимства, во всемъ предупредительнымъ. Въ Ставрополѣ я познакомился съ командиромъ войскъ Кавказской линіи и Черноморья, Николасемъ Степановичемъ Завадовскимъ. Запорожскій казакъ, дослужившійся до чина генералъ-лейтенанта и этого мѣста, былъ хитеръ и любостыжателенъ, какъ истый запорожецъ. Онъ такъ мнѣ обрисовалъ распорядительность налчикскаго военачальника, князя В. С. Голицына, въ набѣгъ Шамиля въ прошломъ апрѣлѣ: „Летучки (казачьи кордоны) то и дило везуть цидулы, що Шамиль съ сылою ломытца въ Кабарду; а князь (Голицынъ) у сѣ шлетъ моей жинки польки, та мазурки. Такий винъ добрій!“

Здѣсь я познакомився съ епископомъ Іеремією, умнымъ и строгимъ монахомъ, но недаленовиднымъ администраторомъ. Онъ, въ порывѣ православнаго усердія, началъ снимать съ старообрядческихъ казачьихъ часовенъ колокола, а они объявили, что если такъ, то готовы оставить селитьбу. Намѣстникъ, однако, велѣлъ колокола повѣсить не на колокольняхъ, а на подставкахъ. Тѣмъ смятеніе кончилось.

За Ставрополемъ открылись значныя степи, а отъ Ново-Александровской станціи потянулись кубанскія укрѣпленныя станицы. Начало имъ положилъ еще Суворовъ. Въ Усть-Лабѣ пробылъ сутки для развѣдки о попадающихся здѣсь древнихъ монетахъ: успѣлъ приобрѣсть только одну элевтровую Савромата IV. Неподалеку отсюда, гдѣ-то, есауломъ Пуленцовымъ, искателемъ клада, было отыскано болѣе 70 штукъ золотыхъ монетъ пантикапейскихъ и визивскихъ статеровъ. Большая часть раскрадена рабочими, а часть разошлась по рукамъ: двѣ монеты пантикапейскія (чрезвычайно рѣдкія) и два статира успѣлъ выхлопотать у князя для музея общества. Въ Екатеринодарѣ, грязномъ по уши городѣ, примѣчательнъ деревянный соборъ, построенный запорожцами весьма причудливо; въ немъ хранятся: образъ св. Николая, принадлежавшій „Черноморской флотилии“, и нѣсколько запорожскихъ войсковыхъ знаменъ. У наказнаго атамана, Рашиля, я нашель портреты Скальковскаго, наводнившаго ими Черноморье. „Новороссійскій Геродотъ“, такъ прозвалъ его Надеждинъ, изобразивъ свою персону, окружилъ ее надписью: „А. А. Скальковскій славнаго войска Запорож. Низов. лѣтописецъ“, съ facsimile подписи „рукою властною“. Портреты авторъ самъ прислалъ г. Рашилю: странный способъ упрочивать свое имя.

Желая видѣть станцію Копыльскую, гдѣ предполагалъ найти слѣды генуэзской факторіи „Шора — Копы“, я не послушалъ благоразумнаго совѣта каракубанскаго станціоннаго смотрителя не ѣхать въ сумерки и за то въ потемкахъ едва не погибъ въ мутной Кубани, подмывающей свои крутые берега. Въ Копылѣ, однако, ничего не отыскалъ. Можетъ быть, отъ того, что вся мѣстность густо поросла непроницаемымъ камышемъ. Казачій приютъ этотъ служить и исправительнымъ мѣстомъ для гулякъ казаковъ. Болота непроходимыя, опасеніе нечаянныхъ нападений



отъ за-кубанцевъ, неотвратимыя мученія отъ блохъ и комаровъ—хоть кого приведуть въ чувство. Съ Андреевскою станціею кончается опасный путь отъ нападенія за-кубанцевъ. Совершивъ такую путину, среди зноя, губительной холеры, мученія отъ разнообразныхъ насѣкомыхъ, испытавъ изнурительныя переѣзды верхомъ, сопровождавшіеся паденьемъ съ конемъ въ горахъ, я, не смотря на все это, прибылъ къ своимъ ларамъ и пенатамъ совершенно свѣжимъ, бодрымъ и здоровымъ.

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

## Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

Матеріалы къ его біографіи.

Предложеніе объ избраніи С. И. Заруднаго въ почетные члены Моск. Юридическаго Общества.

Въ 1843 году возникла въ М—вѣ Юстиціи переписка о недостаткахъ нашего гражданскаго судопроизводства и о нѣкоторыхъ, въ сущности не очень важныхъ, исправленіяхъ нашихъ старыхъ законовъ. Въ то время С. И. Зарудный былъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ Департаментѣ Министерства Юстиціи и переписка эта шла черезъ его руки.

Вообще формулярный списокъ С. И. Заруднаго не великъ. Онъ былъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ Д-тѣ М. Ю., потомъ столоначальникомъ, затѣмъ юрисконсультъ консультаціи, при М. Ю. учрежденной. Потомъ дѣлопроизводителемъ особой комиссіи, занимавшейся въ Николаевѣ, въ Одессѣ, въ Симферополѣ, въ Севастополѣ, въ Ялтѣ, въ Херсонѣ, Елизаветградѣ, въ Харьковѣ и Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ кн. В. И. Васильчикова II, изслѣдованіемъ злоупотребленій Южной и Крымской арміи во время Севастопольской войны 1856 года. Въ 1857 году Зарудный былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Гражд. Деп. Государственнаго Совѣта и докладчикомъ проектовъ Гражд. Судопроизводства по Департаменту Законовъ; въ 1859 г. онъ назначенъ статсъ-секретаремъ Деп. Зак., а въ 1869 году сенаторомъ.

Надобно замѣтить, что С. И. Зарудный вовсе не былъ юристомъ, а окончивъ, въ 1841 году, курсъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ по физико-математическому факультету, пріѣхалъ въ 1842 г. въ Петербургъ для того, чтобы заниматься астрономіей при Пулковской обсерваторіи.

Это желаніе его не сбылось и онъ случайно попалъ въ М—во Юстиціи.

Прослуживши около 5 мѣсяцевъ безъ жалованья, онъ былъ назначенъ, 23-го апрѣля 1843 г., старшимъ помощникомъ столоначальника и на другой-же день сталъ скрѣплять циркуляры министра юстиціи графа В. Н. Панина

предсѣдателямъ уѣздныхъ судовъ и гражданскихъ палатъ, губернаторамъ, прокурорамъ и стряпчимъ уѣздныхъ мѣстъ о доставленіи имъ мнѣній о недостаткахъ нашего гражданского судопроизводства.

Такимъ образомъ со втораго дня штатной службы своей С. И. Зарудный былъ, такъ сказать, прикомандированъ или, выражаясь по русски, приставленъ къ дѣлу о судебномъ преобразованіи въ Россіи.

Это по необходимости составило задачу его служебной жизни.

Мнѣнія требовались для главноуправляющаго II-мъ Отд. Е. И. В. канц. гр. Д. Н. Влудова, на котораго, по его званію, упала тяжелая обязанность издавать новые своды законовъ каждое десятилѣтіе.

Въ то время все вниманіе II-го Отд. было обращено на составленіе уголовного уложенія, которое и удостоилось Высочайшаго утвержденія въ 1845 г.

Между тѣмъ, въ 1842 году вышло 2-е изд. Свода законовъ Россійской Имперіи и недостатки тома X-го этого свода обратили на себя вниманіе гр. Д. Н. Влудова, который тогда-же рѣшился предпринять трудную работу исправленія нашихъ законовъ гражданского судопроизводства и судоустройства.

Главными помощниками у него были въ то время Р. М. Губе и А. М. Плавскій; главными помощниками гр. Панина были В. Д. Философовъ, М. Н. Любоцинскій и Е. П. Старицкій; затѣмъ уже явилось участіе С. И. Заруднаго въ этомъ дѣлѣ, которому онъ и обязанъ былъ посвятить первые 25 лѣтъ своей службы.

Вся его служба до назначенія въ сенаторы была посвящена исключительно дѣлу о судебномъ преобразованіи.

Началась она, какъ уже сказано, скрѣпою циркуляровъ министра юстиціи къ разнымъ чинамъ судебного вѣдомства о доставленіи мнѣній о недостаткахъ гражданского судопроизводства. С. И. Зарудный, оставляя себѣ выписки изъ этихъ мнѣній и даже копіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, отправлялъ самые оригиналы во II-е Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, гдѣ эти мнѣнія, какъ кажется, пропали безслѣдно; но крайней мѣрѣ въ перепискѣ гр. Влудова съ гр. Панинымъ объ этихъ мнѣніяхъ ничего не упоминается.

Эта, возникшая въ 1848 году, переписка имѣла важное вліяніе на исходъ дѣла и разрабатывалась въ третьемъ отдѣленіи Департамента М. Юстиціи. Въ то время начальникомъ отдѣленія былъ М. Н. Любоцинскій, редакторомъ Е. П. Старицкій, а столоначальникомъ С. И. Зарудный. Такимъ образомъ, дѣло это состояло въ вѣдѣніи трехъ лицъ; но вслѣдъ затѣмъ М. Н. Любоцинскаго назначили оберъ-прокуроромъ Прав. Сен., а Е. П. Старицкаго предсѣдателемъ тифлискаго коммерческаго суда, и тогда дѣло осталось въ вѣдѣніи одного С. И. Заруднаго.

Оно окончилось основными положеніями 29-го сентября 1862 г. и судебными уставами 20-го ноября 1864 г.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы суть этой работы принадлежала Зарудному: надобно помнить, что въ это время членами Гос. Сов. были такіе люди, какъ бар. М. А. Корфъ, гр. Д. Н. Влудовъ, Н. И. Бахтинъ, К. В. Чевкинъ, гр. В. Н. Панинъ, Д. А. Милютинъ и др. замѣчательные люди, которые никогда не боялись говорить Государю, что они съ нимъ несогласны. Кромѣ того въ комиссіи по составленію уставовъ участвовали такіе люди, какъ Буцковскій, П. А. Зубовъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Плавскій, Д. А. Ровинскій, Матюнинъ, Книринъ, Н. И. Стояновскій, Гольдгоеръ, М. Е. Ковалевскій, Н. В. Калачевъ и многіе другіе.

Но трудно не придти къ заключенію, что все же судебное преобразование 1864 года было только послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія.

«Собственно говоря, мысль о необходимости у насъ судебного преобразованія, возникшая еще съ знаменитаго наказа 1747 г., возобновлялась неоднократно въ царствованіе Имп. Александра I-го и выразилась, между прочимъ, въ блистательной резолюціи Государя Николая Павловича по дѣлу о долгахъ Баташова въ 1848 году. Эту резолюцію можно даже принять не столько за основаніе, сколько за поводъ къ возбужденію послѣдняго дѣла о судебной реформѣ; но убѣжденіе въ неотлагательной и настоятельной потребности преобразовать наши суды явилась вслѣдствіе изданія положеній 19-го февраля 1861 г. Только эти положенія обратили вниманіе русскихъ сановниковъ на значеніе суда въ государствѣ и члены Госуд. Сов. сдѣлались сейчасъ-же гораздо либеральнѣе С. И. Заруднаго. Они отстаивали и безусловное словесное производство и уравненіе правъ казны въ гражданскихъ дѣлахъ съ частными лицами и другія либеральныя начала, противъ коихъ тогда возставалъ съ особеннымъ азартомъ С. И. Зарудный, оставаясь въ рядахъ отсталыхъ консерваторовъ.

«Большинство комиссіи было согласно съ его мнѣніемъ, но члены Гос. Сов. прикнули къ мнѣнію меньшинства и утвердили уставъ на чисто либеральныхъ, по ихъ мнѣнію, началахъ.

«Въ этомъ отношеніи весьма важно вѣяніе времени; отъ него все зависитъ.

«Трудно понять почему развиваются извѣстныя воззрѣнія и представляются не только правильными, но даже необходимыми въ государственномъ устройствѣ, между тѣмъ какъ за нѣсколько дней до того тѣ-же воззрѣнія считались вредными и даже губительными для государственнаго распорядка».

«Судебные уставы 20-го ноября 1864 года служатъ доказательствомъ этой великой научной истины (афоризма).

«При крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики. Надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не поко-

ряться; но въ нихъ рукахъ сосредоточивалась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Они были судьями народа; они-же были и исполнителями своихъ рѣшеній. Отъ помѣщика зависѣли всѣ его отношенія и къ крестьянамъ, и къ землѣ, и къ ея живымъ-урочищамъ и всякимъ угодьямъ; и барщина, и жизнь, и смерть крестьянина; убить помѣщика своего крестьянина—объ этомъ и не узнать, а если, пожалуй, и узнаютъ, то все-же судъ оправдаетъ помѣщика и будетъ оправдывать его, въ подобныхъ случаяхъ, до того времени, пока сами крестьяне не наложатъ руку на своего барина и не убьютъ его, а тогда ихъ тотчасъ-же отправятъ въ каторжныя работы. У насъ это водилось искони; нынче эту крестьянскую расправу называютъ судомъ Линча. Этотъ американскій самосуд доказываетъ, что сама природа требуетъ быстрого вознагражденія за совершенныя злодѣянія.

«Положенія 19-го февраля 1861 г. прекратили эти завзятые распорядки. Тогда и высшіе наши сановники сознали, что наступило время, когда и для Россіи, также точно, какъ и для всякаго порядочнаго государства, явилась безотлагательная надобность въ судѣ скоромъ и справедливомъ.

«Вотъ задача судебныхъ уставовъ 1864 г. Она возникла, она задалась, такъ сказать, сама собою, вслѣдствіе совершившихся, по волѣ Самодержца Всероссийскаго, событій.

«Необходимо проникнуться этой мыслью. Если-бы въ 1861 году не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ не были-бы 20-го ноября 1864 г. утверждены наши судебныя уставы: это совершенно понятно. Жизнь идетъ своимъ путемъ. Сначала у насъ были рабы, подлые люди. По волѣ Провидѣнія они сдѣлались простыми людьми, но и простые люди не ангелы, потому-то и имъ нуженъ судъ скорый и необходимый.

«Судъ—это необходимое доказательство несовершенства человѣческой природы, это отраженіе всякой людской неправды, тѣмъ болѣе оскорбляющее людей, чѣмъ ближе оно подходитъ къ истинѣ.

«Это ужасно! но что дѣлать? люди всегда останутся людьми и никогда не сдѣлаются ангелами».

Графъ Д. Н. Блудовъ, руководившій долготѣ работами по усовершенствованію гражданскаго судопроизводства съ свойственнымъ ему желаніемъ сдѣлать что-нибудь полезное для своего отечества, уже устарѣлъ и не могъ исполнить своего желанія. Человѣкъ въ высшей степени способный и благонамѣренный, въ послѣдніе годы своей жизни онъ не могъ работать какъ прежде,—природа важнѣе человѣка—она налагаетъ свою печать на судьбу человѣческой жизни.

Графъ Д. Н. Блудовъ долженъ былъ каждое лѣто отдыхать отъ своихъ зимнихъ трудовъ, и по особеннымъ обстоятельствамъ его замѣнялъ въ Госуд.

Сов. князь П. П. Гагаринъ—человѣкъ очень энергичный и тоже стремившійся скорѣе къ улучшенію, чѣмъ къ ухудшенію нашего благосостоянія.

Вотъ почему гр. Блудовъ удалился отъ этого гигантскаго подвига, требовавшаго большаго напряженія силъ для полнаго очищенія всей грязи, накопившейся въ нашихъ старыхъ судахъ. Въ 1863 г. онъ умеръ. Во главѣ дѣлъ стали госуд. секретарь В. П. Бутковъ и предсѣдатель Гос. Сов. князь П. П. Гагаринъ. Ихъ окружалъ не большой, но могучій кружокъ молодыхъ юристовъ, хорошо знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ юридической науки и воодушевленныхъ страстнымъ желаніемъ приобщить свое отечество ко благамъ европейской цивилизаціи.

Въ числѣ ихъ былъ и статсъ-секретарь Госуд. Совѣта С. И. Зарудный. Теперь онъ съ товарищами получилъ возможность дать надлежащій смыслъ и развитіе своимъ мыслямъ, блѣднымъ эскизамъ, слабымъ намекамъ, робкимъ нововведеніямъ.

По ходатайству кн. П. П. Гагарина помянутымъ юристамъ разрѣшено было составить «соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ» и по коимъ должна была быть преобразована судебная часть въ Россіи.

Не имѣя болѣе надобности щадить властное недомысліе одного, невѣжественную истинность другаго, бессильную, по духу времени, вражду къ полезнымъ преобразованіямъ третьяго, означенные юристы впервые и назвали настоящими ихъ именами предположенныя къ водворенію у насъ великія начала европейскаго публичнаго права, необходимость полнаго отдѣленія власти судебной отъ административной, установленія несмѣняемости судей, независимости сословія повѣренныхъ и, наконецъ, предложенъ по инициативѣ Д. А. Ровинскаго, поддержанной покойнымъ Н. А. Вуцковскимъ и С. И. Заруднымъ, судъ присяжныхъ. Словомъ, составлены были знаменитыя основныя положенія 29-го сентября 1862 г., рѣшившія дальнѣйшую участь судебного преобразованія и вызвавшія сочувственный отзывъ лучшихъ русскихъ и даже европейскихъ юристовъ, напримѣръ, Митермайера.

Независимо отъ участія въ общихъ работахъ Госуд. канцеляріи С. И. Зарудный, какъ видно изъ матеріаловъ судебной реформы, въ это время представлялъ и спеціальныя работы, изъ коихъ назовемъ слѣдующія:

1) Общія соображенія о составѣ суда уголовного; 2) о спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англии, Франціи и Италіи; 3) извлеченіе изъ доклада сардинскаго министра юстиціи о преобразованіяхъ гражданскаго судопроизводства въ Италіи 1859 г.; 4) о связи правила объ обязательности явки тяжущихся въ судъ съ монополіею повѣренныхъ; 5) о реформахъ судопроизводства въ Италіи 1862 г.; 6) судебно-статистическія свѣдѣнія по Харьковской губ.; 7) законы о доказательствахъ по франц. гражданскому уставу;

8) материалы для разработки вопроса объ охранительномъ порядкѣ производства и, наконецъ, 9—10) переводы устава гражданск. суда Сардиніи 1854 г. и Венгріи 1852 г. и 11) судопроизводство Піемонта 1859 г.

По утвержденіи основныѣ началъ 1862 года была образована извѣстная коммиссія.

Предсѣдателемъ гражданского ея отдѣленія былъ назначенъ С. И. Зарудный, проводившій впоследствии съ помощью предсѣдателя уголовного отдѣленія Н. А. Буцковскаго и предсѣдателя отдѣленія судоустройства А. М. Плавскаго и въ Госуд. Совѣтѣ нынѣ дѣйствующіе «Судебные уставы Александра II-го».

Въ дальнѣйшихъ законодательныхъ работахъ по введенію судебныхъ уставовъ съ дѣйствіемъ Зарудный, по должности статсъ-секретаря Гос. Сов., принималъ дѣятельное участіе.

По инициативѣ С. И. Заруднаго и въ силу его постоянныхъ работъ и пререканій съ могущественными людьми сего міра, было выпущено въ свѣтъ извѣстное изданіе «Судебныхъ уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на конкхъ они основаны».

Эти впервые явившіеся достояніемъ публики законодательные мотивы, окруженные дотолѣ непроницаемымъ мракомъ канцелярской тайны, составляютъ въ его глазахъ положительную его заслугу. Такъ онъ самъ объ этомъ выражался. Нужно-же было когда-нибудь освѣтить все хорошее, остававшееся до того времени во тьмѣ. Имъ-же разсортированъ въ 74 томахъ громадный матеріалъ судебной реформы и составлена ему опись.

Съ 1-го января 1869 года С. И. Зарудный былъ назначенъ сенаторомъ сначала 2-го департамента, потомъ 4-го и затѣмъ межеваго.

Изъ литературныхъ трудовъ С. И. Заруднаго отиѣтитъ: 1) Гражданское уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы; 2) Торговое уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе торговые законы; 3) Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ и русское законодательство.

Примѣчаніе. Записка эта была въ свое время сообщена сенатору С. И. Зарудному, имъ просмотрѣна и исправлена и затѣмъ возвращена съ подписью его: „Съ подлиннымъ вѣрно: Сергій Зарудный“.

Сообщ. Г. А. Джаншиевъ.

## САМАРКАНДЪ въ 1868 г.

Изъ воспоминаній художника В. В. Верещагина.

### I.

Всѣ мы, «завоеватели» Самарканда, слѣдомъ за генераломъ Кауфманомъ, расположились во дворцѣ эмира; генераль—въ главномъ помѣщеніи, состоявшемъ изъ немногихъ, но очень высокихъ и просторныхъ комнатъ, а мы, штабъ его,—въ сакляхъ окружающихъ дворовъ, при чемъ пріятелю моему, генералу Головачеву, пришлось занять бывшее помѣщеніе гарема эмира, о которомъ тучный, но храбрый воинъ могъ, впрочемъ, только мечтать, такъ какъ всѣ шташки успѣли, разумѣется, до нашего прихода улетѣть изъ клѣтокъ.

Комнаты генерала Кауфмана и нашъ дворикъ сообщались съ знаменитымъ троннымъ заломъ Тамерлана, дворомъ, обнесеннымъ высокою прокладною галлереею, въ глубинѣ которой стоялъ и самый тронъ Кокъ-ташъ, большой кусокъ бѣлаго мрамора, съ прекраснымъ рельефнымъ орнаментомъ. Сюда, на этотъ дворъ, стекались государи и послы всей Азіи и части Европы для поклона, завѣреній въ покорности и принесенія даровъ; на этомъ камнѣ-тронѣ возсѣдая, принималъ своихъ многочисленныхъ вассаловъ Тимуръ-Лянчъ (въ буквальномъ переводѣ—Хромое желѣзо). Часто я хаживалъ по этой галлерей съ генераломъ Кауфманомъ, толкуя о мѣстахъ, нами теперь занимаемыхъ, о путешественникахъ, ихъ посѣтившихъ, о книгахъ ихъ и т. п. Мы дивились невѣрностямъ, встрѣчающимся у извѣстнаго Вамбери, утверждающаго, наприимѣръ, что тронъ Кокъ-ташъ, дѣйствительно, зеленый, что за трономъ надпись на желѣзной доскѣ, тогда какъ тронъ бѣлый или, вѣрнѣе, сѣроватый, надпись на камнѣ и т. п. Генераль Кауфманъ, въ виду такихъ вопіющихъ несообразностей, выражалъ предположеніе, что Вамбери просто не былъ въ Самаркандѣ.



Я ежедневно ѣздилъ въ городъ и за городъ, осматривалъ мечети, базаръ, училища, особенно старыя мечети, между которыми удѣлѣно еще не мало чудныхъ образцовъ; матерьяла для изученія и рисованья было столько, что буквально трудно было рѣшиться за что ранѣе приняться: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи, все было ново, оригинально, интересно.

Были слухи, что бухарскій эмиръ собирается отвоевать городъ и съ арміею въ 30 — 40 тысячъ двигается на насъ. Кауфманъ собирався выступить противъ него, а покажѣсть послалъ отряды по сторонамъ, чтобы успокоить и обезопасить населеніе окрестностей новозавоеваннаго города, — города, прославленнаго древними и новыми поэтами востока, пышнаго, несравненнаго, божественнаго Самарканда, каковыя метафоры, разумѣется, надобно понимать относительно, потому что Самаркандъ, подобно всѣмъ азіатскимъ городамъ, порядочно грязенъ и вонючъ.

Генералъ Головачевъ ходилъ занимать крѣпость Каты-Курганъ; я сдѣлалъ съ нимъ этотъ маленькій походъ, въ надеждѣ увидѣть хотя теперь битву вблизи, но кромѣ пыли ничего не увидѣлъ — крѣпость сдалась безъ боя, къ великому огорченію офицеровъ отряда. Начальникъ кавалеріи Штрандманъ такъ разсердился на мирный оборотъ дѣла, что просилъ генерала передать ему послось, пришедшихъ съ извѣстіемъ о сдачѣ крѣпости и изъявленія покорности, для внушенія имъ храбрости. Дѣло, котораго такъ пламенно желалъ отрядъ, ускользнуло изъ рукъ, а съ нимъ и награды, отличія, повышенія — грустно!

Мы не мало смѣялись надъ способомъ, которымъ помянутый начальникъ кавалеріи раздобылъ мяса для своихъ казаковъ. Такъ какъ жители угнали весь скотъ со всѣхъ мѣстъ нашего пути и ничего нельзя было достать, то полковникъ рѣшился на энергическое средство; призвалъ вахмистра.

— «Отчего наши быки такъ далеко пасутся?»

Тотъ ошалѣлъ. — Какіе быки, ваше высокоблагородіе?

— «Наши быки, я тебѣ говорю, развѣ не видишь?» и онъ указалъ на быковъ, пасшихся на разстилавшейся передъ нами богатѣйшей Зарявшанской долины».

— Никакъ вѣтъ!..

— «Не разговаривать! сейчасъ пригнать ихъ сюда».

Нѣсколько быковъ были пригнаны къ отряду и съѣдены такъ быстро и чисто, что когда жители явились къ генералу жаловаться, нельзя было отыскать ни костей, ни шкуръ. Генералъ понялъ фокусъ казаковъ и заплатилъ.

Пистолькорсъ, бравый кавказскій офицеръ, посланъ былъ съ отрядомъ поколотить массы узбекскаго войска Шахрисябза и Китаба, придвигавшихся съ юго-восточной стороны. Побить-то онъ ихъ побилъ и по праву всѣхъ побѣдителей даже ночевалъ на полѣ битвы, но когда двинулся назадъ, непріятель снова наслѣлъ на него и, какъ говорится, на его плечахъ подошелъ къ Самарканду. Генералъ Кауфманъ и мы за нимъ выѣхали на встрѣчу возвращавшемуся отряду, но уже въ предмѣстьи города насъ встрѣтили выстрѣлами, а въ окружающихъ садахъ завязалась такая живая перестрѣлка, что пришлось часть бывшихъ съ нами казаковъ тутъ же послать въ атаку, чтобы отвлечь опасность отъ самого командующаго войсками; мы съ нѣкоторымъ конфузомъ воротились. Многие изъ офицеровъ отряда выражали неудовольствіе на эту побѣду, смахивавшую на отступление, и я слышала, что полковникъ Назаровъ, храбрый офицеръ и большой кутила, громко называвшій послѣднее движеніе къ Самарканду бѣгствомъ, былъ посаженъ Кауфманомъ подъ арестъ съ воспрещеніемъ участвовать въ будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Туземцы ободрились этою какъ бы удачею, въ сущности сводившеюся къ тому, что непріятель, не будучи разбитъ на голову, а только поколоченъ, немедленно же снова собрался и заявилъ о себѣ, какъ это всегда на востокѣ бываетъ. Какъ бы то ни было, стали настоятельно ходить слухи о томъ, что городъ окруженъ непріятелемъ. Мы, молодежь, впрочемъ, были совершенно безъ заботъ; мнѣ и въ голову не приходила мысль какъ о болѣе или менѣе отдаленной опасности для всего отряда, такъ и о немедленной опасности для себя лично. Каждый день я ѣздила съ однимъ казакомъ по базару и по всѣмъ городскимъ переулкамъ и закоулкамъ и только долго спустя повялъ, какой опасности ежедневно и ежечасно подвергался. Еще до выхода командующаго войсками, при проѣздѣ городомъ, невольно бросались въ глаза по улицамъ кружки народа, преимущественно не стараго, жадно слушавшаго проповѣдывавшихъ среди нихъ муллъ; въ день возвращенія отряда Пистолькорса проповѣди эти были особенно оживлены, явно было, что народъ призывался на священную войну съ невѣрными. Когда мнѣ вздумалось разъ, для сокращенія пути къ цитадели, свернуть съ большой базарной дороги увѣнкими кривыми улицами, на одномъ изъ поворотовъ открылся большой дворъ мечети, полный народа, между которымъ ораторствовалъ челоуѣкъ въ красной одеждѣ—очевидно, посланецъ бухарскаго эмира. Въ довершеніе всего я встрѣтилъ моего пріятели, старшаго муллу мечети Ширдари, идущаго по базару и жестами, и голосомъ возбуждавшаго народъ.

— «Здравствуй, мулла!»—сказалъ я ему; онъ очень сконфузился, но вѣжливо отвѣтилъ и волею-неволею передъ всѣми долженъ былъ пожать протянутую ему руку.

Какъ только генералъ Кауфманъ выступилъ изъ города, стали говорить, что жители замышляютъ возстаніе. Но я уже давно съ такимъ полнымъ довѣріемъ вращался между туземцами во всякое время дня и ночи, что самая мысль о томъ, что это можетъ измѣниться, не умѣщалась въ моемъ понятіи. Въ это время я ѣздилъ за городъ, по дорогѣ къ Шахъ-Зинде, такъ называемому лѣтнему дворцу Тамерлана, гдѣ писалъ этиодъ одной изъ мечетей съ остатками чудесныхъ изразцовъ, когда-то ее покрывавшихъ.

Мнѣ такъ надоѣли песокъ, пыль и пыль, которые я видѣлъ вездѣ вмѣсто сраженій, что я рѣшилъ уѣхать изъ Самарканда, съ первою оказіею, и направиться въ путешествіе по Кокану, почему и распрощался съ генераломъ Кауфманомъ. Однако, на слѣдующій же день по уходѣ его, объявлено было, что оказія не скоро представится, такъ какъ, изъ опасенія окружавшихъ городъ шахрисябцевъ, пришлось бы посылать цѣлый отрядъ прикрытія, а у насъ всего на всего въ крѣпости, для защиты стѣнъ, тянувшихся на 3 версты, было 500 человѣкъ гарнизона.

Еще черезъ день, рано утромъ, забѣжалъ въ каморку, которую я занималъ во дворѣ самаркандскаго дворца, уральскій казакъ, майоръ Сѣровъ, оставленный завѣдывать туземнымъ населеніемъ. Онъ упрямивалъ не ходить болѣе въ городъ, кишачій будто бы вооруженнымъ народомъ, уже открыто враждебнымъ намъ. Шахрисябцы-де подходятъ къ городу, надобно ждать бунта и, вѣроятно, нападенія на цитадель.

— «Бога ради, не выходите за крѣпостную стѣну, уговаривалъ онъ меня; васъ навѣрное убьютъ, вы пропадете безслѣдно, нельзя будетъ и донсаться, кто именно убилъ».

Признаюсь, я все-таки и на этотъ разъ не повѣрилъ существованію опасности и поѣхалъ бы опять въ городъ, если бы не этиодъ съ одного персіанина изъ нашего афганскаго отряда, за который только что наканунѣ принялся.

Предсказанія относительно подхода непріятеля со стороны ханствъ сбылись не далѣе, какъ на слѣдующій же день: выйдя рано утромъ изъ моей сагли, я увидѣлъ все наше крѣпостное начальство съ биноклями и подозрными трубами въ рукахъ.

— «Что такое?»

— А вотъ посмотрите сюда!

И въ бинокль, и безъ бинокля ясно было видно, что вся возвышенность

Чопаль-Ата, господствующая надъ городомъ, покрыта войсками, очевидно, довольно правильно вооруженными, такъ какъ блестяли ружья, составленные въ козлы. По фронту ѣздили конные начальники, разсылались гонцы. Нѣкоторые, изъ бывшихъ въ нашей группѣ офицеровъ выражали увѣренность, что будутъ скоро штурмовать крѣпость, другіе не вѣрили въ возможность этого—я былъ въ числѣ послѣднихъ. Между говорившими были комендантъ крѣпости, майоръ Штемпель, помянутый Сѣровъ, а также оставленный, какъ сказано, въ Самаркандѣ въ наказаніе за злой языкъ, полковникъ Назаровъ, котораго я въ то время вовсе еще не зналъ.

Въ этотъ день я почти кончилъ моего афганца, оставалось дописать ноги, но должно быть этому не суждено было случиться. Къ вечеру я пошелъ, помню, по приглашенію сапера Б., посмотреть, какъ они обрываютъ валъ крѣпостной стѣны, обращенной къ городу. Передъ уходомъ генералъ Кауфманъ поручилъ этому офицеру исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ старая ветхая стѣна, обвалившись, сдѣлала возможнымъ доступъ въ крѣпость, но надобно думать и инженеры не очень-то вѣрили въ возможность серьезной атаки, потому что работали вяло и только въ виду непріятеля, собравшагося на Чопаль-Ата, принялись поживѣе за свою кротовую работу. Спасибо имъ и за то, что хоть самый главный проломъ къ сторонѣ города исправили до начала дѣла: кабы онъ остался—черезъ полчаса вся цитадель могла бы быть занята.

## II.

Только что, на другой день, я сѣлъ пить чай, поданный мнѣ моимъ казакомъ, собираясь идти дописывать своего афганца, какъ раздался страшный безконечный вой: урь! урь! вмѣстѣ съ перестрѣлкой, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Я повялъ серьезность дѣла—штурмуютъ крѣпость!—схватилъ мой револьверъ и бѣгомъ, бѣгомъ по направленію выстрѣловъ, къ бухарскимъ воротамъ. Вижу Сѣровъ, блѣдный, стоитъ у воротъ занимаемаго имъ дома и нервно крутить усь—обыкновенный жестъ этого браваго и бывалаго казака въ затруднительныхъ случаяхъ.

— «Вотъ такъ штука, вотъ такъ штука!»—твердитъ онъ.

— Что развѣ плохо?

— «Покажѣсть еще ничего, что дальше будетъ; у насъ, знаете, всего на всего 500 человекъ гарнизона, а у нихъ, по моимъ свѣдѣніямъ, свыше 20,000».

Я побѣжалъ дальше. Вотъ и бухарскія ворота. На площадѣ надъ ними солдатки, перебѣгая въ дыму, живо перестрѣливаются съ неприятелемъ: я вбѣжалъ туда и, видя малочисленность нашихъ защитниковъ, взявъ ружье отъ перваго убитаго около меня солдата, наполнилъ карманы патронами отъ убитыхъ же и 8 двей оборонялъ крѣпость вмѣстѣ со всѣми военными товарищами и это, кстати сказать, не по какому либо особенному геройству, а просто потому, что гарнизонъ нашъ былъ ужъ очень малочисленъ, такъ что даже всѣ выдворяющіе изъ госпиталя, еще малосильные, было выведены на службу для увеличенія числа штыковъ — тутъ здоровому человѣку оставаться празднымъ грѣшно, немислимо.

При первомъ же натискѣ ворота наскоро заперли, такъ что неприятель отхлынулъ отъ стѣнъ и, засѣвши въ прилежавшихъ къ ней почти вплоть сакляхъ, открылъ по насъ убійственный огонь: ружья у нихъ, очевидно, были дурныя, пули большія, но стрѣльба очень мѣткая, на которую къ тому же отвѣчать успѣшно было трудно, такъ какъ производилась она въ маленькія амбразуры, пробитыя въ сакляхъ. У насъ такихъ амбразуръ не было, приходилось стрѣлять изъ-за полуобвалившихся гребней стѣны, гдѣ люди были болѣе или менѣе на виду и потеря въ нихъ поэтому была порядочная. Вотъ одинъ солдатикъ, ловко выбравшій моменты для стрѣльбы, уложилъ уже на моихъ глазахъ неосторожно показавшагося у сакли узбека, да кромѣ того ухитрился еще влѣпить пулю въ одну изъ амбразуръ, такъ ловко, что, очевидно, повредилъ ружье, а, можетъ быть, и носъ стрѣлявшаго, потому что огонь оттуда на время вовсе прекратился. Очень потѣшаетъ солдатика такая удача, онъ работаетъ съ усмѣшкою, шутить и вдругъ падаетъ, какъ подкошенный: пуля ударила его прямо въ лобъ; его недострѣленные патроны достались мнѣ въ наслѣдство. Другаго пуля ударила въ ребра, онъ выпустилъ изъ рукъ ружье, схватился за грудь и побѣжалъ по площадкѣ въ круговую, крича:

— «Ой, братцы, убили, ой убили! Ой, смерть моя пришла!»

— «Что ты кричишь-то, сердешный, ты лягъ», — говоритъ ему ближній товарищъ, но бѣдякъ ничего уже не слышалъ, онъ описалъ еще кругъ, пошатнулся, упалъ навзничъ, умеръ — и его патроны пошли въ мой запасъ.

Скоро пришелъ майоръ Альбедиль и принялъ команду отъ своего младшаго офицера, осмотрѣлъ занятую неприятелемъ позицію, сдѣлалъ кое-какія распоряженія, но прокомандовалъ недолго: помнится, я говорилъ съ нимъ о чемъ-то, когда онъ вдругъ присѣлъ и сказалъ: «я раненъ». Принявши его на мое плечо, я кликнулъ солдатика

и стащилъ его сначала внизъ, а потомъ и далѣе до перевязки, которая была во дворцѣ эмира, за цѣлую версту отъ воротъ. Альбедиль bravo отдалъ послѣднiя приказанiя, убѣждалъ своихъ смутившихся солдатъ держаться крѣпко, не робѣть и затѣмъ такъ ослабѣ, такъ безпомощно повисъ, что у меня не хватило духа сдать его солдатамъ,—пришлось дотащить до квартиры. Дорогою раненый страшно усталъ, но носилокъ подъ руками не оказалось, пришлось идти.

— «Чувствую, говорилъ онъ, что рана смертельна, не жить мнѣ болѣе!»

Я уговаривалъ, конечно, ободрялъ: рана въ мягкую часть ноги, пройдетъ, заживетъ, еще танцевать будете! И, дѣйствительно, прошла, зажила и Альбедиль даже танцевалъ; но все-таки проказничапуля бухарская надѣлала больше вреда, чѣмъ я полагалъ: не перебила, но задѣла кость и на многiе мѣсяцы, если не на годы, задала страданiй и заботъ.

Сдавши Альбедиль доктору, я побѣжалъ назадъ къ воротамъ, гдѣ перестрѣлка и ревъ снова разгорались. Не доходя немного, влѣво, у поворота стѣны, вижу группу солдатъ: сжавшись въ кучку, они нерѣшительно кричатъ ура! и беспорядочно стрѣляютъ по направленiю гребня стѣнъ, гдѣ показываются поминутно головы атакующихъ.

— «Всѣмъ намъ тутъ помирать», — угрюмо толкуютъ солдаты. «О, Господи, наказалъ за грѣхи! Какъ живые выйдемъ? Спасибо Кауфману, крѣпости не устроилъ, ушелъ, насъ бросилъ»....

Я ободрялъ, какъ могъ: «не стыдно ли такъ унывать, мы отстоимся, неужели дадимся живые?» Очень пугали солдатъ какiя-то огненные массы, въ родѣ греческаго огня, которыя перебрасывали къ намъ черезъ стѣны.

Нѣсколько далѣе подошелъ къ стѣнѣ небольшой отрядецъ солдатъ съ офицеромъ—это былъ помянутый полковникъ Назаровъ, который, въ виду бѣды, стряхнувшейся надъ крѣпостью, благоразумно забылъ о своемъ арестѣ, собралъ въ госпиталѣ всѣхъ слабыхъ своего баталiона, бывшихъ въ состоянiи держать ружье, и явился на самый опасный пунктъ. Къ нему бѣгутъ солдаты совсѣмъ растерянные.

— Ваше высокоблагородiе, врываются, врываются!

— «Не бойся, братцы, я съ вами»,—отвѣтилъ онъ съ такою увѣренностью и спокойствiемъ, что сразу успокоилъ солдатъ, очень было упавшихъ духомъ отъ этихъ непрерывныхъ штурмовъ, сопровождаемыхъ такимъ ревомъ.

Съ этой минуты мы были неразлучны, за все время нашего восьми

дневнаго сидѣнья, хорошо памятнаго въ лѣтописяхъ средне-азіатскихъ военныхъ дѣйствій.

Снова крики урь! урь! урь! все ближе, ближе и надъ нами на стѣнахъ показались нѣсколько головъ изъ числа штурмующихъ, готовившихся, очевидно, сойти въ крѣпость. Солдаты, не ожидая команды, дали залпъ, головы попрыгали и все замолкло, толпа, очевидно, отхлынула отъ стѣнъ, встрѣтивши пули тамъ, гдѣ она надѣялась войти безнаказанно, врасплохъ. Дѣло въ томъ, что къ этому мѣсту, снаружи стѣны, вела тропинка, которую, вмѣстѣ со многими другими, не успѣли обрѣчь, а съ обрушеннаго гребня, по внутренней сторонѣ, тоже спускалась дорожка; жители знали всѣ эти неофициальные входы въ крѣпость и водили по нимъ штурмующихъ.

Пришлось, оставивши здѣсь часть команды, идти въ другую сторону, откуда прибѣжали къ Назарову одинъ за другимъ нѣсколько захваченныхъ блѣдныхъ солдатъ:

— «Тамъ, тамъ врываются, ваше высокоблагородіе!» — кричали они еще издали.

Мы бросились направо отъ воротъ, гдѣ какъ разъ накрыли, въ небольшомъ проломѣ стѣны, нѣсколько дюжихъ загорѣлыхъ узбековъ, работавшихъ надъ разборомъ плохонькаго загражденія изъ небольшихъ деревинъ, — эти не дождались не только штыковъ, но даже и пуль и побѣжали при одномъ нашемъ приближеніи.

Проклятая эта крѣпость, въ три версты окружности, вездѣ обваливалась, вездѣ можно было пройти въ нее, и такъ какъ внутри прилегло къ стѣнамъ безчисленное множество сакль, то вошедшую партію непріятели, даже и малочисленную, стоило бы большаго труда перебить.

И жутко, и смѣшно отчасти вспомнить: только что повернулись отсюда и Николай Николаевичъ Назаровъ сталъ уже поговаривать о томъ, что не худо бы поѣсть борщу, какъ бѣгутъ опять, разыскивая его, съ нашего стараго мѣста:

— «Ваше высокоблагородіе, пожалуйста, наступаютъ».

Мы опять бѣгомъ. Сильный шумъ, но ничего еще нѣтъ, шумъ все увеличивается, слышны уже крики отдѣльныхъ голосовъ, очевидно, они направляются къ пролomu, недалеко отъ насъ; мы перешли туда, притаились у стѣны, ждемъ.

— «Пойдемъ на стѣну, встрѣтимъ ихъ тамъ», — шепчу я Назарову, наскучивъ ожиданіемъ.

— Тссъ! — отвѣчаетъ онъ мнѣ, пусть войдутъ.

Этотъ моментъ послужилъ мнѣ для одной изъ моихъ картинъ. Вотъ крики надъ самыми нашими головами, смѣльчаки показываются

на гребнѣ—грянуло ура! съ нашей стороны и такая пальба открылась, что снова для штыковъ работы не осталось, все отхлынуло отъ пуль.

Эти непрерывныя нападенія дѣйствовали, видимо, удручающимъ образомъ на солдатъ, тутъ и тамъ повторявшихъ, что «видно всѣмъ тутъ лечь». Нужна была энергія и шутки Назарова, чтобы заставить, время отъ времени, смѣяться людей. Вообще мнѣ бросилась въ глаза серьезность настроенія духа солдатъ во время дѣла. Атакующіе часто безпокоили насъ и въ перерывахъ между штурмами: подкрадуются къ гребню стѣны въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, быстро свѣсять ружья и прежде чѣмъ, захваченные врасплохъ, солдатики успѣютъ выстрѣлить, опять спрячутся, такъ что ихъ выстрѣлы нѣтъ нѣтъ да и портили у насъ людей, а наши почти всегда опаздывали и взрывали только землю стѣны. Меня это очень злило, я подогу становалъ съ ружьемъ наготовѣ, ожидая загорѣлой башки, и разъ не удержался, чтобы не прибавить крѣпкое словцо—сейчасъ же солдаты остановили меня:

— «Не хорошо теперь браниться, не такое время».

Сначала солдаты называли меня «ваше степенство», но когда Назаровъ сталъ называть: Василій Васильевичъ, то всѣ подхватили это и скоро весь гарнизонъ до послѣдняго большаго въ госпиталѣ зналъ «Василья Васильевича».

Въ это время начальникъ крѣпостной артиллеріи, бравый капитанъ Михневичъ, всюду поспѣвавшій, роздалъ намъ ручныя гранаты для бросанья черезъ стѣны въ непріятельскія толпы. Между тѣмъ шумъ что-то затихъ, такъ что мы не знали куда бросать ихъ, да къ тому же подозрѣвали не затѣваютъ ли какой особой каверзы—надобно было посмотрѣть черезъ стѣну, гдѣ непріятель и что онъ дѣлаетъ. Офицеры посылали нѣсколькихъ солдатъ, но тѣ отпѣкивались, одинъ толкалъ впередъ другаго—смерть почти вѣрная.

— «Постойте, я учился гимнастикѣ», и прежде, чѣмъ Назаровъ успѣлъ закричать: «что вы, Василій Васильевичъ, перестаньте, не дѣлайте этого» — я уже былъ высоко.

— «Сойдите, сойдите», шепталъ Назаровъ, но я не сошелъ, стыдно было, хотя, признаюсь, и жутко. Стою тамъ согнувшись подъ самымъ гребнемъ да и думаю: «какъ же это я, однако, перегнусь туда, вѣдь убьютъ!» думалъ, думалъ — всѣ эти думы въ такія минуты быстро пробѣгаютъ въ головѣ, въ одну, двѣ секунды,—да и выпрямился во весь ростъ! Передо мной открылась у стѣнъ и между саклями страшная масса народа и въ сторонѣ кучка въ большихъ чалмахъ, должно быть на совѣщаніи. Все это подняло головы и въ первую минуту точно



замерло отъ удивленія, что и спасло меня; когда уже опомнились и заревѣли: мана! мана! т. е. вотъ, вотъ!—я уже успѣлъ спрятаться—десятки пуль влѣпились въ стѣну надъ этимъ мѣстомъ, ажъ пыль пошла.

— «Сходите, Бога ради, скорѣе», вопилъ снизу милѣйшій Назаровъ, и, конечно, повторять этого не нужно было; я указалъ мѣсто, гдѣ были массы народа, и наши гранатки скоро подняли страшный переполохъ и гвалтъ, т. е. достигли цѣли.

Такъ какъ Назаровъ былъ самъ себѣ начальникъ и могъ переходить съ мѣста на мѣсто по усмотрѣнію, то мы перемѣстились на уголъ крѣпости, откуда на далекое пространство видны были обѣ линіи стѣнъ. Кстати сказать, стѣны Самаркандской цитадели были очень высоки и массивны, такъ что если бы годы, столѣтія не поразрушили ихъ, то за такой охраною можно бы отстаиваться; бѣда была та, что при существовавшихъ вездѣ проломахъ приходилось защищать это рѣшето въ одно и то-же время сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а защитниковъ было мало, около 500 человѣкъ безъ больныхъ и слабыхъ, которыхъ по возможности всѣхъ подняли на ноги. Многіе были такъ слабы, что даже ура не могли кричать, а ружье насилу держали въ рукахъ; бывало убьютъ или ранятъ сосѣда, крикнешь сердито: «чего ты стоишь, смотришь-то, приди: помоги поднять!»

— Я-не-могу-у, отвѣчаетъ, я-изъ-слабы-ыхъ.

— «Зачѣмъ же ты пришелъ, коли двигаться не можешь!»

— Не можемъ знать, приказали, всѣхъ къ стѣнамъ согнали.

На новомъ нашемъ обсерваціонномъ пунктѣ мы расположились отлично. Казакъ мой, разыскавшій меня и не захотѣвшій отстать «отъ барина», былъ посланъ за бывшими у меня сигарами, а Назаровъ велѣлъ принести хлѣба и водки. Закусили и закурили по сигарѣ—что за роскошь! Сигары произвели такой живительный эффектъ, что я купилъ еще ящикъ и роздалъ по всѣмъ ближнимъ постамамъ—вездѣ задымили. Тутъ принесли намъ всѣмъ щей и мы подкрѣпились; это послѣ утренняго стакана чая, да еще недопитаго, было мнѣ на руку. Назаровъ со всею своею командою расположился въ тѣни сакля, а я съ охотниками держался больше на стѣнѣ, гдѣ тѣшилса стрѣльбою—нѣтъ нѣтъ да и имѣешь удовольствіе видѣть, какъ упадетъ подстрѣленный зайчикъ. Одного, помню, уложилъ сосѣдъ мой, но не на смерть—упавшій сталъ шевелиться; солдатикъ хотѣлъ прикончить его, но товарищи не дали.

— «Не тронь, не замай, Серега!»

— Да вѣдь онъ уйдетъ.

— «А пускай уйдетъ, онъ ужъ не воинъ!»

И точно тотъ ушелъ, но съ хитростью и, вѣроятно, въ полной увѣренности, что перехитрилъ-таки насъ: упавши на перекресткѣ улицъ, близъ стѣны, онъ сталъ медленно переваливаться съ боку на бокъ, чтобы не возбудить нашего вниманія сильнымъ движеніемъ, и такъ, переваливаясь понемножку, докатился до закрытія, гдѣ приняли его нѣсколько рукъ, вполюбъ, вѣроятно, увѣренныхъ, что уруса надули, и никому, разумѣется, въ голову не пришло, что урусъ Серега и многіе другіе урусы могли бы добить, но не захотѣли, по правилу «лежа-чаго не бьютъ».

Исключая, впрочемъ, такіе отдѣльные случаи маленькой сантиментальности, наши спуску не давали; но и они угощали насъ! Выстрѣлы всё шли изъ сакль, откуда ружья были чрезъ маленькія отверстія постоянно нацѣлены по извѣстнымъ пунктамъ цитадели, гдѣ показывались наши. Очень часто пули ихъ мѣтко ударялись въ самыя амбразуры, только что понадѣланныя намъ въ этомъ мѣстѣ саперами. Разъ, помню, ударило въ песокъ амбразуры именно въ тотъ моментъ, какъ я готовился спустить курокъ—всю голову мнѣ такъ и засыпало пескомъ и камешками. Я не утерпѣлъ, схватился за лице руками.

— «Снимайте его», — закричалъ Назаровъ снизу, думавшій, что я раненъ. Другой разъ, нацѣливаясь, я переговаривался съ однимъ изъ сосѣдей — слышу ударъ во что то мягкое, оглядываюсь — мой сосѣд роняетъ ружье, пускаетъ пузыри и потомъ кубаремъ летитъ со стѣны...

Назаровъ съ двумя молодыми офицерами, имена которыхъ я забылъ, расположился совсѣмъ по домашнему. Послѣ одной чарки онъ велѣлъ обнести солдатамъ по другой, по обыкновенію смѣялся, забавлялся съ ними, при чемъ шутки его были часто очень скромнаго свойства, если судить по тѣмъ непечатнымъ выраженіямъ, которыя иногда долетали до нашихъ амбразуръ, и громкому хохоту солдатъ. Можно было подумать, что опасность миновала.

Впрочемъ, эта крѣпостная идиллія продолжалась не долго. Скоро по направленію бухарскихъ воротъ раздались и знакомые штурмовые крики и перестрѣлка, а затѣмъ прибѣжалъ и солдатъ съ просьбою о помощи, «очень ужъ насѣдаютъ». Назаровъ, оставивши на этой угловой квартирѣ наблюдательный постъ, самъ бѣглымъ шагомъ направился къ воротамъ; начальствовавшій тамъ офицеръ добровольно передалъ ему команду, точно также какъ и саперный штабсъ-капитанъ Черкасовъ со своими саперами. Штурмъ опять отбили. Стало вечерѣть. Поставили мѣдный чайникъ, мы расположились пить чай, не тутъ-то было — опять нападеніе. Мнѣ невольно вспомнился утренній

чай, стоявшій еще, вѣроятно, недопитымъ въ моей комнатѣ, вспомнился и афганецъ, которому не пришлось дописать ноги и по всей вѣроятности и не придется <sup>1)</sup>). Этотъ разъ враги наши отошли что то очень скоро, но вслѣдъ за ихъ уходомъ показался за воротами дымокъ. «Ахъ подлецы, они зажгли ихъ!» Такъ и есть. Скоро сильное пламя обрисовалось на потемнѣвшемъ уже воздухѣ. Какъ только ворота рухнули, новое сильнѣйшее нападеніе, на этотъ разъ долгое, настойчивое. Стрѣляли чуть не въ упоръ. Шумъ и гвалтъ были отчаянные; въ этомъ гамѣ я кричу солдатамъ, безъ толку стрѣляющимъ на воздухъ:

— «Да не стрѣляйте въ небо, въ кого вы тамъ мѣтите!»

— Пужаемъ, Василій Васильевичъ,—отвѣчаетъ одинъ пресерьезно.

Помню, я застрѣлилъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ, если можно такъ выразиться, по профессорски. «Не торопись стрѣлять, говорилъ я, вотъ положи сюда стволъ и жди»; я положилъ ружье на выступъ стѣны; какъ разъ въ это время халатникъ, ружье на перевѣсь, перебѣжалъ дорогу, передъ самыми воротами; я выстрѣлилъ и тотъ упалъ убитый на повалъ. Выстрѣлъ былъ на такомъ близкомъ разстояніи, что ватный халатъ на моей злополучной жертвѣ загорѣлся, и она, т. е. жертва, медленно горѣвши въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, совсѣмъ обуглилась, при чемъ рука, поднесенная въ послѣднюю минуту ко рту, такъ и осталась, застыла; эта черная масса валялась тутъ цѣлую недѣлю до самаго возвращенія нашего отряда, который весь прѣшелъ черезъ нее, т. е. мою злополучную жертву. Другой упалъ при тѣхъ же условіяхъ и тоже на повалъ.

— «Ай да Василій Васильевичъ, говорили солдаты, вотъ такъ старается за насъ».

Нѣтъ худа безъ добра: какъ только ворота прогорѣли, Черкасовъ устроилъ отличный, совершенно правильный брустверъ изъ мѣшковъ, къ которому поставили орудіе, заряженное картечью. Тутъ разговоръ пошелъ у насъ нѣсколько иной.

Было уже темно, упавшія бревна и доски воротъ еще ярко пылали. Назаровъ размѣстилъ солдатъ такъ, чтобы ихъ не было видно, лишь штыки блестяли въ темнотѣ. На виду въ серединѣ было только орудіе съ прислугою и офицеромъ, бѣлые рубашки и китель которыхъ ярко блестяли, освѣщенные пламенемъ. Вотъ приближается шумъ ближе, ближе, обращается въ какой-то хриплый ревъ многихъ тысячъ голосовъ съ возгласами: Аллахъ! Аллахъ! Вотъ показались передовыя фигуры, онѣ зовутъ другихъ; никто изъ нихъ не стрѣляетъ,

<sup>1)</sup> Этотъ афганецъ находится у И. Н. Терещенко—безъ ногъ. В. В.

въ рукахъ шашки и батики; какъ бараны съ опущенными головами, бросаются они на ворота и на орудіе.... Первая! раздается звонкій голосъ поручика Служенко. Ужасный громъ орудія, слышно какъ хлеснула картечь, затѣмъ молчаніе — ничего не видно, дымъ все застлалъ — и чрезъ минуту или двѣ далеко вдали начинаютъ раздаваться голоса; отхлынули, начинаютъ, вѣроятно, сводить счеты, браниться, попрекать другъ друга, а мы-то рады! Долго продолжались эти нападенія, каждый разъ съ новымъ азартомъ; очевидно было, что они, во что-бы то ни стало, хотѣли овладѣть крѣпостью, но дисциплинированная масса каждый разъ не выдерживала картечи на близкомъ разстояніи и отступала. Впрочемъ, и было отъ чего отступать, хотя намъ иногда и видно было, какъ они сразу подхватывали и подбирали своихъ убитыхъ, но однихъ павшихъ около самыхъ стѣнъ и которыхъ подобрать было невозможно — оказалось на другой день такое множество и на сильномъ солнцѣ они подняли такое зловоніе, что надобно удивляться, какъ у насъ не завелось какой нибудь заразной болѣзни.

Какъ поутихло, мы сдѣлали вылазку, главною цѣлью которой была невдалекѣ находившаяся мечеть; изъ нея, какъ изъ твердыни, направлялись всѣ нападенія на насъ. Удостоверившись, что непріятель отошелъ, мы тихо вышли ночью прямо къ этой негодной мечети; живо собрали сухаго дерева, разложили костры и запалили. То-же самое сдѣлали мы и съ вѣсколыми близъ самыхъ воротъ стоявшими саклями, наиболѣе насъ душившими. Въ одной изъ нихъ нашли мы рыжую туркменскую лошадь; рѣшили подарить ее мѣѣ, но я отклонилъ эту честь, отдалъ лошадь артели, а у артели купилъ за 40 рублей. Здѣсь мы тоже живо запалили все, что могло горѣть. Говорили шепотомъ, въ темнотѣ только и слышно было: «Николай Николаевичъ! Василій Васильевичъ! вотъ сюда пѣтушка живо, живо!» Замѣчательно, что Назаровъ былъ на вылазкѣ въ туфляхъ и не столько, думаю, изъ забывчивости, сколько изъ полного равнодушія къ опасности — стоить-ли беспокоиться надѣвать сапоги, разъ что вечеромъ снялъ уже ихъ.

Когда огненные языки взвились, мы на утекъ, да и пора была: пожаръ замѣтили и стали приближаться голоса. Видно пробовали тушить, но не могли одолѣть огня, который разгорался все пуще и пуще.

Опять стали нападать на насъ, но съ еще меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ теперь вся мѣстность была освѣщена.

Поработала за эту ночь наша пушка и ея милый командиръ Служенко. Подъ звонкія выкрикиванія его: «первая! первая!» я такъ и

заснулъ. Раздобывши досокъ, мы расположились въ повалку на пескѣ на улицѣ; съ готовымъ ружьемъ при бедрѣ, не смотря на жесткость импровизированнаго ложа и великое множество солдатскихъ блохъ, я заснулъ, какъ праведникъ.

### III.

Далеко за полночь сильный непривычный шумъ разбудилъ меня— это рухнула подожженная нами мечеть. Мы взошли на стѣну полюбоваться на дѣло нашихъ рукъ; ночь была прелестная, воздухъ тихій, небо звѣздное; такъ какъ часовые всѣ были на своихъ мѣстахъ и зорко смотрѣли кругомъ, то мы, потолковавши, снова заснули.

Съ раняго утра начались приступы то у насъ, то далѣе, гдѣ мы были вчера, а то и еще далѣе, у главнаго входа въ городъ. Тутъ въ воротахъ тоже стояло орудіе, но въ несравненно выгоднѣйшемъ противъ нашего положеніи, такъ какъ нельзя было войти въ крѣпость иначе, какъ по мосту, переброшенному черезъ ровъ, значить, сюрприза не могло быть. Если не ошибаюсь, эти ворота назывались Джузакскими, начальствовалъ тутъ капитанъ Щеметило, чистокровный хохолъ и прекрасный человекъ. Въ оба эти мѣста Назаровъ послалъ разъ подкрѣпленіе, когда имъ пришлось туго; даже хорошо было видно, какъ на наше вчерашнее мѣстопробываніе велась атака, какъ масса атакующихъ бѣгомъ съ крикомъ ур! поднялась до гребня и, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, стремительно же утѣкла назадъ.

Стало и у насъ, и вездѣ затихать. Николай Николаевичъ сманилъ меня пойти поѣсть кисленькаго, какъ онъ называлъ борщъ и щи. къ нашимъ купцамъ, давво уже давшимъ намъ знать, что во всякое время кушанье будетъ готово, и велѣлъ немедленно дать знать ему, если будетъ хоть малѣйшая опасность. Купцы, наши русскіе, пріѣхавшіе въ Самаркандъ для начала торговыхъ сношеній, не рады, конечно, были, что попали въ такую передрагу. Одинъ изъ нихъ, Трубочаниновъ, довѣренный извѣстнаго Нѣмчанинова, по торговлѣ чаемъ, былъ храбрѣе прочихъ, онъ приходилъ даже со своимъ охотничьимъ ружьемъ, въ красной рубашкѣ, къ намъ на стѣны; но другіе страшно перетрусили и какъ только начиналась пальба, зажигали свѣчи предъ иконами и начинали всѣ на колѣняхъ молиться Богу. Такъ какъ пули стали залетать въ двери, то они должны были перенести мѣсто моленья въ другой уголъ, а когда нѣкоторыя большія фальконетныя

пули, калибра маленькихъ ядеръ, пробили крышу, то пришлось и еще разъ переносить молевые въ третье мѣсто.

Они накормили и напоили насъ, послали водки для солдатъ, также какъ и нѣсколько ящичковъ сигаръ, съ которыми я послѣ обошелъ вдоль стѣнъ и одѣлилъ всѣхъ желавшихъ. Они признались намъ, что пальба и крики ихъ страшно пугаютъ и заставляютъ постоянно ждать, что вотъ-вотъ пожалуютъ гости.

Больные и раненые наши помѣщались на тронномъ дворѣ, но навѣсныя пули изъ города попортили многихъ раненыхъ и чуть не убили доктора, такъ что часть ихъ перевели въ сакли, какъ разъ около купцовъ, чѣмъ окончательно лишили тѣхъ покоя; стоны ихъ и день и ночь надрывали душу, какъ говорилъ мнѣ Трубочанниовъ.

На самомъ тронѣ Тамерлана я нашелъ цѣлую семью жидовъ и сказалъ Назарову, не переимѣтять ли ихъ съ такого освященнаго исторіею предмета?—«Зачѣмъ, отвѣчалъ тотъ, еще и..... велю!» Жидовъ сказалося у насъ множество, разумѣется, съ чадами и домочадцами; почувствовавъ свободу съ приходомъ русскихъ, они заважничали, стали носить кушаки вмѣсто веревокъ, стали ѣздить на лошадяхъ и проч., что имъ строжайше было запрещено, и, конечно, были бы всѣ перебиты, еслибы остались въ городѣ. Какъ мнѣ рассказывали, при сильной пальбѣ у насъ они поднимали страшный вой, молились, били себя по щекамъ, трепали за пейсы! Кромѣ жидовъ, были персы, индійцы, татары. Все это, при нашемъ входѣ, бросилось спрашивать: чтѣ и какъ, благодарили, цѣловали полы платьевъ.

Назарову дали знать, что снова собираются отряды, чуть ли не для нападенія, и мы послѣдно воротились къ стѣнамъ, но атаки были слабыя, мы успокоились. Такъ какъ солдаты не раздѣвались, валялись всю ночь по большей части въ пескѣ и насѣкомые заѣдали ихъ, то Назаровъ, отдѣливши часть, приказалъ имъ идти къ пруду ближайшей мечети мыться, при чемъ прибавилъ: «Мойтесь, смотрите, такъ, чтобы каждаго изъ васъ.» . тутъ слѣдовала такая фраза, которую ни на какомъ языкѣ нельзя передать. Солдаты загрохотали: «Рады стараться, ваше высокоблагородіе».

Отрядъ нашъ теперь значительно увеличился, такъ какъ къ этимъ воротамъ, какъ самому опасному пункту, комендантъ послалъ все, что онъ наскребъ: кромѣ выздоравливающихъ, тутъ были и казаки и другіе разночинцы, которые ура-то, пожалуй, кричали, но держались больше вдали, подъ крышами саклей. Кромѣ двухъ-трехъ батальонныхъ офицеровъ, у Назарова были два саперные офицера: помянутый Черкасовъ и Воронежъ, совсѣмъ зеленый, пухленькій юноша, недавно покинувшій училище. Такъ какъ народъ былъ больше

молодой, то все время проходило въ смѣхѣ и шуткахъ, прерывавшихся иногда лишь извѣстіемъ, что такого-то убили или ранили. Между прочимъ, ранили смертельно нашего милѣйшаго артиллериста Служенко. Меня не было въ это время, но Воронежъ рассказывалъ, что бравый этотъ офицеръ ѣхалъ вдоль стѣны въ бѣломъ кителѣ, на вороной лошади, представляя такимъ образомъ слишкомъ хорошую мѣту, что ему и замѣчали. «Я вижу, что онъ что-то склонился надъ сѣдломъ, рассказывалъ Воронежъ, и спрашиваю: Служенко, что съ вами? ничего не отвѣчаетъ. Сняли его съ лошади—пуля въ животѣ».

Я воспользовался маленькимъ затишьемъ, чтобы попробовать объѣхать мое новое пріобрѣтеніе—рызаго туркмена, захваченнаго на вылазкѣ. Но не успѣлъ отъѣхать и 100 сажень, какъ разразился цѣлый адъ—сильнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ приступовъ къ крѣпости.

Передавши лошадь на руки первому казаку, я бросился къ битвѣ—Узбеки, должно быть, давно уже прокрались къ стѣнамъ черезъ сакли, которыя къ ней въ этомъ мѣстѣ, т. е. у самыхъ воротъ, примыкали, разобрали стѣну такъ тихо, что рѣшительно никакого шума мы не слышали и чрезъ постройки, выходившія на эту сторону, ринулись на наше орудіе. При этомъ, кромѣ пуль, посыпался черезъ кровли сакль цѣлый градъ, очевидно, заранее приготовленныхъ камней. Первое привѣтствіе, полученное мною, былъ страшный ударъ камня въ лѣвую ногу—я взвылъ отъ боли! думалъ нога переломлена—нѣтъ, ничего. Всѣ кричатъ ура, но впередъ не идетъ никто. Вижу, въ самой серединѣ Назаровъ, раскраснѣвшійся отъ злости, бьетъ солдатъ на отмахъ шашкою по затылкамъ, понуждая идти впередъ, но тѣ только пятятся. «Черкасовъ! раздается его голосъ, дуните въ этихъ поддецовъ!... Мысли, буквально, съ быстротою молніи мелькаютъ въ такія минуты: моя первая мысль была—не идти, надо пойти впереди; вторая—вотъ хорошій случай показать, какъ надобно идти впередъ; третья—да, вѣдь, убьютъ навѣрно; четвертая—авось не убьютъ! Двухъ секундъ не заняли всѣ эти мысли; впереди меня лежали наваленныя какія-то бревна,—въ моемъ очень не представительномъ костюмѣ, сѣромъ пальто на распахку, сѣрой-же пуховой шляпѣ на головѣ, съ ружьемъ въ рукѣ, я вскочилъ на эти бревна, оборотился къ солдатамъ и, крикнувши: «братцы, за мной», бросился въ саклю на непріятельскую толпу, которая сдала и отступила. Я хорошо помню всѣ мои дѣйствія и побужденія и сознательно разбираю ихъ: первое мое движеніе, пробѣжавши благополучно въ саклю, было встать въ простѣнокъ между окнами, въ которыя убѣжавшій непріятель крѣпко стрѣлялъ, и такимъ образомъ спрятаться отъ пуль; то-же сдѣлалъ вбѣжавшій за мною Назаровъ, благополучно

миновавшій фатальное пространство, но многіе изъ слѣдовавшихъ за нами солдатъ попались; не мало убито наповалъ, много ранено, а нѣкоторыхъ, увлекшихся преслѣдованіемъ, непріятель захватилъ въ плѣнъ и, отрѣзавъ имъ головы, унесъ ихъ. Одинъ солдатикъ чуть не сшибъ меня съ ногъ: раненый въ голову, онъ такъ чубурахнулся объ меня, что совсѣмъ закровянилъ пальто мое. Онъ хрипѣлъ еще, я вынесъ его, но онъ скоро умеръ, бросивъ на меня жалкій взглядъ, въ которомъ мнѣ видѣлся укоръ: зачѣмъ ты завлекъ меня туда! Эти взгляды умирающихъ остаются памятными на всю жизнь!

Какъ теперь помню: когда генераль Кауфманъ посѣтилъ раненыхъ послѣ дѣла подъ Чопанъ-Ата, 1-го мая, т. е. послѣ первой битвы подъ Самаркандомъ, имѣвшей результатомъ занятіе города, онъ подошелъ къ одному молодому офицеру, раненому въ голову, который по приговору врачей долженъ былъ умереть. Я стоялъ около и слышалъ, что на ласковый и сочувственный опросъ генерала раненый отвѣчалъ тихо, толково и вѣжливо. Но когда Кауфманъ сталъ говорить ему, что главное сдѣлано, непріятель разбить и городъ занять, больной ничего не отвѣтилъ, лишь взглянуть, но какъ взглянулъ—сердито, зло!

Непріятель отошелъ, но не ушелъ и такъ безпокоилъ насъ своею стрѣльбою, что я уговорилъ Назарова перейти въ наступленіе: мы перепрыгнули черезъ брустверь и съ здоровымъ ура! атаковали враговъ съ фланга. Я бѣжалъ впереди и на счастье мое оглянулся—никого за мною не было; всѣ солдаты, какъ бараны, сбились въ кучу, кричатъ ура! стрѣляютъ, но не двигаются. Тщетно опять Назаровъ лупилъ ихъ, называлъ подлецами, трусами, тщетно на этотъ разъ и я зывалъ: «за мной, братцы, за мной»,—за мной никто не шелъ; совершенно охрипши и истощивъ весь запасъ терпѣнія, я обратился къ Назарову:—«Не пойдутъ, Николай Николаевичъ, велите ударить отбой!» Барабанщикъ ударилъ отбой и мы воротились. Отчего не пошли солдаты? Насъ было совсѣмъ не мало, человекъ полтора, а непріятеля совсѣмъ не очень много, можетъ быть, нѣсколько сотенъ и разсыпаннаго, и видимо отступавшаго; тѣмъ не менѣе я живо помню, какъ передніе пятились на заднихъ, какой ужасъ написанъ былъ на всѣхъ лицахъ; я объясняю это, хотя и не увѣренно и во всякомъ случаѣ не вполне, тѣмъ, что наши солдаты боялись, выйдя за крѣпость, быть отрѣзанными, потеряться въ безконечномъ числѣ улицъ, переулковъ. Такъ или иначе, непріятель былъ совершенно отогнанъ и даже наша послѣдняя вылазка была не бесполезна, такъ какъ послѣ нея перестали такъ крѣпко стрѣлять въ насъ.

Кстати замѣчу здѣсь, что, по мнѣнію моему, такъ называемое,



предчувствіе не что иное, какъ маленькая трусость, весьма понятная и извинительная въ серьезной опасности, которая заставляетъ насъ ожидать всего худшаго. Случится такъ, какъ боялся, что случится—говоришь: я предчувствовалъ это; не случится — все сейчасъ же и забудь. Одинъ юный офицерикъ, при началѣ этого дѣла, съ видимымъ страхомъ смотрѣлъ на свалку, укрываясь отъ пуль и камней подъ крышей ближайшей сакли, и когда я поровнялся, шепнулъ мнѣ:

— «Я чувствую, что буду сегодня убитъ».

— Что за вздоръ,—успѣлъ я отвѣтить ему.

— «Вы не вѣрите! вотъ увидите»....

Я не имѣлъ времени разсуждать болѣе, но помню, что меня поразила увѣренность, съ которою онъ произнесъ послѣднія слова.

— «Бѣдняга», — мелькнуло у меня въ умѣ, какое сильное предчувствіе, въ самомъ дѣлѣ не ухлопали бы его! И что же?—не только малаго не убили, но и не ранили.

За все это дѣло мы потеряли сравнительно много народа. Я наложилъ потомъ стогомъ дѣв арбы тѣлъ. Нѣкоторые были мертвы уже, другіе еще пускали духъ или пузырьки—послѣдніе преимущественно изъ тѣхъ, что выпили лишнюю рюмку водки передъ дѣломъ. Всѣ мы замѣтили, что орудіе наше что-то не стрѣляло. Назаровъ сталъ допрашивать, оказалось, что фейерверкеръ, такъ браво служившій все время свою службу, преждевременно отпраздновалъ побѣду, тоже, вѣроятно, лишнею рюмкою и съ пьяныхъ глазъ не такъ всунулъ гранату, которая засѣла трубкою и ни тпру, ни ну! Счастливы мы отдѣлались. Всѣ до того устали, что никто не хотѣлъ приняться за уборку убитыхъ и раненыхъ.

Ужасны были тѣла тѣхъ нѣсколькихъ солдатъ, которые зарвались и головы которыхъ, какъ я сказалъ, были глубоко вырѣзаны изъ плечъ, чтобы ничего, вѣроятно, не потерять изъ доставшагося трофея. Солдаты кучкою стояли кругомъ этихъ тѣлъ и рѣшали, кто бы это могъ быть—«Сидороу или Федороу» и, только по нѣкоторымъ интимнымъ знакамъ на тѣлѣ земляки признали одного изъ нихъ. Извѣстно, что за каждую доставленную голову убитаго непріятеля выдается награда преимущественно одеждою и это не въ одной Средней Азіи, но и въ Европѣ у турокъ, у албанцевъ, черногорцевъ и друг. Этотъ случай далъ мнѣ также тему для небольшой картины, представляющей собираніе въ мѣшокъ головъ убитыхъ непріятелей.

У меня за этотъ штурмъ одна пуля сбила шапку съ головы, другая перебила стволъ ружья, какъ разъ на высотѣ груди — значитъ отдѣлался дешево. Я надѣлъ на голову и носилъ слѣдующіе дни бѣлый чехоль съ офицерской фуражки, и теперь еще гдѣ-то сохраняю-

щійся у меня. Назаровъ вышелъ цѣлешенекъ. Этотъ человекъ былъ храбръ какою-то особенною, солдатъ выразился бы—залихватскою храбростью. Атаковавшіе зашли такъ далеко, что воткнули и даже привязали къ саклямъ у воротной стѣны большое красное съ буквами, вѣроятно, именемъ Аллаха, знамя; снять его было трудно потому, что, занявши дома противоположной улицы, они продолжали бить по нашимъ. Я рѣшился отвязать этотъ позорный, для крѣпости нашей, флагъ и, какъ Николай Николаевичъ ни отговаривалъ, благополучно исполнилъ работу, хотя пульки въ продолженіе ея такъ и ударялись подлѣ. Съ торжествомъ вынесъ я мой трофей на его высочайшемъ шестѣ и вручилъ отцу-командиру, т. е. Назарову. Что же онъ сдѣлалъ? Передалъ коменданту? Поставилъ въ походную церковь?—нѣтъ, къ ужасу моему, онъ отдалъ это знамя солдатамъ на портянки. Послѣ, глядя на значки и знамена, стоявшіе кругомъ палатки Кауфмана, я сравнивалъ ихъ со взятымъ мною и находилъ, что послѣдній былъ и болѣе, и красивѣе. Больше же всего было обидно то, что когда я розыскалъ моего коня, онъ оказался привязаннымъ веревочкою, это значило, что въ то время, какъ я, нѣкоторымъ образомъ, проливалъ кровь за отечество, кто-то, вѣроятно, изъ пригнанныхъ намъ на помощь казачковъ утащилъ уздечку. Признаюсь, этого не ожидалъ!

— «Василій Васильевичъ,—позвалъ меня Назаровъ, когда все успокоилось, пойдемъ поѣсть кисленькаго». Когда мы вошли въ помѣщеніе дворца, все бросилось благодарить, не говоря про евреевъ, татаръ, персіянъ, даже наши раненные повылѣзли привѣтствовать Назарова. Воображаю, каково имъ было слышать отсюда эту пальбу и крики и понимать, что каждую минуту плотина можетъ сдаться и потокъ затопить ихъ. Конечно, имъ вдали было страшнѣе, чѣмъ намъ вблизи.

Пріятели-купцы просто упали намъ на шею; они признались, что такой пальбы и шума еще не было и они все время творили молитву.

— «Вы ранены»,—говорятъ мнѣ, глядя на кровавые пятна моего пальто—пришлось объяснить, какъ сосѣдъ наградилъ меня этими пятнами.

Осмотрѣвши мою аварію на ногѣ, я нашелъ, что изъ маленькой ранки на кости вытекло не мало крови. Милѣйшій Трубчаниновъ даже въ ужасъ пришелъ и совѣтовалъ обратиться къ доктору, но такъ какъ ни платье, ни бѣлье не были разорваны, то ясно было, это простой ушибъ, и я стыдился показать себя раненымъ камнемъ. Мы зашли къ Служенко. Кажется, отъ призналъ насъ, но говорить не могъ. По словамъ его окружающихъ, онъ страшно мучился. Черезъ день, слышимъ—умеръ.

Возвратясь къ воротамъ, мы застали нѣсколько офицеровъ, пришедшихъ поразузнать о подробностяхъ дѣла; они наслышались о томъ, какъ я воевалъ, не щадя живота, и горячо поздравляли меня.

— «Вамъ первый крестъ, Василій Васильевичъ», — сказала Б., думая, конечно, сдѣлать мнѣ пріятное, но я энергично протестовалъ противъ этого, потому что, признаюсь, къ нѣкоторому чувству тщеславія, возбужденному такими словами, примѣшивалось и порядочное чувство гадливости: едва ли не лучшія минуты моей жизни были эти два дня, проведенные въ самой высокой дружбѣ, въ самомъ искреннемъ братствѣ, устремленныхъ къ одной общей цѣли, всеѣмъ хорошо сознаваемой, всеѣмъ одинаково близкой — оборонѣ крѣпости. Я хорошо помню и искренно говорю, что ни разу мысль о какой бы то ни было наградѣ не приходила мнѣ въ голову, и вдругъ стали считать заслуги, кто что совершилъ, кто что можетъ получить, получить ли? и проч. Батюшки! пощадите.... Съ горя я взялъ ружье и ушелъ въ нашу башню при воротахъ—стрѣлять зайцевъ, нѣтъ, нѣтъ да и подвергивавшихся подъ выстрѣлы.

Подъ вечеръ пришли еще 2 офицера отъ другихъ воротъ узнать какъ дѣла идутъ. Такъ какъ было совсѣмъ спокойно, то я пригласилъ ихъ прогуляться за воротами по нашему «бульвару», т. е. по выжженной улицѣ, между трупами. Взявши подъ ручки, я вывелъ ихъ за брустверь; Назаровъ, Черкасовъ и другіе офицеры послѣдовали за нами. Правду сказать, глубокая тишина была нѣсколько тосклива. гдѣ-то недалеко выла собака, трещалъ огонь кое-гдѣ догоравшихъ домовъ; шипѣнье пули, ударившейся въ песокъ въ аршинѣ отъ меня, дало знать, что за нами слѣдятъ, а приближающіеся голоса и совсѣмъ убѣдили убраться по добру по здорову во свояси—мы даже не были вооружены. Когда совсѣмъ стемнѣло, Назаровъ повелъ насъ опять на вылазку; мы выжгли всё дома вдоль стѣнъ, еще на большее разстояніе, вплоть до самаго угла, мѣста нашей прежней стоянки, и опять, какъ только зарево пожара обратило на наши подвиги вниманіе осаждавшихъ, благоразумно ретировались, не потерявъ ни одного человѣка.

Назаровъ былъ опять въ туфляхъ и едва не обжегъ себѣ ноги, что, впрочемъ, не исправило его — покой дороже всего!

На слѣдующій, третій, день осады приступы были легче, хотя перестрѣлка не умолкала, то разгораясь, то затихая. Назаровъ предпринялъ вылазку подальше въ городъ, чтобы выжечь всю вторую улицу вдоль стѣнъ — элементарная предосторожность, которую долженъ былъ бы исполнить еще много ранѣе самъ командующій войсками, очевидно, по добротѣ душевной не рѣшившіяся наносить жите-

лямъ изъяна — результатъ былъ тотъ, что перебили у насъ много народа, да вдобавокъ чуть не отобрали крѣпость, паденіе которой было бы безспорно сигналомъ для общаго возстанія средней Азіи. Будь очищенъ кругомъ крѣпости правильный зонъ, нападеніе на нее если бы не было вполнѣ невозможно, то во всякомъ случаѣ въ пять разъ труднѣе.

Отрядъ нашъ, назначенный для вылазки, оставивши часть солдатъ съ офицеромъ у Бухарскихъ воротъ, направился къ Джузакскимъ, гдѣ послѣ выстрѣла изъ орудія и дружнаго «ура» Назаровъ какъ кошка бросился за стѣну. Я скоро обогналъ его, побѣжалъ впередъ и на поворотѣ въ первую уже улицу лавокъ пріостановился, подзывая товарищей: передо мной въ разсыпную бѣжало множество народа, нѣкоторые, оборачиваясь, стрѣляли, большинство безъ ружей съ батиками <sup>1)</sup> и саблями спасалось. Здѣсь случился со мной такой казусъ: съ криками ура! мы бѣжимъ по улицѣ; я валяю впередъ и, увлекшись преслѣдованіемъ двухъ сартовъ, забѣгаю въ улицу направо; они — еще направо, я за ними. Передній успѣлъ шмыгнуть въ ворота, а задняго я нагналъ; онъ прислонился къ углу и ждалъ меня съ батикомъ; я размахнулся штыкомъ, но платье было толстое ватное, да къ тому же дѣтина съ отчаяніемъ уцѣпился за штыкъ, отвелъ ударъ и въ свою очередь замахнулся на меня батикомъ. Мы схватились въ рукопашную. Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ колотять его по башкѣ, а въ кулакѣ-то у меня была коробочка со спичками для зажиганія домовъ—спички-то воспламенились и обожгли мнѣ руку. Видя такой неумѣлый приемъ борьбы, противникъ мой, крѣпкій съ просѣдью мужчина, ободрился, опустил свое оружіе и сталъ отнимать у меня мое. На бѣду другой сартъ, спасшійся было въ ворота, тоже показалъ снова свой носъ. Я понялъ, что меня сейчасъ убьютъ—кругомъ не было ни души—и что есть силы закричалъ: «братцы, выручай», закричалъ почти безнадежно, но солдаты услышали; одинъ прибѣжалъ, ружье на руку, размахнулся, — но тотъ съ отчаяніемъ уцѣпился и за этотъ штыкъ; тогда солдатъ снова размахнулся — на этотъ разъ штыкъ глубоко вошелъ и мой противникъ склонился. Я отъ души поблагодарилъ солдата за спасеніе и общалъ ему 10 рублей. Эта штука, однако, не исправила меня и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ я нарвался второй разъ. То же безконечное ура и погоня за утекающимъ неприятелемъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ вскочили въ лавку, я за ними, опять крѣпко опередивши товарищей. Какъ они набросятся на меня, нѣсколько-то человѣкъ, одинъ чѣмъ-то дубасить, другіе выдер-

<sup>1)</sup> Батикъ — палка, съ жегѣзнымъ шаромъ и иглами на концѣ.

гиваютъ ружье. Признаюсь, у меня была одна мысль: батюшки мои, отнимуть ружье, срамъ! Опять подбѣжали солдаты, выручили, переколовши всѣхъ.

По временамъ мы останавливались и закигали преимущественно базарныя циновки; скоро цѣлая улица запылала, такъ что высокій дымъ поднялся по всему нашему пути.

Хотя тутъ были все сплошь лавки, солдаты вели себя очень прилично, ничего и не подумали грабить; убивать, разумѣется, убивали всѣхъ, кто ни попадалъ подъ руку, но никакихъ бесполезныхъ жестокостей себѣ не позволяли. Разъ только я видѣлъ, какъ одному изъ валявшихся труповъ солдатъ воткнулъ штыкъ въ глазъ, да еще повернулъ его, такъ что скрипнуло — я только хотѣлъ сказать: «что ты дѣлаешь!» какъ слышу трахъ! звукъ здоровой оплеухи и голосъ Назарова: «Ахъ ты, подлець, убитому-то!» Мы прошли такимъ образомъ до самыхъ Бухарскихъ воротъ, потерявши очень мало народа, двухъ или трехъ, и то только ранеными.

Когда мы возвратились, насъ встрѣтилъ комендантъ съ нѣсколькими офицерами; онъ, кажется, сильно перетревожился, извѣстясь, что Назаровъ рискнулъ слабыми силами и перешелъ въ наступленіе, но узнавши о нашей малой потерѣ, успокоился. Мы встали во фронтъ, я на правомъ флангѣ; Штемпель въ самыхъ милыхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ и за отбитіе штурмовъ, и за вылазку; я получилъ на свой пай нѣсколько очень лестныхъ словъ, до слезъ меня тронувшихъ.

Оказывается, что bravому Штемпелю прибѣжали сказать: «Назаровъ перепоялъ людей и убѣжалъ съ ними въ городъ» — было отъ чего сконфузиться и поспѣшить на мѣсто дѣйствія! Впрочемъ, по боку это, лучше вѣрить, что это не правда.

На счетъ схватокъ моихъ было не мало шутокъ и смѣха. О первой рассказывалъ только мой «спаситель», — другіе, подбѣжавшіе послѣ, не застали этого поединка. — «Слышу, говорить, режутъ: спасите! — я туда, вижу Василій Васильевичъ, бѣлехонекъ, какъ смерть, борется со старымъ сартомъ»... Вторая «казія» была на большой улицѣ въ виду у всѣхъ; ее видѣли и офицеры и подтрунивали потому надо мною: что, Василій Васильевичъ, каково васъ въ лавку-то зазвали? или: Василій Васильевичъ, расскажите какъ у васъ, говорятъ, ружье чуть не отняли!.. Призваюсь, меня внутренно, невидимо, конечно, для постороннихъ, душилъ, какъ кошмаръ, вопросъ: почему я не пустилъ въ дѣло револьверъ? въ карманѣ былъ небольшой «Смитъ и Вессонъ», не важнаго, правда, калибра, но достаточный, чтобы убить человѣка, на такомъ близкомъ разстояніи, и я его не пустилъ въ ходъ — почему?

а просто потому, что забылъ о немъ. Часто потомъ и днемъ, и ложась спать или просыпаясь, когда обыкновенно перебираешь свои поступки, я мысленно возобновлялъ всё перипетии этихъ схватокъ, мысленно хватался за револьверъ, стрѣлялъ раза два, даже три, или дѣлалъ то, что сдѣлалъ солдатъ, т. е. вырывалъ у врага штыкъ изъ рукъ и снова всаживалъ, уже въ самую внутренности... Утѣшаясь нѣсколько мыслью, что солдату это легче было сдѣлать, такъ какъ я держалъ замахнувшуюся руку съ батикомъ, я все-таки не могъ себя простить моей педогадивости и только сравнительно недавно успокоился на увѣренности, что самое пустое дѣло иногда не сразу дается...

## IV.

Было очень жарко. Не имѣя въ эту минуту подъ руками книжки моихъ замѣтокъ, не могу сказать какія это были именно числа мѣсяца, но знаю, что былъ конецъ мая; солнце палило страшно и трупы, облежавшіе наши ворота, начали издавать невыносимое зловоніе, которое приходилось терпѣть, такъ какъ непрерывно нападали на насъ и, не рискуя большою потерей людей, нельзя было выйти за стѣны. Теперь, когда стало поспокойнѣе, Назаровъ рѣшилъ сдѣлать еще вылазку для уборки тѣлъ; цѣпь оберегала насъ, пока мы занимались этимъ пріятнымъ дѣломъ, главную долю котораго пришлось вынести на себя, не смотря на то, что я безгладивъ на счетъ трупнаго запаха. Повѣрять-ли—никто не хотѣлъ приступить, такъ какъ всѣхъ солдатъ рвало; еще Черкасовъ, кажется, распорядился, но милѣйшій Воронецъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, отошелъ красный отъ слезъ... Нечего дѣлать, я всаживалъ штыкъ въ извѣстное мѣсто и проталкивалъ тѣла до большаго арыка, т. е. канавы. Около самой стѣны валялась сѣрая лошадь, павшая еще въ первый день въ одно изъ сѣшенихъ нападеній на насъ; я видѣлъ ее тогда сильною, прекрасною, очевидно, подъ какимъ-то начальникомъ, налетѣвшимъ во главѣ толпы подъ полный зарядъ картечи и рухнувшимъ вмѣстѣ съ нею — его тутъ же подхватили и утащили свои; а лошадь лежала теперь вздутая до невѣроятныхъ размѣровъ. Какъ только мы тронули ее съ мѣста, она, уже обратившись въ настоящій кисель, треснула по всѣмъ швамъ и разлѣзлась—тутъ была сцена, трудно поддающаяся описанію—всѣ мы лоскомъ легли, т. е. не въ буквальномъ смыслѣ, а въ томъ, что всѣ въ судорогахъ, скорчившись, а нѣкоторые ползкомъ, отошли

прочь — никакой повидмому возможности! Однако, кое-кто доброю волею, нѣкоторые послѣ строгаго приказанія, взялись за эту тушу, утащили ее, подобрали остатки и проч., и проч.

Между солдатами, надобно замѣтить, мало было такихъ, которые охотно шли впередъ на вѣрную опасность, но за то нѣкоторые были и замѣчательно храбрые ребята. Напримѣръ, Ивановъ — крѣпкій, толстоголовый блондинъ, лѣзшій рѣшительно всюду, какъ будто не разбирая есть опасность или нѣтъ. Чтò у него было на душѣ—не знаю, но снаружи онъ казался совсѣмъ пассивнымъ. Онъ уцѣлѣлъ за эти дни самаркандскаго сидѣнія, но, помнится, мнѣ говорили потомъ, что онъ былъ убитъ въ одной изъ экспедицій. Благодаря неуклюжести этого храбраго дѣтны, мы всѣ, находившіеся для стрѣльбы въ башнѣ, въ числѣ 15—20 человекъ, чуть разъ не погибли. Осаждающіе что-то работали подъ самыми стѣнами: подозрѣвалось не дѣлають ли подкопа подъ стѣну, къ чему поползновенія у нихъ были; поэтому, чтобы не рисковать людьми для вылазки, надобно было бросить нѣсколько ручныхъ гранатъ. Взялся бросить Ивановъ; онъ влѣзъ на укрѣпленныя вверху балки, перешептываясь и любовно перебранываясь съ товарищами. «Чего стоишь-то, давай!»—«Бери, да ты ступай выше!»—«Куда выше-то, ступай самъ што-ли! А я то пойду, что ты думаешь!»... Наконецъ, взявъ въ руки гранату, размахнулся, подбросилъ и она упала посреди насъ... Всѣ ошалѣли и я въ первую минуту, признаюсь, въ томъ числѣ; потомъ сообразивши опасность, я какъ заяцъ выпрыгнулъ оттуда съ крикомъ: «спасайся, братцы». Всѣ, въ томъ числѣ и Ивановъ, успѣли выбѣжать; раздался взрывъ, тѣмъ болѣе страшный, что онъ былъ въ тѣсномъ пространствѣ, подвѣшій и разбросавшій массу кирпичей и камней. Ужъ досталось же потомъ Иванову отъ товарищей. Надобно было слышать, какъ они пилили его: «Ну что было бы, Иванову, кабы ты насъ всѣхъ убилъ, а?—Нѣтъ, ты скажи, что бы было, вѣдь ты и Василья Васильевича положилъ бы!» Ивановъ не зналъ, куда дѣваться отъ конфуза. Ужъ я заступился разъ.—«Да оставьте вы его, что-бы ни было—дѣло прошлое, что вы его корите!» Но при первомъ же случаѣ шутники опять начинали: «такъ какъ же, Иванову! какъ ты насъ взорвать-то хотѣлъ»...

Мы узнали, что съ перваго же дня осады комендантъ отправлялъ гонца изъ туземцевъ къ генералу Кауфману съ обязательствомъ воротиться и принести отвѣтъ. Такъ какъ этому джигиту общали за исполненіе комиссіи 100 рублей и еще какія-то льготы, то полагали, что коли онъ не явился, значить, убитъ, что и подтвердилось потомъ. Каждый день маіоръ Сѣровъ прискивалъ надежныхъ людей, которые за вознагражденіе, все болѣе и болѣе увеличиваемое, брались

увѣдомить командующаго войсками о нашей незавидной участи. Комендантъ писалъ маленькія записочки по нѣмецки, въ которыхъ увѣдомлялъ, что приступы не прекращаются, мы начинаемъ ощущать недостатокъ въ водѣ, въ соли, убитыхъ и раненыхъ много, по числу гарнизона, словомъ, положеніе дѣлается критическимъ... Отвѣта не было! Уже потомъ оказалось, что послѣ сильнаго приступа втораго дня комендантъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было драться до послѣдней крайности, и если одолѣютъ, т. е. войдутъ въ крѣпость, то собраться всѣмъ въ ограду эмирова дворца, еще защищаться, сколько будетъ возможно, и затѣмъ взорваться—вотъ спасибо!.. Назаровъ, какъ я узналъ, былъ не согласенъ съ этимъ рѣшеніемъ и брался, коли придется уступить крѣпость, за невозможностью защищать ее, пробиться съ остатками гарнизона до главнаго отряда. Хотя мнѣніе его не было принято, онъ говорилъ мнѣ послѣ, что такъ бы и поступилъ, т. е., на свой страхъ сталъ бы пробиваться. Что касается Штемпеля, то съ этого щедушнаго, морщинистаго, любезнаго, но молчаливаго русскаго нѣмца, едва, впрочемъ, владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ, стало бы исполнить рѣшеніе и отправить насъ всѣхъ сначала на воздухъ, а потомъ туда, откуда никто еще не возвращался.

Мы, молодежь, тогда ничего этого не знали и были далеки отъ мысли, что такія кровожадныя рѣшенія приняты нашими командирами. На третій же день, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Сѣровымъ отъ лазутчиковъ, сдѣлалось извѣстно, что генераль Кауфманъ идетъ къ намъ на выручку, о чемъ комендантъ и объявилъ гарнизону, для ободренія его, по въ этой вѣсти была только доля правды. Какъ узналось послѣ, дѣло стояло такъ: изъ нашихъ джигитовъ, посланныхъ съ помянутыми извѣстіями къ Кауфману, ни одинъ до него не добрался, всѣхъ ихъ перехватили и всѣмъ перерѣзали горло, не смотря на то, что они рѣшились пробираться пѣшкомъ или, вѣрнѣе, ползкомъ. Генераль-же, побивши бухарцевъ подъ Зера-Булакомъ, дѣйствительно, остановился и далѣе не пошелъ, что и было тотчасъ, по обыкновенію, быстрѣе вѣтра, сообщено туземцами своимъ единомышленникамъ въ Самаркандѣ и значительно побавило у нихъ куражу.

Разбивши эмира, Кауфманъ собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса идти впередъ или воротиться. Пріятель мой, генераль Гейнсъ, совѣтовалъ идти немедленно на Бухару, разрушить ее и тамъ предписать миръ эмиру; генераль Головачевъ подалъ противоположное мнѣніе; онъ указалъ на неполученіе вѣстей изъ Самарканда, на настойчивые слухи о томъ, что городъ этотъ въ возстаніи, крѣпость по однимъ—штурмуется, а по другимъ—уже взята возставшими жителями, вмѣстѣ съ подошедшими шахрисябцами. Генераль Кауфманъ,



самъ очень обезпеченный неполученіемъ вѣстей отъ насъ, присоединился къ послѣднему мнѣнію, что и спасло насъ; пойдя отрядъ въ Бухару, намъ бы не удержать крѣпости. Лично я, напрямѣрь, смѣло могу сказать: если не самый ретивый и неутомимый изъ защитниковъ, то одинъ изъ таковыхъ, я начиналъ чувствовать усталость; послѣ сильнаго приступа втораго дня, самъ про себя, т. е. совершенно искренно, я задался вопросомъ: а что если такъ будетъ еще нѣсколько дней «хватить силъ или нѣтъ?»—рѣшилъ, что «врядъ ли...»

Правду говорятъ, что Господь умудряетъ и младенцевъ: одинъ Г. былъ очень умный, талантливый человекъ, другой Г. былъ бравый, но не очень умный и безъ особенныхъ талантовъ—первый, однако ошибся, а второй угадалъ; спасибо ему за это, а главное—миръ его праху, такъ какъ онъ умеръ недавно и умеръ въ черномъ тѣлѣ.

Не смотря на оповѣщеніе, что главный отрядъ идетъ къ намъ на выручку, дни проходили, а о помощи не было ни слуху, ни духу. Понрежнему у насъ, съ утра до вечера, была перестрѣлка и иногда то тамъ, то сямъ нападенія, далеко, однако, не такія отчаянныя, какъ прежде. Мы видѣли, что число атакующихъ было меньше, но только послѣ узнали, что войска Шахрисяба, опасаясь мщенія Ярымъ-падишаха, т. е. полу-царя, какъ они называли генераль-губернатора, стали отходить и вскорѣ совсѣмъ улетучились.

Наши купцы такъ ободрились за это время, что цѣлою гурьбою, подъ предводительствомъ жившаго вмѣстѣ съ ними интендантскаго чиновника, отправились къ стѣнамъ—посмотрѣть и себя показать. Но увы! Отецъ командиръ, интендантскій чиновникъ, былъ немедленно же убитъ на повалъ и вся компанія воротилась домой съ тѣмъ, чтобы болѣе уже не любопытствовать.

Дѣлать большія вылазки мы болѣе не стали, такъ какъ убыль въ людяхъ была и безъ того слишкомъ велика и комендантъ не хотѣлъ рисковать, но выжигать прилегающіе къ стѣнамъ дома мы ходили. Назаровъ выжегъ все по направленію отъ Бухарскихъ воротъ къ той дорогѣ, по которой долженъ былъ войти отрядъ, не безъ задней мысли, какъ самъ онъ признавался, показать командующему войсками, что слѣдовало бы ему сдѣлать передъ уходомъ, для обезпеченія крѣпости.

Надобно сказать, что генераль Кауфманъ, не говоря о многихъ другихъ чудныхъ его качествахъ, былъ еще человекъ высокой доброты: онъ не далъ пальцемъ тронуть жителей, когда занялъ Самаркандъ, и, конечно, не могъ рѣшиться уничтожить треть города вокругъ крѣпости и раззорить столько народа, ничѣмъ еще официально не провинившагося—этимъ только и можно объяснить то,

что онъ ушелъ впередъ, не приведя крѣпость въ тылу въ состояніе возможности обороняться.

Хлѣба у насъ было довольно, соли, какъ сказано, недостаточно, мясо тоже было, но сѣна для лошадей и скота не хватало, пришлось предпринять фуражировку по всѣмъ правиламъ военнаго времени. Мы прошли тайнымъ проходомъ подъ стѣной, который обыкновенно былъ заваленъ, залегли въ цѣль и перестрѣливались съ окрестными садами, пока солдаты-восари выстригли порядочную площадку клевера; тогда мы, тихо ретируясь, вошли опять въ крѣпость, почти безъ потерь.

Въ ожиданіи скорого освобожденія, нашъ начальникъ артиллеріи рѣшился отомстить той мечети, съ минарета которой били по нашимъ раненымъ. Купецъ Трубчаниновъ, зная мою слабость къ мечетямъ, извѣстилъ меня:

— «Василій Васильевичъ, вѣдь штукатурку-то отбиваютъ!»

Штукатуркою онъ называлъ фаянсы, которыми мечеть была выложена и которыми, онъ зналъ, я восхищался.

— Гдѣ, какъ?

Я бросился къ М. и едва, едва уговорилъ его пощадить минареть, въ который уже было пущено нѣсколько ядеръ.

На пятый или шестой день осады, не помню хорошенько, появился подъ воротами человекъ, махавшій бумагою. Назаровъ не велѣлъ стрѣлять и подозвалъ его. Здоровенный бородатый дѣтина, очевидно, не изъ трусовъ, потому что подошелъ подъ самый огонь нашихъ ружей, показалъ имѣвшееся у него писаніе, не по нашему, и Назаровъ поручилъ мнѣ провести его къ коменданту. Я взялъ бумагу, вскинулъ ружье на плечо и повелъ этого посланца, державшагося, надобно сказать, съ большимъ достоинствомъ; передъ входомъ въ эмировъ дворъ, гдѣ былъ нашъ паркъ, раненые и проч., я завязалъ ему глаза носовымъ платкомъ, сказавши по туземному:

— «Не бойся».

— Я ничего не боюсь, отвѣчалъ онъ.

Взявши его за плечо, я протащилъ его до комнаты коменданта гдѣ снялъ съ глазъ повязку. У Штемпеля въ это время былъ Сѣровъ, хорошо владѣвшій туземнымъ языкомъ. Онъ принялъ бумагу, просмотрѣлъ и началъ бранить моего парня самыми отборными, непечатными словами: оказалось, что онъ принесъ предложеніе о сдачѣ. «Спасенія вамъ нѣтъ, писали заправители возстанія, сдайте крѣпость, мы пропустимъ васъ свободно».

— Больше ничего ненадобно? спросилъ я начальство.

— Ничего, можете идти.

Я воротился и сообщил нашимъ какъ о предложеніи намъ сдаться, такъ и о немилостивомъ приѣмѣ, сдѣланномъ комендантомъ этому предложенію.

Солдатики столько разъ уже слышали о томъ, что идутъ, идутъ намъ на выручку, что когда никто не являлся, стали опять поговаривать: «видно, намъ здѣсь зимовать, забыли о насъ». Наконецъ, на седьмой день, рано утромъ, въѣхалъ въ ворота, со стороны отряда, молодой джигитъ, благополучно проѣхавшій туда и привезшій назадъ отвѣтъ генерала. Мы смотрѣли на него, какъ на спасителя, и невзрачная, грязная фізіономія его, повязанная еще грязнѣйшею тряпичною, положительно казалась намъ вдохновенною! Впрочемъ, онъ повидимому, создавалъ важность исполненнаго порученія и, кромѣ понятнаго довольства своимъ подвигомъ, предвкушалъ, вѣроятно, и удовольствіе полученія награды въ 300 руб., вмѣстѣ съ Георгиевскимъ солдатскимъ крестомъ (если не ошибаюсь). «Держитесь, писалъ генералъ Кауфманъ коменданту, завтра я буду у васъ». Какое же грянуло по всей крѣпости ура! когда сдѣлалось извѣстно содержаніе этого письма! Конечно, возставшіе поняли, что дѣло ихъ проиграно и, кромѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, не беспокоили болѣе насъ серьезно. Оказалось, что это былъ первый изъ посланцевъ, добравшійся до отряда, который былъ уже на обратномъ пути, остальные шесть человекъ были перехвачены и убиты.

Перестрѣлка по прежнему продолжалась, даже вышла тревога, небольшое нападеніе вечеромъ, но эпопея наша, очевидно, приходила къ концу.

Эту ночь отрядъ ночевалъ недалеко отъ города, хорошо слышалъ нашу перестрѣлку и генералъ Кауфманъ особенно беспокоился нашими пушечными выстрѣлами. Г. рассказывалъ мнѣ послѣ, что онъ не спалъ, все боялся, какъ бы не взяли крѣпость.

На другой день, какъ ни упрашивалъ меня Назаровъ и офицеры встрѣтить вмѣстѣ отрядъ, я ушелъ въ свою саклю и въ первый разъ послѣ 8 дней легъ на чистую простыню. Хотѣлось заснуть, но не могъ, нервы были слишкомъ напряжены. Я лежалъ въ полудремотѣ, когда ворвался ко мнѣ Николай Николаевичъ Назаровъ.

— Василій Васильевичъ! у меня свѣжій батальонъ, пойдемъ городъ жечь!?

— Нѣтъ, не пойду, отвѣчалъ я.

— Такъ не пойдете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ, пусть скажутъ, что Назаровъ сжегъ Самаркандъ!!!

Скоро огромный столбъ дыма далъ знать, что Назаровъ время не потерялъ—весь громадный базаръ запылалъ.

Добрѣйшій Кауфманъ, понимавшій, что надобно будетъ дать примѣръ строгости, очевидно, нарочно провелъ предъидущую ночь не доходя нѣсколько верстъ, чтобы дать возможность уйти большому числу народа, особенно женщинамъ и дѣтямъ, за то теперь онъ отдалъ приказъ примѣрно наказать городъ, не щадить никого и ничего. Одинъ военный интендантскій чиновникъ, бывшій въ числѣ добровольныхъ карателей, рассказывалъ, что «вбѣгаетъ онъ съ нѣсколькими солдатами въ саклю, гдѣ видитъ старую, престарую старуху, встрѣчающую ихъ словами: аманъ, аманъ! (будь здоровъ). Видимъ, говорить, что подъ рогожами, на которыхъ она сидитъ, что-то шевелится — глядь! а тамъ парень лѣтъ 16; вытащили его и пришибли, конечно, вмѣстѣ съ бабушкой».

Солдатамъ дозволили освидѣтельствовать лавки, и чего, чего они оттуда не натаскали! нельзя было безъ смѣху смотрѣть, какъ они одѣвались потомъ во всевозможныя туземныя одѣянья, одно другаго пестрѣе и наряднѣе. За нѣсколько рублей можно было купить у нихъ цѣлыя сокровища для этнографа.

А что погубило въ пожарѣ старыхъ, чудесной работы, разныхъ деревянныхъ дверей, колонокъ и проч., то и вспомнить досадно!

Назаровъ потѣшился и съ лихою заплатилъ городу за всё безпокойства, ему причиненныя въ продолженіе памятныхъ 8 дней осады; особенно вымѣстилъ онъ злобу на мечети Ширдари, съ минарета которой такъ мѣтко стрѣляли изъ фальконетовъ по нашимъ больнымъ, раненымъ и по артиллерійскому парку. «Всѣхъ перебилъ въ проклятой мечети», хвасталъ онъ потомъ. Такъ какъ у меня былъ въ этой мечети знакомый мулла, котораго я, признаюсь, втайнѣ подозрѣвалъ въ помянутой злой стрѣльбѣ по насъ, но участь котораго меня все-таки безпокоила, то я разспросилъ подробно одного изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ съ Назаровымъ, много-ли и какого народа нашли они въ мечети. «Нѣтъ, не много, отвѣчалъ онъ, всѣ разбѣжались, подлецы!» Я вздохнулъ свободно. «Только одинъ старикашка мулла попался; повѣрите-ли, какъ кошка убѣжалъ отъ насъ на самый верхъ минарета».

— Ну?!

— «Ну, конечно, сбросили его штыками оттуда».

— Уфъ!!

Какъ теперь вижу генерала Кауфмана на нашемъ дворѣ, творящаго, послѣ всего происшедшаго, судъ и расправу надъ разнымъ людомъ или захваченнымъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, или уличеннымъ въ другихъ неблаговидныхъ дѣлахъ. Добрѣйшій Константинъ Петровичъ, окруженный офицерами, сидѣлъ на походномъ стулѣ и, куря папиросу, совершенно безстрастно произносилъ: «разстрѣлять, разстрѣлять, разстрѣлять, разстрѣлять!»

Случайно остановясь посмотрѣть эту процедуру, я увидѣлъ, въ числѣ подведенныхъ, и моего знакомаго парламентаря, подошедшаго къ нашимъ воротамъ съ предложеніемъ о сдачѣ.

— «Неужели и его разстрѣляютъ», — спросилъ я генерала Г., тутъ же стоявшаго, «я знаю этого человѣка за храбраго и порядочнаго».

— Скажите это Константину Петровичу, — отвѣчалъ онъ, для васъ его отсутять.

Нелегкая меня дернула, прежде чѣмъ обратиться къ генераль-губернатору, сказать коменданту:

— «Маіоръ, за что это хотять наказывать этого парламентаря, вѣдь онъ, помните, держалъ себя порядочно?»

— Напротивъ, онъ былъ дерзокъ, позвольте ужъ мнѣ лучше знать и проч., и проч.

Я видѣлъ, что виѣшательство мое неприятно Ш. и отступилъ: однимъ больше, однимъ меньше!...

Надъ парламентаремъ монимъ, между тѣмъ, былъ уже произнесенъ роковой приговоръ «разстрѣлять» и должно быть онъ понялъ, потому что его въ потъ бросило. Выходя со двора, бѣдняга спросилъ только «попить» — ему дали воды, онъ выпилъ, обтерся полою и покорно зашагалъ по пути въ ту область, гдѣ нѣтъ «ни печали, ни воздыханія».

Художникъ В. В. Верещагинъ.

# АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ

въ 1857 — 1871 гт.

Воспоминанія о немъ и его письма.

20 <sup>1)</sup>.

(Въ мартѣ 1861 г.)

Я у васъ въ долгу двойкомъ.

Во-первыхъ: не могу сію минуту прислать вамъ 90 копѣекъ, ибо, если пошлю вамъ оныя, то у себя оставлю только—гривенникъ. Подождите до лучшихъ времянь.

Во-вторыхъ: считайте за мною серьезную вамъ голововоюню отъ меня за пидулочку о деньгахъ за переводъ Тангейзера. Кстати о Тангейзерѣ, посылаю вамъ на короткій срокъ цензурный экземпляръ *Univers Illustré*, съ картинкой (уморительно-плохо нарисованной) изъ сцены «*Sängerkrieg*». Какъ заботятся-то въ Парижѣ еще до представленія. Взгляните и въ статью. Предметъ—вызывающій на размышленія, которымъ теперь нѣтъ мѣста въ моей головѣ. Я былъ такъ жестоко взбѣшонъ противъ васъ, что — изъ пріязни къ вамъ—не рѣшался къ вамъ написать, какъ бы слѣдовало. Мы — навѣрное — раззнакомились бы совсѣмъ <sup>2)</sup>. Теперь, пообдумавъ дѣло и умиривъ внутреннюю горячку, я способенъ буду обработать голововоюню съ надлежащимъ хладнокровіемъ и по пунктамъ. Но и тутъ—

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1868 г., т. LIX, августъ, стр. 343—384.

<sup>2)</sup> Что такое написалъ я Сѣрову о деньгахъ за переводъ Тангейзера, былъ ли вопросъ о дѣломъ либретто или только о двухъ хорахъ, исполненныхъ въ театральныхъ концертахъ, рѣшительно не помню! но оскорбительнаго не было ни одного слова.

К. З.

повремените. Кончаю оркестровку гимна. Осталось писать двѣ страницы партитуры. Написано шестьдесятъ двѣ — (!) сложнѣйшимъ оркестромъ въ 25 строкъ. Въ параллель своему «хвостовству» касательно «смерти Олоферна» и многострочныхъ партитуръ, посылаю вамъ брошюру о другомъ «хеніи», писавшемъ на тотъ-же сюжетъ. Портретъ Бетховена какъ тутъ кстати! даже «не остроумно».

Вотъ уже недѣля прошла, что я обѣдалъ у Джустиніани. Онъ обѣщаль мнѣ навѣдаться у Лагруа—и ни слуху, ни духу—до сихъ поръ. Вѣроятно, все устроится съ нашимъ къ ней визитомъ, когда она—уѣдетъ.

Ждите, между тѣмъ, головою и старайтесь не огорчать и не раздражать безвиннаго передъ вами А. Сѣрова.

Февральской «Библиотеки для Чтенія» у меня все еще нѣтъ. Статью свою я видѣлъ случайно только у Даргомыжскаго. Я забочусь о своихъ статьяхъ только покуда онѣ еще не вышли изъ печати. Какъ только дитяtko явилось на свѣтъ Божій, я дѣлаюсь ему почти чужимъ. Прочтите въ «Сѣверной Пчелѣ» (на прошлой недѣлѣ, кажется,) выходку противъ статьи N— въ «Вѣкѣ». Писаль, говорятъ, — — въ.

Никакой головою я не дождался, хотя Сѣровъ сильно былъ раздраженъ противъ меня, по разнымъ причинамъ, какъ видно ужъ отчасти изъ предыдущихъ его писемъ: за отказъ мой заняться переводомъ текста къ Волшебному Стрѣлку, за мою неподатливость относительно перевода его статей на нѣмецкій языкъ, за мой печатный отзывъ объ его лекціяхъ, за мою яко-бы нелюбовь къ музыкѣ и проч. Наконецъ, 14 марта того-же 1861 года Сѣровъ разразился письмомъ, которое началъ словами: «Знакомство наше висѣло на волоскѣ. Теперь, кажется, и онъ обрывается».

Не стану приводить этого желчнаго, хотя, по формѣ, очень приличнаго, вѣжливаго письма; во-первыхъ, потому что оно касается не общезанимательныхъ предметовъ, но домашнихъ дразгъ; во-вторыхъ, потому, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, не приводить моего Сѣрову отвѣта, крайне длиннаго и утомительнаго, который заключаетъ въ себѣ, по пунктамъ, опроверженіе всѣхъ обвиненій Сѣрова, главное: «высоко-неучтиваго поступка» съ его матерью, т. е. что я не могъ принять ея, черезъ три недѣли послѣ родовъ моей жены.

Наша непріятная размолвка не имѣла, однако, никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Я принесъ повинную добрѣйшей Аннѣ Карловнѣ,

которая даже не сердилась ни на меня, ни на жену мою; а съ Александромъ Николаевичемъ помирилъ насъ неожиданный казусъ, съ нимъ случившійся, сдѣлавшійся тогда извѣстнымъ всему Петербургу. Сама судьба наказала Сѣрова!

Тогда давалъ въ Петербургѣ свои концерты пресловутый Александръ Васильевичъ господинъ Лазаревъ, какъ гласили его огромныя афиши, прозванныя Лазаревскими простынями. Долго было бы рассказывать, что такое было это обѣсинское маэстро, исчадіе московскаго славянофильства, затесавшееся въ дѣла музыкальныя, съ легкой руки шутниковъ, никому неизвѣстныхъ, но со средствами, потому что самъ Лазаревъ не былъ бы въ состояніи ѣздить по Европѣ и Африкѣ и устраивать раззорительные концерты. Въ этихъ концертахъ исполнялись только сочиненія самого Лазарева, чисто-славянскія, не заключающія въ себѣ, какъ стояло въ афишахъ, элементовъ прежней музыки: итальянской, французской и вѣмецкой. Вольно было намъ трунуть надъ этимъ маэстро!.. признаютъ-же многіе изъ современныхъ людей обезьяну своей родоначальницей!

Какъ бы то ни было, этотъ родоначальникъ былъ поводомъ пренепріятной для Сѣрова исторіи, которой коснусь вкратцѣ, со словъ самого Александра Николаевича; но прежде помѣщаю здѣсь примирительное его письмо.

## 21.

9 апрѣля 1861 г.

Пора, любезный Константинъ Ивановичъ, покончить нашу глупенькую размолвку. Если мои бесѣды сколько-нибудь для васъ дороги, то ваши—всегда для меня очень пріятны, зачѣмъ же бы имъ и не продолжаться, а сообщить вамъ текущихъ новостей понабралось таки за послѣднее время. Причину долгаго молчанія моего легко найдете въ передрыгаль, собственно до меня касающихся. (Вѣдь только въ четвергъ я вернулся изъ подъ семидневнаго ареста на гауптвахтѣ, «чуть-чуть» не...). Но условіе нашей мировой одно: чтобы вы изъ головы выкинули мысль <sup>1)</sup>, будто-бы я подъ чьимъ-нибудь владычествомъ. Никто, никакая «донна» поступками моими не управляетъ и упрекъ за покореніе себя другимъ—столько-же справедливъ,

<sup>1)</sup> Я до сихъ поръ этой мысли изъ головы не выкинулъ, т. е. что Сѣровъ всегда находился подъ вліяніемъ какой-либо женщины, вѣря вообще въ толковость женщинъ относительно музыки.



какъ сдѣланный мнѣ печатно упрекъ г. Героглифовымъ, что мнѣ не достаесть «характера» на добросовѣстное изученіе (чего бы вы думали—?)—музыки итальянскихъ оперъ! Какихъ, какихъ не бываетъ на свѣтѣ превратныхъ понятій! (хоть бы и въ томъ случаѣ, напримѣръ, что будто бы мою добрую матушку нельзя было встрѣтить на минутку, въ халатѣ, и заглядить тѣмъ неловкость вашихъ швейцаровъ!). Это, впрочемъ, относится болѣе къ «черной кошке», а мы ее, съ помощью любви къ отношеніямъ серьезнымъ, благословясь, уничтожимъ.

Итакъ—по прежнему—до скорого свиданія! Вашъ А. Сѣровъ.

Въ первый разъ послѣ этого благодушнаго письма видѣлъ я Сѣрова въ Большомъ театрѣ, въ послѣднемъ концертѣ театральной дирекціи, 13 апрѣля. Я сидѣлъ въ ложѣ, съ женой и съ семействомъ моего брата, какъ разъ насупротивъ ложи, гдѣ вдвоемъ только были Александръ Николаевичъ и одна изъ его сестеръ. Основываясь на его желаніи помириться, я въ антрактѣ поспѣшилъ въ его ложу и, увидя на немъ мундирный фракъ, какихъ у него прежде и въ заводѣ не было, съ театральнымъ паэосомъ воскликнулъ: «И вамъ не стыдно, Александръ Николаевичъ?!»... «Что такое?» спросилъ Сѣровъ.—«А то, что ваше начальство заставило васъ надѣть мундирный фракъ, чтобы обуздать васъ».—«И совсѣмъ нѣтъ! я самъ шилъ себѣ этотъ фракъ, чтобы опровергнуть слухъ, будто я исключенъ изъ службы по почтовому вѣдомству!» — «А вамъ развѣ не совѣстно пускаться съ Лазаревымъ въ публичное словопреніе?... Развѣ стали бы вы въ кабакѣ протестовать, если-бы тамъ вздумали читать стихи Пушкина или Лермонтова»?... — «Нѣтъ! подобное глумленіе для меня нестерпимо! это выше силъ моихъ! впрочемъ, сейчасъ начинаютъ вторую часть концерта — прощайте! При первомъ свиданіи расскажу вамъ все, какъ было».

Было вотъ какъ. Сѣровъ терпѣть не могъ Лазаревского гаерства, которое такъ потѣшало Даргомыжскаго. Въ залѣ Руадзе, утромъ, происходилъ концертъ славянской музыки, гдѣ, для сравненія съ нею, обѣщано было черезъ афиши исполненіе любой увертюры Бетховена, и вызывались даже оппоненты, которымъ Лазаревъ брался доказать превосходство своей музыки надъ Бетховенскою. Естественно, Сѣровъ и не намѣренъ былъ туда заглядывать; но его увлекла вражья сила, въ лицѣ двухъ нѣмцевъ: Карла Шуберта и композитора Дютча, автора оперы Кроатка. Эти два музыканта, встрѣтя Сѣрова на Невскомъ проспектѣ уговорили, мало того—взяли

подъ руки и потащили его въ концертъ Лазарева. Когда сей послѣдній сталъ дирижировать увертюру изъ Эгмонта или изъ Коріолана (не помню хорошенько), Сѣровъ вскочилъ на пустой стулъ въ оркестрѣ и, пользуясь афишечнымъ приглашеніемъ, началъ уговаривать многочисленную публику прекратить такое глумленіе. Публика поощряла эту импровизованную рѣчь; Лазареву начали свистать; въ него полетѣли даже красныя подушки со скамеекъ, но когда Сѣровъ произнесъ необдуманную, довольно дерзкую фразу: «Если-бы публика была умнѣе» и т. д., оскорбленные слушатели закричали: «Довольно, довольно, Сѣровъ!» Кто и какъ спровадилъ оратора на гауптвахту, не мое дѣло пересказывать, тѣмъ менѣе, что тутъ не обошлось безъ иморительныхъ сценъ и приключеній.

Не помню, когда именно видѣлся я съ Сѣровымъ до переѣзда моего на Каменный островъ. Все почти лѣто и осень мнѣ было не до него, а ему, вѣроятно, до меня еще менѣе.

Въ городѣ я получилъ отъ него слѣдующее письмо.

22.

Суббота. 4 ноября 1861 г.

Очень благодарю васъ, Константинъ Ивановичъ, за доставленіе послѣдней тетрадки Шпора (а прогос — сколько я вамъ долженъ за эту книгу?). Но признаюсь, я былъ достаточно удивленъ, что вы подходили къ моимъ дверямъ сами лично и не удостоили войти ко мнѣ?!

По случаю болѣзни Ульяны Васильевны опасаясь придти къ вамъ совершенно невпопадъ и полагаю, что если вы хотите бесѣды со мной (гдѣ, конечно, узнаете многое и объ оперѣ моей), то, не смотря ни на какія домашнія обстоятельства, найдете часочекъ времени свободный для исполненія своего желанія.

По воскресеньямъ, утромъ, я всегда дома. И въ другіе дни недѣли домоѣдствую иногда упорно, но въ воскресенье все-таки вѣрнѣе. Итакъ—до скорого свиданья!

Вашъ, по прежнему, Сѣровъ.

Наконецъ-то, 8-го ноября, удосужился я посѣтить Александра Николаевича. Онъ зналъ о моихъ домашнихъ несчастіяхъ и невзгодахъ и потому не настаивалъ на частыхъ свиданьяхъ, одолживъ мнѣ на неопредѣленное время клавирауспугъ повѣйшей тогда оперы Рихарда Вагнера: Тристанъ и Изольда. Переводя, по почамъ, текстъ

Тангейзера, утро, по обыкновенію, посвящалъ я всецѣло послѣднему творенію Вагнера, которое, на мой взглядъ, превосходить все имъ когда либо написанное. Много здѣсь толковать о Тристанѣ и Изольдѣ не для чего, главное потому, что петербургская публика навѣрно никогда не увидитъ этой драмы; но скажу, что въ ней впервые воплощенъ идеаль драмы Вагнера, какъ въ цѣломъ созданіи, такъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кто теперь зайкнется о превосходствѣ Лоэнгрина или Тангейзера, тотъ похожъ на тѣхъ отсталыхъ, тупоумныхъ вѣмцевъ, которые еще въ 1837 году восхищались Аделандой Бетховена, игнорируя IX-ю его симфонію.

Простудировавъ отъ доски до доски Тристана и Изольду, насколько это возможно безъ оркестровой партитуры, я отослалъ Сѣрову клавираусгугъ, при самомъ восторженномъ письмѣ, и получилъ такой отвѣтъ:

23.

15-го января 1862 г.

Благодарю за возвратъ оперы и еще болѣе за весьма правдивую оцѣнку. По моимъ понятіямъ это дѣйствительно:

Бахъ + Бетховенъ + Шопенъ + Шекспиръ.

Рецептикъ хоть куда, но что-жъ дѣлать, когда такъ! Или приходится закрыть себѣ и уши, и глаза.

Все прежнее—только подготовка.

---

Не поладивъ съ примадонной тогдашней итальянской оперы, Лагруа, которая не потрудилась даже заглянуть въ партитуру финальнаго гимна Юдифи и не приняла его отъ Сѣрова, подъ предлогомъ, что не желала бы соперничать со своей пріятельницей, Ристори, Сѣровъ передалъ мнѣ эту партитуру, рѣшивъ бросить надежду на высокоумныхъ итальянцевъ и отдать Юдию на русскую оперную сцену. Гимнъ Юдию съ хоромъ, когда она, съ головой Олоферна, возвращается въ Ветулію, написанный на итальянскій текстъ Джустиніани, превращенъ Сѣровымъ въ 5-й актъ и былъ мнѣ присланъ при слѣдующемъ письмѣ:

---

## 24.

19-го мая 1862 г.

Вотъ, многоуважаемый Константинъ Ивановичъ, текстъ моего пятаго акта. Пересадить его на почву «русскую» для васъ дѣло слишкомъ не трудное. Ритмы я всё вамъ обозначилъ подробно. Также сдѣлалъ намеки и на тѣ мѣста, гдѣ желательно бы поближе держаться Библии, нежели что вышло въ рифмахъ синьора импровизатора (которому, впрочемъ, я все-таки чрезвычайно благодаренъ; не будь его звучныхъ строчекъ, я долго бы не установилъ отношеній между своей музыкой, какъ она въ головѣ слагалась, и библейскимъ текстомъ. А теперь, съ легкой руки итальянца, работа пошла, какъ по маслу).

Сегодня былъ у меня Ломакинъ съ благодареніемъ за статью о немъ и принесъ мнѣ пачку отдѣльныхъ оттисковъ этого «*соггити деликти*». Рассказывалъ, между прочимъ, что Кологривовъ приходилъ къ нему совсѣмъ опечаленный. Всѣ они крѣпко хвостъ поджали послѣ моего залпа <sup>1)</sup>. А еще не то будетъ впоследствии! Изъ словъ Кологр. Ломакину видно было, что они всего больше досадуютъ, что мнѣ—за ихъ сторону—никто отвѣчать не возьмется. Ни знанія, ни храбрости не хватаетъ. Надѣюсь, что положеніе мое не хуже станетъ, если «Юдией» сдѣлается моей союзницей въ правомъ дѣлѣ. вмѣстѣ съ нею побѣдимъ авось всѣхъ «нечестивцевъ» <sup>2)</sup>.

Но надо зѣло спѣшить работою, а то опять затянется дѣло, а, быть можетъ, и энтузіазмъ мой къ этому труду попростынетъ. Завтра ѣду въ Павловскъ прослушать концертъ въ память Глинки и повидаюсь со Штраусомъ, который, безъ сомнѣнія (ибо—пріятель), приметъ съ удовольствіемъ заготовляемый мною для него нумерокъ изъ оперы (Маршъ Олоферна и гаремная пѣсня его одалисокъ. Начало III акта).

Если можно, поторопитесь общавною работкою, чѣмъ безконечно обяжете душевно преданнаго вамъ А. Сѣрова.

<sup>1)</sup> Что это за статья—не помню.

<sup>2)</sup> Кто такіе эти всѣ они, что такое изображалъ Кологривовъ—также не помню; предоставляю читателю удовольствіе или наводить справки, или догадываться. Всѣ эти задорныя выходки Сѣрова показываютъ, что онъ навсегда остался «охотникомъ до журнальной драки», но успѣлъ умереть, не одолевъ ни одного изъ своихъ враговъ и супостатовъ. Мало того, нѣкоторые изъ его адептовъ стали служить вражьей силѣ, одолевшей самого Сѣрова!

Коверкалъ я Джустиніаневскіе стихи, лежа въ постели, опасаясь, что меня задушатъ спазмы въ горлѣ. Впрочемъ, мнѣ стало лучше, и 22-го мая мы съ женой могли принять Сѣрова, который пилъ у насъ чай, но, навѣстивъ Даргомыжскаго, спѣшилъ на урокъ гармоніи къ какимъ-то важнымъ барынямъ. Между прочимъ, потѣшилъ насъ разговоромъ, какъ онъ показывалъ оконченные отрывки Юдней Даргомыжскому, какъ Даргомыжскій радовался, что Сѣровъ, въ постановкѣ своей оперы, счастливѣе будетъ и его, и Глинки; какъ, наконецъ, Даргомыжскій, не довольствуясь слащавымъ воркованіемъ неутѣшной вдовицы «Я одѣнусь въ виссонъ», совѣтовалъ Сѣрову прибавить еще женскій хорикъ, когда Юдней будетъ наряжаться, ради прельщенія врага. Сѣровъ рѣшительно воспротивился этому слащаво-пискливому совѣту и поднялъ на смѣхъ Даргомыжскаго: жаль, что Сѣровъ такимъ же образомъ не обошелся и съ виссономъ своимъ!

Послѣ чаю Сѣровъ ушелъ на урокъ, несмотря на усиленные просьбы остаться. Онъ сказалъ, что какъ ему ни пріятно быть съ нами, но денежные интересы заставляютъ его дорожить выгоднымъ для него преподаваніемъ музыки въ богатомъ домѣ; тутъ Сѣровъ улыбнулся и сказалъ: «Да, наконецъ, *il n'y a pas de bonne compagnie qu'on ne quitte, disait le roi Dagobert, en jetant ses chiens par la fenêtré!*»

Вскорѣ послѣ того мы переѣхали на дачу.

## 25.

30-го іюня 1862 г.

Скопленіе разнородныхъ работъ и хлопотъ не позволило мнѣ совершить пріятное пилигримство къ вамъ, на Каменный, — мой многоуважаемый «сотрудникъ», Константинъ Ивановичъ.

И теперь спѣшу (до понедѣльника) въ Парголово, къ Майкову, для одного концерта, и пишу къ вамъ впопыхахъ, прося васъ непременно завтра или послѣ завтра доставить мнѣ №№ Лейпц. Музык. газеты. Ихъ отъ меня требуютъ обратно, и задержать было бы неловко.

До вожделѣннаго мною свиданія А. Сѣровъ.

## 26.

9-го августа 1862 г.

Навѣщать болящихъ дѣло душевспасительное, а такъ какъ я очеь забочусь о спасеніи моей многогрѣшной (хотя и ребячески-наивной!) душонки, то васъ навѣщу въ наименѣе скорѣйшемъ времени. Оттого теперъ ограничусь немногими строками въ изъявленіе моей благодарности за экземпляръ вашего, навѣрное превосходнаго, Тангѣйзера («немногими» строками приходится ограничиться и потому еще, что вашъ Федоръ сказалъ, что долго ждать не можетъ, а я, только что возставъ отъ сна, не смогу писать «*con molta prestezza*»). Ап. Григорьеву передамъ вашъ подарокъ, вѣроятно, сегодня-же. (О Сальвини вы ошибаетесь; Ап. Григорьевъ видѣлъ и Ольриджа и находить, что Сальв. безмѣрно его выше)<sup>1)</sup>.

Подобающую статейку о вашемъ поэтическомъ трудѣ навалю безъ отлагательства. Это будетъ пріятнѣйшимъ для меня «*Intermezzo*» среди постояннаго, деннаго и ношнаго, нотописанія. Крайніе акты (1-й и 5-й) оркестрованы отъ точки до точки—средніе (2-й, 3-й, 4-й) подвигаются въ оркестровкѣ не по днямъ, а по часамъ, недѣли черезъ три окончу рѣшительно все. Первый актъ (партитурой) въ рукахъ уже у вашего тѣзки, Лядова-Костыки. Либретто въ передѣланномъ видѣ пойдетъ надняхъ въ цензуру Навуходносоровъ—но все-таки думаю, что не Юдию моя свернетъ шею имъ, а напротивъ, она—ей! Опасенія мои и грустныя всякаго рода ожиданія изложу устно. Статья о Тангѣйзерѣ будетъ одною изъ послѣднихъ моихъ работъ по критической части. Миѣ кажется, что я навсегда отброшу отъ себя перо музыкально-критическое—или буду являться въ такомъ «прежней» качествѣ только въ видѣ рѣдчайшихъ исключеній. О резонахъ догадаетесь сами.

Въ июльской книжкѣ Времени Ап. Григорьевъ помѣстилъ свой превосходный переводъ первой пѣсни Чайльд-Гарольда, и еще: отличную критическую статью о Некрасовѣ.—Что за голова этотъ Григорьевъ и—что за безобразникъ! — — — а при всемъ его дикомъ безобразіи невозможно его не любить и не уважать.

Онъ будетъ душевно радъ вашему Тангѣйзеру, потому что и Вагнера цѣнить высоко-зѣло. (Хотя и увѣряетъ, что «теперь»—Тангѣйзеръ маленько уже на русскую сцену — опоздалъ — я, напротивъ,

<sup>1)</sup> Недавно еще всѣ мы видѣли Росси и Сальвини и... о вкусахъ и спорятъ, особенно съ тѣмъ, кто умеръ и спорить болѣе не можетъ!

убѣжденъ, что это будетъ во-время и съ вашимъ текстомъ—отлично-хорошо. А. С.

Съ половины октября 1862 г. по 20-е июня 1863 г. пробылъ я въ Германіи, преимущественно въ Дрезденѣ, слышалъ тамъ и видѣлъ побольше, чѣмъ въ Петербургѣ. Главною цѣлью моея поѣздки было—содѣйствовать постановкѣ на петербургской сценѣ оперы Тангѣйзеръ, Рихарда Вагнера, съ переведеннымъ мною и изданнымъ текстомъ. Всѣ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ артисты русской оперы, Сетовъ, Петровъ, Валентина Біанки, Леонова, Булаховы, Ратковский, не говоря уже о Сѣровѣ, всѣ не только одобряли, но прямо подстрекали меня къ этой экстравагантной поѣздкѣ и къ личному знакомству съ Вагнеромъ. Сѣровъ и Валентина Біанки были столь добры—сдѣлали для меня возможнымъ это знакомство, снабдивъ меня письмами къ Гансу-фонъ-Бюлову, Іосифу Тихачку и, наконецъ, къ самому Вагнеру. Сетовъ просилъ меня даже вывѣдать у него подробно, какимъ образомъ ставить Тангѣйзера, особенно въ виду безобразныхъ сокращеній, урѣзокъ, искаженій, которыя дозволяютъ себѣ тупые, въ драмѣ, а зачастую и въ музыкѣ, ничего не смыслящіе капельмейстеры. Поражаетъ особенно отсутствіе большой реплики Тангѣйзера, въ аддажіо финала 2-го дѣйствія. Самъ Вагнеръ неоднократно протестовалъ противъ этой негнѣйшей урѣзки. Сетовъ, прощаясь со мною, сказалъ: «Мы пѣть будемъ въ такомъ видѣ, какъ укажетъ Вагнеръ».

Разумѣется, всѣ эти предпріятія не осуществилась, и всѣ мы остались въ дуракахъ!

## 27.

Воскресенье, 6-го октября 1862 г.

Пишу къ вамъ, многоуважаемый, впопыхалъ,—не знаю, застанеть ли васъ еще это письмо—но считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ, что будетъ неучтиво противъ m-lle Bianchi, если вы не зайдете къ ней проститься, и за письмами, которыя ждутъ васъ. (Какъ я и предполагалъ вчера.) Я видѣлся съ нею у Леоновой, вечеромъ, и Біанки мнѣ высказала свое искреннее сожалѣніе, что компаньонка ея не сумѣла отыскать заранѣе приготовленные для васъ цидулки. Мнѣ было крайне досадно, что вы напрасно зашодорили въ чемъ-то

недобромъ эту прелестно-добрую артистку. Надѣюсь, что вы поправите все дѣло нашимъ визитомъ. Времени для этого надо немного, а польза для васъ преизрядная.

Бетати: какъ же мнѣ-то адресовать къ вамъ въ Дрезденъ? Сообщите поскорѣе.

Ульянѣ Васильевнѣ отъ души желаю здоровья и преуспѣянья во всемъ. Вашъ А. Сѣровъ.

Въ Дрезденѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда моего въ Россію, именно 25—13 іюня 1863 года, получилъ я отъ знакомыхъ два, три письма о рѣшительномъ успѣхѣ Юднен на петербургской оперной сценѣ, между прочимъ, отъ самого Александра Николаевича.

28.

Четвергъ, 23 мая 1863 г.

Пишу къ вамъ, Константинъ Ивановичъ, хотя не тотчасъ послѣ перваго представленія, однако, между вторымъ и третьимъ представленіемъ моей «Юднен». 1-е состоялось въ четвергъ, 16 мая (стар. стиля),—2-е было во вторникъ 21 мая (такъ какъ тутъ пришлись праздники: Троица и Духовъ день), — 3-е идетъ сегодня. Прежде всего исповѣдаю вамъ самыя сокровенныя «чувствія»: хлебнулъ я славы и убѣдился, что этотъ пресловутый напитокъ, столь вожделѣнный для многихъ, меня не хмѣляетъ. Ich fühle mich ganz ruhig und nüchtern, die ganze Zeit! — Не было ни страха, ни робости, ни трепета сердечнаго передъ приемомъ въ публикѣ дѣтища моего,—не было и особеннаго, уповательно-счастливаго чувства послѣ успѣха (громднаго). Такова ужъ натурка! Весь въ своемъ дѣлѣ; остальное (т. е. даже отношеніе публики къ этому дѣлу) хоть травой не расти. Съ тѣмъ и возьмите. Въ настоящую минуту чувствую себя даже какъ-то неловко, ибо празденъ! Большой трудъ, занимавшій меня болѣе двухъ лѣтъ, пришелъ къ своему результату. Новыхъ трудовъ не могу еще начать, такъ какъ ни на чемъ еще не остановилъ своего выбора и просто не знаю чѣмъ бы занять свою душу!

Не писалъ я къ вамъ все время оттого, что сначала, съ переѣздами, затерялъ вашъ адресъ,—а послѣ было не до писемъ. Еще съ февраля (т. е. со второй недѣли поста) началось разучиваніе моей оперы и вся эта страшная возня съ солистами и хористами, декоратѣромъ и режиссѣромъ, оркестромъ и костюмеромъ продолжалась безъ отдыха, безъ перемержки до половины мая! (последняя,



генеральная репетиція была 14 мая). Я самъ проходилъ и хоры и довелъ ихъ до изумительно-честнаго исполненія, неслыханнаго еще на сценѣ Маринскаго театра. Лядовъ, ретивѣйшимъ образомъ мнѣ содѣйствовавшій, вымуштровалъ оркестръ до точки. Однимъ словомъ, все попало на свою линію и я могу повторить съ вами (*molto risoluto e fortissimo*) наша взяла! — Триумфъ полный, какъ и обѣщано мнѣ было Аполлономъ Григорьевымъ, когда онъ только что познакомился (годъ назадъ) съ моею Юдиною, еще на Лиговкѣ, подъ звуки разстроеннаго органа, стало быть до вѣрѣя мнѣ по однимъ намекамъ на истинный эффектъ. Инструментовкѣ моей и «музыкѣ» вообще весь оркестръ сталъ аплодировать еще на черновыхъ репетиціяхъ, какъ только дѣло разъяснилось, пройдя сквозь дремучій лѣсъ ошибокъ, въ которыхъ грѣшна потная контора. На сценѣ блистаютъ на первомъ мѣстѣ—хоры; затѣмъ Біанки, чарующая въ Юдиен не только голосомъ, пѣніемъ и умѣйшею игрою, но даже и наружностью—(костюмъ сдѣлала изъ нея—красавицу)—затѣмъ: Олофернъ-Сариотти. Судьба послала мнѣ осенью прошлаго года такого исполнителя для этой трудной роли, что лучше этого «дебю-танта» (ему всего 22 года) я врядъ ли скоро дождусь въ Олофернѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи. Васильевъ I хорошъ въ роли жреца, какъ всегда въ родныхъ ему роляхъ изъ «духовнаго званія» — Сетовъ (кромѣ — — голоса) хорошъ въ Ахіурѣ, — Петровъ и Гумбинъ удовлетворительны въ маленькихъ роляхъ старѣйшинъ. Старуху-рабыню Авру я предназначалъ Леоновой, но она въ послѣднее время въ разладѣ съ дирекціей, — — — — и роль надо было передать Латышовой, выучившей свою партію въ три дня (!), отчего проиграла (немного, впрочемъ) голосная партія Авры, но выиграло все исполненіе оперы, потому что капельмейстеръ (изъ нѣжныхъ отношеній къ Латышовой) за мою «Юдию» готовъ теперь животъ положить. На костюмы и декорации было отпущено всего вмѣстѣ около 3-хъ тысячъ. Скудновато! но постановка, благодаря моимъ указаніямъ, вышла не бѣдна. По крайней мѣрѣ толкова (кромѣ сцены «вакханалии», вовсе не удавшейся) и во многомъ подходяща къ характеру. Танцами только крѣпко насолилъ мнѣ — — — Алексѣй Богдановъ (не родственникъ, а однофамилецъ Надежды), protégé П. С. Федорова. Ни одного изъ моихъ намѣреній въ восточномъ характерѣ не выполнено. Вездѣ казенщина и подлѣйшая рутинна въ этихъ анаемскихъ «mise en scène dansante». Къ осени надѣюсь поправить эту слабую сторону. А теперь принужденъ былъ выбросить всѣ танцы 4 акта, музыку которыхъ жалѣютъ даже музыканты въ оркестрѣ (всегда радующіеся всѣмъ урѣзкамъ, купю-

рамъ, какъ ихъ называютъ въ театрѣ). Вызовамъ, аплодисментамъ послѣ каждаго акта и конца нѣтъ! Признаюсь вамъ, что меня это крайне удивляетъ за нашу публику. Стиль оперы моей до того строгъ и серьезенъ, до того не похожъ на все даваемое на нашихъ оперныхъ сценахъ (не исключая и довольно-таки серьезныхъ оперъ Глинки), что я имѣлъ полное право ожидать только холоднаго succès d'estime, особенно за первый актъ. Ни чуть не бывало—въ первый-же разъ вызвали и хоры, и автора, тотчасъ послѣ перваго паденія занавѣса. Театръ оба раза былъ биткомъ, не смотря на позднюю пору—дачную, — и не смотря на возвышенныя дѣны въ 1-й разъ (былъ бенефисъ Сетова). Толковъ въ городѣ объ «Юдионъ», конечно, много. C'est la grande nouvelle du jour. Но большинство уже за меня. Оппозиція весьма незначительна и только пособляетъ энтузиазму, подливая масла въ огонь. Въ журналахъ только въ «Голосѣ» (журн. Краевского) Манъ высказалъ полную антипатію къ моей оперѣ (и не мелодистъ-то я, и вдохновенія-то у меня нѣтъ ни капли, все только—работа, впрочемъ, говорить, изящная, но все же — «работа»!!)—Ростиславъ началъ съ того, что за два дня до 1-го представленія въ «Сѣверной Пчелѣ» страшно выругалъ меня за либретто (напечатанное у Стелловскаго) и за мою распродерзость самому писать текстъ изъ подражанія Вагнеру, — безъ малѣйшаго (какъ и въ самомъ Вагнерѣ) драматургическаго и поэтическаго дарованія. Пришелъ въ театръ 16 мая — съ явнымъ намѣреніемъ язвительно смѣяться и шикать. Но съ первыхъ же тактовъ прелюдіи—распластался передъ этой музыкою и черезъ день тиснулъ опять въ «Сѣверной Пчелѣ» цѣлый диоирамбъ моей оперѣ, съ навѣйшимъ сознаніемъ. «Очень мнѣ жаль и досадно» — говорить — что именно вы, г. Сѣровъ (такъ-таки — прямо), написали такую прекрасную оперу, но дѣлать нечего! Приходится отъ души поздравить Россію и музыку вообще съ такимъ художникомъ». — Отыщите статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» (1-я—14, 2-я—19 мая). Онѣ курьозны какъ психологическій фактъ.

Теперь, на досугѣ, скоро напишу вамъ еще, гдѣ поведу рѣчь о Рихардѣ и о матеряхъ важныхъ. Вашъ А. Сѣровъ.

Пошлите въ Neue Zeitschrift für Musik увѣдомленьце, что Юдионъ дана тогда-то, mit dem grössten Erfolg.

---

Это композиторское посланіе говоритъ само за себя. Конечно, мнѣ тогда было не до Юдионъ и не до Латышовой. Прочтя посланіе, мы съ женой переглянулись и только пожалы плечами.

«Хлебуль я славы», пишетъ Сѣровъ.

Что такое слава?..

Слава—общественное признаніе силы въ комъ-либо. Но развѣ сила не сила, пока она не признана обществомъ?.. Пожалуй, не признавай, а Данте все-таки Данте, Бетховенъ—Бетховенъ, Шекспиръ—Шекспиръ. Иду еще глубже: если бы даже врожденная въ этихъ людяхъ сила ничѣмъ себя не ознаменовала, то и тогда осталась бы силой.

Общественнаго признанія ищетъ не сила, а безсиліе. На многіе десятки тысячъ обыденныхъ смертныхъ (*gemeine Alltagsmenschen*, по мѣткому выраженію Бетховена) отыщете едва одного путнаго чловѣка, способнаго самобытно мыслить и чувствовать; и потому, при вѣкоторыхъ дипломатическихъ способностяхъ и трудолюбіи, даже безсиліе можетъ добиться столь вожделѣннаго общественнаго признанія, т. е. славы, или, по крайней мѣрѣ, знаменитости, извѣстности, популярности...

«И чтобъ чины добыть, есть многіе каналы».

Но кто черезъ подобные каналы достигаетъ славы, тотъ оцѣниваетъ ее совершенно иначе, нежели полунаивный энтузіастъ, каковымъ былъ тогда Сѣровъ; тотъ въ славѣ видитъ только средство къ достиженію пользы, т. е. денегъ, или для себя, или для другихъ.

Сокративъ предположенное пребываніе за границей, мы посѣщали домой, въ Петербургъ, гдѣ провели остатокъ лѣта и осень 1863 г. самымъ грустнымъ образомъ.

Хотя наши взаимныя отношенія поохладѣли, но Сѣровъ бывалъ у насъ, на Каменномъ острову; мы оба вели себя чинно и осторожно.

## 29.

2-го сентября, понедѣльникъ, 1863 г.

Любезный Константинъ Ивановичъ. Были ли вы вчера въ «Юдюн»? Если еще нѣтъ, то распорядитесь на среду, 4 сент. — заранѣе. Наплывъ публики чрезвычайный. Вчера театръ былъ биткомъ. А потомъ желательно было бы повидаться съ вами и перетолковать о впечатлѣніяхъ.

Вчера былъ среди публики — — —

Вашъ А. Сѣровъ.

Въ октябрѣ умерла моя жена. Я не посѣщалъ никакихъ зрѣлищъ. Сѣровъ, между тѣмъ, оставилъ Лиговку и домъ, гдѣ родился,

поѣхалъ въ Москву и тамъ женился. Возвратясь въ Петербургъ, нанялъ квартиру на углу Демидова переулка и Мойки; Анна-же Карловна съ Олимпиадой Николаевной поселились на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста, гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали 30-го октября, и откуда Сѣровъ и я отправились въ Маринскій театръ слушать его Юдию. Помню, что я не былъ ни пораженъ, ни растроганъ этой оперой: все было прилично—и только; мое равнодушіе не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Александра Николаевича и еще болѣе охладило его благосклонность ко мнѣ. Онъ не могъ не замѣтить, что, напр., Танггейзеръ мнѣ нравился больше, чѣмъ его Юдию.

Вообще, драмы Вагнера сильно занимали меня тогда. Вслѣдъ за изданіемъ перевода Танггейзера, еще въ сентябрѣ 1863 г., началъ я переводить текстъ къ Лоэнггину, безъ малѣйшей мысли о постановкѣ этихъ драмъ на русской оперной сценѣ, зная, что теперь ужъ Сѣрову не до Вагнера, а что безъ Сѣрова дѣло обойтись не можетъ. Увѣнчанный успѣхомъ, онъ сталъ серьезно не только помышлять, но и хлопотать о переводѣ Юдию на нѣмецкій языкъ и постановкѣ ея гдѣ-либо въ Германіи; мнѣ кажется, прежде всего, имѣлъ онъ въ виду Веймаръ и поддержку Франца Листа.

Около этого времени, Сѣровъ далъ мнѣ, для просмотра, огромное собраніе старыхъ англійскихъ балладъ и пѣсень, Перси, гдѣ напечатано, съ музыкой, много напѣвовъ, которые бралъ Шекспиръ для своихъ пьесъ. Старинныя пѣсни Офеліи такое произвели на меня впечатлѣніе, что я покушался написать для Сѣрова либретто на Шекспировскаго Гамлета. Сѣровъ сразу отвергъ мое предложеніе, по причинамъ, весьма уважительнымъ: вопервыхъ, что у него не хватитъ таланта для столь грандіозной задачи, не подъ силу даже какому-либо Вагнеру; во вторыхъ, что весь міръ помнитъ почти наизусть текстъ самаго Шекспира, который, однако, цѣлкомъ невозможно положить на музыку! Нѣсколько лѣтъ спустя, Фачіо да Амбруазъ Тома легче взглянули на задачу, нежели добросовѣстный, глубоко знавшій дѣло Сѣровъ, состряпали своихъ Гамлетовъ, которые со славою держатся еще на столичныхъ сценахъ, благодаря бѣлокурнымъ шведкамъ, да черномазымъ итальянцамъ или евреямъ.

Зимою на 1864 годъ и весною я постоянно навѣщалъ добрѣйшую Анну Карловну Сѣрову, равно какъ и Александра Николаевича—на квартирѣ и на лекціяхъ его о музыкѣ, гдѣ-то у Полицейскаго моста. По четвергамъ у него бывали гости болѣе литературнаго свойства; между ними лучшее мѣсто въ сердцѣ хозяина занималъ, конечно, А. А. Григорьевъ, человѣкъ гениально-безалаберный, но правдивый и добрый, насколько я могу судить, по кратковременному нашему

что называется, шапочному знакомству. Не мало было и всяких иных, которыхъ не упомяну, потому что самъ-то я пропускалъ много четверговъ и всѣ тѣ четверги, когда игралъ у Сѣровыхъ гостившій тогда въ Петербургѣ Гансъ-фонъ-Бюловъ. На то у меня были свои особенныя причины, значеніе которыхъ Сѣровъ отчасти угадывалъ и понималъ:

„Другіе здѣсь пѣвцы толпились,  
Съ ихъ вялой пѣсней и душой!..“

Лѣтомъ я долженъ былъ сопровождать больного дядю въ Вилдбадъ-Гаштейнъ. Мы нѣсколько дней отдохнули въ Вѣнѣ, близъ собора св. Стефана, въ гостинницѣ Мейсля. Лилъ проливной, теплый дождь вечеромъ 5-го іюля (23-го іюня). Дядя просилъ меня отправиться въ хорошую кондитерскую и прислать ему оттуда мороженого. Повернувъ къ площади Graben, я остановился у какого-то эстампаго магазина разсматривать фотографическія карточки разныхъ вѣнскихъ знаменитостей, большею частью, театральныхъ. Вдругъ кто-то слегка дотронулся до моего плеча и произнесъ на русскомъ языкѣ: «Константинъ Ивановичъ!» Я обернулся, но не былъ въ состояніи вспомнить, кто это такой, и со смѣхомъ сказалъ ему: «Неужели я столь знаменитъ, что меня знаютъ тѣ, которыхъ я не знаю?»

— «Я—Славинскій! Вы меня сколько разъ встрѣчали у Александра Николаевича Сѣрова! Ну, да что тутъ толковать подъ дождемъ. Онъ вотъ въ окошко узналъ васъ по шотландской шапочкѣ съ ленточками и приглашаетъ васъ къ себѣ!»

На углу Graben и Fischmarkt гнѣздили въ то время какой-то ресторанъ. Вхожу со Славинскимъ въ отдѣльный кабинетъ; насъ встрѣчаютъ веселыя восклицанія Александра Николаевича и Валентины Семеновны, которые, вмѣстѣ со Славинскимъ и съ какимъ-то Вагнеровскимъ застрѣльщикомъ изъ Мюнхена, пріѣхали было изъ загородной деревушки на нѣсколько часовъ въ Вѣну, только что отобѣдали и разсуждали, чего-бы поѣсть сладенькаго послѣ обѣда. Уйдя изъ своей гостинницы на поиски самаго лучшаго мороженого, натурально, по красной книгѣ Бедекера, я предложилъ мороженое: «Хотите? Любите?»—«Очень!» воскликнулъ Сѣровъ. «Но гдѣ, у кого?»—«Разумѣется, у Демеля, На Михайловской площади!»—«Ну, такъ ведите насъ. Валентоша, пойдемъ. Ничего, что дождь—не растаемъ!»

Вотъ мы всѣ и отправились черезъ Graben. На поворотѣ влѣво, къ Kohlmarkt, Сѣровъ завидѣлъ вывѣску музыкальнаго магазина Haslinger, вспомнилъ Бетховена и представилъ въ лицахъ, какъ Бетховель, ежедневно почти проходя мимо этого магазина, стучалъ

въ окно и, крикнувъ: «Тобіас!», показывалъ ему языкъ. Въ продолженіе Сѣровскаго представленія мы всё, не смотря на дождикъ, были предметомъ любопытства прохожихъ, которыхъ, сверхъ того, поражалъ довольно странный лѣтній костюмъ Александра Николаевича, особенно его соломенная шляпа съ огромными тульями. У Демеля мы употчивались отличнымъ мороженымъ и распростиглись. Кондитерскій мальчикъ, съ нѣсколькими порціями, отправленъ былъ къ Мейслю. Дядя пересталъ удивляться моему промедленію, когда узналъ, кого я встрѣтилъ, и съ пріятностью вспомнилъ о временахъ, когда онъ игралъ виолончельныя партіи въ квартетахъ у отца Сѣрова, Николая Ивановича, преимущественно Моцарта, котораго тотъ очень любилъ, и, упрекая своего Сашу въ сочинительствѣ, толковывалъ ему, что вѣдь ничего лучше Донъ-Жуана не сочинишь.

По возвращеніи изъ Гаштейна, въ первый разъ я навѣстилъ супруговъ Сѣровыхъ, на Офицерской улицѣ, въ домѣ б. Маркелова, 23-го октября. Александръ Николаевичъ былъ въ неуѣтшномъ горѣ, похоронивъ своего любимаго Григорьева; много и горячо говорилъ о немъ, подарилъ мнѣ его отличный переводъ Ромео и Юліи Шекспира, отпечатанный изъ какого-то журнала отдѣльными оттисками, для раздачи знакомымъ, и написалъ на оберткѣ: «Отъ А. Сѣрова, въ память смерти переводчика, 27 сентября 1864 г.». Читать такіе переводы—истинное наслажденіе, потому что, зная оригиналъ, видишь не бесплодную противъ него борьбу тупаго рвѣнчача, а прочувствованное воспроизведеніе великаго поэта. Меня особенно поразило постскриптумъ самого Григорьева, которое привожу здѣсь цѣликомъ:

„И все же ты, далекій призракъ мой,  
 Въ твоей бывалой, дѣвственной святинѣ,  
 Передъ очами духа всталъ цѣмой,  
 Карающій и гнѣвно-скорбный нмѣ.  
 Ты молніей сверкнулъ въ глухой пустынѣ  
 Больной души... Ты чистою струей  
 Протекъ внезапно по сердечной тинѣ,  
 Гармоніей святою вторгся въ слухъ,  
 Потрясъ въ душѣ сѣдалище Ваала —  
 И все, на что насильно былъ я глухъ,  
 По ржавымъ струнамъ сердца пробѣжало  
 И унеслось—„куда мой падшій духъ  
 Не достигнетъ“—въ обитель идеала.

Я вполне убѣжденъ, что этой цитатой воздаю должное памяти самаго Сѣрова, который умѣлъ цѣнить и уважать истинный талантъ.

По четвергамъ собирались у него разные поэты и литераторы, живые и мертвые, и наслаждались отрывками из новой, задуманной Съровымъ, оперы Рогнѣда, которые онъ пѣлъ и игралъ намъ; иногда мы всё подтягивали, особенно хоръ странниковъ, ликовали и горланили:

„Во темномъ лѣсу звѣрье живетъ“.

Мнѣ было неприятно въ этой новой для меня, душевной, условной атмосферѣ, главное—надо было лгать и притворяться, *faire bonne mine au mauvais jeu*. Чужалась фальшь во всѣхъ этихъ Руальдахъ, Добрыничкахъ, странникахъ, да скоморохахъ. Но когда мнѣ случалось говорить съ Съровымъ съ глазу на глазъ, безъ всѣхъ этихъ вдохновителей, я ни мало не стѣснялся его величіемъ, его славой, рѣзалъ правду, которая, какъ извѣстно, глаза колетъ. Разъ, являсь въ одинъ изъ четверговъ раньше обыкновеннаго, засталъ я у Сърова покойнаго Погожева. «Знаете-ли что, Александръ Николаевичъ? — я сочиняю оперу: Изгнаніе изъ Кіева Болеслава Храбраго, короля Польскаго. Но у меня тогдашніе кіевляне не будутъ похожи ни на нынѣшнихъ хохловъ, ни на москалей, распѣвающихъ «Ты мнѣ, жонка, не перечь» и т. д.

Это очень разсердило и сконфузило автора Рогнѣды. Онъ зашипѣлъ и отвѣтилъ, поднимаясь на цыпочки и вертя въ воздухѣ указательнымъ пальцемъ: «Вы это говорите потому, что сами-то никогда ничего не сочините! Я—русскій композиторъ и на все смотрю сквозь великорусскую призму!» Я хладнокровно возразилъ: «Зачѣмъ-же было упрекать Мейербергера, въ томъ, что у него парижскіе кальвинисты поютъ псаломъ Лютера: *Ein veste Burg?*..» Съровъ замолчалъ.

Подобные разговоры велись у насъ часто; но когда собирались поэты и литераторы, я сосредоточенно молчалъ, вслушиваясь внимательно въ ихъ умныя рѣчи.

Зимой, 23-го января 1865 года, скончалась мать Сърова, Анна Карловна. Съровъ подарилъ мнѣ на память ея фотографическую карточку.

Все лѣто былъ онъ занятъ партитурой Рогнѣды и почти ежедневно работалъ въ нотной конторѣ театральной дирекціи, за Александринскимъ театромъ, обѣдая обыкновенно въ *Café du Passage*. Встрѣчаю его 9-го іюля на Невскомъ проспектѣ, близъ Аничкина дворца. Съ первыхъ же словъ онъ объявлялъ мнѣ, что дирекція рѣшилась, наконецъ, поставить Вагнера на сцену русской оперы, именно Лоэнгрина. «Но не съ вашимъ переводомъ», добавилъ Съровъ, съ нѣкоторой ужимкой и разстановкой. Такъ какъ ему было давно извѣстно, что я перевожу Лоэнгрина, то я такъ смутился этой

горькой для меня вѣстью, что не нашелся, что сказать. Кончилось, однако, тѣмъ, что я навязалъ свой переводъ дирекціи, хотя, разумѣется, бесплатно.

Въ концѣ октября дана была въ первый разъ Рогнѣда, въ бенефисъ Петрова.

Посыпались, по обыкновенію, и похвалы, и порицанія. Порицанія были и сильнѣе, и дѣльнѣе похвалъ, потому что хвалить труднѣе, чѣмъ порицать.

Сѣровъ все это время находился въ ненормальномъ, возбужденномъ состояніи, алчно перелистывалъ отзывы такъ называемой критики, волновался и бѣсновался.

Опера большинству понравилась. И теперь есть еще люди, при томъ не дюжинные, считающіе Рогнѣду высочайшимъ, народнѣйшимъ произведеніемъ русской музыки!

Тутъ приходитъ мнѣ въ голову восклицаніе Сѣрова: «Есть масса, но есть и не масса!»

На письмо мое, слѣдуетъ ли мнѣ снова приняться за переводъ Лоэнгрина и вести его до конца, Александръ Николаевичъ отвѣтилъ:

## 30.

14-го февраля 1866 г.

Достолюбезнѣйшій Константинъ Ивановичъ. Очень сожалѣю, что, вы не застали меня дома въ четвергъ,—это былъ экстренный случай (я слушалъ Лауба у Ленцова брата). Вообще-же четверги къ вашимъ услугамъ. Да и въ другіе дни я дома, по утрамъ, если нѣтъ какой-нибудь важной для меня репетиціи. До 11 ч. дома — всегда и для бесѣды съ вами радъ отложить въ сторону всѣ занятія.

О подвигахъ вашихъ съ переводомъ «Лоэнгрина» извѣщенъ уже давно и черезъ Кондратьева, и черезъ Лядова, и даже черезъ П. С. Федорова. Дѣло это приняло серьезный характеръ, именно вслѣдствіе моихъ и Кондратьева наставаній. Вашимъ переводомъ всѣ довольны, тогда какъ прежній былъ для пѣнья невозможенъ, — а ужъ о поэтическомъ достоинствѣ, о вѣрности духу оригинала нечего и говорить.

Заходите же ко мнѣ поскорѣе и — побесѣдуемъ.

Всегда вашъ А. Сѣровъ.

---

На слѣдующій день узналъ я отъ Сѣрова, что почвпъ въ постановкѣ Лоэнгрина принадлежитъ всецѣло Лядову, который, проѣздомъ



черезъ Берлинъ куда-то на воды, слышалъ эту оперу и ходатайствовалъ о томъ, чтобы ее поставили въ Петербургѣ. Когда началась переписка по этому предмету, то Сѣровъ почелъ необходимымъ, въ видахъ подлѣйшаго успѣха, съ своей стороны просить Рихарда Вагнера, чтобы тотъ ему предоставилъ право распоряжаться всѣмъ, что будетъ касаться Лоэнгрина на русской сценѣ: солистами, хорами, оркестромъ, костюмами, декораціями и частью режиссѣрскою. Вагнеръ съ благодарностью письменно поручилъ все это Сѣрову и черезъ него написалъ тогдашнему директору императорскихъ театровъ, С. А. Геденову, официальное письмо. Геденовъ весьма былъ радъ такому ходатайству и просилъ Сѣрова завѣяться постановкой Лоэнгрина. Вотъ вератцѣ факты, сообщенные мнѣ Александромъ Николаевичемъ. Съ похвальнымъ усердіемъ, подъ главнымъ его руководствомъ, принялись за дѣло капельмейстеръ Лядовъ и назначенный тогда изъ Москвы новый режиссѣръ, Сетовъ. Результаты вышли довольно успѣшныя, при дружномъ содѣйствіи солистовъ. Декораторы, гг. Бочаровъ и Шишковъ, также постарались. Всего ближе принялъ къ сердцу свою задачу теноръ, О. К. Никольскій, въ вокальномъ отношеніи лучшій изъ всѣхъ пѣвцовъ, когда-либо появлявшихся на сценѣ русской оперы; сравнительно ни у кого изъ нихъ не было ни такого очаровательнаго голоса, ни такого умѣнія пѣть, ни такого искренняго, дѣйствительнаго одушевленія.

Не смотря на мою антипатію къ обществу, которое тогда окружало Сѣрова, я не переставалъ навѣщать его, тѣмъ болѣе, что мой переводъ Лоэнгрина принятъ былъ окончательно, для солистовъ и для хоровъ, и Сѣровъ былъ всему глава. Были, правда, нѣкоторые недоразумѣнія и даже довольно крупныя попытки сопротивленія официально признанной волѣ этого генерала, со стороны его субалтерповъ, но все это ступевалось и вошло въ должный, узаконенный порядокъ.

Помню, одна заинтересованная въ дѣлѣ дама сказала мнѣ: «Ну, вашъ Сѣровъ! это такой интригантъ!»... Меня взорвали подобныя рѣчи; но я преспокойно спросилъ эту даму, что она понимаетъ подъ словомъ интригантъ? Такъ какъ она не нашлась, что отвѣтить, то я за нее отвѣтилъ: «Интригантъ тотъ, кто, не имѣя ни права, ни прямой власти, наущничаніемъ, окольными путями, лганьемъ, стравливаніемъ своихъ товарищей, иногда своихъ начальниковъ даже, достигаетъ желанной цѣли — поставить на своемъ, обратить все и всѣхъ въ свою пользу, во вредъ другимъ, и т. д. Зачѣмъ Сѣрову все это, относительно постановки Лоэнгрина, когда ему свыше предоставлена полная власть, вслѣдствіе ходатайства самого Рихарда Вагнера?»...

Какъ-то весною 1866 года прихожу я къ Сѣрову. Онъ держитъ въ рукахъ какую-то газету и спрашиваетъ меня тревожнымъ тономъ: «Читали ли вы нѣкую статью: «Вѣрить-ли?» Прочтите—прелесть!» Такъ какъ я отвѣтилъ, что знаю эту статью, то Сѣровъ продолжалъ:

«Скажите на милость, развѣ написать 10 актовъ оперной партитуры—грѣхъ какой-нибудь, уголовное преступленіе, что-ли? За что они нападаютъ на меня?—Ну, я второй Мейерберъ, пожалуй».

Тутъ Сѣровъ нагнулся до земли, сдѣлалъ ручку и, пославъ на воздухъ звонкій поцѣлуй, насмѣшливо воскликнулъ:

«Je ne demande pas mieux! Слава Богу, что въ Россіи есть хоть Мейерберъ!».

Я ничего не отвѣтилъ, потому что не только я, но и самъ авторъ Рогинды, произнося эти слова, сознавалъ, и сознавался, что статья справедлива, если высказала, между прочимъ, слѣдующее: «У г. Сѣрова самое Мейерберовское направленіе, самый Мейерберовскій строй душевный, и если онъ прежде когда-то нападалъ на этого музыканта, то это было не что иное, какъ чистѣйшее недоразумѣніе», и т. д. <sup>1)</sup>.

Чистѣйшая правда, съ которой не могъ не согласиться даже самъ Сѣровъ! Но скверно, что правда попадаетъ иногда подъ перо газетныхъ рецензентовъ: это поселяетъ недовѣріе къ правдѣ. Правда все таки правдой; но сколько черезъ это происходитъ на свѣтѣ соблазна! Лучше было бы правдѣ никогда въ газеты не заглядывать: счеты съ ними были бы короче и чище!

Прошло не мало времени. Я почти годъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ. Наступилъ 1867 годъ. Въ итальянской оперѣ встрѣтилъ я Сѣрова, и онъ просилъ меня указать ему на какой-нибудь оперный сюжетъ, подходящий къ его новымъ замысламъ, если можно, преимущественно польскій или украинскій. Я выписалъ ему нѣсколько таковыхъ изъ эпохи казацкихъ бунтовъ въ Польшѣ. Но болѣзни я не могъ поѣхать къ нему.

## 31.

28 января 1867 года.

Любезнѣйшій и милѣйшій Константинъ Ивановичъ. Сію минуту получилъ эпистола вашу и спѣшу отвѣтить. Жаль, что мы такъ давно не видались. У меня четверги получаютъ съ каждымъ разомъ больше оживленія и интереса. Вчера, напр., у меня были: А. Потѣхвинъ

<sup>1)</sup> См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 16 марта 1866 года № 74. Фельетонъ, подписанный М. С.

съ семьею, Леонова, Монаховъ (очень даровитая личность по «лицедѣйской» части), Павелъ Васильевъ («Грозный») <sup>1)</sup> и многіе другіе (въ томъ числѣ и знакомый вамъ «воинъ», <sup>2)</sup>) было весьма не скучно. Шумъ и говоръ и отчасти музыка (Леонова пѣла) продолжались до 3-го часа за полночь. Это вамъ къ свѣдѣнію. Кстати: пріѣхала и постоянно у меня бываетъ очень знакомая вамъ дама: Марья Павловна <sup>3)</sup>.

Теперь къ дѣлу. Весь прошлый 1866 годъ у меня пропалъ въ поискахъ сюжета. Сначала я надумывался (по совѣту Костомарова) на «Самозванца». Оказалось, что—не музыкально, не годится (да и износился сюжетъ драмами Чаева и Островскаго). Потомъ сильно меня привлекла Малороссія съ казачиной.—Остановился на Гоголевомъ «Тарасѣ Бульбѣ»—но... перечиталъ «Исторію Малороссіи» въ разныхъ книгахъ и убѣдился, что Гоголь страшно все переплелъ и не зналъ исторіи. Были и другіе резоны въ самомъ сюжетѣ Тараса, которые меня отъ этого сюжета окончательно отшатнули. Между тѣмъ «палитра» уже подготовлена къ полякамъ и казакамъ. Сильно меня тянетъ ко всему этому (даже много лѣтъ назадъ, какъ вамъ извѣстно и вѣдомо). Въ самое послѣднее время—читаю «Гайдамаковъ» Шевченка—на украинскомъ (а не въ плох. русск. переводѣ, хотя бы и Л. Мея). Втягиваюсь въ эти элементы (прелестные!) больше и больше—но—изъ Шевченка «сценической фабулы» не выжать!—и я опять, словно ракъ на мели.

Ваша «эпистолия» пришла до нельзя кстати. Это мнѣ открываетъ опять новые горизонты. Смутное было у меня предчувствіе, что сюжетовъ надо искать въ польской литературѣ (по этому случаю обращался даже къ Костомарову надвяхъ) <sup>4)</sup>. Но такъ какъ я горю нетерпѣніемъ въ этомъ дѣлѣ (хочется опять работать надъ нотной бумагой, — а теперь пока занять писаніемъ «книги»... о чемъ при свиданіи)—то и не стану дожидаться вашего выздоровленія и визита ко мнѣ, а нагряну къ вамъ самолично, не дальше какъ завтра, въ субботу. (Вечеромъ, кстати, я буду въ Александринкѣ—смотреть «Dorf u. Stadt». Вотъ съ, такимъ-то образомъ и перетолкуемъ. Вы мнѣ расскажете всю пьесу Словецкаго сцену за сценой,—а тамъ и разберемъ.

<sup>1)</sup> Въ драмѣ гр. А. Толстаго: Смерть Іоанна Грознаго, которая очень нравилась Сърову.

<sup>2)</sup> Кирасирскій офицеръ, Мамичъ, большой обожатель Сърова.

<sup>3)</sup> Мавромихали.

<sup>4)</sup> Что же Костомаровъ-то смыслилъ въ польской литературѣ? Онъ и документы историческіе зналъ едва ли не по заглавіямъ только! К. З.

Мнѣ хочется чего-нибудь шибко-кроваваго — рѣзни, палбы (при случаѣ)—впрочемъ, если этого и не будетъ (на этотъ разъ), бѣда не большая. Достаточно—драмы и Шопенцины. По пункту—итальянской и русской оперы я совершенно съ вами согласенъ <sup>1)</sup>. Для всѣхъ насъ будетъ хуже, при уничтоженіи макаронщиковъ. Публика захочетъ отъ русскихъ своей привычной услады еще больше, чѣмъ теперь, когда уже и теперь — Пудель <sup>2)</sup> даетъ по 15 полныхъ сборовъ Лучин и Соннамб.!!—Объ этомъ всемъ надо толковать и толковать много, премного. Мы съ женой затѣваемъ специально-критическую (безопасную) газетку: «Музыка и Театръ». Хлестать будемъ направо и налево. Надѣюсь, что и вы не откажетесь сотрудничать. Вотъ видите какой возъ новостей! Есть о чемъ перетолковать завтра! За симъ—до свиданія! всегда вашъ А. Сѣровъ.

Р. S. Запаслись ли вы «сборникомъ русскихъ пѣсень Балакирева?»—Приобрѣтите непременно; удовольствія обрящете въ преизобиліи. Вещь славная (хотя многое и не такъ) <sup>3)</sup>.

Это письмо, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ истины, высказанныя господиномъ М. С. въ статьѣ: «Вѣрить-ли?» Тутъ ужъ Мейерберъ наголо. Сѣрову подавай сюжетъ кровавый, если можно съ рѣзней, съ палбой, однимъ словомъ—подавай казацкихъ Гугенотовъ! Самое бѣганіе за сюжетами; гдѣ же?... по всеобщей исторіи, выискиваніе ихъ то въ Польшѣ, ради Шопенцины, то среди гайдамаковъ и т. д. показываетъ, какъ далеко отшатнулся Сѣровъ отъ всякихъ Ундиныхъ, отъ всякихъ стариннаго покроя идеальностей да нѣмецкихъ сентиментальныхъ истерикъ—къ реализму, или выражаясь точнѣе—брутализму, подходя къ нему, вдобавокъ, со стороны совершенно вѣшной, не органической, чисто по Мейерберовски. Ну что жъ?—Мейерберъ, такъ Мейерберъ, повторяю и я.

Какъ безобразный адептъ Вагнера (прозвище, данное мнѣ Аполлономъ Григорьевымъ, въ свою очередь, безобразнымъ адептомъ Островскаго), я полагаю, что на чисто-историческихъ данныхъ не

<sup>1)</sup> Тогда прошли слухи, будто итальянской оперы въ Петербургѣ не будетъ болѣе, и я чуялъ северныя отъ этого послѣдствія—для русской оперы. Наши дни вполнѣ оправдали эти предчувствія!

<sup>2)</sup> Такъ называлъ Сѣровъ тогдашнюю примадонну русской оперы, Вюдель.

<sup>3)</sup> Винкая поглубже въ простонародныя пѣсни, Сѣровъ убѣдился, что въ этомъ сборникѣ все — не такъ!

возможно построить музыкальную драму. Признавая самъ эту непреложную истину, Сѣровъ тѣмъ не менѣе рыскалъ по страницамъ разныхъ исторій, не своихъ, не московскихъ, а чужихъ: подавай ему Запорожье, Польшу! Точно также рыщутъ ныне по исторіямъ Рима, Греции, Карфагена, Египта и т. д. *A beau mentir qui vient de loin!*

Спорилъ я до слезъ съ Александромъ Николаевичемъ. Доказывалъ ему, что дѣло вовсе не въ исторіи, не въ эпохѣ какой-либо, не въ дальней какой-либо странѣ, а въ сердцѣ человѣческомъ, въ вѣчно одной и той-же его природѣ и породѣ; что Адамъ и Эва точно такъ же мыслили и чувствовали, какъ и мы всѣ теперь; что для изображенія чувствъ, мыслей, страстей, характеровъ, положеній не нужно намъ вовсе прибѣгать къ исторической рухляди и виѣшнему хламу разныхъ эпохъ и народовъ; что гораздо естественнѣе, ближе, сроднѣе изображать свой народъ, свое время, свою страну...

Нѣтъ! *Scio meliora proboque, deteriora sequor!* Сѣровъ, этотъ русскій Мейерберъ, привязывалъ наибольшую важность къ случайной, виѣшной сторонѣ дѣла—почему? Да потому, что самъ сознавалъ и даже признавалъ свое безсиліе, въ виду, напр., такой задачи, какъ Гамлетъ! Тутъ ужъ уличными пѣснями, взятыми напрокатъ, да маршами, да гимнами, да трепаками, да скоморохами ничего не возьмешь; тутъ необходимо кое-что иное, кое-что посолднѣе, позабористѣе: сверхъ громадной творческой силы, сверхъ дѣйствительнаго, а не напускнаго вдохновенія, прежде всего—свободное, полное обладаніе техникой, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, начиная съ полифоніи Баха, Генделя, Моцарта, Керубини...

Я не посмѣлъ бы печатать всего этого, если бы все это не было мною дѣйствительно высказано Сѣрову, конечно, въ разное время, въ выраженіяхъ не столь рѣзкихъ; но онъ очень хорошо понималъ и принималъ къ сердцу всю суть моихъ косвенныхъ упрековъ, потому что видѣлъ въ нихъ непоколебимое довѣріе къ его высокому дарованію и степени его артистической развитости. Сѣровъ зналъ, что я былъ въ правѣ требовать отъ него не Рогвѣды, но чего-то получше, поумнѣе!

Но спорить было напрасно. Началъ я перечислять ему главныя произведенія польскихъ поэтовъ такъ называемой украинской школы, всю эту сентиментальную, поддѣльную Казачину. Марію Мальчевскаго, думы Залѣскаго, Каневскій замокъ Гоцнискаго, плоскодонныя повѣсти Михаила Чайковскаго, наконецъ, драмы Словацкаго: Мазепа, Серебряный совъ Саломія и проч. Сѣрову всего болѣе понравилась, какъ сюжеты для музыки, Каневскій

замокъ и Мазепа, особенно эта послѣдняя драма, именно потому, что въ ней нелѣпость на нелѣпости, во вкусѣ Александра Дюма-отца и компаніи: въ изобиліи ужасы, жестокости, живодерство, предательства, яды, книжалы и проч. Юлій Словацкій—одинъ изъ величайшихъ поэтовъ недавней еще эпохи, соперникъ Мицкевича; но его Мазепа—произведеніе вполне ученическое, не вытравленное, взѣрошенное, невозможное...

Толковали, толковали и, къ счастью, не столковались! Сѣровъ сказалъ мнѣ, наконецъ: «Оставимъ поляковъ: я вовсе не желаю, чтобы публика шикала во время исполненія моей музыки, какъ это было еще недавно съ Жизнью за Царя, въ Москвѣ!»

Въ теченіе всего лѣта 1867 года мы очень рѣдко видѣлись съ Сѣровымъ. Онъ переѣхалъ на новую квартиру, по Хлѣбному (теперь Ковенскій) переулку, и занять былъ своимъ полемическимъ журналомъ: Театръ и Музыка, а также прискиваніемъ сюжета для оперы.

Видя успѣхи реального направленія въ писателяхъ и въ публикѣ, онъ вчитывался въ романы, драмы и повѣсти тогдашняго времени, очень любилъ читать ихъ въ слухъ и читалъ отлично. Въ его чтеніи познакомился я съ повѣствованіями Гл. Успенскаго о Растеряевой улицѣ и съ многими другими плодами подобной литературы. Сѣрова увлекали также драмы Островскаго. Помню, 22-го мая, читалъ онъ мнѣ стихотворную его хронику, Тушино, и задумывалъ превратить ее въ оперу; но, послѣ долгихъ колебаній и толкованій, выборъ палъ на драму: Не такъ живи какъ хочется, которая, въ качествѣ оперы, получила названіе Вражья сила. Сѣровъ ранѣе еще писалъ къ Островскому, прося его сочинить либретто для этой оперы, такъ какъ Островскій даже для Кашперова передѣлалъ свою Грозу. Гроза до сихъ поръ служитъ лучшимъ украшеніемъ всѣхъ драматическихъ сценъ въ Россіи, тогда какъ Кашперовская опера навѣки поконится въ архивахъ. Прочтя въ журналѣ Сѣрова, Театръ и Музыка, рѣзкую статью его объ этой оперѣ, но не сподобившись услышать ее въ исполненіи, спросилъ я Александра Николаевича, въ какомъ же собственно родѣ сама-то музыка; Сѣровъ, вмѣсто прямого отвѣта, пропѣлъ:

andante



Ты, Бо-рисъ, меня, не трогай, а сту-пай своей до-ро-гой!  
и захохотавъ, присовокупилъ: «Хуже еще!... знаете, во вкусѣ какихъ-нибудь Паччини, Меркаданте. .»

Тутъ онъ прочелъ мнѣ отвѣтъ Островскаго. Прославленный драматургъ, изъявляя живѣйшую готовность сотрудничать Сѣрову, началъ со словъ, если не ошибаюсь: «Вы знаете, Александръ Николаевичъ, какъ я люблю васъ и какъ высоко цѣню вашъ талантъ» и т. д. Но, изумляясь выбору Сѣрова, недоумѣвая, какимъ образомъ выборъ палъ на столь незначительную, слабую пьесу, какъ *Не такъ живи, какъ хочется*, изъ которой едва ли можно выкроить сносную оперу, Островскій совѣтовалъ композитору взять что-либо поинтереснѣе. Такой совѣтъ страшно огорчилъ и обезкуражилъ Сѣрова, который сказалъ мнѣ: «Конечно, я убѣжденъ, Островскій мнѣ ни въ чемъ не откажетъ; но я терпѣть не могу заставлять кого-либо работать à contre sens. Тутъ ужъ никогда ничего путнаго не выйдетъ».

Я возразилъ ему, что вѣдь мы все слушали его лекціи объ исторіи оперы, что онъ и Островскому можетъ написать обстоятельную лекцію, если будущій либреттистъ, обольщаясь жанромъ grand opéra, воображаетъ, будто изъ современной Замоскворѣцкой исторіи нельзя ничего сдѣлать.

Былъ уже 2-й часъ утра, когда я оставлялъ Сѣрова въ самомъ неприятномъ состояніи духа, такъ какъ онъ колебался и ни на что не могъ рѣшиться. Раздраженіе его было весьма сильно. Провожая меня, Валентина Семеновна, на просьбу мою удержать мужа при намѣреніи сочинить *Вражью силу*, шепотомъ мнѣ отвѣтила: «Ну, я обѣщаю вамъ, что онъ напишетъ *Вражью силу*». Я съ ними расстался на все лѣто, хотя и встрѣтилъ ихъ случайно въ Ревелѣ, 15-го іюля, куда я отправился, по совѣту доктора, брать морскія ванны. Я пріѣхалъ утромъ, а Сѣровы вечеромъ уѣхали въ Петербургъ.

Возвратясь изъ Ревеля, я былъ у нихъ 23-го августа. Александръ Николаевичъ съ торжествомъ объявилъ мнѣ, что въ началѣ лѣта еще накаталъ къ Островскому огромное посланіе, съ изложеніемъ своихъ взглядовъ и требованій. При томъ прочелъ мнѣ любезный отвѣтъ Островскаго, съ 1-мъ дѣйствіемъ *Вражьи силы*, съ отрывками 2-го дѣйствія, и снѣлъ мнѣ начальныя сцены своей новой оперы. Тутъ также не обошлось безъ споровъ, да разговоровъ.

При всемъ уваженіи къ таланту Островскаго и сценической его опытности, я тѣмъ не менѣе уговаривалъ Сѣрова измѣнить окончаніе пьесы и съ азартомъ сказалъ ему: «Пусть вашъ Петръ Ильичъ возвратится домой и за ширмами зарѣжетъ жену, какъ курицу—и вдругъ надъ головою злодѣя раздается первый густой ударъ великопостнаго благовѣста!»

«Ахъ, батюшка мой, возразилъ мнѣ Сѣровъ, ухмыляясь: мой Замоскворѣцкій герой—не *Отелло*! Петръ Ильичъ будетъ еще по

прежнему пьянствовать нѣсколько лѣтъ. Всѣ эти трагическія окончанія не въ нашихъ нравахъ».

Подъ конецъ своей жизни, когда были окончены три первые акта Вражьей силы, Сѣровъ сказалъ мнѣ: «Знаете-ли? вѣдь вышло по вашему: я рѣшился зарѣзать купчиху, какъ курицу, но только не за ширмами, а въ пустынномъ оврагѣ, въ полуразвалившейся лачугѣ, за городомъ. Издали, за снѣжными сугробами, видна церковь и слышенъ благовѣсть. Это будетъ всего лучше. Бочаровъ напишетъ мнѣ прелестную декорацию».

Декорация, положимъ, прелестна; но колокольный звонъ напоминаетъ скорѣе скликанье къ обѣду въ помѣщицкой усадьбѣ, чѣмъ церковный благовѣсть. Наконецъ, бѣготня Петра Ильича съ Еремкой, стукъ ихъ каблуковъ по грязному полу, изображающему снѣжныи насыпи, бряцанье тройки (ни дать, ни взять — близъ какой-либо Аркадіи, Ливадіи, Стрѣльбы, Эрмитажа!)... все это страшно расколаживаетъ дѣйствіе. Теперь я пришелъ къ убѣжденію, что пора бы этотъ 5-й актъ, отъ котораго и самъ Островскій отказался, совѣмъ и навсегда прочь отбросить: ни текстъ не принадлежитъ Островскому, ни музыка Сѣрову, не говоря уже объ оркестровкѣ; оперу можно и слѣдовало бы оканчивать 4-мъ актомъ, масляничной свалкой. Этотъ злосчастный 5-й актъ не нуженъ же для славы Сѣрова, ни для самаго дѣла!

Но возвращаюсь къ 1867 году. Еще я подавалъ мысль Сѣрову: вмѣсто требованія отъ Островскаго либретныхъ стиховъ, класть прямо его прозу на музыку, такъ какъ новѣйшіе композиторы пришли къ убѣжденію, что музыка ни мало не нуждается въ стихахъ и еще менѣе въ рифмованныхъ. Но Сѣровъ не согласился, потому что считалъ это для себя затруднительнымъ: въ его Мейерберовскомъ воображеніи рисовались не характеры, не развитіе драмы, страстей, положеній въ самой музыкѣ, а пѣсни, пляски, скоморохи, хороводы и проч. Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ!

Далѣе, Сѣровъ счелъ непремѣннымъ условіемъ для своей оперы отодвинуть дѣйствіе назадъ, на цѣлыя два столѣтія. Я, какъ не охотникъ до вздорныхъ историческихъ уснащеній, ратоборствовалъ за наше время, основываясь на очевидной истинѣ, что рубашка къ тѣлу ближе: ближе къ нашему сердцу теперешняя Москва, чѣмъ Москва царя Алексѣя Михайловича. Сѣровъ стоялъ на своемъ, приводя слѣдующія соображенія: 1) въ художественномъ произведеніи нужно то, что живописцы называютъ воздушной перспективой, т. е. постепенной отдаленностью пространства. То-же самое—отдаленность по времени, т. е. какой-либо исторической эпохи,



съ ея костюмами, обычаями, нравами, привычками и т. д. 2) Представить нмѣшнее простонародіе, его праздничные досуги и попойки невозможно безъ гармоникки; а что такое этотъ анаеѣмскій инструментъ при полномъ оркестрѣ, всякому ясно. Наконецъ, 3) надобно-же дать просторъ костюмерамъ, декораторамъ, бутафорамъ: хотиѣ оперу поставятъ.

Эти три соображенія едва-ли устоятъ противъ здоровой критики, хотя они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю практической правды, въ виду толпы, развращенной оперными и балетными зрѣлищами; Сѣровъ остался вѣренъ практическимъ своимъ соображеніямъ. Мнѣ было прискорбно, что онъ, одаренный богатѣйшими способностями, зоркимъ умомъ, рѣдкимъ образованіемъ, самыми разносторонними свѣдѣніями, стоявшій уже твердою ногою, какъ въ виду театральн. дирекціи и музыкантовъ ex professo, такъ и публики, что Сѣровъ дорожитъ еще дешевой славой, а не стремится къ чему-либо лучшему, къ дѣлу, его достойному. Я сказалъ ему какъ-то даже: «Александръ Николаевичъ, сочиненіемъ Юдиен вы заявили себя, какъ композиторъ; сочиненіемъ Рогнѣды вы стали твердою стопною въ дирекціи; теперь я жду отъ васъ настоящаго дѣла—начинайте!..»

Сѣровъ, съ улыбкой самодовольствія, отвѣтилъ: «Этого вамъ мало еще? Двухъ-то громадныхъ партитуръ? Чего-же вамъ надо еще?»

«Драмы», возразилъ я: «характеровъ, движеній сильныхъ, чисто-человѣческихъ, любви, женщины... Историческими побрякушками вы не удовлетворите никого путнаго».

Въ текстѣ Вражьей силы есть все это, особенно сцена на постояломъ дворѣ, когда Груня узнаетъ, что ея возлюбленный женатъ; но у Сѣрова не хватило силы на эту сцену, и она вышла плаксивою, крайне блѣдною, главное, по недостатку истинно-мастерской полифоніи, по безхарактерности поющихъ лицъ, по слабости вдохновенія, жизни, страсти... Лучшимъ номеромъ въ оперѣ осталась, конечно, хоровая пѣсня: Широкая масляница, вмѣсто глубокой, интимной, раздирающей драмы, для которой заготовлена была Островскимъ превосходная канва, не смотря на стихи, постоянно плясовые, во вкусѣ фабричныхъ пѣсень.

Два послѣдніе акта Вражьей силы были поводомъ къ охлажденію между Сѣровымъ и Островскимъ, который отказался отъ сотрудничества. Сѣровъ сообщилъ мнѣ лѣтомъ 1868 года эпиграмму какого-то московскаго остряка:

Чтобъ въ музыкѣ упрочиться,  
О, юный неофитъ,  
Пиши не такъ, какъ хочется,  
Но какъ Сѣровъ велитъ!

Того-же 1868 года, 4-го октября, представленъ былъ въ первый разъ Лоэнгринъ Вагнера. Нѣсколько позже получилъ я слѣдующее письмо Сѣрова:

32.

(25-го октября ?)

Многолюбивый Константинъ Ивановичъ, оба ваши желанія относительно моей газетной дѣятельности исполнились.

Изъ прилагаемаго № Journal de St.-Petersb. <sup>1)</sup> вы увидите, что я писалъ Вагнеру, между прочимъ, и о васъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя были помѣщены въ письмѣ къ нему-же, не печатномъ.

Французская моя эпистоля такъ понравилась редактору J. de St.-P. Капельмансу, что онъ самъ первый предложилъ мнѣ съ января будущаго года постоянное сотрудничество въ своемъ журналѣ, подъ рубрикою: «Chronique musicale de Pétersbourg», т. е. и русская опера, и итальянцы, и концерты. (То, что писалъ въ былые годы Ростиславъ). При семъ: «carte blanche» въ мнѣніяхъ и отзывахъ. По моимъ соображеніямъ (какъ и по вашимъ) это будетъ почище работы въ органахъ русской прессы нашей (начать бы на голову ея батькѣ!). При свиданіи многое что поразскажу...

Мнѣ бы и давно можно было запустить сюда ланку, да вѣдь я не догадливъ; все надо мнѣ въ ротъ положить.

Впрочемъ, такъ вышло еще лучше, когда инициатива не отъ меня, а отъ самаго журнала.

«Ma tribune vous est offerte»—слова редактора, который въ моемъ письмѣ не ретушировалъ ни одного слова.

Онъ взаправду увлеченъ, что я такъ свободно владѣю «французскимъ» перомъ, «sans danser sur la phrase».

Ну, ужъ теперь—держись \*\*\* и комп.!—Все на чистую воду выведу. Поль Петербурга отъ нихъ отвернется по музыкальнымъ дѣламъ. Все ваше «высшее общество» если и читаетъ музыкальныя статейки, то исключительно только въ J. de St. Pét. и въ le Nord (гдѣ иногда я тоже буду что-нибудь черкать).

Для «за-границы» перспектива у меня теперь широкая. Музыкальные мои принципы проведу куда угодно, какъ по телеграфу.

<sup>1)</sup> Огъзанная Сѣровымъ статья этой газеты, съ его карандашной отмѣткой: Vendredi, le 18 (30) Octobre, въ отдѣлѣ: Variétés musicales. Lohengrin.

Только объ одномъ попрошу васъ. N'ébruitez pas cetté nouvelle par trop. Пожалуй еще повредятъ заранѣе (хотя, впрочемъ, съ Капельмансомъ у меня дѣло совсѣмъ обдѣлано — une fois par quinzaine — около сотни фельетоновъ въ годъ. Въ итальянской оперѣ у меня будетъ, конечно, постоянное мѣсто, что при такомъ составѣ труппы и такомъ репертуарѣ какъ нынче тоже не лишнее. (Въ прошломъ году я Лукку и Маріо могъ только изъ-за кулисъ слушать!) Съ Патти — такъ какъ она ярая Вагнеристка — черезъ журналъ буду, вѣроятно, знакомъ лично. Съ дочерью m-me Вiардo — черезъ статьи о Р. М. О., конечно, тоже.

— — — (по немножку) на своей «tribune» выскажу горькую правду насчетъ — «Семинаріи посредственностей» — — — —

Однимъ словомъ — взаправду — можете и меня и себя — поздравить. Не правда-ли?

— Счастливая у меня была идея (j'en ai de temps en temps) помѣстить письмо къ В. именно въ J. de St.-P. и все такъ сразу уладилось! Вашъ А. Сѣровъ.

Упоминаемое здѣсь композиторское письмо къ Рихарду Вагнеру о первомъ представленіи въ Петербургѣ его оперы Лоэнгринъ носить на себѣ отпечатокъ преувеличенія и прикрасы, во всѣхъ отношеніяхъ, явное желаніе сказать Вагнеру что-либо пріятное. Вагнеръ такъ это и понялъ, какъ самъ потомъ сознался Сѣрову: вѣдь силы тогдашней русской оперы никого не могли ввести въ заблужденіе.

Представленіе Лоэнгринъ было старательное — и только; удостоилось почетнаго успѣха — и только; дало о Вагнерѣ весьма слабое, неточное понятіе — и только; послужило поводомъ къ умничанію щелкоперовъ — и только!

Письмо Сѣрова къ Вагнеру вызвало, между прочимъ, злобное и злостное глумленіе не только надъ авторомъ Лоэнгринъ, но надъ Сѣровымъ, надъ Капельмансомъ, надъ капельмейстеромъ Лядовымъ надъ многими другими; досталось и мнѣ на орѣхи. Эти вороха пустыхъ рѣчей и грязныхъ инсинуацій не заслуживаютъ ни возраженій, ни опроверженій: *requiescant in pace!* Но не могу не коснуться здѣсь одного весьма важнаго мѣста въ письмѣ Сѣрова.

Говоря о моемъ переводѣ и выставляя меня чуть-ли не шуткомъ гороховымъ, но меньшей мѣрѣ — безобразнымъ адептомъ Вагнера, Сѣровъ пишетъ ему: «у Званцова только и дѣла, что *jugate in verba magistri* онъ принимаетъ буквально, безъ малѣйшаго ограниченія, всѣ ваши самыя смѣлыя утопіи, изъ которыхъ нѣкоторыя не прошли бы теперь ужъ сквозь собственную вашу цензуру, безъ важныхъ измѣненій».

Утопія?... Не знаю, какъ хватило у Сѣрова духу говорить все это Вагнеру?!...

Если Сѣровъ былъ столь занятъ своими дѣлами или столь нерадивъ, что не удосужился ни разу въ жизни <sup>1)</sup> вникнуть въ эти утопіи, то какъ же онъ не замѣтилъ ихъ въ Нюренбергскихъ Мейстерзингерахъ или въ Тристанѣ и Изольдѣ?... Вѣдь эти объ драмы онъ видѣлъ на сценѣ, тщательно изучалъ ихъ; а вѣдь онѣ, безъ малѣйшихъ уступокъ оперной рутинѣ, воплотили въ себѣ самыя смѣлыя утопіи Вагнера, надъ которыми ломаютъ себѣ головы даже отъявленные враги его, парижскіе композиторы и критики. Не хочу заподозривать Сѣрова въ умысленномъ, Искаріотскомъ извращеніи понятій; скорѣе мирюсь съ простою мыслью, что ему никогда не были хорошо извѣстны печатныя утопіи Вагнера, составившія мало-помалу нѣсколько увѣсистыхъ томовъ.

Не стану толковать объ этихъ утопіяхъ; изъ нихъ главная, вѣроятно, — постройка цѣльной драмы на опредѣленныхъ руководящихъ мотивахъ (*Leitmotiv*), въ которыхъ до сихъ поръ глупые люди видятъ только ярлыки. Не стану трогать всего этого, потому, что говорю здѣсь не о Вагнерѣ, а только объ Александрѣ Николаевичѣ Сѣровѣ; спрашиваю, однако, непредубѣжденного читателя, дѣйствительно понимающаго театръ и музыку: чтѣ такое Сѣровъ, со всею своею дѣятельностью, въ виду Байрейтскихъ утопій?...

Говорить во мнѣ глубокое убѣжденіе въ правотѣ Вагнероваго дѣла, а не узвѣненное тщеславіе.

Не стану также передавать всего того, что рассказывалъ мнѣ Сѣровъ о своихъ неоднократныхъ, продолжительныхъ бесѣдахъ съ Вагнеромъ, Листомъ, Полиной Віардо, Берліозомъ и нѣкоторыми другими артистами, потому, что эти бесѣды характеризуютъ гораздо болѣе этихъ артистовъ, нежели Сѣрова. Вполнѣ вѣрю, что онъ съ дипломатическою точностью передавалъ мнѣ ихъ слова, но воздерживаюсь отъ передачи всѣхъ этихъ вѣскихъ, слишкомъ конфиденціальныхъ рѣчей, особенно Берліоза и Вагнера.

Въ теченіе 1869 и 1870 годовъ я нерѣдко бывалъ у Александра Николаевича, то утромъ, то на его четвергахъ; иногда и онъ посѣщалъ меня; иногда встрѣчались мы на улицѣ, въ театрахъ, и, конечно, бесѣдовали о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Тутъ много было говорено о Россіи, о Берліозѣ, о Тургеневѣ, о Лоэнгринѣ, о Ратклифѣ Ц. А. Кью, о Нижегородцахъ Э. Ф. Направника, о Галькѣ Мовюшко, объ Аделинѣ Патти, о Вражьей силѣ, о простонародныхъ русскихъ пѣсняхъ и проч.

<sup>1)</sup> Фактъ, для меня несомнѣнный!

Хотѣлось мнѣ непременно написать либретто для Сѣрова и принудить его создать что-либо серьезное, по рецептурѣ и утопіямъ Вагнера. Предлагалъ я Сѣрову, въ послѣднее время, различные сюжеты, европейскіе и русскіе.

Франческу Римини забраковалъ онъ на томъ основаніи, что выйдетъ обыкновенная итальянская опера. Когда я внушилъ ему всю глубину этой Дантевицны, съ возможностью симфонической идеализаціи этого грубаго реализма, съ этой вѣчною роскошью ада, то Сѣровъ прямо сказалъ, что все это превосходить творческія силы его. Точно такъ-же отозвался онъ объ одномъ прелестномъ разсказѣ Якушкина, изъ крестьянскаго быта. Предлагалъ я ему оперу Варвара Тебенькова, изъ Губернскихъ очерковъ Щедрина, именно изъ быта пермскихъ раскольниковъ скитовъ (у Щедрина этотъ разсказъ озаглавленъ: Мавра Кузьмовна). Сѣрову очень былъ понутру этотъ сюжетъ, но онъ полагалъ, что не сладитъ съ требованіями цензуры. Предлагалъ я мистическую балладу Николая Ленау: Анна, основанную на шведскомъ народномъ преданіи; Сѣровъ, восхищаясь глубокимъ смысломъ преданія, нашель, что оно на русской сценѣ не возможно, что она нашу публику разсмѣшитъ, и только! Предлагалъ я также оперу: Шутъ Петра Великаго; но Сѣровъ, признавая пригодность фабулы и характеристики, отклонилъ и это предложеніе, по причинѣ нѣкотораго сходства съ Риголетто, сверхъ другихъ еще причинъ. Вертѣлась у Сѣрова въ головѣ мысль создать полу-оперу, полу-балетъ на тему Пушкинскаго Гусара, но эта тема по справедливому его замѣчанію, требовала малороссійскаго текста и малороссійской музыки; впрочемъ, это было началомъ затѣи писать Кузнеца Вакулу. Наконецъ, я подалъ Сѣрову мысль выработать трилогію: Паденіе королевства Чешскаго: 1) Вячеславъ IV, 2) Янъ Гусъ и 3) Янъ Жижка. Исторія Гуситскихъ войнъ заняла воображеніе Сѣрова столь сильно, что онъ сталъ посѣщать Публичную бібліотеку, чтобы основательно познакомиться съ подробностями этой мрачной исторіи; притомъ, Сѣровъ имѣлъ въ виду не сцену Маринскаго театра, но Парижъ, Grand Opéra, куда надѣялся попасть черезъ посредство Патти, съ которою въ то время познакомился. Любуясь этой пѣвицей въ роляхъ вздорныхъ, капризныхъ героинь, каковы героини въ Don Pasquale и Linda di Chamounix, я навязалъ было Сѣрову намѣреніе написать оперу на французскій текстъ: Cléopâtre, строго придерживаясь Шекспира. Патти отклонила это благое, если не блажное намѣреніе и просила петербургскаго композитора сочинить для нея оперу: Conquero. Хороша была-бы вертлявая, холодная Патти въ этой партіи!

Мысль работать для Парижской оперы внушилъ Сѣрову Рихардъ

Вагнеръ. «*Liebes Kind*» <sup>1)</sup>, сказалъ онъ ему, «ну что вы прозябаете въ вашемъ Петербургѣ? вѣдь я знаю Петербургъ—тамъ ничего нѣтъ! Отправляйтесь-ка въ Парижъ, да поскорѣе, *et faites vos raquets!*»

Когда Сѣровъ возразилъ, что это для него трудно, невозможно и т. д., Вагнеръ съ изумленіемъ отвѣтилъ: «*Wagim nicht?* Если Мейерберъ, Галеви, Фелисьевъ Давидъ, Герольдъ могли въ Парижѣ составить себѣ блестящую карьеру, то и вы можете. Это именно для васъ мѣсто, а не для меня: я слишкомъ глубоко сажу въ своей родной, нѣмецкой стихіи!»

Этотъ разговоръ былъ мнѣ переданъ Сѣровымъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и напомнилъ ему и мнѣ происхожденіе покойной его матери, Анны Карловны. Сѣровъ, приподнявшись съ кресла, воскликнулъ: «Да!!... во мнѣ течетъ кровь еврейская! Для русскихъ напишу Вражью силу, для французовъ, что имъ тамъ угодно! для англичанъ также!»

Французскія статьи Сѣрова въ «*Journal de S.-Petersbourg*», въ которыхъ принялся онъ проповѣдывать *urbi et orbi*, вооружили противъ него многихъ во градѣ, но очень нравились міру, для котораго были разсчитаны. Я читалъ эти статьи не безъ удовольствія, особенно о Берлюозѣ, хотя, рядомъ въ вѣрныхъ и подчасъ глубокими взглядами, въ нихъ заключалось много фальши; наконецъ, безмѣрные воскуренія Мейерберу и Аделинѣ Патти озадачивали и неприятно поражали такихъ даже друзей Сѣрова, какъ кирасирскій офицеръ, Мамчицъ, который, въ одинъ изъ четверговъ, сталъ даже слегка стыдить Александра Николаевича, въ присутствіи гостей. Сѣровъ, улыбаясь, ходилъ по комнатѣ, преслѣдуемый Мамчицемъ, разводилъ руками и притворялся равнодушнымъ къ очаровательной Аделинѣ, увѣряя, что онъ не въ силахъ умѣрнить свой восторгъ!

Около этого времени былъ ангажированъ на русскую оперную сцену баритонъ Корсовъ, только что возвратившійся изъ Милана и присутствовавшій тамъ на первомъ представленіи оперы *Mefistofele*, когда авторъ ея и другъ Корсова, Арриго Вайто, былъ единогласно ошиканъ. Корсовъ, какъ новинку, далъ мнѣ прочесть либретто, которое не преминулъ я показать Сѣрову и познакомилъ ихъ. Теперь имена этихъ двухъ артистовъ неразлучны: Олоферна и Петра Ильича мы представляемъ себѣ въ видѣ Корсова. Автору Юдени и Вражьей силы такъ понравились стихи Вайто, что на текстъ хора *Ave Maria* сочинилъ онъ для своей богини, Аделины Патти, большую арію,

<sup>1)</sup> Такъ называлъ Вагнеръ своего друга, котораго Францъ Листъ чествовалъ кличкой *cher tartare!* К. З.

которой она, однако же, не пѣла. Когда Сѣровъ спѣлъ намъ арію, то я не могъ удержаться, чтобы не сказать, во всеуслышаніе: «*Quand on compose pour une Patti, c'est une décadence*»...

«Я и не привязываю къ этой аріи большого значенія. Тутъ собственно не музыка, а предлогъ выказать блестящія стороны ея голоса», и т. д.

Въ маѣ того-же 1870 года Сѣровъ уговорилъ меня ѣхать въ Веймаръ, гдѣ Францъ Листъ, предвидя неизбежную войну между Франціей и Пруссіей, затѣялъ, вмѣсто 17—5 декабря, лѣтомъ еще отпраздновать, съ обще-германскимъ музыкальнымъ ферейнгомъ, столѣтіе рожденія Бетховена, *eine Vorfeier*. Я сталъ уговаривать Сѣрова ѣхать вмѣстѣ; но онъ наотрѣзъ отказался.

«Я получилъ», сказалъ онъ, «приглашеніе отъ ферейна; но это для меня равносильно приглашенію на чашку чаю къ Францу Листу. Вы—иное дѣло, вы съ нимъ не знакомы лично, *vous êtes quelqu'un du public*, тогда какъ я долженъ тамъ вертѣться въ свитѣ Листа! Мнѣ ужъ, признаться, надоѣло это Листо-поклоненіе!»

Тутъ Сѣровъ возвысилъ голосъ, произнесъ съ явнымъ нескрываемымъ гнѣвомъ: «Наконецъ, Листъ тамъ, а я здѣсь!»...

Мы съ братомъ отправились. Слышали великолѣпныя вещи, великолѣпно исполненныя; но такъ какъ все это извѣстно изъ тогдашнихъ газетныхъ отчетовъ и Сѣрова не касается, то я не намѣренъ надоѣдать читателю ни тощими воспоминаніями, ни своими восторгами. Но Сѣрову я написалъ обстоятельное донесеніе о Веймарскихъ празднествахъ; онъ остался весьма доволенъ блестящимъ ихъ успѣхомъ и моимъ письмомъ.

Изъ Веймара братъ мой отправился въ Парижъ, а я возвратился Петербургъ и въ теченіи лѣта и осени навѣстилъ нѣсколько разъ Сѣрова. Онъ, видимо, страдалъ и клонился къ концу. Однажды, въ печальномъ расположеніи духа, разговорился онъ о дѣлахъ своихъ и надеждахъ; между прочимъ, сказалъ: «Надо-же мнѣ и о себѣ позаботиться. Вѣдь мнѣ никто ничего не платилъ, когда я, на Лиговкѣ, корпѣлъ надъ Бетховеномъ! Теперь я не одинъ — жена и дѣти! Къ тому-же, у меня болѣзнь вотъ какая: стою, говорю—хлопъ на полъ, и конецъ!»...

Братъ мой, объѣхавъ Францію, Швейцарію и Италію, въ началѣ декабря, возвращаясь на Вѣну, подоспѣлъ къ Бетховенскому юбилею и встрѣтилъ тамъ Сѣрова, который, увидя его, воскликнулъ: «вотъ-то встрѣча! удивительно: стоитъ мнѣ только высунуться въ Вѣну — кто-нибудь изъ Званцовыхъ ужъ тутъ!» Былъ столь любезенъ, добывалъ для брата моего билеты въ оперу, близъ которой жилъ, и въ концерты, если трудно было попастьъ туда.

Подъ руководствомъ Сѣрова отпразднованъ былъ въ Петербургѣ юбилей Бетховена, въ залѣ Дворянскаго собранія, утромъ 27 декабря. Блистательный концертъ открылся увертюрой opus 124; затѣмъ, въ первый разъ въ Петербургѣ, исполнена была вторая месса, по выраженію Сѣрова,—одно изъ величайшихъ чудесъ искусства.

Поѣздка въ Вѣну и этотъ памятный концертъ были послѣдними подвигами Александра Николаевича. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ издали, въ залѣ Дворянскаго собранія, когда онъ слушалъ мессу своего любимаго Бетховена.

О внезапной смерти Сѣрова узналъ я изъ объявленія въ газетѣ «Голосъ», на другой день, именно 21 января, въ четвергъ. Вечеромъ я былъ на панихидѣ. Тутъ были двѣ, три дамы, изъ театральныхъ, режиссёръ русской оперы, Г. П. Кондратьевъ, кирасиръ Мамчичъ и еще нѣсколько знакомыхъ.

Отъ В. С. Сѣровой узналъ я нѣкоторыя подробности о послѣднихъ минутахъ Александра Николаевича. Находясь въ гостиницѣ (они жили тогда на Васильевскомъ острову, по 15-й линіи, въ домѣ Шмидта), она слышала, какъ въ смежномъ кабинетѣ Сѣровъ разговаривалъ съ посѣтившимъ его М. Е. Славинскимъ, старался увѣрить его въ искренности Мендельсона и прошѣлъ какую-то тему его — вдругъ раздался крикъ! Валентина Семеновна не могла дать себѣ отчета, кто именно закричалъ, мужъ или Славинскій; вбѣгаетъ и видитъ на полу умирающаго, котораго Славинскій поддерживалъ. Послали за докторомъ; тотъ могъ только удостовѣрить кончину Сѣрова отъ разрыва сердца.

Въ пятницу, 22 января, 1 ч., состоялась панихида, прекрасно спѣтая полнымъ составомъ солистовъ русской оперы, вмѣстѣ съ пѣвчими Александро-Невской лавры; въ 3 часа — выносъ тѣла въ эту лавру. Послѣ панихиды зашелъ я перекусить что-либо въ ближайшій ресторанъ и засталъ тамъ пѣвцовъ, Булахова и Петрова. Они пили кофе и разсуждали, разумѣется, о покойникѣ и о превратности нашей жизни. Я подошелъ къ нимъ. Разстрогаанный О. А. Петровъ воскликнулъ: «Вотъ и нашъ Александръ Николаевичъ!... Да помилуйте: кто не завернетъ бывало къ нему, онъ начинаетъ гремятъ и пѣть цѣлые номера изъ своей Вражьей силы! Натурально, все у него тамъ и перервалось!»...

Гробъ все время несли на рукахъ, мимо Маріинскаго театра, потомъ по Екатерининскому каналу и по Невскому проспекту. День былъ довольно пасмурный, при 14° мороза.

Въ воскресенье, 24 января, происходило торжественное отпѣваніе, устроенное русскимъ музыкальнымъ обществомъ, въ присутствіи много-



численной публики, преимущественно музыкальной. Сѣровъ погребенъ между могилами композитора Даргомыжскаго и стихотворца Щербинны.

Рихардъ Вагнеръ страшно пораженъ былъ этой преждевременной, хотя предвидѣнной имъ смертью. Мысли и чувства свои онъ высказалъ въ письмѣ къ г-ну Висковатову; отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ газетѣ Музыкальный сезонъ за 1 марта 1871 г., № 17, въ статьѣ г-на Фаминцына.

О чистосердечной скорби Вагнера упоминаю здѣсь потому, что не считаю ее вполне оправданной со стороны Сѣрова. Впрочемъ, одинъ изъ его тогдашнихъ адептовъ выразилъ свое неудовольствие: зачѣмъ-моль Вагнеръ соблазнуеть о Сѣровѣ, какъ о другѣ только, а не воздастъ ему должныхъ похвалъ, какъ артисту. Споря съ этимъ адептомъ, я старался увѣрить его, что, въ глазахъ задорнаго Вагнера, слово другъ значить гораздо болѣе, чѣмъ слово артистъ. Въ противоположность для всѣхъ доступному, ласковому дипломату, Листу, Вагнеръ не всякаго маменькина сынка допускалъ къ себѣ, являлся только съ избранными, сочувствовавшими его взглядамъ людьми, хотя бы и не артистами. Мало того, изъ переданныхъ мнѣ Сѣровымъ разговоровъ его съ Вагнеромъ видѣлъ я довольно ясно, что Вагнеръ цѣнилъ въ немъ не столько артиста, сколько образованнаго, остроумнаго собесѣдника, притомъ чловѣка, вполне понимающаго его стремленія, по части драматическаго искусства.

Не смотря на весьма важную услугу, оказанную Сѣровымъ Вагнеру, еще до личнаго ихъ знакомства, какъ видно изъ подареннаго мнѣ Сѣровымъ подлиннаго письма изъ Парижа отъ 11 юля (29 юня стар. ст.) 1860 года, Вагнеръ, при всей благодарности, никогда не льстилъ ему. Когда въ Петербургѣ Сѣровъ показалъ Вагнеру партитуру своей Юдиен, то его другъ, перелиставъ ее, быстро захопнулъ и сказалъ: «ну да! Вы усвоили себѣ технику, вы правильно ведете голоса, вы хорошо оркеструете—что тутъ еще толковать?»—Разсказавъ мнѣ все это, Сѣровъ не далъ никакихъ объясненій, потому, вѣроятно, что подобная похвала, именно въ устахъ Вагнера, не польстила его самолюбію.

Константинъ Званцовъ.

12-го января 1888 года.

Историческій архивъ князя Ѳ. А. Куракина, въ селѣ Надеждинѣ,  
Саратовской губ.

[Изъ газеты „Саратовскій Листокъ“ 1888 г., августъ 10, № 169].

На дняхъ мы имѣли удовольствіе сопутствовать редактору-издателю «Русской Старины», почетному члену археографическаго института и члену археологической комисіи М. И. Семевскому въ его поѣздкѣ въ с. Надеждино (Куракино тожь), къ владѣльцамъ—князю Ѳодору Алексѣевичу и княгинѣ Софіи Владиміровнѣ Куракинымъ. Нечего и говорить, что насъ встрѣтилъ тамъ самый радушный и привѣтливый пріемъ, а любезность хозяевъ, взявшихъ на себя трудъ лично показать намъ всѣ достопримѣчательности своего дворца, значительно облегчила изученіе послѣднихъ.

Громадный домъ с. Надеждина, построенный во второй половинѣ XVIII столѣтія и прекрасно сохраняемый понынѣ, уже самъ по себѣ служитъ чрезвычайно интереснымъ памятникомъ прошлаго вѣка. Вѣрный другъ императора Павла и товарищъ его дѣтства князь Александръ Борисовичъ Куракинъ соорудилъ это зданіе по образцу стараго Гатчинскаго дворца, соорудилъ его въ чашии видѣть подъ сѣнію надеждинскаго дома своего августѣйшаго друга, который, какъ гласитъ преданіе, общалъ навѣстить его. Временно удаленный Екатериною отъ двора великаго князя въ 1780-хъ годахъ, князь Александръ Борисовичъ прожилъ, какъ извѣстно, два-три года въ созданномъ имъ дворцѣ села Надеждина. Домъ былъ обставленъ съ роскошью вельможи XVIII вѣка, и лучшія его украшенія—громадное собраніе живописныхъ портретовъ историческихъ лицъ, богатая бібліотека и значительный архивъ весьма бережно сохраняются и понынѣ. Весь этотъ домъ съ его обстановкою—этотъ палладіумъ князей Куракиныхъ, какъ весьма интересный памятникъ историческаго прошлаго, заслуживаетъ отдѣльнаго описанія; здѣсь мы скажемъ лишь

объ архивѣ, который любезнымъ хозяиномъ былъ предоставленъ въ полное распоряженіе Михаила Ивановича. Нѣсколько дней нашъ саратовскій гость посвятилъ на ознакомленіе съ этимъ громаднымъ матеріаломъ, и мы съ удовольствіемъ приняли участіе въ его трудѣ, по пересмотру этого обширнаго собранія, причемъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Ивановичемъ бѣгло просмотрѣли каждый томъ и портфели, отмѣтивъ и списавъ нѣкоторые особо важные почему-либо документы. Наканунѣ своего отъѣзда М. И. Семевскій обязательно предложилъ уважаемому хозяину прочесть, въ средѣ его домашнихъ, обзоръ просмотрѣннаго имъ княжескаго архива въ связи съ очеркомъ судьбы этой славной фамилии и съ характеристикой наиболѣе выдающихся дѣятелей ея XVIII вѣка и начала текущаго столѣтія. Само собой разумѣется, что князь и княгиня съ величайшимъ удовольствіемъ приняли это предложеніе, и вотъ М. И. Семевскій въ живомъ изложеніи ярко очертилъ участіе представителей рода князей Куракиныхъ въ историческихъ судьбахъ Россіи съ конца XVII по первое десятилѣтіе XIX вѣка. Особенно интересно было то, что свою импровизацию, основанную на близкомъ знакомствѣ съ отечественной исторіей и ея наиболѣе видными дѣятелями, Михаилъ Ивановичъ безпрестанно сопровождалъ ссылками на просмотрѣнныя нами въ теченіе послѣднихъ дней громадна серія писемъ и другихъ документовъ упомянутаго архива. Какъ живой поднялся передъ умственнымъ взоромъ слушателей князь Борисъ Ив. Куракинъ, славный дипломатъ и одинъ изъ наиболѣе видныхъ «птенцовъ» Петра Великаго, царскій своякъ и представитель мощнаго государя и его имперіи при дворахъ европейскихъ въ Гагѣ, Лондонѣ и, наконецъ, въ Парижѣ, гдѣ онъ и скончался, въ 1728 году, передавъ портфель чрезвычайнаго и полномочнаго посла своему сыну и ученику—князю Александру Борисовичу (I-му). Дѣятельность князя Бориса Ивановича, какъ видно было изъ изложенія г. Семевского, является необыкновенно энергичной и въ высокой степени замѣчательной, разумѣется, на дипломатическомъ поприщѣ. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣлствуетъ множество оставшихся послѣ него бумагъ, изъ которыхъ до восьмидесяти томовъ сохраняются въ Надеждинскомъ архивѣ. Какъ эти, такъ и прочія бумаги упомянутаго архива, всего до 760 томовъ in folio и in 4°, тщательно переплетены еще въ началѣ текущаго столѣтія въ зеленый или красный сафьянъ. Бумаги, относящіяся собственно до князя Бориса Ивановича и его дипломатической дѣятельности, г. Семевскій, по существу ихъ содержанія, дѣлитъ на 4 части, а именно:

- 1) «Протоколы посольствъ кн. Б. И. Куракина» — такъ озагла-

лено однимъ изъ его правнуковъ обширное собраніе дипломатическихъ документовъ, то въ подлинникахъ, то въ черновыхъ отпускахъ, частью вклеенныхъ, а частью вписанныхъ самимъ княземъ Борисомъ Ивановичемъ или чиновниками его канцеляріи въ громадной величины книги, причемъ эти документы сопровождаются замѣтками князя Бориса о различныхъ аудіенціяхъ при дворѣ, свиданіяхъ съ министрами или о полученныхъ извѣстіяхъ и т. п.

2) «Корреспонденція ко двору» — собраніе черновыхъ писемъ (отпусковъ), большею частью руки самого князя Бориса Ивановича, въ Петербургъ къ царю, къ канцлеру Гаврилѣ Ивановичу Головкину, кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову и другимъ важнымъ лицамъ петербургскаго двора. Тутъ же вклеены, а иногда вписаны въ книги отвѣты этихъ знатныхъ персонъ, между которыми попадаются и письма князя Александра Меншикова. Кстати замѣтимъ, что довольно обширное собраніе собственноручныхъ писемъ Петра Великаго къ своему сподвижнику князю Борису Куракину предоставлено еще покойнымъ родителемъ выѣшшаго владѣльца села Надеждина высочайше утвержденной комиссіи по изданію писемъ и вообще бумагъ, писанныхъ или только подписанныхъ собственноручно Петромъ Великимъ. Первый томъ этого монументальнаго собранія, какъ сообщилъ г. Семевскій, уже вышелъ въ свѣтъ подъ превосходною редакціею нашего извѣстнаго академика А. О. Бычкова. Въ этомъ изданіи въ соответственныхъ мѣстахъ будутъ помѣщены и его письма къ своему послу князю Борису Ивановичу Куракину. Само собою разумѣется, что собраніе подлинныхъ означенныхъ писемъ, по ихъ напечатанію, будетъ возвращено ихъ собственнику, владѣльцу Надеждинскаго архива. Но обращаемся снова къ этому архиву.

3-й отдѣлъ его составляетъ «министерская переписка». Это обширная корреспонденція князя Бориса Ивановича съ современными ему представителями русскаго двора въ Лондонѣ, Копенгагенѣ и разныхъ нѣмецкихъ государствахъ; здѣсь находятся немаловажныя по значенію своему письма столь извѣстныхъ русскихъ дипломатовъ, каковы были Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, Александръ Головкинъ и др.

4) Въ четвертой группѣ г. Семевскій относитъ «разныя бумаги», между которыми немало документовъ, сохраняющихъ частью историческія, частью бытовыя черты стараго времени. Здѣсь-же попадаютъ, и при томъ въ изрядномъ количествѣ, отдѣльные листы «Петербургскихъ Вѣдомостей» эпохи Петра Великаго, гравюры съ объясненіями различныхъ иллюминацій въ «викторіальные» дни той-же славной

эпохи, указы и манифесты въ тогдашнемъ тисненіи, наконецъ—нумера французскихъ и голландскихъ кураентовъ со статьями, почему-либо заинтересовавшими князя Бориса Ивановича, и тому подобныя библиографическія рѣдкости. Немаловажнымъ историческимъ матеріаломъ представляются двѣ записныя тетради 1705—1706 годовъ съ бѣглыми замѣтками нашего славнаго дипломата, въ родѣ дневника, который набрасывалъ онъ во время своего путешествія за-границу, частью на итальянскомъ языкѣ.

Затѣмъ наибольшій отдѣлъ архива составляютъ бумаги князя Александра Борисовича Куракина 2-го, о которомъ мы упоминали выше. Разнообразіе этихъ документовъ, заботливо подобранныхъ въ подлежаще томы, поразительно: здѣсь брульоны его замѣтокъ и писемъ во время путешествія за границу въ началѣ 1770 годовъ, десятки томовъ изъ году въ годъ переписки его съ братьями, особенно съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ, впоследствии генералъ-прокуроромъ въ царствованіе императора Павла. Въ этихъ, повидимому, частныхъ письмахъ множество замѣтокъ, имѣющихъ историческій характеръ о разныхъ придворныхъ лицахъ и событіяхъ; но особенно важны документы, относящіеся къ дипломатической и частной перепискѣ съ канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ въ бытность князя посломъ въ Вѣнѣ и Парижѣ (1809—1812 годовъ). Далѣе слѣдуютъ бумаги князя Алексѣя Борисовича по финансовымъ вопросамъ и коммерціи, а также дѣла сенатскія въ бытность его членомъ государственнаго совѣта. Наконецъ, представляютъ большой интересъ различные документы, касающіеся ревизіи западной Сибири въ 1827—1828 гг. княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ, дѣдомъ настоящаго владѣльца села Надеждина.

Въ краткомъ очеркѣ нашемъ трудно перечислить всѣ богатства Куракинскаго архива, этого драгоценнаго собранія, до сихъ поръ почти неизвѣстнаго наукѣ. Достаточно будетъ упомянуть, что въ немъ заключается очень полная коллекція частной и государственной переписки большинства выдающихся общественныхъ дѣятелей русскихъ и иностранныхъ съ конца XVII-го вѣка по 1828 г. Между прочимъ, здѣсь мы нашли письма фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, а также его супруги къ одному изъ князей Куракиныхъ. Эта переписка представляетъ прекрасное дополненіе къ письмамъ графини Румянцевой, найденныхъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ и недавно изданныхъ въ отдѣльномъ томѣ.

При археографической опытности М. И. Семева, по одному почерку опредѣляющаго сразу личность автора любого письма, неразборчиво подписаннаго, мертвый архивъ какъ бы вновь заговорилъ

съ нами понятнымъ всѣмъ языкомъ; масса историческихъ лицъ промелькнула въ нашихъ воспоминаніяхъ, и, наконецъ, свой интересный рефератъ нашъ почтенный историкъ закончилъ совѣтомъ: не разрознивать описанную нами коллекцію историческихъ рукописей печатаніемъ ихъ въ повременныхъ изданіяхъ, что притомъ и протянулось бы слишкомъ долго, а издать ее въ серіи отдѣльныхъ книгъ, подобно архиву князя Воронцова. Князь и княгиня Куракины совершенно согласились съ этимъ заключеніемъ своего гостя и выразили полную готовность, при ближайшемъ содѣйствіи нижеподписавшагося и подъ главною редакціею редактора-издателя «Русской Старины», приступить, въ концѣ нынѣшняго же года, къ изданію «Архива кн. Ѳ. А. Куракина». Отъ всей души привѣтствуемъ это благое намѣреніе, съ осуществленіемъ котораго, всеконечно, явится новый и немаловажный по своему значенію вкладъ въ собраніе матеріаловъ отечественной исторіи XVIII и начала XIX вѣковъ. Подобнымъ изданіемъ наши уважаемые сочлены саратовской ученой архивной комисіи — князь и княгиня Куракины окажутъ весьма существенную услугу не только наукѣ, но и упомянутому учрежденію.

Членъ саратовской ученой архивной комисіи и преподаватель гимназій Вл. Н. Смольяниновъ.

(Изъ „Саратовскаго Листка“ 1888 г. № 169).

## Къ Путевымъ очеркамъ по Россіи.

### З а м ѣ т к а.

Продолженіе нашихъ Путевыхъ очерковъ, замѣтокъ и набросковъ о поѣздѣ по Россіи, въ 1888-мъ году, войдетъ въ послѣдующія книги „Русской Старины“. Въ нихъ мы предполагаемъ подѣлиться съ нашими читателями впечатлѣніями и замѣтками о пребываніи нашемъ—въ Москвѣ, —Троице-Сергіевой лаврѣ, — Ростовѣ Великомъ, — Ярославлѣ, — Костромѣ, — Юрьевцѣ, —Макарьевѣ на Унжѣ, —Кинешмѣ, —Нижемъ-Новгородѣ, —Казани, —Перми, —Екатеринбургѣ, —Верхне-Исетскомъ заводѣ, —Симбирскѣ, —Самарѣ, —Саратовѣ, —Царицынѣ, —Сарептѣ, —Ростовѣ-на-Дону и проч., а, между тѣмъ, теперь же спѣшимъ выразить чувства глубокой нашей признательности всѣмъ тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые почтили насъ истинно добрымъ и самымъ радушнымъ приемомъ и оказали полнѣйшее содѣйствіе къ ознакомленію съ мѣстными достопримѣчательностями и множествомъ общественныхъ учрежденій.

Въ теченіе четырехъ-мѣсячной нашей поѣздки по Россіи (май—августъ 1888 г.) мы видѣли повсюду самое доброе къ себѣ вниманіе, что ничѣмъ инымъ не можемъ себѣ объяснить, какъ, во-первыхъ, присущими русскимъ людямъ радушіемъ и привѣтливостію, такъ и уваженіемъ, которое вызываетъ у насъ дѣятельность въ области отечественной печати вообще и отечественной исторіи въ особенности.

Ред.

## Изъ архива села Надеждино-Куракино.

### I.

Императоръ Петръ I—князю Есрису Ив. Куракину

1724 г.

Господинъ подполковникъ. Опредѣлили мы здѣсь академию наукъ и художествъ учинить. А во оную академию людей потребныхъ сыскивать и нанимать определено лейбъ медику нашему Лаврентью Блюментросту. И когда онъ к вамъ будетъ писать о приемѣ которыхъ людей въ службу и на какихъ кондиціяхъ, тогда вы по ево писмамъ все исправляйте. И в чемъ надлежитъ вспоможеніе чините. і ихъ присылайте немедленно. Петръ.

Въ Санктъ-Питербургѣ, въ 17 день сентября 1724 года.

Адресъ: «Господину подполковнику отъ гвардіи князю Куракину».

Примѣчаніе. Писано на перегнутомъ въ четвертку полулистѣ. Письмо шито въ книгу большого листа: „Книга протокола вторая, которая начата писать октября 13-го 1731 в бытность въ Гаге при ихъ высочочествахъ Господахъ Статахъ Генеральныхъ чрезвычайнымъ посломъ і полномочнымъ министромъ князя Бориса Ивановича Куракина“. Слова, набранныя разрядкой, писаны Петромъ Великимъ собственноручно.

На корешкѣ выбивка: „Протоколы посольствъ князя Бориса Иванова Куракина 1713—1715, томъ III“.

### II.

Князь Степанъ Борис. Куракинъ — брату кн. Александру Борисовичу.

Декабря 5. 1773 года.

«Любезной другъ и братецъ, князь Александръ Борисовичъ! Не прогнѣвайся пожалуй, что я къ тебѣ до сихъ поръ не отвѣчалъ, и теперъ еще не буду отвѣтствовать на ваше ко мнѣ дружеское письмо, развѣ коли я буду имѣть время, то съ будущей почтой, конечно, вы отъ меня отвѣтъ обстоятельный получите. Оное, любезный другъ,



ни отъ чего иного не произошло, какъ только отъ того, что я приведенъ виѣ себя отъ удивленія, что моего генерала такъ скоро и печально нарядили ко оной жестокой комиссіи, которую, признаться вамъ, любезный другъ, я бы не желалъ бы исполнить, но чтожъ дѣлать, когда служба и долгъ мой онаго требуютъ! Итакъ, я не надѣюсь васъ видѣть прежде, какъ... уже побѣдителемъ онаго злодѣя. Я теперь, любезной другъ, нахожусь въ великихъ хлопотахъ и наготовленіяхъ моему ко оной премерзкой зимней кампаніи, и ожидаю сюда ежедневно своего генерала для начатія оной кампаніи. Разсуди, любезной другъ, что я долженъ буду, исполняя свою должность, нерѣдко препроводить въ голодѣ и холодѣ; но чтожъ дѣлать, когда я себѣ оную легонькую службу выбралъ, быть тому уже такъ. Я только о томъ теперь прошу и ежедневно, что (бы) Богъ далъ бы намъ и еще съ вами, любезной другъ, видѣться въ добромъ здоровьи. Я желалъ бы лутче сдѣлать двѣ кампаніи противъ невѣрныхъ турковъ, чѣмъ нежели протнву онаго злодѣя, для того, что нежели бы несчастіе мое было бы, чтобъ я попался бы въ неволю къ туркамъ, тамъ еще ласкался бы пользоваться своею жизнью; но, напротивъ того, когда я попадусь къ оному злодѣю, то я уже знаю, чтобъ мнѣ не миновать висѣлицы! Прости, любезной другъ и братецъ князь Александръ Борисовичъ. Остаюсь на всегда вашъ вѣрный другъ и братъ князь Степанъ (Куракинъ).

Примѣчаніе. Письмо весьма малограмотное, извлечено изъ сборника „Lettres de mon frère Etienne 1773—1779 гг.“.—Тутъ же вилетены и письма кн. Ивана Куракина (1786) и всѣ письма къ кн. А. Б. Куракину. Въ генварѣ 1774 Степанъ былъ въ Казани; въ мартѣ 1774 гг. Степанъ писалъ уже изъ Бугульмы о побѣдахъ надъ Пугачевымъ, въ которыхъ, однако, ему не довелось участвовать.

### III.

Тимошей Тутолминъ—кн. Александру Бор. Куракину.

19-го февраля 1797 г.

Милостивой государь князь Александръ Борисовичъ! Богъ видитъ, сколь прискорбно и совѣстно мнѣ утрудять ваше сіятельство моими докуками, но положеніе мое подвигнетъ васъ, м-вой государы! къ состраданію и къ принятію безъ досады всепокорнѣйшей моей просьбы вручить здѣсь включенную подъ открытою печатью князю Алексѣю Борисовичу <sup>1)</sup>, и оказать мнѣ милость предстательствомъ вашимъ.

<sup>1)</sup> Записки этой не нѣтется при письмѣ.

Его сіятельство обѣщать уже изволилъ доложить его императорскому величеству по сему дѣлу на второй недѣлѣ поста, а я не осмѣливаясь поступить на что либо, паки его величеству неугодное, оставляю жребій мой милостивому при семъ случаѣ объясненію князя Алексѣя Борисовича о моей невинности. Ежели клеветники не пощадилъ меня при злословіи, то какъ усумниться, чтобы имѣющіе причину жаловаться на меня остались въ молчаніи. Нещастное положеніе мое имъ столь же извѣстно, какъ и моя невинность. Не погрѣша противу совѣсти, не могутъ они другого сказать о поведеніи моемъ по управленію новыми областями, какъ что при снисходительномъ и ласковомъ обращеніи убивалъ я себя безпрерывными трудами, доставляя имъ правосудіе, коего подъ польскимъ правленіемъ съ трудомъ и рѣдко они достигали. Касательно секвестра имѣній, то иманьяе указы и долгъ присяги моей въ томъ меня оправляютъ, и паче по уваженію тогдашнихъ обстоятельствъ и повсямѣстнаго волнованія; въ безкорыстїи же моемъ я на нихъ собственно ссылаюсь. Не погрѣшилъ я и помышленіемъ моимъ противу правосудія государя: оно требовало, дабы слухи о хищеніяхъ и обидахъ были обнажены; къ тому же самому источнику правосудія и я теперь въ невинности моей беру прибѣжище. Поборствуя по правдѣ, не отрекитесь, мил. государь! быть моимъ предстателемъ. Умышленіе злобственныхъ теперь паче еще стало примѣтно по тѣмъ вчинаніямъ, на каковыя они поступаютъ и на кои поползнуться при мнѣ они бы не посмѣли.

При общемъ блюденіи строгой истины, я ли одинокъ претерплю отъ клеветы, и при неиметныхъ благотвореніяхъ великодушнѣйшаго и милосердаго государя, могу ли въ болѣзненномъ моемъ страданіи поверженъ быть въ нищету потерей достоянія за сорокалѣтнюю съ офицерскаго чина безпорочную и ревностную всегда службу. Представьте, буде возможно, всемилостивѣйшему государю состояніе мое, въ которомъ нынѣ я нахожусь, не имѣя ни полунки доходу и не получая жалованья, и благодарствуя мнѣ, отдайтесь, милостивый государь, чувствованіямъ сострадательнаго и добродѣтельнѣйшаго сердца вашего. Благотвореніе сіе будетъ заслугою предъ Богомъ, и вѣчною мнѣ обязанностію пребыти во все теченіе жизни съ велицеугодною къ дому вашему преданностію и совершеннѣйшимъ высокопочитаемъ вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Тимошей Тутолминъ.

P. S. (на особомъ листкѣ). Въ настоящемъ нещастіи моемъ все наводитъ мнѣ сумнѣніе и страхъ. Г-нъ Козадавлевъ, оберъ-прокуроръ 3-го департамента, есть свойственникъ губернатора Шереметьева. Боюсь, чтобы оправдая его, чего въ прочемъ желаю я отъ искрен-

ности сердца, не включилъ онъ въ сенатскомъ докладѣ чего мнѣ затмѣвающего мою невинность. А потому и беру смѣлость всепокорнѣйше просить васъ, милостивой государь, убѣдить его сїятельство князя Алексѣя Борисовича, дабы по правосудію и во изъявленіе мнѣ благодаренія принялъ на себя сіе предостеречь.

#### IV.

Мих. Измайловъ—им. Александру Бор. Куракину.

Февраль 1797 г.

Милостивой государь князь Александръ Борисовичъ! Въ началѣ имѣю честь поздравить ваше сїятельство съ милостію Государскою, а потомъ осмѣлюся утрудить васъ и мою просьбою. Вашему сїятельству думаю уже извѣстно, что я, по письму графа Самойлова, получилъ монаршее повелѣніе во время его императорскаго величества въ Москвѣ пребывая не вѣзжать въ сей городъ, почему завтрешній день и ѣду въ деревню. Сей ударъ для меня, м-вой государь, столь несносенъ, что я въ старости и дряхлости моей едва-ли оной и перенесу, а наипаче потому, что я и не умѣю и вообразить себѣ чѣмъ я заслужилъ гнѣвъ монаршей. Я всегда держался честныхъ правилъ и не мало не сроденъ къ интригамъ и злодѣйству, служилъ вѣрою всѣмъ моимъ государямъ; буде -же, паче чаянія моего, причтается мнѣ въ вину происшедшее уже 34 года, и о томъ я свидѣтельствуюся самимъ Господомъ Богомъ, что душа моя невинна. Слитіе тогдашнихъ обстоятельствъ для меня болѣе всѣхъ несчастныхъ меня погрузило. Могъ ли я, несчастной, отговариваться и противиться волѣ моихъ монарховъ, когда имъ было угодно употребить меня межъ собою въ пересылку. Я исполнилъ въ точности волю моихъ государей, виновенъ ли я?

Помилуй, милостивой государь, помоги нещастному и, ежели можно вамъ, изъясни мою невинность и рабское мое усердіе и вѣрность милосердному нашему монарху.

Въ заключеніи пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сїятельства м-ваго государя всепокорный и послушный слуга Михаилъ Измайловъ.

Примѣчаніе. Изъ книги въ листъ, кр. саф. переплетъ: „Письма отъ разныхъ особъ, февраль 1797 г.“.

Сообщ. кн. Э. А. и С. В. Куракины.

## Петръ Петровичъ Каратыгинъ

† 30-го іюля 1888 г.

Изъ сообщеній въ газетахъ читатели наши знаютъ уже о кончинѣ одного изъ симпатичнѣйшихъ членовъ обширной семьи русскихъ писателей и журнальныхъ сотрудниковъ—Петра Петровича Каратыгина <sup>1)</sup>. Для насъ эта потеря особенно грустна: въ теченіе пятнадцати лѣтъ мы близко знали покойнаго и сердечно любили добраго, милаго Петра Петровича...

Въ 1873 году извѣстный артистъ и общій любимецъ петербургскаго общества (нынѣ покойный) Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, нашъ давній другъ и сотрудникъ «Русской Старины», обратился къ намъ съ просьбою дать занятія его сыну Петру Петровичу, котораго намъ и представилъ. Мы нашли въ немъ образованнаго и весьма пріятнаго собесѣдника, уже кое-что печатавшаго въ журналахъ и газетахъ и хотя не занимавшагося еще отечественною исторіею, но ея интересовавшагося. Обширные библиотека и архивъ «Русской Старины» дали возможность Петру Петровичу быстро ознакомиться съ новѣйшею отечественною исторіею, и вотъ, по нашимъ указаніямъ и при нашемъ личномъ участіи, покойный составилъ, по матеріаламъ «Русской Старины», нѣсколько историческихъ очерковъ и историко-литературныхъ или біографическихъ очерковъ, статей и замѣтокъ, которые и были помѣщены въ нашемъ изданіи съ 1873 по 1879 годъ включительно.

---

<sup>1)</sup> «Свѣтъ» 1888 г. № 169, «Новости» и друг.

Какъ сотрудникъ, Петръ Петровичъ отличался замѣчательною усидчивостію въ трудѣ, живостію изложенія и всегда дружескою готовностію подчиниться поправкамъ и вообще совмѣстному труду редакціи.

Съ 1880 года, при появленіи новыхъ органовъ періодической печати и въ особенности при разившемся въ нашей журналистикѣ отдѣла историческихъ и полуисторическихъ романовъ, повѣстей, сказаній и хроникъ, Петръ Петровичъ, уже близко знакомый съ отечественной исторіей, нерѣдко по рукописнымъ матеріаламъ, отдался въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ этой области труда,—труда полезнаго, ибо историко-романическія хроники и сказанія хотя и заключаютъ въ себѣ много фантазій, но они готовятъ общество къ болѣе серьезному, вполне уже историческому, чтенію мемуаровъ, монографій, матеріаловъ... Въ самый разгаръ этой дѣятельности Петра Петровича, не достигшаго еще и 30 лѣтъ, не стало..

Рановременности кончины этого честнаго, добраго пахаря на нивѣ русскаго писателя — много способствовали многолѣтняя болѣзнь его первой жены, скончавшейся на его рукахъ и имъ нѣжно любимой. Уходъ за больной и ея смерть—его сильно поразили, а затѣмъ утрата, вслѣдствіе хищнической продѣлки одного его покойнаго родственника, значительнаго состоянія, нажитаго его родителемъ, П. А. Каратыгинымъ, которое должно было перейти съ его смертію къ нынѣ покойному Петру Петровичу.. Не задолго до его кончины—мирное счастье семейной жизни озарило П. П.: онъ женился вторично и Богъ далъ ему сына...

М. С.

На Дону.

Пароходъ „Императоръ Александръ III“.

14-го августа 1888 г.

## Аделаида Федоровна Ядринцева

† 17-го июля 1888 г.

17-го июля 1888-го года въ Рязанской губерніи, въ имѣніи своихъ родственниковъ, скончалась Аделаида Федоровна Ядринцева, жена известнаго писателя и редактора «Восточнаго Обзорнія» Н. М. Ядринцева. Близко зная покойную, мы можемъ сказать, что это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ благородныхъ, самыхъ гуманныхъ женщинъ, золотое, великое сердце которой билось только для блага ближняго. Интересы общественные и литературные всегда были для нея выше личныхъ интересовъ; она готова была на всякую жертву ради того, что она считала важнымъ и необходимымъ, ради преуспѣянiя печати, для которой такъ много поработала горячо любимый ею мужъ, ради интересовъ сибирской молодежи, на пользу которой она трудилась до послѣдней болѣзни, унесшей ее въ могилу.

Въ теченiи всего того времени, когда «Восточное Обзорнiе» издавалось въ Петербургѣ, она вносила въ него очень много своего труда и даже, во время отсутствiя мужа, замѣняла его какъ редактора, то одна, то вмѣстѣ съ К. П. Михайловымъ. Другимъ дорогимъ для нея дѣтищемъ было общество вспомошествованiя учащимся сибирякамъ, для котораго она жертвовала едва ли не большую часть своего времени. Случалось, что лѣтомъ, во время отсутствiя другихъ членовъ комитета, она выносила всѣ текущiя работы по комитету на своихъ плечахъ, а зимою до крайняго утомленiя, до потери здоровья хлопотала объ устройствѣ благотворительныхъ вечеровъ въ пользу того же общества. Мы видѣли ее на послѣднемъ изъ этихъ вечеровъ въ нынѣшнемъ году уже совершенно больною, жагующеюся на страшную боль въ боку и въ груди, и тѣмъ не менѣе ей казалось невозможнымъ не участвовать во всѣхъ хлопотахъ ради помощи дорогой для нея молодежи.

И не одво матеріальное положеніе учащихся сибиряковъ улучшалось благодаря хлопотамъ А. О. Ядринцевой: въ ея домѣ эта молодежь находила всегда радушный приемъ, встрѣчала кругомъ честныхъ людей, сочувствующихъ всему заслуживающему сочувствія, скорбѣвшихъ о разныхъ невзгодахъ, которыя обильно сыпались на долю родной литературы, образованнаго общества и учащейся молодежи. Четвергъ А. О. Ядринцевой напоминали лучшее время первой половины 1860-хъ годовъ, когда петербургскіе интеллигентные кружки еще не попрятались по своимъ угламъ съ наступленіемъ тяжелыхъ временъ.

Много поработала, много сдѣлала А. О. Ядринцева для сибирской учащейся колоніи въ Петербургѣ, и молодежь имѣла не мало случаевъ выказать ей свою горячую преданность; такой случай, уже въ послѣдній разъ, представился во время ея болѣзни. Въ концѣ 1887 г., по обстоятельствамъ сибирской печати, Н. М. Ядринцевъ нашелъ необходимымъ перенести изданіе «Восточнаго Обзорнія» изъ Петербурга въ Иркутскъ. Аделаида Федоровна, которую воспитаніе дѣтей приковывало еще на нѣкоторое время къ Петербургу, рѣшилась на тяжелую разлуку въ интересахъ дорогаго для нея дѣла. Но эта разлука вмѣстѣ съ непосильными хлопотами по общественнымъ дѣламъ не могли не ослабить ея организма, уже носившаго въ себѣ начало серьезнаго недуга. Если Аделаида Федоровна пережила эту весну, то этимъ она обязана самоотверженному уходу за нею женщины-врача Е. К. Витте, а также сибирской молодежи, которая по очереди дежурила у ея кровати. Аделаида Федоровна была поставлена на ноги, но ея страшная слабость и нехорошій румянецъ заставляли думать, что ея здоровье навсегда подорвано; однако, никто не могъ себѣ представить, чтобы эта молодая, еще недавно полная силъ и здоровья женщина могла бы скоро умереть. И, однако, это случилось. Она умерла, оставивъ сиротами юныхъ сибиряковъ въ Петербургѣ, для которыхъ она была истинною матерью. Воспоминаніе о ней никогда не изгладится изъ памяти какъ этой молодежи, такъ и всѣхъ имѣвшихъ счастье знать эту идеально честную, благородную и самоотверженную женщину.

В. Семеловскій.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1888 г.

девятнадцатый годъ изданія.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

## Записки и Воспоминанія.

- |   | стр.                   |
|---|------------------------|
| I. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морскаго министра. Гл. XI—XIII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ                  | 1—21; 225—248; 463—481 |
| II. Иакинѣъ Бичуринъ въ далекихъ воспоминаніяхъ его внука. Сообщ. Н. С. Моллеръ   | 271—300; 525—560       |
| III. Записки Д. И. Ростиславова, профессора спб. духовной академіи, † 18-го февраля 1877 года. Гл. XXIII—XXIV                             | 63—88                  |
| IV. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, род. 1804 г., † 1877 г. | 305—341; 483—524       |
| V. Записки Н. Н. Мурзакевича, 1806—1883. Подъ ред. и съ примѣч. кн. В. Д. Дабига  | 583—610                |
| VI. Самаркандъ въ 1868 г. Изъ воспоминаній художника В. В. Верещагина   | 617—646                |



Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	СТР.
I. Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга? Сообщ. архимандритъ Леонидъ .	215—224
II. Апраксинъ городокъ. Сообщ. А. Савельевъ.	178
III. Историческій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина въ селѣ Надеждинѣ. Сообщ. Вл. Н. Смольяниновъ.	683—687
IV. Изъ архива села Надеждино-Куракино: рескриптъ Петра I-го князю Борису Ивановичу Куракину 1724 г.: письма: Степана Борисовича Куракина 1773 г., Ти- мофея Тутолмина и Михаила Измаилова — кн. Але- ксандру Борисовичу Куракину 1797 г. Сообщ. кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины . . . . .	689—692
V. Екатерина II о дамскихъ уборахъ. Сообщ. М. А. Веневитиновъ.	177
VI. Камердинеръ генераль-фельдмаршала князя А. В. Суворова. Сообщ. Г. И. Студенкинъ	412
VII. Изъ воспоминаній полковника Мевіуса о горномъ кор- пусѣ 1812 г. Сообщ. П. Деви . . . . .	22—24
VIII. Императоръ Николай Павловичъ и рѣшенія имъ раз- ныхъ дѣлъ въ 1827—1833 гг. . . . .	413—420
IX. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографич. очеркъ. 1784—1848. Сост. П. О. Бобровскій	89—116
X. Архимандритъ Іакинѣъ Бичуринъ. Переписка о немъ кн. А. Н. Голыцина и гр. К. В. Нессельроде, 1823 и 1833 гг. . . . .	301—302
XI. Маторъ Пяткинъ. Сообщ. Г. И. Студенкинъ	342
XII. Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 гг. Изслѣдов. А. Н. Петрова . . . . .	561—582
XIII. Вой подѣ Зивинномъ въ азіатской Турціи 13 іюня 1877 г. Сообщ. А. М. Войновъ . . . . .	149—177, 385—411
XIV. Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій какъ устроитель Болгаріи. Сообщ. Д. Г. Анучинъ	179—214
XV. Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Матеріалы къ его біо- графіи. Сообщ. Г. А. Джаншиевъ	611—616
XVI. Алексѣй Михайловичъ Петровъ. Замѣтка къ статьѣ: Петръ Кононовичъ Меньковъ («Русск. Старина» изд. 1888 г., мартъ). . . . .	481
XVII. Баронесса Э. Ѳ. Раденъ. Сообщ. П. Шванебахъ	524

СТР.

- XVIII. Путевые очерки, замѣтки и наброски М. И. Семевскаго.  
 Поѣздка по Россіи въ 1888 г. Тверь 421—448
- XIX. Къ Путевымъ очеркамъ по Россіи. Замѣтка . 688
- XX. Собраніе по вопросу объ учрежденіи въ Перми губернской ученой архивной комиссіи съ историческими при ней архивомъ и музеемъ. Сообщ. П. А. Вологдинъ 449—462
- XXI. Петръ Петровичъ Каратыгинъ, † 30-го юля 1888 г.  
 Некрологъ. Ред. 693
- XXII. Аделаида Федоровна Ядринцева, † 17-го юля 1888 г.  
 Некрологъ. Сообщ. В. И. Семевскій 695

---

### Исторія русской литературы.

- I. Василій Трофимовичъ Нарѣжнѣй, род. въ 1780 г.,  
 † въ юнѣ 1825 г. Историко-біографич. изслѣдованіе.  
 Очеркъ второй. Сост. Н. А. Бѣлозерская 117—148; 249—270
- II. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма къ Гоголю  
 Смирновой, 1844—1851 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ 49—62
- III. Марія Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской. Сообщ. Н. А. Трахимовскій. . 25—46
- IV. Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому. Сообщ.  
 В. И. Шенрокъ 47—48

---

### Исторія художествъ.

- I. Александръ Николаевичъ Сѣровъ въ 1857—1871 гг.  
 Воспоминанія о немъ и его письма. Сообщ. К. И.  
 Званцовъ 343—384; 647—682

---

### Портреты и рисунки.

- I. Изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра.  
 Рисоваль профессоръ Ѳ. Г. Солнцева, гравироваль  
 художникъ И. И. Матюшинъ.

См. стр. 1).

II. Портретъ Василя Трофимовича Нарѣжнаго. Гравироваль художникъ Г. И. Грачевъ.

(См. стр. 225).

III. Портретъ Сергѣя Ивановича Заруднаго. Гравир. художникъ И. И. Матюшинъ.

(См. стр. 463)

### Библиографическій листокъ историческихъ книгъ.

1. Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Von Georg Fried. Knapp. Leipz. 1887. (На обертѣ VII-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.).
2. Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ. А. Уманьскаго. Сиб., 1888 г., 167 стр. (Тамъ же).
3. Записки отдѣленія Русской и Славянской Археологич. Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. IV. Сиб. 1887 г. Стр. 556. (Тамъ-же).
4. Vassili Vereschagin. — Souvenirs. — Enfance. — Voyages. — Guerres. — Illustrés par l'auteur. — Deuxième édition. — Paris. 1888 г., въ 8. д., стр. 437. (Тамъ-же).
5. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 63. Протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта, 1726—1730. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Т. III. Январь—іюнь 1727 г. Сиб. 1888. XXXVIII+875 стр. (На обертѣ VIII-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.).
6. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 64. Сиб. 1888 г. (Тамъ-же).
7. Сибирскіе рассказы изъ жизни приискагого люда. Сиб. 1888 г., 322 стр. (Тамъ-же).
8. А. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Выпускъ первый. Кіевъ, 1888 г., 288 стр. (На обертѣ IX кн. „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г.).
9. Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Исслѣдованіе Е. В. Барсова. М., 1887 г., въ 6. 8 д., томъ I и II. Т. I, стр. XIX+462+16; т. II, стр. 298+17. (Тамъ-же).

Примѣчаніе. Библиографическіе отзывы №№ 1, 2, 5, 6, 7 и 8 принадлежатъ В. И. Семеvскому, № 3—В. С. Иконникову, №№ 4 и 9—Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНІЯ ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА.**

(Спб. Екатерининскій каналъ, соб. домъ № 78).

**I. Строительная памятная книжка.** Составилъ В. Карловичъ. Изящное изданіе въ переплетѣ. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

---

**II. Малорусскій театръ М. П. Старицкаго.** В. А. Кендзерскаго. Спб. Цѣна 50 к.

---

**III. Вѣнчаніе Русскихъ Самодержцевъ.** Церковный обрядъ коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій вышшняго столѣтія. Н. Л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

---

**IV. И. А. Чанцевъ. Скобелевъ какъ полководецъ.** 1880—1881. Историческій очеркъ. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

---

**V. Очеркъ Николаевскаго уѣзда (Самарской губерніи),** въ статистическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Состав. Иванъ Лишинъ. Цѣна 1 р.

---

**VI. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра—Освободителя.** Составилъ А. П. Сафоновъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

### VII. Сочиненія Николая Ивановича Павлицева:

Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Исслѣдованіе. Въ 3 частяхъ. Цѣна за 3 тома 6 р. съ пересылкою. Томы. I, II, III.

Седмицы польскаго мятежа 1861—1864. Историческая монографія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылкою. Томы. IV и V.

---

VIII. П. А. Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго Конгресса. Историческій очеркъ. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

---

IX. С. Каратаевъ. Библиографія финансовъ, промышленности и торговли со времени Петра Великаго по настоящее время. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

---

X. Русскіе въ Берлинѣ. П. Я. Бугайскаго. Цѣна 20 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ на историческій журналъ „Русская Старина“ дѣлается на каждое изъ десяти поименованныхъ изданій типографіи В. С. Балашева скидка 50% (пятьдесятъ процент.).

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Русская Старина“ — С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. 7, каковая контора поименованныхъ требованія имѣеть обращаться въ типографію В. С. Балашева.

---

Е. С. Шумигорскій: «Очерки изъ Русской Исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1887 г., въ 8 д.

Цѣна для подписчиковъ „Русской Старины“ *пятьдесятъ копѣекъ съ пересылкой.*

не имѣемъ права на томъ основаніи, что авторъ даетъ такъ много, требовать отъ него еще большаго. Мы можемъ только пожелать, чтобы онъ довелъ свой трудъ до конца и тогда, на основаніи почти одного его труда, не трудно будетъ составить систематическіе очерки исторіи внутренней жизни лѣвобережной Малороссіи съ половны XVII до конца XVIII вѣка. Самъ авторъ скромно называетъ свой трудъ «материалами», но это не сырые материалы, а цѣлый рядъ превосходныхъ изслѣдованій, расположенныхъ въ принятомъ авторомъ порядкѣ.

Для тѣхъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые пожелали бы заняться трудомъ, подобнымъ сочиненію г. Лазаревскаго, но другимъ областямъ Россіи, важными источниками послужать для XVI и XVII вѣковъ писцовыя книги, для второй половины XVIII вѣка данныя генеральнаго межеванія и цѣлый рядъ описаній губерній, составленныхъ при Екатеринѣ II, Павлѣ и Александрѣ I, но большая часть этихъ источниковъ еще хранится въ архивахъ. Для сравненія же съ настоящимъ временемъ труды земскихъ статистиковъ, которыми русская наука можетъ гордиться передъ западною Европою и матеріальное содѣйствіе которымъ составляетъ одну изъ весьма важныхъ заслугъ нашего земства.

В. С.

Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ Киевской дружиной Руси. Изслѣдованіе Е. В. Барсова. М., 1887 г., въ 6. 8 д., томы I и II, цѣна за два тома 7 руб. Т. I, стр. XIX+462+16, т. II, стр. 298+17.

Е. В. Барсовъ, секретарь «Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ», принадлежитъ къ числу немногихъ, отличившихъ знатокъ древней отечественной словесности и исторіи. Составленное его заботами и на собственные трудовыя деньги обширное собраніе рукописей, памятниковъ древней письменности, пользуется большою извѣстностью среди ученыхъ. Громадный трудъ Е. В. Барсова, заглавіе котораго нами выписано выше, представляетъ въ высшей степени замѣчательную, вполне самостоятельную ра-

боту по установленію и уясненію текста—наидрагоценнѣйшаго памятника отечественной словесности до монгольскаго періода. Изслѣдованіе Е. В. Барсова достойно вѣщаетъ весьма длинный рядъ попытокъ отечественныхъ и западно-славянскихъ ученыхъ филологовъ и историковъ, поэтовъ и педагоговъ—словесниковъ уяснить въ своихъ изслѣдованіяхъ, переводахъ и переложеніяхъ весь текстъ безсмертнаго «Слова»; главная—и это, действительно, громадная заслуга многолѣтняго труда Е. В. Барсова, это та, что онъ вполне возстановляетъ историческое и художественное значеніе этого литературно-историческаго памятника XII вѣка; достиженію сего много помогла нашему ученому его несомнѣнно обширное и давнее знакомство съ древне-русскою письменностью и народнымъ пѣнотворчествомъ. Намъ нѣрѣдко,—и мы счастливы, что можемъ это сказать,—нѣрѣдко приходится отличать, что тотъ или другой трудъ современныхъ намъ подвижниковъ науки составляетъ въ нее вкладъ; настоящее изслѣдованіе Е. В. Барсова несомнѣнно составляетъ вкладъ, на созданіе котораго могли бы быть направлены усилія нѣсколькихъ ученыхъ, а у насъ его совершилъ одинъ—подвижникъ науки—и за то да будетъ ему великая и признательность не только ученыхъ филологовъ, но и каждаго любознательнаго читателя, ибо каждый изъ нихъ найдетъ здѣсь много интереснаго и такого, что каждому образованному русскому знать подобаетъ. «Русская Старина» считаетъ себя счастливою, что, отиѣчая фактъ появленія монументальнаго изслѣдованія Е. В. Барсова, можетъ сказать, что и ею внесено нѣсколько страницъ въ обширную литературу «Слова о полку Игоревѣ», а именно въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1880 года помѣщены нѣсколько отрывковъ изъ «Слова», найденныхъ въ бумагахъ знаменитаго филолога Павекаго. См. объ этихъ превосходныхъ отрывкахъ у Е. В. Барсова, т. I, стр. 112—113<sup>1)</sup>.

Ред.

<sup>1)</sup> Объ ученыхъ трудахъ Е. В. Барсова и его собраніи рукописей см. особую «Записку» Дм. Цвѣтаева, Москва, 1887 г., стр. 40, изд. И. А. Вахрамѣева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлѣхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (44 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (17 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портрет., 9 руб.

*Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ платятъ по 4 р. 50 к. за годъ.*

Издатель-редакторъ Мих. Ив. Семеновскій.

